

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2021. 16(2)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ (г. СЫКТЫВКАР, РОССИЯ)
гл. редактор – д-р ист. наук

А. Т. УРУШАДЗЕ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
РОССИЯ) зам. гл. редактора – канд. ист.
наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. СУМЫ, УКРАИНА)
д-р ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. СОЧИ, РОССИЯ)
канд. ист. наук

Т. А. МАГСУМОВ (г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ) канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

С. Ф. ФОМИНЫХ (г. ТОМСК, РОССИЯ)

Г. ЧЖАН (г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Учредитель – Cherkas Global University, США

Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.06.2021 г.

Заказ № 66.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)

E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и патриотический плакат Первой мировой войны

BYLYE GODY. 2021. 16(2)
HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

I. L. ZHEREBTSOV (SYKTYVKAR, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

A. T. URUSHADZE (ST. PETERSBURG,
RUSSIA) Deputy Editor in Chief – PhD
(History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA) PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERVERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – Cherkas Global University, USA

Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.06.2021

Order № 66.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)

E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com

Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and patriotic poster of the First World War

C O N T E N T S

ARTICLES

Baptism of the Alans and the Establishment of the Alanian Metropolis in the Context of Byzantine Policy in the North Caucasus in the first third of the 10th century S.N. Malakhov, A.S. Malakhova	437
The Main Behavioral Models of the Population of the Belgorod Line in the middle of the 17th century D.A. Lyapin	452
To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century) A.V. Darchiev, S.V. Darchieva	461
Quantative Methods in Research of the Tarski uezd Inventory Revision Book of 1701: Problems and Outcomes M.L. Berezhnova	471
The Heritage of the Zagoskin Clan on Penza Land: Noble Estates E.G. Lapshina, D.V. Eshchin	483
Excess with the Misost Clan in Kabarda in the 1740s and Competing Scenarios for Stabilizing the Political System T.H. Alov, Yu.V. Bunkova, O.A. Zhansitov	496
“Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi” as a Source of the Information of Weapons and Military Symbols for the Population of Central Asia in the middle of the 18 th century L.A. Bobrov, A.M. Pastukhov	506
“Start All Business from the Beginning”: N.S. Mordvinov – Theorist of the Excise System for Tax Collection from Alcohol N.Ye. Goryushkina	527
State Power and Fishing Settlements on the Lands of Nomads in the North-Western Caspian Region (the second half of the XVIII – XIX centuries) S.S. Belousov	535
Diplomatic Activity of Khan Bukey Barakuly in the 80-s of the XVIII – first quarter of the XIX centuries (based on Russian Archival Materials) A. Muktar, R. Zhusupov, U. Akhmetova, S. Ismailov	543
Mythologization of the Reign of Emperor Paul in Russian Political Anecdote and Realities M.L. Galas, P.S. Seleznev	556
“The Tsarevich was Dressed in a Cossack Uniform...” (The Honorary Patronage of the Emperor and the Heir to the Throne over the Don Cossack Guard Units and the Don Cossack Uniform in their Military Wardrobe) A.I. Agafonov, V.P. Trut	572
The Losses of the Caucasian Troops of the Russian Army during the Turkish and Persian Wars in the XIX century: a Historical and Statistical Study T.A. Magsumov, T.E. Zulfargazade, M.B. Kolotkov, E.V. Krasnenkova	587
The Russian Government Activities on Afforestation in the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province in the XIX century N.P. Matsakova, L.V. Okonova, D.V. Amaeva	594
The Era of Alexander I: the First Philosophical Crystallization – Factors of Folding the Community of Russian Intellectuals V.I. Krasikov, D.A. Grigoriev, A.D. Spirin, V.G. Chernyakin	602

Diaspora Communities of the Don Cossack Region in the 19th century: the Experience of Systemic Characteristics A.V. Bedrik, A.Yu. Peretyatko, M.V. Finko, O.I. Shafranova	610
Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography S.A. Pravkin, V.V. Smirnova, R.V. Shagieva, M.A. Khvatova	620
Some Aspects of the Religious Life of the Ukrainian Provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century A.E. Lebid, N.A. Shevchenko	629
Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830: Protocol and Communication Aspects R.O. Raynkhardt	641
Russian Liberalism in the 19 th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, L.F. Malyutina, E.A. Akhtamov	652
The Process of Introducing the Russian Military-Administrative System in Chechnya and Dagestan in the late 1830s – early 1840s Z.R. Usmanova	661
The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2 A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, M.A. Ponomareva, L.G. Zimovets	669
Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners) S.B. Zinkovskii, V.Yu. Malakhova, I.S. Denisov, Yu.N. Makarov	689
The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 A.M. Mamadaliev, D.V. Karpukhin, N.V. Svechnikova, L.A. Koroleva	699
From Siberia to Novgorod Governorate: Revisiting Migration of Polish Exiles in the second half of the 1850s – early 1870s V.N. Shaidurov	717
The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 1 V.V. Barabash, B.A. Bulgarova, N.V. Poplavskaya, L.B. Terechik	726
Merchants of the Steppe Region in the second half of the XIX – early XX centuries: Entrepreneurship and Charity A.Zh. Gabdulina, K.Sh. Aubakirova, R.D. Akhmetova, G.A. Abenova	738
Meaning of Labor Migration in the Developing of the Outlying Territories of the Russian Empire in 1861–1914 (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region) S.V. Vinogradov, I.V. Turitsyn, Yu.G. Eshchenko, E.V. Saveleva	750
Ivan Jakovlevich Korostovetz – Russian, Imperial Diplomat and Researcher – from China to Persia N.K. Ter-Oganov	760
Study of the Molokans' and Subbotniks' Movements in the Russian Historiography of the 19 th – early 20th centuries T.I. Khizhaya, T.V. Chumakova, M.S. Stetkevich	777
State Policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in Relation to Abandoned Children P.A. Merkulov, O.V. Leonova, E.N. Selyutina	786

Failed Draft Laws on the "Muslim Issue" in the Steppe Regions and Turkestan Region (late XIX – early XX centuries) G.A. Alpyspaeva, G. Zhuman, Sh.N. Sayahimova, L.T. Jumaliyeva	799
Dynamics of the Composition of City Assemblies of Western Siberia Following the Election Results in the 1870–1890s A.B. Khramtsov	812
Festivals and Rites of the Chuvash in the Scientific Heritage of N.I. Ashmarin A.K. Salmin	821
Ambulance Trains – the Main Means of Evacuation for the Wounded in the Military Campaigns of the Russian Empire in 1877–1917 I.M. Chizh, M.S. Sergeeva, M.B. Shmatova, A.A. Tokar	829
Ethno-Economics of the Kazakhs of the Steppe Region in the Modernization Plans of the Russian Empire (second half of the XIX – beginning of the XX century) Yu.A. Lysenko	840
Social Transformation of the Siberian Cossackdom within the Formation of the Urban Area of Northern Kazakhstan on the Cusp of the XIX–XX centuries Zh.Ye. Nurbayev, G.Zh. Sultangazy, L.K. Mukatayeva	850
Senatorial Audits of the second half of the 19th century as a Means of Overseeing the Activities of Local Authorities L.N. Shchankina, I.A. Fedorova, O.V. Egorova	861
National Policy of Nicholas II in the Context of the Formation of Imperial National-State Identity V.V. Titov	872
Identification of Votkinsk-Built Tank Barges (1883–1917) N.W. Mitiukov	881
“Yeniseyskiye Eparkhial’nyye Vedomosti” as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries M.A. Kolesnik, N.M. Leshchinskaia, D.S. Pchelkina	889
The Contribution of Researchers of the Russian Empire to the Study of Antiquities in Kazakhstan: the Case of N.I. Veselovsky M.B. Kozha, A.A. Nurzhanov, I. Krupko	898
Male Teachers of Gymnasiums of the West Siberian School District in the second half of the 19 th Century – the beginning of the 20 th Century: Factors of Everyday Life A.V. Blinov, Yu.M. Goncharov	908
Formation of the Proletariat in the Russian Empire: to the Issue of Industrialization at the end of the XIX century S.S. Gorokhova, A.V. Popova, M.G. Abramova, P.V. Nikitin	917
The Features of Russian Language and Literature Teaching in General Education Institutions in the late 19 th and early 20 th century R.Z. Almaev, I.N. Baishev, Sh.R. Zajnetdinov, A.I. Timirgazieva	927
The Prisoners of Tobolsk Prisons at the end of the XIX century: A Socio-Demographic Portrait on Materials of the 1897 Census E.A. Brukhanova, O.I. Chekryzhova	936
Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society Yu.S. Zamaraeva, E.A. Sertakova, A.A. Sitnikova	948

The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20th century (on the Example of Kalmykia) K.N. Maximov	960
The Role of the Council of Ministers in the Implementation of Legal Regulation of the Labor of Foreign Workers in the Far East of the Russian Empire (1907–1914) M.B. Averin, V.N. Babenko, V.V. Romanov	969
Evolutionary Processes in the Development of Islamic Education of the North Caucasus Nations in the beginning of XX century Z.Y. Emytʹ, S.R. Zhane, A.S. Bochkareva	981
The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, A.A. Shpak	990
Neurasthenia and “Spirit of 1914”: A Causal Relationship (on the Materials of the Right-Bank Ukraine) S.I. Degtyarev, I.M. Romanyuk, J. Gut, L.G. Polyakova	1000
The “Temporary Regulation on Military Censorship” as a Historical Source I.A. Ermachkov, E.V. Vidishcheva, E.K. Mineeva, L.L. Balanyuk	1008
Material Support for Civilian Officials in Eastern Siberia during the First World War T.G. Karchaeva, M.D. Severyanov, G.M. Lushchayeva, A.S. Zhulaeva	1016
To the Issue of the Composition and Tactical-Technical Characteristics of Aircraft Carriers of the Black Sea Fleet during the First World War (1914–1917) A.I. Kashirin, V.V. Strenalyuk, A.S. Semenov, P.A. Kashirin	1024
Pastoral Ministry of the Penza Clergy during the First World War O.V. Kolpakova	1033
Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2 O.V. Natolochnaya, R.M. Allalyev, V.A. Svechnikov, S.V. Petrova	1050

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 437-451.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.437
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Baptism of the Alans and the Establishment of the Alanian Metropolis in the Context of Byzantine Policy in the North Caucasus in the first third of the 10th century

Sergey N. Malakhov^{a, *}, Anastasia S. Malakhova^a

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

There is analyzed the epistolary and narrative sources testifying to the adoption of Christianity by Alania as a result of the mission organized by the Patriarch of Constantinople Nicholas I Mystic (901–907, 912–925). The main sources for the study of this important act of foreign policy of the Byzantine Church and state are the letters of the patriarch; additional information is contained in the essay of Constantine Porphyrogenitus “On the administration of the empire”, “On the ceremonies of the Byzantine court”, notations of the Byzantine Church, some eastern sources.

The problem of the adoption of Christianity by the North Caucasian Alans was scientifically posed at the end of the 19th century, but has not yet received a final solution. There are some controversial questions, for example the time of the baptism of the exusiocrotor of Alania and its subjects; the chronological sequence of information about the Alanian mission in the epistolary of Nicholas the Mystic; the role of Avasgia and its rulers in helping Greek missionaries in the North Caucasus; the circumstances of the establishment of the Alan metropolis and its status; foreign policy factors in the intensification of missionary activity in the Caucasus at the beginning of the 10th century.

An analysis of the letters of the patriarch allows us to assert that the enlightenment of the Alans was organized in 912–913 by the monk Euthymius, who led a group of Byzantine missionaries. Archbishop Peter, who replaced Euthymius in 914, baptized the archon of Alania in September-October 914, or in May-August of the same year, but no later than in September-October, 915. Baptism of the Alans in 914 – 915 was accompanied by the construction of the cathedral (North Zelenchuk Church), which was completed by the mid-920s.

The established Alan metropolia did not have episcopal sees and was titular, subordinate directly to the patriarch; the Metropolitan was a confidant of the Byzantine government in contacts with the ruler of Alania. The baptism of Alania fell on a period of deterioration in the foreign policy position of the Byzantine Empire, so the church and the state hoped to find a reliable military ally in the person of the ruler of Alania to protect their interests in the Western Caucasus region and the Balkans.

Keywords: Alania, the Alans, Metropolis of Alania, Avasgia, Byzantine Empire, Patriarchate of Constantinople, baptism, mission, Nikolai Mystic, Archbishop Peter, monk Euthymius, exusiocrotor of Alania, North Caucasus, Khazar Kaganate, epistolography.

1. Введение

История распространения христианства на Северном Кавказе в средние века относится к числу актуальных тем в связи с политическими и культурными изменениями в этом регионе, начавшимися в конце XX века. Историко-конфессиональный аспект играет важную роль в процессах возрождения

* Corresponding author

E-mail addresses: malakhoffserg@mail.ru (S.N. Malakhov), mlhvnastya@mail.ru (A.S. Malakhova)

этнического самосознания, религиозной и культурной идентичности современных народов Северного Кавказа (Коробов, 2019: 3-13). В этой связи возрастает общественное внимание к считавшимся ранее чисто академическим проблемам конфессиональной истории. Аланское население Северного Кавказа начало подвергаться византийской христианизации в VIII–IX вв., однако этот процесс носил характер медленного и низового проникновения религиозной идеологии в аланский социум, вызванного торговыми и военными контактами алан с Византийской империей, Закавказьем и Северо-Восточным Причерноморьем.

С начала X века христианизация Аланского раннегосударственного образования, простиравшегося от верховьев Кубани до Терека, приобретает новый импульс, завершившийся учреждением епархии, включенной в состав Константинопольского патриархата. Единственным источником, освещающим этот процесс, является переписка патриарха Николая Мистика, которая позволяет при сравнительно-сопоставительном изучении с другими текстами уточнить обстоятельность и хронологию византийской миссии. Время крещения алан, внешнеполитический аспект этого события, как и факт организации Аланской митрополии, остаются спорными в историографии. Не ясно, произошло ли крещение алан в первое (901–907 гг.) или второе (912–925 гг.) патриаршество Николая Мистика? 2) Когда и при каких обстоятельствах крестился царь («архонт») Алании? 3) В какие годы X века была учреждена Аланская митрополия?

Цель статьи – реконструировать хронологию событий, связанных с процессом крещения алан, выявить внешнеполитические и церковные факторы, влиявшие на миссионерскую активность Византии на Северном Кавказе, определить время учреждения Аланской митрополии.

2. Материалы и методы

Основным источником по изучению указанных проблем являются письма патриарха Николая Мистика (Nicholas, 1979), сочинения императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Константин Багрянородный, 1989), «О церемониях византийского двора» (Constantine Porphyrogenitus, 1829) и нотии византийской Церкви (Darrouzès, 1981), которые помогают восстановить ранние этапы становления епархиальной организации в Алании. Исторические сочинения грузинских (Вахушти, 1976; Летопись Картли, 1982; Абхазия и абхазы..., 1988) и восточных (Minorskiĭ, 1963; Алемань, 2003) авторов содержат ценный материал для изучения христианизации алан в хронологическом аспекте.

Исторический метод позволяет изучить причины, результаты и следствия аланской миссии в связи с динамикой внутренней и внешней политики Византийской империи на Кавказе и Балканах в первой трети X в.

Сравнительно-исторический метод используется для выявления особенностей процесса христианизации Алании в контексте миссионерской деятельности византийской Церкви и ее результатов.

Герменевтический метод расширяет возможности в толковании отдельных мест в переписке патриарха Николая Мистика с миссионерами, а также в объяснении отдельных лексем с целью реконструкции исторических реалий.

3. Обсуждение

Эпистолография Николая Мистика (Nicholas, 1979) является единственным источником, на основании которого можно восстановить как событийные подробности, так и временные рамки распространения христианства у алан. Вопрос о времени крещения алан был впервые поставлен Ю.А. Кулаковским, который считал, что «просвещение» алан произошло после лета 917 г. (Кулаковский, 2000: 168).

К 901–907 гг. относил крещение алан В. Грюмель (Grumel, 1934: 57-58; Grumel, 1989: N 599, P.135; N 609, P.139; N 715, P.196-197). Он исходил из того, что обращение в новую веру могло произойти не ранее 903 г., поскольку Ибн Русте упоминает правителя Алании как христианина, а его подданных как еще оставшихся в язычестве (Nicholas, 1979: 549). Сочинение Ибн Русте «Книги драгоценностей» было составлено между 903 и 913 гг., и ситуацию в «царстве аланов» (mulk al-Lān) логично отнести к 913 г., а не к начальной дате предполагаемого времени составления труда Ибн Русте. Кроме того, это сообщение вряд ли можно использовать в контексте крещения Алании в целом, поскольку группа аланской знати во главе с архонтом принимает новую веру в Западной Алании (Бубенок, 2012: 190-199), а Ибн Русте сообщает о конфессиональной ситуации, разворачивающейся в трех днях пути от границ «царства Сарир» – «царства дагестанских аварцев» (Алемань, 2003: 342-343). В.А. Кузнецов, опираясь на доводы В. Грюмеля, христианизацию верхушки аланского общества связывает с первым патриаршеством Николая Мистика, 901–907 гг., отмечая, что после 912 г. деятельность проповедников лишь шире охватила представителей господствующего класса и народные массы (Кузнецов, 1977: 11-13; Кузнецов, 1985: 48-49; Кузнецов, 2002: 41).

Послания патриарха В.А. Кузнецов использовал в переводе Н.С. Волкова (Волков, 1861, 252-256). В монографии «Христианство на Северном Кавказе до XV в.» ученый, опираясь на ряд работ (Малахов, 1988; Малахов, 2000), в которых были приведены результаты исследования Р. Дженкинза

и Л. Вестеринка, согласился с датировкой «аланского досье» 914–918 гг., а в качестве вероятной даты крещения царя Алании предложил 916 г. (Кузнецов, 2002: 42). Направление архиепископа Петра в Аланию В.А. Кузнецов отнес, опираясь на хронологию Вахушти Багратиони (Вахушти, 1976: 223), к 920 г., а переписку с проповедниками датировал 920–925 гг.

Принципиальное значение для уточнения хронологии событий аланской миссии имеет время правления царей Абхазии Константина III и его наследника Георгия II, в письмах к которым патриарх впервые упоминает о крещении аланского правителя. Согласно сведениям Вахушти Багратиони, Константин III правил с 906 по 921 годы, а Георгий II – с 921 по 955 годы (Абхазия и абхазы..., 1988: 131-132). Предложенная в свое время З.В. Анчабадзе датировка правления Георгия II – с 929 по 957 годы (Анчабадзе, 1959: 128) – неприемлема, поскольку она не учитывает, что Георгий состоял в переписке с Мистиком, умершим 15 мая 925 г.

Время правления абхазских царей заново пересмотрел К. Туманов, положив в основу хронологии «Диван абхазских царей» (Абхазия и абхазы..., 1988: 22-24). Согласно его расчетам, Константин III находился у власти с 899 по 915/16 годы, а Георгий II – с 915/16 по 959/60 годы (Toumanoff 1956: 80-82). Приняв эти датировки, Л. Вестеринк предложил новую хронологию посланий патриарха: письма в Аланию были отправлены в период с 914 по 918 годы (Nicolas, 1973: XXIX, 529-530, 536-537, 547-549, 558-559, 572-573, 577-578). Они имели следующую последовательность: лето 912 г. – письмо 79; 914/916 гг. – письма 51, 52, 118, 133, 134; около 916/17 г. – письмо 46; август–сентябрь 917 г. – письмо 9, около 916 или 918 г. – письмо 135; 922 г. – письмо 23. Поскольку последовательность писем в архиве патриарха была нарушена, это вызывает дискуссии и новые предложения по их смысловому и событийному упорядочению (Каждан, 1976; Асратян, 2015: 5-10; Белецкий, Виноградов, 2019: 10-27). Попытаемся реконструировать ход деятельности миссии, уточнить время обращения в новую веру эксусиократора («властодержца») Алании, учреждения митрополии, роль патриарха и правителей Авагсии в процессе крещения Алании.

4. Результаты

Самым ранним письмом к миссионерам, находившимся в Алании, является послание 79, написанное летом 912 г. после восстановления Николая на патриаршем престоле (Nicholas, 1973: 558-559). Письмо направлено группе монахов, а не епископу (следовательно, епископат еще не учрежден); монахи жалуются на свое стесненное положение; это были монахи во главе с Евфимием, который возглавлял группу миссионеров, отправленных в Аланию в первое патриаршество Мистика. Вероятность, что это письмо было отослано в Хазарию неким иноком, восстанавливающим христианские обычаи у отошедших от церкви варваров, маловероятно, поскольку тема «жителей тягот» была характерна только для писем, направлявшихся Мистиком в Аланию.

Патриарх пишет: «Возможно, что раньше наших писем, вас, духовных чад моих, достигнет слух о делах церковных, упорядоченных божьим благоволением; и без грамотки сей достигнет вас благая весть о том, что по божьей доброте были пересмотрены наши грехи и церковь избавлена от оскорблений, оскорбляемая до недавних пор насильниками и тиранически захваченная ими, и мы вновь получили благодатью божией то самое место (τὸν ἰδίαν τόξιν), из которого были без пользы вырваны и удалены насильственной рукой» (Nicholas, ep.79.1–8)¹. Эти слова можно рассматривать как указание на самый благоприятный период второго патриаршества Мистика. Перед смертью Льва VI (†11 мая 912 г.) он был возвращен императором из ссылки, занял престол патриарха, однако новый период невзгод начался в июне 913 года, после ухода из жизни императора Александра (†6 июня 913 г.) и дворцового переворота вдовы Льва VI Зои Карвонопсины. Следовательно, первая группа монахов в Аланию могла быть направлена уже весной 912 г., когда открылись горные перевалы между Аланией и Авагсией. Мистик вернулся из заточения незадолго до смерти императора Льва VI, ему была возвращена паства с просьбой «устроить все согласно со священными канонами» (Попов, 1892: 167). Маловероятно, чтобы письмо было адресовано тем миссионерам, которые отправились в Аланию в первое патриаршество, предшествующих писем нет, письмо 79 должно быть одним из первых, отсылаемых после долгого перерыва, вызванного изгнанием, но в нем нет типичных lamentаций о забвении адресата, которые, например, присутствуют в переписке с архиепископом Петром, хотя их общение было более интенсивным.

Вероятно, монахи из Константинополя вышли раньше, чем все коллизии противостояния Николая и его противника патриарха Евфимия окончательно были разрешены. Письмо от монахов было доставлено апокрисиарием, который дополнительно информировал патриарха об условиях их жизни. Николай пишет в ответ: «Мы понимаем, что многие обстоятельства стесняют вашу жизнь и обременяют ее, ибо и сам имею представление о подобном заброшенном месте (τοῦ τόλου τῆν ἐρημίαν) и людях, с которыми вам приходится общаться, чужеродного образа поведения и нрава...» (Nicholas, ep.79.17-20). В греческом ἐρημία – ‘место пустое, незаселенное’, ‘уединенное место’, ‘пустыня’. Именно так, вероятно, воспринималось место, где остановились миссионеры в Алании; возможно, они жили в

¹ Здесь и далее в тексте при ссылках на письма Николая Мистика в скобках указывается номер эпистолы и соответствующие строки в нем.

отдалении от аланских поселений. Наставляя и ободряя монахов, патриарх приравнивает их тяжкий труд к деяниям апостолов, которые «принесли благую весть о мире», и призывает их с усердием изгонять «мрак безбожия» из тех мест, возвышать язычников к «свету спасения» (Nicholas, ep.79.9–17).

Патриарх духовно поддерживает монахов, убеждая, что их повседневные трудности не сравнимы с «грядущей славой», которая в будущем откроется для них. За понесенные труды и невзгоды им вдвойне воздастся от Бога по мере завершения строительства «оплота (τὸν στήριγμα) недавно сплотившихся в вере»; монахи обретут Спасение, явившись перед Богом, возрадуя его известием о тех, кто приобщился к Христу посредством крещения (διὰ τοῦ βαπτισματος . – Nicholas, ep.79.21–33). Монахи провели в Алании около трех лет. Весной 914 г., после утверждения в вере вновь обращенных и укрепления основ церковной организации, вернулись в полном составе или частично в Византию.

Преемник монаха Евфимия архиепископ Петр, назначенный на Аланскую епархию, вероятно, разминуся с группой возвращавшихся миссионеров. В письме патриарха, направленном болгарскому царю Симеону, упоминается монах, отличившийся в деле «просвещения» алан, посеявший слово веры среди алан и равную божественным апостолам литургию, сослуживший по божьему предначертанию (Nicholas, ep.9.264–269). А.П. Каждан отнес письмо к весне–лету 914 г. (Каждан, 1976: 106). Это дает основание предполагать, что первый состав миссии вернулся в Константинополь не ранее мая–июня 914 г. В этом письме указывается, что Евфимий является катигуменом монастыря на Олимпе (в Вифинии) и просит Симеона не задерживать его с ответом (Nicholas, ep. 9. 269–273). Хотя апокрисиарий не назван по имени, из контекста письма 79, в котором говорится об «апостольских» трудах миссионеров, осуществляющих крещение некоего народа в отдаленной стране, и особенно из письма 135 становится ясно, что послом в Болгарию был именно Евфимий. Он, видимо, знал славянский язык, который еще был живым среди части населения Малой Азии. Если следовать датировке письма 9, предложенной А.П. Кажданом (август–сентябрь 914 г.), то уже в 916 или 917 г. Евфимий мог повторно оказаться в Алании. Сменил ли он Петра, или через некоторое время вернулся в свой монастырь, или служил вместе с Петром, занимаясь катехизацией алан, – неизвестно. Однако Евфимий должен был вернуться в конце лета 916 г., поскольку в августе–начале сентября 917 г. как патриарший апокрисиарий Евфимий был уже при дворе болгарского царя Симеона I.

Патриарх, отправляя Евфимия в Аланию на помощь архиепископу Петру, просит Петра не допускать раздора с «сыном нашим и братом твоим киром Евфимием» (Nicholas, ep.135.87). Подобное предствление «кира (‘господина’) Евфимия рассматривается как указание на его равнозначный церковный сан с архиепископом Петром (Асратян, 2019: 32–33).

Следует обратить внимание на место, откуда прибыл монах Евфимий и, вероятно, основная часть членов первой миссии в Аланию. Гора Олимп малоазийский (на юго-востоке от Бурсы) – крайний отрог горного хребта северо-западной части Малой Азии (Попов, 1892: 138). По общему направлению монастыри и отшельнические кельи вифинского Олимпа противостояли знаменитому Студийскому монастырю в Константинополе. В столичном монастыре утверждался строгий общежительный устав и культивировалась книжность. Вифинским монахам тоже не была чужда любовь к Св. Писаниям, но при этом на Олимпе еще присутствовала вдохновенная атмосфера аскезы и подвижничества в сочетании с независимостью иноков (Тахиаос, 2005: 54). Не случайно патриарха Евфимия представляют царю Симеону как «мужа, дорогу указывающего аскетам на Олимпе» (ὁ ἄνθρωπος ἔστι μὲν τῶν ἐν Ὀλύμπῳ ἀσκητῶν καθ’ ἑορταζόμενος. – Nicholas, ep.9.265–266). Традиции аскезы вифинские монахи принесли и в Аланию. Чрезмерно суровые требования к неопитам на первых порах встречали непонимание тех, кто принимал христианство, что вынудило патриарха Николая Мистика давать советы миссионерам по смягчению чрезвычайно жестких норм в отношении нравственности их подопечных.

Появление в Алании Евфимия во второй раз было вызвано тем, что Петр, вероятно, проявил себя недостаточно активно. Единственное письмо патриарха, адресованное «монашествующему» Евфимию (Nicholas, ep.148.1), из-за предельной деконкретизации не датировано. Оно находится между письмами, написанными патриархом между 913–918 гг. и, вероятно, было отправлено в Аланию, когда там уже находился архиепископ Петр. В письме патриарх выражает надежду на скорую встречу с Евфимием, «чтобы вкусить радость общения как посредством взора, так и собеседования» (Nicholas, ep.148.11–15).

Архиепископ Петр, направленный в Аланию, сообщает патриарху о трудностях миссии, вряд ли он мог выйти на северные склоны Кавказа, в верховья реки Кубани, ранее июня 914 г. Его жалобы стали причиной обращения Мистика напрямую к эксусиасту Авагии (Nicholas, ep.51). Согласно К. Туманову (Toumanoff, 1956), этим «властителем» был Константин III (892/3–915/16 гг.), поскольку последующие письма 46 и 162, после смерти Константина, были адресованы его сыну Георгию.

Мистик благодарит властителя Авагии Константина как «отец» своего «сына», отмечает его «боголюбие», «добропорядочность», заметив, что впервые обращается к нему в эпистолярной форме (πρῶτοι διὰ τοῦ ὑράτιστος. – Nicholas, ep. 51.3). Помощь византийским миссионерам со стороны правителя Авагии предварительно не оговаривалась, по крайней мере со стороны

Константинопольского патриархата. Теплый прием, оказанный миссионерам, был проявлением традиционной дружбы («филии»), вассального этикета эксусиаста Авагсии по отношению к своему сюзеру – византийскому императору. Николай Мистик отмечает «бог вдохновенное рвение в спасении и просвещении правдой народа аланов», проявленное эксусиастом Авагсии. «Как мы узнали, – пишет патриарх, – от различных сведущих лиц: твои правильные действия, словно по божьему провидению начатые, направлены на просвещение архонта Алании и тех, кто рядом с ним, удостоенных чести святого крещения» (Nicholas, ep.51.8-11). Благотворительный нрав правителя выражается в несравненном искусстве принимать чужестранцев, щедро вознаграждать их, чем они с благодарностью и пользуются (Nicholas, ep. 51.11-15). Речь идет об архиепископе Петре и монахах, направлявшихся в Аланию. В конце письма Николай пишет: «Если будет что-либо возможным оказать с твоей стороны, сын мой, то боголюбивейший архиепископ приготовит прошение за твою добродетель, и все последующие от тебя полученные благодеяния будут учитываться, и воздаяние от щедрот Бога нашего в многократном размере будет тебя ожидать» (Nicholas, ep. 51.16-25).

Из текста письма следует, что патриарх получает сведения о ходе миссии от различных лиц, особенно в части оказанного приема в Авагсии. Нельзя исключать вероятности, что таинство крещения правителя Алании могло произойти летом 914 г., в одном из храмов Авагсии, при дворе Константина III, где аланский архонт и его окружение были обращены в новую веру («удостоены чести святого крещения»). В «просвещении» архонта Алании был заинтересован и сам Константин III, поскольку крещение скрепляло не только религиозные, но и военно-политические узы двух сопредельных государств. Эксусиаст Авагсии в это время нуждался в сохранении дружеских отношений с Аланией и Византией, поскольку вел борьбу за овладение Картли. Между 914 и 916 гг. Константин III достигает значительных успехов в укреплении и расширении границ своего государства. После гибели в 914 г. тестя Константина III, армянского царя Смбата I, противоречия между Арменией и Абхазским царством резко усилились, наследники Смбата «всячески стараются воспрепятствовать усилению Западно-Грузинского царства» (Летопись Картли, 1982: 50-51; Мкртумян, 1983: 94).

В это время Абхазское царство активизирует политику в восточном направлении: хорепископ (правитель) Кахетинского княжества Квирикэ I вступает в союз с Константином и они совместно совершают нападение на Эрети (западная часть Кавказской Албании – Авт.). К ключевой крепости Вежени «царь Абхазии подступил с вышних мест, а Квирикэ же – с нижней стороны» (Летопись Картли, 1982: 52). После победы хорепископ Кахети по собственной инициативе из трех занятых ими эретских крепостей две передал Константину III. В благодарность за победу «пришел царь абхазов Константин и молился в Алаверди пред святым Георгием и украсил его образ золотом. А большую часть войска отправил в путь обратный» (Летопись Картли, 1982: 52-53).

Помощь византийским миссионерам царь Абхазии мог оказать или накануне военного мероприятия в западной части Кавказской Албании, или после возвращения из похода. В этот период (914–916 гг.) у него не было возможности проводить какую-то свою особую политику по крещению Алании, но успех, одержанный в Эрети, как и привезенные трофеи, могли сказаться на его щедрости по отношению к византийским посланникам. Можно предположить, что правитель Алании участвовал в совместном походе Константина III и Квирикэ против Эрети и принял святое крещение, возвращаясь на родину. Так или иначе, но крещение князя алан произошло в короткий промежуток времени – после возвращения из Эрети Константина и его неожиданной кончиной. «Спустя немного дней после этого (возвращения царя в свою страну – Авт.), – сообщается в «Летописи Картли», – преставился Константин, царь абхазов, и на некоторое время наступила смута» (Летопись Картли, 1982: 53). По расчетам К. Туманова, он мог умереть в 915/16 году (Toumanoff 1956: 82).

Прибытие архиепископа Петра в Аланию и начало его пастырской деятельности приходится, скорее всего, на сентябрь 915 г., сопровождается значительными трудностями в преобразовании языческих нравов в христианские, что становится темой для наставлений со стороны Николая Мистика. Архиепископ проводит работу по учреждению церковно-административной структуры новообразованной епархии, расширяет миссионерскую деятельность, крещение принимают новые группы правящего класса и простого населения. Постепенно, но не всегда ровно и с должным взаимопониманием выстраиваются взаимоотношения иерарха Аланской церкви и правителя Алании. Вероятно, эти обстоятельства породили многочисленные жалобы о трудностях церковного служения во вновь созданной епархии.

Новый правитель Авагсии – Георгий II (915/16–959/960 гг.) – был заинтересован в поддержке Империи. Константин III оставил два наследника: Георгия (от брака с дочерью Адарнасе) и Баграта (от брака с дочерью армянского царя Смбата I). «И была меж ними, – сообщает летописец, – жестокая усабица, о чем подробно сказано в их (царей Абхазского царства – Авт.) летописании» (Летопись Картли, 1982: 53). Патриарх, вероятно, знает о сложностях престолонаследия и выражает надежду, что в подвластных землях эксусиаста не будут нарушаться порядки, установленные его отцом, но напротив, улучшатся, что будет свидетельствовать о справедливости наследования его власти единокровным сыном (Nicholas, ep.46.7-20). За Георгием II был сохранен византийский придворный сан магистра и титул эксусиаста (Chervachidze, 1986: 91-96; Виноградов, Белецкий, 2012:

97-108). Как благословение патриарх отсылает эксусиасту Авагсии гиматий (ἱμάτιον) (Nicholas, ep.46.21). Это подношение – инвеститурный дар по случаю восхождения Георгия на престол (Виноградов, 2016: 38).

Из текста письма 46 следует, что Георгий полностью осведомлен о миссии: «Об архиепископе Алании, сын мой, я не знаю, что и писать. Ты сам умный и рассудительный и видишь его труд, направленный на спасение людей ради славы великого Бога; надеюсь всячески, что и без моего письма из-за тамошней заброшенности, ты жалованьем (μισθολοβότην) окажешь сопомоществование ему и боголюбивым лицам, помогающим в его трудах» (Nicholas, ep. 46.21-26). Видно, что византийская сторона не в состоянии оказывать финансовую поддержку своей миссии и надеется на расположение авасгийского правителя. Патриарх предлагал Георгию взять на себя безвозмездное обеспечение «жалованьем» миссионеров и их содержание в Алании. Об этом говорит заключение письма: «И если кто в народе том и земле чужой из-за невзгод и ослаблений, приносимых жизнью, нужду терпит, то расходы на помощь им ты благосклонно прибавь к собственным издержкам, предоставленной тебе силой от Бога. И пусть будет еще больше в богатстве столь великая сила укрепляться, чтобы помогать неимущим (τοῖς ἀπορομένοις)» (Nicholas, ep.46.26-30).

В этом послании представляется важным термин «апория» (ἀπορία), который позволяет уточнить, какие невзгоды испытывали греки, оказавшиеся «в стране чужой». Под «апорией» понималось обычно безденежье, отсутствие серебра для уплаты податей и приобретения продуктов питания (Palmieri, 1988). Бедность (ἀπορία) человеческой жизни – топос, довольно часто встречающийся в письмах патриарха. Немало бедных (πενήτων) среди монахов (Nicholas, ep.176. 2, 18). Патриарх, находясь в ссылке, сам узнал, что такое бедность, и даже склонен был себя причислить к неимущим и бедным (ἀπόρους καὶ πένητας), поскольку не имел большой кладовой для размещения подарков от провинциальных митрополитов (Nicholas, ep. 108.16-20). Приведенные аналогии указывают на материальные невзгоды миссионеров, отсутствие денег и связанные с ними проблемы физического выживания.

Письмо от Николая Мистика Георгий II получил в 915/916 г., поскольку речь в нем идет о невзгодах, которые претерпевает архиепископ Петр в Алании. В это время патриарх вел сложную борьбу со своими противниками «евфимитами» за восстановление контроля над Церковью и, вероятно, не мог помогать миссии. Внутрицерковная ситуация несколько улучшилась после кончины патриарха Евфимия, последовавшей 5 августа 917 года (Попов, 1892: 168). Осенью 919 г. тесть императора Константина VII, патриций и друнгарий флота Роман Лакапин, помог Мистика восстановить полностью церковные полномочия и провести примирительный собор между николитами и евфимитами 15 июля 920 г. (Попов, 1892: 182-183), а в ответ – 17 декабря 920 г. – император Константин VII Багрянородный и Николай Мистик венчают его на царство. Взаимопонимание между Церковью и властью было восстановлено. Однако патриарх до 920 г. не мог оказывать прямого содействия и материальную помощь монахам в далекой Алании, эти обстоятельства и заставили его прибегнуть к посредничеству властителя Авагсии.

Второе письмо Николая Мистика к Георгию II дает дополнительную информацию о внешнеполитических планах патриарха в связи с вхождением Алании в «византийское сообщество» после принятия крещения. Речь идет о военной помощи, в которой остро нуждалась Империя во время византийско-болгарской войны 913–927 гг. Империи было нанесено крупное поражение на р. Ахелой 20 августа 917 г. Симеон угрожал захватить Константинополь, патриарх вел активную дипломатическую переписку, стремясь склонить болгарского царя к мирному разрешению конфликта (Ангелов, 1960). В одном из писем к Симеону (Nicholas, ep.23) патриарх обмолвился, что на Болгарию готовится поход «нечестивых» народов, которых пытается организовать соправитель Константина VII Роман Лакапин (920–945). Письмо Симеону было отправлено, скорее всего, в начале или во второй половине 922 г. Николай Мистик пишет: «Послушай же, мой сын возлюбленный, от чего еще сильнее пронзаюсь болью. Вот царским старанием на вашу власть и ваш род могущественное, сколько сообразить могу, нашествие если не снарядилось, то наряжается нашествие Руси (Ρῶς), и с ними Печенегов (Πατζηνακίτων), еще же и Алан (Αλανων) и западных Турков (δύσεως Τουρκων) [т.е. мадьяров], которые все единомысленно согласились пойти на тебя войной» (Nicholas, ep.23.2-21).

Несколько ниже в этом письме Мистик напоминает адресату вновь: «Повторяю, сообрази, что, судя по предположениям моим о царском на вас предприятии, дело состоит в том, чтобы подвинуть на вашу гибель все племена и непрерывно вызывать Турков, Алан, Печенегов, Русь и еще другие скифские племена до тех пор, пока они не истребят весь род Болгарский» (Nicholas, ep.23.66-70). Позиционируя себя защитником двух православных народов (греков и болгар), патриарх желает предостеречь царя Симеона от братоубийственной войны, по сути, выдает стратегические намерения Романа Лакапина, пытается склонить болгарскую сторону к заключению мира. При этом Николай Мистик не уверен в достоверности информации о стратегических планах василевсов и предполагает, что договоренности об антиболгарском союзе или заключены, или находятся в стадии завершения.

Попытки создания антиболгарской коалиции подтверждаются последующим участием в войне против Болгарии Сербии (924 г.) и Хорватии (926 г.). Поэтому нет оснований предполагать,

что сведения о ней были блефом, стремлением как можно быстрее склонить грозного противника Византии к миру (Божилев, 1983: 139).

В этой связи Николай Мистик в переписке с Георгием II обсуждал возможность военной помощи Константинополю со стороны Авагсии: «Что же касается Болгар, о которых ты написал, то не знаю, по какому божьему суду продолжаются злодеяния врагов, и нет проблеска посредничающего мира. Ты же, сын наш, согласно царскому письменному прошению и приказу, честно сохраняй дружбу и будь готов оказать нам союзническую помощь (τῆς συμμαχίας), и если будет нужда тебя призвать, всячески, как благомыслящий друг, требуемое исполни, чтобы тем самым проявить свою добродетель и искреннюю дружбу к нам» (Nicholas, ep.162.13-19). Патриарх убеждает эксусиаста Авагсии в связи с продолжающимся византийско-болгарским конфликтом (из которого Мистик пока не видит выхода) быть готовым оказать военную помощь, под которой подразумевалась помощь за плату на основании взаимного договора Империи и ее контрагента. Это письмо Л. Вестеринк под знаком вопроса отнес к 924/925 гг. (Nicholas I, 1973: 585). С учетом указания имени адресата оно не могло быть отослано ранее 915/916 гг. В. Грюмель предлагал его датировать ноябрем 924 или 923 гг. (Grumel, 1989: N 715). Время написания письма 162, несмотря на нумерацию, по содержанию не должно долго отстоять от послания 46, и его следует датировать 922 г., поскольку упоминание о готовящейся «варварской» коалиции содержится в письме Симеону I (Nicholas, ep.23), направленном в 921/922 гг.

Вероятно, эксусиаст Авагсии и «архонт» Алании в 922 г. рассматривались имперской дипломатией как реальные союзники, способные своими воинскими контингентами оказать поддержку Византии. Привлечение христианских народов (в том числе и новообращенных алан) как наемников в борьбе с болгарами не противоречило внешнеполитической доктрине Византийской империи и политическим взглядам самого патриарха. Упомянутые аланы – несомненно, северокавказские аланы, а не некие племена, обитавшие в низовьях Дуная и южных Карпатах. Крещение аланского архонта и его окружения могло стать основой для привлечения алан и абхазов к участию в готовившейся антиболгарской коалиции. По крайней мере, дважды упомянутый Мистиком в письме к царю Симеону список народов (Nicholas, ep. 23. 2-21, 66-70), предполагаемых союзников империи, среди которых венгры («западные турки»), аланы, печенеги и «русь», был вполне реальным военно-политическим проектом.

Аланы и аланские иерархи после 922 г. более не упоминаются в письмах патриарха Николая Мистика ни в этнонимическом контексте, ни в связи с деятельностью Аланского архиепископа.

Роль правителя Авагсии в крещении Алании по-прежнему остается дискуссионной. Так, Г.В. Цулая считал, что в христианизации Алании главную роль сыграл абхазский правитель Георгий II, а патриарх Николай Мистик в своем письме лишь «выражал ему свое удовлетворение успехами абхазского клира в распространении христианства среди алан» (Цулая, 1995: 86; Цулая, 1993: 87). Но доказательства присутствия абхазского клира на территории Западной Алании и «соперничества» с византийскими миссионерами так и не были приведены автором. Гипотезы о крещении аланского правителя по инициативе абхазского царя и, возможно, даже рукой абхазского клирика, обоснованно отвергаются (Белецкий, Виноградов, 2011: 24-26). При этом в Константине III видят «помощника» и, возможно, даже «патрона», покровительствующего аланскому архиепископу на пути из Константинополя в Аланию. Можно согласиться с этим утверждением. Но вряд ли позиция абхазского царя была predetermined «давлением» со стороны Византии; письма Мистика свидетельствуют, что политического давления на эксусиаста Авагсии не было, да и не могло быть в тех условиях.

Остается открытым вопрос о времени учреждения Аланской митрополии: произошло это сразу в процессе крещения царя Алании или вначале была организована архиепископия, а повышение ранга архиепископии до митрополии произошло позднее – в 940-х годах? Крещение архонта Алании, «князя» по статусу, с точки зрения его окружения и византийских дипломатов, должно было сопровождаться учреждением епископии, как это было, например, со славянскими племенами, принявшими крещение на территориях, входивших в состав балканских владений Византийской империи – Болгарией и Русью. Существует предположение, что для крещения архонта Алании требовался архиепископ, который был туда и отправлен, после чего с 914 года следует говорить об Аланской архиепископии (Белецкий, Виноградов, 2011: 26-27). Но статус того, кто обращал в новую веру, вероятно, не был принципиальным, как и не придавалось в то время большого значения различию между титулами архиепископа и митрополита (Назаренко, 2001: 311-338; Гайденко 2016: 47-48). Алания становится митрополией почти сразу после официального крещения ее царя («архонта»). Сан митрополита в стране, обращаемой в лоно византийской Церкви, отражал политические амбиции светского правителя, высокому положению которого должен был соответствовать и ранг церковного представителя Византийской империи. Полный титул митрополита Алании не сразу отражается в документах той эпохи, вернее не все данные, главным образом письменные и сфрагистические, дошли до нашего времени. Самое раннее свидетельство, что предстоятель Аланской церкви носил сан митрополита, – печать Игнатия-монаха, митрополита Алании, датированная В. Зайбтом 20–30-ми годами или серединой X в. (Seibt, 2004: 51-52). Игнатий

мог быть преемником Петра на аланской кафедре; впрочем, датировку этой печати оспорил Ж.-К. Шейне, отнеся ее к концу X – началу XI веков (Cheynet, 2001: 13-14).

С 950-х гг. имена митрополитов Алании встречаются все чаще. В строительной надписи 965 г. из Сентинского храма указан, наряду с эксусиократором Давидом и его женой Марией, митрополит Алании Феодор (Белецкий, Виноградов, 2011: 242-243), который в надписи именуется «митрополитом просвещающим (καθηγησμένον) Аланийским». Это пока самое раннее датированное эпиграфическое упоминание о митрополите, его сане и присутствии в Алании. Примечательно, что спустя полвека среди алан продолжается катехизаторская деятельность, начатая еще монахом Евфимием.

До открытия Сентинской надписи самым ранним свидетельством о статусе Аланской епархии в ранге митрополии являлись сведения из росписи кафедр Константинопольского патриархата, которая была составлена не позднее 1080-х гг. В ней отразились новые кафедры, организованные в период, начиная с 902 по 1084 годы, примерно в той последовательности, в которой они открывались и заносились в списки. Из имеющих точные даты основания указаны митрополия Колония (стоящая на 56-м месте) – основана перед 985 г., Серры на 58-м месте и Помпейуполис на 56-м месте упоминаются 21 февраля 997 г. как митрополии (в 969–997 гг. они еще архиепископии), Аланская митрополия, находящаяся на 61-м месте, после Росии упоминается в документе 1024 г., ссылающемся на грамоту митрополиту Алании Николаю от 997/998 гг. Это дало основание исследователям считать, что митрополия Росия, стоящая на 60-м месте в списке, была учреждена перед 997 г. (Darrouzès, 1981: 343, 349, 381, 388; Шапов, 1989: 26). Документ, в котором впервые упоминается митрополит Алании Николай, относится к периоду патриаршества Сисиния II (995–998) (Grumel, 1989: N 804, 806, 827; Laurent, 1963: 595, 598, 613). Если исходить из логики этих построений, то Аланская митрополия (занимавшая 61-е место), поскольку она стоит в перечне сразу после Росии, была учреждена не позднее 997/998 гг. Однако этот, стройный на первый взгляд, доказательный ряд нарушают как сфрагистические данные, так и надпись, указывающая на освящение обновленного Сентинского храма митрополитом Алании Феодором в 965 г.

Все это дает основание предполагать, что в статусе митрополии Алания могла существовать с момента официального крещения эксусиократора или по крайней мере – с 920-х годов. Если учитывать, что между крещением и обретением статуса митрополии (на примере Руси) проходило не более десяти лет – времени, необходимого для сооружения кафедрального храма, – то возвышение аланской архиепископии до митрополии, вероятно, произошло после освящения кафедрального Северного Зеленчукского храма, около 925 г. или чуть позднее. Византийская практика показывает, что архиепископ вполне мог возглавлять и митрополию, жесткой терминологической зависимости статуса и его лексического эквивалента в документах и на буллах не было.

Отношения между Аланской митрополией и Константинопольским патриархатом определялись на основе 28-го правила Халкидонского собора. В 451 г. на IV Вселенском (Халкидонском) соборе Константинопольский патриарх, как пребывавший в столичном городе, получил право назначать митрополитов в области Понта, Азии и Фракии. Митрополиты Понтийской, Асийской и Фракийской диоцезов, а также епископы у иноплеменников (ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς) указанных областей поставлялись от престола Святейшей Константинопольской Церкви (Каноны..., 2000: 55). Под иноплеменниками имелись в виду «варвары», т.е. не греки из числа местных племен. Одни византийские комментаторы видели в «епископах варваров» церковных глав этнических меньшинств, находившихся внутри диоцезов, другие считали, что это епископы стран, т.е. Алании и Руси, которые соседствовали (συμπαράκειται) соответственно с византийскими провинциями (Кузенков, 2014: 34). Канонист XII в. Феодор Вальсамон к «иноплеменным народам» относил в первую очередь «аланов» и «россов»: «...А под епископами у иноплеменников разумей, – пишет он, – Аланию, Россию и другие; ибо Аланы принадлежат к понтийскому округу, а Россы к Фракийскому» (Правила..., 2000: 248-249). Митрополиты Алании, как предстоятели новообразованной епархии, не имели еще многочисленного клира, не было у них и подчиненных им епископов, поэтому назначение митрополита проходило под полным контролем Константинопольского патриарха и синода. Причисление Аланской епархии к Понтийскому диоцезу было вызвано не только географической сопредельностью Алании с Понтом, но и, вероятно, быстро развивавшимися торговыми и военными связями с Империей.

Следует отметить, что 28-е правило Халкидонского собора говорит не о варварских народах вообще, а лишь о «варварах», живущих в диоцезах Понтийском, Асийском и Фракийском. Указанные диоцезы находились в Византийской империи, хотя и имели свои миссии и епархии вне ее государственных границ. Поэтому Константинопольскому архиепископу обязаны были подчиняться епископы, служившие у варваров, живших в церковных границах этих трех диоцезов, вне зависимости, находятся ли эти варвары в границах Византии или вне ее (Троицкий, 1947: 39). Исследователи не делают различия в толковании формулировок ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἔθνεσι и ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς, обоснованно полагая, что здесь «речь может идти только об оттенке значения» (Петр (Л'Юилье), 2005: 464). Патриарх Константинопольский обязан был посвящать в епископы тех, кто служил в миссионерских Церквях за границами Византийской империи, в «иноплеменных землях» (Мейендорф, 2018: 328). Споры о первенстве во вселенской церковной иерархии между

Константинополем и Римом на протяжении столетий не прекращались (Ермилов, 2014: 36-53; Кузенков, 2014: 25-51), поэтому христианская Алания всегда упоминалась как некое доказательство миссионерских успехов «второго Рима».

Однако в историографии сложилось представление, что митрополия временно прекратила свое существование после 932 г. (Иванов, 2003: 190; Бубенок, 2012: 190-199; Белецкий, Виноградов, 2019: 21-22) и была возобновлена только с начала правления Константина VII Багрянородного. И именно с появлением сведений об Алании в сочинении «Об управлении империей» и «О церемониях византийского двора» (Константин Багрянородный, 1989: 156-157б, 170-171б, 174-175) можно говорить о своеобразной реставрации Аланской митрополии на фоне развития алано-византийских политических связей (Белецкий, Виноградов, 2019: 22-27). Независимо от того, как развивались политические взаимоотношения царя Алании и кагана Хазарии, произошел ли в церковных отношениях между Аланией и Византией после 932 г. или нет, следует признать – конфессиональный выбор алан в пользу восточно-христианской церкви не был сильно поколеблен в связи с «изгнанием» греческих епископов и священников аланским правителем из страны. Сведения эти, восходящие к ал-Масуди (Минорский, 1963: 192-196, 189-206), не совсем конкретны и не подтверждаются другими источниками. Возможно, конфликт аланского царя и какого-либо нового архиепископа (право царя принимать или отвергать присланную кандидатуру из Константинополя всегда оставалось за верховным правителем) был воспринят тенденциозно арабским историографом как желанный конфликт Империи с одним из союзников, а современные историки превратили этот эпизод в «катастрофу» 932 г., длившуюся по крайней мере до середины X века.

Аланская митрополия с момента своего учреждения в большей степени имела титулярный характер; митрополичий сан, вероятно, на первых порах присваивался аланскому местоблюстителю как почетный и был преднамеренно завышен вселенским патриархом с учетом трудностей отдаленной миссии и важности ее с политических позиций. Алания относилась к Понтийскому диоцезу, его архиереи напрямую подчинялись Константинопольскому патриарху, своих епископов у митрополита Алании не было. На первом этапе своего существования Аланская церковь была малочисленной, без суффраганных епископов, с неразвитой церковно-административной структурой.

5. Заключение

Анализ писем патриарха Николая Мистика, направленных в Аланию, свидетельствует о том, что миссионерская деятельность была развернута в 912–913 гг. На Северный Кавказ, в район Верхней Кубани, была направлена группа монахов во главе с Евфимием. По итогам катехизаторской деятельности он был отмечен саном настоятеля Олимпийского монастыря в Малой Азии. Евфимий состоял в переписке с патриархом, был его доверенным лицом, владел славянским языком, поэтому после возвращения из Алании осенью 917 г. был отправлен Мистиком с дипломатическим поручением ко двору болгарского царя Симеона I. Архиепископ Петр, сменивший Евфимия в 914 г., крестил царя («архонта») Алании летом–осенью 914 или весной – летом 915 г. При материальной поддержке со стороны эксусиатов Авагии Константина III и Георгия II в Алании была начата деятельность по возведению кафедрального (Северного Зеленчукского) храма, завершение строительства которого пришлось на середину – вторую половину 920-х гг. Присвоение титула эксусиократора аланскому царю и возвышение Аланской церкви до ранга митрополии стало результатом крещения северокавказского правителя и принятия христианства его подданными между 914–925 гг.

По инициативе Николая Мистика впервые в истории византийской Церкви произошло крещение народа, находившегося за пределами политических и культурных границ Империи, а деятельность и организация миссии осуществлялась под контролем Константинопольского патриарха. Поскольку Предкавказье контролировалось кочевниками и Хазарией, то сопредельность территорий Алании и Авагии, налаженные торговые маршруты через Трапезунд и области византийского Понта, стали фактором, предопределившим выбор Константинополя в пользу посредничества правителя Авагии в деле крещения Алании. Высокий титул митрополита был довольно рано присвоен Константинополем аланскому владыке из-за особых церковных обстоятельств, чтобы поддержать его служение на периферии византийской ойкумены.

Военный потенциал нового христианского государства впоследствии неоднократно использовался Византией в решении внешнеполитических задач. Временное охлаждение в византийско-хазарских отношениях после 932 г. нельзя рассматривать как событие, кардинально приведшее к ликвидации результатов православной миссии у алан. Крещение Алании сопровождалось постепенным включением северокавказского государства и его элиты в орбиту византийского влияния, и только после взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г. и распада Империи этот процесс был прерван.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50006. The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50006.

Литература

- Абхазия и абхазы...**, 1988 – Абхазия и абхазы в средневековых грузинских повествовательных источниках / Груз. тексты на русс. яз. перевод, предисл. и примеч. снабдил Г.А. Амичба. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 180 с.
- Алемань**, 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Издательство «Менеджер», 2003. 608 с.
- Ангелов**, 1960 – *Ангелов Д.* Методы византийской дипломатии в отношении с Болгарией, по данным писем константинопольского патриарха Николая Мистика // *Вопросы истории славян.* Вып. I / Отв. ред. А.Е. Москаленко. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1960. С. 60-68.
- Анчабадзе**, 1959 – *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1959. 306 с.
- Асратян**, 2015 – *Асратян Д.К.* «Аланское досье» патриарха Николая Мистика: проблемы хронологии // *Известия СОИГСИ.* 2015. № 18 (57). С. 5-10.
- Асратян**, 2019 – *Асратян Д.К.* Штрихи к портрету «монаха» Евфимия, просветителя Алании / *Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. Материалы Международной научно-практической конференции.* Научный центр «Диспут». Вологда, 2019. С. 32-33.
- Белецкий**, **Виноградов**, 2011 – *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: «Индрик», 2011. 392 с.
- Белецкий**, **Виноградов**, 2019 – *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* История и искусство христианской Алании. М.: Таус, 2019. 392 с.
- Божилев**, 1983 – *Божилев И.* Цар Симеон Велики (893-927): Златният век на Средновековна България. София: Издательство «На Отечествения фронт», 1983. 224 с.
- Бубенок**, 2012 – *Бубенок О.Б.* Основание Аланской митрополии и начальные этапы христианизации аланов Северного Кавказа // *Дриновский збірник.* Т. 5. Академичне видавництво імені проф. Марина Дринова. Софія. 2012. С. 190-199.
- Вахушти**, 1976 – *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского / Перевел, снабдил предисловием, словарями и указателями Н.Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 338 с.
- Виноградов**, 2016 – *Виноградов А.Ю.* Абхазское царство – опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII – начало X в.) // *Polystoria: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе* / Отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 11-59.
- Виноградов**, **Белецкий**, 2012 – *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе // *Российская археология.* 2012. № 3. С. 97-108.
- Волков**, 1861 – *Волков Н.С.* Николай Мистик. Патриарх Константинопольский // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. XX. М.: Типография Августа Семена, 1861. С. 187-192, 230-265.
- Гайденко**, 2016 – *Гайденко П.И.* Быт и нравы архиереев и их паствы в Киевской Руси (XI–XIII вв.). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. С. 47-48.
- Ермилов**, 2014 – *Ермилов П.В.* Происхождение теории о вселенском первенстве Константинопольского Патриархата // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия.* 2014. Вып. 1 (51). С. 36-53.
- Иванов**, 2003 – *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
- Каждан**, 1976 – *Каждан А.П.* Болгаро-византийские отношения в 912–925 гг. по переписке Николая Мистика (опыт пересмотра хронологии писем) // *Études balkaniques.* 1976. № 3. С. 92-107.
- Каноны...**, 2000 – Каноны или книга правил на русском языке. СПб: Общество святителя Василия Великого, Православный паломник, 2000. 432 с.
- Константин Багрянородный**, 1989 – *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 496 с.
- Коробов**, 2019 – *Коробов Д.С.* Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб.: Нестор-История, 2019. 156 с., ил.
- Кузенков**, 2014 – *Кузенков П.В.* Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия.* 2014. Вып. 3 (53). С. 25-51.
- Кузнецов**, 1971 – *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 246 с.
- Кузнецов**, 1977 – *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977. 176 с., ил.
- Кузнецов**, 1985 – *Кузнецов В.А.* Алания и Византия // *Археология и традиционная этнография Северной Осетии.* Орджоникидзе, 1985. С. 37-65.
- Кузнецов**, 1992 – *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд. доп. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
- Кузнецов**, 2002 – *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. 160 с., ил.
- Кулаковский**, 2000 – *Кулаковский Ю.А.* Христианство у алан / Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент., карта: С.М. Перевалов. СПб.: Алетей, 2000. 315 с.

- Летопись Картли, 1982** – Летопись Картли / Введение, перевод и примечания Г.В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 112 с.
- Малахов, 1988** – Малахов С.Н. Николай Мистик и эксусиасты Авагсии: политические аспекты эпистолярного общения / XXVII научно-практическая конференция преподавателей КГПИ: Тезисы докладов. Петропавловск-Камчатский: Камчатская областная типография, 1988. С. 63–64.
- Малахов, 2000** – Малахов С.Н. Христианизация Алании в 912–922 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир Православия. Сборник научных статей. Вып. III. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 28–37.
- Малахов, 2015** – Малахов С.Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей: избранные статьи М.: СЕМ, 2015. 372 с.
- Мейендорф, 2018** – Мейендорф И. Церковь в истории: статьи по истории Церкви / протопр. Иоанн Мейендорф; пер. с англ., фр. / Сост. И.В. Мамаладзе, авт. предисл. и науч. ред. П.Б. Михайлов. М.: Правосл. Св.-Тихонов. ун-т; Эксмо, 2018. XXII, 1010 с.
- Минорский, 1963** – Минорский Ф.И. История Ширвана и Дербента в X–XI вв. М.: Восточная литература, 1963. 265 с.
- Мкртумян, 1983** – Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 166 с.
- Назаренко, 2001** – Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
- Петр (Л'Юилье), 2005** – Петр (Л'Юилье), архиеп. Правила первых четырех вселенских соборов / Авториз. перевод с франц.; Под ред. прот. Владислава Цыпина. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005. 528 с.
- Попов, 1892** – Попов Н.Г. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1892. 374 с.
- Правила..., 2000** – Правила святых вселенских соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000. 736 с.
- Тахиаос, 2005** – Тахиаос А.-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад: Патриарший издательско-полиграфический центр, 2005. 392 с., ил.
- Троицкий, 1947** – Троицкий С. О границах распространения власти константинопольского патриархата на «диаспору» // Журнал Московской патриархии. 1947. № 11. С. 37–41.
- Цулая, 1993** – Цулая Г.В. Осетины в контексте истории Грузии (Домонгольский период) // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 83–96.
- Цулая, 1995** – Цулая Г.В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. Домонгольский период. Краткие очерки. М.: Институт этнологии и антропологии, 1995. 172 с.
- Щапов, 1989** – Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 230 с.
- Chervachidze, 1986** – Chervachidze L. Le complexe monastique «Aylaga Abykou» // L'art Georgiana dal IX al XIV secolo / a cura di M.S. Calo Mariani. Galatina, 1986. Pp. 91–96.
- Cheyne, 2001** – Cheyne J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l' Empire byzantine. Paris: Bibliothèque nationale, 2001. 103 p.
- Constantine Porphyrogenitus, 1829** – Constantine Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae byzantinae libri II / E rec Io. Iac. Reiskii. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1829. 877p.
- Darrouzès, 1981** – Darrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris: Institut français d'études byzantines, 1981. 404 p.
- Grumel, 1989** – Grumel V. Les registres des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1 (Les actes des patriarches). Fasc. 2 et 3 (Les registres de 715 à 1206). Paris: Institut français d'études byzantines, 1989. 614 p.
- Grumel, 1934** – Grumel V. Notes pour l' «Oriens Christianus» // Échos d'Orient. 1934. T. 33, N 173. Pp. 53–58.
- Laurent, 1963** – Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V, 1, 2. L'église. Paris: Institut français d'études byzantines. 1963. 805 p., 538 p.
- Nicholas, 1973** – Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink. Washington, DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies 1973. 632 p.
- Palmieri, 1988** – Palmieri V. An anonimo excerptum Vaticanum di sinonimi greci // Byzantion. 1988. T. LVIII. P. 436–454.
- Seibt, 2004** – Seibt W. Metropolitene und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10–12. Jahrhunderts / Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 50–58.
- Toumanoff, 1956** – Toumanoff C. Chronology of the Kings of Abasgia and Other Problems // Le Muséon. 1956. Vol. 69. Pp. 73–90.

References

- Abhazija i abhazy...**, 1988 – Abhazija i abhazy v srednevekovyh gruzinskih povestvovatelnyh istochnikah [Abkhazia and the Abkhaz in medieval Georgian narrative sources]. Tbilisi: Mecniereba, 1988. 180 p. [in Russian]
- Aleman, 2003** – *Aleman, A.* (2003). Alany v drevnih i srednevekovyh pismennyh istochnikah [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow: Menedzher. 608 p. [in Russian]
- Angelov, 1960** – *Angelov, D.* (1960). Metody vizantijskoj diplomatii v otnoshenijah s Bolgarijej po dannym pisem konstantinopol'skogo patriarha Nikolaja Mistika. [Methods of Byzantine diplomacy in relations with Bulgaria according to the letters of the Patriarch of Constantinople Nicholas the Mystic]. *Voprosy istorii slavjan*. Nr 1. Voronezh: Voronezh University Publishing House, pp. 60-68. [in Russian]
- Anchabadze, 1959** – *Anchabadze, Z.V.* (1959). Iz istorii srednevekovoj Abhazii (VI-XVII vv.) [From the history of medieval Abkhazia (VI-XVII centuries)]. Sukhumi: Abkhaz State Publishing House. 306 p. [in Russian]
- Asratyan, 2015** – *Asratyan, D.K.* (2015). «Alanskoye dosye» patriarkha Nikolaya Mistika: problemy khronologii [“Alan Dossier” of Patriarch Nicholas the Mystic: problems of chronology]. *Izvestiya SOIGSI*. 18(57): 5-10. [in Russian]
- Asratyan, 2019** – *Asratyan, D.K.* (2019). Shtriki k portretu «monakha» Yevfimiya, prosvetitelja Alanii [Strokes to the portrait of the “monk” Euthymius, the enlightener of Alania]. *Nauka segodnja: fakty, tendencii, prognozy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Nauchnyj centr «Disput». Vologda, pp. 32-33. [in Russian]
- Beletskiy, Vinogradov, 2011** – *Beletskiy, D.V., Vinogradov, A.Ju.* (2011). Nizhniy Arkhyz i Senty: drevneyshiye khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Severo-Zapadnogo Kavkaza [Nizhniy Arkhyz and Senty: the most ancient temples in Russia. Problems of Christian Art in Alania and the Northwest Caucasus]. Moscow: Indrik. 392 p. [in Russian]
- Beletskiy, Vinogradov, 2019** – *Beletskiy, D.V., Vinogradov, A.Ju.* (2019). Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii [History and art of Christian Alanya]. Moscow: Taus. 392 p. [in Russian]
- Bozhilov, 1983** – *Bozhilov, I.* (1983). Tsar Simeon Veliki (893–927): Zlatniyat vek na Srednovekovna Bŭlgariya. [Tsar Simeon the Great (893–927): The Golden Age of Medieval Bulgaria]. Sofia: Na Otechestveniya front. 224 p. [in Bulgarian]
- Bubenok, 2012** – *Bubenok, O.B.* (2012). Osnovanie Alanskoj mitropolii i nachal'nye jetapy hristianizacii alanov Severnogo Kavkaza [The founding of the Alan metropolis and the initial stages of Christianization of the Alans of the North Caucasus]. *Drinovskij zbirnik*. T. 5. Akademichnee vidivnictvo imeni prof. Marina Drinova. Sofie. Pp. 190-199. [in Russian]
- Chervachidze, 1986** – *Chervachidze, L.* (1986). Le complex monastique «Aylaga Abykou» [The monastic complex "Aylaga Abykou"]. *L'art Georgiana dal IX al XIV secolo*. A cura di M.S. Calo Mariani. Galatina, Pp. 91-96. [in French]
- Cheyne, 2001** – *Cheyne, J.-Cl.* (2001). Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l' Empire byzantine [Seals from the Zacos collection (Bibliothèque nationale de France) relating to the eastern provinces of the Byzantine Empire]. Paris: Bibliothèque nationale. 103 p. [in French]
- Constantine Porphyrogenitus, 1829** – *Constantine, Porphyrogenitus* (1829). De ceremoniis aulae byzantinae libri II. E rec Io.Iac. Reiskii. Bonnae, Impensis Ed. Weberi. P. 877.
- Culaja, 1993** – *Culaja, G.V.* (1993). Osetiny v kontekste istorii Gruzii (Domongol'skij period) [Ossetians in the context of the history of Georgia (Pre-Mongol period)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3: 83-96. [in Russian]
- Culaja, 1995** – *Culaja, G.V.* (1995). Abhazija i abhazy v kontekste istorii Gruzii. Domongol'skij period [Abkhazia and the Abkhaz in the context of the history of Georgia. Pre-Mongol period]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology. 172 p. [in Russian]
- Darrouzès, 1981** – *Darrouzès, J.* (1981). Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris: Institut français d'études byzantines. 403 p.
- Ermilov, 2014** – *Ermilov, P.V.* (2014). Proishozhdenie teorii o vselenskom pervenstve Konstantinopol'skogo Patriarhata [The origin of the theory of the ecumenical primacy of the Patriarchate of Constantinople]. *Vestnik PSTGU. Serija I: Bogoslovie. Filosofija*. 1(51): 36-53. [in Russian]
- Gajdenko, 2016** – *Gajdenko, P.I.* (2016). Byt i nrawy arhiereev i ih pastvy v Kievskoj Rusi (XI-XIII vv.) [Life and customs of bishops and their flock in Kievan Rus (XI-XIII centuries)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Obyshko, pp. 47-48. [in Russian]
- Grumel, 1934** – *Grumel, V.* (1934). Notes pour l' «Oriens Christianus» [Notes for "Oriens Christianus"]. *Échos d'Orient*. T. 33. 173: 53-58. [in French]
- Grumel, 1989** – *Grumel, V.* (1989). Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1 (Les actes des patriarches). Fasc. 2 et 3 (Les registes de 715 à 1206). Paris: Institut français d'études byzantines. 614 p.

- Ivanov, 2003 – Ivanov, S.A. (2003). Vizantijskoe missionerstvo. Mozhno li sdelat' iz «varvara» hristianina? [Byzantine missionary work. Can a “barbarian” be turned into a Christian?]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 376 p. [in Russian]
- Kanony..., 2000 – Kanony ili kniga pravil na russkom yazyke [Canons or a book of rules in Russian]. St.Petersburg: Society of St. Basil the Great, Orthodox Pilgrim. 2000. 432 p. [in Russian]
- Kazhdan, 1976 – Kazhdan, A.P. (1976). Bolgarno-vizantijskie otnoshenija v 912-925 gg. po perepiske Nikolaja Mistika (opyt peresmotra hronologii pisem) [Bulgarian-Byzantine relations in 912-925 according to the correspondence of Nikolai Mystik (experience of revising the chronology of letters)]. *Etudes balkaniques*. 3: 92-107. [in Russian]
- Konstantin Bagrjanorodnyj, 1989 – Konstantin, Bagrjanorodnyj (1989). Ob upravlenii imperiej. Tekst. Perevod. Kommentarij [Konstantin Porphyrogenitus. On the management of the empire. Text. Transfer. Commentary]. St. Petersburg: Nauka. 496 p. [in Russian]
- Korobov, 2019 – Korobov, D.S. (2019). Alany Severnogo Kavkaza: jetnos, archeologija, paleogenetika [Alans of the North Caucasus: ethnos, archeology, paleogenetics]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 156 p. [in Russian]
- Kuzenkov, 2014 – Kuzenkov, P.V. (2014). Kanonicheskiy status Konstantinopolja i ego interpretacija v Vizantii [The canonical status of Constantinople and its interpretation in Byzantium]. *Vestnik PSTGU*. Serija I: Bogoslovie. Filosofija. 3(53): 25-51. [in Russian]
- Kuznetsov, 1971 – Kuznetsov, V.A. (1971). Alanija v X-XIII vv. [Alania in the X-XIII centuries]. *Ordzhonikidze: Ir*. 246 p. [in Russian]
- Kuznetsov, 1977 – Kuznetsov, V.A. (1977). Zodchestvo feodal'noy Alanii [The architecture of feudal Alania]. *Ordzhonikidze: Ir*. 176 p. [in Russian]
- Kuznetsov, 1985 – Kuznetsov, V.A. (1985). Alanija i Vizantiya. [Alania and Byzantium]. *Arheologija i tradicionnaja etnografija Severnoj Osetii*. Ordzhonikidze, pp. 37-65. [in Russian]
- Kuznetsov, 1992 – Kuznetsov, V.A. (1992). Očerki istorii alan [Essays on the history of the Alans]. Vladikavkaz: Ir. 392 p. [in Russian]
- Kuznetsov, 2002 – Kuznetsov, V.A. (2002). Hristianstvo na Severnom Kavkaze do XV v. [Christianity in the North Caucasus before the XV c.]. Vladikavkaz: Ir. 160 p. [in Russian]
- Kulakovskij, 2000 – Kulakovskij, Ju.A. (2000). Hristianstvo u alan [Christianity among the Alans]. *Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii*. St.Petersburg: Aletejja. 315 p. [in Russian]
- Laurent, 1963 – Laurent, V. (1963). Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantine [The Corpus of Seals of the Byzantine Empire]. T. V, 1, 2. L'église. Paris: Institut français d'études byzantines. 805 p.; 538 p. [in French]
- Letopis' Kartli, 1982 – Letopis' Kartli [Chronicle of Kartli]. Tbilisi: Metsniereba, 1982. 112 p. [in Russian]
- Malahov, 1988 – Malahov, S.N. (1988). Nikolaj Mistik i jeksusiasty Avasgii: politicheskie aspekty jepistoljarnogo obshhenija [Nikolaj the Mystic and the Exusiasts of Avasgia: Political Aspects of Epistolary Communication]. *XXVII nauchno-prakticheskaja konferencija prepodavatelej KGPI: Tezisy dokladov*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatskaja oblastnaja tipografija, pp. 63-64. [in Russian]
- Malahov, 2000 – Malahov, S.N. (2000). Hristianizacija Alanii v 912-922 gg. (po pis'mam Nikolaja Mistika) [Christianization of Alania in 912-922 (according to the letters of Nikolai the Mystic)]. *Mir Pravoslavija*. Sbornik nauchnyh statej. Vyp. III. Volgograd: Volgograd State University, pp. 28-37. [in Russian]
- Malahov, 2015 – Malahov, S.N. (2015). Alanija i Vizantiya: Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i cerkovnyh svjazej: izbrannye stat'i [Alania and Byzantium: Source Study Aspects of Political and Church Relations: Selected Articles]. Moscow: CEM. 372 p. [in Russian]
- Mejendorf, 2018 – Mejendorf, I. (2018). Cerkov' v istorii: stat'i po istorii Cerkvi [Church in history: articles on the history of the Church]. protopr. Ioann Mejendorf; per. s ang., fr. Sost. I.V. Mamaladze. Moscow: Orthodox St. Tikhonov University; Jeksmo. XXII, 1010 p. [in Russian]
- Minorskiy, 1963 – Minorskiy, F.I. (1963). Istorija Shirvana i Derbenta v X-XI vv. [History of Shirvan and Derbent in the X-XI centuries]. Moscow: Vostochnaja literatura. 265 p. [in Russian]
- Mkrtumjan, 1983 – Mkrtumjan, G.G. (1983). Gruzinskoe feodal'noe knjazhestvo Kaheti v VIII–XI vv. i ego vzaimootnoshenija s Armeniej [Georgian feudal principality of Kakheti in the VIII–XI cent. and its relationship with Armenia]. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. 166 p. [in Russian]
- Nazarenko, 2001 – Nazarenko, A.V. (2001). Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah. Mezhdisciplinarnye očerki kul'turnyh, torgovyh i politicheskikh svjazej IX–XII vv. [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary essays on cultural, trade and political connections in the 9th – 12th centuries]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 784 p. [in Russian]
- Nicholas, 1973 – Nicholas I Patriarch of Constantinople. (1973). Letters. Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins and L.G.Westerink. Washington, DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. 1973. 632 p.

- Palmieri, 1988** – Palmieri V. (1988). An anonimo excerptum Vaticanum di sinonimi greci. *Byzantion*. T. LVIII. Pp. 436-454.
- Petr (L'juil'e), 2005** – Petr (L'juil'e), *arhiep.* (2005). Pravila pervyh chetyreh vselenskih soborov. [Rules of the first four ecumenical councils]. Moscow: Sretensky monastery. 528 p. [in Russian]
- Popov, 1892** – Popov, N.G. (1892). Imperator Lev VI Mudryj i ego tsarstvovanie v cerkovno-istoricheskom otnoshenii [Emperor Leo VI The Wise and his reign in church history]. Moscow: tip. A.I. Snegirevoj. 374 p. [in Russian]
- Pravila..., 2000** – Pravila svjatyh vselenskih soborov s tolkovanijami [The rules of the holy ecumenical councils with interpretations]. Moscow: Palomnik, 2000. 736 p. [in Russian]
- Seibt, 2004** – Seibt, W. (2004). Metropolitene und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10–12. Jahrhundert. Sphragistics and cultural history [Metropolitans and rulers of the Alans on Byzantine seals of the 10–12 centuries. Sphragistics and cultural history]. Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of V.S. Shandrovskaya. St. Petersburg: Publishing House of the State Hermitage Museum. Pp. 51-52. [in German]
- Shhapov, 1989** – Shhapov, Ja.N. (1989). Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi X-XIII vv. [State and Church of Ancient Rus X–XIII centuries]. Moscow: Nauka. 230 p. [in Russian]
- Tahiaos, 2005** – Tahiaos, A.-Je.N. (2005). Svjatye brat'ja Kirill i Mefodij, prosvetiteli slavjan [Holy brothers Cyril and Methodius, enlighteners of the Slavs]. Sergiev Posad: Patriarshij izdatel'sko-poligraficheskij centr. 392 p. [in Russian]
- Troickij, 1947** – Troickij, S. (1947). O granicah rasprostraneniya vlasti konstantinopol'skogo patriarhata na «diasporu» [On the boundaries of the power of the Patriarchate of Constantinople to the “diaspora”]. *Zhurnal Moskovskoj patriarii*. 11: 37-41. [in Russian]
- Toumanoff, 1956** – Toumanoff, C. (1956). Chronology of the Kings of Abasgia and Other Problems. *Le Muséon*. 69: 73-90.
- Vahushti, 1976** – Vahushti, Bagrationi (1976). Istorija carstva Gruzinskogo [History of the Kingdom of Georgia]. Tbilisi: Metsniereba. 338 p. [in Russian]
- Vinogradov, 2016** – Vinogradov, A.Ju. (2016). Abkhazskoye tsarstvo – opyt politogeneza mezhdru khristianstvom i islamom (konets VIII – nachalo X v.) [Abkhazian kingdom – the experience of political genesis between Christianity and Islam (late VIII – early X century)]. *Polystoria: tsari, svjatye, mifotvortsy v srednevekovoj Evrope*. Moscow: Higher School of Economics, pp. 11-59. [in Russian]
- Vinogradov, Beletskiy, 2012** – Vinogradov, A.Ju., Beletskiy, D.V. (2012). Bamborskiy khram i problema «kupol'nogo zala» v Vizantii i na Kavkaze. [Bamborsky temple and the problem of the “domed hall” in Byzantium and the Caucasus]. *Rossiyskaya arkhologiiya*. 3: 97-108. [in Russian]
- Volkov, 1861** – Volkov, N.S. (1861). Nikolay Mistic. Patriarkh Konstantinopol'skiy. [Nikolay Mystic. Patriarch of Constantinople]. Pribavleniya k izdaniyu tvoreny svyatykh ottsov v russkom perevode. Ch. XX. Moscow: Tip. Avgusta Semena, pp. 187-192, 230-265. [in Russian]

Крещение алан и учреждение Аланской митрополии в контексте византийской политики на Северном Кавказе в первой трети X века

Сергей Николаевич Малахов ^{a,*}, Анастасия Сергеевна Малахова ^a

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются эпистолярные и нарративные источники, свидетельствующие о принятии христианства Аланией в результате миссии, организованной Константинопольским патриархом Николаем I Мистиком (901–907, 912–925). Основным источником по изучению этого важного акта внешней политики византийской Церкви и государства являются письма патриарха, дополнительная информация содержится в сочинениях Константина Багрянородного «Об управлении империей», «О церемониях византийского двора», notiциях византийской Церкви, некоторых восточных источниках.

Проблема принятия христианства северокавказскими аланами в научном плане уже была поставлена в конце XIX в., но не получила до сих пор окончательного решения. Дискуссионными остаются вопросы, связанные со временем крещения эксусиократора Алании и его подданных; хронологическая последовательность сведений об аланской миссии в эпистолярии Николая Мистика; роль Авасгии и ее правителей в оказании помощи греческим миссионерам на Северном Кавказе; обстоятельства учреждения Аланской митрополии и ее статус; внешнеполитические факторы активизации миссионерской деятельности на Кавказе в начале X века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: malakhoffserg@mail.ru (С.Н. Малахов), mlhvnastya@mail.ru (А.С. Малахова)

Анализ писем патриарха позволяет утверждать, что просвещение алан было организовано в 912–913 гг. монахом Евфимием, возглавившим группу византийских миссионеров. Архиепископ Петр, сменивший Евфимия в 914 г., крестил архонта Алании в сентябре–октябре 914 г., но не позднее сентября–октября 915 года. Крещение алан в 914–915 гг. сопровождалось строительством кафедрального собора (Северного Зеленчукского храма), который был возведен к середине 920-х гг. Учрежденная Аланская митрополия не имела епископских кафедр, была титулярной, напрямую подчинялась патриарху, а митрополит являлся доверенным лицом византийской власти в контактах с эксусиократором Алании. Крещение пришлось на период ухудшения внешнеполитического положения Византийской империи, поэтому церковь и василевс рассчитывали в лице правителя Алании найти надежного военного союзника для защиты своих интересов в регионе Западного Кавказа и на Балканах.

Ключевые слова: Алания, аланы, Аланская митрополия, Авасгия, Византийская империя, Константинопольский патриархат, крещение, миссия, Николай Мистик, архиепископ Петр, монах Евфимий, эксусиократор Алании, Северный Кавказ, Хазарский каганат, эпистолография.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 452-460.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.452
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Main Behavioral Models of the Population of the Belgorod Line in the middle of the 17th century

Denis A. Lyapin ^{a, *}

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

In the 1640–50s, to protect the southern borders of the country, an extensive complex of fortifications was erected, which was called the "Belgorod Line". The study of its history is of great interest to the scientific community. Recently, scientists have been studying this structure a lot. They want to understand how the construction process took place and the accompanying social and military transformations were carried out in the South of Russia. The author of the article focuses on the behavioral models of the local population. These are personality traits necessary to help people cope with everyday difficulties and realize their life attitudes, norms and values in certain conditions. This important topic remains outside the attention of the scientific community.

The article provides various examples of the behavior of service people: proactive participation in hostilities, their inherent paternalism and collectivism, the prevalence of public interest over private interests in their environment, the peculiarities of the mentality and world perception of the population are considered. The actions of people were determined by general ideas about service as the most important category of social life. In this regard, an important feature of human behavior was his initiative and perception of his interests in the context of actions for the benefit of the whole team. The team was more important than the person.

In conclusion, it is concluded that the models of human behavior that existed in the 17th century contributed to the successful construction of the Belgorod line, they made a person feel part of various social groups and be guided by a single goal. War was perceived as an integral feature of the general world order. Thus, the effective construction and functioning of the fortresses of the Belgorod line was directly related to the behavioral models of the local population.

Keywords: Belgorod line, Central Black Earth region, service people, behavioral models, war, steppe, Tatars.

1. Введение

Поведенческие модели представляют собой сложный комплекс поведенческих реакций, обусловленных окружающими обстоятельствами, природными и общественными манипуляциями. По своей сути они призваны помочь людям справляться с повседневными трудностями и реализовывать свои жизненные установки, нормы и ценности в определенных условиях. Изучение поведенческих моделей населения в эпоху Нового времени может эффективно осуществляться в рамках социальной истории, поскольку каждый индивид был частью социума и в силу этого обстоятельства являлся носителем поведенческих норм, присущих своей группе. В связи с этим представляется возможным говорить не столько о поведенческих моделях вообще, сколько о социальном поведении человека в определенных исторически сложившихся обстоятельствах.

* Corresponding author

E-mail addresses: lyapin-denis@yandex.ru (D.A. Lyapin)

2. Материалы и методы

В рамках данной статьи предлагается в общих чертах рассмотреть поведенческие модели служилого населения Белгородской черты, строительство которой происходило в 30–50-е годы XVII в. Этот пример представляется нам особенно удачным для изучения социального поведения человека. Белгородская черта представляла собой огромный комплекс сооружений, грандиозный по своему масштабу, и населению пришлось приложить массу усилий, чтобы в условиях постоянной войны с крымскими татарами построить этот военно-оборонительный комплекс в окраинном степном регионе. По-видимому, большую роль здесь сыграли существующие способы социальной организации, обусловленные присущими людям поведенческими моделями. Люди того времени были объединены целой сетью горизонтальных связей: так называемая «большая семья», община, социальная группа, слобода, военное подразделение, приход храма, деловое партнерство – все эти объединения делали «мир» прочным, устойчивым в трудных специфических условиях жизни, образовывалось единое сообщество, члены которого были готовы к эффективной совместной деятельности.

Итак, мы должны внимательно отнестись к человеку, который, будучи единицей различных социальных групп, находил тем самым наилучший способ получать результат в окружающих обстоятельствах. Поскольку человек XVII в. всегда был частью группы, то изучать необходимо весь коллектив, т.е. ту систему горизонтальных связей, которая возникает между людьми, находящимися на одной социальной ступени.

В рамках проведенного исследования были изучены материалы Белгородского стола Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Сделанные нами наблюдения легли в основу этой статьи. В своей работе мы обращались к набору методов, характерных для социальной истории (анализ и синтез, обобщение данных, сравнительный анализ социальных систем). Важную роль для нас играл историко-антропологический подход, обращающий особое внимание на человеческий фактор в истории, на личность и социум как особые феномены в историческом пространстве, действующие в сложившихся условиях, исходя из собственной системы мировосприятия, ментальности и представлений. Этот подход позволил нам уделять особое внимание межличностному и межгрупповому взаимодействию.

3. Обсуждение

Поведенческие модели населения Белгородской черты до сих пор целенаправленно не изучались. Тем не менее существует несколько работ, связанных с рассмотрением психологии и мировоззрения различных социальных групп допетровской России. Это прежде всего книга Е.Н. Швейковской о крестьянах русского Севера в конце XVI – начале XVIII вв. (Швейковская, 2012). В результате проведенной работы автору удалось собрать много фактического материала, подвергнуть анализу частную жизнь крестьянина, показать ценности сельских жителей. Вызывает интерес и работа О.Г. Усенко о психологии социального протеста в России XVII–XVIII вв. (Усенко, 1994). Историк обратил справедливое внимание на необходимость изучения особенностей поведения простого человека, его менталитета и мировоззрения. Способы самовыражения людей XVII в., их политические идеалы и нравственные ориентиры стали предметом изучения В.Я. Мауля, которого прежде всего заинтересовал так называемый «русский бунт», где хорошо проявились качества представителей низов (Мауль, 2003).

4. Результаты

Прежде чем перейти к анализу поведенческих моделей служилого населения Белгородской черты, скажем несколько слов о его социальном составе. Основную массу здесь составляли дети боярские – помещики, представлявшие собой военную кавалерию. До середины XVII в. они были объединены в единую корпорацию – служилый «город», куда входили представители одного уезда. Военные реформы 1650-х годов изменили это правило, организуя служилое население не по принципу земельного владения в том или ином уезде, а по принадлежности к определенному роду войск. В это же время появились военные организации полков нового строя: рейтары, драгуны, солдаты, копейщики. Прочие служилые люди (стрельцы, казаки, пушкари) включались в состав различных полковых подразделений и состояли обычно из десятков, полусотен и сотен (Беницианов, 2019: 232, 266). Дети боярские южных уездов в большинстве своем не имели крестьян на землях и были вынуждены обрабатывать пашню силами своей семьи. Постепенно за такими помещиками закрепился термин «однородцы». Они объединялись в сельские общины, чтобы помогать друг другу в ведении хозяйства (Ляпин, 2020: 62–78).

Несмотря на то, что социальный состав населения региона Белгородской черты был довольно разнообразным и не отличался стабильностью, по большому счету это был набор неоднородных служилых групп, перемены внутри которого происходили в зависимости от военных нужд государства. Поэтому именно война была самой важной составляющей повседневной жизни представителя любой из местных социальных групп. Нападения татар на южнорусские уезды, где проходила Белгородская черта, начинались с апреля и прекращались только в ноябре, когда выпадали первые большие снега. Обычная тактика кочевников сводилась к тому, чтобы разделиться

на мелкие отряды и совершать нападения в разных направлениях, поскольку так было легче всего захватить людей и скот, а потом угнать добычу в Крым (Глазьев, 2006: 5). Торговля пленными была существенной статьёй дохода для населения Крымского ханства, довольно бедного природными ресурсами (Новосельский, 1948). Набеги татар часто походили на грабительские рейды, но иногда крымские власти организовывали масштабные военные походы на южные рубежи России, особенно когда Москва вела войну на западных границах (Ляпин и др., 2020: 85).

Жители южной окраины должны были постоянно думать о собственной защите (справиться силами только своей семьи с регулярно нападавшими врагами было, конечно, невозможно). В итоге им приходилось объединяться и постоянно контролировать определенные участки на подъездах к каждому населенному пункту. Воевода был обязан обеспечивать защиту вверенного ему уезда, но уследить за каждым вражеским отрядом в десяток человек патрульной службе было не так просто. Переписываясь между собой, воеводы крепостей Белгородской черты получали информацию о передвижении крупных татарских отрядов, но часто она оказывалась неверной или весьма приблизительной (Ляпин, Прошунина, 2019: 28).

Обычно жители уезда имели возможность укрыться в крепости во время любого набега. Однако нападений было так много, что постоянно отсиживаться за высокими стенами в то время, когда следовало заботиться об урожае, было невыгодно. Татарский отряд мог взять в плен несколько человек, а вот голод, неизбежно последовавший, если заранее не позаботиться о хлебе, обрекал на смерть гораздо большее число людей. В итоге приходилось идти на риск: попасть в «полон» или погибнуть. Сельский «мир» был готов потерять несколько человек, но продолжить хозяйственные работы, чтобы собрать урожай, необходимый для выживания коллектива. Не стоит сомневаться в том, что татары тоже понимали привязанность русского земледельца к своему хозяйству и пользовались этим в своих интересах. Как правило, интенсивность набегов возрастала в конце августа.

Заботясь о том, чтобы не попасть в плен и не подвергнуться разорению, сельские жители укрепляли свои деревни, превращая их в небольшие крепости, недолговечные, но вполне надежные временные укрепления (Ляпин, 2020: 79). Иногда в крупных селах жители возводили целый острог, куда в случае опасности сбегалось население соседних деревень (Ляпин, 2020: 80). Такие укрепления были эффективны, если численное соотношение нападавших и защитников было примерно одинаковым, но крупная татарская армия, конечно, сжигала и сметала их на своем пути. Так случилось, например, летом 1643 г., когда несколько поселений на севере Воронежского уезда были полностью уничтожены в ходе большого набега кочевников (Княжинский, 1995: 26-30).

Население иногда предпочитало укрываться от вражеского нападения в лесу. Вследствие этого сельские жители старались расположить свои пашни рядом с крупным лесным массивом, а в лесной чаще разбивали огороды и ставили небольшие избы «на убог от татарской войны» (Камараули, 2018: 101-102). Здесь же хранили запасы, необходимые для выживания коллектива деревни. У нас нет сведений о том, что эти меры были распространенным явлением, видимо, эффективность их было незначительной.

Так или иначе, постоянное противостояние с татарами вырабатывало чувство взаимовыгодной коллективной поддержки и взаимопомощи. Таким образом, получала развитие важная модель поведения человека – готовность идти на жертвы ради общего блага. Однако не чувство братского единства, а суровые реалии жизни поддерживали устойчивость данной поведенческой нормы. Не случайно к концу XVII в., когда граница уходит на юг, это явление также остается в прошлом. Люди петровской эпохи уже не выказывали социальной сплоченности в занятиях сельским трудом (Ляпин и др., 2020).

Белгородская черта располагалась на обширных лесостепных пространствах, богатых самыми различными ресурсами. Каждый служилый человек мог взять в аренду участок реки или леса: в реках ловили рыбу и бобров, в лесу собирали мед и охотились. Промысловая деятельность способствовала хозяйственному развитию региона и вносила разнообразие в повседневное существование человека. Однако заниматься ею в одиночку было практически невозможно, и арендаторами выступали целые группы местных жителей. Объединяясь в небольшие отряды, они ходили в степные «ухожаи» для добычи рыбы и зверя, устраивали бобровые гоны, а иногда отправлялись еще дальше – на заработки к донским казакам или на Волгу, где целый год «кормились» охотой и рыбалкой (Куц, 2009: 92; Загоровский, 1991: 92). Эффективность подобных мероприятий могла быть большой только в условиях совместной деятельности (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 16. Л. 250-252, 556-560).

Дон всегда манил жителей окраины, желающих заработать на торговле, ведь казаки почти ничего не производили, но имели деньги и ценные вещи, «добытые» в боях с татарами и турками. Разумеется, ездить на Дон с товаром поодиночке было рискованным занятием, и предприимчивое население крепостей объединялось в «караваны» для прибыльных путешествий к казакам через Степь. Подобного рода торговля приносила хороший доход, особенно если речь шла о ценившихся на Дону зерне и железных изделиях. Совместные походы были частым явлением, хотя и очень опасным в условиях степного пограничья. Отправляясь на промыслы, люди были предоставлены сами себе, и воевода крепости уже не нес за них ответственности. Если при нападении татар в уезде он предлагал

населению укрыться в крепости и посылал военные отряды в небольшие поселения, чтобы спасти людей, то далеко в Степи каждый должен был полагаться только на себя (Stevens Belkin, 1995: 15-16).

В промысловой деятельности так же, как и на войне, проявилось стремление человека пойти на риск, положиться на удачу, чтобы заработать и жить хотя бы некоторое время в достатке. Такая поведенческая модель была довольно распространенной и выливалась даже в организацию совместных разбойных отрядов (Ляпин, 2020: 81-87). Жители села или деревни выходили на большую дорогу, чтобы грабить проезжавших там, где те не опасались татарской угрозы: в лесу или возле русских поселений. Такой разбой приносил время от времени большой доход местному «миру», хотя являлся рискованным занятием. Кроме русского населения, такая форма коллективного поведения была характерна для черкас – выходцев с Украины, активно заселявших земли Белгородской черты в 1650–1660-е годы (Папков, 2017).

Еще одна важная особенность менталитета населения Белгородской черты – отношение к войне. Вообще в XVII в. не только в России, но и в Европе война представлялась людям как нечто само собой разумеющееся, естественная форма решения конфликта (Chagniot, 2001: 71). На войне можно было сделать быструю карьеру, хотя для этого необходимо было пойти на риск.

Для населения Белгородской черты война была не просто чередой сражений, периодически случающихся в интересах правящих особ, когда полководцы по всем правилам военного искусства выстраивали свои полки для очередного боя. Война являлась реальностью их повседневной жизни. Но также, как и повсеместно в эпоху XVII в., военная доблесть помогала человеку добиться денежного вознаграждения и увеличить размер своих владений, получить почет и славу, заработать авторитет. Служилые люди, отличившиеся во время боев с татарами, могли рассчитывать на то, что им удастся занять хорошую доходную должность в своем уезде или попасть на службу в Москву.

До нас дошли списки участников сражений, которые составлял воевода. Их имена были записаны в столбик, и напротив некоторых ставились пометы: «государю служил, бился явственно», «ранен в плечо», «да по нем четыре раны сабельных», «убил мужика» (Царские грамоты, 1859: 244-246). Списки отсылались в Москву и служили основаниями для выплат и назначений местному гарнизону. Дошли до нас и другие списки, куда записывали погибших, взятых в плен и бежавших со службы. После каждого крупного набега воеводы составляли на основании «сказок» (расспросов населения) перечни убитых, пленных, фиксировали угнанный скот и сгоревшие постройки.

Стремясь защититься от разорительных набегов, жители южных уездов первыми обращались к местной власти с просьбами разрешить им построить укрепления, защищавшие их поселения и пашни. Особенно это было важно на открытых пространствах, где не было густого леса или полноводной реки. К примеру, мелкие помещики, жившие между Елецким и Воронежским уездами, предложили в 1639 г. построить возле своих домов ров, вал и частокол, чтобы перегорудить проходивший здесь татарский путь (Devies, 2004: 133-136). Они были готовы потратить собственное время и силы на то, чтобы избавиться от ежегодных разорительных набегов. Воевода Воронежа С.М. Вельяминов дал свое разрешение на строительство укрепленной линии, а затем в Москве, узнав об инициативе жителей, предложили построить в этом месте острог, обещая людям финансовую поддержку. Пока воевода выбирал место под острог, ему пришел новый указ: возвести здесь полноценную крепость. Во время строительства местный «мир» разделял обязанности между собой: одни патрулировали Степь, другие работали на пашне, третьи строили укрепления. Так в 1645 г. появилась крепость Усмань, закрывшая один из традиционных татарских путей в верховья Дона (Княжинский, 1995: 30).

Постройка крупной крепости Усмань является очень показательным примером. Здесь наглядно проявили себя общие слаженные действия власти и местного «мира», соединенные совместным интересом в борьбе с татарской угрозой. Еще один пример подобного рода – просьба курских и белгородских служилых людей о постройке крепости Обоянь в 1638 г. Об этом докладывал в Разрядный приказ воевода Белгорода Петр Пожарский. Местные жители обратились к нему с просьбой соорудить небольшую крепость, чтобы обезопасить от татар свои земли. Они сообщили, что на реке Бая есть удобное место в 60 верстах от Курска и 60 – от Белгорода, где находится старое городище, как раз рядом с татарской сакмой (сакма – путь в степи). Однако патрулирующие степь отряды доходят сюда с большим трудом по причине отдаленности, да и находиться здесь долго для них слишком опасно. При этом в этих местах расположены большие луга и поля, удобные для пашни, а также старый лес, огромные деревья которого были пригодны для строительных работ. Местные жители уверяли, что готовы начать постройку новой крепости сами, как только «государь укажет». В Москве одобрили эту инициативу и приказали воеводе составить чертеж будущих крепостных укреплений (Отписка Белгородского воеводы..., 1894: 69-70). В 1635 г. в Орловском уезде служилые люди, не дожидаясь разрешения из Москвы и без всяких согласований с воеводой, сами поставили четыре острога, чтобы укрываться в них «в приход воинских людей» с крестьянами, женами и детьми (Отписка мценского воеводы..., 1894: 4).

Поведенческие модели населения нашли свое отражение еще в одном явлении – добровольном уходе на фронт. Узнав о том, что московский царь начал войну с одним из своих «недрузей», служилые люди, не попавшие в полки, объединялись в группы и сами отправлялись на врага.

В документах они обычно обозначались как «охочие люди». По сути это были добровольцы, вызвавшиеся поучаствовать в военных действиях самостоятельно. Трудно сказать, что руководило ими: было ли это просто желанием заработать во время ограбления земель врага или же неким патриотическим порывом. «Охочие люди» всеми способами старались продемонстрировать свою религиозную и политическую принадлежность Москве, причиняя врагу всевозможный ущерб.

Например, во время Смоленской войны 1632–1634 гг. «охочие люди» объединились в небольшие группы, а затем – и в отряды по 200–300 человек, ушли на запад, пересекли границу Литвы и вредили неприятелю тем, что грабили население, разоряли деревни, нападали на военные отряды. Среди участников таких самостоятельных походов были не только стрельцы или казаки, но и крестьяне. Военная активность этих отрядов раздражала Москву. Скоро была послана специальная грамота от царя Михаила Федоровича, в которой требовалось прекратить всякие походы на врага, поскольку «в Московском государстве николи не повелось – без нашего царского указа собираться и в войну ходить!» (Поршнеv, 1957: 124). Однако количество добровольцев, ушедших в Литву и действовавших на вражеских землях самостоятельно, было так велико, что правительство в конце концов предложило всем перейти на службу в царские полки (Поршнеv, 1957: 121-140).

Служилое население активно привлекалось к строительству новых городов-крепостей. Показательна, к примеру, коллективная челобитная служилых людей Курска с просьбой освободить их от сторожевой службы до тех пор, пока они не оправятся от участия в строительстве Чугуева в 1639 г. Явившись для постройки этой новой крепости, куряне не получили никакого инвентаря и вскоре убедились, что им предстоит копать очень каменистую землю. В итоге за свой счет им пришлось нанимать «литовских людей» для этих работ и потратить на это много денег. Теперь же «бедные и разоренные» служилые люди просили дать им время, чтобы пополнить свои запасы и отдохнуть. В Разрядном приказе разрешили им в течение года не участвовать в патрульной службе, но «по большим вестям быть» (т.е. в случае нападения крупной вражеской армии являться в крепость для обороны) (Челобитные курчан..., 1894: 119).

Следует также отметить, что служилое население Белгородской черты принимало участие во всех крупных войнах, которые вела Россия на западе. В итоге потери местных гарнизонов были так велики, что после 1660 г. здесь образовался большой фонд пустующих земель. Чтобы остановить запустение поместий, правительство начало раздачу этих земель черкасам, казакам и представителям полков нового строя (рейтарам, драгунам, солдатам) (РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Д. 143. Л. 3-43; Оп. 7а. Д. 38. Л. 2-170б.). В 1667 г. помещикам было разрешено передавать свои земли соседям, родственникам и всем желающим служилым «по отчеству», что способствовало переселению в южные уезды новых землевладельцев (Важинский, 1974: 128).

Формы поведения людей, их жизнь и судьба всегда тесно связаны с эпохой, в которой они живут. XVII столетие было периодом ухода средневековых идеалов и формирования новых ценностных ориентиров, связанных с ростом индивидуальности и стремления к достатку (Усенко, 1994: 16-17). Большинство жителей крепостей Белгородской черты были неграмотны, но никто не испытывал от этого каких-либо больших неудобств, ведь грамотность воспринималась как практический навык, значимый только для конкретной государственной работы. Например, умение писать и считать нужны были для того, чтобы служить целовальником в приказной избе, в кабаке или в таможне. Эти должности, однако, не считались особенно престижными и часто были скорее повинностями для местного «мира», поэтому и грамотность не воспринималась как важная способность. Только должность губного старосты, также требовавшая знания грамоты, заслуживала уважения у населения, поскольку давала много возможностей для повышения личного благосостояния.

Как правило, в пределах крепости грамотным был воевода, но он редко пользовался этим навыком для написания делопроизводственных бумаг. Хотя в повседневной жизни ему приходилось много раз братья за перо, писать документы в Москву он решительно отказывался, полагая, видимо, что это занятие его недостойно. Важно отметить, что умение читать не использовалось людьми того времени для развлечения или проведения досуга – это был практический навык, и в целом в обществе господствовала устная культура. Грамотность давала возможность заработать небольшие средства, но не являлась обязательным условием для успешной карьеры.

Может быть, именно в условиях отсутствия достаточного числа грамотных людей большое распространение получали слухи и сплетни, часто обрастающие самыми фантастическими подробностями (Ляпин, 2018: 167-192). Яркий пример господства слухов и легковерия жителей Белгородской черты – «всполохи», так назывались сведения о нападении татар, которые заставляли местное сообщество предпринимать ряд оборонных мер, хотя часто они были неверны и никаких татар на самом деле не было. Рассмотрим один подобный случай, произошедший в 1665 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 855. Л. 14-476).

В начале августа этого года в Гремячий острог (на юг рязанских земель) ехал местный помещик Степан Левашов «для своего дела» вместе со своим холопом Сысоем Изосимовым. Они сильно спешили, и в дороге у Левашова разболелась голова, которую он замотал тряпкой. Местные жители, увидев торопящегося служилого человека с «раненой» головой, решили, что нападают татары. Слухи

распространялись быстрее, чем ехали путники. В одном из сел им навстречу выбежала целая толпа, уже уверенная в нападении врага, люди спешили в лес с криками: «*Татарове, татарове!*» Вскоре слухи об израненном помещике дошли до воевод, и Рязань, Пронск, Сокольск, Елифань, Воронеж, Данков, Михайлов, Лебедянь, Костенск, Коротояк перешли на осадное положение. Люди уже были уверены, что «*Степана под Гремячим изрубили*» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 855. Л. 476). Такова была власть слухов над людьми, измученными постоянными внезапными татарскими набегами.

Еще одна особенность менталитета жителей Юга России – их представления о времени всегда были расплывчаты и неточны. Люди жили в рамках церковного календаря, опираясь на праздники (в том числе и подвижные) как точки отчета: «*за две недели до Велика дня* (т.е. Пасхи)», «*неделю после Троицына дни*», а в 1638 г. воронежскую помещицу ограбили соседи «*за неделю до Вербного воскресенья с понедельника на вторник*» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 7. Л. 1-2). При этом время для человека той эпохи шло как бы по кругу, было замкнуто, и, следовательно, в народной культуре длительная история почти полностью отсутствовала. У нас нет никаких сведений о том, что население южных крепостей интересовалось прошлым своего региона в познавательном отношении. Составлявшие отчеты (сметные росписи) в Москву воеводы во второй половине XVII в. часто отмечали, что жители не могут точно сказать, когда была построена их крепость. Местные власти сетовали на то, что эти сведения вообще невозможно ни от кого получить, хотя с момента постройки самых старых крепостей региона прошло всего 70–80 лет.

Впрочем, помещики в условиях местничества и постоянных земельных споров хорошо помнили имена своих предков и некоторые связанные с их историей события. Например, свою родословную роспись в 1682 г. в Разрядный приказ подал елецкий помещик Елифан Иванович Бехтеев (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 50. Л. 1). Его рассказ, вызванный практической необходимостью, довольно сух, хотя содержит любопытное семейное предание о предке Вороне Бехтееве (никаких исторических сведений о нем нет), сын которого Елисей якобы служил Ивану Грозному. При этом сам Елифан Иванович был представителем уже седьмого поколения своего рода. Однако и в этом интересе к генеалогии на первом месте была практическая необходимость: знать историю своего рода было важно в случае местнического счета, а также – в различного рода земельных спорах.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели некоторые поведенческие модели населения Белгородской черты в контексте социальной истории региона. По своей сути действия людей определялись общими представлениями о службе как о важнейшей категории общественной жизни. В этой связи важной чертой поведения человека была его инициативность и восприятие своих интересов в контексте действий ради пользы всего коллектива. Жизненная предприимчивость и практичность способствовали тому, что служилые люди, жившие вокруг крепостей, в борьбе с татарами не только прятали имущество в лесу и ставили острог вокруг своей деревни, но предпринимали куда более эффективные действия: сооружали валы, рвы, ставили частоколы и небольшие остроги на татарских шляхах. Власть подхватывала эту инициативу и предлагала идти еще дальше, а именно – возводить новые крепости, гарнизон которых смог бы контролировать построенные населением укрепления, защищавшие их земли. Воеводе поручалось активно помогать строителям ремонтировать поврежденные участки и возводить силами гарнизона новые валы и рвы для защиты уезда. В конце концов это массовое инициативное строительство и вылилось в создание единой Белгородской черты. В основе этого процесса, как мы видели, лежал коллективный, общественный интерес, выработанная годами привычка действовать сообща, жертвовать малым ради большого.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Литература

- Бенцианов, 2019 – Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.
- Важинский, 1974 – Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1974. 237 с.
- ГАВО – Государственный архив Воронежской области.
- Глазьев, 2006 – Глазьев В.Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // *Исторические записки ВГУ*. 2006. Вып. 10. С. 5-12.
- Загоровский, 1991 – Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 269 с.
- Камараули, 2018 – Камараули Е.В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // *История: факты и символы*. 2018. № 3 (16). С. 97-105.

- Княжинский, 1995** – *Княжинский Б.П.* Очерки по истории Усманского края (XVII–XIX столетия). Липецк: Новая жизнь, 1995. 271 с.
- Куц, 2009** – *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 456 с.
- Ляпин, 2020** – *Ляпин Д.А.* На окраине царства: повседневная жизнь населения на Юге России в XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.
- Ляпин, 2018** – *Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.
- Ляпин и др., 2020** – *Ляпин Д.А., Афанасьева И.Н., Коршикова Е.А.* Некоторые формы организации пространства повседневности населения крепостей-городов Центрально-Черноземного региона России в XVII – первой половине XVIII вв. // *История: факты и символы.* 2020. № 1 (22). С. 85-93.
- Ляпин, Прошунина, 2019** – *Ляпин Д.А., Прошунина Е.В.* Документы о Русско-турецкой войне 1672–1681 гг. в фондах государственного архива Воронежской области // *Filo Ariadne.* 2019. № 3. С. 21-30.
- Мауль, 2003** – *Мауль В.Я.* Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 217 с.
- Новосельский, 1948** – *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 448 с.
- Отписка Белгородского воеводы...** – Отписка Белгородского воеводы об отсылке в Розряд челобитной курчан и белгородцев, в коей они просят о постройке Обоянского городища // АМГ / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Изд-во типографии императорской академии наук, 1894. Т. II. С. 69-70.
- Отписка мценского воеводы...** – Отписка мценского воеводы, что Орляне, дворяне, дети боярские и всякие уездные люди, поставили в Орловском уезде четыре острожка, где хотят сидеть в приход воинских людей с женами и с людьми // АМГ / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Изд-во типографии императорской академии наук, 1894. Т. II. С. 4.
- Папков, 2017** – *Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // *История: факты и символы.* 2017. № 4 (13). С. 24-36.
- Поршнев, 1957** – *Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // *История СССР.* 1957. № 5. С. 112-140.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Усенко, 1994** – *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь: Изд-во ТГУ, 1994. Ч. 1. 91 с.
- Царские грамоты...** – Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // ЧОИДР. М.: Университетская типография, 1859. Кн. 2. С. 244-246.
- Челобитье курчан...** – Челобитье курчан детей боярских об освобождении их на лето от сторожевой и патрульной служб, пока они поправятся от постройки Чугуева // АМГ / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Изд-во типографии императорской академии наук, 1894. Т. II. С. 119.
- Швейковская, 2012** – *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М.: Индрик, 2012. 366 с.
- Chagniot, 2001** – *Chagniot J.* Guerre et societeal' epoque modern. Paris: Presses Universitaires de France, 2001. 260 p.
- Devies, 2004** – *Devies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.
- Stevens Belkin, 1995** – *Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois: Northern Illinois University Press, 1995. 241 p.

References

- Bentsianov, 2019** – *Bentsianov, M.M.* (2019). «Knyaz'ya, boyare i deti boyarskie». Sistema sluzhebnykh otnosheniy v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. ["Princes, boyars and boyar children." The system of service relations in the Moscow state in the 15th – 16th centuries]. Moscow, Tsentrpoligraf. 351 p. [in Russian]
- Chagniot, 2001** – *Chagniot, J.* (2001). Guerre et societeal' epoque modern [War and society in the modern era]. Paris, Presses Universitaires de France, 2001, 260 p. [in French]
- Chelobit'e kurchan...** – Chelobit'e kurchan detey boyarskikh ob osvobozhdenii ikh na leto ot storozhevoy i patrol'noy sluzhby, poka oni popravayatsya ot postroyki Chugueva [Letters of Kurchans of «dety boyrskie» about releasing them for the summer from guard and patrol services, while they recover from the construction of Chuguev]. АМГ / pod red. N.A Popova. Sankt-Petersburg, Tipografii imperatorskoy akademii nauk, T. II, p. 119. [in Russian]
- Devies, 2004** – *Devies, L.B.* (2004). State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York, Palgrave Macmillan, 308 p.
- GAVO** – Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti [State archive of the Voronezh Region]. [in Russian]

Glaz'ev, 2006 – *Glaz'ev, V.N.* (2006). Protivoborstvo v stepnom pogranich'e v 20-40-e gody XVII veka: russkie i tatory [Confrontation in the steppe borderlands in the 20-40s of the 17th century: Russians and Tatars]. *Istoricheskie zapiski VGU*. 10: 5-12. [in Russian]

Kamarauli, 2018 – *Kamarauli, E.V.* (2018). Formirovanie poselencheskoy struktury v yuzhnykh uezdakh Rossii v pervoy polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uезда) [The formation of the settlement structure in the southern districts of Russia in the first half of the 17th century. (on the example of the Voronezh district)]. *Istoriya: Fakty i Simvoliy*. 3(16): 97-105. [in Russian]

Knyazhinskiy, 1995 – *Knyazhinskiy, B.P.* (1995). Ocherki po istorii Usmanskogo kraya (XVII–XIX stoletiya) [Essays on the history of the Usman region (XVII – XIX centuries)]. Lipetsk: Novaya zhizn', 271 p. [in Russian]

Kuts, 2009 – *Kuts, O.Yu.* (2009). Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina [Don Cossacks in the period from the capture of Azov to the speech of S. Razin]. Sankt-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 456 p. [in Russian]

Lyapin, 2018 – *Lyapin, D.A.* (2018). Tsarskiy mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII v. [The Tsar's Sword: Socio-Political Struggle in Russia in the Middle of the 17th century]. Sankt-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 336 p. [in Russian]

Lyapin, 2020 – *Lyapin, D.A.* (2020). Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya na Yuge Rossii v XVII v. [On the outskirts of the tsardom: everyday life of the population in the South of Russia in the 17th century]. Sankt-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 416 p. [in Russian]

Lyapin et al., 2020 – *Lyapin, D.A., Afanas'eva, I.N., Korshikova, E.A.* (2020). Nekotorye formy organizatsii prostranstva povsednevnosti naseleniya krepostey-gorodov Tsentral'no-chernozemnogo regiona Rossii v XVII – pervoy polovine XVIII vv. [Some forms of organizing the space of everyday life of the population of fortresses-cities of the Central Black Earth region of Russia in the 17th – first half of the 18th centuries]. *Istoriya: fakty i simvoliy*. 1 (22): 85-93. [in Russian]

Lyapin, Proshunina, 2019 – *Lyapin, D.A., Proshunina, E.V.* (2019). Dokumenty o Russko-turetskoy voyne 1672-1681 gg. v fondakh gosudarstvennogo arkhiva Voronezhskoy oblasti [Documents about the Russian-Turkish war 1672-1681 in the funds of the state archive of the Voronezh region]. *Filo Ariadne*. 3: 21-30. [in Russian]

Maul', 2003 – *Maul', V.Ya.* (2003). Kharizma i bunt: psikhologicheskaya priroda narodnykh dvizheniy v Rossii XVII–XVIII vekov [Charisma and rebellion: the psychological nature of popular movements in Russia in the 17th-18th centuries]. Tomsk, Izd-vo TGU, 217 p. [in Russian]

Novosel'skiy, 1948 – *Novosel'skiy, A.A.* (1948). Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v. [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century]. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 448 p. [in Russian]

Otpiska Belgorodskogo voevody... – Otpiska Belgorodskogo voevody ob otsylke v Rozryad chelobitnoy kurchan i belgorodtsev, v koey oni prosyat o postroyke Oboyanskogo gorodishcha (1894). [Letter of the Belgorod governor about sending Kurchan and Belgorod residents to the petition, in which they ask for the construction of the Oboyansk settlement]. *AMG*. Pod red. N.A. Popova. Sankt-Petersburg, Izd-vo Tipografii imperatorskoy akademii nauk, T. II, pp. 69-70. [in Russian]

Otpiska mtsenskogo voevody... – Otpiska mtsenskogo voevody, chto Orlyane, dvoryane, deti boyarskie i vsyakiye uezdnye lyudi postavili v Orlovskom uезде chetyre ostrozhka, gde khotyat sidet' v prikhod voinskikh lyudey s zhenami i s lyud'mi (1894). [Letter of the Mtsensk governor that the Orlyans, noblemen, boyar children and all sorts of uyezd people put four prison in the Oryol district, where they want to sit in the parish of military people with wives and people]. *AMG*. Pod red. N.A. Popova. Sankt-Petersburg, Tipografii imperatorskoy akademii nauk, T. II, p. 4. [in Russian]

Papkov, 2017 – *Papkov, A.I.* (2017). Bunt ili izmena? Vosstaniya sluzhilykh cherkas na yuge Rossii v 40-e gody XVII veka (2017). [Riot or treason? Uprising of servicemen Cherkas in the south of Russia in the 40s of the 17th century]. *Istoriya: Fakty i simvoliy*. 4(13): 24-36. [in Russian]

Porshnev, 1957 – *Porshnev, B.F.* (1957). Sotsial'no-politicheskaya obstanovka v Rossii vo vremya Smolenskoy voyny [Socio-political situation in Russia during the Smolensk war]. *Istoriya SSSR*. 5: 112-140. [in Russian]

RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts]. [in Russian]

Shveykovskaya, 2012 – *Shveykovskaya, E.N.* (2012). Russkiy krest'yanin v dome i mire: Severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII veka [Russian peasant in the home and in the world: Northern village of the late 16th – early 18th centuries]. Moscow, Indrik, 366 p. [in Russian]

Stevens Belkin, 1995 – *Stevens Belkin, C.* (1995). Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, Northern Illinois University Press, 241 p.

Tsarskie gramoty... – Tsarskie gramoty na Korochu vovodam i chelobitnye korochan tsaryam [Royal letters for Korocha to the governors and petitions to the tsar]. ChOidr. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1859. Kn. 2, pp. 244-246. [in Russian]

Usenko, 1994 – Usenko, O.G. (1994). Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vekov. [The psychology of social protest in Russia in the 17th-18th centuries]. Tver, Izd-vo TGU, Ch. 1, 91 p. [in Russian]

Vazhinskiy, 1974 – Vazhinskiy, V.M. (1974). Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke [Land tenure and the formation of a community of one-courtiers in the 17th century]. Voronezh, Izd-vo VGPI, 237 p. [in Russian]

Zagorovskiy, 1991 – Zagorovskiy, V.P. (1991). Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke [The history of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16th century]. Voronezh, Izd-vo VGU. 269 p. [in Russian]

Основные поведенческие модели населения Белгородской черты в середине XVII в.

Денис Александрович Ляпин ^{а, *}

^а Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. В 1640–1650-е годы для защиты южных рубежей страны был возведен обширный комплекс укреплений, получивший название «Белгородская черта». Изучение его истории представляет большой интерес для научного сообщества. В последнее время ученые прилагают усилия, чтобы понять, как проходил процесс строительства и осуществлялись сопутствующие ему социальные и военные преобразования на Юге России.

В центре внимания автора статьи находятся поведенческие модели местного населения, которые призваны помочь людям справляться с повседневными трудностями и реализовывать свои жизненные установки, нормы и ценности в определенных условиях. Эта важная тема остается за пределами внимания научного сообщества. В статье приводятся различные примеры поведения служилых людей: инициативное участие в военных действиях, присущий им патернализм и коллективизм, преобладание в их среде общественного интереса над частным. Также рассматриваются особенности менталитета и мировосприятия населения. Действия людей определялись общими представлениями о службе как о важнейшей категории общественной жизни. В этой связи важной чертой поведения человека была его инициативность и восприятие своих интересов в контексте действий ради пользы всего коллектива.

В заключении делаются выводы о том, что существовавшие в XVII в. модели поведения людей способствовали успешному строительству Белгородской черты, они заставляли человека чувствовать себя частью различных социальных групп и руководствоваться единой целью. Война воспринималась как неотъемлемая особенность общего мироустройства. Таким образом, эффективное строительство и функционирование крепостей Белгородской черты было напрямую связано с поведенческими моделями местного населения.

Ключевые слова: Белгородская черта, Центральное Черноземье, служилые люди, поведенческие модели, война, степь, татары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lyapin-denis@yandex.ru (Д.А. Ляпин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 461-470.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.461
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIIth century)

Anzor V. Darchiev ^{a, *}, Svetlana V. Darchieva ^a

^aNorth-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named V.I. Abaev, Russian Federation

Abstract

The article explores the message of Dionigi Carli da Piacenza (1637–1695), a Catholic missionary and Capuchin friar, about the marriage of Prince Bagrat, the son of King George XI of Kartli (1651–1709), to the daughter of an unknown Ossetian ruler. Although this information provided by Dionigi is considered one of the important sources on the history of Ossetian-Georgian relations in the XVIIIth century, upon closer examination it seems quite doubtful. Besides, it contradicts the Georgian sources of said period, which report about Rusudan, the daughter of the Circassian prince Kilchiko, getting engaged to Prince Bagrat. Genealogical research data show that a lot of Georgian-Circassian dynastic marriages were concluded in the 1500s-1700s, while nothing is known about the marriages between Ossetian nobles and members of the Georgian royalty during the same period. Studying the original source in the Ossetian language allowed the author to make a number of important clarifications that contributed to a more correct understanding of the text. Dionigi claims that Ossetians usually lived in forests, which was not exactly the case in the XVIIIth century. However, it corresponds to the reports of other European authors of the same period, characterizing the Circassians as forest dwellers. All this leads the author to the conclusion that Dionigi might have made a mistake when translating ethnonyms that were not quite familiar to him. Thus, the “Ossetian princess” in Dionigi’s message is most likely the daughter of the Circassian prince, who, according to all other sources, was the fiancée (or wife) of Bagrat, Prince of Kartli.

Keywords: Georgia, Ossetia, Circassia, Dionigi Carli da Piacenza, King George XI, Prince Bagrat, Queen Rusudan, Ossetian ruler/mtavar, Ossetian princess, dynastic marriage.

1. Введение

Со времен глубокой древности между народами Северного Кавказа и Грузии существовали многогранные экономические, политические и культурные взаимосвязи. Поэтому изучение истории грузино-северокавказских отношений является актуальной задачей российской исторической науки. Проводимые в этом направлении исследования особенно важны на современном этапе, поскольку они не только открывают перед нами исторические корни конфликтов, до сих пор тревожащих российское общество, но и дают немало поучительных и обнадеживающих примеров добрососедских отношений между народами.

Среди источников по истории осетино-грузинских отношений XVII в. особняком стоит небольшое, но весьма интересное сообщение итальянского монаха Диониджио Карли да Пьяченца (1637–1695). В нем повествуется о событиях конца 70-х – начала 80-х гг., когда шах Сулейман I (1648–1694) потребовал от картлийского царя Георгия XI (1651–1709) схватить и отправить к нему своего старшего брата Арчила (1647–1713), не проявлявшего должной покорности персидскому владыке. Но Георгий под разными предлогами требование шаха не выполнил, известил Арчила и позволил ему уехать в Россию. По свидетельству Диониджио, все это имело для Георгия XI крайне неблагоприятные последствия: «Они твердо уверены, что история прежней договоренности между

* Corresponding author

E-mail addresses: dar-anzor@yandex.ru (A.V. Darchiev), svetik-dar70@mail.ru (S.V. Darchieva)

братьями раскрылась, и благодаря этому жизнь царя Георгия находится в опасности. Но этот последний... не спит, наоборот, он единственного своего сына женил на дочери правителя (мтавара) осетин. Осетины – гордые люди, живут уединенно в лесах и охотятся на медведей и других зверей. Благодаря этому родству при необходимости царь Георгий там найдет убежище и будет сопротивляться персам» (*История Осетии...*, 1962: 105, 106).

Историческая судьба Осетии сложилась так, что после царевича Давида Сослана (ум. в 1207 г.), который был женат на царице Грузии Тамаре (ум. в 1213 г.), мы не имеем никаких свидетельств о браках между представителями знатных осетинских родов и членами грузинского царствующего дома. Но, согласно приведенному выше тексту, в первой половине 80-х гг. XVII в., т.е. почти пять столетий спустя, картлийский царь из династии Багратидов Георгий XI женил своего единственного сына и наследника царского престола на дочери осетинского правителя, что должно свидетельствовать о большом политическом весе последнего и о существовавших в ту пору добрых осетино-грузинских отношениях.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали сообщение католического миссионера конца XVII в. Диониджио Карли, труды грузинских историков XVII в., а также наблюдения и путевые заметки европейских путешественников XVII–XIX вв. о народах Северного Кавказа. Эти разнохарактерные источники, дополняя и уточняя друг друга, помогают восстановить достаточно цельную картину грузино-северокавказских отношений в период, предшествовавший их присоединению к России.

Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволяет учитывать особенности изучаемого периода и дает понимание причинно-следственных связей тех или иных событий. Принцип объективности предполагает использование только неискаженных и проверенных фактов и источников, а также требует рассматривать предмет исследования во всей совокупности его проявлений. При решении конкретных исследовательских задач использовались сравнительно-исторический, биографический, синхронный и диахронный методы. Именно на их основе выявлялись степень искажения и ошибки в сведениях иностранных авторов XVII в. о народах Северного Кавказа. Эффективным оказалось использование и междисциплинарного метода. В частности, привлечение данных исторической географии способствовало более точному и правильному восприятию содержащихся в источниках XVII–XIX вв. сведений об особенностях ландшафта местности, в которой проживали отдельные народы Северного Кавказа.

3. Обсуждение

Сообщение Диониджио Карли в дальнейшем неоднократно приводилось в работах отдельных авторов (*Тогошвили, 1976: 138; Санакоев, 1979: 77*), а затем вошло и в коллективные обобщающие монографии по истории Осетии (*Очерки...*, 1985: 103; *История СОАССР...*, 1987: 159; *История Осетии...*, 2019: 362). Однако при ближайшем рассмотрении данного источника неизбежно возникают вопросы, первый из которых состоит в следующем: кто был тот неведомый осетинский правитель, обладавший возможностями настолько значительными, что картлийский царь Георгий XI рассчитывал на его поддержку в противостоянии со своим персидским сюзереном?

В монографии «Грузино-осетинские отношения в XV–XVIII вв.», впервые опубликованной на грузинском языке в 1969 году, Г.Д. Тогошвили задается тем же вопросом, но не находит на него ответа: «Из грузинских источников невозможно выяснить обстоятельства, при которых произошла женитьба единственного сына Георгия на дочери осетинского князя. Ничего не сообщается ни о личности этого князя, ни о том, какой властью он обладал. Однако несомненным является тот факт, что упомянутый князь являлся таким представителем верхнего социального слоя осетин, который имел большое влияние на своих соплеменников. Поэтому породнение с ним создавало реальные условия получения политической поддержки со стороны осетин» (*Тогошвили, 2012: 232*).

4. Результаты

Хотя грузинские источники ничего не говорят о личности осетинского князя, они сохранили сведения о сыне Георгия XI, который, согласно Диониджио Карли, был женат на дочери этого князя. Единственного сына картлийского царя Георгия XI, рожденного от брака с Тамар, дочерью князя Давида Давитишвили, звали Баграт (*Чхеидзе, 1976: 10*). В 1688 г. Георгий XI по требованию шаха Сулеймана I отправил царевича Баграта и своего родного брата Левона в Персию в качестве заложников. Правда, это уже не могло изменить стремительно ухудшавшиеся отношения с сефевидским двором: в том же году Сулейман I, разгневанный слишком самостоятельной политикой Георгия XI, низложил его, поставив картлийским царем Ираклия I, а Баграта приказал ввергнуть в гератскую темницу (*Горгиджанидзе, 1990: 154*), где царевич и умер, не выдержав тягот заключения. В книге «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах» (1977 г.) Г.Д. Тогошвили почему-то пишет следующее: «Какая судьба постигла Баграта – единственного сына Георгия, не проясняется из сочинения Вахушти» (*Тогошвили, 2014: 213–214*). Однако именно в сочинении Вахушти содержится

ясное указание на то, что царевич Баграт «умер в Герате» (Вахушти, 1976: 87). Точная дата этого печального события не сообщается, однако Вахушти пишет, что весть о смерти сына Георгий XI получил, находясь в Ахалцихе (Вахушти, 1976: 87), откуда, согласно тому же Вахушти, он выехал в 1691 г. (Вахушти, 1976: 307). Очевидно, на этом основании М. Броссе полагал, что царевич Баграт умер около 1690 г. (Brosset, 1854: 241).

Георгий XI вел длительную междоусобную войну с Ираклием I, пытаясь вернуть себе картлийский престол, но в 1695 г., осознав тщетность своих усилий, решил явиться в Исфахан и сдаться на милость нового шаха Султана Хусейна I. Повествуя об этом решении Георгия XI и последовавших за ним событиях, Вахушти сообщает сведения, сколь важные для исследуемого нами вопроса, столь и неожиданные: «Предложил ереванский хан царю Георги явиться к шаху и там наладить дела свои всякие и шах даст ему вновь Картли и одарит щедро. Услышав [об этом предложении], царь твердо обещал отправиться [к шаху]. А дочь черкесского князя, которую царь привел для своего сына, сначала же оставил царь у племянника своего Вахтанга» (Вахушти, 1976: 88-89).

Сведения Вахушти не соответствуют сведениям Диониджио, на что обратил внимание уже Г.Д. Тогошвили (Тогошвили, 2014: 213-214). У Вахушти речь идет о дочери не осетинского правителя (мтавара), а черкесского князя. Вахушти прекрасно знал, что осетины и черкесы – разные народы, и не мог их перепутать, но, может быть, за давностью лет (описываемые события отстоят от времени Вахушти на полвека) он уже не располагал точными сведениями? Эту вероятность можно совершенно исключить, поскольку Сехния Чхеидзе, придворный Георгия XI, сообщает то же самое, называя, между прочим, и имя черкесской невестки: «Ушел царь Георги, ... забрал с собою невестку Русудан, дочь господаря черкесов, которая была просватана с царевичем Баграта, ушел и сам перешел в Имерети, а царевичей Георги, Вахтанга и невестку отправил в дом Кайхосро Чхеидзе» (Чхеидзе, 1976: 13).

Но это не последнее упоминание невесты царевича Баграта. Сехния Чхеидзе пишет: «Георги Абашидзе был родственником [и] крепость имел сильную, в Харагеули поселил царевича Вахтанга [и] невестку царя Русудан» (Чхеидзе, 1976: 13). И далее: «...Послали человека к царевичу Вахтангу, который в Имерети, Харагеули, справил свадьбу с черкесской княжной Русудан и имел сына Бакара» (Чхеидзе, 1976: 22).

О том же сообщает Вахушти: «...Забрал Вахтанг ее (дочь черкесского князя – Авт.), и мачеху свою, и братьев своих и прибыл в Харагеули и там по воле царя справил свадьбу не [очень] славную» (Вахушти, 1976: 89). Стало быть, после смерти сына Георгий XI не вернул невесту в родительский дом, а решил выдать ее замуж за своего родного племянника Вахтанга. Но ведь этот Вахтанг не кто иной, как будущий царь Картли Вахтанг VI (1675–1737), а потому невеста царевича Баграта, волею судьбы ставшая женой Вахтанга VI, – это хорошо известная в исторической литературе картлийская царица Русудан (Бутков, 1869: 505; История народов..., 1988: 404). В 1724 г. она вместе с супругом и детьми выехала в Россию, где «ее величали Русуданой Келчиковой» (Тарсаидзе, 1972: 99). Умерла царица Русудан 30 декабря 1740 г. в Москве и похоронена в Донском монастыре.

Сведения грузинских авторов о черкесском происхождении Русудан находят подтверждение в русских источниках. В 1724 г. Вахтанг VI вместе с семьей по приглашению Петра I выехал в Россию, и вот что пишет об этом Вахушти: «Из Рача пришел царь Вахтанг в Дигори. Там встретил его шурина, черкесский князь. Прибыв оттуда в Черкез, встретили его большие войска русских, и пришел в Солахскую новую крепость 28 августа, в октябре сел на корабль и вышел в Астрахань 8 ноября» (Вахушти, 1976: 114). Разумеется, черкесский шурина (брат жены) мог выехать в Дигорию навстречу царственному зятю, стараясь выказать тому особое почтение. Однако русские документы раскрывают не столь радужную подоплеку описанной у Вахушти встречи родственников. В ноябре 1743 года кабардинские послы в Петербурге Магомет Атажукин и Альдигирей Гиляксанов, приглашенные в Коллегию иностранных дел, сообщали, «что в 724-м году во время проезда чрез горы грузинского царя Вахтанга, оные дюгоры на пути в горах для добычи своей того царя отаковали, о чем оной подал ему, Альдигирею, известие, и потому он, Альдигирей, выезжал к нему навстречу, и когда дигоры его, Альдигирея, увидели, немедленно разошлись и царя грузинского оставили с покоем» (Русско-осетинские отношения..., 1976: 39). Хотя родство Альдигирея и Вахтанга здесь никак не отмечено, существует документ, из которого следует, что Альдигирей и есть тот самый черкесский шурина Вахтанга, о котором писал Вахушти. В начале того же 1743 г. дворянин кизлярский А. Тузов докладывал в Коллегии иностранных дел о владельцах Малой Кабарды Казы, Канчо и Альдигирее: «Оные черкесские владельцы, Канчо и Алдигирей, между себя братья родные, а покойному грузинскому царю Вахтангу – шурья, а Казы их родственник» (Кабардино-русские отношения..., 1957: 107).

Родственная помощь была взаимной. Благодарный своему шурина-избавителю Вахтанг VI, едва прибыв в Россию, уже хлопочет перед властями о родственниках жены и просит «черкескому владельцу Казы против прежнего давать жалование; також и владельцу Канче» и, главное, «просит, чтоб Алдигирея принять в службу и о учинении оному жалования и награждения, представляя, что путь в Грузию також от него содержится и посланные через их владения ездят» (Документы..., 1968: 107-108).

Совсем иной была политика Вахтанга VI в отношении осетин. В детстве он вместе со своим дядей Арчилом в течение долгого времени укрывался в Зарамаге и Дигории. Но, став царем, Вахтанг в 1711 г. отправился в поход на Осетию, достиг Зарамага и принудил горцев платить дань (*История Осетии...*, 1962: 8, 66-67). Иными словами, со стороны Вахтанга VI мы не видим к осетинам ни малейшего проявления лояльности, которой можно было бы ожидать, будь он связан с ними родственными узами.

Следует также иметь в виду, что женитьба Вахтанга VI на черкесской княжне Русудан – это лишь один эпизод долгой и насыщенной истории грузино-черкесских династических браков, заключавшихся со второй половины XVI в. до конца XVIII в. (*Джавахишвили, 2015: 11-23*). В то же время о родственных связях грузинских царей и представителей знатных осетинских родов в указанный период никаких данных нет. Факт сам по себе неудивительный, учитывая, что осетинские феодалы к XVI в. уже находились в той или иной степени вассальной зависимости от сильных кабардинских князей (*История КБАССР...*, 1967: 177; *Берозов, 1980: 20-21*). Между представителями кабардинской и осетинской знати заключались взаимные браки, но и здесь все подчинялось феодальной иерархии: в XVI–XVIII вв. осетинские феодалы рождались не с кабардинскими князьями, а с уорками первой степени (*История КБАССР...*, 1967: 178). И лишь одно единственное свидетельство XVII в. сообщает нам, что сын грузинского царя женился на дочери осетинского правителя/князя, тем самым признав последнего равным себе по статусу. Пришло время подробнее рассмотреть этот весьма интересный источник.

Итальянский монах Ордена капуцинов Диониджио Карли да Пьяченца был одним из самых путешествующих миссионеров своего времени. С 1667 г. по 1671 г. он трудился в Конго, а затем был отправлен в Бразилию. В 1678 г. началось его новое миссионерское путешествие: посетив Сирию и Персию, в 1680 г. Диониджио прибыл в Тифлис. Вскоре после этого Диониджио был назначен руководителем католической миссии в Гори, где и оставался все время, за исключение шести месяцев, когда ему приходилось исполнять обязанности ректора миссии в самом Тифлисе. В 1684 г. Диониджио, получивший новое назначение, покинул Грузию. Свои впечатления о путешествии он изложил в книге, опубликованной в 1687 г. (*Carli, 1687*) и произведшей большое впечатление на европейских современников (*MacVicar, 2003: 752*). Рассказу о Грузии в ней полностью посвящена XIX глава.

В середине прошлого века грузинский публицист и переводчик Бежан Гиоргадзе обнаружил в личном архиве священника и историка грузинской церкви Михаила Тамарашвили машинописный текст на итальянском языке, представлявший собой копию «грузинской» главы из книги Диониджио Карли. В 1951 г. текст был опубликован в сборнике «Материалы по истории Грузии и Кавказа» с параллельным переводом на грузинский язык и комментариями Б. Гиоргадзе (*Гиоргадзе, 1951: 155-182*). Поскольку текст включал в себя только XIX главу, Б. Гиоргадзе не имел возможности определить время пребывания миссионера в Грузии и лишь приблизительно отнес его приезд к 1681 г. (*Гиоргадзе, 1951: 155*). Теперь мы можем внести необходимые уточнения: из содержания XVIII главы следует, что Диониджио прибыл в Тифлис 2 февраля 1680 г. (*Carli, 1687: 281*), а в начале XX главы он указал точную дату своего отъезда из Грузии – 3 мая 1684 г. (*Carli, 1687: 312*).

В 1962 г. Г.Д. Тогошвили и И.Н. Цховребов обнаружили в грузинском переводе текста Диониджио фрагмент, имеющий отношение к истории Осетии, и опубликовали его русский перевод, приведенный нами в начале статьи. Отметим различия в последующих русских переводах. Если в первой публикации речь идет об «осетинском правителе (мтаваре)», то в своей вышедшей через несколько лет статье Г.Д. Тогошвили называет его «осетинским князем» (*Тогошвили, 1976: 138*), а в упомянутой выше монографии Г.Д. Тогошвили 1969 г., переведенной с грузинского на русский язык Н.М. Хабаловым, находим: «Капуцинский монах Карл Диониджио к концу XVII в. упоминает и великого князя, на дочери которого Георгий XI женил своего сына с целью получения политической поддержки» (*Тогошвили, 2012: 203-204*).

Теперь обратимся к оригинальному итальянскому тексту Диониджио: “...mà questi, come dissi, non dorme, anzi hauendo un sol Figliuolo l'hà accasato con la Principessa unica delli Osci, che sono Genti fierissimi, soliti habitare frà boschi, e combattere con Orsi, & altre fiere” (*Carli, 1687: 287*) / «...Он [Георгий XI – Авт.], как я уже говорил, не дремлет, напротив, имея лишь одного сыночка, он женил его на единственной принцессе осков, которые очень отважные люди, обычно живущие среди лесов и сражающиеся с медведями и другими дикими зверями».

Знакомство с текстом оригинала выявляет несколько важных моментов. О сыне Георгия XI Диониджио пишет в уменьшительно-ласкательной форме – Figliuolo «сыночек», в чем можно видеть некоторое указание на детский возраст царевича Баграта. Точная дата его рождения не известна, но на фреске в храме Светицховели (не сохранилась), изображающей коронацию Георгия XI, за фигурой царя стоит царевич Баграт – ребенок 4–5-летнего возраста (*Беручашвили, 2017: 38*). Относительно восшествия Георгия XI на престол в грузинской историографии представлено несколько разных дат, из которых наиболее обоснованной является 1679 г. (*Kakhiani, 1997: 176*) Отсюда рождение царевича Баграта можно было бы отнести к 1674–1675 гг. Разумеется, живописец мог допустить в художественных целях некоторое преувеличение возраста Баграта. К тому же мы имеем дело не с оригиналом фрески, а с ее копией, выполненной художником-миниатюристом П. Росси, так что вероятность искажения

увеличивается. Но в любом случае это изображение подтверждает мысль о том, что Диониджио мог иметь в виду детский или совсем юный возраст Баграта во время вступления в брак.

Диониджио ничего не пишет об осетинском «правителе», «князе» или «великом князе», но речь в оригинале идет о «единственной принцессе осков» (*la Principessa unica delli Osci*). Строго говоря, собственно этноним «осетины» Диониджио также нигде не упоминает, а вместо этого мы находим у него этноним «оски» (*Osci*). Как известно, оски – древнеиталийские племена, но Диониджио имел в виду не их, а, практически без сомнения, грузинское название осетин «оси», которое он передал близким по звучанию италийским этнонимом. Намного более ранний, но очень похожий пример замены созвучных этнонимов находим у Птолемея (II в. н.э.), который помещает на Кавказе рядом с дидурами (дидойцами) тусков (*Tusci*). Тусками античные авторы называли этрусков, древний народ, населявший Апеннинский полуостров в I тыс. до н.э. Но птолемеевы туски это, разумеется, не этрусски, а, согласно общему мнению исследователей, кавказские туши (тушины) (Гутнов, 2007: 51).

Грузинские источники называют невесту царевича Баграта черкесской княжней, а Диониджио Карли – принцессой осков, т.е. княжней осетин. Идет ли речь об одной и той же девушке, или же это два разных персонажа? Связанные с юным царевичем матримониальные вопросы Георгий XI мог решать только до 1688 г., когда шах Сулейман I затребовал Баграта в Исфахан в качестве заложника. Можно допустить, что царевич сначала женился на «принцессе осков», т.е. осетинской княжне, брак с которой был заключен не позже 1684 г. (напомним, Диониджио покинул Грузию в начале мая 1684 г.). Затем, в период с 1684 г. по 1688 г., брак с «принцессой осков», т.е. осетинской княжней, по какой-то причине должен был прекратиться, поскольку царевичу привезли черкесскую невесту. Но ни у Сехнии Чхеидзе, ни у Парсадана Горгиджанидзе, ни у Вахушти, ни в так называемой «Парижской хронике» нет ни слова об осетинской жене царевича Баграта, и объяснить данный факт сложно, если только не допустить вероятность умышленной элиминации этих сведений во всех грузинских источниках.

Рассматривая данный вопрос в монографии «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах» (1977 г.), Г.Д. Тогошвили склонялся к мысли о том, что речь идет о двух разных персонажах. Один из аргументов в пользу такого решения ученый видел в следующем: Диониджио пишет об уже заключенном браке с дочерью осетинского князя, а черкесская княжна была лишь просватана за царевича Баграта (Тогошвили, 2014: 214). Однако, как заметил уже Броссе, относительно этой детали нет единства в самих грузинских источниках (Brosset, 1854: 241). Так, в отличие от Вахушти, «Парижская хроника» утверждает, что «Гургин-хан (т.е. Георгий XI – Авт.) женил своего сына Баграта на дочери Черкеза» (Chronique, 1831: 99). Следует иметь в виду данные еще одного источника. Как сообщает Вахушти, когда в 1692 г. Арчил в очередной раз отправился в Россию, он был захвачен в плен черкесским князем Килчио (Вахушти, 1976: 264-265, 307). Согласно расчетам Броссе, это должно было произойти в сентябре–октябре 1693 г. (Brosset, 1854: 241). Нет надобности пересказывать здесь все подробности этой истории, тем более что для Арчила она завершилась вполне благополучно, но вот что весной 1694 г. астраханский воевода Петр Хованский докладывал царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу о том, как сам князь Килчио объяснил причину своего поведения: «А задержал де он Кулчук его царя Арчила Вахтангеевича для того, что де была за царевым Арчиловым братом дочь его Кулчука мурзы, и ныне брат его царев умре, и за то де его царя Кулчук мурза и задержал и ограбил, что он дочери его с собою не привез» (Акты, 1842: 405). Речь, разумеется, не о брате Арчила, а о его племяннике царевиче Баграте, который умер в гератской тюрьме ок. 1690 г. Но главное – для князя Килчио брак его дочери с грузинским царевичем был состоявшимся фактом.

Другой аргумент в пользу достоверности сведений об осетинской княжне Г.Д. Тогошвили видел в том, что «место жительства осетин, определяемое Диониджио, нельзя отождествлять с Черкесией» (Тогошвили, 2014: 214). При этом ученый вновь привел цитату Диониджио, но неожиданно изменил в одном месте ее содержание: «Осетины – народ величавый, горделивый, живут обособленно и охотятся на медведей и других зверей» (Тогошвили, 2014: 213). Как видим, Г.Д. Тогошвили исключил из текста имеющееся в нем указание на то, что оски жили в лесах. Здесь же следует внести одно уточнение: согласно Диониджио, оски «живут в лесах», но не «обособленно» или «уединенно», как перевел Б. Гиоргадзе, и вслед за ним – другие, а «обычно», поскольку в итальянском оригинале не *solitari* «уединенно», а *soliti* «обычно».

Итак, Диониджио называет осков людьми, «обычно живущими среди лесов» (*soliti habitare fra boschi*). Такая локализация вызывает настороженность и сомнение: об осетинах ли речь? Разумеется, в 80-х гг. XVII в. в Осетии имелись лесные массивы, но настолько ли значительные, чтобы можно было охарактеризовать осетин как людей, для которых лесные чащи – привычная среда обитания? Напротив, авторы XVIII – первой трети XIX вв. нередко отмечают в Осетии недостаток леса. «Имеется, – пишет Вахушти, – тут, там и сям и лес, но он большею частью состоит из березняка, растущего по берегам рек и в самых ущельях, ибо скалистая почва и холод препятствуют прозябанию растений. И потому лес и дрова привозят: одни с черкесских гор, другие же довольствуются кизяком» (Вахушти, 1904: 66). Вряд ли за 60 лет, отделяющие визит Диониджио в Грузию от времени, когда

Вахушти завершил свой труд «Житие Грузии» (1745 г.), лес Осетии подвергся настолько интенсивной вырубке, что «лесные жители» уже вынуждены были ввозить дрова от сопредельных народов.

Почти через сорок лет Л.Л. Штедер, проезжая селение Ларс (Тагаурское ущелье), отметил, что осетинские «жилища и хлевы построены вместе, вероятно, из-за недостатка леса, который привозится сюда издалека» (Осетины, 1967: 27). По его наблюдениям, немного леса было в Кургатинском ущелье: «Поскольку поблизости нет лесов, земледелие вполне обеспечивает жителей» (Осетины, 1967: 46). И хотя на своем пути Штедер видел местами и «густые леса», на его вывод о лесных богатствах Осетии это не повлияло: «Осетия богата минералами и хорошими металлами и сулит большие доходы. Единственным затруднением является недостаток дерева поблизости... Добываемая руда должна была бы отвозиться на вьючных животных на 15 верст к северу к густым лесам у подножья Кавказа» (Осетины, 1967: 67).

К аналогичному заключению пришел и Карл Кох, побывавший в Осетии в 1837–1838 гг.: «Пышно произрастающая растительность, которая так обычна для Швейцарии, здесь совершенно отсутствует. Большие массы лесов встречаются только в округе Кударо и, как говорят, в округе Дигор; в южных и северных округах леса незначительные. Значительно чаще (как, например, в средних округах) отмечается полный недостаток леса и почва едва покрыта бедными зарослями» (Осетины, 1967: 243).

Но показания наших источников согласуются, если все-таки отождествить «принцессу осков» с черкесской невестой царевича Баграта, поскольку и во времена Диониджио, и еще долго после него Черкесия славилась своими лесами. Автор XVI в., польский дипломат Мартин Броневский, писал: «Область пятигорцев... покрыта горами и огромными лесами, которые можно видеть уже на самой ее границе. Это – совершенно свободный народ, имеет многочисленных и храбрых князей» (Адыги..., 1974: 54). Эмиддио Дортелли Д'Асколли, католический монах, возглавлявший в 1624–1634 гг. доминиканскую миссию в Кафе, также отмечал, что черкесы «очень воинственны и у них густейшие леса и крутые горы» (Адыги..., 1974: 63).

Более того, европейские авторы XVII называют черкесов жителями лесов. В 1634 г. итальянский монах-доминиканец Дживони Лукка писал: «Черкесы населяют лишь более лесистые места, в которых они укрываются. ... Деревни их расположены в самых густых лесах. Они окружают их сплетенными одно с другим деревьями, чтобы таким образом затруднить въезд татарской коннице. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар» (Адыги..., 1974: 70-71). Труд Николая Витсена, изданный в 1692 г. в Амстердаме, носит компилятивный характер, и все же весьма показательно, что и здесь черкесы вновь характеризуются как жители лесов: «По образу жизни черкесы очень похожи на ногаев, живущих вблизи Астрахани, только черкесы живут в лесах и на возвышенностях, а те в открытых местах. ... Живут в чаще лесов и загораживают ветвями дорогу к своим домам. ... Леса их крепость» (Адыги..., 1974: 89-90). Немец Энгельберт Кемпфер, с 1683 по 1693 гг. путешествовавший по странам Востока, говоря о черкесах, также отмечает, что их «большая часть живет в лесах» (Адыги..., 1974: 115).

Как видно, в восприятии путешественников XVI–XVII вв. и в сложившейся литературной традиции именно черкесы выступают как жители лесов, об осетинах же аналогичных сведений мы не находим. Позже, в первой трети XIX в., огромные лесные богатства Черкесии продолжают поражать ученых-путешественников («Весь край покрыт лесами», – пишет Жан-Шарль де Бесс в 1838 г.) (Адыги..., 1974: 344) и уже вызывают интерес предпринимателей, желавших получить выгоду от «неисчерпаемых лесов» Черкесии (Адыги..., 1974: 285).

Вероятно, Диониджио все же допустил путаницу при передаче неизвестных ему этнонимов. Данную возможность не исключал и Г.Д. Тогошвили, в то же время отметив, что «от образованного монаха-католика, пребывавшего несколько лет в Тбилиси и Гори, такой ошибки трудно ожидать» (Тогошвили, 2014: 214). Вряд ли теологическое образование могло уберечь миссионера от такого рода ошибок. Более того, даже упоминавшийся венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс, который по роду своих научных занятий должен был проявлять в подобных вопросах большую щепетильность, допускает аналогичную ошибку: в 1829 г. он побывал в Нальчике и лично общался с Шорой Ногмовым, но почему-то причислил этого природного кабардинца к осетинам-дигорцам («дугур по национальности») (Адыги..., 1974: 337). Следует также иметь в виду, что Диониджио пребывал несколько лет не в Тбилиси (здесь он провел около шести месяцев), а в Гори. «Удаленность от столицы, – пишет К. Пицца, – не позволяла Диониджио участвовать или хотя бы быть непосредственным наблюдателем за великими событиями, происходившими в стране в те годы» (Piazza, 1991: 198). Вероятно, по этой же причине ему могли быть недостаточно хорошо известны и многие детали родственных взаимосвязей внутри царской семьи. К примеру, непосредственно после сообщения о женитьбе картлийского царевича на принцессе осков Диониджио рассказывает, как Георгий XI устроил брак своего вдовствующего старшего брата (maggiore Fratello) (Carli, 1687: 287). Речь, несомненно, идет о царевиче Леване, который, однако, был не старшим, а младшим братом Георгия XI (Ватейшвили, 2003: 348). Имеются у Диониджио и другие ошибки, выявленные Б. Гиоргадзе (Гиоргадзе, 1951: 182).

Пытаясь понять причины возможной путаницы этнонимов в тексте Диониджио, следует иметь в виду один весьма примечательный факт. Уже упоминавшиеся кабардинские послы в Петербурге Магомет Атажукин и Альдигирей Гиляксанов, в ноябре 1743 г. приглашенные в Коллегию иностранных дел, перечислили следующие северокавказские народы с краткими сведениями о каждом из них: абадзехи, шапсуги, карачаевцы, сваны, балкарцы, осетины-дигорцы. Свой перечень народов они завершают так: «Вышеписанные горские народы, начав от Абазы, простираютца до чеченского народа, и все оные народы грузинцы на своем языке называют осии» ([Русско-осетинские отношения..., 1976: 38](#)). Перед нами пример, когда грузинским названием осетин – «осии» – помимо собственно осетин-дигорцев, обозначена целая группа этносов, среди которых и адыги, и тюрки, и даже картвелы. Имеем ли мы здесь банальную ошибку, или же данный пример отражает действительно существовавшее в то время в грузинском языке расширительное применение данного этнонима – вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Но каким бы ни был на него ответ, он может свидетельствовать в пользу предложенной трактовки текста Диониджио.

5. Заключение

Учитывая все вышесказанное, можно считать в достаточной степени вероятным, что в живущих среди лесов «осках» следует видеть черкесов, а «принцесса осков», ставшая, согласно Диониджио Карли, женой картлийского царевича Баграта, являлась черкесской княжной, о которой свидетельствуют все остальные источники и которая впоследствии вошла в историю Грузии как царица Русудан, супруга картлийского царя Вахтанга VI.

В завершение хотелось бы отметить необходимость изучения письменных свидетельств и других католических миссионеров, побывавших в Грузии в то же время, что и Диониджио Карли. Тщательный анализ этих источников может способствовать окончательному решению рассмотренного вопроса, а также пролить новый свет на историю региона в указанный период.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-59-07003.

Выражаю глубокую благодарность историку и знатоку грузинской словесности Георгию Ильичу Сокурору, оказавшему неоценимую помощь в работе с материалами на грузинском языке.

Литература

- [Адыги..., 1974](#) – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
- [Акты, 1842](#) – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1842. Т. 5. 567 с.
- [Берозов, 1980](#) – *Берозов Б.П.* Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1980. 240 с.
- [Беручашвили, 2017](#) – *Беручашвили Н.Л.* История венчальной на царство короны царей Имерети. Тбилиси. 2017. 64 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/162061985.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
- [Бутков, 1869](#) – *Бутков П.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. Ч. 1. 548 с.
- [Ватейшвили, 2003](#) – *Ватейшвили Д.Л.* Грузия и европейские страны. М.: Наука, 2003. Т. 2. 837 с.
- [Вахушти, 1904](#) – *Вахушти Багратиони.* География Грузии. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1904. 241 с.
- [Вахушти, 1976](#) – *Вахушти Багратиони.* История царства грузинского. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 339 с.
- [Гиоргадзе, 1951](#) – *Гиоргадзе Б.* Сведения Диониджио Карли о Тбилиси (кон. 17 в.) // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1951. Вып. 29. С. 155–182. (На груз. яз.).
- [Горгиджанидзе, 1990](#) – *Горгиджанидзе П.* История Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 182 с.
- [Гутнов, 2007](#) – *Гутнов Ф.Х.* Горский феодализм. Владикавказ: Ир, 2007. Т. 1. 319 с.
- [Джавахишвили, 2015](#) – *Джавахишвили Н.Г.* Из истории династических браков между представителями грузинских и черкесских знатных родов (XVI–XVIII вв.) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2015. Вып. 7. С. 11–23.
- [Документы..., 1968](#) – Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 335 с.
- [История КБАССР..., 1967](#) – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1967. Т. 1. 482 с.
- [История народов..., 1988](#) – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. 1. 554 с.
- [История Осетии, 2019](#) – История Осетии. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2019. Т. 1. 498 с.
- [История Осетии..., 1962](#) – История Осетии в документах и материалах (С древнейших времен до конца XVIII в.). Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1962. Т. 1. 366 с.

- История СОАССР..., 1987** – История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. 1. 529 с.
- Кабардино-русские отношения..., 1957** – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. Т. 2. 424 с.
- Осетины..., 1967** – Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. 319 с.
- Очерки..., 1985** – Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Тбилиси: Мецниереба, 1985. Т. 1. 297 с.
- Русско-осетинские отношения..., 1976** – Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док. в 2-х т. Орджоникидзе: Ир, 1976. Т. 1. 512 с.
- Санакоев, 1979** – Санакоев М.П. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали: Ирыстон, 1979. 125 с.
- Тарсаидзе, 1972** – Тарсаидзе Н.Г. Исторические этюды. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1972. 167 с.
- Тогошвили, 2014** – Тогошвили Г.Д. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах // Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2014. Т. 2. С. 142-357.
- Тогошвили, 1976** – Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов Института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе: Ир, 1976. Т. XXXI. С. 131-149.
- Тогошвили, 2012** – Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские отношения в XV–XVIII вв. // Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Ир, 2012. Т. 1. С. 166-318.
- Чхеидзе, 1976** – Чхеидзе С. История Грузии. ("Жизнь царей"). Тбилиси: Мецниереба, 1976. 61 с.
- Brosset, 1854** – Brosset M. Notice sur une lettre géorgienne, du roi Artchil a Charles XII, 2 février 1706, et sur les divers séjours du roi Artchil en Russie // Mélanges asiatiques. Tome II. 2me livraison. St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Academie Impériale des Sciences, 1854. P. 211-248.
- Carli, 1687** – Carli D. Il moro trasportato nell'inclita città di Venetia overo Curioso racconto de costumi, riti, e religione de popoli dell' Africa, America, Asia & Europe. Bassano: G.A. Remondini, 1687. 402 p.
- Chronique, 1831** – Chronique géorgienne / Traduite par m. Brosset. Paris: De l'Imprimerie royale, 1831. 167 p.
- Kakhiani, 1997** – Kakhiani Ts. A bilingual epitaph of Svetitskhoveli // Annali di Ca' Foscari: rivista della Facolta di lingue e letterature straniere dell'Universita di Venezia. Padova: Programma, 1997. Pp. 169-177.
- MacVicar, 2003** – MacVicar T. Dionigi da Piacenza / New Catholic Encyclopedia. 2nd ed. Detroit: Thomson/Gale; Washington, D.C.: Catholic University of America, 2003. Vol. 4. P. 752.
- Piazza, 1991** – Piazza C. Dionigi da Piacenza // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1991. Vol. 40. Pp. 197-199.

References

- Adygi..., 1974** – Adygi, balkartsy i karachavtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the XIII-XIX centuries]. Nalchik: El'brus, 1974. 635 p. [in Russian]
- Akty..., 1842** – Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg: Printing House of the Expedition of Procurement of State Papers, 1842. Т. 5. 567 p. [in Russian]
- Berozov, 1980** – Berozov, B.P. (1980). Pereselenie osetin s gor na ploskost' (XVIII-XX vv.) [Resettlement of Ossetians from the mountains to the plane (XVIII-XX centuries.)]. Ordzhonikidze: Ir, 1980. 240 p. [in Russian]
- Beruchashvili, 2017** – Beruchashvili, N.L. (2017). Istoriya venchal'noi na tsarstvo korony tsarei Imereti [The history of the crown of the kings of Imereti, which was married to the kingdom]. Tbilisi, 64 p. [Electronic resource]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/162061985.pdf> (date of access: 05.05.2021). [in Russian]
- Brosset, 1854** – Brosset, M. (1854). Notice sur une lettre géorgienne, du roi Artchil a Charles XII, 2 février 1706, et sur les divers séjours du roi Artchil en Russie [Notice on a Georgian letter, from King Artchil to Charles XII, February 2, 1706, and on the various stays of King Artchil in Russia]. Mélanges asiatiques. Tome II. 2me livraison. St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Academie Impériale des Sciences. Pp. 211-248. [in French]
- Butkov, 1869** – Butkov, P. (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. S SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1869. Part 1. 548 p. [in Russian]
- Carli, 1687** – Carli, D. (1687). Il moro trasportato nell'inclita città di Venetia overo Curioso racconto de costumi, riti, e religione de popoli dell' Africa, America, Asia & Europe. Bassano: G.A. Remondini, 1687. 402 p. [in Italian]
- Chkheidze, 1976** – Chkheidze, S. (1976). Istoriya Gruzii. ("Zhizn' tsarei") [History of Georgia. ("The Life of Kings")]. Tbilisi: Metsniereba, 61 p. [in Russian]

- Chronique, 1831** – Chronique géorgienne [Georgian Chronicle]. Traduite par m. Brosset. Paris: De l'Imprimerie royale, 1831. 167 p. [in French]
- Dokumenty..., 1968** – Dokumenty po vzaimootnosheniyam Gruzii s Severnym Kavkazom v XVIII v. [Documents on Georgia's relationship with the North Caucasus in the 18th century]. Tbilisi: Metsniereba, 1968. 335 p. [in Russian]
- Dzhavakhishvili, 2015** – *Dzhavakhishvili, N.G.* (2015). Iz istorii dinasticheskikh brakov mezhdru predstavitel'yami gruzinskikh i cherkesskikh znatnykh rodov (XVI–XVIII vv.) [From the history of dynastic marriages between representatives of Georgian and Circassian noble families (XVI–XVIII centuries)]. *Genealogiya narodov Kavkaza. Traditsii i sovremennost'*. Vladikavkaz. Is. 7, pp. 11-23. [in Russian]
- Giorgadze, 1951** – *Giorgadze, B.* (1951). Svedeniya Dionidzho Karli o Tbilisi (kon. 17 v.) [Dionijo Karli's information about Tbilisi (late 17th century)]. *Materialy po istorii Gruzii i Kavkaza*. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR. Is. 29, pp. 155-182. [in Georgian]
- Gorgidzhanidze, 1990** – *Gorgidzhanidze, P.* (1990). Istoriya Gruzii [History of Georgia]. Tbilisi: Metsniereba, 182 p. [in Russian]
- Gutnov, 2007** – *Gutnov, F.Kh.* (2007). Gorskii feodalizm [Highland feudalism]. Vladikavkaz: Ir. T. 1. 319 p. [in Russian]
- Istoriya KBASSR..., 1967** – Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the Great October Socialist Revolution]. Moscow: Nauka, 1967. T. 1. 482 p. [in Russian]
- Istoriya narodov..., 1988** – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. Moscow: Nauka, 1988. T. 1. 554 p. [in Russian]
- Istoriya Osetii, 2019** – Istoriya Osetii [History of Ossetia]. Vladikavkaz, 2019. T. 1. 498 p. [in Russian]
- Istoriya Osetii..., 1962** – Istoriya Osetii v dokumentakh i materialakh. (S drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.) [History of Ossetia in documents and materials. (From ancient times to the end of the 18th century)]. Tskhinvali: State Publishing House of South Ossetia, 1962. T. 1. 366 p. [in Russian]
- Istoriya SOASSR..., 1987** – Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR: S drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic: From Ancient Times to the Present Day]. Ordzhonikidze: Ir, 1987. T. 1. 529 p. [in Russian]
- Kabardino-russkie otnosheniya..., 1957** – Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII v. [Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. T. 2. 424 p. [in Russian]
- Kakhiani, 1997** – *Kakhiani, Ts.* (1997). A bilingual epitaph of Svetitskhoveli. *Annali di Ca' Foscari: rivista della Facolta di lingue e letterature straniere dell'Universita di Venezia*. Padova: Programma, pp. 169-177.
- MacVicar, 2003** – *MacVicar, T.* (2003). Dionigi da Piacenza. New Catholic Encyclopedia. 2nd ed. Detroit: Thomson/Gale; Washington, D.C.: Catholic University of America, 2003. Vol. 4. P. 752. [in Italian]
- Ocherki..., 1985** – Ocherki istorii Yugo-Osetinskoi avtonomnoi oblasti [Essays on the history of the South Ossetian Autonomous Region]. Tbilisi: Metsniereba, 1985. T. 1. 297 p. [in Russian]
- Osetiny..., 1967** – Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izd-vo, 1967. 319 p. [in Russian]
- Piazza, 1991** – *Piazza, C.* (1991). Dionigi da Piacenza. *Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana. Vol. 40. Pp. 197-199. [in Italian]
- Russko-osetinские otnosheniya..., 1976** – Russko-osetinские otnosheniya v XVIII v. Sb. dok. v 2-kh t. [Russian-Ossetian relations in the 18th century Coll. of doc. in 2 vols]. Ordzhonikidze: Ir, 1976. T. 1. 512 p. [in Russian]
- Sanakoev, 1979** – *Sanakoev, M.P.* (1979). Nekotorye voprosy istochnikovedeniya istorii osetinskogo naroda [Some questions of source study of the history of the Ossetian people]. Tskhinvali: Iryston, 125 p. [in Russian]
- Tarsaidze, 1972** – *Tarsaidze, N.G.* (1972). Istoricheskie etyudy [Historical sketches]. Tbilisi: Izd-vo Tbil. un-ta, 1972. 167 p. [in Russian]
- Togoshvili, 1976** – *Togoshvili G.D.* (1976). Gruzino-osetinские vzaimootnosheniya nakanune i v period prisoedineniya Severnoi Osetii k Rossii [Georgian-Ossetian relations before and during the annexation of North Ossetia to Russia]. *Sbornik trudov Instituta istorii, ekonomiki, yazyka i literatury*. Ordzhonikidze: Ir, 1976. T. 31. P. 131-149. [in Russian]
- Togoshvili, 2012** – *Togoshvili G.D.* (2012). Gruzino-osetinские otnosheniya v XV-XVIII vv. [Georgian-Ossetian relations in the XV-XVIII centuries]. *Togoshvili G. D. Izbrannye trudy po kavkazovedeniyu*. Vladikavkaz: Ir, 2012. T. 1. P. 166-318. [in Russian]
- Togoshvili, 2014** – *Togoshvili, G.D.* (2014). Vakhushti Bagrationi ob Osetii i osetinakh [Vakhushti Bagrationi about Ossetia and Ossetians]. *Izbrannye trudy po kavkazovedeniyu*. Vladikavkaz: Ir, 2014. T. 2. Pp. 142-357. [in Russian]

Vakhushti, 1904 – *Vakhushti Bagrationi* (1904). Geografiya Gruzii [Geography of Georgia]. Tiflis: K.P. Kozlovsky Printing House, 241 p. [in Russian]

Vakhushti, 1976 – *Vakhushti Bagrationi* (1976). Istoriya tsarstva gruzinskogo [History of the Georgian kingdom]. Tbilisi: Metsniereba, 339 p. [in Russian]

Vateishvili, 2003 – *Vateishvili, D.L.* (2003). Gruzija i evropeiskie strany [Georgia and European countries]. Moscow: Nauka, T. 2. 837 p. [in Russian]

К вопросу о браке картлийского царевича Баграта и осетинской княжны (конец XVII в.)

Анзор Валериевич Дарчиев ^{a, *}, Светлана Валерьевна Дарчиева ^a

^aСеверо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
Владикавказского научного центра РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается сообщение католического миссионера, монаха ордена капуцинов Диониджио Карли да Пьяченца (1637–1695), о женитьбе царевича Баграта, сына картлийского царя Георгия XI (1651–1709), на дочери неизвестного осетинского правителя. Эти сведения Диониджио, хотя и считаются одним из важных источников по истории осетино-грузинских отношений XVII в., при ближайшем рассмотрении вызывают немало вопросов, а кроме того, вступают в противоречие с грузинскими источниками того же периода, которые называют невестой царевича Баграта черкесскую княжну по имени Русудан. Данные генеалогических исследований показывают, что грузино-черкесские династические браки многократно заключались в период XVI–XVIII вв., в то время как о браках представителей осетинской знати с членами грузинского царствующего дома в этот же период ничего не известно. Обращение к первоисточнику на языке оригинала позволило автору внести ряд важных уточнений, способствовавших более правильному пониманию текста. Согласно Диониджио, осетины обычно живут в лесах, что не соответствует ландшафту территории, занимаемой осетинами в XVII в., но согласуется с сообщениями других европейских авторов того же периода, характеризующих черкесов как жителей лесов. Все это приводит автора к выводу о возможной неточности, допущенной Диониджио при передаче малоизвестных ему этнонимов. Таким образом, «осетинская княжна» в сообщении Диониджио, это, вероятнее всего, та самая дочь черкесского князя, которая, согласно всем остальным источникам, являлась невестой (или женой) картлийского царевича Баграта.

Ключевые слова: Грузия, Осетия, Черкесия, Диониджио Карли да Пьяченца, царь Георгий XI, царевич Баграт, царица Русудан, осетинский правитель/мтавар, осетинская княжна, династический брак.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dar-anzor@yandex.ru (А.В. Дарчиев),
svetik-dar70@mail.ru (С.В. Дарчиева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 471-482.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.471
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Quantative Methods in Research of the Tarski uezd Inventory Revision Book of 1701: Problems and Outcomes

Marina L. Berezhnova ^{a, *}

^a Dostoevsky Omsk State University, Russian Federation

Abstract

The article describes the possibilities of obtaining ethnographic data on Russian inhabitants of the Tara Irtysh Land from The Tarski uezd Inventory Revision Book of 1701, which authorized the poll tax-paying of the citizens. This book is one of the few remained records of that type composed in Siberian uezds in the XVII – the early XVIII centuries. Highlighting the data out of the source that is not expressed in the text explicitly but can be revealed while employing quantative methods in analysis of the information is of utmost importance. Census registration was conducted by households. Only breadwinners were described according to strict form that included the name, the patronymic name, ancestry, place of living, rank, emolument. It also contained the information on those who was a landman, who was a landowner, the taxes and the size of the tithe arable land were also defined. In inventory revision books the following data were included: male relatives that lived in the family, house serves (if they were). The number of cattle in the family, land holdings was indicated. The information on Russian inhabitants of from The Tarski uezd Inventory Revision Book were given in accordance to settlements: the town of Tara, villages and slobodas.

Sociology and history science have a great experience of large-scale records analysis. The article features various possible approaches to the research and by means of the example of the analysis of four settlements of different types the possibilities of the usage of quantative methods are described. The following correlations were analyzed: social stratum – parenthood status, ancestry – parenthood status, social stratum – settlement size. The most demonstrative were the results of the analysis connecting ancestry and social stratum.

Keywords: historical ethnography, Russian Siberians, inventory revision book, social structure, ancestry.

1. Введение

Изучение истории Сибири не теряет научной актуальности и в наши дни. По мере поворота исторической науки к человеку все больший интерес вызывают источники, содержащие персонализированную, но массовую информацию – это, прежде всего, документы учета населения. В Российском государственном архиве древних актов хранятся 54 сибирские дозорные книги XVII – начала XVIII вв. (Оглоблин, 1895: 309). Среди них – Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. (далее – ДК). Внимание омских ученых именно к этому источнику определяется не только изучением прошлого собственного региона, но и возможностью исследовать более общие проблемы сибирской истории: состояние русского общества на границах Российского государства, изменения, которые происходили в этнической и социальной структуре русского населения в период начавшихся петровских преобразований, социальное ранжирование семей в зависимости от служебного и имущественного положения их глав.

Массовая информация дозорных книг может быть использована для реконструкции социальных отношений только при использовании количественных методов. Компьютерные

* Corresponding author

E-mail addresses: [berezkh@bk.ru](mailto:berezh@bk.ru) (M.L. Berezhnova)

технологии позволяют устанавливать связи между разнородными факторами, определяющими характер местного сообщества рубежа XVII–XVIII вв.

2. Материалы и методы

Статья основана на результатах изучения Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182). Это один из относительно немногочисленных источников, дающих цельное представление о населении уезда, его этническом и социальном составе, расселении, занятиях. Содержащиеся в документе сведения позволяют также оценить половозрастную структуру общества.

Дозоры XVII–XVIII вв. являлись финансовым документом, составленным в целях податного обложения. При их проведении фиксировалось имущество, прежде всего земельные наделы, которыми пользовались и владели семьи, доходы от всех видов деятельности, а также соответствие им повинностей и налогов местных жителей. Итогом деятельности составителя ДК дворянина Ивана Родионовича Качанова является значительный по объему документ в 425 рукописных листов с оборотами. Листы 348–425 содержат сведения о местных татарах, которые в данной работе не учитывались. В основной части книги представлена информация о русском населении уезда. Здесь насчитывалось 48 поселений, включая город Тару. В дозор внесены сведения о 1131 семье.

Учет русского населения был проведен по дворам, в котором проживала одна семья. Мужчина-глава семьи описывался по формуле: фамилия, имя, имя отца (отчество), чин, оклад – денежный и хлебный, земельные участки, оброки и размер десятинной пашни. В дозор вносились сведения о родственниках мужского пола, живущих в семье: сыновьях, даже если они сами уже несли службу и состояли в браке, внуках, братьях и изредка племянниках хозяина. Указывались дворовые люди, если они были. Описывалось количество скота, имеющегося в семье, земли пашенные, непашенные, залежные, пустоши, скотские выгоны и сенокосы. Обязательным для всех категорий жителей, кроме детей боярских, состоящих на службе, было указание на происхождение и чин отца. Особой частью записи являлось описание земельных угодий, сенных покосов и указание на основание владения ими. Эти сведения оформлялись с использованием устоявшихся оборотов, то есть еще в момент составления ДК подворные записи были в определенной мере формализованы.

Компьютеризация исследований позволяет облегчить ряд исследовательских операций, даже не прибегая к специальным программам. Например, объем изученного документа легче оценить, если перевести его в авторские листы. Поскольку при изучении ДК ее текст был адаптирован к современному русскому языку и набран, то можно четко указать его объем – это 24,78 авторских листов (а.л.), в том числе по «русской» части – 21,48 а.л. Понятно, что исследование такого массива информации требует ее предварительной обработки. Нами была выбрана табличная форма систематизации данных, тем более что структура такой таблицы задана самими правилами проведения дозора. Упорядоченные сведения можно анализировать, выбирая разные параметры их сортировки, что дает возможность в количественных параметрах описать ситуацию в Притарье в начале XVIII века.

Однако более значимыми являются вопросы не техники исследования, а его методологии. Пожалуй, самым сложным является ответ на вопрос, какие, собственно, сведения мы хотели бы получить? С одной стороны, данные из итоговых таблиц, которые включались в документ его составителем, так или иначе уже опубликованы, в том числе и по ДК. С другой стороны, располагая по-своему уникальным источником, возможностями современной компьютерной техники, которая позволяет работать с большими объемами информации, многострочными таблицами, хотелось бы получить «сверхзнание», то есть такие сведения, что прямо в тексте не отражены. В определенной мере, эта статья – публикация опыта применения метода сопряжения разнородных сведений из больших баз данных.

3. Обсуждение

Исследовать огромный по объему материал практически невозможно при «ручной» обработке данных. Не случайно, что раньше сведения учета населения вводились в научный оборот двумя основными способами: либо использовались итоговые данные, которые вносили в документ еще переписчики, либо из текста извлекались отдельные фрагменты, иллюстрирующие те или иные тезисы автора (см., напр.: Громыко, 1965; Колесников, 1973; Крих, 2012 и др.).

Сами методы математического анализа вошли в практику исторических исследований во второй половине XX века (Гарскова, 2018: 31–57). Основной целью их использования было «измерение исторических явлений», т.е. прежде всего речь шла о количественных и математико-статистических методах (Ковальченко, 1987: 282). Подобные приемы уже давно разработаны экономистами и социологами и адаптированы к историческим исследованиям. Чаще всего они применялись для анализа социального и имущественного неравенства (Миронов, 1991: 29–39) и социальной мобильности (Бородкин, 2016: 49–71). Не менее востребовано в исторических источниках изучение данных в их сопряжении. Применение этой методики начинается с составления так называемых плоских таблиц, которые упорядочивают двумерные массивы данных, состоящие из столбцов и строк. Все значения, внесенные в отдельные ячейки таблицы, можно рассматривать как

переменные, а сам характер этих данных предполагает их градуирование еще на стадии сбора материала (Гуц, Фролова, 2017: 185).

В этом отношении новаторским является исследование новосибирского историка Т.С. Мамсик, которая проанализировала материалы окладных книг Кайлинской волости за 1827 и 1857 гг. (Мамсик, 1998; Мамсик, 2001). Она поставила вопрос об иной, не прямо следующей из текста источника группировке данных. Демонстрируя свой метод, Т.С. Мамсик показала, что, например, выделение «полупауперских», по ее терминологии, хозяйств, сгруппированных по признаку беспосевности, не всегда верно позволяет охарактеризовать их истинное положение. Если учитывать и другие зафиксированные в окладных книгах данные, то бедняцкие хозяйства без посевов зерновых оказались специализированными в иной сфере: на производстве технических культур, коновальном ремесле, кузнечестве. Доход хозяйств от этих видов деятельности оказался настолько большим, что потребовал пересмотра их места в социальной структуре общества (Мамсик, 1998: 27-28).

Напротив, доход внешне благополучных семейств с достаточными земельными наделами, обеспеченных скотом и рабочими руками мог быть не больше, чем в хозяйствах с одним работником и меньшими ресурсами. Такое положение складывалось в силу разных причин: болезней членов семьи, демографических перекосов (много стариков или детей) и т.д. Методологически важным является вывод автора о том, что чем больше параметров сопоставляется, тем более многомерная картина жизни может быть реконструирована историком, тем более парадоксальными могут быть результаты исследования (Мамсик, 1998: 31-32).

4. Результаты

Начало изучению полного текста ДК положено несколько лет назад, и некоторые результаты уже опубликованы (Бережнова и др., 2013; Бережнова и др., 2014; Кабакова, Корусенко, 2017; Кабакова, Корусенко, 2019; Кабакова, 2020; Рогожникова, 2020). В данной статье будут изложены результаты сравнительного анализа материалов по разнотипным населенным пунктам, в которых проживало русское население.

Как уже указывалось, всего в ДК отражены результаты дозора по 48 населенным пунктам Тарского уезда. Открывает книгу описание города Тары. Остальные поселения сгруппированы по их расположению на двух основных реках этой местности: по р. Оше и р. Иртышу. Все поселения могут быть разделены по типу: 1 город, 2 села – по одному в каждом кусте поселений, 3 слободы, 41 деревня.

Единицей измерения общества по материалам ДК является двор. Он в целом равен семье, хотя типы последней определяются довольно условно. Можно выделить нуклеарные семьи, в том числе такие, где взрослые сыновья уже сами несли службу, и трехпоколенные семьи, в которых главой является отец, но с ним проживал его женатый сын, уже имеющий детей.

В ДК почти нет сведений о женщинах. Они упоминаются только в тех случаях, когда в семье не остается никаких родственников мужского пола. Очень редко, но встречаются указания, что в семье есть пасынки, и приводится их фамилия по отцу. Из этого мы узнаем о случаях повторных браков. Изредка при рассмотрении хозяйственных споров упоминаются женщины-наследницы, которым принадлежит какое-либо имущество, чаще всего это земельные участки (Бережнова, Кабакова, 2014).

Население Притарья этого периода было социально разнородным и в соответствии с принципами составления ДК делилось на ружников, детей боярских, служилых людей и крестьян. Положение этих групп населения было вполне определенным, в том числе и с финансовой точки зрения. Но к началу XVIII века сформировались такие слои населения, мужчины из которых не имели оклада за службу. Это – подьячие, толмачи, писчики, беломестные казаки, отставные служилые люди, «дети» служилых людей. При этом кто-то из них не платил оброков, кто-то, относясь к такой же группе, их выплачивал. Сословная принадлежность представителей этих групп была очень неустойчива, а переход из одного социального состояния в другое совершался легко. В Таблице 1 представители этих групп отнесены в графу «другие категории».

Таблица 1. Типы поселений и социальные группы населения Тарского уезда в 1701 году (составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 6-347)

Населенный пункт	Всего семей	Количество семей по социальным группам				
		Ружники	Дети боярские	Служилые	Крестьяне	Другие категории
Город						
Тара	397	7	33	272	–	85
Села						
Спасское (Ложниковское), с.	43	1		24	–	18
Изюцкое, с.	46	3	7	15	–	21
Слободы						
Биргамацкая, сл.	76	2	–	–	48	26

Населенный пункт	Всего семей	Количество семей по социальным группам				
		Ружники	Дети боярские	Служилые	Крестьяне	Другие категории
Татмыцкая, сл.	151	2	–	–	45	104
Аевская, сл.	29	–	–	–	25	4
Деревни						
Усть-Ошинская, д.	32	–	2	18	–	12
Нюхоловская, д.	26	–	1	14	–	11
Мамешевская, д.	24	–	–	14	–	10
Ставская, д.	19	–	–	14	–	5
Евгаштина, д.	18	–	–	14	–	4
Деревня на Усть-Таре	16	–	–	10	–	6
Сеиткулова (Верхняя), д.	16	–	1	1	6	8
Шухова, д.	16	–	–	9	–	7
Тонатова, д.	13	–	–	3	5	5
Колбышина, д.	12	–	–	12	–	–
Киобская (Кучковская, Любимова), д.	11	–	–	7	–	4
Коюрлинская (Носкова)	11	–	1	6	–	4
Юрлагинская, д.	11	–	–	9	–	2
Усть-Аевская, д.	11	–	–	11	–	–
Кайгашева, д.	10	–	1	3	–	6
Бутакова, д.	10	–	1	3	–	6
Ананьина, д.	9	–	–	5	–	4
Скатова, д.	8	–	–	5	–	3
Терехина, д.	8	–	–	7	–	1
Копейкина (Мешкова), д.	8	–	–	7	–	1
Копейкина, д.	8	–	–	7	–	1
20 малых деревень (7 и менее дворов)	81	–	3	43	7	28
Монастырские крестьяне						
Монастырь в Таре на посаде	11	1	–	–	10	–
Итого						
48 поселений	1131	16	50	533	146	388

В 1701 г. к городу Таре было приписано 35,1 % всех русских дворов уезда. Самым массовым типом населенных пунктов в уезде были деревни – 21 поселение. Среди них можно выделить крупные (более 20 дворов), средние по численности и малые (7 и менее дворов). При ранжировании деревень по количеству дворов медианной является деревня Копейкина (8 дворов), а средний размер деревень в этот период был равен 9 дворам (как в д. Ананьино). Малые деревни составляли 41,7 % всех русских поселений Притарья. При этом в них числилось только 7,2 % дворов.

В начале XVIII в. доля служилых людей, включая детей боярских, составляла в Тарском уезде 51,72 % от общего числа дворов, новая, начинающаяся складываться категория крестьян – 12,9 %. Между ними по численности находится сложная группа населения, не относящаяся, как выше было показано, к более устойчивым сословиям. Тем не менее ее можно разделить на категории согласно терминологии ДК (Таблица 2).

Таблица 2. Состав и численность группы «другие категории» населения (составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 106об.-347)

Выделенные в ДК «другие категории» населения	Количество дворов	В % от общего числа дворов
«Дети» служилых людей	159	14,05
Беломестные казаки	142	12,55
Отставные служилые люди	50	4,42
Бобыли	21	1,86
Подьячие, толмачи, писчики, слободчик	9	0,8
Посадские	7	0,62
Всего	388	34,3

Рассмотрим на примере разнотипных населенных пунктов возможности использования количественных методов. Для анализа были выбраны самое большое село Тарского уезда, расположенное на р. Оше, – Спасское (Ложниковское); самая большая слобода уезда, расположенная на р. Иртыше, – Татмыцкая; среднее по численности поселение в группе больших деревень – Тонатова на р. Иртыше; среднее по численности поселение в группе средних деревень – Копейкина над речкой Копейкиной; среднее по численности поселение в группе малых деревень – Шадрина на р. Оше. Состав населения в них охарактеризован в [Таблице 3](#).

Таблица 3. Состав населения по категориям в разнотипных поселениях Тарского уезда по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. (составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 139-150 об., 150-152, 219об.-222, 246-266, 273-275)

Населенный пункт	Выделенная в ДК категория	Количество дворов	В % от общего числа дворов
С. Спасское	Поп	1	2,3
	Черкасской сотни казак	5	11,6
	Литовской сотни казак	7	16,3
	Конный казак	5	11,6
	Казачий сын	10	23,3
	Пеший казак	4	9,3
	Стрелец	4	9,3
	Отставной конный казак	3	7,0
	Отставной стрелец	2	4,7
	Рейтарский сын	1	2,3
	Стрелецкий сын	1	2,3
	Всего дворов в селе	43	100
Сл. Татмыцкая	Ружники	2	1,3
	Судной избы писчик	1	0,7
	Слободчик	1	0,7
	Беломестные казаки	89	59,0
	Служилые	4	2,6
	Пашенные крестьяне	45	29,8
	Бобыли	9	5,9
	Всего дворов в слободе	151	100
Д. Тонатова	Конный казак	1	7,7
	Черкасской сотни казак	1	7,7
	Литовской сотни казак	1	7,7
	Беломестные казаки	5	38,45
	Пашенные крестьяне	5	38,45
	Всего дворов в деревне	13	100
Д. Копейкина над речкой Копейкиной	Черкасской сотни казак	1	12,5
	Литовской сотни казак	2	25,0
	Стрелец	1	12,5
	Пеший казак	3	37,5
	Казачий сын	1	12,5
	Всего дворов в деревне	8	100
Д. Шадрина над рекой Ошей	Стрелец	2	50
	Стрелецкий сын	1	25
	Отставной конный казак	1	25
	Всего дворов в деревне	4	100

Анализ таблицы показывает, что с. Спасское по составу населения похоже на г. Тару: здесь в основном проживали служилые люди, состоящие на службе или в отставке, а также их дети, на службе не состоявшие. При этом состав населения по происхождению очень однороден: 41 человек был родом из семьи служилых, один пеший казак сказал, что он тарчанин, попов сын, один из казаков литовского списка указал, что он «остяк, был ясачным».

Люди, рожденные в семьях служилых, чаще всего были записаны как «Тарского города (указание чина отца) сын»: конного казака, стрелецкий сын и т.д. В четырех случаях формулировка была не «Тарского города», а «с Тары», в пяти случаях указывалось «села Спасского ... сын». Таким образом, 95,3 % населения села представляли одну сословную группу и принадлежали к ней по рождению. Деревни Копейкина и Шадрина в этом отношении полностью похожи на с. Спасское –

население исключительно служилого происхождения, более того, все указаны как «родом Тарского города ... сын».

Слободы изначально строились как земледельческие поселения. Исследователи также отмечают характерную для них социальную неоднородность населения и тенденцию к замене родовых связей соседскими (Бродников, Ноздрин, 2009). Слобода Татмыцкая интересна тем, что она соответствует «классическому» описанию этого типа поселений, т.е. жителей в ней больше, чем в рядом расположенных селах. Этот признак не был обязательным в Тарском Прииртышье. Например, Аевская слобода по численности населения была сопоставима с большими деревнями. Кроме того, к моменту дозора в Татмыцкой слободе все еще жил слободчик – строитель этой слободы – и его сыновья, что позволяет оценить их место в социальной иерархии. Население Татмыцкой слободы действительно было очень неоднородным по происхождению. Охарактеризовать это можно двояко: с одной стороны, часть поселенцев указывала, что родом они из самых разных, далеких от Тарского уезда мест. С другой стороны, в той же мере неоднородно их социальное происхождение (Таблица 4).

Таблица 4. Происхождение жителей Татмыцкой слободы и динамика их социального положения по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 года (составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 246-266)

Происхождение по местности	Происхождение по социальной группе*	Положение по ДК*	Всего по группе
С Арана города	Жил за боярином – 1	Пашенный крестьянин – 1	1
Арзамасец	Жил за дворянином – 1 Тягло отца сын, жил за Великим Государем – 1 Промышленный, жил за Великим Государем – 1	Пашенный крестьянин – 3	3
С Ваги (реки)	Солдатский сын, жил за Великим Государем – 1 Тяглый, жил за Великим Государем – 4	Пашенный крестьянин – 5	5
С Верхотурского уезда	Крестьянский сын – 10 Пушкарев сын – 1 Беломестного казака сын – 3 Отец его в кречатых помытчиках, жил в холопах – 1 Вкладчиков сын – 1 Тягло отца сын – 1 Платил хлебный оброк и то тягло сдал – 1	Пашенный крестьянин – 14 Беломестный казак – 3 Слободчик – 1	18
С Вятки	Тягло отца сын, жил за Великим Государем – 1	Пашенный крестьянин – 1	1
Долматов монастырь	Попов сын – 1	Беломестный казак – 1	1
Из русских городов	Крестьянский сын, жил за Великим Государем – 1 Солдатский сын, жил за Великим Государем – 1	Пашенный крестьянин – 2	2
Калмык		Бобыль – 2 Дворовый человек – 1	3
Кунгурец	Бобыль – 1	Бобыльский сын, жил за Великим Государем – 1	1
С Мезени (реки)	Стрелецкий сын	Затинщик	1
С Москвы	Жил за боярином – 2 Иноземской породы – 1 Стрелец – 2 Был в солдатах – 1 Конюхов сын, жил за Великим Государем – 1 Жил за стольником, в слугах – 1	Дьячок – 1 Пашенный крестьянин – 7	8
С Нижнего Новгорода	Посадский, жил за Великим Государем – 1	Кормится работой – 1	1
Тарского города	Атаманов сын – 1	Беломестный казак – 68	68

Происхождение по местности	Происхождение по социальной группе*	Положение по ДК*	Всего по группе
	Казачий сын – 11 Конного казака сын – 24 Из детей боярских – 1 Подьяческий сын – 1 Рейтарский сын – 13 Солдатский сын – 4 Стрелецкий сын – 12 Тарского города сторожа сын – 1		
С Тары	Был отец его калмык – 1 Казачий сын – 1 Подьяческий сын – 1	Беломестный казак – 2 Судной избы писчик – 1	3
Татмыцкой слободы	Слободчиков сын – 4 Беломестного казака сын – 1 Происхождение неизвестно – 1	Беломестный казак – 5 Крестьянский сын – 1 Бобыль – 1	7
С Тобольска	Рейтарский сын – 2	Пашенный крестьянин – 2	2
С Тобольского уезда	Беломестного казака сын – 1 Слободчиков сын – 1 Крестьянский сын – 8 Драгунский сын – 1 Тягло отца сын – 1	Беломестный казак – 2 Бобыль – 1 Затинщик – 1 Пашенный крестьянин – 8	12
С Томска	Казачий сын – 1	Беломестный казак – 1	1
С Туринска	Ямщицкий сын – 1 Крестьянский сын – 1 Посадского отца сын – 1	Пашенный крестьянин – 2 Бобыль – 1	3
С Тюмени	Чина отца не знает – 1 Казачий сын – 1	Беломестный казак – 2	2
С Устюга Великого	Солдатский сын – 4 Стрелецкий сын – 1	Беломестный казак – 3 Пушкарь – 1 Стрелецкий сын – 1	5
С Холмогор	Стрелецкий сын – 1	Пушкарь – 1	1
С Ямыш озера	Калмык – 2	Беломестный казак – 2	2

* Цифрами обозначено количество мужчин в каждой мини-группе.

Обращает на себя внимание однородность группы беломестных казаков. С одной стороны, в ее состав вошли дети местных служилых, с другой – управление группой было организовано традиционно. Во главе этих казаков стояли сотник и три пятидесятника, одним из которых был сын местного слободчика. Беломестные казаки не получали ни денежного, ни хлебного оклада. Однако они не несли тягла. В то же время у представителей этой группы было значительно меньше земли, в частности, ни у кого, за одним исключением, не было непаханой земли, пустошей, залежей и т.п. Земли, записанные за дворами беломестных казаков, значительно уступают по площади тем, что зафиксированы у служилого населения.

Вторая по величине группа жителей – пашенные крестьяне – отличается крайней неоднородностью. Если причислить к ней схожих по положению бобылей, то вместе они составят 35,7 % населения слободы. Но на эту часть жителей приходится 13 разных мест выхода даже с учетом их укрупнения, например, локаций «Тобольского уезда слободы Царево Городища» и «Тобольского уезда Нижней Ницинской слободы» учтены в таблице как «Тобольский уезд».

Описания мест выхода в ДК могут быть сведены к трем способам: указывалось название местности («с Ваги», «с Мезени» и с Ямыш-озера), и это наиболее частый путь, приводился этнохороним (по Татмыцкой слободе их только два: арзамасец и кунгурец) или этническая принадлежность (последнее – только по отношению к калмыкам). В остальных случаях происхождение приводится через астионимы: всего упоминается 11 городов, а также село Холмогоры. Если не считать Тарского уезда, то наибольшее число прибывших в слободу жителей распределяется так: из Верхотурского уезда – 18 человек, из Тобольского уезда – 12, из Москвы – 8. Указания на происхождение по сословной группе также являются очень разнообразными: 12 человек жили в разных местах «за Великим Государем», 5 человек – за знатными особами или, в одном случае, «в холопстве», 7 сказали детьми «тягло отца», 1 – сам сдал тягло перед приходом в Татмыцкую слободу, 20 человек были крестьянскими детьми. По большей части все эти люди стали пашенными крестьянами.

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу XVIII в. в Тарском Прииртышье сложилось неоднородное общество. Служилые люди в подавляющем большинстве являлись местными уроженцами, продолжали нести службу, хотя какая-то их часть уже была приписана к беломестным казакам, что в целом негативно сказалось на их материальном положении.

Пашенные крестьяне в основном были представлены людьми, недавно пришедшими в Сибирь. Так, по данным ДК, указано время прихода в Сибирь у 62 жителей Татмыцкой слободы. Пришлые были включены в разные социальные группы: пашенные крестьяне – 43 двора, беломестные казаки – 9, бобыли – 5, дьячок – 1. В целом датированные миграции относительно ровно распределены по годам при небольших потоках в 2–4 человека (семьи?) в год. Пик миграционной активности пришелся на 1692 г., когда приехали сразу 13 человек. Можно предположить, что к 1701 г. адаптация переселенцев еще не закончилась, т.к. многие оказались в далеком от родины и очень своеобразном, как минимум в природном отношении, месте. Отметим и тот факт, что по ДК невозможно определить, были ли присланные в Сибирь одиночками или имели семьи. С этой точки зрения показательна информация о семьях без детей. Такое состояние могло сложиться потому, что хозяин двора был молод и еще не имел к моменту дозора детей; напротив, потому что был стар и дети уже выросли и покинули родительскую семью; потому что детьми были исключительно девочки; потому что действительно не было детей. Дифференцировать эти случаи по материалам ДК практически невозможно. Следующим аспектом сравнения может быть сопоставление данных, полученных в результате подсчетов по одной программе, но по разным подборкам сведений: по населенным пунктам и по социальным группам (Таблицы 5–6).

Таблица 5. Сведения о семьях с детьми в населенных пунктах по Дозорной книге Тарского уезда 1701 года (составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 139-150 об., 150-152, 219 об.-222, 246-266, 273-275)

Населенный пункт	Всего семей	Не указа-ны дети	% семей без указан-ных детей	Дети, всего указано в дозоре	Сред-ний возраст детей	Среднее число детей в семьях
С. Спасское	43	9	20,9	89	10,9	2,6
Сл. Татмыцкая	152	66	43,4	181	5,86	2,1
Д. Тонатова	13	4	30,8	22	11,2	2,4
Д. Копейкина над речкой Копейкиной	8	1	12,5	16	12,3	2,3
Деревня Шадрина над рекой Ошей	4	–	–	7	13	1,75
Итого	220	80	36,4	315	9,5	2,25

Таблица 6. Сведения о семьях с детьми в различных социальных по Дозорной книге Тарского уезда 1701 года (составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 139-150 об., 150-152, 219 об.-222, 246-266, 273-275)

Социальная группа	Всего семей	Не указа-ны дети	% семей без указан-ных детей	Дети, всего указано в дозоре	Сред-ний возраст детей	Среднее число детей в семьях
Ружники	3	1		4	7,75	2
Др. категории	3	2	66,7	1	10	1
Служилые люди	37	3	8,1	87	11,99	2,6
Отставные служилые	6	–	–	11	9,1	1,8
Служилых «дети»	14	8	57,1	17	14,6	2,8
Беломестные казаки	98	43	43,9	128	7,96	2,3
Пашенные крестьяне	59	23	38,98	67	5,3	1,9
Итого	220	80	36,4	315	9,5	2,25

Если анализировать данные по населенным пунктам, то видно, как отличаются показатели по д. Шадринной. В этой небольшой деревне проживали семьи братьев Стеньки и Афонки Шадринных, связанные между собой прямым родством. У обоих были взрослые сыновья, один из которых и сам имел сына 9 лет. Родство с двумя другими семьями этой деревни по материалам ДК не прослеживается. Глава одной из них был в возрасте, в семье записан только один сын 20 лет. Супруги в другой семье были, видимо, моложе, у них указан сын одного года. Кроме того, в этом поселении во всех семьях записаны дети. То, что жители деревни были немолоды, говорят показатели среднего числа детей в семье (оно ниже, чем в других населенных пунктах) и высокий средний возраст детей – 13 лет.

Если по этой логике анализировать другие населенные пункты, то можно сделать предположение, что в сл. Татмыцкой также сложилась своеобразная ситуация. Это становится ясно из сочетания трех факторов: очень высоком проценте бездетных семей, маленьком среднем возрасте детей и небольшом в среднем числе детей в семьях. Если соотнести таблицы 5 и 6, то станет очевидно, что снижали общие показатели пашенные крестьяне. Видимо, слабо адаптированная группа населения на коллективном уровне только начинала процесс воспроизводства: именно у них много бездетных дворов, что, можно предположить, свидетельствует о слабой брачной активности этой социальной группы. Судя по возрасту детей и их количеству в семьях, браки у пашенных крестьян в основном сложились относительно недавно. Эти данные могут быть косвенным аргументом при ответе на вопрос, в каком брачном состоянии приходили в Сибирь переселенцы. Судя по полученным результатам, – по одному, а в Сибири далеко не сразу создавали семьи.

Данные по с. Спасскому показывают хорошо обеспеченную группу населения с большим количеством детей в семье. Именно в с. Спасском встречались семьи с шестью и семью сыновьями. Если применить коэффициент людности семьи, то, вероятно, общее число детей с учетом дочерей в таких многодетных семьях станет больше десяти. Однакостораживает довольно высокий средний возраст детей, что свидетельствует о высоком возрасте населения села в целом.

5. Заключение

При работе над данной статьей были апробированы методики квантитативного анализа ДК. Их использование позволяет дополнять информацию источника, которая не содержится в нем в прямой форме. На основании анализа детности можно оценивать возраст жителей тех или иных населенных пунктов. На основании данных о бездетных семьях, среднего возраста детей, а также с учетом некоторых показателей развития хозяйства можно дать общую оценку стабильности общества и устойчивости его развития.

Из приведенных в статье данных следует, что в обществе наблюдаются черты дестабилизации: очевидно, что уже сложились две группы с разным происхождением, с разными видами деятельности, степенью экономического развития и доходами. ДК демонстрирует также разницу демографического поведения в группах. При всей успешности местного старожильческого населения, представленного прежде всего служилыми людьми,стораживает повышение среднего возраста и уменьшение детности у этой группы населения.

Исторические исследования – это, как правило, работа по обоснованию заранее известных результатов развития. Так, по отношению к Тарскому уезду известно, что бурные события, вплоть до известного Тарского бунта, ждут уезд в позднюю петровскую эпоху (1722 г.), а затем, как и по всей России, здесь произойдет полное изменение социальной структуры общества с понижением статуса наиболее референтных групп.

Система взаимодействия служилых людей возродится в казачьих войсках, которые еще только начнут формироваться на новых условиях во второй половине XVIII в. Именно для линейного казачества будет характерна определенная закрытость группы, воспроизводство сообщества без использования сторонних людских ресурсов, что обеспечивалось высоким уровнем рождаемости. Праобраз именно такого сообщества мы находим на страницах дозора 1701 года.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42054.

Литература

Бережнова и др., 2014 – Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержания // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2014. № 1 (1). С. 62-69.

Бережнова и др., 2013 – Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013. № 4 (23). С. 111-116.

Бородкин, 2016 – Бородкин Л.И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 306 с.

Бродников, Ноздрин, 2009 – Бродников А.А., Ноздрин Г.А. Слобода // *Историческая энциклопедия Сибири*. С–Я. Новосибирск: Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 118-119.

Гарскова, 2018 – Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с.

Громько, 1965 – Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1965. 268 с.

Гуц, Фролова, 2007 – Гуц А.К., Фролова Ю.В. Математические методы в социологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 216 р.

Кабакова, Бережнова, 2014 – Кабакова Н.В., Бережнова М.Л. Статус и права одинокой женщины в сибирском регионе в XVIII – первой половине XIX века // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Параллель, 2014. С. 52-58.

Кабакова, Корусенко, 2019 – Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Сибирские делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII–XVIII вв.: феномен «узнавания» новых пространств империи // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2019. № 4 (47). С. 165-171. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-47-4-13>

Кабакова, 2020 – Кабакова Н.В. Хозяйство русских жителей Тарского Прииртышья (по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.) / *Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы 10-й Междунар. науч. конф.* Вып. 10. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 172-176.

Ковальченко, 1987 – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

Колесников, 1983 – Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX века. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Крих, 2012 – Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. дом «Наука», 2012. 296 с.

Мамсик, 1998 – Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 года. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 212 с.

Мамсик, 2001 – Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1857 года. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 267 с.

Миронов, 1991 – Миронов Б.Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. 165 с.

Оглоблин, 1895 – Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М.: Университет. типография, 1895. Ч. 1. 429 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Рогожникова, 2020 – Рогожникова Т.П. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник исторической лексикологии: тягло // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2020. № 3 (28). С. 87-90. DOI: [10.36809/2309-9380-2020-28-87-90](https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-28-87-90).

Kabakova, Korusenko, 2017 – Kabakova N.V., Korusenko S.N. Office Administration and Cartography at the turn of the XVII–XVIII centuries: to the Problem of Studying the Population of the Middle Priirtyshje // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. Pp. 21-29. DOI: [10.13187/bg.2017.1.21](https://doi.org/10.13187/bg.2017.1.21)

References

Berezhnova et al., 2013 – Berezhnova, M.L., Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2013). Dozornaya kniga Tarskogo uyezda 1701 g. kak istochnik po etnografii narodov Tarskogo Priirtysh'ya [The Patrol Book of the Tarsky uyezd of 1701 as a source on the ethnography of the peoples of the Tarsky Irtysh]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(23): 111-116. [in Russian]

Berezhnova et al., 2014 – Berezhnova, M.L., Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2014). Dozornaya kniga Tarskogo uyezda 1701 g.: k voprosu o prichinakh sostavleniya i sodержanii [The Patrol Book of Tarsky uyezd of 1701: to the question of the reasons for the compilation and content]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 1(1): 62-69. [in Russian]

Borodkin, 2016 – Borodkin, L.I. (2016). Modelirovanie istoricheskikh protsessov: ot rekonstruktsii real'nosti k analizu al'ternativ [Modeling of historical processes: from reconstruction of reality to analysis of alternatives]. SPb.: Aleteiya. 306 p. [in Russian]

Brodnikov, Nozdrin, 2009 – Brodnikov, A.A., Nozdrin, G.A. (2009). Sloboda [Settlement]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. S–Ya. Novosibirsk : Izdat. dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri», pp. 118-119. [in Russian]

Garskova, 2018 – Garskova, I.M. (2018). Istoricheskaya informatika: evolyutsiya mezhdistsiplinarnogo napravleniya [Historical informatics: the evolution of the interdisciplinary direction]. SPb.: Aleteiya. 408 p. [in Russian]

Gromyko, 1965 – Gromyko, M.M. (1965). Zapadnaya Sibir' v XVIII veke. Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie [Western Siberia in the XVIII century. Russian population and agricultural development]. Novosibirsk: Nauka : Sib. otd-nie. 268 p. [in Russian]

Guts, Frolova, 2007 – Guts, A.K., Frolova, Yu.V. (2007). Matematicheskie metody v sotsiologii [Mathematical methods in sociology]. М.: Изд-во LKI. 216 p. [in Russian]

Kabakova, 2020 – Kabakova, N.V. (2020). Khozyaistvo russkikh zhitelei Tarskogo Priirtysh'ya (po materialam Dozornoj knigi Tarskogo uyezda 1701 g.) [The economy of the Russian inhabitants of the Tarsky Priirtyshye (based on the materials of the Watch Book of the Tarsky uyezd of 1701)]. *Etnografiya*

Altaya i sopredel'nykh territorii : materialy 10 Mezhdunar. nauch. konf. Vol. 10. Barnaul : AltGPU. Pp. 172-176. [in Russian]

[Kabakova, Berezhnova, 2014](#) – Kabakova, N.V., Berezhnova, M.L. (2014). Status i prava odinokoi zhenshchiny v sibirskom regione v XVIII – pervoi polovine XIX veka [The status and rights of a single woman in the Siberian region in the XVIII – first half of the XIX century]. *Soslovnnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII – nachalo XX veka)*. Novosibirsk : Izd-vo Parallel', pp. 52-58. [in Russian]

[Kabakova, Korusenko, 2017](#) – Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2017). Office Administration and Cartography at the turn of the XVII–XVIII centuries: to the Problem of Studying the Population of the Middle Priirtyshje. *Bylye Gody*. 43(1): 21-29. DOI: 10.13187/bg.2017.1.21 [in Russian]

[Kabakova, Korusenko, 2019](#) – Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2019). Sibirskie deloproizvodstvennye i kartograficheskie istochniki rubezha XVII–XVIII vv.: fenomen «uznavaniya» novykh prostranstv imperii [Siberian office and cartographic sources of the turn of the XVII–XVIII centuries: the phenomenon of «recognition» of the new spaces of the empire]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4 (47): 165-171. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-47-4-13> [in Russian]

[Kolesnikov, 1973](#) – Kolesnikov, A.D. (1973). Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX veka [Russian population of Western Siberia in the XVIII – early XIX centuries]. Omsk : Zap.-Sib. Kn. izd-vo. 440 p. [in Russian]

[Koval'chenko, 1987](#) – Koval'chenko, I.D. (1987). Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. M. : Nauka. 440 p. [in Russian]

[Krikh, 2012](#) – Krikh, A.A. (2012). Etnicheskaya istoriya russkogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XVII–XX veka) [The ethnic history of the Russian population of the Middle Irtysh (XVII-XX centuries)]. Omsk : Izdat. dom «Nauka». 296 p. [in Russian]

[Mamsik, 1998](#) – Mamsik, T.S. (1998). Zapadnosibirskaya pripisnaya derevnya v sisteme tovarno-denezhnogo khozyaistva: Kailinskaya volost' po materialam okladnykh knig 1827 goda [West Siberian assigned village in the system of commodity-money economy: Kailinskaya volost based on the materials of the salary books of 1827]. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN. 212 p. [in Russian]

[Mamsik, 2001](#) – Mamsik, T.S. (2001). Zapadnosibirskaya pripisnaya derevnya v sisteme tovarno-denezhnogo khozyaistva: Kailinskaya volost' po materialam okladnykh knig 1857 goda [West Siberian assigned village in the system of commodity-money economy: Kailinskaya volost based on the materials of the salary books of 1857]. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN. 267 p. [in Russian]

[Mironov, 1991](#) – Mironov, B.N. (1991). Istoriya v tsifrakh: matematika v istoricheskikh issledovaniyakh [History in numbers: mathematics in historical research]. L.: Nauka : Leningr. otd-nie. 165 p. [in Russian]

[Ogloblin, 1895](#) – Ogloblin, N.N. (1895). Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of columns and books of the Siberian Order (1592–1768)]. M.: Universitet. tipografiya. Vol. 1. 429 p. [in Russian]

[RGADA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts (RGADA)].

[Rogozhnikova, 2020](#) – Rogozhnikova, T.P. (2020). Dozornaya kniga Tarskogo uyezda 1701 g. kak istochnik istoricheskoi leksikologii: tyaglo [The Patrol Book of Tarsky uyezd of 1701 as a source of historical lexicology: tyaglo]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 3(28): 87-90. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-87-90. [in Russian]

Количественные методы исследования Дозорной книги Тарского уезда 1701 года: проблемы и результаты

Марина Леонидовна Бережнова ^{a, *}

^a Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены возможности получения этнографической информации о русских жителях Тарского Прииртышья из Дозорной книги Тарского уезда 1701 года, служившей основанием для податного обложения населения. Данная книга является одним из немногих сохранившихся документов этого типа, составленных в сибирских уездах в XVII – начале XVIII веков. Наибольший интерес представляет выделение из источника информации, которая не отражена в тексте прямо, но проявляется при использовании количественных методов анализа приводимых в документе сведений. Учет русского населения был проведен по дворам. В дозоре описывался только глава семьи по строгой формуле, которая включала в себя фамилию, имя, отчество, происхождение, место жительства, чин, оклад, указывалось, кто служит с земли или владеет землей, а также

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: berezh@bk.ru (М.Л. Бережнова)

определялись оброки и размер десятинной пашни. В дозор вносились также сведения о родственниках мужского пола, живущих в семье, и дворовых людях, если они были. Указывалось количество скота, имеющегося в семье, земельные владения. Сведения о русском населении в Дозорной книге распределены по населенным пунктам: город Тара, села, слободы, деревни.

В исторической науке и социологии накоплен большой опыт анализа массовых документов. В статье дан обзор возможных подходов к исследованию, а затем на примере анализа четырех разнотипных населенных пунктов рассмотрены возможности использования количественных методов. Были проанализированы соотношения: сословие – происхождение, сословие – детность, происхождение – детность, сословие – размер поселения. Наиболее показательными оказались результаты анализа, устанавливающие связь между происхождением и сословием.

Ключевые слова: историческая этнография, русские сибиряки, дозорная книга, социальная структура, происхождение.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 483-495.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.483
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Heritage of the Zagoskin Clan on Penza Land: Noble Estates

Elena G. Lapshina ^{a, *}, Dmitry V. Eshchin ^a

^a Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

Abstract

This article considers one of the famous domestic «noble nests» – the Penza Territory. The authors characterize the specifics of the local nobility; analyze his assessments in various sources (memoirs, works of local historians, etc.).

The main attention in the study is paid to the history of two brothers – Mikhail Nikolaevich and Lavrenty Alekseevich – genus of the ancient noble family of the Penza province of the Zagoskins and the «fate» of their family estates. M.N. Zagoskin – historical novelist, author of the famous literary works «Roslavlev, or Russians in 1812», «Yuri Miloslav, or Russians in 1612», etc. L.A. Zagoskin, a naval officer, a traveler, became famous for his studies of Russian America - descriptions and maps of Alaska, the Aleutian Islands, and Northern California. The brothers were born in the province: M.N. Zagoskin – in the village Tuzhilovka (near the village of Ramzai); L.A. Zagoskin – in village Nikolaevka (near the village of Zagoskino).

The authors describe the Zagoskin estates, which were characteristic examples of architectural and urban planning activities of that time and typical manor noble farms of Central European Russia. The noble estate, as a rule, included a manor house, a manor park, outbuildings, etc. In addition, the article considers the history and modern state of the building of the Museum of Folk Art in Penza, which in the XIX century. belonged to the cousin of the Zagoskin brothers Varvara Nikanorovna.

The use of manor buildings after the Soviet period is being studied, issues of preservation and prospects for the restoration of the noble Zagoskin estates as part of the cultural and historical heritage of the Penza region are being touched upon.

Keywords: Penza region, nobility, Zagoskin, noble estate, historical and cultural heritage.

1. Введение

Наследие дворянской культуры – значительная часть культурно-исторического поля современной России. К вопросам сохранения объектов культурного наследия русского дворянства, к развитию на их основе туристической индустрии российской провинции обращаются исследователи в области истории, архитектуры, искусства, культуры, стратегического менеджмента и многие другие специалисты.

В современных реалиях, когда предпринимаются попытки возвращения в отечественную культуру национальных ценностей, к которым относится усадебная культура, как особая форма быта, общения, жилищного строительства и т.п., актуализируется исследование отечественной дворянской культуры на региональном уровне – ее представителей, родовых построек и т.п.

С одной стороны, Пензенская губерния являлась типичным регионом Центрально-Европейской России, где присутствовали развитые традиции и устои усадебной дворянской культуры, крепкая налаженная взаимосвязь провинциального дворянства и городов и сельских усадеб. С другой стороны, сам город был именно дворянским, а не купеческим; у пензенских владельцев «дворянских гнезд» имелись широкие родственные и товарищеские связи с обитателями столичных городов, которые часто посещали Пензенскую землю. И с удовольствием гостили здесь.

* Corresponding author

E-mail addresses: elenlaps@mail.ru (E.G. Lapshina), dmi.eshchin@gmail.com (D.V. Eshchin)

Таким образом, изучение «судьбы» дворянских усадеб на примере некоторых представителей рода Загоскиных как явление отечественного культурного и исторического достояния позволяет расширить и углубить знания о ценностно-нравственном содержании российской культуры новейшего периода.

2. Материалы и методы

Материалы исследования представляют собой опубликованные и неопубликованные источники, в том числе документы Государственного архива Пензенской области (Фонд 5 – Канцелярия пензенского губернатора; фонд 158 – Пензенская губернская земская управа) и Пензенского краеведческого музея; научная, справочно-энциклопедическая и мемуарная литература, периодическая печать.

В исследовании в качестве методологической базы использован принцип историзма, дающий возможность проследить развитие дворянского рода Загоскиных на примере его двух представителей – Михаила Николаевича и Лаврентия Алексеевича, которые родились на Пензенской земле, провели часть детства и затем неоднократно приезжали; рассмотреть «судьбу» их усадеб в контексте изменения политических и социально-экономических условий.

Метод объективности позволяет максимально возможно с нейтральной позиции характеризовать и оценивать имеющийся в распоряжении фактический материал, в том числе архивные документы, воспоминания участников событий.

Метод системности и комплексности способствует воссозданию целостной картины устройства дворянской усадьбы в рассматриваемый период, определению ее особенных и общих черт с традиционной культурой усадеб России; соотносению облика внешнего и внутреннего пространства провинциальной дворянской усадьбы.

3. Обсуждение

Колонизация Пензенского края в XVII в. носила государственный характер и была как бы первой волной поселенцев. Колонизация второй волны XVIII в. существенно отличалась от предыдущей. После завершающего крупного набега кочевников 1717 г. надобность в обороне отпала. С исчезновением постоянной военной угрозы территория Присурья и Примокшанья как богатая природными ресурсами земля обратила на себя внимание дворянства. Помещики стали приобретать земли в этом краю покупкой, обменом, через заключение браков. Они заселяли пензенские земли как ценными черноземом своими и купленными для этой цели крепостными крестьянами.

Рядовое дворянство принимало значительное участие в колонизации второй волны. Данные о помещиках-дворянах Пензенской губернии сведены в «Список потомственных дворян, владевших в Пензенской губернии населенными имениями в 1785 г.» ([Списки потомственных дворян, 1902](#)).

Земля Пензенская заслуженно называлась одним из «дворянских гнезд» России, о чем писали пензенские чиновники и мемуаристы Ф.Ф. Вигель и В.А. Инсарский, писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, дворянский деятель и мемуарист князь Д.В. Друцкий-Соколинский, драматург Н.Д. Волков и др. В.А. Инсарский вспоминал, что местное дворянство было по большей части чистокровным и включало в себя много древних фамилий – Араповых, Загоскиных, Сабуровых, Ахлебниных, Всеволожских, Кишенских, Дубенских: «Пензенское дворянство было многочисленно, самолюбиво, капризно, имело сильные связи с Петербургом, ревниво держалось своего круга и было гордо и малодоступно для других слоев» ([Инсарский, 1875: 65](#)). Изучением пензенского дворянства в разное время активно занимались местные исследователи Т.А. Евневич, Н.М. Инюшкин, Е.Г. Лапшина, Л.А. Королева, В.Е. Малязев, В.А. Мочалов, Д.Ю. Мурашов, С.П. Петров, А.Ю. Плотников, О.М. Савин, А.В. Тюстин, И.С. Шишкин, С.Л. Шишлов ([Евневич, 1999: 65-74](#); [Инюшкин, 2001](#); [Lapshina, 2019: 284-295](#); [Королева, Лапшина, 2015: 682-688](#); [Малязев, 1998: 74-77](#); [Мочалов, 1996: 156-164](#); [Мурашов, 2004](#); [Петров, 1955](#); [Плотников, 1994: 3-11](#); [Тюстин, 2001](#); [Тюстин, Шишкин 2012–2013](#); [Савин, 1995](#); [Шишлов, 1992: 6-10](#)) и др.

Селения дворян часто получали название по фамилии владельца. В результате дворянской колонизации почти вся территория пензенской провинции была поделена между помещиками и покрылась частой сетью господских сел и деревень. О.А. Летучева подчеркивает, что архитектурной и градостроительной деятельности XVIII в. был присущ значительный размах – «от крупномасштабных планировочных преобразований до создания уникальных усадебных комплексов» ([Летучева, 2000: 15](#)).

По мнению Г.Ю. Орлова, Россия обладает уникальным опытом освоения, оформления и осознания земельного пространства ([Орлов, 2013: 146](#)). В 1992 г. возродилось «Общество изучения русской усадьбы». Данному вопросу посвящены отечественные работы А. Вергунова, Б. Кириченко, М. Нащокиной, Д. Швидковского и др.; зарубежные исследования П. Рувельт, П. Хейдена, Р. Пайпса ([Рувельт, 2008](#); [Хейден, 2009](#); [Пайпс, 2004](#)) и др. Усадьбами в Пензенском крае занимались Л.В. Рассказова, Е.Н. Чернявская ([Рассказова, 2010: 44-49](#); [Рассказова, 2011: 336-340](#); [Чернявская, 1995: 28-38](#); [Чернявская, 1996: 423-429](#)) и др.

4. Результаты

Одним из древнейших и коренных дворянских родов Пензенской губернии был род Загоскиных (с XVI в.), который начался от татарина Шевкала, определившегося в 1472 г. на службу к Ивану III из Золотой Орды, и за верность ему было пожаловано поместье в Обонежской пятине. При крещении Шевкала нарекли Александром Айбулатовичем, но он сохранил прозвище Загоска (лесная кукушка), от которого появилась фамилия Загоскины. Род Загоскиных подарил миру известных военных, инженеров-архитекторов, историка-профессора, великого путешественника и знаменитого писателя

Писатель Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852 гг.) в начале XIX в. был одним из самых знаменитых литераторов России. С.Т. Аксаков писал, что практически все грамотные люди на Руси читали и знали Загоскина (Аксаков, 1966: 67). М.Н. Загоскин вызывал большой интерес у филологов, краеведов и т.п. (Кони, 1902: 434-437; Песков, 1991: 304-306; Тюстин, Шишкин, 2012–2013: 1: 124-125).

М.Н. Загоскин, один из первых исторических романистов в России, сам принимавший участие в Отечественной войне 1812 г., написал исторический роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», принесший ему огромную известность. Произведение было весьма популярно у не очень привередливых читателей (Мирский, 2005: 212); неоднократно переиздавалось и было переведено на несколько языков (Рисунок 1). Роман М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» являлся предшественником произведения Л.Н. Толстого «Война и мир». В.Г. Белинский расценивал романы Загоскина как «факты» нравственно-эстетического образования русского общества, свидетельство «благородного чувства любви к Отечеству» (Белинский, 1842: 17-34).

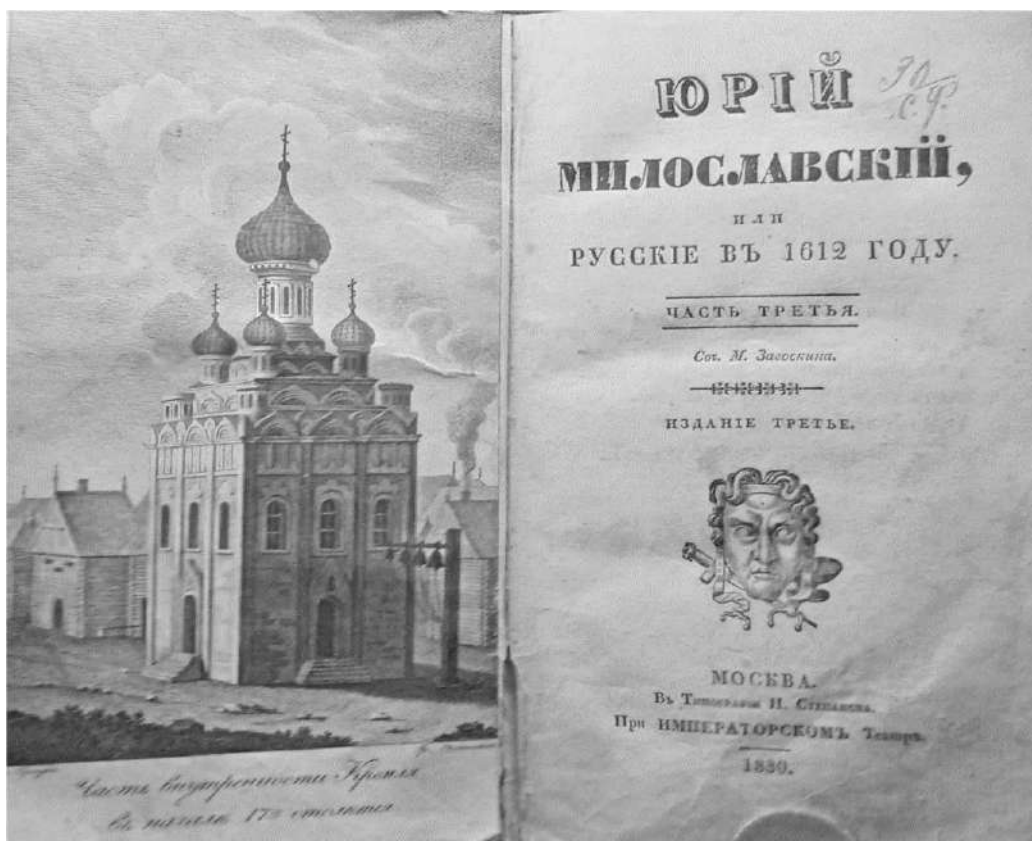

Рис. 1. Исторический роман Загоскина М.Н. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». 1830 г. Архив литературного музея, Пенза

В 1833 г. М.Н. Загоскин стал действительным членом Российской академии. В 1837 г. был произведен в действительные статские советники, назначен на должность директора императорских московских театров. Через 5 лет получил должность директора Московской оружейной палаты, которую занимал до конца жизни. Похоронен в московском Новодевичьем монастыре.

В своих литературных работах автор подробно описал свой родной край. Он был патриотом, и его труды воспитали несколько поколений русских людей. Крылатыми стали слова М.Н. Загоскина: «Человек, который не любит свое Отечество, жалок, а тот, кто осмеливается поносить его, заслуживает общее презрение» (Загоскин, 1889: 89).

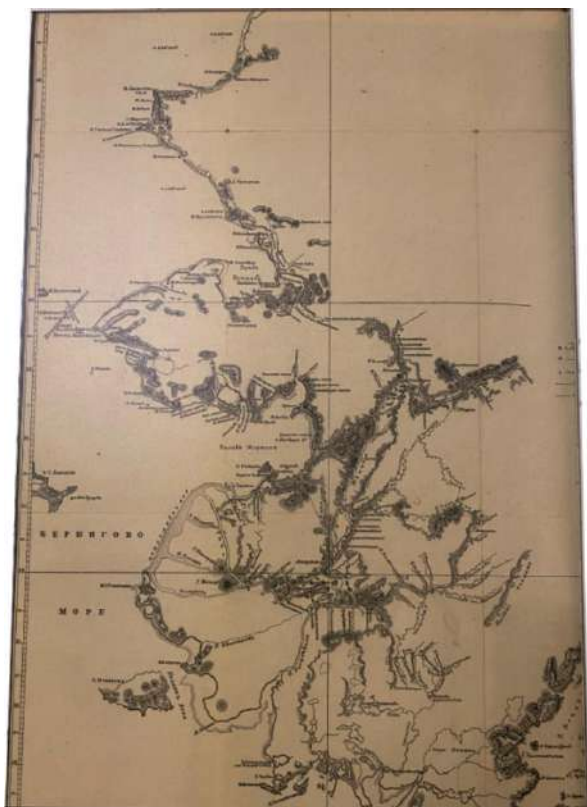

Рис. 2, а. Карта. Аляска. 1844 г. Рукописная. Л.А. Загоскин

Другой известный представитель рода Загоскиных – троюродный брат М.Н. Загоскина Лаврентий Алексеевич Загоскин (1808–1890 гг.), морской офицер, выдающийся путешественник и исследователь Русской Америки – Аляски, Алеутских островов, Северной Калифорнии. По окончании морского пансиона и Морского кадетского корпуса служил в Каспийской флотилии. После пожара на пароходе «Аракс», которым он командовал, в 1835 г. его разжаловали в матросы, затем помиловали и восстановили в звании лейтенанта, и он продолжил службу на Балтийском флоте. В 1838 г. Л.А. Загоскин перешел на службу в Российско-Американскую компанию. По дороге туда в 1839 г. он заезжал в имение проститься с отцом.

В 1842–1844 гг. в ходе исследования в районе залива Нортон и Коцебу в бассейнах рек Юкон и Кускоквим Л.А. Загоскин, двигаясь на байдаре, сделал опись побережья залива Нортон и нанес на карту Юкон от порогов до нижней луки (Рисунок 2, А, Б).

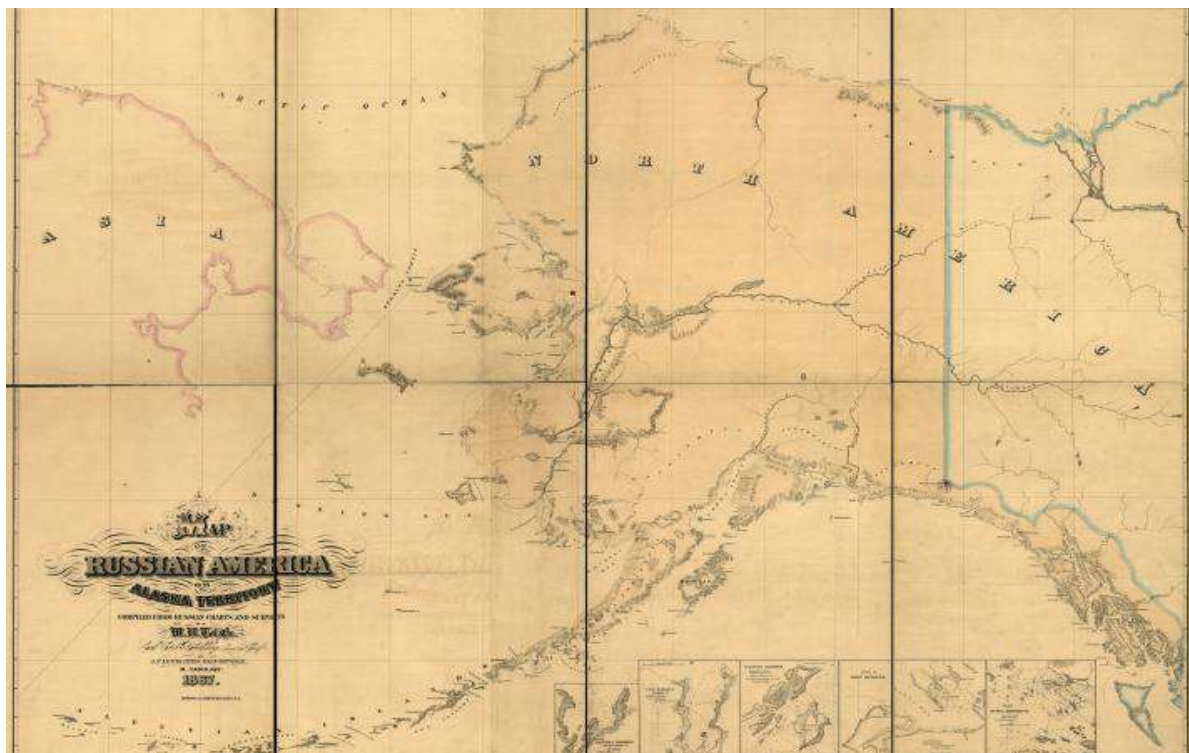

Рис. 2, б. Карта. Русская Америка. 1867 г. Литературный музей. Пенза

В 1846 г. «за исследования, проведенные в Русской Америке», его наградили орденом Святой Анны 3 степени; в 1848 г. он был избран действительным членом Русского географического общества.

Рис. 3. М.Н. Загоскин (1820 г.), Л.А. Загоскин (1880 г.)

Оба брата ([Рисунок 3](#)) родились в Пензенской губернии: М.Н. Загоскин – в дер. Тужиловка близ с. Рамзай; Л.А. Загоскин – в с. Николаевка недалеко от с. Загоскино. В с. Рамзай и в с. Загоскино Пензенского уезда располагались усадьбы Загоскиных, которые сохранились до настоящего времени.

М.Н. Загоскин свои детские годы провел в с. Рамзае в имении родителей. Усадьба Николая Михайловича и его жены Натальи Михайловны Загоскиных в с. Рамзае представляла собой господский дом, располагавшийся в саду, или, как говорили, в лесу. По воспоминаниям

И.М. Долгорукова, в господском доме комнат имелось не много, однако они были просторные и чистые, убраны со вкусом, стены ничем не обиты. В покоях везде стояли горшки с жасмином, лилиями и нарциссами, между ними на колоннах разного размера были расставлены разные бюсты, больше всего – «Фальконетова». Из гостиной комнаты можно было выйти на террасу или крыльцо с площадкой, где в ясную погоду принято было пить чай. Господский дом находился далеко от крестьянских жилищ на возвышенности. И.М. Долгоруков так описывал сад, до которого была охотница хозяйка: «... У нее со вкусом разведен обширный. Он не великолепен, в нем ничего удивительного: не наткнешься на статую Бемскую, не встретишь столба водяного из бронзовой купели, не потеряешься в искусственном лабиринте; все только просто и красиво собственно своею красотою. Природа не нарумянена: какову дал Бог, такова она и есть» (Долгорукий, 1870: 69). В «лесу», который не уступал никаким «английским садам богатых наших бояр», просторные дорожки посыпались песком. В саду во многих местах стояли памятники друзьям и приятелям хозяев. Когда в усадьбу съезжались гости, в сад выносили бильярд, играли в разные игры – веревочки, уголки и пр.; по вечерам устраивались танцы под музыку, водили хороводы. Через плотину бежал ручей, освежавший луга, где пасли домашний скот под звуки сельской дудочки. «Природа образовала прекраснейшим рисунком всю эту площадь. Все есть: и горы, и долины, и утесы, и пологости, и цветы, и деревья, и все кстати. Садовник ничего не выдумывал: почистил, посадил, посеял и дал хозяину прекрасный вертоград», – восхищался И.М. Долгоруков (Долгорукий, 1870: 70).

М.Н. Загоскин в 13 лет покинул родительский дом в с. Рамзае, но неоднократно приезжал на Пензенскую землю. После Отечественной войны 1812 г. он побывал в родном селе, где им была написана комедия «Проказник». В г. Пензе Михаил Николаевич посещал спектакли крепостного театра Гладковых (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 138; Королева, 2016: 420-429).

С 1917 г. в усадьбе располагались административные учреждения – сельский совет, библиотека, больница. В начале 1960-х гг. здание переоборудовали под общежитие, и позже оно сгорело. В 2000-х гг. территория бывшей усадьбы перешла в частные руки. В Пензенском краеведческом музее сохранились фотографии «бывшего господского дома» (Рисунок 4).

Рис. 4. Бывший господский дом. Рамзай. 1962 г.

Л.А. Загоскин родился в семье мелкопоместного дворянина, секунд-майора Алексея Николаевича, после потери матери в пять лет (Софьи Петровны) воспитывался в частном пансионе. Их дворянское имение в с. Загоскино было построено по соседству с сельской дворянской усадьбой Дубенское. Загоскино посещали проездом императоры: в 1824 г. – Александр I, в 1836 г. – Николай I. До 1999 г. в усадьбе Загоскиных функционировала школа, затем здание начало разрушаться (Рисунок 5).

Сохранились обмерные чертежи остова здания, которые приняты в качестве подосновы для проекта реконструкции усадьбы (Рисунок 6).

Рис. 5. Сельская дворянская усадьба Загоскиных в с. Загоскино. 1990-е гг.

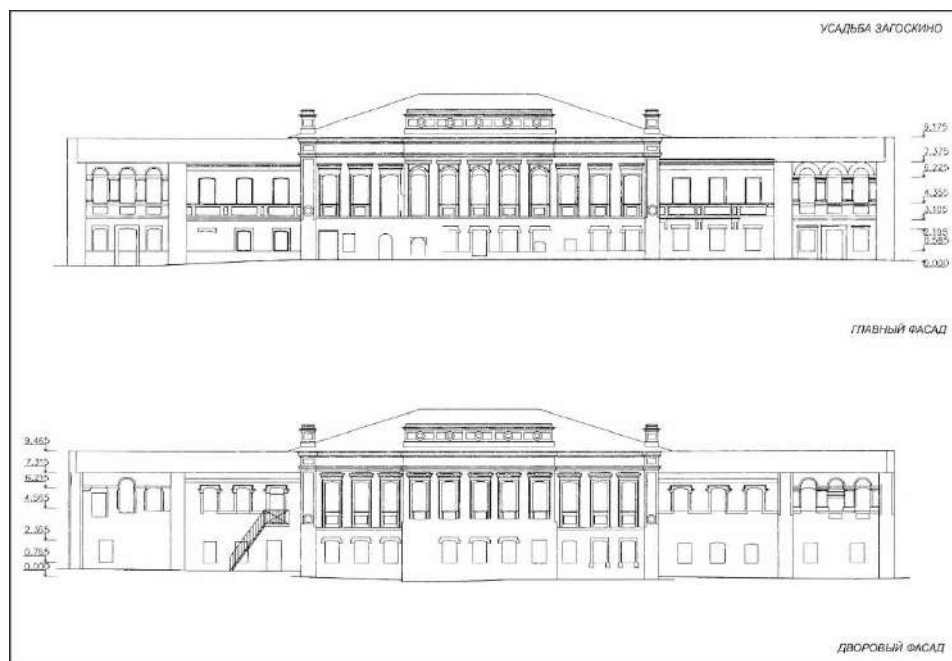

Рис. 6. Фасады усадьбы Загоскиных, с. Загоскино. Чертежи (Лапшина, 2019)

В г. Пензе в XIX в. зданием современного Музеяародного творчества владела двоюродная тетьа братьев Загоскиных Варвара Никаноровна Загоскина (до 1866 г.). Вокруг здания был разбит усадебный парк, за пределами изгороди в липовой аллее работал фонтан (Рисунок 7).

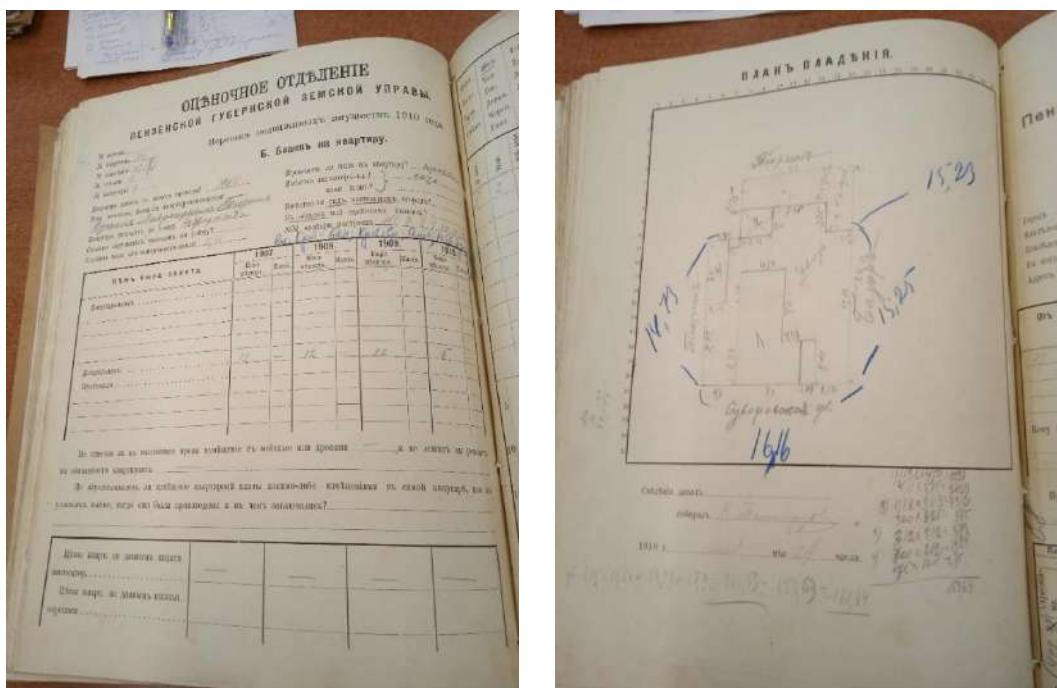

Рис. 7. План владения усадьбы Загоскиных-Тюриных. 1910 г. (ГАПО. Ф. 158. Оп. 3. Д. 1199. Л. 364 об., 361об.)

В 1901 г. усадьбу купил купец 1-ой гильдии лесопромышленник Степан Лаврентьевич Тюрин. Именно ему принадлежала заслуга украшения дома деревянным кружевом (Рисунок 8).

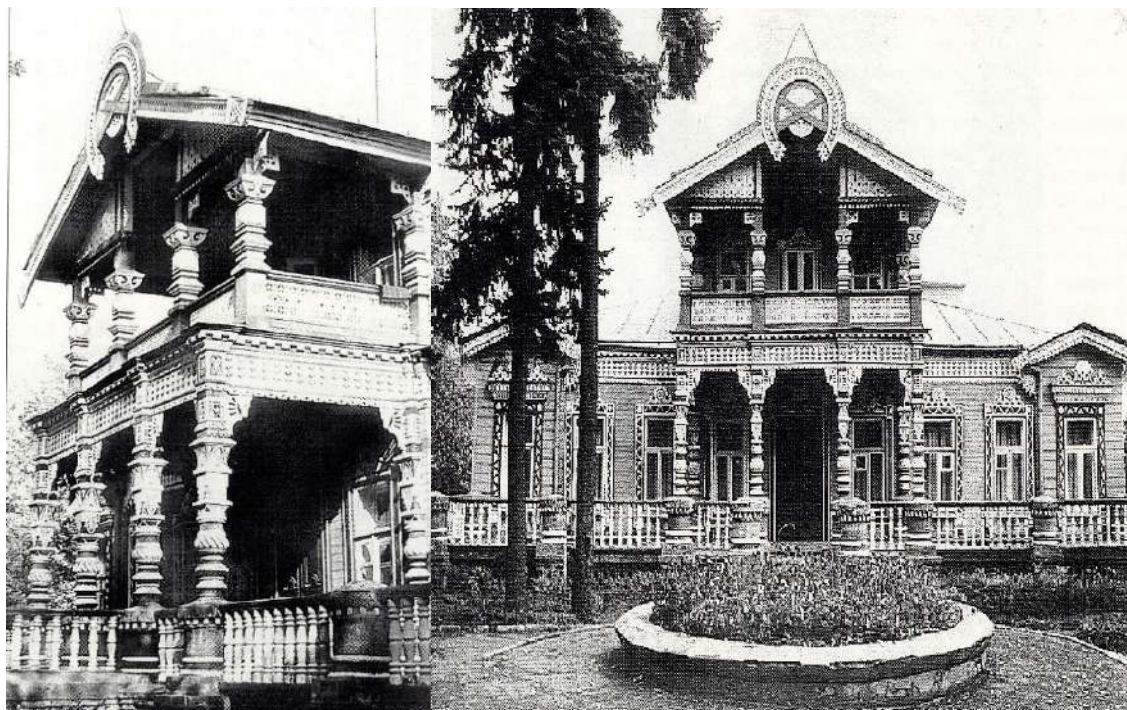

Рис. 8. Главный фасад деревянного дома дворянской усадьбы, выходивший в парк. Веранда у главного входа и балкон. Усадьба Загоскиных. Пенза. Начало XX в.

Двухэтажный деревянный дом с мезонином, верандой, балконом и колонным фасадом является сегодня памятником русского деревянного зодчества первой половины XIX в. Уровень этого памятника истории и культуры установлен как региональный. Здание украшено ажурной пропиленной резьбой с древнерусской символикой, которую оно обрело уже в эпоху эклектики, черпавшей образы из деревянного народного зодчества. Резной декор содержит основные элементы

резьбы (Рисунок 9): солярные знаки на крыше, фигуры коней – символ солнца, которое везет по небу огненная колесница, колонны также венчают конские головы.

Рис. 9. Усадьба Загоскиных в Пензе. Фасад. Деревянная резьба. Наличники окон. Чертежи (Лапшина, 2019)

Как украшение фасада использованы изображение подковы – символа благополучия и счастья, прорезные кружевные полотенца-рушники как символ гостеприимства. Цветки репейника служили символом красоты девичей. Змеистый орнамент – знак воды и плодородия, ромбики с точками и перекрестием двух полосок символизируют засеянное поле, фигурка женщины, дающей жизнь и олицетворение женского начала, – это «берегиня». Все резные узоры в русском деревянном зодчестве служили не просто украшением, это были обереги домашнего очага.

До настоящего времени сохранился оригинальный деревянный мезонин (Рисунок 10).

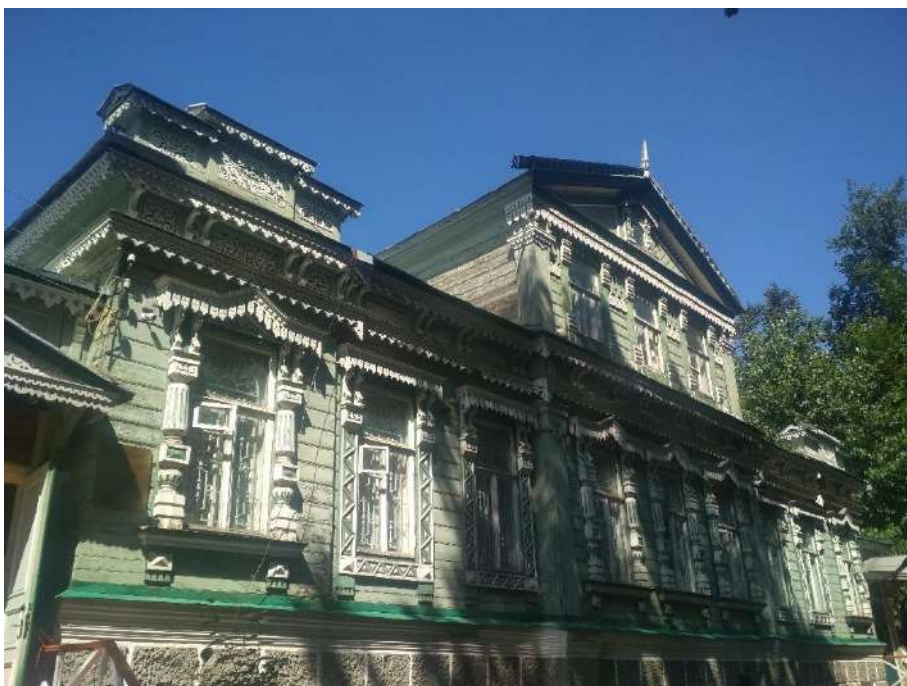

Рис. 10. Дворянская усадьба В.Н. Загоскиной. Пенза. 2010 г. (фото авторов)

5. Заключение

Таким образом, в XVII в. дворяне стали расселяться на территории Пензенской губернии в ходе освоения земель, полученных ими за службу по охране границ. Особо интенсивно дворянские усадьбы стали создаваться в XVIII в., большинство из них относилось к эпохе классицизма. Усадьбы, как правило, занимали обширные территории и включали парадное ядро, хозяйственные постройки, парк, иногда с прудами. Главные здания в богатых усадьбах имели иногда два-три этажа, были украшены колоннадами и портиками.

В настоящее время на территории Пензенской области имеются отдельные городские и сельские дворянские усадьбы, некоторые из них являются объектами культурного наследия. Однако сами здания и их интерьеры сохранились фрагментарно, некоторые части их убранства хранятся в музеях.

Достойным представителем пензенских дворян был род Загоскиных, многочисленный и деятельный. Загоскины послужили процветанию России, оставили культурное наследие, добрую память о своих делах на родной Пензенской земле.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90013/19. The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90013/19.

Литература

- Аксаков, 1966** – Аксаков С.Т. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. М., 1966. 480 с.
- Белинский, 1842** – Белинский В.Г. Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II. Сочинение М.Н. Загоскина. Четыре части. Москва. 1842 // *Отечественные записки*. 1842. Т. XXI. № 3. Отд. V. «Критика», С. 17-34.
- ГАПО** – Государственный архив Пензенской области.
- Долгорукий, 1870** – Долгорукий И.М., князь. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870. 124 с.
- Евневич, 1999** – Евневич Т.А. Дюма и Россия // *Краеведение*. 1999. № 2. С. 65-74.
- Загоскин, 1889** – Загоскин М.Н. Сочинения: В 7 т. Т. 6: Драматические произведения. СПб., 1889. 747 с.
- Инсарский, 1875** – Инсарский В.А. Половодье. Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб., 1875. 493 с.
- Инюшкин, 2001** – Инюшкин Н.М. Пензенской истории причастны. Пенза, 2001. 168 с.
- Кони, 1902** – Кони Ф.А. М.Н. Загоскин и цензура // *Под знаменем науки*. М., 1902. С. 434-437.
- Лапшина, 2019** – Лапшина Е.Г. Альбом чертежей памятников архитектуры, истории и культуры Пензенского региона. Пенза, 2019. 138 с.
- Летучева, 2000** – Летучева О.А. Региональные особенности архитектуры Пензенской губернии эпохи классицизма: Дисс. ... канд. архитектуры. М., 2000. 174 с.

- Малязев, 1998 – Малязев В.Е. Пенза: от М.Н. Новикова к народникам // *Краеведение*. 1998. № 3–4. С. 74–77.
- Мирский, 2005 – Мирский Д.П. История русской литературы: с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2005. 965 с.
- Мочалов, 1996 – Мочалов В. Дворянский род Колокольниковых. Адмирал Колокольцев // *Сура*. 1996. № 5. С. 156–164.
- Мурашов, 2004 – Мурашов Д.Ю. Провинциальное дворянство в конце 50-х – 70-х гг. XIX века (По материалам Пензенской губернии): Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 245 с.
- Орлов, 2013 – Орлов Г.Ю. Дворянские усадьбы // *История и современность*. 2013. № 1. С. 140–149.
- Пайпс, 2004 – Пайпс Р. Россия при старом режиме [пер. с англ. В. Козловского]. М., 2004. 493 с.
- Песков, 1991 – Песков А.М. Загоскин Михаил Николаевич // *Русские писатели 1800–1917*. Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 2: Г–К. М., 1991. С. 304–306.
- Петров, 1955 – Петров С.П. Пенза: краткий исторический очерк. Пенза, 1955. 206 с.
- Плотников, 1994 – Плотников А.Ю. Дворянский род Обуховых в истории Пензенского края // *Пензенский временник любителей старины*. 1994. Вып. 11. С. 3–11.
- Рассказова, 2010 – Рассказова Л.В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // *Общество – Среда – Развитие. Научно-теоретический журнал*. 2010. № 2 (15). С. 44–49.
- Рассказова, 2011 – Рассказова Л.В. Усадебные собрания Пензенской губернии: закономерности и особенности // *Собирательство как феномен культуры: Материалы XII Боголюбовских чтений*. Саратов, 2011. С. 336–340.
- Рузвельт, 2008 – Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории [пер. с англ. Н.А. Вознесенского и А.В. Вознесенского]. СПб., 2008. 518 с.
- Савин, 1995 – Савин О. «...Признательность за полезные труды» // *Пензенская правда*. 1995. 1 августа. С. 3.
- Списки потомственных дворян, 1902 – Списки потомственных дворян, 1. владевших в Пензенской губернии населенными имениями в 1785 году, 2. состоявших землевладельцами к 1-му января 1902 года. Пенза, 1902. 50 с.
- Тюстин, 2001 – Тюстин А.В. Пензенское дворянство: исторический очерк. Пенза, 2001. 71 с.
- Тюстин, Шишкин, 2012–2013 – Тюстин А.В., Шишкин И.С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Пенза, 2012–2013. Т. 1. 208 с.; Т. 2. 214 с.; Т. 3. 221 с.
- Хейден, 2009 – Хейден П. Русские парки и сады [пер. с англ. К. Галицкой]. М., 2009. 251 с.
- Чернявская, 1995 – Чернявская Е.Н. Дворянские усадьбы Пензенского края // *Земство*. 1995. № 5 (9). С. 28–38.
- Чернявская, 1996 – Чернявская Е.Н. Пензенский край в общероссийском архитектурном процессе // *Российская провинция XVIII–XX веков*. Кн. 1. Пенза, 1996. С. 423–429.
- Шишлов, 1992 – Шишлов С.Л. Дворяне Кнорре в XIX – начале XX века // *Пензенский временник любителей старины*. 1992. Вып. 4. С. 6–10.
- Koroleva, 2016 – Koroleva L.A. Theater Life of Provincial Russia in the 1840–1870 (on the Example of the Penza Province). *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 420–429
- Koroleva, Lapshina, 2015 – Koroleva L.A., Lapshina E.G. Key Figures of the Russian Vanguard: Historical Roots // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37. Is. 3. Pp. 420–429.
- Lapshina, 2019 – Lapshina E.G. Vladimir Nikolaevich Voyeykov is a Statesman, First «Minister of Sport», the Entrepreneur // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 284–295.

References

- Aksakov, 1966 – Aksakov, S.T. (1966). *Sobranie sochinenij v pjati tomah* [Collected works in five volumes]. Т. 4. М., 480 p. [in Russian]
- Belinskij, 1842 – Belinskij, V.G. (1842). *Kuz'ma Petrovich Miroshhev*. Russkaja byl' vremen Ekateriny II. Sochinenie M.N. Zagoskina. Chetyre chasti. Moskva. 1842 [Kuzma Petrovich Miroshhev. Russian past of the time of Catherine II. The work of M.N. Zagoskin. Four pieces. Moscow. 1842]. *Otechestvennye zapiski*. XXI: 3: V: 17–34. [in Russian]
- Chernjavskaĭa, 1995 – Chernjavskaĭa, E.N. (1995). *Dvorjanskije usad'by Penzenskogo kraja* [Noble estates of the Penza Territory]. *Zemstvo*. 5 (9): 28–38. [in Russian]
- Chernjavskaĭa, 1996 – Chernjavskaĭa, E.N. (1996). *Penzenskij kraj v obshherossijskom arhitekturnom processe* [Penza Territory in the all-Russian architectural process]. *Rossijskaja provincija XVIII–XX vekov*. Кн. 1. Пенза, pp. 423–429. [in Russian]
- Dolgorukij, 1870 – Dolgorukij I.M., knjaz' (1870). *Zhurnal puteshestvija iz Moskvy v Nizhnij 1813 goda* [Journal of travel from Moscow to Nizhny 1813]. М., 124 p. [in Russian]
- Evnevich, 1999 – Evnevich, T.A. (1999). *Djuma i Rossija* [Dumas and Russia]. *Kraevedenie*. 2: 65–74. [in Russian]
- GAPO – Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti [State archive of the Penza region].

- Hejden, 2009** – *Hejden, P.* (2009). Russkie parki i sady [Russian parks and gardens] [per. s angl. K. Galickoj]. M., 251 p. [in Russian]
- Injushkin, 2001** – *Injushkin, N.M.* (2001). Penzenskoj istorii prichastny [Penza history are involved]. Penza, 168 p. [in Russian]
- Insarskij, 1875** – *Insarskij, V.A.* (1875). Polovod'e. Kartiny provincial'noj zhizni prezhnego vremeni [Polovodye. Paintings of provincial life of previous times]. SPb., 493 p. [in Russian]
- Koni, 1902** – *Koni, F.A.* (1902). M.N. Zagoskin i cenzura [Zagoskin and censorship]. *Pod znamenem nauki*. M., pp. 434-437. [in Russian]
- Koroleva, 2016** – *Koroleva L.A.* Theater Life of Provincial Russia in the 1840–1870 (on the Example of the Penza Province). *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 420-429
- Koroleva, Lapshina, 2015** – *Koroleva, L.A., Lapshina, E.G.* (2015). Key Figures of the Russian Vanguard: Historical Roots. *Bylye Gody*. 37(3): 420-429.
- Lapshina, 2019** – *Lapshina, E.G.* (2019). Al'bom chertezhej pamjatnikov arhitektury, istorii i kul'tury Penzenskogo regiona [Album of drawings of monuments of architecture, history and culture of the Penza region]. Penza, 138 p. [in Russian]
- Lapshina, 2019** – *Lapshina, E.G.* (2019). Vladimir Nikolaevich Voyeykov is a Statesman, First «Minister of Sport», the Entrepreneur. *Bylye Gody*. 51(1): 284-295.
- Letucheva, 2000** – *Letucheva, O.A.* (2000). Regional'nye osobennosti arhitektury Penzenskoj gubernii jepohi klassicizma [Regional features of the architecture of the Penza province of the era of classicism]: dis. ... kand. arh. M., 174 p. [in Russian]
- Maljazev, 1998** – *Maljazev, V.E.* (1998). Penza: ot M.N. Novikova k narodnikam [Penza: from M.N. Novikov to the populists]. *Kraevedenie*. 3-4: 74-77. [in Russian]
- Mirskij, 2005** – *Mirskij, D.P.* (2005). Istorija russkoj literatury: s drevnejshih vremen po 1925 god [History of Russian literature: from ancient times to 1925]. Novosibirsk, 965 p. [in Russian]
- Mochalov, 1996** – *Mochalov, V.* (1996). Dvorjanskij rod Kolokol'cevyh. Admiral Kolokol'cov [Noble family Kolokoltsev. Admiral Kolokoltsov]. *Sura*. 5: 156-164. [in Russian]
- Murashov, 2004** – *Murashov, D.Ju.* (2004). Provincial'noe dvorjanstvo v konce 50-h – 70-h gg. XIX veka (Po materialam Penzenskoj gubernii) [Provincial nobility in the late 50s – 70s. XIX century (According to the materials of the Penza province)]: dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 245 p. [in Russian]
- Orlov, 2013** – *Orlov, G.Ju.* (2013). Dvorjanskije usad'by [Noble estates]. *Istorija i sovremennost'*. 1: 140-149. [in Russian]
- Pajps, 2004** – *Pajps, R.* (2004). Rossija pri starom rezhime [Russia under the old regime] [per. s angl. V. Kozlovskogo]. M., 493 p. [in Russian]
- Peskov, 1991** – *Peskov, A.M.* (1991). Zagoskin Mihail Nikolaevich [Zagoskin Mikhail Nikolaevich]. Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskij slovar'. Gl. red. P.A. Nikolaev. T. 2: G-K. M., pp. 304-306. [in Russian]
- Petrov, 1955** – *Petrov, S.P.* (1955). Penza: kratkij istoricheskij ocherk [Penza: a short historical essay]. Penza, 206 p. [in Russian]
- Plotnikov, 1994** – *Plotnikov, A.Ju.* (1994). Dvorjanskij rod Obuhovyh v istorii Penzenskogo kraja [The noble family of the Obukhovs in the history of the Penza Territory]. *Penzenskij vremennik ljubitelej stariny*. 11: 3-11. [in Russian]
- Rasskazova, 2010** – *Rasskazova, L.V.* (2010). Razgrom dvorjanskij usadeb (1917-1919): oficial'nye dokumenty i krest'janskije praktiki [The defeat of noble estates (1917-1919): official documents and peasant practices]. *Obshhestvo – Sreda – Razvitie. Nauchno-teoreticheskij zhurnal*. 2(15): 44-49. [in Russian]
- Rasskazova, 2011** – *Rasskazova, L.V.* (2011). Usadebnye sobranija Penzenskoj gubernii: zakonomernosti i osobennosti [Manor collections of the Penza province: patterns and features]. *Sobiratel'stvo kak fenomen kul'tury: Materialy XII Bogoljubovskih chtenij*. Saratov, 336-340. [in Russian]
- Ruzvel't, 2008** – *Ruzvel't, P.* (2008). Zhizn' v russkoj usad'be: opyt social'noj i kul'turnoj istorii [Life in the Russian estate: experience of social and cultural history] [per. s angl. N.A. Voznesenskogo i A.V. Voznesenskogo]. SPb., 518 p. [in Russian]
- Savin, 1995** – *Savin, O.* (1995). «...Priznatel'nost' za poleznye trudy» [«Appreciation for useful works»]. *Penzenskaja pravda*. 1 avgusta. P. 3. [in Russian]
- Shishlov, 1992** – *Shishlov, S.L.* (1992). Dvorjane Knorre v XIX – nachale XX veka [Nobles Knorre in the XIX – early XX centuries]. *Penzenskij vremennik ljubitelej stariny*. 4: 6-10. [in Russian]
- Spiski potomstvennyh dvorjan, 1902** – Spiski potomstvennyh dvorjan, 1. vladevshih v Penzenskoj gubernii naseleennyimi imenijami v 1785 godu, 2. sostojavshih zemlevladel'cami k 1-mu janvarja 1902 goda [Lists of hereditary nobles, 1902 - Lists of hereditary nobles, 1. who owned inhabited estates in the Penza province in 1785, 2. who were landowners by January 1, 1902]. Penza, 1902. 50 p. [in Russian]
- Tjustin, 2001** – *Tjustin, A.V.* (2001). Penzenskoe dvorjanstvo: istoricheskij ocherk [Penza nobility: historical essay]. Penza, 71 p. [in Russian]
- Tjustin, Shishkin, 2012–2013** – *Tjustin, A.V., Shishkin, I.S.* (2012–2013). Penzenskaja personalija. Slavu Penzy umnozhevshie [Penza character. The glory of Penza multiplied]. Penza, 1. 208 p.; 2. 214 p.; 3. 221 p. [in Russian]

Zagoskin, 1889 – *Zagoskin, M.N.* (1889). Sochinenija: V 7 t. T. 6: Dramaticheskie proizvedenija [Works: In 7 tons. T. 6: Dramatic works]. SPb., 747 p. [in Russian]

Наследие рода Загоскиных на Пензенской земле: дворянские усадьбы

Елена Геннадьевна Лапшина ^{a, *}, Дмитрий Вадимович Ещин ^a

^a Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается одно из известных отечественных «дворянских гнезд» – Пензенский край. Авторы характеризуют специфику местного дворянства; анализируют оценки его в различных источниках (мемуарах, трудах краеведов и пр.).

Основное внимание в исследовании уделяется истории двух братьев – Михаила Николаевича и Лаврентия Алексеевича – представителей древнего дворянского рода Пензенской губернии Загоскиных и «судьбе» их родовых усадеб. М.Н. Загоскин – исторический романист, автор известных произведений «Рославлев, или Русские в 1812 году», «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» и др. Л.А. Загоскин, морской офицер, путешественник, прославился своими исследованиями Русской Америки – описаниями и картами Аляски, Алеутских островов, Северной Калифорнии. Братья родились в губернии: М.Н. Загоскин – в дер. Тужиловка (около с. Рамзай); Л.А. Загоскин – в с. Николаевка (близ с. Загоскино).

Авторы дают описание усадеб Загоскиных, которые представляли собой характерные примеры архитектурной и градостроительной деятельности того времени и типичные усадебные дворянские хозяйства Центрально-Европейской России. Дворянская усадьба, как правило, включала в себя господский дом, усадебный парк, хозяйственные постройки и пр. Кроме того, в статье рассматривается история и современное состояние здания Музея народного творчества в г. Пензе, которое в XIX в. принадлежало двоюродной тете братьев Загоскиных Варваре Никаноровне.

Изучается использование усадебных строений после, в советский период, затрагиваются вопросы сохранности и перспективы восстановления дворянских усадеб Загоскиных как составляющей части культурно-исторического наследия Пензенского региона.

Ключевые слова: Пензенский край, дворянство, Загоскины, дворянская усадьба, историко-культурное наследие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elenlaps@mail.ru (Е.Г. Лапшина), dmi.eshchin@gmail.com (Д.В. Ещин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 496-505.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.496
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Excess with the Misost Clan in Kabarda in the 1740s and Competing Scenarios for Stabilizing the Political System

Timur H. Aloev ^{a,*}, Yulia V. Bunkova ^b, Osman A. Zhansitov ^a

^a Institute for the Humanities Research of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), Russian Federation

^b Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Abstract

This article attempts to identify one of the modes of overcoming the internal political conflict in Kabarda through a comparative analysis with the initiatives system of the Russian government to overcome the collision destructive for its interests in the neighboring principality. The work reveals the main attitude of the Russian side towards Greater Kabarda in the period after the conclusion of the Belgrade Treaty of 1739. Though before that Russia showed a desire to preserve the unity of the political elite of the principality as a guarantee of effective opposition to the Crimean expansion in the region, then from the end of the Russian-Ottoman war of 1735–1739 St. Petersburg's goals in relation to traditional partners are undergoing changes. The task of the Russian foreign policy department was to maintain the situation of competition between the two groups of Circassian princes. As the Baksan party was the most consistent counterparty of St. Petersburg since the mid-20s. of the XVIII century, the stake was placed on it. In the spring of 1747, one of the pillars of this group, the feudal Misost clan, was forced to leave the principality. Thus, the stability of Russian influence in the affairs of the “barrier” principality came under threat. This prompted the Russian leadership to try to restore a status-quo acceptable to its interests. The trendsetters for restoring the internal political balance in Kabarda were also the triad of Tlekotlesh clans – Kundet, Tambi (y) and Anzor, dissatisfied with the destabilization of the political system and possessing sufficient ideological and military-political resources to force the dominant princely alliance to agree to the return of the exiles.

Keywords: Kabarda, Baksan party, Kashkatau party, Misost Kasai, exile, Tlekotleshi, Russian Empire, reintegration, Belgrade treaty, Crimean Khanate.

1. Введение

К началу XVIII в. ведущее черкесское княжество – Большая Кабарда структурно делилось на четыре автономных феодальных удела: Хатокшоко, Мисост, Бекмурза и Кайтуко. К исходу второй декады столетия эти уделы, возглавлявшиеся одноименными кланами, раскололись на два враждебных политических лагеря, в российских источниках они именуется партиями (КРО, 1957: 153). Первую из них – Баксанскую – образовали княжеские фамилии Хатокшоко и Мисост, соответственно, вторая, получившая название Кашкатауская, была сформирована представителями кланов Бекмурза и Кайтуко.

Исходя из опыта длительного невраждебного взаимодействия с Кабардой и учитывая ее положение мощнейшей феодальной агрегации Северного Кавказа, российское руководство было заинтересовано в преодолении внутривнутриполитического раскола в ведущем черкесском княжестве. И хотя инструменты, к которым оно обращалось для достижения своих целей, зачастую выходили за рамки конвенциональной дипломатии, политика Петербурга в преобладающей степени консонировала идее поддержания внутренней сплоченности политической элиты Большой Кабарды.

* Corresponding author

E-mail addresses: aloborsa@mail.ru (Т.Н. Aloev), y.bunkova@inbox.ru (Yu.V. Bunkova), osman.zhansitov@yandex.ru (O.A. Zhansitov)

После российско-османской войны 1735–1739 гг. начался отход Петербурга от устоявшегося курса в отношении черкесского княжества. С одной стороны, опыт успешного широкомасштабного вторжения на Крымский полуостров убедил российское руководство в потере ханством бывшего могущества (Аваков, 2018: 8-42), а Кабарда со времен Петра рассматривалась в качестве эффективного противовеса его устремлениям в Кавказском регионе. Соответственно эта роль перестала быть безусловно востребованной. С другой стороны, межэлитные противоречия без просматриваемых перспектив их преодоления не предвещали существенной отдачи от затрачиваемых усилий, направленных на их изживание. К тому же в условиях зафиксированного в Белградском трактате независимого статуса Кабарды предопределенность пророссийской ориентации консолидированной княжеской олигархии была далеко не очевидной. Актуализация любой платформы межэлитного консенсуса, имплицитно или явственно не подразумевавшей пророссийский политический курс черкесских правителей, так или иначе подвергала сомнению устойчивость прикаспийских коммуникаций империи. Нельзя сбрасывать со счетов и роль манифестируемой идеи «имперскости» российской державы с встроеной в нее парадигмой камералистского упорядочения государственного механизма, что, по крайней мере в идеале, подразумевало отказ Петербурга от неоднозначных модусов взаимодействия с сопредельными политиями – обладателями неевропейского *qualia*. Как бы то ни было, вскоре после подписания Белградского договора 1739 г. российское руководство стало следовать курсом «устойчивого вмешательства» в дела Большой Кабарды.

Содержание нового вектора петербургской политики в отношении давнего партнера было подробно рассмотрено ранее (Алоев, Жанситов, 2018: 14-22). В лапидарном изложении оно сводилось к систематическому стимулированию противоречий расколотой княжеской олигархии и поощрению деструктивных начал политического устройства ведущего черкесского княжества. Подобная установка реализовывалась через дискриминацию одного из центров силы: предоставление преференций Баксанской партии в ущерб «кашкатауцам». Вместе с тем позиция Коллегии иностранных дел включала в себя идею о недопустимости решительного перевеса «баксанцев» над «кашкатауцами». В этом усматривалась потенциальная возможность к устранению основной предпосылки российского вмешательства во внутренние дела Большой Кабарды. Ввиду актуализации подобных приоритетов в Петербурге пристально следили за поддержанием здесь приемлемой для него внутривнутриполитической конфигурации. В свою очередь дезинтеграционные тенденции в Кабарде облегчали решение сформулированных задач северного соседа. Всю первую половину 40-х гг. XVIII в. механизмы одновременного контроля «кабардинских владельцев» были довольно безотказными. Однако такая система вмешательства в дела княжества оказалась недолговечной.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование опирается на массив документов, отложившихся в обширном фонде 115 «Кабардинские дела» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Коллекция материалов этого хранилища, являющаяся результатом более чем столетнего скрупулезного архивирования документации взаимодействия внешнеполитического ведомства России с восточноевропейскими княжествами, представляет собой уникальный и во многих случаях безальтернативный резервуар первоисточников. Подобное положение, и в частности формулировка определяющей коллизии в Кабарде в ведомственных документах Коллегии иностранных дел в терминах противостояния Баксанской и Кашкатауской партии на столетия вперед, определило базовый исследовательский ракурс проблематики.

Из состояния изученности предмета закономерно проистекает направленность и специфика дальнейших поисков. В случае с эксцессом клана Мисост речь идет о необходимости преодоления ситуации фрагментированности (и взаимной изолированности) отрефлектированных аспектов вопроса посредством реконструкции каузальных связей между всей совокупностью факторов и обстоятельств, формировавших профиль затрагиваемой проблематики. Следовательно, актуальность настоящей инициативы обусловлена необходимостью выстраивания интегрированной гносеологической рамки объяснения специфических обстоятельств политической жизни черкесского княжества, ориентированной на выявление действенных механизмов урегулирования внутренних конфликтов. Специфика исторического сюжета, развязку которого могли детерминировать две альтернативные (и, объективно, конкурирующие) тактики активности, предопределили необходимость обращения к компаративистскому, соотносительному инструментарию. Поэтому сценарии действий, предложенных каждым из акторов (условно «российским» и «тлекотлешским»), взявших на себя миссию политического урегулирования, в повествовании рассматриваются с строгим соблюдением процедуры направленной дистрикции. Вместе с тем очевидно, что только при сохранении целостного видения динамики процесса возможно адекватное осмысление сюжета. Историко-диахронная оптика, позволяющая высокую степень фокусировки на каждом из событийно-смысловых алгоритмов соотносимых «механизмов деэскалации», предоставляет дополнительное преимущество. А именно обеспечение возможности непрерывного индицирования «диспозиции» между двумя сопоставляемыми процессуальными сущностями и их места в двуединой смысловой

матрице рассматриваемого сюжета. Сочетание представленных исследовательских приемов в свою очередь, повышая степень сбалансированного взгляда на «статичную» и «динамичную» составляющие анализа, несомненно расширяет стереоскопичность видения сюжета.

3. Обсуждение

Сюжеты, связанные с противоречиями между Баксанской и Кашкатауской группировками черкесских князей как в широком хронологическом и проблемном плане, так и в узком коридоре событийной канвы 40-х гг. XVIII в. достаточно давно оказываются в центре исследовательского внимания историков. Уже в ведомственных документах Коллегии иностранных дел форма базовой коллизии в Кабарде определяется через оппозицию Баксанская–Кашкатауская партии (КРО, 1957: 153). Относительная релевантность такого видения отдельных аспектов межэлитного взаимодействия, предоставляемые «удобства» в препарировании массива фактографии и длительное фигурирование подобного взгляда в оперативном обиходе имперского бюрократического аппарата предопределили востребованность дихотомической модели осмысления политического процесса в Кабарде первой половины – середины XVIII в. в рамках историографических инициатив дореволюционного периода. Авторы этого времени достаточно плодотворно использовали эвристический потенциал такой объяснительной модели. Предельно лаконично можно коснуться одного из важных тезисов П. Буткова о «содержании в Кабарде двух равносильных партий» как основополагающей установке российского руководства (Бутков, 1869: 324). Н. Грабовский рассматривал межкняжеские перепитии 40-х гг. XVIII в. сквозь призму их роли в общей канве предпосылок, подготовивших последующее жесткое взаимодействие Кабарды с Россией (Грабовский, 2020: 20). Интерес вызывают и суждения другого автора имперского периода – В. Кудашева. Касаясь завязки рассматриваемого здесь сюжета, он отмечает: «Борьба партий в Кабарде открывала для России путь широкого влияния на кабардинские дела» (Кудашев, 1991: 59). Ознакомление с особенностями взаимодействия Российской империи и Большой Кабарды рассматриваемого периода вполне удостоверяют в фундированности подобной позиции.

После длительной паузы, вызванной катаклизмами первой половины XX в., возобновляется исследовательский интерес к вопросам политической истории восточночеркесского княжества. Если в начале исследовательские интенции, реализованные по ортодоксальным лекалам советского дискурса, мало что приносили в понимание предмета (Бушуев, 1956; Гарданов, 1967; Тхамоков, 1961), то по мере приложении дополнительных усилий стали заметны качественные подвижки в данном направлении. Особенно продуктивными стали разработки Е. Налоевой, расширившей представления об институциональных механизмах социальной жизни Кабарды (Налоева, 1968: 61-82). Ввиду того, что именно в ходе коллизий с наибольшей выраженностью проявляется эффективность социальных институтов, автор умело фокусировался на различных конфликтах рассматриваемого времени. Такая оптика позволила вскрыть ряд важных с точки зрения настоящего текста аспектов внутривосточных перипетий в Большой Кабарде середины XVIII в. (Налоева, 1972: 69-88).

Институциональная рамка анализа политических реалий восточночеркесского княжества чрезвычайно продуктивно использована В. Кажаровым. Аккумулированный в его работе обширный источниковый материал и пересмотр схематичных представлений и стереотипных взглядов на всю совокупность актуальных социальных институтов посредством консеквентного анализа обеспечили платформу дальнейших продуктивных изысканий (Кажаров, 1994). В работах авторов постсоветского периода данная тенденция отображается в достаточно зримых формах (Алоев, 2005; Фидарова, 2007; Рахаев, 2014; Хотко, 2009).

Новые аспекты калмыцкого и черкесского факторов в рамках российско-османской войны 1735–1739 гг., исход которой предопределил сдвиг внешнеполитического баланса между региональными державами, раскрыты в работе В. Тепкеева (Тепкеев, 2020). Постбелградский контекст международных отношений, существенным образом влиявший на «внутриполитические» перипетии в Большой Кабарде, получает значимое отражение в исследованиях Р. Дейникова (Дейников, 2009) и Ю. Азиковой (Азикова, 2016).

4. Результаты

Обструкция клана Мисост. Со смертью Кайтуко Асланбека во второй половине 1746 г. конфигурация внутривосточных сил в княжестве претерпела существенные изменения. Уход *пцышхуэ* (буквальный перевод с черкесского – «великий князь») Большой Кабарды обнажил до того приглушаемые «противоборством» с «кашкатауцами» линии раскола внутри столь привлекательной российским руководством группировки. Сложно сказать, что послужило триггером выхода коллизии из латентного состояния, но источники позволяют наметить абрис событий, в контексте которых стала возможной эскалация. В этом плане весьма информативны сведения российских агентов в Кабарде полковника Р. Шейдякова и премьер-майора Барковского. Их ретроспективный анализ предлагал следующее объяснение: «та ссора происходит за владельца Какамата Кайтукина (Кайтуко Канагат – Авт.), которого убили уздени Бамата Кургокина (Хатокшоко Бамат – Авт.); Касай Месоусов (Мисост Касай – Авт.), по дружбе в тогдашнее время с Кургокиным, то снял на себя, якобы он

Какамата, убил, а не уздени Кургокина, и за то Кургокин обязался ноиболее с ним, Касаем, нерушимо дружбу продолжать. А потом чрез немалое время он, Бамат, согласясь кашкатовской парти[и] владельцами Кайтукиными и Бекмурзиными, которых ис Кабарды он, Кургокин обще с Касаем выгнали, наруша то обязательство ево, Касая, и з братьями он, Бамат, обще с реченными владельцами от Кабарды выгнал, и потом Кайтукиным и Бекмурзиным дал присягу, что Какамата, брата их, убили подлинно уздени и холопья Касаевы, а не он, Бамат...» (КРО, 1957: 173). Таким образом, Хатокшко Бамат актуализировал эксцесс тридцатилетней давности (1721) для решения новых задач, возникших после смерти *пцъшхуэ* Кайтуко Асланбека; пока он был жив, союз с кланом Мисост представлялся залогом успешного парирования поползновений харизматичного князя Асланбека. Именно под предводительством лидера клана Мисост в 1729 и 1731 гг. «баксанцы» успешно отражали инспирированные изгнанным в свое время из Кабарды Кайтуко Асланбеком крымские вторжения. Со смертью последнего нужда в тяготившем князя Бамата тандеме отпала, и тридцатилетняя монолитность Баксанской партии дала трещину. Источники сообщают, что «оставшие владельцы, братья и дети его (Кайтуко Асланбека – Авт.) в 1747-м году с старшим баксанским владельцем» Хатокшко Баматом, «посредством детей его от расланбековой сестры рожденных, примирились и согласились так, что одним без других ничего не делать и ни с кем не списываться, и тогда выгнали с Баксану» Мисоста Касая «с его братьями, а сами и с своими подданными для житья перешли в Баксан и завладели Касаевыми подданными» (КРО, 1957: 155). Подробности происшедшего позволяют объемнее взглянуть на коллизию. Так, пытаясь придать своему маневру легитимный оттенок, Хатокшко Бамат сообщал российскому представителю: «Только как я с владельцами Месоусовыми на суд вышел и между нами много было слов, а напоследок они повинились суду и, по своей вине убоясь, в вашу сторону убежали» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, Д. 6. Л. 47). Разумеется, данное изложение событий не могло быть непредвзятым. Для начала князь клана Мисост (видимо, еще надеясь на возможность урегулирования конфликта) удалились к своим вассалам в «Абазу». Однако «князя-гегемоны» оперативно созвали к себе «старшин чеченских, дугурских, балкарских, карачай, абазинских» и объявили той их части, которая непосредственно находилась в юрисдикции удела Мисост, чтоб отныне «подвластными их людьми не называться» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 3. Л. 53). Дезавуирование вассальных обязательств от обществ иноэтнической периферии Кабарды и их переключение на триаду княжеских кланов было веским подтверждением решимости подрыва влияния Мисост в княжестве.

Подобный поворот во внутривосточных перипетиях в «нейтральном», но до тех пор ориентированном на партнерское взаимодействие с Россией восточночеркесском княжестве не мог не обеспокоить Коллегию иностранных дел. После появления в Кизляре Мисост Касая со своим кланом российская сторона начала проявлять активность в деле урегулирования межкняжеской коллизии в Кабарде. Однако попытки астраханского губернатора Брылкина и вице-канцлера Бестужева-Рюмина убедить княжескую коалицию отказаться от преследования клана Мисост не увенчались успехом.

В начале 1748 г. зыбкое равновесие в недавно оформившейся коалиции князей было нарушено. На созванном *пцъшхуэ* съезде князей предметом обсуждения стали тайные сношения Хатокшко Бамата и Кайтуко Джамбулата с крымским ханом. Они втайне от остальных князей зондировали позицию Бахчисарая в случае наступления России «за изгнание ими ис Кабарды» клана Мисост. Дело дошло до того, что одного из заговорщиков Кайтуко Джамбулата решил убить родной племянник Кайтуко Хамурза (КРО, 1957: 158).

Подобные обстоятельства не могли ускользнуть от внимания членов клана Мисост. Особо заманчивые перспективы стали просматриваться после того, как задетый закулисными интригами сородичей Бекмурза Батоко обозначил идею того, что «нынешним летом возьмут они (*пцъшхуэ* и лояльные ему князья – Авт.) его, Касая, с партией к себе в Кабарду» (КРО, 1957: 158). При этом *пцъшхуэ* принимал в расчет, что возвращение клана Мисост в актуальную внутривосточную диспозицию критически усиливало его положение перед лицом фрондирующей группировки.

Столь явная коллизия в лагере обидчиков клана Мисост была расценена им как возможность для «перепостановки» вопроса о своем возвращении перед российской стороной. К тому же артикулированные опасения относительно возможной насильственной реставрации изгнанного из Кабарды клана могли подтолкнуть князей Мисост к проработке именно этого, вызывавшего наибольшие беспокойства у их антагонистов сценария. Следует отметить, что возвращение в Кабарду при поддержке одной из конфликтующих сторон не означало автоматического возврата утерянных позиций. В случае реализации такого сценария клан Мисост оставался бы уязвимым и неполноправным участником политического процесса. Поэтому, видимо, был признан более целесообразным возврат в разрозненное политическое пространство княжества с опорой на мощь Российской империи. Однако ее правительство не спешило безоговорочно поддержать пусть и лояльный, но предельно ослабленный и изолированный клан Мисост в желательном для его интересов модусе. Петербургу необходимо было принять новые реалии во взаимодействии с Кабардой, что требовало времени. Поэтому для всех акторов данной коллизии стало очевидно, что вопрос с князьями Мисост «проволочитца» российской стороной (КРО, 1957: 166).

Российский сценарий. Линия на «проволачение» не могла быть долговечной, поэтому Коллегия иностранных дел не стала злоупотреблять данной опцией и вскоре сформулировала свою позицию. Она была предъявлена в «Записке, по которой кабардинскому владельцу Касаю Атажукину (Мисост Касаю – Авт.) объявлены притчины, для чего посылать нельзя в Кабарду российских войск для его тамо утверждения» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 3). Документ предназначался пограничным властям, непосредственно вовлеченным в перипетии, вызванные изгнанием Мисост. Определяя общую установку правительства, он выступал в качестве своего рода инструкции в предстоящих контактах с заинтересованными акторами, транслируя риторическую стратегию Петербурга. Все пять пунктов «Записки» конгруируют с вынесенной в заглавие документа установкой на уклонение Петербурга от вооруженной поддержки князей Мисост в их стремлении утвердиться в Кабарде. Вводный тезис о том, что «давно б мочно было войсками Е.И.В. ево Касая в Кабарде и силою возставить...» (АВПРИ. Ф. 115. «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 1), несомненно, представляется как часть идеологической риторики, на которой зиждился образ державности. Государство, чья имперскость покоилась на военной мощи, не могло уклониться от артикуляции (хотя бы вербальной) своей дееспособности в этой ключевой для его самовосприятия сфере. К тому же эффективность силового воздействия не была однозначно очевидной. Известное «Описание кабардинского народа...», составленное российскими чиновниками как раз в период описываемых событий (май 1748 г.) и признанное кавказоведами в качестве ценного этнографического источника, давало высокую оценку военному потенциалу Большой Кабарды (КРО, 1957: 152-161).

Отказ от действенной вооруженной поддержки изгнанников подтолкнул клан Мисост Касая к попыткам активации иных механизмов восстановления своих позиций в княжестве. После годичного пребывания в Кизляре родовитые скитальцы покинули свое прибежище. По-видимому, доверительных отношений со своими непосредственными контрагентами за это время так и не сложилось. В результате пограничные власти остались в неведении относительно характера, маршрута, конечной цели и намерений строптивых черкесских протезе (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 3). Как бы то ни было, хронологически составление «Записки...» совпало с этим событием. Базовой идеей документа стало положение Белградского трактата 1739 г. относительно трех восточночеркесских княжеств и ограничений, налагаемых на Россию как на ответственного и добросовестного контрагента договора. Рассуждая о необходимости безукоризненной имплементации его требований, Мисост Касаю должно было быть внушено, что «сие с Турецким государством в трактате постановление (шестая статья – Авт.) учинено, более для того, чтобы крымцы и кубанцы их кабардинцев набегами своими необеспокоивали...» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1). Однако данное объяснение можно рассматривать как риторически формальное и содержательно несостоятельное высказывание. Оговорка, которой заключается шестая статья трактата, гласящая о том, что «...ежели помянутые кабардинцы причину жалоб подадут одной или другой державе, то каждой позволяется наказать» (Юзефович, 1869: 19), говорит об обратном. Впервые соседи Черкесии – гегемоны восточноевропейской политики – по взаимному согласию закрепили право на открытое военное вмешательство против трех восточночеркесских княжеств. Это обстоятельство, разумеется, было очевидно и для черкесских князей.

Авторы «Записки...», демонстрируя значимость Белградского договора как гаранта безопасности Кабарды, недвусмысленно обозначили красные линии, выход за которые представлялся неоправданным. В частности, обращалось внимание на то, что Хатокшоко Бамат «с протчеми кабардинскими владельцы донныне к российской стороне, никакой противности наказанию достойной не учинили, а с ним Касаем и с его братьями по их кабардинским обычаям между себя партикулярно поссорились, российских войск на Кабарду посылать противно справедливости, и мирному с Туркиєю трактату, как и он Касай сам разсудить может, что для их кабардинских владельцев партикулярных ссор между двумя великими империями холодность произвести не пристойно...» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1).

В контексте декларации о невозможности военного воздействия на обидчиков клана Мисост, напоминания о последовательных шагах, предпринятых российской стороной в предыдущий период, не могли восприниматься изгнанниками иначе как словесная пилюля, не относящаяся к решению конкретных задач. Прагматически бессмысленным было и предоставление на волю князя Касая судьбы содержащегося в Астрахани в качестве аманата Кайтуко Аслануко. Пространный пассаж о том, что «удовольствие его Касай з братьями и узденями в бытность его в Кизляре кормовыми денгами чинено, как и он Касай признает, в разсуждении прежней его Касаевой служб и в показание к нему высочайшей Е.И.В. милости и другим не в пример» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 2), с точки зрения риторического воздействия на своих протезе также выглядел убедительно.

Внешнеполитическому ведомству необходимо было продемонстрировать более весомый аргумент своего расположения к клану Мисост. В известном смысле беспроигрышным шагом в этом направлении явилось «позволение самому Касаю побывать» в Петербурге для решения своего вопроса (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 3). Однако указание на то, что

предметом обсуждения возможных переговоров князя Касая в Петербурге могли стать только упомянутые «невооруженные» способы его водворения в Кабарде, уже лишало лидера изгнанного клана мотива для поездки в Россию. Словесно подтверждая свою благосклонность к клану Мисост, Петербург, таким образом, транслировал идею невозможности использования крайних мер для восстановления позиций изгнанного клана.

Как бы то ни было, не позже октября 1748 г. расколовшаяся в начале того же года коалиция была восстановлена. В связи с этим самостоятельные инициативы князей Мисост были обречены на провал. Это означало, что и опасения российского руководства, заставлявшие его прибегнуть к определенным уступкам, стали беспочвенными.

Активизация внутренних механизмов реинтеграции. Однако дальнейшие события показали, что ресурсов консолидированного княжеского олигархата недостаточно для окончательной нейтрализации клана Мисост. 3 декабря 1748 г. *пицшихуэ* Бекмурза Батоко, Хатокшоко Бамат и один из лидеров Кайтуко – Джамбулат собрались на реке Кенже для выработки конкретных шагов по окончательному демпфированию мисостовского фактора на политический процесс в княжестве. Тогда «узденя (знатные дворяне – тлекотлеши – Авт.) Тамбиевы (Тамби(й) – Авт.) и Куденетовы (Кундет – Авт.), пришли и просили владельцев (князей – Авт.): как они, владельцы, выгнали владельцев же Месоусовых из домов, то их узденей всех разграбили». Поэтому они просили «разграбленное возратить». И только после этого «они будут с ними о Месоусовых говорить». Этот демарш тлекотлешей поставил князей в щепетильное положение, но они не могли публично спастись перед своими вассалами. Поэтому была избрана тактика игнорирования неудобного вопроса. Из вышеизложенного явствует, что тлекотлеши озвучивали мнение большинства дворянского сословия Кабарды, поэтому их требования стали звучать предельно настойчиво. Однако князья были непреклонны и отвечали своим вассалам, «чтоб оне им ныне о том не докучали, ибо владельцы имеют другие важные дела, а не узденские дела разбирать. Почему де и те уздени пошли без удовольствия. С ними ж де Тамбиевыми и Куденетовыми сообщались и Анзоровы уздени» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 5. Л. 57). Последние в это время открыто обозначили свою позицию. Российские агенты, зондировавшие обстановку в «барьерном» княжестве, довели до своего начальства, что тлекотлеши Анзор «приятно» приняли Мисост Касая «и говорили де, что они ево, Касая к себе не призывали, а прислал ево к ним бог и для того они ево, Касая з братьями иметь будут за гостей и с ними готовы помереть, ежели де будет какое нападение» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 5. Л. 52). Тлекотлеши Анзор были предельно однозначны в неприятии дальнейшей маргинализации нашедших у них приют князей. По сути, это был ультиматум со стороны тлекотлешской «касты». 25 декабря гостивший в анзоровском домене Мисост Касай сообщал посетившим его представителям российского командования, что «он, Касай, чрез то уповае свое благополучие сыскать, что коцы с владельцами не согласны» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 6. Л. 42). Таким образом, тлекотлеши, недовольные политической дестабилизацией в Кабарде, взяли инициативу в свои руки и стали последовательно доводить ситуацию до своего экстремума.

Развитие событий по такому сценарию подвигает к необходимости хотя бы лапидарной артикуляции места и возможностей тлекотлешской триады в актуальной политической повестке ведущего восточночеркесского княжества. Классик черкесской литературы Каламбий во второй половине XIX в. отмечал, что «тлохотляш придавалось прежде в Кабарде трем фамилиям (тлабкыш – три рода): Куденет, Тамбий и Анзор, которые, по преданиям, управляли кабардинцами до прихода арабских выходцев (имеется в виду князей – Авт.), и уступили им власть за подарки» (Каламбий, 1987: 254). Это сообщение скорее вычленяет идеологическое влияние данной прослойки как первоначальных строителей восточночеркесских княжеств и своего рода аристократический субстрат, обеспечивший прочность княжеского правления в Кабарде в течение столетий. Однако не меньшее значение особенно в контексте масштабных марциальных коллизий на территории княжества на протяжении первой половины XVIII в., по крайней мере с точки зрения актуальной политической прагматики имели сугубо военные аспекты политического влияния тлекотлешей. Во время княжеских междоусобиц 1721–1725 гг. военная поддержка или же отказ в таковой представителями этого сословия одной из сторон конфликта определяли его исход (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 5. Л. 36; АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 2. Л. 4-5).

О возможностях тлекотлешских родов говорит и их способность уклоняться от выполнения решений всего княжеско-дворянского сословия. Так, в октябре 1753 г. тлекотлешский род Кундет саботировал решение Баксанской и Кашкатауской партий разделиться на две самостоятельные политии, проведя границу между ними по реке Чегем в связи с тем, что эта река протекала по домену клана и делила его на две практически равные части.

Если каждый из тлекотлешских кланов в отдельности мог так явственно проявлять свою субъектность, то совместное преследование интересов несравненно повышало успех инициативы за счет синергетического эффекта. В качестве примера можно обратиться к обстоятельствам, относящимся к началу российско-черкесского противостояния, связанного со строительством крепости Моздок в 1763 г. Когда после заложения укрепления правители Большой Кабарды,

не добившись от российской стороны срытия Моздока, решили переселить население княжества подальше от него на реку Куму, тлекотлеши отказались последовать за своими сюзеренами (КРО, 1957: 273).

Тлекотлешская инициатива оказалась тем эффективнее, что в момент кристаллизации решения об окончательной нейтрализации клана Мисост в конце осени 1748 г. обозначился потенциальный фрондер в рядах самих князей. По иронии судьбы им оказался Кайтуко Ельбаздуко – сын князя Кайтуко Канамата, убийство которого, как выше отмечалось, выставлялось княжеским сообществом в качестве триггера внутривосточного противостояния в Кабарде. Когда в конце ноября 1748 г. возобновленная княжеская коалиция выносила решение о сборе всех сил для окончательного устранения мисостовского фактора, князь Кайтуко Ельбаздуко саботировал данную инициативу. Формальным поводом стало отсутствие на собрании его дяди Джамбулата – старшего удельного князя, чей голос важен в подобном рода форумах. Реальной же причиной явилось полученное Ельбаздуко уже на тот момент согласие числившегося в «убийцах» его отца Мисоста Касая выдать за него свою дочь (Кажаров, 1994: 254). Как бы то ни было, источники указывают именно на клан Кайтуко как на инициаторов реинтеграции князей Мисост (КРО, 1957: 173). Однако очевидно, что без мощной поддержки недвусмысленно обозначивших свою решимость действительно добиваться реинтеграции клана Мисост тлекотлешской триады, князя Кайтуко не смогли бы преодолеть препоны со стороны остальных князей. По-видимому, роль Кайтуко свелась к продвижению тлекотлешской установки без репутационных потерь для князей-доминантов кабардинского политикума.

5. Заключение

Рассмотрение обстоятельств возникновения эксцесса, связанного с изгнанием клана Мисост из Большой Кабарды весной 1747 г. и их полноценной реинтеграцией в политическую систему княжества спустя два года, позволило выявить наличие двух конкурентных траекторий урегулирования кризиса. Инициатором и субъектом реализации первого механизма предстает Российская империя, заинтересованная в сохранении постбелградской внутривосточной конфигурации в восточночеркеском княжестве. Сохранение status quo, предполагавшее наличие двух конкурирующих политических группировок в Кабарде, предоставляло российскому руководству действенный инструментальный контроль, регулирования и манипуляций в «барьерном» княжестве. С окончания последней войны с османами в 1739 г. внешнеполитическое ведомство отдавало зримый приоритет Баксанской партии в ущерб другой группировке черкесских князей – Кашкатауской, при этом не допуская критического превосходства над последней. Данная модель влияния оказалась опрокинутой при изгнании клана Мисост – одного из столпов привечаемой Россией Баксанской партии. Безучастное наблюдение за развитием событий было чревато дальнейшим нарастанием негативных с точки зрения российских интересов тенденций. Поэтому российская сторона не ограничилась предоставлением приюта изгнанникам. В течение лета–осени 1747 г. был предпринят ряд попыток воздействия на княжескую олигархию посредством дипломатических инициатив, однако они не увенчались успехом. Разочаровавшись в неспособности Петербурга действительно поддержать своих давних партнеров, клан Мисост покидает Кизляр. Это обстоятельство вынуждает Петербург более явственно артикулировать свою поддержку политическим париям Кабарды. Чтобы заверить в своей неослабной поддержке клан Мисост, российское внешнеполитическое ведомство подготовило специальный документ, призванный рассеять возможное впечатление отстраненности Петербурга от насущных проблем преследуемых князей. Однако документ не предполагал выхода за рамки благожелательной риторики в адрес Мисост. Практические же шаги, приведшие в итоге к реставрации положения изгнанного клана, стали возможными благодаря активации внутренних механизмов стабилизации политической системы княжества. Основными актором этого процесса стала триада тлекотлешских родов Большой Кабарды, которая вынудила правящую коалицию князей пересмотреть свою стратегию на маргинализацию клана Мисост.

Литература

- Аваков, 2018 – Аваков П.А. Крымское ханство в военно-политических планах Российской империи 1735 г. // *Крымское историческое обозрение*. 2018. № 2. С. 8-42.
- Алоев, 2005 – Алоев Т.Х. Образование партий в Кабарде и вопрос о непрерывности ее государственного суверенитета // *Исторический вестник*. 2005. № 2. С. 100-113.
- Алоев, Жанситов, 2018 – Алоев Т.Х., Жанситов О.А. Политический процесс в Кабарде в 40-х гг. XVIII в.: внутренние коллизии в контексте международного признания «вольности» страны // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2018. № 2 (37). С. 14-22.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Азикова, 2016 – Азикова Ю.М. Статус Кабарды во взаимоотношениях с региональными державами в XVI–XVIII вв. // *Вопросы истории*. 2016. № 5. С. 60-73.
- Бутков, 1869 – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. I. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1869. 548 с.

- Бушуев, 1956 – Бушуев С.К. К истории русско-кабардинских отношений. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 196 с.
- Гарданов, 1967 – Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. Москва: Наука, 1967. 331 с.
- Грабовский, 2020 – Грабовский Н.Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость // Кабарда: слава Кавказа, вольности щит. XVI–XX вв. Пять веков в пяти книгах. Книга III. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. 440 с.
- Дейников, 2009 – Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х гг. XVIII в. // *Российская история*. 2009. № 6. С. 147-157.
- Кудашев, 1991 – Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. 188 с.
- Налоева, 1968 – Налоева Е.Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // *Вестник КБИГИ*. 1968. Вып. I.
- Налоева, 1972 – Налоева Е.Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // *Вестник КБИГИ*. 1972. Вып. 6.
- КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Документы и материалы в 2-х томах). М.: Изд. акад. наук СССР, 1957. Т. II. 424 с.
- Каламбий, 1987 – Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1987. 272 с.
- Кажаров, 1994 – Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. 438 с.
- Рахаев, 2014 – Рахаев Дж. Я. Кабардинские княжества в российско-османских отношениях в первой половине XVIII в. // *История народов России в исследованиях и документах*. М., 2014. С. 194-233.
- Тхамоков, 1961 – Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. 202 с.
- Фидарова, 2007 – Фидарова Р.З. Противоборство феодальных группировок и его влияние на упадок самостоятельности Кабарды (1720–1757 гг.) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2007. С. 7-11.
- Хотко, 2009 – Хотко С.Х. Бесленей – мост Черкесии. Майкоп: Полиграф-Юг. 2009. 406 с.
- Юзефович, 1869 – Юзефович Т.П. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869 г. 326 с.
- Терпеев, 2020 – Терпеев В.Т. 'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 23-30.

References

- Aloev, 2005 – Aloev, T.Kh. (2005). Obrazovanie partii v Kabarde i vopros o nepreryvnosti ee gosudarstvennogo suvereniteta [Formation of parties in Kabarda and the question of the continuity of its state sovereignty]. *Istoricheskii vestnik*. 2: 100-113. [in Russian]
- Aloev, Zhansitov, 2018 – Aloev, T.Kh., Zhansitov, O.A. (2018). Politicheskii protsess v Kabarde v 40-kh gg. XVIII v.: vnutrennie kollizii v kontekste mezhdunarodnogo priznaniya «vol'nosti» strany [The political process in Kabarda in the 40s. XVIII century: internal collisions in the context of international recognition of the country's "freedom"]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï*. 2(37): 14-22. [in Russian]
- Avakov, 2018 – Avakov, P.A. (2018). Krymskoe khanstvo v voenno-politicheskikh planakh Rossiiskoi imperii 1735 g. [Crimean Khanate in the military-political plans of the Russian Empire in 1735]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. 2: 8-42. [in Russian]
- AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire].
- Azikova, 2016 – Azikova, Yu.M. (2016). Status Kabardy vo vzaimootnosheniyakh s regional'nymi derzhavami v XVI–XVIII vv. [The status of Kabarda in relations with regional powers in the 16th – 18th centuries]. *Voprosy istorii*. 5: 60-73. [in Russian]
- Bushuev, 1956 – Bushuev, S.K. (1956). K istorii russko-kabardinskikh otnoshenii [To the history of Russian-Kabardian relations.]. Nal'chik, Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 196 p. [in Russian]
- Butkov, 1869 – Butkov, P.G. (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 g [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. Ch.I. SPb, 548 p. [in Russian]
- Deinikov, 2009 – Deinikov, R.T. (2009). Rossiya, Turtsiya i Krymskoe v 40-60-Kh GG. XVIII v. [Russia, Turkey and Crimean in the 40s-60s. XVIII century]. *Rossiiskaya istoriya*. 6: 147-157. [in Russian]
- Fidarova, 2007 – Fidarova, R.Z. (2007). Protivoborstvo feodal'nykh gruppirovok i ego vliyanie na upadok samostoyatel'nosti Kabardy (1720–1757 gg.) [Confrontation between feudal groups and its influence on the decline of independence of Kabarda (1720–1757)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. Pp. 7-11. [in Russian]

- Gardanov, 1967** – *Gardanov, V.K.* (1967). Obshchestvennyi stroi adygskich narodov [The social system of the Adyghe peoples]. M. Nauka, 331 p. [in Russian]
- Grabovskii, 2020** – *Grabovskii, N.F.* (2020). Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ee bor'ba za nezavisimost' [The accession of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. Kabarda: slava Kavkaza, vol'nosti shchit. XVI–XX vv. Pyat' vekov v pyati knigakh. Kniga III. Nal'chik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 440 p. [in Russian]
- Kalambii, 1987** – *Kalambii (Adyl'-Girei Keshev)* (1987). Zapiski cherkesa [Circassian notes]. Nal'chik, El'brus, 272 p. [in Russian]
- Kazharov, 1994** – *Kazharov, V.Kh.* (1994). Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [Traditional social institutions of Kabardians and their crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. Nal'chik, Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 438 p. [in Russian]
- Khotko, 2009** – *Khotko, S.Kh.* (2009). Beslenei – most Cherkessii [Beslenei – Circassian Bridge]. Maikop, Poligraf-Yug, 406 p. [in Russian]
- KRO** – Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. (Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh) [Kabardino-Russian relations in the 16th – 18th centuries. (Documents and materials in 2 volumes)]. M., Izd. Akad. Nauk SSSR, 1957, vol. II. 424 p. [in Russian]
- Kudashev, 1991** – *Kudashev, V.N.* (1991). Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode [Historical information about the Kabardian people]. Nal'chik, El'brus, 188 p. [in Russian]
- Naloeva, 1968** – *Naloeva, E.Dzh.* (1968). K voprosu o sotsial'nykh otnosheniyakh v Kabarde v pervoi polovine XVIII v. [On the issue of social relations in Kabarda in the first half of the 18th century]. *Vestnik KBIGI*, vyp. I. [in Russian]
- Naloeva, 1972** – *Naloeva, E.Dzh.* (1972). K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom stroe Kabardy pervoi poloviny XVIII v. [To the issue of the state and political system of Kabarda in the first half of the 18th century]. *Vestnik KBIGI*. 6. [in Russian]
- Rakhaev, 2014** – *Rakhaev, Dzh.Ya.* (2014). Kabardinskie knyazhestva v rossiisko-osmanskikh otnosheniyakh v pervoi polovine XVIII v. [Kabardian principalities in Russian-Ottoman relations in the first half of the 18th century]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh*. M. Pp. 194-233. [in Russian]
- Tepkeev, 2020** – *Tepkeev, V.T.* (2020). 'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739. *Bylye Gody*. 55(1): 23-30.
- Tkhamokov, 1961** – *Tkhamokov, N.Kh.* (1961). Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII v. [Socio-economic and political system of the Kabardians in the 18th century]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 202 p. [in Russian]
- Yuzefovich, 1869** – *Yuzefovich, T.P.* (1869). Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovyie [Treaties between Russia and the East. Political and commercial], SPb, Tip. O.I. Baksta, 326 p. [in Russian]

Экссесс с кланом Мисост в Кабарде в 1740-х гг. и конкурирующие сценарии стабилизации политической системы

Тимур Хазраилович Алоев ^{a, *}, Юлия Владимировна Бунькова ^b, Осман Асланович Жанситов ^a

^a Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик), Российская Федерация

^b Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

Аннотация. В контексте исторического сюжета второй половины 40-х гг. XVIII в. в настоящей статье предпринимается попытка выявления одного из модусов преодоления внутривнутриполитического конфликта в Кабарде посредством сопоставительного анализа с системой инициатив российского правительства по преодолению деструктивной для его интересов коллизии в сопредельном княжестве. В работе раскрывается основная установка российской стороны в отношении Большой Кабарды в период после заключения Белградского трактата 1739 г. Если до этого Россия проявляла стремление к сохранению единства политической элиты княжества как залога эффективного противодействия крымской экспансии в регионе, то с конца российско-османской войны 1735–1739 гг. цели Петербурга в отношении традиционных партнеров претерпевают изменения. Задачей российского внешнеполитического ведомства становится поддержание ситуации конкуренции между двумя группировками черкесских князей. Ввиду того, что с середины 20-х гг. XVIII в. наиболее

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aloborsa@mail.ru (Т.Х. Алоев), y.bunkova@inbox.ru (Ю.В. Бунькова), osman.zhansitov@yandex.ru (О.А. Жанситов)

последовательным контрагентом Петербурга была Баксанская партия, именно на нее была сделана ставка. Весной 1747 г. один из столпов этой группировки – феодальный клан Мисост – вынуждено покинул пределы княжества. Ввиду оформления новой внутриполитической конфигурации в Кабарде устойчивость российского влияния в делах «барьерного» княжества оказалась под угрозой. Это подвигло российское руководство к попыткам восстановления приемлемого для его интересов status-quo. Трендсеттерами восстановления внутриполитического баланса в Кабарде выступила также триада тлекотлешских родов – Кундет, Тамби(й) и Анзор, недовольных дестабилизацией политической системы и обладавших достаточными идеологическими и военно-политическими ресурсами для принуждения доминирующего княжеского альянса к согласию на возвращение изгнанников.

Ключевые слова: Кабарда, Баксанская партия, Кашкатауская партия, Мисост Касай, изгнание, тлекотлеши, Российская империя, реинтеграция, Белградский трактат, Крымское ханство.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 506-526.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.506
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi” as a Source of the Information of Weapons and Military Symbols for the Population of Central Asia in the middle of the 18th century

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Alexey M. Pastukhov ^a

^aNovosibirsk State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with previously untranslated chapters of the Qing source “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” dedicated to the weapons and banners of the population of Central Asia. This source was compiled by the order of Emperor Qianlong after the annexation of the territory of the Dzungarian state to the Qing Empire. A group of Qing officials and European specialists was sent to explore the newly annexed lands. The article analyzes data on the preparation, composition and some features of the expedition to study Dzungaria. It was found that the main researches were carried out in 1756–1757. The study of Eastern Turkestan continued until the spring of 1759. The compilation of the text of “Xiyu Tuzhi” started in the same year and continued, intermittently, for about 23 years (1759–1782). There were 5 stages of this process and their characteristic features are highlighted in the article. It was found that the Manchu generals who took part in the war in Central Asia participated also in the compilation of the source among other specialists. Basic information about the weapons and banners of the population of the region is grouped in chapters (*juan*) 41 (“Dzungars”) and 42 (“Muslim tribes”). The source describes weapons, armor, and the banners of the Oirat and Turkic population of the region. Some information from the source is unique and could not be found in other sources of the 18th century. Qing authors correlated the original names of weapons and armor with design and features of these items, making possible the further, more detailed study of the written sources and epics of the population of Central Asia. So, “Xiyu tuzhi” is the main Qing written source on the weapons and banners of the Central Asian population in the middle of the 18th century.

Keywords: “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi”, Dzungaria, East Turkestan, weapons, armor, banners.

1. Введение

Исторический период, охватывающий вторую половину XVII – середину XVIII вв., стал для Центральной Азии временем ожесточенного противоборства трех основных геополитических игроков региона – Цинской империи, Российского государства и Джунгарии¹. Борьба за сферы влияния

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), chinesewarfare@inbox.ru (A.M. Pastukhov)

¹ В отечественной историографии государство западных монголов (ойратов) часто именуется Джунгарским ханством (Златкин, 1983; Моисеев, 1991; Чернышев, 1982; Чернышев, 1990). Однако правители из дома Чорос не являлись прямыми потомками Чингиз-хана по мужской линии, а, следовательно по монгольской традиции не имели прав на ханский титул. Большинство владык Джунгарии носили титул *хунтайджи*, заимствованный из китайской титулатуры и означающий в буквальном переводе «августейший наследный принц, старший сын императора, наследник престола» (наиболее точный смысловой перевод на русский – Великий князь) (Бобров и др., 2018: 160). Исключением являлся лишь Галдан Бошокту-хан, которому указанный титул был дарован главой буддийской церкви Тибета – Далай-Ламой (Златкин, 1983: 172). Противоречие между военным могуществом Джунгарии и ее официальным политическим статусом было очевидным для современников, поэтому в цинских источниках, правителей этой последней кочевой империи иногда неофициально именовали «ханами» или «ванами» (Ченышов, 1990: 57). Однако формальный титул

привела сначала к серии русско-цинских (1652–1670, 1685–1689), а затем и джунгаро-цинских военных конфликтов (1690–1697, 1715–1723, 1728–1740). Основным бенефициаром данных событий стала Цинская империя, присоединившая к своим владениям Халху, оазисное государство Хами в Восточном Туркестане и некоторые другие территории.

Однако сокрушить и уничтожить своего главного конкурента в Центральной Азии – Джунгарию – маньчжурским правителям первоначально не удалось. Не последнюю роль в этом сыграло военное искусство джунгар, достигшее в своем развитии достаточно высокого уровня (Бобров, Худяков, 2008: 564-604; Бобров и др., 2010: 152-206)¹.

В 1740 г. Цинская империя и Джунгария утвердили мирный договор, согласно которому границей между двумя государствами становились восточные склоны Монгольского Алтая (Моисеев, 1977: 3-11). Но долгожданный мир оказался для участников противостояния лишь короткой передышкой. В первой половине 50-х гг. XVIII в. Джунгария вступила в полосу системного кризиса, проявившегося как в политической, так и экономической сфере (Бобров и др., 2010: 164, 178).

Воспользовавшись междоусобной борьбой ойратской знати, император Цяньлун (годы правления: 1735–1796) начал военную интервенцию и достаточно легко добился успеха. Восстание части джунгар под руководством Амурсаны (1723–1757) было жестоко подавлено в ходе карательных экспедиций. В результате военных кампаний 1755–1759 гг. к Цинской империи были присоединены огромные территории, включавшие бывшие владения джунгар и их мусульманских вассалов (Пастухов, 2009: 19-29)².

Завоевание Джунгарии стало событием огромной государственной важности: в состав империи впервые за последние 50 лет включались столь обширные и малоизвестные земли, еще недавно населенные враждебными племенами ойратов³. Вступление в «джунгарское наследство» требовало тщательного изучения вновь приобретенных территорий, составления географических карт и списков податного населения. Без решения данной задачи было затруднительно наладить эффективное управление новыми землями⁴. Для достижения указанных целей в регион были отправлены высокопоставленные чиновники, а затем и создана специальная государственная комиссия. Итогом ее работы стало масштабное произведение «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» (欽定皇輿西域圖志, «Высочайше утвержденное описание Западного края с картами»), опубликованное в 1782 г. В финальный вариант текста были включены сведения по географии, истории, экономике, военному делу, общественно-административному устройству Джунгарии, а также материальной и духовной культуре ойратского и тюркского населения Центральной Азии. Текст дополнялся картами Восточного Туркестана, казахских, киргизских и кокандских владений, Бадахшана и Афганистана, а также генеалогией местных правителей (Думан, 1936b: 27; Чернышев, 1990: 6-7).

джунгарских монархов оставался прежним, поэтому представляется более уместным определять государство джунгар, как *хунтайджийство* или Великое княжество.

¹ В первой половине – середине XVII в. главной ударной силой ойратов являлась легкая и панцирная конница, вооруженная преимущественно саадаками, копьями и клинковым оружием. Однако в последней трети XVII в. Галдану Бошокту-хану удалось закупить в государствах Средней Азии большое количество ружей, что существенно повысило боевой потенциал джунгарских войск и в значительной степени изменило традиционную ойратскую тактику. В конце XVII – начале XVIII вв. в Джунгарии было создано собственное производство ручного огнестрельного оружия, а позднее также пушек, мортир и боеприпасов к ним (Бобров, Худяков, 2008: 564-604). Кроме того, благодаря целенаправленной политике джунгарских *хунтайджи*, им удалось обеспечить защитным вооружением значительную часть своих воинов (Бобров, Худяков, 2008: 360-366). Во время джунгаро-халхаской войны 1687–1690 гг. реформированные войска ойратов легко разгромили ополчения монгольских правителей Халхи, а в ходе конфликтов с Цинской империей джунгары неоднократно наносили поражения экспедиционным корпусам Поднебесной (Бобров и др., 2010: 159, 161-163).

² В состав Джунгарии в первой половине 50-х гг. XVIII в. входили Юго-Восточный Казахстан (включая Семиречье), Восточный Туркестан (кроме оазиса Хами), Алтай (к югу от Телецкого озера) и др.

³ Предшествующие акты значительного расширения границ Цинской империи относились к концу XVII в. Тогда были присоединены о. Тайвань (1683 г.), северный берег Амура до хр. Джугджур и правобережье р. Аргунь (1689 г.), Халха-Монголия (1691 г.), оазисное государство Хами (1697 г.). Кроме того, в результате войны в Цзиньчуани (пр. Сычуань) в 1749 г. Цинам удалось поставить в вассальную зависимость горное владение Большая Цзиньчуань. Однако включить ее территорию в состав империи в 1749 г. не удалось.

⁴ В китайском языке слова *баньту* (版圖) означают «податные списки и географические карты», или в переносном смысле – «население и территория». Акт принятия новых территорий в состав империи в обязательном порядке сопровождался «исправлением и уточнением податных списков и географических карт» (*чжэн баньту* 整版圖).

В историографической перспективе материалы «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» (далее – «Сиюй тучжи»)¹ неоднократно использовались исследователями при изучении истории народов «Западного края» первой половины – середины XVIII в. Однако различные сведения, содержащиеся в указанном сочинении, привлекались весьма неравномерно. Так, например, если данные по общественно-административному устройству и экономике Джунгарии активно анализировались и публиковались в научных статьях и монографиях (Думан, 1936а; Думан, 1966: 276; Чернышев, 1990; Кычанов, 2010: 270-279), то некоторые другие разделы «Сиюй тучжи» долгое время не привлекали должного внимания ученых. К их числу относятся и сведения об оружии, доспехах и военной символике ойратского и тюркского населения Центральной Азии.

Цель данной статьи – дать оценку «Сиюй тучжи» как источнику по военному делу народов Джунгарии, Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. Для ее достижения необходимо уточнить предпосылки, причины и обстоятельства создания «Сиюй тучжи», обозначить особенности изучения Джунгарии цинской исследовательской экспедицией, выявить основные этапы подготовки текста произведения, дать характеристику разделов «Сиюй тучжи», посвященных вооружению и военной символике джунгар и их соседей.

Отдельные вопросы, связанные с процессом создания «Сиюй тучжи», кратко рассматривались в работах советских востоковедов, но лишь в рамках общих обзоров цинских источников по истории Центральной Азии (Думан, 1936b: 26-27; Чернышев, 1982: 164; Чернышев, 1990: 6-7). Что касается сведений о военном деле народов Джунгарии и Восточного Туркестана, содержащихся в соответствующих *цзюанях* «Сиюй тучжи», то ранее они не переводились на русский язык и не становились объектом специального научного исследования. Вместе с тем они представляют значительный интерес для археологов, военных историков, оружейников, этнографов, занимающихся изучением военно-культурного наследия народов Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени.

2. Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению вооружения эпохи Средневековья и раннего Нового времени являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение) (Bobrov et al., 2019: 7-8).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейных работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных и изобразительных источников (Бобров, Ожередов, 2021: 12).

Особую ценность для темы нашего исследования представляют сообщаемые авторами «Сиюй тучжи» уникальные сведения о линейных размерах предметов вооружения и военной символики джунгар, их тюркоязычных соседей и вассалов. Актуальной научной задачей является перевод указанных в тексте цинского источника данных в современную метрическую систему.

Основы изучения системы мер и весов Поднебесной в эпоху Древности, Средневековья и Нового времени были заложены китайским исследователем У Чэнло, который опубликовал специальную монографию «Чжунго дулянхэн ши» («История метрологии Китая»), посвященную данной проблематике (У Чэнло, 1957)². В числе прочих У Чэнло были установлены единицы измерения длины и веса, применявшиеся в Китае в эпоху династии Цин. Согласно его расчетам 1 *чжан* составлял 3,2 м; 1 *бу* – 1,6 м; 1 *чи* – 32 см; 1 *цунь* – 3,2 см, 1 *фэнь* – 0,32 см (Школяр, 1980: 358).

В 1713 г. император Канси (годы правления: 1661–1722) положил начало жесткой стандартизации мер длины, веса, объема и площади, создав систему мер и весов *инцзао чи купин лян чжи*³, действовавшую до 1915 г. В числе прочего была установлена официальная длина *чи*⁴, который отныне должен был составлять 32 см. Однако параллельно с казенным *чи* в стране продолжали использоваться его неофициальные местные разновидности, не признаваемые и даже запрещаемые центральными властями, в частности *цайичи*, или «портновский *чи*», равный 35,55 см.

¹ Данный сокращенный вариант названия подтверждается его упоминанием в императорских указах, а определение *Циньдин* (высочайше утвержденный) этот труд получает в определенное время, что будет отмечено ниже.

² Первое издание книги было осуществлено в 1937 г.

³ Букв. «система строительного *чи* и казначейского *ляна*».

⁴ В источниках и историографии он также известен, как *бучи* (ведомственный *чи*), *гуаньчи* (казенный *чи*) или *инцзаочи* (строительный *чи*).

Нидерландский антиквар и историк-любитель П. Деккер предложил свой вариант расчета основных цинских метрических показателей, основанный на *цайчи*. В основу его гипотезы положено сравнение размеров подлинных предметов вооружения из китайских музеев с соответствующими по названию предметами, зафиксированными цинскими документами второй половины XVIII века¹. При этом фактические размеры предмета вооружения брались за эталон, на основе которого рассчитывались показатели *1 чи*.

Опираясь на подобную методику, П. Деккер пришел к выводу, что *1 чи* равнялся 35 см.: «Для пересчета принимал *1 чи* равным 35 см. Это немного больше, чем обычно принятая длина *1 чи*, равная 32 см. В период Цин размеры не были настолько стандартизованы, как сейчас, и размеры линейки варьировались от профессии к профессии, от места к месту, и даже от гильдии к гильдии в рамках одной профессии. Я пересчитал линейку пекинских императорских оружейников по старинному оружию, которое было изготовлено в соответствии с опубликованными уложениями»².

К сожалению, ссылок на исследованные музейные собрания, изученные предметы вооружения и объем выборки в своей статье П. Деккер не указал. В то же время проведенный нами сравнительный анализ публикаций оружия из музейных собраний КНР (главным образом, музеев Гугун в Пекине) с материалами цинских регламентов показал, что даже императорское вооружение³ могло отличаться по размеру от установленных эталонов. Например, хорошо идентифицируемые ружья, размеры которых зафиксированы в составленном в 1759 г. уложении «Хуанчао лица туши» (皇朝禮器圖式), по факту имеют разную длину. Соответственно, попытка высчитать на их основе длину *1 чи* даст разные результаты (Пастухов, 2010: 131-199).

Таким образом, выдвинутая Деккером гипотеза о принципах расчета цинских мер длины в середине – второй половине XVIII в. не представляется убедительной. Более того, она противоречит общим установкам официальных властей на повсеместное употребление в стране исключительно казенного *чи*, равного 32 см.

Наиболее вероятно, что в условиях Цинской империи XVIII в., где оружейное производство в большинстве своем было основано на принципе размещения государственных заказов у сторонних ремесленных производителей, было затруднительно строго соблюсти все указанные в официальных регламентах параметры изготавливаемой продукции. В известной степени это было обусловлено достаточно вольным отношением на местах к официально утвержденным образцам⁴. В результате подлинные копья, сабли, шлемы, ружейные ложа (и реже стволы) и т.д. могли несколько отличаться по размерам и весу от эталонных норм, установленных государственными органами. Разница могла составлять от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров в ту или иную сторону⁵.

¹ Например, в тексте уложения «Хуанчао лица туши» (Иллюстрированное описание ритуальных предметов и утвари августейшей династии) даны конкретные предписания относительно общей длины ружей, длиннодревкового и клинкового оружия, а также некоторые размеры защитного вооружения, применявшихся представителями правящей элиты и воинами императорской армии. Текст произведения поступил на рассмотрение императора Цяньлуна в 1759 г. Печатное издание осуществлено ксилографическим способом в 1766 г. в придворной печатне при дворце Уиндянь. В 1769 г. текст «Хуанчао лица туши» был пересмотрен и дополнен. Уложение состоит из 18 *цзюаней*, содержащих изображения различных предметов, используемых в государственных ритуалах и других официальных мероприятиях Цинской империи. Рисунки сопровождаются более или менее подробным описанием, включающим указания на материал изготовления предмета, его размеры, особенности оформления и др. В некоторых случаях особо оговаривается категория лиц, имеющих право на использование соответствующего элемента одежды, вооружения, снаряжения и т.д. (гражданские чиновники определенного ранга, военные и т.д.). *Цзюани* 7–18 посвящены описанию оружия и доспехов.

² Dekker P. Spears of Qing dynasty, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://mandarinmansion.com/article/spears-qing-dynasty> (дата обращения: 20.11.2020) (перевод А.М. Пастухова).

³ В том числе именные образцы, которые могут быть точно идентифицированы среди прочих предметов.

⁴ Система казенного ремесла в Цинской империи начала разрушаться еще в первой половине XVIII в., а подневольный труд государственных ремесленников стал вытесняться закупкой предметов вооружения по заказу у частных производителей. Неудивительно в данной связи, что императорские мастерские *Цзаобаньчу*, расположенные на территории Запретного Города в Пекине выполняли лишь часть государственных заказов на изготовление вооружения.

⁵ Не стоит думать, что подобная ситуация характерна исключительно для Цинской империи рассматриваемого периода. Допуски существовали и при промышленном изготовлении вооружения. Даже в ходе Первой мировой войны (1914–1918) предметы холодного оружия (штыки, ножи, пики, тесаки и т.п.), производившиеся воюющими сторонами на промышленных предприятиях, судя по измерениям реальных сохранившихся предметов, принимались с допусками, достигавшими порой 2–3 см в длину.

Что касается Джунгарии, то даже сам вопрос возможности наличия регламентов в изготовлении холодного оружия и доспехов у ойратов требует дополнительного изучения¹. Сомнительно, чтобы члены цинских экспедиций и комиссий целенаправленно проводили замеры значительного количества центральноазиатского вооружения, а затем на основе представительной выборки вычисляли их средние размеры, которые, скорее всего, устанавливались «на глазок» в ходе осмотра захваченных военных трофеев. Именно эта условная усредненная величина и заносилась в документ.

При переводе в метрические единицы показателей длины джунгарского и мусульманского вооружения в «Сиюй тучжи» нами использованы данные У Чэнло о размере казенного *чи* (*гуаньчи*) в период Цин, как наиболее уместные в данном случае (см. выше). Однако еще раз подчеркнем, что речь идет о типовых показателях. В реальности длина и вес отдельных предметов центральноазиатского вооружения, вероятно, могли существенно отличаться от описываемых в «Сиюй тучжи». Но даже с этой поправкой сообщаемые в указанном цинском произведении сведения представляют исключительный научный интерес, поскольку они не имеют аналогов среди других письменных источников рассматриваемого периода.

3. Обсуждение и результаты

История составления и публикации «Сиюй тучжи».

Первое упоминание о необходимости исследовать земли Джунгарии, составить ее карты, а также изучить местные достопримечательности содержится в императорском указе от 25 марта 1755 г., когда цинские войска еще не успели даже захватить долину реки Или – политический центр Джунгарского государства²: «Во времена Хань³ земли укреплений Западных Краин⁴ были чрезмерно обширны. В Урумчи и землях всех [нынешних] мусульманских племен некогда стояли воинские гарнизоны. Были среди них и те, кто стал внутренним (т.е. китайским – Авт.) подданным. В начале Тан⁵ наместники (*дучу*) основали свои ставки и расширили земли, достигнув северо-западных рубежей. Ныне же и руины их давно исчезли. Повелеваю передать этот указ Эжунъяню⁶: «Поскольку в этот раз двинули войска в земли, подвластные джунгарам, а также в земли мусульманских племен, то все, что он узнает, если совпадет с тем, что изложено в историях Хань и Тан, можно цитировать, а также в тех местах, где не проникли люди Хань и Тан, *внимательно опросить местных, сделать тщательные записи и при удобном случае сообщить трону, чтобы можно было составить сборник* [материалов] (здесь и далее курсив наш – Авт.)» (ГЧШ, 1807: цз. 482, л. 19а)⁷.

В отличие от большинства императоров Китая, Цяньлун настоятельно требовал, чтобы уполномоченные им чиновники лично посетили и внимательно изучили присоединяемые территории. Это должно было обеспечить максимальную достоверность сообщаемым сведениям. В указе от 13 марта 1756 г. Цяньлун особо подчеркивал: «...Историографы никогда не изучали и не проверяли [данные] и лично не посещали их (приграничных государств – Авт.) земли. Только опирались на слухи и местные рассказы в устной передаче, расставляли приоритеты в соответствии с

¹ Примером стандартизации размеров оружия в период Цин у монгольских народов может являться указание сборника монгольских законов «Халха Джирум» на требуемую длину копейного древка у мобилизуемых воинов: «Если не хватит древка к копыю, древка длиною в три сажени и аршин (*дэлим*), то взять барана-трехлетку» (Халха Джирум, 1965: 86). Однако следует подчеркнуть, что речь идет о размерах «по обычаю», и у каждого конкретного воина эта длина могла варьироваться в соответствии с его персональными физическими данными. Несомненно, у ойратов возникли зачатки мануфактурного производства. Однако насколько стандартизованной была выпускаемая продукция, пока остается неясным.

² Японский исследователь Эноки Кадзуо (1913–1989) ошибочно датирует этот указ 3 марта 1755 г. (Enoki, 1955: 5). Однако рассматриваемый документ помещен в хронике правления императора Цяньлуна «Гаоцзун Чунь-хуанди шилу» (далее – ГЧШ) в цз. 482 в день под циклическими знаками *динсы* 2-го месяца 20 года Цяньлун, что соответствует 25 марта 1755 г.

³ Имеется в виду китайская династия Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.).

⁴ *Сичуй* (西陲, Западные окраины) – древнее название территорий провинций Ганьсу и Синьцзян. Для обозначения указанных территорий также использовался термин *Сиюй*, (西域) то есть «Западный край».

⁵ Имеется в виду династия Тан (618–907).

⁶ Эжунъянь (1714–1755) являлся помощником Баньди (1664–1755), который командовал цинским гарнизоном, оставленным в 1755 г. в долине р. Или после вывода из Джунгарии основной массы имперских войск. Выполнить поставленную Цяньлуном задачу описания завоеванных земель Эжунъянь так и не смог: в сентябре 1755 г. цинский отряд был атакован восставшими ойратами Амурсаны, чтобы не попасть в плен к повстанцам, Эжунъянь покончил жизнь самоубийством (Ходжаев, 1991: 53–54).

⁷ ГЧШ – Гаоцзун Чунь-хуанди шилу. Б/г – без указания года издания. Цз. – цзюань. Здесь и далее перевод с китайского А.М. Пастухова.

услышанным и приводили в порядок странное. И потом с течением времени все прибавляли [информацию. Стало] тяжело разобраться, в чем дело. Коли так произошло, сейчас [следует] обратить внимание на уточнения! ...Выяснить и запомнить увиденное и пережитое самолично»¹.

Перенос сроков начала исследования Джунгарии ввиду непростой обстановки в регионе вызывало неудовольствие императора. В том же указе от 13 марта 1756 г. Цянлун с сожалением отмечал, что «... в свое время об этом (детальном исследовании Западных земель – Авт.) довели до сведения Эжуньяня. Мы получили [его] доклад, [что], поскольку нет возможности обследовать [местность самолично], то, вероятно, следует затребовать описания с картами, [а также] стелы иobelisks, [которые] могут быть получены из не таких глухих мест, отдаленных от укрепленных рубежей. Но тогда он был загружен военными делами, не имел [даже] времени разместить войска по лагерям, поэтому на первое время отложил [эти дела]»². Тем не менее, несмотря на все сложности военного и политического характера, всестороннее изучение западных территорий по-прежнему относилось к числу приоритетных задач цинских властей. Показательно в данной связи, что высочайший указ о подготовке исследовательской экспедиции в Джунгарию был издан уже 19 июля 1755 г., то есть практически сразу после того, как Илийский регион был оккупирован цинской армией: «Западный отряд возвратился с победой. Великое войско достигло Или. Все племена джунгар полностью перешли под нашу власть»³. Пути движения небесных тел, места восхода и захода солнца и луны, время наступления дня и ночи, а также сельскохозяйственных сезонов⁴ в тех [местах] следует включить в наш календарь. Их горы и реки, дороги и расстояния следует тщательно измерить и изобразить на картах страны, дабы очевидным стало великолепие объединения Китая и внешних [окраин]. Левый цензор Хэ Гоцзун (?–1767) издавна знаком с топографической съемкой. Повелеваем взять *угуаньчжэна*⁵ Миньянью (1692–1763) и совместно с *фу дутунюм*⁶ Фудэ (?–1776), приняв под свою команду двух европейцев, выехать во все означенные места, измерить их координаты⁷, а также все благоприятные места, тщательно проработать это и положить на карту, после чего подать ее на Наше рассмотрение. Имеющиеся карты земли, а также необходимые приборы повелеваю подготовить в соответствии с обстановкой и выступить [в путь]» (ГЧШ, 1807: цз. 490, л. 286).

Таким образом, для осуществления «большой ревизии» в Джунгарию направлялась целая экспедиция, в состав которой были включены как собственно цинские, так и европейские специалисты. Ее руководителем был назначен левый цензор⁸ Хэ Гоцзун. Этот сановник считался знатоком европейских методов проведения топографической съемки при помощи гномона. Для содействия Хэ Гоцзуну в исполнении этого задания ему были приданы чиновник Департамента астрономии Миньянью и два португальских миссионера-иезуита – Феликс да Роча (Félix da Rocha, 1713–1781) и Жозе де Эспинья (José de Espinha, 1722–1788). Наряду с обычной охраной, их должны были сопровождать императорские телохранители – Улиньтай и Дэбао⁹.

¹ Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи (ЦХСТ), без указания места издания, без указания года издания. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=553027> (дата обращения: 25.01.21).

² ЦХСТ – Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи, без указания места издания, без указания года издания. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=553027> (дата обращения: 25.01.21).

³ *Жу баньту* (букв. «включены в карты и списки») – стандартная для китайской историографии формулировка, указывающая на присоединение территории к Китаю и ее полное включение в состав империи, независимо от того, были фактически составлены карты и реестры на момент подобной записи или нет. По умолчанию подразумевалось, что китайцы принимали от побежденных их карты и реестры податного населения, которые «приводились в порядок» в соответствии с новой политической ситуацией.

⁴ 24 сельскохозяйственных сезона, на которые делится традиционный лунный календарь, принятый в Китае. На каждый месяц приходится по 2 сезона.

⁵ *Угуаньчжэн* – гражданский чиновник Департамента астрономии (*Циньтяньцзянь*), ранг 6а или 6б. О чиновничьих рангах Цинской империи см. исследование Ч. Хакера (Hucker, 1985).

⁶ *Фу дутун* – военный чиновник, ранг 2а. Обычно исполнял обязанности заместителя командующего знаменным корпусом или начальника отдаленного крупного гарнизона.

⁷ Букв. «Высоту их Северного Полюса и уклонение на запад и восток».

⁸ Левый (т.е. старший) цензор (*цзо дууйши*) – гражданский чиновник ранга 1б, возглавлявший Цензорат (*Дучаюань*). Цензоры имели большую власть в отношении контроля за действиями чиновников на местах и официальное право указывать на недочеты и ошибки даже самому императору.

⁹ Императорские телохранители (*шивэй*) в империи Цин традиционно выполняли очень широкий круг поручений, в т.ч. использовались в качестве императорских эмиссаров с широкими полномочиями.

Экспедиция выступила в путь в феврале 1756 г., к маю миновала Баркуль и достигла горного хребта Ирен-Хабирга¹. Предполагалось, что сбор необходимых материалов займет не более полугода², однако сложная политическая и военная обстановка в регионе привела к тому, что работы растянулись на несколько лет.

Наибольшие проблемы доставляли активные боевые действия на территории Джунгарии: в регионе еще полыхало восстание, поднятое Амурсаной, ойратские *нойоны* сражались между собой, цинские войска вели карательные операции против мятежников, кроме того, в бывшие джунгарские земли постоянно вторгались казахские военные отряды. В результате экспедицию несколько раз то приостанавливали, то отзывали, то вновь направляли на опасные и трудоемкие съемки. Добавляли забот и постоянные интриги при дворе, в которые оказались втянуты как сам Хэ Гоцзун, так и назначенный ему в помощники Лю Тунсюнь (1698 или 1700–1773)³. В конечном счете основные работы на местности в Джунгарии были закончены, и на очередь встал вопрос о картографировании территории Восточного Туркестана, также попавшей к этому времени под власть Цинов.

Подводя итоги работы экспедиции, император Цяньлун 26 мая 1759 г. довел до сведения членов Военного совета следующее: «Мусульманские племена вот-вот будут покорены. Следует отразить [сие], как и умиротворение Или, составив карты [этих территорий]. Минъаньту и Фу Цзолия (Феликс да Роча)⁴ повелеваем наградить 200 *лян* серебра [каждому]⁵. Европейца Гао Шэньсы (Жозе де Эспинья), который слезно просил ехать с ними, также наградить 200 *лян* серебра. *Шивэй* 2-го ранга десятника (*шичжан*)⁶ Улиньтая и *ланьлин шивэй*⁷ с синим пером Дэбао, приписанного к [воротам] Цяньмэнь⁸, наградить 100 *лян* серебра каждого. Дэбао, как и прежде, пожаловать [чином] *шивэй* 3-го ранга⁹. [Всем перечисленным] приготовиться к выезду на почтовых» (ГЧШ, 1807: цз. 586, л. 1а).

Эноки Кадзуо и вслед за ним другие авторы считают, что все работы по топографической съемке в Джунгарии были завершены в 1756 г., а в Кашгарии топографическая экспедиция была направлена в 1759–1760 гг. (Enoki, 1955: 10-11). Однако Хэ Гоцзун и Лю Тунсюнь были отозваны из экспедиции в столицу для следствия по их должностным провинностям 26 мая 1756 г., что исключает их личное участие в съемках на время следствия, вердикт по которому был оглашен только 13 июля 1756 г. Кроме того, 7 мая 1756 г. император издал указ относительно возвращения экспедиции в Баркуль на зимовку, поскольку он опасался, что за полгода экспедиция не управится и останется в холодной степи зимой. В указе предписывалось вновь выступить из Баркуля для производства съемки весной 1757 г.: «Сейчас из окрестностей Баркуля [он] (Хэ Гоцзун – Авт.) добрался до Ирен-Хабирга и других мест, ведение дел потребует примерно полгода, [но] к зиме [в этих местах] станет очень холодно. Повелеваю [ему] по-прежнему вернуться в Баркуль для проживания [зимой], а будущей весной снова направить вести дела» (ГЧШ, 1807: цз. 510, л. 20а). Таким образом, на основании этого указа можно сделать вывод, что экспедиция Хэ Гоцзуна и Лю Тунсюня провела в Джунгарии минимум два сезона – 1756 и 1757 гг. Даты отбытия экспедиции в Кашгарию в «Гаоцзун Чунь-хуанди шилу» не указаны. Отмечена лишь дата награждения Феликса да Роча и прочих участников

¹ Ирен-Хабирга (Эрэн-Хабирга, Ирен-Хабырга, от монг. Эрэн Хавирга – букв. «Пестрые горные отроги») – северный хребет восточного Тянь-Шаня.

² Возможно, такой небольшой срок был обусловлен неосведомленностью маньчжурского правительства об обширности присоединенных территорий.

³ Хэ Гоцзун оказался жертвой скандала, связанного с исполнением им обязанностей главы квалификационной комиссии: в составе проверяемых чиновников оказался его младший брат, который получил от комиссии высшую категорию соответствия. В свою очередь, Лю Тунсюнь поддался панике в момент начала восстания Амурсаны осенью 1755 г. и бежал с тыловой базы цинских войск в Баркуле. В мае 1756 г. Хэ Гоцзуна и Лю Тунсюня срочно отозвали в столицу. В результате проведенного расследования летом 1756 г. оба получили шанс искупить свои прегрешения в ходе экспедиции и были вновь возвращены в Джунгарию.

⁴ Каждый европеец, служивший при дворе цинского императора, имел китайское имя, под которым фигурировал в цинских документах.

⁵ 1 *лян* равен 37,3 г. Таким образом, 200 *лян* серебра составляли 7,46 кг. серебра в слитках.

⁶ *Шичжан* – десятник, в данном случае – начальник над девятью телохранителями. В зависимости от места приписки телохранителей мог иметь чиновный ранг от 5а до 3а. Корпус императорских телохранителей (*шивэй*) в Цинском Китае делился на 3 ранга, которые не коррелировали с чиновными рангами. *Шивэй* 2-го ранга имел чиновный ранг 4а. Помимо непосредственной задачи охраны и сопровождения императора, телохранители использовались в качестве доверенных эмиссаров двора для выполнения задач и поручений самого разного характера.

⁷ *Ланьлин шивэй* – военный чиновник, телохранитель (*шивэй*), носивший на головном уборе в знак отличия плюмаж из синих перьев (*ланьлин*), ранг 6а.

⁸ Врата *Цяньцинмэнь* располагаются перед жилой частью Запретного Города и являются главным входом в эту зону. Таким образом, приписка к охране жилой части Запретного Города являлась своего рода выражением высокой степени доверия конкретному телохранителю.

⁹ *Шивэй* 3-го ранга имел чиновный ранг 5а.

экспедиции чинами и серебром – 26 мая 1759 г. Авторы настоящей работы выражают надежду, что дальнейшее изучение цинской служебной документации позволит уточнить основные этапы работы экспедиции в Джунгарии и Восточном Туркестане.

После возвращения экспедиции работа над документами продолжилась в кабинетах высоких сановников. Рабочие группы из секретарей, писцов и рисовальщиков возглавили все те же Хэ Гоцзун и Лю Тунсюнь, которые были назначены ответственными за составление карт и описаний вновь покоренных земель. Обработка и сведение воедино материалов, собранных экспедицией, продолжались на протяжении почти двух лет.

В начале лета 1761 г. готовое сочинение, получившее рабочее название «Хуанъюй Сиюй тучжи» (Иллюстрированное описание стран Западного Края) было подано на рассмотрение императора, а уже 19 июня 1761 г. последовал указ Цяньлуна, определивший судьбу этого труда: «Составленное Лю Тунсянем и Хэ Гоцзуном [сочинение] «Хуанъюй Сиюй тучжи» передать в Комитет по составлению описаний войн (Фанлюэгуань) Военного Совета (Цзюньцзичу) для работы с ним (букв. «для оформления/делопроизводства»)» (ГЧШ, 1807: цз. 639, л. 3б).

Данное сообщение свидетельствует в пользу того, что основной корпус рассматриваемого письменного источника был сформирован уже к началу лета 1761 г., то есть через два года после присоединения Джунгарии и Восточного Туркестана к Цинской империи.

Для продолжения работы над «Сиюй тучжи» была сформирована специальная комиссия из 36 человек во главе с высокопоставленным сановником, *гуном* 1-й степени Фухэном (1720–1769) (Думан, 1936b: 26). Фухэн происходил из влиятельного маньчжурского рода Фуча, относившегося к элитному маньчжурскому Желтому с Каймой Знамени (Рисунок 1). Будучи младшим братом императрицы Сяосяньчунь (1712–1748)¹, он входил в число ближайших советников монарха и пользовался его особым доверием. Когда в 1754 г. Цяньлун задумал начать поход против Джунгарии, воспользовавшись смутами, потрясавшими это государство, Фухэн оказался единственным, кто во время заседания Военного совета сразу же поддержал мнение императора, а в начале 1756 г. лично принял участие в приведении в порядок войск, направляемых в Западный поход для подавления мятежа Амурсаны².

В состав комиссии по описанию новых территорий империи были включены и другие военачальники, и чиновники, принимавшие участие в присоединении и освоении Джунгарии: Агуй (1717–1797), Чжаохуй (1708–1764), Шухэдэ (1710–1777) и др. (Думан, 1936b: 26). Можно согласиться с мнением А.И. Чернышева о том, что «члены специальных комиссий, назначавшихся императорами для составления описаний, были людьми компетентными и имели большие полномочия. Они могли получать интересные их сведения непосредственно от правителей и высших сановников Джунгарского ханства, взятых в плен и находившихся при цинском дворе» (Чернышев, 1990: 5).

Применительно к теме изучения вооружения джунгар, их тюркоязычных вассалов и соседей важное значение имеет тот факт, что многие члены комиссии Фухэна лично посещали Джунгарию и Восточный Туркестан и даже имели опыт участия в боевых столкновениях с войсками местных народов. Некоторые из них впоследствии занимали высокие посты в системе управления новыми территориями. Так, например, Чжаохуй участвовал в боевых действиях в Джунгарии в 1755–1756 гг. Зимой 1758–1759 гг. он выдержал длительную осаду в укрепленном лагере у стен г. Яркенда и был деблокирован войсками Шухэдэ, Агуя, Фудэ и Мачана. Впоследствии Чжаохуй вместе с Фудэ преследовали бежавших в Бадахшан белогорских братьев-ходжей, возглавлявших сопротивление Цинам в Восточном Туркестане. Другие члены комиссии – Шухэдэ и Агуй – принимали участие в походах в Джунгарию и Восточный Туркестан. После окончания активной фазы боевых действий цинские военачальники и чиновники заняли различные управленческие посты в новой провинции Синцзян. Агуй прослужил в регионе до 1762 г., надзирая в 1760–1762 гг. за созданием земледельческих поселений. Шухэдэ в 1759–1760 гг. исполнял обязанности *баньши-дачэна*³ в Аксу, а в 1761–1762 гг. занимал должность *цаньцзань-дачэна*⁴ в Кашгаре и т.д. (Рисунок 2).

¹ Первая жена императора Цяньлуна, имевшая титул *хуанхоу* (императрица).

² «Цин ши гао» (ЦШГ), цз. 301. [Электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/清史稿/卷301> (дата обращения: 01.03.2021). После разгрома Джунгарии Фухэн продолжил делать административную и военную карьеру. В конце 60-х гг. XVIII в. он был назначен одним из трех командиров цинских экспедиционных войск, направлявшихся на завоевание Бирмы. Однако в ходе этой кампании он заразился малярией и скончался в 1770 г. (Dai Yingcong, 2004: 161-162; Непомнин, 2005: 137).

³ *Баньши-дачэн* – помощник губернатора, управляющий отдельным районом провинции.

⁴ *Цаньцзань-дачэн* – советник при правителе.

Рис. 1. Первый руководитель комиссии по подготовке текста «Сиюй тучжи» *гун* 1-й степени Фухэн (1720–1769). Портрет второй половины XVIII в., коллекция Дора Вонг, г. Нью-Йорк.

Рис. 2. Члены комиссии по подготовке текста «Сиюй тучжи» – участники боевых действий в Центральной Азии. Слева направо: Чжаохуй, Агуй, Шухэдэ. Портреты второй половины XVIII в.

Из цинских источников второй половины XVIII в. известно, что члены комиссии и их помощники собирали и осматривали трофейное вооружение джунгар. Так, например, по поручению Агуя его помощник Илэту занимался поиском пушек, мортир и боеприпасов, закопанных в районе р. Темерлик (в бассейне р. Или), где находилось одно из джунгарских артиллерийских производств: «16-й день 5-го вставного месяца 27 года Цяньлун (7 июля 1762 г.). *Цаньцзань-дачэнь* Агуй подал

доклад: «В прошлом году Ваш подданный послал войска в Тарбагатай занять его гарнизонами и установить заставы, исходя из изучения местности. Предполагалось от Хуймалаху идти до Айгуус Дзуун-мод, от Алтан-эмээл до берега Или, в 17 местах установив деревянные знаки, [а] напротив реки Или в 4 местах выложить знаки из камней¹. Этой весной послали *хуцзюнь тунлина*² Илэту и прочих выехать заранее и все завершить. Кроме того, согласно показаниям ойратов, в Темерлике (Тэ-му-эр-ли-кэ)³ имелось место, где джунгары занимались⁴ [изготовлением] больших медных орудий (*да тунпао* 大銅礮)⁵ и ядер (*паоцзы* 礮子). Ваш подданный поручил *хуцзюнь тунлину* Илэту и прочим направиться туда и взять дело в свои руки. Согласно [его] донесению, [посланные] откопали 4 больших медных орудия (*да тунпао*), стволов [мортир] *чунтяньпао* (*чунтянь паотун* 衝天礮筒) – 8, больших и малых ядер – более 10 000 [штук]. Поочередно перевезли все обратно, взяли на хранение и положили про запас. Ожидаем, что, когда [будет дан приказ] разместить войска в Тарбагатае, то в местах, где установлены деревянные и каменные знаки, установим караулы сообразно с обстановкой» (ГЧШ, 1807: цз. 71, л 5а).

В ходе боевых действий цинскими войсками было захвачено значительное количество джунгарского оружия. Часть его была распределена между войсками экспедиционных корпусов, другая продолжала использоваться ойратами, перешедшими на сторону империи (Бобров, Худяков, 2008: 406-408). Однако отдельные трофеи были отправлены в Пекин, где их смогли осмотреть и изучить столичные чиновники. Некоторые из этих предметов защитного и наступательного вооружения (например, кольчатый доспех и крупнокалиберное ружье) были подробно описаны и зарисованы для публикации в «Хуанчао лица туши» (ХЛТ, 2004: 632, 757)⁶. Кроме того, джунгарские и восточнотуркестанские кольчатые панцири были привезены в Китай как личные трофеи участников походов 1755–1759 гг. Многие цинские офицеры позировали в этих экзотических для Дальнего Востока доспехах во время написания своих портретов для Зала воинской славы – «Павильона пурпурного блеска».

Таким образом, у членов комиссии Фухэна и их помощников были все возможности, чтобы ознакомиться с вооружением недавних противников Цинской империи. Кроме того, наряду с косвенными данными, в тексте «Сиюй тучжи» есть и прямое указание на то, что его составители специально исследовали вооружение и военную символику ойратов: «[Мы] изучили их воинское снаряжение (кит. *чжаньцзюй* 戰具), особенно описав их знамена (кит. *циду* 旗纛), полностью исписанные санскритскими письменами» (ЦХСТ, 1782: цз. 41)⁷.

Работа комиссии Фухэна над документом была закончена в конце 1762 – начале 1763 гг. К сожалению, мы не имеем точных сведений об этом раннем варианте текста «Сиюй тучжи». По всей видимости, он не совсем удовлетворил императора, поскольку в указе от 12 января 1763 г. Цяньлун потребовал от Фухэна и его комиссии возобновить работы по подготовке черногого (*чугао*) варианта описания земель Западного края.

Несмотря на пожелания монарха, работа над составлением описания присоединенных земель продвигалась медленно. Вскоре Фухэн, занимавший, помимо составления «Сиюй тучжи», еще массой других военных и административных дел, был вовлечен в подготовку к очередному походу против Мьянмы. В марте 1768 г. он получил приказ выступить с войсками против непокорных бирманцев, а уже в 1770 г. скончался от последствий перенесенной в Мьянме малярии.

В связи с отсутствием данных остается неясным, чем конкретно занималась историографическая комиссия между январем 1763 г. и апрелем 1777 года⁸. Лишь 26 апреля 1777 г.

¹ То есть насыпать *обо* – пирамиду из камней, использовавшуюся монгольскими народами в качестве ориентиров и памятных знаков, а также для проведения шаманских обрядов.

² *Хуцзюнь тунлин* (букв. «военачальник охранных войск») – цинский воинский чин, ранг 2а. Командовал несколькими *ин* (воинская часть по 500 чел. в пехоте или 250 чел. в коннице).

³ Согласно сведениям цинского источника первой четверти XIX в. «Сиюй шуйдао цзи» («Записки о водных путях Западного Края») р. Темирлик берет начало на северном склоне горы Чагир (Ча-цзи-эр-шань) и течет на северо-запад, протекая к северу от постоянного цинского караула Темирлик. Возможно, Темирлик цинских источников – это урочище в каньоне р. Темирлик, протекающей по территории Шарынского национального парка Республики Казахстан в 240 км к востоку от г. Алматы, на границе Уйгурского и Енбекшиказахского районов.

⁴ Букв. «ведали, ремонтировали, осваивали».

⁵ Скорее всего, речь идет о пушках, изготовленных из медного сплава (бронзы), поскольку чистая медь не используется для литья орудийных стволов. Тем не менее в цинских документах бронзовые пушки традиционно обозначались, как «медные».

⁶ ХЛТ – Хуанчао лица туши.

⁷ ЦХСТ – Циньдин Хуангьюй Сиюй тучжи.

⁸ Возможно, в течение этого периода членами комиссии были отобраны и подготовлены дополнительные материалы, предназначенные для включения в состав сочинения. Кроме того, в 1772–1773 гг. Феликс да Роча совершил еще одну поездку в Синьцзян, где произвел ряд уточняющих

был издан высочайший указ: «Руководителями [комиссии] по «Сиюй тучжи» повелеваем назначить Фуканъаня (1754–1796) и Лю Юна (1719–1804). Читите это!»¹

Однако, несмотря на то что Фуканъань был фаворитом Цяньлуна и представителем высшей знати империи², новый состав комиссии, видимо, чем-то не устроил императора. Уже 22 июля 1777 г., то есть менее чем через три месяца после назначения Фуканъаня и Лю Юна, император опубликовал новый указ: «Руководителями [комиссии] по [составлению] «Сиюй тучжи» повелеваем назначить Юй Миньчжуна (1714–1779), Ин Ляня (1707–1783) и Цянь Жучэна (1722–1779). Читите это!»³

По всей видимости, именно этот последний состав комиссии внес финальные правки в текст рассматриваемого произведения и провел окончательную редактуру «Хуанъюй Сиюй тучжи». В рамках этих работ в текст сочинения были добавлены значительные по объему вставки, что особо отмечалось в предисловии⁴. В нем, помимо прочего, сообщалось, что «*дасюэши* Ин Лянь, следуя высочайшему указу, увеличил объем компиляции по «Сиюй тучжи» и завершил [работу]»⁵. Весьма вероятно, что увеличение объема произведения было сделано в том числе за счет пространных цитат из исторических трактатов предшествующих исторических эпох.

Снабженное географическими картами ксилографическое издание сочинения было опубликовано в 1782 г. В заглавии произведения указывалось, что оно издано с высочайшего одобрения (*цинъдин*) императора Цяньлуна. Именно с этого времени «Сиюй тучжи» стало официально именоваться «Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи», то есть «Высочайше утвержденное описание Западного края с картами».

Таким образом, начатая в 1756 г. работа растянулась на 27 лет, и к моменту издания «Сиюй тучжи» многие из тех, кто принимал участие в составлении данного труда, уже покинули этот мир (Феликс да Роча, Хэ Гоцзун, Фухэн, Фудэ, Минъаньту, Юй Миньчжун, Цянь Жучэн и др.). Ненадолго пережил публикацию «Сиюй тучжи» и его выпускающий редактор – Ин Лянь, который скончался в 1783 г.

Не умаляя заслуг Ин Ляня и его соратников, подготовивших произведение к печати, тем не менее отметим, что основная работа по отбору и анализу материалов, составивших костяк «Сиюй тучжи», была выполнена, по всей видимости, еще первым составом комиссии, действовавшей под руководством Фухэна. Характерно, что вплоть до настоящего времени в каталогах «Сыку цюаньшу»⁶ выпускающим редактором рассматриваемого сочинения указывается именно этот скончавшийся в 1769 г. высокопоставленный маньчжурский сановник.

Подводя итог обзору процесса создания «Циньдин хуанъюй Сиюй тучжи», необходимо отметить, что данное произведение было составлено по инициативе императора Цяньлуна и под его непосредственным контролем. Монарх лично давал указания относительно начала и хода исследовательских экспедиций, а также утверждал кадровый состав руководства комиссий, занимавшихся подготовкой произведения.

Важность составления «Сиюй тучжи» подчеркивал тот факт, что к работе над ним были привлечены не только узкопрофильные специалисты, но и чиновники самого высокого уровня⁷.

съемок, однако неизвестно, были ли эти данные включены в состав окончательного издания «Сиюй тучжи» (Antonucci, 2019: 74).

¹ ЦХСТ – Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=553027> (дата обращения: 25.01.2021).

² Ко времени назначения на должность главы комиссии по составлению «Сиюй тучжи» Фуканъань зарекомендовал себя на полях сражений в Цзиньчуани как способный военачальник и талантливый администратор. Впоследствии, в 1787–1792 гг., он стал своеобразным «кризис-менеджером» империи, последовательно возглавив кампании на Тайвани (1787–1788) и в Тибете (1791–1792), а также руководя приграничными регионами Китая во время войны с Вьетнамом (1788–1789) и во время восстания мяо (1795–1797).

³ ЦХСТ – Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=553027> (дата обращения: 25.01.2021).

⁴ В качестве предисловия к «Сиюй тучжи» был использован специальный императорский указ от 20 июня 1782 г.

⁵ ЦХСТ – Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=881878> (дата обращения: 25.01.2021).

⁶ «Сыку цюаньшу» (四庫全書) – компендиум классической китайской литературы – букв. «собрание книг по четырем разделам» (исторические сочинения, философские сочинения, канонические книги и сборники), – составленный при императоре Цяньлуна и дополнявшийся при его преемниках.

⁷ С 1748 г. и до смерти Фухэн был государственным канцлером Цинской империи при дворце Баохэдянь (*Баохэдянь да сюэши*) с чиновным рангом 1а. Хэ Гоцзун являлся левым (то есть старшим) цензором с чиновным рангом 1б. Даже приглашенные для участия в проекте иезуиты Феликс да Роча и Жозе де Эспинья получили 3-й и 4-й чиновные ранги соответственно. Наличие в составе экспедиций и профильных комиссий высокопоставленных чиновников, а также императорских

Особое внимание при этом уделялось достоверности собираемых сведений. Для этой цели Цяньлун (как главный заказчик произведения) требовал личного присутствия имперских чиновников на изучаемых территориях. Прикладное (утилитарное) значение предоставляемой информации, которая могла быть проверена и перепроверена чиновниками разных уровней, также способствовало повышению качества собираемых сведений. Этому благоприятствовал и тот факт, что основные материалы по региону, вошедшие в состав «Сиюй тучжи», были собраны в течение первых трех лет после включения Джунгарии в состав Цинской империи. В качестве ключевых информаторов выступали наиболее компетентные люди на местах – ойратские¹, уйгурские, киргизские и казахские феодалы, располагавшие достоверными данными о текущем положении своей страны и ее недавней истории. Эти сведения проверялись и уточнялись цинскими военными и гражданскими чиновниками, понимавшими важность данного труда и меру своей ответственности.

Отмечая несомненную ценность материалов, собранных в ходе полевых исследований, необходимо отметить, что финальный вариант «Сиюй тучжи» представляет собой сложное многоплановое комбинированное произведение, в котором информация с мест перемежается текстовыми вставками из исторических сочинений более раннего времени, а также стихотворениями императора Цяньлуна. Подобный прием, призванный «украсить» произведение и придать ему необходимый «интеллектуальный лоск», в реальности усложняет восприятие материала. При изучении «Сиюй тучжи» следует различать сведения, полученные в ходе полевых экспедиций, со вставками из ранних источников, осмысленных цинскими учеными на уровне исторической науки второй половины XVIII в. Исследователю следует постоянно помнить о многослойности сочинения и, соответственно, по-разному оценивать содержащуюся в нем информацию.

Несмотря на значительную редакторскую работу, составителям «Сиюй тучжи» не удалось создать текст, полностью свободный от ошибок и неточностей, в том числе вызванных неверной интерпретацией цинскими чиновниками информации, получаемой с мест. Сам император Цяньлун честно признавал недостаток информации, например относительно административного устройства Джунгарии до ее завоевания Цинской империей: «... изучали эту [систему], а подробности не известны» (Чернышов, 1982: 168).

Однако даже эти соображения не позволяют отрицать огромной значимости «Сиюй тучжи» как первого китайского историко-географического и этнографического описания Западного края, построенного не на основании отрывочных сведений из предшествующих сочинений, во многом схоластических и неточных, а на базе материалов, полученных специально подготовленной экспедицией, проводившей топографическую съемку с использованием самых современных на тот момент научных методов, выполнявшей зарисовки с натуры, целенаправленно собиравшей сведения о материальной культуре (в том числе вооружении и военной символике) народов региона и опрашивавшей в качестве источников информации представителей местного населения.

Во многом справедливой выглядит оценка, данная «Сиюй тучжи» японским исследователем Эноки Кадзуо: «Эта работа, основанная на данных полевых исследований с их упорядоченным изложением, точным и кратким, может быть по праву названа жемчужиной справочной литературы и вполне может претендовать на точное исполнение выраженного императором Цяньлуном пожелания о составлении [труда] «несравненно большей ценности, чем исследования, ограниченные переписыванием старых сочинений», и его надежды, что «исправление накопившихся неточностей в течение тысяч лет будет замечательным достижением» (Enoki, 1955: 8)².

Вооружение джунгар и их соседей по материалам «Сиюй тучжи»

Основная часть сведений по интересующей нас тематике сгруппирована авторами «Сиюй тучжи» в рамках специальных подразделов «Вооружение» (攻戰之具 *Гунчжань чжи цзюй*)³ в *цзюанях* 41 и 42. В первом из них рассмотрены оружие, доспехи и военная символика «джунгар», под которыми понимается ойратское население Джунгарии. В *цзюане* 42 описаны наступательное и защитное вооружение, а также военная символика «мусульман». На последнем термине необходимо остановиться более подробно.

В узком смысле под «мусульманскими племенами» (*хуйбу*) в цинских материалах, посвященных покорению «Западного края», обычно подразумевалось мусульманское население Джунгарского государства, в первую очередь – жители Восточного Туркестана. Однако не исключено, что понятие «вооружение мусульман» в «Сиюй тучжи» могло трактоваться составителями произведения и в широком значении, в том числе для обозначения комплексов вооружения тех тюркских народов, с которыми Цины столкнулись на своих новых западных границах в ходе покорения Джунгарии. В их числе были, например, киргизы Тянь-Шаня. Представляется

телохранителей позволяло использовать все доступные ресурсы имперской администрации по сбору и первичной обработке информации о присоединяемых территориях.

¹ На момент начала исследовательских экспедиций 1756–1757 гг. значительная часть джунгарских феодалов еще была жива и не утратила власти над своими непосредственными подданными.

² Перевод А.М. Пастухова.

³ Букв. «утварь, [чтобы идти] в наступательный бой».

сомнительным, чтобы осматривавшие военные трофеи цинские офицеры могли уверенно различать оружие киргизов и типологически близкое ему вооружение предков современных уйгуров¹. Во время подавления восстания Амурсаны цинские войска столкнулись и с отрядами казахов. В цинских письменных материалах XVIII в. этнические киргизы (*булутэ*) и казахи (*хасакэ*) обычно отделяются от «мусульман» (*хуйбу*). Однако в синхронных «Сиюй тучжи» произведениях (например, «Хуан Цин чжигун ту») «мусульмане» упомянуты в числе подданных правителей казахских *жузов*². Сопоставление подлинных образов казахского вооружения с описаниями из «Сиюй тучжи» свидетельствует о сходстве их конструкции и системы оформления. Весьма вероятно, что некоторые виды вооружения, упомянутые в цинском источнике, могли быть близки или даже идентичны вооружению казахов Среднего и Старшего *жузов*.

В текстах *цзюаней* 41 и 42 «Сиюй тучжи» каждому предмету вооружения, снаряжения и военной символики посвящен отдельный абзац, в котором читателю сообщаются сведения об оригинальном названии соответствующего предмета. Затем следует его краткое описание. В некоторых случаях составители «Сиюй тучжи» сравнивают ойратское или мусульманское вооружение с цинскими аналогами, отмечая их сходство и (или) различия в оформлении и конструкции, указывают материал изготовления, а также сообщают основные типовые размеры рассматриваемых предметов.

Сопоставление сведений «Сиюй тучжи» с другими письменными, а также вещественными и изобразительными источниками XVII–XVIII вв. позволяет оценить степень достоверности сообщений цинских чиновников, что имеет важное значение для определения научной ценности «Сиюй тучжи» в деле изучения вооружения джунгар и их соседей первой половины – середины XVIII в.

Помимо основной информации с описанием вооружения и военной символики ойратов, их тюркских вассалов и соседей, в текст «Сиюй тучжи» вставлены стихотворения императора Цяньлуна, посвященные «мечу [варваров] фань» (*фаньцзян*), захваченному у Ходжи Джахана, «доспехам [варваров] фань» (*фаньцзя*), «мусульманскому мечу» (*хуйцзянь*), «мусульманскому стягу» (*хуйду*) и др.

Стилистика сообщаемых в «Сиюй тучжи» сведений дает основание предположить, что описания предметов вооружения и военной символики могли дополняться их изображениями. Однако соответствующий иллюстративный ряд в известных нам цинских изданиях «Сиюй тучжи» пока не обнаружен.

Следует также отметить, что китайская транскрипция слов монгольских и тюркских языков отличается некоторой спецификой за счет практически полного отсутствия закрытых слогов не на звук «-н», и звука «р», который заменяется различными открытыми слогами, начинающимися со звука «л» или слогом «эр». Кроме того, в современной фонетике некоторых монгольских языков произошли определенные изменения, которые необходимо учитывать при реконструкции первоначальной фонетики транскрибируемого термина. В связи с этим точность китайской транскрипции ойратских слов может варьироваться, отражая не только технические особенности процесса транскрибирования, но и нормы произношения XVIII века.

Клиновое оружие народов Центральной Азии представлено в тексте изучаемого источника пятью основными разновидностями. На вооружении ойратов упомянуты слабоизогнутые сабли или палаши с гардой, перпендикулярной клинку – «илэду» (монг. *илд*; калм. *үлд*), а также мечи «шоло» (монг. *шор*). Набор «мусульманского» вооружения включает сабли с сильноизогнутым клинком – «кэлинци» (тюркск. *кылыч*), тяжелые однолезвийные тесаки «сэлиема» (монг. *сэлэм*), а также обоюдоострые кинжалы «ханьчжаэр» (арабск. *ханджар*).

Длиннодревковое оружие представлено двумя разновидностями. У ойратов отмечены копья «цзида» (монг. *жад*, *žida*; калм. *жид*, *синьцзян.-ойрат. жиде*), которые делятся на «длинные» (около 3,8–4,1 м) и «короткие» (от 3,2 м). Среди оружия «мусульман» упомянуто копьё «найцза» (тюркск. *найза*) длиной около 3,2 м.

Традиционное оружие дистанционного боя включает луки и стрелы. У ойратов они обозначены, как «нуму» (монг. *нум*; калм. *нумн*) и «суму» (монг. *сум*), а у «мусульман» – «я» (тюркск. *яй*) и «окэ» (тюркск. *ок*) соответственно. Кроме того, у воинов Восточного Туркестана упомянут «сакэдакэ» (тюркск. *саадак*), который понимается в данном случае как налuch или колчан.

¹ С XVI в. киргизы являлись постоянными участниками политической борьбы на территории Восточного Туркестана, поддерживая разных претендентов на престол Яркендского ханства. В 1754 г. киргизы выступили на стороне черногорских *ходжей* в их попытке обрести независимость от джунгар. Однако в 1755–1756 гг. они уже поддержали белогорских *ходжей* против их черногорских противников. В 1758–1759 гг. киргизы вновь вступили в борьбу с белогорскими *ходжами* – частично под давлением Цинов, частично – в силу возникших политических противоречий между киргизскими *биями* и белогорскими *ходжами*.

² Значительную часть XVIII в. казахи контролировали присырдарьинские города, в которых проживало относительно многочисленное (по меркам региона) оседлое мусульманское население. Отметим также, что жители Мавераннахра и Афганистана также именуется в цинских источниках «мусульманами», иногда с уточнением, в каком государстве или городе они проживают.

Огнестрельное оружие – «бао» (монг. *буу*) отмечено лишь на вооружении ойратов. Оно представлено крупнокалиберными (длина – 64–96 см, диаметр – около 9,6 см) и обычными фитильными ружьями (длина более 128 см), а также пушками (длина – 64–96 см, диаметр – 16–19,2 см).

Зато ударно-рубящее оружие, напротив, присутствует только в «мусульманском» списке. Это полусекира «аипалэту» (тюркск. *айбалта*) необычной конструкции с асимметричным клинком и копьевидным навершием, венчающим железную рукоять.

Среди корпусного защитного вооружения ойратов в «Сиюй тучжи» отмечены «хуякэ» (монг. *хуяг*, калм. *хуйг*) – в данном случае «кольчуга», а также «элэбокэ» (монг. *олбог*) – стеганный панцирь. Типология «мусульманского» доспеха несколько более разнообразна. Наряду с кольчугой «саотэ» (тюркск. *сауыт*), доспехом из хлопка «элэпакэ» (монг. *олбог*), упомянуты пластинчатый «куякэ» (монг. *хуяг*, тюркск. *куяк*), зеркальный доспех «чалаина» (перс. *чар-айна*), панцирный пояс «балэдамуци» (тюркск. *белдемчи*). Интересно, что цинские авторы особо отметили факт ношения корпусного панциря в комплекте с «шалабаэр» (тюркск. *шалбар*) – широкими верхними кожаными штанами, в которые заправлялись полы халата.

Боевые наголовья ойратов представлены двумя разновидностями шлемов «духулаха» (монг. *дуулга*, калм. *дуулх*). Первая, согласно авторам «Сиюй тучжи», напоминает цинские аналоги, а вторая отличается особым элементом для защиты лица – *чжанмянь* (досл. «ширма на лицо»). «Мусульманский» шлем «дуюйлаха» (монг. *дуулга*, тюркск. *тувулга*) лишь упомянут, но зато достаточно подробно описан подшлемник – «то-бо-бэй-эр-ку» (*төбө бөрік?*¹).

Наряду с предметами вооружения, в тексте источника содержатся сведения о военной символике народов Центральной Азии. У джунгар она представлена знаменами *зайсанов*, которые обозначены, как «мани», и знаменами *тайджи* «тукэмани» (монг. *туг-мани*). Между собой указанные знамена различались размерами, цветом и материалом полотнищ. Среди военной символики «мусульман» выделены соответственно «алияму» (перс. *алам*) – малые знамена беков и «большое знамя» – «тукэ» (монг. *туг*).

Следует отметить, что цинские авторы продемонстрировали неплохое знакомство с монгольскими и тюркскими языками, удачно транскрибируя при помощи иероглифов слова, обозначающие названия различных видов и типов оружия и доспехов. Это позволило уверенно идентифицировать большинство предметов, упомянутых в источнике.

Сопоставление данных «Сиюй тучжи» с подлинными образцами вооружения ойратского и тюркского населения Центральной Азии, а также их изображениями, показало, что цинские авторы весьма достоверно описали особенности конструкции и оформления оружия дистанционного и ближнего боя, а также доспехов населения изучаемого региона. Это, в свою очередь, заставляет с доверием отнестись и к информации о тех предметах и элементах вооружения, которые упомянуты в тексте, но пока не подтверждены вещественными источниками. К числу таких предметов следует отнести дополнительную защиту для лица «из тонкого железа» на ойратских шлемах (*чжанмянь*), ножны сабли *кылыч*, обтянутые «рыбьей кожей» (кожей ската?), украшенные слоновой костью и черепашьим панцирем, полусекиры, сочетающие асимметричный клинок, увенчанную копьевидным навершием железную рукоять, а также шипастый или зубчатый ударник и некоторые другие.

Большую научную ценность представляют сведения источника о размерах и оформлении длиннодревкового оружия, крупнокалиберных ружей, пушек и знамен, так как в других письменных источниках XVII–XVIII вв. соответствующая информация дана кратко либо вовсе отсутствует.

Характеризуя указанные разделы «Сиюй тучжи» в целом, следует отметить достаточно высокую оценку, которую дали цинские авторы вооружению и военному делу своих западных противников. Так, в частности, они отмечают, что ойраты «полагались на крепкие доспехи и острое оружие», а также «умели хорошо воевать и были хороши в поле». Предметы защитного и наступательного вооружения народов Центральной Азии описываются либо нейтрально, либо даже удостоиваются похвалы со стороны составителей «Сиюй тучжи». Так, например, подчеркивается «хорошее качество» и «тонкая» отделка «очень мощных» ойратских стрел, «очень большая сила» луков и «лучшая сталь» наконечников стрел мусульманского населения Восточного Туркестана. Полусекира *айбалта* названа «во всех отношениях превосходной вещью, которая может быть использована разными способами». Положительно оценивается и традиция мусульманских народов заправлять полы халатов в широкие *шалбары*, так как это «...дает возможность легко, ловко и с силой поворачиваться телом» и т.д.

Подобная оценка контрастирует с весьма сдержанными, а иногда и откровенно пренебрежительными отзывами о джунгарской армии, которую высказывали некоторые цинские сановники первой четверти XVIII в. (*Хафизова, 2013: 121*). На наш взгляд подобная смена акцентов обусловлена несколькими причинами. Во-первых, давая достаточно высокую оценку военному искусству джунгар, составители «Сиюй тучжи» подчеркивали значение успеха Цяньлуна, одержавшего победу над столь сильным противником. С другой стороны, не всегда успешные

¹ Авторы настоящей статьи выражают благодарность д.и.н. А.К. Кушкумбаеву за содействие в атрибуции термина «то-бо-бэй-эр-ку».

действия цинских войск в столкновениях с джунгарами в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в., вероятно, побудили цинские власти с большим уважением отнестись к военным возможностям своим западных соседей.

Известный интерес представляет тот факт, что составители «Сиюй тучжи», стремясь показать широту своих исторических познаний, попытались рассмотреть боевую практику ойратов и мусульман Восточного Туркестана в рамках общего контекста развития центральноазиатского военного искусства. Так, посвященный джунгарам *цзюань* 41 завершается историческими вставками о вооружении и военной символике древних тюрков и енисейских кыргызов, а также о десятичной военной организации жужаней. Якобы «на основании древних воинских установлений» этих народов, а также «сильнейших среди западных племен [тюрков] шато» базировались военные традиции самих ойратов. В свою очередь, при сравнении вооружения «мусульман» с военной практикой населения Восточного Туркестана, Тибета и Индии, напротив, подчеркиваются различия в древних и современных (для цинских авторов) военно-культурных традициях. В частности, отмечается факт отсутствия у «мусульман» середины XVIII в. осадной техники. Разрыв традиции объяснялся, помимо прочего, покорением тюркского населения региона власти джунгар.

Подчеркивая высокую научную ценность «Сиюй тучжи» как источника по вооружению и военной символике населения Центральной Азии, в то же время необходимо отметить ряд важных нюансов, связанных со спецификой приводимых в источнике сведений.

В рассматриваемом произведении перечислены многие предметы защитного и наступательного вооружения ойратов Джунгарии, их тюркских вассалов и соседей. Однако указанный перечень нельзя считать исчерпывающим. Так, например, совершенно не упомянуты ударно-дробящее оружие (булавы, палицы и др.), ножи, сабли и палаши с дисковидной гардой (у ойратов), стандартные боевые топоры и секиры, огнестрельное оружие (у мусульман Восточного Туркестана), пластинчато-нашивные и кольчато-пластинчатые доспехи (у ойратов), мисюрки и кольчужные «башлыки», наручи, кольчужные «штаны», набедренники и др. Из материалов вещественных, изобразительных и письменных источников (в том числе цинских) известно, что перечисленные предметы вооружения применялись народами изучаемого региона, однако сведения о них в *цзюанях* 41 и 42 «Сиюй тучжи» отсутствуют.

Стоит также отметить, что внимание цинских авторов, в первую очередь, привлекали предметы вооружения непривычной для Дальнего Востока конструкции и системы оформления. К их числу можно отнести «илэду» (сабли или палаши с эфесом, снабженным крестовиной, а не типичной для Восточной Азии дисковидной гардой), полусекиру «аипалэту» с железной рукоятью и копьевидным навершием, шлемы с дополнительной защитой лица и др.

Даже в тех случаях, когда в перечень попадали более привычные и широко распространенные среди воинов центральноазиатского региона предметы вооружения (копья, луки, стрелы), авторы «Сиюй тучжи» старались подчеркивать их нестандартные для Восточной Азии элементы оформления: миниатюрные бунчуки на древках ойратских пик, темляки на навершиях рукоятей длинноклинкового оружия, оригинальное оформление знамен и т.д.

Кроме того, деление вооружения народов региона на «джунгарское» и «мусульманское» весьма условно и отражает политические реалии второй половины 50-х гг. XVIII в. До этого времени тюркское население Восточного Туркестана исправно поставляло военные контингенты в войска Джунгарского *хунтайджийства*. Поэтому некоторые предметы вооружения, отнесенные цинскими авторами к «мусульманским», могли применяться этническими ойратами (например, пластинчатые доспехи, тесакообразные сабли и палаши «сэлиема» и др.). И наоборот, огнестрельное оружие, изготовленное мастерами джунгарского *отока буучин*, поступало в отряды, укомплектованные воинами из Восточного Туркестана.

Порой в тексте «Сиюй тучжи» встречаются и сомнительные утверждения, а также откровенные ошибки. Так, например, при описании джунгарских стеганых доспехов «элэпакэ» (монг. *олбог*) отмечается, что в качестве набивки использовалась шелковая вата, что в условиях отсутствия развитого шелководства в Джунгарии маловероятно. В качестве взрывчатого вещества, необходимого для произведения выстрела, назван не порох, а селитра, хотя из других источников известно, что в первой половине XVIII в. в Джунгарии массово производился порох. Также утверждается, что сабли «кэлинци» (*кылыч*) изготовлены из «чистой меди», что не соответствует действительности. Большинство перечисленных неточностей, по всей видимости, связаны не с недобросовестностью информаторов, а ошибками писцов, готовивших текст для резчиков клише ксилографа, которые могли вставить схожий графически, но отличный по значению иероглиф в текст произведения.

Однако указанные неточности не влияют на общую высокую оценку «Сиюй тучжи» как главного и наиболее ценного цинского письменного источника по вооружению и знаменам ойратского и тюркского населения Джунгарии и Восточного Туркестана первой половины – середины XVIII в. Многие сведения, зафиксированные в «Сиюй тучжи», отсутствуют в других произведениях, что делает их уникальными и придает рассматриваемому источнику особую научную ценность.

4. Заключение

Анализ собранных материалов позволил уточнить обстоятельства и основные этапы создания «Сиюй тучжи», а также изучить приводимые в нем сведения относительно вооружения и военной символики ойратского и тюркского населения Джунгарии и Восточного Туркестана середины XVIII в.

Установлено, что начало создания «Сиюй тучжи» было непосредственно связано с присоединением к Цинской империи обширных территорий Джунгарского государства во второй половине 50-х гг. XVIII в. Вступление в «джунгарское наследство» требовало тщательного всестороннего изучения новых владений маньчжурской династии. К числу важнейших задач относилось составление карт, уточнение границ, географических и природно-климатических особенностей, а также оценка экономического потенциала присоединяемого региона. Для повышения эффективности управления новыми землями следовало также разобраться в особенностях общественно-административного устройства Джунгарии, истории, материальной и духовной культуре местного монголо- и тюркоязычного населения, генеалогии местной аристократии и т.д. В числе прочих вопросов маньчжурские власти интересовало вооружение и военное дело джунгар, которые более полувека противостояли Цинской империи в Центральной Азии.

Главным инициатором создания «Сиюй тучжи» был сам император Цяньлун. Еще до захвата цинскими войсками долины р. Или – политического центра Джунгарии – правитель Поднебесной издал указ, в котором предписывал своим военачальникам исследовать присоединяемые территории. В рамках настоящей работы установлено, что данный указ датируется 25 марта 1755 г., а не 5 марта того же года, как считалось ранее.

Уже 19 июля 1755 г. император утвердил руководящий состав экспедиции по изучению Джунгарии. В ее состав были включены как цинские, так и европейские специалисты. Руководителем исследовательской группы был назначен высокопоставленный сановник – левый (т.е. старший) цензор императорского двора Хэ Гоцзун. В помощь ему были приданы чиновник Департамента астрономии Миньаньту и два португальских миссионера-иезуита – Феликс да Роча и Жозе де Эспинья. Наряду с обычной охраной, их должны были сопровождать императорские телохранители – Улиньтай и Дэбао. Цинским военным на местах было предписано содействовать работе столичных посланников.

Экспедиция выступила в путь в феврале 1756 г., к маю миновала Баркуль и достигла северного хребта восточного Тянь-Шаня. Решимость Цяньлуна в кратчайшие сроки исследовать присоединяемый регион не поколебало даже масштабное восстание ойратов под руководством Амурсаны. Более того, в указе от 13 марта 1756 г. император потребовал личного присутствия своих чиновников на исследуемых территориях. Это должно было повысить достоверность получаемых сведений. Предполагалось, что сбор необходимых материалов займет не более полугода, однако сложная военно-политическая обстановка в регионе привела к тому, что работы растянулись на несколько лет.

В ходе настоящего исследования не получило подтверждения бытующее в историографии мнение о том, что все работы по изучению Джунгарии были проведены в 1756 г. Как показал анализ цинских источников, экспедиция продолжалась на протяжении двух полевых сезонов в 1756 и 1757 гг. (с перерывом на зимовку в Баркуле). Позднее члены экспедиции отбыли для исследования бывших вассальных джунгарских владений в Восточном Туркестане. Основные работы по сбору материалов были завершены к весне 1759 г. В императорском указе от 26 мая 1759 г. Цяньлун объявил о щедрых наградах для ряда участников экспедиции. В том же году цинские чиновники вернулись в столицу и приступили к систематизации полученных сведений.

Как удалось установить на основании анализа цинских документов, работа по сбору информации, написанию и согласованию текста «Сиюй тучжи» продолжалась (с перерывами) около 27 лет, в том числе около 23 лет ушло на подготовку самого произведения. С некоторой долей условности данный процесс можно разделить на пять основных этапов, каждый из которых отличался особой спецификой.

Этап 1 – подготовительный (1759–1761 гг.). На протяжении почти двух лет рабочие группы из секретарей, писцов и рисовальщиков под руководством руководителей экспедиции Хэ Гоцзуна и Лю Тунсюня обрабатывали и сводили воедино разнообразное сведения о Джунгарии и Восточном Туркестане. В начале лета 1761 г. сочинение, получившее рабочее название «Хуанъюй Сиюй тучжи» (Иллюстрированное описание стран Западного края) было подано на рассмотрение императора. Это дает основание предположить, что к этому времени основной корпус рассматриваемого письменного источника был уже сформирован. Согласно указу Цяньлуна от 19 июля 1761 г., текст «Сиюй тучжи» должен был быть передан для дальнейшей работы в Комитет по составлению описаний войн Военного совета Цинской империи.

Этап 2 – работа комиссии Фухэна (лето 1761–1762 гг.). Для продолжения работы над «Сиюй тучжи» была сформирована специальная комиссия из 36 человек во главе с высокопоставленным сановником и ближайшим советником императора *гун*ом 1-й степени Фухэном. В состав комиссии были включены и другие военачальники, и чиновники, принимавшие непосредственное участие в присоединении и освоении Джунгарии и Восточного Туркестана: Агуй, Чжаохуй, Шухэдэ и др. Можно

предположить, что именно в этот период были написаны или как минимум отредактированы разделы «Сиюй тучжи», связанные с оружейной проблематикой. С момента завершения боевых действий в Джунгарии и Восточном Туркестане прошло всего несколько лет, и цинские офицеры (члены комиссии Фухэна) должны были еще хорошо помнить особенности военного дела и вооружения своих недавних ойратских и тюркских противников. Если в профильные сообщения информаторов с мест, посвященные оружию, доспехам и знаменам джунгар, вносились какие-либо дополнения и уточнения, то основная их часть была, вероятно, сделана именно во второй половине 1761–1762 гг. Составители «Сиюй тучжи» посчитали необходимым особо подчеркнуть эту часть своей работы: «[Мы] изучили их воинское снаряжение, особенно описав их знамена, полностью исписанные санскритскими письменами» (ЦХСТ, 1782: цз. 41). В конце 1762 – начале 1763 гг. текст «Сиюй тучжи» был представлен императору. Однако, по всей видимости, он не совсем удовлетворил правителя Поднебесной, так как в указе от 12 января 1763 г. Цяньлун потребовал от Фухэна возобновить работу над произведением.

Этап 3 – переходный (1763 – апрель 1777 гг.). Самый длительный и наименее изученный период в составлении «Сиюй тучжи». Работа над текстом сочинения продвигалась достаточно медленно. Весьма вероятно, что это было обусловлено, помимо прочего, тем, что на Фухэна были возложены многочисленные обязанности по другим военным и административным делам. В марте 1768 г. он получил приказ выступить с войсками против Бирмы, а уже в 1770 г. скончался от последствий перенесенной малярии. В связи с отсутствием данных остается неясным, чем конкретно занималась историографическая комиссия на протяжении большей части рассматриваемого периода.

Этап 4 – деятельность комиссии Фуканъаня и Лю Юна (26 апреля 1777 – 22 июля 1777 гг.). Самый короткий этап в составлении «Сиюй тучжи». Назначенный руководителем комиссии 26 апреля 1777 г. фаворит императора Фуканъань продержался на этой должности менее трех месяцев. Сомнительно, что за этот срок он мог оказать сколько-нибудь заметное влияние на процесс работы над текстом произведения.

Этап 5 – работа комиссии Юй Миньчжуна, Ин Ляня и Цянь Жучэна (22 июля 1777 – 1782 гг.). Завершающий этап работы над «Сиюй тучжи». Именно этот состав комиссии внес финальные правки в текст рассматриваемого произведения и провел его окончательную редактуру. В рамках этих работ в сочинение были добавлены значительные по объему текстовые вставки. Весьма вероятно, что увеличение объема текста было сделано в том числе за счет пространных цитат из исторических трактатов предшествующих исторических эпох. Кроме того, в состав произведения были включены предисловие, составленное лично Цяньлуном, а также его многочисленные стихи, посвященные событиям 1755–1760 гг. Снабженное географическими картами ксилографическое издание «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» было опубликовано в 1782 г.

Давая оценку «Сиюй тучжи» как историческому источнику следует отметить, что это самое масштабное, разностороннее и подробное исследование, посвященное Центральной Азии, среди всех китайских произведений, датированных эпохами Древности, Средневековья и раннего Нового времени. В значительной степени это обусловлено особым отношением императора Цяньлуна к данной работе. Правитель Поднебесной лично контролировал процесс составления текста, а также утверждал кадровый состав руководства комиссий, занимавшихся подготовкой произведения. Особое внимание при этом уделялось достоверности собираемых сведений. К работе над «Сиюй тучжи» были привлечены не только узкопрофильные специалисты, но и чиновники самого высокого уровня, в том числе принимавшие личное участие в завоевании региона. Часть сведений была получена непосредственно от представителей местного населения, в том числе ойратских и тюркских феодалов, хорошо знакомых со спецификой подчиненных им земель. Это было сделано в 1756–1759 гг., то есть практически сразу после включения Джунгарии и Восточного Туркестана в состав Цинского государства, когда воспоминания о суверенном периоде существования «последней кочевой империи» были еще свежи. Собранные данные проверялись и уточнялись цинскими военными и гражданскими чиновниками.

Указанные факты свидетельствуют в пользу высокой научной ценности «Сиюй тучжи» как источника по истории и этнографии Джунгарии и Восточного Туркестана первой половины – середины XVIII в. Однако стоит отметить, что данный источник представляет собой сложное многоплановое произведение, в котором актуальные сведения информаторов с мест перемежаются вставками из более ранних китайских исторических хроник, а также иными материалами. Если изначально изучение Джунгарии было обусловлено преимущественно насущными утилитарными задачами, непосредственно связанными с включением новых территорий в состав империи, то решение опубликовать «Сиюй тучжи» как самостоятельное произведение, доступное относительно широкой аудитории¹, не могло не отразиться на его содержании и ключевых акцентах. Помимо прочего, на это произведение были возложены дополнительные просветительские и

¹ Во второй половине XVIII в. основными читателями произведений рассматриваемого типа являлись преимущественно представители правящей элиты, а также государственные служащие разных уровней, включая столичных и региональных гражданских и военных чиновников.

пропагандистские задачи, призванные, с одной стороны, проинформировать читателей о новых владениях правящей династии, а с другой – закрепить политический успех императора Цяньлуна в общественном сознании¹. Это необходимо учитывать при анализе текста указанного сочинения.

Основная часть сведений по вооружению и военной символике населения Джунгарии и Восточного Туркестана сгруппирована авторами «Сиюй тучжи» в рамках специальных подразделов «Вооружение» в *цзюанях* 41 и 42. Первый из них посвящен ойратам Джунгарии, второй – мусульманскому населению Восточного Туркестана и, возможно, сопредельных территорий. Кроме того, отдельные данные, касающиеся оружейного производства, военного дела джунгар и их соседей, разбросаны по другим подразделам и главам исследуемого источника.

В тексте «Сиюй тучжи» описаны пять разновидностей клинкового оружия, три разновидности длиннодревкового и огнестрельного оружия, две пары луков и стрел, колчан, четыре разновидности знамен, различные виды и типы панцирей, шлемов и панцирных усилителей. Из элементов военного костюма особо отмечены матерчатые подшлемники и верхние штаны – *шалбары*.

Сопоставление описаний предметов вооружения с материалами вещественных, изобразительных и письменных источников показали высокую достоверность сообщаемых в «Сиюй тучжи» сведений. Некоторые данные источника являются уникальными и не встречаются в других произведениях XVIII в.

Особо отметим значение «Сиюй тучжи» для дешифровки оригинальных ойратских и тюркских терминов, применявшихся для обозначения различных видов оружия и доспехов. Вплоть до недавнего времени атрибуция оружейных терминов, которые фигурируют в фольклорных (в том числе эпических) произведениях и письменных источниках, основывалась на позднейших этнографических интерпретациях XIX – первой половины XX вв. Однако в этот период многие предметы традиционного центральноазиатского вооружения либо вышли из широкого военного обихода, либо в силу различных причин сменили названия. В результате в исторические словари, наряду с оригинальными, оказались внесены новые или обновленные значения терминов. Благодаря тому, что в «Сиюй тучжи» названия различных видов и типов оружия и доспехов соотнесены с особенностями их конструкции, представляется возможным уточнить первоначальный смысл тех или иных оружейных терминов, применявшихся монгольскими и тюркскими народами первой половины – середины XVIII в. Это открывает широкие перспективы для более детального и всестороннего изучения письменного и фольклорного наследия населения Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В целом необходимо отметить, что «Сиюй тучжи» является наиболее подробным и детализированным цинским письменным источником, содержащим сведения о вооружении и знаменах населения Центральной Азии середины XVIII в.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Литература

Бобров и др., 2010 – Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.

Бобров, Ожередов, 2021 – Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.

Бобров и др., 2018 – Бобров Л.А., Орленко С.П., Зайцев В.П. Уникальный монгольский шлем из собрания Музеев Московского Кремля // Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М.: ФГБУК «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». 2018. Вып. 28. С. 149-161.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

ГЧШ, 1807 – Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника [правления императора] Гаоцзуна Чунь-хуанди), 1807, ГЧШ, (на кит. яз.). [Электронный ресурс]. URL: <http://sillok.history.go.kr/mc/inspectionMonthList.do> Дата обращения 11.03.2021

Думан, 1936а – Думан Л.И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.-Л.: издательство Академии наук СССР, 1936. 256 с.

Думан, 1936б – Думан Л.И. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX века // Библиография Востока. Вып. 8–9, 1936. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 15–40.

¹ Главным адресатом пропагандистского пафоса «Сиюй тучжи» являлась китайская служилая бюрократия, которой индоктринировалась мысль о безошибочности и победоносности курса политики правящего монарха.

- Думан, 1966** – Думан Л.И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. М. 1966. С. 264-288.
- Златкин, 1983** – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 332 с.
- Кычанов, 2010** – Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) // СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 270-279.
- Моисеев, 1977** – Моисеев В.А. О джунгаро-цинских переговорах в 1734–1740 гг. // *Общество и государство в Китае*. М., 1977. С. 3-11.
- Моисеев, 1991** – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 234 с.
- Непомнин, 2005** – Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Пастухов, 2009** – Пастухов А.М. Ойратская политика Цяньлуна // *Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее»*, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009. Ч. 2. С. 19-29.
- Пастухов, 2010** – Пастухов А.М. Китайские ружья XVII–XVIII веков (по данным письменных и изобразительных источников) // *Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века*. Вып. 1. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 131-199.
- У Чэнло, 1957** – У Чэнло. Чжунго дулянхэн ши (История метрологии Китая). Шанхай: «Шаньзу иньшугуань», 1957. 257 с.
- Халха Джирум, 1965** – Халха Джирум. М.: Наука: 1965. 340 с.
- Хафизова, 2013** – Хафизова К.Ш. Цинские стратеги о войне с кочевниками // *Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени*. Астана: ИП «BG-print», 2013. С. 120-124.
- ХЛТ, 2004** – Хуанчао лица туши (Образцы ритуальной утвари царствующей династии). Янчжоу: Гуанлин шушэ, 2004. 812 с. [на кит. яз.].
- Ходжаев, 1991** – Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1991. с. 132 с.
- ЦХСТ, 1782** – Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи (欽定皇輿西域圖志 Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края с картами), 1782, б/м, (на кит. яз.). [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (дата обращения: 11.03.2021).
- ЦШГ, 1927** – Цин ши гао (清史稿 Черновая история династии Цин), 1927, б/м, (на кит. яз.). [Электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (дата обращения: 11.03.2021).
- Чернышев, 1982** – Чернышев А.И. «Цинь-дин хуан-юй» («Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами») об отоках и аилах Джунгарского ханства // *Общество и государство в Китае. Тезисы докладов XIII научной конференции*. М.: Наука, 1982. С. 164-171.
- Чернышев, 1990** – Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 136 с.
- Школяр, 1980** – Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М.: «Наука», 1980. 406 с.
- Antonucci, 2019** – Antonucci D. In the service of the Emperor: Felix da Rocha S.J. (1731–1781) and Qianlong's "Ten great campaigns" // *Orientalis Aura. Macau Perspectives in Religious Studies, Macau, University of Saint Joseph*. 2019. 3: 61-80.
- Bobrov et al., 2019** – Bobrov L., Obratsov V., Salnikov A. Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 5-19.
- Dai Yingcong, 2004** – Dai Yingcong. A Disguised Defeat: The Myanmar Campaign of the Qing Dynasty // *Modern Asian Studies*. Vol. 38. Is. 01. Cambridge University Press, 2004. pp. 145-189.
- Dekker, 2020** – Dekker P. Spears of Qing dynasty, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://mandarinmansion.com/article/spears-qing-dynasty> (дата обращения: 20.11.2020).
- Hucker, 1985** – Hucker Ch. A Dictionary of official titles in imperial China. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1985. VIII, 676 pp.
- Enoki, 1955** – Enoki Kazuo. Researches in Chinese Turkestan during the Ch'ien-lung 乾隆 Period, with special reference to the Hsi-yu-t'ung-wen-chih 西域同文志 // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. No. 14, Tokyo, 1955, pp. 1-46.

References

- Antonucci, 2019** – Antonucci, D. (2019). In the service of the Emperor: Felix da Rocha S.J. (1731–1781) and Qianlong's "Ten great campaigns". *Orientalis Aura. Macau Perspectives in Religious Studies*. 3: 61-80.
- Bobrov i dr., 2010** – Bobrov, L.A., Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. (2010). Vzaimodeistvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekov'e i Novoe

- vremya [Interaction of Turkic and Mongolian peoples with Russians in the Middle Ages and Modern Times]. Novosibirsk: NGU. [in Russian]
- Bobrov et al., 2019** – *Bobrov, L., Obratsov, V., Salnikov, A.* (2019). Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum. *Bylye Gody*. 51(1): 5-19.
- Bobrov, Ozheredov, 2021** – *Bobrov, L.A., Ozheredov, Yu.I.* (2021). Dospekh voina Dzhamasrana. Tsentral'noaziatskii pantsir'-«kuyak» iz sobraniya MAES TGU [Jamsaran warrior armor. Central Asian armor-"kuyak" from the collection of MAES TSU]. Novosibirsk: IPTs NGU. 228 p. [in Russian]
- Bobrov i dr., 2018** – *Bobrov, L.A., Orlenko, S.P., Zaitsev, V.P.* (2018). Unikal'nyi mongol'skii shlem iz sobraniya Muzeev Moskovskogo Kremlya [Unique Mongolian helmet from the collection of the Moscow Kremlin Museums]. *Oruzheinoe sobranie Muzeev Moskovskogo Kremlya. Pamyatniki, istoriya, problemy izucheniya*. M.: FGBUK «Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'». № 28. Pp. 149-161. [in Russian]
- Bobrov, Khudyakov, 2008** – *Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia during the late Medieval and Early Modern ages (15th – first half of the 18th century A.D.)]. SPb.: Fak. filologii i iskusstv SPbGU. 770 p. [in Russian]
- Chernyshev, 1982** – *Chernyshev, A.I.* (1982). «Tsin'-din khuan-yui» («Vysochaishe utverzhdennoe geograficheskoe opisanie Zapadnogo kraya s kartami») ob otokakh i ailakh Dzhungarskogo khanstva [«Tsin'-din khuan-yui» ("The highest approved geographical description of the Western Territory with maps") about the outcrops and ails of the Dzungar Khanate]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. Tezisy dokladov XIII nauchnoi konferentsii*. M.: Nauka. Pp. 164-171. [in Russian]
- Chernyshev, 1990** – *Chernyshev, A.I.* (1990). Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitie oiratov v XVIII v. [Social and state development of the Oirats in the 18th century]. M.: Nauka. 136 p. [in Russian]
- Dai Yingcong, 2004** – *Dai Yingcong* (2004). A Disguised Defeat: The Myanmar Campaign of the Qing Dynasty. *Modern Asian Studies*. 38(01): 145-189.
- Dekker, 2016** – *Dekker, P.* (2016). Spears of Qing dynasty. [Electronic resource]. URL: <https://man.darinmansion.com/article/spears-qing-dynasty> (date of access: 20.11.2020).
- Duman, 1936a** – *Duman, L.I.* (1936). Agrarnaya politika tsinskogo (man'chzhurskogo) pravitel'stva v Sin'tszyane v kontse XVIII veka [Agrarian policy of the Qing (Manchu) government in Xinjiang at the end of the 18th century]. M.-L.: izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 256 p. [in Russian]
- Duman, 1936b** – *Duman, L.I.* (1936) Nekotorye kitskie istochniki po izucheniyu Sin'tszyana kontsa XVIII i nachala XIX veka [Some Chinese sources for the study of Xinjiang in the late 18th and early 19th centuries]. *Bibliografiya Vostoka*. Vyp. 8–9. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. Pp. 15-40. [in Russian]
- Duman, 1966** – *Duman, L.I.* (1966). Zavoevanie Tsinskoi imperiei Dzhungarii i Vostochnogo Turkestana [The conquest of Dzungaria and East Turkestan by the Qing Empire]. *Man'chzhurskoe vladychestvo v Kitae*. M. Pp. 264-288. [in Russian]
- GChSh, 1807** – Gaotszun Chun'-khuandi shilu [Chronicle of [the reign of the emperor]. Gaozong Chun-huangdi), 1807, b/m. [Electronic resource]. URL: <http://sillok.history.go.kr/mc/inspectionMonthList.do> (date of access: 11.03.2021). [in Chinese]
- Hucker, 1985** – *Hucker, Ch.* (1985). A Dictionary of official titles in imperial China. Stanford, Calif.: Stanford University Press. VIII, 676 p.
- Enoki, 1955** – *Enoki Kazuo* (1955). Researches in Chinese Turkestan during the Ch'ien-lung 乾隆 Period, with special reference to the Hsi-yu-t'ung-wen-chih 西域同文志. *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 14, Tokyo. Pp. 1-46.
- Khafizova, 2013** – *Khafizova, K.Sh.* (2013). Tsinskie strategi o voine s kochevnikami [Qing strategists on the war with nomads]. *Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi Srednevekov'ya i Novogo vremeni*. Astana: IP BG-print. Pp. 120-124. [in Russian]
- Khalkha Dzhirum, 1965** – *Khalkha Dzhirum*. M.: Nauka. 340 p. [in Russian]
- KhLT, 2004** – *Khuanchao litsi tushi* [Samples of ritual utensils of the reigning dynasty]. Yanchzhou: Guanlin shushe, 2004. 812 p. [in Chinese]
- Khodzhaev, 1991** – *Khodzhaev, A.* (1991). Tsinskaya imperiya i Vostochnyi Turkestan v XVIII v. [Qing Empire and East Turkestan in the 18th century]. Tashkent: izd-vo Fan UzSSR. 132 p. [in Russian]
- Kychanov, 2010** – *Kychanov, E.I.* (2010). Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnykh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov) [History of ancient and medieval states bordering on China (from Huns to Manchus)]. SPb.: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. Pp. 270-279. [in Russian]
- Moiseev, 1977** – *Moiseev, V.A.* (1977). O Dzhungaro-tsinskikh peregovorakh v 1734–1740 gg. [About the Dzungar-Qin negotiations in 1734-1740]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. M. Pp. 3-11. [in Russian]
- Moiseev, 1991** – *Moiseev, V.A.* (1991). Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi XVII–XVIII vv. [Dzungar Khanate and Kazakhs of the 17th – 18th centuries]. Alma-Ata: Gylym. 234 p. [in Russian]
- Nepomnin, 2005** – *Nepomnin, O.E.* (2005). Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka [History of China: The Qing Era. XVII – early XX century]. M.: Vost. lit. 712 p. [in Russian]

Pastukhov, 2009 – *Pastukhov, A.M.* (2009). Oiratskaya politika Tsyun'lyuna. [Oirat policy of Qianlong]. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Edinaya Kalmykiya v Edinoi Rossii: cherez veka v budushchee» posvyashchennoi 400-letiyu dobrovol'nogo vkhozhdeniya kalmytskogo naroda v sostave Rossiiskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentyabrya 2009 g.). Elista: ZAO NPP Dzhangar. Ch. 2. Pp. 19–29. [in Russian]

Pastukhov, 2010 – *Pastukhov, A.M.* (2010). Kitaiskie ruzh'ya XVII-XVIII vekov (po dannym pis'mennykh i izobrazitel'nykh istochnikov) [Chinese guns of the 17th-18th centuries (according to written and visual sources)]. *Voennoe delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneishikh vremen do nachala XX veka*. Vyp. 1. Vladivostok: Dal'nauka. Pp. 131–199. [in Russian]

Shkolyar, 1980 – *Shkolyar, S.A.* (1980). Kitaiskaya doognestrel'naya artilleriya [Chinese pre-fire artillery]. M.: Nauka. 406 p. [in Russian]

TsKhST, 1782 – Tsin'din Khuan'yui Siyui tuchzhi (欽定皇輿西域圖志 [Highest approved geographic description of Westfall with maps]). 1782, b/m. [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (date of access: 11.03.2021). [in Chinese]

TsShG, 1927 – Tsin shi gao (清史稿 [Qing Dynasty Rough History]). 1927, b/m. [Electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (date of access: 11.03.2021). [in Chinese]

U Chenlo, 1957 – *U Chenlo* (1957). Chzhungo dulyankhen shi (Istoriya metrologii Kitaya) [History of China Metrology]. Shankhai: Shan"u in'shuguan'. 257 p.

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin, I.Ya.* (1983). Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758) [History of the Dzungar Khanate (1635–1758)]. M.: Nauka. 332 p. [in Russian]

«Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в.

Леонид Александрович Бобров^{a, *}, Алексей Михайлович Пастухов^a

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены ранее не переводившиеся разделы цинского источника «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», посвященные вооружению и знаменам населения Центральной Азии. Данное сочинение было составлено по инициативе императора Цяньлуна после присоединения к Цинской империи территории Джунгарского государства. Для изучения новых земель была направлена группа цинских чиновников и европейских специалистов. В статье проанализированы данные о подготовке, составе и некоторых особенностях экспедиции по изучению Джунгарии. Установлено, что основные исследовательские работы были выполнены в 1756–1757 гг. Изучение Восточного Туркестана продолжалось до весны 1759 г. В том же году началась работа над текстом «Сиюй тучжи», которая продолжалась с перерывами на протяжении около 23 лет (1759–1782). Выделены пять этапов данного процесса и их характерные особенности. Установлено, что в числе прочих над производением трудились и маньчжурские военачальники – участники боевых действий в Центральной Азии. Основные сведения о вооружении и знаменах населения региона сгруппированы в *цзюанях* 41 («Джунгары») и 42 («Мусульманские племена»). В источнике описаны оружие, доспехи, а также знамена ойратского и тюркского населения региона. Некоторые сведения источника являются уникальными и не встречаются в других произведениях XVIII в. Цинские авторы соотнесли оригинальные названия оружия и доспехов с их конструктивными особенностями, что открывает широкие перспективы для более детального изучения письменных произведений и эпоса населения Центральной Азии. «Сиюй тучжи» является основным цинским письменным источником по вооружению и знаменам населения Центральной Азии середины XVIII в.

Ключевые слова: «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», Джунгария, Восточный Туркестан, оружие, доспехи, знамена.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), chinesewarfare@inbox.ru (А.М. Пастухов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 527-534.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.527
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Start All Business from the Beginning”: N.S. Mordvinov – Theorist of the Excise System for Tax Collection from Alcohol

Natalia Ye. Goryushkina ^{a, *}

^a South-Western State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the excise doctrine of N.S. Mordvinov. Within the context of this doctrine a special system of conditions, institutions, relations that could ensure the functioning of a new procedure for collecting alcohol tax is outlined. Mordvinov suggested to transfer state distilleries to private persons, not to hamper production with extra regulations giving rise to abuse, to make alcohol turnover free, to collect excise duty immediately at the time of the sale of alcohol, to allow the export of alcohol abroad, but to limit the number of drinking establishments in the Empire. He assigned the key role in the establishment and maintenance of the new excise system for Russia to the government. Mordvinov's excise views were ahead of his time and were considered by contemporaries as remote from reality. The program developed by him was not accepted for implementation, Finance Minister D.A. Guryev settled upon the state monopoly on the production and wholesale of wine and E.F. Kankrin, who later headed the financial department, preferred time proved tax farm. The excise system, introduced only in 1863, was based on that very principles set forth in Mordvinov's works a few decades earlier. The study of the excise concept of a prominent statesman and public figure of the second half of the 18th – first half of the 19th century is extremely important for understanding the prerequisites, meaning and purpose of wine reform, and serious problems in organizing the sales of alcohol in modern Russia determine the practical significance of the article.

Keywords: N.S. Mordvinov, government finances, alcohol, drinking tax, tax farm, excise system, free sales of alcohol, wine reform.

1. Введение

Замена винных откупов на акциз – одно из ключевых событий в истории Российской империи. Наряду с крестьянской реформой, преобразование в отношении главного налога страны, до сих пор мало знакомое даже историкам, стало основанием и условием глобальной перестройки административных, правовых и социально-экономических институтов 1860–1870-х гг.

Выдающуюся роль в формировании российской акцизной концепции сыграл Николай Семенович Мордвинов (1754–1845 гг.). Именно он был первым, кто положительно оценил опыт передовых европейских государств, пользующихся акцизом для организации сбора с алкоголя, и счел свободный оборот алкоголя полезным для «Империи, занимающей половину Европы и знатную часть Азии» (АГМ, 1902: 4, 157).

Акцизные воззрения Мордвинова опережали время, а потому виделись его современникам далекими от реальности. Глубина перемен, за ними стоящих, была пугающей, и Мордвинов неизменно оставался в меньшинстве, если не в одиночестве. Сам Николай Семенович до глубокой старости был открыт новшествам. «Начинай всякое дело с начала», – призывал он своих последователей к первому шагу (АГМ, 1903: 7, 253).

Представленная статья раскрывает суть акцизной доктрины Мордвинова, восполняя серьезный пробел в исследовании подготовительного этапа винной реформы 1863 г. и актуализируя мысли

* Corresponding author

E-mail addresses: gor046@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina)

первого теоретика акциза об истоках успеха в питейной организации, что в свете нынешних проблем в алкогольной сфере весьма ценно.

2. Материалы и методы

2.1. Статья подготовлена на основе трудов Н.С. Мордвинова, собранных им самим вместе с деловыми бумагами отца и брата в единый «Архив графов Мордвиновых». Дополнительно к работе привлекались «писарские рукописи» и черновики Николая Семеновича о реформах питейного откупа, хранящиеся в именном фонде Российского государственного исторического архива. Благодаря полученным эго-документам удалось выяснить, чем был обусловлен, ограничен, направлен выбор решений Мордвинова, каковы его внутренние мотивы и основания для разработки акцизной концепции. Немалый объем информации получен из материалов Государственного архива Российской Федерации, раскрывающих идеологические приоритеты власти (и общества) первой половины XIX в., дающих ответ на вопрос: почему поддерживаемая Мордвиновым система не была реализована при его жизни.

2.2. В ходе работы над темой автор опирался на принципы историзма, научной объективности и системности: первый – позволил рассмотреть акцизную концепцию Мордвинова не абстрактно, а исходя из конкретных событий Александровской и Николаевской эпох; второй и третий – дали возможность оценить предпринятые теоретиком акциза действия во взаимной связи и взаимообусловленности. Специфика предмета исследования обусловила активное использование историко-биографического метода, благодаря чему раскрыты волевые и интеллектуальные усилия «персонажа», а также метода контент-анализа, способствовавшего глубокому разбору записок, мнений, предложений об акцизе, изучению контраргументов противников.

3. Обсуждение

Н.С. Мордвинов – крупная историческая фигура, которая не могла не привлечь внимания исследователей. Первые публикации, ему посвященные, были подготовлены еще дореволюционными исследователями (Иконников, 1873; Гневушев, 1904). Работы эти базировались на личном архиве Мордвинова, а потому, как принято говорить, «не потеряли своего значения» по сей день. Не обошли вниманием его труды и советские историки (Туманова, 1952; Морозов, 1958). Если не принимать во внимание классовый контекст их работ, исследования выглядят весьма добротным и всецело раскрывают энциклопедичность взглядов Мордвинова. Несовершенства откупного строя, побудившие Николая Семеновича к поиску альтернативной питейной системы, представлены в работах современных авторов (Смолкин, 1990; Горюшкина, 2010; Krasnov, 2020). Мотивы финансового сочинительства Мордвинова освещены А.А. Аникеевой (Аникеева, 2010a; Аникеева, 2010b). Однако акцизное наследие Мордвинова историографии не имеет, если не считать представление Николая Семеновича как одного из авторов российской модели акциза с алкоголя в докторской диссертации автора и ее научной статье, но только попутно (Горюшкина, 2013).

4. Результаты

Николай Семенович Мордвинов прожил долгую жизнь и, по его собственным словам, стал свидетелем царствования пяти самодержцев – от Елизаветы Петровны до Николая I.

Родился он в 1754 г. в селе Прохоровском Нижегородской губернии, в родовом имении дворян Мордвиновых. Отец Николая Семеновича был адмиралом. Мордвинов получил домашнее образование, потом брал уроки французского языка в Петербургском пансионе, где обучались дети знатных русских дворян, и воспитывался во дворце вместе с наследником престола. Двадцатилетним юношей Николай Семенович был послан в Англию, где пробыл три года. Здесь он познакомился с популярным «Исследованием о природе и причинах богатства народов» А. Смита и навсегда остался приверженцем взглядов великого шотландца.

Служебная деятельность Мордвинова началась на море; он дослужился до чина адмирала, был вице-президентом Адмиралтейской коллегии, а с образованием министерств – первым морским министром. В 1810 г. был создан Государственный совет, где Николай Семенович возглавил департамент государственной экономии. После падения Сперанского Мордвинов вышел в отставку и уехал в свое имение в Пензенской губернии, но в 1813 г. вернулся в Санкт-Петербург и в 1816 г. занял ту же должность; в 1818 г. опять ушел в отставку и путешествовал по Англии, Франции и Италии. В 1820 г. Николай Семенович вернулся и стал членом комитета министров, вошел в финансовый комитет. В 1821 г. он был назначен на должность председателя департамента гражданских и духовных дел, которую занимал до 1838 г. Помимо того, Мордвинов работал в составе многочисленных комитетов и комиссий, организуемых правительством, вел общественную деятельность. В 1823 г. Николай Семенович был избран президентом Вольного экономического общества, в 1827 г. участвовал в организации первого в России страхового общества. Умер Мордвинов в 1845 г. (Мордвинов, 1945: 7-8).

Николай Семенович не писал монографий, свои экономические идеи он формулировал во всеподданнейших докладах и записках. Объемность взглядов Мордвинова, их глубина и новизна

поражали современников. Его идеи и представления – результат необыкновенного природного дара, непрерывной работы над собой и, разумеется, огромного жизненного опыта. «Мало есть людей с такими добродетелями и знаниями, как он», – упомянул в частной переписке Мордвинов М.М. Сперанский (*Письма Сперанского...*, 1869: 1690). Мордвинов не сомневался, что у России есть все возможности для превращения в экономически мощную державу. Будучи последователем идей А. Смита и И. Бенгама, он выступал за свободу «упражнений человеческих и капиталов», но считал, что государство не должно быть пассивным наблюдателем, напротив, оно должно беспрестанно заботиться о подъеме производительных сил, развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли (*Майков, 1905: 199, 202*).

Среди обилия экономических тем, затронутых Мордвиновым, видное место заняла идея организации акцизной системы сбора с алкоголя, к которой он возвращался не единожды на протяжении своей долгой жизни. Первая записка, посвященная питейному делу, была составлена в 1799 г., последняя – датирована 1838 г.

В записке «О винном откупе и винокурении» Мордвинов впервые указал на несовершенства действовавшего откупного порядка, в том числе на растущие год от года откупные недоимки, из-за которых государственный бюджет к началу 1815 г. недополучил от откупщиков 37 млн руб. (*РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 107*). В этой связи Николай Семенович писал: «Хотя откуп с тем и отдается, чтоб составить казне верный доход, однако же недоимки, делаемые откупщиками, очень знатны и, несмотря на все предосторожности, пропадают по большей части на откупщиках. <...> Если, переменя метод сбора, сей сбор умножится, а народ и собственник чрез то выиграют, тогда казне несравненно выгоднее будет и государству легче» (*АГМ, 1901: 2, 502*).

Помимо недоимок, откупа были известны и другими злоупотреблениями, потому Мордвинов замечал: «Всякому известно, что от самого откупщика до последнего целовальника, все живет на счет народа, или насилуя, или обманывая оный; во всех кабаках вино подмешано и иногда, по глупости и невежеству, подмеси бывают вредные; чинятся выемки, подставы, грабежи на дорогах разъездчиками, иногда смертоубийства» (*АГМ, 1901: 2, 504*).

Требовало усовершенствований и винокуренное производство. Но государство, к его большому сожалению, ограничивалось паллиативами. Откупщики продолжали кормиться от казны и использовать все средства, чтобы привлечь народ в кабаки. «Что только не делают с вином в кабаках, – возмущался Мордвинов, – его подслащивают, наливают разными соками, настаивают ягодами и травами, представляя наслаждение вкусу, пользу здоровью, пускают вино дешевле, почивают даром и доводят человека до того, чтобы сделать к нему привычку и, наслаждаясь возбуждением чувств, сделаться пристрастным, <...> человек напивается, теряет рассудок, заводит ссоры, драки, бьет жену, детей, <...> не шадит ни отца, ни матери» (*АГМ, 1902: 6, 233-234*).

В 1817 г. Мордвинов направил Александру I «Мнение о винной продаже», где изложил «нравственные правила», на которых должен быть основан питейный сбор. Суть их состояла в том, чтобы: «1) В воскресные и праздничные дни питейные заведения не отпираются. 2) В рабочие дни питейные дома открываются по окончании обеденной службы в церквях и запираются пред вечернею. 3) Не дозволяется иметь питейных домов около церквей, ни в середине селений, но при въезде в оные. 4) Питейные дома не учреждаются и не содержатся в селениях и деревнях без согласия помещиков и волостных начальств. 5) В городах число питейных заведений определяется числом жителей, полагая по одному на тысячу душ. 6) В питейных домах не дозволяется пить. 7) Не дозволяется в оных иметь никакого рода седалищ, ни печей, ни украшений; не отличаются они никакими наружными знаками. 8) Не дозволяется в оных иметь скопищ и бесед. 9) Пред стойкою не должны помещать более трех человек, за стойку же никто не впускается. 10) Возбраняется вход в оные женщинам. 11) Продается вино бутылками и полубутылками запечатанными. 12) За вещи и в долг вина не отпускаются» (*АГМ, 1902: 4, 159-160*). Эта записка осталась лежать под сукном.

Новая волна «административной озабоченности» откупами пришла в 1818–1819 гг. Обсуждения альтернативы откупной системе не затихали ни в правительственных кабинетах, ни в светских салонах. Мордвинов охотно включился в дискуссию, поддержав мнение министра финансов Д.А. Гурьева, которого, кстати, часто критиковал, о желательности заместить винные откупа акцизной системой взимания налога с алкоголя. «Государь выиграет несомненно [от введения акциза – Авт.] вдвое дохода от вина; крестьянин выиграет, покупая вино вдвое дешевле и избегая притеснений и грабительства; помещик выиграет тем, что в состоянии будет содержать более скота, от коего более навозу получая, удобрить землю лучше, отчего выиграет хлебопашество; ремесленник и мещанин выиграет тем, что от умножения скота впоследствии дешевизна мяса в городах. Словом, все состояния в государстве восчувствуют облегчение и пользу, кроме тех людей, которые из убытков государя и из притеснения народа обогащаются», – уверял Мордвинов (*АГМ, 1901: 2, 516-517*). С переходом к акцизу правительство враз бы избавилось «от тех несообразных с высоким его достоинством упреков, коим само же оно подвергало частных откупщиков за употребляемые ими предосудительные действия» (*АГМ, 1902: 4, 160*).

Но, несмотря на «внешнюю» привлекательность, акцизная система вызывала настороженность. Государственный совет так и не решился на кардинальную перестройку в организации питейного

сбора, покрывавшего чуть ли не половину российского бюджета. «Обозреть подробности многосложного акцизного дела» должна была казенная монополия на производство и оптовую продажу вина (*Сведения о питейных сборах...*, 1860: 1, 71). 2 апреля 1817 г. высочайшее утверждение получил «Устав о питейном сборе», согласно которому с 1 января 1819 г. в 29 великорусских губерниях открывалась казенная винная операция (*ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1346. Л. 1*).

Не все в новом «Уставе» устроило Мордвинова. «При откупах народ был угнетен <...>, при казенном управлении свойственно ли оному [правительству – Авт.] к старым угнетениям присовокуплять новые», – задавался он вопросом (*АГМ, 1902: 5, 205, 207*). Особое недовольство у Мордвинова вызывали статьи, разрешавшие конфискацию у дворян заводов и заводского оборудования, вводившие запрет на домашнее винокурение, объявившие государственных чиновников торговцами, затруднявшие поставку вина за границу и т.п. «Откупа имели, по крайней мере, ту полезную черту, что каждый откупщик в кругу действия своего составлял лицо, способствовавшее к обращению денег в народе и многие отрасли сельского хозяйства и городских промыслов в движение приводившее; но когда казна сделалась общим во всех великороссийских губерниях откупщиком, покупая сама и продавая повсеместно вино, то с таковою переменою знатнейший торговый класс людей, занимавшийся во многочислии сею ветвью торговли и коего выигрыши или барыши разливались в народе, сделался уже чуждым участвования в оной. Правительство, заменив их чиновниками, не могло предполагать, что прибыли сих последних оставаться будут сокрываемыми в их руках», – заключал он (*Мордвинов, 1945: 202*).

В июне 1823 г. Мордвинов подал Александру I записку, где с завидным упорством, хотя снова безуспешно, предлагал утвердить в России акцизную систему: «1. Продажу вина, наравне с прочими промыслами, сделать свободною, и тогда не будет ни откупа, ни откупщиков. 2. Взимать в казну от продажи вина чистый доход, не делая никакого расхода. 3. Отвратить пьянство от употребления с излишеством между народом вина. 4. Не стеснять винокурения усовершенствованием способов к получению превосходнейшего количества вина из четверти хлеба. 5. Учредить сей промысел без издания на оный устава, ибо испытано уже, что подобные уставы производят одни токмо затруднения и неудобства. Сочинители уставов, имея всегда в виду личную себе награду, стараются оные соделывать огромными, а потому и всегда вредными общественной и казенной пользам. 6. Вывести из употребления слово кабаки или питейный дом, а заменить оное лавкою продажного вина. 7. Запретить собрания народные в лавках продажного вина. Каждый входящий в лавку по покупке вина должен выходить вон из оной. 8. В винных лавках воспретить чарочную распродажу вина; а потому не должно иметь в оных ни столов, ни лавок, ни стульев, ни стаканов, ни рюмок, ни чарок, словом, никакой посуды, могущей служить к распитию вина в лавке. 9. Вино в лавках продавать в штофах, полуштофах, бутылках, полубутылках или в меньших сего склянках. 10. Уничтожить все препятствия к свободному выпуску за границу вина, водок, ликеров, настоек, спирту и не взимать с оных таможенных пошлин. 11. Казне получать доход свой с кубов и винных котлов, не учитывая винокуров, сколько они из четверти хлеба могут выкуривать вина. 12. Доход таковой можно определить пошлиною по 5 руб. или более с выкуриваемого ведра вина, полагая из четверти хлеба по 6 ведер. 13. Сию на винокурение пошлину учреждать каждые два года. 14. Казна, обложив кубы и котлы пошлиною, берет завод в залог. Пошлину сию взимает по истечении 12 месяцев, получая с тем вместе на оную сие время по 5 %. А если бы продолжение такового времени могло оказаться почему-либо неудобным, то распределить взимание пошлин по третям года или и помесечно. 15. Цена продажного вина должна быть свободная. 16. С привозимого вина из привилегированных губерний пошлина взиматься должна наравне с обложенными на ведро выкуриваемого вина в 29 великороссийских губерниях. 17. Со временем ввести сии же правила и в привилегированные губернии, если бы встретились затруднения в настоящее время принять оные. 18. Вино, выкуриваемое на казенных заводах, продавать наравне с продаваемым в частных заводах, но лучше бы казенные винокурни отдавать в наем частным промышленникам. 19. На подобных сему правилах основать и прочие роды винокурения, как-то: водок, ликеров, настоек, спирту и рому» (*Мордвинов, 1945: 202-204*).

Винокуренное производство, по его мнению, должно было остаться в руках дворян. Полагая, что из четверти хлеба можно произвести 6 ведер вина, Николай Семенович определял акцизную пошлину в 105 руб. или более с выкуриваемого ведра (*Гневушев, 1904: 28*). Кабаки же как сборные места «для развратных людей» он требовал уничтожить: «С воспрещением чарочной продажи гнусный порок пьянства в значительной степени уменьшится без уменьшения, вероятно, казенного дохода. Тогда вино делается нужною для народа потребностью и отраслью иностранного торга, а не упоением до бесчувствия и соединением пьяниц в скопища. г) Искусство винокуренное делается совершеннейшем, и, по всей вероятности, что при свободном винокурении вместо 6 ведер, ныне получаемых из четверти хлеба, будут выгонять по 8 ведер и более, подобно тому как искусство сие доведено в чужих краях. А сие-то и есть причиною, что спирт наш дороже иностранного и потому за границу не выходит. д) Капиталы, употребляемые в сем роде промышленности, получают свободное обращение. е) Как винокурение есть один из важнейших в России промыслов, по произращению в великом количестве хлеба, то и все другие, зависящие от сельского хозяйства, промыслы получают новое поощрение. Исключать винокурение из числа прочих, входящих в свободные промыслы, нет

никакой основательной причины, и потому свобода, доставленная сему промыслу как одному из главных в России, обратится на пользу общественную и казенную. <...> Народная трезвость станет источником нравственности, «вино будут пить трезвые люди, а не пьяницы; с трезвостью же все статьи государственных доходов получают достоверное в итогах своих приращение» – указано в записке (Мордвинов, 1945: 202-205). Только при акцизе, по убеждению Мордвинова, «а) Казна получать будет чистый свой доход без всяких расходов и хлопот; б) Вся армия нынешних винных приставов упразднится, и нравственность чиновников, служащих по винной части, не будет развращаться. Нужен будет только в каждой губернии чиновник, который бы описал винокуренные заводы, вымерил кубы, на коих заводчик намерен производить гонку вина, а другие запечатал и имел за сими последними надзор, <...> с акцизом учредится всеобщий надзор одного заводчика винного за другим, такого рода контроль обещает быть вернее казенного» (Мордвинов, 1945: 204-205). Послание осталось без ответа.

Новое царствование возродило у Мордвинова надежду на перемены. Он поспешил представить Николаю I несколько экономических проектов, в том числе по поводу учреждения в России акцизной системы. Здесь Николай Семенович особо настаивал на выгодах свободного оборота алкоголя, при котором «все само собой сорганизуется», казна наполнится акцизной пошлиной, пьянство убавится ввиду ограниченности способов продажи вина (без распития на месте, только на вынос), а злоупотребления, если они и останутся, то «всегда тем меньше, чем проще дело» (РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 182. Л. 6-8).

Монаршей реакции на представление Мордвинова и в этот раз не последовало. Между тем Николай I повелел представить мнение об организации сбора с алкоголя новому министру финансов Е.Ф. Канкрину. Тот подготовил записку «О разных способах для взимания питейного дохода» (Иконников, 1873: 468). Начиналась она с критики казенной монополии на производство и оптовую продажу вина, которая была введена на волне острого недовольства поведением откупщиков, отказавшихся, ссылаясь на свое бедственное положение, платить государству недоимки. «Казенное управление показало то важное неудобство, – писал Канкрин, – что все злоупотребления по этой части обращались непосредственно в упрек правительству, сословие чиновников развращалось, а публика приписывала затруднительное время и дешевизну хлеба отмене откупов» (Лебедев, 1898: 14). Егор Францевич признавал, что питейный налог эксплуатирует низменные потребности народа и было бы желательно заменить его другими налогами. К большому сожалению, ни один из налогов не может принести казне столько денег, сколько несет их питейный сбор. Не обошел вниманием Канкрин и акциз, высказавшись о нем в следующем ключе: «Слово акциз на первый взгляд имеет нечто привлекательное; но, рассматривая в подробности существо и последствия акциза, какого у нас почти вовсе не существует, нельзя легко решиться на введение оного. Известно, что акциз (*excise*) в Англии, соединенные пошлины (*droits reunites*) во Франции, бывший в Пруссии акциз и подобные же финансовые учреждения в других землях: они почитаются величайшим, но неизбежным злом; и, к сожалению, сказать должно, что финансы вообще и везде не малою частью основаны на таких доходах, кои в существе своем тягостны, неблагоприятны и сопряжены с неприятным фискальством» (Иконников, 1873: 470-471).

Мордвинов вступил с министром финансов в полемику, призывая его без боязни двинуться по акцизному пути. Свобода оборота алкоголя, по его словам, стимулировала бы российскую экономику, ведь «по уставу самой природы никакой торг, никакое ремесло, ни художество не могут существовать без свободы в действиях своих, и свобода есть единственное верное и надежное руководство в успехах деятельности народной» (Иконников, 1873: 394). Канкрин не принимал аргументов Мордвинова и не желал ставить судьбу государственного бюджета в зависимость от акцизного дела, особенности которого были весьма туманны.

Обозрение, подготовленное Канкриным, заканчивалось предложением восстановить откупа (ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1346. Л. 20б.). Не все члены Государственного совета согласились с министром финансов, но и сочувствующих Мордвинову было немного. Помимо «иноземного характера» и неизвестности, введению акцизной системы препятствовали вековая привычка к откупам, а также дефицит квалифицированных, образованных и самостоятельных чиновников, способных организовать акцизное дело.

С 1 января 1827 г. откупной строй был восстановлен (РГИА. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1119. Л. 15). Все его «злодейства» вернулись: недоимки, кордоны на границах откупов, разъезды откупной стражи, раздробленность алкогольного рынка. «Всякая препона, всякое стеснение в торговле неизбежно ущербляют полноту подлежащего приобретения богатства. <...> Все знаменитейшие народы древних и настоящих времен соделались богаты от торговли и промыслов. Одна Россия, занимающая половину Европы, сковывала доселе свою торговлю и свою промышленность, а правительство ее, ожидая от народа великих себе доходов, само поражало то, от чего и народ, и казначейство могли бы стяжать богатства», – писал адмирал (Мордвинов, 1945: 207-209). Незначительные перемены в откупном законодательстве не изменили зловредной сущности этой питейной системы, о чем и писал Мордвинов: «Кабаки, переименованные ныне в питейные дома, при новом сем достоинстве остаются тем же сборным местом для разбойников, убийц, хулителей дел божеских и неверных служителей царю» (Иконников, 1873: 474).

25 ноября 1837 г., в период подготовки к заключению откупных контрактов на следующее четырехлетие (1839–1842), уже 84-летний Мордвинов внес в Государственный совет особое мнение. Оно действительно было особым, отличным от мнения других, но он никогда и не боялся иметь собственное мнение. В свое время Николай Семенович оказался единственным членом Верховного уголовного суда по делу декабристов, кто не подписал им смертный приговор. По этому поводу А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому заметил, что «Мордвинов заключает в себе одним всю русскую оппозицию» (Пушкин, 1979: 10, 69–70).

Особое мнение Мордвинова было наполнено критикой в адрес откупных предпочтений министра финансов. Особо осуждал он растущее при откупах пьянство, препятствовавшее богатству страны и процветанию народа. «Сколь торжественно, – негодовал Николай Семенович, – для каждого благомыслящего человека видеть во всяком целовальнике, стоящем за винною стойкою, невольное покушение на обман и злоухищрение, ибо само правительство побуждает его на сии пороки, представив ему право пользоваться только каплями, падающими из чарки, держимой дрожащею рукою пьющего пьяницы; – видеть в целовальнике представителя власти, <...> видеть тощие доходы, государственным казначейством получаемые, и знать, что главною причиною сего существенного недостатка для блага империи есть винный устав, поощряющий ежегодно распространение пьянства в народе». Он предлагал правительству провести эксперимент в одной из губерний, к примеру в Тверской, и позволить владельцам казенных и государственных селений вводить запрет на питейные дома, открывать их на расстоянии не менее 20 верст друг от друга. Вместе с этим он считал нужным повысить цену на алкоголь до 10 руб. за ведро, запретить чарочную продажу, а также распитие алкоголя у питейных домов и на улице. При удачном эксперименте в Твери, считал Мордвинов, можно было бы распространить антиалкогольные меры «по всему лицу России» (АГМ, 1903: 7, 205–206).

Записка стала причиной серьезных «неудовольствий против Мордвинова» многих лиц, в первую очередь Канкрин. Николай Семенович не сдавался и 30 марта 1838 г. отправил особую записку начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфу, настаивая на широком рассмотрении мер по искоренению пьянства: «Начать должно, ибо без начала нет конца» (Иконников, 1873: 476).

Никаких антиалкогольных мер не последовало. Скоро 90-летний Мордвинов был смещен с должности председателя департамента Государственного совета (Даневский, 1859: 26), а в 1845 г. его не стало.

С каждым годом число сторонников акциза в России множилось. На волне увлеченности акцизмом, поднявшейся в правительственной и общественной среде на рубеже 1850-х – 1860-х гг., работы первого теоретика акцизной системы приобрели немало почитателей, но слова признательности Мордвинов уже не услышал.

5. Заключение

Н.С. Мордвинов сформулировал цельную акцизную концепцию, в основе которой лежала идея свободного оборота алкоголя в России. Он предлагал передать казенные винокурни частным лицам и не стеснять производство уставами, дающими повод к злоупотреблениям, обложить алкоголь акцизной пошлиной и взимать ее в момент его реализации, цену на алкоголь отпустить и разрешить его вывоз за границу. Изложенная Мордвиновым концепция не была принята к реализации, министр финансов Д.А. Гурьев остановился на казенной монополии на производство и оптовую продажу вина, а возглавивший финансовое ведомство Е.Ф. Канкрин предпочел акцизу проверенный веками откупной порядок. Идеи Мордвинова были для своего времени новаторскими и вызвали опасения, но многие из них стали магистральными направлениями для формирования акцизной системы образца 1863 года.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Литература

- Аникеева, 2010a – Аникеева А.А. Роль Н.С. Мордвинова в отечественной финансовой мысли // *Финансы и кредит*. 2010. № 39 (423). С. 60–66.
- Аникеева, 2010b – Аникеева А.А. Нравственные институты в финансовых воззрениях Н.С. Мордвинова и его общественной деятельности // *Финансы и кредит*. 2010. № 43 (427). С. 71–80.
- АГМ, 1901, 1 – Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Н.И. Скороходова, 1901. Т. 1. 711 с.
- АГМ, 1901, 2 – Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Н.И. Скороходова, 1901. Т. 2. 614 с.
- АГМ, 1902, 4 – Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Н.И. Скороходова, 1902. Т. 4. 673 с.
- АГМ, 1902, 5 – Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Н.И. Скороходова, 1902. Т. 5. 743 с.
- АГМ, 1902, 6 – Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Н.И. Скороходова, 1902. Т. 6. 700 с.
- АГМ, 1903, 7 – Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Н.И. Скороходова, 1903. Т. 7. 666 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гневушев, 1904 – Гневушев А.М. Политико-экономические взгляды гр. Н.С. Мордвинова. Киев: Тип. Имп. ун-та им. св. Владимира, 1904.165 с.

Горюшкина, 2013 – Горюшкина Н.Е. «Я брошу откупа, но укажите мне, чем их заменить»: о возврате откупов в министерство Е.Ф. Канкрин // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2013. № 6-1 (51). С. 202-206.

Горюшкина, 2010 – Горюшкина Н.Е. «Где откуп – там подкуп»: к истории взяток в России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2010. № 2. С. 88-97.

Даневский, 1859 – Даневский П.Н. История образования Государственного совета. СПб.: В тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1859. 105, 59 с.

Иконников, 1873 – Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1873. 578 с.

Лебедев, 1898 – Лебедев В.А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1898. 106 с.

Майков, 1905 – Майков П.М. Адмирал Н.С. Мордвинов и его архив // *Русская старина*. Т. 121. 1905. № 1-3. С. 193-210.

Мордвинов, 1945 – Мордвинов Н.С. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1945. 255 с.

Морозов, 1958 – Морозов Ф.М. Вопросы экономической политики и их теоретическое обоснование в работах Н.С. Мордвинова // *История русской экономической мысли*. М.: Соцэкгиз. 1958. Т. 1. С. 61-81.

Письма Сперанского..., 1869 – Письма Сперанского к А.А. Столыпину, с послесловием Д.А. Столыпина // *Русский архив*. 1869. № 10. С. 1681-1708.

Пушкин, 1979 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10: Письма. 711 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сведения о питейных сборах..., 1860 – Сведения о питейных сборах в России: В 4-х ч. СПб.: В тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1860. Ч. 1. 201 с.

Смолкин, 1990 – Смолкин И.К. Откупная система в дореволюционной России // *Вестник МГУ*. 1990. Серия 11. № 2. С. 52-57.

Туманова, 1952 – Туманова Л.В. Экономические взгляды Н.С. Мордвинова // *Научные записки*. М.: Госфиниздат, 1952. С. 175-197.

Krasnov, 2020 – Krasnov A.B. The Formation of Institutional and Organizational Forms of Economic Interaction between the State and Individuals in Russia (the second half of the XVII – XVIII centuries) // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2324-2335.

References

Anikeeva, 2010a – Anikeeva, A.A. (2010). Rol' N.S. Mordvinova v otechestvennoi finansovoi mysli [The role of N. S. Mordvinov in domestic financial thought]. *Finansy i kredit*. 39 (423): 60-66. [in Russian]

Anikeeva, 2010b – Anikeeva, A.A. (2010). Nравstvennye institutsii v finansovykh vozzreniyakh N.S. Mordvinova i ego obshchestvennoi deyatel'nosti [Moral institutions in the financial views of N.S. Mordvinov and his social activities]. *Finansy i kredit*. 43 (427): 71-80. [in Russian]

AGM, 1901, 1 – Arkhiv grafov Mordvinovykh. SPb.: tip. N.I. Skorokhodova. Vol. 1: 711 p. [in Russian]

AGM, 1901, 2 – Arkhiv grafov Mordvinovykh (1901) [Archive of counts of the Mordvinovs]. SPb.: tip. N.I. Skorokhodova, 1901. Vol. 2: 614 p. [in Russian]

AGM, 1902, 4 – Arkhiv grafov Mordvinovykh (1902). [Archive of counts of the Mordvinovs]. SPb.: tip. N.I. Skorokhodova. Vol. 4: 673 p. [in Russian]

AGM, 1902, 5 – Arkhiv grafov Mordvinovykh (1902). [Archive of counts of the Mordvinovs]. SPb.: tip. N.I. Skorokhodova. Vol. 5: 743 p. [in Russian]

AGM, 1902, 6 – Arkhiv grafov Mordvinovykh (1902). [Archive of counts of the Mordvinovs]. SPb.: tip. N.I. Skorokhodova, Vol. 6: 700 p. [in Russian]

AGM, 1903, 7 – Arkhiv grafov Mordvinovykh (1903) [Archive of counts of the Mordvinovs]. SPb.: tip. N.I. Skorokhodova. Vol. 7: 666 p. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

Gnevushev, 1904 – Gnevushev, A.M. (1904). Politiko-ekonomicheskie vzglyady gr. N.S. Mordvinova [Political and economic views of gr. N.S. Mordvinov]. Kiev: Tip. Imp. un-ta im. sv. Vladimira.165 p. [in Russian]

Goryushkina, 2013 – Goryushkina, N.E. (2013). «Ya broshu otkupa, no ukazhite mne, chem ikh zamenit'»: o vozvrate otkupov v ministerstvo E.F. Kankrina [“I'll throw pay off but tell me how can i replace them”: about the return of the payoff to the Ministry of E.F. Kankrin]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 6-1 (51): 202-206. [in Russian]

Goryushkina, 2010 – Goryushkina, N.E. (2010). «Gde otkup – tam podkup»: k istorii vzyatok v Rossii» [«Where the farming is – there the bribery is»: to the history of bribes in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. 2: 88-97. [in Russian]

[Danevskii, 1859](#) – *Danevskii, P.N.* (1859) Istoriya obrazovaniya Gosudarstvennogo soveta [The history of the formation of the State Council] SPb.: V Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. kantselyarii. 105, 59 p. [in Russian]

[Ikonnikov, 1873](#) – *Ikonnikov, V.S.* (1873). Graf N.S. Mordvinov [Count N. S. Mordvinov]. SPb.: izd. D.E. Kozhanchikova. 578 p. [in Russian]

[Krasnov, 2020](#) – *Krasnov, A.B.* (2020). The Formation of Institutional and Organizational Forms of Economic Interaction between the State and Individuals in Russia (the second half of the XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody*. 58(4): 2324-2335.

[Lebedev, 1898](#) – *Lebedev, V.A.* (1898). Piteinoe delo [Piteynoe delo]. SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata. 106 p. [in Russian]

[Maikov, 1905](#) – *Maikov, P.M.* (1905). Admiral N.S. Mordvinov i ego arkhiv [Admiral N. S. Mordvinov and his archive]. *Russkaya starina*. 121(1-3): 193-210. [in Russian]

[Mordvinov, 1945](#) – *Mordvinov, N.S.* (1945). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M.: Gospolitizdat. 255 p. [in Russian]

[Morozov, 1958](#) – *Morozov, F.M.* (1958). Voprosy ekonomicheskoi politiki i ikh teoreticheskoe obosnovanie v rabotakh N.S. Mordvinova [Questions of economic policy and their theoretical justification in the works of N.S. Mordvinov]. Vol. 1. Istoriya russkoi ekonomicheskoi mysli. M.: Sotsekgiz. Pp. 61-81. [in Russian]

[Pis'ma Speranskogo..., 1869](#) – Pis'ma Speranskogo k A.A. Stolypinu, s poslesloviem D.A. Stolypina [Letters of Speransky to A. A. Stolypin, with an afterword by D.A. Stolypin]. *Russkii arkhiv*. 10: 1681-1708. [in Russian]

[Pushkin, 1979](#) – *Pushkin, A.S.* (1979). Polnoe sobranie sochinenii. [Complete collection of works]. L.: Nauka. Vol. 10: Pis'ma. 711 p. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv [Russian state historical archive].

[Svedeniya o piteinykh sborakh..., 1860](#) – Svedeniya o piteinykh sborakh v Rossii. [Information about drinking fees in Russia]. SPb.: V Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. kantselyarii. Vol. 1. 201 p. [in Russian]

[Smolkin, 1990](#) – *Smolkin, I.K.* (1990). Otkupnaya sistema v dorevolyutsionnoi Rossii [The ransom system in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik MGU*. 11. 2: 52-57. [in Russian]

[Tumanova, 1952](#) – *Tumanova, L.V.* (1952). Ekonomicheskie vzglyady N.S. Mordvinova [The economic views of N.S. Mordvinov]. Nauchnye zapiski. M.: Gosfinizdat. Pp. 175-197. [in Russian]

«Начинай всякое дело с начала»: Н.С. Мордвинов – теоретик акцизной системы сбора налога с алкоголя

Наталья Евгеньевна Горюшкина ^{a, *}

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлена акцизная доктрина Н.С. Мордвинова, в рамках которой обозначена особая система условий, институтов, отношений, которые могли бы обеспечить функционирование нового порядка взимания налога с алкоголя. Мордвинов предлагал передать казенные винокурни частным лицам; не стеснять производство лишними уставами, дающими повод к злоупотреблениям; оборот алкоголя сделать свободным; акцизную пошлину взимать непосредственно в момент реализации спиртного; разрешить вывоз алкоголя за границу, но ограничить число питейных заведений в Империи. Ключевую роль в учреждении и поддержании новой для России акцизной системы он отводил государству. Акцизные воззрения Мордвинова опережали время и выдвинулись современникам далекими от реальности. Разработанная им программа не была принята к реализации, министр финансов Д.А. Гурьев остановился на казенной монополии на производство и оптовую продажу вина, а возглавивший позже финансовое ведомство Е.Ф. Канкрин предпочел акцизу проверенный веками откупной порядок. Введенная только в 1863 г. акцизная система была основана на тех самых принципах, которые изложены в трудах Мордвинова несколькими десятилетиями ранее. Исследование акцизной концепции видного государственного и общественного деятеля второй половины XVIII – первой половины XIX веков имеет исключительную важность для понимания предпосылок, смысла и цели винной реформы, а серьезные проблемы в организации оборота алкоголя в современной России придают статье практическую значимость.

Ключевые слова: Н.С. Мордвинов, государственные финансы, алкоголь, питейный сбор, откупная система, акцизная система, свободный оборот алкоголя, винная реформа.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: goro46@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 535-542.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.535
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

State Power and Fishing Settlements on the Lands of Nomads in the North-Western Caspian Region (the second half of the XVIII – XIX centuries)

Sergey S. Belousov^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the state policy regarding unauthorized fishing settlements on the lands of nomads of the North-Western Caspian region in the second half of the XVIII-XIX centuries. The author investigated the circumstances of the emergence of fishing settlements, considered their national, class and professional composition, and revealed the content of the policy of the authorities in relation to them. The settlements were formed without the knowledge of the authorities, so they were among the unauthorized settlements.

The author concluded that the authorities were generally interested in the existence of unauthorized fishing settlements and did not insist on their elimination. They offered their residents their own solutions to the problem, and only if the unauthorized immigrants rejected the proposed conditions for staying on the nomad lands, the question of evicting illegal immigrants was raised. This policy was based on the interests of the fishing industry, which could suffer in the event of the demolition of settlements and the removal of their inhabitants. At the same time, the authorities in their policy had to take into account the interests of nomads in the coastal Caspian Sea and the special legal status of the Kalmyk and Kazakh lands. Because of this, the land issue was quite acute when dividing and allocating land plots to residents of legalized settlements.

Keywords: Resettlement policy, North-Western Caspian Sea, fishing villages, unauthorized migrant, nomads.

1. Введение

В XVIII–XIX вв. в северо-западной береговой части Каспийского моря образовалась сеть рыбацких поселений, большинство из которых основали самовольные переселенцы из верхневолжских и центральночерноземных губерний. Самовольные поселения отличались от обычных селений тем, что не имели административно-правового статуса, утвержденных властями органов управления, своего земельного надела, их жители не платили налогов и не несли повинностей. Они располагались на казенных, находящихся в собственности частных лиц и в пользовании кочевников землях. Многие годы государственная власть не обращала на них особого внимания, негласно позволяя им существовать, пока в середине 1860-х гг. не началось реформирование рыбной отрасли. Преобразования в рыбном деле не могли не затронуть самовольные рыбацкие поселения, поскольку жизнь их обитателей изначально была связана с рыболовством.

На землях кочевников в XVIII–XIX вв. возникли 11 рыбацких поселений, из них 7 – на калмыцких землях Астраханской губернии и 4 – на землях казахов Уральской области. При решении вопроса самовольных ловецких поселков на землях кочевников власти вынуждены были учитывать особенности их правового статуса и интересы кочевого населения.

Исследование данной проблемы необходимо, поскольку позволяет добавить еще один штрих в изучение переселенческой политики в национальных регионах России. С этой темой тесно

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

переплетены вопросы формирования населения, имперской политики в национальных районах, миграционная проблематика и др. Исследование также обогащает наши знания о формировании стационарных поселений и населения в Северо-Западном Прикаспии.

Главная цель статьи – раскрыть содержание государственной политики на протяжении второй половины XVIII–XIX в. в отношении самовольных переселенцев на землях кочевников Северо-Западного Прикаспия. В этой связи ставятся задачи: выявить причины возникновения самовольных переселенческих поселков, исследовать динамику государственной политики, определить национальный, сословный и профессиональный состав переселенцев, проанализировать взаимоотношения властей и жителей поселков.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГА АО) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Архивные документы включают переписку органов государственной власти, прошения жителей поселков, исторические справки о возникновении самовольных рыбацких поселений.

Ценный материал о государственной политике в отношении ловецкого населения содержат сборники документов Управления Каспийско-Волжских и тюленьих промыслов, изданные в 1911 г. (*Законы и инструкции...*, 1911). В статье также использованы материалы Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ РИ) и статистические сведения Астраханского губернского статистического комитета, публиковавшиеся в ежегодных памятных книжках и отдельных сборниках.

Исследование проводилось с опорой на историко-генетический и историко-сравнительный методы. Использование историко-генетического метода позволило проследить политику в отношении рыбацких поселков от времени их возникновения до легализации, а сравнительно-исторический анализ сделал возможным сравнить политику властей на землях кочевников с проводимой на казенных и частнособственнических землях.

3. Обсуждение

История самовольных рыбацких поселков Прикаспия во второй половине XVIII–XIX в. в отечественной историографии разработана слабо, при этом большинство работ написаны в досоветский период. Наибольший вклад в исследование данной темы внесли И.И. Михайлов (*Михайлов, 1856*), П.О. Зубович (*Зубович, 1896*), А.М. Никольский (*Никольский, 1898*), в работах которых содержится много ценной информации по истории возникновения поселков и отношении к ним властей, уделено внимание сословному и национальному составу поселений и организации их самоуправления.

Важные проблемы развития рыболовства на Каспийском море в XVIII–XIX в. отражены в трудах К.Н. Лебедева (*Лебедев, 1863*) и О.А. Гримма (*Гримм, 1896*). В их книгах прослеживается история становления законодательства по рыбной отрасли, приводятся различные точки зрения и подходы, в т.ч. по вопросу самовольных рыбацких поселков.

В 1853–1857 гг. в Волго-Каспийском бассейне работала снаряженная Министерством государственных имуществ и Русским географическим обществом Каспийская экспедиция под руководством К.М. Бэра. Участники экспедиции собрали богатейший материал о природных ресурсах Каспийского моря и его населении, который был включен в многотомный коллективный труд: «Исследование о состоянии рыболовства в России» (*Исследование...*, 1860).

Свою лепту в изучение прошлого рыболовецких поселков внесли их православные священники, среди которых в первую очередь следует отметить И. Покасова (*Покасов, 1909, Покасов, 1911*) и П. Реверсова (*Реверсов, 1879*), опубликовавшие на страницах журнала «Астраханские епархиальные ведомости» статьи по истории своих приходов, где содержатся интересные сведения о возникновении поселков, их жителях и занятиях.

В советский период серьезные исследования политики имперского руководства в отношении самовольных рыбацких поселений, во-первых, не проводились, во-вторых, в условиях господства коммунистической идеологии акцент в освещении политики царского правительства делался на его отрицательных сторонах. Из работ, вышедших в послевоенный период, следует отметить статью П.Д. Сангаджиева, М.У. Монраева «О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия», опубликованную в сборнике «Исследования по исторической географии КАССР» (*Сангаджиев, Монраев, 1981*).

Изучение научной литературы выявило факт отсутствия работ, посвященных политике властей в отношении самовольных рыбацких поселений и их жителей.

4. Результаты

Появление рыбацких поселений на землях кочевников в прибрежной полосе связано с развитием рыболовецкой отрасли и с военно-политическими интересами России на Каспии. Кочевников прибрежные территории привлекали тем, что в суровые зимние месяцы здесь можно

было в камышах укрыть и прокормить свой скот, кроме того, бедные кочевники благодаря рыболовству находили себе пропитание.

Одним из первых на взморье возник п. Седлистый. Он начинался с крепости, заложенной в 1722 г. в устье р. Чулпан во время похода императора Петра I в Персию. Крепость выполняла роль опорного военного пункта в волжской дельте и одновременно являлась перевалочной базой для снабжения российских войск продовольствием и материалами. В 1801 г. в ней открыли таможню, предназначенную для предотвращения контрабандного провоза соли, рыбы и других товаров.

Со второй половине XVIII в. рядом с крепостью и таможней стали обосновываться на постоянное место жительства, привлеченные выгодами занятия рыболовством, купцы, мещане, крестьяне и вышедшие в отставку солдаты. В 1856 г. в поселке проживали 42 семьи, из которых 26 относились к мещанскому сословию, 3 – к купеческому и 13 семей являлись государственными крестьянами (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 83).

С государственными интересами связана также история основания п. Бирючья Коса. В начале 1830-х гг. на месте будущего рыбацкого поселка были устроены карантинный пост, таможенная застава и военная брандвахта, однако в 1862 г. карантин закрыли, а военный гарнизон расформировали. На острове осталась лишь небольшая группа вышедших в отставку солдат, многие из которых к этому времени успели обзавестись семьями и обустроиться. Они не захотели переезжать в другие места и научились заниматься рыболовством. Вскоре к ним «быстро стали стекаться на вольное житье при вольных водах всевозможные выходцы из средних губерний, а также ищущие счастья...», которые также освоили рыбацкую профессию и построили себе дома (Покасов, 1911: 656). Так на острове образовалось поселение с постоянным составом жителей. Среди пришлого населения преобладали мещане г. Астрахани, но много было и крестьян из Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерний (Покасов, 1911: 656). К середине 1870-х гг. поселок вследствие миграционного притока населения и естественного прироста увеличился до 80 дворов, в которых числилось 255 душ; из них 140 мужских и 110 женских (Описание..., 1877: 77).

Рыбацкие поселения возникли также на острове Четырехбугорном. Свое название он получил от 4-х бугров, покрывавших его поверхность. На трех буграх мещанами, крестьянами и купцами было устроено 3 поселка: Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок; на четвертом бугре, под названием Вышка, находился каменный маяк, который обслуживали и охраняли смотритель и воинская команда из 6 чел. (Реверсов, 1879: 41).

Главным занятием жителей поселков было рыболовство, приносящее хорошие доходы и обеспечивавшее достаточно высокий уровень материального благосостояния большинства населения, что, безусловно, способствовало устойчивой динамике развития поселков. За период с середины 1850-х до середины 1870-х гг. количество дворов в трех поселках острова Четырехбугорного возросло со 111 до 150 (1326 чел.) (Описание..., 1877: 77).

В конце 1830-х – начале 1840-х гг. рыбацкие поселки пополнились освобожденными из плена Бухарского и Хивинского ханств морскими ловцами. Часть из них нашла себе покровителя в лице арендатора вод купца Голикова, который пригласил их на работу и жительство на остров Оля. Купец организовал им на льготных условиях прием улова, снабдил продовольствием и деньгами, обеспечил орудиями лова. Первые две семьи прибыли на остров в 1842 г., а через год к ним присоединились еще 20 семей бывших пленников (Покасов, 1909: 588).

До середины XIX в. все 6 образованных на калмыцких землях самовольными поселенцами поселков не встречали противодействия со стороны властей и успешно росли и развивались. В начале 1850-х гг. ситуация круто изменилась. Астраханская палата государственных имуществ приняла решение начать сдавать частным лицам в оброчное содержание находившиеся в ведении калмыцкой администрации 28 островов и бугров в Мочагах, а вырученные от аренды деньги перечислять в фонд общественного калмыцкого капитала (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 8).

Из числа 28 предполагавшихся к сдаче в аренду островов на 6 располагались поселки самовольных поселенцев, которые считали занятые ими земли своими и никогда не платили за них денег. В 1855 г. жителям поселков Разбугоринский, Вахромеевский, Рынок, Оля, Седлистый (168 семей) предложили заключить контракты на занимаемую ими территорию, пригрозив в противном случае выселить, а землю передать в аренду рыбопромышленникам (РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 2). Ловцы, однако, отказались взять в аренду землю, на которой они жили и хозяйствовались. Тогда Астраханская палата государственных имуществ (АПГИ) приказала улусной полиции выдворить с территории поселков их обитателей, а имущество конфисковать. Но осуществить эти меры на практике не удалось, так как ловцы постоянно отлучались в море, да и добраться до островов, особенно в период распутиц, было крайне трудно (РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 3).

После сдачи островов в оброчное содержание жителям самовольных поселков пришлось иметь дело еще и с арендаторами. Последние добивались того, чтобы поселенцы платили им деньги за право проживания на арендуемых ими участках.

Несмотря на предпринимаемые усилия, власти так и не сумели добиться ликвидации поселков, население которых упорно сопротивлялось выселению и отказывалось выполнять исходившие от

властей распоряжения. 17 июня 1870 г. заведующий Мочагами доносил в Управление калмыцким народом (УКН): «Самовольство и упорство разночинцев, проживающих по побережью Волги и Каспийского моря встречается при каждом исполнении в полицейском отношении ...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.). Рыбацкие поселки на калмыцких землях не имели официальных, признанных властями органов власти, однако это не означало, что в них царил хаос и беспорядок в управлении. Из своей среды ловцы выбирали старост, которые были уполномочены вести переговоры с властями и вообще решать все общественные проблемы жителей поселков. Помимо поселковых старост, жители поселков по распоряжению Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов избирали участковых старост, которые, по свидетельству заведующего Мочагами, пользовались у местного населения «совершенным уважением» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 68).

На судьбу самовольных поселков решающее значение оказали административные преобразования в рыбной отрасли, произошедшие в середине 1860-х – 1870-е гг. В 1865 г. правительство в целях увеличения прибыльности рыболовства на Каспии образовало из части казенных, калмыцких и выкупленных у отдельных лиц земель одноверстную береговую полосу, передав ее в ведение Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. При отводе береговой полосы 6 ловецких поселков, находившихся на калмыцких землях, в силу своего географического положения оказались в черте одноверстной полосы и в 1873 г. были выведены из состава калмыцких земель. 28 июля 1878 г. вышло утвержденное императором Александром I положение Комитета министров «По предмету устройства поселков на прибрежной полосе Каспийского моря», по которому все самовольные поселения Прикаспия легализовались и до окончательного их устройства переводились на 24-летнюю усадебную аренду. Оставшаяся не занятой жилыми домами и постройками земля изымалась и обращалась в общее пользование для временного пристанища ловцов и устройства промыслов (ПСЗ РИ, 1880: 62). Через год население поселков было переписано, а земля обмежевана.

Пока решался вопрос с самовольными рыбацкими поселками на калмыцких землях образовался новый поселок самовольных поселенцев. Он возник середине 1870-х гг. на острове Лаганский, где издавна находился рыбный промысел. Пока происходила переписка о нем, население поселка росло, в основном за счет притока крестьян, мещан, купцов и отставных солдат из Астраханской, Пензенской, Саратовской и Воронежской губерний. В 1880-е гг. в п. Лагань проживали уже 35 семей, а в 1890-е гг. – 58 (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6).

Прибытие новых семей обострило земельную проблему. Она усугублялась еще тем, что Лагань располагалась на границе земель калмыцких и одноверстной береговой полосы, при этом все земельные угодья и большинство домов поселка находились на калмыцкой стороне, и лишь небольшая группа построек входила в пределы береговой полосы. Для лаганцев основным источником дохода и существования было рыболовство, но в то же время каждая семья для собственных нужд держала по 3–4 головы крупного рогатого скота, для содержания которого требовались пастбища и сенокосы, а они находились в пользовании калмыков (ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. Л. 314). Первые поселенцы выпасали свой скот на калмыцкой земле нелегально, однако, когда поселок разросся, делать это стало намного труднее. Кочевавшие на острове калмыки, обеспокоенные быстрым ростом населения поселка, начали жаловаться властям и требовать выселения самовольных поселенцев.

Главный попечитель калмыцкого народа предложил оставить поселенцам земли под постройками, а сенокосами наделить в береговой полосе на условиях аренды. Эти и другие условия лаганцы, однако, сочли невыгодными для себя и отвергли. Дело в том, что им предложили гораздо меньшее количество земли, чем они пользовались до этого. Малая площадь участка делала невозможным содержание скота для домашнего обихода, а между тем молочные продукты, наравне с рыбными, были главными в питании рыбаков. В силу сложных природных условий острова лаганцы не занимались земледелием, поэтому большинство его продукции и многие другие продукты питания им приходилось завозить из других мест, связь с которыми осуществлялась по морю и потому была нерегулярной и ненадежной.

Власти и жители п. Лагань не пришли к единому решению вопроса, и дело опять затянулось на годы. Между тем быстрый рост поселка продолжался: в 1900 г. он насчитывал 191 двор и 565 жителей, из которых 510 человек принадлежали к крестьянскому сословию и 55 чел. – к мещанскому (НА РК. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 139. Л. 136–136об.).

В июле 1904 г. император Николай II утвердил «Правила об общественном устройстве самовольных поселков», на основе которых впоследствии были сформированы органы управления в поселках и установлено административно-территориальное деление. Поселок Лагань вместе с поселками Бирючья Коса, Рынок, Вахромеев, Разбуторье, Седлистый, Оля и другими был объединен в Бирючкосинскую волость с центром в п. Бирючья Коса.

Для жителей самовольных поселков легализация стала большим успехом, однако она не решила их земельной проблемы. Большинство поселков были перечислены без надлежащего земельного обеспечения, что поставило под угрозу их дальнейшее развитие. Переселенцы надеялись

получить в надел ближайшие к их поселениям калмыцкие земли, но УКН из-за несогласия калмыков не решилось пойти на этот шаг. Других земель на островах, где располагались поселки, не имелось или было недостаточно для того, чтобы обеспечить поселение необходимым количеством земли. Жителям рыбацких поселков не оставалось ничего другого, кроме как арендовать калмыцкие земли и просить власти наделить их землями.

На казахских землях образовалось 4 рыбацких поселка: Жилая Коса, Ракуша, Алтпас и Прорва. Они возникли на побережье северной части Каспийского моря, в пределах Гурьевского уезда Уральской области. Самым крупным среди них был п. Жилая Коса, основанный крестьянами и мещанами из Астраханской, Нижегородской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской, Владимирской, Самарской и прочих губерний, к которым впоследствии присоединились татары из Казанской и Симбирской губерний, купцы-евреи, греки из Турции и Греции. О причинах возникновения и быстрого развития поселка в «Общем обзоре XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов» говорилось: «Несколько случаев скорой и легкой наживы на приэмбаевских промыслах в начале нынешнего столетия и довольно легких, доступный кредит, открытый в те же года Астраханью, дали в результате массовый набег в этот край разных случайных элементов, часто «без гроша в кармане». К рыбному делу потянулись лавочники, приказчики, трактирщики, прасолы, богатые купцы, даже чиновники» (*Общий обзор, 1912: 16*). Кроме рыболовства и приготовления его продуктов, жиленцы занимались скупкой у кочевников шкур, шерсти, сырья и скота, а также торговлей разными материалами и припасами. В 1911 г. в поселке имелось 78 зарегистрированных лавок, два бондарных заведения, 12 кузниц, 7 хлебопекарен, скотобойня, а все его постоянное население состояло из 432 семей, в которых числилось 1025 душ мужского и 948 душ женского пола. В поселке функционировали православная церковь, мечеть, две школы и больница на 10 коек (*Общий обзор..., 1912: 15*). Во время осенней и весенней путины в поселок из г. Астрахани съезжались скупщики, приказчики, уборщики рыбы, сезонные ловцы и население его значительно возрастало.

Поселок Ракуша основали в 1867 г. четыре рыбацких семьи из разных губерний, которые вырыли себе временные землянки и занялись рыболовством. Первопоселенцы жили в поселке в весенний, летний и осенний периоды, поскольку на зиму боялись оставаться из-за нападений казахов (*Болдырев, 1901: 741*). Когда ситуация нормализовалась, переселенцы обосновались в поселке на постоянное жительство. К началу 1910-х гг. в п. Ракуша насчитывалось уже 43 двора и 101 чел. постоянного населения (*Общий обзор..., 1912: 16*).

Самый южный из рыбацких поселков на казахских землях – Прорва – вырос из рыбного промысла, устроенного в 1892 г. астраханским предпринимателем Бражниковым. Вначале в поселке было 5–8 домов, спустя 20 лет – 41 дом, в которых проживали 85 муж. и 59 жен. (*Общий обзор..., 1912: 16*).

В Уральской области, в т.ч. на казахских землях, в отличие от Астраханской губернии, береговая полоса не отводилась под нужды рыболовства, что создавало почву для недоразумений и конфликтов между самовольными переселенцами и казахами-кочевниками. Так, казахи не допускали ловецкое население свободно пользоваться прибрежными территориями для своих нужд, хотя, согласно ст. 746 Устава сельского хозяйства (изд. 1903 г.), ловцам разрешалось устраивать станы и промыслы в приморской части и пользоваться находящейся там растительностью. Нерешительность властей в данном вопросе объяснялась тем, что казахские общества упорно сопротивлялись землеотводным работам в прибрежной местности, куда они пригоняли свои стада на зиму.

Проживавшее в поселках русское население вынуждено было арендовать землю у казахских обществ. Однако такой порядок пользования землей не устраивал переселенцев, жаловавшихся чиновникам на высокую арендную плату, которую казахи взимали за выгоны, сенокосы.

Руководство Уральской области поддерживало жителей поселков в их стремлении легализовать поселения и получить положенный земельный надел. Признание поселков, по мнению местных властей, принесло бы ощутимую пользу рыболовству и способствовало бы усилению «...на кочевников русского влияния» (*ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 82*). Легализовать жителей самовольных поселков предлагалось на условиях, разработанных для переселенцев в восточных губерниях (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская).

В 1879 г. областное руководство направило данные предложения в Министерство внутренних дел, но получило отрицательный ответ. Министр заявил, что подведомственное ему учреждение еще не готово решать этот вопрос.

В 1895 году военный губернатор Уральской области, приняв во внимание неоднократные ходатайства жителей ловецких поселков Жилая Коса и Ракуша об отводе им определенного участка земли, необходимого для пастбы скота, сенокосения и добывания камыша и находя дальнейшее оставление названных поселков в неопределенном положении нецелесообразным и вредным, вновь обратился к министру внутренних дел И.Н. Дурново с просьбой отвести им земельные участки. Он предложил изъять просимые земли из владения казахов и разрешить немедленно приступить к формированию в упомянутых поселениях управления на основании общего Положения о сельских обывателях. При этом военный губернатор находил, что участки в 10 кв. верст для Жилой Косы и в 1 кв. версту для Ракуши вполне удовлетворили бы потребности поселян, занимавшихся, главным

образом, рыбным промыслом и торговлей, и могли бы быть изъяты из владения казахов без особого для последних стеснения.

Дурново согласился с предложениями уральского военного губернатора, и 10 мая 1895 г. он сообщил министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову о том, «... что с его стороны не встречается препятствий к отчуждению из владений киргизов необходимых земель для наделения поселений, расположенных на берегу Каспийского моря, в пределах Гурьевского уезда» (ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 82об.). Провести легализацию рыбацких поселков министр внутренних дел рассчитывал на основе закона от 13 июля 1889 года, который разрешал устраивать самовольных переселенцев на условии аренды ими земли от 6 до 12 лет и только затем передавать им участки в постоянное пользование (ПСЗ РИ 1891: 536). Что касается казахов, то их приписка в поселки увязывалась с переходом их на оседлость, в противном случае они должны были покинуть отводимые поселкам земли.

Решение земельного вопроса, однако, вновь затормозилось из-за ведомственных согласований, в результате поселки получили административное и земельное устройство только во втором десятилетии XX в.

5. Заключение

История возникновения переселенческих рыбацких поселков на калмыцких землях тесно связана с развитием рыбной отрасли и отчасти с реализацией государством военно-полицейских задач на побережье Каспийского моря. Поселения возникли в районе, где рельеф местности и почвенно-климатические условия не позволяли в широких масштабах культивировать скотоводство и земледелие, поэтому главным источником существования местного и пришлого населения являлось рыболовство, занятие которым было делом выгодным, что стимулировало миграцию населения в прибрежные районы Каспийского моря.

Большинство рыбацких поселков (9 из 11) на калмыцких и казахских землях выросли из рыболовецких ватаг, и два поселка образовались на основе военной крепости, карантина и таможни. Среди переселенцев преобладали крестьяне, значительную часть их составляли мещане, в меньшей степени они были представлены купцами и отставными солдатами. Большинство из них были самовольными переселенцами, поэтому основанные ими поселения не признавались государством и не имели ни административного статуса, ни утвержденных властями органов управления. Поселковые общины представляли собой самоуправляющиеся единицы, осуществлявшие связь с властями посредством выборных из своей среды старост.

Власти знали о существовании самовольных поселений, но каких-либо мер в отношении их не предпринимали. Ситуация начала меняться с середины XIX в., когда число поселков и населения в Прикаспии значительно выросло и начались преобразования в рыбной отрасли. Государственная власть вынуждена была заняться проблемой устройства ловецких поселков.

В рыбацких поселках, расположенных на землях кочевников, преобразования проводились в рамках государственной политики административно-территориального и земельного устройства ловецкого населения Каспийского побережья, начатой в 1865 г. с выделения на нужды рыбацкого населения одноверстной полосы. Шесть поселков на калмыцких землях вошли в одноверстную прибрежную полосу и были в 1873 г. выведены из-под управления калмыцких властей, затем в 1878 г. легализованы; такие же меры, но позднее, были предприняты в отношении п. Лагань. Немного позже получили устройство 4 поселка на казахских землях. Полностью процесс административно-территориального и земельного устройства рыбацких поселков завершился во втором десятилетии XX в.

Отметим, что власти в целом были заинтересованы в существовании самовольных рыбацких поселений и не настаивали на их ликвидации. Они предлагали их жителям свои варианты решения проблемы, и только, если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на землях кочевников, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и удаления их жителей. В то же время власти в своей политике вынуждены были учитывать интересы кочевников в прибрежном Каспии и особый правовой статус калмыцких и казахских земель. В силу этого земельный вопрос при размежевании и наделении участками жителей легализованных поселений стоял достаточно остро и его решение затянулось на многие годы.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (AAAA – А – 19 – 119011490038 – 5).

Литература

Бодырев, 1901 – Болдырев И. Поселок Ракуша, Гурьевского уезда, Уральской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1901. № 28. С. 741-743.

- ГА АО – Государственный архив Астраханской области.
 Гримм, 1896 – Гримм О.А. Каспийско-Волжское рыболовство. СПб., 1896.
 Законы и инструкции..., 1911 – Законы и инструкции, действующие в Каспийско-Волжском рыболовном районе. Вып. 1. Законы. Астрахань, 1911.
 Зубович, 1896 – Зубович П.О. О самовольных поселках в Астраханском и Красноярском уезде // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 год. Астрахань, 1896. С. 35-45.
 Исследование..., 1860 – Исследование о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860.
 Лебедев, 1863 – Лебедев К.Н. О Каспийском рыболовстве. СПб., 1863.
 Михайлов, 1856 – Михайлов И.И. Астраханские ловцы // Библиотека для чтения. 1856. Отд. 1. Т. 137. С. 135-192.
 НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.
 Никольский 1898 – Никольский А.М. Астраханские морские ловцы: Статистико-экономическое описание. СПб., 1898.
 Общий обзор..., 1912 – Общий обзор XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Уральск, 1912.
 Описание населенных мест..., 1877 – Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 5. Астрахань, 1877.
 Покасов, 1911 – Покасов И. Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 652-661.
 Покасов, 1909 – Покасов И. Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 586-591.
 ПСЗ РИ, 1881 – Полное собрание законов Российской империи: собрание второе. 1881. Т. 53 (1878). Отд. 2. СПб., 1880. С. 54-63.
 ПСЗ РИ, 1891 – Полное собрание законов Российской империи: собрание третье. Т. 9 (1889). СПб., 1891. С. 535-538.
 Реверсов, 1879 – Реверсов П.И. Материалы для церковно-приходской летописи Астраханского уезда, Четырехбугоринского селения, Николаевской церкви // Астраханские епархиальные ведомости. 1879. № 3. С. 40-44.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Сангаджиев, Монраев, 1981 – Сангаджиев П.Д., Монраев М.У. О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия // Исследования по исторической географии КАССР. Элиста, 1981. С. 72-78.

References

- Boldyrev, 1901 – Boldyrev, I. (1901). Poselok Rakusha, Gur'evskogo uyezda, Ural'skoi oblasti [Rakusha settlement, Guryevsky uyezd, Ural region]. *Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti*. 28: 741-743. [in Russian]
 ГА АО – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [The State archive of the Astrakhan region].
 Grimm, 1896 – Grimm, O.A. (1896). Kaspiysko-Volzhskoe rybolovstvo [Caspian-Volga fisheries]. SPb. [in Russian]
 Issledovanie..., 1860 – Issledovanie o sostoyanii rybolovstva v Rossii (1860). [Research on the state of fishing in Russia]. Т. 2. SPb.
 Lebedev, 1863 – Lebedev, K.N. (1863). O Kaspiiskom rybolovstve [On Caspian fishing]. SPb. [in Russian]
 Mikhailov, 1856 – Mikhailov, I.I. (1856). Astrakhanskii lovtsy [Astrakhan hunters]. Biblioteka dlya chteniya. 1856. Otd. 1. T. 137. Pp. 113-136. [in Russian]
 НА РК – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia].
 Nikol'skii 1898 – Nikol'skii, A.M. (1898). Astrakhanskii morskii lovtsy: Statistiko-ekonomicheskoe opisanie [Astrakhan sea fishermen: Statistical and economic description]. SPb. [in Russian]
 Obshchii obzor..., 1912 – Obshchii obzor XIX morskogo rybolovnogo uchastka Upravleniya Kaspiisko-Volzhskikh rybnykh i tyulen'ikh promyslov (1912) [General overview of the XIX marine fishing area of the Caspian-Volga Fish and Seal Fisheries Department] Ural'sk. [in Russian]
 Opisanie naseleennykh mest..., 1877 – Opisanie naseleennykh mest Astrakhanskogo uyezda, nakhodyashchikhsya v vedenii obshchei politsii (1877) [Description of localities in Astrakhan county under the jurisdiction of the general police]. Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vyp. 5. Astrakhan. [in Russian]
 Pokasov, 1909 – Pokasov, I. (1909). Poselok Olya (prikhoda s. Biryuch'ei Kosy, Astrakhanskogo uyezda) [The settlement of Olya (the parish of the village of Biryuchya Kosy, Astrakhan uyezd)]. *Astrakhanskii eparkhial'nye vedomosti*. 18: 586-591. [in Russian]
 Pokasov, 1911 – Pokasov, I. (1911). Biryuch'ya Kosa, Astrakhanskogo uyezda (istoriko-statisticheskii ocherk sela) [Biryuchya Kosa, Astrakhan uyezd (istoriko-statisticheskii ocherk sela)]. *Astrakhanskii eparkhial'nye vedomosti*. 17: 652-661. [In Russian].

PSZ RI, 1881 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1881. Sobr. 2. T. LIII. Ch. 2. SPb. Pp. 54-63 [in Russian]

PSZ RI, 1891 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1891) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1891. Sobr. 3. T. IX. SPb. Pp. 54-63 [in Russian]

Reversov, 1879 – *Reversov, P.I.* (1879). Materialy dlya tserkovno-prikhodskoi letopisi Astrakhanskogo uezda, Chetyrehbugorinskogo seleniya, Nikolaevskoi tserkvi [Materials for the parish Chronicles Astrakhan County, Chetyrehjadernogo villages Nicholas Church]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 3: 40-44. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Sangadzhiev, Monraev, 1981 – *Sangadzhiev, P.D., Monraev, M.U.* (1981). O vozniknovenii poselka Lagan' i proiskhozhdenii ego nazvaniya [About the origin of the village of Lagan and the origin of its name. Research on the historical geography of the KASSR]. *Issledovaniya po istoricheskoi geografii KASSR*. Elista. Pp. 72-78. [in Russian]

Zakony i instruktсии..., 1911 – Zakony i instruktсии, deistvuyushchie v Kaspiisko-Volzhskom rybolovnom raione (1911) [Laws and regulations in force in the Caspian-Volga Fishing Area]. Vyp. 1. Zakony. Astrakhan'. [in Russian]

Zubovich, 1896 – *Zubovich, P.O.* (1896). O samovol'nykh poselkakh v Astrakhanskom i Krasnoyarskom uezde [On unauthorized settlements in the Astrakhan and Krasnoyarsk uyezd]. *Otchet Petrovskogo obshchestva issledovatelei Astrakhanskogo kraya za 1894 god*. Astrakhan'. Pp. 35-45. [in Russian]

Государственная власть и рыбацкие поселки на землях кочевников в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – XIX вв.)

Сергей Степанович Белоусов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской АН, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирована государственная политика в отношении самовольных рыбацких поселений на землях кочевников Северо-Западного Прикаспия во второй половине XVIII–XIX вв. Автор исследовал обстоятельства возникновения рыбацких поселений, рассмотрел их национальный, сословный и профессиональный состав, раскрыл содержание политики властей в отношении их.

Изучение обстоятельств возникновения переселенческих рыбацких поселков на землях калмыков и казахов показало, что их образование было связано с развитием рыбной отрасли в дельте р. Волги и Каспийского моря. Поселки были образованы без ведома властей, поэтому относились к числу самовольных поселений.

Серьезно проблемами самовольных рыбацких поселений власти начали заниматься с середины XIX в., когда начались преобразования в рыбной отрасли. В конце XIX – начале XX вв. поселки были выведены из состава калмыцких и казахских земель и легализованы, после этого было проведено их административно-территориальное и земельное устройство, окончательно завершившееся во втором десятилетии XX в.

Автор пришел к выводу о том, что власти в целом были заинтересованы в существовании самовольных рыбацких поселений и не настаивали на их ликвидации. Они предлагали их жителям свои варианты решения проблемы, и только, если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на землях кочевников, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и удаления их жителей. В то же время власти в своей политике вынуждены были учитывать интересы кочевников в прибрежном Каспии и особый правовой статус калмыцких и казахских земель. В силу этого земельный вопрос при размежевании и наделении участками жителей легализованных поселений стоял достаточно остро. Можно констатировать, что при проведении политики в отношении самовольных рыбацких поселков властям удалось найти разумный баланс между интересами жителей поселков и кочевниками.

Ключевые слова: переселенческая политика, Северо-Западный Прикаспий, рыбацкие поселки, самовольные переселенцы, кочевники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousov@tlista@mail.ru (С.С. Белоусов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 543-555.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.543
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Diplomatic Activity of Khan Bukey Barakuly in the 80-s of the XVIII – first quarter of the XIX centuries (based on Russian Archival Materials)

Abilseit Muktar ^{a,*}, Ruslan Zhusupov ^b, Ulzhan Akhmetova ^c, Serikzhan Ismailov ^b

^a State historical and cultural «Sarayshyk» Museum-Reserve, Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanay regional University, Kazakhstan

^c Kh. Dosmukhamedov Atyrau regional University, Kazakhstan

Abstract

This article examines the socio-political and diplomatic activities of the Kazakh khan of the Middle Zhuz Bukey Barakuly with the Russian Empire from the 80-s of the XVIII century to the 20-s of the XIX century. On the basis of documents found in the archives of the Russian Federation, topical economic and political issues related to the history of the Kazakh Khanate, the Russian Empire and Central Asia were presented. The presented archival documents provide evidence on the role and contribution of Bukey Khan in the development of international trade relations. His activities to ensure the security of the passage of trade caravans and embassies through the territory of the Kazakh Khanate allowed Russia to expand trade relations with Kokand, Bukhara, Tashkent, Kashgaria and Kyrgyzstan. These circumstances led to the expansion of trade in the fortifications located in the border zone of the Kazakh and Russian lands. Another feature of this article is that on the basis of the archival documents used, it is possible to consider in detail the social structure of the Bukey Khan embassies, their goals and routes adopted in the capital of the Russian Empire, St. Petersburg. In particular, it describes the measures taken by Russian officials and the political elite of Bukey Khan to strengthen trade ties with Central Asia. In addition, this article provides information about the socio-economic and political situation in the Kazakh Khanate and Central Asia in the late XVIII – early XIX centuries, as well as the impact of these political conditions on the development of the trading system. And all this proves the success of Russia's policy in Kazakhstan and Central Asia at the beginning of the XIX century.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Empire, Central Asia, diplomacy, Middle Zhuz, trade caravans, embassy, border zone, trade relations.

1. Введение

В 1780-е годы политическая ситуация в Среднем жузе была нестабильной. После смерти хана Абылая в 1780 году преемником был объявлен его старший сын Вали-султан (Уали – Авт.). Однако в этот период появляются султаны, представлявшие другие династийные ханские ветви, которые стремятся оспорить право хана Вали на верховную власть. Среди тех, кто представлял оппозицию, были сын Барак-султана Даир-султан, его младший брат султан Букей и султан Абульфайз. Однако смерть султанов Даира и Абульфайза позволила хану Вали взять под полный контроль роды Среднего жуза и часть родов Старшего жуза. Вали-хан продолжил многовекторную политику Абылай-хана (Махаева, 2007: 61; Мұқтар, 2015; Мұқтар и др., 2020: 88; Мұқтар и др., 2020а: 83-84). Хотя Российская и Цинская империи признавали правление Вали-хана в Среднем жузе, влияние соперничавших с ним султанов в отдельных регионах продолжало усиливаться. На данный процесс влияли и внешние силы, которые были заинтересованы в ослаблении центральной власти в

* Corresponding author

E-mail addresses: muktar64@mail.ru (A.K. Muktar), rus.zhussupov@mail.ru (R.B. Zhusupov), ulzhan.a67@mail.ru (U.T. Akhmetova), ismailov_7777@mail.ru (S.S. Ismailov)

Казахском ханстве. Переход к подобной системе управления усиливал позиции отдельных султанов, которые самостоятельно решали многие вопросы на контролируемых ими землях, а также сами определяли внешнеполитические приоритеты. Например, в эти же годы султан Канкожа развивал собственные отношения с Китаем, а султан Букей – с Россией (*История Казахстана..., 2010: 273*).

2. Материалы и методы

Исследование основывается на собранных, систематизированных и проанализированных архивных материалах, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), где содержатся документы дипломатических отношений северо-восточного региона Казахского ханства и России конца XVIII – начала XIX веков. Также были использованы документы из фондов Исторического архива Омской области (ИАОО).

В работе применялся исторический метод, который позволил изучить связь России и Казахского ханства на конкретном историческом этапе, дал возможность глубже понять события, явления в связи с конкретно-исторической обстановкой, исследовать исторические факты с точки зрения современников той эпохи.

Также использовались такие общенаучные методы исследования, как логический, системный и критический анализ. Логический метод помог выявить взаимосвязи различных структур власти в обществе; системный – позволил определить взаимодействие представителей власти и управлений различного уровня; критический анализ способствовал объективной оценке источников с учетом их происхождения, целей и задач.

3. Обсуждение

Общественно-политическая деятельность хана Среднего жуза Букея Баракулы в конце XVIII – начале XIX веков всегда вызывал интерес ученых. Первыми исследователями были И.Г. Андреев, С. Броневский и А.И. Левшин. В работе И.Г. Андреева приводится родословная Букей-хана и показана территория, на которой находилась его ставка (*Андреев, 1998*), С. Броневский провел анализ социальной структуры казахов и ханства Букея (*Броневский, 1830; 419*), А.И. Левшин в своих исследованиях сконцентрировал внимание на политике русского правительства по вопросу утверждения султана Букея ханом Средней орды (*Левшин, 1998: 331*). В дореволюционной историографии Казахского ханства известны труды военных офицеров Л. Мейера (*Мейер, 1865*), М. Красовского (*Красовский, 1868*) и М. Терентьева (*Терентьев, 1906*). Они подробно описали социально-экономическое и политическое положение Казахского ханства.

Советские историки также проводили исследование жизнедеятельности Букея Баракулы. Труды М.П. Вяткина (*Вяткин, 1941*), Е. Бекмаханова (*Бекмаханов, 1957*), Н.Г. Аполловой (*Аполлова, 1960*) явились важным вкладом в изучение вопросов политического и социально-экономического развития Казахского ханства и укрепления казахско-российских отношений. Эти же вопросы получили отражение в работах В.Я. Басина (*Басин, 1971*), Б.С. Сулейменова (*Сулейменов, 1981; Сулейменов, 1988*), Б.П. Гуревича (*Гуревич, 1983*). Если обратить внимание на эти исследования, то очевидно, что деятельность Букей-хана в них отражена фрагментарно. В современной историографии время его правления трактуется казахскими учеными как период ослабления центральной власти в Среднем жузе. Такая точка зрения отражена и в 3-м томе академического издания «История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)» (*История Казахстана..., 2010: 273*).

4. Результаты

В процессе сближения Казахского ханства и России изменялась геополитическая ситуация в Центрально-Азиатском регионе. В первой половине XVIII века активизировались дипломатические контакты между российской администрацией и казахской правящей элитой. В процессе установления постоянных двусторонних отношений фиксировались проблемные вопросы политического и социально-экономического характера (*Ahmetova et al., 2016*). Однако обе стороны продолжали курс на установление долговременного сотрудничества. Фактически в этот период в приграничной зоне с Казахстаном продолжается строительство крепостей и городов, которые находились под российской юрисдикцией. По сути, эти укрепления постепенно трансформировались в административно-управленческие, военные и торговые центры имперского присутствия. Синхронно реализовывались стремления взаимного проникновения в торгово-экономическое пространство. На протяжении целого столетия проводилась последовательная политика выстраивания стабильно действующих транспортных магистралей. Таким образом, в эти годы функционировали 3 торговые магистрали: путь вдоль побережья Волги, Каспийского моря и через полуостров Мангышлак вплоть до Хивы, Бухары и Коканда, от Оренбурга или Троицка через Ташкент и Бухару в Коканд и от Петропавловска и Семипалатинска через казахские равнины по побережью Сары-Су до Ташкента (*Марозиков, 2018: 76*).

В 60-х годах XVIII века в Центральной Азии сохранялась сложная ситуация, обусловленная внутренними процессами и внешнеполитическим курсом ведущих политических субъектов. Россия продолжала укрепление военных приграничных линий, функциональные особенности которых

носили различный характер. Казахские представители использовали все возможности для установления и расширения контактов с сопредельными государствами. Согласно установившейся традиции, значительные функции возлагались на дипломатические посольства, участники которых являлись официальными представителями правящей династии. В условиях казахской государственности легитимность и статус правящей династии определялись поддержкой политической элиты.

В Казахском ханстве в XVIII веке выделялось несколько политических лидеров, заинтересованных в сохранении казахской государственности и территориальной целостности страны. Соответственно, эти лидеры выстраивали политическую концепцию, ориентированную на взаимодействие со среднеазиатскими государствами и Россией. В исторической литературе достаточно подробно освещена деятельность ханов Абулхаира и Абылая. Их политические взгляды определили характер казахско-российских отношений на долгие годы. Помимо них были и другие представители казахской знати, в частности ханы Барак и Абулмамбет, которые также инициировали установление постоянных контактов с Россией. Таким образом, казахская правящая элита сыграла определяющую роль в установлении и развитии дипломатических отношений Казахского ханства с сопредельными государствами. В этом ракурсе научный интерес вызывает деятельность одного из султанов Среднего жуза Абулфайза, который, по мнению современников, успешно конкурировал с другими казахскими лидерами. Он также установил дружеские отношения с Россией. В 1764 году Абулфайз-султан направил в Санкт-Петербург посольство во главе с Баймырзой-батыром. По итогам его работы была достигнута договоренность о беспрецедентной возможности казахам вести торговлю в Семипалатинске, т.к. ранее только российские и среднеазиатские купцы имели такое право. Абулфайз через своих представителей предложил российской стороне свою идею продвижения бухарских и ташкентских караванов через казахскую территорию. Санкт-Петербург с уважением отнесся к инициативам Абулфайза, поэтому в 1764 году российская сторона санкционировала перенос Семипалатинской крепости на новое место, в верховье реки Ишим, и уже к 1776 году началось строительство Семипалатинска (Андреев, 1998: 40).

Значительную роль в расширении политических и экономических отношений между Казахстаном и Россией сыграл Букей-хан. Согласно генеалогии, он был потомком известных казахских правителей Турсына и Барака (Андреев, 1998: 38). Букей-хан распространил свое влияние в восточном, центральном и южном регионах Казахского ханства. В памяти современников правитель Букей выступает как гибкий, прагматичный политик, которому удалось стабилизировать отношения с приграничными государствами (Ерофеева, 2014: 462). Именно в этот период Средний жуз находился в состоянии военных действий с рядом государственных образований Средней Азии. В 80-е годы XVIII века Букей участвовал в походах против киргизов в районе Семиречья (Андреев, 1998: 81, 82). Впоследствии именно Букей способствовал нормализации отношений с киргизскими (кыргызскими) биями и манапами. Более того, при его посредничестве киргизы отправили в Россию одно из первых своих посольств, например авторитетный родовой бий Атек-батыр. Он имел славу одного из могущественных киргизских родоправителей. Синхронно в этот период Букей санкционировал отправку казахской делегации из пяти человек во главе со своим сыном Батыр-ултаном (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243. Л. 413). Делегация действовала в Санкт-Петербурге в период со 2 августа 1786 года по январь 1787 года (Ерофеева, 2014: 462). Султан Батыр воспринимался в качестве непосредственного гаранта прохождения караванов к российской границе (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 419). Он внимательно отслеживал казахско-российские и российско-киргизские отношения, что было оправдано стремлением его отца к нормализации ситуации в юго-восточной части Казахского ханства. Сохранились материалы переписки между ханом Букеем и российской администрацией. По архивным источникам можно установить специфику дипломатической деятельности Букея. Например, в своем письме к генерал-поручику Н.Г. Огареву в июле 1787 года он высказывал беспокойство по поводу судьбы киргизского посольства «...Диких киргизцов от старшины Атеке-батыря посланы от него ко двору е. и. в. посланники, то когда оные оттоль возвратятца, прошу препроводить их до моих улусов. Которых по прибытии я отправлю и в их места...» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 7). Уже в январе 1789 года киргизское посольство выехало из Санкт-Петербурга, и Екатерина II передала бию Атеке 800 рублей серебром (Плюских, 1970: 38). Во второй половине 80-х годов XVIII века Букей актуализировал проблему развития торговых отношений в регионе. В частности, в очередном письме Н.Г. Огареву от 5 июля 1787 года он предлагал ряд действенных мер в этом направлении: «...Хотя чрез мое кочевье выезжающие с товаром бухарцы и ташкенцы караванами и препровождаютца мною для торгу в крепость Святого Петра, но как она крепость состоит во отдалении, и тем ташкенцам и бухарцам в проезде бывает великая трудность, то не лутче ли торг с ними сделать в крепости Ямышевской, так как они сами о том просят...» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 6).

Политику Букей-султана поддержал российский генерал-майор Я. Боувер. Он подготовил к Екатерине II представление «О положении дел в Среднем жузе и о мерах улучшения торговли и развитии оседлости». Генерал-майор Боувер в нем писал: «По проведении Средней орды в вышеписанное устройство откроется удобность к торговле с дикими каменными киргисцами,

ташкентцами, куканцами, кашкарцами даже до Индии, а пути туда ведущем достоверные сведения собраны. Проход через оные не имеет тольких затруднения, как чрез Бухарию, поелику там к продовольствию людей и вьючных лошадей всего достаточно. Сим новым путем до Индии можно дойти во 120 дней. Описание путевого ходу в Индию. Из крепости Святого Петра в Каракисяцкую вол. к Букай-султану в Средней орде находящемуся – 20 дней. Оттуда к диким каменным киргисцам, к Этеке-бахадру – 20 дней. Оттуда к Качкей Гиедею – 5 дней. Оттуда в Кашкарию – 10 дней. Оттуда в Жаркап – 5 дней. Оттуда в селение Джеваньджи – 10 дней. Оттуда в г. Кавыл – 10 дней. Оттуда до Тибета – 10 дней. Оттуда к диким киргисцам – 6 дней. От диких киргисцев до Индии – 20 дней. Ход в Ташкению: из крепости Святого Петра до Ташкени Среднею ордою двадцать, а Большою ордою – десять, всего 30 дней (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 1. Л. 1-5).

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX веков в восточной части Казахского ханства Букей-хан прочно укрепил свое влияние в качестве прагматичного и авторитетного правителя. По его инициативе с целью разрешения проблемных вопросов торгово-экономического и политического характера казахские султаны актуализировали вопрос отправки в Россию нового посольства.

В начале XIX века Букей-хан продолжил стратегию активного сотрудничества с царской администрацией в интересах подвластного ему населения.

1800 году в Санкт-Петербурге от Букея-султана находился его внук Али-султан. После посещения внука Букей-султану за усердие к службе определена была пенсия 300 руб. в год, а Али-султана за сопровождение караванов удостоили чина коллежского асессора с жалованьем 150 рублей в год (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 1. Л. 2-3).

В последующие годы под влиянием хана Букея казахские султаны подняли перед российскими пограничными структурами вопрос делегирования в имперскую столицу очередного казахского посольства. Инспектор Сибирской инспекции генерал-майор Н.Г. Лавров в рапорте от 21 ноября 1803 года уведомил свое начальство: «Средней Орды каракисяцкой волости султан Букей, Алтыбай-Буронаиманской волости султан Худай-Менди, и обитающей в границах российских при крепости Ямышевской навечно кочевке султан капитан Татен Урусов, просить меня о отправлений к двору депутатами султан Букей сына своего султана Газы, султан Худай-Менди сына своего султана Габидулла; а султан Татен братьев своих султанов Карадиля и Пшениа с пристойным числом старшин и служителей...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 2). Посольские миссии как реальный фактор взаимодействия выполняли значимую роль в дипломатической практике исследуемого времени. Казахские султаны в течение 1803–1805 годов направили множество писем в российскую администрацию. В них авторы констатировали качество реализованных мероприятий и прогнозировали перспективы дальнейшего сотрудничества. Например, Букей-хан в очередном послании констатировал уровень отношений между ним и членами его правящей династии с российской администрацией. Хан писал: «Отправил для всеподданнейшаго поздравления со всерадостным возшествием вашего величества на императорский всероссийский прародительский престоль, и донесь, что с давних лет подвластные мои слуга к пользе империй всегда препровождают в российские пограничные города иностранных купцов караваны, равно как и российских купцов для безопасности благополучно сопровождают чрез всепространство, так же думаю вашему величеству небезизвестно, что кроме купеческие караванов от подвластные мне благополучно были препровождая мы в чужие области и посольства вашего величества. За каково усердие я и внук мой Али султан, пользуемся от ваших определенным жалованием. Куканский бек присылал ко мне своего посланника с письмом, содержащим в себе желанье его иметь с российскими купцами торговую связь, и свободно в пускать их для того в свой город, есть ли возможно, то и буду караваны к нему провожать...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 21-23).

Очевидно, в ходе осуществления обстоятельной работы по стабилизации торгово-экономических отношений Букей последовательно выражал интересы правящей семьи, что являлось нормой политической культуры для элиты Центрально-Азиатского региона. В частности, он обратил внимание адресата на необходимость обеспечения его достойным вознаграждением, предоставления финансовых дивидендов за работу его сыну султану Газыю в виде денежного жалованья и члену посольства старшине Лоузану Тагаеву. Букей имел все основания на удовлетворение его ходатайства. Ранее, в 1800 году, его внук Али-султан руководил посольством в Санкт-Петербург. Он получал вознаграждение в виде жалованья за сопровождение посольства России и развитие торговых отношений. Али-султан получил годовое жалованье в размере 150 рублей и удостоился звания коллежского асессора. Также ему была вручена золотая печать. Сам Букей получал жалованье в объеме 300 рублей (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 56). В очередном письме Букей ходатайствовал по ряду пунктов, содержательная часть которых характеризует сферу взаимодействия контактируемых сторон: «Старшины Иртышбая Албаева с братом своим по следствию генерал майора Н.Г. Лаврова найденного виновным в убийстве, просить освободить, а убийцу Джаныбек Калкаманова и прочих ему отдать под суд; во-вторых, представляет, что Вали хан ещё не сделал удовлетворений за грабленный им караван, о том, о чем он просил ранее (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 19).

Сын Букея, депутат султан Газы, просил: во-первых, пожаловать его чином и определить жалованье; во-вторых, пожаловать ему золотую печать для утверждения приказов, изданных в Степи;

в-третьих, пожаловать чинами трех старшин, при нем находящихся, а также сопровождающих его чиновников российского двора (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 19об.). Итак, Букей-хан, который непосредственно нес ответственность за своих подчиненных, лично контролировал все наиболее значимые политические, уголовные и экономические «дела», которые имели резонансный характер. Несомненно, он проявлял дипломатическое искусство в сохранении стабильности и спокойствия в пределах сферы его влияния. В частности, Букей-хан старался не допустить конфликта со своим фактическим соправителем Вали-ханом. Фактически, как свидетельствует его письмо, он выступал выразителем интересов Вали-хана.

В начале XIX века по итогам административно-управленческих реформ устанавливалась новая система районирования территории Среднего жуза, а казахская аристократия по факту официальной государственной службы инкорпорировалась в имперскую иерархию.

Состоявшие на имперской службе султаны имели широкий спектр обязательств и полномочий как перед имперской администрацией, так и перед подвластным населением. В связи с этим в деловой переписке они отмечали перечень программных вопросов, решение которых формировало в целом политическую ситуацию в регионе. Например, султан-управитель Алтыбай-Бурунайманской волости Худай-Менды в своем письме изложил программу по решению ряда вопросов социально-экономического характера. Он, например, ходатайствовал об открытии и организации торговли вдоль Иртышской линии и Ямышевской дистанции, о сопровождении караванов, выдаче разрешения казахскому населению права кочевания в зимне-весеннее время на землях, находящихся в юрисдикции Российской империи, с уплатой налога за прогон скота по одной скотине от 500 голов скота, передаче в руки султана содержащихся в заточении Ямышевской крепости «виновных» и «безвинных» казахов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 19об.). В последующей части своего послания султан инициировал ряд предложений персонифицированного значения: «Сын его, депутат султан Габидулла просит: во-первых, наградить чином капитана, каким покойный брат его был удостоен и, определить ему жалованье; во-вторых, пожаловать чином старшину при нем находящегося Сатыбалды Анкишева; в-третьих, отправленного в числе служителей, а именно Суфу Кадболотова принять наравне с прочими (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 20). Состоящий на вечной кочевке в границах с Россией султан капитан Татен Урусов просит: во-первых, дать ему свободу с небольшим числом подвластных кочевать по ту сторону Иртыша, для приманки других киргизцов к переходу внутрь России; во-вторых, определить ему жалованье и построить деревянный дом между Ямышевской крепостью и Караковским форпостом; в-третьих, наградить чином и брата его султана Пшана с определением жалованья; в-четвертых, равномерно и старшину с ним отправленного Айдарата Матбакина наградить чином» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 20об.).

С июня по декабрь 1805 года от Среднего жуза в Императорском дворе находились султаны: Каракисецкой волости Газы Букеев, Бурунайманской волости Габидулла Худаймендин, проживающий в границах Российских Пшан Урусов; старшины: Лаузан Тагаев, Тоты Уразбаев, Байгара Игизеков из Каракисецкой волости, Сатыбалды Анкишев из Бурунайманской волости, Айдарат Матбакин, проживающий в границах российских; служители: Куттубай Дулатов, султана Газы; Супу Катыболатов, султана Габидуллы; Масакбай Чинетев, султана Пшана. Их сопровождали хорунжий Пахомов, старший толмач Маметияров, урядники Леденев, Волков (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 6).

Переговорная миссия каждого посольства являлась объектом анализа Государственной коллегии иностранных дел. Очевидно, наиболее значимые проблемы в административно-территориальном и торговом секторе подвергались обсуждению с учетом политических обстоятельств регионального или межгосударственного значения. Например, тайный советник И.А. Вейдемейер посчитал своим долгом оповестить Коллегию иностранных дел о письме султана Букея, в содержании которого он подробно осветил перспективы развития торговли на приграничных с Кокандским ханством землях, находившихся под властью Алим-бека. Согласно приказу Букея, в 1804 году султаны Али и Гази обязывались сопровождать русский караван уроженца города Тары Тобольской губернии купца Нерпина в город Туркестан. В этот момент Алим-бек известил Букея о наличии возможности и желания у кокандской стороны принимать подобные караваны в Коканде. В ответ Букей пообещал Алим-беку проинформировать российскую сторону о его предложениях. На основании соответствующего документа логичен вывод об обоюдной заинтересованности России и Коканда в установлении постоянных торгово-экономических отношений. Из представления Букей-султана в российской администрации также было очевидно, что имел место ряд обстоятельств, которые существенно затрудняли этот процесс, в частности военно-политический конфликт между Ташкентом и Кокандом, противоречия между казахами и кокандской династией, труднопроходимые дороги с горными барьерами. Для стабилизации торговых отношений Коканда и России Букей-султан предлагал урегулировать кокандско-ташкентские противоречия, что в перспективе могло стать реальным основанием для прохождения российских караванов. Поэтому Букей рекомендовал правителю Коканда начать мирные переговоры с Ташкентом (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 29-30).

Сохранялись трудности функционирования торговли в северной части Казахстана и Сибири. В 1803 году торговый путь проходил через Петропавловск, Семипалатинск и Бухтарму (РГИА. Ф. 1291.

Оп. 81. Д. 12. Л. 36об.). В Ямышеве отсутствовали таможи и заставы. Поэтому курирующие торговлю структуры не предпринимали действий по выдаче разрешений для пропуска товаров через границу. Казахские султаны инициировали свои предложения по осуществлению беспрепятственного прохождения караванов через Ямышевскую крепость. И.А. Вейдемейер в записке членам Государственной коллегии изложил позицию влиятельного Худайменды-султана по данной проблеме: «...Крепость Ямышевскую, ближающую всех прочих пограничных мест к кочевью их, из которой караваны за границу хода не имеют, а больше частью отправляются из крепости Семипалатной и Петропавловской куда купечества с торгом делается и из коих первая отстоит от кочевья их верст на 300 и более, а последняя в шести или семи стах верстах, для того они и просят выпуска караванов из Ямышевской крепости, чтоб и они могли ими пользоваться получая нужное, что в форпост Коряковском отстоящем от Ямышев в 50 верстах, где учреждена таможенная застава иметь не могут, а притом чтоб и самые караваны могли они провожать соседние им волости для общей всем от того пользы. Оный султан Худай-Менди по отзыву Пристава Сибирского линейного казачьего войска хорунжого Пахомова, неоднократно бывшего в его аулах имеет кочевьем свое зимою в степной стороне за Иртышем в 150 верстах от форпоста Семиарского, а в летнее время откочевывает далее вниз по реке Иртышу верст на триста, зимою же таки возвращается на прежнее места по близости форпоста Семиарского» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 37-38). Впоследствии перед генерал-майором Н.Г. Лавровым была поставлена задача перемещения Коряковского форпоста в 50 верстах от Ямышева или строительство нового форпоста, о чем упоминалось выше. Соответствующие варианты рассматривались как предварительные в ракурсе развития торговли.

Казахские правители акцентировали внимание на налоговых сборах и пошлинах, которыми облагались казахские хозяйства в период перегона скота через Сибирскую линию. В очередной записке И.А. Вейдемейера в Государственную коллегию иностранных дел указывалось на инициативы сына султана Букея султана Габдуллы, который отмечал факт уплаты казахами в казну со ста голов скота одной головы за право перехода на зимовку в сибирские владения России. Габдулла предлагал другой вид пошлины в нормативах – по одной голове с 500 голов. По его прогнозам, казахи многих волостей по примеру Бурунайманской желали всегда зимовать в российской Сибири. Российская сторона реализовала собственный проект торгово-экономических отношений на пограничной линии. Согласно указам Государственной коллегии иностранных дел от 2 сентября 1770 и 16 июня 1771 годов, казахи за перегон скота через Сибирскую линию оставляли аманатов пограничным властям. Впоследствии царским указом от 7 августа 1800 года было приказано инспектору Сибирской инспекции генерал-лейтенанту Нефедову от переходящих линию казахов собирать со ста лошадей по одной годной для драгунских полков лошади и дополнительно из «прочего скота» в пользу госпитальных полков. Впоследствии местные чиновники в интересах обеспечения Сибирских полков акцентировали перед Государственной коллегией иностранных дел возможность ликвидации этого сбора и его замены другим видом налогов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 48-49). На заседании Государственной коллегии рассматривались различные проекты, авторы которых в лице местных чиновников выражали разные мнения. Например, в 1803 году директор Петропавловской таможи настаивал на уничтожении этого неэффективного для экономического сектора и торговли налога. Свою позицию озвучил высокопоставленный чиновник – генерал-майор Н.Г. Лавров, непосредственно отвечавший в этот период за приграничную территорию Сибирской линии. В официально заверенном им документе фиксировалась количественная динамика поступивших за уплату сборов скота. Так с 1800 по 1804 годы пограничные власти собрали 679 лошадей, 187 голов крупного рогатого скота, 494 барана на общую сумму 15000 рублей. В содержательной части донесения отмечалась выгода для представителей Сибирского казачьего войска, которые получали лошадей по умеренной цене. Их годовое жалованье составляло 5–6 рублей, и из этой суммы приобретались вооружение, амуниция, лошади (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 50-51).

Значительные выгоды в пользу лазаретов от такой формы налогообложения по перегону крупного рогатого скота получали расположенные на линии полки. В целом российские чиновники не нашли общего решения по данной проблеме. Общая концепция Государственной коллегии иностранных дел к казахским правителям нашла отражение в письме тайного советника И.А. Вейдемейера султану Букею от 4 декабря 1805 года. Автор письма обратил внимание Букея на благодарность имперских властей за обеспечение сопровождения послов и купцов, перемещавшихся между Санкт-Петербургом и ставками правителей. В знак признания его сыну Газыю устанавливалось жалованье 175 рублей в год и нагрудная золотая медаль на алой ленте, золотая печать с его выгравированным именем. Относительно уведомления Букея о желании Алим-бека установить торговые отношения император дал утвердительный ответ. Имперская администрация разъяснила основные пункты, на которые указывал Букей. В частности, по предложению султана Букея старшине Лоузану Тагаеву за оказанные заслуги в торговых операциях определялось годовое жалованье в объеме 60 рублей, российская сторона склонялась к принятию решения об освобождении старшины Иртышбая Албаева и его товарищей от судебного преследования за убийство старшины Айходжи Ходжиева по факту их «невинности», основанной на утверждении Букея. Особо рассматривался вопрос судопроизводства по отношению к убийцам Ходжиева в лице

старшины Джанибека Калкаманова и его товарищей. Букей требовал предоставить право осуществления судебно-правовых мероприятий на основе казахского судопроизводства. Но российская администрация ответила отказом по причине официального российского подданства убитого на Сибирской линии Ходжиева, поэтому судебные мероприятия следовало организовать по имперским законам. Особо рассматривался эпизод ограбления кашгарского каравана в зоне влияния хана Вали. И.А. Вейдемейер сообщил Букею о предоставлении императором соответствующих распоряжений генерал-майору Н.Г. Лаврову для ускорения желаемого результата (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 96-97).

Синхронно И.А. Вейдемейер в письме предоставил ответы нескольким казахским султанам. В письме султану Татену Урусову Вейдемейер 4 декабря 1805 года писал: «1) Просьбу вашу о позволении кочевать по ту сторону реки Иртыша повелено принять в надлежащее уведомление. По рассмотрение же оной, какое последует на то соизволения императора будете вы уведомлены во свое время. 2) Император соизволил как на определение вам по 200 руб. на год жалованьях и на постройку для вас деревянного дома. Вследствие чего предписано генерал-майору Лаврову, чтобы он, избрав по соглашению с вами удобное для таковой постройки место, прислал сюда план и смету на рассмотрение и для ассигнования потребной на то суммы. 3) Брат ваш Пшень пожалован чином титулярного Советника с жалованием по 150 руб. в год, а старшина Айдарат Матбакин чином провинциального секретаря (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 101-102).

Вейдемейер писал к султану Кудаймендию: «1) поелику прозьбы ваши о позволения выпускать караваны из Ямышевской дистанции и о сборе с перкочевывающих на внутреннюю сторону линий киргиз-кайсацкой с 500 по одной скотине требуют рассмотрение и соображения, то такое оным последует Высочайшее соизволение, вы будете во свое время уведомлены. 2) в разсуждению содержимых в Ямышеве по делам казахов вы можете быть уверены, что дела сии рассматриваются и решаются на точном основании законом и правосудия, и те из казахов. кои окажутся невинным, получить неукоснительно свободу»; султану Газы: «На особенное же ваше прошение от коллегии вам объявляется: как о поджаловании чинов приехавших с вами старшинам Лаузан Тагаеву, Тоты Урузбаеву и Байгара Гайзекову по всеподаннейшему ходайству его и оказана монаршая милость первому из них Лаузану Тагаеву определением ему жалованья по 60 руб. на год. Сверх того как ему, так и другим двум старшинам, пожалованы на платье сукна по 5 аршин каждому, перювьеню по 13 аршин, золотого глазету на шапку по 2 аршин, по одной чернубурой лисице и серебром по 150 руб., а служителю вашему Токтубай Дулатову сукна 2,5 аршин, камлоту 10 аршин и 30 руб. серебром»; султану Пшену: «Объявляемое в прошении вашем намерение завести у себя хлебопашество удостоено высочайшего одобрения. При отправлении вас отсюда всемилостивейше жалуется вам в награждения бриллиантовый перстень, 13 аршин парчи на платье, 5 аршин сукна, 4 пары соболей на шапку и 300 руб. серебром. Старшине Айдарату Матбакину 5 аршин сукна, 13 аршин перювьеню, 2 аршин золотого глазету на шапку, одна чернубурая лисица и 150 руб. серебром, а служителю вашему Масакбею Чинитев сукна 2,5 аршин, камлоту 10 аршин и 30 руб. серебром»; султану Губайдолле: 1) из особенного монаршего благоволения определено вам по 100 руб. на год и сверх того получите вы от щедрости императорского в награждение бриллиантовой перстень, 13 аршин парчи на платье, 5 аршин сукна, 4 пар соболей на шапку и 300 руб. серебром. 2) старшине Сатыбалды Анкишеву жалуется в таковое же награждение серебром 150 рублей, сукна на платье 5 аршин, перювьеню 13 аршин, золотого глазету на шапку 2 аршин и одна чернубури лисица» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 108-118).

Таким образом, царская администрация методом подарков и финансовых жалований поощряла лояльных к империи казахских правителей, которые стремились к реализации взаимовыгодных торговых проектов. Инициативы султана Букея по установлению российско-кокандских торговых связей при его личном посредничестве увенчались успехом, что зафиксировано в его очередном письме представителям администрации, где он сознательно акцентировал значение представительства собственной семьи в лице сына и ближайшего окружения. Присутствие в сопроводительной миссии члена семьи Букея в составе Кокандского посольства существенно в очередной раз возвышало статус Букея среди его личного окружения, подданных и конкурирующих за право влияния династий. Представительский состав посольства обозначен в записке генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа министру иностранных дел графу И.П. Румянцеву от 14 февраля 1812 года. Очевидно, кокандская сторона сформировала посольство важными персонами, согласно иерархии в управленческой системе Кокандского государства. По среднеазиатским традициям с древних времен право руководства над дипломатической миссией предоставлялось выходцам из аристократической верхушки. В этом документе явно указан статус представительства казахской депутации от Букея как «посланцев Среднего Жуза»: «Дана императорская Его величества грамота находящимся здесь Кокандским посланиям Рагметулла диван бегию, Кушь Батурову и Шекур аталыку, Атбасар аталыкову, в ответ к владельцу их Амеру Нарбутеханову сыну..., и отправлял тех посланцев обратно к Вам милостивый государь мой, с сыном первого Басанджаном и с родственником второго Серемсаком, престарелым ходжею Гусейн баем и двумя служителями, так же с бывшими здесь обще с теми посланцами Средней киргискайсацкой орды солтаном Газы Букеевым сыном, старшиною Лаузаном Тагаевым и двумя их служителями, и на конец с другими киргискими же старшиною из

обитающих на вечной кочевке в России Ботаканом Курамсиным и муллою Ташбулатом Бикбулатовым» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 12). Очевидно, султан Букей предпринимал все возможные меры для укрепления своей династийной власти и ее сохранения на подвластных ему территориях. Эта мысль четко прозвучала в следующих строках его письма: «...Прадеды мои от седьмого колена все были ханами непрерывно. Киргиз кайсаки Средней Орды единодушно все желают и меня видят своим ханом. Есть ли благоугодно будет удовлетворить оному. Прошу от лица их всемилостивейшее утвердить меня в том достоинстве, что и предаю на благо рассмотрение» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 1). В ответном послании Букею от 12 февраля 1812 года граф Румянцев констатировал положительную роль фамилии Букея и его подданных в содействии развитию российско-кокандских отношений. Императорский двор учитывал важное пожелание Букея – утверждение его в ханском достоинстве. Румянцев в письме перечислял все последние заслуги Букея и в завершении уведомил адресат о возможности реализации предоставления ханской власти в перспективе: «Всепопданнейшее донесение ваше присланное к Его императорскому величеству с сыном вашим солтаном Газою, я имел счастье поднести Ему великому Государю. Его императорское величество приняв оное с особливою благоугодностию и усмотрев изъявленное в нем радание ваше к пользам Его империи, оказанное самим делом чрез способствование ваше в открытии торговых сношений с Кокандом, высочайше соизволил мне повелеть объявить вам Почтеннейший солтан, всемилостивейшее его благоволение во исполнение чего препровождаю к вам в знак монаршего благоволения два куса богатой парчи по двенадцати аршин в каждом, десять аршин атласу, да золотые часы с золотою цепочкою, поручив все оные от имени Его величества к вам доставить помянутому сыну вашему, который как обряд требует Его императорскому величеству был представлен вместе с посланцами Кокандского владетеля и старшиною Лаузан Тагаевым и сверх того всемилостивейше пожалован чином майора от армии и прибавкою ста двадцати пяти рублей в год к жалованью получаемому им от монарших щедрость, а старшина Лаузан награжден чином губернского секретаря и прибавкою сорока рублей в год к его окладу. Также поручено сыну вашему доставить три ста рублей государственному ассигнациями подведомственному вам киргисцу Карчиге Карачину, провожавшему отряд Российской в Коканд, и по возвращении оттуда за болезнь отправленному из Омска в аулы ваши в разсуждении же изъявленного вами в означенном донесении желания быть возведенными в ханское достоинство получите вы во свое время разрешение посредством командующего на Сибирской линий генерала» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 13).

Характерно отметить процедуру постепенного увеличения суммы финансового содержания казахской знати с учетом достигнутых результатов их деятельности. Например, первоначально Газы-султану устанавливалось ежегодное жалованье в сумме 175 рублей, по итогам реализации начальной стадии российско-кокандского торгового сближения его сподвижнику старшине Л. Тагаеву – 60 рублей. По мере улучшения торговых контактов указанных государств жалованье Газы-султана и Л. Тагаева выросло соответственно на 125 и 40 рублей и составило у Газы султана 300 рублей, а Л. Тагаева – 100 рублей. Актуализировался вопрос возведения султана Букея в ханское достоинство вследствие очевидного прогресса на кокандском направлении. Бии, т.е. родовые вожди 13 волостей, в частности Алтаевской, Туртугулской, Чанчаровской, Байбуриной, Кучумовской, Джалунбалаевской, Чоринской, Каринской, Кыргызовской, Тобуклинской, Тараклинской, Конратовской и Карпыковской, которые представляли могущественные подразделения племени аргын, в письме от 14 июля 1814 года императору Александру Павловичу уверяли его о проявленной силе воли, т.е. возведении на ханский трон Букея (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 10-11). Таким образом, бии фактически признали верховенство Букея по законам и традициям степного обычного права, постулаты которого для казахского населения сохраняли свою легитимность. Через несколько месяцев, 27 октября 1814 года, Букей-хан в послании командиру войск Сибирской инспекции генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу уведомил о состоявшейся процедуре его признания как хана: «Посылаю сына моего солтана Чингиса, старшину Л.Тагаева, биев Алибека и Бойса. По повелению е.и.в. всемилостивейшего государя моего и вашего превосходительства так равно и пожеланию киргиз-кайсацкого народа о возведении меня на ханское достоинство честь имея уведомить вас, предаю благоусмотрению вашему донести о сем возведении меня на ханство всемилостивейшему великому государю...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 9).

Г.И. Глазенап через 3 недели информировал И.А. Вейдемейера 20 ноября 1814 года о содержании полученного письма. И.А. Вейдемейер 24 мая 1815 года изложил в письме аналогичную информацию графу К.В. Нессельроде (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 16-18). Позже в письме от 13 января 1817 года Г.И. Глазенап в письменном сообщении Н.В. Нессельроде сообщил об объявлении императору об утверждении султана Средней орды Букея в ханском звании от 13 ноября 1816 года (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 32а). Г.И. Глазенап сообщил также о просьбе Букея о присылке в его резиденцию сына султана Чингиса со старшинами с целью его делегирования к императору. Оговаривалась роль правителя Каракесьяцкой волости, коллежского асессора Али-султана, который согласно протекции Букей-хана удостоился вручения в Омске ему золотой медали на алой ленте с портретом императора и написанием на татарском и русском языках его имени. Ранее, еще в 1805 году, подобную медаль получил сын Букея султан Газы за обеспечение безопасности караванов.

Интересная информация содержится в письме Д.А. Гурьева к графу К.В. Нессельроде, который сообщил о решении Комитета министров от 20 ноября 1816 года о назначении должностных 150 рублей и дополнительно 150 рублей к жалованью внука хана Букея султану Али, которые будут выплачиваться из Тобольской казенной палаты (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 60).

Поощрения и награды получили и другие лица из окружения Букей-хана. К.В. Нессельроде 13 ноября 1816 года написал письмо П.П. Коновницину, из содержания которого следует удовлетворение Комитетом министров 20 октября просьбы Букей-хана о пожаловании поручику Л. Тагаеву и Т. Теленчину капитанских чинов, а М. Илеову – чина поручика (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 56). Была подготовлена императорская грамота о возведении Букея в ханское достоинство от 31 декабря 1816 года (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 35). Члены Государственной коллегии иностранных дел поручили командиру отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу провести официальную церемонию в районе приграничья. Г.И. Глазенап в документе от 20 марта 1817 года сообщил Государственной коллегии о переговорах с Букеем относительно места церемонии, в частности он предлагал окрестности озера Джаильык, напротив форпоста Коряковского в 70 верстах от российской границы. Букей имел право выбора другого места, но с соблюдением условия проведения в бассейне реки Иртыш (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 76-77). В следующем послании Глазенапа к К.В. Нессельроде от 21 июля 1817 года описана процедура церемонии. Итак, российская депутация в составе 300 казаков и конно-казацкой артиллерии из 6 орудий покинула форпост Коряковский 25 июля, на расстоянии 121 версты от крепости встретила с ханом и его подданными в лице почетных султанов, биев, старшин и людей благородных сословий подведомственных ему волостей. 27 июля состоялась церемония с предоставлением Букею знака ханского достоинства. Возложили ему знаки ханского достоинства (шубу соболью, шапку с околышем черно-бурой лисицы и саблю булатную, осыпанную камнями с надписью, с одной стороны на русском, а с другой стороны на татарском языке) и вручили грамоты для потомственного хранения (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 46. Л. 87-88).

До церемонии о желании Букей-хана направить депутацию к императорскому двору говорится в обращении сибирского генерал-губернатора Г.И. Глазенапа управляющему иностранной коллегией К.В. Нессельроде от 8 марта 1817 года. Депутация включала сына султана Чингиса Турсьна, почетных старшин капитана Лаузана Тагаева, Казангапа Сатыбалдина, Алибека Избасарова и служителя Айтоки Тютютина. Первоначально Букей-хан планировал назначить руководителем посольства своего сына Чингиса, но по причине своей болезни и наличия обилия спорных дел подданных отказался от реализации этой идеи (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 61. Л. 2). Казахская депутация от Средней орды в Санкт-Петербург имела несколько задач, в частности представление благодарности императору за утверждение в ханском достоинстве Букея, увеличение жалованья Букей-хану, назначение офицерского чина состоявшему при хане мулле Салегу Сагитову (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 61. Л. 7-9). Хан Букей поручил своему внуку султану Турсьну Чингисову передать управляющему Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде письмо от 13 мая 1817 года, где ходатайствовал за своих подданных. Он просил об увеличении жалованья капитану Л. Тагаеву до 100 рублей в год, К. Сатыбалдину, заменившему заболевшего старшину капитана Т. Теленчина, капитанского звания с увеличением 50-рублевого жалованья на порядок выше, предоставления капитанского звания с годовым жалованьем в 100 рублей А. Избасарову, вручения денежных средств А. Тютюину за проявленное усердие в государственных интересах (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 61. Л. 17-18).

Хан Букей отправил письмо, согласно архивным документам, 17 февраля 1817 года российскому императору Александру I, которое доставил адресату внук хана султан Турсьн. В данном послании он просил царя оказать ему и его верным людям знаки внимания, которые более детально приводятся в письме. В преамбуле хан напоминает о тех услугах, которые он оказал российской стороне: «...Я еще при жизни отца моего Барак хана всегда оказывал Российской державе мои усердные услуги препровождением купеческих караванов и Российских посланных в разные земли как то: в Кашкарию, Бухарию, Ташкению и Куканию вперед и обратно, каковые услуги непрестанно оказывать Российской стороне продолжают поныне и дети мои и внуки» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 61. Л. 12).

В ответном послании хану Букею К.В. Нессельроде осветил все запросы, которые были озвучены в письме к императору, следующим образом: «ответствовать хану о том, что охранение его и подвластных ему от обид и притеснений всегда останется главнейшим предметом правительства России, и он имеет полновластную степень содержать порядок и оказывать правосудие в Орде, который был подтвержден императором России. Но уголовные преступления со стороны казаков в пределах России, в этом случае правительство императора оставил на прежних основаниях т.е. по законом России с разъяснением тем, что правосудиях России последние время наблюдается строгость... изъявление вам и потомству вашему монаршей милости и в награду услуг оказываемых вашим высокостепенством, детьми и внуками вашими при провожании российских караванов, е.в.и. благоугодно было пожаловать вам в прибавку к получаемому вами жалованья еще триста пятьдесят рублей, сыну же вашему султану Чингису, определить жалованья триста рублей и пожаловать ему золотую медаль с портретом Его величества на Александровской ленте для ношения

на шею и золотую печать в перстне с значением его имени» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 68. Л. 1). Помимо этого, российская администрация была готова отправлять по просьбе хана военные отряды в случае острой необходимости, а также удостоила различными знаками отличия членов казахской дипломатической миссии. Например, султан Турсын как руководитель посольства был награжден золотой медалью с портретом на Анненской ленте, Л. Тагаев – золотой печатью в перстне с его именем, старшина К. Сатыбалдин получил звание капитана, А. Избасаров – поручика, а мулла С. Сагитов – коллежского регистратора (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 61. Л. 31-33).

Таким образом, Россия поддержала политику Букея и официально утвердила его ханом Средней орды. Азиатский комитет 19 февраля 1820 года раскрыл политику правительства и писал: «В недавнее время опять возобновилась мысль ослабить ханов раздроблением Орды на части и определением в оную по несколько владельцев. Несмотря на то, что бывший Оренбургский военный губернатор Волконский с великою основательностью доказывал все неудобства и невыгоды, долженствующие неминуемо проистекать от таких распоряжений. В 1812 году утвержден в Младший Орде два хана Букей сын Нуралиева и Айчувакова сын Шергазы. По сему же примеру в 1816 году в Средней Орде назначен сверх Валия еще Букей сын Барака» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 111).

После утверждения хан Букей продолжил политику укрепления казахско-российских отношений. Его успешная дипломатическая деятельность увенчалась заметным прогрессом в торгово-экономическом направлении, которую мы можем отследить по статистическим данным, предоставленным Петропавловской таможенной: в 1804–1817 гг. из России было вывезено товаров на сумму 10221,9 тыс. руб., а ввезено на 11202,3 тыс. рублей (Плоских, 1970: 23). В последующие годы товарооборот снижался, что было связано с открытием новых таможенных постов, но, несмотря на это, разница между вывозом и ввозом сохранялась в пользу среднеазиатских товаров (Валиханов, 1964: 105). Такая тенденция, возможно, говорит о заинтересованности российской стороны в торговых отношениях со среднеазиатскими государствами.

Букей-хан умер в 1819 году в возрасте около 82 лет и был похоронен в городе Туркестан, который долгое время являлся столицей Казахского ханства, и в нем были похоронены многие известные казахские правители, среди которых были и предки Букея. Сведения о дате смерти хана Букея упоминают в своих трудах такие известные исследователи истории Казахского ханства, как С.Б. Броневский, А.И. Левшин и другие (Ерофеева, 2014: 463).

5. Заключение

Таким образом, мы смело можем утверждать, что Букей Баракулы был одним из первых казахских аристократов, начавших строить конструктивные отношения с Российской империей. Его дипломатическая деятельность внесла большой вклад в развитие торгово-экономических и политических отношений между Казахским ханством и Российской империей. Инициированные им переговорные процессы позволили расширить торговые связи России с государствами Средней Азии, в которых были заинтересованы все стороны. Хан Букей стал гарантом безопасности караванной торговли, сопровождая торговые миссии через территорию Казахстана, что говорит о степени его влияния среди кочевого населения. Подобная деятельность хана вознаграждалась российским правительством, что нашло отражение в архивных документах, вводимых впервые в научный оборот. Дипломатическая деятельность Букей-хана стала залогом расширения торгово-экономических и политических взаимоотношений Российской империи с Казахским ханством, Кокандом, Ташкентом, Бухарой и Кашгаром. Таким образом, он внес большой вклад в развитие и расширение казахско-российских отношений на рубеже XVIII–XIX веков.

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
 Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Ғылым, 1998. 280 с.
 Аполлова, 1960 – Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XX в. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 456 с.
 Басин, 1971 – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971, 276 с.
 Бекмаханов, 1957 – Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: АН СССР, 1957. 337 с.
 Броневский, 1830 – Броневский С.Б. О киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. ХLI. Кн. СХIХ. Август. С. 400–420.
 Валиханов, 1964 – Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. В 6 т. Т. III. Алма-Ата, 1964. 663 с.
 Вяткин, 1941 – Вяткин М.П. Очерки истории Казахской ССР. М.: Госполитиздат, 1941. 367 с.
 ИАОО – Исторический архив Омской области.
 Гуревич, 1983 – Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. Второе, дополненное издание. Москва, 1983. 308 с.
 Ерофеева, 2014 – Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 1032 с.

- История Казахстана...**, 2010 – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 3. Алматы: «Атамұра», 2010. 768 с.
- Красовский, 1868** – *Красовский Н.И.* Область Сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В III частях. СПб., 1868. Ч. I. 451 с.
- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под редакцией академика М.К. Козыбаева). Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
- Марозиков, 2018** – *Марозиков А.А.* Из истории торговых связей среднеазиатских ханств с Россией // *Проблемы современной науки и образования*. 2018. № 12 (132). С. 73-76.
- Махаева, 2007** – *Махаева А.Ш.* Қазақ-қырғыз саяси байланыстарының тарихы (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың бас кезі). Монография. Алматы: «Ценные бумаги» баспасы, 2007. 357 б.
- Мейер, 1865** – *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865. 288 с.
- Мұқтар, Сыдықов, 2015** – *Мұқтар Ә., Сыдықов Е.* XVII-XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы. Монография. Алматы: «Мерекенің баспалар үйі» ЖШС, Мереке баспасы, 2015. 688 б.
- Мұқтар и др., 2020** – *Мұқтар Ә.Қ., Исмаилов С.С., Жусупов Р.Б.* Уәли ханның Ресеймен дипломатиялық қарым-қатынасы (Ресей архиві құжаттары негізінде) // *Отан тарихы*. 2020. №1 (89). 65-89 б.
- Мұқтар и др., 2020а** – *Мұқтар Ә., Ахметова Ұ., Атыгаев Н., Ахмет А., Жумабаев А.* Қазақ Хандығы құрылымындағы билер, батырлар, қожалар, жасауылдар, аталықтар және тархандар институттары (XV–XIX ғғ.). Монография. Алматы: «Арыс» баспасы, 2020. 248 б.
- Плоских, 1970** – *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784–1824 гг.). Изд. «Илим». Фрунзе, 1970.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сулейменов, Басин, 1981** – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1981. 247 с.
- Сулейменов, Моисеев, 1988** – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (О внешней и внутренней политике Аблая. Алма-Ата: Издательство «НАУКА» Казахской ССР, 1988. 144 с.
- Терентьев, 1906** – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В 3 томах. Спб.: Типо-литография Комарова В.В., 1906. 1562 с.
- Ahmetova et al., 2016** – *Ahmetova U., Muktar A., Nurmanova A.A.* The Historical and Ethnographical Research on Kazakhstan done by Foreign Scientists of XIX–XX Centuries: the Case of J.A. Castagné's Studies // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1305-1314.

References

- Ahmetova et al., 2016** – *Ahmetova, U., Muktar, A., Nurmanova, A.A.* (2016). The Historical and Ethnographical Research on Kazakhstan done by Foreign Scientists of XIX–XX Centuries: the Case of J.A. Castagné's Studies. *Bylye Gody*. 42(4): 1305-1314.
- Andreyev, 1998** – *Andreyev, I.G.* (1998). Opisanie Srednej ordy kirgiz-kajsakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Gylym, 280 p. [in Russian]
- Apollova, 1960** – *Apollova, N.G.* (1960). Ehkonomicheskie i politicheskie svjazi Kazahstana i Rossiej v XVIII – nachala XX v. [Economic and political connections of Kazakhstan and Russia in the XVIII – beginning of XX centuries]. М: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 456 p. [in Russian]
- AVPRI** – Arhiv vneshnij politiki Rossijskoj imperij [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Basin, 1971** – *Basin, V.Ja.* (1971). Rossija i Kazahskie hanstva v XVI – XVIII vv. (Kazahstan v sisteme vneshnej politiki Rossijskoj imperii). [Russia and Kazakh khanates in the XVI – XVIII centuries. (Kazakhstan in the system of the Russian empire foreign policy)]. Alma-Ata, 276 p. [in Russian]
- Bekmahanov, 1957** – *Bekmahanov, E.* (1957). Prisoedinenie Kazahstana k Rossii [Accession of Kazakhstan to Russia]. Alma-Ata: AN SSSR, 337 p. [in Russian]
- Bronevskij, 1830** – *Bronevskij, S.B.* (1830). O Kirgiz-kaisakah Srednei Ordy. [On kirghiz-kaisak Middle Horde]. Otechestvennye zapiski. SPb., Ch. XLI. Kn. CXIX. Avgust. Pp. 400-420. [in Russian]
- Erofeeva, 2014** – *Erofeeva, I.V.* (2014). Ehpistoljarnoe nasledie kazahskoj pravjashej ehility 1675-1821 gg. [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite 1675-1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-h tomah. Almaty: AO ABDI Company, 1032 p. [in Russian]
- Gurevich, 1983** – *Gurevich, B.P.* (1983). Mezhdunarodnye otnoshenija v Central'noj Azii v XVII – pervoj polovine XIX v. [International relations in Central Asia in the XVII – first half of the XIX century]. Vtoroe, dopolnennoe izdanie. М., 308 p. [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [The Historical archive of Omsk region].
- Istorija Kazahstana...**, 2010 – Istorija Kazahstana (s drevnejshih vremen do nashih dnei). [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. 2010. V 5 tomah. Т. 3. Almaty: «Atamura», 768 p. [in Russian]

Krasovskij, 1868 – *Krasovskij, N.I.* (1868). Oblast' Sibirskih kirgizov. [Region of the Siberian Kirghiz]. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. V III chastjah. SPb., Ch. I. 451 p. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kaisackih, ord i stepej (pod redakciej akademika M.K. Kozybaeva) [Description of Kirgiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes (under the editorship of academician M. Kozybayev)]. Almaty, «Sanat», 656 p. [in Russian]

Mahaeva, 2007 – *Mahaeva, A.Sh.* (2007). Kazak-kyrgyz sajasi bailanystarynyn tarihy (XVIII gasyrdyn ekinshi zhartysy – XX g. bas kezi) [The history of Kazakh-Kyrgyz political relations (the second half of the XVIII – the beginning of the XX century)]. Monografija. Almaty: «Cennye bumagi» baspasy, 357 p. [in Kazakh]

Marozikov, 2018 – *Marozikov, A.A.* (2018). Iz istorii torgovyh svjazej sredneaziatskih hanstv s Rossiej. [From the history of trade relations of the Central Asian Khanates with Russia]. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovanija*. 12(132): 73-76. [in Russian]

Mejer, 1865 – *Mejer, L.* (1865). Kirgizskaja step' Orenburgskogo vedomstva. [Kirghiz steppe of Orenburg establishment]. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. SPb., 288 p. [in Russian]

Muktar i dr., 2020 – *Muktar, A.K., Ismailov, S.S. Zhusupov, R.B.* (2020). Uali hannyn Ressejmen diplomatijalyk karym-katynasy (Resej arhivy kuzhattary negizinde) [Uali Khan's diplomatic relations with Russia (based on documents from the Russian Archive)]. *Otan tarihy*. 1(89): 65-89 p. [in Kazakh]

Muktar i dr., 2020a – *Muktar, A., Akhmetova, U., Atygayev, N., Akhmet, A., Zhumabayev, A.* (2020). Kazak Handygy kurylymyndagy biler, kozhalar, zhasauyldar, atalyktar zhane tarhandar instituttary (XV–XIX gg.). [Institutions of bays, batyrs, khojas, zhasauls, atans and tarkhans in the structure of the Kazakh khanate (XV–XIX centuries)]. Monograph. Almaty: «Arys» baspasy, 248 p. [in Kazakh]

Muktar, Sydykov, 2015 – *Muktar, A., Sydykov, Ye.* (2015). XVII-XIX gasyrlardagy Kazak handygy [Kazakh Khanate of the XVII-XIX centuries]. Monografija. Almaty: «Merekenin baspalar uji» ZhShC, Mereke baspasy, 688 p. [in Kazakh]

Ploskih, 1970 – *Ploskih, V.* (1970.). Pervye kirgizsko-russkie posol'skie svjazi (1784-1824 gg.). [The first Kyrgyz-Russian embassy relations (1784-1824)]. Izd. «Ilim». Frunze. [in Russian]

RGIA – Rossijskoi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Suleimenov, Basin, 1981 – *Suleimenov, B.S., Basin, V.Ja.* (1981). Kazahstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the XVIII – early XX century]. Aima-Ata: «Nauka KazSSR», 247 p. [in Russian]

Suleimenov, Moiseev, 1988 – *Suleimenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1988). Iz istorii Kazahstana XVIII veka (O vneshnij i vnutrennoj politike Ablaja) [From the history of Kazakhstan of the XVIII century (About the foreign and domestic policy of Ablay)]. Alma-Ata: Izdatel'stvo «NAUKA» Kazahskoj SSR, 144 p. [in Russian]

Terent'ev, 1906 – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istorija zavoevanija Srednej Azii. [History of conquests in Central Asia]. V. 3 tomah. SPb.: Tipo-litografija V.V. Komarova, 1562 p. [in Russian]

Valihanov, 1964 – *Valihanov, Ch.Ch.* (1964). Sobr. Soch. [Collected papers]. V 6 t. T. III. Alma-Ata, 663 p. [in Russian]

Vjatkin, 1941 – *Vjatkin, M.P.* (1941). Oчерki istorii Kazahskoj SSR [Essays on the history of the Kazakh SSR]. M.: Gospolitizdat, 367 p. [in Russian]

Дипломатическая деятельность хана Букей Баракулы в 80-х годах XVIII – первой четверти XIX вв. (на основе российских архивных материалов)

Абилсейт Капизулы Муктар ^{a, *}, Руслан Батырханович Жусупов ^b,
Улжан Толегеновна Ахметова ^c, Серикжан Сагиндыкович Исмаилов ^b

^a Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык», Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан

^c Атырауский региональный университет им. Х. Досмухамедова, Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается общественно-политическая и дипломатическая деятельность казахского хана Среднего жуза Букея Баракулы с Российской империей с 80-х годов XVIII века до 20-х годов XIX века. На основе документов, обнаруженных в архивах Российской Федерации, были представлены актуальные экономические и политические вопросы, касающиеся истории Казахского ханства, Российской империи и Средней Азии. Представленные архивные документы представляют доказательную базу о роли и вкладе Букей-хана в развитие международных торговых отношений. Его деятельность по обеспечению безопасности прохождения торговых

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: muktar64@mail.ru (А.К. Муктар), rus.zhussupov@mail.ru (Р.Б. Жусупов), ulzhan.a67@mail.ru (У.Т. Ахметова), ismailov_7777@mail.ru (С.С. Исмаилов)

караванов и посольств через территорию Казахского ханства позволила расширить торговые связи России с Кокандом, Бухарой, Ташкентом, Кашгарией и Киргизией. Данные обстоятельства привели к расширению торговли в укреплениях, располагавшихся в приграничной зоне казахских и российских земель. Еще одной особенностью данной статьи является то, что на основе использованных архивных документов можно подробно рассмотреть социальную структуру посольств Букей-хана, их цели и маршруты, принятые в столице Российской империи в Санкт-Петербурге. В частности, описаны меры, принятые российскими чиновниками и политической элитой Букей-хана по укреплению торговых связей с Центральной Азией. Кроме того, в данной статье представлена информация о социально-экономической, политической ситуации в Казахском ханстве и Средней Азии в конце XVIII – начале XIX веков, а также о влиянии этих политических условий на развитие торговой системы. И все это доказывает успехи политики России в Казахстане и Средней Азии в начале XIX века.

Ключевые слова: Казахское ханство, Российская империя, Средняя Азия, дипломатия, Средний жуз, торговые караваны, посольство, приграничная зона, торговые отношения.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 556-571.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.556
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Mythologization of the Reign of Emperor Paul in Russian Political Anecdote and Realities

Marina L. Galas ^{a, *}, Pavel S. Seleznev ^a

^a Finance University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The image of Paul I is surrounded by a halo of legends, historical myths that replaced the true appearance of this Russian emperor. Political anecdotes about the activities of Pavel Romanov were composed by the courtiers - opponents of the reforms of state administration, his wife Empress Catherine II. The article analyzed literary anecdotes, memoirs of contemporaries of the mythologized emperor, combining half-deception and half-truths, the evil intent of political detractors, the condescending truth of those who escaped the wrath of the emperor or was gifted with his mercy, as well as historical studies about the era of Pavlovian rule, not introduced into the wide scientific circulation and fragmented documents of the Russian State Archives of ancient acts. The authors examined the personal portrait of the emperor, his political course in comparing the biased psychological characteristics of Pavel Petrovich, the historical realities of the late 18th and early 19th centuries, objective external and internal challenges, which the legendary Russian emperor had to solve.

Russian Hamlet, as the Count of the North was called in Europe – The Tsarevich Paul, the Russian Don-Kihot, so already the Russian emperor Paul Napoleon, he remained in history, literature «sphinx, not unraveled to the coffin»: «the child of the os'mnadcatogo century, his passions he was a victim: and he despised man, and humanity loved». Who is Emperor Paul: a mad tyrant who sought to destroy Catherine's political order; a smart and enlightened ruler whose rule was reasonable and conditioned to Russia's national interests; reformer, opposition to the ruling aristocracy; regal knight; crowned jester or crowned philosopher?

Keywords: emperor, state reforms, geopolitics, absolutism, opposition aristocracy, political anecdote.

1. Введение

В новое время в России и странах Европы для достижения верховной власти (вследствие династического соперничества и законодательной неурегулированности процедуры наследования монархических престолов, революционных трансформаций государственного строя) активно использовались различные информационные технологии, в том числе и дискредитационные коммуникативные технологии в политике. Дискредитация объективного образа политика эффективна для борьбы с конкурентами или оппонентами, а также для подготовки общественных волнений и революций. Ухудшению по заданным параметрам подвергаются личность политиков, их биография и ближайшее окружение, профессиональная деятельность, общественное мнение. Оправдывается позиция политических противников. Применение такой технологии наблюдалось и в отношении российских монархов.

Дискредитации подвергались государства и народы, если это было необходимо для оправдания геополитических и экономических претензий стран-соперников. Россия подвергалась попыткам вмешательства в ее внутривластные дела со стороны Англии, Франции, Пруссии. В исторической

* Corresponding author

E-mail addresses: MLGalas@fa.ru (M.L. Galas), Pseleznev@fa.ru (P.S. Seleznev)

науке применение подобных технологий в отношении глав государств, стран и народов изучено фрагментарно в контексте иных тем.

Показательно в аспекте применения дискредитационных коммуникативных технологий в политике краткое, но оставившее заметный след в истории России, в искусстве правление императора Павла I.

Конфликт интересов между Россией и странами Европы, противоречия в дворцовой среде и общественно-политических кругах России, вызванные политикой императора, ярко проявились в историко-политическом анекдоте, который как литературный жанр стал развиваться с середины XVIII в. Под этот жанр попадали в то время историко-биографические сочинения, литературно-художественные портреты, апологии, «невыдуманные повести (в их основе – необычный или непонятный случай, неожиданное событие, выпадающие из реальности, которые утрировались автором сообразно его взглядам, интересам). Политический анекдот был инструментом сопротивления реформам императора, придания благовидности и обоснованности придворным заговорам, интригам.

2. Материалы и методы

2.1. Важными источниками, характеризующими геополитические и внутригосударственные идеи российского императора Павла, являются документы фонда 28 «Державный орден Святого Иоанна Иерусалимского» (известного как Мальтийский орден), хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА): по установлению российского протектората над этим рыцарско-религиозным союзом и его государствовподобным образованием на Мальте, по институционализации и финансированию Русских Великих Приорств (католического и православного), а также Великого Польского Приорства в 1797–1817 гг., по составу орденских кавалеров. Документы Приорств остались в России и хранились в архиве Министерства иностранных дел, а теперь сосредоточены в РГАДА. Одним из ярких источников фонда является Указ («Декларация») от 10.09.1798 г. – акт международного характера об установлении российского протектората над Мальтой (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3). Орденские дела фиксировались в журнале «Высочайшим Рескриптам и Указам також и письмам» по Державному Ордену Св. Иоанна Иерусалимского, который охватывает период 1799–1801 гг. Многие документы фонда не опубликованы и не введены отечественными и зарубежными историками в широкий научный оборот.

Для изучения формирования политических реформаторских идеологием Павла Петровича в период его великого княжения и их последующей реализации интерес представляют документы фонда 1 РГАДА – «Секретные пакеты – (коллекция) Государственного архива Российской империи», описи 1 – «Пакеты за императорской печатью. 1729–1842 гг.». Среди документов этого фонда следует отметить коллекцию «Бумаги графов Н.П. Паниных 1784–1786 гг.», «Записку рукой великого князя о новой организации Сената от 28.03.1783 г. Павла Петровича».

Следующую группу источников, задействованных авторами для анализа правотворческой и реформаторской деятельности императора Павла, представляют нормативные правовые акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ), собрании 1-м: с 1649 года по 12 декабря 1825 г., изданном под редакцией М.М. Сперанского в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в 1830 г. (тома XXIV, XXV, XXVI, XXXIII, XXXIV).

Третья группа источников – русский политический анекдот о правлении и личности российского императора Павла Петровича. Анекдотические пародии рассеяны по запискам, письмам, мемуарам, дневникам. В 1990 г. издательство «Художественная литература» компилировало политические анекдоты от Петра I до Николая I, собранные и проанализированные П.А. Вяземским, Л. Давыдовым, А.С. Пушкиным и др. литераторами, государственными и общественными деятелями. Известные исторические личности показаны в контексте частного и общественного быта своего времени (*Русский литературный анекдот, 1990*). Серия политических анекдотов и мемуарных воспоминаний об императоре Павле Петровиче была опубликована в Лондоне в историческом сборнике Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева, оппозиционных царскому режиму в России и революционно настроенных.

Четвертая группа источников представлена в статье мемуарной литературой. С определенным интересом сохранения верховной власти описывала личность Павла Петровича его венценосная мать – императрица Екатерина II в своих записках (*Записки императрицы, 1990*). Проведен анализ характеристик и политических анекдотов, опубликованных издателем Катковым Ф.В.; гвардейцем, сенатором, в 1801 г. директором департамента в Коллегии внутренних дел А.Н. Вельяминовым-Зерновым; журналистом, масоном, генерал-лейтенантом Л.А. Беннигсенем; мемуаристом Ф.Ф. Вигелем; сподвижником Екатерины II, царедворцем, общественным деятелем, графиней Е.Р. Дашковой; главой внешнеполитического ведомства в екатерининское правление, наставником Павла Петровича, графом Н.И. Паниным; дипломатом, статским советником Д.И. Фонвизиным; немецким драматургом, дослужившимся в России до надворного советника в период правления Александра I, членом-корреспондентом Императорской Академии наук, генеральным консулом в

Кенигсберге А.Ф. фон Коцебу; подполковником Конногвардейского полка Н.А. Саблуковым; фрейлиной при дворах императриц Екатерины II, Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны графиней В.Н. Головиной; русским поэтом и государственным деятелем П.А. Вяземским; великим российским поэтом А.С. Пушкиным; фрейлиной русского императорского двора А.О. Смирновой-Россет.

2.2. Основным научным методом исследования является историзм. Конкретно-исторический подход позволил авторам установить причинно-следственную связь между реалиями основных направлений государственно-политической деятельности Павла Петровича и факторами, их обусловившими, с одной стороны, и мифологемами о личностно-психологических качествах императора и его политическими идеями, государственным курсом, реформами вооруженных сил, системы власти и управления, социальных правоотношений – с другой. Проведены критический анализ мемуарных источников, обзор степени изученности исследуемой темы, рассмотрены репрезентативные документы, аутентичные нормативно-правовые акты. Политические анекдоты о павловском правлении систематизированы по вопросам легитимности императорской власти, по сферам государственно-политических реформ. Выявлены субъективные причины создания антипавловских политических анекдотов, объективные основания применения критикуемых в них методов реформирования российского государства и общества. Показаны положительные итоги и недостатки преобразований. Прослежена взаимосвязь политического курса Павла I, его венценосных предшественников и наследников. Выделены причины принимаемых императором Павлом решений, а также влияние на павловское правление стран Европы. Рыцарские идеи императора Павла интерпретированы с точки зрения экономических, геополитических, стратегических задач, стоявших перед Россией.

3. Обсуждение

На оценку историками правления и личности императора Павла I оказали определенное влияние мемуарные традиции с их неоднозначностью и субъективизмом. Н.М. Карамзин охарактеризовал личность Павла I, как бессмысленного тирана, «лишившего награду прелести», а наказание – «стыда» (Карамзин, 1991: 44). В.О. Ключевский видел внутреннюю связь царствования Павла Петровича с предшествующим временем: отсутствие коренных переломов павловского правления не исключало реформаторских стремлений в государственной политике. Реформаторские идеи императора Павла для современников носили «оппозиционный отпечаток» по отношению к екатерининской эпохе. По мнению Ключевского, прогрессивные нововведения были обусловлены личной мотивацией Павла Петровича: длительное отстранение Екатериной II наследника от власти послужило причиной вынужденной торопливости и недостаточной последовательности в принятии политических решений. Идея гражданского равноправия, с точки зрения Ключевского, трансформировалась в павловскую эпоху в бесправие, а принцип служебной дисциплины – в торжество бюрократии. Внешнюю политику историк назвал «первым приступом» к решению острых вопросов, накопившихся со второй половины XVIII в. (Ключевский, 1989: 171-175).

Характеристики, данные В.О. Ключевским императору Павлу Петровичу, корреспондируются с выводами исследования историка второй половины XVIII в. Н.К. Шильдера (Шильдер, 2009: 414). Достоинством уважения главой государства, открывшим эпоху преобразований, упорядочивших управление империей, считал Павла Петровича генерал-фельдмаршал, профессор Военной академии, военный министр Д.А. Милютин. Деятельность Павла I исследована им в монографии, посвященной истории войны 1799 г., когда Россия вступила во Вторую антифранцузскую коалицию (Милютин, 1875). Дворянская элита павловского времени, по мнению историка начала XX в. М.В. Ключкова, была обижена ограничением своих вольностей и создавала политические анекдоты, порочащие реформы монарха. Народ и поместное дворянство, напротив, ценили Павла Петровича за стремление ограничить произвол вельмож, установить равные гражданские права для всех сословий.

Взаимоотношения Павла I с Мальтийским орденом на основе широкого круга источников, рыцарские идеологии императора рассматривал его современник, религиозный просветитель А.Ф. Лабзин (Лабзин, 1799). Массонские идеи и их влияние на императора Павла изучал М.Я. Морозкин, по убеждению которого масонские организации негативно влияли на мировоззрение монарха и стремились использовать его в своих интригах (Морозкин, 1867). Анализ генезиса в Российской империи масонской идеологии и организаций провели в своих работах ученые начала XX в. Я.Л. Барсков (Барсков, 1908), Т.О. Соколовская (Соколовская, 1908).

В контексте социально-политического развития Российской империи конца XVIII в. изучали деятельность и личность Павла I историки второй половины XX в. С.Б. Окунь (История..., 1974), Н.Я. Эйдельман (Эйдельман, 1992). Вторая половина XVIII в., по их мнению, создала ряд объективных стимулов для павловского стиля правления: 1) Великая Французская революция поставила задачу реабилитации и укрепления абсолютизма; 2) кризис дворянской элитарной монархии в России проявился в пугачевском повстанческом движении, во вмешательстве вельмож и гвардии в династические вопросы и политику государей. С.Б. Окунь назвал павловское правление «необходимым видоизменением» екатерининского времени: накопившиеся проблемы Павел

Петрович решал посредством террора и уступок, регламентации жизни сословий. Такая политика воспринималась современниками Павла Петровича как «восточная тирания».

Абсолютизм Екатерины II Эйдельман назвал «петровским парадоксом», совместившим рабство и просвещение. Такой дуализм, по его мнению, должен был либо укрепить абсолютизм, либо перейти в конституционное правление. Поскольку российское общество не было готово к конституционным реформам, а революция во Франции создала прецедент крушения монархического правления, Павел Петрович пошел по пути укрепления абсолютизма. Эйдельман считал, что павловская политика предвосхитила систему официальной народности Николая I. Историк отметил масонские и «прочие европейские влияния» на Павла Петровича, а в его рыцарской идее увидел принципы служебной чести, этикета, теократизма, союза со Вселенской церковью. Вопрос притязания российского императора Павла на статус главы Вселенской церкви, религиозные идеологемы монарха изучались М.М. Сафоновым (Сафонов, 1996), Л.В. Хайкиной (Хайкина, 2000).

Как объективно обусловленное внешней и внутренней обстановкой своего времени, соответствующее интересам страны, дворянства трактовал правление Павла Петровича Ю.А. Сорокин (Сорокин, 1989). Методы ускоренных преобразований вызвали недовольство в обществе, которое не успевало осваивать новации. Оппозиционности дворянства как сослови, реформам Павла I не наблюдалось. Деспотизм был «узколичностным», что выразилось в дворцовом заговоре группы вельмож и царской семьи.

Современный историк А.Б. Каменский рассматривает правление Павла I как политический процесс реформирования общества и государства, который заложил фундаментальные основы развития России в последующее двухсотлетие. Реформирование российского государства Каменский трактует как целостную эпоху преобразований, начавшуюся с воцарения Петра Великого и завершившуюся убийством Павла I (Каменский, 2019).

О.В. Василенко интересуется социальная политика Павла I и его сословное законодательство (Василенко, 2020). Г.Л. Фриз изучает социально-классовый состав общества Российской империи в динамике XVIII–XX вв. (Freeze, 2013).

Т.Л. Лабутина поставила вопрос о влиянии английских послов на формирование политических взглядов Павла Петровича, на его государственный курс: посольские оценки императора выдержаны в контексте геополитических интересов их Англии (Лабутина, 2020).

4. Результаты

Мистифицировано рождение Павла Петровича. Распространен скабресный анекдот о невозможности для цесаревича Петра Федоровича иметь детей вследствие хронического алкоголизма: императрица Елизавета Петровна, заинтересованная в рождении наследника трона, закрывала глаза на близкие отношения невестки – великой княгини Екатерины – с камергером великокняжеского двора С.В. Салтыковым.

Существуют другие варианты «незаконнорожденности» императора Павла I. Например, что рожденный Екатериной Петровной ребенок был девочкой, и императрица Елизавета Петровна приказала подменить новорожденную младенцем мужского пола «киргизского происхождения». Публикуя этот анекдот, издатель Ф.В. Катков охарактеризовал его как небылицу: задача императрицы состояла в демонстрации «мужеспособности» цесаревича Петра Федоровича безотносительно к полу новорожденного; характер Павла I был схож с личностными особенностями «полоумного» императора Петра III (Катков, 1991: 7).

В публикации 1846 г. декабриста А.Ф. фон Бриггена приведена версия рождения великой княжной Екатериной Петровной от С.В. Салтыкова мертвого ребенка, которого подменили «чухонским» младенцем: незаконное рождение усилено мифом об «инородстве» императора Павла I. В этой антисамодержавной версии звучит обвинение в отсутствии прав на престол у Дома Романовых после насильственной смерти императора Петра III, а также упрек Павлу I и Александру I в антироссийской политике, обусловленной «злым чухонским характером» (Материалы..., 1971: 16).

Слухи о «чухонском» ребенке, выдаваемом за наследника престола, могли быть спровоцированы рассылкой императрицей Елизаветой Петровной указов о назначении кормилицы для новорожденного цесаревича Павла. Кормилицу подбирали и среди рожениц Ингерманландии. Чиновники, выполнявшие указы императрицы, привозили во дворец кандидатуры молодых матерей с их младенцами (Исторический сборник..., 1971: 165).

Симптоматично, что этот политический анекдот опубликован в историческом сборнике Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Как и другой политический анекдот (Материалы..., 1971: 7) о ссылке семьи Павла Петровича «не то в Сибирь, не то на Камчатку»: «дружный» с Павлом Петровичем красноярский мещанин Старцов в 1823–1824 гг. написал письмо цесаревичу Константину, в котором рассказал о существовании Афанасия Петровича - дядюшки сыновей Павла I. По приказу императора Александра I, как завершается анекдот, автор письма и неизвестный «брат» Петра Павловича были заключены в Петропавловскую крепость.

В сборнике Герцена и Огарева публиковались аналогичные политические анекдоты декабристов В.К. Тизенгаузена, А.И. Одоевского. А.И. Герцен видел в них символ времени: Романовы

родства не помнят и не верят в свою власть. Важно, что династическим слухам верили и они выражали «сомнения царских лиц».

Среди историков распространение получил анекдот, впервые появившийся около 1783 г., о стремлении императрицы Екатерины II ввиду политических разногласий с цесаревичем Павлом Петровичем передать власть внуку – цесаревичу Александру Павловичу. По одной из поздних версий анекдота в 1794 г. императрица объявила Императорскому совету о намерении отстранить Павла Петровича от престолонаследия вследствие его неспособности к политической деятельности. Члены Совета не поддержали намерение императрицы, но она планировала в день своего тезоименитства 24 ноября 1796 г. опубликовать манифест о передаче власти цесаревичу Александру Павловичу. Документально такая история не подтверждена.

Определенные различия в политических взглядах императрицы и цесаревича Павла Петровича царедворцы пытались перевести в конфликт и в дворцовый переворот. Тенденциозны воспоминания Е.Р. Дашковой, которая в 1773–1774 гг. участвовала в заговоре, целью которого было свержение царствующей Екатерины II и передача престола цесаревичу Павлу, достигшему совершеннолетия. Дашкова возлагала надежды на введение Павлом Петровичем конституционного правления, но, разочаровавшись в павловской политике, охарактеризовала ее как «необузданный произвол». Существует версия, что заговор был задуман российским дипломатом, действительным тайным советником гольштейнского происхождения К. Сальдерном, представлявшим Россию при Датском дворе.

На формирование политических взглядов Павла Петровича влияние оказывали конституционные идеи Н.И. Панина и его секретаря Д.И. Фонвизина. Рассуждения о конституционном государственном порядке были подготовлены Н.И. Паниным, а записаны и дополнены Д.И. Фонвизиним в связи с вышеупомянутой политической интригой 1773–1774 гг. Рассуждения предполагалось преподнести Павлу Петровичу в день его вступления на престол. Фонвизин после неудавшегося заговора сохранил проект, передав его супруге губернского прокурора П.А. Пузыревского вместе с письмами Н.И. Панина, которая и вручила проект Павлу Петровичу в день коронации. В 1831 г. рукопись была представлена императору Николаю I, который передал ее в архив с резолюцией не распечатывать до Высочайшего распоряжения.

28.03.1783 г. Павел Петрович завершил сочинение проекта о новой организации Сената, который как кумулятивный высший орган власти должен был совместить функции исполнительных ведомств финансов, юстиции, внутренних дел и перейти в статус Правительства (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 57. Л. 1-6). Проект был основан на принципе разделения власти по законодательной, исполнительной и судебной функциям, что являлось в то время одним из базовых принципов конституционализма. Политический режим императора Павла не совпадал с конституционализмом, он совместил общий принцип екатерининского просвещенного абсолютизма и конституционализма – главенства фундаментальных законов, регламентирующих государственное правление, права и обязанности всех сословий (Фонвизин, 1971: 11). В отличие от представлений о фундаментальном законе екатерининского просвещенного абсолютизма и павловского единовластия, стремившихся к сохранению верховенства законодательных решений монарха, Панин и Фонвизин ратовали за верховенство конституционного закона (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 3-90).

В 1786 г. Павел Петрович составил проект государственного правления. В январе 1788 г. цесаревичем был подготовлен проект нормативного акта о порядке наследования императорской власти в целях легитимации права наследования «из рода в род», обеспечения законности назначения наследника (Акт высочайше утвержденный..., 1830: 587). Этот проект, ставший в 1797 г. законом, близок к австрийской системе престолонаследия (право мужского первородства с переходом наследия в женскую линию после пресечения последней мужской линии). По содержанию проект близок к главе об императорском роде и наследовании престола в Наказе Сенату, данном Екатериной II в 1787 г., за исключением положения о недопустимости иного толкования порядка престолонаследия и выбора между несколькими представителями Российского императорского дома. Акт о наследовании престола от 05.04.1797 г. легитимировал императорскую власть.

Император ограничил дворянское самоуправление в контексте единоначалия: упразднил губернские дворянские собрания и ограничил уездные (Именной указ о дворянских выборах..., 1830: 812), усилил контроль администрации над дворянскими собраниями (Именной указ о бытии губернаторам..., 1830: 126), запретил обращаться к главе государства с ходатайствами от лица дворянства губернии (только через предводителя дворянства). Губернаторам предписывалось присутствовать на выборах в дворянские собрания для контроля. Вопросы, связанные с выборами и деятельностью дворянских собраний, могли решаться только генерал-прокурором Сената. Введены были двухстепенные выборы губернского предводителя дворянства: он избирался уездными предводителями из своей среды. Число избирателей сократилось в 5 раз. Нововведения дворяне расценили как прямое вмешательство администрации в дворянское самоуправление, как нарушение Жалованной грамоты.

С 1799 г. были введены ревизии губерний, которые надлежало проводить раз в три года назначенным императором сенаторам. Проверке подлежали все сферы жизнедеятельности губерний: правоохранение, судопроизводство, финансы, экономика, здравоохранение, социальная сфера. В ходе

ревизионных проверок 141 губернии в 1799–1800 гг. были выявлены: 26,6 тыс. нерешенных дел; налоговые недоимки, составившие в каждой губернии 10 % годового бюджета империи; невыполнение указов Сената и др.

В отличие от екатерининского времени, когда сенаторы не появлялись на службе годами, в павловское – в государственных учреждениях служба начиналась с 5 часов. Наказывались казнокрадство, злоупотребление служебным положением. По воспоминаниям дипломата С.Р. Воронцова в екатерининское правление только контр-адмирал О.М. де Рибас (основатель Одессы) «воровал» более 500 тыс. рублей. Павел был убежден, что заслуги перед Отечеством не допускают безнаказанного лихоимства, а привилегии должны сочетаться с обязанностями перед государством.

Неоднозначно восприняло дворянство указы от 19.12.1796 ([Именной указ о принятии..., 1830: 244](#)), от 19.01.1797 ([Именной указ о произведении в чин..., 1830: 297](#)), 20.04.1797 ([Именной указ о наблюдении..., 1830: 593](#)), 09.08.1800 ([Именной указ о неопределении..., 1830: 255](#)), 01.10.1800 г. Эти акты установили прием на штатскую службу по разрешению императора, в том числе лиц, вышедших в отставку с военной службы после 06.11.1796 г., ввели контроль Правительствующего сената за назначением на штатные должности чиновников соответственно их квалификации и государственных заслуг, а также сенатский надзор за выполнением чиновниками должностных обязанностей. Отставка чиновников должна была утверждаться Сенатом. Принятие данных указов связано с необходимостью формирования квалифицированного управленческого аппарата, постоянно действующих органов исполнительной власти. Аналогичную задачу решал император Петр I в ходе построения коллегиальной системы управления. Император Павел упразднил должность генерал-губернатора, сохранив только институт губернаторства (указом от 22.12.1796 г.); ввел назначаемость земских судей Правительством во избежание произвола дворянства (указ от 23.08.1800). В павловской записке о главном управлении империей предлагалось создать главные департаменты: юстиции, финансов, военного, морского, иностранных дел, коммерции и государственного казначейства. Завершить реализацию этого проекта император не успел, но ряд важных мероприятий был им начат: в 1797 г. было создано Министерство уделов, в 1800 г. – Министерство коммерции. Генерал-прокурор Сената совместил функции министра внутренних дел, юстиции и финансов и стал фактически премьер-министром. Судебная реформа Павла I была направлена на упрощение организации производства в первой инстанции: разграничена юрисдикция департаментов Сената, упразднены верхняя и нижняя расправы, губернские магистраты, совестные суды; в губерниях должны были учреждаться расправы, палата суда, апелляционной инстанции для которой определен был Сенат; в Санкт-Петербурге и Москве закрыты надворные суды, их функции с 1800 г. переданы ратгаузам (правлениям городов, сосредоточившим судебные, административные, полицейские, финансовые и хозяйственные функции).

Сенат предписал в документах о повышении чиновников в служебном ранге VI–VIII классов фиксировать служебные заслуги перед государством и подвиги ([Указ о награждении чинами..., 1799: 815](#)). Для дворян императором были введены новые сроки выслуги для штаб-офицеров для производства ([Именной указ о сроках..., 1830: 914](#)). Существенно были увеличены пенсионные капиталы для вышедших в отставку служащих – до 12 000 рублей, но отменены выплаты возвратившимся на службу лицам ([Именной указ о правилах производства..., 1830: 221](#); [Именной указ о прибавке..., 1830: 845](#); [Именной указ о непроизводении..., 1830: 582](#)). Лишение чина законодатель перевел в разряд санкций ([Именной указ о неснятии..., 1830: 590](#)).

До абсурда доводили в анекдотах мероприятия императора по организации работы служащих всех рангов и придворных по штатному графику для оперативного принятия управленческих решений. Распространен был анекдот о принуждении вельможного дворянства следовать дворцовому расписанию императора. Один из анекдотов утверждает, что император утвердил регламент блюд для каждого сословия, а для служащих – согласно чину. Встретив небогатого майора Сумского полка Я.П. Кульнева (будущего героя Отечественной войны 1812 г.), Павел Петрович поинтересовался, соблюдает ли офицер кулинарный регламент – подает к столу три блюда? Кульнев ответил утвердительно, перечислив блюда: «курица плашмя, ребром и боком» (Русский литературный анекдот, 1990: 81). Близка к данному анекдоту история, поведанная графиней В.Н. Головиной ([Записки графини..., 1900](#)), о недовольстве императора нарушением времени обеда в доме баронессы Е.А. Строгановой. К баронессе императором был направлен полицейский с приказом не нарушать распорядок обедов.

Стремление императора Павла I ввести административную ответственность сословий трансформировалось в анекдотах в нелепицы. Из их ряда рассказ об исключении из состава полка гвардейского офицера, который был болен и по халатной ошибке полковника признан умершим. В ответ на ходатайство выздоровевшего офицера о восстановлении его на службе в связи с отсутствием средств к существованию, император написал в резолюции: «отказать в просьбе» в связи с Высочайшим указом о признании его умершим ([Герцен, 1975: 267](#)).

Поэт, подпоручик Гренадерского батальона Преображенского полка Сергей Марин, разжалованный за нарушение воинского устава в рядовые, перечислил причины недовольства

гвардейцев павловским правлением: муштра, взыскательность за ошибки офицеров, притеснение дворянской аристократии, в их числе привилегированных екатерининских гвардейцев; производство в генеральские звания капралов, которые «не смогут говорить», выдвижение малопоместных дворян, разночинцев в «большие вельможи» (Марин, 1971: 28-29).

А.Н. Вельяминов-Зернов полагал, что политика императора Павла была антидворянской. Дворянство писало «пасквили» на императора. Полиция подвергала аресту по «малейшему подозрению часто невиновных». Неприязнь к екатерининским порядкам, как писал этот вельможа, была следствием воспитания Н.И. Панина, который желал видеть Екатерину II в качестве регента цесаревича Павла Петровича, сознательно сталкивая наследника и его «незаконно властвующую мать» (Вельяминов-Зернов, 1971: 50-51).

Аналогично характеризовал императора Л.А. Беннигсен, одаренный Екатериной II, затем пожалованный Павлом I в генерал-лейтенанты, но отставленный ввиду дружеских отношений с его политическими противниками – одним из влиятельных вельмож, генерал-фельдцейхмейстером Платоном Зубовым и его братьями Николаем и Валерианом. Беннигсен и братья Зубовы были одними из главных заговорщиков против императора Павла I. По мнению Беннигсена, критическую массу недовольства павловским правлением переполнила высылка опальных дворянских семейств, высокопоставленных чиновников, приехавших в столицу после объявления Павлом I помилования. «Толпы несчастных» стали стекаться в Санкт-Петербург, «первые были обласканы императором, последующие выдворены» (Беннигсен, 1989: 31).

П.А. Вяземский в отношении таких упреков в адрес императора ответил, что жаждущих отдыха «обломков» правления Екатерины II (государственных деятелей ее эпохи, недовольных политикой наследника) судьба загнала в «пристань». Но были и достигнувшие чинов и преклонных лет вельможи, добровольно оставившие службу. Врожденное рыцарство и благородство, заметил Вяземский, привлекала к императору Павлу много достойных людей, а положительные его качества искупали недостатки «раздраженного событиями нрава». Примером чуткости и великодушия Е.Р. Дашкова назвала благосклонность императора к ее сыну Павлу и снятие опалы с нее. Но приведенный в исполнение заговор против Павла Петровича Дашкова назвала угодным Проведению избавлением России от бедствий (Дашкова, 1988: 225).

Август Фридрих фон Коцебу находил «мрачную подозрительность» императора Павла I в рефлексии на события Великой Французской революции и казнь Людовика XVI. Убежденный в необходимости «твердости» государственной политики, по мнению Коцебу, Павел I «не сумел твердость отличить от жестокости» (Коцебу, 1989: 100).

Н.А. Саблуков, подавший в отставку после царевубийства 11 марта 1801 г., не желая служить с запятнавшими себя кровью императора офицерами, считал правление Павла Петровича реакцией на дворцовые перевороты XVIII в., на крах идеи религиозно легитимированного самосознания власти. При Императорском Дворе плелись интриги «больших» вельмож, а одинокий император пытался не допустить политического переворота (Саблуков, 1989: 50). Саблуков назвал Павла Петровича достойным уважения императором, устремления которого были направлены на развитие промышленности, торговли, искусства, земледелия.

В павловское правление были восстановлены берг-, мануфактур-, камер- и комерц-коллегии, главная соляная контора, монополия государства на золотодобычу, созданы новые финансовые ведомства. Современники благом павловского времени считали учреждение Земельного банка для дворянства 29 декабря 1797 г.: под залог имения банк выдавал ссуду на 25 лет из расчета 6 % годовых. Ссудные билеты приносили заемщикам 5 % годового дохода. Выгодный долгий кредит позволял дворянам строить фабрики, заводы. Наряду с ростом дворянского промышленного производства, росли крестьянские волнения. Крестьяне опасались разорения деревень вследствие изъятия земель под строительство промышленных объектов, были недовольны ростом повинностей. Заводчики и фабриканты в павловское правление получили право покупать крестьян без земли и приписывать их к своим предприятиям. С одной стороны, это ограничивало свободу крестьян, с другой – содействовало развитию дворянской и крестьянской промышленности.

Манифест от 29.01.1797 г. о послушании крестьян в выполнении законных помещичьих повинностей, об обязанности «губернских начальников» и приходских священников обеспечивать порядок установил правило для подданных всех сословий выполнять обязанности сообразно их должности и имущественному положению, соблюдать общественный порядок. В отношении бунтарей рекомендовалось применять средства «кроткие» и «человеколюбивые». От приходских священников требовалось предостерегать прихожан от протестных акций. Представителей власти Манифест призывал применять законные меры к наказанию бунтовщиков, а с другой стороны, оказывать недовольным крестьянам помощь. Цель Манифеста – легитимация всеобщего подданства. Этот нормативный акт породил слухи о сокрытии помещиками другого указа императора – об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Слухи приводили к протестам и публичным поркам бунтовщиков. Манифест от 05.04.1797 г. о трехдневной работе помещичьих крестьян, запретивший помещикам в воскресный день принуждать крестьян к работе, вызвал тревогу у дворян

(Манифест о трехдневной работе..., 1830: 587). Разошлись слухи об обязательности введения трехдневной барщины, что представлялось помещикам разорительным.

Много нелестных слухов было распространено в отношении павловских военных реформ. Фактов разгильдяйства в воинской службе накопилось много: длившиеся годами офицерские отпуска, зачисление в полк не только младенцев, но и не родившихся дворянских наследников, 70 % офицерского состава существовало лишь на бумаге, из списочного состава армии на 1795 г. в 400 тыс. военнослужащих не хватало 80 тыс. (50 тыс. солдат, средства на содержание которых расхищались полковыми командирами). Рекруты оправлялись в деревни, принадлежавшие высшим офицерам и обращались в крепостных. Дезертирство было массовым. Только в армии Швеции на службе состояло 2 тыс. российских перебежчиков. В столице при генералах находилось до 100 офицеров, а в полках ротами командовали прапорщики. Армейские офицеры, заслужившие повышение в звании, по 15 лет служили в одном чине, а командирами присылались гвардейцы с повышением на два чина. Срок службы ружей мог составлять 40 лет, флот имел на вооружении пушки еще петровского литья.

В павловское правление была модернизирована артиллерия: пушки и лафеты нового образца были легче, маневреннее, дальнобойнее. Указами от 29.11.1796 г. введены уставы о конной и пехотной службе, а от 25.02.1797 г. – морской устав, утвердившие порядок несения военной службы и наказания за нарушения дисциплины, расхищение государственного имущества. За служебные правонарушения офицеры подвергались взысканиям и заключению сроком до шести месяцев с последующим возвращением на службу, или увольнению, или лишению чинов и дворянства (в последнем случае могли быть применены дополнительные санкции в виде телесных наказаний), или к каторжным работам. Заключение и каторжные работы составили более половины применяемых санкций (Эйдельман, 1992: 355). За 1797–1801 гг. аудиторат признал виновными 395 офицеров (общая численность офицеров составляла 15 тыс.). Число принятых на службу офицеров в 1800 г. в 6 раз превысило исключенных со службы, а производство в очередной чин возросло в 10 раз. Лишены дворянства и подвергнуты телесному наказанию были не более 10 офицеров, но дворянство восприняло эти новации, как нарушение Жалованной грамоты.

30.12.1800 г. был обнародован Указ о предоставлении 15 десятин пахотной земли в Саратовской губернии солдатам, поступившим на службу до коронации Павла Петровича. Этот указ можно рассматривать и как продолжение политики заселения Саратовской губернии, начавшейся во второй четверти XVIII в. Именным указом от 12.12.1801 г. купечеству, мещанам, казенным крестьянам разрешалось покупать незаселенные земли.

Офицеры элитных воинских частей не желали подчиняться дисциплине воинского устава и не принимали реформы в организации и снаряжении армии, которые во многом носили прогрессивный характер. Известен анекдот «полк, в Сибирь марш!», сочиненный офицерами привилегированного Измайловского полка: с плаца полк за неумелые действия был отправлен императором в Сибирь и шагал в этот отдаленный край до гибели Павла Петровича. В основе анекдота – реальный факт направления маршем за нерадивость к службе в Царское Село Конногвардейского полка. Офицер этого полка Н.А. Саблуков писал, что полк был оклеветан перед государем. В небылице о марше в Сибирь отразился также Индийский поход казачьих частей, которые вернулись на Родину уже после гибели Павла Петровича.

Об извращении павловских административных регламентов свидетельствует анекдот о снятии головных уборов перед императорским дворцом. Увидев идущего мимо дворца случайного прохожего, Павел Петрович, иронизируя над чрезмерной услужливостью придворных, произнес: идет мимо царского дома и «шапки не ломает». Реплика была воспринята как приказ: всем проходящим мимо дворца мужчинам придворные велели снимать головные уборы даже в непогоду. Узнав о прижившейся традиции, рьяно поддерживаемой полицейскими, Павел Петрович повелел прекратить произвол (Русский литературный анекдот..., 1990: 77).

Ряд екатерининских фаворитов предпочли эмигрировать, наблюдая со стороны за ходом реформ и поговаривая о заговоре против императора Павла. А.С. Пушкиным был записан со слов Н.К. Загряжской, екатерининской фрейлины, дочери генерал-фельдмаршала К.Г. Разумовского, анекдот о ее встрече в Дрездене с графом А.Г. Орловым (оставался в Германии до воцарения Александра I). Граф Орлов задал вопрос: «Что за урод» император, почему «все его терпят»? Загряжская ответила: «...Да что же прикажешь делать, ведь не задушить же его»? Орлов резюмировал: «А почему бы и нет?» (Пушкин, 1978: 84) Оппозиционные эмигранты сочинили множество фейков о развратности императора. Преуспел в их распространении граф Григорий Орлов, лелеявший мечту о воцарении их общего с Екатериной II сына графа Василия Бобринского. Так, распространялся слух о связи четырнадцатилетнего цесаревича Павла с молодой вдовой княгиней Софьей Чарторыйской, от которой родился сын, названный Семеном Великим (Катков, 1991: 15).

В дневнике А.О. Смирновой-Россет записан рассказ о неадекватной реакции Павла Петровича на неудачные роды супруги цесаревича Константина Павловича княгини Анны: император был намерен арестовать старших сыновей до полного выздоровления княгини. Тиражировался слух о

намерении Павла Петровича отправить императрицу Марию Федоровну в монастырь для вступления в брак с камер-фрейлиной Е.И. Нелидовой (Смирнова-Россет, 1989: 567).

Павел Петрович средствами цензуры ограничил приток вольнодумных европейских сочинений, дискредитирующих монархические устои, подстрекающих к бунту. Симптоматична история о ссылке в Сибирь пастора Зейдера из Ливонии за хранение в собственной библиотеке запрещенных книг. По одной версии, пастора оклеветал рижский цензор Туманский, по другой – Зейдер сам отослал несколько запрещенных книг в правительственные органы Риги. Чиновники придали действиям пастора характер преступления (Эйдельман, 1992: 323). Цензурные ограничения усилились еще в царствование Екатерины II: преследование дипломата, масона, издателя Н.Н. Новикова, драматурга Я.Б. Княжина, просветителя, революционера, масона А.Н. Радищева, в правление Александра I ставшего членом Комиссии по составлению законов. С 1804 г. цензура стала регулироваться специальными уставами и правилами, разделившись на общую и ведомственную.

Карикатурно изображалась в анекдотах внешняя политика Павла Петровича. Можно привести рассказ о гневе императора на статс-секретаря Ю.С. Нелединского-Мелецкого за высказывание о лесах, простиравшихся вдоль дороги на Казань: «первые представители лесов», простирающиеся за Урал. Павел Петрович якобы в ярости выставил статс-секретаря из кареты, поскольку ассоциировал термин «представители» с Французской революцией. Нелединский-Мелецкий не рассказывал подобной истории, а относился к императору с уважением, «теплой любовью» (Вяземский, 1988: 399-400).

Многочисленные анекдоты были сочинены в отношении мальтийского направления павловской внешней политики. В 1798 г. Наполеоном I была захвачена Мальта, состоявшая под властью католического рыцарского ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Рыцари Ордена, не в силах противостоять военной мощи Франции и опасаясь претензий Англии, обратились с просьбой об убежище к императору Павлу I. В августе 1798 г. в Орденском доме столицы собрался Капитул Великого Приорства Российской империи, который принял решение о российском протекторате. Рыцари обратились к российскому императору с просьбой о принятии им титула Великого Магистра Ордена (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 20. Л. 72).

29.11.1798 г. Павел Петрович издал Манифест об «установлении» в интересах дворянства России ордена Св. Иоанна Иерусалимского и вступлении дворян в данный орден. Мальта была объявлена состоящей под российской защитой и в календаре Императорской Академии наук была обозначена как губерния Российской империи (Высочайше утвержденное..., 1830: 569-587). Членам Ордена, проживавшим в Санкт-Петербурге, ставшем центром Орденского собрания, предписывалось «почитать» императорские распоряжения об управлении данным кавалерским объединением, а также соблюдать прежние нормативные «установления», согласованные российским императором (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3). Указом от 13 ноября 1798 г. российский император объявил о принятии звания великого Магистра Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, подтвердил протекторат Российской империи над Орденом, «установления» в отношении этого рыцарского союза, свободу вероисповедания, право «следования» орденскими кавалерами-католиками «Римским законам». Главными задачами протектора и Гроссмейстера, как следовало из Указа, объявлялись «восстановление» и «приращение» Ордена (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 10-11). Отдельным Указом от 13 ноября 1798 г. российский император-Гроссмейстер, поручил поручику великого Магистра, кавалеру Большого Креста графу Литте, получившему чин российского вице-адмирала, открыть и организовать деятельность департаментов для управления Орденом (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 20). «Расписание» расходов на содержание управленческой структуры Ордена было утверждено Указом императора от 29.11.1798 г. (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 33-36). Всего из казны на содержание структур Ордена в год выделялись 56 000 рублей, из которых на содержание Главного управления Ордена из тех штатных сотрудников – 31 600 рублей, Духовенства Орденского (Греческой и Римской церквей) – по 3 000 рублей каждой церкви и 10 400 рублей на содержание резиденций. Протекторат над Орденом и его территориальными владениями в Средиземноморье был настолько геополитически значим для России, что оклады его служителям всех рангов значительно превышали оклады равных по табели о рангах российских чинов. Например, жалованье поручика великого Магистра, вице-адмирала Литты составляло 7000 рублей в год и на «стол» 12 000 рублей, в то время как среднее годовое жалованье равного ему по званию в среднем составляло 2600 рублей для генерал-майора/вице-адмирала, до 8 181 рубля для генерал-фельдмаршала/адмирала (Указ о столовых деньгах..., 1830: 68).

Первое назначение кавалерами Ордена 98 российских дворян состоялось на основании Указа императора 10 декабря 1798 г. (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 41-41об.). В кавалерство Ордена были приняты высшие государственные сановники, генералы, придворные, церковные иерархи с годовым доходом от 6 000 до 2 000 рублей (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 50-51об.). Кавалерство Ордена могло волеизъявлением великого Магистра передаваться наследникам (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 87-88).

Указом от 21.12.1798 г. в целях укрепления государственного порядка и «добрых нравов», противостояния «безумной страсти к переменам» российский император призвал объединиться в структуре Ордена российское дворянство и зарубежные благородные сословия (в случае невозможности проживать в стране исхода), приняв христианские основы, законодательство,

государственный порядок России, получить покровительство российского императора (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 67-68об.).

Указом императора и великого Магистра от 30.03.1799 г. в целях управления и выполнения особых государственных поручений был учрежден Верховный совет Ордена. «Первое место» в Совете предназначалось наследнику цесаревичу великому князю Александру Павловичу. Также он был назначен руководителем великого Приорства Греко-Российского (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 771-772, 99-100).

Ордену в 1799 г. были пожалованы построенный Екатериной II Чесменский дворец в Санкт-Петербурге, Приорат на Черном озере в Гатчине, где был построен дворец (РГАДА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 102, 113).

Идея Павла I присоединить к императорству звание гроссмейстера ордена Св. Иоанна Иерусалимского с правом наследственной передачи была направлена на международную легитимацию российского протектората на Мальте и военно-стратегического, экономического присутствия России в Средиземноморье и в Южной Европе. На Мальтийских островах Павел I планировал организовать военно-морскую базу. Показательно с точки зрения столкновения интересов России и стран Европы, что 05.09.1800 г. войска Англии захватили Валлетту (столицу Мальты). На Мальте было введено военное губернаторство Англии.

Мальтийская операция первоначально планировалась как российско-английская акция против дислоцированного на островах французского гарнизона. В результате Павел I начал подготовку к переговорам с Францией. Союз с «преступником Закона Божьего», как называл российский император Наполеона, виделся единственным в то время путем к решению ближневосточного вопроса в интересах России. Павел I отозвал российские войска, действовавшие в составе Коалиции против Франции, чем вызвал крайнее недовольство Англии и Австрии.

В январе 1801 г. действительный тайный советник, полномочный представитель России С.А. Колычев выехал в Париж для работы над проектом мирного договора. 11 марта консул Французской Республики получил известие о дворцовом перевороте в Санкт-Петербурге. Переговоры завершились подписанием в октябре 1801 г. мирного договора и секретной конвенции, на основании которых Россия завершила участие в войне Второй коалиции. Но в целом российско-французский договор оставил много нерешенных вопросов: французские войска не были выведены из Италии, Россия не добилась приоритетного влияния в Германии, а Франция начала в германских землях односторонние действия. В 1804 году российско-французские дипломатические отношения были разорваны, а позднее Российская империя вступила в Третью коалицию против Франции.

Александр I отказался от военных и политических притязаний в Средиземноморском регионе. Указом от 26.02.1810 г. предписывалось передать Государственному казначейству Российской империи финансы Ордена и императору сложить полномочия гроссмейстера. Указом императора от 20.01.1817 г. было упразднено награждение Орден Св. Иоанна Иерусалимского. Российского Приорства Ордена в то время уже не существовало (Указ о распорядке, 1830: 74, Указ о недозволении, 1830: 29). Согласно статьям Парижского мира 1814 г. Мальтийские острова перешли во владении Великобритании, став ее колониальным владением и военно-морской базой.

Нереализованным остался Индийский проект Павла Петровича. Индийский поход, которые политические противники называли безумным, был продуман и актуален для геополитики Российской империи. Показательно, что он сильно обеспокоил Лондон, поскольку бил по наиболее уязвимому и чувствительному месту английского могущества. Индия интересовала Россию с точки зрения создания русско-азиатского торгового пути для обеспечения транзита российских товаров. В торгово-экономических интересах в этом регионе Россия сталкивалась не только с Англией, но и с Францией. В 1799 г. была учреждена и успешно действовала в Оренбурге, Бухаре, Астрабаде Российско-Азиатская компания.

Изначально поход в Индию планировался Россией самостоятельно через Оренбург, Хиву и Бухару. Для сглаживания интересов было решено провести Индийский поход совместно с Францией. 09.03.1801 г. российский император подписал Указ о создании союзной армии для похода в Индию. Французские войска планировалось доставить в Таганрог, перебросить в Астрахань, где, объединив с российской армией, переправить через Каспийское море в Астрабад, далее через афганские Герат, Кандагар – в Индию. Командовать союзными войсками должен был генерал А. Массен. В конце февраля 1801 г. казачьи части выступили в поход, к середине марта подошли к р. Ирғиз без человеческих потерь, но Россия потеряла императора и войска были отозваны.

5. Заключение

Реформы, осуществленные императором Павлом, были продуманы им до коронации, еще в 1783–1788 гг. Принимаемые им государственно-политические решения были объективно обусловлены предшествующим ходом государственного развития, внутривластными задачами, геополитическими целями, интересами безопасности и экономического роста государства. Базовые направления павловской политики кардинально не расходились с курсом Екатерины II, но стали заделом для преобразований правопреемников. Активность реформирования, сопровождаемая

стремительной ломкой недостатков центрального, местного управления, финансово-налоговой системы, организации вооруженных сил вызывали протестные настроения в элитарных кругах общества, неоднозначно были восприняты губернским дворянским сообществом, крестьянством.

Не удалось разграничить законодательную, исполнительную, судебную сферы власти. Централизация и унификация управления сопровождалась охранительно-полицейскими мерами, но без произвола самовластья, а в рамках формируемой императором правовой системы и иницируемого им законодательства. Мальтийская тема имела военно-стратегическое и внешнеэкономическое значение для России павловского времени, рассматривалась с точки зрения встраивания кавалерства в государственный аппарат и религиозно-ментальный уклад, а также в интересах объединения европейского, российского (вельможного, военного, губернского) в решении ключевых задач, стоявших перед страной.

Многие павловские идеи были реализованы наследниками императора, поскольку жизнь и правление его оборвали заговорщики. Например, проект Павла Петровича по созданию департаментов начал реализовываться в 1802 г. Александром I. Были сформированы первые шесть министерств (в павловском проекте – департаментов). Функции казначейства вверили Министерству финансов. Министерства периода правления Александра I непосредственно согласовывали свои решения с императором. В проекте Павла Петровича предлагалось учредить отделения специальной канцелярии соответственно числу департаментов, чтобы управление было опосредовано. Эту идею воплотил уже император Николай Павлович, учредивший Собственную Его Величества Канцелярию.

В период правления Павла I был воспринят к действию базовый внешнеполитический принцип Н.И. Панина – Россия в геополитике должна руководствоваться только своими национальными интересами, не подчиняя их задачам других держав, не уходя в то же время в международную изоляцию. Задача России – добиться равновесия ее государств-соседей, а инструментом для решения этой задачи должно быть объединение других государств в союз с Россией сообразно складывающимся обстоятельствам. Одним из первых внешнеполитических актов императора Павла был указ о прекращении рекрутского набора для формирования корпуса против Франции. Этот указ франкофилы охарактеризовали как проявление безумия и ненависти к царствованию матери. Но ситуация была оценена императором рационально: недостаток средств на ведение войны, разногласия в антифранцузской коалиции, опасное для России движение Франции к господству над Центральной Европой и Италией, нарушившее «равновесие», успех египетского Бонапарта создавали угрозу владычества Франции над Турцией и преграды ближневосточным и южноевропейским интересам России. Выходом мог быть мир с Францией, а для ограничения ее активности в европейском аккорде – антифранцузская коалиция, которая оформится в 1798 г. Подобный принцип равновесия во внешней политике продолжил после убийства императора наследник престола Александр Павлович.

Разрыв отношений Российской империи с Англией и переориентация внешней политики на Францию в 1800 г. вызвали недовольство проанглийского политического лобби, выразившееся в том числе и в многочисленных политических анекдотах. На деле разрыв с Англией был следствием столкновения экономических интересов и геополитических противоречий, которые накапливались не одно десятилетие.

Несостоятельны оправдания жестокого убийства Павла I стремлением спасти Россию от «гибельного» правления сумасшедшего тирана, от самовластья, осуществить конституционные реформы во благо российского народа, иными благими намерениями. Оно во многом предопределено тщеславными амбициями стремившихся к сохранению привилегий представителей екатерининской дворянской аристократии и гвардии, наследников, проанглийского лобби. «Безумным укором» были политические анекдоты, возмущавшие «развенчанную тень» императора Павла. Не случайно в народе более столетия расходилась легенда о спасительности для служебных, семейных и любовных неурядиц молитвы на могиле мученика Павла Петровича, убитого генералами и господами.

Литература

Акт, высочайше утвержденный..., 1830 – Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации его императорского величества и положенный для хранения на престол Успенского собора от 05.04.1797 // ПСЗ РИ, собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17910. 869 с.

Барсков, 1915 – Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг. Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915. 335 с.

Беннигсен, 1989 – Беннигсен Л.А. Записки // Русские мемуары 1800–1825 гг. М.: Правда. 1989. 641 с.

Василенко, 2020 – Василенко О.В. К вопросу о социальной политике Павла I. // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2020. № 4 (289). С. 138-142.

Вельяминов-Зернов, 1971 – Вельяминов-Зернов А.Н. Смерть Павла I. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Репринтное издание. М., 1971. Кн. II. С. 50-51.

- Вигель, 1928** – *Вигель Ф.Ф.* Записки. М.: Крут, 1928. 383 с.
- Вяземский, 1988** – *Вяземский П.А.* Стихи. Воспоминания. Записные книжки. М.: Правда, 1988. 480 с.
- Герцен, 1975** – *Герцен А.И.* Былое и думы. Собрание сочинений в 8 томах. М.: Правда, 1975. Т. 8. 446 с.
- Дашкова, 1988** – *Дашкова Е.* Литературные сочинения. М.: Правда, 1990. 363 с.
- Записки графини..., 1900** – Записки графини В.Н. Головиной. (1766–1819). СПб.: Типография А.С. Суворина, 1900. 286 с.
- Именной указ о бытии губернаторам..., 1830** – Именной указ о бытии губернаторам при дворянских собраниях № 18421 // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXV. 931. С. 126.
- Именной указ о дворянских выборах..., 1830** – Именной, данный Сенату указ о дворянских выборах в уездные места и губернские предводители от 14.10.1799. № 19154 // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXV. 931 с.
- Именной указ о наблюдении..., 1830** – Именной, данный Сенату указ о наблюдении при избрании чиновников к должностям от 20.04.1797. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17926. 869 с. С. 812. С. 593.
- Именной указ о непроизвождении..., 1830** – Именной, данный Сенату указ о непроизвождении вступающих вновь в службу пенсионеров от 10.11.1800. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXVI. № 19643. 873 с.
- Именной указ о неснятии..., 1830** – Именной, данный Сенату указ о неснятии Присутственным местам чиновников, впадших в преступления, чинов без Высочайшего повеления от 18.03.1799. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXV. № 18894. 931 с.
- Именной указ о правилах производства..., 1830** – Именной, данный Сенату указ о правилах производства пенсионера служащим и неслужащим военным и гражданским чиновникам от 28.04.1799. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXV. № 18502. 931 с.
- Именной указ о прибавке..., 1830** – Именной, данный Сенату указ о прибавке пенсионной суммы, определенной для удовлетворения находящихся в службе чинов от 18.12.1797. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 18276. 869 с.
- Именной указ о произведении в чин..., 1830** – Именной, данный Сенату указ о произведении в чин Гвардии прапорщиков от 19.01.1797. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17745. 869 с.
- Именной указ о сроках..., 1830** – Именной указ о сроках производства дворян в чин от 09.12.1799. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXV. № 19219. 931 с.
- Исторический сборник..., 1971** – Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Репринтное издание. М., 1971. Кн. III. 224 с.
- История..., 1974** – История СССР. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. Ч. 1: Конец XVIII – начало XIX века. 1974. 220 с.
- Каменский, 2019** – *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века / СПб.: Наука, 2019. 671 с.
- Карамзин, 1991** – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Катков, 1991** – *Катков Ф.В.* Российские государи. Павел I: его семейная жизнь, фавориты и убийство. Репринтное издание. М.: Галактика, 1991. 50 с.
- Ключевский, 1989** – *Ключевский В.О.* Курс русской истории в XIX в. Т. 6. М.: Мысль, 1989. 479 с.
- Коцебу, 1989** – *Коцебу А.Ф.* Цареубийство 11 марта 1801 г. // Русские мемуары 1800–1825 гг. М.: Правда, 1989. 641 с.
- Лабзин, 1799** – *Лабзин А.* История ордена св. Иоанна Иерусалимского в 5 частях. СПб.: Императорская типография, 1799–1801. Ч. 1. 1799. 240 с.
- Лабутина, 2020** – *Лабутина Т.Л.* Великий князь Павел Петрович в восприятии английских послов // *Локус: Люди, общество, культуры, смыслы.* 2020. Т. 11. № 2. С. 11–22.
- Манифест о трехдневной работе..., 1830** – Манифест о трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении к работе в дни воскресные // ПСЗ РИ, собрания 1-е. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17909. 872 с. С. 587.
- Марин, 1971** – *Марин С.* Подражание Ломоносову. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Репринтное издание. М., 1971. Кн. II. С. 28–29.
- Материалы..., 1971** – Материалы для биографии императора Павла I. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Репринтное издание. М., 1971. Кн. 1. 165 с.
- Милютин, 1875** – *Милютин Д.А.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 2-е изд. Т. 1–3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. Т. 3. 670 с.
- Морошкин, 1867** – *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. СПб., 1867–1870. Ч. 1. 1867. 570 с.

Пушкин, 1978 – Пушкин А.С. Исторические записки. Разговоры с Н.К. Загряжской // Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. 1977–1979. Т. 8. Автобиографическая и историческая проза. 1978. 447 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Русский литературный анекдот..., 1990 – Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX в. М.: Художественная литература, 1990. 268 с.

Саблуков, 1989 – Саблуков И.А. Записки // Русские мемуары 1800–1825 гг. М.: Правда. 1989. 641 с.

Сафонов, 1996 – Сафонов М.М. Павел I и его время (Проблема реформ в правительственной политике России в конце XVIII в.) // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб: Наука. 1996. 249 с.

Смирнова-Россет, 1989 – Смирнова-Россет А.А. Дневники. Воспоминания. М.: Наука. 1989. 789 с.

Соколовская, 1908 – Соколовская Т.О. Два портрета императора Павла I с масонскими эмблемами // Русская старина. 1908. № 10. С. 81-92.

Сорокин, 1989 – Сорокин Ю.А. Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 46-69.

Указ о награждении чинами..., 1799 – Указ Правительствующего Сената о награждении чинами от 17.10.1799 во исполнение Высочайшего указа, объявленного Сенату 02.09.1799 г. // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXV. № 19159. 931. С. 815.

Указ о недозволении..., 1830 – Указ о недозволении получающим в нынешнее время Орден Св. Иоанна Иерусалимского носить оный № 26626 // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXXIV. 956 с. С. 29.

Указ о порядке..., 1830 – Указ о порядке сумм Ордена Св. Иоанна Иерусалимского от 26.02.1810 № 24134 // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXXI. 942 с. С. 74.

Указ о столовых деньгах..., 1830 – Указ о столовых деньгах генералам от 12.02.1817 г. № 26670 // ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXXIV. 956 с. С. 68.

Фонвизин, 1971 – Фонвизин Д.И. О праве государственном // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Репринтное издание. М., 1971. Кн. II. С.170.

Хайкина, 2000 – Хайкина Л.В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I // Отечественная история. М., 2000. № 2. С. 164-170.

Шильдер, 2009 – Шильдер Н.К. Император Павел I. М.: Эксмо, 2009. 479 с.

Эйдельман, 1992 – Эйдельман Н.Я. Грань веков: Полит. борьба в России, конец XVIII – нач. XIX ст. СПб.: ЭТС «Экслибрис», 1992. 382 с.

Freeze, 2013 – Freeze, G.I. Class society of the Russian Empire (XVIIIth - early XXth century) // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2013. Т. 61. Vol. 1. Pp. 143-144.

References

Akt, vysochajshe utverzhdenyj..., 1830 – Akt, vysochajshe utverzhdenyj v den' svyashchennoj koronacii ego imperatorskogo velichestva i polozhennyj dlya hraneniya na prestol Uspenskogo sobora ot 05.04.1797 № 17910 [The act highest approved on the day of the sacred coronation of his imperial majesty]. PSZ RI, sobranie 1-e. SPb. T. XXIV. 869 p. [in Russian]

Barskov, 1915 – Barskov, Ya.L. (1915). Perepiska moskovskih masonov XVIII veka. [Correspondence of 18th-century Moscow Freemasons]. Pg. Izd. Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk. 335 p. [in Russian]

Bennigsen, 1989 – Bennigsen, L.A. (1989). Zapiski [Memoirs]. Russkie memuary 1800-1825 gg. M.: Pravda. 641 p. [in Russian]

Dashkova, 1988 – Dashkova, E. (1988). Literaturnye sochineniya. [Literary writings]. M.: Pravda, 363 p. [in Russian]

Ejdel'man, 1992 – Ejdel'man, N.Ya. (1992). Gran' vekov: Politicheskaya bor'ba v Rossii, konec XVIII – nach. XIX st. [The Edge of the Ages]. SPb.: ETS «Eklibris», 382 p. [in Russian]

Fonvizin, 1971 – Fonvizin, D.I. (1971). O prave gosudarstvennom [On the right of the state]. Istoricheskij sbornik Vol'noj russkoj tipografii v Londone A.I. Gercena i N.P. Ogareva. Reprintnoe izdanie. M., Kn. II. P. 170. [in Russian]

Freeze, 2013 – Freeze, G.I. (2013). Class society of the Russian Empire (XVIIIth – early XXth century). *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 61(1): 143-144.

Gercen, 1975 – Gercen, A.I. (1975). Byloe i dumy [The old and the dumas]. V 8 tomah. M.: Pravda, T. 8. 446 p. [in Russian]

Hajkina, 2000 – Hajkina, L.V. (2000). Mihajlovskij zamok i nekotorye aspekty religiozno-filosofskih vozzrenij Pavla I [St. Michael's Castle and some aspects of Paul I's religious-philosophical views]. *Otechestvennaya istoriya*. M. 2: 164-170. [in Russian]

Imennoj ukaz o bytii gubernatoram..., 1830 – Imennoj ukaz o bytii gubernatoram pri dvoryanskikh sobraniyah № 18421. [The decree on the attendance of governors in noble assemblies]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXV. 931 p. [in Russian]

Imennoj ukaz o dvoryanskikh vyborah..., 1830 – Imennoj, dannyj Senatu ukaz o dvoryanskikh vyborah v uezdnye mesta i gubernskie predvoditeli ot 14.10.1799 №19154. [The decree on noble elections for county seats and provincial leaders]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXV. 931 p. [in Russian]

Imennoj ukaz o nablyudenii..., 1830 – Imennoj, dannyj Senatu ukaz o nablyudenii pri izbranii chinovnikov k dolzhnostyam ot 20.04.1797. [The decree on monitoring when elected officials to posts]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXIV. № 17926. 869 p. P. 593. [in Russian]

Imennoj ukaz o neproizvozhdenii..., 1830 – Imennoj, dannyj Senatu ukaz o neproizvozhdenii vstupyayushchih vnov' v sluzhbu pensionov ot 10.11.1800. [decree on non-payment of pensions awarded at the resignation of persons who re-enter the service]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXVI. № 19643. 873 p. P. 582. [in Russian]

Imennoj ukaz o nesnyatii..., 1830 - Imennoj, dannyj Senatu ukaz o nesnyatii Prisutstvennym mestam chinovnikov, vpadshih v prestupleniya, chinov bez Vysochajshogo poveleniya ot 18.03.1799. [On the inadmissibility of dismissal without the highest permission of officials who have committed a crime]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXV. №18894. 931 p. P. 590. [in Russian]

Imennoj ukaz o pravilah proizvodstva..., 1830 – Imennoj, dannyj Senatu ukaz o pravilah proizvodstva pensiona sluzhashchim i nesluzhashchim voennym i grazhdanskim chinovnikom ot 28.04.1799. [The decree on the rules for assigning pensions to servicemen and non-serving military and civilian officials]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXV. № 18502. 931 p. P. 221. [in Russian]

Imennoj ukaz o pribavke..., 1830 – Imennoj, dannyj Senatu ukaz o pribavke pensionnyh summy, opredelennoj dlya udovletvoreniya nahodyashchihsya v sluzhbe chinov ot 18.12.1797. [The decree on the increase of pension sums to officials]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXIV. № 18276. 869 p. P. 845. [in Russian]

Imennoj ukaz o proizvedenii v chin..., 1830 – Imennoj, dannyj Senatu ukaz o proizvedenii v chin Gvardii praporshchikov ot 19.01.1797. [The decree about the assignment of rank to the warrant officers of the Guard]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXIV. №. 17745. 869 p. P. 297. [in Russian]

Imennoj ukaz o srokah..., 1830 – Imennoj ukaz o srokah proizvodstva dvoryan v chin ot 09.12.1799. [The decree on the timing of the production of nobles in the rank of]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXV. № 19219. 931 p. P. 914. [in Russian]

Istoricheskij sbornik..., 1971 – Istoricheskij sbornik Vol'noj russkoj tipografii v Londone A.I. Gercena i N.P. Ogareva. Reprintnoe izdanie. [Historical collection of Free Russian Printing House in London by A.I. Herzen and N.P. Ogarev]. M., Kn. III. 224 p. [in Russian]

Istoriya..., 1974 – Istoriya SSSR [History of the USSR]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1974. CH. 1: Konets XVIII – nachalo XIX veka. 1974. 220 p. [in Russian]

Kamenskij, 2019 – *Kamenskij, A.B.* (2019). Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka [From Peter I to Paul I: reforms in 18th century Russia]. SPb.: Nauka, 671 p. [in Russian]

Karamzin, 1991 – *Karamzin, N.M.* (1991). Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah. [The Memoirs about the ancient and new Russia in its political and civil relations.]. M.: Nauka, 125 p. [in Russian]

Katkov, 1991 – *Katkov, F.V.* (1991). Rossijskie gosudari. Pavel I: ego semejnaya zhizn', favority i ubijstvo [Russian sovereigns. Paul I: his family life, favorites and murder]. M.: Galaktika, 50 p. [in Russian]

Klyuchevskij, 1989 – *Klyuchevskij, V.O.* (1989). Kurs russkoj istorii v XIX v. [Russian history course in the 19th century]. T. 6. M.: Mysl'. 479 p. [in Russian]

Kocebu, 1989 – *Kocebu, A.F.* (1989). Careubijstvo 11 marta 1801 g. [Kingslay on March 11, 1801]. Russkie memuary 1800-1825 gg. M.: Pravda. 641 p. [in Russian]

Labutina, 2020 – *Labutina, T.L.* (2020). Velikij knyaz' Pavel Petrovich v vospriyatii anglijskih poslov. [Grand Duke Pavel Petrovich in the perception of English ambassadors]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 11(2): 11-22. [in Russian]

Labzin, 1799 – *Labzin, A.* (1799). Istoriya ordena sv. Ioanna Ierusalimskogo v 5-ti chastyah [History of the Order of St. John of Jerusalem]. SPb.: Imperatorskaya tipografiya. Ch. 1. 240 p. [in Russian]

Manifest o trekhdnevnoj rabote..., 1830 – Manifest o trekhdnevnoj rabote pomeshchich'ih krest'yan v pol'zu pomeshchika i o neprinuzhdzhenii k rabote v dni voskresnye ot 05.04.1997 № 17909 [Manifesto on three-day work of peasants in favor of the landowner]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb. T. XXIV. 872 p. P.587. [in Russian]

Marin, 1971 – *Marin, S.* (1971). Podrazhanie Lomonosovu. [Imitation of Lomonosov]. Istoricheskij sbornik Vol'noj russkoj tipografii v Londone A.I. Gercena i N.P. Ogareva. Reprintnoe izdanie. M. Kn. II. Pp. 28-29. [in Russian]

Materialy..., 1971 – Materialy dlya biografii imperatora Pavla I. Materials for the biography of Emperor Paul I]. Istoricheskij sbornik Vol'noj russkoj tipografii v Londone A.I. Gercena i N.P. Ogareva. M., 1971. Kn. 1. 165 p. [in Russian]

Milyutin, 1875 – *Milyutin, D.A.* (1875). Istoriya vojny 1799 goda mezhdru Rossiej i Franciej v carstvovanie imperatora Pavla I. [The history of the 1799 war between Russia and France during the reign of Emperor Paul I]. 2-e izd. T. 1-3. SPb.: tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1857. T.3. 670 p. [in Russian]

- Moroshkin, 1867** – *Moroshkin, M.Ya.* (1867). Iezuity v Rossii s carstvovaniya Ekateriny II do nashego vremeni [Jesuits in Russia from the reign of Catherine II to our time]. SPb. CH. 1. 570 p. [in Russian]
- Pushkin, 1978** – *Pushkin, A.S.* (1978). Istoricheskie zapiski. Razgovory s N.K. Zagryazhskoj. [Historical memoirs]. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. L.: Nauka. T. 8. Avtobiograficheskaya i istoricheskaya proza. 447 p. [In Russian].
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts].
- Russkij literaturnyj anekdot..., 1990** – Russkij literaturnyj anekdot konca XVIII – nachala XIX v [Russian literary anecdote of the late 18th – early 19th century Russian literary anecdote of the late 18th – early 19th century]. M.: Hudozhestvennaya literatura. 268 p. [in Russian]
- Sablukov, 1989** – *Sablukov, I.A.* (1989). Zapiski. [Memoirs]. Russkie memuary 1800–1825 gg. M.: Pravda. 641 p. [in Russian]
- Safonov, 1996** – *Safonov, M.M.* (1996). Pavel I i ego vremena (Problema reform v pravitel'stvennoj politike Rossii v konce XVIII v.). [Paul I and his time]. Imperator Pavel I i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii. SPb: Nauka. 249 p. [in Russian]
- Shil'der, 2009** – *Shil'der, N.K.* (2009). Imperator Pavel I. [Emperor Paul I]. M.: Eksmo, 479 p. [in Russian]
- Smirnova-Rosset, 1989** – *Smirnova-Rosset, A.A.* (1989). Dnevnik. Vospominaniya [Diaries. Memories]. M.: Nauka. 789 p. [in Russian]
- Sokolovskaya, 1908** – *Sokolovskaya, T.O.* (1908). Dva portreta imperatora Pavla I s masonskimi emblemami. [Two portraits of Emperor Paul I with Masonic emblems]. *Russkaya starina*. 10: 81-92. [in Russian]
- Sorokin, 1989** – *Sorokin, Yu.A.* (1989). Pavel I. [Paul I]. *Voprosy istorii*. 11: 46-69. [in Russian]
- Ukaz o nagrazhdenii chinami..., 1799** – Ukaz Pravitel'stvuyushchego Senata o nagrazhdenii chinami ot 17.10.1799 vo ispolnenie Vysochajshhego ukaza, ob'yavlennoho Senatu. 02.09.1799 r. № 19159. [The decree of the Government of the Senate on the bestowal of rank]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXV. 931 p. P. 815. [in Russian]
- Ukaz o nedozvolenii..., 1830** – Ukaz o nedozvolenii poluchayushchim v nyneshnee vremena Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo nosit' onyj № 26626. [The decree banning the wearing of the Order of St. John of Jerusalem]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXXIV. 956 p. P. 29. [In Russian].
- Ukaz o rasporyadke..., 1830** – Ukaz o rasporyadke summ Ordena Sv. Ioanna Ierusalimskogo ot 26.02.1810 № 24134 [Decree on the distribution of the sums of the Order of St. John of Jerusalem from 26.02.1810 № 24134]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXXI. 942 p. P. 74. [in Russian]
- Ukaz o stolovyh den'gah..., 1830** – Ukaz o stolovyh den'gah generalam ot 12.02.1817 r. N 26670. [Decree on table money to generals]. PSZ RI. Sobr. 1. SPb., 1830. T. XXXIV. 956 p. P. 68. [in Russian]
- Vasilenko, 2020** – *Vasilenko, O.V.* (2020). K voprosu o social'noj Politike Pavla I. [To the question of the social policy of Paul I]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(289): 138-142. [in Russian]
- Vel'yaminov-Zernov, 1971** – *Vel'yaminov-Zernov, A.N.* (1971). Smert' Pavla I. [Death of Paul I]. Istoricheskij sbornik Vol'noj russkoj tipografii v Londone A.I. Gercena i N.P. Ogareva. Reprintnoe izdanie. M. Kn. II. Pp. 50-51. [in Russian]
- Vigel', 1928** – *Vigel', F.F.* (1928). Zapiski [Memoirs]. M.: Krug, 383 p. [in Russian]
- Vyazemskij, 1988** – *Vyazemskij, P.A.* (1988). Stihi. Vospominaniya. Zapisnye knizhki. [Poems. Memories. Notebooks]. M.: Pravda. 480 p. [in Russian]
- Zapiski grafini..., 1900** – Zapiski grafini V.N. Golovinoj (1766-1819). [Memoirs of countess V.N. Golovina]. SPb.: tipografiya A.S. Suvorina, 286 p. [in Russian]

Мифологизация правления императора Павла в русском политическом анекдоте и реалии

Марина Леонидовна Галас^{a, *}, Павел Сергеевич Селезнев^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Образ Павла I окружен ореолом легенд, исторических мифов, которые подменяли подлинный облик этого российского императора. Политические анекдоты о деятельности Павла Петровича Романова сочинялись царедворцами – противниками реформ государственного управления, его матерью императрицей Екатериной II. В статье проанализированы литературные анекдоты, мемуарные свидетельства современников мифологизированного императора, соединившие полуобман и полуправду, злой умысел политических недоброжелателей, снисходительную правду избежавших опалы и одаренных императорской милостью, а также

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: MLGalas@fa.ru (М.Л. Галас), Pseleznev@fa.ru (П.С. Селезнев)

исторические исследования об эпохе Павловского правления, документы Российского государственного архива древних актов. Авторы рассмотрели личностный портрет императора, его политический курс в сопоставлении с предвзятыми психологическими характеристиками Павла Петровича, историческими реалиями конца XVIII – начала XIX вв., объективными внешними и внутренними вызовами, которые обязан был решать легендарный российский монарх.

Российский Гамлет, как называли в Европе графа Северного – цесаревича Павла, русский Дон-Кихот, таким уже русского императора Павла Наполеон, он остался в истории, литературе «сфинксом, не разгаданным до гроба»: «дитя осьмнадцатого века, его страстей он жертвой был: и презирал он человека, и человечество любил». Кто же император Павел: безумный тиран, стремившийся уничтожить екатерининский политический порядок; умный и просвещенный властитель, правление которого было разумным и обусловленным национальными интересами России; реформатор, оппозиционный правящей аристократии; царственный рыцарь; коронованный шут или венценосный философ?

Ключевые слова: император, государственные реформы, геополитика, абсолютизм, оппозиционная аристократия, политический анекдот.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 572-586.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.572
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“The Tsarevich was Dressed in a Cossack Uniform...” (The Honorary Patronage of the Emperor and the Heir to the Throne over the Don Cossack Guard Units and the Don Cossack Uniform in their Military Wardrobe)

Anatoly I. Agafonov ^{a, *}, Vladimir P. Trut ^{a, b}

^a Don State Technical University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article examines the patronage of the Russian Emperor and the heir to the throne over the Don Guards Cossack regiments and the presence of the Don Guards Cossack military uniform in their wardrobe in the XIX – early XX centuries in the context of the formation and development of the institution of honorary patronage over military units in the Russian Imperial Army. The appointment of the honorary chiefs of the Life Guards of His Majesty's Cossack Army, the Life Guards of His Highness the heir of the Tsarevich of the regiments and the Life Guards of the 6th Don Cossack Battery of His Majesty's Highest personages clearly demonstrated the special patronage of the members of the imperial family to the Cossacks and contributed to the establishment of a special regimental form of Cossack military uniforms, which were distinguished from the uniforms of the Guards, combat and other regiments of the Russian army by a special cut, special appearance and color, aiguillettes, uniform uniforms. fittings and some other elements of a military uniform.

The chiefs were required to wear the uniform of their units, took part in their events, in military shows, divorces, parades, the arrival of the guards in St. Petersburg and services in the capital. The military uniform occupied an important place in the government's policy towards the Cossacks, turning them into a military service class, and forming a special socio-ideological image of the "tsar and the Cossack". The emperor and the heir Tsesarevich, who was the August ataman of all the Cossack troops of the country, were represented by the warriors of the Cossacks as one of the military and social pillars of the autocracy. Through the uniform, the ideas of a strong unity of the sovereign and the Cossacks were carried out, the Cossack class mentality was brought up, a certain type of thinking of the Cossacks was created not only as famous soldiers, but also as loyal servants of the state and the emperor, A great influence on the development of the institute of honorary patronage and the development of the Cossack military uniform of the Highest persons was exerted by their visits to the Land of the Don Army (the Don Army Region), participation in Military circles and various events.

Keywords: emperor, tsarevich, honorary patronage, Don Cossack Army, Don Cossack military uniform, military wardrobe of Russian emperors.

1. Введение

Важность всестороннего исследования вопросов существования института почетного шефства императора и наследника престола над донскими гвардейскими казачьими полками, наличие и развитие донского гвардейского казачьего военного мундира в их гардеробе в XIX – начале XX веков обуславливается необходимостью дальнейшего изучения масштабной научной проблемы взаимоотношений самодержавия и казачества. Почетное шефство императора и наследника над донскими казачьими гвардейскими частями, включение донского казачьего военного мундира в императорский военный гардероб являлись важным направлением целенаправленной

* Corresponding author

E-mail addresses: anatoly-agafonov@yandex.ru (A.I. Agafonov), trut.vladimir@rambler.ru (V.P. Trut)

государственной политики по отношению к казачеству как к одной из самых надежных военных и социальных опор самодержавия, а также зримым показателем особого покровительственного отношения императорской фамилии к казачеству. При этом преследовались и сугубо утилитарные задачи включения донского казачества в общий состав вооруженных сил Российской империи, унификации его военного управления, призыва и подготовки рядового состава, формирования офицерского корпуса и генералитета, вооружения, снаряжения, материального и денежного довольствия, награждений и чинопроизводства.

Институт почетного шефства императорских особ над донскими гвардейскими казачьими частями сформировал особый вид их военного обмундирования, которое отличалось от военной формы других полков российской армии своим особым покроем, цветом, мундирной арматурой, прибором и подчеркивало тем самым своеобразие, уникальность и неповторимость данной воинской части. К таковому относятся шефские военные мундиры Высочайших особ Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества наследника цесаревича полка и 6-й Лейб-гвардии Донской Казачьей Его Величества артиллерийской батареи.

Почетное шефство императора и наследника престола над этими донскими казачьими частями и присутствие казачьей гвардейской военной формы в их гардеробе самым непосредственным образом способствовало и формированию элементов особого казачьего менталитета в плане представления об очень тесной, особой связи императора и государства с казачеством, исключительной преданности и верности казаков, своеобразного социально-идеологического мифа «царь и казаки», и даже некоего сакрального отношения казаков к службе «царю и Отечеству» и непосредственно к династии.

Казачий военный мундир в гардеробе почетных шефов донских гвардейских полков и батареи также необходимо рассматривать как одно из направлений формирования российской военной униформы, а ее изучение как предмет униформологии как научной вспомогательной дисциплины.

2. Материалы и методы

Основными источниками исследования явились государственные законодательные акты, отраженные в Полном собрании законов Российской империи (Собрание второе) (2ПСЗ РИ. 1828: Т. 3. № 2050; 1837: Ч. 1. № 9831; Т. 30. 1855. Ч. 1. № 29044), и различные ведомственные документы, относящиеся к истории развития обмундирования русской армии, представленные, в частности, в работах одного из первых исследователей данной темы А.В. Висковатова (Висковатов: Ч. 15. 1858; Ч. 18. 1860; Ч. 19. 1861; Ч. 29. 1862).

Важнейшими материалами также послужили мемуары и воспоминания о посещении Высочайших особ области Донского войска в 1837–1887 гг. генерал-лейтенанта А.П. Чеботарева (опубликованные А.А. Волвенко (Волвенко, 2016), Х.И. Попова (Попов, 1870), Снесарева (Снесарев, 1870), Ф.К. Траилина (Траилин, 1872; 1888) и других современников (Воспоминание об Августейшем посещении..., 1850). Они раскрывают атмосферу пребывания на Дону императора и наследника престола, характер и содержание мероприятий, общие и особенные детали их военных казачьих костюмов, присущие конкретному историческому времени.

Большое значение для исследования имеют рисунки А.В. Висковатова, портреты императоров и Высочайших особ в мундирах казачьего покроя из российских и зарубежных музеев, в том числе и размещенных в открытых источниках. Их изучение раскрывает динамику шефского донского военного мундира, отличия и особенности в изготовлении, покрое и использовании данных мундиров и соответствующей мундирной арматуры и приборов.

Отдельную группу источников составляют авторские фотографии, портреты императоров и наследников престола из собрания Музея Лейб-гвардии Казачьего полка, находящегося в парижском пригороде Курбева.

Обращено внимание на такие специфические, но важные и показательные аспекты политики правительства в отношении донского казачества, как возникновение и развитие института почетного шефства Высочайших особ над донскими гвардейскими казачьими частями, рассмотрены содержание, роль и значение присутствия донского казачьего гвардейского мундира в военном гардеробе императора и наследника престола, трансформации в казачьей форме и шефских мундирах на протяжении длительного, более чем векового исторического периода.

Опираясь на научные общетеоретические идеи, подходы и принципы, историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы, авторы показали, что институт почетного шефства императора и наследника престола над донскими казачьими гвардейскими частями, донской мундир в их военном гардеробе занимали видное место и играли важную функциональную роль в политике государства по отношению к казачеству.

3. Обсуждение

Специальные работы, посвященные формированию и развитию института почетного шефства императора и наследника престола над донскими гвардейскими казачьими частями, анализу его роли и значения, в историографии практически не представлены. Отдельные вопросы развития

военной формы обмундирования российской армии, содержания и специфики русской военной униформы, включая и императорские военные мундиры, рассматривались в достаточно ограниченном количестве работ некоторых авторов XIX–XX веков, особое место среди которых занимают содержательные труды А.В. Висковатова (Висковатов: Ч. 15. 1858; Ч. 18. 1860; Ч. 19. 1861; Ч. 29. 1862). После довольно длительного перерыва они нашли отражение и в отдельных исследованиях современных авторов (Горохов: 2020). Однако донской казачий военный костюм в гардеробе Высочайших особ вплоть до настоящего времени фактически остается на периферии научного исследования. Частично данная тема затрагивалась лишь в общих работах по истории донских гвардейских частей (Краснов, 1898; История Лейб-гвардии..., 1876: 466-467, 495-496). Более того, вопросы развития униформы почетных шефов донских гвардейских казачьих полков не получили необходимого освещения и в новейших сочинениях по истории донского казачества (Агафонов, 2020: 67-118).

Существенное место в изучении института почетного шествия императора и наследника престола над донскими гвардейскими казачьими частями и наличие донского гвардейского казачьего военного мундира в императорском военном гардеробе занимают посещения Высочайшими особами Донского края и празднование 300-летия служения донского казачества Российскому государству. Опубликованные в свое время работы А.М. Савельева (Савельев, 1870), Х.И. Попова (Попов, 1870), отдельные современные статьи А.А. Волвенко (Волвенко, 2020) дополняют сведения о казачьих военных мундирах императора и наследника престола, характеризуют атмосферу праздничных мероприятий и общую картину взаимоотношений императорской фамилии и донского казачества (Из Новочеркасска. Трехсотлетний юбилей Донского войска, 1870).

Таким образом, в историографическом плане проблема нуждается в новых исследованиях, концептуальных идеях и подходах.

4. Результаты

С 1800 г. в российской императорской гвардии утвердилась система шефов (почетных командиров) полков. Шефами многих гвардейских полков стали император, императрица и великие князья. Шефы полков получали привилегию носить мундир «вверенных и подчиненных» им подразделений. Одновременно изготавливались специальные мундиры для императриц, княжон. Ношение Высочайшими особами казачьей формы обмундирования демонстрировало единство и преемственность общего дела, производило эффект «своего казачьего царя» или «своего наследника российского престола». Шефы заботились о служащих полка, были в курсе его жизни, интересовались успехами, разделяли неудачи.

Институт шествия был распространен и на донские гвардейские казачьи полки и артиллерийскую батарею. Он оказывал большое влияние на мировоззрение и ментальность казачества. Образы вольных казаков-воинов, гордившихся своим молодечеством и совершавших военные набеги на вражескую территорию, казаков-бунтарей, предводителей и участников массовых антиправительственных народных движений однозначно уходили в прошлое. На смену им приходил собирательный образ героического и преданного «вере, царю и Отечеству» казака-воина, участника военных походов и войн для защиты государства, оформлялась героическая история казачества, а повседневная реальность различных взаимоотношений с властью и представителями царской династии целенаправленно и настойчиво формировала у казаков образы «обожаемого Венценосного монарха» и его Августейшей семьи.

Служение России, военное дело, единая религия, морально-этические ценности, исторически сложившиеся отношения государства и казачества объединяли их, создавали особые взаимоотношения, связывавшие казачество и самодержавие, казачество и императорскую фамилию.

Военная форма одежды, смотры, парады, посещения Донской земли Высочайшими особами и другие мероприятия – это вербальные и невербальные виды и формы общения, опиравшиеся на принятые в обществе правила взаимодействия, направленные на достижение поставленных целей государством.

Первым шефом Лейб-гвардии Казачьего полка был назначен генерал от кавалерии Ф.П. Денисов. Однако его шествие продолжалось менее двух месяцев, в период с 9 ноября 1800 по 4 января 1801 гг. Впоследствии почетными шефами этого полка являлись императоры Николай I, Александр II, Александр III, Николай II.

18 августа 1801 г. император Александр I установил форму обмундирования донским казакам и офицерам в домашнем быту и на полевой службе. Это зримо выделяло их из окружающего неказачьего населения, закрепляло их сословный статус, отличный от других социальных групп. Форма обмундирования играла огромную познавательную и коммуникативную функции – «казак – не казак», «свой – чужой» (Висковатов, 1860: Ч. 18, 1-4).

Учитывая, что шефы донских гвардейских полков и гвардейской артиллерийской батареи, записанные в них Высочайшие особы обладали штаб-офицерскими, генеральскими, флигель-и генерал-адъютантскими чинами, то рассматривается данная форма обмундирования, являвшаяся частью их военного гардероба. Приборы казачьего военного мундира разделялись на гвардейские,

строевые, артиллерийские, указывавшие на принадлежность к роду войск, полку, воинский чин, а также на суконный, шерстяной (цветные воротники, обшлага, клапаны, выпушки, лацканы, отвороты фалд, аксельбанты, околыши фуражек) и металлический (золотое или серебряное шитье на мундире, галуны, пуговицы, погоны, эполеты, этишкететы, полковые гербы) материалы.

В апреле 1809 г. император Александр I установил новую форму обмундирования для Лейб-гвардии Казачьего полка, в которой закрепил войсковые – синий и красный – цвета, особый казачий покрой одежды, изменения в амуниции и вооружении, оправдавшие себя с практической точки зрения в походах и войнах конца XVIII – начала XIX веков. Генералам полка полагалось иметь следующий мундир: кафтан со стоячим, впереди скошенным воротником и разрезными обшлагами, генеральским серебряным шитьем по краям воротника и обшлагов, а также на карманных клапанах кафтанов, шаровары из синего сукна, полукафтан из алого, серебряными по чину эполетами с толстой канителью. Этишкететы серебряные, челенг из белых, к низу из черных и желтых перьев, как было на киверах и шапках генералов гусарских (Висковатов, 1858: Ч. 15, 56-59). Будучи шефами или служащими полка, Высочайшие особы носили форму обмундирования полка, которая изменялась и совершенствовалась вместе со всей униформой российской армии.

С 1825 г. донская казачья форма заняла важное место в военном гардеробе Высочайших особ. Так, например, император Николай I носил, наряду с другими мундирами гвардейских полков, казачьи мундиры – генеральский казачьего покроя (походный, повседневный, парадный) Лейб-гвардии Казачьего полка. В военном гардеробе российских императоров, а также наследников российского престола насчитывалось не менее 100 шефских мундиров различных гвардейских полков и артиллерийских батарей (Вилков: 2005).

В 1827 г. войсковым атаманом всех казачьих войск стал наследник престола. 2 октября 1827 г. шефом Атаманского полка император Николай I назначил наследника престола великого князя Александра Николаевича. С этого времени полк стал именоваться Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника полк. В связи с действующими правилами наследник престола носил атаманский мундир при соответствующих мероприятиях, смотрах и парадах. В 1831 г. Атаманскому полку были дарованы права Молодой гвардии, 29 августа 1831 г. полк получил наименование Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Цесаревича полк (Висковатов, 1861: Ч. 19, 246; Очерк истории, 1875: 50).

Рис. 1. Цесаревич Александр Николаевич. Художник Франц Крюгер. 1832. Августейший атаман всех казачьих войск Российской империи в обер-офицерском мундире Казачьего Атаманского Его Императорского Высочества Цесаревича полка. На шапке из черной смушки над этишкетом надпись: «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года», пожалована полку 6 декабря 1831 года

23 апреля 1832 г. император Николай I назначил себя шефом Лейб-гвардии Казачьего полка, а 29 мая 1837 г. зачислил в списки полка цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II). По признанию наследника российского престола, «лейб-казачий мундир был одним из его любимых, впервые он одел его гораздо ранее, чем стал Августейшим атаманом всех казачьих войск» (Траилин, 1872: 31-32).

Рис. 2. Цесаревич наследник великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II). Неизвестный художник. На портрете он изображен в мундире Лейб-гвардии Казачьего полка образца 1838–1845 гг. На шапке из черной смушки прикреплен герб полка, пожалованный 29 апреля 1838 г. Музей Лейб-гвардии Казачьего полка. Париж. Франция. Фото А.И. Агафонова

19 февраля 1855 г. на имя войскового атамана Хомутова поступил Высочайший рескрипт о переименовании Атаманского полка в Лейб-Атаманский, назначении наследника престола Николая Александровича Атаманом всех казачьих войск и шефом Донского Атаманского полка, «которому именоваться Лейб-Атаманским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком» (2ПСЗ РИ: 1855. Т. 30. Ч. 1. № 29044. С. 162).

Император Александр II, взойдя на российский престол, не потерял связи с Лейб-гвардии Атаманским полком. 2 октября 1855 г. он был внесен в списки полка и числился в его составе до самой гибели 1 марта 1881 г. Его мундир образца 1874 г. хранится в Музее Лейб-гвардии Казачьего полка в Курбева (Париж. Франция) (Горохов, 2020: № 87-88. [№ 1-2]. 50).

Примечательно, что императоры и наследники престола в казачьих мундирах нашли отражение в работах лучших художников XIX – начала XX вв.: Дж. Доу, Франца Крюгера, Кристины Робертсон, С.К. Заряноко, Е.И. Ботмана и многих других. При этом художники старались не только показать достоинства Высочайших особ, но и в деталях раскрыть их военный костюм, форменную арматуру и награды.

Так, на портрете Е.И. Ботмана наследник цесаревич великий князь Александр Николаевич, атаман всех казачьих войск изображен с золотым перначом на фоне боевых действий, вероятно, русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в которой активное участие принимал Лейб-гвардии Казачий полк. Наследник престола, зачисленный в Лейб-гвардии казачий полк 22 ноября 1837 г., запечатлен в генеральской казачьей форме обыкновенного казачьего покроя образца 1837 года. Чекмень однобортный, темно-зеленый, с алой выпушкой по краям, со скошенным воротником, генеральским шитьем по краям воротника и обшлагов, шаровары темно-зеленые, с алой выкладкой. Шапка из черной смушки с выкидом из алого сукна. Эполеты с чешуйчатым полем, золотые, с толстой канителью, этикет серебряный, челенг из белых, к низу из черных и желтых перьев. Аксельбант из гарусной шерсти оранжевого цвета с серебряными наконечниками. На груди – Андреевская лента

ордена Св. Апостола Андрея Первозванного (25.06.1796), звезда ордена Апостола Андрея Первозванного, Св. равноапостольного кн. Владимира 1-й степени (12.12.1823), Знак ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 класса за 25 лет службы (1 (13) декабря 1838), который по статусу носился на левой стороне груди, никогда не снимался с военного или статского мундира, даже при старших орденах. Над этикетом на шапке из черной смушки нет строевого полкового герба, который пожалован 29 апреля 1838 г. В то же время за спиной императора штаб-офицер Лейб-гвардии Казачьего полка со строевым полковым гербом на шапке.

Рис. 3. Наследник цесаревич великий князь Александр Николаевич. Художник Е.И. Ботман. 1847. Музеи Московского Кремля

С глубоким уважением и доверием российские императоры относились к Лейб-гвардии Казачьему полку. Император Николай I, согласно его завещанию, был похоронен в парадном мундире Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Повседневный императорский мундир этого полка был передан на вечное хранение в полковой храм Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка ([История Лейб-гвардии...: 1876, с. 466-467, 495-496](#)). На памятнике «Тысячелетие России», открытом в 1862 году в Великом Новгороде, в Отделе «Государственные люди» император Николай I изображен в форме Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка.

Рис. 4. Император Николай I в мундире Лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. На шапке строевой герб полка, пожалованный 29 апреля 1838 г. Художник Е.И. Ботман. 1855 г. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Россия

Император Николай I установил постоянную практику общения с казаками Лейб-гвардии Казачьего и Лейб-Атаманского полков, приходивших с Дона в Петербург на службу. Он встречал их на смотрах и разводах. Большие смотры и парады устраивались два–три раза в год. Проводились они в зимний период в шинелях, весенний майский – в парадной форме на Марсовом поле, Красносельский парад – в походной форме после маневров. Кроме смотров, каждое воскресенье в Михайловском манеже назначались в присутствии императора разводы.

Императоры Александр III и Николай II также благоволили лейб-казакам за примерное несение служебных обязанностей. За высокий уровень военной выучки и боевой подготовки жаловали их различными поощрениями на торжественных мероприятиях, полковых праздниках, смотрах и парадах, награждали кубками-потирами, юбилейными наградами, приветственными адресами, предоставляли определенные льготы по службе и в быту.

В начале XX в. в российской армии широко развернулась военно-патриотическая и воспитательная работа. Полкам и подразделениям жаловались почетные наименования и полковые знаки, воссоздавались исторические парадные мундиры, старинные знамена. Это движение охватило и Донское казачье войско. В Лейб-гвардии Казачьем и Атаманском полках, Лейб-гвардии 6-й Донской казачьей Его Величества батарее были восстановлены исторические парадные мундиры, в других полках – их различные составные части.

«Возвращение к старине» нашло отражение в портретах Высочайших особ, в частности императора Николая II и Его императорского Высочества великого князя Николая Николаевича Младшего.

Рис. 5. Император Николай II в историческом мундире полковника Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка образца 1815–1828 гг. Восстановлен в 1913 г.

Рис. 6. Его Императорское Высочество Николай Николаевич Младший, великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, шеф Лейб-гвардии Казачьего полка. Музей Лейб-гвардии Казачьего полка. Париж. Франция. Фото А.И. Агафонова

23 января 1914 г. Император Николай II назначил шефом Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка великого князя Николая Николаевича Младшего. Великий князь любил казаков, его увлекала их свобода и способ действий «лавой». На хранящемся в полковом музее в Курбюва редком портрете великий князь Николай Николаевич Младший изображен в чине генерал-адъютанта, генерала от кавалерии в историческом парадном мундире Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка (примечательно, что после своей смерти в 1929 г. он был похоронен в форме кавказских казачьих войск с Георгиевскими крестами трех степеней в городе Канн, в крипте церкви Св. Архангела Михаила (Данилов, 1930: 41-47, 350-351). 30 апреля 2015 г. его прах был перезахоронен в часовне Спаса Преображения на Братском воинском кладбище в Москве).

Наиболее полно привилегия носить донской казачий гвардейский военный мундир раскрывается во время пребывания на Дону Высочайших особ.

Так, император Александр I посетил Донской край в 1818 и 1825 гг., император Николай I был в Новочеркаске в 1837 г., император Александр II трижды находился на Дону – в 1837, 1850, будучи наследником российского престола и Августейшим атаманом всех казачьих войск, и в 1872 г. Император Александр III посещал Донское войско в 1869, 1870 и 1872 гг., когда являлся наследником престола и 5, 6 и 7 мая 1887 г., император Николай II пребывал на Дону в 1887 г., являясь наследником престола и Августейшим атаманом, а в мае 1904 г. в Новочеркаске напутствовал донские казачьи полки, отправлявшиеся на русско-японскую войну.

На выездных мероприятиях Высочайшие особы присутствовали в военной форме, соответствовавшей их статусу и назначению, идеологическим задачам текущего времени (по две–три перемены). При смотрах полков, шефами которых являлись императоры и наследники престола, при посещении казачьих войск Высочайшие особы надевали мундиры «своих» полков, походные (полевые) мундиры казачьего образца (покроя). Принятый церемониал подтверждается последующими посещениями Донского края Высочайшими особами.

18–23 октября 1837 г. император Николай I с наследником престола Александром Николаевичем (с 1836 г. генерал-майор Свиты Его Императорского Величества) посетили Землю Донского войска. 21 октября императорский выезд прибыл в Новочеркасск. В Войсковом кругу символически передали золотой пернач Августейшему атаману казачьих войск, наследнику престола великому князю Александру Николаевичу. Затем состоялись войсковой смотр, многочисленные посещения присутственных и общественных мест, встречи с жителями Донского края (Краснов, 1900: 124-126; Волвенко, 2016: № 3, 121-134). Однако в «Записке» А.П. Чеботарева ни слова не говорится о военных мундирах Высочайших особ, но можно полагать, что согласно церемониалу, император Николай I был в походном мундире казачьего покроя Лейб-гвардии Казачьего полка, наследник престола Александр Николаевич – Атаманского полка.

Последующий визит в Землю Донского войска наследника престола Александра Николаевича (Александра II), происходил 31 октября – 3 ноября 1850 г., сведений о форме одежды наследника престола нет (Сизенко, 2016: № 11 (53). Часть 1. Ноябрь. 108-111), но можно утверждать, что по установившейся в российской императорской армии традиции цесаревич (в чине генерал-адъютанта –1843 г., генерала от инфантерии – 1844 г.) был одет в мундир Атаманского полка. Везде его сопровождал караул Атаманского полка.

31 октября 1850 г. в присутствии наказного атамана генерал-лейтенанта М.Г. Хомутова, войск и множества народа в Войсковой круг вынесли 250 знамен, пожалованных в разные времена Донскому войску российскими государями. По установленному порядку прошли торжественный молебен во временном соборе, Войсковой круг и строевой смотр, встречи с ветеранами и Георгиевскими кавалерами, донским дворянством, депутациями от станиц, посещение присутственных и общественных мест, благодарности войску, награждения казаков, а также закладка нового Войскового собора по проекту архитектора И.О. Вальпреда (Воспоминание, 1850: 1-22).

31 июля – 1 августа 1869 г. наследник российского престола цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр III – генерал-лейтенант с апреля 1868 г., с сентября 1868 г. – генерал-адъютант) с супругой Марией Федоровной и своим братом великим князем Алексеем Александровичем посетили Землю Донского войска и Новочеркасск. Наследник был в мундире Атаманского полка, наследница – в амазонке покроя Атаманского чекменя, с белым кушаком и в кивере Атаманского полка. Почетный караул в Новочеркасском дворце и во время пребывания наследника престола на Дону Атаманский полк неизменно составлял его свиту (История Лейб-гвардии..., 1876: 495; Краснов, 1900: 179-180).

3 января 1870 г. исполнилось триста лет со дня грамоты царя Иоанна IV Грозного донским казакам и атаманам. Основанием послужила малоизвестная в научных и общественных кругах в середине XIX в. грамота царя Иоанна IV Грозного донским казакам от 3 января 1570 г., которую предали широкой огласке выдающиеся представители донской интеллигенции Х.И. Попов, А.А. Карасев и А.М. Савельев (Волвенко, 2020: Ч. 1. С. 136). 3 января 1870 г. император Александр II пожаловал донскому казачеству Георгиевское знамя с Александровской лентой «в память трехсотлетнего существования Войска Донского». По указу императора юбилейные торжества

перенесли на 21, 22 и 23 мая как на время, более удобное для императорской семьи, депутатов от станиц, казаков Донского войска, гостей праздника.

20 мая 1870 г. в Новочеркасск прибыл наследник российского престола великий князь Александр Александрович с супругой великой княжной Марией Федоровной. Наследник был одет по дорожному – в генеральский мундир казачьего покроя. 21 мая в торжественном Войсковом круге и при всех регалиях Войска Донского, огромном стечении народа выступил с поздравлением цесаревич Александр Александрович. В этот день государь наследник был в парадной летней генерал-адъютантской форме обмундирования Атаманского полка с Андреевской лентой (в этой форме ранее он был запечатлен на портрете художника С.К. Зарянко 1867 года), а его супруга была в амазонке того же полка.

Рис. 7. Цесаревич Александр Александрович. Художник С.К. Зарянко. 1867. Наследник российского престола, будучи с 1866 г. в чине генерал-майора Свиты Его Императорского Величества, на картине представлен в парадном мундире Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, синего цвета с двумя серебряными петлицами. Флигель и генерал-адъютанты по Донскому войску отличались от таковых регулярных казачьим покроем одежды и снаряжением: эполеты белые, металлические, чешуйчатые, с четырьмя витками, серебряной бахромой и синим подбоем (с 30.01.1828, 7.08.1829); лядуночные перевязи из голубой тесьмы с тремя серебряными полосками и серебряным прибором; аксельбант из желтого гарусного шнура с серебряными наконечниками, а также вальтрапы казачьего покроя, голубого цвета с серебряными обшивками ([Висковатов, 1862: Ч. 29. 14-23](#))

В Войсковой круг вынесли пожалованное Войску Донскому Георгиевское знамя с лентами ордена Св. Александра Невского и надписью: «В память 300-летнего существования Донского казачьего войска». Ober-аудитор зачитал Высочайшую грамоту. Вечером состоялся прием генералов, штаб и ober-офицеров, депутатов от дворянства, казаков станиц, которые обращались с различными вопросами к наследнику престола и государю императору. После приема началось торжественное прибывание к древку установленным порядком Георгиевского знамени в память трехсотлетия Войска Донского. Знамя было предварительно доставлено в Новочеркасск флигель-адъютантом, полковником графом Н.Ф. Орловым-Денисовым, внуком командира Лейб-гвардии Казачьего полка В.В. Орлова-Денисова, героя Отечественной войны 1812 года ([Краснов, 1900: 181-182; История Лейб-гвардии..., 1876: 496](#)).

Юбилейные торжества – парад, скачки, фейерверки, церковные службы в Войсковом соборе и церквях, приемы deputаций наследником престола, балы, народные гуляния – продолжались в

течение трех дней далеко за полночь. 23 мая 1870 г., после торжеств, наследник престола с супругой выехали в Таганрог. Цесаревич был в обыкновенном донском казачьем мундире. (Снесарев, 1870: № 12. 365-384; Попов, 1870: 23-30). Находившиеся на Дону взводы от льготных (запасных) дивизионов Атаманского и Лейб-гвардии Казачьего полков сопровождали наследника цесаревича с супругой в день въезда в Новочеркасск и в день Войскового круга.

12–14 августа 1872 г. Землю Войска Донского посетил император Александр II в сопровождении двух сыновей – Августейшего атамана казачьих войск цесаревича Александра Александровича и великого князя Владимира Александровича. Император Александр II был в генеральском мундире Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, Августейший атаман Александр Александрович – в генеральском мундире Атаманского полка. В дни пребывания императора Александра II на Дону форма всех присутствовавших, находящихся в строю, так и вне его, была назначена полная парадная.

В Войсковом круге император объявил Высочайший приказ: «Лейб-гвардии Казачьему полку именоваться Лейб-гвардии Казачьим Его Величества полком». Наследник цесаревич назначается шефом Лейб-гвардии Донской конно-артиллерийской батареи с именованием «Лейб-гвардии Донская конно-артиллерийская Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батарея».

12 и 14 августа в Новочеркасске состоялись торжественные парады и смотр войск.

14 августа во время Высочайшего строевого смотра в Новочеркасске император, одетый в походную форму Лейб-гвардии Казачьего полка, на коне, в сопровождении блестящей свиты, принимал парад войск. Он поздравил казачьи гвардейские полки и батарею с новыми именованиями, а затем принял участие в маневрах. При этом император, по свидетельству очевидцев, постоянно сравнивая казаков-гвардейцев с преображенцами, многократно отмечал великолепную выправку и военную выучку казаков, их образцовое исполнение всех воинских команд. Все присутствовавшие на смотре, как впоследствии отмечали многие его участники, были в восторге от ловкости донцов. В 9 часов вечера император в походном мундире своего имени полка, сопровождавшие его лица выехали на железнодорожную станцию г. Новочеркаска (Траилин, 1872: 21, 46; Ч. 2: 14-15, 18, 25, 28-30).

5–7 мая 1887 г. область Войска Донского посетили император Александр III с императрицей Марией Федоровной и сыновьями – наследником цесаревичем Августейшим атаманом казачьих войск Николаем Александровичем, бывшим тогда всего лишь в чине штабс-капитана, великим князем Георгием Александровичем и великим князем генерал-фельдмаршалом Николаем Николаевичем Старшим. По прибытии императорского поезда в Новочеркасск состоялся торжественный прием. При этом император был в мундире своего гвардейского казачьего полка, а наследник престола Августейший атаман в мундире Атаманского полка. На состоявшемся 6 мая Войсковом круге наследнику Николаю Александровичу был торжественно вручен знак атаманской власти – золотой пернач. Затем Войску Донскому была вручена Всемиловнейшая грамота, засвидетельствовавшая многовековую службу Донского войска Российскому государству.

Для участия в торжественном мероприятии из Петербурга прибыли сводные отряды лейб-казаков и лейб-атаманцев во главе с командирами своих полков. Они доставили обмундирование для почетного караула, приехали хоры и музыканты полков. Непосредственно на Дону из старослуживых и льготных гвардейцев собрали эскадрон Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка численностью в 130 казаков, которые были специально экипированы в свои парадные исторические мундиры разных периодов времени – от императора Николая I до императора Александра II.

7 мая состоялся императорский Высочайший смотр казачьих войск. Император был в мундире своего имени полка, а наследник престола в форме Атаманского полка (Траилин, 1887: 19, 39. 71-73, 82-83). Вечером того же дня императорская семья и многочисленная свита отбыли в Петербург.

5. Заключение

Проведенный авторами анализ источников и литературы, посвященных становлению, существованию и развитию института почетного шефства российского императора и наследника престола над донскими гвардейскими казачьими полками и, соответственно, наличие донского гвардейского казачьего военного мундира в их гардеробе в период XIX – начале XX веков, изучение особенностей данной военной формы, представленной, среди прочего, и на их портретах и рисунках, в том числе и практически неизвестных научной общественности из собрания Музея Лейб-гвардии Казачьего полка в парижском пригороде Курбева, позволяет утверждать следующее. Назначение почетными шефами Лейб-гвардии Казачьего Его Величества, Лейб-гвардии Атаманского Его Высочества наследника цесаревича полков и Лейб-гвардии 6-й Донской казачьей Его Величества батареи непосредственно императора и наследника престола в общем историческом контексте создания и существования специального института почетного шефства над воинскими частями в Российской императорской армии имело важное значение в государственной политике по отношению к казачеству. Также данное явление занимало очень значимое место и в общественно-политической, и собственно военной жизни донского казачества, поскольку не только отчетливо демонстрировало особое покровительственное отношение к нему со стороны императорской династии, но и находило свое отражение в общем привилегированном статусе и положении

казачества, а также ярко выраженное искреннее и преданное отношение казаков по отношению к государству, своей военной службе на его благо и непосредственно к монархии.

Почетное шефство императора и наследника над донскими казачьими гвардейскими частями в XIX – начале XX веков способствовало и установлению особой полковой формы казачьего гвардейского и общевойскового воинского обмундирования, имевшего свои отличия от формы всех других гвардейских, строевых и иных полков русской армии. Она имела свой специальный покрой, особый внешний вид и цвет, аксельбанты, мундирную арматуру и некоторые другие элементы военного мундира.

В соответствии с нормами института шефства над воинскими частями почетные шефы в обязательном порядке носили военную форму обмундирования своих подшефных частей, принимали участие в их военных смотрах, разводах, парадах, прибытии казаков-гвардейцев к месту службы в столице и иных полковых мероприятиях.

Казачий военный мундир, его наличие в военном гардеробе императора и наследника престола занимал важное место и в правительственной политике по отношению к казачеству в плане превращения его в специфическое привилегированное военное служилое сословие, формирования особых общественно-идеологических взаимоотношений между казачеством и монархией. Через институт почетного шефства и присутствия казачьего мундира в императорском военном гардеробе проводились и идеи прочного единства монархии и казачества, осуществлялось формирование необходимых самодержавию элементов казачьего сословного менталитета, определенного типа мышления казаков как отличных воинов и одновременно надежной опоры государства и самодержавия.

Немаловажное значение на развитие института почетного шефства императора и наследника престола над донскими казачьими гвардейскими частями оказывали их посещения Земли Донского Войска (области Войска Донского), участие в Войсковых кругах и различных торжественных и строевых мероприятиях. Совместные парады, смотры, вручение на Войсковом круге Августейшему атаману всех казачьих войск наследнику цесаревичу золотого пернача как символа его высшей власти над казачеством, достаточно широкое и довольно неформальное их общение с представителями донской казачьей администрации, офицерством, заслуженными казаками и населением Донского края способствовали формированию неких особых, доверительных взаимоотношений между императорской фамилией и казачеством. Оформление специфических элементов военно-корпоративного мышления казаков, отражавших идеи преданности «царю и Отечеству», их военного обмундирования, атрибутики и символики становилось важной частью их общего культурно-исторического и идеологического образа как особых военных государственных служащих, опоры государства и монархии.

Литература

Агафонов, 2020 – Агафонов А.И. Донское казачье войско в XVIII – первой половине XIX века // История Донского казачества. Т. II. Донское казачество в составе Российской империи в XVIII – начале XX вв. Ростов-на-Дону. Омега Паблишер. 2020. 416 С. + ил.

Вилков, 2021 – Вилков А. Фельдмаршальские жезлы на погонах российского императора Александра II / VIPERSON [Electronic resource]. URL: <http://viperson.ru/articles/anatoliy-vilkov-feldmarshalskie-zhezly-na-pogonah-rossiyskogo-imperatora-aleksandra-ii> (дата обращения: 11.02.2021).

Висковатов, 1862 – Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 15. СПб., 1858; Ч. 18. СПб., 1860; Ч. 19. СПб., 1861; Ч. 29. Военная типография. СПб., 1862.

Волвенко, 2020 – Волвенко А.А. «Высочайше разрешено считать существование Донского войска с 3 января 1570 года...» или рождение 300-летнего юбилея Войска Донского // *Новое прошлое*. 2020. № 2. Ч. 1. С. 136-151.

Волвенко, 2016 – Волвенко А.А. Публикация: «Сведения о посещении в 1837 г. Войска Донского блаженной памяти императором Николаем I наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором». Записка А.П. Чеботарева // *Вестник архивиста*. 2016. № 3. С. 121-134.

Воспоминание об Августейшем посещении..., 1850 – Воспоминание об Августейшем посещении Земли Войска Донского Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем, атаманом всех казачьих войск в 1850 году. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1850. 22 с.

Горохов, 2019 – Горохов Жерар. Мундиры членов императорской семьи, находящиеся за рубежом (Ч. 1–5) // *Старый Цейхгауз. Российский Военно-исторический журнал*. № 80 (4/2018). № 87-88 (№ 1-2/2020). № 81-81. 2019. Ч. 2.

Данилов, 1930 – Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич Младший. IMPIMERIE DE NAVARRE. Париж. 1930. 370 с.

Из Новочеркасска. Трехсотлетний юбилей Донского войска, 1870 – Из Новочеркасска. Трехсотлетний юбилей Донского войска // *Всемирная иллюстрация*. 1870. Т. 3. № 75. С. 406-407; № 77. С. 439-443.

- История Лейб-гвардии...** – История Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, составлена офицерами полка. СПб., 1876. 652 с.
- Краснов, 1900** – *Краснов П.Н.* Атаманская памятка 1775–1900: краткий очерк истории Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1775–1900. СПб., 1900. 270 с.
- Очерк истории Лейб-гвардии..., 1875** – Очерк истории Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. Составлен ко дню столетней годовщины. СПб.: Императорская Академия наук. 1875. 56 с.
- 2ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи (собрание второе): ПСЗ РИ. 1828: Т. 3. № 2050; 1837: Ч. 1. № 9831; Т. 30. 1855. Ч. 1. № 29044).
- Попов, 1870** – *Попов Х.* Празднование трехсотлетнего юбилея Войска Донского. Николай Николаевич Младший. Май 1870 года. Описание составлено и издано Х. Поповым. С приложением фотографического снимка с одной из юбилейных картин. Новочеркасск: Войсковая типография. 1870. 46 с.
- Савельев, 1871** – *Савельев А.М.* Трехсотлетие Войска Донского. 1570–1870 гг. Очерки из истории донских казаков. Составил А.М. Савельев. Издание Донского Войскового Статистического комитета. СПб., 1871. 124 с.
- Сизенко, 2016** – *Сизенко А.Г.* Подготовка Донской земли к визитам Высочайших особ Дома Романовых. XIX – начало XX вв. // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2016. № 11 (53). Часть 1. Ноябрь. С. 108-111.
- Снесарев, 1870** – *Снесарев Н.* Празднование трехсотлетнего юбилея Донского войска в мае 1870 года в Новочеркасске // *Донские епархиальные ведомости.* 1870. № 12 (15 июля). С. 365-384.
- Траилин, 1872** – *Траилин Ф.К.* О посещении государем императором Области Войска Донского 12, 13 и 14 августа 1872 года / Сборник сведений, касающихся пребывания Государя Императора в Области Войска Донского. Издал Ф. Траилин. Обл. тип. Новочеркасск. 1872. 64 с.
- Траилин, 1888** – *Траилин Ф.К.* О посещении их Императорскими Величествами с Наследником Цесаревичем Августейшим атаманом всех казачьих войск города Новочеркаска 5, 6 и 7 мая 1887 года. Изд. 2-е. Сост. Ф.К. Траилин. Изд. Ф.К. Траилина. Новочеркасск. 1888. 101 с.
- References**
- 2PSZ RI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (sobranie vtoroie) [The Complete collection of laws of the Russian Empire (the second collection)]: PSZ RI. 1828: Т. 3. № 2050; 1837: Ч. 1. № 9831; Т. 30. 1855. Ch. 1. № 29044). [in Russian]
- Agafonov, 2020** – *Agafonov, A.I.* (2020). Donskoe kazach'e voisko v XVIII – pervoi polovine XIX veka. [Don Cossack army in the XVIII – first half of the XIX century]. *Istoriya Donskogo kazachestva.* Т. II. Donskoe kazachestvo v sostave Rossiiskoi imperii v XVIII – nachale XIX vv. Rostov na Donu. Omega Publisher. 416 p. [in Russian]
- Danilov, 1930** – *Danilov, Yu.N.* (1930). Velikii knyaz' Nikolai Nikolaevich Mladshii. IMPIMERIE DE NAVARRE. PARIS. 1930. 370 p. [in Russian]
- Gorokhov, 2019** – *Gorokhov, Zh.* (2019). Munder y chlenov imperatorskoi sem'i, nakhodyashchiesya za rubezhom (Ch. 1-5) [Uniform and members of the Imperial family who are abroad (Part 1-50)]. *Staryi Tseikhgauz. Rossiiskii Voенно-istoricheskii zhurnal.* № 80(4/2018). № 87-88 (№ 1-2/2020). № 81-81. 2019. Ch. 2. [in Russian]
- Istoriya Leib-gvardii..., 1876** – *Istoriya Leib-gvardii Kazach'ego Ego Velichestva polka, sostavlena ofitserami polka* [History of the Life Guards of His Majesty's Cossack Regiment, compiled by the officers of the regiment]. SPb. 652 p. [in Russian]
- Iz Novoчерkasska. Trekhstotletniyubilei Donskogo Voiska, 1870** – *Iz Novoчерkasska. Trekhstotletniyubilei Donskogo Voiska* [From Novoчерkassk. Tercentenary of the Don Army]. *Vsemirnaya illyustratsiya.* 1870. Т. 3. № 75. Pp. 406-407; №77. Pp. 439-443. [in Russian]
- Krasnov, 1900** – *Krasnov, P.N.* (1900). Atamanskaya pamyatka 1775-1900: kratkii ocherk istorii Leib-Gvardii Atamanskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Tsesarevicha polka. 1775-1900. [Ataman's memory 1775-1900: brief sketches of the history of the Life Guards of the Ataman of His Imperial Highness the Sovereign Heir Tsarevich of the regiment. 1775-1900]. SPb., 270 p. [in Russian]
- Oчерk istorii Leib-gvardii..., 1875** – *Oчерk istorii Leib-gvardii Atamanskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Naslednika Tsesarevicha polka.* Sostavlenn ko dnyu stoletnei godovshchiny. SPb. Imperatorskaya Akademiyanauk [Essay on the history of the Life Guards Ataman His Imperial Highness Heir to the Tsarevich Regiment. Composed for the centenary]. 1875. 56 p. [in Russian]
- Popov, 1870** – *Popov, Kh.* (1870). Prazdnovanie trekhstotletnego yubileya Voiska Donskogo. mai 1870 goda. Opisaniye sostavleno i izdano Kh. Popovym. S prilozheniem fotograficheskogo snimka s odnoiiyubileinykhkartin [Celebration of the tercentenary of the Don Army. May, 1870. Description compiled and published by X. Popov. With the application of a photographic image from one of the anniversary paintings.]. Novoчерkassk: Voiskovaya tipografiya. 46 p. [in Russian]

Savel'ev, 1871 – *Savel'ev, A.M.* (1871). Trekhstotletie Voiska Donskogo 1570-1870 gg. Ocherki iz istorii donskikh kazakov. Sostavil A.M. Savel'ev [Tercentenary of the Don Army 1570-1870 Essays from the history of the Don Cossacks. Compiled by A. M. Savelyev]. Izdanie Donskogo Voiskovogo Statisticheskogo komiteta. SPb. 124 p. [in Russian]

Sizenko, 2016 – *Sizenko, A.G.* (2016). Podgotovka Donskoi zemli k vizitam Vysochaiskh osob Doma Romanovy XIX – nachalo XX vv. [Preparation of the Don land for the visits of the Highest personages of the Romanov House of the XIX-early XX centuries]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 11(53). Chast' 1. Noyabr'. Pp. 108-111. [in Russian]

Snesarev, 1870 – *Snesarev, N.* (1870). Prazdnovanie trekhstotletnego yubileya Donskogo Voiska v mae 1870 goda v Novoherkasske [Celebration of the tercentenary of the Don Army in May 1870 in Novoherkassk]. *Donskieparkhial'nyevedomosti*. 12 (15 iyulya). Pp. 365-384. [in Russian]

Trailin, 1872 – *Trailin, F.K.* (1872). O poseshchenii gosudarem imperatorom Oblasti Voiska Donskogo 12, 13 i 14 avgusta 1872 goda. [On the visit of the Emperor of the Don Region to the Troops of the Don on August 12, 13 and 14, 1872]. Sbornik svedenii, kasayushchikhsy a prebyvanii Gosudarya Imperatora v Oblasti Voiska Donskogo. Izdal F. Trailin. Obl. tip. Novoherkassk. 64 p. [in Russian]

Trailin, 1888 – *Trailin, F.K.* (1888). O poseshchenii Imperatorskimi Velichestvami Naslednikom Tsesarevichem Avgusteishim atamanom vseh kazach'ikh voisk goroda Novoherkasska 5, 6 i 7 maya 1887 goda. Izd. 2-e. Sost. F.K. Trailin [On the visit of the Imperial Majesty the Heir Tsarevich the August Ataman of all the Cossack troops to the city of Novoherkassk on May 5, 6, 7, 1887. Ed. 2. Comp. F.K. Trailin]. Izd. F.K. Trailina. Novoherkassk. 101 p. [in Russian]

Vilkov, 2021 – *Vilkov, A.* (2021). Fel'dmarshalskie zhezly na pogonakh rossiiskogo imperatora Aleksandra II [Field Marshal's batons on the shoulder straps of the Russian Emperor Alexander II]. VIPERSON. [Electronic resource]. URL: <http://viperson.ru/articles/anatoliy-vilkov-feldmarshalskie-zhezly-na-pogonah-rossiyskogo-imperatora-aleksandra-ii>. (date of access: 11.02.2021). [in Russian]

Viskovatov, 1862 – *Viskovatov, A.V.* (1862). Istoricheskoe opisaniye odezhdy i vooruzheniya rossiiskikh voisk, sostavlennoe po Vysochaishemu povelenyu [Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command]. Ch. 15. SPb. 1858; Ch. 18. SPb., 1860; Ch. 19. SPb., 1861; Ch. 29. Voennayatiografiya. SPb., 1862. [in Russian]

Volvenko, 2016 – *Volvenko, A.A.* (2016). «Svedeniya o poseshchenii v 1837 g. Voiska Donskogo blazhennoipamyati imperatorom Nikolaem I i naslednikom tsesarevichem, nyne tsarstvuyushchim gosudarem imperatorom». Zapiska A.P. Chebotareva ["Information about the visit in 1837 of the Don Army to the blessed memory of Emperor Nicholas I and the heir Tsarevich, now the reigning sovereign Emperor". Note by A. P. Chebotarev]. *Vestnik arkhivista*. 3: 121-134. [in Russian]

Volvenko, 2020 – *Volvenko, A.A.* (2020). «Vysochaishe razresheno schitat' sushchestvovanie Donskogo voiska s 3 yanvary 1570 goda...» ili rozhdenie 300-letnego yubileya Voiska Donskogo. ["It is most highly permitted to celebrate on January 3 the existence of the Don Army in 1570 ..." or the birth of the 300th anniversary of the Don Army]. *Novoe proshloe*. № 2. Ch. 1. Pp. 136-151. [in Russian]

Vospominanie ob Avgusteishem poseshchenii..., 1850 – Vospominanie ob Avgusteishem poseshchenii Zemli Voiska Donskogo Ego Imperatorskim Vysochestvom Gosudarem Naslednikom Tsesarevichem, atamanom vseh kazach'ikh voisk v 1850 godu [The memory of the August visit to the Land of the Don Army by the Autocratic Imperial Highness the Sovereign Successor Tsarevich, Ataman of all the Cossack troops in 1850]. Sankt-Peterburg: Voen. tip. 22 p. [in Russian]

«Царевич был одет в казачий мундир...» (Почетное шефство императора и наследника престола над донскими казачьими гвардейскими частями и донской казачий мундир в их военном гардеробе)

Анатолий Иванович Агафонов ^{a, *}, Владимир Петрович Трут ^{a, b}

^a Донской государственный технический университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается шефство российского императора и наследника престола над донскими гвардейскими казачьими полками и наличие донского гвардейского казачьего военного мундира в их гардеробе в XIX – начале XX вв. в контексте становления и развития института почетного шефства над воинскими частями в Российской императорской армии. Назначение почетными шефами Лейб-гвардии Казачьего Его Величества, Лейб-гвардии Атаманского Его Высочества наследника цесаревича полков и Лейб-гвардии 6-й Донской казачьей Его Величества

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anatoly-agafonov@yandex.ru (А.И. Агафонов), trut.vladimir@rambler.ru (В.П. Трут)

батареи Высочайших особ наглядно демонстрировало особое покровительство членов императорской фамилии казачеству и способствовало установлению особой полковой формы казачьего воинского обмундирования, которую отличали от формы гвардейских, строевых и иных полков русской армии специальный покрой, особый внешний вид и цвет, аксельбанты, мундирная арматура и некоторые другие элементы военного мундира.

Шефы в обязательном порядке носили форму обмундирования своих частей, принимали участие в их мероприятиях, в военных смотрах, разводах, парадах, прибытии гвардейцев в Петербург для службы в столице.

Военный мундир занимал важное место в правительственной политике по отношению к казачеству, превращению его в военное служилое сословие, формированию особого общественно-идеологического образа «царь и казак». Император и наследник цесаревич, который являлся Августейшим атаманом всех казачьих войск страны, представлялись воителям казачества одной из военно-социальных опор самодержавия. Через мундир проводились идеи прочного единства государя и казачества, воспитывался казачий сословный менталитет, создавался определенный тип мышления казаков не только как прославленных воинов, но и как верных слуг государства и императора. Большое влияние на развитие института почетного шефства и развития казачьего военного мундира Высочайших особ оказывали их посещения Земли Донского Войска (области Войска Донского), участие в Войсковых кругах и различных мероприятиях.

Ключевые слова: император, цесаревич, почетное шефство, Донское казачье войско, донской казачий военный мундир, военный гардероб российских императоров.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 587-593.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.587
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Losses of the Caucasian Troops of the Russian Army during the Turkish and Persian Wars in the XIX century: a Historical and Statistical Study

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Elena V. Krasnenkova ^f

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the losses of the Caucasian troops of the Russian army during the Russian-Turkish and Russian-Persian wars in the 19th century. The attention is paid to the chronology of events, the active periods of hostilities, as well as to the identification of the average daily losses of the Russian army in the Caucasian theater of operations.

As a source, the authors used the “The collection of information on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasus-Gory, Persian, Turkish and in the Trans-Caspian region”, which was published in Tiflis in 1901. It was prepared by employees of the military-historical department of the headquarters of the Caucasian Military District, its compiler was A.L. Gisetti. The materials presented in the collection cover the period of the Caucasian War of 1801–1864, the Russian-Persian and Russian-Turkish wars in the XIX century, as well as the campaigns of the Russian army in Central Asia.

Methodologically, the work is based on the principles of historicism and objectivity, which means that the authors used maximum information to obtain the objective results. A statistical method was widely used in the work, thanks to which it was possible not only to identify the number of days in which active hostilities were conducted, but also to calculate the average daily losses of soldiers and officers of the Russian army in the Caucasian theater of operations, as well as the average daily losses of senior officers and generals.

The authors came to the conclusion that of the five conflicts in which Russia, Turkey and Persia took part in the XIX century, the longest was during the Russian-Persian-Turkish war of 1803–1813, which consisted of 291 days of active hostilities. In second place in terms of duration was the Russian-Turkish war of 1877–1878 – 249 days. In third place is the Russian-Persian War of 1826–1828 – 225 days, on the fourth – the Eastern War of 1853–1856 – 175 days, and the shortest in terms of the number of active combat days was the Russian-Turkish war of 1828–1829 – 73 days.

By degree of bitterness, namely, the average daily losses of soldiers and officers of the Caucasian troops, in the first place was the Eastern War of 1853–1856, in the second – the Russian-Turkish war of 1877–1878, and in the third – the Russian-Turkish war of 1828–1829. If we talk about the losses of senior officers and generals, then here the greatest losses were during the Eastern War, and in second place was the Russian-Turkish war of 1828–1829, and already in third place was the Russian-Turkish war of 1877–1878.

Keywords: Russian army, XIX century, Russian-Turkish wars, Russian-Persian wars, historical and statistical research.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

1. Введение

Кавказский театр военных действий в период конфронтации России с Турцией и Персией на протяжении XIX века часто становился ареной противостояния. В это время прошли 5 войн и по результатам этих конфликтов России получила обширные территории как на северо-западном побережье Черного моря, так и в Закавказье. В данной статье мы хотели бы рассмотреть потери кавказских войск русской армии в период этих конфликтов.

2. Материалы и методы

В качестве источника нами был привлечен «Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае», изданный в Тифлисе в 1901 г. ([Сборник сведений, 1901](#)). Он был подготовлен сотрудниками военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа. Его составителем являлся А.Л. Гизетти. Представленные в сборнике материалы охватывают период Кавказской войны 1801–1864 гг., русско-персидских и русско-турецких войн в XIX веке, а также походы русской армии в Центральную Азию.

В методологическом плане работа построена на принципах историзма и объективности, а это значит, что авторы использовали максимум информации для получения объективных результатов. В работе широко был применен статистический метод, благодаря которому удалось не только выявить количество дней, в которые велись активные боевые действия, но и высчитать среднесуточные потери солдат и офицеров русской армии на кавказском ТВД, а также среднесуточные потери старшего офицерского и генеральского составов.

3. Обсуждение

Тема боевых потерь русской армии в XIX веке неоднократно становилась объектом пристального внимания военных, историков, психологов и других специалистов в смежных областях. Как правило, авторы обращались к изучению отдельных конфликтов и рассматривали специфику ведения боевых действий, важное значение в которых уделялось потерям противоборствующих сторон.

Так, например, изучением потерь русской армии на фронте в Закавказье в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. занимались А.А. Черкасов и другие ([Черкасов и др., 2017](#)), также они обращались к потерям русской армии в русско-персидской войне 1826–1828 гг. ([Cherkasov et al., 2017a](#)). Группа под руководством А.А. Черкасова исследовала потери и в период Кавказской войны (1801–1864 гг.) ([Cherkasov et al., 2017](#)).

Санитарная обстановка в русской армии в период русско-турецкой и русско-персидской войн 1803–1813 гг. была объектом исследования И.А. Ермачкова и других ([Ermachkov et al., 2017](#)). Они также рассматривали санитарную обстановку в русско-персидской войне 1826–1828 гг. ([Ermachkov et al., 2018](#)).

Санитарно-медицинская обстановка и потери русской армии в период Крымской войны входили в сферу научных интересов Ю.А. Наумовой ([Наумова, 2006](#)). К теме потерь в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. обращались К.В. Таран и другие ([Taran, Ludwig, 2020](#); [Taran et al., 2020](#)).

Примерно в эти же годы Т.А. Магсумов и другие изучали потери русской армии в ходе Ахал-Текинских экспедиций ([Magsumov et al., 2019](#); [Magsumov et al., 2019a](#)).

4. Результаты

История русско-турецких и русско-персидских войн XIX века на Кавказском фронте изучена в российской и зарубежной историографии достаточно подробно, поэтому мы решили рассмотреть все русско-турецкие и русско-персидские войны на кавказском театре боевых действий в их сравнении, чтобы понять, какова была интенсивность боевых действий и выявить их характерные особенности.

Как известно, русско-персидско-турецкая война 1803–1813 гг. включала несколько конфликтов: русско-персидский конфликт начался в начале декабря 1803 г., когда русские войска осадили Гянджу, ...его активная фаза завершилась в октябре 1806 г. взятием русскими Баку. В ноябре 1806 г. в войну вступила против России Турция и началась русско-турецкая война. Летом 1807 г. русские войска разбили турецкий корпус в Арпачайском сражении, что явилось одним из важнейших событий войны, так как благодаря этому персы и турки не смогли объединиться против России. В 1808 г. русские предприняли неудачную попытку взять крепость Эривань, но завоевали другую провинцию – Нахичевань. В 1809 г. боевых действий не велось, а в 1810 г. русские разгромили персидскую армию при Мегри, а потом при Ахалкалаки. В начале 1812 г. удача была на персидской стороне, ...в феврале персы смогли разбить русский отряд при Султанабуде, развить наступление на Шушу, но взять ее не получилось, и они вынуждены были отступить. Примерно в это же время к персам перешла и Ленкорань. В октябре 1812 г. русские в битве при Асландузе окончательно разгромили персидскую армию, а в январе 1813 г. русскими войсками штурмом была взята Ленкорань. Персы, побоявшись потерять еще больше территорий, запросили мира. Особенностью этой войны являлось то, что Россия одновременно воевала на нескольких фронтах: война с Францией (1805–1807, 1812 гг.), война с

Турцией (1806–1812 гг.), с Швецией (1808–1809 гг.) и Англией (1807–1812 гг.). Несмотря на то, что для России Кавказский фронт был второстепенным, война была выиграна. Мы специально охарактеризовали события русско-персидско-турецкой войны, так как эта она представляла эпизодичную конфронтацию и сплошного фронта нигде не существовало. Согласно данным сборника военных потерь ([Сборник сведений, 1901](#)), в 1803 г. боевые действия велись 29 дней, в 1804 – 25, в 1805 – 51, в 1806 – только 3 дня, в 1807 – 12, в 1808 – 54 дня, в 1809 – 92, в 1810 – 17, в 1811 – 5, в 1812 – 2 и в 1813 – 1 день ([Сборник сведений, 1901: 133-142](#)). Таким образом, боевые действия в целом велись менее года – всего 291 день.

Нужно понимать, что Персия не желала принимать потерю ряда своих территорий после войны 1803–1813 гг., в результате произошла русско-персидская война 1826–1828 гг. В июле 1826 г. персидская армия вторглась на территорию Закавказья и осадила Шушу. Штурм для персов был безрезультатен. В сентябре 1826 г. русские разгромили авангард персидской армии во время Шамхорской битвы и освободили Елизаветполь. Персы были вынуждены снять осаду Шуши и двинуться главными силами к Елизаветполю, где были разгромлены русскими войсками и отступили за реку Аракс. В июле 1827 г. русские взяли крепость Аббас-Абад. В августе персы безуспешно осаждали Эчмиадзин, но после того как к осажденным на помощь пришел русский отряд и прошел с боем через осаждавших, осада была снята. В феврале 1828 г. персы начали мирные переговоры. В 1826 г. активные боевые действия велись 154 дня, а в 1827 – 71 ([Сборник сведений, 1901: 143-146](#)). Таким образом, за всю кампанию было 225 боевых дней.

Что касается русско-турецкой войны 1828–1829 гг. то она одновременно велась на двух фронтах – Балканском и Кавказском. Нас будет интересовать только Кавказский фронт. Уже 12 июня 1828 г. русская армия захватила крепость Анапу, а 23 июля капитулировала крепость Карс, бывшая оплотом Турции в регионе. Помимо этого, были взяты Ахалкалаки, Хертвис и Поты. Благодаря успехам русской армии, была установлена прямая связь портов Закавказья с портами Крыма. Потом пали крепости Ахалцих, Баязет и без боя капитулировал Ацхур. В феврале 1829 г. турки предприняли неудачную попытку освободить Ахалцих, около Ардагана туркам было нанесено первое поражение в этой кампании, в ряде столкновений русские нанесли поражение турецкой армии и под Карсом. При этом яркой страницей данной кампании была оборона русскими Баязета. Война завершилась для Турции неудачно. В 1828 г. активное противостояние было только 24 дня, а в 1828 – 49 дней ([Сборник сведений, 1901: 147-152](#)). Итого за всю кампанию было 73 боевых дня.

Восточная война 1853–1856 гг. проходила между Россией и коалицией в составе Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства. Война началась для Турции на Кавказском фронте крупными неудачами: сначала наступающие турецкие войска были разбиты в ноябре 1853 г. в Ахалцихском сражении, а затем в бою у Башкадыклара. Несколько локальных побед были и у русского Черноморского флота. В 1854 г. боевые действия возобновились летом. Сперва русская армия нанесла поражение в июне туркам на реке Чулок, в июле была отбита у турок крепость Баязет и разбита турецкая армия под Карсом. В июне же англо-французский флот приступил к осаде главной базы Черноморского флота – Севастополя. В сентябре, октябре и ноябре русским войскам в Крыму было нанесено англо-французским экспедиционным корпусом несколько поражений. В 1855 г. у русских была захвачена Евпатория, Керчь, Севастополь... Однако главным успехом русских войск в кампанию 1855 г. было взятие в ноябре крепости Карс. В последующем в ходе мирных переговоров Карс был обменен на Севастополь. В 1853 г. активные боевые действия велись 3 дня, в 1854 – 4, а в 1855 г. с учетом осады Карса – 168 дней ([Сборник сведений, 1901: 153-160](#)). Итого 175 дней.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. для кавказского театра военных действий имела второстепенное значение, тем не менее в апреле–мае русскими войсками были взяты Ардаган и Баязет. В июне турки предприняли неудачную осаду Баязета. В октябре русские войска разбили турок в Авлияр-Аладжинском сражении, в этом же месяце турки были разбиты и под Эрзерумом. А в ноябре в очередной раз был взят Карс, который теперь перешел к России. В феврале 1878 г. русские завоевали и Эрзерум, но в ходе мирных переговоров город-крепость пришлось вернуть. В 1877 г. было 227 активных дней, в 1878 – 22 дня ([Сборник сведений, 1901: 161-171](#)). Итого 249 дней за кампанию.

Потери кавказских войск русской армии в этих войнах известны, так как они были опубликованы в 1901 году в «Сборнике сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае» (см. [Таблицы 1–3](#)).

Таблица 1. Потери кавказских войск русской армии в войнах против Турции и Персии ([Сборник сведений, 1901: 174](#))

Конфликт	Офицеры				Нижние чины				Общие потери
	убитые	раненые	пленные	всего	убитые	раненые	пленные	всего	
Русско-персидско-турецкая война 1803–1813 гг.	87	233	12	332	2209	5007	769	7985	8317
Русско-персидская война 1826–1828 гг.	35	64	31	130	1495	1022	1320	3837	3967
Русско-турецкая война 1828–1829 гг.	39	188	-	227	893	3179	62	4134	4361
Восточная война 1853–1856 гг.	144	492	3	639	4479	11414	255	16148	16787
Русско-турецкая война 1877–1878 гг.	105	658	-	760	3415	15124	342	18881	19641
Итого	413	1632	46	2088	12491	35746	2748	50985	53073

Согласно данным [Таблицы 1](#), в период русско-персидско-турецкой войны 1803–1813 гг. потери кавказских войск составили 8317 солдат и офицеров, что за 291 день горячей стадии конфликта составило 28,5 чел. в день. В русско-персидскую войну 1826–1828 гг. этот показатель составлял 17,6 чел. В русско-турецкую войну 1828–1829 гг. – 59,7 чел. Во время Восточной войны – 95,9 чел. в день, а в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. – 78,8 чел. в день. Таким образом, наиболее высокие ежесуточные потери были у кавказских войск русской армии в период Восточной войны 1853–1856 гг., на втором месте русско-турецкая война 1877–1878 гг., а на третьем – русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Таблица 2. Потери генеральского и офицерского состава ([Сборник сведений, 1901: 175](#))

Чины	1803–1813	1826–1828	1828–1829	1853–1856	1877–1878	Итого
Генералов	1	-	2	3	3	9
Командиров отдельных частей	-	2	1	7	8	18
Других штаб-офицеров	10	2	2	15	9	38
Обер-офицеров	74	22	34	119	88	337
Классных чиновников	-	9	-	-	-	9
Всего	85	35	39	144	108	411

Что касается потерь офицерского и генеральского состава ([Таблица 2](#)), то в период русско-персидско-турецкой войны 1803–1813 гг. потери этого состава составляли 0,29 чел. в день. В русско-персидскую войну 1826–1828 гг. этот показатель составлял 0,15 чел. В русско-турецкую войну 1828–1829 гг. – 0,53 чел. Во время Восточной войны – 0,82 чел. в день, а в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. – 0,43 чел. в день. Таким образом, наиболее высокие ежесуточные потери были у старшего офицерского и генеральского состава кавказских войск русской армии также в период Восточной

войны 1853–1856 гг. Однако на второе место вышли потери в русско-турецкую войну 1828–1829 гг., а уже на третье – потери в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Таблица 3. Распределение потерь офицеров по родам войск (*Сборник сведений, 1901: 175-176*)

Чины	1803–1813	1826–1828	1828–1829	1853–1856	1877–1878	Итого
Пехотные и гренадерские полки	73	13	25	99	59	269
Кавалерийские полки	5	1	2	14	5	27
Стрелковые батальоны	-	-	-	1	10	11
Линейные батальоны	-	2	-	3	1	6
Местные части	-	-	-	1	3	4
Артиллерийские части	3	1	2	4	3	13
Инженерные части	-	1	1	4	2	8
Казачьи части	2	5	5	2	10	24
Милиционные части	-	-	1	3	3	7
По роду оружия	1	1	-	1	2	5

Согласно данным *Таблицы 3*, большая часть потерь офицеров приходилась на пехотные и гренадерские подразделения, на втором месте были кавалерийские части, а на третьем – казахи. Артиллерия была лишь на четвертом месте.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что из пяти конфликтов, в которых принимали участие Россия, Турция и Персия в XIX веке, наиболее длительный был в период русско-персидско-турецкой войны 1803–1813 гг., который насчитывал 291 день активных боевых действий. На втором месте по продолжительности была русско-турецкая война 1877–1878 гг. – 249 дней. На третьем месте русско-персидская война 1826–1828 гг. – 225 дней, на четвертом – Восточная война 1853–1856 гг. – 175 дней и самой непродолжительной по количеству активных боевых дней была русско-турецкая война 1828–1829 гг. – 73 дня.

По степени ожесточения, а именно по среднесуточным потерям солдат и офицеров кавказских войск, на первом месте была Восточная война 1853–1856 гг., на втором месте русско-турецкая война 1877–1878 гг., а на третьем – русско-турецкая война 1828–1829 гг. Если говорить о потерях старшего офицерского и генеральского составов, то здесь наибольшие потери были в период Восточной войны, а на втором месте русско-турецкая война 1828–1829 гг., а уже на третьем месте была русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Литература

Наумова, 2006 – Наумова Ю.А. Санитарно-медицинские средства и потери русской армии в Крымскую войну // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2006. № 5. С. 3-23.

Сборник сведений, 1901 – Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. Тифлис, 1901.

Черкасов и др., 2017 – Черкасов А.А., Братановский С.Н., Валлоу А. Потери русской армии в Закавказье в русско-турецкую войну (1828–1829 гг.): историко-статистическое исследование // *Русин*. 2017. 4 (50). С. 38-60.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): historical and statistical research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). Pp. 68-85.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-persian war of 1826-1828: the historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). Pp. 1315-1321.

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1252-1260.

Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826–1828 // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1566-1574.

Magsumov et al., 2019 – Magsumov T.A., Nizamova M.S., Artemova S.F., Allalyev R.M. The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1256-1262.

Magsumov et al., 2019a – Magsumov T.A., Nizamova M.S., Ponomareva M.A., Allalyev R.M. The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1754-1760.

References

Taran et al., 2020 – Taran K.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. (2020). Russian-Turkish War of 1877–1878: Combat Operations of the Sochi Detachment in the Sukhum Military Department. *Bylye Gody*. 58(4): 2708-2719.

Taran, Ludwig, 2020 – Taran, K.V., Ludwig, S.D. (2020). The Russo-Turkish War of 1877–1878: the Hostilities in the Black Sea Region. *Bylye Gody*. 57(3): 1245-1254.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Bratanovskii, S., Valleau, A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-persian war of 1826-1828: the historical-statistical study. *Bylye Gody*. 46(4): 1315-1321.

Cherkasov i dr., 2017 – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Vallou, A. (2017). Poteri russkoi armii v Zakavkaz'e v russko-turetskuyu voinu (1828–1829 gg.): istoriko-statisticheskoe issledovanie [The losses of the Russian army in the Transcaucasus during the Russian-Turkish war (1828–1829): a historical and statistical study]. *Rusin*. 4(50): 38-60. [in Russian]

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2017). Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities. *Bylye Gody*. 46(4): 1252-1260.

Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2018). Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826–1828. *Bylye Gody*. 50(4): 1566-1574.

Magsumov et al., 2019 – Magsumov, T.A., Nizamova, M.S., Artemova, S.F., Allalyev, R.M. (2019). The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1256-1262.

Magsumov et al., 2019a – Magsumov, T.A., Nizamova, M.S., Ponomareva, M.A., Allalyev, R.M. (2019). The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1754-1760.

Naumova, 2006 – Naumova, Yu.A. (2006). Sanitarno-meditsinskie sredstva i poteri russkoi armii v Krymskuyu voinu [Sanitary-medical facilities and losses of the Russian army in the Crimean War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8 «Istoriya»*. 5: 3-23. [in Russian]

Sbornik svedenii..., 1901 – Sbornik svedenii o poteryakh kavkazskikh voisk vo vremya voin kavkazskogorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae [Collection of information about the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasus-Mountain, Persian, Turkish and in the Trans-Caspian region]. Tiflis, 1901. [in Russian]

Taran et al., 2020 – Taran, K.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). Russian-Turkish War of 1877–1878: Combat Operations of the Sochi Detachment in the Sukhum Military Department. *Bylye Gody*. 58(4): 2708-2719.

Taran, Ludwig, 2020 – Taran, K.V., Ludwig, S.D. (2020). The Russo-Turkish War of 1877–1878: the Hostilities in the Black Sea Region. *Bylye Gody*. 57(3): 1245-1254.

Потери кавказских войск русской армии во время турецких и персидских войн в XIX веке: историко-статистическое исследование

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
Михаил Борисович Колотков ^e, Елена Валерьевна Красненкова ^f

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются потери кавказских войск русской армии во время русско-турецких и русско-персидских войн XIX века. Уделено внимание хронологии событий, активным периодам боевых действий, а также выявлению среднесуточных потерь русской армии на кавказском театре боевых действий.

В качестве источника нами был привлечен «Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае», который был издан в Тифлисе в 1901 г. Он был подготовлен сотрудниками военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа, его составителем являлся А.Л. Гизетти. Представленные в сборнике материалы охватывают период Кавказской войны 1801–1864 гг., русско-персидских и русско-турецких войны в XIX веке, а также походы русской армии в Центральную Азию.

В методологическом плане работа построена на принципах историзма и объективности, а это значит, что авторы использовали максимум информации для получения объективных результатов. В работе широко был применен статистический метод, благодаря которому удалось не только выявить количество дней, в которые велись активные боевые действия, но и высчитать среднесуточные потери солдат и офицеров русской армии на кавказском театре военных действий, а также среднесуточные потери старшего офицерского и генеральского составов.

В заключении авторы приходят к выводу, что из пяти конфликтов, в которых принимали участие Россия, Турция и Персия в XIX веке, наиболее длительный был в период русско-персидско-турецкой войны 1803–1813 гг., который насчитывал 291 день активных боевых действий. На втором месте по продолжительности была русско-турецкая война 1877–1878 гг. – 249 дней. На третьем месте русско-персидская война 1826–1828 гг. – 225 дней, на четвертом – Восточная война 1853–1856 гг. – 175 дней, и самой непродолжительной по количеству активных боевых дней была русско-турецкая война 1828–1829 гг. – 73 дня.

По степени ожесточения, а именно по среднесуточным потерям солдат и офицеров кавказских войск, на первом месте была Восточная война 1853–1856 гг., на втором – русско-турецкая война 1877–1878 гг., а на третьем – русско-турецкая война 1828–1829 гг. Если говорить о потерях старшего офицерского и генеральского составов, то здесь наибольшие потери были в период Восточной войны, а на втором месте русско-турецкая война 1828–1829 гг., а уже на третьем – была русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Ключевые слова: русская армия, XIX век, русско-турецкие войны, русско-персидские войны, историко-статистическое исследование.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 594-601.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.594
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Government Activities on Afforestation in the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province in the XIX century

Natalya P. Matsakova ^a, Ludmila V. Okonova ^{a,*}, Daglara V. Amaeva ^a

^a Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

Currently, there is an aggravation of the environmental situation in the South of Russia as a result of increased anthropogenic and man-made impacts on the environment. In this regard it is important to study historical experience of the environmental policy of the Russian Empire. One of its most important areas was environmental protection in regions with special natural conditions. Astrakhan province, especially the Kalmyk steppe, belonged to one of the most arid, low-water and treeless regions of the empire, in which the fight against desertification, wind and soil erosion, and water scarcity was an important necessity for the development of the region's economy.

The main purpose of this article is to study the main stages and directions of the Russian government's policy on afforestation in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the XIX century.

A wide range of archival documents and works of pre-revolutionary and modern authors have been used to study the history of raising the question of the need for afforestation of the Kalmyk steppe, the reasons, goals and stages of deforestation measures of central and local authorities as a means of improving the efficiency of agriculture and an example of environmental policy. Afforestation activities in the Kalmyk steppe were closely linked to other areas of government policy, in particular, to the policy of settling Kalmyk roads in the Astrakhan province. The authors of the article paid special attention to the reasons for the failure of afforestation measures at the time under consideration, which required a more balanced scientific approach to this problem. It should be noted that measures for the construction of protective forest belts are extremely relevant for the republic at the present time.

Keywords: Astrakhan Province, Kalmyk steppe, Yergeninskaya uplands, economy, modernization, ecological situation, ecological and environmental policy, government bodies, afforestation, forest plantations.

1. Введение

На современном этапе одной из острых проблем в стране, и в Республике Калмыкия в частности, является процесс опустынивания, который стал результатом нарушения экологического баланса и взаимодействия человека с природой. Исторически сложилось, что территория Калмыкии характеризуется острозасушливыми климатическими условиями и почвами, подверженными деградации. Поэтому здесь оптимальным видом хозяйственной деятельности являлось кочевое скотоводство. Традиционное калмыцкое хозяйство соответствовало природным особенностям края и было построено на принципах природосбережения. В рамках модернизационных процессов, происходивших в XIX в. в России, активизируется экономическая деятельность в регионе. Расширение нерегулируемого выпаса скота, распашка песчаных земель и другие новые экономические явления в Калмыцкой степи привели к разным негативным процессам в экологии. Развитие местной экономики потребовало проведения специальных правительственных мер, которые были особенно активными в рассматриваемое время в связи с развитием товарно-денежных

* Corresponding author

E-mail addresses: okonova.lv@gmail.com (L.V. Okonova)

отношений и освоением южных областей страны. Самым эффективным природоохранным мероприятием в комплексе мер, направленных на борьбу с эрозией почв, засухой и опустыниванием в южных степях, российским правительством было признано защитное лесоразведение. Для Калмыкии защитные лесные насаждения могли бы стать самым надежным и экономичным средством защиты от ветров, песчаных бурь и снежных заносов, что способствовало бы развитию скотоводства и земледелия в регионе.

2. Материалы и методы

В статье использован комплекс документов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Астраханской области (Астрахань, Российская Федерация) и Национального архива Республики Калмыкия (Элиста, Российская Федерация). Также использованы законодательные источники, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи.

В процессе написания данной статьи нами применялись общенаучные и специальные методы исследования. Выявление фактического материала стало возможным благодаря источниковедческому методу. Проблемно-хронологический метод позволил изучить деятельность государственных органов по лесоразведению в Калмыцкой степи в рассматриваемый период в хронологической последовательности. Использование системного подхода предполагает изучение природоохранной деятельности российского правительства как одной из составляющих общегосударственной политики. Исторический метод применялся в рассмотрении взаимодействия хозяйственной деятельности человека с окружающей средой.

3. Обсуждение

Изучение вопросов лесного хозяйства как важнейшей составляющей экономики, природопользования и государственной политики в России является сложной, слабоизученной темой в отечественной историографии.

На современном этапе можно отметить возрастание интереса к ней со стороны специалистов разных направлений – экономистов, юристов, геологов, биологов, лесоводов и т.д. Эта проблема была затронута в ряде работ, посвященных изучению становления и развития нормативно-правовой базы и организационной структуры органов управления в области лесного хозяйства (Моисеев, 2013: 71-82; Рыбалкин, 2009: 37-42).

Заслуживают внимания работы авторов, изучающих опыт лесоразведения в отдельных губерниях, основные направления деятельности губернских лесоохранительных комитетов и их роль в становлении лесного дела в стране (Дрыгина, 2018: 99-100; Минин, 2013; Шевченко, 2012: 1561-1563).

Исследователи XIX в., занимавшиеся изучением истории, хозяйства и культуры калмыцкого народа, обратили внимание на природно-климатическую обусловленность калмыцкой экономики (Нефедьев, 1834; Михайлов, 1851; Калмыцкая степь, 1868; Костенков, 1870; Черкасов, 1895). В их работах дано описание лесной растительности края и предприняты попытки объяснить причины первых неудач в облесении степи. Отдельно следует отметить труды великих российских ученых дооктябрьского периода, занимавшихся изучением почв и лесов России и обративших внимание на условия Ергенинской возвышенности (Высоцкий, 1915: 2-98).

Советские ученые-лесоводы продолжили развивать защитное лесоразведение в Калмыкии, изучая и используя опыт и результаты научных исследований предшественников. С.А. Кривда выделил ряд этапов в истории лесоразведения в калмыцких степях, рассмотрел исторические предпосылки развития лесного дела в Калмыкии (Кривда, 1959; Кривда, 1961).

Исследуемая тема стала предметом изучения в ряде трудов калмыцких ученых по проблемам водообеспечения (Амаева, 2019: 1017-1024; Бадмаева, 2020: 85-93), современного экологического состояния Калмыкии, мер и способов борьбы с негативными процессами опустынивания и деградации почв (Богун, 2000: 86-91; Габунщина, 2000: 56-62; Защитное лесоразведение, 1997). Они отмечают важность защитного лесоразведения для закрепления песков.

Однако на данный момент можно констатировать, что историческое осмысление данной тематики отсутствует. Основная цель данной работы – изучение основных этапов и направлений политики российского правительства по лесоразведению в Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX в.

4. Результаты

В XVIII в. интерес российского правительства к лесу был обусловлен военными и экономическими интересами: в начале столетия леса рассматривались как сырье для кораблестроения, а в конце века – как источник дохода для казны. В XIX в. с изменением представления о ценности лесов они включаются в сферу коммерческих интересов государства, а затем складывается научный подход к лесоразведению и лесовосстановлению как природоохранной мере. Это проявилось в нормативно-законодательной базе и организационной структуре

государственных органов: для управления лесными ресурсами был создан комплекс регламентирующих документов и выделен специальный орган – Лесной департамент, который осуществлял руководство лесным хозяйством страны.

Основа нормативно-правовой базы была заложена указом Петра I от 27 марта 1702 г., которым он приказал осмотреть и описать леса в стране. Екатерина II издала указы о лесовосстановлении вырубок и привлечении населения к этим работам. В 1802 г. Александр I подписал «Устав о лесах», положивший начало системе российского лесного права и закрепивший вопросы организации управления лесами и лесопользования. По нему выделялись леса, подлежащие охране, – защитные и водоохранные.

Процесс сокращения лесных площадей, происходивший по разным причинам на протяжении XIX столетия в Российской империи, заставил правительство продолжить регламентацию защиты лесов на законодательном уровне. Так, 4 апреля 1888 г. Александром III было подписано «Положение о сбережении лесов», согласно которому устанавливались меры по прекращению истребления и истощения леса и поощрение лесоразведения. Леса подразделялись на защитные, водоохранные и прочие. К первым относились леса, сохранение которых признавалось необходимым в интересах государственной или общественной пользы, подлежавшие особым мерам защиты. Защитными считались леса и кустарники, сдерживающие сыпучие пески или препятствующие их распространению по морским побережьям, берегам судоходных и сплавных рек, каналов и искусственных водохранилищ; а также защищающие от песчаных заносов города, селения, железные, шоссейные и почтовые дороги, обрабатываемые земли и разные угодья (Положение, 1888). В целях охраны защитных лесов вводился запрет на сплошную вырубку лесного массива, выпас скота, собирание лесной подстилки и иные действия, представляющие опасность уничтожения и повреждения лесонасаждений (Положение, 1888).

В подчинении Лесного департамента Министерства государственных имуществ на основании Положения впервые в каждой губернии создавались губернские лесоохранительные комитеты, которые занимались деятельностью по охране лесов в регионах. Возглавляли их губернаторы, а в состав входили председатель окружного суда, управляющий палатой государственных имуществ, лесной ревизор, представитель губернской земской управы.

Лесоохранительный комитет наделялся широкими полномочиями: утверждал планы хозяйства в лесах, признанных защитными и не признанных таковыми; определял леса, необходимые для сохранения верховьев и истоков рек и их притоков; разрешал обращение лесных площадей в другой вид угодий. В его ведение входили также отмена распоряжений лесовладельцев о сплошных вырубках, которые губительны для леса; установление срока искусственного облесения владельцами неправильно вырубленных или расчищенных площадей и утверждение смет для осуществления этих работ. Комитет руководил надзором за лесами и привлекал к законной ответственности виновных в нарушении правил Положения 1888 г. (Положение, 1888).

Первые шаги по научному изучению вопросов лесного хозяйства предпринимаются уже в XVIII в. в проектах и рассуждениях В.Н. Татищева, И.Т. Посошкова, С.Ф. Салтыкова. Появляются научные труды Г.Ф. Морозова, Ф.К. Арнольда, М.М. Орлова. Важное значение имела Особая экспедиция по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России Лесного департамента 1892 г. под руководством В.В. Докучаева, сделавшая вывод о решающей роли лесов в сохранении агроландшафтов. По мнению Докучаева, вырубка лесов и чрезмерная распашка земель были главными причинами засух на Юге России.

В Астраханской губернии, которая считалась одной из самых безлесных губерний России, также был создан Лесоохранительный комитет во главе с астраханским губернатором. Комитет следил за состоянием лесов, проводил их осмотр, выявлял нарушения «Положения о сбережении лесов», выдавал разрешение на вырубку и расчистку леса сельским обществам и отдельным лицам, представлял к награждениям лесных стражников, предоставлял отчетную документацию вышестоящим органам (ГААО. Ф. 752. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-40). Его деятельность в некоторой степени способствовала разведению и сохранению лесов в регионе.

Как отмечают дореволюционные исследователи, скудость лесов Астраханского края объясняется природно-климатическими условиями. И. Михайлов писал, что Астраханская губерния чрезвычайно бедна лесом: скудная лесная растительность тянется узкой прерывистой полосой вдоль Волги и по берегам ее протоков, только в Черноярском уезде растут вяз и дуб, а далее идет лес осокоревый, ветловый, белоталовый, черноталовый и хворостинный, чем ближе к морю, тем он мельче, хуже и реже. Строевой лес практически отсутствует, а имеющийся годен на топливо, на огорожу и рыболовные снаряды, на устройство землянок и юрт. Для постройки домов, судов и утвари закупался верховой лес. Автор объясняет неудачу лесных насаждений в губернии солончаковой почвой, чрезвычайной сухостью атмосферы и почвы, а в приморских уездах – моряной (Михайлов, 1851: 128-130).

По словам И.Г. Черкасова, под лесами в Астраханской губернии нельзя понимать рощу или бор: до того они редки, что в некоторых местах на десятине, показанной лесной, едва насчитывается дюжина деревьев. Больше всего деревьев растут при самых берегах протоков, в займищных и

поемных местах Волги и ее рукавов. В губернии займища, изобилующие лесом, находятся на луговой стороне Волги – в Царевском и Черноярском уездах. В основном это помещичьи дачи, так как помещики при заселении выбрали лучшие участки; в Енотаевском и Астраханском уездах это дачи помещика Кишенского, калмыцкого нойона Тюменя и в казачьих станицах; в Красноярском уезде – дачи помещика Коштыковского и казаков красноярской команды. В этой части региона произрастали таловник, вяз, осокорь, чернотал, белотал, хворостник, отчасти дуб.

Более скудными были древесные поросли на нагорной стороне Астраханской губернии, где остатки лесов сохранились по вершинам Зосты, Червленной, Дубовому оврагу, по Бургустам, по речке Большой Кегульте; в землях Большедербетовского улуса – по оврагам возвышенностей Барханцака; по реке Куме. Здесь росли терновье, яблонные кустарники, волжанка, клен, терновник и, возможно, ранее дуб (Черкасов, 1895: 153-155).

Основными причинами истребления лесов на нагорной стороне Волги были отсутствие проточной воды из-за прекращения поступления в Каспийское море вод Дона и Кумы, ранее орошавших деревья; неограниченная пастьба скота, который вытаптывал молодые древесные поросли или вырывал их с корнем из земли; степные пожары из-за неосторожности путников или умышленного поджигания кочевниками, особенно туркменами при переходе с летней на зимнюю кочевку для стимулирования новой поросли травы. Из-за сильных ветров степные пожары опустошали большие пространства.

Неудачи первых опытов лесопосадок, осуществлявшихся местной администрацией, по мнению И.Г. Черкасова, объясняются отсутствием дождей весной и летом, сильными летними засухами (Черкасов, 1895: 156-157).

Особый интерес вызывает деятельность правительственных учреждений по лесоразведению в Калмыцкой степи, как наиболее засушливой части Астраханской губернии. С.А. Кривда выделил ряд этапов в истории лесоразведения в калмыцких степях, в том числе по рассматриваемому периоду (Кривда, 1959; Кривда, 1961):

- 1) 1840–1879 гг.;
- 2) 1880–1889 гг.;
- 3) 1890–1900 гг.

Министерство госимуществ приступило к лесоразведению при освоении степей Юга России с 1841 г. В 1842 г. в Астраханскую губернию был командирован полковник Фрейман, вице-инспектор корпуса лесничих, проверявший Астраханское лесное управление и посетивший Калмыцкую степь. Он впервые определил Ергенинскую возвышенность в северо-западной части современной Калмыкии как территорию, подходящую для высадки леса. В 1844 г. Астраханская палата государственных имуществ утвердила проект облесения Калмыцкой степи, предложенный Фрейманом и скорректированный Астраханским лесным управлением. В 1845 г. план утвердило МГИ. Он был рассчитан на сорок лет. В составе калмыцкого управления было создано возглавляемое ученым лесничим лесное ведомство, главной функцией которого было руководство процессом разведения лесов. К нему были прикомандированы запасные лесничие, лесные кондуктора и лесные надзиратели (стражники).

Содержание лесных чинов, приобретение семенного материала, уход и полив, возведение построек на плантациях осуществлялось за счет общественного калмыцкого капитала, а выполнение работ по вспашке участков, посеву и посадкам, уходу за питомниками и плантациями, поливу было возложено в порядке трудовой повинности на калмыков с целью «пробудить охоту к лесоводству» (Костенков, 1868; Костенков, 1870).

Следует отметить, что в рассматриваемый период осуществлялась правительственная политика по заселению трактов и дорог, проходивших через Калмыцкую степь. По указу 1846 г. предусматривалось создание ряда поселений, которые предполагалось заселить калмыками и государственными крестьянами (Belousov, 2019: 1576-1583). Поэтому планировалось привлечь к лесоразведению этих крестьян-переселенцев путем создания «садово-лесных» плантаций при русских селениях на Ергенях вдоль Царицынско-Ставропольского тракта.

С 1845 по 1853 гг. первым ученым лесничим был Заусцинский, составивший первые инструктивные материалы по производству лесных посевов на калмыцких землях. Работы по искусственному лесоразведению в Калмыцкой степи начались в 1846 г., первые посадки леса в южной части Ергенинской возвышенности были сделаны в 1853 г. Саженцы разных древесных пород, ветловые колья и тополевые черенки были высажены в урочищах Элиста и Тюнга (Яшкуль). Эта местность была выбрана не случайно, так как здесь находились пресные родники. На плантации в Элисте имелись родники пресной воды и было установлено специальное приспособление для полива – чигирь (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 62. Л. 17). Поэтому здесь был наиболее успешный опыт лесных посадок.

Работы по искусственному лесоразведению в Калмыцкой степи, проведенные с 1846 по 1862 гг., потребовали значительных денежных и трудовых затрат. За это время на 27 плантациях калмыков и крестьян-переселенцев общей площадью 743 дес. 576 саж. были посеяны семена сосны, пихты, дуба, вяза и др., ветловые и фруктовые деревья, из них удовлетворительными были признаны лесные насаждения лишь на 100 дес. Посадочный материал привозили со всей страны целыми обозами на

крестьянских подводах. Выделенные средства расходовались на приобретение инструментов, устройство и поддержку чигирей, содержание лиц, руководивших работами. Затраченные усилия и деньги не оправдались: остались в основном ветловые и осокоревые насаждения, несколько дубов, берез и тополей. Неудачи объяснялись, возможно, недостаточным пониманием составителями и участниками плана лесоразведения специфики природно-климатических условий калмыцких степей. К тому же калмыки-скотоводы, привлеченные к данным работам, в большинстве своем не имели земледельческого опыта.

В 1861 г. председатель Астраханской палаты госимуществ и главный попечитель калмыцкого народа К.И. Костенков проверил все 27 лесных плантаций в Калмыцкой степи. В 1865 г. по его представлению Министерство госимуществ распорядилось прекратить лесоразведение в Калмыцкой степи и поддерживать только те лесные и садово-лесные плантации, которые признаны полезными в будущем, а все работы по лесоразведению, осуществившиеся ранее натурой, предписывалось отнестись на счет общественного калмыцкого капитала (РГИА. Ф. 381. Оп. 14. Д. 8394. Л. 20).

В 1877 г. руководство лесоразведением на казенных землях в Калмыцкой степи передается непосредственно в ведение лесного отдела Астраханского управления государственных имуществ, в связи с чем лесное ведомство управления калмыцким народом упраздняется. В Лесном департаменте вновь пробуждается интерес к калмыцким лесным плантациям. В 1877 г. департаментом в Астраханскую губернию был командирован запасный лесничий надворный советник фон Бремзен. Ему было поручено собрать точные сведения о площадях естественных и искусственных лесов, составить карты их расположения и разработать новый проект лесоразведения в Калмыкии с составлением соответствующих смет. Он осмотрел лесные плантации, самородные леса и места, пригодные для закладки новых насаждений, нанес их на карту, но конкретные предложения не представил (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 25. Л. 47-48 об.; РГИА. Ф. 385. Оп. 12. Д. 7532. Л. 46-47 об.).

Впоследствии вместо Бремзена был назначен харьковский губернский лесничий статский советник Шацкий, которому тоже было поручено составить проект и сметы по лесоразведению в калмыцких степях (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 26. Л. 37-39 об.; РГИА. Ф. 385. Оп. 12. Д. 7912. Л. 38-40).

2 мая 1878 г. предписанием Лесного департамента составление данного проекта было возложено на ревизора лесоустройства коллежского советника Л.Г. Барка. По его проекту, представленному в департамент 10 января 1879 г., рекомендовалось учредить из плантаций и самородных лесов северной части калмыцкой степи особое лесничество, для устройства которого были приложены сметы на строительство зданий и другие цели (РГИА. Ф. 381. Оп. 14. Д. 8394. Л. 21).

К 1879 г. в южной части Ергенинской возвышенности Элистинская плантация была единственной. Она входила в состав организованного в том же году Тенгутинского степного лесничества. По предложению Барка производились густые посадки семян белой акации, ясеня обыкновенного, ильмовых и дуба с чередованием. В отличие от первого этапа осуществлялся выбор подходящих мест для лесонасаждений (НАРК. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 26. Л. 33).

Третий этап ознаменовался появлением нового лесничества и распространением лесомелиорации на возвышенную степь. В 1887 г. старший лесной ревизор Астраханской губернии Ржевусский предложил организовать Яшкульское и Чагартинское степные лесничества. В 1888 г. было открыто Яшкульское степное лесничество между балками Яшкуль и Булгун-Сал вблизи старой Тюнгинской лесной плантации. В 1890 г. к югу от Элистинской плантации был дополнительно отведен под облесение Яшкульскому лесничеству земельный участок более 1000 дес., после чего Элистинская лесная плантация была передана из Тенгутинского лесничества в состав Яшкульского лесничества, контора которого была перемещена в Элистинскую лесную дачу.

В этот период в основном работы осуществлялись на Яшкульской и Элистинской плантациях, где было засеяно более 250 дес. по «нормальному типу».

В конце 1890-х гг. дальнейшие облесительные работы в Яшкульском лесничестве пришлось прекратить из-за начавшейся массовой гибели последних насаждений. Данный третий этап Г.Н. Высоцкий назвал периодом «форсированного марша» лесоводов и считал неудачным, что объясняется, по его мнению, сухостью и солонцеватостью почв (Высоцкий, 1915: 2-98). Он в 1903 г. обследовал ергенинские лесничества и сделал вывод об их бесперспективности, вследствие чего Тенгутинские и Яшкульские лесничества были закрыты, насаждения Тенгутинского лесничества были переданы Царево-Черноярскому лесничеству, а Элистинская лесная дача – Астраханскому лесничеству.

5. Заключение

Вопрос облесения Калмыцкой степи Астраханской губернии в указанное время стоял весьма остро, и поэтому его решению российское правительство уделяло большое внимание. Необходимо отметить, что данная проблема не утратила своей актуальности и в современный период. Лесоразведение в Калмыцкой степи преследовало сугубо хозяйственные цели: защитить калмыцкий скот от суровых погодных условий, популяризацию лесоводства и садоводства. Оно носило и гигиенический характер, то есть способствовало увлажнению почвы и воздуха, что также положительно влияло на климат. С самого начала мероприятия по лесоразведению были связаны с

политикой по заселению калмыцких дорог, активно осуществлявшейся российским правительством в рассматриваемый период.

Органы государственного управления придавали огромное значение лесоразведению. Постоянно велся поиск путей и способов разрешения острых проблем. С этой целью предпринимались планирование, организация лесных дач и плантаций, создание степных лесничеств, ревизия лесных насаждений. В этой деятельности принимали участие чиновники Лесного департамента, губернские лесничие и местные специалисты, а к непосредственным работам привлекались калмыки-скотоводы и крестьяне-переселенцы. Следует отметить, что недостаточно полное изучение почвенно-гидрологических условий и особенностей Калмыцкой степи, нехватка опыта земледелия у калмыков, отсутствие четкой структуры и последовательности в организации лесного дела в регионе привели к неутешительным результатам, которые показали, что общие обязательные шаблоны степного лесоразведения, характерные для других регионов Юга России, в Калмыцкой степи не применимы. Однако попытки лесоразведения в регионе не прекратились и продолжаются в настоящее время.

Литература

Бадмаева, 2020 – Бадмаева Е.Н. Проблема водообеспечения в условиях кочевого способа хозяйствования (на примере Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 457. С. 85-93.

Богун, 2000 – Богун А.П. Лесные насаждения Калмыкии как объект долговременного биомониторинга // *Вестник института*. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 86-91.

Высоцкий, 1915 – Высоцкий Г.Н. Природные условия и результаты лесоразведения на Ергенях Астраханской губернии (отчет о командировке) // *Ежегодник лесного департамента*. Т. 1. Пг., 1915. С. 2-98.

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

Габунщина, 2000 – Габунщина Э.Б. Опустынивание в Калмыкии: экологические и стратегические аспекты // *Вестник института*. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 56-62.

Дрыгина, 2018 – Дрыгина Н.Н. Пески наступают: из истории защитного лесонасаждения в Астраханской области // *Новый исторический вестник*. 2018. № 3 (57). 99-110.

Защитное лесоразведение, 1997 – Защитное лесоразведение в Калмыкии: прошлое, настоящее, будущее. II съезд лесоводов Калмыкии / Сост. В.А. Иванников и др. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 92 с.

Костенков, 1868 – Костенков К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. По исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868. 177 с.

Костенков, 1870 – Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.

Кривда, 1959 – Кривда С.А. Лесоразведение в засушливых степях Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1959. 30 с.

Кривда, 1961 – Кривда С.А. Зеленый наряд столицы Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1961. 44 с.

Минин, 2013 – Минин М.В. Деятельность Курского губернского лесоохранительного комитета: 1888–1917 гг. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2013. № 4 (28).

Михайлов, 1851 – Михайлов И. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1851.

Моисеев, 2013 – Моисеев Н.А. Взгляд на двухсотлетнюю историю лесоуправления и извлечение уроков из нее // *Лесной вестник*. 2013. № 4. С. 71-82.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Нефедьев, 1834 – Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. Крайя, 1834. 290 с.

Положение, 1888 – Высочайше утвержденное Положение о сбережении лесов. Мнение Государственного совета, Высочайше утвержденное 4 апреля 1888 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том VIII. 1888 г. № 5120. СПб.: Государственная типография, 1890. С. 148-156.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Рыбалкин, 2009 – Рыбалкин А.И. Деятельность органов государственной власти по модернизации системы охраны лесов в России в конце XIX века // *Евразийский форум. Научный журнал*. 2009. № 1. С. 37-42.

Черкасов, 1895 – Черкасов И.Г. Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии // *Журнал Министерства государственных имуществ*. 1895. № 5, 7–10. 263 с.

Шевченко, 2012 – Шевченко Н.Е. К истории охраны лесов Центрального Предкавказья: Ставропольский губернский лесоохранительный комитет // *Вестник ТГУ*. 2012. Т. 17. Вып. 16. С. 1561-1563.

[Amaeva et al., 2019](#) – *Amaeva D.V., Komandzhaev A.N., Maczakova N.P., Okonova L.V.* Water supply system of the Kalmyk steppe of Astrakhan Province in 19th century: challenges and responses. // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1017-1024.

[Belousov, 2019](#) – *Belousov S.S.* Impact of the natural factor on government resettlement policy in Kalmyk lands (1840–1870 gg.) // *Bylye Gody*. 2019. 54(4). Pp. 1576-1583.

References

[Amaeva et al., 2019](#) – *Amaeva, D.V., Komandzhaev, A.N., Maczakova, N.P., Okonova, L.V.* (2019). Water supply system of the Kalmyk steppe of Astrakhan Province in 19th century: challenges and responses. *Bylye Gody*. 53(3). pp. 1017–1024.

[Badmaeva, 2020](#) – *Badmaeva, E.N.* (2020). Problema vodoobespecheniya v usloviyakh kochevogo sposoba khozyaistvovaniya (na primere Kalmytskoi stepi v kontse XIX – nachale XX v.) [Water supply issue under nomadic livelihood: the case of Kalmyk steppe in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 457: 85-93. [in Russian]

[Belousov, 2019](#) – *Belousov, S.S.* (2019). Impact of the natural factor on government resettlement policy in Kalmyk lands (1840–1870 gg.). *Bylye Gody*. 54(4): 1576-1583.

[Bogun, 2000](#) – *Bogun, A.P.* (2000). Lesnye nasazhdeniya Kalmykii kak ob"ekt dolgovremennogo biomonitoringa [Afforestation of Kalmykia as an object of long term biomonitoring]. *Vestnik instituta*. Elista: APP «Dzhangar», pp. 86-91. [in Russian]

[Cherkasov, 1895](#) – *Cherkasov, I.G.* (1895). Statisticheskoe i hozyajstvennoe opisanie Astrahanskoj gubernii [Statistical and economic description of Astrakhan region]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv*. 5, 7–10. 263 p. [in Russian]

[Drygina, 2018](#) – *Drygina, N.N.* (2018). Peski nastupayut: iz istorii zashchitnogo lesonasazhdeniya v Astrahanskoj oblasti [The sand is coming: protection forests in Astrakhan region]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 3(57): 99-110. [in Russian]

[GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Astrahanskoj oblasti [The State archive of the Astrakhan region]. [in Russian]

[Gabunshhina, 2000](#) – *Gabunshhina, E.B.* (2000). Opustynivanie v Kalmykii: ekologicheskie i strategicheskie aspekty [Desertification in Kalmykia: ecological and strategic aspects]. *Vestnik instituta*. Elista: APP «Dzhangar», pp. 56-62. [in Russian]

[Kostenkov, 1868](#) – *Kostenkov, K.I.* (1868). Statistiko-khozyaistvennoe opisanie Kalmytskoi stepi Astrahanskoj gubernii. Po issledovaniyam Kumo-Manychskoi ekspeditsii [Statistical and economic description of Kalmyk Steppe of Astrakhan region based on Kumo-Manych expedition]. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K^o, 177 p. [in Russian]

[Kostenkov, 1870](#) – *Kostenkov, K.I.* (1870). Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushchih v Astrahanskoj gubernii [Historical and Statistical information about Kalmyks, moving around Astrakhan region]. SPb.: Tip. S. Nusval'ta. 170 p. [in Russian]

[Kryvda, 1959](#) – *Kryvda, S.A.* (1959). Lesorazvedenie v zasushlivykh stepyakh Kalmykii [Afforestation in the arid steppes of Kalmykia]. Elista: Kalmizdat, 30 p. [in Russian]

[Kryvda, 1961](#) – *Kryvda, S.A.* (1961). Zelenyi naryad stolitsy Kalmykii [Green vestment of the capital of Kalmykia]. Elista: Kalmizdat, 44 p. [in Russian]

[Mikhailov, 1851](#) – *Mikhailov, I.* (1851). Khozyaistvenno-statisticheskie ocherki Astrahanskoj gubernii [Economical and statistical review of Astrakhan province]. SPb.: Tip. Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. [in Russian]

[Minin, 2013](#) – *Minin, M.V.* (2013). Deyatel'nost' Kurskogo gubernskogo lesokhranitel'nogo komiteta: 1888–1917 gg. [Kursk Governorate forest protection committee activity: 1888-1917]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (28). [in Russian]

[Moiseev, 2013](#) – *Moiseev, N.A.* (2013). Vzglyad na dvukhsotletnyuyu istoriyu lesoupravleniya i izvlechenie urokov iz nee [A look at the two-hundred-year history of forest management and learning from it]. *Lesnoi vestnik*. 4: 71-82. [in Russian]

[NARK](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archives of the Republic of Kalmykia (hereinafter – NA RK)].

[Nefed'ev, 1834](#) – *Nefed'ev, N.A.* (1834). Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste N. Nefed'evym [Detailed data on Volzhsky Kalmyks given by N. Nefedev]. SPb.: Tip. Kraiya, 290 p. [in Russian]

[Polozhenie, 1888](#) – Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o sberezhonii lesov. Mnenie Gosudarstvennogo soveta, Vysochaishe utverzhdennoe 4 aprelya 1888 goda [Policy statement by Imperial consolidation on forest protection. Opinion of the Council of State consolidated by the Imperial Court on April, 4th 1888]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. Tom VIII. 1888 g. № 5120. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1890. Pp. 148-156. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv [Russian state historical archive].

Rybalkin, 2009 – *Rybalkin, A.I.* (2009). Deyatel'nost' organov gosudarstvennoi vlasti po modernizatsii sistemy okhrany lesov v Rossii v kontse XIX veka [Government bodies activity on modernization of forest protection system in Russia in the late 19th century]. *Evraziiskii forum. Nauchnyi zhurnal.* 1: 37-42. [in Russian]

Shevchenko, 2012 – *Shevchenko, N.E.* (2012). K istorii okhrany lesov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya: Stavropol'skii gubernskii lesokhranitel'nyi komitet [History of forest protection in the central Pre-Caucasian region: Stavropol governorate forest protection committee]. *Vestnik TGU.* 17(16): 1561-1563. [in Russian]

Vysotskii, 1915 – *Vysotskii, G.N.* (1915). Prirodnye usloviya i rezul'taty lesorazvedeniya na Ergenyakh Astrakhanskoi gubernii (otchet o komandirovke) [Environmental conditions and afforestation results of Yergeninskaya uplands of Astrakhan Province (mission report)]. *Ezhegodnik lesnogo departamenta.* T. 1. Pp. 2-98. [in Russian]

Zashchitnoe lesorazvedenie, 1997 – Zashchitnoe lesorazvedenie v Kalmykii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. II s"ezd lesovodov Kalmykii [Protection forests in Kalmykia: past, present and future. 2 convention of Kalmyk foresters. Compiled by V.A. Ivannikov and others]. Sost. V.A. Ivannikov i dr. Elista: APP «Dzhangar», 1997. 92 p. [in Russian]

Деятельность российского правительства по лесоразведению в Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX веке

Наталья Петровна Мацакова^a, Людмила Вячеславовна Оконова^{a,*},
Даглара Владимировна Амаева^a

^a Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время отмечается обострение экологической обстановки на Юге России в результате усиления антропогенного и техногенного воздействия на окружающую среду. В этой связи важным является изучение исторического опыта экологической политики Российской империи. Одним из ее значимых направлений была природоохранная деятельность в регионах с особыми природными условиями. Астраханская губерния, особенно Калмыцкая степь, относилась к одному из самых засушливых, маловодных и безлесных регионов империи, в котором борьба с опустыниванием, ветровой и почвенной эрозией, нехваткой воды являлась важной необходимостью для развития экономики региона.

Основной целью данной статьи является изучение главных этапов и направлений политики российского правительства по лесоразведению в Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX в.

На широком круге архивных документов и работ дореволюционных и современных авторов изучена история постановки вопроса о необходимости облесения Калмыцкой степи, причины, цели и этапы облесительных мероприятий центральных и местных органов власти как средство повышения эффективности сельского хозяйства и пример природоохранной политики. Деятельность по лесоразведению в Калмыцкой степи была тесно связана с другими направлениями правительственной политики, в частности с политикой по заселению калмыцких дорог в Астраханской губернии. Отдельное внимание авторами статьи было уделено причинам неудач облесительных мероприятий в рассматриваемое время, что потребовало более взвешенного научного подхода к данной проблеме. Следует отметить, что мероприятия по устройству полесозащитных лесополос являются чрезвычайно актуальными для республики и в настоящее время.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, Ергенинская возвышенность, экономика, модернизация, экологическая ситуация, экологическая и природоохранная политика, органы государственного управления, лесоразведение, лесные плантации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: okonova.lv@gmail.com (Л.В. Оконова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 602-609.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.602
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Era of Alexander I: the First Philosophical Crystallization – Factors of Folding the Community of Russian Intellectuals

Vladimir I. Krasikov ^{a, *}, Dmitry A. Grigoriev ^a, Alexander D. Spirin ^a, Vladimir G. Chernyakin ^a

^a All-Russian State University of Justice, Russian Federation

Abstract

The authors discuss the factors and forms of the formation of the intellectual community people inclined to philosophical reflections and having a common space of intellectual attention in Russia in the early 19th century.

We use memorial evidence and conceptual insights of philosophers, historians, and cultural scientists as research materials. They apply, as a methodology, the techniques of the «sociology of philosophies» of R. Collins.

Researchers identify the composition of socio-political and spiritual conditions that create a united thematic field of intellectual attention. They believe that regarding socio-political conditions, it can be said that this is a weakening of centralization and control, a devaluation of previous prevailing beliefs, the emergence of relatively independent economically groups. If we talk about spiritual circumstances, then this is the import and development of new attractive ideas, their discussion in resonant or «focal» discussions.

The authors indicate that the discussion platforms at which the community of Russian intellectuals took shape were heterogeneous, namely, underground congresses of half-secret societies, aristocratic salons, editorial boards of magazines, literary societies, and lectures by university professors. It can be said that during the «focal» discussions, the «construction of national identity» took place and it was an emancipation format.

The authors believe that in the 10-20s of the XIX century in the philosophical preferences of Russians there was a reorientation to the philosophical thought of Germany. The Russian intelligentsia has mastered the most advanced technologies of critical and systems thinking. Therefore, it can be argued that by the middle of the XIX century we are seeing a new generation in Russia that has intellectually stood on a par with its European peers.

The authors of the article conclude that the associations of the 20-30s of the XIX century, namely «Obshchestvo lyubomudriya», Stankevich, Herzen and Ogarev circles, become real «incubators» for the next generation of «idealists of the forties». They emphasize that the importance of these associations and the meaning of their consideration lies in the appearance of the first forms of the future great distinction between Slavophiles and Westernizers, which is still relevant today.

Keywords: social and spiritual factors, focal discussions, «German turn», philosophical circles.

1. Введение

Складывание сообществ людей, склонных к философским рефлексиям и имеющих некое общее пространство интеллектуального внимания, в разных странах имеет разные закономерности. Также своеобразно это происходило и в России, что не могло не стать поводом для ожесточенных споров.

Философия более молода по отношению к другим формам сознания, таким как миф, религия, мораль или же искусство, появляясь в виде рефлексии над авторитетными текстами. Также ее появление происходит в контексте серьезных изменений в социально-экономической и политической

* Corresponding author

E-mail addresses: KrasVladIv@gmail.com (V.I. Krasikov)

жизни, которыми детерминированы, в конце концов, духовные практики. Подобные изменения представляют собой необходимый контекст появления сообщества интеллектуалов, чье единство определяемо одним общим фокусом внимания. К ним можно отнести определенную степень плюрализма и терпимости в политической сфере, космополитические настроения и импорт идей, развитие коммерции и кризис традиционных религиозных практик. В России по причинам особенностей культурно-исторического развития такое стало возможным лишь в начале XIX в. Задача статьи: рассмотреть своеобразную представленность этих изменений и условий – в формировании предварительных предпосылок (первых философских кристаллизаций) для появления позднее форматного общероссийского интеллектуального сообщества (западников-славянофилов), задающего повестку дня и по сию пору.

2. Материалы и методы

В качестве материалов исследования мы используем мемуарные свидетельства (К.С. Аксакова, А.И. Герцена, Ап.Г. Григорьева, А.И. Кошелева, В.Ф. Одоевского), задействуем концептуальные наработки философов, историков и культурологов (В.В. Зеньковского, В.О. Ключевского, Ю.М. Лотмана, С.А. Лишаева, С.А. Никольского).

Наш исследовательский подход: постановка проблемы и ракурсы ее рассмотрения определяются использованием элементов методологии, «социологии философий» Р. Коллинза (Коллинз, 2002: 65-103, 1021-1110). Речь идет о следующих идеях. Духовная жизнь пребывает в контексте ее имеющихся социально-материальных организационных основ, нечастые кардинальные изменения последних и ответственны за неспешные, но радикальные подвижки в сфере идей. Сообщество интеллектуалов с серьезными мировоззренческими (философскими) запросами – в рамках некоего национально-культурного целого – возникает лишь в условиях формирования единого пространства интеллектуального внимания: когда вырабатывается волнующая всех повестка дня, имеется сходная содержательная интерпретация ключевых понятий в обсуждаемых темах – при возможных радикальных различиях в подходах к темам. Появление подобного пространства связано как с социально-политическими пертурбациями (главные из которых: ослабление централизации и контроля, девальвация прежних господствующих убеждений, появление независимых в экономическом отношении групп), так и с духовными (импорт и освоение новых привлекательных идей, их обсуждение в резонансных или «фокусных» дискуссиях).

3. Обсуждение

Темы своеобразия менталитета и особенностей национального мышления всегда вызывают оживление и обостренный интерес, тем более такие «атрибуты» культуры, претендующей на величие, как искусство и философия. С первым у России все в порядке, чего не скажешь о втором. Все-таки философия в России как университетская дисциплина появилась лишь после создания первых университетов во второй половине XVIII века и имела затем большие проблемы в течение XIX века из-за обструкционистской позиции власти. В итоге мы имеем почти тысячелетие государственности и отсутствие философской профессиональной традиции. Это превращает, казалось бы, академический вопрос в тему почти идеологическую и объясняет наличие в отечественной мысли трех основных версий генезиса и специфики русской философии.

Назовем первую из них условно «радикально-патриотической». Она была взлелеяна еще в советской философии и является, по сути, также и современным мейнстримом (Н.К. Гаврюшин, А.А. Галактионов, М.Н. Громов, А.Ф. Замалева, М.А. Маслин, А.Д. Сухов, С.С. Хоружий и др.). Выражается она в значительном удревнении русской философии: полагают, что ее начало совпадает с началом государственности, т.е. с IX веком. Главными аргументами являются утверждения об особой форме ее самореализации: ее рассредоточенность во всем корпусе культуры, применение ею широкой гаммы выразительных средств (далеко не только рационально-понятийных) и использование ею самых разных жанров. Философия в России, как они считают, генетически связана с православием (в советское время это были материализм и социально-освободительные движения), являясь, по сути, его теоретической инкарнацией. Поэтому она «софийна», фундирована «гносеологией сердца», возвращена на мистическом богословии и в аскетических традициях.

Другой подход к пониманию специфики отечественной философии можно назвать «умеренно-патриотическим». Его мы обнаруживаем в трудах первых историков русской философии, вышедших за рубежом и ставших доступными отечественному читателю лишь в 1990-х гг.: А.Ф. Лосева («Русская философия», 1919), Н.А. Бердяева («Русская идея», 1946), В.В. Зеньковского («История русской философии», 1950), Н.О. Лосского («История русской философии», 1951).

Философия в России, как они полагают, формируется лишь в начале XIX века – до того была только ее предыстория и она носила случайный характер, быв всего лишь «вкраплением» в общественно-политической жизни. Подобная задержка в интеллектуальном развитии объясняется многовековой изоляцией России от основных путей духовного развития и Запада, и Востока: и вынужденной (двухсотлетнее иго Великой степи), и добровольной (политика самоизоляции московских государей до Петра).

И, наконец, третья позиция относительно русской философии – «западническая», покоящаяся на европейских стандартах философствования. Философия, согласно их взглядам, – это, прежде всего, нерелигиозная, логически-стандартизованная и систематическая рефлексия в понятиях, предполагающая наличие развитой гносеологической проблематики, профессионализм и академические традиции (деятели как старого, начала XX в., «Логоса»: Б.В. Яковенко, С.И. Гессен, Ф.А. Степун и др.; так и нового, конца XX – начала XXI вв., «Логоса»: Е. Барабанов, Б. Гройс, Н. Плотников, М. Рыклин, И. Смирнов, М. Ямпольский, В.К. Кантор и др.). В России философия, по гамбургскому счету, появляется впервые лишь в проекте Вл. Соловьева.

Нас убеждает и позиция, и аргументация второй позиции относительно сроков и характера появления отечественной философии. Здесь мы и предлагаем исследование самого генезиса отечественного сообщества интеллектуалов с единым пространством внимания, выстроенного в ракурсе методологии «социологии философий».

4. Результаты

Ранее в России философствовали понемногу, в рамках профессии. Это были в основном священнослужители, которым вменялись обязанности заботиться о душевном здоровье паствы и поддерживать морально-нравственный порядок, угодный Богу и власть предрежающим. Также к интеллектуалам могли быть отнесены, с небольшими оговорками, крупные чиновники и высшее дворянство, имевшие, как правило, соответствующее образование и воспитание (Живов, 2002). Университетская философия, введенная Петром Великим и его преемниками, длительное время подпитывалась в основном иностранными кадрами.

Рассматриваемое нами время весьма знаменательно – по тем радикальным, правда кратковременным, изменениям, которые имели, однако, далеко идущие последствия. И как это часто бывает в России, это было связано с венценосной личностью. В начале XIX в. сложилась эксклюзивная ситуация.

Первое, и это главное, оригинальная мировоззренческая ситуация, ставшая возможной лишь в условиях абсолютной монархической власти (ограниченной, правда, «царубийством»). Новое поколение высшей российской аристократии во главе с молодым самодержцем оказалось всецело под влиянием модных либеральных идей французского Просвещения, и все остальные должны были играть в эти новые мировоззренческие игры. Как отмечает В.О. Ключевский (Ключевский, 2000: 415, 449), «Даламбер едва не сделался воспитателем наследника русского престола», тогда как швейцарский генерал Фредерик Лагарп, «ходячая и очень говорливая либеральная книжка», стал в итоге вести «научные занятия» с великими князьями Александром и Константином, довольно-таки успешно прививая им руссоистские идеалы. И хотя впоследствии политическая модернизация Александра носила весьма умеренный характер, однако это с лихвой компенсировалось разрешенными разговорами о конституции, а разговоры в России всегда ведут в итоге к подрыву единства элиты.

Подобным образом, в России описываемого времени появилось терпимое, и даже негласно одобряемое высочайшей благосклонностью, разномыслие – благодатнейшая почва для формирования открытого и гибкого мышления будущих руководителей декабризма, в большинстве своем рожденных в 1790-е гг., формирования их готовности к усвоению и генерированию новых идей. Как раз их социализация и прошла именно под аккомпанемент этих прекраснодушных либеральных разговоров о свободе и конституции.

Второе. Конец XVIII – начало XIX вв. было временем больших политических и военных событий в Европе, связанных с наполеоновскими войнами, завершившимися походом русских войск, пребыванием тех же молодых дворян, воодушевленных «французскими идеями», в их же цитадели, в Париже. Так произошло, совсем по К. Марксу (4 тезис о Фейербахе), «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности» и породило «революционную практику» декабристов, «разбудивших Герцена» и все последующие эмансипационные порывы, завершившиеся красным октябрем.

В качестве третьего условия выступило разномыслие – уже не столько политико-мировоззренческое, сколько вообще неслыханное ранее в России, религиозное. Игнорируя прежнюю практику покровительства православной церкви, молодой самодержец во главе своей приближенной компании всю экспериментировал с протестантскими идеями, мистикой масонов (Зеньковский, 1991: 122-127). Большая часть официальной церкви за редким исключением либо подобострастно молчала, либо даже поддакивала царю.

Четвертое. Разрешение, в рамках относительного свободомыслия, издательского предпринимательства. Это стало новым, относительно самостоятельным, экономическим источником существования для формирующегося сообщества интеллектуалов двух столиц (прежде всего недворянской его части). Причем рано обнаружилась тесная связь между скандалом, оппозицией и славой, а значит и вниманием, которым стали щедро платить читатели и подписчики. Это не только щекотало нервы, но и приносило прибыль, причем гарантированную.

Как следствие, возникает новая самостоятельная организационная основа будущего общего поля интеллектуального внимания двух столиц: политические, литературные, издательские сообщества, группы с нетрадиционной религиозностью, кружки по интересам и т.п. Появились одни общие темы и интересы, признаваемые большинством теории и идеи, стандарты аргументации и критерии истины. Понятно, что это новое альтернативное пространство внимания объединяло именно схожих по возрасту, происхождению, воспитанию и образованию людей. Наряду оставался и другой «мир идей и мнений», традиционного склада, теряющий влияние и ненавидящий выскочек. И именно в этом новом пространстве интеллектуального внимания чуть позже и возникнет «завязь» архетипов последующих мировоззренческих и метафизических коллизий (славянофилов и западников).

Интеллектуалы в России с самого начала своего появления несли на себе явственную «общественно-политическую печать», недаром лишь у нас появился впоследствии термин «интеллигенция». Первыми интеллектуалами или интеллигентами стали лучшие представители высшего дворянского сословия, первыми преодолевшими трудный путь самопознания и ответственности культурной самоидентификации (Никольский, 2008). Юноши-романтики, оставившие свою изначальную восторженность свободолюбия на полях сражений Отечественной войны и европейских походов, постепенно становятся «политическими мудрецами», взвалившими на свои плечи бремя ответственности за будущее страны (Лотман, 1994).

Они создают свою прессу и руководящие организационные структуры, закамуфлированные под литературные объединения («Вольное общество любителей российской словесности» и «Зеленая лампа»). Их рупором были журналы «Невский зритель», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Сын отечества», альманахи «Мнемозина» и «Полярная звезда».

В условиях тотального запрета на политические высказывания и обсуждения мировоззренческие интересы и политические идеалы определялись языком иносказания и через борьбу литературных и философских форм. Фокусами литературной борьбы становились оживленные дискуссии, привлекавшие к себе пристальное внимание широкой публики, в которых вырабатывались и определялись потенциальные идеологические позиции.

Подобные дискуссии волновали тот круг людей, которые и определяли в итоге престижное общественное мнение, уже не «мнение света» либо же официоз, а то, к которому прислушивались и не игнорировали даже те, кто совершенно мог его не разделять. Главные участники этих дискуссий становились «героями», «привилегированными спорщиками» или же властителями дум поколения, эпохи или же декады. Они формировали и самих «властителей дум», их позиции и репутации. Они не имели какого-то одного формата, разной была и их «резонансность».

Так, дискуссия между «шишковистами» и «карамзинистами», протекавшая еще в первом десятилетии XIX в., была скорее лингвистической, хотя и из разряда вечно актуальных, по поводу соотношения живого разговорного языка, старых стилей выражений и иностранных заимствований. В отличие от своих предшественников, еще живших скорее светско-салонными интересами и частно-партикулярными «подводными течениями», новое беспрецедентное мировоззренческое объединение определило новый уровень интересов и обобщений: пути развития России и ее общественная будущность. Появились национально озабоченные интеллектуалы, по сути начавшие «конструировать» язык, литературу, искусство и новых людей.

В 1810–1820 гг. таковыми новыми дискуссиями были полемика вокруг творчества В.А. Жуковского по поводу романтизма, мистицизма, «русскости» или «народности»; и полемика вокруг «Горе от ума» А.С. Грибоедова – степени ее оригинальности (в сравнении с Мольером) и типичности ее героев, особенно Чацкого (Кулешов, 1972).

Смыслами этих дискуссий, как бы мы сказали сегодня, было «конструирование национальной идентичности», и идентичность эта имела явно выраженный эмансипационный формат. Эти дискуссии создали общезначимое тематическое поле для последующего, в 30–40 гг. XIX в., объединения интеллектуального внимания и формирования национально озабоченных литературы и философии, с ориентацией более не на западные стандарты, а на самобытное развитие.

И именно на этих, казалось бы, сугубо «литературоцентричных», страницах отмеченных изданий органично смотрелись и философские переводы В.Ф. Одоевского (отрывок из «Словаря истории философии», «Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия»), и естественнонаучные штудии проф. М.Г. Павлова (статья «О способах исследования природы») (История русской журналистики..., 1973).

Как раз «Мнемозина» и стала своего рода звеном, связавшим «отцов политического радикализма», «политических мудрецов», с университетскими интеллектуалами того времени (М.Г. Павлов и др.) и с кружками молодежи новой генерации, объединявшимися вокруг продвинутой профессуры.

В это же время в университетской среде мы можем наблюдать подобные же решительные изменения, имевшие важные долговременные следствия, уже в отношении сугубо философских интересов. Будущий общий категориальный строй, единая понятийная сетка мировосприятия, сделавшая возможным общность пространства интеллектуального внимания и западников, и славянофилов, сложились в результате принятия новых кумиров – классической немецкой

философии. Мы имеем задокументированное выражение перехода на позиции последней, принадлежащее молодому В.Ф. Одоевскому: «...До сих пор философа не могут представить себе иначе, как в образе французского говоруна XVIII века; много ли таких, которые могли бы измерить, сколько велико расстояние между истинною, небесною философиею – и философиею Вольтеров и Гельвециев?» (Песков, 1994: 94).

Обворожительная красавица, классическая немецкая философия, явилась первоначально в университетских аудиториях, позже, однако, и в светских салонах (увлечение Гегелем молодых Герцена, Бакунина, Белинского и др.).

Все же главные события происходили в университетах и в головах преподавателей (Бабаев, 1996). Вначале нужно было научить учителей, дабы потом изменились и ученики.

Ассорти из немецкой классики было предложено иностранными профессорами, решительно отличавшимися от первых немцев, обучавших наших недорослей во второй половине XVIII века. Те были ловцами денег и чинов, второстепенными местечковыми профессорами, эти же – неординарными людьми, страстными миссионерами нового мышления: И.Ф. Буле, П.Д. Лодий и И.Б. Шад. Они и сформировали умы своих талантливых учеников, будущих университетских преподавателей И.И. Давыдова, А.И. Галича, М.Г. Павлова и Д.М. Велланского, у которых учились затем ведущие западники и славянофилы (Панибратцев, 1999).

Главное все же сделали их ученики. Они сформировали мышление своих студентов по новейшим мыслительным методикам того времени, подготовив будущих «отцов-основателей» отечественной философской традиции. Меж тем они сами были лишь немногим старше своих учеников. Им было по 20–30 лет (кроме Д.М. Велланского), ярким, креативным личностям, оставившим после себя довольно приличное печатное наследие (Куценко, 2008).

Они создали поколение, стоявшее вровень со своими европейскими сверстниками, прививая умам своих великих учеников самую передовую на то время технологию критически-рефлексивного и системного мышления. Случилось это благодаря не только их педагогическим достоинствам, но и тем, что они полно усвоили формат шеллингианского мышления и передали его своим ученикам: широту, панорамность видения мира в сочетании с целостностью и органичностью его трактовки. И все это было сопряжено с эвристическим энтузиазмом и верой в безграничность и действенность новых путей познания вселенной.

Инициация приобщения к шеллингианству имела следующий вид: будущих славянофилов (С.П. Шевырева, М.П. Погодина, И.В. Киреевского и некоторые другие) готовил Д.М. Велланский. Западников (Н.В. Станкевича, А.И. Герцена, Т.Н. Грановского, В.Г. Белинского) сформировал М.Г. Павлов, а за литераторов А.С. Пушкина и В.К. Кюхельбекера отвечали В.Л. Давыдов и А.И. Галич (Лишаев, 2004).

Эти кружки молодых людей под наставничеством столь же молодой профессуры и подготовили легендарное поколение «идеалистов сороковых годов». Во главе их стали те «русские мальчики», романтики и «практические метафизики» (Н.В. Станкевич, Д.В. Веневитинов, А.И. Герцен и мн. др.), которыми всегда славилась Россия и которые затем всерьез на нее повлияли. Молодыми они зачастую и умирали (Н.В. Станкевич – 27, Д.В. Веневитинов – 22, Н.А. Добролюбов – 25, Д.И. Писарев – 28 и В.Г. Белинский – 37). Они очень напоминают сократиков, учивших совпадению учения и жизни, «чему учим, так и живем», отсюда: труд на грани самоистязания; игнорирование быта, комфорта и забот о здоровье; гамбургские счета себе и другим; целеустремленность и высочайшая самоорганизация. Их реальность подтверждена литературой, образами Базарова, Рахметова и др. – чем не философы нового жизненного стиля? (Григорьев, 1988).

Как могли появиться философские группы вне университетских стен? Правильно, если только уже имелись полузапрещенные или же запрещенные философы, которыми и были представители «небесной философии»: И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг и Л. Окен. Именно для чтения и разбора этих авторов и стала собираться в доме В.Ф. Одоевского молодежь в возрасте от 17 до 30, ставшая основой первого в России философского объединения «Общество любомудрия» (1823–1825).

Здесь мы могли бы встретить весьма известных впоследствии, тогда же еще совсем юных А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, А.И. Кошелева и мн. др. Председателем объединения был князь В.Ф. Одоевский, секретарем – Д.В. Веневитинов (Одоевский, 1975: 187). Все ведущие в будущем славянофилы входили в эту первую философскую структуризацию. Их отличали общая склонность к шеллингианству, явно выраженный тотализм мышления и органицистский настрой.

По-видимому, впервые именно в кружке любомудров родилась и получила первые воплощения мысль о необходимости конструирования самобытной русской идентичности и своей особой философии, в отличие от европейской. Д.В. Веневитинова считали бесспорным лидером кружка, и с его трагической смертью объединение прекратило свое существование (Русское общество..., 1991).

Такая же философская «кристаллизация», но более поздняя и долговременная (1831–1839), происходила в группе, лидером которой стал Н.В. Станкевич. Правда, его состав не имел столь монохромный, как у любомудров, идеологический состав (Зеньковский, 1991).

Вначале кружок был также шеллингианским, однако в нем разбирали и учения предшественников Ф.В. Шеллинга – И. Канта и И. Фихте. В кружке внимательно следили за всеми извивами развития немецкой философии, с 1835 г. их мыслями овладел Г.В.Ф. Гегель. Метафизика их была и впрямь «практической», т.к. они всерьез полагали взаимосплетенность «абсолюта» и повседневности. Метафизические и этические категории были не только универсальны, но и всепроницаемы, личные переживания и любовные драмы рассматривались только через их призму. Часами велись яростные споры о последних тайнах бытия. Ни вина, ни пирушек, столь органичных для студенчества, по воспоминаниям К.С. Аксакова, здесь не было, однако «на вечерах Станкевича выпивалось страшное количество чая и съедалось страшное количество хлеба» (Аксаков, 1911; 19, 28).

Был еще один кружок, состоявший в основном из студентов, и более политический (Герцен в воспоминаниях, 1956). Четких идей не было, обсуждали модные радикальные политические идеи о революции и конституции, читали запрещенные книги и ненавидели произвол и насилие (Герцен, 2007).

Даже сам А.И. Герцен относился к этому как скорее к романтико-подростковым приключениям. Лишь после серьезного знакомства с немецкими философами, уже Г. Гегелем и Л. Фейербахом, после дискуссии по их поводу с В.Г. Белинским он смог включиться в процесс самоорганизации интеллектуального сообщества, сумел стать лидером формирующейся «западной партии»: «между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, то есть к Хомякову и Киреевским. Белинский, Бакунин – к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский был нашим с самого приезда из Германии» (Гершензон, 2001: 181).

5. Заключение

Итак, можно резюмировать, что временный императорский либерализм (Александра I) привел к радикальным, далеко идущим последствиям: расширению мировоззренческого кругозора нового поколения дворянской молодежи и дворянскому революционизму, невиданному ранее религиозному свободомыслию, появлению относительно самостоятельного экономического источника существования для интеллектуалов в виде издательского рынка книг, журналов и газет. Как следствие возникает новая самостоятельная социально-организационная основа будущего интеллектуального сообщества – сеть тайных обществ, нетрадиционных религиозных образований и издательской инфраструктуры. Она сформировала своего рода первое гражданское негосударственное публичное пространство интеллектуального внимания (между «своими», «посвященными»). Формирующееся сообщество российских интеллектуалов складывалось в ходе непрерывного полемического общения в разнообразнейших своих точках: и в светских салонах, и на собраниях «вольных» литературных обществ, и в редакциях журналов, и на подпольных «съездах» полутайных обществ, и на лекциях университетской профессуры. В ходе первых «фокусных» дискуссий происходило, как бы мы сказали сегодня, «конструирование национальной идентичности», и она была эмансипационного формата.

Другое важнейшее событие – радикальная смена векторов философских интересов, увлечение «чистой небесной философией», бывшей в то время самой продвинутой мыслительной стратегией освоения и преобразования мира. В предпочтениях российских интеллектуалов произошел «немецкий поворот» и случился он на университетской почве: вначале усилиями энтузиастов профессоров-миссионеров из Германии. Затем молодые русские профессора философии обучили новым мыслительным методикам своих учеников, которые впоследствии и создали основы отечественной философии и идеологии.

Кружки 1820–1830 гг. («Общество любомудрия», кружки Станкевича, Герцена и Огарева) подготовили лидеров и главных спикеров судьбоносного для последующей истории России идеологического размежевания 1840-х гг. Значение этих кружков – формирование первых контуров последовавшей затем великой структуризации на славянофилов и западников, действенной и по наше время.

Литература

- Аксаков, 1911 – Аксаков К.С. Воспоминание студенства. 1832–1835. СПб., 1911. 43 с.
 Бабаев, 1996 – Бабаев Ю.В. Трудный путь философских исканий. К особенностям философского процесса в России в 20–40 гг. XIX в. Пенза. 1996. 159 с.
 Герцен в воспоминаниях, 1956 – Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. 447 с.
 Герцен, 2007 – Герцен А.И. Былое и думы. М., 2007. 635 с.
 Гершензон, 2001 – Гершензон М. Николай I и его эпоха. М., 2001. 228 с.
 Григорьев, 1988 – Григорьев А.Г. Воспоминания. М., 1988. 473 с.
 Живов, 2002 – Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 685–704.
 Зеньковский и др., 1991 – Зеньковский В.В., Кавелин К.Д., Лавров П.Л., Михайловский Н.К. // История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 151–184.

- Зеньковский, 1991** – *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. 221 с.
История русской журналистики..., 1973 – История русской журналистики XVIII–XIX вв. М., 1973. 518 с.
Ключевский, 2000 – *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В трех книгах. Кн. 3. Ростов-на-Дону, 2000. 606 с.
Коллинз, 2002 – *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск. 2002. 1280 с.
Кулешов, 1972 – *Кулешов В.И.* История русской критики XVIII–XIX веков. М., 1972. 526 с.
Куценко, 2008 – *Куценко Н.А.* Формирование профессиональной философской среды в Российской империи в первой половине XIX века // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 6. Сер. «Гуманитарные науки».* Калининград, 2008. С. 41–51.
Лишаев, 2004 – *Лишаев С.А.* История русской философии. Ч. I: С древнейших времен до середины XIX века. Самара. 2004. С. 151–214.
Лотман, 1994 – *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. 484 с.
Никольский, 2008 – *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных текстах XVIII – первой половины XIX столетий. М., 2008. 416 с.
Одоевский, 1975 – *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975. 319 с.
Панибратцев, 1999 – *Панибратцев А.В.* Взлет и падение И.Б. Шада, или о превратностях судьбы одного немецкого фихтеанца на русской службе // *История философии.* М., 1999. № 4. С. 106–124.
Песков, 1994 – *Песков А.М.* У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // *Вопросы философии.* 1994. № 5. С. 89–100.
Русское общество..., 1991 – Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I. Записки А.И. Кошелева. М., 1991. 237 с.

References

- Aksakov, 1911** – *Aksakov, K.S.* (1990). Vospominanie studentstva. 1832–1835 [Student memories. 1832–1835]. St. Petersburg. 43 p. [in Russian]
Babaev, 1996 – *Babaev, Yu.V.* (1996). Trudnyj put' filosofskih iskanij. K osobennostyam filosofskogo processa v Rossii v 20–40 gg. XIX v. [The hard way of philosophical quest. To the peculiarities of the philosophical process in Russia in 20–40 XIX century]. Penza. 159 p. [in Russian]
Gercen v vospominaniyah, 1956 – *Gercen v vospominaniyah sovremennikov* [Herzen in memoirs of contemporaries]. (1956). Moscow. 447 p. [in Russian]
Gercen, 2007 – *Gercen, A.I.* (2007). Byloe i dumy [Past and thoughts]. Moscow. 635 p. [in Russian]
Gershenson, 2001 – *Gershenson, M.* (2001). Nikolaj I i ego epoha [Nicholas I and his era]. Moscow. 228 p. [in Russian]
Grigor'ev, 1988 – *Grigor'ev, Ap.G.* (1988). Vospominaniya [Memories]. Moscow. 473 p. [in Russian]
Istoriya russkoj zhurnalistiki..., 1973 – *Istoriya russkoj zhurnalistiki XVIII–XIX vv.* (1973) [The history of Russian journalism of the XVIII–XIX centuries]. Moscow. 518 p. [in Russian]
Klyuchevskij, 2000 – *Klyuchevskij, V.O.* (2000). Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. V trekh knigah. Kn. 3. [Russian history. Full course of lectures. In three books. Book 3]. Rostov-on-Don. 606 p. [in Russian]
Kollinz, 2002 – *Kollinz, R.* (2002). Sociologiya filosofij. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya [Sociology of Philosophy. Global theory of intellectual change]. Novosibirsk. 1280 p. [in Russian]
Kucenko, 2008 – *Kucenko, N.A.* (2008). Formirovanie professional'noj filosofskoj sredy v Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka [The formation of a professional philosophical environment in the Russian Empire in the first half of the XIX century]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta.* Вып. 6. Сер. Гуманитар. науки. Калининград. Pp. 41–51. [in Russian]
Kuleshov, 1972 – *Kuleshov, V.I.* (1972). Istoriya russkoj kritiki XVIII–XIX vekov [History of Russian criticism of the 18th – 19th centuries]. Moscow. 526 p. [in Russian]
Lishaev, 2004 – *Lishaev, S.A.* (2004). Istoriya russkoj filosofii. Ch. I: S drevnejshih времен do serediny XIX veka. [History of Russian philosophy. Part I: From Ancient Times to the middle of the XIX century]. Samara. Pp. 151–214. [in Russian]
Lotman, 1994 – *Lotman, Yu. M.* (1994). Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century)]. St. Petersburg. 484 p. [in Russian]
Nikol'skij, 2008 – *Nikol'skij, S.A., Filimonov, V.P.* (2008). Russkoe mirovozzrenie. Smysly i cennosti rossijskoj zhizni v filosofskih i literaturnyh tekstah XVIII – pervoj poloviny stoletij XIX [Russian worldview. The meanings and values of Russian life in the philosophical and literary texts of the eighteenth and first half of the nineteenth centuries]. Moscow. 416 p. [in Russian]
Odoevskij, 1975 – *Odoevskij, V.F.* (1975). Russkie nochi [Russian nights]. L. 319 p. [in Russian]

Panibratcev, 1999 – *Panibratcev, A.V.* (1999). Vzlet i padenie I.B. Shada, ili o prevratnostyah sud'by odnogo nemeckogo fihteanca na russkoj sluzhbe [The rise and fall of I.B. Shad, or about the vicissitudes of the fate of a German Fichtean in Russian service]. *Istoriya filosofii*. Moscow. Pp. 106-124. [in Russian]

Peskov, 1994 – *Peskov, A.M.* (1994). U istokov russkogo filosofstvovaniya: shellingskies tainstva lyubomudrov [At the origins of Russian philosophizing: the Schelling mysteries of lyubomudrov]. *Voprosy filosofii*. 5: 89-100. [in Russian]

Russkoe obshchestvo..., 1991 – *Russkoe obshchestvo 40–50-h godov XIX v. Ch. I. Zapiski A.I. Kosheleva* (1991). [Russian society of the 40-50s of the XIX century Part I. Notes by A. I. Koshelev]. Moscow. 237 p. [in Russian]

Zen'kovskij, 1991 – *Zen'kovskij, V.V.* (1991). *Istoriya russkoj filosofii* [History of russian philosophy]. t.1, ch.1. L., 221 p. [in Russian]

Zen'kovskij i dr., 1991 – *Zen'kovskij, V.V., Kavelin, K.D., Lavrov, P.L., Mihajlovskij, N.K.* (1991). *Istoriya russkoj filosofii*. t. 1, ch. 2. L. Pp. 151-184. [in Russian]

Zhivov, 2002 – *Zhivov, V.M.* (2002). Marginal'naya kul'tura v Rossii i rozhdenie intelligencii [Marginal culture in Russia and the birth of the intelligentsia]. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury*. Moscow. Pp. 685-704. [in Russian]

Эпоха Александра I: первые философские кристаллизации – факторы складывания сообщества отечественных интеллектуалов

Владимир Иванович Красиков ^{a, *}, Дмитрий Анатольевич Григорьев ^a, Александр Дмитриевич Спириин ^a, Владимир Геннадьевич Чернякин ^a

^a Всероссийский государственный университет юстиции, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и формы складывания интеллектуального сообщества людей, склонных к философским рефлексиям и имеющих некое общее пространство интеллектуального внимания, в России начала XIX в.

В качестве материалов исследования использованы мемуарные свидетельства, задействованы концептуальные наработки философов, историков и культурологов. В работе применены элементы методологии «социологии философий» Р. Коллинза.

Появление общего пространства интеллектуального внимания было связано как с социально-политическими пертурбациями (главные из которых: ослабление централизации и контроля, девальвация прежних господствующих убеждений, появление относительно независимых в экономическом отношении групп), так и с духовными (импорт и освоение новых привлекательных идей, их обсуждение в резонансных или «фокусных» дискуссиях).

Формирующееся сообщество российских интеллектуалов складывалось в ходе непрерывного полемического общения в разнообразнейших своих точках: и в светских салонах, и на собраниях «вольных» литературных обществ, и в редакциях журналов, и на подпольных «съездах» полугайных обществ, и на лекциях университетской профессуры. В ходе первых «фокусных» дискуссий происходило, как бы мы сказали сегодня, «конструирование национальной идентичности», и она была эмансипационного формата.

На университетской почве произошел «немецкий поворот» в предпочтениях российских интеллектуалов, они глубоко прониклись новыми идеями и чувствами, стали мыслить в формате диалектики и тотального органицизма.

Кружки 20–30 гг. («Общество любомудрия», кружки Станкевича, Герцена и Огарева) сформировали великую генерацию «идеалистов сороковых годов». Именно они фундировали последовавшую затем великую структуризацию на славянофилов и западников, являющуюся значимой и по сей день.

Ключевые слова: социальные и духовные факторы, фокусные дискуссии, «немецкий поворот», философские кружки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: KrasVladIv@gmail.com (В.И. Красиков)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 610-619.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.610
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Diaspora Communities of the Don Cossack Region in the 19th century: the Experience of Systemic Characteristics

Andrey V. Bedrik ^a, Artyom Yu. Peretyatko ^{b, c, *}, Margarita V. Finko ^d,
 Olga I. Shafranova ^e

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^e North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The presented article is devoted to a comprehensive description of the Don diaspora communities of the 19th century, which functioned together in a single socio-economic, political and cultural space of the historical region. The team of authors analyzed the historiographic tradition that characterizes the synchronous development of the Don ethnic diasporas in the context of the systemic modernization of traditional social institutions. The comparative approach allows us to imagine the immanent features of regional ethnic communities that took shape during the previous era and were transformed under the specific influence of the imperial authorities and the Cossack environment. The source base includes both a variety of official and expert statistical data and unpublished documentary materials that reveal the features of regional administrative practices. The daily life of diaspora communities is considered in the general cultural context of a developing region that forms a new model of collective identity.

Keywords: region, Cossacks, Armenians, Greeks, Jews, diaspora, ethnos, society, governance.

1. Введение

Ситуацию, исторически сложившуюся в Северном Приазовье в XIX в., можно считать уникальной для Российской империи. На наш взгляд, она сама в значительной степени способствовала формированию и развитию диаспор в регионе, причем данная тема остается почти не исследованной историками.

Дело в том, что до 1887 г. этот регион был разделен между двумя крайне специфическими субъектами Российской империи. Диаспоры локализовались в городских поселениях, подчиненных Екатеринославской губернии (Ростов-на-Дону, Нахичевань-на-Дону, Таганрог, Азов). Однако эти поселения представляли собой анклав на территории Земли (с 1870 г. области) Войска Донского. Местные власти неоднократно жаловались на нетерпимость такого положения. В 1866 г. таганрогский градоначальник И.А. Шестаков сообщил Александру II о том, что именно удаленность от основной, неказачьей части Российской империи мешает окончательной русификации края: «Недостаток сношений с коренною Россией виною того, что город до сего времени не сделался русским на самом деле, будучи уже почти сто лет русским по воле монархов и счастливому ходу нашего исторического развития. Несмотря на вековое соединение с Россией, несмотря на то, что все окрестные места, поступившая с ним единовременно под скипетр предков Вашего Величества, давно

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko), abedrik@bk.ru (A.V. Bedrik), mvfinko@mail.ru (M.V. Finko), shafranova@yandex.ru (O.I. Shafranova)

утратили прежний характер, Таганрог остался иностранным городом, хотя огромное большинство его жителей – русские» (Филевский, 1898: 200).

Разбирая вопрос более подробно и обратившись к истории приазовских городов, мы можем увидеть, что отношения их властей друг с другом и с вышестоящим начальством были очень неоднозначными. Например, в 1812 г. градоначальник Таганрога П.А. Папков, которому подчинялась так же Керчь, без чьего-либо разрешения, опасаясь распространения эпидемии чумы, закрыл кораблям доступ в Азовское море (Филевский, 1898: 189). В 1833 г., во время спора приазовских городов с Донским Войском из-за их границы, екатеринославские власти требовали от подчиненных им ростовских выслать чиновника для размежевания, но последние не торопились выполнять распоряжений начальства (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 23а, 25). Сенатор М.Н. Жемчужников, в 1843–1844 гг. производивший ревизию Таганрогского градоначальства обнаружил, что чиновники градоначальства не имеют достаточных сведений о положении дел в подчиненном им Нахичеванском округе (Батиев, 2020а: 16). Как мы видим, местные чиновники часто проявляли самовластие и халатность, вышестоящих властей они не боялись, а собственные обязанности выполняли спустя рукава, и поэтому в итоге степень контроля ими жителей была значительно ниже, чем обычно в Российской империи. Например, в Ростове-на-Дону фактически не мешали незаконному переселению в город новых лиц. Дореволюционный краевед Г.Х. Чалхушьян описывал соответствующие процессы так: «Бродяги и проходимцы, известные, впрочем, более по источникам под названием «разного звания люди», самовольно, без спроса селились внизу крепости Св. Дмитрия и никому не платили налогов и податей, мало того, представляли сомнительный и ненадежный для города элемент. Указы Екатеринославского губернского правления и угрозы Городского управления вовсе не пугали этих непрошенных соседей» (Чалхушьян, 1999). Впрочем, И.А. Шестаков связывал подобное положение дел не только с нерадением и коррупцией чиновников, но и с их бессилием в удалении от губернатора: «Главное препятствие к полезному действию власти кроется в административной чрезполосности здешнего края, и вследствие ее здесь сложились грустные понятия о долге гражданина. Обязанные блюсти за исполнением требований закона, предположив даже усердие, способность и бескорыстие, не могут выполнить долга, как того требуют Ваши (императора Александра II – Авт.) благие предначертания. Злу и самоволию нельзя поставить необходимых преград и препятствий, край ждет внимания к его нуждам» (Филевский, 1898: 200).

Вокруг приазовских городов лежали казачьи земли. Они также способствовали процветанию диаспор в Приазовье. Еще в 1884 г. секретарь Донского статистического комитета С.Ф. Номикосов писал: «Таганрогский или мариупольский грек играет роль всевластного повелителя, и по-прежнему обыватель донской земли вынужден подчас продавать свой хлеб ниже цены производства» (Номикосов, 1884). Еще за 20 лет до этого другой исследователь, Н.И. Краснов, жаловался, что не только простые казаки, но даже помещики находятся в полной зависимости от таганрогских купеческих контор: последние позволяли себе в одностороннем порядке значительно опускать цены ниже рыночных, однако выбора, кроме как продавать им хлеб, у жителей донских станиц часто не было (Краснов, 1863: 261). Причины подобной зависимости достаточно очевидны: до 1870 гг. казаки поголовно служили много лет и риск выхода на службу мешал их торговым предприятиям. На эту тему хорошо писал классик донской историографии В.Д. Сухоруков: «Военное состояние казаков препятствует распространению их торговых оборотов: ибо при достижении очереди на службу торгующий казак должен необходимо оставить все свои коммерческие занятия или передать их в ненадежные руки; в том или другом случае следуют более или менее расстройств» (Сухоруков, 1891: 225-226). Хотя еще М.И. Платовым было создано общество торговых казаков, освобожденных от службы, на практике их число было недостаточно, да и географически они концентрировались преимущественно в Новочеркасске и Черкасском округе, что не оставляло выбора казакам большинства округов, кроме как продавать свой хлеб сторонним торговцам (так, в начале 1860 гг. в ближайшем к Таганрогу Миусском округе было всего 19 торговых казаков, в Донецком – 5, а в Хоперском вообще 4) (Краснов, 1863: 233). Таким образом, именно представители диаспор часто выступали перекупщиками хлеба, который казаки выращивали, но не могли продать. О роли греков в этом процессе писал С.Ф. Номикосов. Но войсковые власти куда больше боялись скупщиков-евреев. По данным начальника атаманской канцелярии П.С. Балужева, на 1894 г. евреи владели в приазовских городах 29 торгующими хлебом предприятиями с оборотом в 3 130 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 1). Начальник канцелярии утверждал, будто бы евреи отрицательно влияют на благосостояние казаков, однако тут же оговаривал, что они, по крайней мере, «являются сильными конкурентами другой, не менее коммерческой нации – армянской, которая без них имела бы еще большее влияние на торговую и промышленную деятельность населения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5).

К этому нужно добавить еще один важный фактор. Дело в том, что казачьи территории в течение долгого времени не только служили своеобразной ресурсной базой для приазовских диаспор, но и способствовали крайне компактному проживанию представителей последних. С 1835 г. по 1868 г. законодательство Российской империи официально запрещало не-казакам приобретать и владеть недвижимостью в Донском войске (Столетие военного..., 1911: 88). В этих условиях просто не было возможности для какого-либо массового перемещения представителей национальных меньшинств по

территории Приазовья, и их представители, если желали оставаться в данном регионе, были вынуждены проживать только в крупных городах и прилежащих к ним селах. Наконец, казачьи земли еще и помешали массовому переселению в Приазовье жителей центральных и малороссийских губерний в конце XVIII в., когда происходила колонизация этих мест. «Казачи задерживали обильное переселение к Азовскому морю из Средней России, останавливая переселенцев и поселяя их около своих зимовников; вследствие этого берега Азовского моря были предоставлены главным образом иностранцам, которые обособились, и потом уже русскому элементу трудно было установить здесь свое торговое значение, которое, естественно, развилось бы, если бы русские одновременно с греками начали свою деятельность», – писал на этот счет известный дореволюционный исследователь Таганрога П.П. Филевский (Филевский, 1898: 101).

Итак, представители диаспор в Приазовье в первой половине XIX в. оказались в крайне выгодных условиях. Местная администрация не могла в полной мере установить над ними контроль; вокруг лежали обширные и богатые территории, население которых не могло конкурировать с представителями диаспор в торговых делах и поставляло им товары для перепродажи; наконец, российские предприниматели начали осваивать регион позже греков и армян, что ставило их в менее выгодные условия. «Будучи первыми поселенцами благодатного края, они (греки и армяне – Авт.) по силе вещей опередили русских в благосостоянии. Материальные выгоды достаются исключительно на долю этого племени и впредь будут его достоянием, если местность останется в настоящих административных условиях. Всякий пришелец находит усердных покровителей в своих соотчичах и немедленно получает значение в обществе, где нет русского элемента, уравновешивающего влияние иноземного», – жаловался на этот счет И.А. Шестаков (Филевский, 1898: 201). И такое положение дел продолжалось почти столетие, с переселения в Приазовье армян и греков в конце XVIII в. до присоединения приазовских городов к области Войска Донского в 1887 г.

С этого момента ситуация в регионе изменилась кардинальным образом. Теперь вышестоящее начальство было не в далеком Екатеринославле, а в соседнем Новочеркасске. При этом многие донские атаманы не отличались терпимостью к национальным меньшинствам. Дальше всех в этом отношении зашел генерал Ф.Ф. Таубе, в 1909 г. на созванном им из представителей станиц Войсковом совещательном собрании прямо заявивший: «Мой девиз единственный и простой – Дон для донцов и ни для кого больше!» (Корниенко, 2013: 81). При его предшественнике, Н.И. Святополк-Мирском, при котором приазовские города были присоединены к области Войска Донского, войсковые власти вообще предприняли попытку постепенно вытеснить из них еврейскую диаспору. Предполагалось, что после принятия ряда ограничительных мер число евреев постепенно начнет сокращаться (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 206-3). Однако на практике войсковые власти оказались совершенно не способны бороться с богатыми и влиятельными диаспорами. Так, к 1898 г. число еврейских предприятий, торгующих хлебом, возросло до 39, а их обороты – до 8 739 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 206.). Войсковые власти ссылались на то, что представители диаспор не только обходят принятые против них законы, но и используют их в своих целях: например, евреи прекрасно знали, что закон разрешал остаться в пределах области Войска Донского тем из них, кто до 1887 г. имел жительство на присоединенных территориях, и доказывали, что могут остаться не только владельцы недвижимости, но вообще все проживавшие в приазовских городах (причем доказательством этого порой служило личное заявление) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5-506.). На практике проверять законность проживания каждого еврея оказалось затруднительно, к тому же многие дела требовали внимания войсковых властей или даже Главного управления казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 506.). В итоге подобные попытки борьбы с влиянием диаспор со стороны донских атаманов закономерно оказались малоуспешны.

Нам остается констатировать, что важнейшей причиной устойчивости исторических донских диаспор, армянской, греческой и еврейской, в XIX в. был внешний по отношению к ним фактор, территориально-административная ситуация в Приазовье. Если в других регионах Российской империи диаспоры зависели от местных чиновников, обычно благожелательных к русскому населению, то здесь долго наблюдалась совершенно иная картина. По мнению И.А. Шестакова, например, само Таганрогское градоначальство с какого-то момента стало инструментом влияния греческого меньшинства: «Оно (градоначальство – Авт.) слишком долго обнимало исключительно Таганрог, Мариуполь и Нахичевань, предоставленный иноземным выходцам, и места эти, не будучи подчинены общим учреждениям империи, до сих пор сохранили свою особенность. <...> Местные чиновники при содержании, которому нет подобного по скудости, совершенно в руках магнатов-греков. Между ними существует солидарность, основанная на связи, рушимой не иначе как временем и случайностями – на участии в делах, не выносящих света» (Филевский, 1898: 200-201). Лучшей ситуации для формирования исторически устойчивых диаспор в Российской империи сложно представить! А когда ситуация поменялась, диаспоры пустили глубокие корни. Разберем же подробнее особенности бытования в Приазовье трех крупнейших диаспор XIX в.: греческой, армянской и еврейской.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база представленного исследования формировалась на основе двух групп исторических свидетельств, характеризующих различные аспекты длительного генезиса донских диаспорных сообществ. Системная реконструкция административных условий, связанных с последовательной консолидацией этнических общин, осуществлялась на основе документальных материалов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147), Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Ч. 1. Д. 1252; Ф. 46. Оп. 1. Д. 484) и отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38). Вторую источниковую группу составили многообразные статистические данные, полученные в рамках системного анализа профильные фрагменты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Военно-статистического обозрения Российской империи, обобщающего сборника, посвященного столетию Военного министерства, фундаментальных трудов Н.И. Краснова, С.Ф. Номикосова, В. Павловича и В.Д. Сухорукова.

2.2. В методологическом измерении особое внимание было уделено содержательной верификации статистических данных, реконструированных из дифференцированных исторических источников. В контексте указанного обстоятельства главным эпистемологическим инструментом являлся сравнительный метод, позволяющий использовать эмпирический материал, полученный из отдельных источниковых групп. Вводимые в научный оборот архивные документы подвергались текстологическому изучению, направленному на последовательное выявление максимального объема исторических фактов, характеризующих избранную проблему. В отдельных случаях использовались специальные методы, связанные с ретроспективным анализом внутреннего генезиса диаспорных сообществ, активно разрабатываемые в отечественной и зарубежной социологии (Пешкова, 2016: 18-32). Кроме того, отдельные сюжеты и образы реконструировались в микроисторическом ракурсе, предполагающем особую интеграцию частных фактов в рамках последовательного формирования обобщенного представления об исследуемом явлении.

3. Обсуждение

Диаспорный ракурс неизменно присутствует в исследовательской практике, посвященной донской истории. Системное описание социально-экономического, политического и культурного развития Дона в XIX столетии не представляется возможным без реального вклада, связанного с хозяйственной и общественной деятельностью этнических общин. Однако целенаправленное изучение донских диаспор является приоритетной задачей для узкого круга профильных исследований, создаваемых региональными учеными и краеведами. В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляют обобщающие труды Г.Х. Чалхушьяна и П.П. Филевского, освещающие динамичную историю крупных городских центров – Ростова-на-Дону и Таганрога – в рассматриваемый период (Чалхушьян, 1999; Филевский, 1898). Неоднозначное отношение донского казачества к этническим общинам получило адекватную характеристику в фундаментальной работе Б.С. Корниенко, посвященной генетической трансформации националистических стереотипов поведенческой практики и массового сознания регионального сообщества (Корниенко, 2013). Отдельного внимания заслуживает интегрированная история еврейской общины Дона, представленная М.А. Гонтмахером (Гонтмахер, 2007). В масштабном обзоре получили адекватное отражение предпринимательские проекты, сложная система социального взаимодействия и культурная жизнь донских евреев, игравших важную латентную роль в системном развитии рассматриваемого региона. Применительно к армянской общине следует выделить известные труды С.С. Казарова и Л.В. Батиева, характеризующие различные аспекты диаспорного самоуправления в фиксированных границах региональных административных практик (Batiev, Kazarov, 2018).

4. Результаты

Греки и армяне

Между формами функционирования еврейской и армянской диаспор в Приазовье в XIX в. было много общего. Обе эти диаспоры в существовавшем на тот момент виде возникли в конце прошлого, XVIII в., и сразу получили «свои» города. Для греков таким городом стал Таганрог. Как писал П.П. Филевский, в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 г. Российская империя завоевала абсолютно пустой город; в него затем «из Керчи стали переселяться греки и албанцы, за первыми переселениями которых скоро стали следовать новые» (Филевский, 1898: 92). Екатерина II поддерживала переселение греков в Россию: для них в Таганроге создавались благоприятные условия, с 1784 г. по 1836 г. в городе даже официально действовал особый греческий магистрат, представлявший греков перед российскими властями и разрешавший споры внутри диаспоры по «законам греческих царей» (Филевский, 1898: 110-111). В то же время переселение было непростым и во многом вынужденным: многие из первой волны переселенцев участвовали в действиях против турок с российской эскадрой, и оставаться на родине для них было небезопасно (Филевский, 1898: 93). Интересно, что, согласно П.П. Филевскому, последовавшая в результате политики Екатерины II

греческая колонизация Мариуполя, Керчи и Таганрога была крайне неоднородной: в первый из этих городов переселялись крымские греки, частично утратившие национальную идентичность, во второй – бедняки из Греции, а Таганрог предпочитали военные и богачи, рассчитывавшие начать там торговлю (Филевский, 1898: 107).

Для начавших переселение в 1778 г. из еще татарского Крыма армян «своим» городом стала Нахичивань-на-Дону. Это переселение также проводилось в рамках переселенческой политики Екатерины II, и особый армянский магистрат был учрежден еще раньше греческого в Таганроге, в 1780 г. (Batiev, Kazarov, 2018: 519). Подобно греческому, в своей деятельности он руководствовался не российским правом, а Армянским (Астраханским) судебником (кстати, о положении дел в Приазовье красноречиво свидетельствует то, что в 1843–1844 гг. сенатор М.Н. Жемчужников обнаружил: екатеринославские чиновники с судебником не знакомы и его перевода на русский не сделано) (Батиев, 2020: 17). А вот просуществовал армянский магистрат дольше, до 1866 г., причем его армянская специфика сохранялась до конца: гражданские и торговые дела так и разрешались с помощью Армянского судебного (Batiev, Kazarov, 2018: 523-525).

Таким образом, появление в Приазовье значительных греческой и армянской диаспор было почти одновременным и очень схожим. С одной стороны, переселение греков и армян на донскую землю носило во многом вынужденный характер, и они спасались от притеснений мусульман. С другой стороны, это переселение было спланировано государством, представляло собой часть политики Екатерины II, и переселенцам сразу даровались не только разнообразные льготы, но и широкое самоуправление, вплоть до права разрешать внутренние дела общины по своим законам. С учетом описанной выше региональной специфики (греки и армяне переселялись первыми на земли, где было мало русских; от остальной России эти территории были отделены землями Донского Войска; наконец, местные чиновники быстро попали в зависимость от влиятельных переселенцев) совершенно не удивительно, что в итоге начали формироваться устойчивые диаспоры.

На данный факт было обращено внимание, например, в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», вышедшем в середине XIX в. Дело в том, что колонизация Екатеринославской губернии некогда происходила с участием не только греческих и армянских, но и многих других переселенцев (сербов, валахов, поляков, молдаван и пр.). И в томе обозрения, посвященном Екатеринославской губернии, сообщалось: «Большая часть иностранных выходцев, обитающих в Екатеринославской губернии, хотя и придерживаются еще некоторых национальных своих привычек и языка, но время от времени принимают нравы и обычаи малороссиян, составляющих здесь главное население. Так, молдаване, волохи и сербы, временем, посредством родственных связей, совершенно слились с господствующим народонаселением, отличие между ними видно только в одежде и несколько в домашнем быту» (Военно-статистическое обозрение..., 1850: 96). Исключение, по мнению составителя тома штабс-капитана Драчевского, составляли как раз греки и армяне: «Особенная разность нравов встречается в греках и армянах: народы эти, несмотря на столь давнее переселение их из Крыма, нисколько не оставили еще азиатских нравов, заимствованных ими вместе с языком от татар, и потому до сих пор остаются в грубом невежественном состоянии» (Военно-статистическое обозрение..., 1850: 97). Собственно, подобный пассаж в официальном издании свидетельствует, что к этому времени российские власти в принципе желали хотя бы частично ассимилировать греческую и армянскую диаспоры Приазовья, но мало продвинулись в этом отношении.

А в 1862 г. в томе «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» были приведены подробные числовые данные по различным категориям жителей таганрогского градоначальства за 1857 г. Всего в Таганрогском градоначальстве (включая Мариуполь) проживало 94 288 человек, из них 31 718 греческих и 5 708 армянских поселян (Павлович, 1862: 126). Здесь речь идет только о крестьянах определенной национальности, а в действительности армян и греков было больше: в Российской империи общие статистические сведения по национальности не фиксировались, и, например, в число 1 708 купцов Таганрогского градоначальства входили и армяне, и греки, среди 171 армяно-григорианского священника большинство, наверняка, составляли армяне, а сколько было греков среди 658 представителей православного духовенства – можно только гадать (Павлович, 1862: 125-126). После таблицы также сообщалось, что в ней не приведены сведения по мещанам, среди которых много греков, и на самом деле в градоначальстве «число греков составляет перевес даже против малороссиян и великороссиян» (оговоримся, впрочем, что, как мы покажем ниже, в самом Таганроге греки составляли меньшинство) (Павлович, 1862: 126). Таким образом, вплоть до середины XIX в. ассимиляция греческой и армянской диаспор в Приазовье была затруднена еще и потому, что на локальной территории Таганрогского градоначальства их представители все еще составляли большинство, а русские были в меньшинстве. Притоку же переселенцев мешало отсутствие прямого сообщения с центральными губерниями: отделяющая Приазовье от основной России Земля Войска Донского, как мы помним, сама стала официально закрыта для поселенцев, которым запрещалось приобретать недвижимость на ее территории.

Только в 1850 г. имперские власти наконец начали последовательно упразднять административные органы Приазовья, оказавшиеся под контролем представителей диаспор. Так, с 1854 г. неоднократно поднимался вопрос о том, что управление Нахичевани-на-Дону не только ведется по армянским законам, но и осуществляется армянским магистратом, в котором вовсе не представлены русские жители города (впрочем, в полной мере этническое армянское самоуправление было ликвидировано только к 1870 г.) (Батиев, 2020: 163-173). В 1859 г. из ведения Таганрогского градоначальства были выведены все территории, кроме собственно Таганрога и его окрестностей, что, естественно, значительно сократило влияние данного органа (Филевский, 1898: 199). Наконец, уже упоминавшийся нами И.А. Шестаков в 1866 г. выступил с уже неоднократно озвучивавшейся идеей о создании полноценной губернии с центром в Таганроге, с присоединением к ней близлежащих территорий с русским и украинским населением, рассчитывая с ее помощью ассимилировать диаспоры: «Учреждение губернии или иная мера, не избавляющая местность от исключительного влияния иноземного племени, притянет в город на жительство русский элемент, способный бороться с греческим; вместе с тем предоставится случай привлечь сюда чиновников, чуждых местной обстановке» (Филевский, 1898: 201-202). Современный исследователь армянской общины на Дону Л.В. Батиев характеризует вторую половину XIX в. как время «потери административного ресурса» нахичеванскими армянами (Батиев, Суций, 2020: 80). Как мы видим, в случае с греками можно говорить о схожем процессе, вызванном изменением политики Российской империи.

Одновременно происходило и общее изменение ситуации в регионе, связанное с открытием казачьих войск для приобретения недвижимости на их территории и строительством железных дорог. Один из чиновников так описывал последовавшие за этим процессы на территории Кубанского казачьего войска: «Путь к переселению указал не столько закон, сколько железная дорога, открытая для движения в 1870 гг. Стесненный малоземельем русский мужик, ища заработка по дальним окраинам империи, пришел на Кубань, и здесь нашел, вполне для себя неожиданно, обетованный край. <...> Слух об этом прошел по губерниям России, и следом за первыми пришельцами на Кубань двинулись массы народа» (РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147. Л. 8-8об.). Аналогичные процессы имели место и в Донском, и в Терском казачьих войсках. В абсолютных величинах с 1861 по 1880 гг. число иногородних на Дону выросло с 9 630 человек до 154 438 человек (подчеркнем, что эти данные относятся к историческим территориям Войска Донского, без приазовских городов, приток населения в которые, по сравнению с сельской местностью, возможно, был еще выше) (Номикосов, 1884: 264-265).

Для греческой диаспоры, уже к середине XIX в. оказавшейся в меньшинстве в самом Таганроге, почти не затронутом притоком населения, более значимой, очевидно, стала потеря влияния Таганрогским градоначальством, на территории которого они составляли большинство и на которое они сильно влияли. Так, согласно «Материалам для географии и статистики России, собранным офицерами Генерального штаба», в начале 1860 г. в Таганроге жило 21 279 человек, из которых греки составляли около 3 000 человек (Павлович, 1862: 335-336). По данным же Первой всероссийской переписи населения 1897 г. в Таганроге осталось всего 1 006 грекоязычных людей, при том, что население города возросло только до 26 260 человек (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). А вот по положению армян, напротив, сильно ударил приток населения. В Нахичевани-на-Дону, согласно тем же «Материалам», в начале 1860 гг. армяне составляли абсолютное большинство из 14 507 жителей (точно подсчитать сложно, поскольку далее шли конкретные сведения по городу с окрестными селами, но общая численность не армян даже с этими селами не превышала 3 000 человек) (Павлович, 1862: 341). К 1897 г. в Нахичевани-на-Дону осталось 8 277 армяноязычных из 28 427 горожан (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). Таким образом, таганрогские греки стали составлять меньшинство просто благодаря пересмотру региональных границ, когда их территорию отделили от греков мариупольских; нахичеванские же армяне стали меньшинством из-за притока русских поселенцев.

Итак, армянская и греческая диаспоры Приазовья представляют совершенно особый феномен. Несмотря на тяжелое и проблемное переселение на русскую землю, на ее территории они долго пользовались не просто благорасположением властей, но контролировали эти власти: армяне до 1860 гг. сохранили право выбирать нахичеванский городской магистрат, разрешавший многие дела по армянским законам, а греки имели свой особый, хотя и менее влиятельный, таганрогский магистрат до 1830 гг., да и после его роспуска таганрогское градоначальство зависело от греческих «магнатов». Более того, российское правительство нарезало границы так, что армяне в Нахичевани-на-Дону, а греки в Таганрогском градоначальстве составляли большинство до 1850 гг. Фактически российские власти дали греческой и армянской диаспорам более полувека особого статуса, когда на «своих» территориях представители данных диаспор были влиятельнее и, с оговорками, многочисленнее русского населения. Если добавить к этому еще 30 лет административной чересполосицы, когда правительство уже пыталось запустить процесс ассимиляции диаспор, но территория их проживания оставалась в составе Екатеринославской губернии, не способной наладить эффективный контроль над связанными с диаспорами местными чиновниками, станет

окончательно понятно, почему грекам и армянам удалось пустить настолько глубокие корни на донской земле.

Евреи

Совершенно иную специфику имела донская еврейская диаспора. Она сложилась самостоятельно, без участия властей и какого-либо значимого начального переселения. На начало XIX в. о сколько-либо значительной еврейской общине в Приазовье не шло и речи: в Ростовском уезде, где позднее евреев было больше всего, их проживало всего 10 человек (Гонтмахер, 2007: 15). Однако Екатеринославская губерния входила в черту оседлости, и евреи на ее территории были достаточно многочисленны (Военно-статистическое обозрение..., 1850: 96). И было бы странно, если бы евреи не воспользовались теми выгодными условиями, которые создавали в Приазовье слабость государственной власти и отсутствие торговой конкуренции в казачьих землях.

Лучше всего к настоящему времени изучено появление евреев в Таганроге. Современный краевед М.А. Гонтмахер утверждает, что в принципе евреи жили там уже в 1800 гг., однако речь шла только об отдельных семьях, а затем приводит слова уже известного читателю П.П. Филевского: «Массовое появление евреев в Таганроге началось в 40-х годах (XIX в. – Авт.). Это были преимущественно ремесленники, многие кантонисты. За ними потянулась беднота с западных районов, которые занимались тем, что с корзиной в руках ходили по дворам и предлагали сапожную ваксу, сернички (спички), папиросную бумагу, продававшуюся маленькими книжечками с обложкой из красивой цветной или золотой бумаги, преимущественно для детей, чтобы те сказали маме и папе, что у них есть товар» (Гонтмахер, 2007: 17). Хотя П.П. Филевский и утверждал, что антагонизма между наиболее влиятельной в городе греческой диаспорой и евреями не было, переселение евреев в Таганрог было ограниченным по масштабу (Гонтмахер, 2007: 17). В начале 1860-х гг. на 21 279 жителей города приходилось всего 363 еврея, что было немногим больше, чем, например, итальянцев (их было 200) (Павлович, 1862: 336).

Сейчас трудно однозначно сказать, почему евреи предпочитали переселяться в Ростов-на-Дону. На наш взгляд, это могло быть связано с тем, что в этом городе не существовало таких влиятельных диаспор, как в Таганроге и Нахичевани-на-Дону. Как мы помним, П.С. Балуев определял евреев и армян как конкурирующие торговые нации. Вполне возможно, что в Ростове-на-Дону еврейские переселенцы просто имели больше возможностей для торговли, поскольку им не нужно было конкурировать с греками или армянами. В любом случае, к 1857 г. на 12 701 житель Ростова-на-Дону приходилось 2 252 человека иудейского вероисповедания (Павлович, 1862: 321). По косвенным данным мы можем предположить, что серьезная еврейская община появилась в городе чуть раньше, чем в Таганроге, – в 1830 гг.: с 1836 г. местные власти ввели специальный коробочный сбор с евреев, причем уже за первые пять лет он удвоился (Чалхушьян, 1999).

К середине XIX в. еврейская диаспора в Ростове-на-Дону была не только значительна по численности, но и получила определенное влияние на городские власти. Так, в 1862 г. в местный комитет по выработке нового городского положения вошло 6 евреев (Гонтмахер, 2007: 20)! При этом, если греки и армяне изначально получили влияние на Таганрогское градоначальство и нахичеванский магистрат, соответственно, благодаря политике российских властей, то евреи, напротив, сперва действовали в неблагоприятных для них условиях, а влияние на местных чиновников приобрели вопреки воле вышестоящего начальства. Не имели они и территориального образования, на котором составляли бы большинство. Поэтому совершенно не удивительно, что для них изменения 1850–1860 гг. оказались даже где-то выгодны: фактически имперские власти ослабили их конкурентов, греков и армян, лишив их прежних исключительных привилегий.

Так, во второй половине XIX в. евреи вытесняют греков с позиции самой многочисленной общины в Таганроге. К 1897 их в городе было уже 2 685 против, как мы помним, 1 006 греков (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). Иными словами, за 1860–1897 гг. греческая община в этом городе втрое сократилась, а еврейская возросла почти в десять раз! Резко возросло число евреев и в Нахичевани-на-Дону: с 26 (Павлович, 1862: 341) до 455 (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). Армянская община города же, как мы помним, особенно не росла: к 1860 гг. она насчитывала около 10 000 человек, а к 1897 г. – 8 277 человек. На наш взгляд, дело было не только в том, что еврейская община была лучше адаптирована к выживанию без поддержки сверху. Тот самый поток переселенцев из российских губерний, который уменьшал долю греков и армян в Приазовье, нес с собой евреев, причем на законных основаниях. Например, мы обнаружили сведения о Я.М. Каце, в 1870 гг. переехавшем в Ростов-на-Дону из города Маяк Херсонской губернии (ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Ч. 1. Д. 1252. Л. 328-329об.).

Наконец, в пользу еврейской диаспоры работало и то, что центром ее влияния был быстро растущий в это время Ростов-на-Дону. Так, уже в 1866 г. новороссийский генерал-губернатор П.Е. Коцебу, поддержав предложение создать новую губернию в Приазовье, в то же время указывал, что ее центром по своему значению должен стать Ростов-на-Дону, а не Таганрог (Филевский, 1898: 199-200). Между тем влияние еврейской диаспоры на городские власти оставалось значительным как минимум до присоединения городских поселений Приазовья к области Войска Донского. Так, как раз в 1887 г., когда решение о присоединении было уже принято, городская дума напрямую обратилась к

Александр III, ходатайствуя о сохранении для Ростова-на-Дону действующих законоположений. Помимо прочего, члены думы заявляли следующее: «Выселение из Ростова 10 000 евреев, которым жительство в Области Войска Донского не допускается, имело бы весьма грустные следствия как для города, так и для его обитателей. Торговля и промышленность не делают различия между национальностями, а дают дело каждому, кто хочет трудиться на пользу общую» (Гонтмахер, 2007: 54). Как мы видели выше, евреям, на 1887 г. проживавшим в Приазовье, было разрешено остаться, а попытки постепенно выдавить их из области Войска Донского потерпели неудачу. К 1897 г. в Ростове-на-Дону проживало уже 11 183 еврея, т.е. по сравнению с началом 1860 гг. их число выросло в пять раз (правда, их доля в населении города, достигшем 119 476 человек, заметно сократилась) (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81).

5. Заключение

В заключение отметим, что, когда греческая, армянская и еврейская диаспоры стали не имеющими прежней поддержки сверху меньшинствами на территории области Войска Донского, их положение стало гораздо более опасным. В 1909 г. официальный орган войсковых властей, «Донские областные ведомости», перепечатали статью, в которой задавался следующий риторический вопрос: «Что же тут справедливого: землю добывали казаки, а в хозяева ее теперь подбираются евреи, поляки, хохлы, греки, армяне и всякий сброд?» (Корниенко, 2013: 94). Характерно, что представители греческой и армянской диаспор, которых некогда привлекали в Приазовье особыми привилегиями, теперь были поставлены в один ряд с евреями как нежелательные элементы. Нам представляется, что в иных условиях в регионе могли произойти не еврейские, а армянские или греческие погромы, просто еврейская диаспора к моменту их начала была наиболее влиятельна. Когда в 1883 г. в Ростове-на-Дону произошел первый еврейский погром, местная пресса признавала, что «возбуждение против евреев сильное» (Гонтмахер, 2007: 50). Однако еврейская диаспора, справившаяся с противодействием войсковых властей, тем более оказалась способна выстоять против погромов.

И остается констатировать, что при всех различиях три наиболее устойчивые исторические диаспоры Ростовской области – греки, армяне и евреи – сформировались примерно одновременно и в схожих условиях, с чем логично связать их высокую выживаемость. Важнейшие особенности этих условий можно свести к следующему:

1) формирование диаспор происходило в конце XVIII – первой половине XIX вв. на территории Приазовья, подчиненной Екатеринославской губернии, где власть чиновников была достаточно слаба и они не имели возможности целенаправленно ассимилировать эти диаспоры;

2) каждая диаспора преимущественно локализовалась в одном городе, на администрацию которого она имела значительное влияние (греки – в Таганроге, армяне – в Нахичивани-на-Дону, евреи – в Ростове-на-Дону);

3) диаспоры не конкурировали напрямую с местным казачьим населением, но находились с ним в своеобразном симбиозе: представители диаспор выступали торговцами, а казаки (и позднее крестьяне) – земледельцами. Русские же купцы появились в регионе позже армян и греков, получивших, таким образом, временную фору;

4) Наконец, Земля Войска Донского долго служила своеобразным щитом, прикрывавшим Приазовье от массового переселения туда русских (например, изначально казаки селили переселенцев на своих землях). В итоге до середины XIX в. греки составляли большинство в таганрогском градоначальстве, армяне – в Нахичивани-на-Дону, а доля евреев в Ростове-на-Дону достигала 20 %.

Поэтому к 1850-м гг., когда власти начали унифицировать законодательство приазовских городов с общероссийским, рассчитывая начать, наконец, их ассимиляцию, у греческой, армянской и еврейской диаспор сложились устойчивые ядра из нескольких тысяч компактно проживающих представителей, в числе которых были влиятельные люди в регионе. А к 1880-м гг., когда Приазовье, наконец, подчинили сильной и консервативной администрации области Войска Донского, диаспоры были настолько влиятельны, что даже выселение евреев, к которым войсковые и имперские власти относились откровенно негативно, стало бы экономической катастрофой. Правда, как раз с середины XIX в. приток поселенцев из России и потеря особого статуса начали ослаблять данные диаспоры, но тот запас прочности, который они успели создать за предыдущий период, очевидно, оказался очень велик.

Литература

Батиев, 2020a – Батиев Л.В. Ревизия Жемчужникова как источник по истории самоуправления Нахичевани-на-Дону // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 1. С. 16-21.

Батиев, 2020b – Батиев Л.В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2020. Т. 19. № 1. С. 155-173.

Батиев, Суций, 2020 – Батиев С.В., Суций С.Я. Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 3. С. 80.

- Военно-статистическое обозрение...**, 1850 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11. Ч. 4. СПб., 1850. 186 с.
ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
Гонтмахер, 2007 – *Гонтмахер М.А.* Евреи на донской земле. Ростов-на-Дону, 2007. 857 с.
Корниенко, 2013 – *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
Краснов, 1863 – *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
Номикосов, 1884 – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 762 с.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Павлович, 1862 – *Павлович В.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862. 396 с.
Первая Всеобщая..., 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XII. СПб., 1905. 255 с.
Пешкова, 2016 – *Пешкова В.М.* Теоретико-методологические основания изучения диаспорных сообществ: краткий обзор зарубежных и российских подходов // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: Сборник статей. М., 2016. С. 18-32.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Столетие военного..., 1911 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 414 с.
Сухоруков, 1891 – *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 310 с.
Филевский, 1898 – *Филевский П.П.* История города Таганрога. М., 1898. 376 с.
Чалхушьян, 1999 – *Чалхушьян Г.Х.* История города Ростова-на-Дону. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону. Глава III // Донской временник. 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=783 (дата обращения: 12.03.2021).
Batiev, Kazarov, 2018 – *Batiev L.V., Kazarov S.S.* Novo-Nakhichevan Magistrate: Origin, Structure, Functions // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 518-527.

References

- Batiev, 2020a** – *Batiev, L.V.* (2020) Reviziya Zhemchuzhnikova kak istochnik po istorii samoupravleniya Nakhichevani-na-Donu [Zhemchuzhnikov's revision as a source on the history of Nakhichevan-on-Don self-government]. *Humanities and law studies*. 1: 16-21. [in Russian]
Batiev, 2020b – *Batiev, L.V.* (2020). Transformatsiya organov samoupravleniya Nakhichevani-na-Donu v 1860-e gody [Transformation of Nakhichevan-on-Don self-government bodies in the 1860s]. *RUDN Journal of Russian History*. 19(1): 155-173. [in Russian]
Batiev, Kazarov, 2018 – *Batiev, L.V., Kazarov, S.S.* (2018). Novo-Nakhichevan Magistrate: Origin, Structure, Functions. *Bylye Gody*. 48(2): 518-527.
Batiev, Sushchii, 2020 – *Batiev, S.V., Sushchii, S.Ya.* (2020). Armyanskaya Obshchina Dona v kontse XVIII – nachale XXI v.: ot samoupravlyaemoi kolonii k etnokul'turnomu men'shinstvu [The Armenian Community of the Don at the end of the XVIII – beginning of the XXI century: from a self-governing colony to an ethno-cultural minority]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3: 80. [in Russian]
Chalkhush'yan, 1999 – *Chalkhush'yan, G.Kh.* (1999). Istoriya goroda Rostova-na-Donu. Istoricheskaya zapiska o gorode Rostove-na-Donu [History of the city of Rostov-on-Don. Historical note about the city of Rostov-on-Don]. Glava III. Donskoi vremennik. [Electronic resource]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=783 (date of access: 12.03.2021). [in Russian]
Filevskii, 1898 – *Filevskii, P.P.* (1898). Istoriya goroda Taganroga [History of the city of Taganrog]. М. P. 376. [in Russian]
ГАРО – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov region].
Gontmakher, 2007 – *Gontmakher, M.A.* (2007). Evrei na donskoi zemle [Jews on the Don land. Rostov-on-Don]. Rostov-na-Donu. P. 857. [in Russian]
Kornienko, 2013 – *Kornienko, B.S.* (2013). Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [Pravyi Don: The Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909-1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
Krasnov, 1863 – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land of the Don Army]. SPb. P. 596. [in Russian]
Nomikosov, 1884 – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Army Region]. Novocherkassk. P. 762. [in Russian]
ОР РНБ – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library].

[Pavlovich, 1862](#) – *Pavlovich, V.* (1862). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Ekaterinoslavskaya guberniya [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Ekaterinoslavskaya guberniya]. SPb. P. 396. [in Russian]

[Pervaya Vseobshchaya..., 1905](#) – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The First General Census of the population of the Russian Empire in 1897]. T. XII. SPb., 1905. P. 255. [in Russian]

[Peshkova, 2016](#) – *Peshkova, V.M.* (2016). Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya izucheniya diaspornykh soobshchestv: kratkii obzor zarubezhnykh i rossiiskikh podkhodov [Theoretical and methodological foundations of the study of Diaspora communities: an overview of Russian and foreign approaches]. Diaspory i zemlyachestva: opyt regional'nogo izmereniya: Sbornik statei. M. Pp. 18-32. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[Stoletie voennogo..., 1911](#) – Stoletie voennogo ministerstva [Centenary of the War Ministry]. 1802–1902. T. XI. Ch. 4. SPb., 1911. P. 414. [in Russian]

[Sukhorukov, 1891](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822–1832 godakh [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822–1832]. Novocherkassk. P. 310. [in Russian]

[Voенно-statisticheskoe obozrenie..., 1850](#) – Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii [Military-statistical review of the Russian Empire]. T. 11. Ch. 4. SPb., 1850. P. 186. [in Russian]

Диаспорные сообщества области Войска Донского в XIX столетии: опыт системной характеристики

Андрей Владимирович Бедрик ^a, Артем Юрьевич Перетяtko ^{b, c, *}, Маргарита Васильевна Финько ^d, Ольга Ивановна Шафранова ^e

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^e Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Представленная статья посвящена комплексной характеристике донских диаспорных сообществ XIX столетия, совместно функционировавших в едином социально-экономическом, политическом и культурном пространстве исторического региона. Авторским коллективом проанализирована историографическая традиция, характеризующая синхронное развитие этнических диаспор Дона в условиях системной модернизации традиционных общественных институтов. Компаративистский подход позволяет представить имманентные особенности региональных этнических общин, складывавшиеся в течение предшествующей эпохи и трансформировавшиеся под специфическим влиянием имперских властей и казачьей среды. Источниковая база включает как многообразные статистические данные официального и экспертного характера, так и неопубликованные документальные материалы, раскрывающие особенности региональных административных практик. Повседневная жизнедеятельность диаспорных сообществ рассматривается в общекультурном контексте развивающегося региона, формирующего новую модель коллективной идентичности.

Ключевые слова: регион, казаки, армяне, греки, евреи, диаспора, этнос, общество, управление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko), abedrik@bk.ru (А.В. Бедрик), mvfinko@mail.ru (М.В. Финько), shafranova@yandex.ru (О.И. Шафранова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 620-628.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.620
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography

Sergey A. Pravkin ^{a, *}, Vera V. Smirnova ^a, Rosalina V. Shagieva ^b, Maria A. Khvatova ^c

^a Russian University of Transport, Russian Federation

^b State University of Management, Russian Federation

^c Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation

Abstract

Based on the analysis of the works of Sergei Mikhailovich Solovyov, the article reveals a model of conciliatory law and social cooperation, as well as the contribution of this doctrine to the development of the concept of the state (legal) school in Russian historiography. The historian, speaking about the clan relations between the princes of ancient Russia, expressed the idea that power was a unifying principle, a kind of “growth point” of social unions and the state. In the special role of the state, he saw a mechanism for reconciling general and individual principles, social cooperation. The law became conciliatory, and this was the manifestation of the special role of the state as a mediator in disputes and a judge. The state is necessary for the realization of the common interest. Any form of government represents its people. In his opinion, with social development, the importance of the individual increases. The development of the personal principle expressed the decisive role of the state, which is a form for the people. At the same time, the state acts as a social state (a state for all, a state of the common good). The system of responsibilities in the state must be balanced by the system of rights. The analysis carried out by the authors touches upon the idea of representation of popular interests, which S.M. Soloviev deduces from the principles of natural law, overcoming the opposition of law and law. It is the law that must ensure the balance of the social system. A law or an institution acting outside the context of the people's way of life «causes harm». The concept of S.M. Solovyova acquired a social interpretation, which is of particular importance for understanding social processes in the modern period. At this stage of time, the need arose to create a new unifying model of «conciliatory law», to create conditions for the development of broad initiative "from below», and support, various forms of local self-government and electivity. The main source of the publication was the work of S.M. Solovyov «History of Russia since ancient times».

Keywords: history of Russia, society, generic principle, uniting principle, welfare state, power, natural law, representation, reconciling law, law.

1. Введение

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879), стоял у истоков государственной (юридической) школы в русской историографии второй половины XIX – начала XX веков вместе с К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, А.Д. Градовским, В.И. Сергеевичем и др., был деканом историко-филологического факультета и ректором Московского университета. «Среди ректоров Московского Университета немало масштабных личностей, которые оставили свой неповторимый след в истории России. Один из них С.М. Соловьев, имя которого у большинства наших современников ассоциируется, прежде всего, с грандиозной многотомной работой «История России с древнейших времен» (Семенникова, Буданов, 2005: 37).

* Corresponding author

E-mail addresses: pravkin@bk.ru (S.A. Pravkin), veryvera@list.ru (V.V. Smirnova)
shagsas@mail.ru (R.V. Shagieva), Xvatovama@rambler.ru (M.A. Khvatova)

Многие проблемы историк рассматривал, исходя из органического подхода. Экономика, политика, культура – все выросло из недр народного духа, все произведения человеческой жизни должны быть приложимы к народному быту, включая образование. С.М. Соловьев, «исходя из национальной обусловленности университетского образования и рассматривая его как форму народной жизни, вырастающую из глубин народа и соответствующую его характеру, считал, что идея единства мысли и чувства, философии и религии должна определять своеобразие российской «национальной модели» университета» (Кучурин, 2018: 97). Концепция русской истории в его понимании – это не столько история личностей, сколько – форм и проявлений народной жизни, сотрудничества во имя достижения общей цели и идеала.

2. Материалы и методы

Отправной точкой проведенного исследования модели примиряющего права и социального сотрудничества послужила многотомная работа С.М. Соловьева «История России с древнейших времен», его курсы истории по отдельным проблемам, потребовавшие обновленного научного осмысления с использованием современных достижений научной методологии. В частности, использованы возможности системного подхода, благодаря чему система научных взглядов С.М. Соловьева приобрела целостность, рассмотренная в контексте теории «закрепощения-раскрепощения» на основе изучения работ представителей государственной (юридической) школы в русской историографии второй половины XIX века, трудов биографов, исследователей его научных взглядов.

Использованный авторами методический и аналитический арсенал методов представлен также известными и апробированными в науке способами и средствами исследования. В целях получения достоверных и обоснованных выводов применяются традиционные общенаучные и специальные методы исследования и описания его результатов, например методы формальной логики – анализа и синтеза, которые способствовали критически-аналитическому осмыслению теоретических и программных положений первоисточников, также сравнительный и сопоставительный методы, применяемые авторами в ранее проводимых исследованиях (Pravkin et al., 2020). Историко-сравнительный метод позволил использовать полученные результаты для понимания современного политического процесса, осмысления необходимости проведения реформ с учетом требований истории, накопленного опыта преобразований.

3. Обсуждение

Исследованием взглядов С.М. Соловьева занимался ряд авторов. Теория многофакторного влияния на развитие государства, борьба «леса» и «степи», «теория родового быта» были ранее систематизированы Д.М. Володихиным (Володихин, 1995). Взгляды представителей государственной школы на сословную структуру общества были представлены в трудах Е.А. Тетерина, Н.В. Иллерицкой (Тетерина, 2016; Иллерицкая, 2015). Е.А. Сунцова, С.А. Правкин рассматривали концепцию народного государства и примиряющего права, которая означала развитие новых социально-политических форм под влиянием идеи органического развития, «возрастов» (Сунцова, Правкин, 2018). Крестьянская реформа в контексте общей теории закрепощения исследуется в работе А.Н. Медушевского: «Концепция закрепощения сословий государством выступала в условиях преобразований в качестве исторического обоснования необходимости проведения крестьянской реформы» (Медушевский, 1994: 13). В.Е. Иллерицкий отмечает, что расцвет научной деятельности С.М. Соловьева произошел тогда, когда ученый стал системно развивать принципы и концепцию государственной школы (Иллерицкий, 1980: 48). Он видел свою задачу в раскрытии естественной связи и преемственности между древними состояниями общества и его современными государственными и гражданскими формами. Связь правительственной формы с народным бытом проявлялась в его трудах отчетливо. По мнению ученого, только правительственная власть связывала людей (Иллерицкая, 2017: 32). В концепции государственной школы и личной системе взглядов С.М. Соловьева проводилась линия на социальное взаимодействие всех слоев общества, что обеспечивало функционирование государства. «За это время накопилась значительная литература об ученом, которая включает громадное количество работ, посвященных самым разным вопросам – от самых общих до предельно конкретных» (Кучурин, 2019: 7). Но при этом в исторической науке не решены многие проблемы, поставленные ученым. До сих пор подход С.М. Соловьева и государственной школы к проблеме крепостного права не анализируется в исторических и иных работах с позиций теории «закрепощения-раскрепощения». Это была целая плеяда известных историков и юристов и не учитывать их мнение по данному вопросу является малообъяснимым.

Основной целью статьи является рассмотрение системы научных взглядов С.М. Соловьева как представителя государственной (юридической) школы в русской историографии с позиции создания им на основе исторических источников модели примиряющего права и социального сотрудничества. В связи с такой трактовкой его научного наследия данное исследование является актуальным.

4. Результаты

Учение немецкой исторической школы С.М. Соловьев раскрыл на основе нового подхода. Историк показал государственный порядок, связанный с сосредоточивающим началом власти на основе идеи органического роста. Государственные реформы, по его мнению, должны быть приложимы к народному быту. Зрелые государственные формы должны быть основаны на раскрепощении и личной свободе, системе зрелого социального сотрудничества. Государство является зрелым организмом, преодолевшим влияние родовых союзов. Одновременно от давления частных союзов и отношений освобождается личность. Ранние формы государств построены на родовом праве, которое в монархическом государстве перерастает в династическое право. Тем самым родовое начало проявляется на поздних этапах истории, трансформируясь в новую форму. В концепции С.М. Соловьева государственные формы развиваются параллельно формам освобождения личности. Отмена крепостного права становится процессом юридического раскрепощения всех сословий. Необходимо обратить внимание на теорию государственной (юридической) школы о постепенном прикреплении всех сословий к службам-тяглам и постепенному их освобождению по мере разрастания государства и создания государственного механизма. Это и есть концепции закрепощения-раскрепощения сословий на службе у государства, у истоков которой также стоял С.М. Соловьев. «Процесс становления и эволюции сословной структуры рассматривался представителями государственной школы в процессе государственной деятельности, а каждое сословие оценивалось, прежде всего, с точки зрения его функционального назначения и места в обществе» (Тетерина, 2016).

В родовой системе историк заметил то, что роды, осуществляя обычную гражданскую жизнь, «должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, третьего судью...» (Соловьев, 1988: 121). Поиск посредника извне приводил к замене родового порядка государственным укладом. В особой роли государства он видел социальное сотрудничество общего с индивидуальным началом. Сила закона при этом проявляется в действии права (Соловьев, 1995: 361). Законотворчество исторично, как и права сословий и личности. Органический подход дает импульс социологическому направлению в изучении истории. Сергей Михайлович положил начало сближению взглядов исторической школы права и школы естественного права.

В государственном механизме он выделял начало «посредствующих властей», в государстве ценилась им необходимая связь органов и их органическое соединение (Соловьев, 1995: 355). Политические учреждения могут эволюционировать в данном механизме при наличии правильного сочетания защиты прав лица и сословий. Новые учреждения становятся искусственными союзами, но при этом в государстве не исчезает и значение частных союзов, с помощью которых «частная деятельность, развитие частных средств и сил могут быть вполне обеспечены; государство доставляет безопасность, но оно не может заменить для каждого ни отца, ни брата, ни собрата» (Соловьев, 1995: 362). Создание частных союзов также необходимо для развития общегосударственной деятельности. В современном государстве роль частных союзов не уменьшается, а только возрастает. «Цель частного союза – обеспечение свободной широкой частной деятельности, а не ограничение» (Соловьев, 1995: 362). Эти частные союзы есть необходимые органы общества, созданные на новых началах, в соответствии с государственным правом.

В ранний период существования народов частные отношения соединяют людей в общности и в общество при еще незрелом, несформировавшемся государстве. По мере развития государственных форм и институтов происходит уменьшение роли родовых начал. Например, автор отмечает, что в Московском государстве в XV веке преобладали «отношения бенефициальные, или поместные», что соответствовало уровню Европы «в начальном периоде» (Соловьев, 1995: 403). Ученый, оставаясь либералом, не приветствовал наличие всеобъемлющего контроля над личностью, так как при этом всегда нарушаются необходимые права лица и границы права. При этом неизбежными устоями общества он называет три института – религию, семью и собственность. Они обеспечивают самодостаточность и независимость отдельного лица. При отделении лица от этих институтов происходит нарушение равновесия между лицом и общностью, как итог – нарушается сам правопорядок.

Государственный союз в его научной системе – это пространство достижения общего блага; потеря государственности есть следствие отсутствия единой цели. Противостоит использовать государство для достижения частных целей, нарушая порядок вещей. Все раннефеодальные монархии были выразителями родовых форм. Они выражали не государственный, а династический интерес. Династия, оставаясь во власти в монархическом государстве, обязана подчиняться общей идее, иначе она низводит общий государственный союз в частный союз.

Главная цель исторической концепции С.М. Соловьева – раскрыть генезис русского государства и факторы, влияющие на этот процесс. В этой модели совпадают этапы развития государства и периоды «Истории с древнейших времен». Основным путем образования государства в России историк считает колонизацию, которая придала территории обширность, населению – рассеянность, публичной власти – абсолютный характер. Роль скандинавского влияния им отрицалась, так не

изменился общественный уклад славян. Система государственного порядка есть при этом система правопорядка, когда личные права соотносятся с обязанностями других, потому что «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» (Соловьев, 1994: 58).

Смысл его родовой теории в пореформенный период состоял в том, что им давались отрицательные характеристики различным формам народовластия, что означало возврат к частным отношениям, к доминированию родовой теории прав. В основе русского правопорядка С.М. Соловьев всегда выделял сосредоточивающее начало власти, которое есть результат органического развития. Государство при этом – организатор правопорядка и третий судья (Соловьев, 1988: 121). В основе всякого развития им видится органический процесс. Становление государства происходит как переход из одного возраста в другой: «медленно члены общественного организма приходят к сознанию о необходимости тесной внутренней связи друг с другом» (Соловьев, 1996: 355). «С.М. Соловьев всякое усложнение государственного организма связывал с переходом от одного возраста в другой. Эта подчеркнутая стадильность – следствие позитивизма и органического подхода» (Сунцова, Правкин, 2018: 17).

Государство в его понимании выступает как единство формы и содержания, отличные от общества. Есть мнение, что его как историка в первую очередь интересовало преобладающее начало в истории, поэтому он был, прежде всего, историком государства и его учреждений (Володихин, 1995: 45). Хотя в этой позиции необходимо учитывать, что учреждения должны были быть приложимы к народному быту, к системе социального сотрудничества. Только внутреннее развитие порождало долговечные институты государства и его учреждений.

А.Н. Медушевский считал, что исследователи недостаточно понимали родовую теорию С.М. Соловьева, которая есть диалектика трех элементов: рода, семьи и государства (Медушевский, 1994: 14). Особенности генезиса форм государства и права в России означали, прежде всего, наличие системы политических обязанностей вместо системы политических прав. Особое состояние государственно-правовых и общественных форм порождало реформы «сверху». Но «демократизм» данного подхода состоял в том, что закон и учреждение должны быть приложимы к народному быту, в противном случае они причиняют вред, так как «государство есть форма для народа».

В системе научных взглядов С.М. Соловьева центральное место занимает схема генезиса государственности: «род – семья – государство», «союз кровный», «союз гражданский», «союз государственный». По мнению историка, государство постепенно стало играть решающую роль, прежде всего за счет правовых основ развития собственности, гражданских союзов, выработки самих форм права и др. В его научной системе доминирует природный фактор: так «степь» задерживает развитие, тогда как влияние «моря» способствует прогрессу. В этом процессе внутренние факторы преобладают над внешними. «Правительство в той или другой форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка этой жизни. Как скоро известная форма правительственная не удовлетворяет более потребностям народной жизни, она изменяется с большим или меньшим потрясением всего организма народного» (Соловьев, 1996: 11). Но при этом свобода, ограниченная законами, больше является свободой, так как предполагает взаимные обязанности, чем неограниченная.

Историк отрицает преобладание «личной свободы» в догосударственный период и наличие развитых частнопровых отношений, так как не было оформлено юридическое право частной собственности, которая является основой свободы. Соловьев считает, что форма права есть выражение «духа народа» и одновременно – природы страны, природы племени и хода внешних событий. Здесь преобладает также подход немецкой исторической школы права: «дух народа осуществляет себя в праве народа». У С.М. Соловьева – право – «органический продукт», а в деятельности государства выражается народная основа. Право как бы соединяет вместе народ и государство, народ получает возможность реализовать свой правовой идеал. Любое взаимопроникновение права, рецепция права, должны соответствовать «духу народа», коллективной воле нации. Развитие личности он связывал со степенью освобождения личности из-под гнета родового быта, частных союзов и других общественных форм, выдвигая в качестве важнейшей перспективы общественного развития все возрастающее значение отдельного лица. Борьба родового и государственного начала с его точки зрения пронизывала всю историю. По мнению А.Н. Цамутали, в вопросе образования государства С.М. Соловьев идет дальше К.Д. Кавелина, так как признает не только родовое начало, но и новое, княжеское, правительственное, «которое не являлось государственным, но было родственным ему» (Цамутали, 1977: 99). А.Н. Цамутали отмечает законченность государственной концепции С.М. Соловьева по сравнению с концепцией К.Д. Кавелина. С.М. Соловьев считает Московское государство, сформировавшее внешние функции, государством с международной правосубъектностью. Недостаточной развитостью государственных начал и государственного аппарата он считает наличие проявления родовых начал в течение XVIII века. Например, он указывал, что при Рюриковичах не было сдерживающей власти и не было государства в настоящем смысле слова (Соловьев, 1996: 723). Наблюдались постоянные перемещения центров власти, пока московское самодержавие не победило родовой быт.

Чтобы образовалась первоначальная государственная форма, необходимо юридическое закрепление права частной собственности. Определяющим фактором возникновения государства ученый считает оформление вотчинного права собственности. Сам процесс не носил локальный характер, а был общерусским. Но проблема состояла в том, что родовые начала не исчезали полностью, продолжая борьбу с государством вплоть до становления династии Романовых. Если родовое начало было связано с перемещениями центров власти, выражалось в республиканских формах, то государственное начало выступало как процесс «собираания власти», сближение русской системы права с европейской под влиянием кодификационной деятельности Церкви. Тем не менее в понимании С.М. Соловьева слаженный государственный механизм появился лишь при Петре I. Схема борьбы родового и государственного начала ученого проявилась в концепции русской истории как борьба новых и старых городов. Государственная форма рассматривается им как форма правления (правления) с соответствующей территориальной организацией. Монархическое правление стало закономерным результатом кризиса родовых отношений, но не изначально установленной формой.

С.М. Соловьев рассматривает государство как большое сословно-представительное учреждение и высшую форму общественного развития, где сословия прикреплены к обязанностям, «тяглам» и находятся на службе у государства. Он полагал, что возможно в России существование народного государства, тем более, когда царь – избранник народа. Проявлением воли народа было избрание Михаила Романова, но сущность самодержавной власти от этого не изменилась. «В частных соборах мы не видим также никакой перемены в отношениях земли к государю» (Соловьев, 1990: 244). Несомненно, что при этом сословное представительство полностью оставалось в зависимости от верховной власти. Более того, историк считал понижение в дальнейшем значения соборов негативным фактом, приведшим к их превращению в совещательное учреждение. Главное – они утратили учредительный характер, превратились в органы без определенных функций, законодательной основы и сроков избрания представителей.

Продолжая идеи государственной школы, Соловьев видел свой идеал в правовом государстве, которым при определенных условиях может стать самодержавное государство. Учитывая органичность развития, «модель возраста» общества, он считал, что в пореформенный период народ еще не готов в полной мере к формам западноевропейской демократии. Радикализации общества он противопоставляет консерватизм, смещая акценты с либерального подхода, который ранее преобладал в его взглядах.

А.Н. Медушевский отмечает, что концепция истории С.М. Соловьева, по сути, была «экономико-правовой моделью возникновения государственности на Руси» (Медушевский, 1994: 14). Взгляд на государство как форму союза позволял выделить его в отдельный субъект права так же, как и общество. «Выработанная концепция соотношения общества и государства выдвигала на первый план государственное начало, в котором историки-юристы видели стержневую идею русской истории и ее главную отличительную черту» (Иллерицкая, 1998: 44). Система сотрудничества сословий возможна только для достижения главной цели – поддержания равновесия в государстве.

Историк даже крепостное право рассматривал как примиряющее право в соответствии с общей теорией государственной школы о прикреплении всех сословий, а не только крестьян, к «тяглам», которые должны были укладываться в систему государственных обязанностей. Так вырабатывались функции государства, происходило становление его аппарата. Все сословия прикреплялись к системе государственных обязанностей, находясь на службе у государства. Когда эти функции были выработаны в силу «возраста», верховная власть сама стала освобождать сословия по мере возможностей. Таким образом, крепостное право было исторической неизбежностью в условиях медленного развития, колонизации – другого способа закрепить сословия за определенными территориями для исполнения государственных обязанностей и несения служб не было. «В отличие от Чичерина Соловьев не думал, что крестьяне были закрепощены единым юридическим актом, но полностью разделял существование теории «закрепощения и раскрепощения сословий» государством» (Иллерицкая, 2015: 32). Это был путь «извне», это было насаждение государственных и общественных обязанностей «сверху», когда нужно было преодолеть неразвитость общества, гражданского оборота, создавая определенную для государства среду насильственно. Затем потребовалось такое же раскрепощение сословий. К.Д. Кавелин отмечал, что «Положения 19 февраля открыли дворянству возможность исподволь перейти к новому порядку и предупредили грозившую катастрофу снизу; в этом их великая заслуга, несмотря на частные недостатки» (Кавелин, 1989: 146). Такая высокая оценка крестьянской реформы заключалась, прежде всего, в том, что она дала возможность преодолеть систему обеспечения права одного сословия за счет других сословий. Теория закрепощения-раскрепощения сословий в интерпретации Соловьева означает создание модели бесконфликтного общества. Происходило преодоление тенденции «антагонизма сословий». В их сотрудничестве на службе у государства уничтожается противоположность их интересов, создается некое «примиряющее право» (Зорькин, 1975: 105). Различные модели государства и права в Европе и России создавались разными путями. В Европе они создавались «снизу», а в России – «сверху». «Необходимо подчеркнуть связь исторических взглядов представителей государственной школы и тех вопросов, которые ставило время. Концепция закрепощения сословий государством выступала в

условиях преобразований в качестве исторического обоснования необходимости проведения крестьянской реформы» (Медушевский, 1994: 13). Правительство, с точки зрения ученого, осуществляло политику примирения в обществе. Для него создание верховной властью системы обязанностей означало обеспечение в связи с этим системы прав сословий. Создавалась система своеобразного «правительственного конституционализма». Раз службы и аппарат состоялись, возникла необходимость освобождения сословий. Социальное сотрудничество состоялось.

В концепции «закрепощения-раскрепощения сословий на службе государства» он акцентирует внимание на юридических аспектах проблем, уделяя особое внимание вопросу достижения равенства сословий по отношению к власти. И только выполняя свои обязанности, сословие приобретало права в обществе и государстве. Частноправовой статус лица был зависим от его публичноправового статуса, от юридической принадлежности к сословию. Тем самым историк показывает, что с помощью закрепощения всех сословий, прикрепления их к определенным службам, происходила насильственная «юридизация» социальных отношений, восполняя незрелость общества и отсутствие должной инициативы «снизу». Слабое развитие инициативы «снизу», недостаточное развитие сословно-представительных учреждений сделало крепостное право «естественным результатом русской истории» (Соловьев, 1996: 103). Так как «собственность – основа свободы» (Соловьев, 1996: 74), ее неразвитость и привела к преобладанию административных начал вместо гражданских. При этом автор обращает внимание на соответствие проводимых мер общественным потребностям: «не будет важен никакой закон, никакое учреждение само по себе, а только по приложению их к народному быту...» (Соловьев, 1996: 15).

5. Заключение

Деятельность правительства в любой своей форме должна отвечать «потребностям народной жизни». Любая форма правления или форма представительства, правительственная деятельность «представляет свой народ» (Соловьев, 1996: 11). В отличие от Европы, где сословные различия и права являлись итогом ограничения верховной власти, в России, по мнению С.М. Соловьева, эти различия и права были итогом деятельности самой власти. Общество было обязано своими правами государству. С этой точки зрения этап раскрепощения сословий постепенно создавал среду для развития гражданского общества и отдельных прав лица. Особая роль государства как арбитра, «третьего судьи», означала не только идею-цель в начале его генезиса, но и идею-цель в последующем, направленную на реализацию общего блага и создание системы примиряющего права и социального сотрудничества. Тем самым право рассматривается как необходимый конструктивный элемент в системе социального взаимодействия, обеспечивающий равновесие социальной системы. «Когда народ хочет изменить свою социальную жизнь в настоящем, он обращается к исторической памяти и ищет нужные ему образцы в прошлом» (Иллерицкая, 2017: 12). В настоящее время можно, опираясь на взгляды историка, констатировать в России незрелость гражданского общества, инициативы «снизу». Верховная власть, по-прежнему, остается главным инициатором реформ, а не общество. Это наталкивает на размышления о том, что система социального сотрудничества может быть реализована под главенством государства. Но встает вопрос – есть ли у государства в настоящее время такая социальная концепция, которая могла бы заинтересовать общество и повести его за собой. К сожалению, можно констатировать, что в настоящий период социально-политическая незрелость общества обусловлена определенным отставанием в развитии самого государства. Оно пока еще не может предложить обществу социальный проект, в котором бы объединились гражданские союзы и лица для достижения общей цели. Да и сама цель четко не обозначена. Возможностей для внешнего, экстенсивного, развития у государства нет. Мы не развиваемся теперь по пути колонизации. Нам необходимо создание новой модели «примиряющего права», которое могло бы объединить и противоборствующие стороны.

Для начала требуется создание принципиально иной системы государственного (конституционного) законодательства и проведение Конституционного собрания. Законодательно не поставленные должным образом цели развития не дают возможности достижения социального понимания, согласия, компромисса. Концепция государственной школы показывает, что система обязанностей должна уравниваться системой прав. Обществу по аналогии с реформами XIX века необходимо создать условия для развития широкой инициативы «снизу» в законодательно определенных формах, условия экономического развития и поддержки различных форм местного самоуправления и выборности.

Литература

Володихин, 1995 – Володихин Д.М. Замечательные российские историки XVIII–XIX вв.: лекции по историографии. М.: РОУ, 1995. 80 с.

Зорькин, 1975 – Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX века (Б.Н. Чичерин). М.: Изд-во Московского университета, 1975. 170 с.

- Иллерицкая, 1998** – Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 160 с.
- Иллерицкая, 2015** – Иллерицкая Н.В. Проблема крепостного права в интеллектуальной динамике политической истории России // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* 2015. № 1. С. 30-40.
- Иллерицкая, 2017** – Иллерицкая Н.В. Социальное сотрудничество в истории России: версии российской историографии // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* 2017. № 1. С. 9-18.
- Иллерицкий, 1980** – Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. 193 с.
- Кавелин, 1989** – Кавелин К.Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 656 с.
- Кучурин, 2019** – Кучурин В.В. Жизнь и научное творчество С.М. Соловьева в отечественной историографии // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Сборник статей и материалов. Вып. 5 / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск: МОО «ИС», 2019. С. 7-29.
- Кучурин, 2018** – Кучурин В.В. Начало формирования научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // *Вестник Брянского государственного университета.* 2018. № 3. С. 96-100.
- Медушевский, 1994** – Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994. 300 с.
- Семенникова, Буданов, 2005** – Семенникова Л.И., Буданов М.А. Служение обществу и науке (административная деятельность С.М. Соловьева в Московском университете) // *Вестник Московского университета.* Сер. 21. Управление (государство и общество). 2005. № 1. С. 37-52.
- Соловьев, 1988** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18 книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 800 с.
- Соловьев, 1990** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18 книгах. Кн. 5. М.: Мысль, 1990. 720 с.
- Соловьев, 1994** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18 книгах. Кн. 14. М.: Мысль, 1994. 640 с.
- Соловьев, 1995** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18 книгах. Кн. 16. М.: Мысль, 1995. 734 с.
- Соловьев, 1996** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18 книгах. Кн. 17. М.: Мысль, 1996. 767 с.
- Сунцова, Правкин, 2018** – Сунцова Е.А., Правкин С.А. Концепция народного государства и примиряющего права С.М. Соловьева // *Вестник экономической безопасности.* 2018. № 4. С. 14-19.
- Тетерина, 2016** – Тетерина Е.А. Взгляды представителей государственной школы на сословную структуру общества // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство».* 2016. Т. 4. № 3 (15). [Электронный ресурс]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525. (дата обращения: 10.02.2021.)
- Цамутали, 1977** – Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 256 с.
- Pravkin et al., 2020** – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A. The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin // *Bylye Gody.* 2020. 55(1): 67-76.

References

- Camutali, 1977** – Camutali, A.N. (1977). Bor'ba techenij v russkoj istoriografii [Struggle of currents in Russian historiography]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 256 p. [in Russian]
- Illerickaya, 1998** – Illerickaya, N.V. (1998). Istoriko-yuridicheskoe napravlenie v russkoj istoriografii vtoroj poloviny XIX veka [Historical and legal direction in Russian historiography of the second half of the 19th century]. M.: Izd-vo RGGU, 160 p. [in Russian]
- Illerickaya, 2015** – Illerickaya, N.V. (2015). Problema krepostnogo prava v intellektual'noj dinamike politicheskoy istorii Rossii [The problem of serfdom in the intellectual dynamics of the political history of Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 1: 30-40. [in Russian]
- Illerickaya, 2017** – Illerickaya, N.V. (2017). Social'noe sotrudnichestvo v istorii Rossii: versii rossijskoj istoriografii [Social cooperation in the history of Russia: versions of Russian historiography]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 1: 9-18. [in Russian]
- Illerickij, 1980** – Illerickij, V.E. (1980). Sergej Mihajlovich Solov'ev [Sergei Mikhailovich Soloviev]. M.: Nauka, 193 p. [in Russian]
- Kavelin, 1989** – Kavelin, K.D. (1989). Nash umstvennyj stroj: stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury [Our mental structure: articles on the philosophy of Russian history and culture]. M.: Pravda, 656 p. [in Russian]
- Kuchurin, 2018** – Kuchurin, V.V. (2018). Nachalo formirovaniya nauchno-pedagogicheskikh vzglyadov S.M. Solov'eva [The beginning of the formation of scientific and pedagogical views of S.M. Solovyov]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta.* 3: 96-100. [in Russian]

Kuchurin, 2019 – *Kuchurin, V.V.* (2019). Zhizn' i nauchnoe tvorchestvo S.M. Solov'eva v otechestvennoi istoriografii [The life and scientific work of S. M. Solovyov in Russian historiography]. Otechestvennaya kul'tura i istoricheskaya mysl' XVIII–XX vv. Sbornik statei i materialov. Vyp.5 / Pod. Red. A.M. Dubrovskogo. Bryansk: MOO «IS», 2019. p. 7-29 [in Russian]

Medushevskij, 1994 – *Medushevskij, A.N.* (1994). Utverzhdenie absolyutizma v Rossii. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie [Approval of absolutism in Russia. Comparative historical research]. M.: Tekst, 300 p. [in Russian]

Pravkin et al., 2020 – *Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A.* (2020). The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin. *Bylye Gody*. 55(1): 67-76.

Semennikova, Budanov, 2005 – *Semennikova, L.I., Budanov, M.A.* (2005). Sluzhenie obshchestvu i nauke (administrativnaya deyatelnost' S.M. Solov'eva v Moskovskom universitete) [Service to society and science (administrative activity of S.M.Soloviev at Moscow University)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 1: 37-52. [in Russian]

Solov'ev, 1988 – *Solov'ev, S.M.* (1988). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Sochineniya v 18 knigah [History of Russia since ancient times. Writings in 18 books]. Kn.1. M.: Mysl', 800 p. [in Russian]

Solov'ev, 1990 – *Solov'ev, S.M.* (1990). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Sochineniya v 18 knigah [History of Russia since ancient times. Writings in 18 books]. Kn. 5. M.: Mysl', 720 p. [in Russian]

Solov'ev, 1994 – *Solov'ev, S.M.* (1994). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Sochineniya v 18 knigah [History of Russia since ancient times. Writings in 18 books]. Kn. 14. M.: Mysl', 640 p. [in Russian]

Solov'ev, 1995 – *Solov'ev, S.M.* (1995). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Sochineniya v 18 knigah [History of Russia since ancient times. Writings in 18 books]. Kn. 16. M.: Mysl', 734 p. [in Russian]

Solov'ev, 1996 – *Solov'ev, S.M.* (1996). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Sochineniya v 18 knigah [History of Russia since ancient times. Writings in 18 books]. Kn. 17. M.: Mysl', 767 p. [in Russian]

Suncova, Pravkin, 2018 – *Suncova, E.A., Pravkin, S.A.* (2018). Konceptiya narodnogo gosudarstva i primiryayushchego prava S.M. Solov'eva [The concept of the people's state and the law of reconciliation by S.M. Solovyova]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 4: 14-19. [in Russian]

Teterina, 2016 – *Teterina, E.A.* (2016). Vzglyady predstavitelej gosudarstvennoj shkoly na soslovnuyu strukturu obshchestva [Views of representatives of the public school on the estate structure of society]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*. T. 4. 3(15). [Electronic resource]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525. (date of access: 10.02.2021). [in Russian]

Volodihin, 1995 – *Volodihin, D.M.* (1995) Zamechatel'nye rossijskie istoriki XVIII-XIX vv.: lekcii po istoriografii [Remarkable Russian historians of the 18th-19th centuries: lectures on historiography]. M.: ROU, 80 p. [in Russian]

Zor'kin, 1975 – *Zor'kin, V.D.* (1975). Iz istorii burzhuazno-liberal'noj politicheskoy mysli Rossii vtoroj poloviny XIX nachala XX veka (B.N. Chicherin) [From the history of bourgeois-liberal political thought in Russia in the second half of the 19th early 20th century (B.N. Chicherin)]. M.: Izd-vo Mosk.un-ta, 170 p. [in Russian]

Модель примиряющего права и социального сотрудничества С.М. Соловьева как вклад в развитие концепции государственной (юридической) школы в русской историографии

Сергей Алексеевич Правкин ^{a, *}, Вера Владимировна Смирнова ^a,
Розалина Васильевна Шагиева ^b, Мария Алексеевна Хватова ^c

^a Российский университет транспорта, Российская Федерация

^b Государственный университет управления, Российская Федерация

^c Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа работ Сергея Михайловича Соловьева раскрывается модель примиряющего права и социального сотрудничества, а также вклад данного учения в развитие концепции государственной (юридической) школы в русской историографии. Историк, говоря о родовых отношениях между князьями древней Руси, выразил идею о том, что власть являлась объединяющим началом, некоей «точкой роста» общественных союзов и государства. В особой роли государства он видел механизм примирения общего и индивидуального начал, социального сотрудничества. Право становилось примиряющим, в этом и проявлялась особая роль государства как посредника в спорах и судьбы. Государство необходимо для реализации общего интереса. Любая форма правления представляет свой народ. По мнению ученого, при общественном

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pravkin@bk.ru (С.А. Правкин), veryvera@list.ru (В.В. Смирнова)
shagsas@mail.ru (Р.В. Шагиева), Xvatovama@rambler.ru (М.А. Хватова)

развитии возрастает значение личности. В развитии личного начала выразилась определяющая роль государства, которое является формой для народа. Одновременно оно выступает как социальное государство (государство для всех, государство общего блага). Система обязанностей в государстве должна уравниваться системой прав. Проведенный авторами анализ затрагивает идею представительства народных интересов, которую С.М. Соловьев выводит из начал естественного права, преодолевая противопоставление закона и права. Именно право должно обеспечивать равновесие социальной системы. Закон или учреждение, действующие вне связи с народным бытом, «причиняют вред». Концепция С.М. Соловьева приобрела социальную трактовку, что имеет особое значение для понимания социальных процессов в современный период. На данном этапе времени встала необходимость в создании новой объединяющей модели «примиряющего права», в создании условий для развития широкой инициативы «снизу» и поддержки различных форм местного самоуправления и выборности. Основным источником публикации явилась работа С.М. Соловьева «История России с древнейших времен».

Ключевые слова: история России, общество, родовое начало, объединяющее начало, социальное государство, власть, естественное право, представительство, примиряющее право, закон.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 629-640.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.629
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Some Aspects of the Religious Life of the Ukrainian Provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, c}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the features of the religious life of the Ukrainian provinces of the Russian Empire in terms of schismaticism and sectarianism in the first half of the 19th century. The source for the study of this issue was the 8th volume of the «History of the Ministry of Internal Affairs» by N.V. Varadinov, where numerous archival data, documents, as well as scientific works were used to study the issues of the religious development of the Russian state during this period.

An extensive bibliography of the issue is given, especially of pre-revolutionary authors who specialized in the study of sectarianism and schismaticism.

Based on the statistical reports contained in the work, the number of schismatics in the Ukrainian provinces was calculated for 1826–1827, 1837, 1839, 1841, 1846, when, in fact, the reports were submitted to the Ministry. As a result of calculations, we found that the largest number of schismatics in the overwhelming number was recorded in the Chernigov province. In general, their numbers were unevenly distributed across all Ukrainian provinces.

It has been established that in the period from 1826 to 1846 there is a general decrease in the number of schismatics on the scale of the empire, while in the territory of the Ukrainian provinces its increase, on average by 27 %.

As a conclusion, a hypothesis was formulated that to those given as N.V. Varadinov, and other sources, data on the number of schismatics in the Russian Empire during this period should be treated with skepticism, due to objective circumstances and conditions that do not allow to accurately establish the number of sectarians.

Keywords: schismaticism, sectarianism, Ministry of Internal Affairs, mystical sects, rationalistic sects.

1. Введение

История ересей, сектантства и раскольников имеет давние корни как в европейской истории, так и в истории Российской империи, где, начиная уже с XVII века, стали появляться так называемые «мистические» (хлысты, скопцы) и «рационалистические» старые и новые секты (духоборцы, молокане и проч.) (Маргаритов, 1910: 1-2). Бытует мнение, что, с одной стороны, появление сект в российском государстве в том числе связано и с проникновением их представителей с запада, от западных мистиков; с другой – русское сектантство и раскольниковство не что иное, как рецидив богомилства и имеет более раннее происхождение – со времен принятия христианства князем Владимиром (Маргаритов, 1910: 6-7).

Вопрос сектантства и раскольниковства всегда был на острие внутренней политики российского правительства, поскольку, «являясь крайне опасными для Церкви, как в корне ниспровергающие

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

христианство, они вместе с тем подрывают основы государственного порядка» (Маргаритов, 1910: 228) и морально-нравственные устои общества.

В этой связи актуальным стал вопрос изучения сектантства, что привело к появлению обширного числа специальных исследований по этой проблеме, особенно начиная с середины XIX века. Среди прочих следует отметить и научные труды по «истории раскола» Н.В. Варадинова, содержащие богатейший статистический материал (Варадинов, 1863).

По утверждению самого автора, «История Министерства внутренних дел» написана на основании подлинных дел и документов», в ней «нет значительных пропусков», «точность и полнота составляли исходную точку разработки материалов». Для подготовки рукописи ученым были изучены «тысячи дел, хранящиеся в семи архивах Министерства [внутренних дел], перечитывались тысячи дел каждого Департамента», но повсеместно «нужно было обращаться к архивам других ведомств» и документам (Варадинов, 1863: I-IV); по одному расколу было сдано в архив 45 тыс. дел (Субботин, 1905: 75).

Объем проделанной работы впечатляет: 4715 страниц текста, 2500 сносок на сотни архивных дел и документов – все это делает научный труд Н.В. Варадинова неопределимым историческим источником по истории социально-политической, экономической, культурной, религиозной жизни Российской империи первой половины XIX века.

Ввиду сказанного нашей задачей является изучение «истории раскола» в украинских губерниях Российской империи в указанный период, а также численности, социальной базы раскольников и других вопросов.

2. Материалы и методы

При подготовке рукописи нами был проведен источниковедческий анализ восьмого тома (дополнительной книги) многотомного научного труда «История Министерства внутренних дел» доктора философии и права, чиновника по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, редактора «Журнала Министерства внутренних дел» Н.В. Варадинова.

Анализируемый нами источник содержит значительный массив фактологических и статистических данных по «истории распоряжений по расколу»: сведения о численности раскольников, их социальному и гендерному составу, ареалу распространения, особенностям вероучения и культа, а также правительственные постановления и меры в отношении их.

С этой точки зрения «История Министерства внутренних дел» Н.В. Варадинова, в частности анализируемый нами 8-й том, является ценнейшим историческим источником по социальной, духовно-культурной и религиозной жизни Российской империи первой половины XIX века.

В основу данной работы были положены принципы системного анализа – для комплексной оценки происходивших в указанный период в российском государстве процессов религиозного характера в контексте общеимперских социальных трансформаций.

Также в основу статьи были положены качественный и количественный подходы, позволившие, с одной стороны, проанализировать поставленную научную проблему с точки зрения индивидуальных, авторских интерпретаций и оценок, а с другой – изучить закономерности религиозной и социальной истории российского государства на основании объективной оценки исторических фактов. В этом контексте нами также были использованы количественные и качественные методы статистического анализа данных источника.

3. Обсуждение

Вопросы религиозной жизни Российской империи в указанный период стали объектом научного интереса широкого круга ученых, рассматривавших отдельные аспекты ее функционирования. К числу таковых можно отнести как обзорные работы, в которых были освещены общие вопросы религии и веры в империи (Верт, 2012), так и труды, посвященные деятельности государственных органов по вопросам религий и вероисповеданий в общем (Булавина, 2014; Тихонов, 2004) и работы специальных ведомств в этом направлении – Министерства внутренних дел, Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Департамента полиции при нем в частности (Варадинов, 1863; Лукьянов, 2015; Сафонов, 2006; Терюкова, 2010; Шингарева, 2015; Teryukova, 2017).

Что касается научных работ, специализирующихся на изучении сектантства в Российской империи, то этими вопросами интересовались как дореволюционные исследователи (Бондарь, 1916; Буткевич, 1910; Варадинов, 1863; Высоцкий, 1915; Грацианский, 1904; Ивановский, 1892; Маргаритов, 1910; Надеждин, 1845) и др., так и современные ученые (Криницкая, 2010; Оленич, 2005; Потоцкий, 2014; Потоцкий, 2015; Секирин, 2019; Черныш, 2015; Шугаева, 2007; Шутеев, 2008) и многие другие. Обширная советская историография сектантства и раскольников приведена в работе Р.О. Сафронова (Сафронов, 2013).

Отдельно следует отметить (исходя из концепции и задач нашего исследования) научные труды, посвященные деятельности видного представителя «просвещенной бюрократии», Николая Васильевича Варадинова, написавшего фундаментальный труд по «расколам вообще и сектам», содержащий важнейшую для исследователя статистическую информацию по вопросам сектантства в

Российской империи первой половины XIX века (Нильский, 1864; Degtyarev, 2015; Degtyarev et al., 2018; Degtyarev, 2014; Lebid et al., 2021 и др.).

4. Результаты

Историю «раскола», «сект», «ересей и лжеучителей» Н.В. Варадинов описал в 8-й дополнительной книге (томе) «Истории Министерства внутренних дел», изданной в 1863 г., в которой были проанализированы более сотни официальных источников. Частично структура «Истории Министерства» в общем, и 8-й дополнительной книги в частности, была проанализирована нами ранее (Lebid et al., 2021).

Дополнительный 8-й том «Истории Министерства внутренних дел» содержит три «Отдела истории распоряжений по расколу» (за период 1802–1855 гг.).

Первый отдел: А. 1802–1809 гг. – когда МВД не заведовало расколом. Б. 1810–1819 гг. – делами по расколу заведовало Министерство полиции. В. 1820–1824 гг. – переход дел по расколу к МВД после включения в его состав Министерства полиции.

Второй отдел: А. 1825–1830 гг. – учреждение Совещательного комитета по раскольникам в Санкт-Петербурге и Москве. Б. 1831–1837 гг. – учреждение Совещательных комитетов по губерниям. В. 1838–1841 гг. – начало исследований по части раскола.

Третий отдел: А. 1842–1846 гг. – проблема раскола становится делом первостепенной важности для государства. Б. 1847–1852 гг. В. 1853–1855 гг. – увеличение числа исследований по расколу и мер по его пресечению (Нильский, 1864: 281–283).

Каждый из отделов имеет схожую структуру, разнящуюся по тем или иным незначительным блокам. Предшествует всем трем Отделам вступительная часть, содержащая «перечень сочинений по части раскола» из 104 позиций; двух «перечней распоряжений Правительства и событий, предшествовавших 1802 году»: первый за 1667–1734 гг., второй – 1734–1802 гг., т.е. от Московского собора до учреждения Министерства.

Как указывает Н.В. Варадинов, на «период первоначального учреждения Министерств» (1802–1809 гг.) правительство смягчило свои меры по отношению к «раскольникам», когда эта категория исчезла из официального языка и только лишь нарушения оными существовавших постановлений преследовались как преступления или проступки (Варадинов, 1863: 57). В связи с этим логика построения первой части первого отдела 8-й книги (1802–1809 гг.) по истории раскола была определена необходимостью рассмотрения «раскола вообще» и сект духоборцев и скопцов.

Уже со второй части первого отдела расширяется перечень рассматриваемых в книге «ересей и лжеучителей»: кроме духоборцев и скопцов, список дополняют молоканы, иконоборцы, хлысты, субботники (иудействующие), финские раскольники, скакуны.

В своей массе Н.В. Варадиновым приводятся различные правительственные постановления по делу раскольников об отношении к ним «снисходительно, принимая меры предосторожности против распространения раскола и очень редко прибегая к строгости» (Варадинов, 1863: 76–77). Например, разрешалось погребать на православных кладбищах раскаявшихся раскольников; запрещалось расторгать браки раскольников, хотя и не признавших православного христианства, но венчанных православным священником; духоборцы были освобождены от присяги при поступлении на военную службу и проч. (Варадинов, 1863: 77, 81).

Ценность труда Н.В. Варадинова «по расколу» заключается в том, что он, опираясь на широкий фактологический материал и официальные данные, приводит информацию об особенностях и аспектах религиозной жизни Российской империи первой половины XIX века, в частности:

- описание особенностей раскольнических сект и их культа;
- данные по географии распространения сект;
- ведомости о количестве «раскольнических молитвенных зданий и монастырей»;
- правительственные меры и распоряжения «по расколу» и др.

Особую ценность представляют данные о количестве раскольников в империи, приводимые в отдельности по губерниям. Данные, приводимые Н.В. Варадиновым, охватывают период 1826–1827, 1837, 1839, 1841, 1846 гг.).

Следует отметить, что в феврале 1826 г. было обнародовано Высочайшее повеление, адресованное губернаторам, которым вводилось в обязанность предоставлять Министерству внутренних дел сведения о численности раскольников. Именно эти данные и были использованы Н.В. Варадиновым в его работе.

Таблица 1. Численность раскольников в украинских губерниях первой половины XIX в. (Варадинов, 1863: 158-179, 374-379, 446-448)

	1826 г.			1827 г.			1837 г.			1839 г.			1841 г.			1846 г.		
	м.п.	ж.п.	Всего	м.п.	ж.п.	Всего	м.п.	ж.п.	Всего	м.п.	ж.п.	Всего	м.п.	ж.п.	Всего	м.п.	ж.п.	Всего
Вольнская губерния	748	727	1475	1009	914	1923	1331	1300	2631	1476	1444	2920	1483	1479	2962	1576	1614	3190
Екатеринославская губерния	1806	1840	3646	1985	1929	3914	2403	2449	4852	2550	2578	5128	2549	2203	4752	2454	2522	4976
Киевская губерния	1467	1380	2847	1470	1406	2876	1935	2098	4033	2040	2222	4262	2023	2162	4185	2273	2393	4666
Полтавская губерния	1718	1989	3717	1573	1616	3189	2047	2215	4262	2230	2393	4623	1990	2152	4142	1815	1968	3783
Подольская губерния	3003	2982	5985	4085	3157	7242	2626	2771	5397	3431	3732	7163	3647	4011	7658	3884	4134	8018
Харьковская губерния	2368	2447	4815	1387	1413	2800	1718	1852	3570	1780	1883	3663	1777	1801	3578	1758	1781	3539
Таврическая губерния	2627	2679	5306	2798	2707	5505	2501	2452	4953	2501	2452	4953	3129	3171	6300	1637	1204	2841
Херсонская губерния	4133	4362	8495	3691	3988	7679	2594	2527	5121	2623	2928	5551	3430	4523	7953	4263	4090	8353
Черниговская губерния	15107	14849	29956	15107	14849	29956	20385	21125	41510	21294	23639	44933	21587	23390	44977	23014	24677	47691
Всего по украинским губерниям	32977	33255	66232	33105	31979	65084	37540	38789	76329	39925	43271	83196	41615	44892	86507	42674	44383	87057
Всего по Российской империи	-	-	827721	-	-	835391	-	-	1003816	-	-	-	-	-	--	-	-	-

Нами был произведен подсчет численности раскольников обоого пола украинских губерний на основании сведений, предоставляемых Министерству внутренних дел местными властями (Таблица 1). Здесь следует дать некоторые отступления:

- 1) данные по Черниговской губернии за 1827 г. «не получены», поэтому расчет был подан по данным за предыдущий, 1826-й год;
- 2) данные по Таврической губернии за 1839 г. также «не получены» – расчет был подан по данным за предшествующий отчетный, 1837 год.
- 3) общих итогов по империи за 1839 и 1841 гг., как указано, «мы не подводили» ввиду того, что их невозможно было подвести, поскольку не были получены данные по нескольким губерниям (Варадинов, 1863: 179, 377-378, 381).

Как указывает сам автор, «первые сведения [за 1826–1827 гг.], разумеется, очень не полны, как потому что собирание их было первой попыткой, так и потому, что вообще собирание статистических сведений у нас, во всяком случае, неудовлетворительно вообще» (Варадинов, 1863: 157-158). Тем не менее, продолжает ученый, эти хотя и неполные данные, позволяют-таки проанализировать общую тенденцию развития расколичества, а также ареал его распространения. Это представляется особо важным, тем более в условиях, когда «раскол усиливался».

К моменту составления сводных данных по расколу за 1837 г., 1839 г. правительством были предприняты дополнительные меры по противодействию и борьбе с ним. Так, с этой целью было принято решение об объединении усилий «как со стороны губернского, так и епархиального начальства».

Кроме того, были созданы губернские Совецательные комитеты (существовавшие до сих пор только в Москве и Санкт-Петербурге) в регионах, наиболее подверженных расколу: Петрозаводске, Перми, Тамбове, Чернигове – в 1838 г.; Саратове, Твери – в 1839 г.

В дополнение были введены новые штатные единицы по работе с расколом в самом Министерстве внутренних дел, а в Святейшем Синоде дела раскольников выведены в отдельное производство.

С 1841 г., когда пост министра внутренних дел занял граф Л.А. Перовский, дела по расколу стали «систематическими». Практика письменных донесений местных властей, а также «предположений» губернских Совецательных комитетов не оправдывала себя в полной мере, поэтому было принято решение практиковать экспедиции чиновников Министерства внутренних дел в «проблемные» губернии для «описания монастырей, скитов, слобод расколических, моленных и других расколических заведений».

Данные по расколу, которые приводятся Н.В. Варадиновым, ограничиваются 1846 г., ибо «ведомости эти остались в прежнем положении..., они не представляли тех цифр, по которым можно было бы судить о количестве раскольников и их молитвенных домов, ограничиваясь приблизительным указанием на массы раскольников, густоту их расселения в известных местностях» (Варадинов, 1863: 446).

Данные за 1849–1850 гг. содержат лишь общую информацию по численности раскольников в целом по империи и разрозненную информацию по отдельным губерниям. В 1849 г. количество раскольников по империи составляло 741215 чел., а в 1850 г. – 749981 чел. Для сравнения, в общеимперском масштабе на 1849 г. на 8 губерний приходится почти половина раскольников:

- Пермская губерния – 70026 чел.;
- Московская губерния – 65110 чел.;
- Черниговская губерния – 50011 чел.;
- Саратовская губерния – 45185 чел.;
- Витебская губерния – 40870 чел.;
- Томская губерния – 35634 чел.;
- Вятская губерния – 34770 чел.;
- Нижегородская губерния – 24007 чел.

Наименьшее количество раскольников наблюдалось в Эстляндской губернии – 57 чел. (Варадинов, 1863: 576-577). Среди наиболее многочисленных на 1850 г. сект Н.В. Варадинов называет секты «поповщинские», численностью 403900 чел.; «безпоповщинские», численностью 308598 чел.; молокан и духоборцев – 29095 чел.; субботников – 5830 чел.; скопцов – 1989 чел.; хлыстов и др. – 569 чел. (Варадинов, 1863: 577).

Таким образом, можем в качестве анализа динамики численности раскольников построить линии тренда в общеимперском масштабе, по украинским губерниям в целом и в отдельности по каждой украинской губернии за указанный период (Рисунки 1-3).

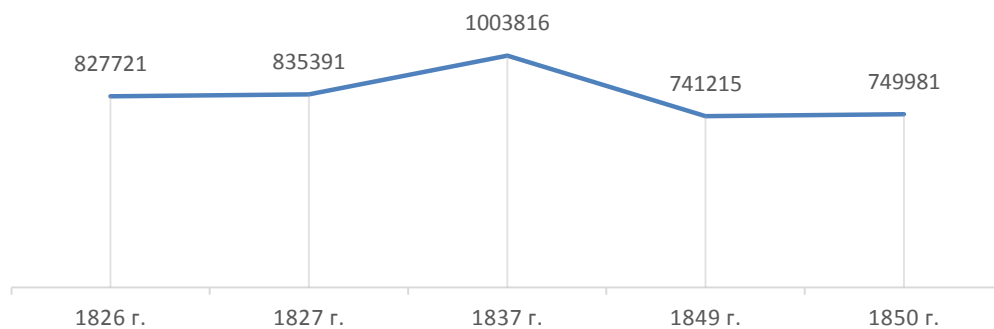

Рис. 1. Общеимперская численность раскольников, 1826-1850 гг. (чел.)

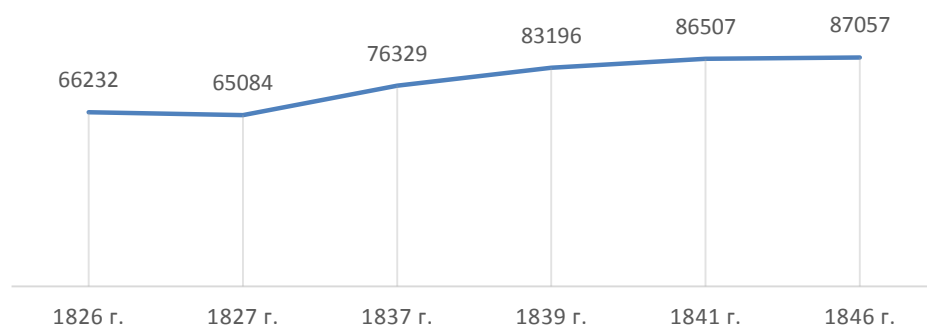

Рис. 2. Численность раскольников по украинским губерниям", 1826-1846 гг. (чел.)

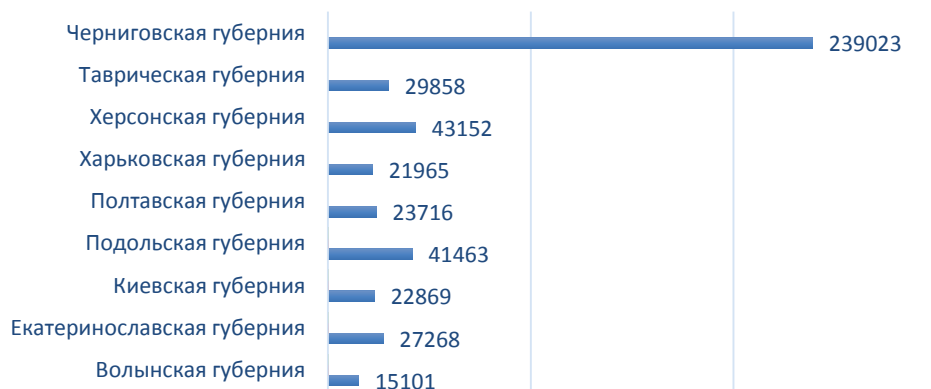

Рис. 3. Численность раскольников по украинским губерниям, 1826-1846 гг. (чел.)

Анализируя приведенные данные по численности раскольников в общеимперском контексте, следует отметить их значительное снижение, начиная с конца 30-х гг. XIX в. Этот факт, по-видимому, следует связать с проводимой в отношении раскольников политикой императора Николая I. Ее характерными особенностями, в частности, были:

- во-первых, Указом Николая I 1837 г. во всех официальных документах для этих групп людей восстанавливалось прежнее их название – «раскольники»;
- во-вторых, была усовершенствована схема административно-судебного надзора за раскольниками, в которую были вовлечены как представители духовных ведомств на местах, так и местные судебно-административные учреждения;
- в-третьих, были учреждены специальные совещательные комитеты для надзора и борьбы с раскольничеством;
- в-четвертых, правительство инициировало ограничение личных прав и свобод раскольников, касательно их как духовной, так и гражданской деятельности;

– в-пятых, активная политика правительства в отношении раскольников приводила к их выселению в Закавказье, Сибирь, сопровождаемому подчас разрушением общинного уклада раскольников и социальных взаимосвязей между ними, и другие меры.

Однако в итоге победить расколичество так и не удалось. Сократившись по своей численности, оно все больше приобретало характер тайных собраний и общин, продолжая существовать в режиме повышенной секретности и конспирологии. По большей части расколический вопрос удалось решить только после падения империи уже новой советской властью.

Как отмечает сам Н.В. Варадинов, в период до 1853 г. наблюдается повсеместное «распространение раскола», охватывающее все новые и новые местности (Варадинов, 1863: 628). Среди причин такой ситуации отмечается «невежество и упорство раскольников», злоупотребления со стороны как светских, так и духовных властей на местах, в частности «нечистосердечные действия со стороны местных властей», препятствующие ограничению расколичества (Варадинов, 1863: 640); применение насилия по отношению к раскольникам, коррупция местных отделений полиции, уличенных во взяточничестве за освобождение арестованных раскольников (Варадинов, 1863: 641), и другие злоупотребления.

Все это в совокупности препятствовало разрешению расколического вопроса в Российской империи и повсеместному росту их численности в украинских губерниях, что мы и наблюдаем из анализа официальных данных. Для понимания специфики происходящих процессов, связанных с расколичеством в украинских губерниях, нами была просчитана динамика его развития в период с 1826 г. по 1846 г. (Таблица 2).

Таблица 2. Динамика численности раскольников по украинским губерниям первой половины XIX в. (чел.)

	1826 г.	1827 г.	1837 г.	1839 г.	1841 г.	1846 г.	1826-1846 гг. чел.	1826-1846 гг. %
Волынская губерния	-	+448	+708	+289	+42	+228	+1715	+116%
Екатеринославская губерния	-	+268	+938	+276	-376	+224	+1330	+36%
Киевская губерния	-	+29	+1157	+229	-77	+481	+1819	+64%
Полтавская губерния	-	-528	+1073	+361	-481	-359	+66	+1,7%
Подольская губерния	-	+1257	-1845	+1766	+495	+360	+2033	+34%
Харьковская губерния	-	-2015	+770	+93	-85	-39	-1276	-26%
Таврическая губерния	-	+199	-552	-	+1347	-3459	-2465	-46%
Херсонская губерния	-	-816	-2558	+430	+2402	+400	-142	-1,6%
Черниговская губерния	-	-	+11554	+3423	+44	+2714	+17735	+59%
Всего по украинским губерниям	-	-1148	+11245	+6867	+3311	+550	+20825	+31%

Как мы видим из расчетов, в целом по украинским губерниям наблюдается увеличение числа зафиксированных раскольников. Из 9 украинских губерний уменьшение их численности наблюдается только в трех: Харьковской, Таврической и Херсонской, причем в последней – в рамках погрешности. Наибольший в процентном отношении рост расколичества наблюдается в Волынской, Киевской и Черниговской губерниях.

В целом, как представляется, достаточно сложно усмотреть все факторы, влияющие на рост расколичества в украинских губерниях. Это могли быть и особенности работы конкретных ведомств на местах по учету раскола. В этом контексте уместно заявить, что, по сравнению с другими губерниями, в Черниговской губернии (где численность учтенных раскольников в 5,5 раз превышала количество раскольников по сравнению с Херсонской губернией – второй по численности сектантов) местные власти проявляли большее усердие по выявлению и учету раскольников, но тем не менее это не воспрепятствовало Н.В. Варадинову утверждать о неэффективности действий местных властей по раскрытию расколичества (Варадинов, 1863: 640).

Среди факторов, определяющих степень развития расколичества в регионе, можно выделить и миграционные процессы в среде раскольников: в частности, взаимосвязанные процессы переселения раскольников как в границах украинских губерний (например из Правобережья на юг или наоборот, с юга – в Харьковскую губернию); сильным был поток переселенцев, в частности скопцов, из великороссийских губерний транзитом в Бессарабию, Молдавию и Румынию и т.д.

Не стоит сбрасывать со счетов и фактор естественного прироста среди раскольников, а также обращение в раскольниковство новых adeptов из числа православного населения по причине их «полнейшего невежества и упорства».

Отдельно следует учесть фактор гендерной дифференциации раскольниковства по украинским губерниям. В этом контексте необходимо отметить, что гендерная составляющая раскольниковства была обязательной при сборе сведений о раскольниковстве на местах, наряду с данными по общей численности раскольников, количеству их молитвенных домов и другой информации.

С этой целью нами была подсчитана общая численность раскольников украинских губерний с учетом их гендерной спецификации, чтобы сформировать комплексный портрет раскольниковства на основании имеющихся статистических данных (Таблица 3).

Таблица 3. Гендерная дифференциация «раскольниковства» по украинским губерниям

	1826–1846 гг. чел., м.п.	1826–1846 гг. чел., ж.п.
Волынская губерния	7623	7478
Екатеринославская губерния	13747	13521
Киевская губерния	11208	11661
Полтавская губерния	11373	12333
Подольская губерния	20676	20787
Харьковская губерния	10788	11177
Таврическая губерния	15193	14665
Херсонская губерния	20734	22418
Черниговская губерния	116494	122529
Всего по украинским губерниям	227836	236569

Как видим, особо большого разрыва в численности раскольников среди мужчин и женщин не наблюдается; наибольшая их разница по численности – в Херсонской и Черниговской губерниях (на 1684 и 6035 чел. соответственно). Наименьшая – 111 чел. – наблюдается в Подольской губернии. Что же касается общеукраинского масштаба, то разница составляет 8733 чел. в пользу раскольников женского пола.

Отдельный интерес представляет вопрос гендерной дифференциации среди отдельно взятых сект, но такая информация в работе Н.В. Варадинова не представлена.

Но, как оказалось, «нет сомнения, что эти официальные цифры, и в частности и в общем итоге, весьма далеки не только от точности, но даже от приблизительного правдоподобия» (Надеждин, 1845: 324-325). И, как кажется, даже приводимые данные по численности раскольников в 9 млн. 300 тыс. чел. на 1859 г. все так же далеки от окончательной цифры (Криницкая, 2010: 32).

5. Заключение

Следует отметить, что, несмотря на различие в проводимой российскими властями по отношению к раскольникам политике, актуальным был вопрос их учета, для чего на местные власти возлагались обязанности по установлению общей численности раскольников, ареала их распространения, установления гендерной дифференциации раскольниковства.

Ареал распространения раскольниковства был достаточно широк и увеличивался с распространением российской имперской власти на новые территории. В этом отношении миграционные потоки раскольников носили как «официальный» характер (когда они были или насильно, или по разрешению властей переселены в Сибирь, Закавказье, Бессарабию, южно-украинские губернии и проч.), так и «неофициальный» – как исход от преследований и ущемлений со стороны властей.

Еще одним аспектом исследования раскольниковства является его социальный состав. Следует отметить, что среда раскольников представляла собой достаточно пеструю социальную структуру: среди сектантов были и крестьяне, и помещики, и рабочие. Мало того, встречались и люди высокопоставленные и авторитетные: генералы, министры, православные иерархи и проч. В связи с вышесказанным представляется, что раскольнический вопрос для официальных российских властей представлял действительную проблему, поскольку сектанты воспринимались не столько как отступники от «истинной» веры, сколько как мятежники против официальной власти, что, собственно, было в некоторой степени одним и тем же.

Подытоживая вопрос о численности раскольников, следует указать на их относительную точность. Потому приводимые Н.В. Варадиновым данные о численности раскольников никоим образом не должны восприниматься нами как окончательные, а лишь как возможные для оценки

распространения и влияния раскольников на социально-политическую, духовно-культурную, религиозную жизнь Российской империи вплоть до ее падения в 1917 г.

Литература

Бондарь, 1916 – *Бондарь С.Д.* Секты хлыстов шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих: Краткий очерк. Петроград: Типография В.Д. Смирнова, 1916. 96 с.

Булавина, 2014 – *Булавина М.А.* Государственное управление иностранными вероисповеданиями в Российской империи в XIX в. // *Вестник РУДН. Серия «Государственное и муниципальное управление»*. 2014. 4: 5-10.

Буткевич, 1910 – *Буткевич М.И.* Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография губернского правления, 1910. 637 с.

Варадинов, 1863 – *Варадино, Н.В.* История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1863. 656 с.

Верт, 2012 – *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. Москва: НЛО, 2012. 210 с.

Высоцкий, 1915 – *Высоцкий Н.Г.* Первый скопческий процесс. Материалы, относящиеся к начальной истории скопческой секты. Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1915. 346 с.

Грацианский, 1904 – *Грацианский Д.* Что такое секта вообще, и «рационалистическая», и «мистическая» в частности? // *Миссионерское обозрение*. 1904. 8: 971-980.

Ивановский, 1892 – *Ивановский И.* Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань: Центральная типография, 1892. 248 с.

Криницкая, 2010 – *Криницкая Г.С.* Тайные секты в России: исторический очерк. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 35 с.

Маргаритов, 1910 – *Маргаритов С.* История русских рационалистических и мистических сект. 3-е изд., испр. и доп. Симферополь: Таврич. губ. тип., 1910. 228 с.

Лукьянов, 2015 – *Лукьянов С.А.* Взаимодействие департамента полиции и департамента духовных дел МВД Российской империи. *Бизнес в законе*. 2015. 3: 9-12.

Надеждин, 1845 – *Надеждин Н.И.* Исследование о скопческой ереси. Санкт-Петербург, 1845. 384 с. + 120 с.

Нильский, 1864 – *Нильский Н.* Библиографические заметки. История Министерства внутренних дел Н. Варадинова, доктора права и философии. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу // *Христианское чтение*. 1864. Ноябрь: 273-323.

Оленич, 2005 – *Оленич Т.С.* Проблема классификации русского религиозного сектантства Российской империи // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2005. 2: 15-25.

Потоцкий, 2015 – *Потоцкий, В.* (2015). Російська секта скопців у Румунії та її зв'язки з одновірцями в Україні (XIX – початок XX ст.) // *Дриновський збірник*. 2015. 8: 26-33.

Потоцкий, 2014 – *Потоцкий, В.* (2014). Секта скопців у Бессарабії та на Поділлі (середина XIX – початок XX ст.) // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, №1138, «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки»*. 2014. 19: 62-68

Сафонов, 2006 – *Сафонов А.А.* Регулирование деятельности инославных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // *Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова*. 2006. 5: 32-35.

Сафронов, 2013 – *Сафронов Р.О.* Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2013. 5(49): 96-112.

Секирин, 2019 – *Секирин А.А.* Секты в религиозной жизни Российской империи: типология и эволюция во второй половине XIX – начале XX веков: на материале Воронежской и Курской губерний. Дисс. ... канд. истор. наук. Белгород, 2019. 252 с.

Собрание, 1860 – Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Святого Синода: Кн. II (1801–1858). Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1860. 919 с.

Субботин, 1905 – *Субботин Н.И.* Воспоминания о некоторых писателях прошедшего столетия и их письмах. О Н.В. Варадинове // *Русский вестник*. 1905. 295: 72-83.

Терюкова, 2010 – *Терюкова Е.А.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2010. 4: 204-208.

Терюкова, 2018 – *Терюкова Е.А.* Чиновники Департамента духовных дел иностранных исповеданий – исследователи религии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. 1: 33-53.

Черныш, 2015 – *Черныш А.В.* Мистическое сектантство в Центрально-Черноземном регионе России в XIX – начале XX века. Дисс... канд. истор. наук. Брянск, 2015.

Шингарева, 2015 – Шингарева Н.В. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. 54(10): 54-56.

Шугаева, 2007 – Шугаева, Л.М. (2007). Православне сектантство в Україні: особливості трансформації. Рівне: Видавець О.М. Зень, 2007. 320 с.

Шутеев, 2008 – Шутеев Ю.В. «Мистическое» сектантство в российской провинции в XIX – начале XX веков (на материалах Курской губернии) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2008. 2: 17-20.

Degtyarev, 2015 – Degtyarev, S. (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov // *Bylye Gody*. 36(2): 254-259.

Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev, S., Zavorodnia, V., Polyakova, L. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1530-1537.

Degtyarev, 2014 – Degtyarev, S. (2014). Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of «Enlightened Bureaucracy»: Bureaucrat's Biography // *Russkaya Starina*. 2014. 9(1): 4-10.

Lebid et al., 2021 – Lebid, A., Kostenko, A., Shevchenko, N. (2021). N.V. Varadinov's Research Papers and Publications as a Source on the History of the Russian Empire of the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 118-125.

Teryukova, 2017 – Teryukova, E.A. (2017). The Officials of the Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions as Researchers of the State-Church Relationships in Russia // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 451-459.

References

Bondar', 1916 – Bondar', S.D. (1916). Sekty hlystov shaloputov, duhovnyh hristian, staryj i novyj Izrail' i subbotnikov i iudejstvuyushchih: Kratkij ocherk [Sects of the Khlysty Shaloputs, Spiritual Christians, Old and New Israel, and Subbotniks and Judaizers: A Brief Essay]. Petrograd: Tipografiya V.D. Smirnova, 96 p. [in Russian]

Bulavina, 2014 – Bulavina, M.A. (2014). Gosudarstvennoe upravlenie inostrannymi veroisповедaniyami v Rossijskoj imperii v XIX v. [State administration of foreign religions in the Russian Empire in the 19th century]. *Vestnik RUDN. Seriya Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*. 4: 5-10. [in Russian]

Butkevich, 1910 – Butkevich, M.I. (1910). Obzor russkih sekt i ih tolkov [Overview of Russian sects and their interpretations]. Har'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 637 p. [in Russian]

Chernysh, 2015 – Chernysh, A.V. (2015). Misticheskoe sektantstvo v Central'no-CHernozemnom regione Rossii v XIX – nachale XX veka [Mystical sectarianism in the Central Black Earth region of Russia in the 19th - early 20th centuries]. Diss.. kand. istor. nauk. Bryansk. [in Russian]

Degtyarev, 2015 – Degtyarev, S. (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2): 254-259.

Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev, S., Zavorodnia, V., Polyakova, L. (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537.

Degtyarev, 2014 – Degtyarev, S. (2014). Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of «Enlightened Bureaucracy»: Bureaucrat's Biography. *Russkaya Starina*. 9(1): 4-10.

Gracianskij, 1904 – Gracianskij, D. (1904). Chto takoe sekta voobshche i «racionalisticheskaya», i «misticheskaya» v chastnosti? [What is a sect in general and "rationalistic" and "mystical" in particular]. *Missionerskoe obozrenie*. 8: 971-980. [in Russian]

Ivanovskij, 1892 – Ivanovskij, I. (1892). Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu staroobryadcheskogo raskola s prisovokupleniem svedenij o sektah racionalisticheskij i misticheskij [A guide to the history and denunciation of the Old Believer schism with the addition of information about the rationalistic and mystical sects]. Kazan': Central'naya tipografiya, 248 p. [in Russian]

Krinickaya, 2010 – Krinickaya, G.S. (2010). Tajnye sekty v Rossii: istoricheskij ocherk [Secret sects in Russia: a historical brief]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 35 p. [in Russian]

Lebid et al., 2021 – Lebid, A., Kostenko, A., Shevchenko, N. (2021). N.V. Varadinov's Research Papers and Publications as a Source on the History of the Russian Empire of the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(1): 118-125.

Luk'yanov, 2015 – Luk'yanov, S.A. (2015). Vzaimodejstvie departamenta policii i departamenta duhovnyh del MVD Rossijskoj imperii. [Interaction between the Police Department and the Department of Spiritual Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. *Biznes v zakone*. 3: 9-12. [in Russian]

Margaritov, 1910 – Margaritov, S. (1910). Istoriya russkih racionalisticheskij i misticheskij sekt. [History of Russian rationalistic and mystical sects]. Simferopol': Tavrich. gub. tip., 228 p. [in Russian]

Nadezhdin, 1845 – Nadezhdin, N.I. (1845). Issledovanie o skopcheskoj erezii [Research on scopic heresy]. Sankt-Peterburg, 384 p. + 120 p. [in Russian]

Nil'skij, 1864 – *Nil'skij, N.* (1864). Bibliograficheskie zametki. Istoriya Ministerstva vnutrennih del N. Varadinova, doktora prava i filosofii. Vos'maya, dopolnitel'naya kniga. Istoriya rasporyazhenij po raskolu [Bibliographic notes. History of the Ministry of Internal Affairs by N. Varadinov, Doctor of Law and Philosophy. Eighth, supplementary book. Split Orders History]. *Hristianskoe chtenie*. Noyabr': 273-323. [in Russian]

Olenich, 2005 – *Olenich, T.S.* (2005). Problema klassifikacii russkogo religioznogo sektantstva Rossijskoj imperii. [The problem of classification of Russian religious sectarianism in Russian Empire]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 2: 15-25. [in Russian]

Pototskyi, 2014 – *Pototskyi, V.* (2014). Sekta skoptsiv u Bessarabii ta na Podilli (seredyna XIX – pochatok XX st.) [Sect of eunuchs in Bessarabia and Podolia (mid-nineteenth - early twentieth century)]. *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu im. V.N. Karazina, №1138, «Istoriia Ukrainy. Ukrainoznavstvo: istorychni ta filosofski nauky»*. 19: 62-68. [in Ukrainian]

Pototskyi, 2015 – *Pototskyi, V.* (2015). Rosiiska sekta skoptsiv u Rumunii ta yii zviazky z odnovirtsiamy v Ukraini (XIX – pochatok XX st.). [The Russian sect of eunuchs in Romania and its ties with fellow believers in Ukraine (XIX – early XX centuries)]. *Drynovskiyi zbirnyk*. 8: 26-33. [in Ukrainian]

Safonov, 2006 – *Safonov, A.A.* (2006). Regulyrovaniye deyatel'nosti inoslavnyh i inovernyh veroispovedanij Ministerstvom vnutrennih del. [Regulation of the activity of heterodox and non-faith religions by the Ministry of Internal Affairs]. *Vestnik KGU imeni N.A. Nekrasova*. 5: 32-35. [in Russian]

Safronov, 2013 – *Safronov, R.O.* (2013). Izuchenie sekt v sovetskom religiovedenii: terminologiya i podhody [The study of sects in Soviet religious studies: terminology and approaches]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 5(49): 96-112. [in Russian]

Sekirin, 2019 – *Sekirin, A.A.* (2019). Sekty v religioznoj zhizni Rossijskoj imperii: tipologiya i evolyuciya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov: na materiale Voronezhskoj i Kurskoj gubernij [Sects in the religious life of the Russian Empire: typology and evolution in the second half of the 19th – early 20th centuries: on the material of the Voronezh and Kursk provinces]. Diss. ... kand. istor. nauk. Belgorod, 252 p. [in Russian]

Shingaryova, 2015 – *Shingaryova, N.V.* (2015). Rol' Departamenta duhovnyh del inostrannyh ispovedanij v processe realizacii gosudarstvennoj politiki v veroispovednoj sfere [The role of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the implementation of state policy in the religious sphere]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 54(10): 54-56. [in Russian]

Shugaeva, 2007 – *Shugaeva, L.M.* (2007). Pravoslavne sektantstvo v Ukraini: osoblivosti transformacii [Orthodox sectarianism in Ukraine: features of transformation]. Rivne: Vidavec' O.M. Zen', 320 p. [in Ukrainian]

Shuteev, 2008 – *Shuteev, Yu.V.* (2008). «Misticheskoe» sektantstvo v rossijskoj provincii v XIX – nachale XX vekov (na materialah Kurskoj gubernii). [“Mystical” sectarianism in the Russian province in the XIX – early XX centuries (on the materials of the Kursk province)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2: 17-20. [in Russian]

Sobranie..., 1860 – *Sobranie postanovlenij po chasti raskola, sostoyavshihysya po vedomstvu Svyatogo Sinoda: Kn. II (1801-1858)*. [Collection of resolutions on the part of the schism, held under the authority of the Holy Synod]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 919 p. [in Russian]

Subbotin, 1905 – *Subbotin, N.I.* (1905). Vospominaniya o nekotoryh pisatelyah proshedshego stoletiya i ih pis'mah. O N.V. Varadinove [Memories of some writers of the past century and their letters. About N.V. Varadinov]. *Russkij vestnik*. 295: 72-83. [in Russian]

Teryukova, 2010 – *Teryukova, E.A.* (2010). Departament duhovnyh del inostrannyh ispovedanij i etnokonfessional'naya politika Rossijskogo gosudarstva (XVIII – nachalo XX v.) [Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and Ethno-Confessional Policy of the Russian State (18th – early 20th century)]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 4: 204-208. [in Russian]

Teryukova, 2017 – *Teryukova, E.A.* (2017). The Officials of the Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions as Researchers of the State-Church Relationships in Russia. *Bylye Gody*. 44(2): 451-459.

Teryukova, 2018 – *Teryukova, E.A.* (2018). Chinovniki Departamenta duhovnyh del inostrannyh ispovedanij – issledovateli religii [Officials of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions - Researchers of Religion]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 1: 33-53. [in Russian]

Varadinov, 1863 – *Varadinov, N.V.* (1863). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. Vos'maya, dopolnitel'naya kniga [History of the Ministry of the Interior. Eighth, supplementary book]. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 656 p. [in Russian]

Vert, 2012 – *Vert, P.* (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, heterodoxy, disbelief: essays on the history of the religious diversity of the Russian Empire]. Moskva: NLO, 210 p. [in Russian]

Vysockij, 1915 – *Vysockij, N.G.* (1915). Pervyj skopcheskij process. Materialy, otnosyashchiesya k nachal'noj istorii skopcheskoj sekty [The first scopic process. Materials related to the initial history of the scopic sect]. Moskva: Pechatnya A.I. Snegiryovoj, 346 p. [in Russian]

О некоторых аспектах религиозной жизни украинских губерний Российской империи в первой половине XIX века

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Наталья Александровна Шевченко ^{b, c}

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы особенности религиозной жизни украинских губерний Российской империи в части раскольников и сектантства в первой половине XIX века. Источником для изучения этого вопроса послужил 8-й том «Истории Министерства внутренних дел» Н.В. Варадинова, где использованы многочисленные архивные данные, документы, а также научные работы для исследования вопросов религиозного развития российского государства в указанный период.

Приведена обширная библиография вопроса, особенно дореволюционных авторов, специализировавшихся на изучении сектантства и раскольников.

На основании статистических отчетов, содержащихся в работе, подсчитано количество раскольников в украинских губерниях за 1826–1827, 1837, 1839, 1841, 1846 гг., когда, собственно, и были предоставлены отчеты Министерству. В результате подсчетов нами было установлено, что наибольшее число раскольников в подавляющем количестве было зафиксировано в Черниговской губернии. В целом же их численность была неравномерно распределена по всем украинским губерниям.

Установлено, что в период с 1826 г. по 1846 г. наблюдалось общее снижение численности раскольников в масштабе империи, тогда как на территории украинских губерний происходило ее увеличение в среднем на 27 %.

В качестве вывода была сформулирована гипотеза о том, что к приведенным как Н.В. Варадиновым, так и другими источниками данным о численности раскольников в Российской империи в указанный период следует относиться скептически ввиду объективных обстоятельств и условий, не позволяющих точно установить численный состав сектантов.

Ключевые слова: раскольников, сектантство, Министерство внутренних дел, мистические секты, рационалистические секты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 641-651.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.641
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830: Protocol and Communication Aspects

Roman O. Raynkhardt ^{a, *}

^a Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of the protocol and communication aspects of the diplomatic corps of Saint Petersburg contacts with the famous Russian man of letters and back then ex-member of the foreign service Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830. Using the materials of Russian, French, Spanish and Neapolitan foreign policy archives alongside other documental sources, as well as specialized literature, with recourse to the prosopographic method, the author analyses the impact of high ranking diplomats' interaction with Pushkin on their professional activities. The research outlines that many diplomats, especially ambassadors, tended to regard Pushkin not just as a prominent culture figure, but also and rather as a valuable source of information regarding Russian affairs, both domestic and foreign. Therefore, in many cases they might have been the initiators of such contacts conducive to a mutually beneficial exchange of insights. While the heads of diplomatic missions sometimes referred in dispatches to their Russian counterpart, the latter not only took part in the high society protocol events they invited him to, but also managed to interview them on some issues important to him. The analysis looks into the details of this two-way information exchange, while comparing and collating the respective career paths of diplomatic corps members. It reveals that most of them shared certain political stances and ethical values, most importantly moderate sympathies for the Russian State and Emperor, which often diverged from the foreign policy course of the governments they represented. Such a group-uniting factor, in its turn, may be regarded as to a considerable extent determined by their previous diplomatic experience, marriages and personal background. The author concludes that the combination of these features shaped a unique atmosphere within a large fraction of the Saint Petersburg international diplomatic community, Pushkin can be considered in a large sense a part of, on the verge of the 1830s.

Keywords: history of Russian diplomacy, diplomatic protocol, diplomatic corps, Russia's diplomatic relations with European countries, communication of diplomats.

1. Введение

Пребывание А.С. Пушкина (далее – Пушкин) после возвращения с Кавказа в Санкт-Петербурге с 10 ноября 1829 года по 10 марта 1830 года, как и большинство других этапов его биографии, неоднократно и подробно исследовалось пушкинистами (ЛЖТ, 1999). Указанный период характеризуется интенсивной светской жизнью литератора, включавшей регулярное общение с представителями дипломатического корпуса столицы Российской империи (Высочков, 2012: 246). Тем не менее в пушкиноведческих исследованиях данные связи по понятным причинам принято анализировать из перспективы самого Пушкина с точки зрения того, как контакты с тем или иным лицом влияли или могли повлиять на его жизнь и творчество. Между тем то, каким образом подобная коммуникация отражалась на профессиональной деятельности представителей собственно

* Corresponding author

E-mail addresses: don.reinhardt@mail.ru (R.O. Raynkhardt)

дипломатического корпуса, до сих пор не получало системного рассмотрения именно в исторических, а не в литературоведческих исследованиях.

В связи с этим важный исследовательский вопрос заключается в том, чем Пушкин мог быть интересен аккредитованным в Санкт-Петербурге главам дипломатических миссий рассматриваемого периода не только в качестве видного деятеля культуры, но и, возможно, как источник информации по интересующим их вопросам. Не состоявший на тот момент на государственной службе и не выделявшийся в отношении своих финансовых ресурсов, связей в правительственных и деловых кругах, поэт был, однако, персоной грата на дипломатических приемах и иных светских мероприятиях. Последнее позволяет выдвинуть гипотезу о том, что его общение с дипломатами руководящего состава иностранных посольств было по меньшей мере обоюдозакономерным. Научная новизна исследования заключается в анализе протокольных и коммуникационных аспектов такого взаимодействия.

При этом следует обратить внимание на то, что далеко не все послы, находившиеся в тот период в столице, активно контактировали с Пушкиным, взять, например, представителя Вюртемберга К. Гогенлоэ, который лишь позднее стал уделять внимание литератору в своих депешах ([Скрынников, 1999: 100](#)). Исходя из этого, при исследовании той части дипломатического корпуса, для которой Пушкин был желанным гостем и собеседником, имеет смысл учитывать фактор некоторой социально-групповой идентичности. Описание последней подразумевает выявление сходства позиций, общих ценностей или иных объединяющих черт. Сочетание данных обстоятельств определило источниковую базу и методологию настоящего исследования.

2. Материалы и методы

Главным элементом источниковой базы работы служат архивные материалы, относящиеся к исследуемым персоналиям, среди которых можно выделить две группы. Первую – составляют документы личного происхождения, касающиеся взаимодействия Пушкина с профессиональным дипломатическим сообществом: специальный фонд российского внешнеполитического ведомства (АВПРИ. Ф. Пушкин), Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (Дела III Отд., 1906), а также материалы, собранные, систематизированные и опубликованные В.Е. Якушкиным ([Якушкин, 1884](#)), Г.А. Гастфрейндом ([Гастфрейнд, 1900](#)), Н.А. Котляревским ([ВПД, 1914](#)), М.А. Цявловским, Л.Б. Модзалевским и Т.Г. Зенгер ([Рукою Пушкина..., 1935](#)).

Вторая группа – переписка (рукописи депешей и докладов) глав и сотрудников иностранных дипломатических миссий в Санкт-Петербурге с их центральными органами внешних сношений: фонды французского МИД ([АМАЕ](#)), Национального исторического архива Мадрида ([AHN. Estado](#)), Государственного архива Неаполя ([ASN. Archivio Borbone](#)), Британской библиотеки ([Add. MSS 41511-63](#)). Они относятся соответственно к послу Франции К. де Мортемару и его секретарю Т. де Лагрене, послам Королевства Обеих Сицилий Дж.-К. Лудольфу, Испании Х.М. Паэсу де ла Кадена и Великобритании У. Хейтсбери.

Дополнительно к этому для уточнения некоторых биографических сведений исследуемых дипломатов были использованы справочные издания: «Британский национальный биографический словарь» ([DNB, 1891](#)), «Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Том третий (1829–1832)» ([ЛЖТ, 1999](#)), «Пушкин и его окружение» ([Черейский, 1988](#)).

Также для анализа протокольной стороны контактов, отдельных эпизодов и казусов были привлечены труды, относящиеся к корпусу специализированной литературы по истории дипломатического протокола ([Лядов, 2004](#); [Борунков, 2019](#)).

В качестве основного метода исследования был применен просопографический анализ ([Stone, 1971](#)), то есть комплексное сопоставление биографий исторических лиц, объединенных отношением к исследуемой эпохе (в данном случае – рубеж 1820–1830-х годов) и социальной группе (профессиональное сообщество дипломатов). Объектами такого анализа были выбраны биографии членов дипломатического корпуса в узком (главы миссий) и широком (те же, весь дипломатический персонал, а также проживающие с ними члены семей) значениями данного термина ([Борунков, 2019: 21](#)), а именно: главы австрийского, французского, британского и неаполитанского посольств с супругами, посол Испании, второй секретарь французского посольства (в общей сложности 10 человек). Путем анализа и последующего синтеза были выявлены черты, объединяющие данную группу, все участники которой, в отличие от многих других дипломатических агентов, поддерживали тесные контакты с Пушкиным в рассматриваемый период.

3. Обсуждение

Отдельные эпизоды, связанные с общением членов дипломатического корпуса Санкт-Петербурга, и особенно австрийского посла Ш.-Л. Фикельмона, с Пушкиным, нашли фрагментарное освещение в трудах отечественных историков Р.Г. Скрынникова ([Скрынников, 1999](#)) и Л.В. Выскочкова ([Выскочков, 2012](#)). Помимо этого, такие контакты, разумеется, неоднократно попадали в поле зрения пушкиноведов, в частности Л.А. Черейского ([Черейский, 1988](#)), Н.А. Тарховой ([ЛЖТ, 1999](#)), равно как и многих других, исчерпывающее перечисление которых едва ли технически осуществимо. При этом в случае первых отражение проблематики не находилось в

фокусе их исследований, но скорее иллюстрировало и в некотором смысле украшало описание жизни Императорского Двора времен Николая I. В случае вторых, как отмечалось выше, в центре внимания естественным образом находился сам Пушкин, из перспективы которого, причем без обобщения по критерию принадлежности к дипломатической среде и профессиональному сообществу, изучались те или иные его светские связи. То, что, с одной стороны, обратное направление таких связей до сих пор не получало разработки, и с другой – даже в своем прямом измерении они рассматривались в рамках более широких тем, определяет научную новизну настоящей статьи.

Карьерные пути и работа в России практически всех перечисленных дипломатов в той или иной степени отражены в исторических сочинениях, посвященных николаевской эпохе, как классических, например монографии С.С. Татищева (Татищев, 1889), так и современных (Высочков, 2012; Кудрявцева, 2018). В значительной степени разработанными Т.Н. Гончаровой предстают биографии французских дипломатов К. де Мортемара (Гончарова, 2008) и Т. де Лагрене (Гончарова, 2014, 2015). В последние годы также возрос интерес историков к личности испанского посла Х.М. Паэса де ла Кадена (Белоусов, 2020; Райнхардт, 2020b), прежде едва ли находимого на страницах специализированных работ.

Несколько меньше сведений о неаполитанском после Дж.-К. Лудольфе и его английском коллеге У. Хейтсбери. Первый хорошо известен в зарубежной историографии, например по монографии Дж. Галлавреси (Gallavresi, 1905), в то время как среди русскоязычных работ фигурирует лишь в двух трудах генеалогического характера (Скаммакка Дель Мурго, 2013; Зонина, Шебалин, 2014). Второй и вовсе в основном лишь упоминается в списках дипкорпуса или в контексте российско-британских отношений (DNB, 1891: 106).

Таким образом, наряду с решением главного исследовательского вопроса, сформулированного выше, одной из задач работы видится вклад в описание мало освещенных в российской специализированной исторической литературе страниц биографий указанных дипломатов в части их работы в николаевской России и в контексте связанных с данной работой деловых контактов.

4. Результаты

Одним из немногочисленных и практически не исследованных архивных материалов, дающих системное представление о контактах дипломатического корпуса Санкт-Петербурга с Пушкиным, предстает список лиц, которым литератор намеревался направить визитные карточки к новому 1830-му году. Впервые он был опубликован в сборнике В.Е. Якушкина в 1884 году без каких-либо комментариев (Якушкин, 1884: 351). Первый анализ названного источника личного происхождения среди прочих аналогичных бумаг находим в монографии «Рукою Пушкина» 1935 года (Рукою Пушкина, 1935: 322-327). По предположению авторов сочинения, список был составлен между 24 декабря 1829 года и 7 января 1830 года и содержит перечень адресатов визитных карточек поэта общим числом в 42 лица (включая трех вычеркнутых). Примечательно, что начинается он с австрийского посланника и его супруги, после которых фигурируют еще 7 представителей дипломатического корпуса, о которых будет сказано ниже. Однако прежде чем перейти к рассмотрению персоналий, ограничиваясь при этом дипломатами и их супругами, необходимо сказать несколько слов о самом списке с позиций дипломатического протокола и светского церемониала.

Во-первых, предположение М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского и Т.Г. Зенгер о том, что речь может идти о своеобразном списке рассылки визитных карточек, представляется вполне валидным. Такая практика действительно существовала и была особенно широко распространенной в дипломатической среде (Лядов, 2004: 103). Более того, местами она сохранялась вплоть до начала XXI века и практически полностью сошла на нет лишь с переходом к цифровым средствам коммуникации. Другое дело, что единственная дошедшая до нас (судя по всему) и воспроизведенная во «Временнике Пушкинского дома» 1913 года визитная карточка, на которую ссылаются комментаторы (Рукою Пушкина, 1935: 327), едва ли могла быть в числе тех, которые разослал или собирался разослать ее владелец.

Прежде всего, поскольку в случае новогодней рассылки на ней положено было сделать пометку *p.f.N.A.* (фр. *pour féliciter Nouvel An* = поздравление с Новым годом). Помимо этого, визитные карточки с указанием фамилии владельца без должности или звания направлялись исключительно дамам (Борунков, 2019: 103). В списке же фигурируют лица, как было принято выражаться, «обоего пола» с преобладанием мужчин. Не состоявший в тот момент на государственной службе Пушкин тем не менее сохранял за собой чин коллежского секретаря, полученный при выпуске из лицея. Повода гордиться им, равно как и продвижением в титулярные советники в 1831 году, а также присвоением звания камер-юнкера в 1834 году (чем, собственно, и ограничилась его карьера чиновника), у поэта не было. Однако данную иерархическую характеристику следовало непременно указывать в таких случаях, особенно при контактах с иностранными дипломатами.

Наконец, если Пушкин намеревался передать карточки лично, но без нанесения визита (учитывая количество адресатов, наиболее вероятный вариант), этикет предполагал их загибание с правой стороны по всей ширине карточки, либо в более редких случаях – в верхнем правом или левом углу (Борунков, 2019: 104). На карточке из «Временника» изгибов не видно (ВПД, 1914: V).

Впрочем, еще одной возможностью была доставка курьером (например, извозчиком), в случае которой загибание, наоборот, выступало бы нарушением этикета. Против этой версии свидетельствуют сравнительно узкая распространенность «курьерской доставки» в соответствующей среде рассматриваемого периода наряду с присутствием в списке близких друзей и знакомых литератора (А.А. Дельвиг – пусть и вычеркнутый, Е.М. Хитрово, Ф.Ф. Вигель и другие), которым он вряд ли бы стал передавать карточки через посредника.

Таким образом, предназначение списка видится соответствующим предполагаемой протокольной цели, чего нельзя сказать о самой приведенной карточке. Перечисленные протокольные нюансы с высокой вероятностью были известны ведущему активную светскую жизнь Пушкину с лицейских времен и первого этапа службы в Коллегии иностранных дел (1817–1824 годы). Установление того, были ли изготовлены и в конечном счете разосланы иные карточки, на основании имеющихся архивных материалов (Гастфрейнд, 1900; АВПРИ. Ф. Пушкин) не представляется возможным.

Также вызывает вопросы очередность при составлении списка. С точки зрения канонов дипломатического протокола руководящим принципом должно было бы выступать дипломатическое старшинство, напрямую зависящее в данном случае от вступления послов в должность (Лядов, 2004: 17). Уже упомянутая первая позиция главы австрийского диппредставительства Ш.-Л. Фикельмона, который был назначен позднее своих французского и британского коллег, опровергает эту гипотезу.

Вторая гипотеза – географическая – сводится, условно говоря, к прокладке оптимального маршрута для обхода или объезда получателей. В ее пользу говорит наличие в первой колонке перечня адресов, начиная с Дворцовой набережной и заканчивая Императорской публичной библиотекой на углу Невского проспекта и Садовой улицы, и лишь во второй – находившихся там лиц. Здесь необходимо отметить, что начало и конец маршрута были практически равноудаленными, при этом диаметрально противоположными друг другу относительно адреса, по которому на тот момент проживал сам Пушкин, – гостиницы Демута на Набережной Мойки, 40. Иными словами, начать турне можно было и с Библиотеки, принимая во внимание большее число находившихся там знакомых. Определенным противоречием также видится возвращение на Английскую набережную по месту пребывания посла Испании: логичнее было бы передать ему карточки до или сразу после «соседей» (посла Великобритании, И.С. Лавалья и И.Г. Синявина).

Последнее, а также тот факт, что список явно носил черновой характер и, скорее всего, не предназначался для посторонних, подводит к третьей гипотезе о том, что автор рукописи записывал контакты по мере их вспоминания. Данное предположение не означает, что указанные выше факторы, а именно: протокольное старшинство, положение в свете и адреса – не подлежат учету. Тем не менее их едва ли можно охарактеризовать как полностью объясняющие логику построения исследуемого списка. С тем чтобы проанализировать то, почему перечень принял именно такой вид в части присутствия в нем иностранных дипломатов, следует обратиться к рассмотрению соответствующих персон.

Австрийское посольство – супруги Фикельмон

Граф Ш.-Л. Фикельмон был направлен в Санкт-Петербург в начале 1829 года в качестве доверенного лица министра иностранных дел Австрийской империи К. фон Меттерниха. Задачей спецпредставителя (в современных дипломатических терминах) было зондирование перспектив сближения России и Австрии в качестве противовеса союзам первой с Францией и Великобританией. Бывший военный, уже успевший проявить себя и на дипломатическом поприще в качестве австрийского посланника во Флоренции, снискал расположение Николая I и в июле того же года был аккредитован как глава дипломатического представительства при российском Императорском Дворе (Высочков, 2012: 242). Немаловажную роль в его «восточной миссии» играл брак Фикельмона с Д.Ф. Тизенгаузен (внучка фельдмаршала М.И. Кутузова, дочь Е.М. Хитрово), заключенный в 1821 году в Тоскане.

Последняя широко известна в пушкиноведении как хозяйка часто посещаемого литератором и его друзьями салона по прозвищу Долли. Характер ее отношений с Пушкиным продолжает оставаться объектом исследований литературоведов, что, однако, имеет лишь косвенное отношение к настоящему историческому исследованию. Соответственно, ограничимся констатацией близкого знакомства, оставляя вопрос о его исключительно дружеской или романтической природе как предмет изысканий пушкинистов за рамками текущего анализа (Черейский, 1988: 464). Так или иначе данное знакомство состоялось в ноябре 1829 года, сразу по возвращении Пушкина с Кавказа, во многом благодаря тому, что он уже был хорошо знаком с матерью Долли. Таким образом, на первый взгляд получается, что по рекомендации Е.М. Хитрово Пушкин стал вхож в дом ее дочери, где и познакомился с супругом последней – австрийским послом.

Вместе с тем есть мнение, что знакомство Пушкина с Фикельмоном могло состояться и раньше, а именно еще в январе 1829 года, как только тот прибыл в российскую столицу, причем, возможно, по инициативе иностранца (ЛЖТ, 1999: 538). В любом случае без его согласия (а, следовательно, и приглашения) в доме главы дипмиссии литератор оказаться не мог. Документальных сведений о таком приглашении не сохранилось, однако об интересе Фикельмона к Пушкину свидетельствует по меньшей мере тот факт, что в донесении Меттерниху от 7 января 1830 года он приводит запись

беседы с поэтом о его кавказском вояже (МП, 1996: 294-295). Выходит, что австрийский посол воспринимал Пушкина не только как приятного в общении человека и талантливого деятеля культуры, но и как ценный источник информации о турецкой кампании, этнографии Кавказа, а также перспективах русской военной экспансии в данном регионе. Наличие подобного интереса со стороны иностранного агента едва ли могло игнорироваться III Отделением, под наблюдением которого находился литератор. Впрочем, маловероятно, что данные, поступавшие от не имевшего тогда официального доступа к государственной тайне Пушкина, представляли серьезный интерес для контрразведки.

Однако показательно, что даже после повторного поступления Пушкина на дипломатическую службу в 1832 году неофициальный канал его связи с Фикельмоном продолжал работать. Так, вместе с супругой Пушкин регулярно посещал дом австрийской посольской четы, вел продолжительные и субстантивные разговоры с послом (подтверждается многочисленными дневниковыми записями обеих сторон, а также третьих лиц), фигурировал в его донесениях канцлеру (ЛЖТ, 1999: 520, 538). Цена этого контакта, Фикельмон в 1835 году направил Пушкину запрещенные сочинения Гейне. Профессиональный интерес дипломата к личности поэта сохранялся какое-то время и после гибели последнего, о чем свидетельствуют присутствие Фикельмона на отпевании Пушкина, подробный отчет в центр об обстоятельствах его дуэли и гибели, частные беседы о покойном с его знакомыми (Черейский, 1988: 465).

Из этого можно сделать вывод об обоюдном интересе посла и поэта, равно как и предположение о том, что инициатором общения вполне мог выступать дипломат. Оставив посольский пост в 1840 году, Фикельмон впоследствии достиг вершины дипломатической карьеры, пусть и ненадолго заняв должность министра иностранных дел Австрийской империи весной 1848 года. На рассматриваемом же временном отрезке (середина ноября 1829 года – начало марта 1830 года) Пушкин по меньшей мере пять раз был гостем на протокольных приемах от имени австрийского посла и его супруги и неоднократно участвовал вместе с ними в иных мероприятиях дипломатического корпуса (ЛЖТ, 1999: 606). Скорее всего, именно такой плотностью общения объясняется его первая позиция в списке рассылки визитных карточек.

Французское посольство – посол Мортемар и секретарь Лагрене

Следующим в списке значится французский посланник К. де Мортемар, при этом, исходя из количества визитных карточек, без супруги. Учитывая то, что Пушкин был знаком с последней (Черейский, 1988: 270), объяснить это можно, скорее всего, ее временным отсутствием в Санкт-Петербурге. С самим же главою дипмиссии Парижа, как и в случае с Фикельмоном, литератор мог познакомиться либо в ноябре 1829 года, либо в конце февраля – начале марта того же года (Мортемар прибыл в российскую столицу во второй половине февраля, Пушкин покинул ее 10 марта) (Рукою Пушкина..., 1935: 324).

Биография этого французского посла достаточно подробно описана в исторической литературе (Татищев, 1889; Гончарова, 2008). Он был назначен полномочным представителем в России еще весной 1828 года, однако направился из Парижа не в Санкт-Петербург, а в театр военных действий русско-турецкой войны, где сопровождал в поездке Николая I по его приглашению. По окончании первой части данной кампании вернулся на родину, после чего наконец прибыл в российскую столицу. Как и Фикельмон, он пользовался расположением русского императора, при этом сам с уважением отзывался о нем (Татищев, 1889: 160). В мае 1830 года в преддверии Июльской революции Мортемар временно вернулся в Париж. Примечательно, что во время одного из «трех славных дней» он даже успел побыть главою французского правительства. В Санкт-Петербург Мортемар вернулся в феврале 1831 года уже в качестве представителя Луи-Филиппа I. Однако в середине того же года он завершил свою миссию, как принято считать, в связи с недовольством Николая I ходатайством Франции в пользу восставшей Польши (Татищев, 1889: 170).

8 февраля 1831 года Пушкин в письме Е.М. Хитрово (теще Фикельмона) из Москвы в Санкт-Петербург написал, что с возвращением Мортемара «одним приятным и историческим лицом в ее обществе стало больше» (Пушкин, 1962: 17-18). Проявляя живой интерес к недавним революционным событиям в Париже, литератор, вероятно, очень хотел пообщаться с высокопоставленным государственным деятелем, побывавшем в их эпицентре. Скорее всего, исходя из последующих перемещений обоих, встреча не состоялась. По крайней мере, документальных подтверждений того, что Пушкин и Мортемар в дальнейшем пересекались, в архивных источниках обнаружить не удалось (АВПРИ. Ф. Пушкин; Гастфрейнд, 1900).

Однако историческим лицом в глазах Пушкина Мортемар был не только как участник июльских событий 1830 года, но еще и ранее как современник, в прошлом даже ординарец Наполеона (Гончарова, 2008). Думается, что главным образом именно этим посол был интересен поэту. В свою очередь Мортемара Пушкин интересовал не столько в творческом отношении, сколько в качестве лица, с которым напрямую общался глава государства пребывания.

Подтверждением этому служит любопытный протокольный эпизод. 24 января 1830 года французский посол давал бал, на котором в числе высочайших и высоких гостей присутствовали Николай I и Пушкин. В отличие от других приглашенных, включая представителей императорской

семьи и дикорпуса, Пушкин пришел на бал во фраке, а не в мундире, как того требовал дресс-код. Данное нарушение протокола и этикета вызвало резкое недовольство императора. Он сообщил об этом А.Х. Бенкендорфу, что тот в свою очередь передал Пушкину в письме от 28 января (*Дела III Отд., 1906: 101*). Думается, что, оказавшись кто-либо иной неподобающе одетым «среди шумного бала», глава государства мог бы либо вовсе не обратить на это внимание, либо не отреагировать. В случае же с «главным поэтом» подобная ошибка стала предметом критики со стороны первого лица, и это не могло остаться незамеченным дипломатами, особенно хозяином мероприятия.

Едва ли имеет смысл спекулировать на тему того, намеренно – с целью своего рода провокации или эпатажа или же просто по рассеянности и невнимательности Пушкин оказался на балу в таком виде. Не вдаваясь также в рассуждения о природе их отношений, следует исходить из того, что Николай I был равнодушен к Пушкину, в том числе и на бытовом (а не только идейном) уровне, о чем, несомненно, было хорошо известно Мортемару. Исследование природы этой связи представляло для дипломата интерес, в том числе и профессионального свойства.

Третьим в списке стоит Т. де Лагрене – на тот момент второй секретарь возглавляемого Мортемаром дипломатического учреждения. Как и его руководитель, Лагрене должен был получить от Пушкина лишь одну визитную карточку, однако в отличие от посла он тогда был холост. Лишь в 1834 году старший дипломат связал себя брачными узами с фрейлиной Двора В.И. Дубенской – хорошей знакомой Пушкина и его круга, носившей в свете прозвище Птичка. Не вдаваясь в подробности, допустимо провести некоторые параллели между ней и Д.Ф. Фикельмон. Впрочем, в то время как брак австрийского дипломата с Долли в известной степени сыграл на руку его назначению, союз Птички с французом вызвал отрицательную реакцию Николая I. Вскоре после свадьбы супружеская чета покинула Санкт-Петербург (*Райнхардт, 2020а: 114*).

Пушкин был знаком с Лагрене с 1828 года. Тогда одна из их встреч на балу чуть не привела к дуэли (*Райнхардт, 2020а: 113*). Однако после примирения сторон они стали поддерживать приятельские отношения, что подтверждается присутствием второго секретаря (в 1832 году получил ранг первого) в списке. Дипломатическая карьера и достижения Лагрене уже находили отражение в специализированной литературе (*Гончарова, 2014; Гончарова, 2015*). Однако следует обратить внимание на то, что, как и в предыдущих двух случаях, Пушкин мог быть интересен Лагрене в профессиональном плане не менее, чем Лагрене Пушкину.

Так, еще в 1825 году Лагрене было поручено подготовить доклад о цензуре в Российской империи (*АМАЕ. Mémoires et documents. Vol. 28. P. 89-105*). Дипломат успешно справился с заданием, но уже во второй своей российской командировке ему представился уникальный шанс проверить прежние заключения в беседах с, пожалуй, одной из самых известных жертв царской цензуры. Думается, что такой шанс он бы упускать не стал, особенно с учетом того, что в представленном докладе 1825 года фигурировал цензор А.С. Бируков, непосредственно занимавшийся «Евгением Онегиным» и разрешивший публикацию его первой главы (*АМАЕ. Mémoires et documents. Vol. 28. P. 98*). Весьма вероятно, что общение с автором цензурируемых Бируковым произведений было ценным для Лагрене с точки зрения понимания характера и подоплеку судебного разбирательства, по итогам которого сотрудник цензурного комитета в 1828 году был полностью оправдан (*Гончарова, 2015: 219*).

Далее, уже в 1833 году, Лагрене на правах поверенного в делах французского посольства подготовил рапорт о природе и причинах финансовых затруднений российского дворянства и Императорского кабинета (*АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Théodore de Lagrené № 2374*). Даже при первичном ознакомлении с документом становится очевидно, что, описывая типичного представителя дворянской среды с его нравами, склонностью к лудомании, зачастую не совсем рациональным ведением хозяйственных дел, дипломат мог ориентироваться в том числе на Пушкина, а также героев его произведений. Разумеется, в основу данного аналитического документа, затрагивающего и более структурные вопросы экономико-дипломатического плана, легли прежде всего личные наблюдения автора (*Гончарова, 2014*). Вместе с тем весьма вероятно, что общение с Пушкиным еще больше поспособствовало погружению аналитика в суть проблемы.

Английское и неаполитанское посольства – супруги Хейтсбери и Лудольф

Ниже после вычеркнутого Н.А. Оленина и супругов Лаваль в списке значится английский посланник, коим на тот момент был У. Хейтсбери (в некоторых источниках можно встретить орфографию Хейтесбери или даже Гейтесбури) (*Черейский, 1988: 474*). Он был карьерным дипломатом, начавшим свой трудовой путь в британском посольстве в Неаполе (1801–1807 годы). После ряда командировок в другие точки Хейтсбери вернулся в партенопейскую столицу в 1814 году, возглавив там британскую дипломатическую миссию. За этим последовали назначения посланником в Испанию и Португалию, а в 1828 году – в Россию. Подобно Мортемару, Хейтсбери изначально направился не в Санкт-Петербург, а в театр военных действий русско-турецкой войны.

Более того, как и в случае с французским коллегой, английский посол пользовался расположением Николая I, которому он, в свою очередь, глубоко симпатизировал. Данная взаимность симпатий приводила к напряженным отношениям между Хейтсбери и премьер-министром герцогом Веллингтоном (*DNB, 1891: 106*). Логично предположить, что контакты с Пушкиным как особой,

приближенной к императору, могли быть интересны дипломату. Тому же в английском после могла импонировать умеренно русофильская позиция. Данных об обстоятельствах их знакомства в доступных архивных фондах обнаружить не удалось, равно как и упоминаний о Пушкине в дневниках и личной корреспонденции Хейтсбери ([Add. MSS 41511-63](#)). Возможно, дополнительные сведения по данному аспекту позволит дать обращение к материалам секретного архива Форин-офис.

Так или иначе зимой 1829–1830 года, наряду с другими упомянутыми выше лицами, Хейтсбери вращался в одних кругах с Пушкиным. В начале января 1830 года, как следует из дневниковой записи Е.М. Хитрово, их компания в рамках развлекательной прогулки в масках среди других посетила дом супруги английского посла ([ЛЖТ, 1999: 136](#)). Знакомство Пушкина с ней подтверждается направлением двух визитных карточек. Судя по всему, его фигура была тоже интересна леди Хейтсбери, которая впоследствии переводила произведения поэта, в частности «Талисман», на английский язык ([Черейский, 1988: 475](#)). По возвращении из России бывший посол фактически завершил дипломатическую карьеру, занимая позднее ряд значимых постов внутри британского королевства ([DNB, 1891: 106](#)).

За следующими далее по списку супругами Синявинными и перенесенными ниже Гурьевыми значатся неаполитанский посланник и его жена – чета графов Лудольф. Дж.-К. Лудольф, как и Лагрене, имел многолетний опыт работы в Российской империи. Впервые он приехал в Санкт-Петербург в 1805 году, проработав в должности атташе неаполитанского посольства до 1806 года. В 1824 году вернулся в российскую столицу уже в качестве главы дипмиссии, занимая этот пост до 1832 года ([Gallavresi, 1905](#)).

Как и в случае с Хейтсбери, имеющаяся информация не позволяет судить о характере коммуникации Лудольфа с Пушкиным на внешне-, равно как и внутривосточные темы ([ASN. Archivio Borbone. nn. 1140, 1392-93, 1468-69](#)). Фактором сближения, по всей видимости, выступала принадлежность к одному светскому кругу, внутри которого консолидирующую роль во многом играли Е.М. Хитрово и Д.Ф. Фикельмон, а также страсть к искусству, и в частности к итальянской опере. Как видим, большинство членов группы были в той или иной степени связаны с итальянской культурой в силу происхождения, либо же предшествующего проживания на землях Аппенинского полуострова. Следует также отметить, что через свою бабушку Е. фон Липхарт будущая жена Пушкина Н.Н. Гончарова приходилась дальней родственницей графам Лудольф ([Скаммакка Дель Мурго, 2013: 6](#)). Впрочем, данные генеалогические подробности тогда вряд ли могли быть известны литератору, знакомому со своей невестой около года.

Испанское посольство – посол Паэс де ла Кадена

Замыкает «дипломатическую группу» списка находящийся на 16-й позиции «гишпанский посланник» Х.М. Паэс де ла Кадена. Как и граф Лудольф, он был аккредитован в качестве посла намного раньше своих коллег, а именно, как было доказано нами ранее ([Райнхардт, 2020b](#)), не позднее 1824 года, т.е. еще при Александре I. Его след в истории дипломатии также уже нашел достаточно подробное описание ([Белоусов, 2020](#)), но в настоящем контексте интерес представляют два нюанса.

Первое – Пушкину Паэс де ла Кадена был интересен в значительной мере как современник Наполеона и человек, имевший опыт личного общения с первым французским императором. Это подтверждается записью беседы с ним «О 18 брюмера» от 10 августа 1832 года ([Зенгер, 1934](#)). Зимой 1829–1830 года, на более раннем этапе знакомства, испанец, возможно, еще не был готов так доверительно рассказать о событиях, очевидцем которых ему довелось побывать в конце 1799 года. Однако выстраивание отношений – длительный процесс с прицелом на обмен ценной информацией в будущем, из чего, вероятно, исходили обе стороны.

Второе – заинтересованность Паэса де ла Кадена в общении с Пушкиным могла диктоваться в том числе близким знакомством последнего с декабристами. Как уже отмечалось ([Белоусов, 2020; Райнхардт, 2020b](#)), депеши испанского посла о восстании 1825 года (АНН Estado. 5919. Despachos no. 134–171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09–1826.01.22)) представляют собой важный источник сведений об указанном событии. Логично предположить, что Паэсу де ла Кадена было любопытно узнать мнение литератора об истоках и сути процесса, получить личностные оценки его участников. Записей таких бесед в документах, которыми посол обменивался с центральным аппаратом испанского Министерства иностранных дел, нет, однако среди контактов посла Пушкин упоминается в них как минимум дважды (АНН Estado. 5923. Despachos de Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro en Rusia, a Manuel González Salmón, Primer Secretario de Estado. 1830-01–1831-07). Исходя из этого, логично предположить, что им было о чем побеседовать, получая от этого обоюдную пользу.

5. Заключение

По итогам проведенного анализа показано, что в конце 1829 – начале 1830 гг. часть дипломатического корпуса Санкт-Петербурга интенсивно общалась с А.С. Пушкиным. К факторам, объединяющим данных высокопоставленных дипломатов, следует отнести умеренно русофильские позиции на личном уровне, нередко идущие вразрез с официальным внешнеполитическим курсом аккредитуемых их государств в отношении России (наиболее яркий пример – английский посол

Хейтсбери), и личные симпатии к Николаю I (по большей части взаимные), тесное знакомство с Е.М. Хитрово и ее дочерью Д.Ф. Фикельмон, супругой австрийского посла, опыт работы и проживания в итальянских городах (Неаполь, Флоренция), высокий профессионализм и нередко многолетний опыт работы на российском направлении (Лагрена, Лудольф, Паэс де ла Кадена). При том, что для всех, за исключением Лагрена и Лудольфа, миссия в Санкт-Петербурге была первой, они отнюдь не были новичками в дипломатии, но людьми, имевшими за плечами богатую карьеру в сфере международных отношений. Двое из них, помимо этого, обладали непосредственным опытом общения с Наполеоном (Мортемар, Паэс де ла Кадена), чем, вне сомнения, были особенно интересны литератору.

Тем не менее было выявлено, что А.С. Пушкин также представлял большой интерес для перечисленных дипломатов руководящего звена не только как видный культурный деятель, но и как ценный источник информации по ряду интересовавших их внешне- и внутривосточных вопросов, а именно: российско-турецких отношений и политики России на Кавказе, восстания декабристов 1825 года, цензуры, финансовых дел и нравов русского дворянства. Более того, дипломатам было также весьма любопытно поведение персоны, находящейся под пристальным личным вниманием императорской фамилии. Исходя из этого, уместно предположить, что инициатором контактов, возможно, был не столько Пушкин, сколько сами представители дипкорпуса.

В свою очередь поэт, ведущий активную светскую жизнь, которой ему не хватало во время предшествующих ссылок и кавказского вояжа, судя по всему, охотно проводил время в указанном кругу, разделявшему некоторые его идейные и многие эстетические ценности. Знакомый в силу трудового опыта и образования с нравами дипломатов, он легко сходил с ними. Впрочем, это не мешало ему допускать протокольные ошибки, как минимум одна из которых стала поводом для порицания со стороны Николая I.

В заключение остается добавить, что полученные результаты, с одной стороны, дополняют некоторые черты биографий рассмотренных исторических лиц, позволяют говорить о наличии у них схожей корпоративной культуры и иных оснований для просопографического объединения. Особенно это касается послов, чьи личности до сих пор не находили подробного описания в российской специализированной исторической литературе (Хейтсбери, Лудольф, Паэс де ла Кадена). С другой стороны, характер описанного общения их с Пушкиным позволяет судить о нем не только с позиций литературоведения, но и в историческом ключе как о лице, непосредственно вовлеченном в дипломатические процессы и игравшем определенную роль в российской внешней политике соответствующего периода.

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Белоусов, 2020** – Белоусов М.С. Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междоусобия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357-374.
- Борунков, 2019** – Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России. М.: Международные отношения, 2019. 264 с.
- ВПД, 1914** – Временник Пушкинского дома 1913. СПб.: Тип. А. Дресслера, 1914. 77 с.
- Высочков, 2012** – Высочков Л.В. Будни и праздники Императорского Двора. СПб.: Питер, 2012. 496 с.
- Гастфрейнд, 1900** – Гастфрейнд Н.А. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831–1837 гг. СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. 82 с.
- Гончарова, 2008** – Гончарова Т.Н. Французские дипломаты в России (1814–1848): персоналии и карьеры // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2008. № 4–1. С. 130-136.
- Гончарова, 2014** – Гончарова Т.Н. Французский поверенный в делах Теодор де Лагрена о причинах финансовых затруднений российского дворянства и Императорского кабинета (1833 год) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2014. № 12. С. 228-245.
- Гончарова, 2015** – Гончарова Т.Н. Теодор да Лагрена о цензуре в Российской империи (1825 год) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2015. № 15. С. 192-225.
- Дела III Отд., 1906** – Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А.С. Пушкине. СПб.: Изд. И. Балашова, 1906. 369 с.
- Зенгер, 1934** – Зенгер Т.Г. Запись Пушкина о 18 брюмера // *Литературное наследство*. 1934. Т. 16. С. 882-884.
- Зонова, Шебалин, 2014** – Зонова Т.В., Шебалин Д.Д. Графы Лудольф: свидетели и творцы истории // *Обозреватель-Observer*. 2014. № 5. С. 125-127.
- Кудрявцева, 2018** – Кудрявцева Е.П. Дипломатия и дипломаты эпохи Николая I // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2018. Т. 20. № 3–2. С. 275-283.
- ЛЖТ, 1999** – Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. Т. III. (1829–1832). Сост. Н.А. Тархова; Науч. ред. Я.Л. Левкович. М.: Слово, 1999. 624 с.

- [Лядов, 2004](#) – *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М.: Международные отношения, 2004. 280 с.
- [МП, 1996](#) – Московский пушкинист: Ежегод. сб. Вып. III / Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий; ред. В.А. Кожевников. М.: Наследие, 1996. 359 с.
- [Пушкин, 1962](#) – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 томах. Т. 10. Письма 1831–1837. М.: ГИХЛ, 1962. 486 с.
- [Райнхардт, 2020a](#) – *Райнхардт Р.О.* Дуэли А.С. Пушкина с дипломатами // *Обозреватель-Observer*. 2020. № 10. С. 110-122.
- [Райнхардт, 2020b](#) – *Райнхардт Р.О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х.М. Паэса де ла Кадена в Российской империи (1824–1825) // *Научный диалог*. 2020. № 11. С. 466-476.
- [Рукою Пушкина..., 1935](#) – *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. и коммент. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер.* М.-Л.: Academia, 1935. 926 с.
- [Скаммакка Дель Мурго, 2013](#) – *Скаммакка дель Мурго Е.* Графы Лудольф. М.: ИП Астапов, 2013. 400 с.
- [Скрынников, 1999](#) – *Скрынников Р.Г.* Дуэль Пушкина. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 368 с.
- [Татищев, 1889](#) – *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 459 с.
- [Черейский, 1988](#) – *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 544 с.
- [Якушкин, 1884](#) – *Якушкин В.Я.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // *Русская Старина*. 1884. № II-XII.
- [Add. MSS 411511-63](#) – British Library. Manuscript Collections. Correspondence and Papers related to A'Court, William (1779-1860) 1st Baron Heytesbury, Diplomat.
- [AHN](#) – Archivo Histórico Nacional.
- [AMAE](#) – Archives du Ministère des Affaires étrangères.
- [ASN](#) – Archivio di Stato Napoli.
- [DNB, 1891](#) – Dictionary of National Biography. 1885-1900. Vol. 26.
- [Gallavresi, 1905](#) – *Gallavresi G.* Le comte Joseph-Constantin Ludolf: un ambassadeur italien sous l'ancien régime. Paris: Société d'histoire diplomatique, 1905. 60 p.
- [Stone, 1971](#) – *Stone L.* Prosopography // *Daedalus*. Vol. 100. Is. 1: 46-79.

References

- [Add. MSS 411511-63](#) – British Library. Manuscript Collections. Correspondence and Papers related to A'Court, William (1779-1860) 1st Baron Heytesbury, Diplomat.
- [AHN](#) – Archivo Histórico Nacional [National Historical Archive]. [in Spanish]
- [AMAE](#) – Archives du Ministère des Affaires étrangères [Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. [In French]
- [ASN](#) – Archivio di Stato Napoli [State Archive of Naples]. [In Italian]
- [AVPRI](#) – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- [Belousov, 2020](#) – *Belousov, M.S.* (2020). Depeshi ispanskogo posla kak istochnik po istorii politicheskoy kul'tury mezhdunarstvija [The Spanish Ambassador's Despatches as a Source on the History of the Political Culture of the Interregnum]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 65(2): 357-374. [in Russian]
- [Borunkov, 2019](#) – *Borunkov, A.F.* (2019). Diplomaticheskij protokol v Rossii [Diplomatic protocol in Russia]. М.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 264 p. [in Russian]
- [Cherejskij, 1988](#) – *Cherejskij, L.A.* (1988). Pushkin i ego okruzhenie [Pushkin and his entourage]. Л.: Nauka. Leningr. otd-nie. 544 p. [in Russian]
- [Dela III Otd., 1906](#) – *Dela III Otdelenija sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii ob A.S. Pushkine* (1906) [Cases of the III Branch of His Imperial Majesty's own Chancellery about A.S. Pushkin]. SPb.: Izd. I. Balashova. 369 p. [in Russian]
- [DNB, 1891](#) – Dictionary of National Biography. 1885-1900. Vol. 26.
- [Gastfreund, 1900](#) – *Gastfreund, N.A.* (1900). Pushkin. Dokumenty Gosudarstvennogo i S.-Peterburgskogo Glavnogo arhivov Ministerstva inostrannyh del, odnosjashiesja k sluzhbe ego 1831-1837 gg. [Pushkin. Documents of the State and St. Petersburg Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs relating to his service in 1831–1837]. SPb.: tip. A. Benke. 82 p. [in Russian]
- [Gallavresi, 1905](#) – *Gallavresi, G.* (1905). Le comte Joseph-Constantin Ludolf: un ambassadeur italien sous l'ancien régime [Count Joseph-Constantin Ludolf: an Italian ambassador under the old regime]. Paris: Société d'histoire diplomatique. 60 p. [in French]
- [Goncharova, 2008](#) – *Goncharova, T.N.* (2008). Francuzskie diplomaty v Rossii (1814-1848): personalii i kar'ery [French diplomats in Russia (1814-1848): personalities and careers]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 4-1: 130-136. [in Russian]

Goncharova, 2014 – *Goncharova, T.N.* (2014). Francuzskij poverennyj v delah Teodor de Lagrene o prichinah finansovyh zatrudnenij rossijskogo dvorjanstva i Imperatorskogo kabineta (1833 god) [French Chargé d'Affaires Théodore de Lagrené on the reasons for the financial difficulties of the Russian nobility and the Imperial Cabinet (1833)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 12: 228-245. [in Russian]

Goncharova, 2015 – *Goncharova, T.N.* (2015). Teodor da Lagrene o cenzure v Rossijskoj Imperii (1825 god) [Théodore de Lagrené on the censorship in the Russian Empire (1825)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 15: 192-225. [in Russian]

Jakushkin, 1884 – *Jakushkin, V.Ja.* (1884). Rukopisi Aleksandra Sergeevicha Pushkina, hranjashiesja v Rumjancevskom muzee v Moskve [Manuscripts of Alexander Sergeevich Pushkin, kept in the Rumyantsev Museum in Moscow]. *Russkaja Starina*. № II-XII. [in Russian]

Kudrjavceva, 2018 – *Kudrjavceva, E.P.* (2018). Diplomatiya i diplomaty jepohi Nikolaja I [Diplomacy and diplomats during the Nicolas I epoch]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 20(3-2): 275-283. [in Russian]

Ljadov, 2004 – *Ljadov, P.F.* (2004). Istorija rossijskogo protokola [History of Russian protocol]. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 280 p. [in Russian]

LZhT, 1999 – Letopis' zhizni i tvorcestva A.S. Pushkina: V 4 t. [Chronicle of the life and work of A.S. Pushkin: in 4 volume]. T. III. (1829–1832). Sost. N.A. Tarkhova; Nauch. red. Ya.L. Levkovich. M.: Slovo, 1999. 624 p. [in Russian]

MP, 1996 – Moskovskii pushkinist: Ezhegod. sb. Vyp. III [Moscow Pushkinist: annual digest. Is. 3]. Sost. i nauch. red. V.S. Nepomnyashchii; red. V.A. Kozhevnikov. M.: Nasledie, 1996. 359 p. [in Russian]

Pushkin, 1962 – *Pushkin, A.S.* (1962). Poln. sobr. soch. V 10 tomah. T.10. Pis'ma 1831–1837 [Letters. 1831-1837]. M.: GIHL. 486 p. [in Russian]

Raynkhart, 2020a – *Raynkhart, R.O.* (2020). Dujeli A.S. Pushkina s diplomatami [Alexander Pushkin's duels with diplomats]. *Obozrevatel'-Observer*. 10: 110-122. [in Russian]

Raynkhart, 2020b – *Raynkhart, R.O.* (2020). Nachalo diplomatičeskoj missii posla Ispanii J.M. Paeza de la Cadena v Rossijskoj Imperii (1824–1825) [Beginning of the diplomatic mission of the Ambassador of Spain J.M. Paez de la Cadena to the Russian Empire (1824–1825)]. *Nauchnyi dialog*. 11: 466-476. [in Russian]

Rukoju Pushkina..., 1935 – Rukoju Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty / podgot. i komment. M. A. Tsiavlovskij, L.B. Modzalevskij, T.G. Zenger (1935) [By Pushkin's hand: Uncollected and unpublished texts / prep. and comment. by M.A. Tsiavlovskij, L.B. Modzalevskij, T.G. Zenger]. M., L.: Academia. 926 p. [in Russian]

Scammacca del Murgio, 2013 – *Scammacca del Murgio E.* (2013). Grafy Ludolf [Counts Ludolf]. M.: IP Astapov. 400 p. [in Russian]

Skrynnikov, 1999 – *Skrynnikov, R.G.* (1999). Dujel' Pushkina [Pushkin's duel]. SPb.: Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC. 368 p. [in Russian]

Stone, 1971 – *Stone, L.* (1971). Prosopography. *Daedalus*. 100(1): 46-79.

Tatishhev, 1889 – *Tatishhev, S.S.* (1889). Imperator Nikolaj i inostrannye dvory [Emperor Nicolas I and foreign courts]. SPb.: tip. I.N. Skorohodova. 459 p. [in Russian]

VPD, 1914 – Vremennik Pushkinskogo Doma 1913 (1914) [Annals of the Pushkin House]. SPb.: tip. A. Dresslera. 77 p. [in Russian]

Vyskochkov, 2012 – *Vyskochkov, L.V.* (2012). Budni i prazdniki Imperatorskogo dvora [Everyday life and holidays of the Imperial Court]. SPb.: Piter. 496 p. [in Russian]

Zenger, 1934 – *Zenger, T.G.* (1934). Zapis' Pushkina o 18 brjumera [Pushkin's record of the 18th Brumaire]. *Literaturnoe nasledstvo*. 16: 882-884. [in Russian]

Zonova, Shebalin 2014 – *Zonova, T.V., Shebalin, D.D.* (2014). Grafy Ludolf: svideteli i tvorcy istorii [The Counts Ludolf: witnesses and history makers]. *Obozrevatel'-Observer*. 5: 125-127. [in Russian]

Контакты дипломатического корпуса Санкт-Петербурга с А.С. Пушкиным в конце 1829 – начале 1830 годов: протокольный и коммуникационный аспекты

Роман Отмарович Райнхардт ^{a,*}

^a Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ протокольных и коммуникационных особенностей контактов дипломатического корпуса Санкт-Петербурга со знаменитым русским литератором и в ту пору бывшим сотрудником внешнеполитического ведомства А.С. Пушкиным в конце 1829 – начале

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: don.reinhardt@mail.ru (Р.О. Райнхардт)

1830 годов. Используя материалы российского, французского, испанского и неаполитанского внешнеполитических архивов, а также иные документальные источники и специализированную литературу, применяя просопографический метод, автор анализирует влияние взаимодействия высокопоставленных дипломатов с Пушкиным на их профессиональную деятельность. Анализ показывает, что многие дипломаты, особенно послы, были склонны воспринимать последнего не только как видного деятеля культуры, но скорее как ценный источник информации по вопросам внутренней и внешней политики России. Таким образом, вероятно, что зачастую именно они выступали инициаторами подобных контактов, нацеленных на взаимовыгодный обмен мнениями. В то время как главы дипломатических миссий нередко ссылались на своего русского контрагента в депешах, тот не только участвовал в великосветских протокольных мероприятиях по их приглашениям, но и пользовался случаем, чтобы расспрашивать их об интересующих его вопросах. Анализируются детали данного двустороннего информационного обмена на фоне сравнения и сопоставления карьерных траекторий принимавших в нем участие членов дипломатического корпуса. Показано, что большинству из них были присущи схожие политические взгляды и этические установки, прежде всего умеренные симпатии к Российскому государству и лично к императору, которые часто противоречили внешнеполитическому курсу представляемых ими правительств. Такой группообразующий фактор, в свою очередь, во многом определялся накопленным опытом дипломатической работы, супружескими связями, а также иными личными качествами. Автор приходит к выводу о том, что сочетание этих характеристик способствовало формированию уникальной атмосферы внутри значительной части международного дипломатического сообщества, к которому в широком смысле этой категории можно отнести Пушкина, на рубеже 1830-х годов.

Ключевые слова: история российской дипломатии, дипломатический протокол, дипломатический корпус, дипломатические отношения России с европейскими государствами, коммуникация дипломатов.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 652-660.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.652
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Larisa F. Malyutina ^a, Evgeny A. Akhtamov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Liberal ideas and values have attracted a lot of followers in political circles and society at large, which proves the importance of the topic selected for our study and reveals the need for comparing the values of the 19th century Russian liberals and their ideological successors. The subject of this work is the development of liberal ideas in the post-reform Russia. Intelligentsia were the stalwart proponents of liberal views. Most of them shared Western-European values and strived to adapt them to the Russian environment. The analysis of the views of the main representatives of the liberal movement allowed us to understand their position regarding some essential social and political issues. These views on the main problems, for instance, the future of the peasant community in the post-reform Russia, differed radically, which led to a lack of unity among the liberals. We analyse the reason why liberalism failed to play a decisive role in the movement of Russia towards democratic reforms. The lack of unity of views among the proponents of liberalism, their inability to come to an agreement with the government and meet the advocates of other political trends halfway prevented them from increasing their influence in society and reduced the number of their supporters. The article also discusses the role of liberal press and its most vivid representatives in shaping the public opinion. Our comparison of the views of Russian liberal intelligentsia and Siberian liberals led us to the conclusion that both groups had common views on the main issues of social and economic development of the country. However, the specific nature of the development of Siberia was a reason for certain peculiarities in the views of its inhabitants.

Keywords: liberalism, conservatism, Siberia, Russia, the great reforms, regionalism, M.T. Loris-Melikov.

1. Введение

История русского либерализма начинается с конца XVIII в., когда передовые представители дворянской интеллигенции, воспринявшие просветительские идеи Запада, сделали первые робкие попытки соотнести их с российской действительностью. Идейная борьба 30–40 годов XIX в. между западниками и славянофилами способствовала укреплению и консолидации либеральных сил. После поражения в Крымской войне необходимость реформирования общественно-политической жизни в стране была осознана практически всеми. Психологически общество в целом было готово к преобразованиям и с надеждой их ожидало. «К нетерпению видеть реформу скорее законченной присоединялся вечный страх за ее судьбу, боязнь, чтобы силы, враждебные ей, не взяли верх» (Пантелеев: 1958, 165). В ответ на запросы времени из среды интеллигенции выдвинулись люди, способные к преобразовательной деятельности. В ходе проведения реформ они пытались обосновать и отстаивать свои взгляды, в основе которых лежали западноевропейские ценности. Деятельность их, таким образом, способствовала формированию либерализма в России как самостоятельного политического течения, представлявшего вполне определенную силу, способную оказать влияние на

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov)

решения правительства. Соответственно, можно утверждать, что реформы 60-х годов давали возможность изменить вектор цивилизационного развития России в сторону демократических преобразований. Либеральное направление при этом являлось основной силой, способной осуществить эти преобразования. Вопрос заключался лишь в том, способны ли либералы договориться с властью, не пугая ее радикальностью своих проектов, готовы ли они пойти на компромисс с представителями других течений и, наконец, смогут ли они договориться друг с другом, консолидируя свои силы. Платформой, на которой могло произойти объединение всех либеральных сил, являлось признание эволюционного пути развития как единственно возможного для России. Но вот согласия по одному из главных вопросов – о власти, способной обеспечить поступательное эволюционное развитие страны – в среде либералов не было. То, что это развитие должно исключать насилие и радикальные методы борьбы, сомнений не вызывало ни у кого. Необходимость сильной власти так же не оспаривалась. Однако форма, в которой эта власть могла быть представлена, вызывала споры. Сторонники конституционного правления и приверженцы сохранения самодержавного режима договориться между собой не могли. Возможность и желательность твердой власти обосновывалась тем, что в силу отсутствия в России гражданского общества и его политической незрелости в целом только власть могла обеспечить нормальное функционирование государства. Это убеждение привело сторонников либеральной идеи к признанию возможности совмещения абсолютной власти с проведением прогрессивных реформ по переустройству общества. Учитывая своеобразие развития России, либералы приспособляли принципы западной демократии к российской действительности. Как альтернативу парламентаризму они рассматривали земские учреждения, наделенные широкими полномочиями. Однако по вопросу организации земств и их функционирования согласия в среде либералов не было. Исследователь русского либерализма В. Леонтович утверждал, что в России в основе земского самоуправления лежала концепция противопоставления общества и государства, из которой вытекало, что проблемы, возникающие в жизни общества, должны решаться силами самого общества, а не бюрократией. Господство же бюрократии было настолько тотальным, что вызывало протест не только у общественности, но даже у консервативно настроенных представителей власти. И поэтому либеральные течения, стремясь к ограничению полномочий власти, направляли свою деятельность не на созидание, а на «устранение» (Леонтович, 1980: 311). Таким образом, объявленные реформы требовали как изменения законодательной базы, так и участия общественных структур в их успешной реализации.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы при написании данной статьи были использованы документы Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Новосибирской области (Новосибирск, Российская Федерация), Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация), воспоминания современников.

Теоретико-методологическую базу работы составляют общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Принцип историзма позволил проследить становление идеалов русского либерализма и взаимосвязь конкретно-исторических условий пореформенной России с деятельностью лидеров либерального движения. Историко-генетический метод помог установить закономерности исторических процессов в российском обществе XIX века, выявить события и факторы, оказавшие влияние на обострение социально-политической ситуации, и консервативно-либеральное противоборство парадигм развития. Использование проблемно-хронологического метода позволило рассматривать события и процессы в их последовательности и закономерности. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить развитие либеральных идей в Сибири и в центральной России.

3. Обсуждение

Для России второй половины XIX в. одной из идеологий, предлагавшей обществу вектор цивилизационного развития, являлся либерализм. В контексте проблематики данной темы особый интерес представляют воспоминания и мемуары свидетелей исследуемой эпохи (Пантелеев, 1958; Панаева, 1986), биографии выдающихся деятелей эпохи (Чуковский, 1990; Лебедев, 1990; Высоцкий, 1988; Смолярчук, 1981). Богатый фактический материал и детальный анализ событий, происходивших в пореформенной России, предоставляет курс лекций по истории России XIX в. А. Корнилова (Корнилов, 2004). Фундаментальный труд В. Леонтовича «История развития либерализма в России. 1762–1914» охватывает всю историю становления и развития либерального движения. В своем исследовании автор касается сути понятия «либерализм», которое, по его мнению, не всегда употребляется в его истинном значении (Леонтович, 1980). Существенно дополняет знания об идейных воззрениях лидеров либерального движения сборник «Российские либералы» (Российские либералы, 2001). Актуальные вопросы развития России второй половины XIX в. исследуются в сборнике «Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления» (Российская империя..., 2004). О неослабевающем интересе к вопросам влияния либерального движения на социально-политические процессы свидетельствуют многочисленные публикации

современных исследователей. Влиянию общественно-политической мысли на лидеров либерального движения посвящена статья В. Востриковой (Вострикова, 2011). Особенности российского либерализма рассматриваются в работе А. Кураптева (Кураптев, 2006). Деятельности М.Т. Лорис-Меликова и его ближайших соратников посвящены труды Ю. Кряжева (Кряжев, 2006), В. Двятяна (Двятян, 2016). М. Шиловский подверг анализу распространение либеральных идей в Сибири (Шиловский, 2014). Об оценке сибирского областничества в западноевропейской историографии говорится в статье Д. Ананьева (Ананьев, 2018).

Зарубежные исследователи также в своих трудах касались проблем развития либерального движения в России. Подробный анализ социально-политических процессов пореформенной России дал Ж. Соколофф в книге «Бедная держава» (Соколофф, 2008). Реформы 60-х годов с точки зрения их эффективности и значимости для страны рассмотрены в труде профессора Д. Хоскинга «Россия и русские» (Хоскинг, 2003). Роли либерализма эпохи великих реформ в истории России посвящена статья польского исследователя М. Банашкевича (Банашкевич, 2017). Генезис и судьбу сибирского областничества исследовал Н. Перейра (Pereira, 1993).

Проблемы развития либерального движения в России не перестают быть актуальными с течением времени. Об этом свидетельствует неослабевающий интерес к ним со стороны исследователей, перед которыми стоят задачи нового осмысления проблемы и поиска новых подходов к анализу либерализма как общественно-политического течения.

4. Результаты

Идеи либерализма, его ценностные ориентиры, первоначально осознанные русской интеллигенцией дворянского происхождения, постепенно расширяли круг своих последователей в лице разночинской интеллигенции, формирование которой напрямую было связано с открытием университетов. Выйдя из литературно-философских салонов, идеи становились достоянием студенческой аудитории. Блестяще прочитанные Т. Грановским курсы лекций в стенах Московского университета не оставляли равнодушным молодое поколение России. Едва ли не определяющим стало влияние профессора на формирование мировоззрения одного из ведущих идеологов русского либерализма К. Кавелина, который в свою очередь оказал большое влияние на становление личности другого российского либерала, Б. Чичерина. Еще обучаясь в гимназии, будущий правовед либерального толка А. Кони посещал лекции историка Н. Костомарова, а либеральные идеи профессора Б. Чичерина стали решающими в формировании его мировоззрения. Передавая свои взгляды, носители либеральных идей в общем и целом отстаивали гуманистические ценности. Именно с этих позиций Кавелин говорил о необходимости изменения правового порядка, так как только в этом случае можно было гарантировать приоритет в развитии частных прав граждан. Права крестьянства, от положения которого зависело будущее развитие России, по мнению ученого, должна защитить община, а за крестьянами следует признать неприкосновенность собственности на землю. Крепостное право он рассматривал как основное зло. Сам Кавелин в своем имении в Самарской губернии «выпустил крестьян на даровой надел». Сделка эта была добровольной с обеих сторон, «обе стороны сразу становились в свободные отношения» (Пантелеев, 1958: 167). Б. Чичерин видел перспективный путь развития в упразднении общины. Он считал, что частная собственность на землю может выступать для крестьян как гарант их политической свободы. Взгляд на судьбу крестьянской общины в пореформенной России никогда не был однозначным. Однако общим было мнение либералов о необходимости признания обществом крестьян в качестве равноправных граждан страны. Отсюда вытекала основная задача по формированию национального самосознания, решающая роль в решении которой отводилась интеллигенции.

Молодое поколение либералов в основном разделяло убеждения своих корифеев. Начиная юрист А. Градовский также был убежден, что без опоры на образованных людей успешное проведение реформ невозможно, а гражданское общество может развиваться, только опираясь на законность. Необходимость признания главенствующей роли закона, признавалось и А. Ф. Кони. Казалось бы, сама возможность приоритета закона при сложившейся системе управления, когда продвижение по службе полностью зависело от воли вышестоящего чиновника, то есть от бюрократического произвола, должна была ставиться либералами под сомнение. Однако большинство из них считало мирное сосуществование гражданского общества с самодержавной властью вполне возможным. Признание за монархией права на неограниченную власть со стороны идеологов либерализма было обусловлено верой в то, что добиться чего-либо можно, только поддерживая правительство. К выводу об определяющей роли власти в осуществлении современных реформ пришел и А. Градовский, анализируя преобразования в России XVIII в. Убийство Александра II, по его мнению, подтвердило правильность сделанных выводов, поскольку лишь сильное правительство способно принять меры для спасения общества от катастрофы, к которой его ведет террор.

Общепризнанным в среде либералов являлось и положение о том, что для сохранения власти нужна была опора на общество. Изучая взаимодействие общества и государства, Градовский пришел

к выводу, что общество может либо поддерживать правопорядок, либо противостоять ему. Когда власть в лице М.Т. Лорис-Меликова после взрыва в 1880 г. в Зимнем дворце обратилась за поддержкой к обществу, профессор откликнулся на этот призыв, став консультантом министра по правовым вопросам. Идеи самого диктатора и его окружения были ему понятны и разделялись им ([Российские либералы, 2001: 145](#)). По свидетельству А. Панаевой, Д. Милотин, уже будучи военным министром, бывал частым гостем в кружке Панаева, его уважали за либеральные взгляды, а он «внимательно прислушивался к суждениям» литераторов ([Панаева: 1986, 232](#)). Но это – скорее исключение. Российское правительство в целом не склонно было считаться с общественным мнением. Назначение в 1882 г. Д. Толстого министром внутренних дел, по мнению Б.Н. Чичерина, можно рассматривать как «вызов, брошенный всему, что думало и чувствовало в России, всему, что питало в себе какие-нибудь благородные помыслы и стремления» ([ГАРФ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 219. Л. 229-229об.](#)). Шаг этот стал роковым для правительства: оно навсегда лишилось поддержки общества. Насколько глубоко была пропасть, разделявшая власть и общество, показал суд по делу В. Засулич, проведенный под председательством А. Кони. Уверенность Министерства юстиции в правильном поведении присяжных не оправдала себя, ими был вынесен оправдательный приговор под аплодисменты публики. Сам Кони подчеркивал, что его деятельность вне политической борьбы и сосредоточена, главным образом, на совершенствовании закона в духе реформы 1864 г.

Распространению либеральных идей в обществе в большой мере способствовали печатные органы. Огромную роль печати признавал А. Градовский. Он считал, что печать должна быть опорой власти и, находясь под ее контролем, она не может быть опасна для власти, и, следовательно, гонения против нее не нужны. Но, вопреки мнению либералов, мирного сосуществования правительства и творческой интеллигенции, занимавшейся издательской деятельностью, не получилось. Усиление цензурного гнета не способствовало сотрудничеству власти с литераторами, напротив, оно создавало атмосферу напряженного противостояния. Показательна в этом плане судьба журнала «Современник». Писатели, сгруппировавшиеся вокруг него, не одно десятилетие определяли направление в развитии общественной мысли. Отстаивая первоначально либеральные идеи, с течением времени журнал предоставил свои страницы идеологам революционно-демократического направления в лице Чернышевского и Добролюбова. Трибуной, пропагандирующей либеральные идеи, был «Вестник Европы», основанный М. Стасюлевичем в 1866 г., ведущими сотрудниками которого являлись К. Кавелин и И. Тургенев. Либерального направления придерживался первоначально и издававшийся М. Катковым и П. Леонтьевым «Русский вестник». В нем печатал свои произведения М.Е. Салтыков-Щедрин. Творческая интеллигенция, придерживавшаяся в основном либеральных взглядов, использовала любые возможности для контактов с публикой. В столицах систематически устраивались литературные вечера, на которых выступали ведущие писатели России и которые охотно посещались студентами.

Суждения либеральных писателей по разным вопросам были иногда весьма далеки друг от друга. Так, гражданская лирика Н. Некрасова о страданиях народа, с точки зрения Н. Боткина, была проявлением «маниловщины». Эстетические чувства интеллектуальной публики, по его мнению, она оскорбляла, а народ, для которого она якобы писалась, был безграмотен. На что Тургенев не без иронии заметил, что народ вдруг обучится грамоте и начнет выписывать «Современник» ([Панаева: 1986, 329](#)). Сам автор «Записок охотника» постепенно пришел к пониманию, что диалога между ним и мужиками не получается и вряд ли он когда-нибудь состоится. Либеральный барин все больше разочаровывался в способностях русского мужика понять суть реформ. Тургенев постоянно жаловался на распущенность мужиков, на их вороватость, на то, как мало он получает дохода с имения ([Панаева, 1986: 277](#)).

Огромный авторитет в обществе имел Н. Некрасов и как талантливый поэт, и как редактор самого прогрессивного журнала. Его поэзия призывала к борьбе, ему верили, за ним шли. Уже сам факт подписки на «Современник» ставил подписчика в оппозицию к правительству. Но при этом личная жизнь поэта совершенно не соответствовала тем идеалам и устремлениям, к которым он призывал. Уже с середины 1850-х гг. Некрасов мог позволить себе роскошную жизнь с егерями, лакеями и поварами, грандиозными охотничьими выездами, он являлся членом Английского клуба, был заядлым игроком и мог позволить себе проигрывать тысячи рублей ([Чуковский: 1990: 74](#)). Но все это не мешало его вере в народ. Подлинным же шоком для всей российской общественности явилось прочтение им в 1866 г. в Английском клубе хвалебной оды ярому реакционеру М.Н. Муравьеву, прозванному за свою деятельность «вешателем». Призывая со страниц журнала молодежь к борьбе, в оде поэт воспевал гонителя свободы, усмирителя восстания в Польше. Общество восприняло это как подлость, оно негодовало, обманутое в своей вере, попытки Некрасова оправдаться им не принимались. Журналу это тоже не помогло: Муравьев закрыл «Современник» навсегда. Подобные действия, совершенные представителями либеральной прессы, дискредитировали либеральную идеологию в целом и подрывали социальную опору либерализма.

После покушения на царя в 1866 г. социально-политическая ситуация в стране резко обострилась. В сложившейся ситуации либералы не смогли ни договориться между собой,

консолидировав силы, ни прийти к соглашению с правительством о ведении более лояльного диалога с обществом.

Действия правительства, направленные на усиление репрессий, встретили негативную реакцию со стороны общества. Считая, что социализм представляет собой разрушительную силу, либералы относились к нему резко отрицательно. Однако, как утверждал А. Градовский, породили социализм не реформы, а существующие порядки. Недовольство существующими порядками подталкивало к антиправительственной деятельности молодежь, все большее влияние среди которой имели идеи революционных демократов. Новый университетский устав, ограничивая автономию университетов, способствовал активизации деятельности молодежи в плане радикализации преобразований общественной жизни. А так как крестьянский вопрос продолжал оставаться самым актуальным и решением его были недовольны все общественные слои, то и разночинская молодежь свои устремления направила на его решение. Новый революционный подъем начала 70-х годов был связан с деятельностью народников. Но крестьянам, привыкшим мыслить весьма конкретно, отвлеченные идеи социализма были непонятны. Этим и был обусловлен печальный финал движения, закончившегося массовыми арестами. Столкновение двух идеологий за умы молодежи закончилось не в пользу либералов.

Своих последователей нашли либеральные идеи и среди сибирской интеллигенции. Выразителями их, главным образом, являлись областники в лице своих лидеров Г. Потанина, Н. Ядринцева, А. Шапова. Во время следствия по делу областников в 1865 г. Г. Потанин, успокаивая Н. Щукина, писал: «Все наше преступление: либеральные разговоры, либеральные письма и злокозненность в печатных статьях... За это вешать не станут» (ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 14. Л. 146). Главным обвинением, выдвигаемым против областников, было обвинение в сепаратизме. Привлеченный по делу И. Лукин, происходивший из томских мещан, в своих показаниях указывал на то, что с революционными идеями он познакомился из переведенных книг и пришел «к заключению, что подобные перевороты ведут к огромной напрасной трате экономических сил государства». Вопрос этот должен решаться мирным путем. Отделение Сибири от России он считал «чистой химерой», так как «каждый разумный человек, прежде чем достичь политической независимости, будет стремиться к независимости экономической. А где же фабрики и заводы в Сибири? Их нет» (ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 15. Л. 109). Известный сибирский историк В. Вагин писал о себе: «Я либерал». Далее он пояснял, что либералом является человек, который «желает возможно большего развития личной и общественной самостоятельности, развития законным, а не революционным путем» (ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 116. Л. 84). Заботясь о процветании Сибирского края, Вагин предлагал упразднить генерал-губернаторство в Иркутске и включить «в правительство природных сибиряков» (ГАНО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 117. Л. 727). Сибирские последователи либеральной идеи разделяли основные положения своих российских единомышленников. Однако особенности социально-экономического и культурного развития региона не могли не отразиться на характере их деятельности. Экономическая и культурная зависимость Сибири от центрального региона ставила вопрос об излишней централизации. Отсутствие широкой сети культурно-просветительских учреждений и земств, которые в центральной России консолидировали вокруг себя либеральные силы, значительно сужало социальную опору сибирских либералов в обществе. «Развитие культуры Сибири во многом определялось культурно-историческими процессами, происходившими в центральной России, а в качестве проводников этих процессов чаще всего выступала интеллигенция» (Gryaznukhina et al., 2017: 812). «Сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством» (Karchaeva et al., 2017). Главную задачу лидеры либерального движения видели в формировании слоя местной интеллигенции, которая в Сибири «только начинает формироваться и складываться в определенный общественный слой, и единственным источником формирования которого мог быть только народ» (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 975). Отсюда столь пристальное внимание уделялось ими народному образованию. С воодушевлением встречали они открытие любого учебного заведения. Грандиозное значение в этом плане для региона имело открытие Томского университета, который не только сконцентрировал вокруг себя научный потенциал региона, но и формировал его социокультурное пространство, определяя политические воззрения местной интеллигенции.

Активизации либерального движения способствовала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Используя патриотический подъем общества, «Отечественные записки», «Дело» пытались объединить либералов и народников. Тургенев откликнулся на происходящие события романом «Новь». Выступая против радикальных перемен, он рассматривал в романе ситуацию разобщенности, ведущую к непониманию между революционной интеллигенцией и народом. Но в России не оказалось силы, способной объединить общество. Кажущееся объединение всех политических сил после триумфальной речи Достоевского 6 июня 1880 г. на празднике, посвященном открытию памятника Пушкину, оказалось иллюзией. Поддавшись эмоциям, в едином порыве все рукоплескали писателю. Но уже на следующий день наступило отрезвление. Свое несогласие с речью Достоевского в «Голосе» опубликовал А. Градовский (Лебедев, 1990: 589). Обострившееся противостояние правительства и общества выразилось в усилении земской либеральной оппозиции и терроре, на путь

которого встали революционеры после неудачного «хождения в народ». Назначение М. Лорис-Меликова главой «Верховной распорядительной комиссии» после покушения на царя в 1880 г., казалось бы, давало России шанс урегулировать общественные отношения. Не забывая о своих прямых обязанностях в борьбе с крамолой, граф в то же время стремился урегулировать общественно-политические отношения. Но, если со стороны общества его деятельность имела определенный отклик, то революционно настроенные круги, опасаясь быть изолированными от общества, агрессивно встречали все его начинания. И. Молодецким было даже организовано на него неудавшееся покушение (Корнилов, 2004: 725). Главное же зло в глазах революционеров представляла фигура царя. И ничто не могло поколебать их фанатичной веры в то, что только убийство Александра может обеспечить дальнейшее развитие России по пути демократических преобразований. Но надеждам их не суждено было оправдаться. После убийства императора правительство пошло по старому пути, хотя решительного поворота к реакции и не последовало. Назначенный после отставки Лорис-Меликова министром внутренних дел Н. П. Игнатьев реакционером не был. Переписываясь со своим предшественником, он писал: «Тяжелое и несносное бремя ты мне передал». Игнатьев старался продолжить начатое графом дело по установлению контакта с обществом (ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 179. Л. 1 об., 3 об.-4). Законодательные и административные меры, предложенные Лорис-Меликовым, должны были упорядочить отношения власти и общества, дав ему право участвовать в обсуждении законов, исходящих от власти. Но из-за убийства императора этот шанс был упущен. Событие 1 марта, таким образом, предзнаменовало собой начало завершения реформ, и, следовательно, его можно рассматривать как катастрофу, которая сделала их дальнейшее проведение невозможным.

5. Заключение

Российское общество XIX в. связывало с реформами большие надежды. Но уже в 60-е годы среди передовой либерально настроенной интеллигенции сложилось твердое убеждение в их неэффективности. Особенно это касалось вопроса об освобождении крестьян, который, не удовлетворяя ни одно сословие, продолжал требовать своего решения. В рамках освободительного движения в пореформенной России сформировалось множество течений и направлений, разногласия между которыми были так велики, что договориться им между собой не представлялось возможным. Либералы, образуя оппозицию по отношению к правительству, противостояли радикальным проявлениям революционно настроенной молодежи. Невозможным оказалось на практике примирение либералов и консерваторов, примирения общества с бюрократией и абсолютизмом также не состоялось. Общее недовольство политикой правительства породило народническое движение, которое либералы рассматривали как революционное. Если по отдельным вопросам мнения могли и совпадать, то методы достижения целей у революционных демократов и либералов были абсолютно разные. Это вело к разобщенности общества. Убеждения либералов в возможности формирования и развития гражданского общества при господстве самодержавной власти, как показала жизнь, противоречили действительности.

Идеи либерализма в Сибири находили своих приверженцев в среде областников, которые в основном разделяли взгляды своих единомышленников из центральной России. Учитывая специфические условия развития региона, большое внимание они уделяли формированию и развитию местной сибирской интеллигенции, которая, являясь основной носительницей либеральных ценностей, расширяла в регионе социальную базу движения в целом.

Идейные разногласия либералов, отсутствие широкой социальной базы ослабляли их влияние и лишали возможности консолидировать свои силы. И хотя их идеи далеко не всегда находили свое воплощение в жизни, но своей деятельностью они, безусловно, способствовали изменению общественного сознания, формируя понимание необходимости перемен, которые в пореформенной России заключались в расширении возможностей для формирования гражданского общества, наличие которого, в свою очередь, гарантировало соблюдение и расширение прав личности. Отсутствие диалога с революционно настроенной молодежью привело к активизации радикальных действий с ее стороны. Не в состоянии справиться с террором правительство обратилось к обществу за содействием, но не получило поддержки, так как в свою очередь власть никогда не считалась с общественными потребностями и интересами. После целого ряда покушений на царя приходит понимание неэффективности проводимой политики. Но это произошло слишком поздно, Лорис-Меликов попросту не успел реализовать свои устремления. Ему удастся лишь несколько снизить социальное напряжение в обществе. Отклонение же его проекта и последующая за ним отставка только приглушили кризис и лишили Россию шанса идти путем преобразований, осуществляемых эволюционным путем и дающих возможность избежать революционных потрясений. Таким образом, либеральное движение XIX в. оказалось не способным решить стоявшие перед страной социально-экономические, идеологические и политические проблемы.

Литература

- Ананьев, 2018** – Ананьев Д.А. Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии // *Исторический курьер*. 2018. № 1. С. 201-213.
- Банашкевич, 2017** – Банашкевич М. Русский либерализм эпохи великих реформ в зеркале Октябрьской революции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. 20(4). С. 51-69.
- Вострикова, 2011** – Вострикова В.В. Общественно-политическая мысль как фактор формирования мировоззрения лидеров российского либерализма конца XIX – начала XX века // *Вестник ВГУ. Серия «История. Политология. Социология»*. 2011. № 2. С. 20-26.
- Высоцкий, 1988** – Высоцкий С.А. Кони. М., 1988. 429 с.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАНО** – Государственный архив Новосибирской области.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Дявтян, 2016** – Дявтян В.Р. Конституционный проект М.Т. Лорис-Меликова: предпосылки и последствия // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Юриспруденция»*. 2016. № 2 (31). С. 101-105.
- Корнилов, 2004** – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.
- Кряжев, 2006** – Кряжев Ю.Н. Либеральный диктатор М.Т. Лорис-Меликов и его проект конституционной монархии // *Омский научный вестник*. 2005. № 2 (31). С. 23-25.
- Кураптев, 2006** – Кураптев А.О. Культурно-ценностная обоснованность особенностей российского либерализма // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2006. № 3 (23). С. 119-124.
- Лебедев, 1990** – Лебедев Ю.В. Тургенев. М., 1990. 608 с.
- Леонтович, 1980** – Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. Париж, 1980. 797 с.
- Панаева, 1986** – Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. 512 с.
- Пантелеев, 1958** – Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. 848 с.
- Российская империя..., 2004** – Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. Воронеж, 2004. 472 с.
- Российские либералы, 2001** – Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. 576 с.
- Смолярчук, 1981** – Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М., 1981. 214 с.
- Соколов, 2008** – Соколов Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. М., 2008. 882 с.
- Хоскинг, 2003** – Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. 494 с. Кн. 2. 492 с.
- Чуковский, 1990** – Чуковский К.И. Соч. в 2 т. Т. 2. Критические рассказы. М., 1990. 622 с.
- Шиловский, 2014** – Шиловский М.В. Самопрезентация либеральных идей в представлениях сибирских интеллектуалов второй половины XIX – начала XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2014. Т. 9. С. 9-15.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Gaydin S.T. et al. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 811-820.
- Karchaeva et al., 2017** – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D. Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is.1. Pp. 86-93.
- Pereira, 1993** – Pereira N.G.O. (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*. 1993. Vol. 20. Is. 4. Pp. 163-178.

References

- Anan'ev, 2018** – Anan'ev, D.A. (2018). Sibirskoe oblastничество (1860-e gg. – nachalo XX v.) v otsenkakh angloyazychnoi i nemetskoazychnoi istoriografii [Siberian Oblastничество (1860 – the beginning of the XX century) in the Assessments of English-language and German-language Historiography] *Istoricheskii kur'er*. 1: 201-213. [in Russian]
- Banashkevich, 2017** – Banashkevich, M. (2012). Russkii liberalizm epokhi velikikh reform v zerkale Oktyabr'skoi revolyutsii [Russian Liberalism of the Era of Great Reforms in the Mirror of the October Revolution]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 20(4): 51-69. [in Russian]
- Chukovskii, 1990** – Chukovskii, K.I. (1990). Soch. v 2 t. T. 2. Kriticheskie rasskazy [Essays in 2 vols. Vol. 2. Critical stories]. Moscow. 622 p. [in Russian]
- Dyavtyan, 2016** – Dyavtyan, V.R. (2016). Konstitutsionnyi proekt M.T. Loris-Melikova: predposylki i posledstviya [The constitutional project of M. T. Loris-Melikov: prerequisites and consequences]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5, Yurisprudentsiya*. 2(31): 101-105. [in Russian]
- ГАИО** – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoy oblasti [State archive of the Irkutsk territory].
- ГАНО** – Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of the Novosibirsk territory].
- ГАРФ** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation]

- Khosking, 2003** – *Khosking, Dzh.* (2003). Rossiya i russkie. V 2 kn. [Russia and the Russians. In 2 books.]. Moscow. Kn. 1. 494 p. Kn. 2. 492 p. [in Russian]
- Kornilov, 2004** – *Kornilov, A.A.* (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [Course of the history of Russia of the XIX century]. Moscow. 862 p. [in Russian]
- Kryazhev, 2006** – *Kryazhev, Yu.N.* (2005). Liberal'nyi diktator M.T. Loris-Melikov i ego proekt konstitutsionnoi monarkhii [Liberal dictator M. T. Loris-Melikov and his project of a constitutional monarchy]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2(31): 23-25. [in Russian]
- Kuraptev, 2006** – *Kuraptev, A.O.* (2006). Kul'turno-tsennostnaya obosnovannost' osobennostei rossiiskogo liberalizma [Cultural and Value validity of the Features of Russian liberalism]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 3(23): 119-124. [in Russian]
- Lebedev, 1990** – *Lebedev, Yu.V.* (1990). Turgenev [Turgenev]. Moscow. 608 p. [in Russian]
- Leontovich, 1980** – *Leontovich, V.V.* (1980). Istoriya liberalizma v Rossii. 1762 – 1914 [The history of liberalism in Russia. 1762 – 1914]. Parizh. 797 p. [in Russian]
- Panaeva, 1986** – *Panaeva (Golovacheva), A.Ya.* (1986). Vospominaniya [Memories]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – *Panteleev, L.F.* (1958). Vospominaniya [Memories]. Moscow. 848 p. [in Russian]
- Rossiiskie liberaly, 2001** – *Rossiiskie liberaly: Sb. Statei* [Russian Liberals: Collection of articles]. Moscow. 2001. 576 p. [in Russian]
- Shilovskii, 2014** – *Shilovskii, M.V.* (2014). Samoprezentatsiya liberal'nykh idei v predstavleniyakh sibirskikh intellektualov vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Self-presentation of liberal ideas in the Ideas of Siberian intellectuals of the second half of the XIX – early XX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 9: 9-15. [in Russian]
- Smolyarchuk, 1981** – *Smolyarchuk, V.I.* (1981). Anatolii Fedorovich Koni (1844 – 1927) [Anatoly Fedorovich Koni (1844-1927)]. Moscow. 214 p. [in Russian]
- Sokoloff, 2008** – *Sokoloff, Zh.* (2008). Bednaya derzhava. Istoriya Rossii s 1815 goda do nashikh dnei [Poor power. The history of Russia from 1815 to the present day]. Moscow. 882 p. [in Russian]
- Vostrikova, 2011** – *Vostrikova, V.V.* (2011). Obshchestvenno-politicheskaya mysl' kak faktor formirovaniya mirovozzreniya liderov rossiiskogo liberalizma kontsa XIX – nachala XX veka [Socio-political Thought as a Factor in the Formation of the Worldview of the Leaders of Russian Liberalism of the late XIX-early XX century]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2: 20-26. [in Russian]
- Vysotskii, 1988** – *Vysotskii, S.A.* (1988). Koni [Koni]. Moscow. 429 p. [in Russian]
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T.* et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Karchaeva et al., 2017** – *Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Severyanov, M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 43(1): 86-93.
- Pereira, 1993** – *Pereira, N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*. 20(4): 163-178.

Русский либерализм XIX века: перспективный курс развития или путь к национальной трагедии

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Лариса Федоровна Малютина ^a, Евгений Александрович Ахтамов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Идеи и ценности либерализма вызывают несомненный интерес в общественно-политическом пространстве, находя своих последователей. Этим обусловлена актуальность выбранной темы и необходимость сопоставления ценностных ориентиров российских либералов XIX века и их идейных преемников. Предметом исследования данной работы является развитие либеральных идей в пореформенной России, последовательным носителем которых была интеллигенция, в основном разделявшая западноевропейские ценности и стремившаяся адаптировать их к российским условиям. Анализ взглядов главных представителей либерального движения позволил выявить их позиции по важным социально-политическим вопросам.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)

По основным вопросам, таким как судьба крестьянской общины в пореформенной России, эти взгляды нередко были диаметрально противоположными, что вело к разобщенности в рядах либералов. Анализируются причины, по которым либерализм не смог сыграть решающую роль в дальнейшем развитии России по пути демократических преобразований. Отсутствие единства во взглядах среди сторонников самого движения, неспособность договориться с правительством и найти компромисс с представителями других политических течений не способствовали расширению влияния либералов в обществе и значительно сужали его социальную опору. Роль либеральной печати в формировании общественного сознания в лице наиболее ярких ее представителей также нашла свое отражение в статье. Сравнительный анализ взглядов российской либеральной интеллигенции и представителей сибирского либерализма позволяет говорить о сходстве их позиций по основным социально-экономическим вопросам развития страны, что, однако, не исключало некоторую специфику взглядов сибиряков, обусловленную своеобразием развития региона.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, Сибирь, Россия, великие реформы, областничество, М.Т. Лорис-Меликов.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 661-668.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.661
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Process of Introducing the Russian Military-Administrative System in Chechnya and Dagestan in the late 1830s – early 1840s

Zaira R. Usmanova ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Within the framework of this study, the process of the introduction of the Russian military-administrative system in Chechnya and Dagestan in the late 1830s – early 1840s was examined. The purpose of the presented work is to identify key trends in the development of the military-administrative policy of the Russian leadership in the specified region. The research methodology is built through a combination of structural, comparative and descriptive analysis. The source base of the work includes materials from the fund of the Caucasian Committee, stored in the Russian State Historical Archive, and sources of personal origin, reflecting the experience and opinions of representatives of the Separate Caucasian Corps.

The author comes to the conclusion that the Russian leadership in the period under review was implementing the strategy of the phased expansion of the military-administrative apparatus, designed to ensure in the long term the full integration of the region into the structure of the national control system. At the regional and interregional levels, institutions developed to tighten the control of the military and civilian apparatus over the life of local communities. At the local level, the authorities were forced to preserve the traditional system of government for the region due to their interest in supporting the aristocracy and discontent of the population with attempts to expand the imperial administrative apparatus. The political leadership of the empire regarded this compulsory measure and, in the future, hoped to completely eliminate the independence of the feudal possessions.

The program for the development of the military-administrative system of the region did not lead to the achievement of the set goals. Failures in the course of its implementation were largely due to the lack of an adequate understanding of the real practice of the work of the controlling bodies in the localities and the reluctance of local officials to adapt the usual management methods to the North Caucasian customs and mentality.

At the local level, the military-administrative policy of the Russian authorities made it possible to maintain stability in most of the fiefdoms and guaranteed the loyalty of the aristocrats who ruled them. At the same time, the used management model preserved a conflict of interests between local rulers and the leadership of the Russian military and civilian apparatus, which was pursuing the goal of eliminating the independence of quasi-state formations in Chechnya and Dagestan.

These problems led to the deterioration of the position of Russian troops in the region in the first half of the 1840s. However, to a large extent, the identified difficulties in the course of the military-administrative reforms were inevitable, since the reforms assumed either the destruction or a significant weakening of the traditional institutions of public authority.

Keywords: Caucasian war, Imam Shamil, military-administrative policy, Chechnya, Dagestan.

1. Введение

Тема военно-административной политики российских властей в отношении Чечни и Дагестана в период Кавказской войны традиционно обладает высокой степенью актуальности. Данное

* Corresponding author

E-mail addresses: zrusmanova@fa.ru (Z.R. Usmanova)

обстоятельство обуславливается как высокой степенью мифологизации соответствующих событий в нарративных источниках и исторической публицистике (влияющих, в том числе, и на представителей экспертного сообщества), так и наличием прямой взаимосвязи между административной политикой российского руководства и ходом боевых действий. Именно качество управления, наряду с курсом на замещение традиционных форм организации публичной власти, служило одним из главных факторов мотивации как широких масс местного населения, так и региональных элит в отношении поддержки и российского руководства, и имамата.

В особенности большое значение имеет военно-административный контекст в оценке событий 1840–1845 гг. – наиболее сложного для российского командования периода Кавказской войны. Понесенные в эти годы поражения вынудили официальный Санкт-Петербург кардинальным образом изменить стратегию покорения Кавказа.

В отсутствие комплексной оценки военно-административной политики в отношении региона в период, непосредственно предшествовавший провозглашению Шамиля имамом Чечни в марте 1840 г., и в первые годы его пребывания в ставке в Дарго, не представляется возможным полноценно оценить мотивацию и поведение конфликтующих сторон. При этом существование лакун в научной картине соответствующих событий формирует «окно возможностей» для непрофессиональных исследователей либо политических или религиозных радикалов с точки зрения компенсации пробелов в информации за счет домыслов или фальсификаций.

Целью данной работы является выделение ключевых тенденций в развитии военно-административной политики российского руководства в Чечне и Дагестане в конце 1830-х – начале 1840-х гг.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы данного исследования сформировали документы фонда Кавказского комитета (Российский государственный исторический архив) и материалы личного происхождения, созданные участниками описываемых событий со стороны российской системы управления (Ермолов, 2014; Зиссерман, 1879).

Методология исследования выстроена за счет комбинации дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Применение структурного анализа позволило выстроить объяснительную модель для описания системы военно-административного управления регионом. Обращение к сравнительному анализу дало возможность выделить специфику практики управления отдельными территориями. Дескриптивный анализ использовался для выстраивания системы фактов в единый нарратив в соответствии с заявленной исследовательской целью.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема получила достаточно широкое освещение, однако большинство исследований носили не вполне объективный характер, поскольку зачастую содержали четко выраженную апологию одной из сторон (Берже, 1859; Гизетти, 1896; Дубровин, 1871; Ковалевский, 1915; Потто, 1887; Фадеев, 1860).

В советский период тема получила развитие за счет ввода в научный оборот большого количества ранее не использовавшихся исследователями источников и репрезентации «памяти побежденных». В то же время на качество изучения темы негативным образом отразились необходимость для авторов следовать положениям официальной идеологии и в целом широкое влияние политической конъюнктуры (Бушуев, 1939; Магомедов, 1939; Ортабаев, Тотоев, 1988; Покровский, 1924; Смирнов, 1963; Фадеев, 1955).

В современный период сложились благоприятные условия для ревизии сформированных ранее объяснительных моделей на основе деполитизации темы. Однако негативное влияние на общественную повестку событий середины 1990-х – начала 2000-х гг., наряду с коммерциализацией науки, распространением фольк-хистори и популяризацией различных экстремистских идеологий, в значительной степени заблокировали возможность реализовать соответствующий позитивный потенциал. Объективному изучению заявленного вопроса препятствует и практика рассмотрения событий Кавказской войны сквозь призму травмирующего опыта последних десятилетий (Гапуров, 2016; Гордин, 2000; Дегоев, 2001; Мальцев, 2012; Муханов, 2007; Халилов, 1998; Шатохина, 2000).

Также необходимо отметить, что в большинстве исследований авторы концентрируют внимание на ходе боевых действий, религиозных или социально-экономических корнях конфликта, в силу чего военно-административная сфера рассматривается по остаточному принципу.

В итоге мы можем заключить, что для степени изученности заявленной темы характерны лакунарность и фрагментарность, сочетающиеся с негативными последствиями влияния политической конъюнктуры и социального заказа.

4. Результаты

Политика официального Санкт-Петербурга в рамках выстраивания военно-административной системы в Чечне и Дагестане складывалась в первую очередь с учетом позиции основных акторов

местного уровня (за исключением представителей наместника и наибов Шамиля) – лидеров «вольных обществ» и бекской знати. В рамках противостояния между силами имама и российскими войсками первые чаще всего принимали сторону Шамиля, в то время как представители знати традиционно демонстрировали высокую степень лояльности императору. Характерным примером в данном случае могут служить данные относительно источников комплектования контингентов, принимавших участие в сражении при а. Карата 7–8 августа 1839 г.: к частям генерала К.К. Фезе примкнул отряд из 1200 вооруженных горцев под командованием Ахмет-хана Мехтулинского, в то время как силы Шамиля состояли преимущественно из членов местных «вольных обществ» (*Покоренный Кавказ...*, 1904: 377-387; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 4-5).

Руководство империи осознавало, что именно этот институт является одной из главных опор сопротивления завоеванию Северного Кавказа. Однако представители политического истеблишмента также хорошо осознавали, что решить проблему чисто военными средствами даже в среднесрочной перспективе представляется невозможным. Именно по этой причине в декабре 1838 г. император Николай I лично выступил против инициативы командующего Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головина по оперативному подчинению «вольных обществ» накануне экспедиции к ставке Шамиля в крепости Ахульго. Согласно мнению монарха, «вольные сообщества», готовые признать власть российского императора, предпочтительнее было расположить на сторону наместника за счет предоставления ряда льгот и привилегий. В частности, предполагалось, что для них временно будет предоставлена возможность сохранить прежнюю систему внутреннего управления. Также монарх предписывал наместнику отказаться от внедрения управленческих практик, противоречащих местным законам и обычаям, и не взимать с населения дань или налоги, за исключением сборов, уплачиваемых членами «вольных обществ» ранее (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 5-6; Фадеев, 1860: 72).

Заинтересованность в поддержке со стороны кавказской знати также способствовала гибкости политического курса Санкт-Петербурга в плане организации местной администрации. Успехи властей в борьбе против Гази-Мухаммада Гимринского, Гамзат-бека и Шамиля в значительной степени были обусловлены поддержкой со стороны дагестанских ханов. В частности, особую активность в рамках поддержки борьбы российских войск с мюридами проявили лидеры Тарковского, Мехтулинского, Кюринского и Казикумухского ханств. Зачастую им удавалось срывать планы имамов даже в отсутствие прямой поддержки российских войск. Так, в феврале 1839 г. отряды шамхала Тарковского и хана Мехтулинского самостоятельно пресекли попытки войск Шамиля установить контроль над территорией компактного проживания аварцев (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 8; Дубровин, 1871: 412).

Последнее автоматически обуславливало временный отказ российских чиновников от ликвидации местного аппарата управления, существовавшего в традиционных для данной местности формах. Помимо того, на позицию российских властей влияли и иные обстоятельства. С одной стороны, военные и гражданские администраторы помнили о негативном опыте попытки упразднения ханств в период пребывания на посту наместника А.П. Ермолова. С другой стороны, чиновники учитывали наличие радикального расхождения интересов представителей высшей знати и имамов, с самого начала возникновения мюридизма как социально-политического явления выступавших против местной аристократии (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 47; Гизетти, 1896: 391).

Однако власти не воспринимали лояльность местной знати как абсолютную, что стало причиной создания достаточно сложной системы контроля над представителями кавказских элит, сохранявших права на управление своими родовыми владениями.

Во-первых, представители императорской власти стремились контролировать процесс наследования титулов и владений северокавказских аристократов. При этом они активно использовали противоречия внутри аристократических семейств и между соперничающими родами. Отдельно необходимо отметить, что контроль в данном случае не носил безусловного и всеобъемлющего характера (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 98. Л. 1; Ортабаев, Тотоев, 1988: 81).

В качестве примера комплексного характера процесса принятия решения о наследовании владений можно привести эпизоды, связанные с передачей прав на Казикумухское и Кюринское ханства (управлявшиеся на тот момент одной династией) в 1838–1839 гг.

Хан Магомет-Мирза (сын Аслан-хана Казикумухского) не оставил прямых наследников мужского пола. Управление Кюринским ханством на тот момент формально находилось в руках прапорщика Гарун-бека – сына Аслан-хана Казикумухского, не имевшего прав на наследство отца в силу низкого происхождения своей матери. Заинтересованность Гарун-бека в сохранении своего поста и поддержке российских властей некоторое время стабилизировала ситуацию, однако с течением времени противостояние между наследниками Магомет-Мирзы едва не вылилось в открытый вооруженный конфликт (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 3-4).

С одной стороны, на ханский престол претендовала Умми-Гюльсун-Бике – жена Аслан-хана Казикумухского (от лица внучки Шамай-бике), с другой – дядя покойного хана. Наместник Е.А. Головин отстаивал идею передачи ханского титула подполковнику Даниял-беку – главе Илсуйского султаната и племяннику Аслан-хана по материнской линии. В соответствии с этими планами султанат должен был присоединиться к Джаробелоканской области, а Гарун-бек (как наиб Кюринского ханства) перейти под контроль окружного приставства. Однако эти планы были

выстроены без учета настроений и интересов местного населения, и в первую очередь знати (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 45).

Дядя Магомет-Мирзы пытался спровоцировать в ханстве восстание за счет распространения слухов о скором внедрении прямого управления российских чиновников на территории ханства. Одновременно Умми-Гюльсун-Бике, намеревавшаяся отстаивать свои права на ханскую власть, сформировала вооруженный отряд из 300 человек. В итоге в ханстве действительно начались волнения, но большая часть их участников выразила поддержку супруге умершего хана. В итоге Даниял-бек выразил готовность возглавить Кюринское ханство, но лишь при соблюдении двух условий. Во-первых, оно должно быть передано его семье в наследственное владение. Во-вторых, илисуйский султан нуждался в одобрении решения о передаче власти со стороны Умми-Гюльсун-Бике. Фактически речь шла о вежливом отказе в ответ на предложение Е.А. Головина (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 47).

Интересно отметить, что командир Отдельного Кавказского корпуса также активно продвигал проект по передаче власти над ханствами гвардейскому офицеру, семья которого прежде управляла упраздненным Куткашенским султанатом, и даже предлагал вновь ввести его в соответствующее достоинство. В итоге эта инициатива Е.А. Головина не нашла поддержки в Санкт-Петербурге. На фоне растущего недовольства жителей двух ханств (связанного с распространением слухов о скором переходе к прямому управлению регионом российской администрацией) и укрепления позиций Умми-Гюльсун-Бике было решено передать супруге Аслан-хана власть над Казикумухским ханством, а Кюринское оставить под управлением Гарун-бека. При этом, однако, за их деятельностью был поставлен следить в качестве неофициального «пристава» офицер Нижегородского драгунского полка – уроженец Кавказа, хорошо владеющий местными языками и знакомый с традициями дагестанских народов (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257а. Л. 50).

Таким образом, российские власти вмешивались в процесс передачи власти и владений по наследству, однако степень их влияния в значительной мере зависела от обстоятельств в каждом конкретном случае.

Во-вторых, при возможности руководители российской администрации использовали тактику «культурной ассимиляции» северокавказских элит, отчасти сочетающуюся с приемами, в которых местным населением угадывались признаки взятия заложников среди представителей знати (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 255. Л. 23; Зиссерман, 1879: 189).

Так, после смерти в декабре 1838 г. Айбат-бике – вдовы владетеля Аваристана Нуцал-хана, единственным наследником престола стал ее сын Нуцал, которому на тот момент было всего 5 лет. В итоге было принято решение отправить будущего хана в Александровский кадетский корпус для малолетних сирот в Царском Селе, после чего его планировалось направить в Пажеский корпус. Таким образом, предполагалось, что Нуцал будет полностью инкорпорирован в элиту империи и получит соответствующее воспитание, что ослабит его связи с местной знатью. И в то же время его пребывание вдали от Дагестана должно было обеспечить лояльность родственников, заинтересованных в возвращении будущего правителя на родину (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 258. Л. 39).

Соответственно, на локальном уровне в рассматриваемый период политическое руководство империи предпочитало сдерживать процесс вытеснения традиционных институтов и форм управления. Причины этого заключались в заинтересованности официального Петербурга в поддержке со стороны местной знати, которая одновременно выступала и в качестве гаранта поддержания стабильности на местном уровне, и в роли высокомотивированного противника имамата Шамиля, способного своими силами противодействовать экспансии мюридизма. Равным образом местная аристократия являлась (в силу разнонаправленности интересов) «естественным противником» для «вольных обществ», члены которых активным образом противодействовали завоеванию Чечни и Дагестана и потому выступали в качестве главного источника пополнения сил гавата.

Сохранение в локальных границах традиционных форм управления не препятствовало активному внедрению новых институтов территориальной организации и военно-административного управления на региональном и межрегиональном уровнях.

После взятия ставки Шамиля в ауле Ахульго в августе 1839 г. генерал-лейтенантом П.Х. Граббе был разработан проект «Положения об управлении мирными племенами».

Новая система управления предусматривала расширение и систематизацию функционирования института приставств на Северном Кавказе. Этот институт начал внедряться в систему управления регионом с 1800 г. Приставы выступали в качестве связующего звена между руководством гражданского и военного аппарата управления и общинами в лице старейшин. На них одновременно были возложены и контрольные, и фискальные функции. Последнее постоянно выступало в качестве фактора, подпитывающего недовольство местного населения. Жалованье приставов выплачивалось за счет податей, уплачиваемых местными жителями. При этом руководство Кавказской линии последовательно отстаивало тезис о том, что авторитет пристава напрямую коррелируется с размером его жалованья, что стимулировало рост налогового бремени. Ситуацию усугубляло то, что административные реформы неизменно сопровождались увеличением числа

приставств и, как следствие, ростом затрат на содержание чиновников. Последние, как правило, были плохо знакомы с местными обычаями и добивались строгого выполнения всех требований высшего руководства даже при условии, что этому препятствовали объективные обстоятельства. При этом чаще всего приставы игнорировали обязанности, связанные с разъяснением местному населению смысла тех или иных преобразований. Источником проблем служило и то, что зачастую система территориального деления приставств не совпадала с границами компактного проживания конкретных этносов. В результате представители одного народа могли оказаться в составе двух разных приставств с весьма отличающимися моделями управления (специфика которых напрямую зависела от личности конкретного администратора). Например, сунженские и брагунские чеченцы относились к зоне юрисдикции главного кумыкского приставства, а терские были приписаны к лезгинскому (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 261. Л. 32).

Согласно проекту «Положения об управлении мирными племенами», вся территория Чечни и Дагестана была разделена на 3 главных приставства – чеченское, кумыкское и лезгинское. Все они находились в подчинении у начальника Левого фланга Кавказской линии. Впоследствии в проект были внесены изменения: число приставств сократили до двух – кумыкского и лезгинского. При этом в структуру главных приставств должны были входить частные (локальные) органы власти того же характера. Приставы рекрутировались из числа военных чиновников, зарекомендовавших себя в качестве благонадежных (что зачастую подразумевало отсутствие авторитета среди местного населения). Император Николай I настаивал на том, что создание приставств не должно сопровождаться увеличением податного бремени местного населения, а чиновники должны в рамках своей деятельности ориентироваться на местные обычаи и нравы. Однако в рамках реализации реформы указания монарха фактически были проигнорированы (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 26. Л. 32-33, 49).

Расширение географических рамок, охватывающих зону действия института приставств, и увеличение числа последних закономерно вызвали рост фискального бремени населения Чечни и Дагестана, что способствовало росту недовольства. Особенно остро создание приставств восприняли жители равнинной части Чечни. Приставы уделяли особое внимание пресечению торговли хлебом между формально признававшими российское подданство аулами и «горными чеченцами» – ичкеринцами, шатоевцами и пшехоевцами, следствием чего стало возникновение угрозы голода в нагорной части Чечни. Обострению ситуации способствовала практика уничтожения посевов «немирных аулов» в ходе рекогносцировок российских войск (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 263. Л. 14).

В итоге внедрение новых форм управления превратилось в фактор, спровоцировавший массовые антироссийские выступления в Чечне и Дагестане. Роль повода («спускового крючка») в данном случае сыграло изменение формата дани на оружие. Ранее она взималась в денежной форме, однако в 1840 г. было принято решение собирать ее в натуральной форме – в виде оружия. Эта мера закономерно вызвала резкое неприятие со стороны местных жителей. С одной стороны, они обоснованно рассматривали этот шаг как направленный на разоружение северокавказского населения с целью обеспечить большую степень контроля над регионом. С другой стороны, российские чиновники не учли специфику местной культуры, в рамках которой личному оружию придавалось большое символическое значение. Как итог, в марте 1840 г. в Чечне и Дагестане поднялось восстание, позволившее Шамилю компенсировать понесенные ранее потери и укрепиться в ауле Дарго (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 267. Л. 68).

Помимо того, в рассматриваемый период были предприняты попытки преобразовать систему административно-территориального деления региона, охваченного движением мюридов.

В конце 1842 г. в Санкт-Петербурге был утвержден проект создания Дагестанской области, разработанный Е.А. Головиным. Данное территориальное образование было сформировано с целью организации управления Северным Дагестаном, районом Темир-Хан-Шуры, Аварским, Кюринским и Казикумухским ханствами, а также ради налаживания контроля над перемещением войск на этой территории. Главой области был назначен командующий 19-й пехотной дивизией генерал-майор П.Я. Реннекамф. Необходимость создания новой военно-административной единицы обуславливалась тем, что, находясь в Тифлисе, командующий Отдельным Кавказским корпусом был лишен возможности оперативно принимать решения, касающиеся ситуации в Чечне и Дагестане: временной лаг между получением сигнала и отправкой обратной связи достигал слишком больших значений, в результате чего отданные распоряжения утрачивали актуальность к моменту получения в войсках. Впоследствии, однако, Дагестанская область была ликвидирована, а затем вновь воссоздана в начале 1860-х гг. (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 267. Л. 62).

Таким образом, мы можем заключить, что практика внедрения новых институтов территориальной организации и военно-административного управления на региональном и межрегиональном уровнях в обозначенный период не способствовала росту управляемости региона, а, напротив, провоцировала крупномасштабные антироссийские выступления или, в лучшем случае, не приносила ощутимого позитивного эффекта.

5. Заключение

В целом мы должны признать, что в рассматриваемый период политическое руководство Российской империи реализовывало стратегию постепенного расширения военно-административного аппарата, рассчитанную на достижение в долгосрочной перспективе полной интеграции Чечни и Дагестана в общегосударственную систему управления. С одной стороны, на региональном и межрегиональном уровнях укреплялись институты, призванные обеспечить прямой контроль военного и гражданского аппарата над жизнью местных общин. С другой стороны, на локальном уровне власти вынужденно консервировали традиционную систему управления по причине заинтересованности в поддержке местной знати и недовольства населения попытками ликвидации ханств, султанатов и прочих квазигосударств региона. При этом официальный Санкт-Петербург расценивал эту политику лишь как вынужденную меру – тактическую уступку, которая в перспективе должна послужить решению задачи по ликвидации самостоятельности феодальных владений и их переходу под контроль императорской администрации.

Эффективность военно-административной программы российских властей можно оценить, как крайне низкую. Последнее обуславливалось не столько ошибками в области стратегического целеполагания, сколько отсутствием адекватного представления о реальной практике функционирования контролирующих органов на местах и нежеланием местных чиновников (как военных, так и гражданских) адаптировать методы управления к северокавказским обычаям и менталитету.

На локальном уровне политика российских властей позволяла поддерживать стабильность ситуации в большинстве феодальных владений и обеспечивать лояльность управляющих ими аристократов, что обеспечивало силы Кавказской линии стратегически значимым ресурсом, без которого эффективное противодействие имамату и силам «вольных обществ» превратилось бы в более сложную задачу. Однако используемая модель управления оставляла неразрешенным конфликт интересов местных владетелей и руководства военного и гражданского аппарата, в перспективе ориентированного на ликвидацию самостоятельности квазигосударственных образований.

Можно предположить, что перечисленные проблемы, наряду с прочими факторами, обусловили ухудшение положения российских войск в Чечне и Дагестане в первой половине 1840-х гг. Однако необходимо подчеркнуть, что в значительной степени затруднения, возникшие в ходе реализации программы военно-административных преобразований, носили неизбежный характер. Даже в случае устранения ошибок и злоупотреблений, допущенных чиновниками на региональном и местном уровнях, интеграция региона в общеимперскую систему управления должна была вызвать активное сопротивление со стороны местных политических акторов, поскольку соответствующие преобразования предполагали либо ликвидацию, либо значимое ослабление традиционных институтов организации публичной власти в Чечне и Дагестане.

Литература

- Берже, 1859** – *Берже А.П.* Чечня и Чеченцы. Тифлис, 1859. 140 с.
- Бушуев, 1939** – *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л.: АН СССР, 1939. 183 с.
- Гапуров, 2016** – *Гапуров Ш.А.* Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.). Грозный, 2016. 576 с.
- Гизетти, 1896** – *Гизетти А.Л.* Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896. 598 с.
- Гордин, 2000** – *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. 465 с.
- Дегоев, 2001** – *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. 376 с.
- Дубровин, 1871** – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. 669 с.
- Ермолов, 2014** – *Ермолов А.П.* Кавказские письма 1816–1860 / Сост., коммент. Г.Г. Лисициной, Б.П. Миловидова. СПб., 2014. 830 с.
- Зиссерман, 1879** – *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). В 2-х ч. СПб., 1879. 441 с.
- Ковалевский, 1915** – *Ковалевский П.И.* Кавказ. История завоевания Кавказа. Т. 2. СПб., 1915. 271 с.
- Магомедов, 1939** – *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. 134 с.
- Мальцев, 2012** – *Мальцев В.Н.* Российская власть на Кавказе и наибы Шамиля: отношения и контакты // *Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV. Материалы региональной научно-практической конференции.* Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск, 2012. С. 89–97.
- Муханов, 2007** – *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. 428 с.
- Ортабаев, Тотоев, 1988** – *Ортабаев Б.Х., Тотоев Ф.В.* Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // *История СССР.* 1988. № 4. С. 78–96.
- Покоренный Кавказ..., 1904** – *Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа.* Кн. 1. СПб., 1904. 663 с.

- Покровский, 1924** – *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. 392 с.
- Потто, 1887–1890** – *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1–5. СПб., 1887–1890.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Смирнов, 1963** – *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. 244 с.
- Фадеев, 1955** – *Фадеев А.В.* О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке // *Вопросы истории.* 1955. № 6. С. 67–77.
- Фадеев, 1860** – *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 153 с.
- Халилов, 1998** – *Халилов А.М.* Шамиль и Кавказская война. Махачкала, 1998. 269 с.
- Шатохина, 2000** – *Шатохина Л.В.* Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-е–60-е гг. XIX века. М., 2000. 224 с.

References

- Berzhe, 1859** – *Berzhe, A.P.* (1859). Chechnya i Chechentsy [Chechnya and Chechens]. Tiflis, 140 p. [in Russian]
- Bushuev, 1939** – *Bushuev, S.K.* (1939). Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya [The struggle of the mountaineers for independence under the leadership of Shamil]. M.-L.: AN SSSR, 183 p. [in Russian]
- Degoev, 2001** – *Degoev, V.V.* (2001). Imam Shamil': prorok, vlastitel', voyn [Imam Shamil: prophet, ruler, warrior]. M., 376 p. [in Russian]
- Dubrovin, 1871** – *Dubrovin, N.F.* (1871). Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of the war and domination of the Russians in the Caucasus]. Т. 1. Kn. 1. SPb., 669 p. [in Russian]
- Ermolov, 2014** – *Ermolov, A.P.* (2014). Kavkazskie pis'ma 1816–1860 [Letters from the Caucasus 1816–1860]. Sost., koment. G.G. Lisitsinoi, B.P. Milovidova. SPb., 830 p. [in Russian]
- Fadeev, 1860** – *Fadeev, R.A.* (1860). Shest'desyat let Kavkazskoi voyny [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis, 153 p. [in Russian]
- Fadeev, 1955** – *Fadeev, A.V.* (1955). O vnutrennei sotsial'noi baze myuridistskogo dvizheniya na Kavkaze v XIX veke [On the internal social base of the Muridist movement in the Caucasus in the 19th century]. *Voprosy istorii.* 6: 67–77. [in Russian]
- Gapurov, 2016** – *Gapurov, Sh.A.* (2016). Chechnya v period Kavkazskoi voyny (1818–1859 gg.) [Chechnya during the Caucasian War (1818–1859)]. Groznyi, 576 p. [in Russian]
- Gizetti, 1896** – *Gizetti, A.L.* (1896). Khronika Kavkazskikh voisk [Chronicle of the Caucasian troops]. Tiflis, 598 p. [in Russian]
- Gordin, 2000** – *Gordin, Ya.A.* (2000). Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka [Caucasus: earth and blood. Russia in the Caucasian War of the 19th century]. SPb., 465 p. [in Russian]
- Khalilov, 1998** – *Khalilov, A.M.* (1998). Shamil' i Kavkazskaya voyna [Shamil and the Caucasian War]. Makhachkala, 269 p. [in Russian]
- Kovalevskii, 1915** – *Kovalevskii, P.I.* (1915). Kavkaz. Istoriya zavoevaniya Kavkaza [Caucasus. History of the conquest of the Caucasus]. Т. 2. SPb., 271 p. [in Russian]
- Magomedov, 1939** – *Magomedov, R.M.* (1939). Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya [The struggle of the mountaineers for independence under the leadership of Shamil]. Makhachkala, 134 p. [in Russian]
- Mal'tsev, 2012** – *Mal'tsev, V.N.* (2012). Rossiiskaya vlast' na Kavkaze i naiby Shamilya: otnosheniya i kontakty [Russian power in the Caucasus and Shamil's naibs: relations and contacts]. *Rossiiskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Severnogo Kavkaza. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pyatigorsk, 18–20 noyabrya 2011 g.* Pyatigorsk. Pp. 89–97. [in Russian]
- Mukhanov, 2007** – *Mukhanov V.M.* Pokoritel' Kavkaza knyaz' A.I. Baryatinskii [The conqueror of the Caucasus, Prince A.I. Baryatinsky]. М., 2007. 428 p. [in Russian]
- Ortabaev, Totoev, 1988** – *Ortabaev, B.Kh., Totoev, F.V.* (1988). Eshche raz o Kavkazskoi voine: o ee sotsial'nykh istokakh i sushchnosti [Once again about the Caucasian war: about its social origins and essence]. *Istoriya SSSR.* 4: 78–96. [in Russian]
- Pokorenniy Kavkaz..., 1904** – *Pokorenniy Kavkaz: Ocherki istoricheskogo proshlogo i sovremennogo polozheniya Kavkaza* [The Conquered Caucasus: Essays on the Historical Past and Present Situation of the Caucasus]. Kn. 1. SPb., 1904. 663 p. [in Russian]
- Pokrovskii, 1924** – *Pokrovskii, M.N.* (1924). Diplomatyiya i voyny tsarskoi Rossii v XIX stoletii [Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the 19th Century]. М., 392 p. [in Russian]
- Potto, 1887–1890** – *Potto, V.* (1887–1890). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [Caucasian War in separate essays, episodes, legends and biographies]. Т. 1–5. SPb. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Shatokhina, 2000 – *Shatokhina, L.V.* (2000). Politika Rossii na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20-e–60-e gg. XIX veka [Russia's policy in the North-West Caucasus in the 20s – 60s. XIX century]. M., 224 p. [in Russian]

Smirnov, 1963 – *Smirnov, N.A.* (1963). Myuridizm na Kavkaze [Muridism in the Caucasus]. M., 244 p. [in Russian]

Zisserman, 1879 – *Zisserman, A.L.* (1879). Dvadsat' pyat' let na Kavkaze (1842–1867) [Twenty-five years in the Caucasus (1842-1867)]. V 2-kh ch. SPb., 441 p. [in Russian]

Процесс внедрения российской военно-административной системы в Чечне и Дагестане в конце 1830-х – начале 1840-х гг.

Заира Романовна Усманова ^{a, *}

Аннотация. В рамках данного исследования изучен процесс внедрения российской военно-административной системы в Чечне и Дагестане в период конца 1830-х – начала 1940-х гг. Цель представленной работы заключается в выявлении ключевых тенденций в развитии военно-административной политики российского руководства в указанном регионе. Методология исследования выстроена за счет сочетания структурного, сравнительного и дескриптивного анализа. Источниковая база работы включает в себя материалы фонда Кавказского комитета, хранящегося в Российском государственном историческом архиве, и источники личного происхождения, отображающие опыт и мнения представителей Отдельного Кавказского корпуса.

Автор приходит к выводу, что российское руководство в рассматриваемый период воплощало в жизнь стратегию поэтапного расширения военно-административного аппарата, призванную обеспечить в долгосрочной перспективе полную интеграцию региона в структуру общегосударственной системы управления. На региональном и межрегиональном уровнях развивались институты, созданные с целью ужесточения контроля военного и гражданского аппарата над жизнью местных общин. На локальном уровне власти вынужденно сохраняли традиционную для региона систему управления в силу заинтересованности в поддержке аристократии и недовольства населения попытками расширения имперского административного аппарата. Политическое руководство империи расценивало это как вынужденную меру и в перспективе рассчитывало полностью ликвидировать самостоятельность феодальных владений.

Программа развития военно-административной системы региона не повлекла за собой достижения поставленных целей. Неудачи в ходе ее реализации были обусловлены по большей части отсутствием адекватного представления о реальной практике работы контролирующих органов на местах и нежеланием местных чиновников адаптировать привычные методы управления к северокавказским обычаям и менталитету.

На местном уровне военно-административная политика российских властей позволяла поддерживать стабильность в большинстве феодальных владений и гарантировала лояльность управляющих ими аристократов. В то же время используемая модель управления консервировала конфликт интересов местных владетелей и руководства российского военного и гражданского аппарата, преследующего цель ликвидации самостоятельности квазигосударственных образований в Чечне и Дагестане.

Указанные проблемы обусловили ухудшение положения российских войск в регионе в первой половине 1840-х гг. Однако в значительной степени обозначенные затруднения в ходе проведения военно-административных преобразований носили неизбежный характер, поскольку реформы предполагали либо уничтожение, либо значимое ослабление традиционных институтов публичной власти.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, военно-административная политика, Чечня, Дагестан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ZRUsmanova@fa.ru (З.Р. Усманова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 669-688.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.669
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 2

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{d, e}, Marina A. Ponomareva ^f,
 Ludmila G. Zimovets ^g

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research),
 Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^g Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The authors make an attempt to provide a comprehensive historical and statistical study on long-livers of the Russian Empire in the period 1836–1914. In this part of the work, the period 1850–1875 is analyzed. At this time, the male and female population of the Orthodox faith was recorded. The attention is paid to the number of long-livers, namely persons whose age exceeds 101 years, their places of residence, as well as the specific weight of the number of long-livers to the total population.

There were used as materials the reports of the chief prosecutor of the Holy Synod on the spiritual department of the Orthodox faith for 1836–1914. The work is based on the underlying principles of historicism, systematics and objectivity. The statistical method is of great importance in this work, which allowed us to analyze the available statistical data on mortality in the Russian Empire in the period 1850–1875, as well as to identify important characteristic features. Besides this, the use of the statistical method made it possible to identify territories with a large number of long-livers.

In conclusion, the authors state that despite the inclusion of information about women in the statistics since 1850, the number of long-livers on the territory of the Russian Empire continued to decline, partly this trend began in the 1840s, continued in the 1850s and 1860s, and reached its minimum value in the first half of the 1870s. The number of persons who reached the maximum age also decreased, while in 1836–1849 long-livers were recorded in the age range from 160 to 165 years, in 1850–1875 the maximum age was in the range from 145 to 150 years.

In 1850–1875, the territory of the Georgian Exarchate became the leader in longevity in the Russian Empire, which was replaced by the Caucasian Diocese. The Top 5 also includes three dioceses of the Asian part of the Russian Empire (Tomsk, Irkutsk and the newly formed Yenisei), as well as the newly formed Tavrichesky Diocese of the European part of Russia.

Keywords: long-livers, the Russian Empire, the Caucasus, the Holy Synod, 1850–1875, the Diocese of Guria, historical and statistical research.

1. Введение

Как мы уже отмечали, наш интерес к теме исследования был вызван публикацией в 1865 г. статьи академика В.Я. Буняковского «О законах смертности и народонаселения в России», в которой

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@incfar.net (A.A. Cherkasov)

он обратил внимание на статистические данные, собранные Святейшим синодом, из которых следовало, что один мужчина православного вероисповедания в 1809 г. достиг почти 160-летнего возраста, а другой – в 1811 г. скончался в возрасте более 200 лет (Буняковский, 1865: 125). В результате мы обратились к статистическим данным, а именно к материалам Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего синода, и в первой части нашей работы рассмотрели ситуацию в период 1836–1849 гг. В ходе этого исследования нами обнаружено, что в указанное время один житель империи скончался в возрастном диапазоне от 160 до 165 лет, один – от 150 до 155, два – от 145 до 150, семь от 140 до 145 лет (Cherkasov et al., 2021: 166). Важно напомнить, что ревизии (переписи) населения в России к этому времени происходили уже более 100 лет, а это значит, что долгожителей должны были указывать в отчетах уже длительное время (напомним, что Указ о проведении первой ревизии населения империи был подписан императором Петром I еще в ноябре 1718 г.).

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг. В данной части исследования были привлечены отчеты, содержащие статистическую информацию за период 1850–1875 гг.

Под термином «долгожитель» мы понимаем человека, возраст которого в период 1850–1875 гг. превысил 101 год. С 1850 г. в отчетах духовного ведомства вводится учет и женского православного населения. Однако необходимо отметить, что в работе представлена не вся статистика, так как за 1861–1864 гг. статистические данные нами не обнаружены.

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1850–1875 гг., а также обнаружить важные характерные особенности. Помимо этого, применение статистического метода дало возможность выявить территории с большим количеством долгожителей.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования не отличается своей обширностью, более того, конкретно исторических работ очень мало. Здесь можно указать труд В.Я. Буняковского «О законах смертности и народонаселения в России» (Буняковский, 1865), работу Н.Ю. Лабутина и других «Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века» (Лабутин и др., 2007), исследование В.П. Пащенко и Е.В. Пащенко «Долгожители европейского севера России» (Пащенко, Пащенко, 1995). А.В. Алпатов и Е.В. Гройсман предприняли попытку анализа старения населения Волгоградской области (Алпатов, Гройсман, 2017).

Также рассматривались вопросы старения через мультидисциплинарные исследования. Так, В. Андрианов анализировал социально-экономические и философские проблемы старения населения (Андрианов, 2011). Эту же тему на стыке медицины и социологии изучали Д.М. Винокурова и другие (Винокурова и др., 2020).

Однако большинство исследований в области долголетия принадлежат специалистам в области медицины. Приведем лишь несколько примеров. Так, Х.Г. Алиджанова и другие рассматривали социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты долгожительства (Алиджанова и др., 2010). Демографическим доказательствам адаптивных теорий старения занимался Д.Д. Миттельдорф (Миттельдорф, 2012), в то же время С.М. Кузнецова исследовала социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе (Кузнецова, 2014).

4. Результаты

Как и до 1850 г., первичная информация о движении православного населения (родившиеся, сочетавшиеся браком и умершие), а также о количестве долгожителей собиралась священнослужителями в своих приходах. Они ежегодно отправляли сведения в епархии, а епархиальное начальство – в святейший синод, где эти данные обобщались и сводились в общероссийскую статистику.

В 1850 г. сбор статистической информации Духовным ведомством Российской империи расширился за счет включения в нее сведений о женском населении. Информацию о лицах, достигших 100-летнего возраста в период 1850–1875 гг., мы свели в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Лица умершие в возрасте от 101 года в Российской империи (1850–1875 гг.) (Извлечение, 1852: 40-41; Извлечение, 1853: 40-41; Извлечение, 1854: 40-41; Извлечение, 1855: 40-41; Извлечение, 1856: 40-41; Извлечение, 1857: 40-41; Извлечение, 1858: 40-41; Извлечение, 1859: 56-57; Извлечение, 1860: 56-57; Извлечение, 1861: 56-57; Извлечение, 1862: 56-57; Извлечение, 1866: 60-61; Извлечение, 1867: 60-61; Извлечение, 1868: 60-61; Извлечение, 1869: 60-61; Извлечение, 1870: 58-59; Извлечение, 1871: 58-59; Извлечение, 1872: 58-59; Извлечение, 1873: 58-59; Извлечение, 1874: 58-59; Извлечение, 1875: 58-59; Извлечение, 1876: 58-59; Извлечение, 1877: 58-59)

Годы	От 101 до 105		От 105 до 110		От 110 до 115		От 115 до 120		От 120 до 125		От 125 до 130		От 130 до 135		От 135 до 140		От 140 до 145		От 145 до 150		Общее количество		
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	всего
1850	106	104	57	35	21	16	12	15	2	2	1	1	-	-	1	-	1	-	1	200	174	374	
1851	127	88	54	34	21	21	23	9	3	2	4	-	-	-	-	-	-	-	232	155	387		
1852	130	113	63	47	23	17	6	6	8	3	7	-	1	-	-	-	-	1	238	187	425		
1853	166	128	75	49	34	24	21	12	14	6	2	-	1	-	1	-	-	-	315	219	534		
1854	128	96	55	47	30	16	20	9	6	4	2	-	3	1	-	-	-	244	173	417			
1855	140	92	48	52	23	23	11	15	8	2	2	1	-	1	-	-	-	233	187	420			
1856	123	98	62	34	19	21	22	8	5	2	1	2	-	2	1	-	-	234	166	400			
1857	140	115	68	40	25	13	13	12	4	4	2	2	-	1	-	-	-	253	186	439			
1858	124	101	68	50	25	23	19	12	7	3	4	1	-	-	-	-	-	247	190	437			
1859	141	108	65	46	16	19	16	9	3	4	4	2	1	2	-	-	-	248	190	438			
1860	144	90	78	53	26	21	22	11	5	6	5	3	-	1	-	-	-	281	184	465			
1865	145	144	55	40	18	21	16	14	4	-	1	1	-	2	-	-	-	239	222	461			
1866	156	139	55	50	22	23	10	6	2	1	3	-	1	1	-	-	-	249	220	469			
1867	128	82	62	36	17	20	8	8	4	4	3	4	2	1	-	-	-	224	151	375			
1868	132	94	42	32	13	18	19	13	5	4	-	2	-	-	-	-	-	211	163	374			
1869	168	134	49	38	24	20	13	7	1	2	3	-	-	-	-	-	-	258	201	459			
1870	87	80	39	34	17	20	12	9	2	2	3	2	-	-	-	-	-	160	147	307			
1871	118	92	40	36	13	15	6	6	4	2	2	2	-	-	-	-	-	283	152	435			
1872	99	77	35	19	13	14	10	12	3	2	2	2	-	-	-	-	-	162	126	228			
1873	104	95	36	28	10	8	7	9	1	-	1	-	-	-	-	-	-	159	140	299			
1874	83	74	29	25	14	9	6	8	2	1	-	-	-	-	-	-	-	135	117	252			
1875	99	78	26	28	13	8	2	4	3	1	-	-	-	-	-	-	-	143	119	262			
Итого	2788	2222	1161	853	437	390	294	214	96	56	53	22	7	9	5	2	3	-	3	1	4948	3769	8657

Согласно данным [Таблицы 1](#), в указанное время было 8657 долгожителей обоого пола. При этом среди них наблюдался значительный гендерный дисбаланс (4948 мужчин и 3769 женщин). Во все рассматриваемые нами годы количество мужчин-долгожителей было большим, чем женщин. С одной стороны, в Российской империи и мужчин рождалось больше, чем женщин ([Таблица 2](#)), но, с другой стороны, женщины-долгожители составляли всего 43,5 % от общего количества долгожителей, тогда как их удельный вес при рождении составлял 48,9 % (Посчитано нами. См. [Таблицу 2](#) – Авт.). Если сравнивать количество долгожителей с предыдущим периодом, который мы изучали, а именно с 1836–1849 гг., то можно сразу обратить внимание на резкое сокращение количества долгожителей. Так, в 1836 г. долгожителей-мужчин было 808 ([Cherkasov et al., 2021: 160](#)), тогда как максимальное количество их в 1853 г. было 315. В период 1836–1849 г. средний показатель долгожителей-мужчин составлял 429 человек в год, в то время как в 1850–1875 гг. этот же показатель был на уровне 224 человек, то есть произошло практически 50 % сокращения количества долгожителей среди мужчин. Помимо этого, в 1836 г. был поставлен и возрастной рекорд, когда мужчина достиг возрастного диапазона от 160 до 165 лет. В 1850–1875 гг. долгожители достигали возрастного диапазона только от 145 до 150 лет.

Таблица 2. Гендерный баланс лиц, родившихся в Российской империи в 1850–1875 гг.

Годы	Мальчики	Девочки	Всего
1850	1289782	1227819	2517601
1851	1227245	1172558	2399803
1852	1276055	1215345	2491400
1853	1364545	1307609	2672154
1854	1308375	1249515	2557890
1855	1273545	1209811	2483356
1856	1230887	1175068	2405955
1857	1362169	1298603	2660772
1858	1412205	1343823	2756028
1859	1461473	1393847	2855320
1860	1424998	1365896	2790834
1865	1442795	1381660	2824455
1866	1371993	1314972	2686965
1867	1444663	1385876	2830539
1868	1508228	1442544	2950772
1869	1534679	1473845	3008524
1870	1487414	1414470	2901884
1871	1593194	1524641	3117835
1872	1534571	1476767	3011338
1873	1667949	1604465	3272414
1874	1589090	1543255	3132345
1875	1656518	1588155	3244673
Итого	31462373	30110544	61572917

Значительный интерес представляют также территории, где фиксировалось большее количество долгожителей. В указанное время эти территории назывались епархиями Русской православной церкви. Для удобства ранжирования мы составили топ-10 епархий по большему количеству долгожителей на 1 тыс. жителей. Рассмотрим эту динамику по годам.

Таблица 3. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1850 год ([Извлечение, 1852: 32-35, 38-41](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	14	4262	3,5
2	Тобольская	12	32812	0,37
3	Херсонская	14	36994	0,37
4	Донская	9	16848	0,56
5	Иркутская	13	17308	0,76
6	Тамбовская	24	61996	0,38
7	Томская	21	16689	1,31
8	Кавказская	7	12955	0,53

9	Имеретинская	3	2001	1,5
10	Гурийская	3	494	7,5

Важно дополнить, что в 1850 г. на территории Воронежской епархии скончалась православная женщина, достигшая максимального возраста в диапазоне от 145 до 150 лет. На втором месте по долголетию был житель Тамбовской епархии, возраст которого был в пределах от 140 до 145 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1850 г. умерло 374 человека-долгожителя, из них 200 мужчин и 174 женщины. Гендерный дисбаланс наблюдался не только среди долгожителей, но и среди родившихся (1289782 мальчика и 1227819 девочек), а также среди умерших (926 тыс. мужчин и 880 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1852: 34-35).

Таблица 4. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1851 год (Извлечение, 1853: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Тобольская	26	36954	0,72
2	Рязанская	21	44694	0,47
3	Херсонская	16	37025	0,43
4	Донская	11	16517	0,68
5	Иркутская	10	14251	0,71
6	Екатеринославская	16	29331	0,55
7	Калужская	15	33259	0,45
8	Тамбовская	37	66329	0,56
9	Томская	26	18076	1,44
10	Имеретинская	4	2319	1,73

Важно дополнить, что на первом месте по долголетию в 1851 г. была жительница Калужской епархии, которая скончалась в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. На втором месте было сразу четверо православных мужчин в возрасте от 120 до 125 лет, которые умерли по одному в Херсонской, Иркутской, Екатеринославской и Смоленской епархиях. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1851 г. умерло 387 человек-долгожителей, из них 232 мужчины и 155 женщин. Гендерный дисбаланс наблюдался не только среди долгожителей, но и среди родившихся (1227245 мальчиков и 1172558 девочек), а также среди умерших (938 тыс. мужчин и 900 тыс. женщин²) (Извлечение, 1853: 34-35).

Таблица 5. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1852 год (Извлечение, 1854: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	6993	0,85
2	Тобольская	21	35209	0,6
3	Псковская	12	23324	0,52
4	Херсонская	20	36365	0,55
5	Рижская	3	4217	0,75
6	Иркутская	18	14212	1,28
7	Кавказская	14	14340	1
8	Карталинская	5	5855	0,83
9	Имеретинская	3	2225	1,5
10	Гурийская	6	611	10

В 1852 г. рекорд по долголетию был поставлен жителем Псковской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 145 до 150 лет. На втором месте была жительница Орловской епархии, которая умерла в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1852 г. умерло 425 человек-долгожителей, из них 238 мужчин и 187 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1276055 мальчиков и

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

1215345 девочек), а также среди умерших (884 тыс. мужчин и 854 тыс. женщин¹) ([Извлечение, 1854: 34-35](#)).

Таблица 6. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1853 год ([Извлечение, 1855: 32-35, 38-41](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Тобольская	33	45810	0,71
2	Псковская	12	25346	0,48
3	Херсонская	45	39021	1,15
4	Варшавская	1	1221	1,0
5	Донская	12	15930	0,75
6	Иркутская	19	19770	1,0
7	Томская	35	25193	1,4
8	Оренбургская	22	40881	0,53
9	Имеретинская	4	3134	1,3
10	Гурийская	3	419	7,5

В 1853 г. рекорд по долгожительству был поставлен жителем Тобольской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 140 до 145 лет. На втором месте был житель Смоленской епархии, который умер в возрастном диапазоне от 135 до 140 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1853 г. умерло 534 человека-долгожителя, из них 315 мужчин и 219 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1364545 мальчиков и 1307609 девочек), а также среди умерших (1061 тыс. мужчин и 1033 тыс. женщин²) ([Извлечение, 1855: 34-35](#)).

Таблица 7. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1854 год ([Извлечение, 1856: 32-35, 38-41](#))

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	4	9322	0,44
2	Тобольская	27	39053	0,69
3	Псковская	10	23231	0,43
4	Херсонская	23	44073	0,52
5	Иркутская	16	16085	1,0
6	Курская	24	52764	0,46
7	Томская	13	24266	0,54
8	Оренбургская	17	38372	0,44
9	Имеретинская	3	2952	1,0
10	Гурийская	5	704	7,14

В 1854 г. рекорд по долгожительству был поставлен жительницей Черниговской епархии, которая скончалась в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Второе место разделили двое мужчин-долгожителей из Псковской и Херсонской епархий, которые умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1854 г. умерло 417 человек-долгожителей, из них 244 мужчины и 173 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1308375 мальчиков и 1249515 девочек), а также среди умерших (978 тыс. мужчин и 923 тыс. женщин³) ([Извлечение, 1856: 34-35](#)).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

³ Цифры округлены нами.

Таблица 8. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1855 год (Извлечение, 1857: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	3	7079	0,42
2	Тобольская	29	40520	0,72
3	Рязанская	27	53028	0,50
4	Олонецкая	6	11237	0,54
5	Иркутская	18	17029	1,05
6	Томская	22	24324	0,91
7	Оренбургская	21	34607	0,61
8	Симбирская	19	41837	0,45
9	Самарская	23	41554	0,56
10	Имеретинская	5	2672	1,92

В 1855 г. рекорд по долгожительству был поставлен жителем Орловской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 140 до 145 лет. Второе место было у жительницы Могилевской епархии, которая умерла в возрастном диапазоне от 135 до 140 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1855 г. умерло 420 человек-долгожителей, из них 233 мужчины и 187 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1273545 мальчиков и 1209811 девочек), а также среди умерших (1156 тыс. мужчин и 1092 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1857: 34-35).

Таблица 9. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1856 год (Извлечение, 1859: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Новгородская	17	35167	0,48
2	Астраханская	6	7855	0,75
3	Тобольская	23	34661	0,67
4	Ярославская	22	34673	0,64
5	Тверская	28	55498	0,51
6	Иркутская	9	14737	0,64
7	Томская	23	20474	1,15
8	Симбирская	15	37274	0,40
9	Кавказская	8	16434	0,50
10	Гурийская	1	578	2,0

В 1856 г. рекорд по долгожительству был поставлен сразу тремя долгожителями, из которых двое мужчин (один – в Томской епархии, другой – в Екатеринославской епархии) и одна женщина из Вятской епархии, которые скончались в возрастном диапазоне от 135 до 140 лет. Второе место было также у трех жителей: один мужчина из Воронежской епархии и две женщины (одна – в Симбирской епархии, другая – в Херсонской), которые умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1856 г. умерло 400 человек-долгожителей, из них 234 мужчины и 166 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1230887 мальчиков и 1175068 девочек), а также среди умерших (992 тыс. мужчин и 930 тыс. женщин²) (Извлечение, 1859: 34-35).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 10. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1857 год (Извлечение, 1860: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	4	7248	0,57
2	Тобольская	24	39087	0,61
3	Олонецкая	10	15506	0,66
4	Донская	15	15291	1,0
5	Тамбовская	31	67185	0,46
6	Томская	33	23900	1,37
7	Симбирская	20	35420	0,57
8	Кавказская	6	13960	0,42
9	Карталинская	54	6879	7,71
10	Гурийская	5	418	12,5

В 1857 г. рекорд по долгожительству был поставлен жителем Иркутской епархии, который скончался в возрастном диапазоне от 135 до 140 лет. Второе место было также у четырех жителей (двух мужчин и двух женщин): один мужчина из Херсонской епархии, а второй – причислен к Кавказскому войску; одна женщина из Курской епархии, а вторая – из Архангельской, которые умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1857 г. умерло 439 человек-долгожителей, из них 253 мужчины и 186 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1362169 мальчиков и 1298603 девочки), а также среди умерших (904 тыс. мужчин и 882 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1860: 34-35).

Таблица 11. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1858 год (Извлечение, 1861: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Херсонская	42	36479	1,16
2	Донская	10	15895	0,62
3	Иркутская	19	15545	1,26
4	Архангельская	6	10762	0,6
5	Томская	38	27121	1,40
6	Симбирская	15	35897	0,42
7	Кавказская	9	16346	0,56
8	Самарская	25	41576	0,60
9	Имеретинская	3	2949	1,0
10	Гурийская	2	464	5

В 1858 г. рекорд по долгожительству был поставлен сразу пятью долгожителями (четверо мужчин и одна женщина): мужчины проживали по одному в Новгородской, Московской, Томской и Орловской епархиях, а женщина – в Томской епархии, возраст умерших был в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у десяти жителей (семи мужчин и трех женщин), мужчины распределялись по одному в следующих епархиях: Псковская, Херсонская, Смоленская, Нижегородская, Кавказская, Пензенская и Томская; женщины проживали по одной в Херсонской, Пензенской и Орловской епархиях. Все десять человек умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1858 г. умерло 437 человек-долгожителей, из них 247 мужчин и 190 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1412205 мальчиков и 1343823 девочки), а также среди умерших (978 тыс. мужчин и 947 тыс. женщин²) (Извлечение, 1861: 50-51).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 12. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1859 год (Извлечение, 1862: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Тобольская	37	43904	0,86
2	Таврическая	12	7493	1,6
3	Рижская	5	4640	1,0
4	Минская	13	20539	0,65
5	Олонецкая	14	10642	1,4
6	Томская	23	29493	0,79
7	Кавказская	12	14491	0,85
8	Карталинская	6	5269	1,0
9	Имеретинская	6	2837	2,0
10	Гурийская	5	524	10,0

В 1859 г. рекорд по долгожительству был поставлен мужчиной-долгожителем, который проживал во Владимирской епархии, возраст умершего был в возрастном диапазоне от 145 до 145 лет. Второе место было у трех жителей (одного мужчины и двух женщин): мужчина проживал в Томской епархии, а обе женщины – в Новгородской епархии, долгожители умерли в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1859 г. умерло 438 человек-долгожителей, из них 248 мужчин и 190 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1461473 мальчика и 1393847 девочек), а также среди умерших (1006 тыс. мужчин и 977 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1862: 50-51).

Таблица 13. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1860 год (Извлечение, 1864: 48-51, 54-57)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Новгородская	17	31563	0,53
2	Тобольская	37	42369	0,88
3	Херсонская	12	34519	0,34
4	Кишиневская	11	23569	0,45
5	Донская	10	19621	0,5
6	Томская	20	28990	0,68
7	Самарская	29	62805	0,46
8	Уфимская	11	32219	0,34
9	Карталинская	14	7389	2,0
10	Гурийская	3	601	5,0

В 1860 г. рекорд по долгожительству был поставлен мужчиной-долгожителем, который проживал в Кавказской епархии: возраст умершего был в возрастном диапазоне от 135 до 140 лет. Второе место было у восьми жителей (пять мужчин и три женщины): мужчины проживали по одному в Томской, Пензенской, Кавказской, Тобольской и Херсонской епархиях, а женщины проживали по одной в Херсонской, Саратовской и Симбирской епархиях, долгожители умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1860 г. умерло 465 человек-долгожителей, из них 281 мужчина и 184 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1424998 мальчиков и 1365896 девочек), а также среди умерших (1091 тыс. мужчин и 1067 тыс. женщин²) (Извлечение, 1864: 50-51).

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

Таблица 14. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1865 год (Извлечение, 1867: 52-55, 58-61)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Новгородская	17	36456	0,47
2	Астраханская	9	11796	0,75
3	Тобольская	38	45277	0,84
4	Херсонская	28	34082	0,82
5	Кишиневская	14	23066	0,60
6	Енисейская	6	14116	0,42
7	Уфимская	24	18865	1,26
8	Кавказская	10	14908	0,66
9	Оренбургская	20	32166	0,62
10	По Грузинскому экзархату	20	16484	1,25

В 1865 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя женщинами, которые проживали по одной в Самарской и Оренбургской епархиях, возраст умерших был в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Второе место было у мужчины-долгожителя, который проживал в Екатеринославской епархии и умер в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1865 г. умер 461 человек-долгожитель, из них 239 мужчин и 222 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1442795 мальчиков и 1381660 девочек), а также среди умерших (1057 тыс. мужчин и 1016 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1867: 54-55).

Таблица 15. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1866 год (Извлечение, 1868: 52-55, 58-61)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	8	13549	0,57
2	Тобольская	33	43722	0,75
3	Херсонская	15	43973	0,34
4	Таврическая	7	17834	0,38
5	Енисейская	12	13845	0,85
6	Уфимская	13	22238	0,59
7	Кавказская	8	21472	0,38
8	Самарская	118	70675	1,66
9	Оренбургская	18	33832	0,52
10	По Грузинскому экзархату	8	13823	0,57

В 1866 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя жителями (мужчиной и женщиной), мужчина проживал в Екатеринославской епархии, а женщина – в Таврической, возраст умерших был в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Второе место было у мужчины-долгожителя, который проживал в Уфимской епархии и умер в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1866 г. умерло 469 человек-долгожителей, из них 249 мужчин и 220 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1371993 мальчика и 1314972 девочки), а также среди умерших (1172 тыс. мужчин и 1131 тыс. женщин²) (Извлечение, 1868: 54-55).

Таблица 16. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1867 год (Извлечение, 1869: 52-55, 58-61)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
---------	---------	-------------------------	--------------------------	---

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

1	Новгородская	12	35211	0,34
2	Астраханская	6	10138	0,6
3	Тобольская	32	52725	0,6
4	Таврическая	16	15546	1,0
5	Донская	13	28912	0,44
6	Иркутская	16	21161	0,76
7	Томская	28	21317	1,33
8	Енисейская	18	15570	1,12
9	Уфимская	25	23735	1,0
10	Кавказская	9	22063	0,41

В 1867 г. рекорд по долгожительству был поставлен мужчиной из Смоленской епархии, который умер в возрастном диапазоне от 130 до 135 лет. Второе место было у шести человек (четыре мужчины и две женщины). Мужчины проживали: два в Томской и по одному в Тамбовской и Тобольской епархиях, а женщины – одна в Кавказской епархии, а вторая в Херсонской. Долгожители умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1867 г. умерло 375 человек-долгожителей, из них 224 мужчины и 151 женщина. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1444663 мальчика и 1385876 девочек), а также среди умерших (1061 тыс. мужчин и 1023 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1869: 54-55).

Таблица 17. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1868 год (Извлечение, 1870: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Енисейская	10	16932	0,58
2	Иркутская	7	18717	0,36
3	Кавказская	14	37577	0,36
4	Кишиневская	8	23923	0,33
5	Минская	9	28555	0,31
6	Новгородская	15	44666	0,33
7	Оренбургская	17	33664	0,5
8	Таврическая	17	20040	0,85
9	Томская	13	21828	0,59
10	По Грузинскому экзархату	47	12639	3,61

В 1868 г. рекорд по долгожительству был поставлен двумя женщинами, которые проживали по одной в Таврической и Херсонской епархиях и умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у девяти человек (пять мужчин и четыре женщины). Мужчины проживали по одному в Херсонской, Псковской, Кишиневской, Кавказской и Астраханской, а женщины по одной в Екатеринославской, Кавказской, Самарской и Саратовской епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1868 г. умерло 374 человека-долгожителя, из них 211 мужчин и 163 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1508228 мальчиков и 1442544 девочки), а также среди умерших (1217 тыс. мужчин и 1162 тыс. женщин²) (Извлечение, 1870: 52-53).

Таблица 18. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1869 год (Извлечение, 1871: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	6	12905	0,46
2	Енисейская	8	12333	0,66
3	Иркутская	13	16926	0,76
4	Кавказская	22	38927	0,56
5	Оренбургская	24	31072	0,77

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

6	Рязанская	62	54032	1,14
7	Самарская	108	79908	1,35
8	Таврическая	10	13446	0,76
9	Уфимская	12	24469	0,5
10	Якутская	4	8662	0,46

В 1869 г. рекорд по долгожительству был поставлен тремя мужчинами, которые проживали по одному в Воронежской, Кавказской и Самарской епархиях и умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у трех человек (один мужчина и две женщины). Мужчина проживал в Таврической, а женщины по одной в Саратовской и Кавказской епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1869 г. умерло 459 человек-долгожителей, из них 258 мужчин и 201 женщина. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1534679 мальчиков и 1473845 девочек), а также среди умерших (1180 тыс. мужчин и 1139 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1871: 52-53).

Таблица 19. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1870 год (Извлечение, 1872: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	5	11473	0,45
2	Енисейская	9	14132	0,64
3	Кишиневская	8	24003	0,33
4	Оренбургская	21	27856	0,75
5	Таврическая	15	15608	0,93
6	Тобольская	18	48304	0,37
7	Томская	15	20830	0,71
8	Уфимская	9	19034	0,47
9	Херсонская	17	40129	0,42
10	По Грузинскому экзархату	2	5094	0,4

В 1870 г. рекорд по долгожительству был поставлен четырьмя жителями (двое мужчин и две женщины), мужчины проживали по одному в Енисейской и Курской, а женщины – по одной в Кавказской и Орловской епархиях, эти люди умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у четырех человек (двое мужчин и две женщины). Мужчины проживали по одному в Тобольской и Воронежской, а женщины – по одной в Симбирской и Пензенской епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1870 г. умерло 307 человек-долгожителей, из них 160 мужчин и 147 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1487414 мальчиков и 1414470 девочек), а также среди умерших (1072 тыс. мужчин и 1033 тыс. женщин²) (Извлечение, 1872: 52-53).

Таблица 20. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1871 год (Извлечение, 1873: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	4	12438	0,33
2	Донская	10	29052	0,34
3	Енисейская	11	12555	0,84
4	Иркутская	6	19550	0,31
5	Новгородская	15	35154	0,42
6	Оренбургская	11	37619	0,28
7	Самарская	24	66855	0,35
8	Таврическая	19	14874	1,26
9	Тобольская	27	47015	0,57
10	Херсонская	32	42781	0,74

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

В 1871 г. рекорд по долгожительству был поставлен тремя жителями (двое мужчин и одна женщина), мужчины проживали по одному в Таврической и Енисейской, а женщина – в Енисейской епархии, эти люди умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у шести человек (четверо мужчин и две женщины). Мужчины проживали по одному в Рязанской, Тобольской, Московской и Полоцкой, а женщины – по одной в Орловской, Рязанской и Таврической епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1871 г. умерло 435 человек-долгожителей, из них 283 мужчины и 152 женщины. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1593194 мальчика и 1524641 девочка), а также среди умерших (1222 тыс. мужчин и 1166 тыс. женщин¹) (*Извлечение, 1873: 52-53*).

Таблица 21. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1872 год (*Извлечение, 1874: 50-53, 56-59*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	4	12863	0,31
2	Варшавская	1	1330	0,75
3	Енисейская	14	14306	1,0
4	Иркутская	12	19199	0,63
5	Оренбургская	18	34325	0,52
6	Таврическая	15	23665	0,62
7	Тобольская	22	51288	0,43
8	Томская	5	10912	0,45
9	Херсонская	24	45362	0,53
10	По Грузинском экзархату	3	4606	0,65

В 1872 г. рекорд по долгожительству был поставлен четырьмя жителями (двое мужчин и две женщины), мужчины проживали по одному в Тобольской и Туркестанской, а обе женщины – в Кавказской епархиях, эти люди умерли в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было у пяти человек (трое мужчин и две женщины). Мужчины проживали по одному в Тобольской, Оренбургской и Самарской епархиях, а обе женщины – в Самарской. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1872 г. умерло 228 человек-долгожителей, из них 162 мужчины и 126 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1534571 мальчик и 1476767 девочек), а также среди умерших (1245 тыс. мужчин и 1184 тыс. женщин²) (*Извлечение, 1874: 52-53*).

Таблица 22. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1873 год (*Извлечение, 1875: 50-53, 56-59*)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	5	11715	0,42
2	Донская	10	31750	0,31
3	Екатеринославская	42	45762	0,91
4	Енисейская	17	14245	1,21
5	Иркутская	5	17567	0,27
6	Оренбургская	10	29033	0,34
7	Самарская	22	56334	0,39
8	Томская	5	21914	0,22
9	Уфимская	6	21021	0,28
10	Херсонская	27	43393	0,62

В 1873 г. рекорд по долгожительству был поставлен одним мужчиной, который проживал в Орловской епархии и умер в возрастном диапазоне от 125 до 130 лет. Второе место было также у одного мужчины, который проживал в Томской епархии и скончался в возрастном диапазоне от 120

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

до 125 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1873 г. умерло 299 человек-долгожителей, из них 159 мужчин и 140 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1667949 мальчиков и 1604465 девочек), а также среди умерших (1223 тыс. мужчин и 1155 тыс. женщин¹) (Извлечение, 1875: 52-53).

Таблица 23. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1874 год (Извлечение, 1876: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Екатеринославская	13	37300	0,35
2	Енисейская	9	16598	0,52
3	Иркутская	14	20814	0,66
4	Новгородская	7	30185	0,23
5	Оренбургская	11	26825	0,40
6	Самарская	21	54998	0,38
7	Таврическая	14	17337	0,82
8	Тобольская	16	53629	0,29
9	Уфимская	6	19440	0,31
10	Херсонская	15	51026	0,29

В 1874 г. рекорд по долгожительству был поставлен тремя жителями (двое мужчин и одна женщина), мужчины проживали по одному в Херсонской и Екатеринославской епархиях, а женщина – в Воронежской, эти люди умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было сразу у четырнадцати человек (шесть мужчин и восемь женщин). Мужчины проживали: трое в Самарской, по одному – в Таврической, Псковской и Оренбургской епархиях, а женщины – по две в Таврической и Самарской и по одной в Волынской, Саратовской, Симбирской и Тульской епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1874 г. умерло 252 человека-долгожителя, из них 135 мужчин и 117 женщин. Небольшой гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1589090 мальчиков и 1543255 девочек), а также среди умерших (1146 тыс. мужчин и 1080 тыс. женщин²) (Извлечение, 1876: 52-53).

Таблица 24. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей на 1 тыс. человек за 1875 год (Извлечение, 1877: 50-53, 56-59)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Астраханская	5	9749	0,51
2	Донская	12	29634	0,4
3	Енисейская	8	13950	0,57
4	Кавказская	15	48288	0,31
5	Оренбургская	10	36028	0,27
6	Самарская	22	59702	0,36
7	Саратовская	19	65296	0,29
8	Таврическая	13	17406	0,76
9	Томская	11	25667	0,42
10	Туркестанская	3	2683	1,11

В 1875 г. рекорд по долгожительству был поставлен четырьмя жителями (трое мужчин и одна женщина), мужчины проживали по одному в Тобольской, Астраханской и Туркестанской епархиях, а женщина – в Кавказской, эти люди умерли в возрастном диапазоне от 120 до 125 лет. Второе место было у шести человек (двое мужчин и четыре женщины). Мужчины проживали: по одному в Тобольской и Самарской, а женщины – по одной в Донской, Кавказской, Литовской и Оренбургской епархиях. Эти долгожители умерли в возрастном диапазоне от 115 до 120 лет. Всего же среди православных мужчин и женщин в 1875 г. умерло 262 человека-долгожителя, из них 143 мужчины и 119 женщин. Небольшой

¹ Цифры округлены нами.

² Цифры округлены нами.

гендерный дисбаланс наблюдался среди родившихся (1656518 мальчиков и 1588155 девочек), а также среди умерших (1141 тыс. мужчин и 1074 тыс. женщин) (Извлечение, 1877: 52-53).

Таблица 25. Количество лиц мужского пола православного вероисповедания умерших в возрасте более 100 лет на 1 тыс. среди всех умерших на территории епархий в период 1850–1875 гг.

Годы	Епархии															
	Астраханская	Тобольская	Херсонская	Донская	Иркутская	Томская	Кавказская	Грузин. экзархат	Кипишевская	Уфимская	Оренбургская	Сибирская	Самарская	Енисейская	Новгородская	Таврическая
1850	3,5	0,37	0,37	0,56	0,76	1,31	0,53	0,77	0,21	Д.н.	0,19	0,1	Д.н.	Д.н.	0,3	Д.н.
1851	0,55	0,72	0,43	0,68	0,71	1,44	0,26	0,4	0,35	Д.н.	0,23	0,11	0,4	Д.н.	0,17	Д.н.
1852	0,85	0,6	0,55	0,53	1,28	Д.н.	1,0	1,4	0,3	Д.н.	0,32	0,26	0,29	Д.н.	0,33	Д.н.
1853	0,44	0,71	1,15	0,75	1,0	1,4	0,35	0,7	0,32	Д.н.	0,53	0,28	0,39	Д.н.	0,43	Д.н.
1854	0,44	0,69	0,52	0,31	1,0	0,54	0,4	0,88	0,23	Д.н.	0,44	0,38	0,3	Д.н.	0,25	Д.н.
1855	0,42	0,72	0,14	0,23	1,05	0,91	Д.н.	0,5	0,25	Д.н.	0,61	0,45	0,56	Д.н.	0,23	Д.н.
1856	0,75	0,67	0,18	0,37	0,64	1,15	0,5	0,2	0,07	Д.н.	0,08	0,40	0,37	Д.н.	0,48	Д.н.
1857	0,57	0,61	0,71	1,0	0,2	1,37	0,42	5,36	0,25	Д.н.	0,27	0,57	0,04	Д.н.	0,30	Д.н.
1858	-	0,67	1,16	0,62	1,26	1,4	0,56	0,5	0,22	Д.н.	0,36	0,42	0,6	Д.н.	0,47	Д.н.
1859	0,5	0,86	0,57	0,47	0,33	0,79	0,85	1,7	0,2	0,33	0,61	0,3	0,55	Д.н.	0,63	1,6
1860	0,3	0,88	0,34	0,5	0,11	0,68	0,35	1,3	0,45	0,34	0,35	0,36	0,46	Д.н.	0,53	0,22
1865	0,75	0,84	0,82	0,33	-	Д.н.	0,66	1,25	0,6	1,26	0,62	0,23	0,48	0,42	0,47	0,15
1866	0,57	0,75	0,34	0,3	Д.н.	Д.н.	0,38	0,57	0,2	0,59	0,52	0,25	1,66	0,85	0,34	0,38
1867	0,6	0,6	0,25	0,44	0,76	1,33	0,41	-	0,2	1,0	0,38	0,26	0,11	1,12	0,34	1,0
1868	0,2	0,25	0,25	0,25	0,36	0,59	0,36	3,61	0,33	0,31	0,5	0,25	0,17	0,58	0,33	0,85
1869	0,46	0,6	0,3	0,15	0,76	Д.н.	0,56	-	0,04	0,5	0,77	0,21	1,35	0,66	0,27	0,76
1870	0,45	0,37	0,42	0,15	0,29	0,71	0,31	0,4	0,33	0,47	0,75	0,2	0,27	0,64	-	0,93
1871	0,33	0,57	0,74	0,34	0,31	0,3	Д.н.	0,29	0,24	0,27	0,28	0,02	0,35	0,84	0,42	1,26
1872	0,31	0,43	0,53	0,31	0,63	0,45	0,33	0,65	0,14	0,39	0,52	Д.н.	0,32	1,0	0,19	0,62
1873	0,42	0,21	0,62	0,31	0,27	0,22	0,09	Д.н.	0,09	0,28	0,34	0,1	0,39	1,21	0,18	0,18
1874	0,15	0,29	0,29	0,21	0,66	0,03	0,19	Д.н.	0,15	0,31	0,4	0,08	0,38	0,52	0,23	0,82
1875	0,51	0,25	0,23	0,4	Д.н.	0,42	0,31	Д.н.	0,09	0,12	0,27	0,04	0,36	0,57	0,18	0,76
Среднее значение	0,59	0,57	0,49	0,41	0,61	0,83	0,44	1,07	0,23	0,47	0,42	0,25	0,46	0,76	0,32	0,73

¹ Цифры округлены нами.

После сведения [Таблиц 3–24](#) в единую сводную таблицу мы обнаружили, что в рейтинг попали всего 34 епархии Российской империи. Из них один раз в рейтинге были представлены следующие епархии: Калужская – в 1851 г., Курская – в 1854 г., Ярославская и Тверская – в 1856 г., Архангельская – в 1857 г., Якутская – в 1869, а Саратовская и Туркестанская – в 1875 г. Несколько епархий попадали в рейтинг дважды: Рижская – в 1852 и в 1859 гг., Варшавская – в 1853 и 1872 гг., Минская – в 1859 и в 1868 гг. Также несколько епархий были представлены по три раза, а именно: Тамбовская – в 1850, 1851 и 1857 гг., Рязанская – в 1851, 1855 и 1869 гг., Екатеринославская – в 1851, 1873 и в 1874 гг., Олонецкая – в 1855, 1857 и 1859 г., а также Псковская – в 1852, 1853 и 1854 гг. Все остальные данные включены в [Таблицу 25](#).

Прежде чем приступить к анализу [Таблицы 25](#), мы хотели бы напомнить, что в предыдущем нашем исследовании наибольшее количество мужчин-долгожителей было на территории Кавказской епархии. На втором месте находилась грузинская Карталинская епархия. На третьем месте была Томская, затем следовали Херсонская и Кишиневская, далее – Оренбургская, Новгородская, Кишиневская, Донская и Тамбовская епархии ([Cherkasov et al., 2021: 165](#)). Согласно данным [Таблицы 25](#), в топ-5 вошли следующие регионы: первое место – Грузинский экзархат, второе место – Томская епархия, третье и четвертое места – новообразованные Енисейская и Таврическая епархии соответственно, а на пятом месте – Иркутская епархия. В топ-10 вошли на шестом месте Астраханская епархия, седьмом – Тобольская, восьмом – Херсонская, девятом – новообразованная Уфимская епархия и на десятом – Самарская. Таким образом, топ-10 несколько изменился ([Таблица 26](#)).

Таблица 26. Топ-10 епархий по количеству долгожителей в 1836–1849 и 1850–1875 гг.

Топ-10	1836–1849 гг.	1850–1875
1	Кавказская	Грузинский экзархат
2	Картлинская	Томская
3	Томская	Енисейская
4	Херсонская	Таврическая
5	Кишиневская	Иркутская
6	Донская	Астраханская
7	Иркутская	Тобольская
8	Новгородская	Херсонская
9	Тамбовская	Уфимская
10	Оренбургская	Самарская

Из 10 регионов, попавших в топ-10 за 1836–1849 гг. в новый список попали только 4, а именно Картлинская (она вошла в Грузинский экзархат), Томская, Херсонская и Иркутская. Еще одна епархия имела общие территории: Кавказская граничила с Астраханской, а три были новообразованными (Енисейская, Таврическая и Уфимская). Таким образом, только две епархии – Самарская и Тобольская – резко увеличили количество долгожителей и вошли в наш рейтинг. При этом, если раньше в рейтинге были только две епархии Азиатской России, то за период 1850–1875 гг. их стало три (Томская, Иркутская и Енисейская).

Итак, первое место по долголетию в Российской империи занимала территория Грузинского экзархата, которая в период до 1860 г. включительно состояла из Карталинской, Имеретинской, Мингрельской и Гурийской епархий. В отчетах обер-прокурора имеются подробные сведения о количестве долгожителей в это время по епархиям, которые мы свели в [Таблицу 27](#).

Таблица 27. Количество долгожителей на 1 тыс. человек на территории грузинских епархий в период 1850–1860 гг.

Годы	Имеретинская	Гурийская	Карталинская	Мингрелия	В целом по Грузии
1850	1,5	7,5	0,18	-	0,77
1851	1,73	-	-	-	0,4
1852	1,5	10	0,83	-	1,4
1853	1,3	7,5	-	-	0,7
1854	1,0	7,14	-	-	0,88
1855	1,92	-	-	-	0,5
1856	0,38	2,0	-	-	0,2
1857	-	12,5	7,71	-	5,36
1858	1,0	5	0,4	-	0,5
1859	2,0	10,0	1,0	-	1,7

1860	-	5,0	2,0	-	1,3
Среднее значение	1,12	6,05	1,1	-	1,24

Анализируя [Таблицу 27](#), мы можем видеть диаметрально противоположность между грузинскими епархиями. Так, Гурийская епархия дала совершенно уникальный показатель для Российской империи в 6 человек-долгожителей на 1 тыс. умерших, а Мингрельская епархия – антирекорд: полное отсутствие долгожителей. Для чистоты эксперимента мы обратились к статистическим данным за более ранний период и обнаружили, что только в 1845 г. в Мингрелии было 2 долгожителя, умерших в возрастном диапазоне от 100 до 105 лет ([Извлечение, 1847: 40-41](#)), а в другие годы, начиная с 1840 г., их либо не было, либо епархия сведений не предоставляла.

5. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на включение с 1850 г. в статистику информации о женщинах, численность долгожителей на территории Российской империи продолжала снижаться, отчасти этот тренд начался еще в 1840-х гг., продолжился в 1850–1860-е гг. и достиг своего минимального значения в первой половине 1870-х гг. Сокращалось и количество лиц, достигших максимального возраста: если в 1836–1849 гг. фиксировались долгожители в возрастном диапазоне от 160 до 165 лет, то в 1850–1875 гг. максимальный возраст находился в диапазоне от 145 до 150 лет.

В 1850–1875 гг. лидером по долголетию в Российской империи стала территория Грузинского экзархата, которому уступила место Кавказская епархия. В топ-5 вошли также три епархии азиатской части Российской империи (Томская, Иркутская и новообразованная Енисейская), а также новообразованная Таврическая епархия европейской части России.

Литература

[Алиджанова и др., 2010](#) – *Алиджанова Х.Г., Кауров Б.А., Артемьева О.В.* Долгожительство: 1. Социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты // *Успехи геронтологии*. 2010. № 4 (23). С. 611-620.

[Алпатов, Гройсман, 2017](#) – *Алпатов А.В., Гройсман Е.В.* Статистический анализ демографического старения населения Волгоградской области // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия: Общественные науки*. 2017. № 3 (72). С. 66-76.

[Андрианов, 2011](#) – *Андрианов В.* Социально-экономические и философские проблемы старения населения // *Общество и экономика*. № 4–5. С. 87-121.

[Буняковский, 1865](#) – *Буняковский В.Я.* О законах смертности и народонаселения в России // *ЖМНП*. 1865. № 7. С. 163-174.

[Винокурова и др., 2020](#) – *Винокурова Д.М., Егорова А.Г., Чириков А.В.* Долголетие и старость: различия подходов медицины и социологии // *Социология*. 2020. № 3. С. 234-240.

[Извлечение, 1847](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1846 г. Санкт-Петербург, 1847.

[Извлечение, 1852](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1851 г. Санкт-Петербург, 1852.

[Извлечение, 1853](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1852 г. Санкт-Петербург, 1853.

[Извлечение, 1854](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1853 г. Санкт-Петербург, 1854.

[Извлечение, 1855](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1854 г. Санкт-Петербург, 1855.

[Извлечение, 1856](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1855 г. Санкт-Петербург, 1856.

[Извлечение, 1857](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1856 г. Санкт-Петербург, 1857.

[Извлечение, 1859](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1857 г. Санкт-Петербург, 1859.

[Извлечение, 1860](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1858 г. Санкт-Петербург, 1860.

[Извлечение, 1861](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1859 г. Санкт-Петербург, 1861.

[Извлечение, 1862](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1860 г. Санкт-Петербург, 1862.

[Извлечение, 1864](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1861 г. Санкт-Петербург, 1864.

- [Извлечение, 1867](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1866 г. Санкт-Петербург, 1867.
- [Извлечение, 1868](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1867 г. Санкт-Петербург, 1868.
- [Извлечение, 1869](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1868 г. Санкт-Петербург, 1869.
- [Извлечение, 1870](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1869 г. Санкт-Петербург, 1870.
- [Извлечение, 1871](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1870 г. Санкт-Петербург, 1871.
- [Извлечение, 1872](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1871 г. Санкт-Петербург, 1872.
- [Извлечение, 1873](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1872 г. Санкт-Петербург, 1873.
- [Извлечение, 1874](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1873 г. Санкт-Петербург, 1874.
- [Извлечение, 1875](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1874 г. Санкт-Петербург, 1875.
- [Извлечение, 1876](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1875 г. Санкт-Петербург, 1876.
- [Извлечение, 1877](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1876 г. Санкт-Петербург, 1877.
- [Кузнецова, 2014](#) – Кузнецова С.М. Социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе // *Неврология и нейрохирургия. Восточная Европа*. 2014. № 3 (23). С. 83-89.
- [Лабутин и др., 2007](#) – Лабутин Н.Ю., Санников А.Л., Лабутина Н.О. Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века // *Экология человека*. 2007. № 8. С. 47-51.
- [Миттельдорф, 2012](#) – Миттельдорф Д.Д. Демографическое доказательство адаптивных теорий старения // *Биохимия*. 2012. № 7 (77). С. 871-875.
- [Пащенко, Пащенко, 1995](#) – Пащенко В.П., Пащенко Е.В. Долгожители европейского севера России // *Экология человека*. 1995. № 2. С. 114-117.
- [Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 159-168.

References

- [Alidzhanova i dr., 2010](#) – Alidzhanova, Kh.G., Kaurov, B.A., Artem'eva, O.V. (2010). Dolgozhitel'stvo: 1. Sotsial'nye, klinicheskie i nekotorye metabolicheskie aspekty [Longevity: 1. Social, clinical and some metabolic aspects]. *Uspekhi gerontologii*. 4(23): 611-620. [in Russian]
- [Alpatov, Groisman, 2017](#) – Alpatov, A.V., Groisman, E.V. (2017). Statisticheskii analiz demograficheskogo stareniya naseleniya Volgogradskoi oblasti [Statistical analysis of demographic aging of the population of the Volgograd region]. *Vestnik Tadzhičskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*. 3(72): 66-76. [in Russian]
- [Andrianov, 2011](#) – Andrianov, V. (2011). Sotsial'no-ekonomicheskie i filosofskie problemy stareniya naseleniya [Socio-economic and philosophical problems of population aging]. *Obshchestvo i ekonomika*. 4-5: 87-121. [in Russian]
- [Bunyakovskii, 1865](#) – Bunyakovskii, V.Ya. (1865). O zakonakh smertnosti i narodonaseleniya v Rossii [On the laws of mortality and population in Russia]. *ZhMNP*. 7: 163-174. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G. (2021). The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 159-168.
- [Izvechenie, 1847](#) – Izvechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1846 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1846]. Sankt-Peterburg, 1847. [in Russian]
- [Izvechenie, 1852](#) – Izvechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1851 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1851]. Sankt-Peterburg, 1852. [in Russian]
- [Izvechenie, 1853](#) – Izvechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1852 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1852]. Sankt-Peterburg, 1853. [in Russian]
- [Izvechenie, 1854](#) – Izvechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1853 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1853]. Sankt-Peterburg, 1854. [in Russian]
- [Izvechenie, 1855](#) – Izvechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1854 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1854]. Sankt-Peterburg, 1855. [in Russian]

- Izvolechenie, 1856** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1855 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1855]. Sankt-Peterburg, 1856. [in Russian]
- Izvolechenie, 1857** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1856 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1856]. Sankt-Peterburg, 1857. [in Russian]
- Izvolechenie, 1859** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1857 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1857]. Sankt-Peterburg, 1859. [in Russian]
- Izvolechenie, 1860** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1858 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1858]. Sankt-Peterburg, 1860. [in Russian]
- Izvolechenie, 1861** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1859 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1859]. Sankt-Peterburg, 1861. [in Russian]
- Izvolechenie, 1862** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1860 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1860]. Sankt-Peterburg, 1862. [in Russian]
- Izvolechenie, 1864** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1861 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1861]. Sankt-Peterburg, 1864. [in Russian]
- Izvolechenie, 1867** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1866 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1866]. Sankt-Peterburg, 1867. [in Russian]
- Izvolechenie, 1868** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1867 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1867]. Sankt-Peterburg, 1868. [in Russian]
- Izvolechenie, 1869** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1868 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1869]. Sankt-Peterburg, 1868. [in Russian]
- Izvolechenie, 1870** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1869 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1869]. Sankt-Peterburg, 1870. [in Russian]
- Izvolechenie, 1871** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1870 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1870]. Sankt-Peterburg, 1871. [in Russian]
- Izvolechenie, 1872** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1871 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1871]. Sankt-Peterburg, 1872. [in Russian]
- Izvolechenie, 1873** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1872 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1872]. Sankt-Peterburg, 1873. [in Russian]
- Izvolechenie, 1874** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1873 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1873]. Sankt-Peterburg, 1874. [in Russian]
- Izvolechenie, 1875** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1874 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1874]. Sankt-Peterburg, 1875. [in Russian]
- Izvolechenie, 1876** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1875 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1875]. Sankt-Peterburg, 1876. [in Russian]
- Izvolechenie, 1877** – Izvolechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1876 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1876]. Sankt-Peterburg, 1877. [in Russian]
- Kuznetsova, 2014** – *Kuznetsova, S.M.* (2014). Sotsial'no-sredovye i geneticheskie mekhanizmy formirovaniya fenomena dolgoletiya na Kavkaze [Socio-environmental and genetic mechanisms of the formation of the phenomenon of longevity on the Caucasus]. *Neurologiya i neirokhirurgiya. Vostochnaya Evropa.* 3(23): 83-89. [in Russian]
- Labutin i dr., 2007** – *Labutin, N.Yu., Sannikov, A.L., Labutina, N.O.* (2007). Sotsial'naya zashchishchennost' pomorov evropeiskogo severa v zavisimosti ot klimatoekologicheskikh faktorov v dinamike istoricheskikh protsessov XX veka [Social security of the Pomors of the European north, depending on climatic and ecological factors in the dynamics of historical processes of the XX century]. *Ekologiya cheloveka.* 8: 47-51. [in Russian]
- Mittel'dorf, 2012** – *Mittel'dorf, D.D.* (2012). Demograficheskoe dokazatel'stvo adaptivnykh teorii stareniya [Demographic evidence of adaptive theories of aging]. *Biokhimiya.* 7 (77): 871-875. [in Russian]
- Pashchenko, Pashchenko, 1995** – *Pashchenko, V.P., Pashchenko, E.V.* (1995). Dolgozhiteli evropeiskogo severa Rossii [Long-livers of the European North of Russia]. *Ekologiya cheloveka.* 2: 114-117. [in Russian]
- Vinokurova i dr., 2020** – *Vinokurova, D.M., Egorova, A.G., Chirikov, A.V.* (2020). Dolgoletie i starost': razlichiya podkhodov meditsiny i sotsiologii [Longevity and old age: differences in the approaches of medicine and sociology]. *Sotsiologiya.* 3: 234-240. [in Russian]

**Долгожители Российской империи (1836–1914 гг.):
историко-статистическое исследование. Часть 2**

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^{d, e},
Марина Александровна Пономарева ^f, Людмила Григорьевна Зимовец ^g

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^g Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. Предпринята попытка комплексного историко-статистического исследования о долгожителях Российской империи в период 1836–1914 гг. В данной части работы анализируется период 1850–1875 гг., в это время велся учет мужского и женского населения православного вероисповедания. Уделено внимание количеству долгожителей, а именно лицам, возраст которых превысил 101 год, местам их проживания, а также удельному весу количества долгожителей к общему количеству населения.

В качестве материалов нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг. Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в работе имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1850–1875 гг., а также обнаружить важные характерные особенности. Помимо этого, его применение дало возможность выявить территории с большим количеством долгожителей.

В заключении авторы отмечают, что, несмотря на включение с 1850 г. в статистику информации о женщинах, численность долгожителей на территории Российской империи продолжала снижаться, отчасти этот тренд начался еще в 1840-х гг., продолжился в 1850–1860-е гг. и достиг своего минимального значения в первой половине 1870-гг. Сокращалось и количество лиц, достигших максимального возраста: если в 1836–1849 гг. фиксировались долгожители в возрастном диапазоне от 160 до 165 лет, то в 1850–1875 гг. максимальный возраст находился в диапазоне от 145 до 150 лет.

В 1850–1875 гг. лидером по долголетию в Российской империи стала территория Грузинского экзархата, которому уступила место Кавказская епархия. В топ-5 вошли также три епархии азиатской части Российской империи (Томская, Иркутская и новообразованная Енисейская), а также новообразованная Таврическая епархия европейской части России.

Ключевые слова: долгожители, Российская империя, Кавказ, Святейший Синод, 1850–1875 гг., Гурийская епархия, историко-статистическое исследование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@incfar.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 689-698.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.689
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners)

Sergei B. Zinkovskii ^{a,*}, Veronika Yu. Malakhova ^b, Ivan S. Denisov ^c, Yurii N. Makarov ^d

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The paper presents a comparative description of Circassian and Central Asian slavery in the first half of the XIX century.

The materials for the preparation of the work were the documents of the State archive of the Orenburg region (Orenburg, Russian Federation), namely the fund 6 "Office of the Orenburg Governor-General. Border Department", case No. 4994 "on 80 Russian prisoners taken from Khiva in 1839", dated 1839. This document is being introduced into scientific circulation for the first time. The collection of documents "Circassian slave narratives", which is the largest collection (1200 documents) on the history of slavery on the territory of Circassia in the late XVIII – first half of the XIX centuries, was also used as a source on slavery on the territory of Circassia. In this collection, we are interested in the list of prisoners from a Turkish slave ship (document 366). The document is dated 1810.

The authors came to the following conclusions: it was possible to organize the voluntary return of prisoners to their homeland only in territories with strong vertical power, which the khan of Khiva was able to do, and in Circassia there were simply no such leaders. Also, the difference between Khiva and Circassia was that the latter bordered with the Ottoman Empire, which required a significant number of girls in harems, which is why buying children in Circassia was particularly profitable. In the Khanate of Khiva, almost all slaves were used in agriculture and "live goods" as a luxury were much less popular here. A common feature for both Khiva and Circassia was that about 40 % of the captives on the lists were so-called "fresh live goods", that is, persons captured in the last few months, which, according to the authors, indirectly indicated the low life expectancy of the slaves.

Keywords: Khiva Khanate, slavery, Central Asia, prisoners of war, slaves, Russian Empire, Circassian list, Khiva list.

1. Введение

13 августа 1839 г. в Российскую империю из Хивинского ханства были возвращены 80 русских пленников, ранее захваченных кочевниками и обращенных в Хиве в рабов. Это стало крупнейшим из документально подтвержденных случаев возвращения в Россию бывших пленников, то есть имеются имена пленников, их возраст, род занятий, место жительства и срок пребывания в плену. Ранее, в 1810 г., в Черном море было перехвачено русским корветом «Крым» турецкое работорговое судно, на борту которого оказалось 66 рабов, 15 из которых – русских (Cherkasov et al., 2017: 856). Как и в случае с пленными из Хивы, в архивохранилищах отложился подробный список и этих людей. Кроме того, в 1837 г. из Хивы были возвращены 25 русских пленников (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 12206.), однако по ним детализированного списка в настоящий момент не обнаружено.

* Corresponding author

E-mail addresses: zinkovskiy-sb@rudn.ru (S.B. Zinkovskii)

Важно пояснить, что если в Черном море захват работоргового судна был осуществлен при помощи вооруженных сил, то ситуации 1837 и 1839 гг. были следствием административно-дипломатической деятельности между Хивой и Российской империей¹. В данной работе мы хотели бы подробно рассмотреть некоторые детали этих дел и выявить общее и особенное.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки работы стали документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), а именно фонд 6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Пограничное отделение», дело № 4994 «о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году», датированное 1839 годом. Данный документ вводится в научный оборот впервые. Также как источник по рабству на территории Черкесии (Cherkasov, 2020) был использован сборник документов «Черкесские невольничьи повествования», являющийся крупнейшей коллекцией (1200 документов) по истории рабства на территории Черкесии в конце XVIII – первой половине XIX вв. В данном сборнике нас интересует опись пленников с турецкого работоргового судна (документ 366) (Cherkasov, 2020: 1589-1591). Документ датирован 1810 г.

При решении исследовательских задач нами применялись общенаучные традиционные методы синтеза, анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены гендерный, возрастной и социальный составы пленников как в черкесском, так и в хивинском списках. Помимо этого, применение статистического метода позволило высчитать также сроки пребывания русских людей в плену.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования мы посчитали уместным разделить по проблемно-хронологическому признаку, а именно на историографию черкесского рабства и центральноазиатского. И та, и другая историография начала складываться еще в XIX веке. Сперва авторами были путешественники, члены научных экспедиций. В качестве примера можно назвать сборник статей А.П. Хорошхина (Хорошхин, 1876), а также историко-статистический очерк Ф. Старикова (Историко-статистический очерк, 1891). На рубеже XIX–XX вв. к данной теме в контексте присоединения Центральной Азии обратился М.А. Терентьев (Терентьев, 1903), а Ф.А. Щербина рассматривал вопросы черкесского рабства (Щербина, 1910-1913).

В советский период тема черкесского и центральноазиатского рабства значительного распространения не получила, так как не вписывалась в народно-освободительное движение национальных окраин против самодержавия. Тем не менее и в это время были работы, в которых вопросы рабства фрагментарно затрагивались. В качестве примера можно назвать труд Н.А. Халфина (Халфин, 1974), произведение М.И. Сладковского (Сладковский, 1977), а также работу М.В. Покровского (Покровский, 1989).

Однако самое активное изучение вопросов рабства в Центральной Азии и Черкесии произошло в современное время. Авторы большое внимание уделяли внешнеполитическим вопросам между Российской империей и центральноазиатскими ханствами (Bebeshko et al., 2017; Lysenko, 2018), обращали внимание на торговые отношения (Bulgarova et al., 2020; Lysenko, 2019), делали попытки рассмотрения рабства в Азии как явления (Ermachkov et al., 2021).

Черкесское рабство рассматривалось еще более подробно. Здесь можно отметить и работы по истории захвата пленников в Черкесии (Magsumov et al., 2021) и черкесами на русской стороне (Klychnikov, Lazaryan, 2018), обмен пленными как средства для возврата русских на родину (Rajović et al., 2017; Rajović et al., 2018). Делались даже попытки рассмотреть черкесское рабство в сравнении с рабством в США (Smigel, Cherkasov, 2016: 1183).

4. Результаты

Таким образом, в нашем распоряжении имеются два списка пленников: один – лиц, проданных в рабство в Черкесии и отправленных в Турцию на работорговом корабле в 1810 г., а второй – лиц, возвращенных в Россию из рабства в Центральной Азии (Хивинское ханство) в 1839 г. В обоих случаях речь идет о первой половине XIX века. Для удобства назовем эти списки черкесским и хивинским.

¹ Правильнее сказать, меры по дипломатическому принуждению хивинского хана к возврату пленников путем задержания в России хивинского торгового каравана.

Таблица 1. Хивинский список (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 4-7 об.)

№	Имена и прозвания	Сколько от роду лет	Из какого состояния, какой губернии, уезда и селения.	Сколько лет находились в плену
1.	Герасим Веденюхин	30	Крестьянин г. Долгорукова Пензенской губернии, Ломовского уезда, селения Блиновки.	10
2.	Харитон Щеглов	66	Однодворец Тамбовской губернии, Борисоглебского уезда, д. Уваровой.	20
3.	Петр Бушуев	62	Государственный крестьянин Астраханской губернии, Енотаевского уезда, села Николаевского.	7
4.	Никита Балабанов	61	Военный артиллерист Ярославской губернии, Мышкинского уезда, д. Монаревой.	13
5.	Никон Филипов	52	Солдат 20-й дивизии, Владимирской губернии, Судоготского уезда, села Мошку.	13
6.	Павел Михайлов	71	Крестьянин Астраханской губернии, Красноярского уезда, с. Макавского.	15
7.	Григорий Павлов	24	Крестьянин той же губернии и села.	7
8.	Иван Лукьянов	70	Черноморской казак Полтавской губернии, Катонаратова уезда, с. Перьяслуска (?)	15
9.	Семен Иванов	50	Харьковской губернии, Лебедина уезда, слободы Мерич (скорее всего, Межерич).	19
10.	Петр Литвинов	40	Оренбургского уезда, Островного отряда.	16
11.	Федор Михайлов	33	Крестьянин Астраханской губернии, Красноярского уезда, с. Макова.	5 месяцев
12.	Савелий Чеплыгин	60	Крестьянин князя Исупова, Астраханской губернии, Красноярского уезда, с. Жанбаева.	15
13.	Василий Громов	42	Однодворец Тамбовской губернии, города Шадского.	5 месяцев
14.	Никита Шапошников	39	Мещанин Астраханской губернии и уезда, д. Седеметовой.	5 месяцев
15.	Гаврило Шапошников	33	Мещанин города Астрахани.	6
16.	Терентий Ярченко	50	Отставной унтер-офицер 45-го флотского экипажа, Астраханской губернии, Черноярского уезда.	5 месяцев
17.	Михайло Кадков	44	Экономической крестьянин Саратовской губернии, Петровского уезда.	4
18.	Петр Петухов	35	Крестьяне князя Исупова Астраханской губернии, Красноярского уезда, с. Жанбаева.	5 месяцев
19.	Иван Салопин	20		4
20.	Ефим Рудькин	35		8
21.	Иван Рудькин	20		5 месяцев
22.	Феноген Пеньков	34	Казачий малолеток Оренбургского уезда, Сухореченского отряда.	16
23.	Василий Савин	42	Крестьянин г. Шелеметева Нижегородской губернии, Горбатова уезда, д. Высоковой.	10
24.	Петр Прокофьев	30	Экономической крестьянин Нижегородской губернии, Кьянина уезда, д. Сосновки.	5 месяцев

25.	Демьян Струков	32	Крестьянин г. Канлизова Курской губернии, Хатенина уезда, с. Сытнова	32
26.	Василий Андреев	32	Крестьянин г. Никонора Андреева Оренбургской губернии, Уфимского уезда, с. Племянникова.	22
27.	Александр Карпов	23	Крестьянин г. Лопухина Нижегородской губернии и уезда С. Слободского.	5
28.	Василий Романов	30	Крестьянин Г-жи Эссеной, Рязанской губернии, Зараевского уезда, с. Шугикова.	5 месяцев
29.	Алексей Михайлов	27	Мещанин новокрещенный города Астрахани.	4
30.	Григорий Михайлов	30	Крестьянин г. Крашенинникова Тамбовской губернии, Елатовского уезда, д. Ерми.	5 месяцев
31.	Степан Дмитриев	26	Крестьянин г. Шигиревой Тамбовской губернии, Елатовского уезда, д. Ерми	5 месяцев
32.	Максим Михайлов	23	Крестьянин гг. Нестеровых той же губернии и уезда, с. Балушевых Починок.	5 месяцев
33.	Егор Еровой	24	Мещанин города Астрахани.	5 месяцев
34.	Василий Васильев	26	Государственный крестьянин Астраханской губернии, Ипатаева уезда, д. Селитриной.	5 месяцев
35.	Григорий Иванов	35	Крестьянин князя Исупова Нижегородской губернии и уезда, с. Безводнова.	5 месяцев
36.	Афонасий Стражев	60	Казак Оренбургского уезда, Нижегородской губернии, станицы.	20
37.	Кузьма Васильев	35	Крестьянин князя Мустафина Нижегородской губернии, Горбатова уезда, д. Хабарской.	5 месяцев
38.	Егор Петров	37	Крестьянин князя Исупова Астраханской губернии и уезда С. Жанбаева.	13
39.	Филат Денисов	26	Крестьянин г-жи Головниной Московской губернии, Кононниковского уезда, с. Северского.	5 месяцев
40.	Михайло Капканов	30	Крестьянин г. Долгорукова Пензенской губернии, Ломова уезда, д. Беконовки.	6
41.	Василий Сулувьянский	35	Войсковой обыватель Воронежской губернии, Бугучарского уезда, д. Петропаловки.	5 месяцев
42.	Иван Фролов	35	Крестьянин г. Долгорукова Пензенской губернии, Ломова уезда, д. Александровки.	13
43.	Алексей Самойлов	38	Бывшего 4-го линейного Оренбургского батальона, казак Андреевской станицы.	1 1/2
44.	Данило Яковлев	31	Крестьянин г. Деевой Нижегородской губернии, Кьянина уезда, с. Уварова.	5 месяцев
45.	Степан Грачев	36	Мещанин города Саратова.	5 месяцев
46.	Федор Павлов	37	Государственный крестьянин Астраханской губернии, Красноярского уезда, с. Калпакова.	5 месяцев
47.	Афонасий Рагозенской	26	Крестьянин г. Корсина Воронежской губернии, Павловского уезда, д. Миколаевки.	5 месяцев
48.	Еким Иванов	27	Крестьянин г. Сапожникова Астраханской губернии и уезда, д. Ратниской.	6

49.	Александр Рюрев	22	Крестьянин г. Исупова Астраханской губернии, Красноярского уезда, с. Никольского.	5
50.	Владимир Иванов	37	Мещанин города Астрахани.	5 месяцев
51.	Василий Михайлов	40	Крестьянин г-жи Деевой, Нижегородской губернии, Кьянина уезда, села Уварова.	
52.	Максим Николаев	30	Государственный крестьянин Саратовской губернии и уезда, деревни Синки.	10
53.	Осип Григорьев	25	Однодворец Пензенской губернии, Сараевского уезда, д. Казачей.	5 месяцев
54.	Илья Евстратов	75	Крестьянин князя Голицына Нижегородской губернии, с. Юрьева.	25
55.	Александр Иванов	52	Рабочий Илецкого соляного промысла.	15
56.	Матвей Романов	17	Мещанин Астраханской губернии и уезда, с. Седеметова.	5
57.	Иван Николаев	40	Крестьянин е. Айгустова Тамбовской губернии, Елатова уезда, Самашлавцовых Полян.	5 месяцев
58.	Ермолай Михайлов	35	Экономический крестьянин Казанской губернии, Тетюшева уезда, с. Кирельского.	5 месяцев
59.	Лаврентий Дормидонов	25	Крестьянин г. Назаровой Симбирской губернии, Карсунского уезда, с. Аникеевки.	5 месяцев
60.	Степан Сидоров	39	Государственный крестьянин Саратовской губернии, Царинского уезда.	3
61.	Степан Яковлев	27	Крестьянин г. Исупова Нижегородской губернии и уезда, д. Безводной.	6
62.	Яков Васильев	23	Государственные крестьяне Нижегородской губернии, Малахинского уезда, д. Колотки.	4
63.	Лукьян Васильев	24		4
64.	Иван Родионов	24	Государственный крестьянин той же губернии и уезда, д. Игумновой.	4
65.	Василий Климов	33	Государственный крестьянин Астраханской губернии, Красноярского уезда, д. Мухамарской.	11
66.	Кузьма Швецов	23	Государственный крестьянин Пензенской губернии, Сарайского уезда, с. Посопова.	5 месяцев
67.	Абрам Никитин	27	Крестьянин г. Канчакова Тамбовской губернии, Темниковского уезда, д. Дасаевой.	6
68.	Яков Никитин	37	Крестьянин графа Шелеметева Нижегородской губернии, Горбатова уезда, с. Дюденева.	11
69.	Илья Михайлов	25	Крестьянин графа Шелеметева, того же села.	6
70.	Яков Нефедов	27	Крестьянин г. Голицыной Тульской губернии, Елифанского уезда, с. Хаванчина.	6
71.	Иван Лутков	50	2-го батальона 9-го Егерского полка рядовой, Симбирской губернии, Алатырского уезда, д. Черкиной.	25
72.	Афонасий Прялов	22	Крестьянин г. Юдиной Нижегородской губернии и уезда, д. Спириной.	5 месяцев
73.	Александр Логинов	48	Крестьянин г. Токмачева, Ярославской губернии, Пашехонского уезда, с. Ушакова.	18

74.	Иван Федоров	32	Крестьянин графа Шелеметева Пензенской губернии, Чекбарова уезда, д. Пашкова.	13
75.	Константин Тарасов	40	Солдатский сын Оренбургского уезда, отряда Гирьяльского.	25
76.	Захар Яковлев	29	Государственный крестьянин Нижегородской губернии, Балахнинского уезд, с. Чернова.	4
77.	Михайло Иванов	39	Крестьянин графа Шелеметева Пензенской губернии, Ченбаровского уезда, с. Поима.	5 месяцев
78.	Иван Михайлов	26	Мещанин города Астрахани.	8
79.	Ефим Никифоров	42	Мещанин Пензенской губернии, города Наровчата.	3 месяца
80.	Михайло Андреев	35	Крестьянин Нижегородской губернии, Балахонского уезда, села Гнелиц.	3 месяца

По образцу хивинского списка мы сделали черкесский список, в который включили только русских пленников (Таблица 2).

Таблица 2. Черкесский список, в который включены только русские пленники (Cherkasov et al., 2017: 853-855)

№	Имена и прозвания	Сколько от роду лет	Из какого состояния, какой губернии, уезда и селения.	Сколько лет находились в плену
1.	Никиф Иванов	25	Черноморский казак. Захвачен черкесами.	-
2.	Иван Петров Левенец	26	Черноморский казак Екатеринодарского Интливского куреня. Захвачен черкесами.	2 месяца
3.	Данило Антонов Пулаго	25	Черноморский казак Екатеринодарского Интливского куреня. Захвачен черкесами.	2 месяца
4.	Иван Петров Грицко	20	Херсонский мещанин. Захвачен черкесами.	2
5.	Никола Коста Бондарев	25	Родства не помнит. Захвачен в плен малолетним.	-
6.	Иван Иванов	8	Родства не помнит	-
7.	Сергей Иванов	20	Малороссиянин. Захвачен черкесами близ Егорьевской крепости.	-
8.	Александра Петрова	23	Малороссиянка. Ведмедовского куреня селения Курак. Захвачена черкесами.	4
9.	Айше	8	Ведмедовского куреня селения Курак. Захвачена черкесами.	4
10.	Прасковья Ивановна	17	Казачка села Канабродского. Захвачена черкесами.	1
11.	Степан Шальбраенко	20	Уроженец города Сумм. Захвачен черкесами.	1
12.	Стефана Дадонова	40	Черноморская казачка слободы Стеблиевской. Захвачена черкесами с сыном.	6 месяцев
13.	Василий Дадонов	3	Слободы Стеблиевской. Захвачен черкесами вместе с матерью.	6 месяцев
14.	Иван	8	Родства не помнит.	-
15.	Сидор	4	Родства не помнит.	-

Объединяет эти списки то, что в обоих случаях даны сведения о похищенных русских людях, которые прошли через рабство, но на разных территориях. Отличием же является то, что черкесский список представлял собой наиболее выгодный «живой товар» – детей и людей молодого возраста. Нужно понимать, что в Османской империи был большой спрос на девочек как для гаремов, так и для услуги. Молодых мужчин в большинстве случаев турецкие рабовладельцы приобретали для работы в Анатолийских каменоломнях или для последующей перепродажи в Египет. В то время как хивинский список формировался по распоряжению хана приказным порядком, и часто

рабовладельцы отдавали «возрастных пленников», и если других не было, то отдавали молодых людей. Эти обстоятельства и нужно учитывать при изучении возрастов пленников из черкесского и хивинского списков.

Важно также отметить, что списков лиц, возвращенных из рабства с территории Черкесии в период Кавказской войны (1801–1864 гг.), не существовало, так как в Черкесии не было единоначалия, а значит и не было людей, которые бы могли санкционировать возвращение пленных. Нужно понимать, что рабовладельцы ни в Черкесии, ни в Центральной Азии освобождать пленных добровольно не желали, так как рабы были главным источником их благосостояния и дохода. Однако это совершенно не означало, что из Черкесии пленники не возвращались... Возвращались, но либо через обмен, либо – выкуп, либо в результате бегства (Cherkasov i dr., 2019).

Нужно пояснить, что черкесский список – это перечень не только русских, как мы ранее отмечали, русские составляли всего 15 человек. Кроме них, на борту работоргового судна был 41 абазинец и 10 черкесов. Из 66 человек черкесского списка 25 было мужчин и 41 женщина, из них русских – 4 женщины и 11 мужчин.

Средний возраст пленников

Среди пленников черкесского списка 36 человек были младше 16 лет, то есть 54,5 %. Возраст рабов варьировался от 1 до 50 лет. Средний возраст лиц в этом списке составил 14,9 лет; средний возраст мужчин-рабов – 13,8; а женщин – 16,6 лет (Cherkasov et al., 2017: 853-855). Иными словами, на экспорт в Османскую империю отправлялись лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, большинство из них – женщины.

Что касается хивинского списка, то в нем были только мужчины, самому младшему из них было 17 лет (то есть лиц младше 16 лет не было ни одного), а самому старшему – 75 (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 4-70б.). Средний возраст среди лиц хивинского списка составил 35,9 лет, что объяснялось не только особенностями хивинской экономики (практически все пленники работали в сельском хозяйстве), но и местами захвата пленников. В 1830-е гг. большинство русских захватывалось на рыбных промыслах на озере Энем и на Каспийском море. Промысловики приезжали туда, разумеется, без семей, поэтому кочевники и захватывали только мужчин. 69 бывших пленников относились к податному и крепостному сословию, а 11 – к военному (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 179).

Для большей наглядности данные о возрасте пленников мы свели в таблицу 3.

Таблица 3. Возраст пленников, в годах

Списки	1–10	11–20	21–30	31–40	41–50	51–60	61–70	71–80
Черкесский	28	19	16	2	1	-	-	-
Хивинский	-	3	30	29	8	4	4	2

Сроки пребывания в плену

В черкесском списке из 15 русских у 6 человек данные о сроке пребывания в плену отсутствовали, так как эти лица были захвачены еще малолетними. Среди 9 человек, срок пребывания которых в плену был указан, 4 были захвачены в течение года, а остальные 5 человек пробыли в плену от 1 года до 4 лет.

Что касается хивинского списка, то из 80 пленников 37 были захвачены в течение 1839 г., а остальные 43 – в предыдущие годы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 13), причем у них срок пребывания в плену составлял от 1,5 до 32 лет.

Иными словами, и в Черкесии, и в Хиве около 40 % всех пленников на момент освобождения в плену были менее одного года, то есть речь идет «о свежем живом товаре». Причиной этого, на наш взгляд, была высокая смертность среди рабов. В качестве примера можем привести показания 37-летнего Якова Редькина, освобожденного из хивинского рабства. Он пробыл в плену 11 лет, был захвачен вместе с тремя товарищами, которые в течение 8 последующих лет скончались в разное время (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 71 об.). Причины массовой гибели пленников могли быть самыми разнообразными; побои, эпидемии, показательные казни, голод и т.п.

5. Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) организовать добровольное возвращение пленников на родину было возможно только на территориях с сильной вертикальной властью. Именно поэтому хивинский хан смог организовать это, а в Черкесии подобных лидеров просто не было;

2) отличительной чертой между Хивой и Черкесией было и то, что последняя граничила с Османской империей, которой требовалось значительное количество девочек в гаремы, именно поэтому покупка детей в Черкесии была особо прибыльна. В Хивинском ханстве практически все

рабы использовались в сельском хозяйстве и «живой товар» в качестве роскоши здесь был гораздо менее популярен;

3) общей чертой и для Хивы, и для Черкесии было то, что около 40 % пленников из списков приходились на так называемый «свежий живой товар», то есть на лиц, захваченных в последние несколько месяцев, что, на наш взгляд, косвенно свидетельствовало о низкой продолжительности жизни рабов.

Литература

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Историко-статистический очерк, 1891 – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург, 1891.

Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989.

Сладковский, 1977 – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.

Терентьев, 1903 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 2 т. СПб., 1903.

Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.

Хорошихин, 1876 – Хорошихин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

Черкасов и др., 2019 – Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н., Шмигель М. Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1355-1367.

Щербина, 1910–1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Екатеринодар, 1910–1913.

Bebeshko et al., 2017 – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 853-860.

Bulgarova et al., 2020 – *Bulgarova B.A., Barabash V.V., Muzykant V.L., Kasymalieva K.E.* The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093-1100.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th Century. // *Annales. Ser. hist. sociol.* 2017. 27(4): 854-864.

Cherkasov, 2020 – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). // *Bylye Gody*. 2020. 57-1 (3-1): 1415-2266.

Ermachkov et al., 2021 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 110-117.

Klychnikov, Lazaryan, 2018 – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 31-39.

Lysenko, 2018 – *Lysenko Yu.A.* «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2018. № 50(4): 1518-1529.

Lysenko, 2019 – *Lysenko Yu.A.* The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 138-148.

Magsumov et al., 2021 – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V.* The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives” // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 97-109.

Rajović et al., 2017 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1261-1274.

Rajović et al., 2018 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 153-160.

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel M., Cherkasov A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

References

Bebeshko et al., 2017 – *Bebeshko, E.V., Kryzhko, E.V., Pashkovsky, P.I., Shchevelev, S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century. *Bylye Gody*. 45(3): 853-860.

- [Bulgarova et al., 2020](#) – *Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E.* (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th Century. *Annales. Ser. hist. sociol.* 27(4): 854-864.
- [Cherkasov i dr., 2019](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N., Shmigel', M.* (2019). Begstvo iz Cherkesii nakanune Kavkazskoi voiny [Flight from Circassia on the eve of the Caucasian War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 64(4): 1355-1367. [in Russian]
- [Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1 (3-1): 1415-2266.
- [Ermachkov et al., 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody*. 16(1): 110-117.
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State archive of the Orenburg region].
- [Istoriko-statisticheskii ocherk, 1891](#) – *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army.]. Sost. F. Starikov. Orenburg, 1891. [in Russian]
- [Khalfin, 1974](#) – *Khalfin, N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M. 406 p. [in Russian]
- [Khoroshkhin, 1876](#) – *Khoroshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestantskogo kraia [Collection of articles related to the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- [Klychnikov, Lazaryan, 2018](#) – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 31-39.
- [Lysenko, 2018](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2018). «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 50(4): 1518-1529.
- [Lysenko, 2019](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 51(1): 138-148.
- [Magsumov et al., 2021](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V.* (2021). The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives”. *Bylye Gody*. 16(1): 97-109.
- [Pokrovskii, 1989](#) – *Pokrovskii, M.V.* (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the circassians at the end of the 18th – first half of the 19th century]. Krasnodar. 319 p. [in Russian]
- [Rajović et al., 2017](#) – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4): 1261-1274.
- [Rajović et al., 2018](#) – *Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1): 153-160.
- [Shcherbina, 1910–1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1910–1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack army]. V 2 t. Ekaterinodar. [in Russian]
- [Sladkovskii, 1977](#) – *Sladkovskii, M.I.* (1977). Istoriya trgovno-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. M. 440 p. [in Russian]
- [Smigel, Cherkasov, 2016](#) – *Smigel, M., Cherkasov, A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.
- [Terent'ev, 1903](#) – *Terent'ev, M.A.* (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [The history of the conquest of Central Asia]. V 2 t. SPb. [in Russian]

**Черкесское и центральноазиатское рабство: общее и особенное
(на примере дел о возвращении русских пленников)**

Сергей Борисович Зинковский ^{a, b, c, *}, Вероника Юрьевна Малахова ^b, Иван Сергеевич Денисов ^c, Юрий Николаевич Макаров ^d

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В работе представлена сравнительная характеристика черкесского и центральноазиатского рабства в первой половине XIX века.

Материалами для подготовки работы стали документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), а именно фонд 6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Пограничное отделение», дело № 4994 «о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году», датированное 1839 годом. Данный документ вводится в научный оборот впервые. Также как источник по рабству на территории Черкесии был использован сборник документов «Черкесские невольничьи повествования», являющийся крупнейшей коллекцией (1200 документов) по истории рабства на территории Черкесии в конце XVIII – первой половине XIX вв. В данном сборнике нас интересует опись пленников с турецкого работоргового судна (документ 366). Документ датирован 1810 г.

В заключение авторы приходят к следующим выводам: организовать добровольное возвращение пленников на родину было возможно только на территориях с сильной вертикальной властью, что смог сделать хивинский хан, а в Черкесии таких лидеров просто не было. Также различие между Хивой и Черкесией было в том, что последняя граничила с Османской империей, которой требовалось значительное количество девочек в гаремы, именно поэтому покупка детей в Черкесии была особо прибыльна. В Хивинском ханстве практически все рабы использовались в сельском хозяйстве и «живой товар» в качестве роскоши здесь был гораздо менее популярен. Общей же чертой и для Хивы, и для Черкесии было то, что около 40 % пленников из списков приходились на так называемый «свежий живой товар», то есть на лиц, захваченных в последние несколько месяцев, что, по мнению авторов, косвенно свидетельствовало о низкой продолжительности жизни рабов.

Ключевые слова: Хивинское ханство, рабство, Центральная Азия, пленные, рабы, Российская империя, черкесский список, хивинский список.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zinkovskiy-sb@rudn.ru (С.Б. Зинковский)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 699-716.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.699
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Dmitrii V. Karpukhin ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Larisa A. Koroleva ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

Abstract

A series of articles is devoted to the study of the education system in the Kutaisi province of the Russian Empire in the period from 1846 to 1917. This article examines the period from 1885 to 1900.

As the main source, the authors used the annual “Reports of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions” of the Ministry of Public Education for 1885–1900. The methodological basis of the research is both special historical methods (historical-comparative, historical-system, historical-statistical (quantitative/mathematical), and general scientific methods (synthesis, analysis, generalization, classification and categorization).

Besides the dynamics of quantitative indicators for students, the paper analyzes statistics on such criteria as the ratio of students in male and female gymnasiums and progymnasiums by national composition, confessional, class and gender characteristics (the last criterion is only for applicants for secondary education); to study objectively the dynamics the “cross-sections” are taken at three points of the chronological period indicated by us: 1885 (lower), 1893 (middle) and 1900 (upper). The article also analyzes the dynamics of the number of secondary (gymnasiums, progymnasiums, real schools, teachers' seminaries, etc.), lower (urban and craft/industrial schools, mountain schools, nautical classes) and primary (state/public urban/rural schools) educational institutions.

According to the results of the study, the authors draw conclusions about the dynamics of the development of education in the designated years; in particular, the number of students in secondary and lower educational institutions increased almost 2,5 times, primary – 3 times, with the largest percentage of growth falling on female students. The total number of educational institutions has increased almost 2 times.

Keywords: Kutaisi province, Russian Empire, public education system, Caucasian educational district.

1. Введение

В первой статье (Mamadaliev et al., 2021) мы проанализировали социально-экономические и географические особенности Кутаисской губернии, основные требования к системе образования «нового региона», который был образован как самостоятельная административная единица в 1846 году, а также усилия правительств императоров Николая I и Александра II в деле развития образовательной сферы в регионе. Также вкратце были проанализированы основные источники и прежде всего Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года, которое на долгие годы вперед – вплоть до развала империи в 1917 году –

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

регламентировало работу образовательных учреждений на Кавказе. Верхней хронологической границей предыдущей статьи стал 1884 год.

В данной (второй) статье анализируется период 1885–1900 годов, который условно можно назвать «расцветом» контрреформизма императора Александра III, а также продолжением курса, первоначально заданного императором Николаем II, период правления которого (в указанных хронологических рамках) пришелся на пик демографического «взрыва» на рубеже веков (особенно сильно выраженного именно в южных территориях Российской империи), что не могло не повлиять на экономическую, политическую и социальную сферы. Более подробный анализ влияния контрреформизма на образовательную систему империи в целом, и Кавказа в частности, дан нами в предыдущих работах (в частности, [Mamadaliyev et al., 2020b](#)). Изменения, которые повлекла за собой демографическая ситуация, явились одной из главных причин первой русской революции 1905–1907 годов, в корне поменявшей политику правительства и «фундамент» империи.

2. Материалы и методы

Источниками нашего исследования послужили отчеты попечителя Кавказского учебного округа в 1885–1900 годах (за исключением 1887, 1888 и 1897 годов) – Кирилла Петровича Яновского, который был попечителем в 1878–1901 годах. Таким образом, результаты образовательной политики округа в известной мере являются заслугой этого чиновника (данное обстоятельство также стало одной из причин выбора обозначенных хронологических рамок исследования, и прежде всего его верхней границы) ([Отчет, 1885](#); [Отчет, 1886](#); [Отчет, 1889](#); [Отчет, 1890](#); [Отчет, 1891](#); [Отчет, 1892](#); [Отчет, 1893](#); [Отчет, 1894](#); [Отчет, 1895](#); [Отчет, 1896](#); [Отчет, 1898](#); [Отчет, 1899](#); [Отчет, 1900](#)). В данных отчетах содержится исчерпывающая статистическая информация, пожалуй, о любом показателе действующих учебных заведений (средних учебных заведений и части низших – выборочно о каждом, о массовых начальных училищах – обобщенно): финансирование, количественные и «качественные» характеристики личного состава и учащихся, характеристики материально-технической базы и мн. др.).

Также исследование апеллировало к данным Всеобщей переписи населения 1897 года (а именно – том LXVI, посвященный статистическим данным по Кутаисской губернии) ([Всеобщая перепись населения, 1897](#)), а также к некоторым нормативным источникам, в частности, Положению «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года, в котором содержится правовое регулирование деятельности образовательных заведений Кавказского учебного округа ([Положение от 29.10.1853](#)).

Методологической основой исследования выступили как специальные исторические, так и общенаучные методы исследования. В качестве специальных традиционных исторических методов применен историко-сравнительный (в частности, проводилось сравнение не только разных хронологических периодов, но и территориальных единиц Российской империи, в частности с Тифлисской губернией и территорией Кавказского учебного округа в целом), историко-системный (исследование системы образования России в конце XIX века в контексте принципов управления правительства Александра III и Николая II) и др. Применялся также нетрадиционный для исторической науки историко-статистический (количественный/математический) метод (для статистического анализа количественных показателей учебных заведений и учащихся). Также использовались общенаучные методы исследования, такие как синтез, анализ, обобщение, классификация и категоризация.

3. Обсуждение

Как было указано в первой части нашего исследования ([Mamadaliyev et al., 2021](#)), изучение образовательной сферы Кутаисской губернии не изобилует значительным количеством работ. В большей части – это труды комплексного характера, в которых анализируется деятельность Кавказского учебного округа в целом.

Из дореволюционных трудов мы особо можем выделить работы П. Зажаева, касающиеся городских училищ Кавказского учебного округа и анализирующие их деятельность после принятия положения от 1872 года ([Зажаев, 1909](#)), а также труды А.А. Богоявленского, в которых делается весьма глубокий анализ библиотечного дела в училищах округа ([Богоявленский, 1911](#); [Богоявленский, 1912a](#); [Богоявленский, 1912b](#)). Полезными могут быть и дореволюционные статистические сборники, такие как Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (а именно Том XVII (33), в котором содержится статья о Кутаисской губернии) ([Брокгауз–Ефрон, 1896](#)), Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края Н.К. Зейдлица ([Зейдлиц, 1894](#)), исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения в 1802–1902 гг. С.В. Рождественского ([Исторический обзор..., 1902](#)) и др.

В советской историографии трудов, посвященных системе образования в Кутаисской губернии практически нет, есть лишь комплексные работы по образованию в Грузинской Советской Социалистической Республике, содержащие, помимо прочего, и сравнительно-исторический анализ

(с весьма высокой степенью претенциозности) с дореволюционным периодом (см., в частности, [Народное образование..., 1980](#)).

В современной историографии вопросами системы народного образования в общероссийском масштабе занимались А.А. Черкасов, сделавший комплексную попытку оценить уровень грамотности в России в период царствования императора Николая II ([Cherkasov, 2011](#)), О.В. Натолочная и другие, обратившиеся к системе народного образования в России в Патриарший период ([Natolochnaya et al., 2021](#)). Что касается территории Кавказского учебного округа, то здесь исследования проводились как в целом по истории народного образования на Кавказе, так и по отдельным кавказским территориям. Так, к трудам, анализирующим систему образования Кавказа в целом относятся работы Н.А. Шевченко и других ([Shevchenko et al., 2016](#)), О.В. Натолочной и других ([Natolochnaya et al., 2016](#)), Е.И. Кобахидзе ([Кобахидзе, 2015](#)), а также Л.С. Гагаевой ([Гагаева, 1993](#)). В свою очередь отдельные дирекции на территории Кавказа рассматривали Т.А. Магсумов и другие – Карсскую область ([Magsumov et al., 2020](#); [Magsumov et al., 2020a](#)), А.М. Мамадалиев и другие – Тифлисскую губернию ([Mamadaliyev et al., 2020a](#); [Mamadaliyev et al., 2020b](#); [Mamadaliyev et al., 2020c](#); [Mamadaliyev et al., 2020d](#)), В.С. Молчанова и другие – Кубанскую область ([Molchanova et al., 2019](#); [Molchanova et al., 2019a](#); [Molchanova et al., 2020](#)), О.В. Натолочная и другие – Ставропольскую губернию ([Natolochnaya et al., 2020](#); [Natolochnaya et al., 2020a](#); [Natolochnaya et al., 2020b](#)), А.А. Черкасов и другие – Черноморскую губернию и Терскую область ([Cherkasov et al., 2020](#); [Cherkasov et al., 2020a](#); [Cherkasov et al., 2020b](#); [Cherkasov et al., 2021](#)).

4. Результаты

Географические рамки исследования, как было отмечено выше, ограничены Кутаисской губернией.

Начнем анализ со средних учебных заведений (см. табл. 1), к которым следует отнести гимназии и прогимназии, реальные и средние технические училища, учительские семинарии и институты (более подробно о классификации учебных заведений см. [Cherkasov et al., 2020](#); [Mamadaliyev et al., 2020c](#) и др.).

Сразу оговоримся, что частные учебные заведения в данной работе не анализируются по трем причинам: во-первых, количество таковых было совсем незначительным и динамика их развития не повлияла коренным образом на состояние системы образования Кутаисской губернии в целом; во-вторых, они не поддаются единой классификации, так как имели разные курсы, программы, количество классов и пр.; в-третьих, государственный капитал в деятельности частных учебных заведений не участвовал, поэтому называть результат их развития/регресса целенаправленной правительственной политикой не представляется возможным.

В Кутаисской губернии по состоянию на 31 декабря 1885 года (т.е. нижняя хронологическая граница нашего исследования) среди средних учебных заведений числились ([Отчет, 1885](#)):

1. Мужская 8-классная гимназия в г. Кутаисе (образована 1 января 1850 г.).
2. Мужская 4-классная прогимназия в г. Кутаисе (образована 1 июля 1874 г.).
3. Женская 8-классная гимназия в г. Кутаисе (образована 8 сентября 1878 г.).
4. Женская 3-классная прогимназия в г. Сухуме (образована 1 июля 1874 г.).

Каждая гимназия и прогимназия имела также и один подготовительный класс.

5. Хонская 3-классная учительская семинария (образована 11 октября 1881 года). Также имела и подготовительный класс.

По окончании исследуемого периода, т.е. к 1 января 1901 года, в число средних учебных заведений Кутаисской губернии вошли некоторые новые учебные заведения, а именно:

1. Мужская гимназия в г. Батуме (образована в 1 июля 1897 года).
 2. Реальное училище в г. Кутаисе (преобразовано в училище 1 июля 1897 г.).
 3. Батумская женская гимназия в г. Батуме (образована 26 сентября 1900 г.).
- Сухумская мужская прогимназия была закрыта в 1897 г.

Таблица 1. Количество средних учебных заведений на территории Кутаисской дирекции Кавказского учебного округа с 1885 по 1900 годы (по состоянию на 31 декабря отчетного года)¹ (Отчет, 1885: 678, 740, 802; Отчет, 1886: 370, 406, 534; Отчет, 1889: 272, 432, 496; Отчет, 1890: 249, 403, 465, 636; Отчет, 1891: 224, 373, 437, 601; Отчет, 1892: 214, 365, 428; Отчет, 1893: 233, 385, 449, 613; Отчет, 1894: 233, 387, 451, 620; Отчет, 1895: 277, 429, 492, 652; Отчет, 1896: 265, 419, 484, 604; Отчет, 1898: 132, 212, 286, 352, 469; Отчет, 1899: 139, 219, 293, 359, 528; Отчет, 1900: 137, 217, 291, 352)

Годы	Тип учебных заведений						Учащиеся		
	Гимназии		Прогимназии		Реальные училища	Учительские семинарии	Мальчики	Девочки	Общее количество
	Мужские	Женские	Мужские	Женские					
1885	1	1	1	1	0	1	793	273	1066
1886	1	1	1	1	0	1	773	294	1067
1889	1	1	1	1	0	1	628	315	943
1890	1	1	1	1	0	1	709	430	1139
1891	1	1	1	1	0	1	751	465	1216
1892	1	1	1	1	0	1	757	491 ²	1248
1893	1	1	1	1	0	1	783	509	1292
1894	1	1	1	1	0	1	839	558	1397
1895	1	1	1	1	0	1	823	587	1410
1896	1	1	1	1	0	1	914	668	1582
1898	2	1	0	1	1	1	1147	816	1963
1899	2	1	0	1	1	1	1903	868	2771
1900	2	2	0	1	1	1	1558	962	2520

При изучении статистической информации в приведенной таблице для нас оказалось удивительным «нестандартное» соотношение учащихся-мальчиков к учащимся-девочкам. Несмотря на то, что женское гимназическое образование в Кутаисской губернии спонсировалось большей частью за счет оплаты обучения (анализ см. ниже), тем не менее состоятельные семьи считали своим долгом дать дочерям образование. Данный регион в этом плане отличался от Тифлисской губернии, где в тот же период процентное соотношение учащихся мужского пола было значительно выше в сравнении с обучающимися женского пола (см., напр., Mamadaliev et al., 2020c), при том, что спрос на квалифицированный/высокообразованный женский труд в последней был значительно выше. Также нельзя объяснить желание дать дочерям образование и квотами, которые выделялись дворянскому сословию: если мужские гимназия и прогимназия субсидировались в основном государством, то женская гимназия – родителями воспитанниц (см. ниже). Предполагаем, что такая ситуация сложилась из передовых предпочтений привилегированного сословия о необходимости женского образования.

Также необходимо отметить поступательный рост числа учащихся (за исключением некоторых лет), причем рост этот в некоторые годы был скачкообразным. По мере либерализации образования рост учащихся стал перманентно увеличиваться. На протяжении исследуемого хронологического периода количество учеников выросло практически в 1,5 раза – с 1066 до 1558 чел. Примечательно, что рост этот обеспечивался силами уже имеющихся среднеобразовательных учреждений, так как их количество выросло незначительно – с 5 до 7. Также характерно увеличение числа учащихся-девочек

¹ В данной таблице и таблицах ниже в перечне учебных заведений указаны все типы учреждений, имевшиеся в Кавказском учебном округе, за исключением учительских институтов.

² Статистика неполная: данные о численности учащихся в Мариинском женском училище в г. Батуме в отчете отсутствуют.

более чем в 3,5 раза (в сравнении с числом учащихся-мальчиков, количество которых увеличилось только в 2 раза).

Анализируя статистику по учащимся, прежде всего скажем о соотношении учащихся по сословному, конфессиональному и национальному критериям, так как данная информация поможет определить, оперируя современной терминологией, социальную основу потребителей образовательных услуг. В предыдущих наших работах эту статистику мы оформляли в виде таблиц, однако в данной статье упор сделан именно на количественном и качественном развитии образовательных учреждений, а не системы образования в целом. Поэтому мы считаем уместным подробно (то есть по каждому году) указать в форме таблиц лишь ежегодную статистику по образовательным учреждениям (тип, количество заведений, количество учащихся), а по трем вышеуказанным критериям (равно как и информации по развитию библиотечного дела) мы считаем возможным ограничиться лишь текстовым анализом в отдельно взятые годы – 1885-й (нижняя хронологическая граница), 1893-й («середина» анализируемого периода) и 1900 (верхняя хронологическая граница). Что касается типов средних учебных заведений, мы решили остановить свой выбор на гимназиях и прогимназиях, так как они являли собой «лицо» системы образования губернии.

Мужское гимназическое образование в Кутаисской губернии по состоянию на конец 1885 года было представлено двумя учреждениями, располагавшимися непосредственно в административном центре: 8-классной гимназией и 4-классной прогимназией, основанных соответственно в 1850 и 1874 году.

Что касается сословного распределения в указанных учреждениях, то оно по состоянию на 31 декабря 1885 года выглядело следующим образом: дети дворян¹ ожидаемо составляли большую часть учащихся в гимназии – 378 чел. из 561 учащегося (т.е. 67,5 %). На втором месте с огромным отрывом расположились представители городских сословий (91 чел. или 16,2 %). Других сословий было еще меньше: сыновей представителей духовного звания – 41 чел., сельских сословий – 29 чел., нижних чинов – 20 чел., иностранных граждан/подданных – 2 чел. (Отчет, 1885: 678). Похожая ситуация складывалась и в прогимназии. Сыновей дворян училось 114 чел. (64 %) из 179 чел. от общего числа учащихся, дети городских сословий ожидаемо (как и в случае с гимназией) по численности оказались на втором месте – 38 чел., далее с приличным (почти 4-кратным) отрывом располагались дети представителей духовенства (12 чел.) и сельских сословий (10 чел.); представителей нижних чинов (4 чел.) и иностранцев (1 чел.) традиционно было совсем немного (Отчет, 1885: 678).

По состоянию на 31 декабря 1893 года мужское гимназическое образование по-прежнему было представлено лишь Кутаисской мужской гимназией и Кутаисской мужской прогимназией, выпустивших за все время своего существования соответственно 549 и 208 учащихся, по количеству выпускников располагаясь соответственно на третьем (после более «ранних» 1-й Тифлисской – 1952 чел. и Ставропольской – 708 чел.) и втором (после второй и последней на отчетный год гимназии в округе – Пятигорской; 161 выпускник) местах (Отчет, 1885: 184).

По сословному распределению (в процентном соотношении) в Кутаисской мужской гимназии больше других представлено дворянское сословие (71,1 %), на втором месте с огромным отрывом – представители других городских сословий (18,3 %). Сыновей остальных сословий было совсем немного: духовного звания – 3,5 %, крестьян – 2,9 %, нижних чинов и казаков – 2,7 %, иностранцев – 1,1 %, почетных граждан и купцов 1-й гильдии – 0,4 % (Отчет, 1893: 241). В Кутаисской мужской прогимназии также больше других было дворян (64,6 %), других городских сословий – 24,1 %, крестьян – 4,7 %, детей священнослужителей – 3,8 %, нижних чинов и казаков – 1,9 %, иностранцев – 0,9 %, представителей почетных граждан и купцов 1-й гильдии не было (Отчет, 1893: 241).

К 1 января 1901 года дворян все еще было большинство, однако об абсолютности большинства речи уже не идет: в Кутаисской мужской гимназии дворян было 64,3 %, но в Батумской мужской гимназии дворян не было даже половины от всех учащихся, а лишь 40 % (общее в мужских гимназиях по губернии – 52,1 %) (Отчет, 1900: 146); вероятно, что в региональной столице как административном центре было больше представителей привилегированного сословия, которое, напомним, все еще обладало введенными более 50 лет назад «льготами на поступление». На втором месте по-прежнему – представители «других городских сословий», однако «отрыв» от дворян постепенно сокращается: в Кутаисской – 17,6 %, в Батумской – 29,1 %, общее количество 23,3 % (Отчет, 1900: 146). Такая тенденция характерна и для других губерний Кавказского учебного округа (в частности, Тифлисской губернии, см., напр., Mamadaliev et al., 2020c, Mamadaliev et al., 2020d). Мы полагаем, что это является прямым результатом правительственной политики либерализации образования: контрреформизм и присущие ему сословные ограничения в получении образования остались в прошлом. Третье место прочно закрепило за собой крестьянское сословие: в Кутаисской гимназии его было ожидаемо меньше (8,4 %), чем в Батумской (14,5 %) (Отчет, 1900: 146). Напомним, что казацкое сословие к крестьянскому не относилось. Процентное соотношение других сословий в Кутаисской и Батумской мужских гимназиях губернии различалось: сыновей «духовного звания»

¹ По подобию попечительских отчетов в графу «дворяне» включены дети личных и потомственных дворян.

было 4,3 % и 2,9 %, «почетных граждан и купцов 1-й гильдии» – 2,9 % и 4,8 %, «нижних чинов и казаков» – 1,8 % и 4,7 %, «иностранцев» – 1,2 % и 4,6 % соответственно (Отчет, 1900: 146).

Женское гимназическое образование в Кутаисской губернии по состоянию на конец 1885 года было представлено лишь одной 8-классной гимназией, открытой 8 сентября 1878 года и Сухумской женской прогимназией, открытой 1 июля 1874 года.

По сословному критерию из 321 ученицы абсолютное большинство закономерно принадлежит детям дворян (232 чел. или практически $\frac{3}{4}$ от общего количества) (Отчет, 1885: 802). Как будет указано ниже, экономика губернии была «заточена» на добычу полезных ископаемых, поэтому хорошее образование девочек было своего рода «излишеством», так как полученные профессиональные навыки было сложно применить в экономике региона. Безусловно, дворянское сословие, в отличие от прочих, «могло себе позволить» «неоправданные» расходы, связанные с образованием дочерей; более того, безотказно действующий в традиционном типе общества принцип «noblesse oblige» не оставлял привилегированному сословию иного выбора. На втором месте с огромным отрывом расположились дети представителей городских сословий (64 чел.), на третьем – дочери священнослужителей (18 чел.). Представительство других сословий было совсем незначительным: сельских сословий – 2 чел., нижних чинов – 4 чел., иностранцев – 1 чел. (Отчет, 1885: 802). Как видим, практически полное отсутствие низших сословий во многом подтверждает выдвинутые выше предположения.

В женских учебных заведениях по состоянию на 31 декабря 1893 года ситуация по сословному критерию складывалась похожим на мужские гимназии образом. В Кутаисской женской гимназии дворянок было абсолютное большинство – 75,2 %, «других городских сословий» – 20,1 %, дочерей священнослужителей и крестьян – по 1,8 %, почетных граждан и купцов 1-й гильдии – 0,8 %, иностранок – 0,3 % (Отчет, 1893: 393). В женской прогимназии в г. Сухуме тенденция поменялась, и лидерство по количеству учащихся заняли представительницы городских сословий (45,1 %), «отодвинув» дворянок на второе место (39,8 %). Также были дети духовенства (6,5 %) и крестьян (8,6 %). Примечательно, что дочерей представителей других сословий не было (Отчет, 1893: 393).

К 1 января 1901 года распределение по сословному критерию также всецело зависело от местоположения конкретного учебного заведения. В кутаисской женской гимназии тенденция преобладания дворянского сословия сохранилась, однако с каждым годом процент его становился все меньше. Так, представительниц привилегированного сословия было 68,5 %, «других городских сословий» – 11,8 %, почетных граждан и купцов первой гильдии – 9,4 %, крестьян – 6,2 %, духовного звания – 2,4 %, нижних чинов и казаков – 1,1 %, иностранок – 1,1 % (Отчет, 1900: 299). Как видим, в сравнении с предыдущими данными (за 1885 и 1893 год) тенденция к сокращению учащихся-дворянок сохранилась; резко уменьшилось количество дочерей духовных сановников, в то время как процент представителей почетных граждан и купцов 1-й гильдии значительно вырос. Незначительно увеличилось количество крестьянок, в то время как представительниц городских сословий стало в два раза меньше. В Батумской женской гимназии ситуация выглядела совершенно по-другому (тем удивительнее ситуация, что г. Кутаис и г. Батум не просто были городами одной губернии, но и территориально находились относительно рядом, хотя в состав Российской империи вошли (с небольшим промежутком) в разное время): представительниц дворянского и городских сословий было практически поровну – 45,7 % и 41,1 % соответственно. Других же сословий было совсем незначительное количество: крестьянок – 5,3 %, духовного звания – 3,3 %, почетных граждан и купцов первой гильдии – 2,6 %, нижних чинов и казаков – 1,8 %, иностранок – 0,2 % (Отчет, 1900: 299).

В Сухумской женской прогимназии ситуация была схожа с гимназией в г. Батуме. Несмотря на то, что г. Сухум находился немного дальше от региональной столицы, чем г. Батум, оба этих населенных пункта объединял выход к морю – города можно назвать портовыми (в отличие от г. Кутаиса). Безусловно, экономическая составляющая весьма сильно влияла на сословное распределение горожан и жителей окрестных поселений, что, на наш взгляд, и отразилось на контингенте обучающихся. Так, в Сухумской прогимназии разница в процентном соотношении дворянок и представительниц городских сословий была еще меньше – 41,4 % против 37,8 % (т.е. разница в процентном соотношении между сословиями была 4,6 % в г. Батуме и 3,6 % в г. Сухуме). Крестьянки также занимали третье место в количественном ранжировании по сословному признаку, однако в процентном соотношении их было в 2 раза больше, чем в Батумской гимназии – 10,4 %. Также значительно больше (в процентном соотношении) было иностранных граждан/подданных – 3,5 % (ни много ни мало – 4-е место, хотя удельное количество иностранок, конечно же, было невелико). Других сословий было еще меньше: духовного звания и представительниц нижних чинов и казаков – по 2,6 %, почетных граждан и купцов первой гильдии – лишь 1,7 % (в отличие от Кутаисской женской гимназии, где таковых было почти 1/10 часть учениц; представителей данной категории граждан закономерно было больше в административной столице региона) (Отчет, 1900: 299).

Завершая анализ сословного представительства в средних учебных заведениях в 1885–1900 годах, отметим, что таковое весьма сильно зависело от местоположения учебного заведения и, соответственно, в разных городах было различным. Вместе с тем есть некоторые общие черты: во-первых, преобладание дворянского сословия во всех гимназиях губернии (как мужских, так и

женских). В «периферийных» городах (г. Батум, г. Сухум) процент учащихся из привилегированного сословия был значительно меньшим (практически в два раза!), нежели в административном центре губернии – г. Кутаисе, где жителей-дворян было значительно больше. Вполне логичный вывод, что процентное соотношение учащихся во многом отражало таковое среди жителей городов и их окрестностей. Во-вторых, по разнице в соотношении между верхней и нижней хронологическими границами нашего исследования можно заключить, что либерализация образования (т.е. открывавшийся доступ к среднему образованию для низших сословий), хотя и незначительно (в сравнении, к примеру, с «передовой» в сфере образования Тифлисской губернией в аналогичный период времени; см., напр., Mamadaliev et al., 2020b, Mamadaliev et al., 2020c), но имела место быть: процесс открытости, всеобщности и доступности образования неумолимо развивался, даже несмотря на некоторую консервативность во взглядах кутаисских властей.

По конфессиональному признаку на конец 1885 отчетного года в мужской Кутаисской гимназии абсолютное большинство среди 561 учащегося составляли православные христиане (479 чел. или 85,5 %). На втором месте с почти десятикратным «отрывом» были католики (49 чел.). Представителей других конфессий было совсем мало: армяно-григорианцы – 18 чел., евреи – 12 чел., протестанты (в отчете под таковыми упоминаются только лютеране) – 3 чел. Мусульман и «раскольников» (православных христиан, не принявших реформу патриарха Никона; взято нами в кавычки, так как термин взят из источника – Авт.). Схожая ситуация была и в Сухумской женской прогимназии. Из 179 учащихся православных христиан было 148 чел. (почти 83 %), однако представителей армяно-григорианского христианства было больше, чем католического – 12 чел. против 11 («отрыв» хоть и ничтожен, но тем не менее заставляет обратить на себя внимание, так как в гимназии преобладание католиков над «григорианцами» было почти трехкратным). В прогимназии, в отличие от гимназии, учились представители ислама (8 чел., что также примечательно в сравнении с гимназией, где таковых не было вовсе – и это с учетом трехкратно большего числа учащихся). Лютеран было 5 чел., представителей иудаизма (в отличие от гимназии) и «раскольников» не было (Отчет, 1885: 679).

В женской гимназии процентное соотношение по конфессиональному признаку было схожим с мужской. Православных учениц было абсолютное большинство – 263 чел. из 321 общего количества (82 %), на втором месте – католички (37 чел.), на третьем – представительницы армяно-григорианского христианства (16 чел.); лютеранок насчитывалось всего 3 чел., представительниц иудейской религии – 2 чел. (Отчет, 1885: 802).

К концу 1893 года в женской гимназии в г. Кутаисе распределение по конфессиональному признаку было практически идентично состоянию 1885 года: большая часть обучающихся была православными (84,4 %), на втором и третьем местах с небольшим отрывом представители католичества (7,4 %) и армяно-григорианской веры (6,1 %); также в совсем небольшом количестве были представительницы иудаизма (2,1 %). Представителей других конфессий не было (Отчет, 1893: 393). В Сухумской женской прогимназии ситуация была еще более выраженной: православных обучающихся было 89,3 %, иудеек – 6,5 %, армяно-григорианского вероисповедания – 3,2 %, католичек – 1 % (Отчет, 1893: 393).

К началу 1901 года по конфессиональному признаку распределение учащихся-мальчиков в Кутаисской губернии кардинально не поменялось. Абсолютное большинство по-прежнему составляли представители православного христианства (85,4 % в Кутаисской гимназии и 71,2 % в Батумской) (Отчет, 1900: 146). На втором месте были представители католического христианства: 7,7 % и 11,4 % в Кутаисской и Батумской мужских гимназиях соответственно. Количество представителей других конфессий колебалось в зависимости от территориального расположения учебного заведения, так как было всецело связано с этническим составом населения. Представителей армяно-григорианского христианства было больше в Батумской (9,7 %), чем в Кутаисской (3,9 %) гимназии; то же самое касается иудеев (5,1 % в Батумской и 2,8 % в Кутаисской) и протестантов (1,8 % в Батумской и 0,1 % в Кутаисской). Процентное соотношение было одинаково малым – по 0,8 % в обоих учреждениях (Отчет, 1900: 146).

В женских средних учебных заведениях к началу 1901 года ситуация по конфессиональному распределению среди учащихся была следующей. Как и в случае с сословным распределением, процентное соотношение зависит от территориального учебного заведения, однако зависимость эта совершенно не выраженная. Во всех трех гимназических заведениях абсолютно преобладали представители православного христианства (Кутаисская гимназия – 88,7 %, Батумская гимназия – 63,6 %, Сухумская прогимназия – 88,7 %). «Второе» место в конфессиональном ранжировании зависит от города, в котором находилась гимназия/прогимназия: в Кутаисской это были представители католичества (8 %), в Батумской – армяно-григорианского христианства (15,2 %), в Сухумской прогимназии – протестантского христианства (4,3 %). Как видим, разрыв впечатляющий. Также в женской гимназии в г. Батуме было сравнительно много иудеек (13,2 %). Представителей других конфессий было совсем мало: католики – 6,6 % и 0,9 % (Батумская гимназия и Сухумская прогимназия соответственно), представительницы армяно-григорианского вероисповедания – 6,4 % и 2,6 % (Батумская гимназия и Сухумская прогимназия соответственно), представительницы

иудаизма – 1,5 % и 3,5 % (Батумская гимназия и Сухумская прогимназия соответственно), протестантов – 0,7 % (Батумская гимназия; в Кутаисской гимназии таковых не было), мусульман – 0,7 % (только в Батумской гимназии), «прочих исповеданий» – 0,4 % (только в Батумской гимназии) (Отчет, 1900: 299)

Завершая анализ конфессионального соотношения учащихся мужских и женских гимназий и прогимназий Кутаисской губернии, прежде всего отметим преобладающее количество представителей православного христианства. Это всецело связано с этническим составом, населявшим губернию. Преобладание это было абсолютным, так как количество представителей конфессий, расположившихся на «почетном втором месте», следует признать мизерным (за исключением гимназии в г. Батуме). Представительство некоторых конфессий было и вовсе чисто символическим (в частности, мусульман).

Что касается распределения учащихся в мужских гимназии и прогимназии по национальному признаку, то из общего количества в 561 чел. в Кутаисской мужской гимназии по состоянию на конец 1885 года больше всего было грузин – 307 чел. или 55 %. В этом отношении средние учебные заведения Кутаисской губернии отличаются, в частности, от соответствующих учреждений Тифлисской губернии – в последней этническое большинство обучающихся составляли русские (около 50 %), даже несмотря на «этнически» грузинские территории (статистический анализ см., например, в Mamadaliev et al., 2020c). На втором месте с почти двукратным отрывом были представители русской национальности (169 чел. или 30 %), на третьем с трехкратным отрывом от «второго места» – армяне (55 чел. или 10 %). Других национальностей было совсем немного: евреи – 12 чел., представители европейских этносов (в источнике не уточняется, каких именно) – 18 чел. (Отчет, 1885: 679). В прогимназии ситуация была еще более радикальной: представителей грузинского этноса из 179 чел. от общего количества было ровно $\frac{3}{4}$ или 75 % в процентном соотношении (134 чел.). С огромным отрывом на втором месте располагались представители русской национальности – 24 чел. (чуть более 13 %). Армян среди учащихся было 12, европейцев – 6, татар – 3 чел. (Отчет, 1885: 679). Доминирование грузинских этносов мы объясняем не только плотным и однородным национальным составом региона, но еще и квотами, которые давались местной элите; более подробный анализ этого явления дан нами в первой части нашего исследования (Mamadaliev et al., 2021), поэтому здесь мы подробно останавливаться на этом не будем.

К началу 1901 года (т.е. за 16 лет) применительно к Кутаисской мужской гимназии ситуация сильно не изменилась (что, собственно, позволило нам не анализировать 1893 отчетный год применительно к средним мужским учебным заведениям г. Кутаиса). Грузин было большинство – 71,4 %; русских – 16 %, армян – 4,9 %, «других национальностей» – 3,9 %, горцев – 0,9 %, татар – 0,1 % (Отчет, 1900: 145). Однако в недавно образованной Батумской мужской гимназии ситуация отличалась в корне: представителей грузинского этноса было больше остальных (44,3 %), однако большинство отнюдь не было преобладающим (т.е. больше половины). Русских было 22,6 % (что, вероятно, связано с активным переселением в новые южные территории русскоязычного населения), армян – 13,2 %, «других национальностей» – 13,5 %, евреев – 5,1 %, горцев – 1,3 % (Отчет, 1900: 145).

В женской гимназии больше других училось представительниц грузинского этноса (153 чел. и 321 чел. от общего числа), на втором месте – представительницы русской национальности (110 чел.), причем отрыв не был таким разительным, как в мужской гимназии. Таким образом, соотнеся с анализом других статистических данных, можно констатировать, что главными «локомотивами» прогресса женского среднего образования были русские дворяне. Армянок в гимназии насчитывалось 47 чел., количество других национальностей было совсем небольшим: евреек – 2 чел., европейских национальностей – 9 чел., других этносов, проживающих в Кавказском учебном округе (татары, горцы), отчет не указывает (Отчет, 1885: 803).

По состоянию на конец 1893 года в Кутаисской женской гимназии этническое большинство оставалось за девочками грузинской национальности (54,4 %). Представительницы русского этноса были на втором месте (30,6 %). Представителей других национальностей было значительно меньше: армянок 8,7 %, «др. национальностей» – 3,7 %, евреек – 2,1 %, горских народностей – 0,5 % (Отчет, 1893: 392). В Сухумской прогимназии почти половину учащихся составляли представительницы горских народов (46,2 %), русских – 28 %, грузинок – 8,6 %, других национальностей – 7,5 %, евреек – 6,5 %, армянок – 3,2 % (Отчет, 1893: 392).

К 1 января 1901 года национальный состав женских средних учебных заведений (без Мариинских учреждений) стал следующим: грузинки составляли большинство только в Кутаисской гимназии (60,1 %), в Батумской гимназии непреобладающее большинство учениц составляли русские (35,1 %), в Сухумской прогимназии – представительницы горских народов (41,4 %). Грузинок закономерно было достаточно много в Батумской гимназии (29,1 %) и совсем мало в Сухумской прогимназии (6 %). Представительство русского этноса было весьма сильным как в Сухумской прогимназии (31 %), так и в гимназии в г. Батуме (25,1 %). В Батумской женской гимназии относительно много (в сравнении с вышеперечисленными этносами) было представительниц армянской (15,2 %; в Кутаисской гимназии учениц-армянок было 9 %) и еврейской (13,3 %)

национальностей; в Сухумской прогимназии было немало «других национальностей» (15,5 %) (Отчет, 1900: 298).

Подводя итог статистическому анализу национального состава учащихся в гимназиях и прогимназиях Кутаисской губернии, можно отметить постепенное усиление представительства русского и (в меньшей степени) еврейского этносов в различных городах региона, что, на наш взгляд, всецело связано с миграционными процессами и вполне логичной задачей правительства «русифицировать» недавно присоединенный к империи регион. И, несомненно, коренных народов среди учеников было большинство, что, на наш взгляд, связано, во-первых, с предоставлением субсидий на обучение местным этносам (правда, только дворянского сословия) и, во-вторых, стремлением правительства распространить образованность вширь среди аборигенного населения.

Традиционно мы анализируем и библиотечный фонд учебных заведений, так как он напрямую отражает развитие системы образования региона в целом, и отдельно взятых учебных заведений в частности.

По состоянию на 1 января 1886 года в фундаментальной библиотеке Кутаисской мужской гимназии было 2376 названий при 6292 томах общей стоимостью в 12832 руб. Ученическая библиотека имела 1409 названий при 2380 томах стоимостью в 4119 руб. «Стоимость» указанных библиотек в отчетном году увеличилась на 160 руб. (Отчет, 1885: 646).

Фундаментальная библиотека Кутаисской мужской прогимназии имела фонд в 974 названия при 2845 томах и 5778 руб. стоимости, увеличившись в сравнении с предыдущим годом на 178 руб., ученическая – 308 названий, 411 томов и 293 руб., став «дороже» на 293 руб. (Отчет, 1885: 646).

Недавно открывшаяся женская гимназия в г. Кутаисе в фундаментальной библиотеке насчитывала 400 названий при 658 томах и стоимости в 1402 руб., «подорожав» в сравнении с прошлым годом лишь на 29 руб.; ученическая включала 607 томов с 326 названиями при стоимости 2000 руб. (Отчет, 1885: 776).

По состоянию на 31 декабря 1893 года в фундаментальной библиотеке Кутаисской мужской гимназии было 3190 названий при 8877 томах и общей стоимостью в 15091 руб. Ученическая библиотека имела 489 названий при 894 томах стоимостью в 1314 руб. (Отчет, 1893: 186). С чем связана столь существенная деградация ученической библиотеки гимназии в сравнении с 1885 годом, мы объяснить не можем.

Фундаментальная библиотека Кутаисской мужской прогимназии на конец 1893 года имела фонд в 1427 названий при 3414 томах и 8817 руб. стоимости, увеличившись в сравнении с предыдущим годом на 272 руб., ученическая – 500 названий, 734 тома и 555 руб., став «дороже» на 34 руб. (Отчет, 1893: 186).

Данных по фундаментальной библиотеке женской гимназии в г. Кутаисе в отчете 1893 года не приведено; ученическая включала 1509 томов с 940 названиями при стоимости 2730 руб., «подорожав» в сравнении с предыдущим годом на 109 руб. (Отчет, 1893: 346). Сухумская женская прогимназия имела в фундаментальной библиотеке 40 названий при 408 томах и стоимости в 452 руб., «подорожав» в сравнении с прошлым годом лишь на 26 руб.; в ученической – 222 тома с 21 названием при стоимости 313 руб., «подорожав» в сравнении с предыдущим годом на 18 руб. (Отчет, 1893: 346).

И, наконец, рассмотрим состояние библиотечного дела в гимназиях и прогимназиях в верхней хронологической границе нашего исследования.

К 1 января 1901 года число названий в фундаментальной библиотеке мужской гимназии г. Кутаиса насчитывалось 3900 шт. при 12506 томах и стоимости в 18565 руб. Ученическая библиотека имела в своем распоряжении книг с 698 названиями при 1454 томах и стоимости в 1823 руб. (Отчет, 1900: 90).

В недавно открытой мужской гимназии в г. Батуме количество названий в фундаментальной библиотеке было 145 при 791 томах и стоимости в 1294 руб., «подорожав» в сравнении с предыдущим годом на 215 руб. Ученическая библиотека Батумской гимназии располагала 367 названиями при 988 томах и стоимости в 755 руб. (Отчет, 1900: 90).

Данные по библиотечному делу Батумской женской гимназии отсутствуют (в отчете попечителей стоят прочерки; с точки зрения формальной логики какое-то количество пособий явно должно было быть, но с учетом ее открытия в сентябре 1900 года эти данные, по нашему предположению, еще не были обработаны и, следовательно, не попали в отчет). Что касается Кутаисской женской гимназии, то применительно к фундаментальной библиотеке данные также отсутствуют; в ученической насчитывалось 1460 названий при 2717 томах и стоимостью в 4669 руб. (Отчет, 1900: 253).

Низших учебных заведений Кутаисской губернии насчитывалось 6 штук (по состоянию на 31 декабря 1885 года, т.е. нижней хронологической границы данной статьи) (Отчет, 1885):

1. Городские училища (4 шт.):
 - а) Кутаисское городское училище, г. Кутаис (открыто 1 июля 1882 г.);
 - б) Озургетское городское училище, г. Озургеты (открыто 1 сентября 1874 г.);
 - в) Мингрельское городское училище, г. Зугдиди (открыто 2 февраля 1879 г.);

г) Батумское городское училище, г. Батум (открыто 1 июля 1881 г.).

2. Горские школы (1 шт.): г. Сухум (открыта в 1863 г.).

3. Мореходные классы (1 шт.): г. Потти (открыты 8 ноября 1880 г.);

К окончанию исследуемого в данной работе периода, т.е. к 1 января 1901 года к низшим учебным заведениям губернии добавились:

1. Городские училища (2 шт.):

а) Зугдидское городское училище в г. Зугдиди (открыто 1 июля 1893 г.).

б) Сухумское городское училище в г. Сухуме (открыто 1 сентября 1900 г.).

2. Батумское ремесленное училище, г. Батум (основано 8 октября 1889 г.)

3. Батумское женское Мариинское училище в г. Батуме (образовано 2 сентября 1890 года) включало в себя четыре образовательных класса и один подготовительный (Отчет, 1890: 621).

4. Хонское женское Мариинское училище в г. Хон (современное произношение и город – Хони – Авт); училище образовано 1 июля 1899 года).

Таким образом, всего к началу 1901 года из низших учебных заведений в губернии было семь городских училищ, одна горская школа, два промышленных училища, два Мариинских училища. Частные учебные заведения, как было оговорено выше, мы не учитываем.

В 1889 году в административной столице губернии открылось ремесленное училище, которое оказалось весьма востребованным: если в начале отчетного 1890 года было 27 учащихся, то к его концу их насчитывалось 83 чел. (Отчет, 1890: 583). По национальному составу первоначально преобладали (и практически в равных долях) русские, грузины и «туземцы» (то есть представители коренного местного населения – Авт.), представителей армян и евреев было лишь по одному учащемуся, представителей в графе «другие национальности» было значительно меньше, чем первых трех вышеназванных (Отчет, 1890: 586). По конфессиональному признаку абсолютное большинство составляли православные христиане. По сословному признаку больше остальных было представителей «других городских сословий» и крестьян; почти в два раза меньше названных социальных групп было дворян, нижних чинов и казаков (которых в отчете отграничили от крестьян); детей духовенства, почетных граждан, купцов первой гильдии и иностранцев было совсем немного (по одному представителю) (Отчет, 1890: 586).

Таблица 2. Количество и перечень низших учебных заведений на территории Кутаисской дирекции Кавказского учебного округа с 1885 по 1900 годы и количество учащихся в них (по состоянию на 31 декабря отчетного года) (Отчет, 1885: 832, 864, 884, 902; 924; Отчет, 1886: 564, 584, 620, 662; Отчет, 1889: 540, 581, 638, 696; Отчет, 1890: 553, 583, 610, 660; Отчет, 1891: 485, 523, 551, 578, 601; Отчет, 1892: 428, 475, 514, 543; Отчет, 1893: 496, 535, 565, 590, 613; Отчет, 1894: 499, 539, 569, 596, 620; Отчет, 1895: 536, 578, 606, 630, 652; Отчет, 1896: 531, 574, 604, 626, 667; Отчет, 1898: 400, 441, 469, 511; Отчет, 1899: 433, 498, 528, 571; Отчет, 1900: 430, 496, 524, 567)

Годы	Городское училище	Горские школы	Ремесленные (промышленные) училища, ремесленные школы	Мореходные классы	Мариинские училища	Итого	Количество учащихся
1885	4	1	0	1	0	6	1104
1886	4	1	0	1	0	6	1137
1889	4	1	0	1	0	6	1136
1890	4	1	1	1	1	8	1229
1891	4	1	1	1	1	8	1299
1892	4	1	1	н/д	1	7	1791 ¹
1893	5	1	1	1	1	9	1681

¹ Статистика неполная: данные о численности учащихся в мореходных классах в г. Потти в отчете отсутствуют.

1894	5	1	1	1	1	9	1478
1895	5	1	1	1	1	9	1612
1896	5	1	1	1	1	9	1817
1898	5	1	2	н/д	1	9	2087 ¹
1899	6	1	2	н/д	2	11	2931
1900	7	1	2	н/д	2	12	3088

Анализируя приведенную статистику, отметим несколько моментов, касающихся начального/народного образования. Во-первых, почти 3-кратный (2,8) рост количества учащихся – с 1104 до 3088 чел. Во-вторых, 2-кратный рост количества учебных заведений – с 6 до 12 шт. В-третьих, рост в значительной степени обеспечивался собственными силами учебных заведений – укрупнялись классы, вводились «параллели». В-четвертых, почти в два раза увеличилось количество городских школ: в каждом крупном городе теперь была возможность получить неплохое низшее образование.

Общее количество учащихся в городских училищах губернии насчитывалось 969 чел. на конец отчетного календарного года (и 1046 на начало): в Кутаисском – 347 чел., в Озургетском – 298 чел., Мингрельском – 218 чел., Батумском – 106 чел. (Отчет, 1885: 850).

Статистический анализ, безусловно, будет неполным без исследования данных по начальному образованию.

К начальным образовательным учреждениям следует отнести сеть начальных училищ (всего к концу 1885 года в губернии – 115 шт.):

а) казенные городские двухклассные (6 шт.: в Зугдиди, Раче, Лечхуме, Артвине, Квирилах, Ново-Сенаке);

б) казенные сельские нормальные одноклассные (2 шт.: в Кулаше, а также при Хонской учительской семинарии);

в) общественные городские двухклассные (4 шт.);

г) общественные городские одноклассные (1 шт.: в г. Кутаисе);

д) общественные сельские начальные (99 шт.);

е) церковно-приходские (5 шт.).

К 1901 году добавились еще 108 начальных училищ в различных населенных пунктах губернии; таким образом, общее количество начальных образовательных учреждений насчитывало 223 начальных училища.

Таблица 3. Количество начальных училищ Кутаисской дирекции Кавказского учебного округа и учащихся в них в 1885–1900 гг. (Отчет, 1885: 924; Отчет, 1886: 662; Отчет, 1889: 696; Отчет, 1890: 690; Отчет, 1891: 660; Отчет, 1892: 645; Отчет, 1893: 672; Отчет, 1894: 680; Отчет, 1895: 712; Отчет, 1896: 746; Отчет, 1898: 591; Отчет, 1899: 650; Отчет, 1900: 646)

Годы	Количество училищ	Количество учащихся			Количество учащихся на одну школу (в среднем)
		Мальчиков	Девочек	Итого	
1885	115	5499	604	6103	53,06
1886	122	6559	1000	7559	61,95
1889	124	7221	858	8079	65,15
1890	123	7594	900	8494	69,05
1891	125	8083	1001	9084	72,67
1892	128	8263	1099	9362	73,14
1893	132	8240	1305	9545	72,3
1894	144	9235	1371	10800	75
1895	150	9923	1406	11320	75,46
1896	160	10357	1549	11906	74,4
1898	198	13699	2012	15711	79,34
1899	213	15350	2237	17587	82,56
1900	223	16968	2577	19545	87,64

Как видим из приведенных в Таблице 3 данных, количество училищ увеличилось почти в два раза; большую часть из них составляли сельские училища.

¹ Статистика неполная: данные о численности учащихся в мореходных классах в г. Потти в отчете отсутствуют.

О степени наполняемости школ можно судить по критерию «среднее количество учащихся на одну школу» в [Таблице 3](#). Как видим, за исследованные нами 16 лет училища постоянно укрупнялись; к 1901 году по числу учеников каждое из них в среднем увеличилось более чем в полтора раза, благодаря укрупнению классов и увеличению числа параллельных классов. Общее же количество учащихся за эти годы увеличилось с 6103 до 19545 чел., то есть в 3,2 раза, что, по нашему мнению, следует признать выдающимся показателем.

Безусловно, упор со стороны образовательной администрации был сделан на расширение сети начального (с позволения сказать – «первичного») образования, то есть начальных училищ, которые могли быть казенными, общественными городскими, сельскими. Отметим равномерность прироста как учреждений, так и учеников; это, по нашему мнению, может говорить о том, что реакционная политика периода контрреформ начального образования никак не затронула.

Также представляется интересным и гендерное соотношение. Если к концу 1885 года соотношение учащихся по критерию «мальчик–девочка» равнялось соответственно 9,1 к 1, то к концу 1900 года оно стало 6,6 к 1, т.е. начальное женское образование не «отставало» от гимназического по степени феминизации. Таким образом, можно констатировать тот факт, что представители местных народов вполне осознавали необходимость женского образования и реализовывали эту идею.

Нельзя не отметить также, что в сфере развития начального образования Кутаисская дирекция была в лидерах среди других дирекций Кавказского учебного округа, что прослеживается не только по количеству учебных заведений соответствующего типа, но и по количеству учащихся: так, в начальных училищах Кутаисской губернии насчитывалось 19545 чел., в Тифлисской – 14581 чел., в Елисаветпольской – 6808 чел., Эриванской – 6983 чел., Бакинской – 5107 чел., Черноморской – 1726 чел., Карсской – 1718 чел., Дагестанской – 881 чел. ([Отчет, 1900: 646](#)).

Приводить в данной работе статистику соотношения учащихся по сословному, конфессиональному и национальному критериям применительно к низшим и начальным учебным заведениям считаем излишним из-за ее огромного количества и ограниченного объема данной статьи.

5. Заключение

Обозначим ключевые моменты, отмеченные выше:

1. Средние учебные заведения

1. Из средних учебных заведений к началу 1885 года в Кутаисской губернии было две мужские гимназии, две мужские прогимназии и одна учительская семинария; к началу 1901 года стало (без учета частных учебных заведений) две мужские гимназии, две женские гимназии и одна женская прогимназия, одно реальное училище и одна учительская семинария.

2. Количество учащихся средних учебных заведений выросло с 1166 чел. до 2849 чел., т.е. практически в 2,5 раза: число учащихся-мальчиков выросло с 793 до 1558 чел., т.е. почти в 2 раза, количество учащихся-девочек соответственно с 373 до 1291 чел. или почти в 3,5 раза.

3. В Кутаисской губернии было нестандартное для других кавказских регионов соотношение учащихся-мальчиков к учащимся-девочкам: учащихся девочек в губернии в процентном соотношении было больше, чем в других регионах.

Мы полагаем, что такая ситуация могла сложиться по причине достаточно продвинутых образовательных предпочтений местного привилегированного сословия и состоятельных социальных групп. К этой мысли нас приводит тот факт, что в отличие от мужских гимназий и прогимназий, которые по большей части дотировались государством, женские средние учебные заведения финансировались за счет родителей учащихся, что напрямую указывает на передовые предпочтения состоятельных сословий насчет необходимости женского образования. И если в пропорциональном соотношении учащихся «мальчик–девочка» к 1885 году мы видим соответственно 3 к 1, то к 1901 году оно составляет уже 1,6 к 1, стабильно стремясь к паритетному 1 к 1. И это при том, что Кутаисская губерния не имела таких же возможностей «женского» трудоустройства, как, к примеру, передовая в сфере образования Тифлисская губерния.

4. За исключением отдельных лет, количественный рост как заведений, так и учащихся является перманентным и весьма стабильным, что говорит о целенаправленной политике не только государства, но и образовательной администрации округа в целом, и Кутаисской дирекции в частности.

5. Контингент учащихся гимназических учебных заведений нами был проанализирован по сословному, конфессиональному и этническому критериям:

а) среди обучающихся обоих полов большинство составляли представители дворянского сословия. Однако процентное соотношение их к остальным сословиям стремительно падало к концу XIX века, что прямо говорит о начале периода либерализации образования и окончании так называемого «контрреформизма», политика которого в числе прочего «негласно» предусматривала ограничение на получение среднего, и в особенности высшего, образования для представителей низших сословий. Привилегированное сословие активно теснилось представителями городских сословий: соотношение к 1901 году было практически 1 к 1 (приблизительно по 40 %), в то время как в

1884 году дворян было 2/3. На «третье место» в процентном соотношении «вышли» крестьяне. Аналогичная тенденция складывалась и в женских гимназических учреждениях.

Однако ситуация сильно зависела от территориального расположения учебного заведения (а именно – от конкретного населенного пункта): так, в административной столице региона – г. Кутаисе – дворяне преобладали среди учащихся средних учебных заведений, в то время как в городах Батуме и Сухуме к началу XX века было сильно представительство городских сословий;

б) анализ соотношения учащихся по конфессиональному признаку подтвердил абсолютное преобладание представителей православного христианства, что всецело связано с этническим составом губернии. Представительство некоторых конфессий было и вовсе чисто символическим (менее одного процента, в частности мусульман);

в) этнический состав контингента обучающихся показал преобладание грузинской национальности, однако к началу XX века нельзя не отметить постепенное усиление представительства русского и (в меньшей степени) еврейского этносов, что, на наш взгляд, всецело связано с миграционными и демографическими процессами конца XIX века и вполне логичной задачей правительства «русифицировать» относительно недавно присоединенный к империи регион. Однако коренных народов среди учащихся было большинство. Это обстоятельство, по нашему мнению, связано как с предоставлением субсидий на обучение местным этносам из привилегированного сословия, так и стремлением правительства всячески распространить образованность среди аборигенного населения.

II. Низшие учебные заведения

1. Среди низших учебных заведений Кутаисской губернии к началу 1885 года насчитывалось четыре городские школы, одна горская школа, одни мореходные классы, а также два Мариинских училища.

К концу 1900 года губерния имела семь городских школ, одну горскую школу и два ремесленных (промышленных) училища. Таким образом, количество низших учебных заведений выросло почти в 1,7 раза. Каждый крупный населенный пункт имел в своем составе хотя бы одно низшее учебное заведение.

2. Количество учащихся в низших учебных заведениях увеличилось с 1104 в 1885 году до 2759 чел. к началу 1901 года, т.е. в 2,5 раза.

III. Начальные учебные заведения

1. К начальным образовательным учреждениям к концу 1885 года следует отнести 115 начальных казенных, общественных городских и сельских училищ. Сельские училища составляли большую часть. К концу 1900 года их число увеличилось до 223 штук, т.е. практически в два раза.

2. Количество учащихся начальных учебных заведений увеличилось с 6103 до 19545 чел., т.е. более чем в три раза – такой показатель, по нашему мнению, можно считать весьма достойным результатом работы Кутаисской учебной дирекции.

3. Говоря о гендерном критерии, отметим, что количество учащихся-мальчиков выросло с 1885 по 1901 годы с 5499 чел. до 16968 чел., т.е. в 3 раза, в то время как учащихся девочек – с 604 чел. до 2577 чел., т.е. в 4,3 раза, что говорит о растущем понимании местными народами важности женского образования, что также следовало бы записать в «плюс» Министерству народного просвещения Российской империи.

В целом общий количественный рост низших и начальных учебных заведений был практически двукратным (с 121 до 231 шт.), рост учащихся – более чем трехкратный (с 7207 до 22304 чел.).

Такая ситуация позволяет нам сделать вывод о том, что контрреформизм никак не затронул начальное и низшее образование, так как рост был поступательным на протяжении всего исследуемого хронологического периода и геометрической прогрессии по количеству заведений и учащихся (в отличие от среднего образования) не наблюдается. Увеличилось также количество городских школ, что позволяло жителям губернии получать начальное образование. Нельзя также не отметить и того факта, что количественный рост учащихся обеспечивался в основном собственными силами учебных заведений (укрупнение классов, «параллели» и пр.), так как в доле соотношения число учащихся увеличилось на 1/3 больше, чем количество учебных заведений.

Литература

Богоявленский, 1911 – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 6.

Богоявленский, 1912a – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 5.

Богоявленский, 1912b – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 6.

Брокгауз–Ефрон, 1896 – Кутаисская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XVII (33). СПб.: «Семеновская типолитография», 1896. С. 129-135.

[Всеобщая перепись населения, 1897](#) – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том LXVI. Кутаисская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.

[Гатагова, 1993](#) – *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.

[Зажаев, 1909](#) – *Зажаев П.* Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // На Кавказе. 1909. № 4.

[Зейдлиц, 1894](#) – Зейдлиц Н.К. Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края. Тифлис, 1894.

[Исторический обзор..., 1902](#) – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.

[Кобахидзе, 2015](#) – *Кобахидзе Е.И.* Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 10. Ч. 3.

[Народное образование..., 1980](#) – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.

[Отчет, 1885](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1885 г. Тифлис, 1886.

[Отчет, 1886](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1886 г. Тифлис, 1887.

[Отчет, 1889](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1889 г. Тифлис, 1890.

[Отчет, 1890](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1890 г. Тифлис, 1891.

[Отчет, 1891](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1891 г. Тифлис, 1892.

[Отчет, 1892](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1892 г. Тифлис, 1893.

[Отчет, 1893](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1893 г. Тифлис, 1894.

[Отчет, 1894](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1894 г. Тифлис, 1895.

[Отчет, 1895](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1896.

[Отчет, 1896](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1896 г. Тифлис, 1897.

[Отчет, 1898](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1898 г. Тифлис, 1899.

[Отчет, 1899](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1889 г. Тифлис, 1900.

[Отчет, 1900](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1900 г. Тифлис, 1901.

[Положение от 29.10.1853](#) – Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. № 80.

[ПСЗРИ, 1911](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XXVIII. 1908. СПб., 1911.

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2020. 65(3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2020. 65(4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education.* 2021. 10(1): 211-218.

[Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history.* 2011. № 2(10): 138-149.

- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(2): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Emergence of the Russian Public Education System in the Patriarchal Era (1593–1721) // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 246-251.
- [Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2: 363-372.

References

- [Bogoyavlenskii, 1911](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. № 6. [in Russian]
- [Bogoyavlenskii, 1912a](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. № 5. [in Russian]
- [Bogoyavlenskii, 1912b](#) – Bogoyavlenskii, A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued) (Black Sea province, incl.)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. № 6. [in Russian]
- [Brokgauz–Efron, 1896](#) – Kutaiskaya guberniya [Kutaisi province]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. Tom XVII (33). SPb.: «Semenovskaya tipolitografiya», 1896. Pp. 129-135. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.

[Gatagova, 1993](#) – Gatagova, L.S. (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M. [in Russian]

[Istoricheskii obzor..., 1902](#) – Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802–1902]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]

[Kobakhidze, 2015](#) – Kobakhidze, E.I. (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemuyu narodnogo prosveshcheniya [Legislation of the 1840–1870s in the field of education as a factor of integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 3. [in Russian]

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.

[Mamadaliyev et al., 2020](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliyev et al., 2020a](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

[Mamadaliyev et al., 2020b](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliyev et al., 2020c](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.

[Mamadaliyev et al., 2021](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(2): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.

[Narodnoe obrazovanie..., 1980](#) – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannyye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought in Russia on the eve and the beginning of imperialism (Little researched problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473–480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679–688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984–992.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V.* (2021). Emergence of the Russian Public Education System in the Patriarchal Era (1593–1721). *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 246–251.

[Otchet, 1885](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1885 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1885]. Tiflis, 1886. [in Russian]

[Otchet, 1886](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1886 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1886]. Tiflis, 1887. [in Russian]

[Otchet, 1889](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1889 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1889]. Tiflis, 1890. [in Russian]

[Otchet, 1890](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1890 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1890]. Tiflis, 1891. [in Russian]

[Otchet, 1891](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1891 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1891]. Tiflis, 1892. [in Russian]

[Otchet, 1892](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1892 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1892]. Tiflis, 1893. [in Russian]

[Otchet, 1893](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1893 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1893]. Tiflis, 1894. [in Russian]

[Otchet, 1894](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1894 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1894]. Tiflis, 1895. [in Russian]

[Otchet, 1895](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1896. [in Russian]

[Otchet, 1896](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1896 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1896]. Tiflis, 1897. [in Russian]

[Otchet, 1898](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1898 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1898]. Tiflis, 1899. [in Russian]

[Otchet, 1899](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1889 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1889]. Tiflis, 1900. [in Russian]

[Otchet, 1900](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1900 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1900]. Tiflis, 1901. [in Russian]

[Polozhenie ot 29.10.1853](#) – Polozhenie «O Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnykh zavedeniyakh» ot 29 oktyabrya 1853 goda [Regulations "On the Caucasian educational district and educational institutions" on October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1853. 80. [in Russian]

[PSZRI, 1911](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [A complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. Tom XXVIII. 1908. SPb., 1911. [in Russian]

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2): 363–372.

[Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897](#) – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Tom LXVI. Kutaiskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire in 1897. Volume LXVI. Kutaisi province]. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1905. [in Russian]

Zazhaev, 1909 – Zazhaev, P. (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [Urban schools in 1872 in Russia and the Caucasus]. *Na Kavkaze*. 4. [in Russian]

Zeidlits, 1894 – Zeidlits, N.K. (1894). Svod statisticheskikh dannykh o naselenii Zakavkaz'ya, s polnym alfavitnym ukazatelem gorodov i dereven' kraya [A set of statistical data on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of towns and villages in the region Tiflis]. Tiflis. [in Russian]

Система народного образования в Кутаисской губернии 1846–1917 гг. Часть 2

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Дмитрий Вячеславович Карпухин ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Лариса Александровна Королева ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. Серия статей посвящена изучению системы образования в Кутаисской губернии Российской империи в период с 1846 по 1917 годы. В данной статье рассматривается период с 1885 по 1900 г.

В качестве основного источника нами были привлечены годовые «Отчеты попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений» Министерства народного просвещения за 1885–1900 годы. Методологической основой исследования выступили как специальные исторические методы (историко-сравнительный, историко-системный, историко-статистический (количественный/математический), так и общенаучные (синтез, анализ, обобщение, классификация и категоризация).

Помимо динамики количественных показателей по учащимся, в работе анализируется статистика по таким критериям, как соотношение учащихся мужских и женских гимназий и прогимназий по национальному составу, конфессиональному, сословному и гендерному признакам (последний критерий – только для претендентов на среднее образование); для объективности исследования динамики «срезы» взяты в трех точках обозначенного нами хронологического периода: 1885 г. (нижняя), 1893 г. (средняя) и 1900 г. (верхняя). Анализируется также динамика количества средних (гимназий, прогимназий, реальных училищ, учительских семинарий и пр.), низших (городские и ремесленные/промышленные училища и ремесленные школы, горские школы, мореходные классы) и начальных (казенные/общественные городские/сельские училища) учебных заведений.

По результатам исследования авторы делают выводы о динамике развития образования в обозначенные годы; в частности, количество учащихся средних и низших учебных заведений увеличилось почти в 2,5 раза, начальных – в 3 раза, причем наибольший процент роста приходится на учащихся женского пола. Общее количество учебных заведений увеличилось практически в 2 раза.

Ключевые слова: Кутаисская губерния, Российская империя, система народного просвещения, Кавказский учебный округ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 717-725.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.717
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From Siberia to Novgorod Governorate: Revisiting Migration of Polish Exiles in the second half of the 1850s – early 1870s

Vladimir N. Shaidurov ^{a, b, *}

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

Partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the last third of the 18th – early 19th Century resulted in elimination of Polish statehood. Its territories were ceded to the Austrian Empire, Prussia, and the Russian Empire. But Russia was the only one where the "Polish question" turned out to be among the most painful problems from the end of the XVIII century, which resulted in an open or latent confrontation between the nationalist-minded part of Polish society and the tsarist administration. Because of suppression of uprisings led by T. Kostyusko in 1830-1831, the January uprising of 1863-1864, backdoor groups of the 1840s and political parties of the second half of the 19th century, a numerous group of "state criminals" was formed, that was sentenced by court or extra-judicially to serve exile or penal servitude in Siberia. However, they could take advantage of the "royal favors" over time, and ask for easing of punishment or opportunity to leave Siberia, by moving to one of the governorates of the European part of the country, excluding both capitals, the metropolitan and Polish governorates. The Amnesty of the year of 1857 marked the beginning of formation of a group of "returnees", and their number was increasing constantly since the end of the 1860s. Novgorod governorate became one of the centers not only for serving exile, but the center that the Pole resettled from Siberia to. The purpose of this article is to consider issues related to migration of the Pole from Siberian governorates to Novgorod Region in the late 1850s-early 1870s. The problems of transfer, settling, and adapting of the "returnees" to new conditions, as well as their relations with local authorities, were reviewed using specific examples. The article is a case study of the State archive of the Novgorod region.

Keywords: political exile, poles, Siberia, Novgorod province, social transformations, adaptation.

1. Введение

Польский вопрос был одним из наиболее болезненных среди национальных вопросов, существовавших в Российской империи с рубежа XVIII–XIX вв. и до 1917 г. Четыре раздела Польши уничтожили на длительное время государственность. Но в то же время они привели к резкому росту национального самосознания. Всплески национально-освободительного движения вылились в два крупных восстания. Вступившему на престол в 1855 г. императору Александру II пришлось проводить крайне противоречивую политику в отношении поляков: начав с либерализации, выразившейся в амнистии участников Русско-польской войны 1830 г., сосланных в Сибирь, он вынужден был реализовывать репрессивные меры в отношении сопричастных к Январскому восстанию 1863 г. Как следствие – появление тысяч осужденных, многие из которых были сосланы на каторгу или поселение в Сибирь.

В результате ряда амнистий возникло обратное движение поляков из Сибири во внутренние губернии, среди которых Новгородская губерния пользовалась большой популярностью.

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

2. Материалы и методы

В данной работе мы рассматриваем вопросы, связанные с переселением участников польского национально-освободительного движения разных исторических периодов из Сибири в Новгородскую губернию. В основе статьи – архивные документы из фонда Новгородского губернатора (Ф. 138) Государственного архива Новгородской области: межведомственная переписка, прошения польских «возвращенцев», статейные списки ссыльных, финансовые документы. Эти материалы позволяют представить еще одну страницу истории польской общины Новгородской губернии в условиях социальных трансформаций.

3. Обсуждение

В российской и польской историографии достаточно хорошо изучен вопрос польской ссылки в Сибирь в 1830-е – 1860-е гг., о чем свидетельствует большое количество научных работ.

Публикации на польском языке начинают активно издаваться в последней четверти XIX – первой трети XX вв. (Giller, 1867; N.p., 1875; Librowicz, 1884; Janik, 1928). В это время научное изучение сибирской колонии базировалось на записках поляков, которые в свое время находились в Сибири в ссылке или на каторге. Под их сильным влиянием в польской историографии на протяжении 60-х гг. XIX – первой половины XX вв. доминировал мартирологический подход в изучении польской диаспоры в России. Столь длительное и устойчивое господство персонифицирования истории и ее частичная мифологизация может быть объяснена патетикой восприятия польским обществом жертв национально-освободительного и революционного движения XIX – начала XX вв. Только в последней четверти XX в. в польской исторической литературе стал преобладать цивилизаторский подход. Смена исследовательских акцентов не отменила изучение истории польской ссылки и привела к появлению новых исследований (Kuczyński, 1993; Masiarz, 1999).

В советской историографии интерес к польской ссылке был продиктован идеологическими мотивами. В 100-летнюю годовщину Январского восстания вышел ряд работ, посвященных изучению положения каторжан и ссыльных в Сибири. Можно отметить, например, исследование Н.П. Митиной «Во глубине Сибирских руд» (Митина, 1966). В 1970-х – 2010-х гг. сохраняется интерес к изучению различных аспектов истории польской ссылки (Никулина, 2004; Никулина, 2005; Никулина, 2007; Никулина, 2011; Недзелюк, 2009; Шайдуров, 2014).

Обращаясь к теме ссылки, исследователи недостаточно изучили проблему обратного движения из Сибири и адаптации поляков, получивших «царские милости», вне первоначального места ссылки. Эти вопросы рассматриваются крайне поверхностно историками, занимающимися изучением польской ссылки в губерниях Европейской России. Так, в статье М.А. Алексеевой «Польская политическая ссылка в Новгородской губернии после 1863–1864 годов» мы встречаем отрывочные упоминания о прибывших из Сибири поляках в конце 1860-х – 1870-х гг. (Алексеева, 2013: 74-83).

Среди публикаций последних лет следует отметить статью Б.Н. Ковалева «Феофил Попель и другие: польская политическая ссылка в Новгородскую губернию после восстания 1863–1864 гг.» (Ковалев, 2019: 164-175). Следует отметить ряд ошибок, которые были допущены автором. Так, отмечается, что «с конца 1870-х гг. здесь (в Новгородской губернии – Авт.) появляются ссыльные, отбывшие длительные ... сроки наказания в Сибири» (Ковалев, 2019: 169). Однако, как свидетельствуют архивные документы того же Государственного архива Новгородской области, к которым апеллирует профессор Ковалев, уже с 1870 г., т.е. почти на 10 лет раньше, на Новгородчину прибывают из сибирских губерний бывшие ссыльные. Не выдерживает критики еще один тезис, отмеченный в статье, что «многие из них были людьми преклонного возраста» (Ковалев, 2019: 169). Известные нам данные как по контингенту ссыльных в Сибири, так и по водворившимся после нескольких волн амнистий в Новгородской губернии, говорят о том, что это были зачастую мужчины в возрасте до 50 лет. Мы вполне согласны с утверждением профессора Ковалева, что казенное пособие для многих ссыльных и «возвращенцев» в Новгородской губернии было важным источником существования. Но мы не можем согласиться с тем, что польские ссыльные были лишены возможности получать деньги из других источников. Так, оказавшиеся в Сибири нередко получали денежные переводы от родственников и друзей. Ошибочным является и утверждение о том, что «заниматься работой по профессии ... было запрещено» (Ковалев, 2019: 171). Тотальный запрет существовал крайне непродолжительное время: до 1868 г., когда ссыльным с некоторыми оговорками, но было разрешено поступать на государственную службу, а кроме того, на общих основаниях заниматься «частными занятиями».

Таким образом, в историографии мы наблюдаем высокий интерес к изучению польской ссылки как в отечественной, так и зарубежной историографии. Однако крайне слабо изучен процесс переселения амнистированных политических преступников из Сибири в так называемые «внутренние губернии» Российской империи после 1857 г. и 1867 г., когда были сделаны шаги по смягчению условий отбывания наказания.

4. Результаты

Бурное на социально-политические потрясения царствование императора Николая I привело к появлению многочисленной группы политических ссыльных, оказавшихся в Сибири. Среди них были «причастные» к событиям 14 декабря 1825 г., участники Польского восстания 1830–1831 гг., представители различных политических кружков. Анализ национального состава ссыльных позволяет нам говорить о том, что поляки были одной из наиболее многочисленных групп ссыльных.

Вступивший на престол Александр II начал свое правление с некоторых либеральных мероприятий, среди которых выделяется амнистия политическим ссыльным. Многие из них были восстановлены в гражданских правах, получили разрешение переехать в одну из так называемых «внутренних» губерний Европейской России. Проживание в белорусско-польских губерниях и обеих столицах амнистированным было законодательно запрещено.

Одним из мест, где обосновались бывшие участники польского национально-освободительного движения, стала Новгородская губерния. Ее выбор был не случаен. С одной стороны, она была близка к столице, с другой – Новгородчина, как и соседняя Псковская губерния, была пограничной с «запретной зоной». Это позволяло поддерживать контакты с друзьями и родными, а некоторым из них и принимать прямое или опосредованное участие в общественно-политической жизни.

Уже в 1858 г. в канцелярию Новгородского губернатора стали поступать отношения из разных губерний, в которых извещалось о намерении того или иного амнистированного поселиться в пределах вверенной ему губернии. Подобные отношения направлялись и в случае возникновения потенциальной возможности появления бывшего государственного преступника в Новгородской губернии.

Одним из примеров может служить Александр Луцкий. За участие в декабрьском выступлении 1825 г. происходивший из обер-офицерских детей унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка был лишен всех прав состояния и сослан на поселение в Сибирь (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1711. Л. 4). По особому Высочайшему повелению, сообщенному генерал-адъютантом князем Долгоруковым 1 декабря 1857 г., среди прочих ему и его детям были дарованы прежние права «по его происхождению». На момент амнистии Луцкий проживал в Забайкальской области. На основании монаршей милости он получил право поселиться, «где пожелает, кроме столиц».

Со стороны начальника Забайкальской области теперь уже бывший ссыльнопоселенец Луцкий получил материальную поддержку – ему были выписаны прогонные и подорожная до Новгорода. Это в значительной степени облегчало процесс переселения в Европейскую Россию. Однако восстановление касалось лишь гражданских прав, но не прав на прежнее имущество, которое отошло в казну. В направленном Новгородскому гражданскому губернатору отношении из Департамента полиции исполнительной от 25 ноября 1858 г. среди прочего отмечалось, что средства к проживанию вне Сибири Луцкий должен был изыскивать самостоятельно (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1711. Л. 4-4об.).

Устроиться на новом месте бывшему военному возрастной категории старше 45 лет было непросто. Однако образовательный уровень давал возможность получить общественную или казенную должность, что позволило бы несколько улучшить материальное положение.

Надо сказать, что некоторые из амнистированных попытались водвориться в местах прежнего проживания или у родственников в тех губерниях, где это было запрещено законом. В соответствии с действовавшим законодательством, подданный должен был иметь паспорт, выданный губернскими властями и дающий право проживать в одной или нескольких губерниях. Паспорт давал возможность бывшему ссыльному на проезд в указанные в нем места.

В сентябре 1858 г. Подольский гражданский губернатор известил своего Новгородского коллегу о выдаче паспорта «возвращенному из Сибири на родину Каликсту Ястржемскому» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710. Л. 1). В отношении было указано, что амнистированный намерен получить должность, связанную с землемерными работами. В нем же было высказано пожелание: «учредить за ним ... секретный надзор» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710. Л. 2).

Уже в октябре 1858 г. со стороны Новгородского губернатора последовало распоряжение в адрес полицмейстеров, городничих и земских исправников о взятии под надзор Ястржемского в том городе, где он будет поселен. В результате он был водворен в Тихвине, а 13 ноября 1858 г. Тихвинский городничий известил в своем рапорте вышестоящее начальство, что сделал соответствующее распоряжение о наблюдении за поведением подопечного (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710. Л. 4).

Однако не все участники польского национально-освободительного движения были амнистированы. С 1858 г. губернаторам по линии Департамента полиции время от времени направлялись «списки Польских выходцев, коим отказано в просьбах о помиловании». Подобные списки позволяют выявить круг лиц, осужденных за государственные преступления, но оказавшихся по разным причинам за границей.

«Списки» сопровождалась циркулярным письмом на имя начальника губернии (гражданского губернатора), в котором требовалось установить «наблюдение за появлением поименованных лиц в пределах Империи» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1714. Л. 3).

Один из таких «списков» был направлен из Санкт-Петербурга 18 августа 1858 г. В дальнейшем аналогичные списки веерно рассылались начальникам губерний Европейской России, в которых могли оказаться указанные персоны (см. [Таблицу 1](#)).

Таблица 1. Список польских выходцев и беглецов, получивших отказ в просьбах о помиловании

Имена и фамилии	Каких губерний уроженцы	Когда удалились за границу
Людвиг Сосновский	Варшавской	До мятежа 1831 года
Эдуард Сулимовский	Августовской	По мятежу 1831 года
Павел Скальский	Варшавской	По мятежу 1831 года
Амвросий-Фома Ржевуский	Радомской	По мятежу 1831 года
Иван Миллер	Августовской	В 1848 году
Панкратий Водзинский, сын отставного надстражника в Царстве Польском	Августовской	В 1848 году
Казимир Хмелевский, бывший судебный аппликант в Царстве Польском	Княжества Познаньского	В 1846 году
Франц Дроздовский	Плоцкой	В 1846 году
Феликс-Тит Скоморовский	Люблинской	В 1849 году
Антон Дуниковский	Плоцкой	В 1844 году
Феликс Дуниковский	Плоцкой	В 1848 году
Михаил Остое-Ходынский	Радомской	В 1848 году
Осип Перчинский	Варшавской	В 1852 году
Эдуард Вейхерт	Варшавской	В 1844 году
Нарцисс Фигиетти	Радомской	В 1848 году
Иван Кржеминский	Варшавской	Служил в Финляндском линейном 10 батальоне унтер-офицером, попал в плен во время Крымской войны, поступил на службу в турецкую армию
Люциан Коссовский	Варшавской	Служил в Вологодском пехотном полку подпрапорщиком, попал в плен во время Крымской войны, поступил на службу в турецкую армию

Источник: ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1714. Л. 4; Д. 1713. Л. 8; Д. 1712. Л. 4.

Как видно из приведенного списка, прошения об амнистии подавали разные лица: и те, кто искренне боролся за восстановление польской государственности в пределах Российской империи, но вынужден был бежать от репрессий за границу, и коллаборационисты, нарушившие присягу, данную российскому императору, перейдя на службу к противнику во время войны.

Близость Новгородской губернии к столице требовала строгого контроля за населением. Губернатором были даны указания градским и земским полициям учредить наблюдение за поименованными лицами в пределах губернии и незамедлительно сообщить о них вышестоящим начальникам.

В конце 1860-х гг. Новгородская губерния приняла новую партию польских ссыльных из Сибири. Это были участники Январского восстания, получившие амнистию и право выехать во внутренние губернии Империи.

Одним из первых законодательных актов, направленных на смягчение либо снятие наказания, стало Высочайшее повеление императора Александра II от 27 января 1867 г. Те ссыльные, которые попадали под его действие, заявили о своем желании оставить Сибирь. Среди них были, например, Станислав Станковский (примерно 1826 г. рождения, из дворян Ошмянского уезда Виленской губернии, за «возбуждение разных лиц к мятежу» распоряжением начальника Западного края был сослан в Енисейскую губернию под надзор полиции, с 1865 по 1869 гг. проживал в г. Минусинске) ([ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 3 об.-4](#)), Петр Янковский (примерно 1813 г. рождения, бывший помощник казначея Гродненского губернского правления, коллежский секретарь, за принятие участия в мятеже по конфирмации начальника Западного края сослан на жительство в Енисейскую губернию, по прибытии два месяца провел в тюрьме, с 1865 по 1869 г. проживал в Тесинской волости Минусинского округа) ([ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 3 об.-4](#)), Болеслав Дырмонт (примерно 1839 г. рождения, из дворян, коллежский регистратор, за сношение с мятежниками и снабжение их вещами

по конфирмации Ковенского военного губернатора сослан на жительство в Енисейскую губернию под надзор полиции, с 1864 по 1869 г. проживал в г. Енисейске) (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 3 об.-4), Михаил Рыцк (примерно 1841 г. рождения, из дворян Плоцкого уезда, за участие в мятеже по конфирмации начальника Западного края сослан на жительство под надзор полиции в Енисейскую губернию, с его имения взыскан 10-процентный сбор) (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 40б.).

Как мы видим, это были лица, принимавшие различное участие в восстании. Находясь на поселении, они должны были изыскивать средства к существованию. По данным, представленным Енисейским губернским управлением, только Янковский по причине неспособности к работам с разрешения председательствующего в совете Главного управления Восточной Сибири получал с ноября 1867 г. денежное пособие от казны в размере 24 руб./год (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 1 об.-2). Остальные, вероятно, получали денежные переводы от родственников и знакомых, что было типичным явлением для того времени.

Путь в Новгородскую губернию у амнистированных был разный. Так, Болеслав Дырмонт ехал через Пермь, о чем свидетельствуют сопутствующие документы. Новгородскому гражданскому губернатору было отправлено свидетельство, в котором отмечалось, что, согласно циркуляру министра внутренних дел от 2 ноября 1867 г., ему было разрешено выехать из Перми в Новгород за собственный счет. При этом ему было предписано следовать «прямым путем, нигде не останавливаемым» (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 33). Свидетельство было подписано губернатором, вице-губернатором и управляющим экспедицией о ссыльных Пермской губернии.

На проезд к новому месту жительства некоторые из бывших ссыльных получали подорожную и кормовые деньги. Об этом, например, в своем прошении новгородскому губернатору указывает Станислав Станковский. Этот факт подтолкнул его к требованию кормовых и в Новгороде до отбытия в Белозерск, назначенный ему к проживанию (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 31).

Однако зачастую переезд и расходы, связанные с проживанием на всем пути из Сибири к новому месту водворения, были отнесены на счет возвращенцев. В некоторых случаях законодательно было предписано брать с них расписку, что «по прибытии в означенный край (в данном случае Новгородскую губернию – Авт.) не будет обращаться к местным властям с просьбами о денежном вспомоществовании» (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 17). Такая расписка, в частности, была истребована от Петра Янковского.

Местные власти крайне неохотно шли на поселение бывших политических преступников в губернских центрах. В Новгородской губернии для их водворения были определены Белозерск и Кириллов, расположенные на севере (ныне Вологодская область – Авт.). Некоторые, например, Болеслав Дырмонт, просили разрешения поселиться в Новгороде. В качестве аргументов отмечался факт плохого здоровья, ослабленного во время пребывания в Сибири, то, что Кириллов и Белозерск «по своему местоположению во всяком отношении не будут отличаться от Восточной Сибири» (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 39об.). В качестве последнего аргумента указывалось «совершенно безукоризненное поведение около 6 лет» в месте отбывания ссылки (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 40). Однако подобные аргументы не могли изменить ситуацию.

Даже временная задержка в губернском центре рассматривалась властями как нежелательная. Примером может служить история Михаила Рыцка, который прибыл в начале 1870 г. в Новгород. Денег на проезд к месту водворения у него не было. Их должен был привести отец, о чем Рыцк извещал в своем обращении к губернатору. К тому же был получен отказ из Департамента полиции исполнительной на просьбу Рыцка оставить его в Новгороде.

Именно «кормовые деньги из сумм, назначенных для состоящих под надзором полиции», являлись для многих бывших ссыльных основным источником существования в первые месяцы проживания на новом месте. Их требовал, как было указано выше, Станислав Станковский. Эти же деньги, оказавшись в непростой ситуации, затребовал и Михаил Рыцк в докладной записке на имя новгородского губернатора от 17 апреля 1870 г. Правда, для получения кормовых следовало предоставить документы об отсутствии имения. Подобное свидетельство, скрепленное печатью, было предоставлено Ковенским уездным предводителем дворянства от 10 марта 1870 г. относительно Болеслава Дырмонта (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 56), а 15 июня 1870 г. было направлено соответствующее письмо начальником Плоцкой губернии в отношении Михаила Рыцка (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 80). В некоторых случаях проводились присяжные розыски об имении и родственниках политического преступника. Например, подобное отношение 10 ноября 1870 г. было направлено канцелярией Виленского губернатора на адрес начальника Новгородской губернии в отношении Станислава Станковского (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 113). К нему же прилагались клятвенные обещания присяжных и запрашиваемая информация (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 114).

С июля 1870 г. Департамент общих дел МВД начал процедуру об открытии в Новгородской казенной палате кредита для пособия на содержание политических ссыльных. Первый в размере 68 руб. 95 коп. был открыт на имя Дырмонта (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 93), в августе того же года в размере 47 руб. 20 коп. – на имя Михаила Рыцка (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 94).

Как мы видим, в короткий срок решался вопрос о выделении казенных средств на содержание бывших ссыльных на новом месте жительства. Несомненно, сказывалась близость к столице.

В Сибири подобного рода вопросы решались в течение многих месяцев, что было причиной бедственного материального положения польских ссыльных.

Однако не все прибывшие из Сибири поляки смогли в столь короткое время устроиться на новом месте жительства. Если Дырмонт и Рыцк получали от казны положенные им деньги, то их не мог добиться Станковский. В прошении на имя новгородского губернатора он отмечал, что в бытность нахождения в Енисейской губернии на основании ст. 558 т. XV Уложения о наказаниях в ред. 1857 г. он получал кормовые и квартирные, однако при водворении в Белозерске этих средств он был лишен, несмотря на многочисленные прошения. Лишь в январе 1871 г. в отношении Станковского было принято решение о выплате ему положенных денег (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 128). Правда, в соответствии с действовавшими законами он не получил ни копейки за период с момента прибытия в Новгород до назначения ему пособия. Как следствие – находился он «в самом бедственном, страдальческом положении без куска хлеба, одежды, да и квартиры» (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 124).

В 1868 г. последовало очередное Высочайшее повеление, которым было разрешено некоторым участникам Январского восстания переселиться из Сибири во внутренние губернии. Одним из них оказался Ян Кринский, находившийся под полицейским надзором в г. Кургане Тобольской губернии. О намерении последнего переехать в Новгородскую губернию в феврале 1870 г. тобольский губернатор известил своего новгородского коллегу. Приложенный к отношению статейный список Кринского позволяет получить некоторую информацию о нем: из дворян Гродненской губернии, принимал активное участие в боевых действиях, находясь в «банде», был взят в плен во время боя с русскими войсками, по конфирмации командира 3-го резервного корпуса был лишен личных и по состоянию прав, был сослан в менее отдаленные местности Сибири, проживал с 1864 по 1870 г. под надзором полиции в Тобольской губернии (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 2 об.-3).

В отличие от упомянутых выше бывших ссыльных, Кринский отправился в Новгородскую губернию через Москву, что было явным нарушением действовавших законов. Однако его прибытие в Москву было не вызовом системе, а продиктовано вполне меркантильным интересом. Он обратился к московскому обер-полицмейстеру с просьбой разрешить ему «пробыть некоторое время в Москве, чтобы заработать сколько-нибудь денег на дальнейшее следование» (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 4). Однако задержаться в первопрестольной ему не удалось, и решением московского губернатора он этапным порядком был отправлен в Новгородскую губернию.

Кринский, несмотря на свое активное участие в Январском восстании, оказался в более привилегированном положении, чем его предшественники. Если для последних административным порядком было разрешено проживание лишь в двух отдаленных городах, то ему было дозволено «беспрепятственное проживание в Новгородской губернии, с обязательством никуда из оной не отлучаться без особого ... разрешения» (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 9). Ему на основании свидетельства от новгородского губернатора была предоставлена возможность зарабатывать частным образом. Поступление на государственную службу было не запрещено, но требовало «особого разрешения». Это дало ему возможность устроиться в частную типографию Классена (Классона), о чем извещал губернатора в своем рапорте новгородский уездный исправник в октябре 1872 г. (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 15). В середине 1880-х гг. он уже проживал в Херсонской губернии.

Надо сказать, что для некоторых поселенцев в Новгородской губернии режим был вполне либеральный. Так, переселившийся из Енисейской губернии Иосиф Рыкачевский, освобожденный от полицейского надзора на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. в августе 1872 г., получал возможность посетить отца в г. Луцке. Так, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор просил выдать разрешение Рыкачевскому на три месяца «для свидания с родными и устройства домашних дел» (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2614. Л. 26) в августе 1872 г. В 1873 г. он совершил еще одну поездку, а местный генерал-губернатор «разрешил дворянину Иосифу Рыкачевскому пробыть у родителей его сверх одного месяца еще три» (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2614. Л. 34).

Именно поездки к родственникам были единственной возможностью для поляков ненадолго оказаться в родных пенатах. Еще одним примером либерального отношения к ссыльным, оказавшимся на проживании в Новгородской губернии, являлся дворянин Могилевской губернии Зенон Оржешкевич.

Как участник Январского восстания он был сослан под надзор полиции в Тобольск, где и находился с 1864 по август 1870 г. За неимением средств он был отправлен в Новгородскую губернию этапом за казенный счет, о чем свидетельствует отношение тобольского губернатора и выданный на его имя билет (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2612. Л. 4-5).

Уже весной 1871 г. он обратился к новгородскому губернатору с просьбой разрешить посещение престарелого и больного отца. В переписку по этому поводу оказались вовлечены дополнительно Министерство внутренних дел, Департамент полиции исполнительной и могилевский губернатор. В августе того же года Оржешкевичу было выдано свидетельство с разрешением «на беспрепятственный проезд на собственный счет в Оршанский уезд Могилевской губернии и пребывание в уезде в продолжение одного месяца» (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2612. Л. 24).

Положение польских ссыльных во многом зависело от отношения к ним губернского начальства. Новгородский губернатор Эдуард Васильевич Лерхе относился к ним с известной долей сочувствия. Это прослеживается и в судьбе упомянутого Оржешкевича. Уже через три недели после прибытия в Новгород (9 ноября 1870 г.) он был принят, как он сам впоследствии отмечал в докладной записке, «по предложению Вашего Превосходительства вольнонаемным писцом в Губернское по крестьянским делам Присутствие» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2612. Л. 25).

Вновь возникающие послабления для вернувшихся из Сибири польских ссыльных были во многом связаны с появлением новых законов. Одним из ключевых стал указ Правительствующего сената от 25 мая 1868 г. (№ 41369), который отдельным группам ссыльных даровал прощение с разрешением проживать в назначенной губернии с ограничением прав к поступлению на государственную службу. Правда, с разрешения министра внутренних дел некоторые из них получали право свободного жительства в губернии и избрания места жительства по собственному усмотрению, отлучаться из губернии с особого разрешения министра внутренних дел и согласования с шефом жандармов. Материальное благосостояние могло быть улучшено посредством «частных занятий» на общих основаниях.

В 1870–1871 гг. последовало очередное законодательное послабление для ссыльных поляков – их начали освобождать от надзора полиции, но запрет на проживание в столичных и западных городах сохранялся (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2613. Л. 53). Некоторые из них воспользовались этой возможностью, чтобы покинуть Новгородскую губернию. В качестве примера можно указать Онуфрия Заблоцкого (25 лет, из дворян Витебской губернии, бывший студент Горигорецкого земледельческого института, за участие в горигорецкой «шайке» по конфирмации начальника Западного края выслан под надзор полиции в Тобольскую губернию, откуда переселился в Новгородскую губернию в марте 1870 г. (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 12). В середине мая 1870 г. после неудавшейся попытки переселиться в Привислинский край он прибыл в назначенный ему для проживания г. Кириллов (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 23). Но уже 28 сентября того же года Департамент полиции исполнительной известил Новгородского губернатора об освобождении Заблоцкого от надзора полиции и предоставлении ему права повсеместного проживания в Российской империи, исключая столицы, столичные и западные губернии (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 29). Уже 13 октября соответствующее свидетельство было выдано ему на руки, о чем свидетельствует расписка (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35), а 14 октября, как доносил в своем рапорте кирилловский уездный исправник, он покинул город (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34).

Новые законодательные акты порождали новые волны переселенцев из Сибири в Новгородскую губернию. Так, на основании Высочайшего повеления от 9 января 1874 г. из Иркутской губернии под надзор полиции был переселен Франц Далевский. Как и многие другие участники Январского восстания, он получил право на переселение достаточно поздно. Это было связано с тем наказанием, которому он был подвергнут за участие в «мятежных шайках», – каторжными работами на рудниках на 20 лет (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 2). Выехав в июне из Иркутска, он прибыл в Новгород в сентябре. Уже в декабре 1874 г. ему была предоставлена возможность на шесть месяцев посетить в Варшаве престарелую мать Доминику (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 17). Имея положительные отзывы от новгородского полицмейстера, который в рапортах на имя губернатора отмечал, что Франц Далевский «во время пребывания в Новгороде ведет себя хорошо и вредных направлений в политическом отношении за ним не числилось» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 19), он неоднократно подавал прошения об освобождении его от полицейского надзора, что было бы первым шагом к возвращению на родину. Однако лишь в марте 1882 г. он получил «вольную» – освобождение от надзора и право свободного проживания в Империи. Уже 7 апреля, как доносил начальник Новгородского губернского жандармского управления губернатору, он выбыл на постоянное место жительства в Варшаву (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 40).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине 1850-х и на рубеже 1860–1870-х гг. Новгородская губерния приняла часть участников польского национально-освободительного движения, сосланных в свое время в Сибирь и впоследствии получивших право выехать во внутренние губернии Российской империи. Первая волна «возвращенцев» вышла из Восточной Сибири, которая вплоть до 1850-х гг. являлась основным местом уголовной, политической и административной ссылки. Вторая волна пришла преимущественно из западносибирских губерний. Наиболее тяжелым было положение «возвращенцев» до 1869 г., ибо губернские власти всячески стремились изолировать бывших политических преступников, направляя их на жительство в города, слабо связанные коммуникациями с остальным миром. К тому же они вынуждены были изыскивать средства к существованию. Материальное положение многих из них было бедственным по причине отсутствия возможности найти хоть какой-то заработок.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19–20 вв.».

Литература

Алексеева, 2013 – Алексеева М.А. Польская политическая ссылка после восстания 1863–1864 годов // *К 150-летию Январского восстания в Польше: Польские ссыльные в Новгородской губернии*. Великий Новгород, 2013. С. 74–83.

ГАНО – Государственный архив Новгородской области. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710.

Ковалев, 2019 – Ковалев Б.Н. Феофил Попель и другие: польская политическая ссылка в Новгородскую губернию после восстания 1863–1864 гг. / *Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства. Материалы Международной научной конференции* / Под ред. С.В. Леонова, Г.В. Талиной. Москва. С. 164–175.

Митина, 1966 – Митина Н.П. Во глубине Сибирских руд. Москва, 1966.

Недзелюк, 2009 – Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. Новосибирск, 2009.

Никулина, 2004 – Никулина И.Н. Из истории польской ссылки второй половины XIX века в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета*. Т. 307. № 4. С. 169–174.

Никулина, 2005 – Никулина И.Н. Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // *Диаспоры*. № 4. С. 83–99.

Никулина, 2007 – Никулина И.Н. Представители католического духовенства в западносибирской ссылке (60–70-е гг. XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «Политология. Религиоведение». № 1. С. 155–160.

Никулина, 2011 – Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг. XIX в.). Иркутск.

Giller, 1867 – Giller A. Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji. Lipsk, 1867.

Janik, 1928 – Janik M. Dzieje polakow na Syberji. Krakow, 1928.

Kuczyński, 1993 – Kuczyński A. Syberia. Cztery lata polskiej diaspory. Wrocław, Warszawa, Krakow, 1993.

Librowicz, 1884 – Librowicz, Z. Polacy w Syberji. Krakow. G. Gebethner i Spolka.

Masiarz, 1999 – Masiarz V. Dzieje kościoła I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838–1922. Krakow, 1999.

N.p., 1875 – N.p. Wspomnienie o duchowinstwie polskiem znaj dujacemsiem w ygnaniu w Syberji. Poznan, 1875.

Shaidurov, 2014 – Shaidurov V.N. Siberian Polonius as a result of national policy of the first half of the 19th Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol. 32. Is. 2. Pp. 245–251.

References

Alekseeva, 2013 – Alekseeva M.A. (2013). Pol'skaya politicheskaya sсыlka posle vosstaniya 1863 – 1864 godov [Polish political exile after the uprising of 1863–1864]. *K 150-letiyu Yanvar'skogo vosstaniya v Pol'she: Pol'skie sсыl'nye v Novgorodskoi gubernii*. Velikii Novgorod. Pp. 74–83. [in Russian]

ГАНО – Gosudarstvennyi arkhiv Novgorodskoi oblasti [State archive of the Novgorod region]. F. 138. Op. 1. D. 1710.

Giller, 1867 – Giller, A. (1867). Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji [Describing the Zabaikalskaya Land in Siberia]. Lipsk. [in Poland]

Janik, 1928 – Janik, M. (1928). Dzieje polakow na Syberji [The history of Poles in Siberia]. Krakow. [in Poland]

Kovalev, 2019 – Kovalev, B.N. (2019). Feofil Popel' i drugie: pol'skaya politicheskaya sсыlka v Novgorodskuyu guberniyu posle vosstaniya 1863 – 1864 gg. [Feofil Popel and others: Polish political exile to Novgorod province after the uprising of 1863–1864]. *Rossiya i Pol'sha: opyt tysyacheletnego sosedstva*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pod red. S.V. Leonova, G.V. Talinoi. Moskva. Pp. 164–175. [in Russian]

Kuczyński 1993 – Kuczyński, A. (1993). Syberia. Cztery lata polskiej diaspory [Siberia. Four hundred years of the Polish diaspora]. Wrocław, Warszawa, Krakow. [in Poland]

Librowicz, 1884 – Librowicz, Z. (1884). Polacy w Syberji. Krakow. G. Gebethner i Spolka.

Masjarz, 1999 – Masjarz, V. (1999). Dzieje kościoła I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838–1922 [History of the Church of the First Polish Diaspora in Tobolsk, Siberia. 1838–1922]. Krakow. [in Poland]

Mitina, 1966 – Mitina, N.P. (1966). Vo glubine Sibirskikh rud [In the depths of Siberian mines]. Moskva. [in Russian]

N.p., 1875 – N.p. (1875). Wspomnienie o duchowinstwie polskiem znaj dujacemsiem w ygnaniu w Syberji [The memory of the Polish clergy found in exile in Siberia]. Poznan. [in Poland]

Nedzelyuk, 2009 – Nedzelyuk, T.G. (2009). Rimsko-katolicheskaya tserkov' v polietnichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri 1881–1918 gg. [Roman Catholic Church in the polyethnic space of Western Siberia 1881–1918]. Novosibirsk. [in Russian]

Nikulina, 2004 – Nikulina, I.N. (2004). Iz istorii pol'skoi ssylki vtoroi poloviny XIX veka v Zapadnoi Sibiri [From the history of Polish exile in the second half of the XIX century in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 307(4): 169-174. [in Russian]

Nikulina, 2005 – Nikulina, I.N. (2005). Iz istorii prebyvaniya polyakov na Altae (60-e gg. XIX v.) [From the history of the poles' stay in the Altai (60s of the XIX century)]. *Diaspory*. 4: 83-99. [in Russian]

Nikulina, 2007 – Nikulina, I.N. (2007). Predstaviteli katolicheskogo dukhovenstva v zapadnosibirskoi ssylke (60-70-e gg. XIX v.) [Representatives of the Catholic clergy in the West Siberian exile (60-70-ies of the XIX century.)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*. 1: 155-160. [in Russian]

Nikulina, 2011 – Nikulina, I.N. (2011). Religiya i politicheskie ssyl'nye Zapadnoi Sibiri v XIX v. (20-e – pervaya polovina 70-kh gg. XIX v.) [Religion and political exiles of Western Siberia in the XIX century (20s–first half of the 70s of the XIX century)]. Irkutsk. [in Russian]

Shaidurov, 2014 – Shaidurov, V.N. (2014). Siberian Polonius as a result of national policy of the first half of the 19th Century. *Bylye Gody*. 32(2): 245-251.

Из Сибири в Новгородскую губернию: к вопросу о переселении польских ссыльных во второй половине 1850-х – начале 1870-х гг.

Владимир Николаевич Шайдуров ^{a, *}

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Разделы Речи Посполитой в последней трети XVIII – начале XIX вв. привели к ликвидации польской государственности. Ее территории отошли Австрийской империи, Пруссии и Российской империи. Но только в России «польский вопрос» с конца XVIII в. оказался одним из самых болезненных, выливаясь в открытое или латентное противостояние националистически настроенной части польского общества и царской администрации. В результате подавления восстаний под предводительством Т. Костюшко, 1830–1831 гг., Январского восстания 1863–1864 гг., нелегальных кружков 1840-х гг. и политических партий второй половины XIX в. сформировалась многочисленная группа «государственных преступников», приговоренных судом либо внесудебным порядком к отбыванию ссылки или каторги в Сибири. Однако со временем они могли воспользоваться «царскими милостями» и испросить для себя послабление наказания либо возможность покинуть Сибирь, переселившись в одну из губерний Европейской части страны, исключая обе столицы, столичные и польские губернии. Амнистия 1857 г. положила начало формированию группы «возвращенцев», с конца 1860-х гг. их число постоянно увеличивалось. Новгородская губерния стала одним из центров не только отбывания ссылки, но и местом, куда переселялись поляки из Сибири. Целью данной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с переселением поляков из сибирских губерний на Новгородчину в конце 1850-х – начале 1870-х гг. На конкретных примерах рассмотрены проблемы переезда, водворения, адаптации «возвращенцев» в новых условиях, их взаимоотношения с местными властями. Статья написана на материалах Государственного архива Новгородской области.

Ключевые слова: политическая ссылка, поляки, Сибирь, Новгородская губерния, социальные трансформации, адаптация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В.Н. Шайдуров)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 726-737.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.726
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 1

Victor V. Barabash ^{a,*}, Bella A. Bulgarova ^a, Natalia V. Poplavskaya ^a, Liudmila B. Terechik ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The history of education in the Russian Empire remains a controversial and politicized topic. If in Soviet times the achievements of the imperial system were ignored, now, on the contrary, there is a certain idealization of it. This article attempts to look at the education system of the Russian Empire as a set of regional education systems, between which there were serious differences. To achieve this goal, statistical data on 5 provinces and 2 Cossack regions were analyzed, and it was concluded that in the middle of the XIX century, indeed, we can talk about different educational systems in the regions of the empire. At the same time, both organizational differences were noted (for example, in some regions, the schools of the Ministry of State Property were more important for the spreading of literacy in general than the schools of the Ministry of Public Education), and qualitative differences (the proportion of children attending schools, even in regions not affected by the Caucasian war, fluctuated several times). As a result, if in some regions (Vologda province, Orenburg Cossack army) educational institutions were already in all significant settlements, then in others – there were very few of them (less than 30 in the area of the Don Army and less than 10 in the Tiflis province).

Keywords: Russian Empire, regional education systems, Voronezh Province, Vologda Province, Stavropol Province, Tiflis Province, Vilna Province, Don Army region, Orenburg Cossack Army.

1. Введение

История образования в Российской империи была и остается не только исторической, но и политической темой. Долгое время одним из важнейших достижений советской власти считалось внедрение всеобщей грамотности, и, соответственно, в советский период успехи Российской империи в этом отношении значительно преуменьшались. Так, в учебнике для вузов крупного исследователя российского образования А.В. Осокова, вышедшем в 1980 г., вовсе не рассматривались попытки введения всеобщего начального образования в имперский период и делался вывод об общей реакционной политике имперских властей в образовательной сфере (Осоков, 1982).

Однако с падением советской власти наметилась и обратная тенденция: многими авторами Российская империя стала идеализироваться и рассматриваться как передовое государство, разрушенное внешним влиянием. Начали выходить и работы, откровенно преувеличивающие достижения имперского Министерства народного просвещения. Так, в монографии Д.Л. Сапрыкина «Образовательный потенциал Российской Империи», опубликованной в 2009 г., даже утверждается, что «российская система образования гимназического и высшего уровня при Николае II была более «прогрессивной», чем в современных ей системах ведущих стран Европы, в частности в Англии, Франции и Германии» (Сапрыкин, 2009: 20). Далее Д.Л. Сапрыкин приводит ссылки на статистические издания (в частности, «Военно-статистический ежегодник армии»), из которых якобы следует, что уже на 1912 г. в российской армии не было неграмотных солдат (Сапрыкин, 2009: 56).

* Corresponding author

E-mail addresses: barabash-vv@rudn.ru (V.V. Barabash)

Но при этом продолжают научную активность и сторонники советской историографии, защищающие приоритет СССР в борьбе с российской неграмотностью. Так, «Образовательный потенциал Российской Империи» удостоился совершенно разгромной рецензии от И.В. Пыхалова, автора книги с говорящим названием «Клевета на Сталина: факты против лжи о Вожде» (Пыхалов, 2011: 196-200). И.В. Пыхалов обвинил своего оппонента даже не в ошибке, а в прямом подлоге, поскольку в действительности в «Военно-статистическом ежегоднике армии за 1912 год» было написано, что на службе в российской армии находится 353 544 неграмотных, и такая «вольность» в пересказе источников у Д.Л. Сапрыкина не единственная (Пыхалов, 2011: 196-197). И показательно, что работы этих двух авторов, как и их дискуссия, привлекли серьезное внимание других ученых. Так, у монографии Д.Л. Сапрыкина более 100 цитирований в РИНЦ, а у рецензии И.В. Пыхалова – более 10. В одной из статей, ссылающейся на обе эти работы, результат произошедшей дискуссии резюмируется так: «К сожалению, в современной отечественной литературе наметилась тенденция к «лакировке» реалий тогдашней (дореволюционной – Авт.) жизни. <...>. Но, как показывает И.В. Пыхалов, такая оценка образования в России накануне Первой мировой войны не соответствует действительности. По уровню народного образования Российская империя намного отставала от ведущих мировых держав» (Ерахтин, 2020: 20).

На наш взгляд, дать однозначную оценку уровня развития образования в дореволюционной России затруднительно даже для автора, не питающего пристрастий ни к СССР, ни к Российской империи. Этому препятствуют то, что даже уровень грамотности (не говоря уже о более сложных показателях, определяющих качество образования) сильно различался в различных регионах, причем разница не сводилась к преимуществу центра перед окраинами, но зависела от образовательных политик региональных властей. Например, в 1898 г. военный министр А.Н. Куропаткин сравнил грамотность в различных казачьих войсках и пришел к таким выводам: «В Донском <войске грамотность идет> на убыль. Просят отпуск пособий из войсковых капиталов. Станичные суммы уходят на снаряжение казаков. В Кубанском бодро шло вперед. Назрела необходимость всеобщего обучения (курсив наш – Авт.). Надо педагогические курсы. <...>. В Забайкальском плохо стоит, просит о необходимости открыть сельскохозяйственную школу. В Астраханском хорошо. 10 лет учителя и учительницы ждут предоставления прав государственной службы. Оренбургское тоже удовлетворительно; тоже о правах. Три четверти грамотны. Амурское развивается. Уральское идет вперед. В отчетном году 15 новых школ. 64 % мальчиков школьного возраста учатся» (Перетьяко, 2020: 122).

В этих условиях кажется перспективным изучать систему образования в Российской империи более дифференцированно, уделяя внимание не только ситуации в целом по стране, но и положению в различных губерниях и областях. С учетом географической специфики огромного государства и относительной неразвитости до начала XX в. средств связи система образования Российской империи неизбежно была намного более децентрализованной, чем в СССР, если не формально, то на практике. И ее можно рассматривать и как единство, и как сумму образовательных систем, сложившихся в регионах, хотя и схожих между собой, но имеющих значительные различия. Об этом свидетельствует уже то, что исследования системы образования в отдельных регионах Российской империи достаточно распространены, причем они представлены самыми разными жанрами: от классических монографий до сборников документов и диссертаций (Ситько, 2009; Образование..., 2017; Овсянникова, 2001). Однако обычно подобные работы по истории образования различных областей и губерний носят краеведческий характер и их авторы не занимаются историей образования других территорий. В итоге эти исследования, даже высокого научного уровня, позволяют судить о специфике образования одного региона Российской империи, но не о региональной специфике имперского образования в целом. Кроме того, эти исследования часто различаются по своей концепции и в них основное внимание нередко уделяется разным аспектам образовательной системы (начальное образование, гимназическое образование, краткий обзор всех уровней образования и т.д.).

В этой связи представляют особый интерес статьи, в 2017–2020 гг. подготовленные сотрудниками International Network Center for Fundamental and Applied Research и посвященные системам образования в различных регионах Российской империи. В данном центре существует Laboratory of professional and pedagogical training, сотрудниками которой в рассматриваемый период история образования регионов Российской империи дореволюционного времени началась исследоваться именно систематически, с обращением одних авторов к опыту нескольких территорий. Несмотря на разный научный уровень созданных в ходе данного исследования статей, мы можем говорить об уникальном в историографии российского образования проекте. И на основе достаточно однородных в методическом и концептуальном отношении работ Laboratory of professional and pedagogical training мы как раз и можем понять, насколько существенным был разброс между уровнем образования в отдельных областях и губерниях Российской империи и на этой основе сделать несколько выводов об уровне имперского образования в целом.

2. Материалы и методы

Статьи *Laboratory of professional and pedagogical training* можно разделить на две группы. Первоначально, в 2017–2018 гг., работы ее сотрудников о российском дореволюционном образовании носили характер традиционных для современной историографии статей, посвященных отдельным аспектам образовательных систем в различных регионах. Однако при этом ряд авторов систематически обращался к специфике образования на территории одного региона Российской империи, в частности, А.Ю. Перетятко и Т.Э. Зулфугарзаде подготовили 3 статьи об уникальных особенностях образовательной системы области Войска Донского (о специфике донского образования и его влиянии на общественную ситуацию в регионе в 1860 гг. (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a); о проектах реформ регионального образования, в это же время исходивших от местной элиты (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b) и об особенностях образовательной политики атамана Н.И. Святополк-Мирского в 1880–1890 гг. (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a), а Ю.В. Путилина, К.В. Таран и В.Н. Родина обратились к особенностям образования в сибирских губерниях (они писали о сравнительно более «демократичной» структуре социального происхождения обучающихся в образовательных учреждениях Сибири (Putilina et al., 2018) и о студенческих клубах на ее территории (Rodina et al., 2018).

Логическим развитием подобной тенденции должно было стать создание более крупных по объему текстов, описывающих эволюцию образования в регионе Российской империи в течение длительного хронологического периода. И в 2019–2020 гг. сотрудники *Laboratory of professional and pedagogical training* переходят к подобному жанру. Их «статьи» становятся многочастными, до 4 частей, и самые крупные из них по объему немногим уступают небольшой монографии. Всего было исследовано 11 территориальных образований Европейской России, причем достаточно разнообразных по географическому положению. Две изученные губернии (Вологодскую губернию, статья в 4 частях (Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c; Cherkasov et al., 2019d) и Воронежскую губернию, статья в 3 частях (Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2020c) можно условно отнести к основному «ядру» земель Российской империи, с преобладающим русским населением и без ярко выраженной окраинной специфики. В четырех случаях речь идет об изучении казачьих территорий (Кубанской области, статья в 3 частях (Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2019b; Molchanova et al., 2020), области Войска Донского, статья в 2 частях (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c); Оренбургского казачьего войска, статья в 2 частях (Magsumov, Zulfugarzade, 2020a; Magsumov, Zulfugarzade, 2020b) и Терской области, 1 часть, публикация продолжается (Cherkasov et al., 2020d). В одном случае исследована была губерния Северо-Западного края (Виленская губерния, 3 части (Natolochnaya et al., 2019a; Natolochnaya et al., 2019b; Natolochnaya et al., 2020a). И, наконец, оставшиеся четыре территориальные образования могут быть охарактеризованы как «кавказские» (Карская область, 2 части (Magsumov et al., 2019a; Magsumov et al., 2019b); Ставропольская губерния, 3 части (Natolochnaya et al., 2020b; Natolochnaya et al., 2020c; Natolochnaya et al., 2020d); Тифлисская губерния, 4 части (Mamadaliyev et al., 2020a; Mamadaliyev et al., 2020b; Mamadaliyev et al., 2020c; Mamadaliyev et al., 2020d) и Черноморская губерния, 2 части (Cherkasov et al., 2020e; Cherkasov et al., 2020f).

Таким образом, хотя различные территориальные образования Российской империи сотрудниками *Laboratory of professional and pedagogical training* изучались крайне неравномерно (очевидно преобладают кавказские и казачьи регионы), в принципе указанных работ достаточно, чтобы составить общее мнение о региональных системах имперского провинциального образования. Мы специально делаем акцент на провинциальности: ни одной губернии с университетским городом (за исключением Виленской, где университет был закрыт в 1832 г.) изучено не было. Кроме того, в большинстве работ сотрудников лаборатории акцент делался на количественные показатели, статистические, а не оценочные сведения, что облегчает их сопоставление и способствует объективности исследования.

Исходя из всего изложенного выше, а также ограниченного объема статьи, не позволяющего в полной мере сопоставить информацию по 11 регионам Российской империи, мы решили сосредоточить внимание именно на сравнении базовых объективных показателей эффективности образования в различных территориальных образованиях (мы сравнивали число школ и число учащихся в них), чтобы на этой основе произвести оценку динамики развития региональных образовательных систем. С этой целью мы воспользовались собранной сотрудниками *Laboratory of professional and pedagogical training* статистической информацией о ситуации в российском образовании в середине XIX и начале XX вв. При этом мы ограничились 7 регионами: 2 из «ядра» земель Российской империи (Воронежская и Вологодская губернии), 2 казачьими областями (Донское и Оренбургское войска), 2 кавказскими территориями (Тифлисская и Ставропольская губернии) и 1 губернией Северо-Западного края (Виленская губерния). Это позволило нам как дать объективную оценку системам образования интересующих нас регионов на начало двух ключевых исторических периодов (эпохи Великих реформ и эпохи революций), так и понять, насколько эффективно развивались эти системы в течение приблизительно полувека. Кроме того, сопоставив

ситуацию в различных губерниях и областях, мы смогли сделать, по крайней мере, некоторые выводы об уровне имперского образования, причем рассматривая это образование не в целом по стране, но через призму отдельных регионов.

3. Обсуждение

Середина XIX в.

Воронежская губерния

Выбор именно этой губернии для изучения сотрудниками Laboratory of professional and pedagogical training обосновывали тем, что «Воронежская губерния была первой из губерний Российской империи, которая в 1915 г. сообщила, что ее сеть начальных училищ достаточна для введения всеобщего начального образования» (Cherkasov et al., 2020b: 428). Более того, далее они прямо связывали этот успех с деятельностью региональных властей, «губернской администрации и местной дирекции народных училищ» (Cherkasov et al., 2020b: 428). Таким образом, можно полагать, что к началу XX в. статистические данные по образованию в Воронежской губернии были значительно выше, чем по Российской империи в целом.

Однако за полвека до этого ситуация в данном регионе была крайне далека от всеобщего начального образования. На его территории к 1854 г. действовало всего 100 учебных заведений, не считая военных, причем из этих учебных заведений только 2 (гимназия и духовная семинария) могли рассматриваться как средние (Cherkasov et al., 2020a: 208-209). Заслуживает внимания то, что больше половины (58) учебных заведений были подведомственны Министерству государственных имуществ, и можно предположить, что из представителей крестьянского сословия именно государственные крестьяне находились в наилучшем положении (Cherkasov et al., 2020a: 208-209). Общее же число обучающихся составляло 7 059 человек (из них в школах Министерства государственных имуществ – 3 493, примерно половина) (Cherkasov et al., 2020a: 208-209). Даже к 1862 г., когда число школьников уже в 121 учебном заведении на территории губернии возросло до 9 938 человек, по приблизительной оценке в школу ходил 1 ребенок из 17 школьного возраста (Cherkasov et al., 2020b: 431).

Таким образом, к середине XIX в. Воронежская губерния действительно находилась в ситуации преимущественной неграмотности простого населения, как и утверждала советская историография. Однако уже к этому времени обучалось около 6 % детей, что составляло их заметную долю. И можно согласиться с выводом авторов рассматриваемого нами исследования о том, что к 1860 гг. на территории Воронежской губернии уже существовали «educational institutions that were potential providers of a skilled local workforce essential to the development of the public education system» (Cherkasov et al., 2020a: 210).

Вологодская губерния

На примере сопоставлений работ Laboratory of professional and pedagogical training о Воронежской и Вологодской губерниях хорошо видно, почему сравнивать образовательные системы различных регионов Российской империи достаточно сложно. Далеко не всегда вовлечены в научный оборот подробные данные о количестве школ и обучающихся в них за конкретный год, да и система подобных подсчетов в разных губерниях может методически существенно отличаться. И по Вологодской губернии систематические сведения за 1850-е гг. отсутствуют, из-за чего в полной мере сравнить ее с Воронежской по интересующему нас вопросу проблематично.

Тем не менее известно, что на 1862 г. в этой губернии обучалось 13 718 человек (Cherkasov et al., 2019b: 422). Таким образом, в абсолютных значениях показатели были лучше, чем в Воронежской губернии, где, как мы помним, в это же время обучалось 9 938 человек. При этом население Воронежской губернии в 1862 г. простиралось до 1 946 760 человек (Cherkasov et al., 2020b: 431), а Вологодской губернии в 1861 г. не превышало 960 848 человек (Памятная книжка, 1863: 190). Применяя для примерной оценки метод, использовавшийся в статье о Воронежской губернии (число детей школьного возраста принимается равным 9 % от общей численности населения), мы посчитали, что в Вологодской губернии в школу ходил 1 ребенок из 6 школьного возраста.

А вот соотнести число учебных заведений в Вологодской и Воронежской губерниях середины XIX в. значительно сложнее. Во всяком случае, к 1862 г. в Вологодской губернии подобных заведений было уже 642, причем большую часть из них (448 школ с 8 509 учениками, или 62 % учащихся) составляли церковные школы (интересно, что по числу учеников на втором месте, опережая школы Министерства народного просвещения, шли 64 школы Министерства государственных имуществ с 3 331 обучающимся) (Cherkasov et al., 2019b: 422). Таким образом, складывается впечатление, что именно развитие церковного образования обеспечивало в середине XIX в. преимущество образовательной системы Вологодской губернии над Воронежской. Если в первой из этих губерний в 1860-х гг. большая часть школ с большей частью учеников была именно церковными, то во второй – в 1850-х гг. церковных школ было всего 4 (Cherkasov et al., 2020a: 208-209). Между тем, если убрать из образовательной системы Вологодской губернии церковные школы, ее показатели сразу откатятся почти до уровня образования в Воронежской губернии.

Таким образом, в Вологодской губернии на середину XIX в. ситуация в образовании была куда лучше, чем в Воронежской губернии, что наглядно демонстрирует важность региональных образовательных систем в Российской империи. Школы посещало примерно 16 % детей школьного возраста, причем преимущество было достигнуто за счет развитой системы церковных школ.

Область войска Донского (до 1870 г. – Земля Войска Донского)

Хотя статьи об этом географическом регионе снова обладают определенной статистической спецификой, можно констатировать, что на его территории ситуация в образовательной системе была крайне плохой. Сотрудники Laboratory of professional and pedagogical training приводят свидетельство современника, Н.И. Краснова, о том, что в 1860 г. в Донском Войске 1 учащийся приходился на 321 жителя, что составляло предпоследний показатель среди губерний и областей Европейской части России (впрочем, судя по всему, здесь не учитывались кавказские регионы) (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b: 463). Исходя из описанной выше методики (принимая число детей школьного возраста за 9 % от общей численности населения), мы получим, что на Земле Войска Донского в школы ходил 1 ребенок из 29 школьного возраста. В абсолютных значениях в рассматриваемой статье приведены только данные по начальным школам, без учета семинарии и гимназии: в 1850-х гг. в них обучалось в среднем около 1 500 человек (с гимназией и семинарией можно говорить более чем о 2 000 школьниках в Донском регионе в рассматриваемый период) (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b: 460).

Столь же плохой была ситуация и с числом учебных заведений. Для казацкого населения начальных школ не открывалось вовсе (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b: 463), а в казачьих станицах до 1860 г. было открыто менее 30 учебных заведений, причем в их числе не было ни церковных, ни подчиненных Министерству государственных имуществ (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b: 462). Даже наиболее распространенные учебные заведения – начальные училища (уездные и приходские) – были открыты всего в 7 окружных станицах и 19 прочих, при том что станиц в войске было более 100, и во многих из них желали иметь свое училище (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b: 460-461). Все эти показатели будут особенно разительными, если учесть, что население Земли Войска Донского примерно соответствовало населению Вологодской губернии, приближаясь к 1 000 000 человек (Краснов, 1863: 209). Напомним, что в последней к 1862 г. в 642 школах обучалось 13 718 человек.

Итак, специфика образования на территории области Войска Донского в середине XIX в. выражалась в том, что здесь функционировали исключительно школы, подведомственные Министерству народного просвещения, в Вологодской и Воронежской губерниях составлявшие меньшинство. В итоге число таких школ было крайне незначительно, и их могло посещать около 3 % детей школьного возраста.

Оренбургское казачье войско

К сожалению, рассматриваемая статья содержит меньше всего статистической информации о середине XIX в. В частности, данные о количестве учащихся систематически приводятся, только начиная с 1870 г. (Magsumov, Zulfugarzade, 2020a: 1115). Однако ее авторы отмечают, что уже к 1848 г. число учебных заведений для казаков достигло 69 и в каждой станице была своя начальная школа (Magsumov, Zulfugarzade, 2020a: 1114). Таким образом, по числу учебных заведений Оренбургское казачье войско более чем в вдвое превосходило расположенное куда ближе к центру империи Войско Донское. Эти данные будут особенно показательны, если учесть, что даже к началу 1860-х гг. в Оренбургском казачьем войске числилось 107 096 душ мужского пола (Перетятко, 2019: 204), т.е. общая численность населения была несколько больше 200 000 человек против примерно 1 000 000 жителей Земли Войска Донского. Таким образом, в Оренбургском регионе было примерно вдвое больше школ, чем в Донском, при более чем вчетверо меньшем населении. Все это позволяет говорить о том, что региональная система образования Оренбургского казачьего войска превосходила региональную систему образования Донского казачьего войска, по крайней мере в отношении числа учебных заведений примерно на порядок.

Ставропольская губерния

В отличие от описанных выше регионов Российской империи на территории Ставропольской губернии в середине XIX в. все еще шла Кавказская война, и этот регион был в меньшей степени, чем даже казачьи области, втянут в единое образовательное имперское пространство. Соответственно, на 1851 г. из числа 1 003 764 жителей так называемого «Кавказского края» (сюда включались также линейные казаки, горские народы и постоянные военные гарнизоны) собственно к Ставропольской губернии относилось всего 322 624 человека (Военно-статистическое обозрение, 1851: 172). Таким образом, без учета горцев (с ними результаты были бы совсем иными) население Ставропольской губернии было невелико, чуть больше, чем в Оренбургском казачьем войске, и примерно втрое меньше, чем в Донском Войске и Воронежской губернии.

Однако и число учебных заведений в Ставропольской губернии было в абсолютных значениях минимальным из рассмотренных нами территорий. На 1851 г. действовали 1 гимназия, 1 женская школа, 1 уездное училище и 14 начальных школ (Natolochnaya et al., 2020b: 475-477). Все эти школы, как и в казачьих регионах, подчинялись Министерству народного просвещения. Общее число учащихся в рассматриваемой статье не приводится: подобные статистические сведения даже по отдельным учебным заведениям даются не ранее 1859 г. Во всяком случае, в 1860-х гг. в

Ставропольской гимназии в среднем ежегодно училось около 400 человек, в продолжавшем действовать Кизлярском уездном училище – около 100 человек, и даже в 1870 г., когда число начальных школ выросло в 2,5 раза и достигло 36, в этих школах не было и 1 000 учеников (Natolochnaya et al., 2020b: 475-477). Таким образом, можно с большой долей достоверности утверждать, что число детей, посещавших школы, в Ставропольской губернии 1850-х гг. составляло порядка 1 000 и эта губерния, наряду с Землей Войска Донского, в середине XIX в. относилась к территориям Российской империи с наименее развитыми образовательными системами.

Тифлисская губерния

Впрочем, в Тифлисской губернии на 1853 г. было еще меньше учебных заведений – всего 7 государственных (гимназия, коммерческое училище, 3 уездных училища и 2 начальные школы), также проходящих исключительно по ведомству Министерства народного просвещения, и несколько частных (Mamadaliyev et al., 2020a: 239). При этом в 1860-х гг. (более ранних данных нам не удалось обнаружить) численность населения этой губернии составляла 599 298 человек, что было больше населения Ставропольской губернии в то же время (Сборник материалов, 1870: 177). Число обучающихся в учебных заведениях Тифлисской губернии не указано в используемой нами статье вовсе, однако по опыту других губерний можно предположить, что оно не превышало 1 000 человек.

Таким образом, мы видим, что из рассмотренных нами территорий наименее развитые системы образования были характерны для южных регионов (область Войска Донского, Ставропольская и Тифлисская губернии), причем едва ли уместно связывать это исключительно с Кавказской войной, не затронувшей Донской край. Очевидно, в большей степени сказывались удаленность этих территорий от образовательных центров, отсутствие в них церковных школ и школ Министерства государственных имуществ, а также политика местных администраций.

Кроме того, заслуживает внимания следующий пассаж в разбираемой нами статье: «It is hard to agree with the assertion by many of the Soviet historians of education that the government succeeded in spreading literacy throughout the nation only under the Soviets – which was achieved thanks to the launch of a campaign against illiteracy» (Mamadaliyev et al., 2020a: 243). Ее авторы, отмечая бесплатность школ в Тифлисской губернии, утверждают, что имперское правительство было заинтересовано в распространении грамотности, но «on a liberal basis», без принуждения (Mamadaliyev et al., 2020a: 243). Как нетрудно понять из уже сделанного сравнения образовательных систем разных губерний, в Российской империи середины XIX в. ключевым фактором, ограничивающим возможности развития начального образования в регионе, была не платность образования, а число школ: лучшие показатели явно демонстрировали территории с большей плотностью учебных заведений. И, соответственно, независимо от оценки советской кампании по борьбе с неграмотностью, бесплатность школ в Тифлисской губернии в середине XIX в. сравнивать с ней некорректно потому, что с помощью 7 учебных заведений на губернию в принципе невозможно было достигнуть сколько-либо серьезных успехов в распространении массовой грамотности. Гораздо более соответствующим действительности нам представляется другое утверждение, сделанное в статье: «The Soviet education system, which was based on the principles of socialist economics, proved a lot more efficient, as it did provide across-the-board education in a compulsory manner» (Mamadaliyev et al., 2020a: 244). Как мы видели выше, наиболее эффективные региональные системы образования в Российской империи возникали там, где их финансировали несколько ведомств, а в одиночку Министерство народного просвещения оказывалось куда хуже приспособлено к своей работе.

Виленская губерния

Наконец, ситуация в Виленской губернии сильно отличалась от той, которую мы наблюдали в других регионах. Ее население на 1861 г. составляло 902 000 человек, т.е. примерно соответствовало Вологодской губернии и области Войска Донского, уступало Воронежской губернии, но сильно превосходило Тифлисскую и Ставропольскую губернии, а также земли Оренбургского казачьего войска (Natolochnaya et al., 2019a: 659). Однако, в отличие от предыдущих исследованных нами территорий, в Виленской губернии имелся бывший университетский город – Вильно. И на его территории на этот год действовало 40 учебных заведений, включая женские, православные и еврейские, в которых обучался 3 601 ученик (Natolochnaya et al., 2019a: 657-658). Таким образом, в одном этом городе было больше школ и учеников, чем в Донском, Ставропольском или Тифлиском регионах! Однако на остальной территории региона контраст был не таким резким: там действовало всего 105 учебных заведений с 2 127 учениками, причем больше половины их, 1 249 учеников, приходились на 28 школ Министерства государственных имуществ (Natolochnaya et al., 2019a: 658-659). Мы снова можем констатировать, что наличие религиозных школ и школ Министерства государственных имуществ значительно усиливало систему регионального образования. Кроме того, в случае Виленской губернии мы можем наблюдать, насколько улучшало показатели такой системы существование даже бывшего университетского города. Отметим, кстати, что общая численность учащихся в самом Вильно и за его пределами составляла 5 728 человек на 145 школ.

Что касается относительных значений, то, по данным сотрудников Laboratory of professional and pedagogical training, в Виленской губернии 1 учащийся приходился на 174 жителя (Natolochnaya et al., 2019a: 659). Исходя из описанной выше методики (принимая число детей школьного возраста за 9 % от

общей численности населения) здесь 1 школьник приходился на 16 детей школьного возраста. Как мы видим, показатель почти совпадает с аналогичным показателем для Воронежской губернии, и, по крайней мере, эта часть Северо-Западного края не демонстрировала лучших показателей, чем две рассмотренные губернии из «ядра» земель Российской империи. В то же время региональная специфика, безусловно, наблюдалась: значение православных церковных школ было ниже, а вот еврейских, наоборот, выше, причем школы Министерства государственных имуществ были важны и здесь.

4. Заключение

На основе описанного выше мы можем составить следующую таблицу (так как данные для разных губерний взяты в хронологическом диапазоне до 15 лет, мы сильно округляли цифры, подчеркивая, что это ориентировочные, а не точные данные):

Регион	Население	Количество учащихся	Доля учащихся от детей школьного возраста	Количество школ	Число людей, на которых приходится одна школа
Вологодская губерния	950 000	13 718	16 %	642	1 500
Оренбургское казачье войско	200 000	-	-	69	3 000
Виленская губерния	900 000	5 728	7 %	145	6 500
Воронежская губерния	1 900 000	9 938	6 %	121	16 000
Ставропольская губерния	300 000	-	-	17	18 000
Земля Войска Донского	1 000 000	Более 2 000	3 %	28	36 000
Тифлисская губерния	500 000	-	-	7	72 000

Безусловно, из-за разных методов подсчета, принятых в разных статьях (например, в одних из них учитывались учебные заведения Военного министерства, а в других – нет), а также из-за отмеченной выше хронологической разницы во времени сбора сведений (а региональные системы образования в то время развивались быстро), полученные нами данные могут не вполне точно характеризовать соотношение между различными региональными образовательными системами Российской империи середины XIX в. И все же, даже сделав поправку на серьезную неточность, мы видим, что речь идет именно о различных системах, а не о различиях в рамках одной системы. Даже если не учитывать сведения по Ставропольской и Тифлисской губерниям, затронутым Кавказской войной, разница в доле детей школьного возраста, получавших образование, между рассматриваемыми регионами Российской империи составит 5 раз, а между количеством людей, на которых приходилась школа, – более 20 раз. При этом зачастую ближе друг к другу оказываются регионы, на первый взгляд несходные между собой: так, по крайней мере, по числу людей на школу удаленное от центра империи и обладавшее казачьей спецификой Оренбургское казачье войско было куда ближе к показавшей наилучшие образовательные показатели Вологодской губернии, чем к другому казачьему региону, к Земле Войска Донского.

Кроме того, эта таблица показывает, что, по крайней мере, для середины XIX в. делать в полной мере отражающие ситуацию общие выводы о степени развития массового образования в Российской империи затруднительно. Дифференциация между различными регионами была крайне велика, и, хотя в общем можно согласиться с утверждением советской историографии об абсолютном преобладании неграмотного населения (причем большинство детей не могло получить образования просто из-за недостатка школ), подобное утверждение едва ли в полной мере отражает общую картину. Как мы видим, показатели наиболее развитых в образовательном отношении территорий отнюдь не соответствуют «темной и безграмотной стране». Так, в Вологодской губернии и Оренбургском казачьем войске учебные заведения, очевидно, уже существовали во всех крупных поселениях. В то же время на территории Земли Войска Донского и в Тифлисской губернии ситуация в образовании была едва ли не катастрофической, и само количество учебных заведений делало невозможным сколько-либо существенное распространение грамотности.

5. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Литература

- Военно-статистическое обозрение, 1851** – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 1: Ставропольская губерния. СПб., 1851. 274 с.
- Ерахтин, 2020** – *Ерахтин А.В.* Трансформации российского образования в XX–XXI веках // *Ноосферные исследования*. 2020. Вып. 2. С. 19–31.
- Краснов, 1863** – *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Образование..., 2017** – Образование в Пермской губернии XIX – начала XX века. Из истории учебных заведений системы начального образования. Пермь, 2017. 320 с.
- Овсянникова, 2001** – *Овсянникова Н.Б.* Становление и развитие начального образования в Симбирской губернии, 1861–1917 гг.: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2001. 18 с.
- Осоков, 1982** – *Осоков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982. 208 с.
- Памятная книжка, 1863** – *Памятная книжка Вологодской губернии на 1862 г. и 1863 г.* Вып. 1. Вологда, 1863. 189 с.
- Перетяцько, 2019** – *Перетяцько А.Ю.* Цена крови: документы 1860–1890 гг. об эффективности казачества как экономического института: документальное исследование. Т. I. Ростов, Таганрог, 2019. 534 с.
- Перетяцько, 2020** – *Перетяцько А.Ю.* Цена крови: документы 1860–1890 гг. об эффективности казачества как экономического института: документальное исследование. Т. III. Ростов, Таганрог, 2020. 424 с.
- Пыхалов, 2011** – *Пыхалов И.В.* Образование в Российской империи: факты и мифы // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2011. № 2 (19). С. 196–200.
- Сапрыкин, 2009** – *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009. 176 с.
- Сборник материалов, 1870** – Сборник материалов для описания Тифлисской губернии. Т. 1. Вып. 1. Тифлис, 1870. 340 с.
- Ситько, 2009** – *Ситько Р.М.* Не чуждаются донцы образования...: история становления и развития образования в Области Войска Донского (досоветский период). Ростов-на-Дону, 2009. 176 с.
- Cherkasov et al., 2019a** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208–214.
- Cherkasov et al., 2019b** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418–424.
- Cherkasov et al., 2019c** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 627–637.
- Cherkasov et al., 2019d** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 973–983.
- Cherkasov et al., 2020a** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202–211.
- Cherkasov et al., 2020b** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428–436.
- Cherkasov et al., 2020c** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 961–972.
- Cherkasov et al., 2020d** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963–970.
- Cherkasov et al., 2020e** – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N.* The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 2020. 65(3): 750–770.
- Cherkasov et al., 2020f** – *Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N.* The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 2020. 65(4): 1067–1084.
- Magsumov et al., 2019a** – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 9(1): 221–234.

- [Magsumov et al., 2019b](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 9(2): 459-472.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1113-1123.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020b](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2456-2463.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019b](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.
- [Natolochnaya et al., 2019b](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Svechnikov V.A., Posokhova L.A., Allalyev R.M. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 248-254.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020c](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Yu. N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020d](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Education Reforms in the Don Region in 1880–1890 and Host Ataman Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 229-239.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was

Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.

[Putilina et al., 2018](#) – *Putilina Yu. V., Rodina V.N., Kirilova O.V., Taran K.V.* Student Clubs in Siberia at the beginning of the XX century (Adapted from Materials of the Journal «Siberian Student»: 1914–1916) // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 615-622.

[Rodina et al., 2018](#) – *Rodina V.N., Kirilova O.V., Taran K.V.* The Class List of Secondary Educational Institutions' Pupils in Siberia at a boundary of the 19th-20th centuries // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(2): 428-435.

References

[Voенно-statisticheskoe obozrenie, 1851](#) – *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii* [Military Statistical Review of the Russian Empire]. T. 16. Ch. 1: Stavropol'skaya guberniya. SPb., 1851. 274 p. [in Russian]

[Erakhtin, 2020](#) – *Erakhtin, A.V.* (2020). Transformatsii rossiiskogo obrazovaniya v XX–XXI vekakh [Transformations of Russian education in the XX – XXI centuries]. *Noosfernye issledovaniya*. 2: 19-31. [in Russian]

[Krasnov, 1863](#) – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. Zemlya voiska Donskogo. SPb., 596 p. [in Russian]

[Obrazovanie..., 2017](#) – *Obrazovanie v Permskoi gubernii XIX – nachala XX veka. Iz istorii uchebnykh zavedenii sistemy nachal'nogo obrazovaniya* [Education in the Perm province of the XIX – early XX centuries. From the history of educational institutions of the primary education system]. Perm', 2017. 320 p. [in Russian]

[Ovsyannikova, 2001](#) – *Ovsyannikova, N.B.* (2001). Stanovlenie i razvitie nachal'nogo obrazovaniya v Simbirskoi gubernii, 1861–1917 gg. [Formation and development of primary education in the Simbirsk province, 1861–1917]: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Ul'yanovsk, 2001. 18 s. [in Russian]

[Osokov, 1982](#) – *Osokov, A.V.* (1982). Nachal'noe obrazovanie v dorevolutsionnoi Rossii (1861–1917) [Primary education in pre-revolutionary Russia (1861–1917)]. M., 208 p. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1863](#) – *Pamyatnaya knizhka Vologodskoi gubernii na 1862 g. i 1863 g.* [Memorial book of the Vologda province for 1862 and 1863]. Vyp. 1. Vologda, 1863. 189 p. [in Russian]

[Peretyat'ko, 2019](#) – *Peretyat'ko, A.Yu.* (2019). Tsena krovi: dokumenty 1860–1890 gg. ob effektivnosti kazachestva kak ekonomicheskogo instituta: dokumental'noe issledovanie [The price of blood: documents from 1860–1890. on the effectiveness of the Cossacks as an economic institution: a documentary study]. T. I. Rostov, Taganrog, 534 p. [in Russian]

[Peretyat'ko, 2020](#) – *Peretyat'ko, A.Yu.* (2020). Tsena krovi: dokumenty 1860–1890 gg. ob effektivnosti kazachestva kak ekonomicheskogo instituta: dokumental'noe issledovanie [The price of blood: documents from 1860–1890. on the effectiveness of the Cossacks as an economic institution: a documentary study]. T. III. Rostov, Taganrog, 424 p. [in Russian]

[Pykhalov, 2011](#) – *Pykhalov, I.V.* (2011). Obrazovanie v Rossiiskoi imperii: fakty i mify [Education in the Russian Empire: facts and myths]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2 (19): 196-200. [in Russian]

[Saprykin, 2009](#) – *Saprykin, D.L.* (2009). Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii [Educational potential of the Russian Empire]. M., 176 p. [in Russian]

[Sbornik materialov, 1870](#) – *Sbornik materialov dlya opisaniya Tiflisskoi gubernii* [Collection of materials for the description of the Tiflis province]. T. 1. Vyp. 1. Tiflis, 1870. 340 p. [in Russian]

[Sit'ko, 2009](#) – *Sit'ko, R.M.* (2009). Ne chuzhdayutsya dontsy obrazovaniya...: istoriya stanovleniya i razvitiya obrazovaniya v Oblasti Voiska Donskogo (dosovetskii period) [Donets do not shy away from education ...: the history of the formation and development of education in the Oblast of the Don Army (pre-Soviet period)]. Rostov-na-Donu, 176 p. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2019a](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2019). Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

[Cherkasov et al., 2019b](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2019). Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

[Cherkasov et al., 2019c](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2019). Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 627-637.

[Cherkasov et al., 2019d](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2019). Development of School Education in the Vologda Governorate (1725–1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.

- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- [Cherkasov et al., 2020c](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 961-972.
- [Cherkasov et al., 2020d](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov et al., 2020e](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896-1917. Part 1. *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 65(3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020f](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The system of public education on the territory of the Black Sea Province in 1896-1917. Part 2. *Vestnik SanktPeterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 65(4): 1067-1084.
- [Magsumov et al., 2019a](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2019). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2019b](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2019). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020b](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova E.V. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2. *Bylye Gody*. 58(4): 2456-2463.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019b](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Denisenko, V.N., Volkov, A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.
- [Natolochnaya et al., 2019b](#) – Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Voropaeva, Yu.A., Volkov, A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Svechnikov, V.A., Posokhova, L.A., Allalyev, R.M. (2020). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 248-254.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020c](#) – *Natolochnaya, O.V., Makarov, Yu. N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679–688.

[Natolochnaya et al., 2020d](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984–992.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E.* (2017). Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367–377.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b](#) – *Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E.* (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817–829.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – *Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E.* (2019). Education Reforms in the Don Region in 1880–1890 and Host Ataman Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 229–239.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b](#) – *Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E.* (2019). 66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454–465.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019c](#) – *Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E.* (2019). 66 % of Literacy Among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical Indicators of Primary Education Among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664–676.

[Putilina et al., 2018](#) – *Putilina, Yu. V., Rodina, V.N., Kirilova, O.V., Taran, K.V.* (2018). Student Clubs in Siberia at the beginning of the XX century (Adapted from Materials of the Journal «Siberian Student»: 1914–1916). *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 615–622.

[Rodina et al., 2018](#) – *Rodina, V.N., Kirilova, O.V., Taran, K.V.* (2018). The Class List of Secondary Educational Institutions' Pupils in Siberia at a boundary of the 19th–20th centuries. *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 428–435.

Опыт анализа региональных систем образования Российской империи (на материале статей Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований). Часть 1

Виктор Владимирович Барабаш ^{a, *}, Белла Ахмедовна Булгарова ^a,
Наталья Владимировна Поплавская ^a, Людмила Беловна Тёрёчик ^a

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. История образования в Российской империи остается дискуссионной и политизированной темой. Если в советское время достижения имперской системы игнорировались, то в настоящее время, напротив, присутствует ее определенная идеализация. В данной статье предпринята попытка взглянуть на систему образования Российской империи как на совокупность региональных систем образования, между которыми существовали серьезные различия. Для достижения этой цели были проанализированы статистические сведения по 5 губерниям и 2 казачьим областям, сделан вывод о том, что в середине XIX в. действительно можно говорить о различных системах образования в регионах империи. При этом различия отмечены как организационные (например, в некоторых регионах для распространения грамотности вообще имели больше значение школы Министерства государственных имуществ, чем школы Министерства народного просвещения), так и качественные (доля детей, посещающих школы, даже в регионах, не затронутых Кавказской войной, колебалась в несколько раз). В итоге, если в одних регионах (Вологодская губерния, Оренбургское казачье войско) учебные заведения к этому времени были уже во всех значительных поселениях, то в других – их было крайне мало (менее 30 в области Войска Донского и менее 10 в Тифлисской губернии).

Ключевые слова: Российская империя, региональные системы образования, Воронежская губерния, Вологодская губерния, Ставропольская губерния, Тифлисская губерния, Виленская губерния, область Войска Донского, Оренбургское казачье войско.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: barabash-vv@rudn.ru (В.В. Барабаш)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 738-749.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.738
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Merchants of the Steppe Region in the second half of the XIX – early XX centuries: Entrepreneurship and Charity

Ainur Zh. Gabdulina ^{a, *}, Kuralay Sh. Aubakirova ^b, Raushan D. Akhmetova ^c, Gulnur A. Abenova ^c

^a Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^b Eurasian Humanities Institute, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^c Shakarim University, Semey, Republic of Kazakhstan

Abstract

The work examines the entrepreneurial and charitable activities of the merchants on the territory the Steppe Land. Attention is paid to the process of creating water trade routes in region, as well as related infrastructure.

The archival materials of the Central State Archives to the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan), some of which were introduced into scientific circulation for first time, are of great importance into work. In addition, documents from the Semey Museum of History and Local Lore (Semey, Kazakhstan) were used. Archival sources represent departmental correspondence and reports, including documents to the Semipalatinsk customs, reports of the Councils to various societies and committees, as well as letters from regional officials. Materials of periodicals were also used as sources, the newspapers “Semipalatinskaya Zhizn”, “Semipalatinsk Oblastnye Vedomosti”, “Sibirskaya Zhizn”, “Semipalatinskiy Listok”, “Tobolsk Oblast Vedomosti” and others.

In order to create a general picture to the everyday life of merchants during research, general scientific and special historical research methods were used. Among general scientific methods, generalizing, analytical and logical methods were applied. From the category of special historical methods, the authors were guided by systemic-structural, historical-retrospective, historical-genetic, as well as historical-typological methods.

In conclusion, the authors note that the contribution of the Russian merchants to the development of the region was extensive, merchants stood at the foundation the Upper Irtysh Shipping Company, a printing house, a newspaper, the largest distilleries and breweries in Central Asia and Western Siberia, a steam flour mill, private gold mining, a railway, water supply, telephone, electricity and etc., thereby creating the basis of capitalist relations in the region. In addition, the merchants spent significant funds on social projects for the creation of public schools and parochial schools, for churches and hospitals. All this together gave a significant boost to the birth of a local generation to scientific intelligentsia.

Keywords: history, Russian Empire, Steppe region, Russian merchants-industrialists, trade, charity, philanthropy, water supply, printing house, shipbuilding.

1. Введение

После отмены крепостного права в 1861 г. Российская империя вступила в период динамического развития: в это время шла коренная модернизация деревни, где стремительными темпами развивалось купечество. Именно ему во второй половине XIX века будет отведена роль

* Corresponding author

E-mail addresses: ainur2005@mail.ru (A.Zh. Gabdulina)

локомотива в деле организации повседневной жизни и досуга на просторах Российской империи. Не были исключением здесь и такие территории, как Сибирь и Степной край¹.

Большой вклад в развитие Сибири и земель Степного края внесли яркие представители российского купечества, среди которых можно назвать следующие купеческие фамилии: Плещеевы, Москвины, Ложкины, Красильниковы и др. Благодаря этим людям, на благотворительной основе были возведены школы, церкви и больницы. Купечество выступало также и в роли собирателей предметов культуры и искусства, хранителей обширных коллекций редких предметов. Значительное внимание купечество уделяло и вопросам бизнеса, что способствовало развитию торговых путей и инфраструктуры региона (судоходство, водопровод, типографии, паровые мельницы, другие промышленные объекты).

2. Материалы и методы

Важное значение в работе имеют архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), часть из которых впервые введена в научный оборот. Используются также документы историко-краеведческого музея города Семей (Семей, Казахстан). Архивные источники представляют собой ведомственную переписку и отчеты, среди которых документы Семипалатинской таможни, отчеты Советов различных обществ и комитетов, а также письма региональных чиновников.

В качестве источников были использованы также материалы периодической печати, а именно газеты «Семипалатинская жизнь», «Семипалатинские областные ведомости», «Сибирская жизнь», «Семипалатинский листок», «Тобольские областные ведомости» и другие.

Для создания общей картины повседневной жизни купечества в работе применялись общенаучные и специальные исторические методы исследования. Среди общенаучных методов были использованы обобщающий, аналитический и логический методы. Из категории специальных исторических методов мы руководствовались системно-структурным, историко-ретроспективным, историко-генетическим, а также историко-типологическим.

Одной из важных основ методологической базы исследования являются общенаучные методы исторического исследования и научного анализа. При этом важное значение имеет системно-структурный анализ, который позволяет рассматривать при изучении отдельных событий второй половины XIX – начала XX вв. развивавшиеся исторические явления как определенную систему, обладающую соответствующей структурой и функциональной значимостью. Помимо этого был применен историко-сравнительный метод, благодаря которому можно рассмотреть купечество Степного края в контексте сравнения с другими соседствующими территориями, например Сибирь.

В работе изучались не только архивные и музейные источники, но и были использованы опубликованные летописи из Знаменского собора, что дало возможность применения ретроспективного метода, который позволил комплексно рассмотреть повседневную жизнь купечества во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Степного края.

3. Обсуждение

Историография о повседневной жизни купечества на территории Степного края начинает создаваться практически сразу же после появления русского купечества на данной территории.

Уже во второй половине XIX века исследователи, путешественники, представители военного чиновничества в своих трудах, донесениях поднимали вопросы влияния торговых взаимоотношений на окраинах государства, в том числе на территории Степного края. К этим вопросам обращались такие специалисты, как М.И. Венюков (Венюков, 1868: 427-431), Г.Н. Потанин (Потанин, 1862: 1089-1092), Н.М. Ядринцев (Ядринцев, 1884: 24-40) и И. Завалишин (Завалишин, 1867: 62-93), Н. Балкашин (Балкашин, 1887: 18-38), Н.Я. Коншин (Коншин, 1903: 32) и др.

М.И. Венюков – путешественник, военный разведчик, дважды побывавший в экспедиции по Средней Азии. В своих отчетах и донесениях он обращал внимание на социально-экономическое и военно-политическое устройство Степного края. Таким образом была собрана ценная информация о торгово-промышленной деятельности на его территории.

Известный ученый Г.Н. Потанин в своих экспедициях по Прииртышью исследовал не только физико-географическое положение, но и занимался описанием земледельческих, хозяйственных взаимоотношений, торгово-экономических связей Степного края, в том числе опубликовал важные сведения по истории предпринимательства в Прииртышье. Кроме того, ученые Н.М. Ядринцев (Ядринцев, 1884: 24-40) А.Н. Седелников (Россия, 1903: 453-478), Ф. Щербина (Щербина, 1909: 229) в научных трудах по изучению Сибири, восточного региона территории современного Казахстана внесли ценный вклад в развитие прииртышских городов, в частности в историю прииртышского предпринимательства и ростовщичества.

¹ Важно пояснить, что топоним «Степной край» был введен в 1882 г. и просуществовал до 1918 г. В состав Степного края входили Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области – Авт.

В 1860-х гг. И. Завалишин в работе «Описание Западной Сибири» (Завалишин, 1867: 62-93) рассматривал физико-географические и экономические ресурсы Сибири и Степного края.

Исследователь Н.Я. Коншин принимал активное участие в работе Семипалатинского подотдела Императорского Русского географического общества, был основателем и редактором газет «Семипалатинский листок» и «Семипалатинские областные ведомости», а также много лет работал над изданием «Памятных книжек Семипалатинской области».

В советский период появились новые труды по истории Казахстана, в которых эпизодично находили свое отражение рассматриваемые нами работы. Здесь можно назвать труд Б. Сулейменова «Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX и начале XX в.» (Сулейменов, 1963: 411). К теме хозяйственного освоения Прииртышья обращалась Н.Г. Аполлова в работе «Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в.» (Аполлова, 1976: 371). Она изучала разные типы хозяйственного образа жизни коренного и переселенческого населения восточных территорий современного Казахстана, а также исследовала влияние казахско-русских взаимоотношений на данный регион.

В современный период данная тема рассматривалась такими авторами, как Ж.К. Касымбаев, Н. Агубаев, Г. Ахметова, В. Кашляк и др. Так, в одной из работ Ж.К. Касымбаева «Города Восточного Казахстана 1861–1917 гг.» (Касымбаев, 1990: 190) уделяется внимание общей численности купечества в городах современной территории Казахстана во второй половине XIX в. В другом труде Ж.К. Касымбаева, Н. Агубаева «История Акмолы (XIX – начало XX века): исследования, источники, комментарии» (Касымбаев..., 1998: 173) изучается феномен социально-экономического роста Акмолинска благодаря купеческому сословию, а также показан процесс развития города и улучшение уровня жизни населения.

Вовлечение Степного края в новый оборот рыночных отношений создавало возможность для формирования новой системы финансово-экономических отношений. Переход из феодальных отношений в капиталистические в Степном крае, усиление рамок торгово-экономических устоев – все это повлияло на социальную стратификацию общества, особенно формировавшимся тогда таким сословием, как купечество. Тем временем купцы, начинавшие с рыночной торговли, постепенно, набирая обороты, со второй половины XIX в. приступили к хозяйственному освоению территории, развитию промышленности, строительству паровых мельниц, созданию транспортных систем, включая железные дороги и судоходство и т.д.

4. Результаты

Предпринимательская деятельность купечества Степного края

Практически сразу после присоединения Центральной Азии к России на повестку дня встал вопрос создания и обеспечения торговых путей. Имперское правительство уделяло большое внимание судоходству через азиатские торгово-промышленные территории до границ Китая. В связи с этим водный транспорт получил приоритет. Среди всех водных артерий особенно выделялся водный потенциал реки Иртыш. Создание водных торговых путей привело к быстрому освоению золотых месторождений региона, инициировало сбыт местной продукции в промышленных масштабах, в связи с чем благоприятно отразилось на развитии местного купечества.

Существенной преградой для развития грузоперевозок водным путем были мелководье и непроходимость рек в некоторых местах, поэтому промышленные грузоперевозки осуществлялись только на отдельных участках рек.

В 1861 г. в Тюмени был построен железный пароход «Союз», который уже в том же году сделал пробный рейс по рекам Тавде, Сосве, Лозве. Пароход этот в 80 лошадиных сил сумел провести из Тюмени к Семипалатинску две баржи с грузом около 30 тыс. пудов, из которых первая половина состояла из разных купеческих товаров, а вторая – из казенного спирта (Михаэлис, 1914: 7).

Но не Семипалатинск был конечной целью данной грузоперевозки – это была разведка водной артерии на пути к границам Китая. Российское купечество, освоив с 1840 г. пароходное движение по рекам Западной Сибири, искало новые рынки сбыта своей продукции и приобретения необходимого товара. Этим рынком в то время был Китай.

Уже на следующий год по инициативе семипалатинского губернатора И.Ф. Бабкова состоялась специальная экспедиция на пароходе «Ура» под командованием подполковника Зряхова до границ Китая (Михаэлис, 1914: 7).

30 мая 1863 г. экспедиция отплыла из Омска и после двухмесячного плавания достигла пикета Манитугатуй на Черном Иртыше. Исследовав Иртыш, экспедиция пошла в Зайсан через Иртыш, Курчум, Буконь, Бухтарму. Однако болезнь ее руководителя подполковника Зряхова привела к тому, что экспедиция была вынуждена вернуться сначала в Семипалатинск, а затем в Омск. Результатом этого плавания было описание берегов озера Зайсан, рек Черного и Белого Иртыша, составление подробной карты плавания... (Михаэлис, 1914: 10).

Этот опыт, однако, показал, что пароходство между Семипалатинском и Усть-Каменогорском затрудняется мелями, а далее к Бухтарме – быстрым течением реки.

В 1868 г. генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант А.П. Хрущев на 80-сильном пароходе, носящем его фамилию, совершил пробный рейс на озеро Зайсан. Это поездка лишь подтвердила вышеупомянутую версию.

В 1879–1880 гг. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова было проведено исследование фарватера Иртыша от Семипалатинска до Зайсана под руководством секретаря Семипалатинского статистического комитета Е.П. Михаэлиса (Кашляк, 2013: 238). Целью этой экспедиции было исследование судоходного фарватера Иртыша выше Семипалатинска, выбор удобной пристани для пароходов на берегах озера Нор-Зайсана и определение направления – Хабар-Асу или Сай-Асу, ведущих в долину Эмиля через горный хребет Тарбагатай. В 1880 г. судно поднялось на озеро Нор-Зайсан. Его берега были изучены и найдены удобные места для пристаней... (Чернышев, 1887: 8).

Тем временем исследования в верховьях Иртыша продолжались. В 1896 г. по распоряжению начальника Томского округа путей сообщения барона Амина Бьерна Александровича для изучения судоходства туда был отправлен казенный пароход «Тюмень». Выводы этой экспедиции оказались весьма благоприятными (Семипалатинские областные..., 1898, № 26). Чиновники рапортовали, что при продвижении по реке были многочисленные сложности, так как Иртыш в некоторых местах был очень узок и извилист, так что лодкой экспедиции длиной около 40 футов с трудом можно было управлять. Однако в результате этой экспедиции было выяснено, что развитие судоходства по реке возможно вплоть до границ Китая.

11 июля 1898 г. город Семипалатинск посетил министр путей сообщения Российской империи князь М.И. Хилков. О его пребывании в городе осталось следующее официальное сообщение: «Во время пребывания министра в Семипалатинске ему были предоставлены две докладные записки: одна начальником области, о пароходстве в верхнем течении Иртыша (от Семипалатинска до Китая), и другая – городским главой, о необходимости проведения железной дороги через Семипалатинск от Ташкента до Томска (Семипалатинские областные..., 1898, № 24). По всей вероятности, министр пообещал рассмотреть данный вопрос в положительном смысле. Воодушевленный обещаниями министра, пароходовладелец Разумовский отправился на буксирном пароходе «Наследник» для исследования Иртыша (Семипалатинские областные..., 1898, № 23). Он решил направить пароход в верхний Иртыш, где тот должен был буксировать баржи от Бухтармы до Китая... (Семипалатинские областные..., 1898, № 24).

В декабре 1898 г. на заводе И. Любимова в Перми был построен пароход Зыряновского горнопромышленного общества Южного Алтая, который предназначался для рейсирования в верховьях Иртыша, между Семипалатинском и устьем реки Бухтармы... (Семипалатинские областные..., 1898, № 49/50).

Вместе с тем, пока шло исследование верховьев Иртыша, 7 января 1899 г. в Тюмени была открыта компания «Западно-Сибирское пароходство и торговля», распространившая свои действия на все реки этого региона.

В это же время по распоряжению Министерства путей сообщения из Тюмени этим товариществом была послана специальная экспедиция для описания и исследования данных мест, представлявших для купечества особый интерес. Местная периодическая печать сообщала: «...Тюменские пароходовладельцы намерены были открыть пароходное сообщение по Иртышу до оз. Зайсан и до китайской границы, они рассчитывали на значительное количество грузов из Средней Азии и Китая. В этом направлении они предприняли подробное исследование Иртыша, который указывал направление из Сибири в глубь Азии...» (Семипалатинские областные..., 1899, № 15/16).

Но не только Западно-Сибирские пароходовладельцы просчитывали выгоды в устройстве пароходного сообщения в Верхнем Иртыше. В это же время купцы Степного края во главе с купцом 2-й гильдии Прокопием Плещеевым уже проработали все условия для претворения его в жизнь. 1 января 1900 г. ими была открыта Иртышская компания пароходства и торговли в составе купцов П.И. Березницкого, Н.К. Русанова и П.Ф. Плещеева, которая приобрела несколько барж и пароход «Сокол», а потом приступила к совершению рейсов по верхнему Иртышу в глубь Китая. Нужно пояснить, что компания занималась не только грузоперевозками, но и торговлей (Семипалатинские областные..., 1900, № 9).

В 1900 г. купец Плещеев открыл еще одно пароходство «Товарищество Верхне-Иртышского пароходства и торговли», которое стало поддерживать постоянное сообщение между Семипалатинском и озером Зайсан (Россия, 1903: 432). Пароходство доставляло грузы до Тополева Мыса на оз. Зайсан. С 1904 по 1913 гг. грузооборот пристани в Семипалатинске вырос в 2,7 раза... (Вопросы географии, 1953: 143-280).

Первым пароходом этого товарищества стал «Святой ключ», который был построен еще в 1892 г. на заводе Ятеса в Екатеринбурге и до этого носил название «Сокол», а затем «Страдалец». Этот пароход проработал вплоть до 1940-х годов (Титов, 1990: 49-50).

В течение года Верхне-Иртышское общество пароходства и торговли создавало инфраструктуру пристаней на Иртыше выше Семипалатинска: в пос. Пьяноярском, Усть-Каменогорске, станицах Бухтарминской и Батинской (Семипалатинские областные..., 1900, № 17).

25 апреля 1901 г. судоходный пароход «Святой ключ» сделал первый рейс к озеру Зайсан, а вскоре установилось периодическое торговое сообщение по р. Черный Иртыш до Китайской границы (Бабков, 1912: 345).

Однако первое далекое путешествие оказалось не совсем удачным. Зимы 1900–1901 гг. были малоснежными, продолжительные засухи привели к тому, что река Иртыш обмелела и рейсы стали маловыгодными.

Однако, несмотря на неблагоприятные климатические условия, с 1901 г. вводится еженедельное пароходство между Омском, Павлодаром и Семипалатинском (Киргизская степная газета, 1901, № 14).

Из-за нехватки средств в ноябре 1905 года происходит объединение капиталов компании Иртышского пароходства и торговли с фирмой «И.Н. Корнилова наследница». Новая компания, названная «Верхне-Иртышское товарищество пароходства и торговли с наследницей Корниловой», соединив свои силы и приняв на себя доставку грузов и рейсирование пароходами по Иртышу от Тюмени до Китая, приступила к постройке новых пароходов и нескольких барж (Семипалатинский листок, 1905, № 242).

Однако купеческая деятельность была связана с известными рисками и далеко не все предпринимательские инициативы оборачивались прибылью. Так, в 1905 г. была открыта Урумчийская контора, и это Товарищество, принявшее доставку грузов из Урумчи на Тополев мыс у озера Зайсан, потерпело такие убытки, что не смогло возобновить свою деятельность (Коротков, 1908: 364).

Итак, в 1908 г. в Семипалатинске уже было несколько пароходных пристаней: ТД «Плотников и сыновья», троицкого купца Ботова, компании «Верхне-Иртышское пароходство и торговля», пароходства «И.Н. Корнилова наследница», а также Т-ва «Бр. Вардроппер», взявшего пристань в аренду 26 июня 1899 года от А.В. Колмакова (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 45. Л. 346–347).

В навигацию 1909 г. компания Верхне-Иртышского пароходства и торговли отправила из Тюмени к Зайсану несколько новых товаро-пассажирских пароходов, таких как «Плещеев», «Еурога», «Русь», «Китай» (Сибирская жизнь, 1909, № 133). И с этого же года началась организация нового «Русско-Китайского Общества пароходства и торговли».

Благотворительная деятельность купечества Степного края

Вопросы повседневной жизни купечества нельзя рассматривать без его благотворительной деятельности, так как купечество как в целом в России, так и на территории Степного края внесло значительный вклад в развитие образования и культуры в период второй половины XIX – начала XX вв.

Купечество активно жертвовало средства на школы, больницы, церкви. Так, в конце 1879 г. купцы Степного края Ф.П. Плещеев, Н.М. Арефьев, Г.И. Ложкин и А.В. Москвин подали на имя военного губернатора области А.П. Проценко прошение, в котором ходатайствовали о разрешении на строительство Александровской церкви в честь 25-летия с момента начала царствования императора Александра Николаевича (Кашляк, 2013: 265).

29 января 1880 года губернатор утвердил это прошение (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2827. Л. 20–21). Однако, пока шло строительство церкви, 1 марта 1881 г. император Александр II был убит революционерами, а количество купцов, желавших продолжить строительство, сократилось. В результате купец Ф.П. Плещеев остался практически один, и в 1882 г. церковь была построена. Она была названа, как и планировалось, в честь императора Александра II. Однако два года спустя ее переименовали в Александро-Невскую церковь (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 28. Л. 209–211). Спустя несколько лет была построена и колокольня, освящение которой состоялось 16 сентября 1890 г., а саму службу провел преосвященный Макарий – епископ Бийский Викарий Томской епархии. Церковь имела один престол во имя св. Благоверного великого князя Александра Невского. Всего на эту церковь купцом Плещеевым было затрачено около 50 тыс. руб. (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2827. Л. 73).

В 1899 г. Федор Петрович Плещеев снова возвращается к Святому ключу, где в том же году закладывает на свои средства деревянную церковь на Святом ключе в честь Знамения Божией Матери. Эта церковь строилась в период с 1899 по 1904 гг. (Летопись..., Краеведческий музей).

В 1900 г. уездный благочинный Д. Алексинский, прибыв в Прииртышье, проявил инициативу в исследовании берега Иртыша около Святого ключа, и вместе с Плещеевым они приняли решение облагородить это лечебное место, построить часовню у Святого ключа, так как количество паломников к нему с каждым годом увеличивалось (Семипалатинские областные..., 1900, № 1).

Кроме того, немалые пожертвования купеческая семья Плещеевых сделала при строительстве Никольской церкви (в период 1891–1904 гг.). Такое же деятельное участие она приняла и в подписке на сооружение в новом здании мужской гимназии домового церкви. Подписка проводилась с 10 по 18 октября 1899 г. и собрала более 3 тыс. рублей (Семипалатинские областные..., 1899, № 41–42).

Кроме пожертвований на строительство церквей и приобретения утвари для них, русские купцы отличались и в других видах благотворительности.

Сразу после окончания постройки Александровско-Невской церкви Федор Петрович на свои средства приступил к строительству при ней церковно-приходской школы (позднее, в советское время, это здание долгое время занимала средняя школа № 4). Открытие школы состоялось 17 октября 1893 г. (ЦГА РК. Ф. 500. Оп. 1. Д. 50. Л. 85).

В июле 1901 г. Омский епархиальный училищный совет ходатайствовал перед городским обществом о присвоении четырем семипалатинским церковно-приходским школам – Знаменской, Александро-Невской, Воскресенской и Никольской – почетных наименований: Знаменской – «Москвинской», в честь купца Алексея Васильевича Москвина, построившего здание для этой школы стоимостью в 18 тыс. руб.; Александро-Невской – «Плещеевской», в честь потомственного гражданина Федора Петровича Плещеева (Плещеев потратил на строительство здания 10 тыс. руб. и пожертвовал на содержание ее еще 5 тыс. руб.); Воскресенской – «Березницкой», в честь дворянина Петра Иустиновича Березницкого, израсходовавшего на здание школы 6 тыс. руб.; Никольской – «Ложкинской», в честь вдовы Марии Ложкиной, построившей здание для школы стоимостью в 6 тыс. руб. Важно отметить, что омский военный губернатор поддержал данное ходатайство ([Семипалатинские областные..., 1901, № 28](#)). 6 октября 1902 г. в здании Плещеевской школы были открыты бесплатные воскресные мужская и женская народные школы. Хотя областной комитет попечительства о народной трезвости и выделил 200 руб. на учебники, но здание и все ее содержание оплачивал Федор Петрович Плещеев.

Заботясь об обучении детей рабочих и служащих, занятых в производстве на винокуренном заводе и паровой мельнице, Федор Петрович построил воскресную школу, которую и открыл 26 сентября 1895 г. ([ЦГА РК. Ф. 500. Оп. 1. Д. 50. Л. 85](#)).

Особой формой благотворительности являлось попечительство, т.е. лицо, избранное попечителем какого-либо учреждения, было обязано вкладывать свои средства в его содержание и развитие. Активное участие в этом виде благотворительности принимали и Плещеевы. Так, 21 декабря 1870 г. Ф.П. Плещеев стал одним из попечителей тюремного комитета ([ЦГА РК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 31. Л. 142](#)). В последующее время он регулярно вносил пожертвования в виде продуктов и денежных средств, а в 1879 г. избирался почетным блюстителем приходского училища ([Адрес-календарь..., 1879: 243-251](#)).

С 11 января 1896 г. купец Семен Федорович Плещеев был избран городской думой попечителем Семипалатинской городской больницы, и являлся в течение 10 последующих лет ее попечителем. В этот период по его инициативе местными властями была построена и городская больница ([Сибирская жизнь, 1907, № 194](#)).

1 сентября 1899 г. Прокопий Федорович Плещеев был избран попечителем Семипалатинского 3-классного народного училища ([Семипалатинские..., 1899, № 36](#)). А в конце 1905 г. Мария Степановна Плещеева (жена Семена Федоровича) была утверждена попечителем школы им. Достоевского.

5 ноября 1908 г. городская дума избрала Анну Красильникову, Елизавету Плещееву (жену Прокопия Плещеева), Марию Плещееву, Петра Березницкого, Михаила Красильникова, Прокопия Плещеева членами попечительского Совета женской гимназии. А 30 декабря 1913 года жена Николая Семеновича, Анна Алексеевна, была утверждена в звании почетной блюстительницы Семипалатинского приходского им. Ф.М. Достоевского училища ([Семипалатинские областные..., 1914, № 1](#)).

3 ноября 1914 г., уже в период Первой мировой войны, избранный городской думой почетный гражданин Николай Семенович Плещеев был утвержден председателем Семипалатинского сиротского суда ([Семипалатинские областные..., 1914, № 45](#)).

Нужно также отметить, что практически все представители плещеевской семьи состояли членами попечительства и поддержки начального образования. Кроме ежегодных взносов, они оказывали и другую значительную материальную поддержку в деле развития системы народного просвещения. Так, с 1896 г. торговый дом «Плещеев и Ко» ежегодно ассигновал 300 руб. на жалование библиотечарю находящейся при данном обществе библиотеки ([О современном состоянии..., 1900](#)).

Немалый вклад внесли купцы и в развитие научно-исследовательской и краеведческой деятельности в регионе. Так, 7 ноября 1887 г. Ф. Плещеев, А.В. Москвин, М.Ф. Степанов, С.И. Хабаров, С.С. Никитин и др. стали действительными членами Семипалатинского областного статистического комитета, где оказывали помощь в работе Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО в исследовании территории Степного края ([Семипалатинские областные..., 1904, № 11](#)).

Будучи членом географического подотдела, Прокопий Федорович Плещеев оказывал и различную материальную помощь. Так, например, в типографии по сниженным ценам печатались исследования подотдела ИРГО, выделялись как денежные средства, так и жертвовались различные экспонаты для музея ЗСО ИРГО. Летом 1903 г. Плещеев выделил 100 руб. личных средств на финансирование экспедиции члена Западно-Сибирского отдела ИРГО А.Н. Седелникова для исследования озера Зайсан ([Отчет Западно-Сибирского..., 1904: 2](#)).

Весной 1915 г. Прокопий Федорович пожертвовал музею подотдела имеющиеся у него 2 старинные чугунные пушки ([Краеведческий музей, Протоколы РГО, 1902–1915](#)).

Являясь владельцем типографии, Прокопий Федорович оказывал содействие в издании не только трудов и отчетов различных обществ, но и оказывал поддержку писателям и поэтам. Так, в 1904 г. на средства Плещеева был издан сборник стихотворений М.В. Глебова «Сибирь», выручка от которого должна была поступить: «одна ее половина в пользу вдов и сирот Семипалатинского уезда

убитых на войне с Японией, а другая – в пользу сообщества поддержки начального образования в городе» (Семипалатинские областные..., 1904, № 4).

В 1907 г. типография торгового дома «Плещеев и Ко» издала небольшую брошюру об Абае Кунанбаеве (некролог, написанный известным лидером общественного-политического движения «Алаш» Алиханом Букейхановым, который был активным сотрудником Западно-Сибирского подотдела ИРГО).

В середине января 1901 г. степной генерал-губернатор позволил открыть «Попечительное общество бедных», во главе которого стал Прокопий Федорович Плещеев (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 39. Л. 45-45об.).

В марте 1902 г. торговый дом «П.Ф. Плещеев и А.В. Москвин» совместно с обществом попечения о доме трудолюбия и городских попечительств открыли на свои средства первые в городе ясли (приют для малолетних детей) (Семипалатинские областные..., 1902, № 12).

В благотворительной деятельности активную работу проводили не только мужчины-купцы, но и их жены. 16 декабря 1904 г. в Семипалатинске под председательством жены вице-губернатора Екатерины Степановны Ницкевич был образован «Дамский комитет». Членами его стали Мария Михайловна Москвина, Елена Григорьевна Александрова, Анна Семеновна Вдзенконская, Анна Захаровна Красильникова, жены двух братьев Плещеевых – Мария Степановна и Елизавета Степановна (Семипалатинские областные..., 1899, № 15).

В 1905 г. в регионе произошла сильная засуха, по всей империи собирались пожертвования, эту помощь оказало и местное купечество. Так, в октябре было организовано несколько пунктов по приему помощи: контора редакции «Семипалатинский листок», магазин С.Ф. Плещеева, Дом военного губернатора области, дом вице-губернатора области, Мещанская управа, контора купца М.А. Красильникова и другие (Семипалатинская жизнь, 1907, № 48).

Местное купечество, владея винокуренным, пивоваренным заводами, а также мукомольными мельницами, создавало благоприятные условия для рабочих, устраивало библиотеки-читальни и спектакли. Так, «домашние спектакли», финансируемые купцами, ставились местными актерами для рабочих в 1905–1907 гг., где игрались пьесы Островского «В чужом пиру похмелье», «Бедность – не порок» и другие.

В 1913 г. в Семипалатинске была открыта Торговая школа, а уже 28 мая 1916 г. состоялся первый ее выпуск в составе 11 человек.

После смерти жены Федора Петровича, Дарьи Семеновны, 9 ноября 1915 г. при женской гимназии была утверждена стипендия ее имени для учениц из мещан, в размере 80 руб. (Циркуляр..., 1915, № 11).

Находясь уже в преклонных годах, Федор Петрович Плещеев наказал старшему сыну Семену передать 6 тыс. руб. для строительства в городе водопровода. Дело в том, что первый городской водопровод был построен еще в конце XIX века, в основном на средства в то время бывшего городского головы А.В. Москвина, однако вода предназначалась только для городского сада. В 1906 г. городским головой становится сын Федора Петровича Плещеева – Прокопий Федорович, и уже 18 апреля 1906 г. им был инициирован проект увеличения объемов водоснабжения в городе (Кашляк, 2013: 238).

Уже осенью 1906 г. городская управа внесла предложение об увеличении мощностей водопровода и его коренной модернизации. В результате был приобретен насос системы Вертингтон для проведения магистрали водопроводных труб в центральные пункты татарской и 3-й частей города (смета составила 9100 руб.), помимо этого, из бюджета было выделено еще 11 тыс. руб. (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 44. Л. 189-190).

В начале 1907 г. городская дума утвердила проект мещанина Алексея Ивановича Трофимова о модернизации водопровода, но в связи с отсутствием профессиональных специалистов проект был остановлен (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 46. Л. 14-14об.). Для решения новой проблемы Прокопий Федорович Плещеев отправляется в Санкт-Петербург, находит там компанию, которая смогла бы сделать капитальный водопровод. Таким образом, и эта проблема была решена и в мае 1907 г. в Семипалатинск прибыл специалист Д.В. Елисеев для установления современного в то время водопровода (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 48. Л. 75-75об.). Городская дума утвердила смету расходов на устройство водопровода в размере более 200 тыс. руб. (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 48. Л. 199-199об.).

16 декабря 1907 г. была создана Комиссия по строительству водопровода, которая финансировала и контролировала процесс строительства. В ее состав вошли известные купцы Прииртышья: Ф.С. Мусин, Г.А. Мирсалимов, И.М. Габдулжапаров, Ф.В. Суворов, И.Ф. Шишковский, И.М. Ложкин, Ф.Ф. Трейеров, П.В. Арефьев, И.Н. Соловьев, А.Н. Силин, М.А. Красильников, Ф.А. Медведев (Кашляк, 2013: 240).

В 1911 г. водопровод был запущен, и к нему были построены два здания водонапорной станции, башни, паровые машины, жилой дом для проживания работников объекта, водоразборные будки, колодцы, пожарные гидранты, железные резервуары, котлы, а также фильтр американской системы «Джуэуль» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3804. Л. 30-31).

Таким образом, водоснабжение Семипалатинска впервые в его истории представляло собой разветвленную систему трубопроводов, систему подвода и отвода воды, были установлены дренажные системы, насосы, энергоустановки и прочее вспомогательное оборудование.

5. Заключение

Завершая, важно отметить, что купеческая предпринимательская деятельность через экспорт товаров и сырья по Иртышу в исследуемый нами период была достаточно активной. Благодаря развитию судоходства, грузоперевозки позволяли зарабатывать купечеству значительные средства, часть которых вкладывалась в инфраструктуру региона, в создание новых пристаней и торговых мест.

В целом вклад русского купечества в развитие края был обширен, купцы стояли у основания Верхне-Иртышского пароходства, типографии, газеты, крупнейших в Средней Азии и Западной Сибири винокуренного и пивоваренного заводов, паровой мукомольной мельницы, частной золотопромышленности, железной дороги, водопровода, телефона, электричества и т.д., тем самым создав в крае основы капиталистических отношений. Кроме того, купечество тратило значительные средства на социальные проекты: создание народных училищ и церковно-приходских школ, строительство церквей и больниц. Все это в совокупности дало значительный толчок для зарождения местного поколения научной интеллигенции.

Литература

- Адрес..., 1879 – Адрес-календарь Западной Сибири на 1879 год. Омск, 1879.
- Алексинский, 1898 – *Алексинский Дмитрий*, священник. Краткое сказание о чудотворной Иконе Божией Матери, именуемой Абалацкой, о чудотворной же копии Нея, находящейся в Семипалатинске и Святом Ключе. Семипалатинск, 1898.
- Бабков, 1912 – *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912.
- Балкашин, 1887 – *Балкашин Н.Н.* Об исследованиях Киргизской орды (в “Известиях Имп. Русс. Географического Общества”, 1886 г., т. XVIII); О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб., 1887.
- Венюков, 1868 – Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868.
- Вольфсон, 1903 – *Вольфсон Д.* Сибирские воскресные школы // Отчет совета общества попечения о начальном образовании в г. Семипалатинске за 1903. Томск, 1903.
- Вопросы географии, 1953 – Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953.
- Герасимов, 1909 – *Герасимов Борис*, священник. Храм во имя Святителя и Чудотворца Николая в г. Семипалатинске. Семипалатинск, 1909.
- Завалишин, 1867 – *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Том третий. Сибирско-Киргизская степь. Москва, 1867.
- Известия..., 1879 – Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1879.
- Касымбаев, 1990 – *Касымбаев Ж.К.* Города Восточного Казахстана 1861–1917. Алматы, 1990.
- Кашляк, 2013 – *Кашляк В.Н.* Семипалатинское купечество: Плещеевы. Семей, 2013. 288 с.
- Киргизская..., 1898 – *Киргизская степная газета*. 1898. № 36.
- Киргизская..., 1901 – *Киргизская степная газета*. 1901. № 14.
- Коншин, 1901 – *Коншин Н.Я.* Очерк экономического быта киргиз Семипалатинской области. Семипалатинск, 1901.
- Коротков, 1908 – *Коротков Н.* Урумчинский консульский округ и русская торговля в нем в 1906 году // *Известия ИРГО*. Т. XIV. Вып. VI. СПб., 1908.
- Краеведческий..., 1907 – Семипалатинский городской историко-краеведческий музей // Счет типографии. Некролог «Абай Кунанбаев». Семипалатинск, 1907.
- Краеведческий..., 1927 – Семипалатинский городской историко-краеведческий музей.
- Красовский..., 1868 – Материалы для географии и статистики России // Отчет Императорского РГО за 1863 год. СПб., 1868.
- Летопись... – Летопись Семипалатинского Знаменского собора // Семипалатинский городской историко-краеведческий музей.
- Михаэлис, 1914 – *Михаэлис Е.П.* Условия судоходства по Тихому Иртышу и озеру Зайсан. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Семипалатинск, 1914.
- Отчет..., 1904 – Отчет Западно-Сибирского Отдела ИРГО за 1903 год. Омск, 1904.
- Памятная..., 1882 – *Памятная книжка Западной Сибири*. Омск, 1882.
- Потанин, 1862 – *Потанин Г.Н.* Из Сибири [Г.Н. Потанин, Ч.Ч. Валиханов] // *Колокол* (Лондон). 1862. 1 мая (№ 131). С. 1089-1092.
- Приложение..., 1900 – Приложение к земской смете, 1900 // О современном состоянии Семипалатинского Областного Музея и Семипалатинской Общественной библиотеки. Краеведческий музей, Семей.

- Протоколы..., 1902–1915 – Краеведческий музей. Протоколы РГО за 1902–1915 гг. Семипалатинск.
- Россия..., 1903 – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Том 8. Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / Сост. А.Н. Седелников, А. Букейханов. М., 1903.
- Семипалатинская, 1907 – Семипалатинская жизнь. 1907. №25. 17 января.
- Семипалатинская..., 1907 – Семипалатинская жизнь. 1907. № 19. 10 января.
- Семипалатинская..., 1907 – Семипалатинская жизнь. 1907. № 24, 31, 41.
- Семипалатинская..., 1907 – Семипалатинская жизнь. 1907. № 48. 14 февраля.
- Семипалатинские ..., 1914 – Семипалатинские областные ведомости. 1914. № 45. 8 ноября.
- Семипалатинские областные..., 1899 – Семипалатинские областные ведомости. 1899. № 15. 13, 16 апреля.
- Семипалатинские областные..., 1904 – Семипалатинские областные ведомости, 1904. № 44. 30 октября.
- Семипалатинские, 1914 – Семипалатинские областные ведомости. 1914. № 1. 4 января.
- Семипалатинские..., 1898 – Семипалатинские областные ведомости. 1898. № 23.
- Семипалатинские..., 1898 – Семипалатинские областные ведомости. 1898. № 24.
- Семипалатинские..., 1898 – Семипалатинские областные ведомости. 1898. № 49-50. 12 декабря.
- Семипалатинские..., 1899 – Семипалатинские областные ведомости. 1899. № 36. 4 сентября.
- Семипалатинские..., 1899 – Семипалатинские областные ведомости. 1899. № 7. 13 февраля.
- Семипалатинские..., 1899 – Семипалатинские областные ведомости. 1899. № 15/16.
- Семипалатинские..., 1899, №19 – Семипалатинские областные ведомости, 1899. № 19. 8 мая.
- Семипалатинские..., 1899. № 41 – Семипалатинские ведомости. 1899. № 41-42. 16 октября.
- Семипалатинские..., 1900 – Семипалатинские областные ведомости. 1900. № 9.
- Семипалатинские..., 1900 – Семипалатинские областные ведомости. 1900. № 17.
- Семипалатинские..., 1901 – Семипалатинские областные ведомости. 1900. №19. 28 апреля.
- Семипалатинские..., 1901, № 28 – Семипалатинские областные ведомости. 1901. № 28.
- Семипалатинские..., 1904, №11 – Семипалатинские областные ведомости, 1904. № 11. 13 марта.
- Семипалатинский листок, 1905 – Семипалатинский листок. 1905. № 242. 13 ноября.
- Сибирская..., 1907, № 194 – *Сибирская жизнь*. 1907, №194, 21 декабря.
- Сибирская..., 1909 – *Сибирская жизнь*. 1909. № 133.
- Сулейменов, 1963 – *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX и начале XX в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 411 с.
- Титов, 1990 – *Титов Г.* Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск, 1990. С. 49-50.
- Тобольские..., 1862 – *Тобольские губернские ведомости*. 1862. № 31.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Циркуляр..., 1915 – Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1915. № 11.
- Чернышов, 1887 – *Чернышов*. Иртыш. СПб., 1887.
- Щербина, 1909 – *Материалы по киргизскому землепользованию: В 12 томах. 1898–1909* / Под ред. Ф.А. Щербины. Омск, 1909.
- Ядринцев, 1884 – *Ядринцев Н.М.* Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884. С. 24-40.

References

- Adres..., 1879 – *Adres-kalendar' Zapadnoi Sibiri na 1879 god* [Address-calendar of Western Siberia for 1879]. Omsk, 1879. [in Russian]
- Aleksinskii, 1898 – *Aleksinskii Dmitrii, svyashchennik* (1898). *Kratkoe skazanie o chudotvornoj Ikone Bozhiei Materi, imenuemoi Abalatskoi, o chudotvornoj zhe kopii Neyi, nakhodyashcheysya v Semipalatinske i Svyatom Klyuche* [A short story about the miraculous Icon of the Mother of God, called Abalatskaya, about the miraculous copy of Ney, located in Semipalatinsk and the Holy Key]. Semipalatinsk. [in Russian]
- Babkov, 1912 – *Babkov, I.F.* (1912). *Vospominaniya o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri* [Memories of my service in Western Siberia]. SPb. [in Russian]
- Balkashin, 1887 – *Balkashin, N.N.* (1887). *Ob issledovaniyakh Kirgizskoi ordy* (v "Izvestiyakh Imp. Russ. Geograficheskogo Obshchestva", 1886 g., t. XVIII); *O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musul'manakh* [On the research of the Kyrgyz Horde" (in "Izvestia of the Imperial Russian Geographical Society", 1886, vol. XVIII); *About the Kirghiz and about the Muslims subject to Russia in general*]. SPb. [in Russian]
- Chernyshov, 1887 – *Chernyshov* (1887). *Irtysch* [Irtysch]. SPb. [in Russian]
- Gerasimov, 1909 – *Gerasimov Boris, svyashchennik* (1909). *Khram vo imya Svyatitelya i Chudotvortsya Nikolaya v g. Semipalatinske* [Temple in the name of St. Nicholas the Wonderworker in Semipalatinsk]. Semipalatinsk. [in Russian]

- Izvestiya...*, 1879 – *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. SPb., 1879. [in Russian]
- Kashlyak*, 2013 – *Kashlyak, V.N.* (2013). *Semipalatinskoe kupechestvo: Pleshcheevy* [Semipalatinsk merchants: Pleshcheevs]. Semei, 288 p. [in Russian]
- Kasymbaev*, 1990 – *Kasymbaev, Zh.K.* (1990). *Goroda Vostochnogo Kazakhstana 1861–1917* [The cities of East Kazakhstan 1861–1917]. Almaty. [in Russian]
- Kirgizskaya...*, 1898 – *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. 1898. № 36. [in Russian]
- Kirgizskaya...*, 1901 – *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. 1901. № 14. [in Russian]
- Konshin*, 1901 – *Konshin, N.Ya.* (1901). *Ocherk ekonomicheskogo byta kirgiz Semipalatinskoi oblasti* [Essay on the economic life of the Kyrgyz of the Semipalatinsk region]. Semipalatinsk. [in Russian]
- Korotkov*, 1908 – *Korotkov, N.* (1908). *Urumchinskii konsul'skii okrug i russkaya trgovlya v nem v 1906 godu* [Urumchi consular district and Russian trade]. *Izvestiya IRGO*. T. XIV. Vyp. VI. SPb., 1908. [in Russian]
- Kraevedcheskii...*, 1907 – *Semipalatinskii gorodskoi istoriko-kraevedcheskii muzei* [Semipalatinsk city history and local history museum]. *Schet tipografii. Nekrolog «Abai Kunanbaev»*. Semipalatinsk, 1907. [in Russian]
- Kraevedcheskii...*, 1927 – *Semipalatinskii gorodskoi istoriko-kraevedcheskii muzei* [Semipalatinsk city local history museum]. [in Russian]
- Krasovskii...*, 1868 – *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii* [Materials for geography and statistics of Russia]. *Otchet Imperatorskogo RGO za 1863 god*. SPb., 1868. [in Russian]
- Letopis'...* – *Letopis' Semipalatinskogo Znamenskogo sobora* [Chronicle of the Semipalatinsk Cathedral of the Sign]. *Semipalatinskii gorodskoi istoriko-kraevedcheskii muzei*. [in Russian]
- Mikhaelis*, 1914 – *Mikhaelis, E.P.* (1914). *Usloviya sudokhodstva po Tikhomu Irtyshu i ozeru Zaisan. Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Conditions of navigation on the Quiet Irtysh and Lake Zaisan. Notes of the Semipalatinsk Subdivision of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Semipalatinsk. [in Russian]
- Otchet...*, 1904 – *Otchet Zapadno-Sibirskogo Otdela IRGO za 1903 god* [Report of the West Siberian Department of the IRGO for 1903]. Omsk, 1904. [in Russian]
- Pamyatnaya...*, 1882 – *Pamyatnaya knizhka Zapadnoi Sibiri* [Commemorative book of Western Siberia]. Omsk, 1882. [in Russian]
- Potanin*, 1862 – *Potanin, G.N.* (1862). *Iz Sibiri* [From Siberia]. [G.N. Potanin, Ch.Ch. Valikhanov]. *Kolokol* (London). 1 maya (№ 131). Pp. 1089-1092. [in Russian]
- Prilozhenie...*, 1900 – *Prilozhenie k zemskoi smete, 1900* [Supplement to the zemstvo estimate, 1900]. *O sovremennom sostoyanii Semipalatinskogo Oblastnogo Muzeya i Semipalatinskoi Obshchestvennoi biblioteki. Kraevedcheskii muzei, Semei*. [in Russian]
- Protokoly...*, 1902–1915 – *Kraevedcheskii muzei. Protokoly RGO za 1902–1915 gg.* [Museum of Local Lore. Protocols of the Russian Geographical Society for 1902–1915]. Semipalatinsk. [in Russian]
- Rossiya...*, 1903 – *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: Tom 8. Kirgizskii krai: [Ural'skaya, Turgaiskaya, Akmolinskaya i Semipalatinskaya oblasti]* [Russia. Full geographical description of our Fatherland: Volume 8. Kyrgyz Territory: [Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions]]. Sost. A.N. Sedel'nikov, A. Bukeikhanov. M., 1903. [in Russian]
- Semipalatinskaya*, 1907 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1907. №25. 17 yanvarya. [in Russian]
- Semipalatinskaya...*, 1907 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1907. № 19. 10 yanvarya. [in Russian]
- Semipalatinskaya...*, 1907 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1907. № 24, 31, 41. [in Russian]
- Semipalatinskaya...*, 1907 – *Semipalatinskaya zhizn'*. 1907. № 48. 14 fevralya. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1914 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1914. № 45. 8 noyabrya. [in Russian]
- Semipalatinskii oblastnye...*, 1899 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1899. № 15. 13, 16 aprelya. [in Russian]
- Semipalatinskii oblastnye...*, 1904 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1904. № 44. 30 oktyabrya. [in Russian]
- Semipalatinskii*, 1914 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1914. № 1. 4 yanvarya. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1898 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1898. № 23. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1898 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1898. № 24. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1898 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1898. № 49-50. 12 dekabrya. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1899 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1899. № 36. 4 sentyabrya. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1899 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1899. № 7. 13 fevralya. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1899 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1899. № 15/16. [in Russian]
- Semipalatinskii...*, 1899, №19 – *Semipalatinskii oblastnye vedomosti*. 1899. № 19. 8 maya. [in Russian]

- Semipalatinskies...*, 1899. № 41 – *Semipalatinskies vedomosti*. 1899. № 41-42. 16 oktyabrya. [in Russian]
- Semipalatinskies...*, 1900 – *Semipalatinskies oblastnye vedomosti*. 1900. № 9. [in Russian]
- Semipalatinskies...*, 1900 – *Semipalatinskies oblastnye vedomosti*. 1900. № 17. [in Russian]
- Semipalatinskies...*, 1901 – *Semipalatinskies oblastnye vedomosti*. 1900. №19. 28 aprelya. [in Russian]
- Semipalatinskies...*, 1901, № 28 – *Semipalatinskies oblastnye vedomosti*. 1901. № 28. [in Russian]
- Semipalatinskies...*, 1904, №11 – *Semipalatinskies oblastnye vedomosti*, 1904. № 11. 13 marta. [in Russian]
- Semipalatinskii listok*, 1905 – *Semipalatinskii listok*. 1905. № 242. 13 noyabrya. [in Russian]
- Shcherbina, 1909 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu: V 12 tomakh. 1898–1909 [Materials on Kirgyz land use: In 12 volumes. 1898–1909]. Pod red. F.A. Shcherbiny. Omsk, 1909. [in Russian]
- Sibirskaya...*, 1907, № 194 – *Sibirskaya zhizn'*. 1907, №194, 21 dekabrya. [in Russian]
- Sibirskaya...*, 1909 – *Sibirskaya zhizn'*. 1909. № 133. [in Russian]
- Suleimenov, 1963 – *Suleimenov, B.* (1963). Agrarnyi vopros v Kazakhstane v poslednei treti XIX i nachale XX v. [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX and early XX centuries]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 411 p. [in Russian]
- Titov, 1990 – *Titov, G.* (1990). Vozniknovenie parokhodstva v Ob'-Irtyskom basseine [The emergence of a shipping company in the Ob'-Irtys basin]. Novosibirsk. Pp. 49-50. [in Russian]
- Tobol'skie...*, 1862 – *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 1862. № 31. [in Russian]
- TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]
- Tsirkulyar...*, 1915 – *Tsirkulyar po Zapadno-Sibirskomu uchebnomu okrugu* [Circular for the West Siberian educational district]. 1915. № 11. [in Russian]
- Venyukov, 1868 – *Venyukov* (1868). Puteshestvie po okrainam russkoi Azii i zapiski o nikh [Travel to the outskirts of Russian Asia and notes about them]. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk. [in Russian]
- Vol'fson, 1903 – *Vol'fson, D.* (1903). Sibirskie voskresnye shkoly [Siberian Sunday Schools]. Otchet soveta obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Semipalatinske za 1903. Tomsk. [in Russian]
- Voprosy geografii*, 1953 – *Voprosy geografii* [Questions of Geography]. Sb. 31. M., 1953. [in Russian]
- Yadrintsev, 1884 – *Yadrintsev, N.M.* (1884). Kul'turnoe i promyshlennoe sostoyanie Sibiri [The cultural and industrial state of Siberia]. SPb. Pp. 24-40. [in Russian]
- Zavalishin, 1867 – *Zavalishin, I.* (1867). Opisanie Zapadnoi Sibiri. Tom tretii. Sibirsko-Kirgizskaya step' [Description of Western Siberia. Volume three. Siberian-Kirgyz steppe]. Moskva. [in Russian]

Купечество Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.: предпринимательство и благотворительность

Айнур Жумагазыевна Габдулина ^{a, *}, Куралай Шаймардановна Аубакирова ^b, Раушан Дюсенбековна Ахметова ^c, Гульнур Атымтаевна Абенова ^c

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

^b Евразийский гуманитарный Институт, Нур-Султан, Республика Казахстан

^c Университет им. Шакарима, Семей, Республика Казахстан

Аннотация. В работе рассматривается предпринимательская и благотворительная деятельность купечества на территории Степного края. Уделено внимание процессу создания водных торговых путей в регионе, а также сопутствующей инфраструктуры.

Важное значение в работе имеют архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), часть из которых впервые введена в научный оборот. Помимо этого, использованы документы историко-краеведческого музея города Семей (Семей, Казахстан). Архивные источники представляют собой ведомственную переписку и отчеты, среди которых документы Семипалатинской таможни, отчеты советов различных обществ и комитетов, а также письма региональных чиновников. В качестве источников были использованы также материалы периодической печати, а именно газет «Семипалатинская жизнь», «Семипалатинские областные ведомости», «Сибирская жизнь», «Семипалатинский листок», «Тобольские обласные ведомости» и др.

Для создания общей картины повседневной жизни купечества в ходе исследования использовались общенаучные и специальные исторические методы исследования. Среди общенаучных – были применены обобщающий, аналитический и логический методы, из категории

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ainur2005@mail.ru (А.Ж. Габдулина)

специальных исторических – авторы руководствовались системно-структурным, историко-ретроспективным, историко-генетическим, а также историко-типологическим методом.

В заключении авторы отмечают, что вклад русского купечества в развитие края был обширен: купцы стояли у основания Верхне-Иртышского пароходства, типографии, газеты, крупнейших в Средней Азии и Западной Сибири винокуренного и пивоваренного заводов, паровой мукомольной мельницы, частной золотопромышленности, железной дороги, водопровода, телефона, электричества и так далее, тем самым создав в крае основы капиталистических отношений. Кроме того, купечество тратило значительные средства на социальные проекты: на создание народных училищ и церковно-приходских школ, на церкви и больницы. Все это в совокупности дало значительный толчок для зарождения местного поколения научной интеллигенции.

Ключевые слова: купечество, Российская империя, Степной край, торговля, благотворительность, меценатство, водопровод, типография, судостроительство.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 750-759.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.750
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Meaning of Labor Migration in the Developing of the Outlying Territories of the Russian Empire in 1861–1914 (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region)

Sergey V. Vinogradov ^{a, *}, Igor V. Turitsyn ^b, Yuliya G. Eshchenko ^a, Elena V. Saveleva ^a

^a Astrakhan state university, Russian Federation

^b Research institute of history, economy and law, Russian Federation

Abstract

The authors show the role of labor migration as an important tool for the development of the outlying territories of the Russian Empire, on the example of the Volga-Caspian fishing region. In this article proves that it became possible to quickly develop the natural resources of this region, after the abolition of serfdom and the formation of a free labor market. Peasants rushed to the fishing industry in the hope of earning money from the agrarian overpopulated central and Volga provinces. Some of the labor migrants settled in Volga-Caspian fishing region, becoming workers in fish enterprises, fishers, and entrepreneurs. On the basis of the collected materials, the authors proposed original judgments proving that during the period under study, the fishing industry of the Volga-Caspian fishing region became the main supplier of fish products for the main industrial regions of the country under the conditions of the beginning of industrialization. The article analyzes a set of state documents of the 1860-1880s, contributing to the rapid development and development of the Volga-Caspian fishing region. This study carried out on the basis of a large array of archival documents that make it possible to better understand the organization of labor migrants in the fisheries in 1861-1914. Most of the documents from the funds of the State Archives of the Astrakhan Region are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Caspian Sea, Volga, Volga-Caspian fishing region, fishing industry, fisherman, industrialization, resettlement, marginal territories, labor migration, Astrakhan province.

1. Введение

На всем протяжении истории России трудовая миграция являлась и сегодня является стратегически важным инструментом государственной политики по освоению окраинных территорий. Одним из ярких примеров эффективности такой политики стало освоение Волго-Каспийского рыболовного района (далее ВКРР) в 1861–1914 гг.

Исследователи XIX – начала XX вв. под ВКРР подразумевали северную часть Каспийского моря с низовьями рек Волги и Урала, а также часть среднего Каспия по границе от низовья реки Кумы на западе до южного берега полуострова Мангышлак на востоке (Кузнецов, 1902: 113-114; Лактионов, 1924: 94-95; Загородников, 1929: 1-2). Северной границей ВКРР по Волге традиционно считался г. Камышин (ныне Волгоградская область). В административном отношении большую часть района составляла Астраханская губерния, в ней же находились административные органы, регулировавшие рыбный промысел ВКРР (РГАЭ. Ф. 764. Оп. 1. Д. 12. Л. 4; ГАО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 628. Л. 9-10). В 1913 г. общая площадь ВКРР составляла приблизительно 389 000 кв. км (Струбалина, 1989: 3).

После присоединения Астраханского ханства к России в 1556 г. освоение территории и природных богатств ВКРР шло за счет миграционных потоков рабочей силы из поволжских и центральных регионов страны. Жизнь в низовьях Волги была не простой – и в отношении

* Corresponding author

E-mail addresses: vinogradov-7@yandex.ru (S.V. Vinogradov), i.turitsyn@mail.ru (I.V. Turitsyn), pushistik_yuliya@mail.ru (Y.G. Eshchenko), elenasavao3@gmail.com (E.V. Saveleva)

климатических условий, и в отношении обустройства на новом месте. Но в то же время энергичных людей со всей страны влекли в эти места такие мощные стимулы, как богатые рыбные промыслы, выгодная торговля с восточными странами и соседними кочевыми народами, отсутствие крепостных порядков. За Астраханью закреплялась слава русского «Клондайка», где сильный и работоспособный, вне зависимости от сословного происхождения, мог разбогатеть, стать хозяином, а несправедливо преследуемый властями или помещиками найти защиту. Над рыбным промыслом витал дух азарта, ожидание удачи. Многие в судьбах ловцов и рыбопромышленников в то время зависело от быстро менявшихся погодных условий (морских течений, ветров), выбора места лова в море или участка, взятого в аренду рыбопромышленником. В отсутствии научных исследований все это было слабо предсказуемо.

Среди переселенцев были отставные военные, казаки, беглые, а также оброчные крестьяне. Крепостное право было серьезным препятствием, сдерживавшим поток трудовой миграции в район. Поэтому, несмотря на усилия Правительства, – перевод беглых крестьян в разряд государственных (Любовицкий, 1926), передачу лучших земель и промысловых вод в дворянскую собственность – к 1862 г. по плотности населения среди 50 губерний Европейской части России Астраханская занимала 47 место с плотностью населения 2,6 жителей на 1 кв. версту. Для сравнения, в самой населенной Московской губернии этот показатель равнялся 53, а в наименее населенной Архангельской – 0,4 (Россия. Энциклопедический словарь, 1991: 77).

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками написания статьи послужили материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Государственного архива Астраханской области (ГААО), сборники опубликованных документов и законов, касающихся развития рыбного промысла.

Говоря об архивных сведениях, необходимо упомянуть такие документы, как протоколы комиссии Каспийских рыбных и тюленьих промыслов при Астраханском губернском правлении (1861–1866 гг.), протоколы комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов (1866–1914 гг.), протоколы съездов рыбопромышленников и ловцов (1870–1899 гг.), записки рыбопромышленников астраханским губернаторам, списки рыболовных участков и сведения о ловецких обществах, владевших рыболовными водами. Эти документы подробно освещают процессы освоения и развития ВКРР в исследуемый период, особенности взаимодействия государственных органов, крупного капитала, ловцов и трудовых мигрантов.

Большой пласт архивных документов, касающихся особенностей найма, условий труда рабочих на рыбных промыслах, актов о различных правонарушениях, связанных с организацией труда, вводится в научный оборот впервые. К ним можно отнести отчеты смотрителей рыболовных участков, сведения из расчетных книг крупнейших рыбопромышленных фирм по оплате рабочих и служащих, описи промысловых строений и т.д. Впервые также используются документы, характеризующие торговую активность астраханских предпринимателей: отчеты их московских и петербургских филиалов, судоходных компаний, использовавшийся конторой рыбопромышленника К.В. Карастелева, сборник железнодорожных тарифов за 1905–1912 гг. и т.д.

2.2. Методология исследования представлена совокупностью общенаучных принципов исследования (системность, объективность, историзм) и конкретно-исторических методов. Системный принцип предполагает рассмотрение научной проблемы в совокупности ее компонентов, таких как осознанная на государственном уровне необходимость освоения природных богатств ВКРР, госрегулирование миграционных потоков рабочей силы, создание благоприятного социально-экономического климата для развития предпринимательства. Принцип объективности позволяет избегать идеологической заданности при анализе исследуемых процессов, максимально взвешенно подходить к анализу источниковой базы. Принцип историзма дает возможность в исторической ретроспективе оценить значимость трудовых миграций для освоения ВКРР.

С помощью историко-генетического метода выявлены причинно-следственные связи и закономерности между потоком трудовых мигрантов и освоением рыбных промыслов ВКРР. Сравнительно-исторический метод позволил понять причины усиления миграционных потоков в 1861–1914 гг., оценить динамику изменения трудовой миграции в ВКРР.

3. Обсуждение

Трудовая миграция как фактор освоения территорий ВКРР в 1861–1914 гг. не была предметом специальных исследований, поэтому ее историю приходится восстанавливать по работам авторов, затрагивавших различные аспекты развития рыбного промысла в районе.

Во второй половине XIX – начале XX вв. проблемы освоения и развития ВКРР интересовали, прежде всего, специалистов, связанных с рыбным промыслом профессиональным интересом. Это были работы чиновников центрального и местного уровня, участников Каспийских экспедиций, ученых Астраханской ихтиологической лаборатории. Из изданий того времени выделяются исследования К.М. Бэра, В.А. Кевдина, посвященные характеристике рыболовства в России (Исследования о состоянии рыболовства..., 1860–1876; Кевдин, 1915) и работы О.А. Гримма по характеристике ВКРР (Гримм, 1896). Основное содержание этих работ посвящено специальным

вопросам рыбоведения, однако некоторые из них содержат сведения исторического порядка, позволяющие судить об организации рыбного хозяйства в ВКРР.

Проблемы государственного регулирования рыбных промыслов освещены в работах И.Д. Кузнецова (Кузнецов, 1902), Н.А. Бородин (Бородин, 1903). Наряду с общей характеристикой состояния рыбной отрасли, эти исследователи затрагивали вопросы, касавшиеся социальных проблем ВКРР, положения наемных рабочих и ловецкого населения.

Активное изучение рыбного промысла 1861–1914 гг. продолжилось в 1920–1930-е гг. (Кисилевич, 1924а; Кисилевич, 1924б; Лактионов, 1924; Любомиров, 1926; Загородников, 1929; Мейснер, 1932). В 1950-х – 1980-х гг. астраханскими учеными были написаны монографии и диссертационные исследования по экономике рыбной отрасли, в которых в том числе затрагивались проблемы развития ВКРР в 1861–1914 гг. (Элькинд, 1959; Терентьева, 1972; Абаев, 1975; Киселев, Киселева, 1983).

На современном этапе ряд исследований был посвящен истории рыбной промышленности ВКРР в XIX–XX вв. (Струбалина, 1989; Воронова, 2005; Ишин, 2001), вопросам миграций и освоения региона в исследуемый период (Кузьмина, 2011; Команджаев, 2012; Badmaeva, 2016; Белоусов, 2019).

4. Результаты

Отмена Александром II крепостного права в феврале 1861 г. и последовавшие за этим Великие реформы дали мощный импульс к индустриализации страны. Развитие рынка труда в условиях перехода от крепостных порядков к капиталистическим отношениям способствовало усилению миграционных потоков на окраинные территории Российской империи. Благодаря своему географическому положению, ВКРР оказался в выигрышном положении. Во второй половине XIX – начале XX вв. ВКРР стал крупнейшим по добыче и переработке рыболовным районом страны, поставщиком рыбных товаров в промышленные центры Российской империи (Киселев, Киселева, 1983: 57).

Волга соединяла район с аграрнопеределенными губерниями Центра и Поволжья, позволяя потокам трудовых мигрантов относительно быстро добираться до рыбных промыслов, а обратно вверх по реке доставлять пароходами рыбопродукты потребителям. Расположенные рядом с местами добычи рыбы богатые соляные промыслы давали возможность наладить хранение скоропортящегося рыбного продукта.

Процесс индустриализации сопровождался развитием транспортных коммуникаций: количественным и качественным ростом речного пароходства и активным железнодорожным строительством (РГАЭ. Ф. 764. Оп. 2. Д. 164. Л. 12), снижением тарифов за перевозку рыбных товаров (ГААО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-5). Включение ВКРР с 1869 г. через железнодорожную магистраль Грязи–Царицын, а с 1909 г. через магистраль Саратов–Астрахань во всероссийскую железнодорожную систему имело важное значение в деле скорейшей доставки рыбной продукции в промышленные регионы страны (Бородин, 1903: 38-40).

Устойчивый подъем спроса на доступную по цене рыбную продукцию со стороны растущего городского населения стимулировал увеличение объемов добычи рыбы. Существенно менялся качественный состав уловов (Гримм, 1896: 64). Развитие транспортных коммуникаций существенно сокращало время доставки рыбных изделий до потребителей. Благодаря этим причинам, наряду с традиционной добычей элитных сортов красной рыбы, все большее место в рыбодобыче стали занимать менее ценные породы рыб: лещ, сазан, вобла, сельдь (Бородин, 1903: 38-40).

Возрастающий спрос заставлял менять устоявшиеся традиции морского лова. С 90-х гг. XIX в. рыбопромышленники стали строить большие баржи, прозванные «плавучими промыслами», которые стали выходить на лов, наряду с небольшими ловецкими судами (ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Т. 1. Д. 55. Л. 12-25). «Плавучие промыслы» с командой из 50 и более человек были предназначены не только для лова, но и для первичной обработки, засолки и хранения рыбы непосредственно в море. В 1895 г. на Северном Каспии работало две таких баржи, а в 1913 – 8 (Докладная записка..., 1912: 6).

Особенно удачно вписался в этот тренд сельдяной промысел. До 1860-х гг. сельдь использовали исключительно в технических целях: в качестве заправки для фонарей, освещавших российские города. Долгое время серьезным препятствием, сдерживавшим добычу этой рыбы, был короткий срок ее вылова в теплое время, в мае, что делало невозможными ее хранение и переработку (Бэр, 1856).

Но потенциально высокие прибыли стимулировали творческую мысль. В 1860-е гг. инженером Ф.А. Пеллем был разработан и успешно применен особый способ засолки сельди, получивший название астраханского. Он заключался в том, что сельдь сначала замораживалась смесью измельченного льда с солью, а потом засаливалась в больших бочках (История Астраханского края, 2000: 377).

Благодаря этой технологии, добыча сельди на рыбных промыслах ВКРР во 2-ой половине XIX в. стала быстро расти, обогнав вылов осетровых (Степанов, 1914: 6-7). В конце 1860-х гг. московская пресса сообщала о широком распространении и популярности каспийской сельди в различных районах страны, в том числе в Санкт-Петербурге и Москве (Шубинский, 1872: 14-15).

Важным фактором, оказавшим непосредственное воздействие на освоение ВКРР, стали произошедшие в середине 1860-х гг. изменения в сфере законодательства, регулировавшего хозяйственную деятельность в рыбопромышленной сфере. Новый Устав сельского хозяйства, принятый в 1865 г., содержал более 500 статей, регламентировавших рыбный промысел в крупнейших рыболовных бассейнах страны – на Севере страны, на Дальнем Востоке, на Черном и Азовском морях и т.д. ([Устав сельского хозяйства, 1903](#)). Самое большое количество статей этого документа (ст. 740-943) касалось регламентации рыболовства в ВКРР, что подчеркивало его статус главного рыболовного района Российской империи.

Устав разрешил заниматься рыбным и тюленьим промыслом выходцам из всех сословий русского общества. По сути, документ легализовал частную инициативу в районе, который заселялся и осваивался, благодаря предприимчивости населения, освоившего рыбный промысел в море и на реках. По Уставу все принадлежавшие государству рыболовные воды ВКРР были разделены на небольшие участки, которые сдавались в аренду на 5 лет. За право свободного лова в море был установлен билетный сбор в пользу казны с каждой рыболовной лодки. Устав ослабил дворянскую монополию на промысловые воды и заложил основы конкуренции в сфере рыбодобычи. Благодаря его применению, количество частных рыбопромышленных предприятий в Астраханской губернии с 1865 по 1910 гг. увеличилось приблизительно в 20 раз (с 50 до 1100), что способствовало созданию новых рабочих мест, повышению привлекательности района для переселенцев и трудовых мигрантов ([ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 2078. Л. 54; Д. 2091. Л. 39](#)). Работа по совершенствованию законодательства в рыбопромышленной сфере продолжалась в последующие годы ([ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 628. К. 9-10](#)).

Еще одним документом, стимулировавшим развитие рыбной промышленности района, стал Правительственный указ об отмене соляного акциза, принятый 23 ноября 1880 г. ([ПСЗ РИ, 1884: 709](#)). Инициатором данного решения стал Астраханский комитет рыбных и тюленьих промыслов, который в 1869 г. обратился к Правительству с ходатайством об отмене этого налога для рыбного промысла ВКРР. В результате отмены акциза цены на соль упали с 24 руб. 42 коп. за 1 т в 1880 г. до 5 руб. 49 коп. в 1881 г. (подсчитано по: [Лакин, 1922](#)). По мере заселения дельты Волги и Северного побережья Каспия начала складываться такая специфическая группа населения, как ловцы. До 1930-х гг. в низовьях Волги более привычное в настоящее время слово «рыбак» не использовалось, так как имело другое значение – скупщик рыбы. Ловцом же считался тот, кто ловил рыбу.

Состав ловецкого населения ВКРР был весьма разнообразен. В основном это были выходцы из поволжских (Костромской, Нижегородской, Самарской Пензенской) и центральных (Тамбовской, Рязанской, Калужской) губерний, мигрировавшие в ВКРР для заработка, а затем оседавшие там. Морские ловцы проживали в селах, располагавшихся в дельте Волги, на западном побережье Каспийского моря (современные Республика Калмыкия и северная часть Республики Дагестан) ([ГААО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 82-95; Д. 7. Л. 15-18](#)), а также в устье Урала (Казахстан) ([Кевдин, 1915: 22-23](#)). В последующем новые волны мигрантов устраивались на работу в ловецкие хозяйства наемными работниками.

В 1913 г. в ВКРР насчитывалось более 200 тыс. ловцов (без учета членов семей). По месту лова и оснащению ловцы подразделялись на две группы: речные и морские. В 1905 г. большая часть ловецкого населения (70,4 %) занималась морским промыслом и лишь 29,6 % – менее прибыльным речным ловом ([Кисилевич, 1924b: 7-8](#)). Одновременно морским и речным промыслом ловцы не занимались ([Мейснер, 1932: 22](#)).

Вся социальная инфраструктура ловецких сел и поселков (медицинское обслуживание, образование детей, культурная сфера) никак не финансировалась государством и если и существовала в отдельных наиболее богатых селениях, то только за счет самих ловцов ([Кисилевич, 1924a: 20-21](#)).

Важное место в развитии ВКРР принадлежало крупным рыбопромышленникам, владевшим мощными торгово-промышленными фирмами. К ним можно было причислить Сапожниковых, Леоновых, Агабабовых, Сторожевых, К.В. Карастелева, П.К. Платонова и др. Владея промыслами, прекрасно оснащенными рыбоперерабатывающими предприятиями, располагая штатом высококвалифицированных специалистов в сфере производства, торговли и управления, крупные рыбопромышленные фирмы добивались недостижимых для мелких предпринимателей прибылей. Например, годовая прибыль одной крупной компании «Синеморские рыбные промыслы» составляла в начале XX в. приблизительно 400 тыс. руб. Это превышало общую годовую прибыль 450 мелких рыбопромышленных предприятий района ([Киселев, Киселева, 1983: 57](#)).

В 1910 г. из 1100 частных рыбопромышленных заведений, зарегистрированных в Астраханской губернии, выделялось 30 крупных рыбопромышленных фирм с капиталом от 15 тыс. руб. до 250 тыс. руб. ([История Астраханского края..., 2000: 526](#)). Это были крупнейшие работодатели района, привлекавшие в ВКРР основную массу трудовых мигрантов. На предприятиях, принадлежавших этим фирмам, трудилось до 50 % от общего числа рабочих, занятых в отрасли ([Киселев, Киселева, 1983: 23](#)).

Отмена крепостного права привела к росту трудовой миграции в ВКРР. Количество наемных рабочих, прибывавших на рыбные промыслы района, ежегодно росло: если в 1860 г. их было 17 тыс. чел., то в 1913 – уже около 200 тыс. без семей ([Мейснер, 1932: 21-22](#)). Приезжавшие на рыбные промыслы крестьяне из центральных губерний отчасти решали проблему аграрного перенаселения,

разряжая социальную напряженность в них. Часть мигрантов обустроивалась в ВКРР, заселяя и осваивая его территорию. Отсюда значительный рост населения района во второй половине XIX – начале XX вв. Население Астраханской губернии с 1861 по 1913 г. увеличилось почти в три раза (с 480523 чел. в 1861 г. ([Списки населенных мест..., 1861: 11](#)) до 1 297300 чел. в 1913 г. ([Статистический ежегодник, 1914: 33](#))). На рыбном промысле среднего размера было занято до 1000 работников разных специальностей. На крупных промыслах трудилось до 10 тыс. чел. ([Киселев, Киселева, 1983: 25](#)).

Определенная сложность рынка труда ВКРР заключалась в его сезонном характере. Большие массы крестьян из других губерний прибывали в Астрахань в конце зимы, еще до ледохода. Это была основная рабочая сила для рыбных промыслов. Потребность в рабочих руках в течение года значительно колебалась. В короткий промежуток времени, во время весеннего хода рыбы на нерест, необходимо было достичь высокого результата. Поэтому весной – в начале лета требовалось наивысшее за год количество работников. Если число рабочих, принимавшихся на рыбные промыслы и рыбообрабатывающие предприятия, принять за 100 %, то осенью требовалось 40 % от этого количества, а зимой – не больше 10 %.

Работа на рыбных промыслах ВКРР была организована следующим образом: 5 % от общего количества работников были заняты на промысле круглогодично. Это были, как правило, квалифицированные специалисты: капитаны рыболовных судов, мастера по производству черной икры, солильщики рыбы, кузнецы, медицинские работники. Также постоянно функционировала промысловая контора с 5–10 служащими: управляющий промыслом, приказчики, бухгалтер и т.д. ([ГААО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-8; ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 2586. Л. 39-41; Д. 2585. Л. 54-68](#)).

Каждый сезон требовал особого подхода к найму рабочей силы. Учитывая эти сложности, крупные рыбопромышленные фирмы имели свои «рекрутинговые агентства» – группу подрядчиков, которые занимались вопросами найма и были посредниками между работниками и предпринимателем. При этом роль подрядчика не сводилась только к найму рабочих. В течение сезона он руководил собранной бригадой, следил за качеством выполняемой работы. Такой подрядчик получал от нанимателя аванс по количеству собранных работников. По окончании сезона именно ему выдавались предпринимателем все заработанные бригадой деньги, а он, соответственно, расплачивался с работниками ([Бородин, 1903: 23](#)).

В исследуемый период процессы механизации не затронули рыбную промышленность ВКРР. При наличии дешевой рабочей силы рыбопромышленники не видели в этом необходимости ([ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 624. Л. 10-18](#)). Условия труда и быта промысловых работников были тяжелыми. За весенний сезон промысловые рабочие имели только один выходной – в первый пасхальный день. Их зарплата зависела от вида работы, ее продолжительности, времени года, пола и национальности рабочего. Труд рабочих на рыбных промыслах ценился дешево. Часть заработной платы они получали товарами через продовольственную лавку ([ГААО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 16. Л. 45-98; ГААО. Ф. 677. Оп. 7. Д. 196. Л. 40-124](#)).

Лов рыбы осуществлялся с помощью сетей – неводов. Так как эта работа требовала определенных умений и навыков, то в неводчики нанимались либо жители рыболовецких сел, либо ватаги калмыков и казахов. Рыбопромышленники охотно брали их на работу, ценя за трудолюбие и профессиональный опыт ([Бородин, 1903: 19](#)). Заработок неводчика был одним из самых высоких на рыбных промыслах ([ГААО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 13. Л. 16-62](#)). На работы по упаковке рыбопродуктов, как правило, также нанимались мигранты ([Бородин, 1903: 23](#)).

В рыбной промышленности активно использовался женский и детский труд. Поэтому многие крестьяне приезжали на заработки в Астрахань с семьями. Так, первичной разделкой улова непосредственно на промыслах занимались женщины и дети. Женский труд по интенсивности был не легче мужского (мойка и разделка рыбы, упаковка готовой продукции), но оплачивался на треть ниже труда мужчин, подростки получали половину от заработка взрослых работников ([ГААО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 40-88](#)).

Часть мигрантов оседала в ВКРР. Некоторым удавалось разбогатеть на рыбном деле. Широкой известностью в Астрахани пользовался род рыбопромышленников Сапожниковых, владевших с 1819 г. рыбопромышленной фирмой, а с 1899 г. – торговым домом «Братья Сапожниковы» ([ГААО. Ф. 677. Т. 1. Оп. 1. Л. 1](#)).

К концу XIX в. название фирмы «Братья Сапожниковы» стало одним из самых известных астраханских брендов. Широкий ассортимент рыбных товаров (от черной икры до сушеной воблы) ценился за качество и разумные цены. Они были известны далеко за пределами Астраханской губернии, например, в центральных районах страны изделия из астраханской селедки называли «сапожниковскими», независимо от того, кто их производил ([Шубинский, 1872: 9](#)). Фирма построила широкую филиальную сеть в крупных городах империи. В 1880-х гг. Сапожниковы располагали собственным грузовым флотом из 9 пароходов, не считая более мелких судов для перевозки рыбных товаров ([ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Т. 1. Д. 582. Л. 1-4](#)).

Фирменные магазины «Братьев Сапожниковых» успешно работали в столичных городах, товары фирмы шли и на экспорт – в Германию, Австро-Венгрию, Францию, Турцию и т.д. ([ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 2162. Л. 21-32](#)). О всероссийском и международном признании деятельности

Сапожниковых свидетельствовали награды и призы, полученные астраханскими рыбопромышленниками на различных всероссийских и международных выставках (Васильев, Пернатъев, 2004: 77-79). Занимаясь не только торговлей, но и добычей и переработкой рыбы, Сапожниковы способствовали строительству и обустройству новых ловецких поселений вблизи своих рыбных промыслов (ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 598. Л. 48-90). На предприятиях фирмы было задействовано более 15 000 чел. (Васильев, Пернатъев, 2004: 77-79).

Помимо рыбопереработки, Сапожниковы владели в Астрахани целым рядом вспомогательных производств: бондарным (производство тары) и литейным заводами, сетевязальным цехом и т.д. (ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 604. Л. 1-10). В связи с запросом рынка на свежую рыбу фирма Сапожниковых в 1904 г., первая среди астраханских рыбопромышленных компаний, запустила холодильник для хранения рыбы. Одновременно он был запущен ими на складе фирмы в Москве (История Астраханского края, 2000: 378).

Рыбные предприятия ВКРР давали работу тысячам работников смежных отраслей (ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 490. Л. 15-124; ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 515. Л. 54-60). Так, например, более половины кустарных производств Нижегородской губернии (которая была расположена в 1000 км севернее рыбных промыслов ВКРР) работали, в основном, на обслуживании их нужд. Водный транспорт (прежде всего на Волге) и железнодорожные компании получали немалые доходы от перевозки рыбопродуктов (Струбалина, 1989: 63).

Рыбная отрасль в исследуемый период являлась основой экономики Астраханской губернии, главным источником благосостояния жителей. Более 50 % населения губернии (700 тыс. человек) в 1913 г. было задействовано в рыбном промысле и имело с него доход (ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 721. Л. 134-222).

Как уже отмечалось выше, рыбный промысел ВКРР имел важное государственное значение (Струбалина, 1989: 17). В начале XX в. в районе ежегодно добывалось около 40 тыс. тонн рыбы, что составляло примерно 65 % от общего улова Российской империи (Ишин, 2001: 305-306) и 6 % мировой рыбодобычи (Мейснер, 1932: 9). Это было больше, чем в Черном, Баренцевом, Белом и Балтийском рыболовных районах, вместе взятых. На рыбных предприятиях ВКРР изготавливалась большая часть деликатесных рыбных товаров (балык, черная икра), которые Российская империя отправляла на экспорт (Мейснер, 1932: 5-6).

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что в исследуемый период успешное освоение и развитие ВКРР шло в рамках общероссийского процесса индустриализации и становления капиталистических отношений. Однако это общее не отменяло, а только усиливало уникальность района. Основным драйвером развития в нем, привлекавшим все новые волны переселенцев и трудовых мигрантов, являлся рыбный промысел. Целый ряд благоприятных факторов способствовал ускоренному развитию и заселению ВКРР.

Отмена крепостного права позволила десяткам тысяч крестьян из аграрнопереукомплектованных центральных губерний отправиться по проложенной в предыдущие десятилетия дороге на рыбные промыслы в поисках заработка и лучшей жизни. Часть трудовых мигрантов оседала в районе, становясь ловцами, предпринимателями, рабочими рыбопромышленных предприятий.

Принятый в годы Великих реформ Устав сельского хозяйства, регулировавший в том числе и рыбопромышленную деятельность, открыл свободу предпринимательству в рыбном деле, сделав возможным заниматься им как крупным рыбопромышленным фирмам, так и ловецкому населению Астраханской губернии.

Формирование крупных промышленных центров и рост городского населения способствовали увеличению спроса на полезные для здоровья человека и в то же время доступные по цене рыбные продукты. Их основным поставщиком стали рыбопромышленные предприятия ВКРР. Благодаря быстрому развитию водного и железнодорожного транспорта, а также совершенствованию методов обработки и хранения рыбы, удалось наладить стабильные поставки рыбных товаров из Астрахани в крупные города России и за границу.

Быстрое заселение и освоение территории района во второй половине XIX – начале XX вв., значительные запасы рыбы и наличие удобных транспортных коммуникаций сделали ВКРР самым крупным рыбодобывающим и рыбообработывающим районом Российской империи.

Литература

Абаев, 1975 – Абаев В.Я. Совершенствование организационных форм управления в промышленности (на примере министерства рыбной промышленности и хозяйства СССР). Дисс. ... канд. экон. наук. М., 1975. 231 с.

Бородин, 1903 – Бородин Н.А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. 96 с.

Бэр, 1856 – Бэр К.М. Об употреблении астраханской селедки. Астрахань: Губ. тип., 1856. 21 с.

- Васильева, Пернатъев, 2004 – *Васильева Е.К., Пернатъев Ю.С.* 50 знаменитых бизнесменов XIX – начала XX в. М.: Фолио, 2004. 120 с.
- Воронова, 2005 – *Воронова А.А.* Рыбные промыслы Нижней Волги и Каспия в XIX – начале XX вв. Астрахань: Астраханский ун-т, 2005. 114 с.
- ГААО – Государственный архив Астраханской области.
- Гримм, 1896 – *Гримм О.А.* Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. 154 с.
- Докладная записка..., 1912 – Докладная записка его превосходительству Господину директору Департамента землеустройства и земледелия от рыбопромышленников, рыботорговцев и ловцов Каспийско-Волжского района. Астрахань: Тип. И.С. Цейхенштейна, 1912. 15 с.
- Загородников, 1929 – *Загородников Ф.И.* Рыболовство Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астраханского ОкрОНО, 1929. 127 с.
- Исследования о состоянии..., 1860–1876 – Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1860–1876. Т. I–IX.
- История Астраханского края, 2000 – История Астраханского края. Астрахань: Изд-во АГПУ, 2000. 1122 с.
- Ишин, 2001 – *Ишин В.В.* Исторический опыт партийно-государственного руководства рыбной промышленностью Российской Федерации, 1918–1991 гг. (на материалах рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна). М.: Прометей, 2001. 321 с.
- Кевдин, 1915 – *Кевдин В.А.* Современное рыболовство России. М.: Тип. «Земля», 1915. 153 с.
- Киселев, Киселева, 1983 – *Киселев В.К., Киселева Р.А.* Экономика воспроизводства рыбных запасов. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. 192 с.
- Кисилевич, 1924a – *Кисилевич К.С.* К ловецкому вопросу // *Наш край*. 1924. № 1. С. 1-64.
- Кисилевич, 1924b – *Кисилевич К.С.* Рыбная промышленность // *Наш край*. 1924. № 2. С. 5-16.
- Команджаев, 2012 – *Команджаев А.Н.* Русско-украинская переселенческая деревня Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2012. № 2 (31). С. 25-28.
- Кузнецов, 1902 – *Кузнецов И.Д.* Очерк русского рыболовства: промысел различных водяных животных. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1902. 128 с.
- Кузьмина, 2011 – *Кузьмина И.В.* Государственное регулирование переселений в Нижнее Поволжье во второй половине XIX – начале XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. № 2 (27). С. 33-38.
- Лакин, 1922 – *Лакин В.* Соляное дело Астраханского края. Южно-Астраханские озера (исторический очерк) // *Наш край*. 1922. № 7–8. С. 8-10.
- Лактионов, 1924 – *Лактионов С.Ф.* О границах будущего Астраханского округа с Автономной Калмыцкой областью, бывшим Царицынским округом и Киргизской республикой // *Наш край*. 1924. № 1. С. 65-99.
- Любомиров, 1926 – *Любомиров П.Г.* Заселение Астраханского края в XVIII в. // *Наш край*. 1926. № 4. С. 54-77.
- Мейснер, 1932 – *Мейснер В.И.* Основы рыбного хозяйства. 2-е изд., перераб. М.-Л.: Снабтехиздат, 1932. 112 с.
- ПСЗ РИ, 1884 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 55. Отделение 1. № 61578. СПб.: Гос. тип., 1884. 966 с.
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики.
- Россия. Энциклопедический словарь, 1991 – Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.
- Списки населенных мест..., 1861 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом МВД. Т. 2: Астраханская губерния. СПб., 1861. 51 с.
- Статистический ежегодник, 1914 – Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). Петроград: Центральный стат. ком. МВД, 1914. 661 с.
- Степанов, 1914 – *Степанов В.Г.* Необходимость упорядочения рыболовства в Каспийском море. Астрахань: Типолит. Т-ва печ. дела Окур, Апресянц и Винников, 1914. 27 с.
- Струбалина, 1989 – *Струбалина Н.К.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1989. 94 с.
- Терентьева, 1972 – *Терентьева Л.Е.* Рентабельность производства рыбной продукции Каспийского бассейна. Дисс. ... канд. экон. наук. Калининград, 1972. 208 с.
- Устав сельского хозяйства, 1903 – Устав сельского хозяйства // Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 2. СПб.: Гос. тип., 1903. С. 304-407.
- Шубинский, 1872 – *Шубинский С.Н.* Посещение Государем-императором в 1871 г. житного рыболовного промысла на Каспийском море, принадлежащего Коммерции советникам Сапожниковым. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. 27 с.
- Элькинд, 1959 – *Элькинд И.Г.* Материально-техническая база рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна и эффективность ее использования. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 1959. 15 с.

- Badmaeva, 2016** – *Badmaeva E.N.* The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. № 42 (4). Pp. 1173-1181.
- Belousov, 2019** – *Belousov S.S.* Resettlement of Trade and Craft Population to the Kalmyk Lands of Astrakhan Province in the Context of the State Trade Policy (XIX – early XX centuries) // *Bylye gody*. 2019. 3(53): 1059-1066.

References

- Abaev, 1975** – *Abaev, V.Ja.* (1975). Sovershenstvovanie organizacionnyh form upravlenija v promyshlennosti (na primere ministerstva rybnoj promyshlennosti i hozjajstva SSSR) [Improvement of organizational forms of management in industry (on the example of the Ministry of the Fishing Industry and Economy of the USSR)]. Dis. ... kand. jekon. nauk. M. 231 p. [in Russian]
- Badmaeva, 2016** – *Badmaeva, E.N.* (2016). The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries. *Bylye Gody*. 42(4): 1173-1181.
- Belousov, 2019** – *Belousov, S.S.* (2019). Resettlement of Trade and Craft Population to the Kalmyk Lands of Astrakhan Province in the Context of the State Trade Policy (XIX – early XX centuries). *Bylye gody*. 3(53): 1059-1066.
- Bjer, 1856** – *Bjer, K.M.* (1856). Ob upotreblenii astrahanskoj seledki [About the use of Astrakhan herring]. Astrakhan: Gub. tip. 21 p. [in Russian]
- Borodin, 1903** – *Borodin, N.A.* (1903). Kaspijsko-Volzhscoe rybolovstvo i ego jekonomicheskoe znachenie [Caspian-Volga fishing and its economic importance]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma. 96 p. [in Russian]
- Dokladnaja zapiska..., 1912** – Dokladnaja zapiska ego prevoshoditel'stvu Gospodinu direktoru Departamenta zemleustrojstva i zemledelija ot rybopromyshlennikov, rybotorgovcev i lovcov Kaspijsko-Volzhsckogo rajona [Memorandum to His Excellency the Director of the Department of Land Management and Agriculture from the fishermen, fish traders and fishermen of the Caspian-Volga region]. Astrakhan: tip. I.S. Cejhenshtejna, 1912. 15 p. [in Russian]
- GAO** – Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti [State archive of the Astrakhan region].
- Grimm, 1896** – *Grimm, O.A.* (1896). Kaspijsko-Volzhskoerybolovstvo [Caspian-Volga fishing]. SPb.: tip. V. Demakova. 154 p. [in Russian]
- Ishin, 2001** – *Ishin, V.V.* (2001). Istoricheskij opyt partijno-gosudarstvennogo rukovodstva rybnoj promyshlennost'ju Rossijskoj Federacii, 1918-1991 gg. (na materialah rybnoj promyshlennosti Volgo-Kaspijskogo bassejna) [Historical experience of the party-state leadership of the fishing industry of the Russian Federation, 1918-1991 (based on the materials of the fishing industry of the Volga-Caspian basin)]. M.: Prometej. 321 p. [in Russian]
- Issledovanija o sostojanii..., 1860–1876** – Issledovanija o sostojanii rybolovstva v Rossii [Research on the state of fishing in Russia]. SPb.: Tip. V. Bezobrazova I komp., 1860–1876. Vol. I-IX. [in Russian]
- Istorija Astrahanskogo kraja, 2000** – Istorija Astrahanskogo kraja [History of the Astrakhan region]. Astrakhan: izd-vo AGPU, 2000. 1122 p. [in Russian]
- Jel'kind, 1959** – *Jel'kind, I.G.* (1959). Material'no-tehnicheskaja baza rybnoj promyshlennosti Volgo-Kaspijskogo bassejna i jeffektivnost' et ispol'zovanija [Material and technical base of the fishing industry of the Volga-Caspian basin and the efficiency of its use]. Avtoref. dis. ...kand. jekon. nauk. M. 15 p. [in Russian]
- Kevdin, 1915** – *Kevdin, V.A.* (1915). Sovremennoe ybolovstvo Rossii [Modern fishing in Russia]. M.: tip. «Zemlja». 153 p. [in Russian]
- Kiselev, Kiseleva, 1983** – *Kiselev, V.K., Kiseleva, R.A.* (1983). Ekonomika vosproizvodstva rybnyh zapasov [Economy of fish stock reproduction]. M.: Legkaja i pishhevaja promyshlennost'. 192 p. [in Russian]
- Kisilevich, 1924a** – *Kisilevich, K.S.* (1924). K loveckomu voprosu [To a fishing question]. *Nash kraj*. 1: 1-64. [in Russian]
- Kisilevich, 1924b** – *Kisilevich, K.S.* (1924). Rybnaja promyshlennost' [Fishing industry]. *Nash kraj*. 2: 5-16. [in Russian]
- Komandzhaev, 2012** – *Komandzhaev, A.N.* (2012). Russko-ukrainskaja pereselencheskaja derevnja Kalmykii v konce XIX – nachale XX vv. [Russian-Ukrainian resettlement village of Kalmykia in the late 19th - early 20th centuries]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2(31): 25-28. [in Russian]
- Kuz'mina, 2011** – *Kuz'mina, I.V.* (2011). Gosudarstvennoe regulirovanie pereselenij v Nizhnee Povolzh'e vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [State regulation of resettlement in the Lower Volga region in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2(27): 33-38. [in Russian]
- Kuznecov, 1902** – *Kuznecov, I.D.* (1902). Oчерк russkogo rybolovstva: promysel razlichnyh vodjanyh zhivotnyh [Essay on Russian fishing: fishing for various aquatic animals]. SPb.: tip. V. Kirshbauma. 128 p. [in Russian]
- Lakin, 1922** – *Lakin, V.* (1922). Soljanoe delo Astrahanskogo kraja. Juzhno-Astrahanskije ozera (istoricheskij oчерk) [Salt business of the Astrakhan region. South Astrakhan lakes (historical sketch)]. *Nash kraj*. 7-8: 8-10. [in Russian]
- Laktionov, 1924** – *Laktionov, S.F.* (1924). O granicah budushhego Astrahanskogo okruga s Avtonomnoj Kalmyckoj oblast'ju, byvshim Caricynskim okrugom i Kirgizskoj respublikoj [On the borders of

- the future Astrakhan Region with the Autonomous Kalmyk Region, the former Tsaritsyn Region and the Kyrgyz Republic]. *Nash kraj*. 1: 65-99. [in Russian]
- Ljubomirov, 1926** – *Ljubomirov, P.G.* (1926). Zaselenie Astrahanskogo kraja v XVIII v. [Settlement of the Astrakhan region in the 18th century]. *Nash kraj*. 4: 54-77. [in Russian]
- Mejsner, 1932** – *Mejsner, V.I.* (1932). Osnovy rybnogo hozjajstva [Fundamentals of Fisheries]. 2-e izd., pererab. M.; L.: Snabtehzdat. 112 p. [in Russian]
- PSZ RI, 1884** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe T. 55. Otdelenie 1. № 61578. SPb.: Gos. tip, 1884. 966 p. [in Russian]
- RGAE** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [Russian state archive of economics].
- Rossija. Jenciklopedičeskij slovar', 1991** – Rossija. Jenciklopedičeskij slovar' [Russia. Encyclopedic Dictionary]. L.: Lenizdat, 1991. 922 p. [in Russian]
- Shubinskij, 1872** – *Shubinskij, S.N.* (1872). Poseshhenie Gosudarem-imperatorom v 1871 g. zhitnogo rybolovnogo promysla na Kaspijskom more, prinalležashhego Kommercii sovetnikam Sapozhnikovym [A visit by the Sovereign-Emperor in 1871 to the grain fishing industry in the Caspian Sea, owned by the Commerce advisers Sapozhnikovs]. SPb.: Tip. A. Transhelja. 27 p. [in Russian]
- Spiski naselennyh mest..., 1861** – Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii, sostavlennye i izdavaemye Central'nym statističeskim komitetom MVD [Lists of settlements of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 2: Astrahanskaja gubernija. SPb., 1861. 51 p. [in Russian]
- Statističeskij ezhegodnik, 1914** – Statističeskij ezhegodnik Rossii. 1913 g. (god desjatyj) [Statistical Yearbook of Russia. 1913 (tenth year)]. Petrograd: Central'nyj stat. kom. MVD, 1914. 661 p. [in Russian]
- Stepanov, 1914** – *Stepanov, V.G.* (1914). Neobhodimost' uporzadočhenija rybolovstva v Kaspijskom more [The need to streamline fisheries in the Caspian Sea]. Astrakhan: tipo-lit. T-va pech. dela Okur, Apresjanc i Vinnikov. 27 p. [in Russian]
- Strubalina, 1989** – *Strubalina, N.K.* (1989). Iz istorii osvoenija rybnyh bogatstv Kaspija i Astrahanskogo kraja [From the history of the development of fish resources in the Caspian Sea and the Astrakhan region]. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knižnoe izdatel'stvo. 94 p. [in Russian]
- Terent'eva, 1972** – *Terent'eva, L.E.* (1972). Rentabel'nost' proizvodstva rybnoj produkcii Kaspijskogo bassejna [The profitability of the production of fish products in the Caspian basin]. Dis. ... kand. jekon. nauk. Kaliningrad. 208 p. [in Russian]
- Ustav sel'skogo hozjajstva, 1903** – Ustav sel'skogo hozjajstva [Charter of Agriculture]. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Vol. 12 (2). SPb.: Gos. tip., 1903. Pp. 304-407. [in Russian]
- Vasil'eva, Pernat'ev, 2004** – *Vasil'eva, E.K., Pernat'ev, Ju.S.* (2004). 50 znamenityh biznesmenov XIX – nachala XX v. [50 famous businessmen of the XIX – early XX centuries]. M.: Folio, 120 p. [in Russian]
- Voronova, 2005** – *Voronova, A.A.* (2005). Rybnye promysly Nizhnej Volgi i Kaspija v XIX – nachale XX vv. [Fisheries of the Lower Volga and the Caspian Sea in the 19th – early 20th centuries]. Astrakhan: Iz-vo: Astrahanskij un-t. 114 p. [in Russian]
- Zagorodnikov, 1929** – *Zagorodnikov, F.I.* (1929). Rybolovstvo Astrahanskogo kraja [Fishing of the Astrakhan region]. Astrakhan: izd-vo Astrahanskogo OkrONO. 127 p. [in Russian]

Значение трудовой миграции в освоении окраинных территорий Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района)

Сергей Вадимович Виноградов ^{a, *}, Игорь Викторович Турицын ^b,
Юлия Геннадьевна Ещенко ^a, Елена Викторовна Савельева ^a

^a Астраханский государственный университет, Российская Федерация

^b Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, Российская Федерация

Аннотация. На примере Волго-Каспийского рыболовного района в статье показана роль трудовой миграции как важного инструмента в освоении окраинных территорий Российской империи. В работе доказывается, что после отмены крепостного права и формирования рынка свободной рабочей силы стало возможно быстрое освоение природных богатств этого района. Крестьяне из аграрноперенаселенных центральных и поволжских губерний устремились на рыбные промыслы в надежде на заработок. Часть трудовых мигрантов оседала в Волго-Каспийском рыболовном районе, становясь рабочими рыбных предприятий, ловцами, предпринимателями и т.д. На основе собранного материала авторами предложены оригинальные суждения, доказывающие, что в исследуемый период Волго-Каспийский рыболовный район стал основным поставщиком рыбных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vinogradov-7@yandex.ru (С.В. Виноградов), i.turitsyn@mail.ru (И.В. Турицын), pushistik_yuliya@mail.ru (Ю.Г. Ещенко), elenasava03@gmail.com (Е.В. Савельева)

товаров для растущих, в условиях начавшейся индустриализации, промышленных районов страны и на международный рынок. Это стало возможным при поддержке Правительства Российской империи, которое в тот период делало ставку на рыбодобычу в ВКРР, учитывая его географическую близость к центру страны (в отличие от Северного и Дальневосточного рыболовных районов), наличие значительных рыбных ресурсов и удобный путь доставки товаров по Волге и железнодорожным магистралям. В статье анализируются государственные законы, принятые в 1860–1880-х гг., реализация которых способствовала успешному развитию и освоению района. Исследование выполнено на базе большого массива архивных документов, позволивших лучше понять организацию труда мигрантов на рыбных промыслах в 1861–1914 гг. Большинство документов из фондов Государственного архива Астраханской области вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Каспийское море, Волга, Волго-Каспийский рыболовный район, рыбный промысел, рыбопромышленник, индустриализация, переселение, окраинные территории, трудовая миграция, Астраханская губерния.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 760-775.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.760
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ivan Jakovlevich Korostovetz – Russian, Imperial Diplomat and Researcher – from China to Persia

Nugzar K. Ter-Oganov ^{a, b, c, *}

^a Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

This article examines the rich diplomatic and research activities of Ivan Jakovlevich Korostovetz in the Far East and Persia. Deep knowledge and practical acquaintance with China and Mongolia made it possible for I.J. Korostovetz to engage in scientific research of the history of these countries, as a result of which a number of interesting works were published. Thanks to his experience and professionalism, in 1905 he was elected as a secretary of the Russian delegation headed by famous S.Yu. Witte at the Portsmouth Peace Conference. He also played an important role in the achievement of political independence by Mongolia, for which a century later, in 2014, the grateful Mongolian people erected a monument to him in their capital.

Before the outbreak of the World War I I.J. Korostovetz became in demand in the Middle East – in October 1913 he was appointed Envoy Extraordinary and Plenipotentiary to Tehran. Despite the short period of his service in Persia, he left a noticeable mark on the history of Russo-Persian relations. His diplomatic activity in Persia came at a dramatic period of world and, in particular, Russian history – at the beginning of the WWI, which changed the political situation in the Near and Middle East. The article shows how, in spite of the Anglo-Russian alliance that had developed before the war, the parties with special adherence to principles continued to fight for political and economic dominance in this country to the detriment of the other side. In the midst of the war, the controversy between I.J. Korostovetz and his British counterpart in Tehran, Sir Walter Townley, reached such an intensity that could call into question the joint actions of Russia and Great Britain in Europe against a common enemy.

Despite the general line of the Russian Foreign Ministry, headed by the architect of the Anglo-Russian rapprochement A.P. Izvolsky, aimed at achieving maximum agreement with the British in Persia to the detriment of even Russian interests in this country, I.J. Korostovetz, as a monarchist, did not shared the position of this department.

No matter how strange it may seem, but the tough upholding of Russian interests in Persia by I.J. Korostovetz and his uncompromising confrontation with his British colleague W. Townley served as the reason for their recall to their homeland.

It should be noted that I.J. Korostovetz is the author of interesting service reports related to Persia, in which an analysis of the political events taking place in this country is given. And after leaving for Russia and even being in exile, I.J. Korostovetz continued to be interested in the events taking place in Persia, which was reflected in his "Persian Arabesques" – unpublished memoirs covering the history of Russian-Persian relations from 1913 to 1929.

Keywords: I.J. Korostovetz, Russian diplomacy, Far East, Portsmouth Peace Conference, formation of the Mongolian State, S.Yu. Witte, Qajar Persia, N.G. Hartwig, S.A. Poklewski-Koziell, W. Tawnley, S.D. Sazonov, Nikolay II.

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N.K. Ter-Oganov)

1. Введение

Анализ деятельности известного русского дипломата и исследователя стран Дальнего Востока Ивана Яковлевича Коростовца представляет интерес не только для изучения вопросов истории русской дипломатии в странах Востока, но и для научного исследования его вклада в развитии востоковедения в виде его опубликованных и неопубликованных трудов, посвященных трем странам: Китаю, Монголии и Персии, то есть тем странам, где он исполнял свои обязанности как дипломат. Где бы он ни служил, порою занимая непримиримую позицию, независимо от политической линии российского Министерства иностранных дел везде он принципиально отстаивал интересы монархической России.

2. Материалы и методы

2.1. При написании статьи были использованы работы как российских, так и зарубежных авторов, занимающихся исследованием отдельных вопросов дипломатической и исследовательской деятельности, а также эпистолярным наследием И.Я. Коростовца. Была также привлечена литература по вопросам русско-иранских отношений, относящаяся к исследуемой теме. Особо следует отметить значение российского архивного материала, в том числе опубликованного, позволяющего объективно оценить дипломатические достижения И.Я. Коростовца.

2.2. Поскольку источников информации по исследуемому вопросу было немало, то при их обработке был использован метод сопоставления и критического анализа материала.

3. Обсуждение и результаты

Иван Яковлевич Коростовец родился в 1862 г. в Полтавской губернии в дворянской семье Якова Ивановича Коростовца и Александры Петровны Карцевой. После окончания в 1884 г. учебы в престижном Императорском Александровском лицее (бывший Царскосельский лицей) был принят на службу в Азиатский департамент МИДа России. Первое свое назначение за рубежом в качестве второго секретаря дипломатической миссии в Пекине он получил в 1890 году и прослужил до 1894 года. Уже тогда в русской периодической печати, в частности в газетах «Вестник Европы» и «Новое время», стали появляться его статьи по Китаю. Профессиональный интерес И.Я. Коростовца к этой стране нашел отражение уже в 1898 г. в вышедшей в Санкт-Петербурге его первой крупной публикации по Китаю под заголовком «Китайцы и их цивилизация». В 1894 г. он был назначен секретарем российской миссии в Рио-де-Жанейро, а в 1896 – в Лиссабоне. Осенью 1899 г. И.Я. Коростовец возвращается в Китай, на этот раз его назначили чиновником по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области и командующем войсками вице-адмирале Е.И. Алексееве, а в декабре того же года он прибыл в Порт-Артур. В июне 1900 г. во время «Боксерского восстания» в Китае И.Я. Коростовца отправили с походным штабом вице-адмирала Е.И. Алексеева под Тяньцзинь, где короткое время, с августа 1900 г. до сентября 1901 г., он управлял делами консульства России в этом городе.

В апреле 1902 г. И.Я. Коростовец неожиданно был назначен генконсулом в иранском Бушире – портовом городе, расположенном в Персидском заливе. Однако назначение такого опытного дипломата в этот регион, на наш взгляд, не было случайным, поскольку, как известно, на рубеже XIX–XX вв. там имел место резкий подъем военно-политической активности России. Тогда стремление России выйти к берегам Персидского залива и создать там военно-морскую базу вызвало серьезную тревогу в английских военно-политических кругах, усмотревших в этом реальную угрозу Индии – жемчужине английской короны. В то время было очевидным, что занятость Англии в бурской войне (1899–1902 гг.) подтолкнула Россию на эти действия (Ishtiaq, 1974: 46). Вопрос об англо-русском противостоянии в Персидском заливе вполне мог привести стороны к открытому военному столкновению, поскольку, по мнению британской военной разведки, Англия была заинтересована в сохранении статус-кво в Персидском заливе и в южной части Персии (Kazemzadeh, 1968: 401). Но тогда это противостояние не привело к военному столкновению по причине начала русско-японской войны 1904–1905 гг., в которой Россия потерпела поражение, в результате чего она была вынуждена перенести акценты своей внешней политики с Дальнего Востока в Европу.

Рис. 1. Александра Петровна Карцева с детьми Еленой, Катечкой и Иваном

Рис. 2. Иван Яковлевич Коростовец

Следует заметить, что своеобразным подведением промежуточных итогов дальневосточной политики Российской империи, одним из конструкторов и одновременно исполнителей которой являлся и сам И.Я. Коростовец, стала публикация в 1907 г. в Москве его книги «Россия на Дальнем Востоке»¹. В ней изложены многие интересные вопросы русско-китайских отношений, такие как «Боксерское восстание», участие России в его подавлении, события в Тяньцзине, а также исторические материалы о политической и экономической деятельности России на Дальнем Востоке.

Вслед за окончанием русско-японской войны 1904-1905 гг., зарекомендовав себя с наилучшей стороны как прекрасный знаток стран Дальнего Востока, И.Я. Коростовец был назначен секретарем возглавляемой председателем Комитета министров и бывшим министром финансов графом С.Ю. Витте российской делегации по мирной конференции с японцами в Портсмуте (США) в 1905 г.²

Рис. 3. На Портсмутской мирной конференции. 5 сентября 1905 года. Слева за столом переговоров: в центре С.Ю. Витте, крайний слева от него – И.Я. Коростовец. Все фотографии, публикуемые в данной статье, любезно предоставил нам правнук И.Я. Коростовца господин Карло Гастоне

Перипетии этих переговоров, включая их ход и результаты, И.Я. Коростовец подробно описал в своем дневнике, который он вел по просьбе С.Ю. Витте. Как известно, в 1918 году дневник И.Я. Коростовца был опубликован в нескольких номерах журнала «Бывшее». Далее английский перевод дневника вышел в Лондоне в 1920 г. под заголовком: "Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem. The Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905: Diary of I.J. Korostovetz" ([Pre-War Diplomacy, 1920: 160](#)). Через три года после выхода английского перевода упомянутый дневник был опубликован в 1923 году в Пекине на языке оригинала – «Страница из истории Русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовца, секретаря Графа Витте».

После успешного завершения переговоров, из которых Россия вышла с минимальными территориальными потерями, И.Я. Коростовец в 1908 г. на какое-то время занимал должность вице-директора Первого департамента (бывший Азиатский департамент³) российского МИДа и считался признанным знатоком стран Дальнего Востока. Вот как охарактеризовал российский министр иностранных дел А.П. Извольский в своем докладе на имя императора Николая II значение фигуры

¹ Эта книга на русском языке под этим же заголовком была переиздана в Пекине в 1922 г.

² Кстати, о Коростовце и Набокове, как о «двух молодых и талантливых секретарях», сопровождавших российскую делегацию в Портсмуте, упоминает в своих «Воспоминаниях» граф С.Ю. Витте ([Витте, Том I. 1922: 362](#)).

³ С 1897 г. Азиатский департамент стал именоваться «Первым департаментом» ([Третьякова, № 3, 2015: 672-690](#)).

И.Я. Коростовца в урегулировании вопросов дальневосточной политики Российской империи: «Последние годы г-н Коростовец стоит во главе Отдела Дальнего Востока, где сосредоточено ведение всех политических дел, касающихся Китая и Японии. И таким образом он основательно ознакомлен [с этими делами] и даже принимал ближайшее участие в разрешении всех основных вопросов нашей дальневосточной политики, стоявших после [русско-японской] войны и долженствующих укреплять на долгое время наши [дружеские] отношения к соседнему Китаю» (АВПР. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1876. Л. 7). Принимая во внимание блестящие дипломатические способности И.Я.Коростовца, 9 мая 1908 г. по рекомендации А.П. Извольского он был командирован в Пекин в качестве чрезвычайного и полномочного министра, должность которого он занимал с 1909 по 1911 гг.

Рис. 4. Иван Яковлевич Коростовец со своей семьей. Слева направо сидят: дочь Ольга, жена И.Я. Коростовца Александра Гордеева, сыновья Флавий и Вадим, И.Я. Коростовец и его сестра

Основательное знакомство с Китаем, и в целом с Дальним Востоком, дало возможность И.Я. Коростовцу принять активное участие в русско-китайских переговорах по пограничным вопросам, благодаря которому в 1911 г. был подписан Цицикарский протокол, который окончательно определил конфигурацию российско-китайской границы. Кстати, о роли И.Я. Коростовца в составлении и подписании Цицикарского протокола подробно рассказал российский исследователь А.П. Хохлов в статье «Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цицикарского протокола 1911 г.» (Хохлов, 2012: 259-275). Завершая обзор китайского периода его дипломатической деятельности, следует заметить, что вклад И.Я. Коростовца в китаеведение неоченим, что подтверждает и перечень его работ по Китаю, приведенный в справочнике П.Е. Скачкова «Библиография Китая» (Скачков, 1960).

Рис. 5. Русская община в российской миссии в Пекине. На балконе здания миссии третий справа – И.Я. Коростовец в дипломатическом мундире, рядом с отцом на парапете балкона сидит Ольга Ивановна Коростовец, 1911 г.

Через год после урегулирования российско-китайского пограничного вопроса, в 1912 г., И.Я. Коростовец был направлен в Ургу (Улан-Батор), в столицу Монголии, для ведения русско-монгольских переговоров. Как известно, трехмесячные переговоры завершились подписанием монголо-русского договора о дружбе, которым Россия признала независимость Монголии. В своей статье, посвященной И.Я. Коростовцу «Иван Яковлевич Коростовец» монгольский исследователь О. Батсайхан дал высокую оценку роли российского дипломата в деле достижения независимости Монголии (Батсайхан, 22.07.2018). И.Я. Коростовец пробыл в Монголии до мая 1913 года. Следует напомнить, что за подписание монголо-русского договора И.Я. Коростовец удостоился личной благодарности российского императора Николая II.

Близкое знакомство с Монголией, с историей и жизнью этой страны дало обильную пищу для осмысления исторического прошлого и настоящего монгольского народа, что в свою очередь нашло выражение в его многочисленных публикациях о Монголии. Среди его работ по Монголии «Дневник», который он вел с декабря 1912 по май 1913 гг. во время своего пребывания в этой стране под заголовком: «Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. – май 1913 г.», опубликованный в 1995 и 1996 гг. в журнале «Россияне в Азии» (Коростовец, № 2, 1995: 85-211; № 3, 1996: 225-292).

Этот же дневник позднее был издан и в Монголии на русском языке (Коростовец, 2009). Из зарубежных исследователей особый интерес к монгольскому дневнику И.Я. Коростовца проявил итальянский славист и писатель, профессор русского языка и литературы из Болонского университета Пьеро Кацолла, занимавшийся русско-итальянскими отношениями. Он перевел этот дневник с русского на итальянский язык и опубликовал его по частям в трех номерах журнала славистики «Slavia» в 1998–1999 годах (Korostovetz. Anno VII. Numero 3. 1998: 169-201; Anno VIII. Numero 1. 1999: 130-166; Anno VIII. Numero 2. 1999: 34-69)¹. Следует заметить, что деятельности И.Я. Коростовца в Монголии также посвятил свою статью «И.Я. Коростовец, «создатель Монголии», и русская дипломатическая миссия в Урге в 1912 г.» российский исследователь П.Н. Дудин. Он посредством анализа дипломатической переписки и других первоисточников определил место И.Я. Коростовца в вопросе создания монгольского государства (Дудин. Том 43. Вып. 1. 2017: 274-284).

¹ Следует заметить, что за заслуги перед монгольским народом в Улан-Баторе в сентябре 2014 г. состоялось торжественное открытие памятника И.Я. Коростовцу (Gastone, 2020: 18).

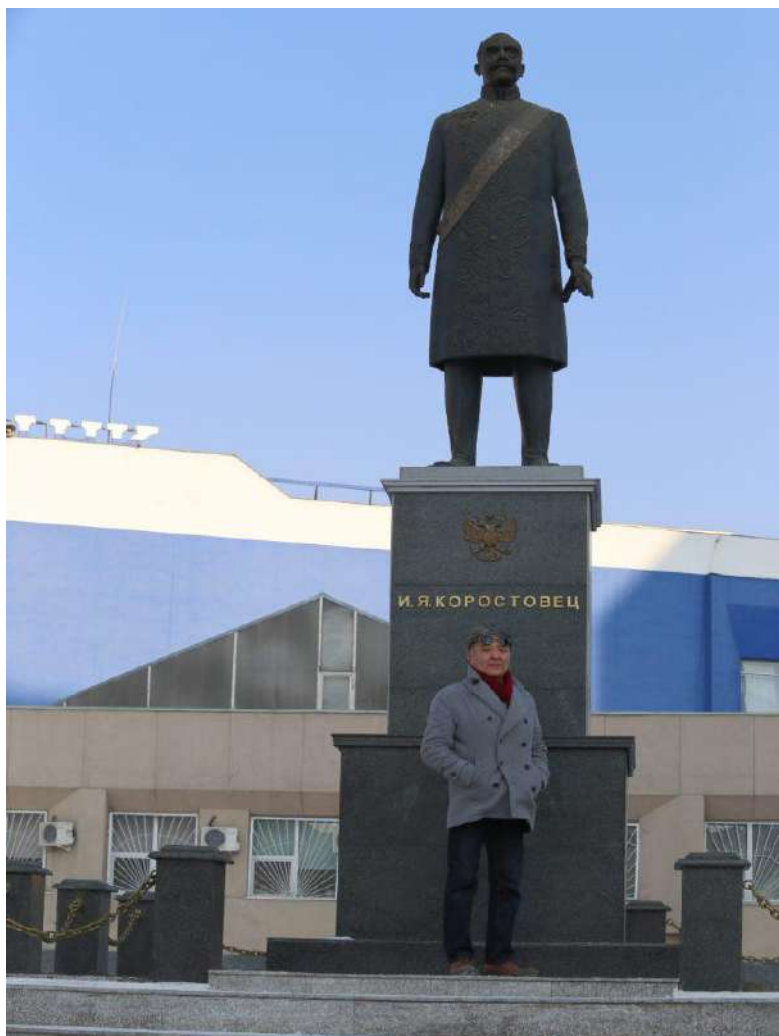

Рис. 6. Бронзовый памятник И.Я. Коростовцу, воздвигнутый в 2014 г. в Улан-Баторе в знак благодарности монгольского народа за содействие в достижении Монголией политической независимости. У постамента памятника его автор Дэнзен.

Глубокие познания в истории народов Дальнего Востока позволили И.Я. Коростовцу изложить историю монгольского народа с начала правления Чингисхана и до установления советской власти в этой стране в своем труде: «От Чингисхана до советской республики». Рукопись этой работы на русском языке в 2004 г. была опубликована О. Батсайханом (Коростовец, 2004).

Но задолго до публикации русского оригинала, еще в 1926 г., в Берлине вышел в свет немецкий перевод рукописи И.Я. Коростовца "Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berucksichtigung der Neuesten Zeit" (Korostovetz, 1926). Как видим, в немецком переводе к заголовку было добавлено пояснение о том, что это краткая история Монголии с особым акцентом на новое время. Спустя четыре года, в 1930 г., книга И.Я. Коростовца была издана и на японском языке.

Длительная служба И.Я. Коростовца на Дальнем Востоке прервалась в октябре 1913 года, когда он неожиданно был назначен Чрезвычайным посланником и полномочным министром в Тегеране при шахском дворе, куда он прибыл вместе с женой, дочерью Ольгой и сыном Флавиусом в сопровождении прислуги в самом начале 1914 года.

Рис. 7. Прибытие российского чрезвычайного и полномочного посланника И.Я. Коростовца вместе с дочерью Ольгой Ивановной Коростовец ¹ в Тавриз в 1913 г. Посланник в дипломатическом мундире в центре, а слева от него Ольга Ивановна, рядом с ней ее гувернантка Ольга Васильева

Как выясняется, причиной поспешного отъезда И.Я. Коростовца из Китая и возвращения в Санкт-Петербург стала его сложная семейная история². Причем еще до приезда в страну «Льва и Солнца», благодаря «друзьям» из МИДа, видимо, не разделявших его монархических взглядов, его опередили порочащие слухи, создавшие ему в Тегеране неблагоприятную служебную атмосферу.

¹ Как свидетельствуют семейные фотографии И.Я. Коростовца, Ольга Ивановна Коростовец сопровождала своего отца в странах Востока и, в частности, в Персии. Следовательно, она была очевидцем его дипломатической деятельности, что нашло отражение в составленных ею мемуарах, опубликованных ее внуком Карло Гастоне ([Gastone, 2020](#)).

² Кстати, в прологе мемуаров дочери И.Я. Коростовца Ольги Ивановны отмечается, что И.Я. Коростовец был вызван в Санкт-Петербург из-за семейных проблем, которые вскоре были улажены, и в октябре 1913 г. И.Я. Коростовец был отправлен в Персию в качестве полномочного министра ([Gastone, 2020: 18](#)).

Рис. 8. Ольга Ивановна Коростовец в саду российской миссии в Тегеране

Вместе с тем следует заметить, что принципиальность, твердость характера и присущая ему вспыльчивость с самого начала его службы в Персии не способствовали налаживанию равных отношений с его английским коллегой полномочным министром сэром Уолтером Таунли. Видимо, эти качества И.Я. Коростовца имел в виду находившийся в его подчинении в российской миссии воспитатель молодого правителя Персии Солтан Ахмад-шаха Каджара (1909–1925 гг.) К.Н. Смирнов, давая ему такую характеристику: «Это был человек очень умный..., человек скорее генерал-губернаторского скалада ума, чем дипломат..., его должны были использовать в России на соответственном поприще, хотя бы и в области международной политики, но назначать его в Персию посланником при его качествах характера было большой ошибкой Министерства иностранных дел» (Смирнов, 2002: 41).

Дело в том, что его взгляды на русскую политику в Персии и методы ее проведения на практике, как мы об этом узнаем также из его воспоминаний, не находили отклика среди многих соотечественников до такой степени, что позднее его даже стали сравнивать с большевиком: «Он смотрел в корень дела, – писал о нем К.Н. Смирнов, – и, держась взгляда значительной части нашей интеллигенции, что чем хуже, тем лучше¹, он был сторонником не сглаживания отношений с Персией, а наоборот, обострения...» (Смирнов, 2002: 41). Однако сравнение И.Я. Коростовца с большевиком, конечно, неуместно, поскольку, будучи дворянином, и, следовательно, монархистом, он в корне не разделял их радикальных взглядов. Но, анализируя его дипломатическую деятельность, следует признать, что для него была характерна жесткость в отстаивании имперских позиций России при решении проблем, что в полной мере проявилось во время его пребывания на посту полномочного министра в Тегеране. Что же касается причины такой жесткости, то, на наш взгляд, ее следует искать в предвоенной истории русской политики и англо-русских отношений в Персии.

Следует заметить, что тяжелое поражение России в войне с Японией (1904–1905 гг.) привело к резкому падению ее престижа, что не могло не сказаться на ее положении как на Дальнем Востоке, так и в целом на ее международных позициях. Оно привело к неожиданной для русских властей

¹ Следует заметить, что эта особая черта именно русской интеллигенции, постоянно недовольной и ищущей ответы на вопросы. В этом же ключе можно рассмотреть и извечный вопрос русской интеллигенции «Что делать?», завершившийся созданием Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) для свержения существующего режима и антиконституционным Октябрьским переворотом 1917 года.

метаморфозе в Персии, когда некогда находившаяся под полным влиянием и покровительством России Персия стала в открытую отстаивать свои права! (Витте. Том. I. 1922: 135-136).

Фактически русско-японская война стала поворотным пунктом для России, где вслед за ней произошла революция 1905 г., результатом которой было превращение России в конституционную монархию с созданием законодательного органа – Государственной думы. Вместе с тем революционные события в России, и в частности в Закавказье, расположенном по соседству с Персией, оказали большое влияние на углубление в этой стране народного недовольства правлением деспотического шахского режима. В дальнейшем спонтанное народное недовольство переросло в Конституционное движение, или Конституционную революцию (1905–1911 гг.), в основном в сфере русского влияния, с требованием ограничения произвола шахской власти. Именно в ходе Конституционного движения в Персии тогдашний правитель страны Мозаффар эд-Дин-шах Каджар (1896–1907 гг.) в 1906 г., находясь на одре смерти, был вынужден даровать народу, впервые в истории этой страны, конституцию и парламент. Следует заметить, что вскоре парламент стал тем органом, который вызвался защищать национальные интересы Персии от засилия великих держав, и в первую очередь России и Англии.

Англо-русское ожесточенное соперничество за преобладание в Персии на всем протяжении XIX в. привело к положению, когда на рубеже XIX–XX вв. в этой стране, особенно в ее северной части, преобладало русское влияние, а в южной – английское. Но со временем начала Конституционного движения соотношение стало меняться не в пользу России, что стало возможным из-за того, что это движение, активно поддерживаемое Англией, дало возможность нивелировать прежние преимущества России при шахском дворе.

Вместе с тем назначение в декабре 1905 г. на пост министра иностранных дел Великобритании Эдуарда Грея¹, с одной стороны, а с другой – появление в 1906 г. во главе российского внешнеполитического ведомства его русского визави А.П. Извольского (1906–1910 гг.) имело решающее значение в изменении дальнейшей линии внешней политики России в Персии. Тогда в российском МИДе присоединение к англо-французскому союзу в Европе и сближение с Англией считали жизненно необходимым для интересов России, поскольку акцент русской политики с Дальнего Востока сместился в Европу. Поэтому, как указывал позднее бывший российский дипломат и директор Азиатского департамента МИДа И.А. Зиновьев, еще в феврале 1907 г. А.П. Извольский сообщил английскому послу в Санкт-Петербурге Артуру Никольсону² о намечавшемся изменении русской политики в Персии, которое заключалось в следующем: «Воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела Персии; не прибегать к военным мерам, если только они не окажутся безусловно необходимыми и ограничивать эти меры возможно тесными пределами, если бы оказалось неизбежным приступить к ним; вообще же действовать в полном согласии с Великобританским правительством и ничего не предпринимать без предварительного соглашения с ним» [курсив наш – Авт] (Зиновьев, 1912: 37).

Новая внешнеполитическая линия российского МИДа нашла полное отражение в подписанном 31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге между сэром Артуром Никольсоном и Извольским англо-русском соглашении о разделе сфер влияния в Азии, и в частности в Персии, согласно которому страна была разделена на две сферы влияния: север Персии признавался сферой влияния России, а юг – Англии. Находившаяся между двумя сферами влияния территория признавалась нейтральной зоной³.

Это соглашение стало юридической основой раздела Персии на уже существовавшие де-факто сферы влияния. Хотя правительства России и Великобритании взяли взаимное обязательство «уважать целостность и независимость Персии», на самом деле это соглашение было заявлением о ее разделе, или превращении этой страны в полуколонии⁴.

Таким образом, подписывая англо-русское соглашение, Россия была готова пожертвовать своим господствующим положением в Персии ради получения английской поддержки в Европе перед лицом возрастающей германской угрозы. Тем не менее следует заметить, что в английском парламенте почти одновременно с заключением англо-русского соглашения была организована парламентская оппозиция, ядром которой стал так называемый «Комитет по персидским делам», одним из учредителей и активным участником которой был известный английский иранист,

¹ Сэр Эдуард Грей был одним из блистательных представителей английского Форин Офиса. Он более десяти лет возглавлял английский МИД с 1905 по 1916 гг. О нем см. следующую работу G.M. Trevelyan (Trevelyan, 1940: 107).

² Он занимал эту должность с 1906 по 1910 гг.

³ Об англо-русском соглашении см. The Cambridge History. Vol. III. 1971: 358-364

⁴ Как справедливо заметил по этому вопросу американский финансовый советник Морган Шустер в своей книге «Удушение Персии», англо-русское соглашение «произвело на персидский народ самое удручающее впечатление» (Shuster, 1912: XXIV).

профессор Эдвард Броун¹ (Скиф, 1912: 21). Что касается российской стороны, согласно сообщению автора брошюры «Персидский вопрос» Скифа, общественные круги России, равно как и политические партии, а также Государственная дума, фактически не проявляли интереса к «персидским делам» в ущерб экономическим и политическим интересам России (Скиф, 1912: 21–22).

Между тем не все пошло по выработанному сценарию: российский посланник в Тегеране Николай Генрихович Гартвиг, известный русский дипломат и сторонник продолжения прежней русской политики в Персии, не смирившись с политическим курсом А.П. Извольского, стал неугоден англичанам, а следовательно, и российскому МИДу². Как известно, его линия поведения не соответствовала планам российского МИДа. Особенно это стало наглядно, когда во время его нахождения на посту посланника с 1906 по ноябрь 1908 гг. в Персии произошел контрреволюционный переворот. Тогда при новом правителе этой страны Мохаммад Али-шахе (1907–1909 гг.), активно поддерживаемом Россией, Персидская казачья бригада под командованием полковника Ляхова 23 июня 1908 г. по приказу самого шаха подвергла бомбардировке персидский парламент, за которым последовали разгон парламента и политические репрессии. Это событие не прошло даром для Н.Г. Гартвига. По настоянию англичан в ноябре 1908 г. он был смещен с занимаемой должности и был отозван на родину.

После отъезда Н.Г. Гартвига российскую миссию возглавил поверенный в делах Е.В. Саблин, после которого при последующем посланнике С.А. Поклевском-Козелле не было особых осложнений в англо-русских отношениях, за исключением авантюрной попытки экс-шаха Мохаммада Али, попытавшегося в 1911 г. вернуть себе утраченный трон. Более того, российский посланник в свое время сам был одним из инициаторов подписания англо-русского соглашения 1907 г. и считался приближенным английского короля Эдварда и, следовательно, старался не конфликтовать с английской миссией (Korostovetz. Vol. I: 22). После отъезда С.А. Поклевского-Козелла, российской миссией снова стал руководить Е.В. Саблин. Последний, по замечанию К.Н. Смирнова, отличался вялостью, слабым характером и апатичностью, в дополнение к чему длительная служба за границей «сделала из него скорей космополита, чем русского». Причем, когда его назначали поверенным в делах, ему было рекомендовано «соображаться с указаниями английского посланника, как старшего коллеги» (Смирнов, 2002: 38–39).

Тем временем растущее антирусское настроение при шахском дворе³, вызванное колонизаторскими планами России в Северной Персии, стало набирать обороты. В этих условиях в МИДе решили усилить вес российской миссии в этой стране и назначить опытного дипломата И.Я. Коростовца на должность чрезвычайного посланника и полномочного министра.

Отправляя И.Я. Коростовца в Персию, в российском МИДе надеялись, что он приложит все усилия для полной координации действий с английской миссией в Тегеране по всем проблемным вопросам. Однако, ознакомившись с положением дел на месте, И.Я. Коростовец пришел к выводу, что англо-русское соглашение 1907 г. было выгодно исключительно только Англии, поскольку, как отмечал он в своей докладной записке «Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам», составленной 15 (28) мая 1915 г., «соглашение это гарантировало Англию от активной политики с нашей стороны относительно областей, сопредельных с ее индийскими владениями» (Коростовец. Том 4–5. 1934: 94). Причем, отдавая должное англо-русскому сотрудничеству, он не забывал о российских имперских интересах в Персии, которые фактически шли вразрез с английскими.

Более того, в условиях, когда в этой стране активизировалась германо-турецкая агентура сразу после начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и появилась угроза вторжения турецких войск в иранскую провинцию Азербайджан, российский и английский посланники не находили общего языка. Причину такого положения следует искать в том, что как одна, так и другая сторона считали положения англо-русского соглашения устаревшими и не отвечающими потребностям дня. Случилось так, что оба посланника, как И.Я. Коростовец, так и сэр У. Таунли оказались людьми принципиальными, честными и жестко отстаивающими интересы своих стран. Поэтому вопрос компромисса между ними был исключен. Не случайно, что за месяц до начала Первой мировой войны, 24 июня 1914 г., министр иностранных дел России С.Д. Сазонов с сожалением писал российскому послу в Лондоне, известному русскому дипломату и англофилу А.К. Бенкендорфу о возобновлении англо-русского соперничества в Персии (Ф.Н. Том 4. 1934: 92).

Следует отметить, что немалую долю в обострение англо-русских отношений внес и сам И.Я. Коростовец, когда в марте 1914 г. отстранил персидские власти в северной части страны от взимания поземельного налога – малиата – с русскоподанных и богатых персов, находившихся на

¹ Эдвард Броун – автор шумевшей работы о Персидской революции (Edward Browne. *The Persian Revolution of 1905–1909*. London. 1966).

² В этой связи см. нашу статью (Тер-Оганов, 2009: 207–216).

³ Подобные настроения появились во дворце после того, как при молчаливом согласии России был свергнут в июле 1909 г. с трона прорусски настроенный Мохаммад Али-шах. Это событие оставило тяжелый след в памяти наследника престола, а в дальнейшем Солтан Ахмад Шаха, который не раз упрекал русских в предательстве (Смирнов, 2002: 195).

положении «протезе», и передал эти функции российским консулам (Коростовец. Том 4–5, 1934: 101), лишив тем самым местную администрацию возможности должным образом исполнять свои функции. Кроме того, при нем получила широкое распространение практика принятия богатых персов под русское покровительство, что явилось вопиющим нарушением суверенитета Персии. Массовое движение русских переселенцев из разных губерний Российской империи в северные провинции Персии, принявшее невиданные размеры, в результате которого появилось такое понятие, как «русское землевладение», передача поместий персидских феодалов в управление русскоподданных с целью уклонения от уплаты налогов, а также выдача ссуд со стороны русского Учетно-ссудного банка под земельное имущество, на фоне преобладания русской торговли в этой стране, еще больше осложняли положение страны. Более того, летом 1914 г. И.Я. Коростовец распорядился задержать таможенные поступления персидской казны, которые распределил по своему усмотрению: более половины собранной суммы он передал на содержание Персидской казачьей бригады по причине задержки выплат со стороны персидского правительства, а оставшуюся часть – на удовлетворение претензий русскоподданных к персидской казне (Ф.Н. Том 4, 1934: 89).

Одним из горячо обсуждаемых вопросов в сентябре 1914 г. между И.Я. Коростовцем и У. Таунли стало требование шахского правительства Персии о выводе русских войск из Северной Персии. Причем это требование, открыто или тайно, поддерживалось английской миссией, что являлось еще одним пунктом осложнений в англо-русских отношениях. При этом не следует забывать, что в ноябре 1914 г. турецкие войска начали общее наступление на Кавказ и Россия оказалась в нелегком положении. Несмотря на это, все эти проблемы стали предметом жарких споров между русской и английской миссиями. В таких условиях необходимость совместно бороться против общих врагов уступила место взаимным претензиям и попыткам наложить руку на нейтральную зону.

Между тем, исходя из своих геополитических и экономических интересов, Англия всеми силами противодействовала полному поглощению Россией Северной Персии, а также нейтральной полосы. Вместе с тем и Англия прилагала усилия для получения контроля над нейтральной сферой, мотивируя это «угрозой Индии». Таким образом, обе стороны были готовы нарушить объявленное англо-русским соглашением статус-кво в соответствии с изменившейся обстановкой в стране. Не лишне заметить, что российская сторона вопрос о нейтральной сфере увязала с вопросом передачи России черноморских проливов после успешного завершения войны английской стороной. Это означало, что Россия могла получить проливы только после окончания войны, тогда как Англия, как известно, еще в марте 1915 г. уже получила контроль над нейтральной зоной, за исключением Исфагана и Иезда с прилегающими к ним районами (Kazemzadeh, 1968: 677-678; Majd, 2003: 54).

Особую остроту приняла конфронтация между И.Я. Коростовцем и У. Таунли также по вопросу о строительстве трансперсидской железной дороги и об определении ее направлений. Как известно, исходя из своих торгово-экономических интересов и политики протекционизма, Россия в 1890 г. наложила вето сроком на 10 лет на строительство железной дороги в Персии, которое продлила еще на десять лет в 1900 году (Минц. № 3, 1923: 291). Следует заметить, что хотя позднее как Россия, так и Англия стали признавать необходимость строительства железной дороги, тем не менее их позиции кардинально расходились в той части, которая касалась ее конечных пунктов на юге: по замыслу англичан, конечным пунктом железной дороги должен был стать Бандер-Аббас в Персидском заливе, тогда как Россия стремилась к выходу в Индийский океан через Чахбехар (Ф.Н. Том 4–5, 1934: 91), что могло создать реальную угрозу Индии, чего так опасались в Англии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что российское предложение английской стороной было отклонено. Этому проекту пришлось пролежать в ящике еще десять с лишним лет, пока его не стали претворять в жизнь, но это уже другая история, связанная с правлением Реза-шаха Пехлеви.

Помимо вышеперечисленных причин противостояния, был еще и сугубо коммерческий фактор, обострявший англо-русские отношения в Персии – заметное расширение русской торговли в этой стране за счет английской торговли, в связи с чем совершенно правильно замечание анонимного автора Ф.Н., отметившего методы действия царской России в Персии: «Дезорганизуя всю государственную, экономическую и общественную жизнь в Персии, поощряя разбойничьи шайки и разрушая финансы страны, царские агенты, под предлогом борьбы с ними, препятствовали английской торговле, где только могли» (Ф.Н. Том 4–5, 1934: 92).

Особо стоит остановиться на проблеме так называемой Персидской казачьей бригады, считавшейся шахским конвоем, а на самом деле находившейся под командованием русских офицеров-инструкторов и подчинявшаяся непосредственно российскому Генеральному штабу. Этот факт вызывал возмущение и недовольство как иранских националистов, так и англичан. По этой причине, по свидетельству И.Я. Коростовца, «наглядно обрисовалось мало дружественное отношение сэра У. Таунли к казачьей бригаде, коей он постоянно пытался противопоставить жандармерию, руководимую шведскими инструкторами» (Коростовец. Том 4–5, 1934: 93). Учитывая важность этой воинской части как действенного орудия русского влияния в Персии И.Я. Коростовец предлагал не использовать ее наподобие шведской жандармерии «для охраны порядка на дорогах или же взыскания налогов и податей для казначейства», а сохранить за ней традиционную роль шахского конвоя, дабы не раздражать как персов, так и англичан (Коростовец. Том 4–5, 1934: 112). Тем не менее

речь не шла об ограничении роли бригады, а совсем наоборот, по предложению И.Я. Коростовца следовало провести ее реорганизацию, что подразумевало создание ее отделов или отрядов во всех провинциях Северной Персии, тем самым закрепляя русское влияние в этой части страны.

По мнению И.Я. Коростовца, России следовало тесно привязать к себе северные провинции Персии: «Сократив поводы к бесполезным трениям с персидским правительством в Тегеране и к вредному соперничеству с Великобританией, мы с тем большей легкостью могли бы сосредоточить наше внимание на естественных и более доступных центрах влияния – в городах Азербайджана, Гиляна и Астрабадской провинций. С этой целью следовало бы усилить связь между этими областями и Россией, в частности с Тифлисом и Ташкентом, и установить непосредственную зависимость северных провинций Персии от кавказского наместничества и туркестанского генерал-губернаторства» (Коростовец. Том 4–5. 1934: 114).

Все шаги, предпринимаемые И.Я. Коростовцем для усиления влияния России в Персии, наталкивались на ожесточенное сопротивление Уолтера Таунли, что стало предметом обсуждений между Сазоновым и Греем. Причем оба посланника, как правило, обвиняли друг друга в срыве положений англо-русского соглашения. В такой ситуации после двусторонних консультаций внешнеполитические ведомства обеих стран приняли решение об одновременном отзыве своих посланников из Персии.

И.Я. Коростовец в марте 1915 года был отозван по требованию Англии из Персии, после чего он окончательно покинул дипломатическую службу (Ф.Н. Том 4–5. 1934: 86). Одновременно с ним покинул Персию и его оппонент сэръ Уолтер Таунли.

После возвращения И.Я. Коростовца в Петроград российский министр иностранных дел Сазонов вызвал его к себе и имел с ним тяжелый разговор, в ходе которого он высказал ему свое недовольство его линией поведения в Персии и объявил ему об окончании его дипломатической карьеры. Однако, несмотря на такой убийственный вердикт, император Николай II оказал весьма дружественный прием И.Я. Коростовцу с рукопожатием, одобряя его службу в Персии. Тогда император обещал Коростовцу найти русскому дипломату подобающее ему место, и он сдержал свое слово. В 1916 г. И.Я. Коростовец был назначен председательствующим Учетно-ссудным банком в Петрограде. В этой должности он встретил Февральскую, или Русскую революцию 1917 года, свергнувшую монархию Романовых и вызвавшую невиданный «разгул демократии» и приход к власти Временного правительства во главе с Керенским¹. Однако, вопреки ожиданиям, надежды либералов не оправдались. Неумелое руководство государством во время продолжавшейся мировой войны, расшатывание устоев государственного управления и преступный развал армии глупым «Приказом №1» Керенского, а также активная пропаганда большевиков сделали свое дело. В результате Октябрьского государственного переворота большевики легко узурпировали власть.

Побыв некоторое время в России, в надежде на падение нового режима, ища выход своим переездом то в Финляндию, то обратно в Россию, то на Украину и не найдя себе места под большевистской властью, И.Я. Коростовец, как и десятки и сотни тысяч его соотечественников, лучших представителей общества, русской элиты, был вынужден навсегда покинуть родину и эмигрировать во Францию. Приняв такое решение, И.Я. Коростовец спас себе и своей семье жизнь, поскольку очень многие из его соотечественников, оставшиеся в России, были убиты или во время «Красного террора», или же, уцелев тогда, позже стали жертвами сталинских кровавых репрессий 1930-х годов.

Русская эмиграция в Париже высоко оценила его вклад в историю отечественной дипломатии, когда в некрологе, посвященном кончине И.Я. Коростовца, 14 января 1933 г. посвятила ему следующие строки: «Выдающийся российский дипломат, известный своими большими способностями и блестящим знанием иностранных языков... И.Я. Коростовец был секретарем российской миссии в Портсмуте, русским посланником в Пекине, Монголии и в Тегеране, где с неизменным искусством и блеском представлял русские интересы» («Иллюстрированная Россия». № 3. 14.01.1933).

4. Заключение

Как мы убедились выше, в какой бы стране ни находился И.Я. Коростовец, он прекрасно совмещал свои служебные обязанности с изучением истории этих стран, таким образом внося свой вклад в развитие русского востоковедения. Хотя он был известен как исследователь стран Дальнего Востока, внесший свою лепту в изучение стран этого региона, тем не менее он проявлял такой же живой интерес к политическим событиям в Персии как во время своей работы в этой стране, так и после завершения дипломатической карьеры.

И.Я. Коростовец осуществлял дипломатическую деятельность в Персии как перед началом Первой мировой войны, так и в самый ее разгар, в бескомпромиссной борьбе по защите русских интересов, заняв непримиримую позицию в отношении своего английского визави – посланника Уолтера Таунли. В тех

¹ «Бедный русский медведь! – так писал Ф. Хейль в своем дневнике, – он нашел крылья и мог стать Пегасом, но, находясь в страшных родовых муках, он еще не знает, как ими пользоваться» (Hale, 1920: 156).

условиях, после подписания еще в 1907 г. англо-русского соглашения, принципиальная позиция И.Я. Коростовца в Персии, идущая вразрез с английской, вызывала неодобрение со стороны руководства российского МИДа. Несогласие с политической линией министра иностранных дел С.Д. Сазонова привело И.Я. Коростовца к отставке. В отличие от руководителя российского МИДа император Николай II выразил ему благодарность за его службу отечеству.

Революционные события в России, сначала Русская, то есть Февральская революция, и вскоре Октябрьский большевистский переворот привели к большим переменам в его жизни. Не смирившись с установлением большевистского режима, И.Я. Коростовец вынужден был вместе с семьей покинуть родину и уехать в эмиграцию.

О своей дипломатической деятельности в Персии, а также о русско-персидских отношениях, охватывающих 1913–1929 гг., он подробно рассказал в своих «Воспоминаниях» ("Persian Arabesques"), научный анализ которых мы предложим в нашей следующей статье.

Литература

- АВПР** – Архив внешней политики России.
- Батсайхан, 2018** – Батсайхан О. Иван Яковлевич Коростовец // *Монголия сейчас*. 22.07.2018.
- Витте, 1922** – Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин. 1922. Том I.
- Зиновьев, 1912** – Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. Санкт-Петербург. 1912.
- Иллюстрированная Россия...** – Иллюстрированная Россия. Париж. 14.01.1933. № 3.
- Коростовец, 1995** – Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. – май 1913 г. // *Россияне в Азии*. 1995. № 2. С. 85-211; 1996. № 3. С. 225-292.
- Коростовец, 2009** – Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар, 2009.
- Коростовец, 1934** – Коростовец И.Я. Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам // *Красный архив. Исторический журнал*. Москва. 1934. Том 4–5 (65–66). С. 93-117.
- Коростовец, 2004** – Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской республики. Улан-Батор, 2004.
- Коростовец, 1922** – Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин. 1922.
- Миц, 1923** – Миц С. Торговля Персии во время войны // *Новый Восток*. 1923. № 3.
- Скачков, 1960** – Скачков П.Е. Библиография Китая. Москва. 1960.
- Скиф, 1912** – Скиф С. Персидский вопрос. Англо-русское соглашение, его основные принципы и цели и пятилетние итоги. Москва, 1912.
- Смирнов, 2002** – Смирнов К.Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. С приложениями. Под научной ред. Н.К. Тер-Оганова. Тель-Авив, 2002.
- Тер-Оганов, 2009** – Тер-Оганов Н.К. Письмо Н.Г. Гартвига К.Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века // *Иран. История, экономика, культура*. Москва, 2009. С. 207-216.
- Третьякова, 2015** – Третьякова Е.С. Становление Министерства иностранных дел Российской империи в XIX – начале XX века // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 3. С. 672-690.
- Ф.Н., 1934** – Ф.Н. Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны // *Красный архив*. Москва. 1934. Том 4–5 (6-66). С. 86-93.
- Хохлов, 2012** – Хохлов А.Н. Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цикарского протокола 1911 г. // *Общество и государство в Китае*. №42 (2). 2012. С. 259-275.
- Browne, 1966** – Browne E. The Persian Revolution of 1905-1909. London, 1966.
- Dudin, 2017** – Dudin P.N. I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43 (1). Pp. 274-284.
- Gastone, 2020** – Gastone C. Memoires. Olga I. Korostovetz (1895-1993). Diario di Un'epoca. Torino, 2020.
- Hale, 1920** – Hale F. From Persian Uplands. New York, 1920.
- Ishtiaq, 1974** – Ishtiaq A. Anglo-Iranian Relations. 1905-1919. Bombay, 1974.
- Kazemzadeh, 1968** – Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study of Imperialism. New Haven and London, 1968.
- Korostovetz** – Korostovetz I.J. Persian Arabesque. Vol. I.
- Korostovetz, 1926** – Korostovetz I.J. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der Neuesten Zeit. Berlin. 1926.
- Korostovetz, 1998** – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Nove mesi in Mongolia // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VII. 1998. Numero 3. Pp. 169-201.
- Korostovetz, 1999** – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Diario di un diplomatico russo in Mongolia (parte 2) // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. 1999. Numero 1. Pp. 130-166.
- Korostovetz, 1999** – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Nove mesi in Mongolia (3-e ultra parte) // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. Numero 2-1999. Pp. 34-69.
- Majd, 2003** – Majd, M.G. Persia in World War I and Its Conquest by Great Britain. Lanham, 2003.

- [Pre-War Diplomacy..., 1920](#) – Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem. The Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905: Diary of I.J. Korostovetz. London, 1920.
- [Shuster, 1912](#) – *Shuster M.* The Strangling of Persia. New York, 1912.
- [The Cambridge History...](#) – The Cambridge History of British Foreign Policy. 1783–1919. Ed. by Sir A.W. Ward and G.P. Gooch. Vol.III. 1866–1919. Westport, Connecticut, 1971.
- [Trevelyan, 1940](#) – *Trevelyan G.M.* Grey of Fallodon. Being the Life of Sir Edward Grey afterwards viscount Grey of Fallodon. London-New York-Toronto, 1940.

References

- [AVPR](#) – Arkhiv vneshnei politiki Rossii.
- [Batsaikhan, 2018](#) – *Batsaikhan, O.* (2018). Ivan Jakovlevich Korostovets [Ivan Yakovlevich Korostovets]. *Mongolia Seichas*. 22.07.2018.
- [Browne, 1966](#) – *Browne, E.* (1966). The Persian Revolution of 1905–1909. London.
- [Dudin, 2017](#) – *Dudin, P.N.* (2017). I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912. *Bylye Gody*. 43(1): 274-284.
- [F.N., 1934](#) – F.N. Anglo-russkie otnoshenia v Persii vo vremia mirovoi voini [Anglo-Russian relations in Persia during World War]. *Krasnii Arkhiv*. Moskva. 1934. T. 4-5 (65-66). Pp. 86-93. [in Russian]
- [Gastone, 2020](#) – *Gastone, C.* (2020). Memoires. Olga I. Korostovetz (1895-1993). *Vospominania*. Olga Ivanovna Korostovets. Diario di Un'epoca. Torino.
- [Hale, 1920](#) – *Hale, F.* (1920). From Persian Uplands. New York.
- [Illiustrirovannaia Rossia](#) – Illiustrirovannaia Rossia [Illustrated Russia]. Parizh. 14.01.1933. №3. [in Russian]
- [Ishtiaq, 1974](#) – *Ishtiaq, A.* (1974). Anglo-Iranian Relations. 1905–1919. Bombay.
- [Kazemzadeh, 1968](#) – *Kazemzadeh, F.* (1968). Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study of Imperialism. New Haven and London.
- [Khokhlov, 2012](#) – *Khokhlov, A.N.* (2012). Rossiiskii diplomat I.Ya.Korostovets i ego rol' v podgotovke tsitsikarskogo protokola 1911 g. [The Russian diplomat I.J.Korostovetz and his role in the preparation of Tsitsikar protocol of 1911.]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 42(2): 259-275. [in Russian]
- [Korostovets, 1922](#) – *Korostovets, I.J.* (1922). Rossia na Dalnem Vostoke. Pekin.
- [Korostovets, 1934](#) – *Korostovets, I.J.* (1934). Ob uprochenii anglo-russkikh otnoshenii po persidskim delam [Strengthening Anglo-Russian relations in Persian affairs]. *Krasnii Arkhiv*. Moskva. 1934. Tom 4-5 (65-66). Pp. 93-117. [in Russian]
- [Korostovets, 1995](#) – *Korostovets, I.J.* (1995). Devyat' mesiatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Urge. Dekabr' 1912 g. – mai 1913 g. [Nine months in Mongolia. August 1912 – May 1913]. *Rossiane v Azii*. №2. Pp. 85-211; 1996. №3. Pp. 225-292. [in Russian]
- [Korostovets, 2004](#) – *Korostovets, I.J.* (2004). Ot Chingiskkhana do sovetsoi respubliki [From Genghis Khan to the Soviet Republic]. Ulan-Bator. [in Russian]
- [Korostovets, 2009](#) – *Korostovets, I.J.* (2009). Devyat' mesiatsev v Mongolii. Avgust 1912 – mai 1913 g. [Nine months in Mongolia. August 1912-May 1913]. Ulaanbatar. [in Russian]
- [Korostovetz](#) – *Korostovetz I.J.* Persian Arabesques. Vol. I (typescript).
- [Korostovetz, 1926](#) – *Korostovetz, I.J.* (1926). Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berucksichtigung der Neuesten Zeit. Berlin. [in German]
- [Korostovetz, 1998](#) – Ivan Jakovlevic' Korostovetz (1998). Nove mesi in Mongolia. *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VII. 3: 169-201.
- [Korostovetz, 1999](#) – Ivan Jakovlevic' Korostovetz (1999). Diario di un diplomatico russo in Mongolia (parte 2). *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. 1: 130-166.
- [Korostovetz, 1999](#) – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Nove mesi in Mongolia (3-e ultra parte) // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. Numero 2-1999. Pp. 34-69.
- [Majd, 2003](#) – *Majd, M.G.* (2003). Persia in World War I and Its Conquest by Great Britain. Lanham.
- [Mints, 1923](#) – *Mints, S.* (1923). Torgovlia Persii vo vremia voini [Trade of Persia during the war]. *Novii Vostok*. 3. [in Russian]
- [Pre-War Diplomacy..., 1920](#) – Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem. The Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905: Diary of I.J. Korostovetz. London, 1920.
- [Shuster, 1912](#) – *Shuster, M.* (1912). The Strangling of Persia. New York.
- [Skatchkov, 1960](#) – *Skatchkov, P.E.* (1960). Bibliografia Kitaia. Moskva.
- [Skif, 1912](#) – *Skif, S.* (1912). Persidskii vopros. Anglo-russkoye soglashenie, ego osnovnie printsipi i tseli i piatiletnie itogi [Persian question. Anglo-Russian agreement, its basic principles and goals and five-year results]. Moskva. [in Russian]
- [Smirnov, 2002](#) – *Smirnov, K.N.* (2002). Zapiski vospitatelya persidskogo shakha. 1907–1914 gg. S prilozheniami [Notes of the teacher of the Persian shah. 1907–1914. With applications]. Pod nauchnoi redaktsiei N.K. Ter-Oganova. Tel Aviv. [in Russian]
- [Ter-Oganov, 2009](#) – *Ter-Oganov, N.K.* (2009). Pismo N.G. Gartviga K.N. Smirnovu kak istochnik dlja kharakteristiki anglo-russkikh otnoshenii v Irane v nachale XX veka [Letter to N.G. Hartwig K.N. Smirnov as

a valuable source for characterizing Anglo-Russian relations in Iran at the beginning of the 20th century]. *Iran. Istoria, ekonomika, kultura*. Moskva. 2009. pp.207-216.

The Cambridge History... – The Cambridge History of British Foreign Policy. 1783–1919. Ed. By Sir A.W. Ward and G.P. Gooch. Vol.III. 1866–1919. Westport, Connecticut, 1971.

Tretyakova, 2015 – *Tretyakova, E.S.* (2015). Stanovlenie ministerstva inostrannikh del Rossiskoi imperii v XIX – v nachale XX veka [Formation of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in the XIX – early XX century]. *Genesis: istoricheskie issledovania*. 3: 672–690. [in Russian]

Trevelyan, 1940 – *Trevelyan, G.M.* (1940). Grey of Fallodon. Being the Life of Sir Edward Grey afterwards viscount Grey of Fallodon. London-New York-Toronto.

Witte, 1922 – *Witte, S.Yu.* (1922). Vospominania. Tsartstvovanie Nikolaya II [Memories. Reign of Nicholas II]. Berlin. Tom I. [in Russian]

Zinov'iev, 1912 – *Zinov'iev, I.A.* (1912). Rossia, Anglia i Persia [Russia, England and Persia]. Sankt-Peterburg. 1912. [in Russian]

Иван Яковлевич Коростовец – российский, императорский дипломат и исследователь – из Китая в Персию

Нугзар Константинович Тер-Оганов ^{a, b, c, *}

^a Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В предлагаемой статье изучена богатая дипломатическая и исследовательская деятельность Ивана Яковлевича Коростовца в странах Дальнего Востока и Персии. Глубокие знания и практическое знакомство с Китаем и Монголией дали возможность И.Я. Коростовцу заняться научным исследованием истории этих стран, в результате которого был опубликован ряд интересных работ. Благодаря профессионализму, в 1905 г. он был избран секретарем в составе российской делегации, возглавляемой С.Ю. Витте на Портсмутской мирной конференции. Он же сыграл важную роль в деле завоевания Монголией политической независимости, за что спустя столетие, в 2014 г., благодарный монгольский народ в своей столице воздвиг ему памятник.

Перед самым началом Первой мировой войны И.Я. Коростовец стал востребован на Среднем Востоке: в октябре 1913 г. он был назначен чрезвычайным и полномочным посланником в Тегеране. Несмотря на короткий срок его службы в Персии, он оставил заметный след в истории русско-персидских отношений. Его дипломатическая деятельность в Персии пришлась на драматический период мировой и, в частности, русской истории – на начало Первой мировой войны, изменившей политическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке.

В статье показано, как вопреки сложившемуся перед войной англо-русскому союзничеству, стороны с особой принципиальностью продолжали бороться за политическое и экономическое преобладание в этой стране в ущерб другой стороне. В самый разгар войны прерывание между И.Я. Коростовцем и его английским визави в Тегеране сэром Уолтером Таунли достигло такого накала, который мог поставить под вопрос совместные действия России и Англии в Европе против общего противника. Несмотря на генеральную линию российского МИДа, во главе которого стоял архитектор англо-русского сближения А.П. Извольский, нацеленную на достижение максимального согласия с англичанами в Персии в ущерб даже российским интересам в этой стране, И.Я. Коростовец, как монархист, не разделял позицию этого ведомства.

Как бы странно это ни выглядело, но жесткое отстаивание И.Я. Коростовцем российских интересов в Персии и его бескомпромиссное противостояние английскому коллеге У. Таунли послужило причиной его отъезда на родину.

Следует заметить, что И.Я. Коростовец является автором относящихся к Персии интересных служебных докладов, в которых дается анализ происходивших в этой стране политических событий. И после отъезда в Россию, и даже находясь в эмиграции, И.Я. Коростовец продолжал интересоваться происходившими в Персии событиями, что нашло отражение в его неопубликованных политических воспоминаниях «Персидские Арабески», охватывающих историю русско-персидских отношений с 1913 по 1929 годы.

Ключевые слова: И.Я. Коростовец, русская дипломатия, Портсмутская мирная конференция, создание независимой Монголии, С.Ю. Витте, каджарская Персия, А.П. Извольский, Н.Г. Гартвиг, С.А. Поклевский-Козелл, У. Таунли, С.Д. Сазонов, Николай II.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н.К. Тер-Оганов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 776-785.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.776
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Study of the Molokans' and Subbotniks' Movements in the Russian Historiography of the 19th – early 20th centuries

Tatiana I. Khizhaya ^a, Tatiana V. Chumakova ^b, Mikhail S. Stetckevich ^b

^a Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Russian Federation

^b St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The paper analyzes home studies of the 19th – early 20th centuries, dedicated to religious non-Orthodox movements in the Russian Empire – the Molokans and the Russian Judaizers. The topicality of the work stems from both insufficient research of the history of these movements in modern religious studies and the extreme lack of works dealing with the pre-revolutionary historiography of the problem.

The study reveals the presence of a rich and multifaceted literature on Molokans and Subbotniks, which was created by the officials, church authors, scholars, public figures and private observers. The authors considered diverse aspects of the sectarian movements, so that their works are an important source for the research of Russian religious dissenters and at the same time – a serious contribution to the development of religious studies in Russia.

Historiographic analysis traces the formation of the terminology denoting religious dissidents. At first sectological discourse clearly lacked clarity and relevance in the names of the movements as well as in different currents within them. Subsequently the meanings of various terms were clarified, but till the end of the 19th century some researchers still hadn't been strictly distinguishing both religious movements and their designations.

The social status of the authors, their professional activities, political and cultural preferences, sometimes ethnic identity determined (though not always directly) the diverse discourses of perception of religious nonconformists. They varied from intolerance to outright sympathy. During the period under consideration the evolution of concepts of the sectarians as well as interest in them correlated with socio-political and religious processes in the country and also with changes in social and research paradigms.

Keywords: Religious studies, Molokans, Subbotniks, Judaizers, Russian sectarianism, Russian historiography.

1. Введение

Несмотря на несомненное внимание религиоведов к изучению русского религиозного разномыслия, феномен двух уникальных, исторически связанных между собой движений – молоканства и субботничества – далек от полного и детального анализа. На явные исследовательские лакуны указывает очень небольшое число работ, посвященных дореволюционной литературе по данной проблеме. Обзор старой русской историографии молокан и иудействующих помогает, с одной стороны, восполнить эти лакуны, а с другой – прояснить один из важных аспектов истории развития религиоведческой науки в России.

2. Материалы и методы

Источниковой базой для статьи послужили разнообразные описания и исследования молокан и субботников в светской и церковной литературе XIX – начала XX вв. Их авторами были государственные чиновники, представители духовенства, историки, этнографы, философы, публицисты, писатели, путешественники, контактировавшие с религиозными неконформистами в различных регионах Российской империи. Отдельную группу составляют труды, написанные

образованными представителями сектантства. Целью работы является определение вклада, который внесли эти авторы в изучение движений, а также выявление дискурсов восприятия ими молокан и последователей «Моисеева закона».

В статье используется классическая методика историографического исследования, опирающаяся на принцип историзма и включающая проблемно-хронологический метод, метод актуализации, методы сравнительного и каузального анализа. Важное значение имеет парадигмальный подход, позволяющий соотнести взгляды авторов с теми или иными общественными и научными парадигмами эпохи.

3. Обсуждение

Как уже было отмечено, число трудов, рассматривающих старую историографию молоканства и субботничества, очень невелико.

Классификация дореволюционных исследований о молоканах содержится в диссертации О.И. Самариной, основное внимание в которой уделяется авторам, изучавшим экономическую и культурную жизнь сектантов, их правовое положение (Самарина, 2004: 5-8). Исследователь религиозных течений в Амурском крае Д.Е. Буянов дает анализ немногочисленной церковно-миссионерской литературы 2-й половины XIX – начала XX вв., посвященной молоканскому движению в Приамурье (Буянов, 2014: 181-182). В работе О.В. Безносовой историография молоканства затрагивается в связи с проблемой происхождения духовного христианства (Beznosova, 2016).

Очерк дореволюционной литературы о субботниках дан в монографии А.Л. Львова, который подверг сомнению ценность значительной части трудов XIX в., отмечая растерянность многих исследователей при определении сущности религиозного течения и экзотизации иудействующих в досоветской научной традиции (Львов, 2011: 34-37).

Наиболее подробный обзор дореволюционных работ по истории движения иудействующих представлен в работах Т.И. Хижей (Хижая, 2018).

4. Результаты

Движение молокан

Литература, посвященная молоканскому течению, чрезвычайно обширна и разнообразна.

Во второй пол. XIX – начале XX вв. Министерство внутренних дел инициировало изучение различных сект, в том числе и молокан. Фундаментальным исследованием, базирующемся на архивных источниках, стал изданный в 1863 г. труд чиновника МВД Н.В. Варадинова (Варадинов, 1863). Автор приводит законодательные акты, переписку между ведомствами, следственные дела, касающиеся молокан, цитирует рукописи сектантов. Эти документы дают сведения об истории движения, различных толках внутри него, географии распространения, численности «отступников». Варадинов рассматривает молокан, как правило, вместе с духоборцами, не всегда проводя границы между ними, при этом он различает тождественных друг другу молокан и «воскресников». Все это отражало отсутствие в официальном дискурсе четкой сектоведческой терминологии. Молоканское учение автор оценивает как «заносное», проникшее извне, отмечая отсутствие в нем цельности и «путаницу в понятиях».

Богатую и разнообразную информацию о молоканах собрал публицист Ф.В. Ливанов, написавший свою работу о российских «раскольниках и острожниках» по заказу МВД (Ливанов, 1868–1875). В серии очерков он описывает вероучение, обряды, обычаи и быт молокан, прослеживает их миграции. Немалая часть его исследования посвящена отношению молокан к браку и разводу, положению женщины, методам воспитания детей. Историю движения автор начинает *ab ovo*, вписывая ее в длинную цепочку русского религиозного «свомыслия», восходящего, по его мнению, к богомилству домонгольской эпохи. «Родоначальниками» молокан исследователь называет вольнодумцев XVI в. Семена Башкина и Феодосия Косого. Ливанов указывает на влияние западного протестантизма, а также на исключительную роль личности Д. Тверитинова в формировании «русского реформационного движения», идеи которого, а вовсе не проповедь Семена Уклеина, по мнению исследователя, дали начало фактической истории молокан. Основываясь на личном общении с молоканами, автор с симпатией описывает их трезвость, трудолюбие, уважение к старшим, целомудрие, аскетизм в повседневной жизни. Отмечая такие особенности молоканского сообщества, как грамотность, знание Библии, материальное благосостояние, высокий статус женщины, он выявляет основные причины привлекательности «молоканской веры» для православных крестьян.

В этнографическом по характеру сочинении чиновника Н. Дингельштедта, посвященном закавказским сектантам (Дингельштедт, 1885), содержится полноценный очерк о прыгунах – мистико-экстатическом толке внутри молоканства. Фактически используя метод «включенного наблюдения», изучив фольклор «сионцев», автор описывает их религиозные представления и практики, уделяя особенное внимание эсхатологии. Опираясь на письменные источники, Н. Дингельштедт исследует первоначальную историю прыгунства в Закавказье, его эволюцию, находит информацию о деятелях движения, делая акцент на личности лидера «сионского братства» –

М.Г. Рудометкина. Труд Н. Дингельштедта достаточно объективен: он опровергает мифы, сложившиеся вокруг прыгунов, критикуя власти за недостоверное описание секты. Хотя для исследователя, как типичного выразителя просветительской парадигмы XIX в., прыгуны являются невежественными «заблудшимися овцами», он не сомневается в их политической благонадежности и полагает, что степень «вредности» их учения преувеличена. Дингельштедт также дает характеристику молоканскому толку «общих».

Начиная с 1870-х гг. феномен молоканства вызывает настойчивый интерес православного духовенства, что было связано с активизацией антисектантской деятельности церкви. Эти труды объединяет «обличительное богословие», однако тональность их колеблется от обвинения «отщепенцев» в безнравственности и указания на покровительство им со стороны местных властей до высокой оценки их моральных качеств и институтов – брака, системы воспитания и образования, положения женщины. Многие из этих работ стали результатом наблюдения за молоканами и бесед с ними (которые иногда протоколировались), анализа молоканских обрядников и молитвенников, переписки между сектантами, изучения донесений сельских священников. Авторы выделяют и описывают различные толки внутри движения: старомолоканский (уклеинский, «постоянные», «коренные»), донской (новомолоканский), прыгунский («духовные»), секту «общих» и др., называют места локализации общин и имена лидеров, приводят статистические данные. Акцент при этом делается на вероучение молокан и литургические практики. Исследователей интересуют истоки и история феномена, а также причины его успеха (Шашин, 1894; Юницкий, 1895; Платонов, 1905; Петровский, 1908; Третьяков 1910 и др.). Некоторые полемическо-апологетические статьи не учитывают различий между молоканами и другими сектами, а также между течениями внутри молоканства (Тифлов, 1894). Также в этом сегменте сектоведения присутствуют и труды антропологического и краеведческого характера. Так, в очерке священника К. Литвинцева, описывающем жизнь молокан и духоборцев Амурской области, исследуются их занятия, верования, восприятие смерти, отношение к больным и умирающим, семейные взаимоотношения, молитвенные собрания, погребально-поминальные и свадебные обряды, праздничный календарь, медицинские практики. Оценивая оба течения как «русский протестантизм» в его рационалистической и мистической формах, автор неверно полагает, что духоборчество является «молоканской отраслью» (Литвинцев, 1888). Скорее всего под именем «духоборцев» он в действительности описал молокан-прыгунов. Это показывает, что даже в последней четверти XIX в. не все авторы, специализирующиеся на изучении сектанства, строго различали религиозные течения.

Достоинством церковных работ, относящихся к концу XIX – началу XX вв., стало выявление и анализ новых событий и процессов в движении: возникновение молоканской печати, попытки централизации (образование центрального совета молокан России, организация молоканского съезда), появление молитвенных домов у уклеинцев, прозелитическое влияние баптизма, идейный конфликт поколений и тенденция к расколу (Шашин, 1894; Платонов, 1905; Третьяков, 1910).

Начиная со второй половины XIX в., молокане становятся объектом изучения со стороны «вневедомственных» авторов. Историк Н.И. Костомаров, анализируя свои встречи и беседы с саратовскими сектантами и полемику молокан с православными, пришел к выводу, что молоканское движение – это не просто форма российского протестантизма, а своеобразное цельное учение, имеющее общие черты с западноевропейской Реформацией и русским православием (Костомаров, 1869).

Этнограф С.В. Максимов в работе, посвященной миноритарным религиозным группам юга России (Максимов, 1867), указал на существование в закавказском молоканстве трех «разногласий»: «уклеинов», «прыгунков» (или «веденцев») и «общих», уделив последним основное внимание. Его рассказ об «общих» содержит личные наблюдения и «интервью», взятые им у членов общины и их соседей – молокан традиционного течения. Он отмечает их доброжелательность и открытость, трезвость и взаимную любовь среди членов общины, но при этом указывает на бедность и низкий уровень грамотности. Прыгунский толк С.В. Максимов определяет как «крайний зловерный мистицизм». В целом он оценивает молоканское движение за Кавказом как весьма неустойчивое, поскольку его представители были склонны к частым переходам в разные секты. В своей книге «О русских людях» Максимов утверждает, что молокане «образовались из духоборцев» (Максимов, 1865: 43).

Анализ отношения молокан к браку, статуса женщины в семье и общине содержится в исследовании этнографа В.Н. Майнова. Семейная эмансипация, которую он считал отличительной чертой жизни молокан, стала, по его мнению, следствием определенной социальной свободы, обретенной сектантами в результате миграций (Майнов, 1874).

Этнографический характер носили сочинения русских писателей-путешественников, обративших внимание на феномен молокан. Среди них следует отметить труды художника и литератора В.В. Верещагина, писателя И.П. Ювачева (Верещагин, 1900: 22-40; Ювачев, 1904), которые, рассмотрев вероучение, обряды и идентичность молокан Закавказья, отметили изменчивость молоканского сообщества, склонность к разногласиям, духовным поискам и дроблению на новые толки.

Отдельную группу исследований составляют произведения представителей «демократического направления». Народников в молоканстве привлекала оппозиционность властям, рационализм,

высокий умственный потенциал и коммунистические устремления. Особенно интересным для них оказалось учение «общих». В глазах А.П. Щапова оно стало ярким выражением «общинно-строительного умственного направления» в «русском «расколе» (Щапов, 1867: 326-328). А.С. Пругавин считал, что общины последователей М. Попова воплощали «коммунистическую организацию». Если Щапов полагал, что «молоканско-духоборческое направление» возникло отчасти «под влиянием западных мистико-социальных идей», то Пругавин расценивал молоканство как оригинальное явление русской народной жизни. Среди положительных черт движения Пругавин называл грамотность и начитанность его членов, рационалистический характер и отсутствие семейного деспотизма. Постоянные модификации молоканства, тенденции к разделению он считал признаком прогресса, а вовсе не кризиса, как полагали многие авторы. Пругавин с оптимизмом говорит о бессилии церковных миссионеров перед сектантскими проповедниками и «громдах успехов» пропаганды молоканства среди православных, что не вполне адекватно отражало ситуацию начала XX в. (Пругавин 1905: 45-49, 65-69, 79, 88-94). Народническую позицию разделяла и Анна Филиберт, давшая высокую оценку молоканам как носителям всевозможных достоинств, которые, по ее мнению, отсутствовали у православных крестьян (Филиберт, 1870).

В 1870 г. в журнале «Отечественные записки» была опубликована апологетическая статья наставника молоканской общины «донского толка» казака А.И. Стоялова. Автор представляет свои размышления о происхождении движения, истории поселения сектантов в Таврической губернии, его разделении на разные «согласия». Отмечая «ошибки» уклеинского толка, Стоялов дает комплиментарную характеристику молоканства, в особенности донского течения. Он защищает свою веру от распространенных обвинений со стороны духовенства, давая понять, что она, будучи учением «евангелических христиан», в чем-то близка православию (в наличии водного крещения и причастия, в признании храмов, авторитета мужей апостольских и святых отцов). К своему рассказу Стоялов прилагает описание «донских» обрядов и, уверяя читателей в абсолютном повиновении молокан правительству, заключает, что они должны быть полноправными членами общества (Стоялов, 1870). Вышедший незадолго до революции труд молоканского лидера Н.Ф. Кудинова представляет собой краткий очерк истории «духовных христиан». Автор начинает ее с эпохи апостолов, являвшей чистоту веры, которая вскоре была утрачена. Представителями «духовного христианства, сущность которого заключалась в «безобрядовом служении Богу», он считает павликиан, вальденсов и богемских братьев. В России начало подлинной веры Кудинов возводит к XVI в., демонстрируя распространенную среди молокан мифологическую версию происхождения движения (от некоего английского лекаря и крестьянина Матвея Семенова). Историю русского молоканства он описывает как непрерывную череду преследований со стороны государства и церкви, жестоких мучений (виктимная концепция) и духовной победы. Начиная с середины XIX в., духовному христианству угрожала, по мнению Кудинова, смертельная опасность со стороны течения прыгунов и баптизма. Однако, заключает автор, движение сохранилось и проявляет признаки духовной жизни (Кудинов, 1913).

Во множестве работ, посвященных молоканам, особый акцент ставился на моральных принципах их сообщества, гендерных аспектах молоканской традиции и экономических успехах общин. В географическом плане наибольший интерес у исследователей вызывали молокане Закавказья.

Движение субботников

Иудействующие впервые привлекли внимание исследователей в XVIII в. Полемические произведения церковных и светских писателей сообщали скудную и неясную информацию о малоизвестной в то время «субботовщине» (Феофилакт, 1745: 6; Димитрий, 1824: 68, 609, 625; Посошков, 1895–1905, вып. I.: 18, 77, 141, 194, 197, 265-266, 285, 305, 326, 342, 368, 369, вып. II.: 72, 91, 137; Посошков, 1900: 20; Журавлев, 1890: 143). Лишь во 2-й половине XIX столетия начинается целенаправленное изучение (обусловленное целями борьбы с «вреднейшей» ересью) феномена «жидовствующих», в первую очередь представителями духовенства и чиновниками Министерства внутренних дел. Эти труды объединяет акцентация на антихристианском и антицерковном характере религиозного течения.

Пожалуй, первым серьезным вкладом в исследование истории русских иудаизантов стал труд Н.В. Варадинова, который ввел в научный оборот множество документов из архивов МВД. В генезисе движения он усматривал возможное влияние иудаизма (Варадинов, 1863).

Проблема истоков субботничества вызвала интерес у Ф.В. Ливанова (Ливанов, 1868–1875). Опираясь на материалы следственных процессов, он предположил, что движение иудействующих стало результатом обращения последователей московско-новгородской ереси, тайно существовавшей в России после ее осуждения в XVI в., в молоканство.

В исследовании Н.А. Дингельштедта немалое внимание уделено субботникам села Еленовка. Автор описывает их учение, обряды, самоидентификацию, отношения с евреями и другими сектантами, быт (Дингельштедт, 1885).

К началу XX в. относится обширный очерк С.Д. Бондаря, командированного МВД в российские губернии для исследования сектантства. Чиновник выявляет в движении три направления

(молокане-субботники, караимиты, иудействующие), рассматривает очаги расселения «жидовствующих», особенности их представлений и практик, идентичность, отношения в семье (Бондарь, 1916: 89-95). Этот труд, в отличие от предшествующих работ, написанных ведомственными авторами, не носит обличительного характера, что объясняется утверждением в обществе элементов религиозной свободы.

Представители церкви, особенно миссионеры, стали авторами наибольшего количества работ о русских иудаизантах. Истории субботников в том или ином регионе, их учению и обрядности, различным толкам внутри движения, взаимоотношениям с властями, иудеями, православными и многим другим вопросам посвящены работы священников, непосредственно контактировавших с сектантами (Богословский, 1878; Парадизов, 1885; Попов, 1887; Юницкий, 1895; Никольский, 1896; Головкин, 1897; Боголюбов, 1898; Третьяков, 1906 и др.) Эти труды отличаются практической полемической направленностью, описательным характером и отсутствием четкой структуры, однако некоторые статьи содержат элементы анализа, обращаются к письменным и даже эпиграфическим источникам. Их ценность состоит в том, что авторы были полевыми исследователями, подолгу жившими среди иудействующих, и предоставили множество сведений об этой религиозной группе.

В официальном церковном сектоведении конца XIX – начала XX вв. заметны тенденции к генерализации и структурированию собранного эмпирического материала, но одновременно – к упрощению и схематизации. Характеристики, данные ранее исследователями конкретных общин, атрибутируются в этих работах всем приверженцам «Моисеева учения» (Ивановский, 1887–1909: 193-196; Скворцо, 1896; Айвазов 1915: 40-41; Буткевич, 1915: 383-417 и др.). Полемический дискурс, в целом присущий антисектантской литературе, приобретает здесь политические коннотации, что было вызвано усилением в российском обществе национализма и антисемитизма. Субботничество в сочинениях синодальных миссионеров и сектоведов, многие из которых были членами правомонархических организаций, изображается как антигосударственное и антирусское движение, как полный отказ от родины и национальной идентичности, как процесс превращения русских в евреев (Скворцов, 1896: 7; Айвазов, 1906: 842).

Светские авторы также приступают к изучению «жидовствующих», начиная с середины XIX в. Н.И. Костомаров на основании личных встреч описывает мирозерцание саратовского молоканина-субботника (Костомаров, 1869: 59-61). Предметом пристального внимания избирают «жидовствующих» и этнографы. С.В. Максимов первым заявил о дифференциации движения и появлении среди иудействующих Закавказья так называемых геров («талмудистов»). Он выявил критерий разграничения двух направлений в субботничестве: ориентацию геров в религиозной жизни на «природных евреев» и «настоящих раввинов» и неприязнительность субботников при выборе наставников. Автор также обнаружил «языковое» различие между двумя толками: употребление «талмудистами» библейского иврита в богослужении (Максимов, 1867).

Этнограф В.Н. Майнов, изучавший поселение южнорусских молокан-субботников, собрал интереснейший материал об их религиозных воззрениях, ритуальных практиках, отношении к ортодоксальному иудаизму и православию, а также об их повседневной жизни, этике, положении женщин в общине. Причину возникновения субботничества исследователь усматривает в характере русского простолюдина, привыкшего жить «на готовеньком», в опоре на традицию – общем для христиан и иудеев тексте Пятикнижия. Отталкиваясь от принятой в XIX в. классификации сект на мистические и рационалистические, он утверждает, что иудействующие следуют «третьему» пути (Майнов, 1872).

Точно так же затруднялись с идентификацией «русских израильтян» в рамках популярной тогда парадигмы «рационализма» представители либеральной публицистики. «Иудейский элемент» казался некоторым избыточной «примесью» к «рационалистическим» воззрениям (Е.Р., 1881: 651-653). Народник Н.М. Астырев относил иудействующих «преимущественно» к мистическому сектантству, прогнозируя их исчезновение, однако при этом определил взгляды встреченного им гера Моисея Козьмина как непостижимую «смесь рационализма и фанатизма». В своем компилятивном очерке Астырев рассматривает проблему генезиса «Моисеевой веры», связывая ее существование с длительным присутствием в русском обществе средневековой ереси «жидовствующих», не отвергая, впрочем, и еврейского влияния на появление отдельных субботнических групп (Астырев, 1881).

Авторы либерально-народнического направления, симпатизировавшие русскому религиозному разномыслию, в целом позитивно относились к иудействующим как социальному явлению и давали высокую оценку их нравственности.

Не обошли вниманием последователей «Моисеева закона» и еврейские ученые. Ю.И. Гессен рассматривает русское иудаизанство в контексте истории евреев России. При этом он игнорирует проблему еврейского влияния на движение, что было вызвано стремлением противостоять распространенным обвинениям в иудейском прозелитизме (Гессен, 1916: 396-399). Для фольклориста С.А. Ан-ского характерна поэтизация субботников, стремление увидеть в «заправских» русских крестьянах «еврейское», вплоть до выражения и черт лица, но одновременно и «русское богоискательство» (Ан-ский, 1912: 279-306).

Многие авторы XIX в. рассматривали субботничество в контексте духовных исканий русских простолюдинов, приобретших, по их мнению, «странную», «необъяснимую» форму. Восприятие иудействующих принимало разнообразные формы – неприятия, возмущения, удивления, симпатии и романтизации религиозного феномена.

5. Заключение

Исследование позволяет констатировать наличие в дореволюционной литературе богатой традиции изучения молоканства и субботничества. Она представлена трудами авторов, принадлежащих к различным сферам российской жизни – государственной, общественной, научной, религиозной, литературной. Исследователи использовали всевозможные источники: письменные, фольклорные, эпиграфические, результаты полевых наблюдений. Они рассматривали самые разнообразные аспекты изучаемых ими явлений: происхождение, историю и эволюцию движений; религиозные представления, практики, идентичность, хозяйственную деятельность, повседневную жизнь, семейные взаимоотношения сектантов и др. Дискурсы описания религиозных диссидентов варьировались в зависимости от социокультурной принадлежности автора, его взглядов, иногда – этнического самосознания, а также отражали смену общественных и исследовательских парадигм.

Несмотря на тенденциозное отношение многих исследователей к религиозным неконформистам (от демонизации до идеализации), ими был накоплен громадный материал, который продолжает оставаться ценнейшим источником по истории русского религиозного разномыслия.

Литература

- Айвазов, 1906** – Айвазов И. Распределение сект по религиям (Доклад VI отделу предсоборного присутствия) // *Миссионерское обозрение*. 1906. № 6. С. 839-847.
- Айвазов, 1915** – Айвазов И. Русское сектантство. М., 1915. 74 с.
- Ан-ский, 1912** – Ан-ский С.А. Среди иудействующих. Из путевых заметок // Собрание сочинений. Т. 3. Разрушители огады. СПб., 1912. С. 279-306.
- Астырев, 1891** – Астырев Н. Субботники России и Сибири // *Северный Вестник*. 1891. № 6. С. 34-69.
- Боголюбов, 1898** – Боголюбов Д. Тамбовские жидовствующие // *Миссионерское обозрение*. 1898. Май. С. 797-801.
- Богословский, 1878** – Богословский П. Субботники в селе Каменке // *Тамбовские епархиальные ведомости*. Приложение. 1878. № 7. С. 1-20.
- Бондарь, 1916** – Бондарь С.Д. Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников, и иудействующих. Пг., 1916. 96 с.
- Буткевич, 1915** – Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Пг., 1915. 566, X с.
- Буянов, 2014** – Буянов Д.Е. Религиозное сектантство в Приамурье во второй половине XIX – начале XX вв.: обзор научной литературы по проблеме // *Религиоведение*. 2014. № 4. С. 180-191.
- Варадинов, 1863** – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: В 8 кн. Кн. 8. СПб., 1863. 656 с.
- Верецагин, 1900** – Верецагин В.В. Духоборцы и молокане в Закавказье; Шииты в Карабахе; Батчи и опиумеды в Средней Азии; Обер-Амергау в горах Баварии: Рассказы. М., 1900. 90 с.
- Гессен, 1916** – Гессен Ю.И. История еврейского народа в России: В 2 т. Т. 1. Пг., 1916. 472 с.
- Головкин, 1897** – Головкин М. Вечер у субботников. Оренбург, 1897. 10 с.
- Димитрий, 1824** – Димитрий, митр. Ростовский и Ярославский. Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их. М., 1824. XVII, 643 с.
- Дингельштедт, 1885** – Дингельштедт Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885. 290 с.
- Е.Р., 1881** – Е.Р. Русские рационалисты. Субботники, Духоборцы, Молокане, Штундисты // *Вестник Европы*. 1881. № 2. С. 651-663.
- Журавлев, 1890** – Журавлев А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. М., 1890. 346, III с.
- Ивановский, 1887-1909** – Ивановский Н.Н. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистских и мистических: В 3 ч. Ч. 3. Казань, 1887-1909. 496 с.
- Костомаров, 1869** – Костомаров Н. Воспоминание о молоканах // *Отечественные записки*. 1869. № 3. С. 57-68.
- Кудинов, 1913** – Кудинов Н.Ф. Духовные христиане: Молокане: Крат. ист. очерк. Владикавказ, 1913. 47 с.
- Ливанов, 1868-1875** – Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники: В 5 т. Т. 1-3. СПб., 1868-1872. 456, 820, 626 с.; Т. 4. СПб., 1873. 504, 120 с.; Т. 5. М., 1875. 540 с.
- Литвинцев, 1888** – Литвинцев К. Амурские сектанты: молокане и духоборцы (историко-этнографический очерк). СПб., 1888. 36 с.

- Львов, 2011** – *Львов А.Л.* Соха и Пятикнижие. Русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011. 328 с.
- Майнов, 1874** – *Майнов В.* Брак и положение женщины у молокан (Бытовой очерк) // *Знание*. 1874. № 3. С. 25-46.
- Майнов, 1872** – *Майнов В.* Странная секта // Сборник «Неделя». Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 230-253.
- Максимов, 1867** – *Максимов С.* За Кавказом (из дорожных заметок) // *Отечественные записки*. 1867. Май. С. 333-353.
- Максимов, 1865** – *Максимов С.* О русских людях. СПб., 1865. 48 с.
- Никольский, 1896** – *Никольский С.Я.* Отчет ставропольского епархиального противусектантского миссионера. Ставрополь, 1896. 300 с.
- Парадизов, 1885** – *Парадизов С.* О деятельности миссионера среди молокан в селах Пришибе и Заплавном Царевского уезда за время с 1880 по 1884 гг. // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1885. № 4. С. 58-61.
- Петровский, 1908** – *Петровский С.*, прот. Молокане или духовные христиане. Одесса, 1908. 42 с.
- Платонов, 1905** – *Платонов А.И.* К вопросу о предстоящей церковной реформе. Молоканство, баптизм и наша великая церковная нужда. СПб., 1905. 33 с.
- Попов, 1887** – *Попов К.* На молитвенных собраниях у субботников (Из дорожного дневника) // *Странник*. 1887. Т. 2. С. 183-211.
- Посошков, 1895–1905** – *Посошков И.Т.* Зеркало очевидное: В 2 вып. Казань, 1895–1905. 379, 342 с.
- Посошков, 1900** – *Посошков И.Т.* Сборники писем И.Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому / Сообщ В.И. Срезневский. СПб., 1900. 47 с.
- Пругавин, 1905** – *Пругавин А.С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. 95 с.
- Самарина, 2004** – *Самарина О.И.* Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт, хозяйственная деятельность: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2004. 239 с.
- Скворцов, 1896** – *Скворцов В.* Существенные признаки и степень вредности русских сект // *Миссионерское обозрение*. 1896. Январь. С. 5-18.
- Стоялов, 1870** – *Стоялов А.И.* Сведения о молоканах Таврической губернии // *Отечественные записки*. 1870. Июнь. С. 298-313.
- Тифлов, 1894** – *Тифлов М.*, свящ. О некоторых вопросах веры, пререкаемых молоканами и другими сектантами. М., 1894. 157 с.
- Третьяков 1906** – *Третьяков М.* Надгробные надписи субботников и молокан села Рассказова Тамбовского уезда // *Миссионерское обозрение*. 1906. № 3. С. 376-380.
- Третьяков 1910** – *Третьяков М.* Сектантство в Тамбовской губернии. СПб., 1910. 46 с.
- Феофилакт, 1745** – *Феофилакт (Лопатинский)*. Обличение неправды раскольнической. СПб., 1745. 226 л.
- Филиберт, 1870** – *Филиберт А.* Несколько слов о молоканах в Таврических степях // *Отечественные записки*. 1870. Июнь. С. 292-297.
- Хижая, 2018** – *Хижая Т.И.* Исследование движения субботников в российской науке: подходы, дискурсы, результаты // *История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века*. Архивные материалы и исследования / Отв. редактор М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова. СПб., 2018. С. 155-167.
- Шашин, 1894** – *Шашин А.* Миссионерская поездка на Кавказ. М., 1894. 53 с.
- Щапов, 1867** – *Щапов А.П.* Умственные направления русского раскола // *Дело*. 1867. № 10. С. 319-348.
- Ювачев, 1904** – *Ювачев И.П.* Закавказские сектанты // *Исторический вестник*. 1904. Январь. С. 167-179.
- Юницкий, 1895** – *Юницкий А.* Сектантские гнезда на Кавказе (в пределах Бакинской губернии) // *Христианское чтение*. 1895. Ч. 1. С. 141-164.
- Beznosova, 2016** – *Beznosova O.* The perception in the religious space: the assessment of the impact of Western reformation ideas to religious movements of Russian-Ukrainian steppe borderlands in XVIII – the early XIX centuries // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. № 236. Pp. 320-326.

References

- Aivazov, 1906** – *Aivazov, I.* (1906). Raspredelenie sekt po religiyam [Distribution of sects on their differences]. (Doklad VI otdelu predsobornogo prisutstviya). *Missionerskoe obozrenie*. 6: 839-847. [in Russian]
- Aivazov, 1915** – *Aivazov, I.* (1915). Russkoe sektantstvo [Russian sectarianism]. Moscow, 74 p. [in Russian]
- An-skii, 1912** – *An-skii, S.A.* (1912). Sredi iudeistvuyushchikh. Iz putevykh zametok [Among Judaizers. Travel notes]. An-skii S.A. Sobranie sochinenii. T. 3. Razrushiteli ogrady. SPb., pp. 279-306. [in Russian]
- Astyrev, 1891** – *Astyrev, N.* (1891). Subbotniki Rossii i Sibiri [The Subbotniks of Russia and Siberia]. *Severnyi Vestnik*. 6: 34-69. [in Russian]

- Beznosova, 2016** – *Beznosova, O.* (2016). The perception in the religious space: the assessment of the impact of Western reformation ideas to religious movements of Russian-Ukrainian steppe borderlands in XVIII – the early XIX centuries. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 236: 320-326.
- Bogolyubov, 1898** – *Bogolyubov, D.* (1898). Tambovskie zhidovstvuyushchie [The Judaizers of Tambov]. *Missionerskoe obozrenie*. 5: 797-801. [in Russian]
- Bogoslovskii, 1878** – *Bogoslovskii, P.* (1878). Subbotniki v sele Kamenke [The Kamenka village Subbotniks]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti. Prilozhenie*. 7: 1-20. [in Russian]
- Bondar', 1916** – *Bondar', S.D.* (1916). Sekty khlystov, shaloputov, dukhovnykh khristian, staryi i novyi Izrail' i subbotnikov i iudeistvuyushchikh [The sects of Khlysty, Shalopooty, Spiritual Christians, Old and New Israel, Subbotniks and Judaizers]. Pg., 96 p. [in Russian]
- Butkevich, 1915** – *Butkevich, T.I.* (1915). Obzor russkikh sekt i ikh tolkov [Review of the Russian sects and their denominations]. Pg., 566, X p. [in Russian]
- Buyanov, 2014** – *Buyanov, D.E.* (2014). Religioznoe sektantstvo v Priamur'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: obzor nauchnoi literatury po probleme [Religious sectarianism in the Amur region in the second half of the 19th – early 20th centuries: a review of scholarly literature on the problem]. *Religiovedenie*. 4: 180-191. [in Russian]
- Dimitrii, 1824** – *Dimitrii, mitr. Rostovskii i Yaroslavskii* (1824). Rozysk o raskol'nicheskoi brynskoj vere, o uchenii ikh, o delakh ikh [A Search for the Schismatic Brynsk Faith, for Their Teachings, for Their Deeds]. Moscow, XVII, 643 p. [in Russian]
- Dingel'shtedt, 1885** – *Dingel'shtedt, N.* (1885). Zakavkazskie sektanty v ikh semeinom i religioznom bytu [The Transcaucasus sectarians in their household and religious routine]. SPb., 290 p. [in Russian]
- E.R., 1881** – *E.R.* (1881). Russkie ratsionalisty. Subbotniki, Dukhobortsy, Molokane, Shtundisty [Russian rationalists. Subbotniks, Dukhobors, Molokans, Stundists]. *Vestnik Evropy*. 2: 651-663. [in Russian]
- Feofilakt, 1745** – *Feofilakt (Lopatinskii)* (1745). Oblichenie nepravdy raskol'nicheskoi [Unmasking of the Schismatics' Falsehood]. SPb., 226 p. [in Russian]
- Filibert, 1870** – *Filibert, A.* (1870). Neskol'ko slov o molokanakh v Tavrisheskikh stepyakh [A few words about the Molokans in the Tauride steppes]. *Otechestvennye zapiski*. 6: 292-297. [in Russian]
- Gessen, 1916** – *Gessen, Yu.I.* (1916). Istoriya evreiskogo naroda v Rossii: v 2 t. [The history of the Jewish people in Russia]. T. 1. Pg., 472 p. [in Russian]
- Golovkin, 1897** – *Golovkin, M.* (1897). Vecher u subbotnikov [Evening with the Subbotniks]. Orenburg, 10 p. [in Russian]
- I.B., 1910** – *I.B.* (1910). Gery [Gers]. Evreiskaya entsiklopediya Brokgauza i Efrona: v 16 t. T. 6. SPb., 1910, pp. 430-431 [in Russian]
- Ivanovskii, 1887-1909** – *Ivanovskii, N.N.* (1887-1909). Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu staroobryadcheskogo raskola s prisovokupleniem svedenii o sektakh ratsionalistskikh i misticheskikh: v 3 ch. Ch. 3 [A Guide on the history and denunciation of the Old Believers' schism, with an addition of information on the rationalist and mystical sects]. Kazan, 496 p. [in Russian]
- Khizhaya, 2018** – *Khizhaya, T.I.* (2018). Issledovanie dvizheniya subbotnikov v rossiiskoi nauke: podkhody, diskursy, rezul'taty [The study of the Subbotnik movement in Russian science: approaches, discourses, results]. *Istoriya religiovedeniya i intellektual'naya istoriya Rossii XIX – pervoi poloviny XX veka. Arkhivnye materialy i issledovaniya / otv. redaktor M.M. Shakhnovich, E.A. Teryukova*. SPb., pp. 155-167. [in Russian]
- Kostomarov, 1869** – *Kostomarov, N.* (1869). Vospominanie o molokanakh [Recollections about the Molokans]. *Otechestvennye zapiski*. 3: 57-68. [in Russian]
- Kudinov, 1913** – *Kudinov, N.F.* (1913). Dukhovnye khristiane: Molokane: Krat. ist. ocherk [Spiritual Christians: Molokans: A brief historical sketch]. Vladikavkaz, 47 p. [in Russian]
- Litvintsev, 1888** – *Litvintsev, K.* (1888). Amurskie sektanty: molokane i dukhobortsy (istoriko-etnograficheskii ocherk) [Sectarians of the Amur region: Molokans and Dukhobors (historical and ethnographic sketch)]. SPb., 36 p. [in Russian]
- Livanov, 1868-1875** – *Livanov F.V.* (1868-1875). Raskol'niki i ostrozhniki [Schismatics and prisoners]: v 5 t. T. 1-3. SPb., 1868-1872. 456, 820, 626 p.; T. 4. SPb., 1873. 504, 120 p.; T. 5. Moscow, 1875. 540 p. [in Russian]
- L'vov, 2011** – *L'vov, A.L.* (2011). Sokha i Pyatiknizhie. Russkie iudeistvuyushchie kak tekstual'noe soobshchestvo [Plough and Pentateuch: Russian Judaizers as textual community]. SPb., 328 p. [in Russian]
- Mainov, 1872** – *Mainov, V.* (1872). Strannaya sekta [A strange Sect]. *Sbornik «Nedelya»*. *Russkie obshchestvennye voprosy*. SPb., pp. 230-253. [in Russian]
- Mainov, 1874** – *Mainov, V.* (1874). Brak i polozhenie zhenshchiny u molokan. (Bytvoi ocherk) [Marriage and the status of women among the Molokans]. *Znanie*. 3: 25-46. [in Russian]
- Maksimov, 1865** – *Maksimov, S.* (1865). O russkikh lyudyakh [About Russian people]. SPb., 48 p. [in Russian]
- Maksimov, 1867** – *Maksimov, S.* (1867). Za Kavkazom (iz dorozhnykh zametok) [The Transcaucasus (travel notes)]. *Otechestvennye zapiski*. 5: 333-353. [in Russian]

- Nikol'skii, 1896** – *Nikol'skii, S.Ya.* (1896). Otchet stavropol'skogo eparkhial'nogo protivusektantskogo missionera [The Report of the Stavropol diocesan antisectarian missionary]. Stavropol, 300 p. [in Russian]
- Paradizov, 1885** – *Paradizov, S.* (1885). O deyatel'nosti missionera sredi molokan v selakh Prishibe i Zaplavnom Tsarevskogo uezda za vremya s 1880 po 1884 gg. [On the activities of a missionary among the Molokans in the villages of Prishibe and Zaplavnoye of the Tsarevsky district from 1880 to 1884]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 4: 58-61. [in Russian]
- Petrovskii, 1908** – *Petrovskii, S.*, *prot.* (1908). Molokane ili dukhovnye khristiane [Molokans or Spiritual Christians]. Odessa, 42 p. [in Russian]
- Platonov, 1905** – *Platonov, A.I.* (1905). K voprosu o predstoyashchei tserkovnoi reforme. Molokanstvo, bapizm i nasha velikaya tserkovnaya nuzhda [On the forthcoming church reform. Molokans, Baptists and our great church need]. SPb., 33 p. [in Russian]
- Popov, 1887** – *Popov, K.* (1887). Na molitvennykh sobraniyakh u subbotnikov (Iz dorozhnogo dnevnika) [At the Subbotnic Worship Sessions]. *Strannik*. 2: 183-211. [in Russian]
- Pososhkov, 1895-1905** – *Pososhkov, I.T.* (1895-1905). Zerkalo ochevidnoe [Clear Mirror]: v 2 vyp. Kazan, 379, 342 p. [in Russian]
- Pososhkov, 1900** – *Pososhkov, I.T.* (1900). Sborniki pisem I.T. Pososhkova k mitropolitu Stefanu Yavorskomu [I.T. Pososhkov's Collected Letters to Metropolitan Stefan Yavorsky]. Soobshch. V.I. Sreznevskii. SPb., 47 p. [in Russian]
- Prugavin, 1905** – *Prugavin, A.S.* (1905). Raskol i sektantstvo v russkoi narodnoi zhizni [Schism and sectarianism in Russian commoners life]. Moscow, 95 p. [in Russian]
- Samarina, 2004** – *Samarina, O.I.* (2004). Obshchiny molokan na Kavkaze: istoriya, kul'tura, byt, khozyaistvennaya deyatel'nost': diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. [Molokan communities in the Caucasus: history, culture, everyday life, economic activities: dissertation of the candidate of historical sciences]. Stavropol, 239 p. [in Russian]
- Shashin, 1894** – *Shashin, A.* (1894). Missionerskaya poezdka na Kavkaz [Missionary trip to the Caucasus]. Moscow, 53 p. [in Russian]
- Shchapov, 1867** – *Shchapov, A.P.* (1867). Umstvennye napravleniya russkogo raskola [Ideations in the Russian Schism]. *Delo*. 10: 319-348. [in Russian]
- Skvortsov, 1896** – *Skvortsov, V.* (1896). Sushchestvennye priznaki i stepen' vrednosti russkikh sekt [Substantial characteristics and degree of maliciousness of the Russian sects]. *Missionerskoe obozrenie*. 1: 5-18. [in Russian]
- Stoyalov, 1870** – *Stoyalov, A.I.* (1870). Svedeniya o molokanakh Tavricheskoi gubernii [Data on the Molokans of the Tauride province]. *Otechestvennye zapiski*. 6: 298-313. [in Russian]
- Tiflov, 1894** – *Tiflov, M.* (1894). O nekotorykh voprosakh very, prerekaemykh molokanami i drugimi sektantami [On some issues of faith, challenged by Molokans and other sectarians]. Moscow, 157 p. [in Russian]
- Tret'yakov, 1906** – *Tret'yakov, M.* (1906). Nadgrobnye nadpisi subbotnikov i molokan sela Rasskazova Tambovskogo uezda [The Subbotniks' and Molokans' epitaphs in the village of Rasskazov, Tambov district] *Missionerskoe obozrenie*. 3: 376-380. [in Russian]
- Tret'yakov 1910** – *Tret'yakov, M.* (1910). Sektantstvo v Tambovskoi gubernii [Sectarianism in the Tambov province]. SPb., 46 p. [in Russian]
- Varadinov, 1863** – *Varadinov, N.V.* (1863). Istoriya Ministerstva vnutrennikh del.: v 8 kn. Kn. 8. [History of the Ministry of Internal Affairs]. SPb., 656 p. [in Russian]
- Vereshchagin, 1900** – *Vereshchagin, V.V.* (1900). Dukhobortsy i molokane v Zakavkaz'e; Shiity v Karabakhe; Batchi i opiumoedy v Srednei Azii; Ober-Amergau v gorakh Bavarii: Rasskazy [Dukhobors and Molokans in the Transcaucasus; Shiites in Karabakh; Bacha bazi and Opium Eaters in Central Asia; Oberammargau in the Bavarian mountains]. Moscow, 90 p. [in Russian]
- Yunitskii, 1895** – *Yunitskii, A.* (1895). Sektantskie gnezda na Kavkaze (v predelakh Bakinskoi gubernii) [Sectarian nests in the Caucasus (within the Baku province)]. *Khristianskoe chtenie*. Ch. 1, pp. 141-164. [in Russian]
- Yuvachev, 1904** – *Yuvachev, I.P.* (1904). Zakavkazskie sektanty [The Transcaucasian Sectarians]. *Istoricheskii vestnik*. 1: 167-179. [in Russian]
- Zhuravlev, 1890** – *Zhuravlev, A.I.* (1890). Polnoe istoricheskoe izvestie o drevnikh strigol'nikakh i novykh raskol'nikakh, tak nazyvaemykh staroobryadtsakh [Complete historical data on the old Strigolniks and new schismatics, the so-called Old Believers]. Moscow, 346, III p. [in Russian]

**Исследование движений молоканства и субботничества
в российской историографии XIX – начала XX вв.**

Татьяна Игоревна Хижая ^{a,*}, Татьяна Витаутасовна Чумакова ^b, Михаил Станиславович Стецкевич ^b

^a Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются отечественные исследования XIX – начала XX вв., посвященные религиозным неортодоксальным течениям в Российской империи – молоканам и русским иудействующим. Актуальность работы обусловлена как неполной разработанностью в современном религиоведении истории этих движений, так и чрезвычайно малым количеством трудов, уделяющих внимание дореволюционной историографии проблемы.

Исследование обнаруживает наличие богатой и многогранной литературы о молоканах и субботниках, созданной светскими чиновниками, церковными авторами, учеными, общественными деятелями и частными наблюдателями. Авторы рассматривают различные аспекты сектантских движений, благодаря чему их труды являются важным источником по изучению русского религиозного разномыслия и одновременно – серьезным вкладом в развитие религиоведческого дискурса в России.

Историографический анализ прослеживает формирование терминологии, обозначающей религиозных диссидентов. Первоначально сектоведческий дискурс страдал отсутствием четкости и релевантности в названиях движений и направлений внутри них. Впоследствии происходит прояснение смысла различных терминов, но вплоть до конца XIX в. не все исследователи строго различали и религиозные течения, и их наименования.

Социальное положение авторов, их профессиональная деятельность, политические и культурные пристрастия, иногда – этническая идентичность обуславливали (хотя и не всегда прямо) многообразные дискурсы восприятия религиозных неконформистов. Они варьировались от нетерпимости до явных симпатий. Эволюция представлений о сектантах и интерес к ним на протяжении рассматриваемого периода коррелировались с общественно-политическими и религиозными процессами в стране, а также с изменениями в общепринятых взглядах, подходах и исследовательских моделях.

Ключевые слова: религиоведение, молокане, субботники, иудействующие, русское сектантство, российская историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bobcat64@mail.ru (Т.И. Хижая)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 786-798.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.786
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

State Policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in Relation to Abandoned Children

Pavel A. Merkulov ^a, Oksana V. Leonova ^a, Elena N. Selyutina ^{a, *}

^a Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article examines the main historical and legal determinants of the formation of the state policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries in relation to abandoned children. The authors analyze the social and legal aspects of the emergence of foundlings, coming to the conclusion about the exponential growth of their number in the context of the modernization of Russian society and the state at the turn of the century. The article substantiates the determinism of the influence of the compilation of exogenous and endogenous factors on the abandonment of their children by the parents by the end of the 19th century. The state, within the framework of its policy, made decisions aimed, on the one hand, at preserving the life of abandoned babies and their upbringing within the framework of established social norms, and, on the other hand, condemning the behavior of people who left children, legislatively fixing abandoning as an illegal act entailing the onset of legal responsibility. With such measures of influence with the help of sanctions of legal norms, the state and legal policy pursued the goal of educating citizens in the spirit of preserving family values and the need to fulfill their parental responsibilities, as well as eliminating the threat to public order and security, which was constituted by street desocialized children who would join the ranks of juvenile criminals. In the context of the stated topic, the authors analyze in detail the law-making and law-enforcement means of legal techniques used by zemstvos to prevent the throwing of children and reduce the cost of their maintenance. Analysis of socio-cultural, legal and technical-legal aspects of state policy in relation to foundlings allows us to show the presence of a clear goal-setting in the formation of a regulatory framework for regulation, to trace the dynamics of changes in the context of the general social situation in the country, to identify the means and mechanisms used, taking into account the assessment of their efficiency.

Keywords: state legal policy of the Russian Empire; legal status of illegitimate children, charity of abandoned children, legal and technical regulation, orders of public charity.

1. Введение

Происходящие изменения подходов к государственной семейной политике сопровождаются перманентным поиском новых форм и методов решения возникающих проблем с опорой на опыт прошлого. В вопросах правового регулирования семейных отношений и государственного участия в содержании и воспитании детей, которые составляют будущее страны и опору государства, безусловно, требуется профессионально детерминированный подход и интегративный анализ всего многообразия факторов, противоположных мнений и антагонистических концепций в целях поиска оптимальной модели правового регулирования государственного участия в воспитании детей как в семье, так и в рамках специализированных государственных учреждений. Соотношение общего и частного в процессе формирования общекультурных ценностей формирующейся личности и социальной адаптации подрастающего поколения обуславливает научный дискурс на основе

* Corresponding author

E-mail addresses: enseljutina@mail.ru (E.N. Selyutina), nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), oks980@rambler.ru (O.V. Leonova)

изучения комплекса мероприятий и средств, применявшихся ранее в сходных обстоятельствах, а также их результативности.

К сожалению, государственно организованная семейная политика России на протяжении последних столетий не может полностью искоренить деструктивные деяния родителей по оставлению своих новорожденных детей и отказу от их содержания и воспитания, что в значительной степени обостряет и актуализирует данную проблему и в настоящее время. Обоснованием современной концепции правовой политики государства, направленной на сохранение и укрепление института семьи в условиях кризиса семейных ценностей и роста внебрачной рождаемости, становится обращение еще к дореволюционному опыту Российской империи по правовому регулированию содержания и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Историко-правовое исследование особенностей и закономерностей развития государственной политики в сфере призрения подкинутых детей позволяет выявить социальные, общественно-политические и экономические факторы, которые привели к эскалации числа подкидышей на рубеже XIX–XX веков, что, в свою очередь, позволяет экстраполировать данные факторы на современные социальные процессы и, учитывая их, направить государственные меры на минимизацию девиантных форм обращения родителей с детьми.

В статье на основе авторского подхода с использованием совокупности методов обоснована исследовательская гипотеза о синергетическом влиянии экзогенных и эндогенных факторов на экспоненциальное увеличение числа младенцев, оставленных родителями, таких как развитие капиталистических отношений, рост городского населения, появление отхожих рабочих, которые оказывали свое влияние на фоне снижения младенческой и детской смертности при условии сохранения высокого уровня рождаемости и отсутствия традиции внутрисемейного контроля рождаемости. Проведенное исследование контингента подкидываемых детей позволяет опровергнуть тезис об их исключительно незаконнорожденном правовом статусе.

Еще одним ключевым элементом исследования выступает обоснование мотивировки принятия государством полномочий по призрению подкинутых детей и последующая децентрализация системы детских заведений с передачей полномочий в данной сфере земствам.

2. Материалы и методы

2.1. Специфика предмета исследования данной статьи обусловила привлечение различных видов материалов, которые следует разделить на три группы. Первую – составляют нормативные правовые акты и другие документы, исходящие от органов власти и управления, относящиеся к исследуемому периоду. В качестве материалов привлечены дореволюционные нормативные акты, систематизированные в Полном собрании законов Российской империи и в Своде законов. В зависимости от сферы правового регулирования среди нормативных актов, определяющих правовой статус и порядок призрения брошенных детей, выделены три подгруппы. Первую – составляют акты общего характера, затрагивающие вопросы о правовом положении детей. В данную подгруппу входит семейное законодательство, устанавливающее критерии законности рождения, определяющее обязанности родителей по содержанию и воспитанию своих детей и обязанности детей уважать и почитать родителей, подчиняться их воле; уголовное законодательство, в котором была установлена ответственность родителей и иных лиц за подкидывание детей, оставление их в опасности и иные деяния, посягающие на жизнь, здоровье и другие личные блага ребенка.

Следующая подгруппа включает нормативные документы, посвященные вопросам правового статуса и призрения несовершеннолетних. К таким источникам относятся указ «О детях, оставляемых в разных местах Воспитательных домов» (1830 г.); высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об освобождении незаконнорожденных, подкидышей и не помнящих родства от податей и повинностей до совершеннолетия» (1863 г.); «Об утверждении Правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» (1902 г.).

Подкинутые дети призривались в специальных учреждениях, положения о которых, а также иные акты органов власти и управления, составили третью подгруппу материалов, в частности, Положение о детских приютах 1839 года (в редакции 1891 г.); Положение о губернских и уездных земских учреждениях (в редакциях 1864 и 1892 гг.).

Привлеченные архивные документы, образующие вторую группу материалов, позволили проследить порядок приема и численность подкидываемых детей. Документы Комитета Главного попечительства детских приютов и Канцелярии по управлению детскими приютами собственной его Императорского Величества канцелярии по учреждениям имп. Марии, хранящиеся в Фонде 763 РГИА (Российский государственный исторический архив), содержат сведения о финансировании, источниках доходов и тратах на содержание детей. Отчеты Орловского городского полицейского управления, хранящиеся в Фонде 672 ГАОО (Государственный архив Орловской области), сообщают о фактах обнаружения подкидышей и о розыске полицейскими родственников подкинутых младенцев.

Третью группу источников составляют научные публикации, посвященные различным аспектам призрения подкинутых детей и роли государства, а также церкви и общественности в благотворительной деятельности.

Исследование названных материалов позволило выявить особенности и закономерности формирования и развития государственной политики в отношении подкидышей.

2.2. Решение исследовательских задач предопределило комплексный характер использования обширной палитры научных принципов и методов гуманитарных исследований, сочетающей использование всеобщих, общенаучных и специальных методов. Базисной основой исследования выступает принцип историзма, позволяющий проследить генезис государственной политики по отношению к подкинутым детям в рассмотренный исторический период. Значимость цементированного настоящего исследования на основе принципа историзма предопределяется тем обстоятельством, что данный принцип предполагает всестороннюю оценку событий, фактов и личностей, относящихся к исследуемому периоду. Изменение подхода к приему подкинутых детей от свободного и тайного к ограниченному и открытому рассматривается как следствие конкретных социально-исторических условий, в формировании которых важную роль играли внешние факторы, а также недостаток финансирования и штатных мест в приютах.

Широко применялись в исследовании специальные юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и правоинтерпретационный. Сравнительно-правовой метод позволил выявить черты сходства и различия в составе противоправного деяния подкидывания ребенка в зависимости от особенностей объективной стороны: место, время, способ совершения деяний, а также умысла лица, совершающего данное деяние – желало ли оно, чтобы ребенок был обнаружен. Формально-юридический метод дал возможность определить правовой статус подкинутых детей, уточнить правила их приема в специализированные учреждения. Правоинтерпретационный метод использовался для систематического толкования дореволюционного законодательства, составившего правовую основу государственной политики по отношению к подкинутым детям.

3. Обсуждение

Научный дискурс о призрении подкинутых младенцев и роли государства в выработке политико-правовых подходов в решении проблем и по организации специализированных учреждений для оставленных родителями детей берет начало в дореволюционный период. Доктринальное осмысление семейных правоотношений, включая права и обязанности родителей и детей по отношению друг к другу, представлены в трудах русских цивилистов (Пахман, 1877; Победоносцев, 1896; Неволин, 1851; Загоревский, 1902). Исторические основания правового регулирования положения незаконнорожденных затрагивались в исследованиях правоведов (Радецкий, 1894; Ван-Путтерен, 1908), делавших вывод о ретроградности существующего в отечественном праве подхода, умаляющего права детей, рожденных вне законного брака. Потребность государства в формировании концептуальных подходов и устройстве системы детских учреждений признается практически всеми исследователями (Термен, 1912; Селезнев, 1878), а опыт деятельности первых приютов для подкидышей в форме воспитания ребенка от грудного возраста до выхода во взрослую жизнь представлен как попытка социализации подкинутых, «засорных» детей на благо общества и государства. Учет ошибок, стоивших жизни большей части воспитанников сиротских приютов и воспитательных домов впоследствии позволил добиться высокого уровня выживаемости в региональных земских заведениях (Севастьянов, 1893).

Советский период изучения государственной политики по вопросам борьбы с сиротством был ориентирован на критическое осмысление дореволюционного опыта, поскольку государство взяло на себя заботу о детях-сиротах в полном объеме и без разграничения как причин сиротства, так и происхождения ребенка. Специальные юридические исследования в основном рассматривали проблемы установления отцовства.

К настоящему времени в отечественной и зарубежной академической традиции сложилась весьма солидная база исследований, посвященных государственной политике в сфере обеспечения содержания и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Имея в виду, что ребенок, утративший родительскую заботу, независимо от причин этой потери нуждается в заботе со стороны общества и государства, подкидыши составляют особую категорию таких детей в связи с полной утратой семейных связей не только детско-родительских, но и прочих степеней родства. Различные аспекты деятельности государства по вопросам нивелирования негативных аспектов данного рода сиротства отражены в трудах представителей различных научных направлений: истории (Безгин, 2004; Матвеева, 2019; Синова, 2019; Соколов, Зимин, 2015), истории государства и права (Жиляева, 2009), семейного права (Нечаева, 1994; Михеева, 2004), социологии (Вишневский, 2006; Миронов, 1999), политологии (Меркулов, 2016).

Анализ работ, посвященных историографии государственной политики в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, и методологии ее изучения, несмотря на достигнутый высокий уровень изучения проблемы, демонстрирует некоторые пробелы по ряду вопросов, представляющихся весьма значимыми на современном этапе исследования. Так, региональные проблемы и пути их решения, предпринятые губерниями в соответствующий исторический период,

освещены недостаточно подробно. Отсутствует анализ региональной специфики призрения детей и факторы, влияющие на уровень сиротства в различных регионах.

4. Результаты

Необходимость призрения малолетних как одна из мер государственной политики начала осознаваться в России в начале XVIII века, а на практике создание учреждений, предназначенных для содержания и воспитания детей, оставшихся без родителей или родственников, способных их заменить, растянулось на длительное время. Даже на исходе XIX столетия имеющиеся детские приюты, богоугодные и благотворительные заведения не могли в полной мере удовлетворить потребности общества по призрению незаконнорожденных детей. Рост числа детей, оставленных родителями по собственному решению, помимо обозначения проблемы в рамках общегуманитарной направленности, коррелировался с вопросами государственной и общественной безопасности. Дети, не получившие необходимого воспитания и образования, были зачастую обречены пополнять ряды малолетних преступников. В исследовании Ланжуа, посвященном детям, находившимся в исправительных заведениях Франции в конце XIX века, говорится, что главный контингент исправительных заведений составляют дети бедные, потерявшие родителей или вовсе их не знавшие, маленькие бродяжки, предоставленные собственной воле, с детства лишены всякого присмотра, образования и первых понятий о какой-либо религии. Эти дети скитались по улицам до совершения первого преступления, хотя обществу и государству было бы разумнее и проще не допустить совершение ребенком преступления. (Сборник, 1884: 207). Франция впервые на законодательном уровне предприняла попытку решить вопрос малолетних преступников, появившихся из среды безнадзорных детей в 1850 году, а вскоре ее опыту последовали Англия и Америка (Merkulov et al., 2017). Развитие французского законодательства привело к появлению в законе 1873 года понятий недостойных родителей, которые лишались родительской власти над детьми. В частности, к недостойным относились родители, которые добровольно покинули ребенка, а также постоянно оставляли его без присмотра. Относительно Германии, по свидетельству Богдановского, следует отметить тот факт, что эта страна изобиловала различными убежищами, приютами, школами, предназначенными для беспризорных, беспомощных, гибнущих физически и нравственно детей. Цель деятельности подобных заведений состояла не только в сохранении детских жизней, но и в воспитании их согласно морально-нравственным и религиозным устоям общества, обучение знаниям и навыкам, необходимым в честной жизни, и спасение таким образом «от карьеры порока и преступления, которая непременно представлялась им в будущем, если бы они оставлены были обществом на произвол судьбы» (Сборник, 1884: 236).

Таким образом, помимо гуманного отношения к брошенным детям, сохранения их жизни, западно-европейская и американская государственно-правовая политика рассматривала устройство беспризорных детей в воспитательные учреждения как эффективную превентивную меру по борьбе с преступностью в подростковой среде.

В конце XIX столетия в России на фоне быстро развивавшихся капиталистических отношений в жизни страны и общества наметились тенденции модернизации социально-экономического пространства, которые оказывали деструктивное воздействие на корреляцию численных параметров брошенных детей. Развитие промышленности и торговли, рост городов, эскалация трудовой мобильности населения, появление кластера отхожих рабочих способствовали постепенному отмиранию патриархального жизненного уклада, ослаблению строгости нравов и духовно-нравственных скрепов, создавали экзогенные предпосылки появления на свет детей, от содержания и воспитания которых родители стремились уклониться, переложив ответственность на общество и государство, что обусловило необходимость изменений в государственной молодежной политике (Merkulov et al., 2018). В качестве эндогенных предпосылок роста числа подкидышей в конце XIX века следует назвать соотношение рождаемости и детской смертности. Столетиями высокая смертность детей в России делала высокую рождаемость объективно необходимой для сохранения и приумножения численных параметров национального генофонда, а механизмы действия религиозно-нравственных и культурных ценностей приводили реальное поведение людей в соответствие с этим объективным требованием. Младенческая и детская смертность в России рассматриваемого периода значительно сократилась, в первую очередь благодаря развитию медицины, росту экономики, повышению грамотности и общего культурного уровня населения. При этом рождаемость оставалась традиционно высокой, а содержание детей и их последующее вступление в брак были для семьи весьма обременительны. В среднем на одну крестьянскую женщину без учета брачного состояния приходилось 8 рождений (Миронов, 1977). При этом содержание и воспитание трех и более детей распатывало экономическую основу средней крестьянской семьи. В отличие от западноевропейских стран в России не получило массового распространения внутрисемейное регулирование рождаемости (Вишневский, 2006: 29).

В общественном сознании не признавалась свобода репродуктивного выбора за родителями, а прекращение беременности рассматривалось с позиций доминирования религиозно-нравственного мировоззрения как преступное деяние и тяжкий грех. Преступлением являлось и лишение младенца

жизни. В связи с этим матери, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, прибегали к подкидыванию своих детей, позаботившись по возможности о сохранении их жизни до обнаружения. Приведем несколько примеров, опираясь на архивные документы. В сентябре 1879 года отставной рядовой Григорий Афанасьев, находящийся в услужении в детском приюте на Гостиной улице, в канцелярию городского пристава 1 части г. Орла представил младенца женского пола, подкинутого в 10 часу утра неизвестно кем на парадное крыльцо детского приюта. Младенец был одет в рубашечку, шерстяную теплую кофту, голова повязана бумажным платочком, и обернут он был в пеленки (ГАОО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 5016. Л. 3). Младенцев зачастую подкидывали и к домам городских жителей. Например, в феврале 1879 года к дому чиновника Могилянского был подкинут младенец мужского пола. Ребенок был одет очень легко для зимнего времени – ситцевую рубашечку, завернут в холщовые пеленки, свит свивальнем и обернут старым ситцевым одеялом (ГАОО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 5016. Л. 2). Подобные ситуации были типичны для рассматриваемого периода, а информация об обнаруженных детях передавалась в городские полицейские управления. Полиция записывала факт того, кто, где нашел, в котором часу, во что ребенок был завернут, был ли крест на шее, а также фиксировали свидетелей находки. Зарегистрированный полицейским управлением младенец ожидал решения своей судьбы. Как правило, резолюцией пристава ребенок отсылался в контору богоугодных заведений на воспитание. Лица, нашедшие ребенка, могли покрестить его и дать свое имя. Эти люди иногда решали для себя следить за судьбой ребенка в приюте, благодетельствуя посредством передачи различных гостинцев.

В общественном сознании, ангажированном преимущественно религиозно-нравственными устоями, сформировалось терпимое отношение к действиям матери, оставляющей своего ребенка. Однако с позиции государственной правовой политики данное деяние рассматривалось как противоправное. Уложение о наказаниях 1845 года устанавливало в статьях 1986, 1987, 1988 и 1989 ответственность за преднамеренное подкидывание ребенка (ПСЗРИ, 1845). Оставление ребенка в безлюдном месте, где обнаружение его маловероятно, наказывалось более сурово, чем подкидывание там, где ребенка, скорее всего, заметят и сохранят жизнь. С точки зрения юридической техники законодатель разграничивал преступление и уголовный проступок в зависимости от угрозы жизни подкинутого ребенка (Селютина, 2019). Субъектами данных деяний выступали не только родители, но и другие лица, которым было поручено заботиться о ребенке, а также те, кто действовал по просьбе самих родителей ребенка.

Полицией принимались меры для розыска родителей и родственников подкинутых детей. Малоархангельский районный суд в январе 1850 года обратился к орловскому полицеймейстеру с прошением произвести розыск родственников или владельцев младенца мужского пола, подкинутого к дому крестьянина Малоархангельского уезда Григория Иванова (ГАОО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 3061. Л. 1). Частные приставы рапортовали о проведенном расследовании. Например, по приведенному делу частный пристав 3 части в своем рапорте сообщил, что родственников подкинутому младенцу во вверенной ему части не оказалось (ГАОО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 3061. Л. 5).

Когда о младенце имелось больше сведений, например, лицо, оставившее ребенка, указывало имя, то предпринимался розыск по записям в церковных метрических книгах. Частный пристав 1 части, проводивший розыск лица, родившего и подбросившего ребенка Марию к Богоявленской церкви в июне 1859 года обратился за справкой к священнослужителям Орловской градской Воскресенской церкви о том, были ли крещены младенцы Марии за 1859 год с 1 января по 10 июня, от кого рождены, кто их восприемники (ГАОО. Ф. 672. О. 1. Д. 4494). Такие запросы направлялись во все городские церкви. В справках священнослужители указывали по записям в метрических книгах требуемые сведения, удостоверяя их церковной печатью.

Анализ законодательства и правоприменительной практики по делам о подкинутых детях приводит к выводу о том, что вышеизложенный подход, заключающийся в санкционном воздействии со стороны государства на лиц, подкидывавших своих детей, сложился к середине XIX века. Данное деяние рассматривалось как угроза государственной, общественной и личной безопасности. Расследование случаев подкидывания поручалось полиции как органу обеспечения безопасности и охраны общественного порядка (Yastrebova et al., 2017).

Вместе с осуждением матерей, оставляющих своих детей, в обществе и государстве складывался осознанный императив необходимости сохранения жизни ребенка и его воспитания в рамках правил поведения в социуме. Реализации данного принципа в государственной политике послужило установление свободного и тайного приема отказных детей в особые благотворительные и богоугодные заведения и приюты. Первые государственные правовые акты, узаконивающие оставление младенцев на попечение общества и государства были приняты еще в период правления Петра I. Всеобъемлющие реформы Петра I поставили вопрос о призрении покинутых родителями детей в разряд правительственных дел вместо прежнего частного и церковного призрения. Создавая систему учреждений для воспитания незаконнорожденных, «ззорных» младенцев, Петр I взял за образец первый воспитательный дом, открытый в Новгороде Митрополитом Иовом в 1706 году, и Указом 31 января 1712 года приказал устраивать во всех губерниях «гошпиталя», в которых вести прием «незасрительный и прокормление младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы

вящего греха не делали, сиречь убийства по примеру Новгородского архиерея» (Термен, 1912: 8). Последующими Указами 1714 и 1715 гг. определялись размер денежного и хлебного жалования кормилицам и средства на содержание младенцев. Важно отметить, что принятые в государственные учреждения призерия дети по достижении совершеннолетия получали вольный паспорт, в то время как незаконнорожденные, воспитанные частными лицами, должны были у них оставаться, «равно яко крепостные», согласно разъяснению Сената 13 июня 1744 года (Селютина, 2015). Следующей важной вехой в развитии государственного призерия подкидышей стало учреждение Екатериной II Московского воспитательного дома в 1763 году, а семь лет спустя аналогичного воспитательного дома в Петербурге. Воспитательные дома выступали общегосударственными, а не внутригородскими учреждениями для приема подкидышей. В них поступали младенцы со всей территории страны. Основным принципом работы воспитательных домов оставался тайный и свободный прием детей.

В этой связи нуждается в уточнении вопрос о категориях детей, поступающих в воспитательные дома и детские приюты. Чаще всего подкидывали детей, рожденных вне брака, незаконных, «засорных», согласно терминологии Петра I. Но это не исключало случаев оставления законнорожденных детей. Например, когда в 1891 году в силу новых правил в воспитательный дом в Санкт-Петербурге стали принимать исключительно незаконнорожденных детей, то прием их сократился на 2764 младенца по сравнению с 1890 годом (Термен, 1912). Безусловно, задача воспитательных домов и других учреждений системы детских приютов состояла в том, чтобы содержать и воспитывать детей, о которых некому позаботиться, а не избавить от бремени содержания и воспитания законных родителей. Однако И.И. Бецкий, разработавший и представивший проект воспитательного дома Екатерине II, писал, что Дом создается и для такой категории детей, которые, «хотя и от законного супружества, но в крайней скудости родясь, от родителей оставлены и слепому щастью преданы бывают для того, чтобы от тягости воспитания их освободиться и сами удобнее пропитаться можно было». По отношению к покинутым детям, нуждающимся в призерии, Екатериной II был впервые употреблен термин «несчастнорожденные дети». При этом покинутыми считались дети, оставленные в физическом смысле, как правило, младенцы до года. Таким образом, первоначально воспитательные дома принимали младенцев независимо от характера их рождения – законного или незаконного.

Число подкидышей, поступавших в воспитательные дома, росло год от года. Комиссией, учрежденной по приказу Александра II, были изменены правила, усложнившие прием младенцев, например, принимать стали открыто и только законнорожденных. Однако введение в действие этих правил проблемы призерия подкидышей не решило.

Параллельно система детских приютов для призерия подкидышей развивалась во всех губерниях. Два столичных дома не справлялись с потребностями призерия покинутых новорожденных всей Империи. Децентрализация учреждений призерия и постепенное открытие приема подкидышей в наиболее крупных населенных пунктах представлялось необходимой и единственно возможной формой заботы об оставленных младенцах. Данное предложение, сформулированное в Записке «О мерах к улучшению системы призерия подкидываемых незаконнорожденных детей» в 1888 году, было разослано Ведомством императрицы Марии губернаторам (РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1197. Л. 13).

Смена парадигмы государственной политики в отношении призерия подкидышей привела к передаче данного вопроса в ведение земств, причем обязанности земства по делам общественного призерия содержать приюты для подкидышей были основаны на ст. 73 временных правил для земских учреждений и ст. 2 IV положения (ПСЗ РИ).

Рассмотрим, как была организована работа по призерию подкидышей в центральных губерниях Империи на примере Орловской. После земской реформы Александра II в ведение губернской управы перешли богоугодные заведения, в том числе земская больница, в грудном отделении которой находились подкинутые младенцы. Главной проблемой земства в вопросе содержания подкидышей была серьезная финансовая нагрузка. Опыт Орловской губернии в решении данного вопроса представляет особый интерес в связи с тем, что губерния территориально располагалась вблизи от Московского воспитательного дома, и на особых условиях прием подкидышей из Орла в Московский воспитательный дом был продлен. Все подкинутые дети два раза в год – в мае и сентябре – отправлялись в Москву и сдавались в воспитательный дом. Последняя отправка детей из грудного отделения в Московский воспитательный дом была в 1868 году. Отправлено было тогда 92 ребенка, из которых трое умерли в пути. Прекращение приема орловских подкидышей произошло по ходатайству почетного опекуна, заведовавшего в то время Московским воспитательным домом. В этом ходатайстве в обосновании отказа отмечено, что, во-первых, Орловское богоугодное заведение передано в ведение земства, которое и обязано заботиться об участии незаконнорожденных, поступивших в Орловское грудное отделение, Московский же воспитательный дом в силу закона обязан принимать лишь подкидышей из уездов Московской губернии. Во-вторых, доставление из Орла подкидышей в Москву сильно ослабляет детей, младенцы нередко умирают по дороге или вскоре по прибытии. В-третьих, сохранение существующего порядка способствует увеличению расходов воспитательного дома на содержание кормилиц, а также на придание земле

детей, умерших после привоза их из Орла. Ходатайство Московского опекунского совета было удовлетворено императором 15 июня 1868 года.

В 1868 году губернская управа обратилась с представлением к министру внутренних дел о том, чтобы Московскому воспитательному дому разрешено было принимать младенцев из орловских богоугодных заведений, но министр отказал в удовлетворении ходатайства.

Кроме того, в Орле длительное время сохранялся тайный и свободный прием подкидышей. Указанные факторы привели к значительному росту числа подкинутых младенцев: в период с 1860 по 1866 год число подкидышей увеличилось на 178 в год. По мнению губернского земства, причиной тому был свободный прием незаконнорожденных детей. Такой порядок установился по личному распоряжению орловского губернатора графа В.В. Левашова. В земском приюте для подкидышей была установлена люлька для таких младенцев. Губернским земским собранием было решено принять меры к сокращению и по возможности устранению случаев подкидывания младенцев.

По принятии в ведение земства богоугодных заведений губернская управа посчитала содержание подкидышей весьма обременительным и в первом же земском собрании предложила это отделение закрыть. Однако земское собрание с докладом управы не согласилось и постановило отделение для подкидышей оставить в том виде, как оно существовало, сократив по возможности расходы на содержание младенцев. То же собрание постановило раздавать детей на воспитание крестьянским семьям, изъявившим на то свое согласие.

Чтобы уменьшить по возможности число младенцев, содержащихся в грудном отделении, управа рассылала объявления о возможности брать младенцев в приемыши. Но желающих оказалось мало. Это привело к тому, что к концу 1868 года детей в грудном отделении накопилось до шестидесяти. Вследствие крайней тесноты содержать такое количество детей в грудном отделении становилось невозможным, и земское собрание решает внести в смету расходов на 1869 год сумму в размере 1417 рублей 56 копеек на наем, освещение и отопление отдельного помещения для подкидышей (Доклад № 40: 4). Министр внутренних дел, которому была представлена смета доходов и расходов по общественному призрению, указал, что согласно действующим законам (Ст.: 542, 543, 544 устава общественного призрения, Том XIII Свод законов гражданских) запрещается открытие вновь в губерниях воспитательных домов, признанных крайне неудобными. Что же касается существующих заведений, то в них должен быть ограничен свободный прием, кроме случаев, предусмотренных законом, – поднятие полицией младенца и невозможность установить лицо, обязанное его содержать. В Орловской губернии до 1828 года воспитательного дома не было учреждено, поэтому министр потребовал принять строгие меры к прекращению тайного приема подкидышей в орловские богоугодные заведения, а также обязал строго следить за подкидыванием младенцев к заведениям. Также министром отмечалось, что число младенцев, подкидываемых к благотворительным заведениям, нигде не достигает такой цифры как в Орловской губернии. Четвертое очередное губернское собрание 18 декабря 1869 г. утвердило распоряжение управы относительно закрытия люльки.

Относительно приема подкидышей были выработаны следующие правила: 1) в заведение принимаются подкидыши, найденные полицией или подброшенные к заведениям, если родители их останутся неизвестными; 2) дети незаконнорожденные по отпадению у них пуповины, но не старше 11 месяцев, приносимые в контору богоугодных заведений, принимаются по представлении доказательств незаконного рождения, то есть метрических свидетельств и т.д.; 3) дети, у которых пуповина еще не отпала, подаются из темной комнаты, но если по осмотру окажется, что пуповина уже отпала, то ребенок возвращается без спроса лица, принесшего его; 4) законнорожденные младенцы принимаются по мере возможности, когда будет доказано, что их родители по крайней бедности или по другим причинам не в состоянии их содержать; 5) для приема младенцев и общения с лицами, приносящими их, назначаются в богоугодном заведении особое лицо и особая комната.

Орловский губернатор опротестовал это постановление, а губернское земское собрание не согласилось с протестом и осталось при своем мнении. Тогда губернатор внес дело на обсуждение 1-го департамента Правительствующего сената, откуда дело перешло на рассмотрение Государственного совета, который нашел, что Орловское земское собрание вышло за пределы деятельности земских учреждений по общественному призрению, так как постановление от 18 декабря не только не устраняет незаконный тайный прием младенцев, а еще более расширяет его, допуская свободный прием всех детей, приносимых в контору как явно, так и из темной комнаты, причем незаконнорожденным отдается приоритет по отношению к законнорожденным детям. Кроме того, Государственный совет счел, что подобным порядком свободного приема создается воспитательный дом в г. Орле.

Мнение Государственного совета об отмене постановления губернского земского собрания 18 декабря 1869 года было Высочайше утверждено, о чем изложено в указе Правительствующего сената 27 ноября 1873 года № 9539.

Губернская управа была вынуждена искать другой выход из создавшегося положения, и в 1870 году совместно с врачами больницы были разработаны новые правила призрения

подкидышей, способствующие улучшению их положения и сокращению расходов земства на их содержание. С тех пор они действовали с небольшими изменениями вплоть до 1917 года.

Этот документ был тщательно подготовлен, продуман, учитывал особенности Орловской губернии и возможности земства по содержанию подкидышей. Его реализация имела высокую эффективность, в том числе по снижению детской смертности. При подготовке этих правил была взята за образец практика столичных воспитательных домов по передаче детей на воспитание крестьянским семьям. В частности, устанавливались санитарные нормы по содержанию младенцев, так, на каждого грудного младенца полагалось по 5 куб. сажень воздуха. С учетом этих требований не допускалось содержание в помещениях грудного отделения более 60 младенцев (*Отчет врача, 1871*). Всех детей свыше 60 раздавали в крестьянские семьи на воспитание с оплатой по 4 рубля в месяц за каждого младенца, позже оплата была сокращена до 3 рублей. Розданных детей оставляли в деревнях до семилетнего возраста, а потом помещали, по возможности, в Александровский сиротский дом.

Раздавали детей матерям, которые лишились своих грудных детей, а также тем, которые хотя и кормили своего ребенка, но по освидетельствованию старшего врача больницы имели недостаточное количество молока для кормления другого ребенка. От женщины, берущей ребенка на воспитание, требовалось удостоверение личности и свидетельство о рождении или смерти ее собственного ребенка.

Женщина, желающая взять на воспитание ребенка, обязана была некоторое время (около месяца) оставаться в заведении и кормить выбранного ребенка. Эта мера являлась своеобразной гарантией того, что кормилица, приученная в грудном отделении к правильному уходу за ребенком, будет и в деревне соблюдать гигиенические правила.

Передавать детей на вскармливание и воспитание другим лицам женщины, взявшие их на свое попечение, права не имели. В случае если сама кормилица заболевает и не в силах будет кормить ребенка, то ребенок возвращался немедленно в заведение. По общему правилу, взятые на воспитание дети могли быть возвращены в приют в любое время, и управа по своему усмотрению могла забрать ребенка.

Раздаваемых детей записывали в особую книгу, заведенную при конторе, а также в расчетную книжку, выдаваемую каждой кормилице. До 1870 г. учет подкидышей вообще не велся. Говорить о достоверных сведениях относительно количества подкинутых детей и способах их призрения становится возможным при появлении соответствующих записей в отчетах старшего врача земской больницы, начиная с 1870 года. Для того чтобы легко отличить подкидыша Орловского богоугодного заведения от других детей и не допустить подмены из корыстных целей лицом, которому ребенок отдан на воспитание, ему делалась прививка от оспы на определенных частях тела, а именно: на руках вместо обычных трех уколов делали только два, а третий на какой-нибудь другой части тела. Причем место третьей отметины ежегодно меняли, что позволяло установить и год рождения подкидыша. Сведения о местах постановки уколов заносились в книгу. Если ребенку уже была привита оспа, то перед отдачей в деревню на шейку ему одевали ленточку с пломбой «Орловское земство» по примеру Московского воспитательного дома. Ребенок отдавался из заведения с сорочкой и пеленками, которые обратно не требовали.

Назначаемые управой лица должны были ежемесячно объезжать дома, в которые розданы дети и обозначать в расчетных книжках, жив ребенок или умер. Тем кормилицам, у которых дети после двухлетнего возраста останутся живыми, сверх жалованья было положено 25 рублей. Раз в год кормилица обязана была привозить ребенка в больницу для освидетельствования. Розданные на воспитание дети в случае их болезни лечились в заведении бесплатно.

Об эффективности принятых мер свидетельствует тот факт, что смертность детей, розданных на воспитание в деревни, была значительно ниже, чем среди оставшихся в приюте.

Из отчетов больницы за 1870 год известно, что с 4 июня по 1 сентября 1870 года смертность детей, отправленных на воспитание в крестьянские семьи, составила 14 %, а в приюте достигла 50 % (*Отчет врача, 1871*).

Введение новых правил, кроме улучшения положения младенцев, позволило сократить расходы земства на их призрение. По отчету управы за этот год видно, что содержание каждого подкидыша в заведении стоило 116 рублей в год, а расходы на младенца, отданного на воспитание в деревню, составили 48 рублей (*Доклад № 40: 10*).

Однако и эти меры не смогли сделать посильным для земства содержание подкидышей. Смета расходов на содержание грудного отделения составила в 1873 году 17000 рублей и была сокращена губернским земским собранием до 12 000 рублей. С целью сокращения издержек по грудному отделению была уменьшена плата за кормление и воспитание детей в деревнях с 4 до 3 рублей в месяц, а затем земство и вовсе объявило по всем волостям губернии о раздаче подкидышей на бесплатное содержание. В результате 46 подкидышей из числа тех, что содержались у разных лиц за плату, были ими усыновлены, кроме того 25 детей было взято крестьянами.

Кроме этой меры, управа выработала следующие правила: в каждом уезде устроить приюты для содержания подкидышей, по возможности при земских больницах или приемных покоях, привлекать для этого частную благотворительность. В данные приюты предполагалось помещать подкидышей, начиная с трехлетнего возраста. Подкидыши до трехлетнего возраста по-прежнему призревались при

богоугодных заведениях и отдавались на воспитание с платой, но награда в 25 рублей за двухлетнее содержание отменялась. На содержание подкидышей уездные управы ежемесячно должны были отчислять из сумм губернского земского собора по три рубля на каждого ребенка в течение первого года, а далее в соответствие с уездной сметой. Земство надеялось, что следствием принимаемых мер будет то, что крестьяне начнут усыновлять детей после достижения ими трехлетнего возраста, то есть оставлять без всякой платы.

В целом принятые меры оказались достаточно действенными. Так, в 1878 году на содержание подкидышей было израсходовано 25417 руб. 78 коп. из заложенных в смету 29500 руб.

В 1888 году количество подкидышей достигло рекордной цифры 705 человек. В связи с этим орловский губернатор обязал полицию усилить бдительность, даже установлена была награда полицейским, выявившим лиц, подкидывающих детей. Ввиду усиления полицейского надзора количество подкидышей сократилось, но все равно оставалось значительно выше, чем в соседних губерниях. Так, с 1892 по 1896 годы было подкинута в Тамбовской губернии 406 младенцев, в Курской – 487, в Смоленской – 1077, в Воронежской – 1086, в Рязанской – 1226, а в Орловской – 1791 (Доклад № 27: 21).

Анализ причин широкого распространения данного явления в Орловской губернии позволяет выделить несколько факторов, способствовавших неуклонному увеличению числа брошенных детей в Орловской губернии. В частности, развитое железнодорожное сообщение привело к тому, что в Орел доставляли подкидышей из соседних губерний (Тульской, Калужской), в которых не было своих приютов или уезды располагались далеко от губернского центра. Кроме железных дорог, приросту подкидышей способствовал рост фабрик и заводов в губернии и увеличение числа воинских частей, постоянно квартирующихся в городе. Также существовавшая некоторое время «детопримная люлька» при грудном отделении орловской земской больницы «вредно отразилась в нравственном отношении на населении, облегчая внебрачное сожитие и приучая матерей к мысли о возможности избежать исполнения своих обязанностей путем передачи детей на вскармливание и воспитание другим лицам» (Доклад № 40). Принятая земством система отдачи младенцев на воспитание в деревню за плату создала особый вид промысла среди сельского населения и невольно ознакомила население, до того времени лично заботившееся о воспитании своих незаконных детей, с возможностью передачи таковых на попечение Орловского земства. Установленная плата за воспитание младенцев нередко соблазняла даже законных родителей попытаться путем подкидывания и последующего принятия на воспитание и усыновления получить вознаграждение за исполнение своих прямых родительских обязанностей. Объяснением этому явлению служила крайняя бедность крестьян, недостаток земельных наделов для того, чтобы прокормить все увеличивающуюся семью (Селютина, Холодов, 2020).

Тридцатилетний опыт Орловского земства по воспитанию подкидышей показал, что при правильной организации и надлежащем надзоре сохранение жизни детей и их дальнейшая социализация могут быть вполне успешными. Результаты деятельности Орловского приюта значительно выше, чем в столичных воспитательных домах, где смертность младенцев порой превышала 80 %. Безусловно, данному обстоятельству способствовали объективные причины: высокая скученность детей, недостаток в столичных условиях подходящих кормилиц, а искусственное вскармливание в то время не было адаптировано к потребностям новорожденного ребенка и было приемлемым минимально с трехмесячного возраста. Кроме того, следует учесть и тот факт, что детей доставляли в столичные воспитательные дома уже ослабленными, не все младенцы могли выдержать дорогу, и некоторые умирали вскоре после приезда.

5. Заключение

В последней четверти XIX века в России сформировалась устойчивая тенденция к увеличению числа детей, оставленных родителями. Причины данного явления делятся на две группы: экзогенные, то есть спровоцированные внешними факторами, и эндогенные – внутренние. К экзогенным факторам нами отнесены развитие капиталистических отношений, рост городского населения, эскалация трудовой мобильности сельского населения, нивелирование духовно-нравственных ориентиров. В качестве эндогенных факторов нами выделено снижение младенческой и детской смертности при условии сохранения высокого уровня рождаемости, отсутствие традиции внутрисемейного контроля рождаемости и разложение патриархальных семейных устоев. Указанные рядом авторов такие причины подкидывания младенцев, как бедность и крайняя нужда, незаконность рождения, страх общественного осуждения, существовали на протяжении предшествующих периодов, при этом число подкидываемых детей оставалось стабильным. По нашему мнению, указанные причины обуславливают саму природу появления подкидышей, но не объясняют резкую эскалацию данного явления во второй половине – конце XIX века.

Дети, оставленные родителями, были обречены на гибель, а в случае выживания в большинстве случаев пополняли ряды малолетних преступников в городских трущобах, что ставило перед государством задачу разработать эффективный механизм выявления и учета подкидываемых детей с целью их последующего устройства на воспитание для формирования конструктивно-

целостной личностной ориентации будущего гражданина, социализированного в общественный механизм и адаптированного к правилам общественной жизнедеятельности без девиантных форм поведенческих реакций.

Существовавшая система призрения подкидышей в воспитательных домах показала свою неэффективность в связи с высокой смертностью младенцев, проблемами финансирования и неадаптированностью выпускников к реалиям взрослой жизни. В связи с этим в государственной молодежной и правовой политике было осуществлено перераспределение полномочий по призрению подкинутых детей на земства. Земские богоугодные заведения также не справлялись с наплывом «несчастнорожденных» и подкинутых детей. Земства совершенствовали правотворческие и правоприменительные юридико-технические средства для разработки правил приема и последующего призрения младенцев. Было окончательно прекращено использование детоприимной люльки. Полиция осуществляла надзор за женщинами с грудными младенцами, прибывающими в города. Земствами применялась система отдачи младенцев на воспитание в деревню за плату, что создавало особый источник дохода для сельского населения, принимавшего ребенка не ради заботы о нем, а только для получения дохода. Для исключения корыстного интереса приемных семей земство изменило порядок передачи детей и объявило о раздаче подкидышей на бесплатное содержание. Кроме этой меры, в каждом уезде начали устраивать приюты для содержания подкидышей, по возможности при земских больницах или приемных покоях, привлекая для реализации данных целей частных благотворителей.

Литература

- Безгин, 2004** – *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва-Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 304 с.
- Ван-Путерен, 1908** – *Ван-Путерен М.Д.* Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России. СПб., 1908.
- Вишневский, 2006** – Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
- ГАОО** – Государственный архив Орловской области.
- Доклад № 27** – Доклад № 27 // Доклады Орловской губернской земской управы 1902 года XXXVII очередному Орловскому Губернскому Земскому Собранию. Орел: Типография С.А. Зайцева, 1902. 282 с.
- Доклад № 40** – Доклад № 40 «О мерах к сокращению расходов Орловского Губернского Земства по содержанию подкидышей». Орел, 1894. 135 с.
- Жиляева, 2009** – *Жиляева С.К.* Становление и развитие органов борьбы с детской беспризорностью и преступностью в дореволюционной России: Монография. Орел: ОрЮИ, 2009. 98 с.
- Загоровский, 1902** – *Загоровский А.И.* Об опеке над несовершеннолетними // *Русская мысль*. 1902. Кн. 4. С. 119-126.
- Матвеева, 2019** – *Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Молоткова Е.Д.* Роль благотворительных ведомств и общественных организаций дома Романовых в процессе поддержания быта детей во второй половине XIX – начале XX в. // *Власть*. 2019. Т. 27. № 2. С. 217-224.
- Меркулов, 2016** – Государственно-правовая защита детства в России: исторические аспекты: Монография / Под общей редакцией П.А. Меркулова. Орел, 2016.
- Миронов, 1977** – *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX века // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сборник статей* / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977.
- Михеева, 2004** – *Михеева Л.Ю.* Опека и попечительство. М.: Волтерс Клувер, 2004. 245 с.
- Неволин, 1851** – *Неволин К.А.* История Российских гражданских законов. Т. I. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1851. 456 с.
- Нечаева, 1994** – *Нечаева А.М.* Охрана детей-сирот в России (история и современность). М.: Дом, 1994. 176 с.
- Отчет врача, 1871** – Отчет старшего врача Орловской земской больницы за 1870 г. Орел, 1871.
- Пахман, 1877** – *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России (юридические очерки). Том II. СПб.: Типография II-го отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877–1879 гг.
- Победоносцев, 1896** – *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. СПб., 1896. Т. II. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/15/> (дата обращения: 23.11.2020).
- Положение...** – Положение о губернских и уездных земских учреждениях // *ПСЗРИ*. Отд. I. Т. 39. № 40457. С. 1-10.
- Радецкий, 1894** – *Радецкий И.М.* Брошенные дети: материалы к вопросу о подкидышах. СПб., 1894.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сборник, 1884** – Сборник сведений по общественной благотворительности. Том 5. СПб: Издание императорского человеколюбивого общества. 1884.
- Свод законов гражданских** – Свод законов гражданских // *ПСЗРИ*. 1-е изд. Т. XI. № 8601.

- [Севастьянов, 1893](#) – *Севастьянов И.* Орловский земский приют для подкидышей / Орел: [б.и.], 1893. (Отгиски из Орловского вестника).
- [Селезнев, 1878](#) – *Селезнев И.Я.* Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством. СПб., 1878. 607 с.
- [Селютина, 2015](#) – *Селютина Е.Н.* Правовая политика по вопросам детства как сфера государственной деятельности: теоретико-правовой аспект // *Среднерусский вестник общественных наук.* 2015. Т. 10. № 5. С. 115-123. DOI: 10.12737/14304
- [Селютина, 2019](#) – *Селютина Е.Н.* История защиты права ребенка на жизнь по законодательству Российской империи XIX – начала XX века (на материалах Орловской губернии) // *Вестник ГМУ.* 2019. Т. 8. № 4. С. 187-194. DOI: 10.22394/2225-8272-2019-8-4-187-194
- [Селютина, Холодов, 2020](#) – *Селютина Е.Н., Холодов В.А.* Юридикто-техническое сопровождение аграрной реформы П.А. Столыпина в законодательской деятельности Третьей Государственной Думы // *Вестник ГМУ.* 2020. Т. 9. № 3. С. 145-152. DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-3-145-152
- [Синова, 2019](#) – *Синова И.В.* Правовое положение, труд и повседневная жизнь детей во второй половине XIX – начале XX века: Монография. М.: Инфра-М, 2019. 370 с.
- [Соколов, Зимин, 2015](#) – *Соколов А.Р., Зимин И.В.* Благотворительность семьи Романовых XIX – начала XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2015. 604 с.
- [Термен, 1912](#) – *Термен С.Э.* Призрение несчастнорожденных в России. СПб., 1912. 241 с.
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N.* Cultural and historical determinants of the formation of the identity of the Scots: The question of the national self-determination of Scotland // *Bylye Gody.* 2017. 45(3): 764-775. DOI: 10.13187/bg.2017.3.765
- [Merkulov et al., 2018](#) – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation // *Bylye Gody.* 49(3): 1061-1073. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1061
- [Yastrebova et al., 2017](#) – *Yastrebova A.I., Stakhov A.I., Merkulov P.A., Filonov V.I., Matveeva E.S.* (2017). Constitutional-legal and administrative-legal aspects of statutory regulation and maintenance of public security in the Russian federation by the state and private actors // *Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 2017. 8 (1): 272-290. DOI: 10.14505/jarle.v8.1(23).31

References

- [Bezgin, 2004](#) – *Bezgin, V.B.* (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala XX veka) [Peasant everyday life (traditions of the late XIX – early XX centuries)]. Moskva-Tambov: Izd-vo TGTU, 304 p. [in Russian]
- [Doklad №27](#) – *Doklad №27 (1902).* Doklady Orlovskoj gubernskoj zemskoj upravy 1902 goda XXXVII ocherednomu Orlovskomu Gubernskomu Zemskomu Sobraniyu [Reports of the Oryol Provincial Zemstvo Council of 1902 to the next Oryol Provincial Zemstvo Assembly]. Orel: Tipografiya S.A. Zaitseva, 282 p. [in Russian]
- [Doklad №40](#) – *Doklad №40 (1894).* O merah k sokrashcheniyu raskhodov Orlovskogo Gubernskogo Zemstva po sodержaniyu podkidyshej [Report № 40 On measures to reduce the costs of the Oryol Provincial Zemstvo for the maintenance of foundlings]. Orel, 135 p. [in Russian]
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti [State archive of the Oryol region].
- [Matveeva et al., 2019](#) – *Matveeva, E.S., Merkulov, A.V., Molotkova, E.D.* (2019). Rol' blagotvoritel'nyh vedomstv i obshchestvennyh organizacij doma Romanovyh v processe podderzhaniya byta detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v [The role of charitable departments and public organizations of the Romanov house in the process of maintaining the life of children in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vlast'.* 27 (2): 217-224. DOI: 10.31171/vlast.v27i2.6354. [in Russian]
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov, P.A., Turin, E.A., Savinova, E.N.* (2017). Cultural and historical determinants of the formation of the identity of the Scots: The question of the national self-determination of Scotland. *Bylye Gody.* 45(3): 764-775. DOI: 10.13187/bg.2017.3.765
- [Merkulov et al., 2018](#) – *Merkulov, P.A., Eliseev, A.L., Aronov, D.V.* (2018). State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation. *Bylye Gody.* 49(3): 1061-1073. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1061
- [Merkulov, 2016](#) – Gosudarstvenno-pravovaya zashchita detstva v Rossii: istoricheskie aspekty [State legal protection of childhood in Russia: historical aspects]. Orel, 2016, 160 p. [in Russian]
- [Miheeva, 2004](#) – *Miheeva, L.Yu.* (2004). Opeka i popechitel'stvo [Guardianship]. M.: Volters Kluver, 245 p. [in Russian]
- [Mironov, 1977](#) – *Mironov, B.N.* (1977). Tradicionnoe demograficheskoe povedenie krest'yan v XIX – nachale XX veka [Traditional demographic behavior of peasants in the XIX – early XX centuries]. Brachnost', rozhdanost', smertnost' v Rossii i v SSSR: Sbornik statei. Pod red. A.G. Vishnevskogo. M.: Statistika. [in Russian]
- [Nechaeva, 1994](#) – *Nechaeva, A.M.* (1994). Ohrana detej-sirot v Rossii (istoriya i sovremennost') [Protection of orphans in Russia (history and modernity)]. Moscow. 176 p. [in Russian]

- Nevolin, 1851** – *Nevolin, K.A.* (1851). Istoriya Rossijskikh grazhdanskih zakonov [History of Russian civil laws]. Vol. I. St. Petersburg. 456 p. [in Russian]
- Otchet vracha, 1871** – Otchet starshego vracha Orlovskoj zemskoj bol'nicy za 1870g [Report of the senior doctor of the Oryol Zemstvo Hospital for 1870]. Orel, 1871. [in Russian]
- Pahman, 1877** – *Pahman, S.V.* (1877). Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii (yuridicheskie ocherki) [Customary civil law in Russia (legal essays)]. Vol II. St. Petersburg. [in Russian]
- Pobedonoscev, 1896** – *Pobedonoscev, K.P.* (1896). Kurs grazhdanskogo prava [Civil law course]. Vol. II. St. Petersburg. [Electronic resource]. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/15/> (date of access: 23.11.2020). [in Russian]
- Polozhenie...** – Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah [Regulation on provincial and county zemstvo institutions]. PSZRI. Otd. I. T. 39. № 40457. Pp. 1-10. [in Russian]
- Radeckij, 1894** – *Radeckij, I.M.* (1894) Broshennyye deti: materialy k voprosu o podkidysyah [Abandoned children: materials on the question of foundlings]. St. Petersburg. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].
- Sbornik, 1884** – Sbornik svedenij po obshchestvennoj blagotvoritel'nosti. (1884) [Collection of information on public charity]. Vol 5. St. Petersburg. 270 p. [in Russian]
- Seleznev, 1878** – *Seleznev, I.Ya.* (1878). Hronika Vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii, sostoyashchih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom [Chronicle of the Office of the institutions of Empress Mary, consisting under the direct protection of their imperial majesties]. St. Petersburg. 607 p. [in Russian]
- Selyutina, 2015** – *Selyutina, E.N.* (2015). Pravovaya politika po voprosam detstva kak sfera gosudarstvennoj deyatel'nosti: teoretiko-pravovoj aspect [Legal policy on childhood as a sphere of state activity: theoretical and legal aspect]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk.* 10(5): 115-123. DOI: 10.12737/14304 [in Russian]
- Selyutina, 2019** – *Selyutina, E.N.* (2019). Istoriya zashchity prava rebenka na zhizn' po zakonodatel'stvu Rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka (na materialah Orlovskoj gubernii) [History of protection of the child's right to life under the legislation of the Russian Empire of the XIX – early XX centuries (on the materials of the Oryol province)]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk.* 8 (4): 187-194. DOI: 10.22394/2225-8272-2019-8-4-187-194 [in Russian]
- Selyutina, Holodov, 2020** – *Selyutina, E.N., Holodov, V.A.* (2020). Yuridiko-tehnicheskoe soprovozhdenie agrarnoj reformy P.A. Stolykina v zakonotvorcheskoj deyatel'nosti Tret'ej Gosudarstvennoj Dumy [Legal and technical support of P.A. Stolypin's agrarian reform in the legislative activities of the Third State Duma]. *Vestnik GMU.* 9(3): 145-152. DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-3-145-152 [in Russian]
- Sevast'yanov, 1893** – *Sevast'yanov, I.* (1893). Orlovskij zemskij priyut dlya podkidyshej [Oryol Zemsky shelter for foundries]. Orel: [b.i.]. (Ottiski iz Orlovskogo vestnika). [in Russian]
- Sinova, 2019** – *Sinova, I.V.* (2019). Pravovoe polozhenie, trud i povsednevnyaya zhizn' detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Legal status, work and daily life of children in the second half of the XIX – early XX centuries]. Moscow. 370 p. [in Russian]
- Sokolov, Zimin, 2015** – *Sokolov, A.R., Zimin, I.V.* (2015). Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovykh XIX – nachala XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossijskogo imperatorskogo dvora [Charity of the Romanov family of the XIX – early XX centuries. Everyday life of the Russian imperial court]. Moscow. 604 p. [in Russian]
- Svod zakonov grazhdanskih** – Svod zakonov grazhdanskih [Code of Civil Laws]. PSZRI. 1-e izd. T. XI. № 8601. [in Russian]
- Termen, 1912** – *Termen, S.E.* (1912). Prizrenie Neschastnorozhdennykh v Rossii [Guardianship of illegitimate in Russia]. St. Petersburg. 241 p. [in Russian]
- Van-Puteren, 1908** – *Van-Puteren, M.D.* (1908). Istoricheskij obzor prizreniya vnebrachnykh detej i podkidyshej i nastoyashchee polozhenie etogo dela v Rossii [Historical review of custody of illegitimate children and foundlings and the present situation of this case in Russia]. St. Petersburg. [in Russian]
- Vishnevskij, 2006** – Demograficheskaya modernizaciya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000]. Moscow. 608 p. [in Russian]
- Yastrebova et al., 2017** – *Yastrebova, A.I., Stakhov, A.I., Merkulov, P.A., Filonov, V.I., Matveeva, E.S.* (2017). Constitutional-legal and administrative-legal aspects of statutory regulation and maintenance of public security in the Russian federation by the state and private actors. *Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 8(1): 272-290. DOI: 10.14505/jarle.v8.1(23).31
- Zagorovskij, 1902** – *Zagorovskij, A.I.* (1902). Ob opeke nad nesovershennoletnimi [On guardianship of minors]. *Russkaya mysl'.* 4: 119-126. [in Russian]
- Zhilyaeva, 2009** – *Zhilyaeva, S.K.* (2009). Stanovlenie i razvitie organov bor'by s detskoj besprizornost'yu i prestupnost'yu v dorevolucionnoj Rossii [Establishment and development of bodies to combat child homelessness and crime in pre-revolutionary Russia]. Orel. 98 p. [in Russian]

Государственная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков по отношению к подкинутым детям

Павел Александрович Меркулов ^a, Оксана Вячеславовна Леонова ^a, Елена Николаевна Селютина ^{a, *}

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные историко-правовые детерминанты формирования государственной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков по отношению к подкинутым детям. Авторы анализируют социальные и правовые аспекты появления подкидышей, приходя к выводу об экспоненциальном росте их числа в условиях модернизации российского общества и государства на рубеже веков. В статье обосновывается детерминированность влияния компиляции экзогенных и эндогенных факторов на оставление родителями своих детей, сложившихся к концу XIX века. Государство в рамках проводимой политики принимало решения, направленные, с одной стороны, на сохранение жизни брошенным младенцам и их воспитание в рамках установленных социальных норм, а с другой – осуждало поведение лиц, оставлявших детей, законодательно закрепив подкидывание в качестве противоправного деяния, влекущего наступление юридической ответственности. Подобными мерами воздействия с помощью санкций юридических норм государственно-правовая политика преследовала цели по воспитанию граждан в духе сохранения семейных ценностей и необходимости выполнения своих родительских обязанностей, а также устранения угрозы общественному порядку и безопасности, которую составляли беспризорные десоциализированные дети, пополнявшие в будущем ряды малолетних преступников. В контексте заявленной темы детально проанализированы правотворческие и правоприменительные средства юридической техники, используемые земствами для предотвращения подкидывания детей и уменьшения расходов на их содержание. Анализ социально-культурных, правовых и технико-юридических аспектов государственной политики по отношению к подкидышам позволяет показать наличие четкого целеполагания в формировании нормативно-правовой базы регулирования, проследить динамику изменений в контексте общесоциальной ситуации в стране, выявить используемые средства и механизмы с учетом оценки их эффективности.

Ключевые слова: государственная правовая политика Российской империи; правовое положение незаконнорожденных, признание подкинутых детей, юридико-техническая регламентация, приказы общественного призрения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: enseljutina@mail.ru (Е.Н. Селютина), nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), oks980@rambler.ru (О.В. Леонова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 799-811.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.799
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Failed Draft Laws on the "Muslim Issue" in the Steppe Regions and Turkestan Region (late XIX – early XX centuries)

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Gulmira Zhuman ^a, Sholpan N. Sayahimova ^a, Lazzat T. Jumaliyeva ^a

^aSaken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract

The article considers one of the important aspects of the state-confessional policy of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries, associated with the solution of the "Muslim question". The autocracy's policy towards Islam is interpreted in the context of analyzing the content of bills and proposals proposed by officials for reorganizing the management of the spiritual life of Muslims in the Steppe regions and Turkestan Territory. The author analyzes the reasons for the aggravation of the "Muslim issue" in the region under the influence of the rise of the all-Russian Muslim movement, the appeal of Muslims with petitions to change the situation in the 60-90s of the XIX century the order of managing their religious life. The development of projects to reform the system of governance of Muslims in the region was conditioned not so much by the desire of the regional administration to satisfy the demands of Muslims, as by the concern about excessive influence on the spiritual life of Muslim-Kazakh Tatars and Central Asian Sarts. The proposed projects, which had the main goal of establishing control over Muslim communities, were primarily aimed at weakening and eliminating this influence. They did not express the whole essence of the confessional policy of the autocracy, but certain provisions contained constructive proposals, the implementation of which would weaken the acuteness of the issue. The conclusion is substantiated that a peculiar civil-military management system in the Steppe regions and the Turkestan Territory, the rivalry between ministries and departments for influence in the regions, bureaucratic procedures for the adoption of bills determined the specifics of the imperial confessional policy towards Muslim-Kazakhs and the failure of projects on the "Muslim issue".

Keywords: state-confessional policy, Islam, Muslim clergy, Russian Empire, draft laws.

1. Введение

В терминологическом аппарате, характеризующем государственно-конфессиональную политику Российской империи, с 1870-х гг. появляется устойчивое выражение «мусульманский вопрос». По мнению исследователей, оно означало не только признание наличия мусульманских подданных в империи и необходимость их интеграции в общероссийское государство, но и «возникновение в мусульманском мире признаков национального и религиозного пробуждения» (Воробьева, 1997: 42). Возможно, поэтому в конце XIX – начале XX вв. на фоне активизации государственно-конфессиональных отношений в империи особое значение придавалось решению «мусульманского вопроса», в обществе проходили дискуссии, а в повестке межведомственных Особых совещаний по вопросам религии неизменно присутствовал «мусульманский вопрос». Чиновники региональной администрации и различных ведомств разрабатывали и предлагали проекты его решения. Однако большая часть их не получила законодательного оформления и практической реализации, а тексты проектов и материалы к ним отправлялись в архивы. Цель статьи – изучить содержание предлагаемых законопроектов по реформированию системы управления духовной жизнью мусульман Степного края и Туркестана в конце XIX – начале XX вв., проанализировать

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva), guliktim@mail.ru (G. Zhuman)

историческую ситуацию, в условиях которой появились проекты, попытаться ответить на вопрос: почему при остроте «мусульманского вопроса» и повышенном внимании правительства к нему проекты не были приняты и реализованы.

2. Материалы и методы

Источниковая база включает архивные документы, в том числе опубликованные в сборниках: тексты предлагаемых проектов и предположений по «мусульманскому вопросу»; переписку чиновников местной и центральной администрации, министерств и ведомств по вопросам реформирования управления мусульманскими общинами казахов; обращения и ходатайства мусульман Степных областей и Туркестанского края касательно изменения существующего порядка управления их духовной жизнью. Содержательны как источники материалы журнала «Туркестанские епархиальные ведомости» – официального издания Туркестанской и Ташкентской епархии. Журнал издавался с 1906 по 1918 гг. в г. Верном, выходил по два номера ежемесячно. На страницах издания нашли отражение конфессиональная политика самодержавия в регионе в обозначенный период и особенности ее реализации, взгляды православных миссионеров на решение «мусульманского вопроса».

В качестве источников использовались труды дореволюционных русских туркестановедов, которые длительное время проживали в регионе и хорошо изучили его специфику. Многие из авторов работали на административных должностях разного уровня и по долгу своей службы занимались вопросами конфессионального характера. Работы Н.П. Остроумова, В.П. Наливкина, Ю.Д. Южакова, Л.Ф. Костенко, Н.С. Лыкошина, М.А. Терентьева, Г.П. Федорова характеризуются глубокими познаниями проблем региона, в том числе в области государственно-религиозных отношений. Несмотря на субъективность в оценках и административно-чиновничий подход к проблеме, в котором просматривается официальная точка зрения на происходящее, тем не менее в содержательном наполнении труды дают достаточно полную картину.

Работа выполнена с опорой на институциональный подход в исследовании, позволяющий понять роль и место социальных институтов в жизни общества, проследить историю развития государственно-религиозных отношений в конце XIX – начале XX вв. в рамках концепции интеграции национальных окраин в общероссийское имперское пространство, в контексте системы выстраивания взаимоотношений государства с национальными окраинами.

В работе наряду с общенаучными методами исследования применялись специфические методы исторической науки: историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический. Историко-сравнительный и историко-системный методы работы с источниками, материалами и текстами авторов обеспечили возможность глубокого сравнительного анализа содержания предлагаемых проектов по «мусульманскому вопросу», обоснования различных точек зрения представителей колониальной администрации в вопросах религиозной политики. Историко-генетический метод, позволяющий рассматривать исторические события в динамике и выявлять их причинно-следственные связи, применительно к нашему исследованию дает возможность обозначить эволюцию взглядов чиновников на решение «мусульманского вопроса», причины и факторы, обусловившие разработку проектов по реформированию управления духовной жизнью мусульман края, обосновать причины их несостоятельности. Использование широкого круга историографических источников обусловило применение методов выявления и описания дискурсивных практик современных авторов, в которых фиксировались оценочные суждения и выводы исследователей по проблемам государственной политики в отношении мусульманских общин Степного края и Туркестана.

3. Обсуждение

Тематика государственно-конфессиональной политики в Российской империи конца XIX – начала XX вв. в контексте решения «мусульманского вопроса» интересна и многоаспектна с точки зрения научного изучения. Конфессиональная политика была важной составляющей общеимперской стратегии управления национальными окраинами. Именно поэтому историографический опыт проблемы включает широкий круг исследований, посвященных изучению «мусульманского вопроса» как в Российской империи в целом, так и в отдельных регионах, в том числе в Туркестане и Степном крае.

Ретроспективный анализ государственно-конфессиональной политики империи в XIX – начале XX вв. представлен в работах Д.Ю. Арапова. Политика в отношении мусульман показана во всех ее проявлениях: от признания ислама до установления контроля над ним (Арапов, 2011: 68-86). Автор рассматривает историю возникновения и трансформации муфтиатов как основного инструмента государственного управления духовной и правовой жизнью мусульман в позднецарской России. Вкладом ученого в изучение проблемы является издание сборника документов, включающего наиболее значимые законодательные акты об исламе с середины XVII в. до 1917 г. Предложенная автором систематизация видов и типов источников по истории ислама отражает основные направления мусульманской политики и полезна для исследователей (Арапов, 2001: 366).

Е.И. Воробьева анализирует характер взаимоотношений власти и мусульманского духовенства в исторической динамике со второй половины XIX в. до 1917 г., акцентируя внимание на

предпочтениях правящей администрации ограничиваться полумерами, опасаясь проявлений «возможного мусульманского фанатизма» (Воробьева, 1997: 55). Этим автор объясняет различия в системах управления духовными делами мусульман европейской части империи (Оренбургское собрание, Таврическое правление и Закавказские правления) и в присоединенных позже территориях, Туркестане и Средней Азии (Воробьева, 1997: 40-55).

Правовые аспекты взаимоотношений государства и ислама в позднеимперской России представлены в работах А.А. Сафонова. Вывод о том, что «ислам существовал в Российской империи XIX в. в четко очерченных законодательных рамках, гораздо более жестких, чем те, что были установлены для неправославных христианских вероучений» основывается на анализе законодательной базы (Сафонов, 2017: 82). О. Сенюткина и Ю. Гусева изучают исламский дискурс в Российской империи в начале XX в. по материалам Особых совещаний, интерпретируя их как инструмент решения «исламского вопроса» (Сенюткина, Гусева, 2018: 231-254). Основной причиной неспособности империи решить «мусульманский вопрос» в условиях его обострения в начале XX в. Е. Кэмпбелл считает несовместимость ислама с ценностями православного государства (Campbell, 2015: 217).

В отдельную группу следует выделить работы, в которых исследуются вопросы исламской политики самодержавия непосредственно в Туркестане. Этой проблеме посвящены разделы в коллективных монографиях российских, узбекских и казахстанских авторов, в которых в контексте анализа общих вопросов колониальной политики в регионе рассматриваются и вопросы по мусульманству (Абашин и др., 2016: 800; Центральная Азия..., 2008: 464). Безусловным достоинством работы авторского коллектива в составе С.Н. Абашина, Б.М. Бабаджанова, О.А. Махмудова и Т.В. Котюковой является богатая источниковая база. Раздел, посвященный исламским институтам в Туркестане, Б.А. Алимджанов характеризует как «прорыв туркестаники постсоветского периода» (Алимджанов, 2018: 250-254).

Роль и значение религиозной политики самодержавия в процессах интеграции Туркестанского края в политико-правовое пространство империи обосновывает Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2012: 194-198; Лысенко, Лысенко, 2016: 109-116). По убеждению автора, власти учитывали сильное влияние исламского фактора на общественно-политическую жизнь населения края, а потому главным содержанием религиозной политики стал отказ от активного вмешательства в его духовную жизнь, лояльность и веротерпимость, некоторая финансовая поддержка при завуалированном поэтапном демонтаже исламских институтов и структур. Особенности религиозной политики самодержавия в Южном Казахстане в XIX – начале XX вв. рассматриваются З. Садвакасовой (Садвакасова, 2002: 85-92). Анализ состояния «мусульманского вопроса» в русском Туркестане дается Т.В. Котюковой. По мнению автора, большую роль в мусульманской политике самодержавия играл татарский фактор, «восприятие татарами Степного края и Туркестана как территорий своего повышенного интереса, в которых они ощущали определенное превосходство в силу более развитых социально-экономических и религиозных отношений и институтов» (Котюкова, 2010: 112). Мусульманская политика в регионе трактуется как «конкуренция двух имперских проектов: русского и татарского». Противоречивая оценка исламской политики самодержавия в Туркестане дается Д.Х. Зияевой. В трактовке автора в официальных кругах империи вопрос этот страстно обсуждался, разрабатывались правительственные указы по ограничению ислама, большинство из которых было осуществлено. Но меры по устранению влияния ислама в общественно-политической и духовной жизни местного населения не увенчались успехом (Зияева, 2010: 10-15).

В работах Д.В. Васильева анализируется деятельность высших чинов администрации в отношении мусульман Степного края и Туркестана, подчеркиваются и объясняются различия в управлении (Васильев, 2015: 117-126). В менее исламизированном Степном крае применялась модель государственно-конфессионального взаимодействия по образцу внутренней России; исламское духовенство, включенное в государственную структуру, использовалось как внутривластный инструмент. В Туркестанском крае, населенном «нафанатизированными» туземцами, правительство избрало тактику «игнорирования», исключив мусульманское духовенство из сферы внутренней и внешней политики. В интерпретации С.В. Горбуновой Туркестанская администрация подчеркнуто не вмешивалась в управление мусульманами, а суть политики «игнорирования» ислама состояла в том, что «российская администрация постепенно отказывалась от активной и открытой поддержки мусульманского духовенства, предоставив ему «пробиваться самостоятельно» (Горбунова, 2011: 35-41). Р. Крюза проблемы имперской исламской политики в Туркестане объясняет нежеланием правительства создать в крае муфтиат по примеру Уфимского, который бы препятствовал проникновению радикального ислама (Crevs, 2006: 480).

Еще одну группу составляют исследования, в которых рассматриваются отдельные аспекты исламской политики самодержавия. Ш.Б. Мухамедов анализирует тактику и стратегию политики Туркестанской администрации под углом зрения решения вакуфного вопроса в регионе в 1887–1917 гг., обосновывает причины его фиаско (Мухамедов, 2015: 266-298). Проблемам научного изучения практики паломничества мусульман Туркестана в 1865–1917 гг. и отношения власти к обрядовой стороне ислама посвящены работы В.П. Литвинова (Литвинов, 2014: 88-93). Автор

считает, что «государственное регулирование выразилось лишь в официальном признании «святых мест» и малоэффективном контроле за ишанами, матдахами, проводившими у мазаров антироссийскую пропаганду по заданию турецких и других спецслужб». А.С. Эркинов рассматривает религиозную политику самодержавия в Туркестане через призму истории применения хутбы за русского царя для чтения в мусульманских мечетях и русско-туземных школах, анализирует отношение к ней мусульман и позицию властей в этом вопросе (Эркинов, 2013: 123-133).

Научный дискурс решения «мусульманского вопроса» в Туркестане и Степных областях не исчерпывается кратким обзором исследований, но дает возможность обозначить наиболее актуальные и малоизученные аспекты проблемы.

4. Результаты

В конце XIX – начале XX вв. в Российской империи остро стоял вопрос государственной политики в отношении мусульман Степных областей и Туркестанского края, чему в немалой степени способствовал ряд факторов. Во-первых, с присоединением земель Старшего жуза, а затем и среднеазиатских ханств в 1860-х гг. резко возросла численность мусульман. По переписи 1897 г. в империи в общей сложности проживало 13889421 человек, исповедовавших ислам, что составляло 11,06 % к общему населению страны. В Средней Азии и в Казахстане проживало 6988640 мусульман (Арапов, 2001: 324-325). По данным Л. Тихомирова, в начале XX в. «население Киргизских степей и Средней Азии на 90,2 % состояло из магометан» (Тихомиров, 1902: 17). Во-вторых, события Андижанского восстания 1898 г. подталкивали правительство и местную администрацию к пересмотру религиозной политики в регионе. Они показали, что нельзя и дальше игнорировать «мусульманский вопрос». В-третьих, остроту «мусульманского вопроса» исследователи связывают с общемировым подъемом исламского движения, распространением идей панисламизма и пантюркизма в мусульманских странах (Сафонов, 2017: 85).

Конфессиональная политика государства в Степном крае, включавшем земли Среднего и частично Младшего жузов, законодательно оформляется во второй половине XIX века. Первым законопроектом, обозначившим позицию государства в отношении мусульман края, было «Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г., содержащее раздел «Об управлении духовными делами киргизов». По Положению казахи-кочевники были выведены из ведения Уфимского муфтиата с целью ослабить влияние татарских мулл-проповедников на их религиозную жизнь. Вместо института «указных» мулл вводилась выборность последних населением из расчета «один мулла на одну волость». Муллы находились в подчинении гражданского управления, а вводимый порядок утверждения их в должности губернатором области оставлял возможность отклонить «неблагонадежную» кандидатуру. Положение запрещало вакуфное землевладение, но муллы не освобождались от налогов и податей. Обязательства по материальному содержанию духовенства, в том числе по уплате податей за избранного муллу, возлагались на мусульман общины. Ужесточались требования к строительству мечетей: для их постройки требовалось разрешение генерал-губернатора. С принятием 25 марта 1891 г. «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» существенных изменений в религиозной политике не произошло; формально упрощался порядок утверждения мулл.

В 1860-х гг. земли Старшего жуза вошли в состав Российской империи, была образована Туркестанская область. Первый начальник области М.Г. Черняев, как поборник либерального отношения к исламу, подвергался критике и вскоре был разжалован. Его приемник Д.И. Романовский предпринял неудачную попытку ослабить авторитет мусульманского духовенства посредством введения в крае выборных судебных органов. С 1867 г. территория современного Южного Казахстана находилась в составе Туркестанского края, созданного после присоединения к Российской империи среднеазиатских ханств. Первый генерал-губернатор края К.П. Кауфман (1867–1882 гг.), чиновник высокообразованный и опытный в делах государства, религиозную политику в крае проводил по принципу игнорирования ислама и невмешательства в духовную жизнь населения. «Мусульманство как догмат ничтожно и не представляет ничего опасного нашим целям», – заверял он (Проект всеподданнейшего отчета, 1885: 177). По мнению ученых, такая политика была выгодна мусульманскому духовенству, давала определенную свободу действий и независимость от администрации (Литвинов, 1998).

Безусловно, говорить о полном игнорировании официальной властью ислама в Туркестане нельзя, так как отдельные стороны религиозной жизни мусульман регламентировались «Степным Положением» 1891 г.: вводился порядок утверждения мулл администрацией, количество мулл в волостях и уездах Семиреченской области строго регламентировалось. В целом же, по мнению Д.Ю. Арапова, «на рубеже XIX–XX вв. империя Романовых вступила в эпоху «сумерек монархии»..., в это время позиции ислама, особенно на окраинах, были затронуты, пожалуй, менее всего...» (Арапов, 2011: 75). Эта точка зрения подтверждается характеристикой религиозного состояния края, представленной Ю.Д. Южаковым в докладе по случаю 27-летнего управления Туркестаном: «Свою религию они исповедуют, как желают, совершенно свободно, без всяких стеснений, так что имеют

полное основание думать и действительно в том убеждены, что первенствующая господствующая в крае религия не христианская, а мусульманская» (Южиков, 1891: 77).

Таким образом, можно резюмировать, что в конце XIX – начале XX вв. специального органа по управлению мусульманами Степных областей и Туркестанского края не было, а все вопросы жизни мусульман решала местная администрация под ведомством Военного министерства. Мусульманское духовенство имело статус служителей веры и, соответственно, исключалось из системы государственного управления. В судебной практике предпочтение отдавалось адату. Этим отличалось управление мусульманами-казахами от управления мусульманами Европейской России и Сибири, управлявшимися Оренбургским и Таврическим муфтиатами под ведомством МВД. На политику империи в отношении мусульман Степных областей и Туркестана влияло утвердившееся в кругу чиновников, да и в обществе в целом, мнение о слабой религиозности казахов. Священники Туркестанской епархии в г. Верном в своих наблюдениях за жизнью казахов отмечали: «Из всех мусульманских народностей, подвластных России, самыми плохими исламистами следует признать наших киргиз. Им совершенно неизвестно о происхождении исламизма, сущность его учения, его коренные, характерные предписания, исторические судьбы и видоизменения...» (Туркестанские..., 1907: 5).

Религиозная политика государства в полной мере не удовлетворяла население, о чем свидетельствуют неоднократные обращения и ходатайства мусульман Степных областей с просьбой изменить существующий порядок управления их духовной жизнью. В 1888 г. представители от мусульман Уральской, Тургайской и Оренбургской областей подали министру внутренних дел Д.А. Толстому прошение о назначении для них особого собрания и муфтия. Мусульмане были недовольны статьями Положения 1868 г. об упразднении указных мулл и запрете применять в судопроизводстве нормы шариата. После консультаций с военными губернаторами названных областей прошение было отклонено, поскольку чиновники усмотрели в нем угрозу роста влияния мусульманского духовенства на массы и попытки противодействовать порядкам гражданского управления (Арапов, 2002: 302). В июле 1891 г. казахи Уральской области обратились к императору Николаю II с ходатайством о передаче их в ведомство Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), выражая желание иметь муфтия. Ходатайство было передано в МВД, но оставлено без ответа. В 1899 г. с подобным ходатайством в МВД обращались мусульмане г. Кустаная Тургайской области (Арапов, 2002: 304).

Первые попытки изменить политику в отношении ислама предпринял генерал-губернатор Туркестанского края М.Г. Черняев (1882–1884 гг.), создав в 1884 г. Особую комиссию для управления духовными делами мусульман. Работа комиссии не одобрялась центральной властью, так как в ее составе преобладали мусульманские деятели, которые, по мнению центра, «руководствовались в своей деятельности не общегосударственными интересами, а шариатом...» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 14–2006.). В корне изменить систему управления мусульманами предпринял туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской (1898–1901 гг.) после Андижанского восстания 1898 г., причинами которого он считал игнорирование ислама и отсутствие надзора за религиозной жизнью мусульман. Восстание было подавлено, а страхи повторения событий остались. «Приходится сознаться, что, несмотря на кажущуюся их (туземцев – Авт.) полную покорность, позы среди мусульман к восстаниям, подобным андижанскому, возможны и в будущем», – писал генерал (Духовской, 1899: 3). В августе 1898 г. в обращении к военному министру Духовской изложил свою точку зрения и предложил создать Туркестанское духовное правление по закавказскому образцу, но без муфтия, а «с председателем или цензором из русских, знакомых с шариатом...» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 18). Обращение не было поддержано ДИИ МВД, чиновники которого считали, что создание высшего духовного органа будет способствовать объединению мусульман и упрочению позиций ислама. По их мнению, достаточно было ограничиться установлением трех правил (о муллах; о мечетях и школах; о вакуфах), чтобы в пределах Туркестанского края ослабить и ограничить вредные последствия политики игнорирования ислама как политической силы. Такой позиции придерживались и в Военном министерстве (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 16).

Распоряжением С.М. Духовского была создана специальная комиссия, а результатом трехлетней (1898–1901 гг.) ее работы стал проект документа «Положение об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края». Проект включал 22 статьи по трем позициям правительства: 1) об управлении духовными делами мусульман; 2) об управлении мусульманскими учебными заведениями; 3) об управлении вакуфами. Первое положение содержало статьи о числе, порядке избрания, утверждения и устранения мулл. Второе – предполагало надзор за мусульманскими школами ограничить мерами административного характера и сосредоточить в руках начальников областей и уездов. Касательно вопроса управления вакуфами комиссия посчитала правильным не вмешиваться в вакуфные дела мусульман, поскольку сочла мероприятие невыгодным с точки зрения интересов империи. Проект содержал не только текст предполагаемого будущего закона, но и обоснование каждого пункта. К примеру, ограничения по строительству в регионе больших приходских мечетей – джума-мечетей – авторы обосновывали тем, что для казахов строительство их не имело принципиального значения. «Безразличное в делах религии киргизское население в большинстве случаев приступает к сооружению мечетей под влиянием

фанатизированных выходцев из района сартовской оседлости и татар» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 9).

Комиссия приняла во внимание особое мнение генерал-губернатора о передаче под контроль администрации всех туземных мусульманских школ и духовных учреждений, а также права разбора семейно-брачных дел. В ходе согласования Военным министерством были внесены дополнения и поправки, по существу не менявшие характер и содержание проекта, но ограничивавшие влияние мусульманского духовенства. В частности, предлагалось исключить статью, разрешающую приходским имамам вести метрификацию населения. Чтобы оградить мусульман-казахов от влияния татарских и среднеазиатских мулл, предлагалось запретить лицам некиргизского происхождения исполнять обязанности мулл, учителей и мутавалиев. Несмотря на детальное обсуждение и внесенные поправки, проект остался на бумаге.

В начале XX в. мусульманское движение в стране активизировалось. Современники подъем движения объясняли «историческим процессом, постепенно стянувшим большинство тюркских народов под русскую власть; подъемом общерусского освободительного движения и пробуждением ислама по всему миру» (Алисов, 1909: 60). Ширилось мусульманское модернистское движение – джадидизм, характеризуемое новациями в сфере мусульманского образования. Возможно, поэтому мусульманский вопрос стал объектом внимания правительства и местной администрации. Рассмотрению различных аспектов «мусульманского вопроса» были посвящены пять Особых совещаний с 1905 по 1914 гг. (Сенюткина, Гусева, 2018: 233-234).

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., имевший целью преодолеть правовое неравенство конфессий в империи, еще ярче обозначил актуальность «мусульманского вопроса». Указ расширил права инославных конфессий и определил отношение государства к инославным и иноверным исповеданиям. Вводилась ограниченная свобода вероисповеданий: свобода выбора религии и отправления религиозных обрядов, юридически закрепилось право личности на переход из православия в одну из нехристианских вер. Последнее положение беспокоило миссионеров; после выхода Указа активизировалось мусульманское миссионерское движение. В статье «К предстоящему противомогометанскому съезду в городе Казани» анонимный автор писал: «После издания манифеста о свободе совести мусульманская пропаганда усилилась во внутренней России, а в Туркестанском крае она приняла форму панисламской пропаганды и имеет определенную организацию... Татары не только стремятся подчинить собственному влиянию, но и пользуются случаями для совращения коренных русских в ислам» (Туркестанские..., 1909: 256). Автор приводит факты о переходе русских в ислам. В докладе Епархиальному съезду священник Туркестанской епархии Антонов П. отмечал, что «со времени Высочайшего указа о свободе совести в городе Верном и его окрестностях было несколько попыток к совращению в мусульманство» (Туркестанские..., 1910: 17). Свои выводы он сделал на основе всестороннего изучения имевших место случаев.

Свидетельством активности мусульман являются обращения мусульман к высшим правительственным чинам касательно решения своих духовно-религиозных нужд. С ходатайством о передаче их в ведение ОМДС обратились в 1903 г. мусульмане Петропавловского уезда Акмолинской области. Через волостных управителей они выдвинули ряд требований: восстановить права волостных мулл на ведение метрических записей и разрешить им проводить религиозные обряды при рождении, бракосочетании и смерти человека; разрешить строительство мечети в каждом ауле; казахские мусульманские общины передать в ведение ОМДС, а Оренбургскому муфтию дать право назначать мулл. Генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин усмотрел в действиях мусульман проявление усиливающегося татарского влияния и в очередной раз ходатайствовал о выведении татар Степного края из ведомства ОМДС и подчинении их областной администрации (Арапов, 2001: 309). Представители казахов Тургайской области в 1905 г. обратились в Особое Совещание по делам веры под председательством А.П. Игнатьева с ходатайством об учреждении отдельного Киргиз-Кайсацкого мусульманского управления со своим муфтием из числа казахов (Арапов, 2001: 310).

Подобные обращения поступали и от мусульман Туркестанского края. Как известно, еще при К.П. Кауфмане мусульмане края были выведены из подчинения Уфимскому муфтиату, а потому вопрос об учреждении в крае отдельного муфтиата оставался открытым. На создании своего организационно-управленческого центра настаивали мусульмане. Весной 1906 г. собрание мусульман Семиречья в г. Верном приняло постановление об открытии в Туркестанском крае МДС с такими же правами, какие имели ранее созданные. Мусульмане Семиречья настаивали на выборности духовных лиц верующими и утверждения их Духовным собранием, а не администрацией. Резолюция была представлена председателю Совета министров, а позже и в МВД для рассмотрения на Особом совещании по делам веры 1914 г. (Арапов, 2001: 312).

Предложения об образовании для мусульман Туркестана особого правления высказывали чиновники разного уровня. Смысл в этом был, поскольку в крае проживало свыше пяти миллионов мусульман (Туркестанские..., 1909: 3). Вопрос обсуждался на Особом совещании по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева. В пользу его решения в 1905 г. выступил Комитет министров. Вышедший 17 апреля 1905 г. Закон «Об укреплении начал веротерпимости» предполагал учреждение муфтиата в Туркестане. На III Всероссийском мусульманском съезде в Нижнем-

Новгороде в 1906 г. обсуждался проект реорганизации управления духовными делами мусульман России, в котором содержались пункты об учреждении для Туркестана и Семиреченской области особого Духовного собрания с муфтием во главе (Арапов, 2001: 324). Но сопротивление краевой администрации при поддержке Военного министерства не позволило создать управление мусульман края. Против самостоятельного духовного правления выступали Туркестанские генерал-губернаторы Н.Н. Тевяшев (1903–1905 гг.) и А.В. Самсонов (1909–1914 гг.). Более того, они были категорически против присоединения края к Оренбургскому муфтиату, оставаясь приверженцами принципов невмешательства в религиозную жизнь туземцев.

В контексте вышесказанного не случайным было появление проекта действительного тайного советника, члена Государственного совета В.П. Череванского, представленного участникам Особого совещания по делам веры в 1905–1906 гг. в виде записки «Об утверждении окружного духовного управления для киргизов». Принимая во внимание ходатайства казахов о неудовлетворенности статьями Степного Положения, чиновник предлагал открыть отдельное Киргиз-Кайсацкое окружное управление по делам веры в городах Акмолинске, Атбасаре, Иргизе и назвать его Степным, в ведении которого находилось бы все казахское население, за исключением мусульман Закаспийской области и Туркестанского края. Проект предполагал подчинение Правлению мусульман всех народностей, в том числе татар. Чиновник был уверен, что «...нельзя длить бесконечно неясное и ненормальное положение вероучительства в столь значительной части населения нашей страны» (Арапов, 2001). Идея Череванского состояла в том, чтобы кардинально реформировать систему управления мусульманами империи путем расформирования округа ОМДС и создания окружных духовных управлений по территориальному принципу: Петербургское, Крымское, Кавказское, Сибирское, Оренбургское, Башкирское, Степное. Такая система, по мнению чиновника, была бы выгодна и удобна с точки зрения управления и контроля за мусульманским духовенством. На проект поступили замечания от члена Особого совещания А.С. Будиловича, настаивавшего на учете не только географических, но и родоплеменных факторов. Он предложил учредить для казахов несколько духовных управлений в соответствии с их делением по ордам: Букеевской, Малой, Средней. Но судьба проекта В.П. Череванского была такой же, как и предыдущих. Вопрос оставался открытым, а мусульмане продолжали обращаться. В мае 1913 г. представители казахов Уральской области обратились в Канцелярию императора с ходатайством о создании духовного управления для мусульман Степных областей.

Практически все проекты содержали статьи, ограничивающие влияние татар на мусульман Степных областей и Туркестана. Озабоченность правительства чрезмерным татарским влиянием можно считать важным фактором попыток решения «мусульманского вопроса». По мнению Т.В. Котюковой, «татаризация» и «исламизация» во второй половине XIX в. «рассматривались в прямой взаимосвязи» (Котюкова, 2019: 84). Проблема эта стала проявлять себя еще раньше. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, продвигая в 1867 г. проект реформирования ОМДС, предлагал включить в него пункт, воспрещающий башкирским и татарским муллам обучать казахов (Воробьева, 1997: 41). Пребывая в полной уверенности, что духовенство влияло на мусульман, истолковывая любые правительственные начинания в крае как обращение мусульман в «русскую веру» и препятствуя, таким образом, интеграции последних в структуру Российского государства, чиновник настаивал на жестком контроле и подчинении «магометанского духовенства» местной власти.

Н.А. Крыжановский несколько не преувеличивал. Влияние татар на духовную жизнь казахов было значительным и продолжало иметь место и в последующие годы, этот факт отмечают многие авторы. В конце XIX в. С.М. Духовской писал: «Будучи сравнительно плохими мусульманами в эпоху покорения Казани Грозным, уже при Императрице Екатерине II казанские татары выделяют из своей среды нафанатизированных книжников, которые, пользуясь рядом ошибок, сделанных тогдашними нашими правительственными органами, вместе с проповедью ислама несут в Киргизскую степь и проповедь враждебных отношений к России» (Духовской, 1899: 7). Русский этнограф В.П. Наливкин, описывая этнический состав населения Средней Азии и Казахских степей, заметил: «...Татары, как местные, так и постепенно наезжавшие из России, были в значительной мере хозяевами киргизской степи, ибо они не только держали в своих руках значительную часть местной торговли с кочевниками, но долгое время были даже и главнейшими насадителями ислама и мусульманского книжничества среди киргиз, до того времени отличавшихся весьма индифферентными отношениями к религии» (Наливкин, 1913: 11). Правительство на законодательном уровне пыталось ограничивать переселение татар в регион, их экономическую деятельность в Туркестане, однако татарская диаспора в крае увеличивалась, а ее экономическое влияние только усиливалось (Котюкова, 2019: 84).

Не меньшим было влияние среднеазиатских мусульман. «Энергия проповеди ислама среди кочевников ишанами из Бухары, Самарканда, Коканда и Ташкента усилилась со времени умиротворения нами Средней Азии», – писал генерал-губернатор Н.И. Гродеков в предисловии к труду «Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области» (Гродеков, 1889: 4). А.К. Гейнс, хорошо знавший Туркестанский край, отмечал: «...Совершенно же утвердили в магометанстве киргиз поселившиеся среди них толпы магометан их соседних среднеазиатских ханств Хивы, Бухары и Коканда, постоянно стремящихся поддерживать среди киргиз всеми способами магометанство,

а вместе с тем и собственное влияние в видах торговых и политических» (Гейнс, 1897: 76). О влиянии среднеазиатских мусульман сообщали православные миссионеры: «Киргизы просвещены сартами, они не принимали сначала шариата, были только номинальными мусульманами» (Туркестанские..., 1913: 392). Между тем укреплению ислама в Казахской степи способствовала политика центра. Климович Л. вполне обоснованно считал, что увеличение числа мусульманских религиозных организаций, «окончательное оформление и укрепление ислама относится ко времени русской колонизации» (Климович, 1936: 40). Анализ содержания проектов свидетельствует о том, что правительством не ставилась задача христианизации казахов. Это мероприятие считалось малоэффективным и дорогостоящим, а конфессиональный курс властей в регионе был прагматичным. Он основывался на убеждении, что «ислам, являющийся, подобно христианству, религией монотеистической, может стать эффективным средством преодоления родоплеменной розни и объединения кочевников в интересах единой российской государственности, формирования из них действительно верноподданных русскому царю» (Центральная Азия..., 2008: 236). Именно поэтому, по мнению Л. Климовича, самодержавие не только не боялось допускать пропаганду ислама, но и способствовало ей (Климович, 1936: 39). Однако нельзя исключать христианизацию, проводимую в начале XX в. противомусульманской миссией при Туркестанской епархии (Туркестанские..., 1917: 198). В обществе активно велись дискуссии о христианизации, методах ее проведения (Алпыспаева и др., 2019: 655-667).

Одна из причин несостоятельности проектов решения «исламского вопроса» заключалась в том, что в среде чиновников не было единства взглядов в вопросах взаимоотношения с мусульманским населением и духовенством. Более того, нередко даже в рамках одной управленческой структуры мнения расходились, о чем свидетельствуют совершенно разные подходы генерал-губернаторов к решению «мусульманского вопроса». Неопределенность политики в отношении ислама в данных регионах, противодействие созданию организационного центра мусульман – муфтиата – объясняются опасениями администрации консолидации антирусских сил. В кругу официальных лиц и администрации имели место убеждения, что предоставляемая туземному населению свобода вероисповедания может быть использована мусульманским духовенством в политических целях и служить «источником противодействия установленному порядку» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 2-7).

Отсутствие единообразной политики государства в отношении ислама в определенной мере объясняется соперничеством властных структур, министерств и ведомств за право управления Степным и Туркестанским краями. П.П. Литвинов по этому поводу писал: «МВД пыталось активно использовать конфессиональный фактор в противоборстве с военным министерством за право управления Русским Туркестаном» (Литвинов, 2007: 183). Соперничество наблюдалось по всем аспектам исламской политики (в организации системы управления и надзора; в постановке и решении проблем мусульманского образования; в решении вопроса о вакуфном землевладении; в установлении правил совершения хаджа) и сказывалось на обсуждении и принятии законов. В практике принятия официального документа обязательной была процедура его согласования разными министерствами: МВД, Военного министерства, Министерства иностранных дел, Министерства просвещения и генерал-губернатора. В процессе обсуждения и согласования вносились поправки и дополнения как по существу, так и редакционного характера, в некоторых случаях отдельные статьи отклонялись. И тогда документ снова отправлялся на согласование. Процесс нередко затягивался на годы и в конечном счете ничего не решалось.

Неопределенность официальной политики в отношении мусульман не одобрялась обществом, отношение к ней было скептическим. «У нас, однако же, смешивали иногда веротерпимость с покровительством, а между тем это две вещи разные», – утверждал востоковед и историк М.А. Терентьев (Терентьев, 1875: 346). Известный своими радикальными взглядами и оценками этнограф М.А. Миропиев отмечал, что при управлении среднеазиатскими владениями власти не должны обольщаться внешним спокойствием туземцев, а должны зорко следить за всеми проявлениями религиозной жизни населения, которое «веками и даже тысячелетиями воспиталось в разных смутах, междоусобиях и изменах» (Миропиев, 1901: 391).

Проблемы в управлении мусульманами-кочевниками нередко возникали по вине разработчиков Положений. В этом смысле показателен проект генерал-губернатора Степного края М.А. Таубе об изъятии татарского населения Степных областей из ведения ОМДС и распространение на них действия ст. 98 Положения 25 марта 1891 г. Появился он не случайно; с изданием Степного Положения 1891 г. возникла неясность, на какие этнические группы распространяются статьи Положения, так как в документе термин «киргизы» был заменен термином «инородцы», под которым подразумевались киргизы, дунгане, таранчи. Выходило так, что статьи Положения не распространялись на татар, проживающих в регионе. Это стало основанием для вмешательства ОМДС в духовные дела населения края, что вызывало раздражение и неудовольствие местной администрации. В 1888 г. Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский в ответ на ходатайства мусульман г. Кустаная при активной поддержке ОМДС разрешить строительство мечети обращался в МВД для решения конфликта. МВД поддержало Колпаковского, ссылаясь на статьи Положения

1868 г. о неподведомственности края ОМДС. В 1900 г. М.А. Таубе вновь поднял вопрос об изъятии из ведения ОМДС всех местных мусульман, не исключая татар, и о распространении в законодательном порядке действия ст. 98 Степного Положения 1891 г. на татар Степных областей. Но вопрос остался открытым, так как предполагалось пересмотреть действующее Положение.

Причины подобных коллизий современники усматривали в том, что чиновники недостаточно хорошо знали и понимали специфику духовной жизни мусульман, не владели местными языками. С.М. Духовской писал: «Замечено мною, что многие из лиц, служащие как в войсках, так равно по административно-полицейскому и другим отделам гражданского управления Туркестанского края, недостаточно знакомы с самыми существенными чертами ислама и обуславливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения» (ЦГА РУ. Ф. И–1. Оп. 11. Д. 1724. Л. 2). Примеров непонимания чиновниками особенностей религиозной жизни населения немало. При разработке сотрудниками МВД в 1901 г. проекта общеимперских Правил о паломничестве мусульман в нем первоначально был пункт, жестко регулирующий маршрут следования паломников исключительно морским путем через Феодосию, Севастополь и Батуми. Для мусульман Средней Азии и Южного Казахстана, совершавших хадж пешими путями, это установление было категорично неприемлемо. Лишь после критики генерал-губернатора Туркестана Н.А. Иванова пункт был исключен (Литвинов, 2014: 91-92). Вопрос о необходимости изучения местных языков поднимался как администрацией, так и миссионерами. В 1908 г. в издании «Туркестанские епархиальные ведомости» вышла небольшая, но достойная серьезного внимания заметка Н.П. Остроумова «Еще на тему о необходимости изучения туземных языков чиновниками в Средней Азии», в которой автор обосновывал серьезность проблемы. Его точку зрения разделял М. Колобов, один из редакторов журнала (Туркестанские..., 1908: 659). Но всякий раз подобные призывы заканчивались безрезультатно.

5. Заключение

Актуальность и острота «мусульманского вопроса» в Степных областях и Туркестанском крае в конце XIX – начале XX вв. объясняются ростом общероссийского мусульманского движения, влиянием на мусульман поволжских татар и среднеазиатских сартов. Именно поэтому разработка проектов по реформированию управления мусульманами обусловлена была не столько желанием администрации края удовлетворить требования мусульманских общин, обращавшихся с ходатайствами об изменении существующего порядка управления их духовной жизнью, сколько озабоченностью чрезмерным влиянием на казахов татар и сартов.

Единообразной, унифицированной имперской политики в отношении ислама и мусульманского духовенства на территории современного Казахстана не было, чему способствовала разобщенность территории в рамках разных административных образований; большая часть современного Казахстана входила в Степное генерал-губернаторство, а южные области пребывали в составе Туркестанского края. С другой стороны, отсутствие единства во взглядах чиновников, в чьи функции входили задачи выработки и реализации политики на окраинах империи, в том числе в области конфессиональных отношений, а также соперничество между министерствами и ведомствами за влияние в регионе, бюрократические процедуры принятия законопроектов можно считать причинами несостоятельности проектов. Предлагаемые проекты решения «мусульманского вопроса» направлены были на установление контроля над мусульманскими общинами. Они не выражали всей сущности религиозной политики самодержавия, но отдельные положения содержали конструктивные предложения, которые в случае их реализации могли быть полезны как административной власти, так и мусульманскому сообществу, если принять во внимание мусульманский фактор в восстаниях 1916 г. в Степных областях и Туркестане.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект «Государственно-конфессиональные отношения в Казахстане: начало XX в. – конец 1930-х гг.». ИРН проекта: АР08855487.

Литература

- Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 800 с.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Алимджанов, 2018 – Алимджанов Б.А. Рецензия на работу «Туркестан в имперской политике России: Монография в документах» / Отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково Поле, 2016 // *Новое прошлое*. 2018. № 4. С. 250-254.
- Алисов, 1909 – Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // *Русская мысль*. 1909. № 7. С. 29-61.
- Арапов, 2011 – Арапов Д.Ю. Государственное регулирование ислама // *PaxIslamica, Мир ислама*. № 2 (7), 2011. С. 68-86.
- Арапов, 2001 – Арапов Д.Ю. *Мир ислама*. М., 2001. 366 с.

- Арапов, 2001** – Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описание, статистика). М.: Академкнига, 2001. 261 с.
- Васильев, 2015** – Васильев Д.В. Мусульманская политика Российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2015. Vol. 4. Is. 2. С. 117-126.
- Воробьева, 1997** – Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (втор. пол. XIX в. – 1917 г.) // *Исторический ежегодник*. 1997. С. 40-55.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. 597 с.
- Горбунова, 2011** – Горбунова С.В. Государственная регламентация религиозной жизни казахов в Российской империи // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2008. № 1. С. 35-41.
- Гродеков, 1889** – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина, 1889. 298 с.
- Духовской, 1889** – Духовской С.М. Ислам в Туркестане. Всеподданнейший Доклад Туркестанского генерал-губернатора Генерала от Инфантерии Духовского. Ташкент, 1899. 20 с.
- Зияева, 2010** – Зияева Д.Х. Ислам в Туркестане: традиции и трансформации в условиях колониализма // *Вестник КазНПУ*. 2010. № 3. С. 10-15.
- Климович, 1936** – Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1936. 225 с.
- Котюкова, 2010** – Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 9. С. 97-112.
- Котюкова, 2019** – Котюкова Т.В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (Специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») / *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* М.: Онто Принт, 2019. 328 с.
- Литвинов, 2014** – Литвинов В.П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане // *Власть*. 2014. № 6. С. 88-93.
- Литвинов, 1998** – Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917): по архивным материалам. Елец: ЕГПИ, 1998. 319 с.
- Литвинов, 2007** – Литвинов П.П. Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. 539 с.
- Лыкошин, 1908** – Лыкошин Н. К десятилетию Андиганской резни // *Туркестанские ведомости*. 1908. № 116. 31 мая.
- Лысенко, 2012** – Лысенко Ю.А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 4 (20). С. 194-198.
- Лысенко, Лысенко, 2016** – Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. Правовое положение мусульман центральноазиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2016. № 2(90). С. 109-116.
- Мироппиев, 1901** – Мироппиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. 519 с.
- Мухамедов, 2015** – Мухамедов Ш.Б. Совет Туркестанского генерал-губернатора и определение тактики и стратегии в решении вакуфного вопроса в Туркестане (1887–1917): причины фиаско // *Метаморфозы истории. Альманах*. Вып. 6. 2015. С. 266-298.
- Наливкин, 1913** – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Очерк. Ташкент: Электрич. типо-лит. «Турк. Т-ва Печатного Дела», 1913. 144 с.
- Проект..., 1885** – Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъют. К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб., 1885. 503 с.
- Садвакасова, 2002** – Садвакасова З. Политика русского царизма в Южном Казахстане (XIX – нач. XX вв.) // *Евразийское сообщество*. 2002. № 3. С. 85-92.
- Сафонов, 2017** – Сафонов А.А. *Государство и конфессии в позднимперской России: правовые аспекты взаимоотношений*. М.: Проспект, 2017. 352 с.
- Сенюткина, Гусева, 2018** – Сенюткина О., Гусева Ю. Дискурс о российских мусульманах в материалах Особых совещаний 1905–1914 гг. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 4. С. 231-254.
- Терентьев, 1875** – Терентьев М.А. *Россия и Англия в Средней Азии* / М.А. Терентьев. СПб., 1875. 354 с.
- Тихомиров, 1902** – Тихомиров Л. Вероисповедный состав России. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1902. 27 с.
- Туркестанские..., 1907** – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 2.
- Туркестанские..., 1908** – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 21.

- Туркестанские..., 1909 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 1, № 10.
 Туркестанские..., 1910 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 2.
 Туркестанские..., 1913 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 10, № 17.
 Туркестанские..., 1917 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 3.
 Центральная Азия..., 2008 – *Центральная Азия в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
 ЦГА РУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
 Эркинов, 2013 – Эркинов А.С. Религиозная политика Российской империи в Туркестане: «Очерк о хутбе за русского царя» Н.П. Остроумова // *Известия Уральского федерал. универс. Серия: Гуманитарные науки*. Том 15. № 2 (114). С. 123-133.
 Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva G., Zhuman G., Bagdatova S., Sayahimova S. Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 655-667.
 Campbell, 2015 – Campbell E. *The Muslim question and Russian imperial governance*. Bloomington: Indiana univ. press, 2015. XI. 298 p.
 Crevs, 2006 – Crevs R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. L., 2006. 480 p.

References

- Abashin, 2016 – Abashin, S.N. (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentax [Turkestan in the imperial politics of Russia: a monograph in documents]. М.: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole», 800 p. [in Russian]
 Alimdzhanov, 2018 – Alimdzhanov, B.A. (2018). Recenziya na rabotu: Turkestan v imperskoj politike Rossii : monografiya v dokumentax [Review of the work: Turkestan in the imperial politics of Russia: a monograph in documents]. Otv. red. T.V. Kotyukova. *Novoe proshloe*. 4: 250-254. [in Russian]
 Alisov, 1909 – Alisov, G. (1909). Musul'manskij vopros v Rossii [The Muslim question in Russia]. *Russkaya my'sl*. 7: 29-61. [in Russian]
 Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva, G., Zhuman, G., Bagdatova, S., Sayahimova, S. (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). *Bylye Gody*. 52(2): 655–667.
 Arapov, 2011 – Arapov, D.Yu. (2011). Gosudarstvennoe regulirovanie islama [State regulation of Islam]. *PaxIslamica, Mir islama*. 2(7): 68-86. [in Russian]
 Arapov, 2001 – Arapov, D.Yu. (2001). Mir islama [The world of Islam]. М., 366 p. [in Russian]
 Arapov, 2001 – Arapov, D.Yu. (2001). Islam v Rossiiskoi imperii (Zakonodatel'nye akty, opisanie, statistika) [Islam in the Russian Empire (Legislative acts, description, statistics)]. М.: Akademkniga, 261 p. [in Russian]
 AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire].
 Campbell, 2015 – Campbell, E. (2015). The Muslim question and Russian imperial governance. Bloomington: Indiana univ. press. XI, 298 p.
 Dukhovskoi, 1899 – Dukhovskoi, S.M. (1899). Islam v Turkestane. Vsepoddanneishii Doklad Turkestanskogo general-gubernatora Generala ot Infanterii Dukhovskogo [Islam in Turkestan. All-Submissive Report of the Turkestan Governor-General General of Infantry Dukhovskiy]. Tashkent, 20 p. [in Russian]
 Erkinov, 2013 – Erkinov, A.S. (2013). Religioznaya politika Rossijskoj imperii v Turkestane: «Oчерk o xutbe za russkogo czarya» N. P. Ostroumova [Religious policy of the Russian Empire in Turkestan: "Essay on the Khutba for the Russian Tsar" N.P. Ostroumov]. *Izvestiya Ural'skogo federal. univers. Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 15. 2(114): 123-133. [in Russian]
 Geins, 1897 – Geins, A.K. (1897). Sobranie literaturnykh trudov A. K. Geinsa. [Collection of literary works of A.K. Gaines]. T. 1. Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha. T. 1, 597 p. [in Russian]
 Gorbunova, 2008 – Gorbunova, S.V. (2008). Gosudarstvennaya reglamentatsiya religioznoi zhizni kazakhov v Rossiiskoi imperii [State regulation of the religious life of Kazakhs in the Russian Empire]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo univers*. 1: 35-41. [in Russian]
 Crevs, 2006 – Crevs, R. (2006). For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. L., 480 p.
 Grodekov, 1889 – Grodekov, N.I. (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti. [Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region]. Tom. 1. Tashkent: Tipo-Litografiya S.I. Lakhtina, 298 p. [in Russian]
 Klimovich, 1936 – Klimovich, L. (1936). Islam v tsarskoj Rossii. Oчерki [Islam in Tsarist Russia. Essays]. М.: Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo, 225 p. [in Russian]
 Kotyukova, 2010 – Kotyukova, T.V. (2010). «Musul'manskii vopros» v Turkestane v nachale XX v. ["The Muslim question" in Turkestan at the beginning of the XX cent]. *Voprosy istorii*. 9: 97-112. [in Russian]

- Kotyukova, 2019** – *Kotyukova, T.V.* (2019). Politika «dvojnogo ignorirovaniya» v imperskom diskurse Rossii v otnoshenii kochevogo naseleniya Turkestana v kontse XIX v. (Spetsifika «musul'manskogo voprosa» i «pravoslavnogo otveta») [The policy of "double disregard" in the imperial discourse of Russia in relation to the nomadic population of Turkestan at the end of the 19th century. (Specificity of the "Muslim question" and the "Orthodox answer"). *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII-XIX vv. M.: Onto Print, 328 p.* [in Russian]
- Litvinov, 2014** – *Litvinov, V.P.* (2014). Vlast' i palomnichestvo musul'man v Russkom Turkestane [Power and pilgrimage of Muslims in Russian Turkestan]. *Vlast'*. 6: 88-93. [in Russian]
- Litvinov, 1998** – *Litvinov, P.P.* (1998). Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865-1917): po arkhivnym materialam [State and Islam in Russian Turkestan (1865-1917): based on archival materials]. *Elets: EGPI, 319 p.* [in Russian]
- Litvinov, 2007** – *Litvinov, P.P.* (2007). Organy departamenta politsii MVD v sisteme «voenno-administrativnogo» upravleniya Russkim Turkestanom [Bodies of the police department of the Ministry of Internal Affairs in the system of "military-administrative" management of Russian Turkestan]. *Elets: EGU im. I.A. Bunina, 539 p.* [in Russian]
- Lykoshin, 1908** – *Lykoshin, N.* (1908). K desyatiletiyu Andizhanskoj rezni [To the tenth anniversary of the Andijan massacre]. *Turkestanskije vedomosti*. 116, may 31. [in Russian]
- Lysenko, 2012** – *Lysenko, Yu.A.* (2012). Religioznaya politika kak mekhanizm zakrepleniya imperskikh pozitsii Rossii v Turkestanskom krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Religious policy as a mechanism for strengthening the imperial positions of Russia in the Turkestan Territory (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 4(20): 194-198. [in Russian]
- Lysenko, Lysenko, 2016** – *Lysenko, Yu.A., Lysenko, M.F.* (2016). Pravovoe polozenie musul'man tsentral'no aziatskikh okrain Rossijskoj imperii i «musul'manskij vopros» v sisteme administrirovaniya regiona (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Legal Status of the Muslims in the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and "Muslim Question" in the System of the Regional Administrating (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century)]. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo universiteta*. 2(90): 109-116. [in Russian]
- Miropiev, 1901** – *Miropiev, M.A.* (1901). O polozenii russkikh inorodtsev [On the situation of Russian foreigners]. S-Peterburg: Sinodal'naya Tipografiya, 515 p. [in Russian]
- Mukhamedov, 2015** – *Mukhamedov, Sh.B.* (2015). Sovet turkestanskogo general-gubernatora i opredelenie taktiki i strategii v reshenii vakufnogo voprosa v Turkestane (1887–1917): prichiny fiasko [Council of the Turkestan Governor-General and the determination of tactics and strategy in solving the vakuf issue in Turkestan (1887-1917): the reasons for the fiasco]. *Metamorfozy istorii. Al'manakh*. 6: 266-298. [in Russian]
- Nalivkin, 1913** – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemtsy ran'she i teper'. Ocherk V.P. Nalivkina [The natives before and now. Essay by V.P. Nalivkin]. Tashkent : Elektrich. tipo-lit. «Turk. T-va Pechatnago Dela», 144 p. [in Russian]
- Proekt vsepoddanneishego otcheta..., 1885** – Proekt vsepoddanneishego otcheta Gen.-Ad'yutanta K.P. fon-Kaufmana po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastiakh Turkestanskogo General-Gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g. [Draft of the all-subject report of Adjutant General K.P. von-Kaufman on civil administration and organization in the regions of the Turkestan General Government. November 7, 1867 – March 25, 1881]. SPb., 1885, 503 p. [in Russian]
- Sadvakasova, 2002** – *Sadvakasova, Z.* (2002). Politika russkogo tsarizma v Yuzhnom Kazakhstane (XIX–nachalo XX vv.) [The policy of Russian tsarism in South Kazakhstan (XIX-early XX centuries)]. *Evrazijskoe soobshchestvo*. 3: 85-92. [in Russian]
- Safonov, 2017** – *Safonov, A.A.* (2017). Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoj Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii [State and Confessions in Late Imperial Russia: Legal Aspects of Relations]. M.: Prospekt, 352 p. [in Russian]
- Senyutkina, Guseva, 2018** – *Senyutkina, O., Guseva, Yu.* (2018). Diskurs o rossijskikh musul'manakh v materialakh Osobykh soveshchaniy 1905–1914 gg. [Discourse on Russian Muslims in the Materials of the Special Meetings of 1905-1914]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4: 231-254. [in Russian]
- Terent'ev, 1875** – *Terent'ev, M.A.* (1875). Rossiya i Angliya v Srednei Azii [Russia and England in Central Asia]. SPb., 354 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1902** – *Tikhomirov, L.* (1902). Verospovednyi sostav Rossii [Religious composition of Russia]. M.: Universitetskaya tipografiya, Strastnoi bul'var, 27 p. [in Russian]
- Turkestanskije..., 1907** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1907, №2. [in Russian]
- Turkestanskije..., 1908** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1908, № 21. [in Russian]
- Turkestanskije..., 1909** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1909, № 1, № 10. [in Russian]

- [Turkestanskije..., 1910](#) – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1910, № 2. [in Russian]
- [Turkestanskije..., 1913](#) – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1913, № 10, № 17. [in Russian]
- [Turkestanskije..., 1917](#) – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1917. № 13. [in Russian]
- [Tsentral'naya Aziya..., 2008](#) – *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii (2008)*. [Central Asia within the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 464 p. [in Russian]
- [TsGA RU](#) – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan* [Central State Archives of the Republic of Uzbekistan].
- [Vasil'ev, 2015](#) – *Vasil'ev, D.V.* (2015). *Musul'manskaya politika Rossiiskoi imperii v Turkestanskom i Stepnom general-gubernatorstvakh* [Muslim policy of the Russian Empire in the Turkestan and Steppe governors general]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4(2): 117-126. [in Russian]
- [Vorob'eva, 1997](#) – *Vorob'eva, E.I.* (1997). *Vlast' i musul'manskoe dukhovenstvo v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Power and Muslim clergy in the Russian Empire (second half of the 19th century – 1917)]. *Istoricheskii ezhegodnik*. Pp. 40-55. [in Russian]
- [Ziyaeva, 2010](#) – *Ziyaeva, D.Kh.* (2010). *Islam v Turkestane: traditsii i transformatsii v usloviyakh kolonializma* [Islam in Turkestan: Traditions and Transformations in the Conditions of Colonialism]. *Vestnik KazNPU*. 3: 10-15. [in Russian]

Несостоявшиеся законопроекты по «мусульманскому вопросу» в степных областях и Туркестанском крае (конец XIX – начало XX вв.)

Галья Айтпаевна Алпыспаева^{a, *}, Гульмира Жуман^a, Шолпан Назарбековна Саяхимова^a, Ляззат Торебековна Джумалиева^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов конфессиональной политики Российской империи в конце XIX – начале XX вв., связанный с решением «мусульманского вопроса». Политика самодержавия в отношении ислама интерпретируется в контексте анализа содержания предлагаемых чиновниками законопроектов и предложений по реорганизации управления духовной жизнью мусульман Степных областей и Туркестанского края. Анализируются причины обострения «мусульманского вопроса» в регионе под влиянием подъема общероссийского мусульманского движения, обращения мусульман с ходатайствами об изменении сложившегося в 60–90-х гг. XIX в. порядка управления их религиозной жизнью. Разработка проектов по реформированию системы управления мусульманами региона обусловлена была не столько желанием администрации края удовлетворить требования мусульман, сколько озабоченностью нежелательного влияния на духовную жизнь мусульман-казахов татар и среднеазиатских сартов. Предлагаемые проекты, имевшие главной целью установление контроля над мусульманскими общинами, в первую очередь направлены были на ослабление и устранение этого влияния. Они не выражали всей сущности конфессиональной политики самодержавия, однако отдельные положения содержали конструктивные предложения, реализация которых ослабила бы остроту вопроса. Обосновывается вывод о том, что своеобразная военно-гражданская система управления в Степных областях и Туркестанском крае, соперничество между министерствами и ведомствами за влияние в регионах, бюрократические процедуры принятия законопроектов обусловили специфику имперской конфессиональной политики в отношении мусульман и несостоятельность проектов по «мусульманскому вопросу».

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, ислам, мусульманское духовенство, Российская империя, законопроекты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galypspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева), guliktim@mail.ru (Г. Жуман)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 812-820.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.812
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Dynamics of the Composition of City Assemblies of Western Siberia Following the Election Results in the 1870–1890s

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^a Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract

The dynamics of the composition of vowel city assemblies, selected according to the results of the reforms of 1870 and 1892 in Western Siberia (Tobolsk and Tomsk provinces), was studied. According to the law of 1870, the process of forming the composition of city assemblies was determined by the "three-digit" election system, which provided the advantages of "passing" merchants, large homeowners and breeders to the Duma, depriving wide sections of urban residents who did not have real estate property of the opportunity to participate in public affairs. The 1892 law, which reduced the number of both voters and vowels in the Duma, did not lead to an increase in the effectiveness of the latter, but made city meetings even more closed from the bulk of the population. Key social characteristics of vowels as representatives of local society are considered: age, education, origin, viability, religion, etc. In large cities (Tomsk, Tobolsk, Tyumen, Kurgan, Barnaul), Duma compositions were formed from representatives of the commercial and industrial circles of the region. In medium and small cities, vowel compositions were vestry.

Keywords: city self-government, city assemblies, vowels, city councils, city heads, a list of personnel, elections, voters, Western Siberia.

1. Введение

Исследование истории становления органов городского самоуправления в дореволюционный период невозможно без анализа сведений о результатах выборов гласных – представителей городского общества в думах, то есть представительных собраний, призванных решать вопросы местного значения. Рассмотрение процесса формирования данного института в сибирских городах позволяет установить социально-профессиональные характеристики избранных лиц, выявить специфику думских составов, которые во многом определяли характер и основные направления деятельности местной власти.

Цель данной работы – рассмотреть динамику личных составов гласных городских собраний по итогам местных выборов в 1870–1890 гг., выявить особенности формирования думских составов в городах Западной Сибири.

2. Материалы и методы

Информационную основу данной работы составляют архивные документы и авторские труды. Использованы архивные фонды Российского государственного исторического архива, областных архивов (в Тобольске, Томске и Тюмени), в которых сохранились различные материалы по выборам в городах региона: протоколы избирательных собраний, формулярные списки, баллотировочные листы и др. В частности, основным источником стали списки личного состава гласных, в которых фиксировались данные о людях, выбранных в городскую думу (в малых поселениях – собрание уполномоченных). Список представлял таблицу из 14 граф, в которые заносились сведения о гласных: фамилия, имя, отчество, происхождение, возраст, вероисповедание, сословная принадлежность,

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

чины и звания, образование (оконченное/неоконченное), имущественная обеспеченность и др. Списки как кадровые документы имели служебный характер, подлежали представлению в губернскую администрацию и МВД. Сегодня списки гласных дум в Тобольской и Томской губерниях исследованы фрагментарно, не являлись предметом специального изучения. В сокращенном виде списки гласных (только ФИО, сословие) печатались в местных губернских ведомостях.

При изучении архивных источников применялся комплекс методов познания, принципы историзма и научной объективности, которые дают возможность выявить и систематизировать все перемены в думских составах в исследуемый период по единой методике. Посредством методов аналогии, сравнительного анализа, классификации и обобщения выявлялись общие и особенные черты в составах городских собраний региона, делались выводы.

3. Обсуждение

История становления и формирования органов местного самоуправления в городах страны в досоветский период сегодня все чаще становится объектом специального изучения. В 1990-е – 2000-е гг. вышел целый комплекс работ по разным проблемам проведения выборов в городские думы, но главным образом в крупных городах, характеристике участия отдельных личностей и социальных групп в общественной жизни.

Первыми следует назвать труды В.А. Нардовой, в которых на широкой источниковой базе государственных архивов исследуется статистика городских выборов по реформам 1870 и 1892 гг. К сожалению, из сибирских городов представлены лишь губернские центры (Нардова, 1984; Нардова, 1994).

Большой вклад в изучение проблемы внес К.В. Лен, который рассмотрел основные вехи развития местного самоуправления на Алтае в конце XIX – начале XX вв. (Лен, 2003). Автор выявил особенности западносибирского городского самоуправления, среди которых низкая степень правовой грамотности жителей, их безразличное отношение к общественным делам, низкий уровень образования гласных и др. (Лен, 2000). В работах исследователей городские думы рассматриваются как представительные собрания предпринимателей Сибири (Литягина, 1997), отмечается роль чиновничества в думах Барнаула, Тобольска и Омска, которые «более рационально и грамотно подходили к управлению муниципальными отраслями», анализируется влияние уровня образованности гласных на их работу (Литягина, 2015). Ряд авторов исследует специфику составов городских дум на примере одного или двух городов: Каинска и Кольвани (Ноздрин, 2004), Томска (Еремина, 2011), Омска (Коновалов, 1997), Тюмени (Храмцов, 2005). Отдельно следует выделить коллективную монографию омских ученых А.П. Толочко, И.А. Коновалова, Е.Ю. Меренковой и О.В. Чудакова (Книга..., 2003). В ней рассмотрены основные этапы становления городского самоуправления в регионе, в том числе результаты выборов и составы гласных дум, правда на примерах отдельных городов.

На сегодняшний день комплексных трудов, анализирующих динамику социального состава гласных дум в Западной Сибири в досоветский период, нет.

4. Результаты

20 марта 1862 г. Государственный совет поручил Министерству внутренних дел немедленно «приступить к составлению проекта об улучшении общественного управления во всех городах Российской империи» (Обозрение..., 1864: 196). Результатом работы городских комиссий и обсуждения различных проектов стало новое Городовое положение, утвержденное 16 июня 1870 г., коренным образом изменившее избирательную систему на местном уровне (Положение..., 1870). В первую очередь реформа проводилась в губернских и других крупных городах Сибири (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Л. 5).

Состав городских собраний – это результат выбора избирателей, их личной и групповой (партийной) заинтересованности, а также специфики (различий) в количественном и сословно-профессиональном составе населения городов. Вводилась «трехразрядная» система выборов (три избирательных собрания), то есть все избиратели распределялись на три разряда по сумме вносимых налогов с недвижимой собственности в доход города. Каждый разряд выбирал в думу равное число представителей. Гласным мог стать только русский мужчина не моложе 25 лет, проживавший в городе в течение двух лет, владевший недвижимостью, обложенной налогом в доход казны (города), не имевший недоимок по местным сборам. Женщины, имевшие необходимый ценз, обладали пассивным избирательным правом – могли «доверить» участие в выборах своим родным мужского пола.

В 1871–1877 гг. в городах Западной Сибири была сформирована новая система местного самоуправления (см. Таблицу 1). В малых городах с разрешения МВД «дозволялось» подразделять избирателей на два разряда. Так, на первых выборах в Нарыме (1877 г.) список состоял из 171 избирателя: по первому разряду всего 8 (4,7 %), а по второму – 163 (95,3 %). В социальном разрезе избирателей – 132 мещанина (77 %), 23 отставных военных (казаков и урядников), 10 купцов, 3 священника и 3 чиновника (ТГВ. 1876. № 1: 3-4).

Таблица 1. Численный состав городских дум по итогам выборов 1871–1877 гг.*

Город (год открытия думы)	Количество избирателей		Количество гласных в думе	Количество гласных в разряде
	всего	из них принявшие участие в выборах		
Тобольская губерния				
Березов (1876)	90	79	30	10
Ишим (1873)	494	76	36	12
Курган (1875)	625	156	42	14
Тара (1872)	527	60	36	12
Тобольск (1872)	1507	163	72	24
Туринск (1876)	434	102	36	12
Тюкалинск (1875)	192	70	30	10
Тюмень (1872)	2115	301	72	24
Ялуторовск (1876)	367	53	30	10
<i>Всего</i>	<i>6351</i>	<i>1060</i>		
Томская губерния				
Барнаул (1877)	1370	91	72	24
Бийск (1877)	873	59	48	16
Каинск (1876)	270	22	30	10
Колывань (1876)	646	270	42	14
Кузнецк (1876)	369	38	30	10
Мариинск (1875)	584	68	36	12
Нарым (1877)	171	-	30	10
Томск (1871)	944	252	54	18
<i>Всего</i>	<i>5227</i>	<i>800</i>		

* Составлено по: (Городские поселения, 1882: 11, 24, 31, 38, 46, 54, 60, 66, 75, 167, 174, 179, 185, 192, 196, 201, 207)

Уже на первых выборах возникали трудности с формированием списков избирателей (Книга..., 2003: 32). Так, жители Тобольска (губернский центр), кроме 1 % сбора на квартиру повинность, никаких других налогов с недвижимости ни в пользу казны, ни в доход города не платили (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Оп. Л. 6). 28 сентября 1870 г. Главное управление Западной Сибири рапортовало в МВД, что в Тобольской губернии «не имеется владельцев недвижимых имуществ», указанных в законе 1870 г. Министерство попросило генерал-губернатора дать свои соображения относительно состава избирателей. Ими стали городские жители, которые платили квартирный сбор, а также сборы с торговых документов в казну, хотя они и не имели в городах проживания собственности. Интересно, что результаты первых выборов в Тобольске (7, 8, 9 декабря 1871 г.) губернское присутствие признало «неправильными» и отменило, однако позже МВД «не усмотрело достаточных оснований к отмене выборов», оставив их в силе (Там же. Л. 302-303, 370).

При делении на разряды также допускались «отклонения» от норм и разные мелкие нарушения. Неравенство в пользовании избирательным правом достигало колоссальных диспропорций. В частности, осенью 1872 г. первый разряд в Тюмени составлял 13, второй – 44 и третий – 2058 избирателей (ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 686. Л. 1-36 об.; Д. 688. Л. 1-3, 27-30). Тем не менее каждый разряд уплачивал 1/3 налогов и «направлял» в думу равное число гласных (в данном случае по 24). 28 ноября 1870 г. губернатором был утвержден первый избирательный список по Томску из 947 человек, а именно: по первому разряду – 45 (сбор 5711 руб.), второму – 197 (5414 руб.) и третьему – 560 (4930 руб.) (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Л. 64). На выборах в Колыванскую городскую думу (1880–1884) список включал 733 избирателя, первый разряд – 6 (сбор 527 руб.), второй – 45 (523 руб.) и третий – 682 (511 руб.) (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2856. Л. 85-95 об.). В Тюмени в выборах 1889 г. имели право участвовать 2232 избирателя, по первому разряду – 24 (с платежом в доход города от 367 до 91 руб.), по второму – 124 (с взносом от 90 до 15 руб.) и по третьему – 2108 (с уплатой от 15 руб. до 2 коп.). В Тюкалинске на выборах в думу созыва 1888–1892 гг. – первый разряд – 6, второй – 24, третий – 310 избирателей; тарский голова сообщал, что по списку 936 избирателей (1889 г.), а в первом разряде всего 5, поэтому «они вступают в гласные без выбора» (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 455. Л. 3-7 об., 9-11 об., 21-28).

В первый разряд входили самые богатые жители – промышленники и крупные домовладельцы (1 %), во второй – люди среднего достатка (6 %) и в третий – основная масса налогоплательщиков (93 %). Интересно, что, по данным за 1887–1889 гг., городские головы и их заместители (17 городов Сибири) в большинстве своем состояли во втором разряде (14 из 34 человек), обладали смешанным

избирательным правом, то есть по сборам – оценочный с недвижимости и с торговых актов (19 из 34 человек) (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1399. Л. 255-260, 261-264об.)

Основные социальные группы, формировавшие составы гласных дум в регионе, – купцы, почетные граждане, мещане и чиновники. Представителей других сословий (духовенства, крестьянства, военных) в думах были единицы. Соотношение данных категорий зависело от сословной структуры конкретного города. В собраниях средних и малых городов, с узкой купеческой прослойкой, преобладали мещане (Ноздрин, 2004: 99). В частности, в Тюкалинске дума созыва 1887–1891 гг. включала 30 гласных: 14 мещан, 7 крестьян, 6 купцов, 2 военных и 1 чиновника (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 390. Л. 132-133об.). Наиболее «пестрой» по составу являлась Барнаульская городская дума: на выборах 15, 19 и 30 ноября 1876 г. (по трем разрядам) в думу «вошли» 72 гласных: 26 мещан, 23 чиновника, 17 купцов, 2 уставщика, 2 отставных военных, 1 художник, 1 торгующий крестьянин (ТГВ, 1877. № 10: 5). Каинская городская дума первого созыва 1876–1880 гг. включала 30 гласных: 17 мещан, 11 купцов, 1 чиновника и 1 крестьянина (ТГВ, 1876. № 6: 3). Кольванская городская дума первого созыва 1876–1880 гг. имела в составе 42 гласных: 27 мещан, 13 купцов, 1 чиновника и 1 крестьянина (ТГВ. 1876. № 8: 3). В Кузнецкой городской думе второго созыва 1881–1885 гг. было 30 гласных: 16 мещан, 8 купцов, 4 чиновника и 2 военных (ТГВ, 1880. № 47: 3-4). В Мариинской городской думе созыва 1884–1888 гг. насчитывалось 42 гласных: 27 мещан, 8 купцов, 5 отставных рядовых, 1 чиновник и 1 священник (ТГВ, 1884. № 27: 8-9). Ишимская городская дума третьего созыва 1881–1885 гг. включала 36 гласных: 17 мещан, 15 купцов, 2 чиновников и 2 крестьянин (ТобГВ, 1881. № 48: 2).

Купцы в думских составах занимали первые позиции только в крупных городах. Причем ряды купечества активно пополнялись и за счет мещан и разбогатевших крестьян. Особенно эта тенденция отмечалась в переломные этапы реформирования экономики страны, в 1860-е и 1890-е гг. Скажем, Томская городская дума, избранная на 1875–1879 гг., имела в своем составе более 70 % гласных из купцов (Городские поселения, 1882: 167). В Тюменскую городскую думу (1877–1881) было избрано 72 гласных: 40 купцов, 22 мещанина, 6 чиновников, 2 крестьянина, 1 священник и 1 отставной военный (ТобГВ. 1877. № 11: 4). В Тобольске дума первого созыва 1872–1876 гг. включала 72 гласных, из них: чиновники – 30 (41,6 %), купцы – 22 (30,6 %), мещане – 15 (20,8 %), 3 священника, отставной военный и крестьянин (вместе 7 %) (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1256. Л. 45).

Анализ статистики по результатам выборов свидетельствует, что процент участия в них избирателей уменьшился; в Тобольске с 10,8 % (на первых выборах) до 5 % (на четвертых выборах); в Томске – с 26,5 % до 13,2 % соответственно (Нардова, 1984: 65). Корреспондент газеты писал о тобольских выборах так: «Выборы прошли тихо, смиренно, ни прений, ни партий у нас нет; это, по-моему, происходит от равнодушия обывателей к самоуправлению, заседания гласных никем не посещаются, да кажется, во избежание лишней гласности на заседания посторонних и не пускают» (СВ. 1888. № 3: 4).

Абсентеизм избирателей и низкая результативность составов городских собраний «привели» к пересмотру закона 1870 г. и утверждению 11 июня 1892 г. новой городской реформы (Положение, 1892). Чиновники считали, что она улучшит состояние городского хозяйства. Скажем, томский губернатор неоднократно докладывал в МВД о плачевном состоянии местного хозяйства Томска (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436. Л. 44об.). По его мнению, «введение этой реформы, несомненно, послужит наилучшим средством сосредоточения в городском общественном управлении наиболее развитых и благонамеренных сил местного городского общества» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2646. Л. 46-47об.).

Новый закон отменял «трехразрядную» систему, вместо нее учреждалось одно избирательное собрание, налоговый ценз заменялся имущественным. Новые правила проведения выборов изменили численный состав дум (Нардова, 1994: 18). Если по закону 1870 г. в городские думы избиралось от 30 до 72 гласных (в зависимости от количества избирателей), то новая реформа урезала их составы – от 12 до 50. Теперь, кроме гласных, избирались кандидаты, зачислявшиеся в думу в случае выбытия гласных (Таблица 2).

Таблица 2. Численный состав гласных городских собраний. 1890-е гг.*

Город	1 четырехлетие (выборы в 1893–1896 гг.)		2 четырехлетие (выборы в 1897–1900 гг.)		Динамика (- или +, в %)
	количество гласных	количество кандидатов	количество гласных	количество кандидатов	
Томская губерния					
Томск	47	47	50	50	+6,4%
Барнаул	32	12	32	13	0
Бийск	20	9	20	6	0
Кольвань	23	4	20	5	-13%
Каинск	20	6	20	10	0

Мариинск	20	6	20	13	0
Кузнецк	12	4	12	4	0
Нарым	12	10	12	10	0
Тобольская губерния					
Тобольск	20	4	20	4	0
Тюмень	23	8	29	7	+26,1%
Курган	20	8	23	7	+15%
Тара	20	8	20	10	0
Ишим	20	4	20	4	0
Тюкалинск	15	5	15	5	0
Туринск	15	3	15	7	0
Березов	12	3	12	3	0
Сургут	12	3	12	3	0
Ялуторовск	15	2	12	3	-20%

* Составлено по: (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 2-295; ТГВ, 1893. № 44 (прил.); 1894. № 2: 1-2; № 28: 2-3; № 32: 3-4; № 43: 2; № 44: 2; № 49: 2-3; 1895. № 11: 1-2; № 32: 1; 1896. № 15: 3; 1897. № 34: 2-5; № 48: 2; 1898. № 30: 3-4; № 43: 2-3; № 44: 4; № 47: 3-4; № 49: 2; 1899. № 2: 2; № 15: 3; № 17: 3; № 21: 2; № 46: 4; № 48: 2; 1900. № 37: 3)

В малых городах региона вводилась упрощенная форма управления: собрание городских уполномоченных от 12–15 членов и городской староста с одним или двумя помощниками. Согласно журналу Тобольского губернского присутствия по городским делам от 24 августа 1892 г., на упрощенную форму «перешли» Сургут, Березов, Тюкалинск, Ялуторовск и Туринск (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2646. Л. 4-9). В Томской губернии на «упрощенку» перевели Кузнецк и Нарым, а с 1907 г. – и Колывань (Ноздрин, 2004: 105).

Вследствие повышения имущественного ценза (владение недвижимостью в Томске, Тобольске и Тюмени с оценкой в 1000 руб., в средних городах – 300 руб. и малых – 100 руб.) в составах дум Тобольска, Тюмени, Томска, Барнаула и Кургана преобладали представители торгово-промышленных кругов, то есть наиболее состоятельные горожане (Литягина, 1997: 184). Если в думах созывов 1870–1880-х гг. еще встречались отдельные гласные от духовенства, офицерства и крестьянства, то после 1892 г. их практически не стало.

Более того, существенно сократилось количество избирателей. Так, если в 1887 г. Томскую городскую думу имели право выбирать 1589 человек, то в 1893 г. всего 562 (почти в 3 раза меньше); в Барнауле в 1889 г. – 1965, а в 1894 г. – 270 избирателей (в 7 раз меньше); в Тюмени в 1889 г. – 2232, а в 1894 г. – 194 избирателя (в 11,5 раз меньше) (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436. Л. 125-137, 142-143, 145-146; ГАТомО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 114. Л. 28-38).

Изучение составов гласных, избранных по результатам выборов на первое и второе четырехлетия по закону 1892 г., позволяет проследить динамику по численному составу (Таблица 2). Во многих городах за 1890-е гг. состав городских собраний не изменился, за исключением Томска, Тюмени и Кургана, где составы немного выросли, а в Колывани и Ялуторовске, наоборот, сократились. Любопытно, что, несмотря на все различия городов Сибири, в сословном составе гласных по двум губерниям много общих черт (табл. 3).

В конце XIX в. в некоторых городах численность избирателей возросла, но в целом 99 % городских жителей были лишены избирательных прав. Причем большая разница была между списочным составом избирателей и количеством лиц, принявших участие в выборах. Например, список избирателей в Кузнецке на выборах 1894 г. включал 91, а на участок пришел 21 человек (23 %) (ГАТомО. Ф. 48. Оп. Д. 114. Л. 57-61); в Кургане на выборах думы созыва 1888–1892 гг. из списочного состава в 886 избирателей участие принял всего 61 (6,9 %) (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 455. Л. 120б.).

Таблица 3. Сословный состав гласных городских собраний. 1893–1896 гг.*

Город	Купцы и почетные граждане	Мещане	Чиновники (дворянство)	Крестьяне	Отставные военные
Томская губерния					
Томск	34	10	2	1	-
Барнаул	13	4	13	-	2
Бийск	13	6	1	-	-
Колывань	8	14	1	-	-
Каинск	5	15	-	-	-
Мариинск	1	16	1	2	-
Кузнецк	3	6	3	-	-

Нарым	3	9	-	-	-
<i>Всего</i>	<i>80</i>	<i>80</i>	<i>21</i>	<i>3</i>	<i>2</i>
Тобольская губерния					
Тобольск	8	5	5	-	2
Тюмень	14	5	4	-	-
Курган	17	2	1	-	-
Тара	13	6	1	-	-
Ишим	12	5	2	1	-
Тюкалинск	3	8	-	1	3
Турунск	3	6	1	5	-
Березов	1	10	1	-	-
Сургут	-	12	-	-	-
Ялуторовск	4	5	2	1	3
<i>Всего</i>	<i>75</i>	<i>64</i>	<i>17</i>	<i>8</i>	<i>8</i>

* Составлено по: (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 2-295; ТГУ, 1893. № 44 (прил.); 1894. № 2: 1-2; № 28: 2-3; № 32: 3-4; № 43: 2; № 44: 2; № 49: 2-3; 1895. № 11: 1-2; № 32: 1; 1896. № 15: 3)

В профессиональном разрезе думские составы в Томске, Барнауле, Тобольске, Тюмени и Кургане можно считать «предпринимательскими». В думах служили гласными золотопромышленники, кожевеннозаводчики, рыбо-, хлебо- и виноторговцы, владельцы постоянных дворов, трактиров и магазинов, мануфактурщики, пароходоладельцы и др. Интересно, что многие гласные вели торговлю без особых гильдейских свидетельств, статусов и званий. По избирательным спискам они проходили как мещане или крестьяне. Например, Н.Д. Машаров – крестьянин, владелец чугунолитейного завода в Тюмени. Более «однородные» составы избирались в малых городах – Березове, Кузнецке, Нарыме, Тюкалинске, Туринске и Ялуторовске. В Сургуте городское собрание всецело состояло из мещан (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 254-258).

Правила составления списков личного состава городских собраний были утверждены МВД. В частности, отдельно оговаривалось, что в графе IV указывалось «сословие лица независимо от того, имеет ли оно чин или не имеет...», относительно дворян непременно должно быть указано потомственное ли дворянство, или личное» (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 73 об.). Графа VI свидетельствовала об образовании (оконченном/неоконченном) лица и в каком именно учебном заведении. По спискам гласных видно, что их общий образовательный ценз был низким. В крупных и средних городах уровень образованности гласных был выше, чем в малых. Например, в Тюменской городской думе в 1894 г. было в составе 6 членов (гласных + кандидатов) с высшим, 9 – с окончанным средним, 5 – с неоконченным средним и 10 – с домашним образованием (Там же. Л. 109-134). В Бийской городской думе созыва 1899–1903 гг. 14 гласных имели домашнее образование, 5 – обучались в училищах и 1 имел высшее образование – врач, коллежский советник П.А. Чехов, окончивший Санкт-Петербургскую хирургическую академию (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 668. Л. 154-161). В собраниях малых городов были неграмотные лица. Например, в Мариинской городской думе созыва 1896–1900 гг. уровень образованности 20 гласных был таким: 16 имели домашнее образование, 1 – обучался в училище и 3 неграмотных (Там же. Л. 154-161). Местная газета отмечала, что в Томской городской думе созыва 1887–1891 гг. из 72 гласных – 5 имели высшее образование, 6 – среднее и 61 – ниже среднего (СВ. 1887. № 3: 1).

По документам также можно определить степень образованности высших должностных лиц органов местного самоуправления (городские головы, их заместители и члены управ). Лишь единицы городских голов имели высшее образование: Н.А. Давидович-Нащинский (Барнаул, 1877–1881, Петербургский горный институт, инженер); В.Д. Жарников (Тобольск, 1893–1901, Московская практическая академия коммерческих наук); П.В. Орнатский (Барнаул, 1903–1907, Казанский учительский институт). Тарский голова Ф.И. Щербаков обучался, но не окончил Санкт-Петербургский технический институт. В целом в руководстве преобладали люди со средним и домашним образованием (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 11-14, 16-20, 22-25, 42-45, 50-54).

Анализ возрастных данных гласных на момент избрания (переизбрания) показывает, что наиболее востребованной являлась возрастная группа от 40 до 49 лет. На определенных этапах наблюдалось «старение» личных составов дум, что напрямую было связано с критерием переизбираемости. В частности, в Мариинской городской думе в 1896 г. возраст 7 из 20 гласных превысил 60 лет. В Ялуторовском городском собрании созыва 1894–1898 гг. возраст 5 из 12 членов превысил 55 лет. В Бийске М.С. Сычев служил главой города почти до 80 лет. С другой стороны, состав первого собрания городских уполномоченных Сургута, избранных в 1896 г., по возрасту гласных оказался самым молодым: 7 из 12 членов до 39 лет (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 254-258). В крупных городах среди гласных дум можно обнаружить купеческих детей: С.И. Колокольников (Тюмень, 28 лет); Н.У. Ядрышников (Тюмень, 28 лет); К.П. Гилев (Тюмень, 29 лет); В.В. Жарников

(Тобольск, 33 года). Вероятно, голоса за них, избиратели отдавали должное их отцам за заслуги перед городом. Кстати, В. Жарников, как и отец, был избран городским головой.

Наряду с этим, можно проследить обновляемость думских составов и процент переизбираемости гласных. Согласно спискам, большинство гласных переизбиралось неоднократно, что указывает на отсутствие открытости для широких кругов населения местного представительного собрания. В некоторых городах одни и те же лица, в сущности, безальтернативно и регулярно (каждые 4 года), «проходили» в думу. Так, в Томске из 72 гласных думы созыва 1887–1891 гг. переизбрались 48 (67 %), и «новичков» было 24 (33 %) (СВ, 1887. № 3: 1). В малых городах переизбираемость была еще выше: более 85 % членов городского собрания г. Нарыма созыва 1899 г. служили в прежнем созыве 1894 г. (ТГВ, 1894. № 49: 3; 1899. № 21: 2). В Мариинской городской думе (1896) из 20 гласных переизбрались 13 (65 %) и 7 были новыми (35 %). В Бийской городской думе (1894) из 20 гласных переизбрались 12 (60 %). В думу Тюмени (1894) из 23 переизбрались 17 гласных (74 %) (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 109-132). Причем многие гласные служили обществу в течение достаточно длительного срока (25–30 лет): М.С. Сычев (Бийск) с 1876–1903 гг.; П.И. Подаруев (Тюмень) с 1872–1898 гг.; С.М. Трусов (Тобольск) с 1872–1916 гг.; В.И. Фирстов (Тюкалинск) с 1879–1892, 1907–1917 гг.; А.П. Корнаков (Томск) с 1875–1905 гг.; П.А. Коновалов (Тюмень) с 1881–1911 гг.; П.И. Макушин (Томск) с 1875–1905 гг.; В.Ф. Морозов (Барнаул) с 1881–1907 гг.

Вероисповедание подавляющего большинства гласных – православное. В частности, в Мариинской городской думе службу несли 17 (85 %) православных гласных, 1 римско-католической веры и 2 состояли в секте «субботников» (соблюдали субботу, подобно иудеям). В Ялуторовском городском собрании созыва 1894–1898 гг. из 12 членов – 10 православные и 2 старообрядцы (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 6-7, 80-84).

Интересно также установить происхождение лиц, выбранных гласными. В думах в 1870–1880-е гг. заседали гласные, родившиеся в других местах (Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Уфа и др.). В 1890-е гг., согласно спискам, в думах возросло число местных уроженцев. В Мариинской городской думе из 20 гласных 11 родились в этом городе (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 668. Л. 154-161).

Для оценки обеспеченности представителей городского общества и их имущественной дифференциации важно провести анализ состоятельности гласных. Согласно спискам, по данному критерию градация достигала огромных размеров. В местных думах заседали как самые богатые люди своего города, например, А.И. Текутьев (Тюмень, его собственность оценивалась в 73,6 тыс. руб.), А.И. Щербаков (Тара – 46,9 тыс. руб.) Д.И. Смолин (Курган – 39,5 тыс. руб.), И.М. Некрасов (Томск – 36,2 тыс.) и П.И. Макушин (Томск – 27 тыс. руб.), так и люди с минимальным «порогом» оценки собственности для избрания в думу. Большинство гласных в крупных городах имели средний достаток, владели собственностью в 1–2 тыс. руб. В Тюмени в думском составе 1894–1898 гг. такие гласные составляли 46 % (Храмцов, 2005: 22).

5. Заключение

Все характеристики социального состава гласных можно условно разбить на две группы: универсальные (общие и устойчивые) и специфичные (изменяемые). Среди первой группы – православное вероисповедание, средний возраст 40–49 лет, переизбираемость, предпринимательство как основная сфера деятельности гласных. Другая группа (происхождение, образовательный ценз, состоятельность гласных) трансформировалась под влиянием внешней среды. По думским составам можно также исследовать историю развития предпринимательства в регионе, анализировать различные процессы становления общественной жизни на местном уровне.

Динамика составов городских собраний Западной Сибири раскрывает особенности их формирования по положениям 1870 г. и 1892 г. Думы объективно комплектовались из купцов, мещан и чиновников. Первый закон вследствие «трехразрядной» системы позволял отдельным представителям других сословий (духовенства, офицерства и крестьянства) избираться в думу, второй же «отрезал» 99% горожан от возможности участвовать в общественных делах. Думские составы в крупных городах (Томск, Тобольск, Тюмень, Курган, Барнаул) формировались из предпринимателей региона. В собраниях средних и малых городов, составлявших большинство в Сибири, преобладали мещане. Причем меры по уменьшению количества как избирателей, так и гласных в городских собраниях эффективность управления городским хозяйством не повысили.

Литература

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

ГАТомО – Государственный архив Томской области.

ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области.

Городские поселения..., 1882 – Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Изд. МВД, 1882. 442 с.

Еремина, 2011 – Еремина Л.А. Органы городского самоуправления Томска в конце XIX – начале XX в. (социальный состав, структура, функции) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2011. Т. 10. № 1. С. 69–73.

Книга..., 2003 – Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / *А.П. Толочко, И.А. Коновалов, Е.Ю. Меренкова, О.В. Чудаков*. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 196 с.

Коновалов, 1997 – *Коновалов И.А.* Местное самоуправление в Омске в XVIII – начале XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1997. № 5. С. 20-26.

Лен, 2000 – *Лен К.В.* Особенности западносибирского городского самоуправления // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: АГУ, 2000. С. 147-150.

Лен, 2003 – *Лен К.В.* Основные вехи городского самоуправления Алтая второй половины XIX – начала XX в. // Местное самоуправление на Алтае. 1749–1919. Барнаул: б/и, 2003. С. 334-341.

Литягина, 1997 – *Литягина А.В.* Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири (по материалам Томской губернии) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул: АГУ, 1997. С. 183-203.

Литягина, 2015 – *Литягина А.В.* Влияние уровня грамотности гласных городских дум Западной Сибири на их управленческую деятельность // Бийские градоначальники. Книга очерков. Бийск: ИД «Бия», 2015. С. 140-153.

Нардова, 1984 – *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 256 с.

Нардова, 1994 – *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Наука, 1994. 157 с.

Ноздрин, 2004 – *Ноздрин Г.А.* Местное самоуправление Каинска и Колывани во второй половине XIX – начале XX в. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX в. Материалы научной конференции. Новосибирск, 2004. С. 99-107.

Обозрение..., 1864 – Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления / Сост. П. Муллов. СПб.: Тип. МВД, 1864. 197 с.

Положение..., 1870 – Городовое положение 16 июня 1870 г. // ПСЗ. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. СПб., 1874. Ст. 48498. С. 823-839.

Положение, 1892 – Городовое положение 11 июня 1892 г. // ПСЗ. Собр. III. Т. XII. Отд. 1-е. СПб., 1895. Ст. 8707. С. 430-456.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СВ – Сибирский вестник (Томск).

ТГВ – Томские губернские ведомости.

ТобГВ – Тобольские губернские ведомости.

Храмцов, 2005 – *Храмцов А.Б.* Формирование, численность и социальный состав гласных Тюменской городской думы последней четверти XIX – начала XX в. // *Муниципальная служба*. 2005. № 2 (30). С. 15-22.

References

GA v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [Tobolsk State Archive].

GATomO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region].

GATyumO – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of the Tyumen region].

Gorodskie poseleniya..., 1882 – *Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskikh poselenii Sibiri* [Economic condition of urban settlements in Siberia]. Spb.: Izd. MVD, 1882. 442 p. [in Russian]

Eremina, 2011 – *Eremina, L.A.* (2011). Organy gorodskogo samoupravleniya Tomska v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'nyi sostav, struktura, funktsii) [Bodies of city self-government of Tomsk in the late XIX – early XX centuries. (social composition, structure, functions)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya*. Т. 10. 1: 69-73. [in Russian]

Книга..., 2003 – *Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoi Sibiri v dorevol'yutsionnyi period: stanovlenie i razvitie* [Urban self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. *A.P. Tolochko, I.A. Kononov, E.Yu. Merenkova, O.V. Chudakov*. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 196 p. [in Russian]

Kononov, 1997 – *Kononov, I.A.* (1997). Mestnoe samoupravlenie v Omske v XVIII – nachale XX vv. [Local self-government in Omsk in the XVIII - early XX centuries]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 5: 20-26. [in Russian]

Len, 2000 – *Len, K.V.* (2000). Osobennosti zapadnosibirskogo gorodskogo samoupravleniya [Features of West Siberian city self-government]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri*. Barnaul: AGU. Pp. 147-150. [in Russian]

Len, 2003 – *Len, K.V.* (2003). Osnovnye vekhi gorodskogo samoupravleniya Altaya vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The main milestones of urban self-government of Altai in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Mestnoe samoupravlenie na Altae. 1749–1919*. Barnaul: б/и. Pp. 334-341. [in Russian]

Lityagina, 1997 – *Lityagina, A.V.* (1997). Gorodskie dumy kak predstavitel'nye organizatsii torgovo-promyshlennykh krugov dorevol'yutsionnoi Sibiri (po materialam Tomskoi gubernii) [City Duma as representative organizations of trade and industry circles of pre-revolutionary Siberia (based on materials

from the Tomsk province)]. Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri. Barnaul: AGU. Pp. 183-203. [in Russian]

[Lityagina, 2015](#) – *Lityagina, A.V.* (2015). Vliyanie urovnya gramotnosti glasnykh gorodskikh dum Zapadnoi Sibiri na ikh upravlencheskuyu deyatel'nost' [The influence of the literacy rate of vowel urban dumas in Western Siberia on their management activities]. Biiskie gradonachal'niki. Kniga ocherkov. Biisk: ID «Biya». Pp. 140-153. [in Russian]

[Nardova, 1984](#) – *Nardova, V.A.* (1984). Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh gg. XIX v. Pravitel'stvennaya politika [Urban self-government in Russia in the 60s – early 90s XIX century. Government policy]. L.: Nauka, 256 p. [in Russian]

[Nardova, 1994](#) – *Nardova, V.A.* (1994). Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Autocracy and city councils in Russia in the late XIX - early XX centuries]. SPb.: Nauka, 157 p. [in Russian]

[Nozdrin, 2004](#) – *Nozdrin, G.A.* (2004). Mestnoe samoupravlenie Kainska i Kolyvani vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Local self-government of Kaininsk and Kolyvan in the second half of the XIX – early XX centuries]. Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX–XX v. Materialy nauchnoi konferentsii. Novosibirsk. Pp. 99-107. [in Russian]

[Obozrenie..., 1864](#) – Istoricheskoe obozrenie pravitel'stvennykh mer po ustroistvu gorodskogo obshchestvennogo upravleniya [Historical overview of government measures for urban public administration]. Sost. P. Mullov. SPb.: Tip. MVD, 1864. 197 p. [in Russian]

[Polozhenie..., 1870](#) – Gorodovoe polozhenie 16 iyunya 1870 g. [City law June 16, 1870]. PSZ. Sobr. II. T. XLV. Otd. 1-e. Spb., 1874. St. 48498. P. 823-839. [in Russian].

[Polozhenie, 1892](#) – Gorodovoe polozhenie 11 iyunya 1892 g. [City law June 11, 1892]. PSZ. Sobr. III. T. XII. Otd. 1-e. Spb., 1895. St. 8707. P. 430-456. [in Russian].

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[SV](#) – Sibirskii vestnik (Tomsk) [Siberian Herald].

[TGV](#) – Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette].

[TobGV](#) – Tobol'skie gubernskie vedomosti [Tobolsk Provincial Gazette].

[Khrantsov, 2005](#) – *Khrantsov, A.B.* (2005). Formirovanie, chislennost' i sotsial'nyi sostav glasnykh Tyumenskoï gorodskoï dumy poslednei chetverti XIX – nachala XX v. [The formation, number and social composition of the vowels of the Tyumen City Council of the last quarter of the XIX – early XX centuries]. *Munitsipal'naya sluzhba*. 2(30): 15-22. [in Russian].

Динамика составов городских собраний Западной Сибири по итогам выборов в 1870–1890-е годы

Александр Борисович Храпцов ^{a, *}

^aТюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Исследована динамика составов гласных городских собраний, избранных по результатам реализации реформ 1870 г. и 1892 г. в Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии). По закону 1870 г. процесс формирования составов городских собраний определяла «трехразрядная» система выборов, которая обеспечивала преимущества «прохождения» в думу купцам, крупным домовладельцам и заводчикам, лишая широкие слои городских жителей, не имевших недвижимой собственности, возможности участвовать в общественных делах. Закон 1892 г., сокративший численность как избирателей, так и гласных в думах, к повышению эффективности последних не привел, а сделал городские собрания еще более закрытыми от основной массы населения. Рассмотрены ключевые социальные характеристики гласных как представителей местного общества: возраст, образование, происхождение, состоятельность, вероисповедание и др. В крупных городах (Томск, Тобольск, Тюмень, Курган, Барнаул) думские составы формировались из представителей торгово-промышленных кругов региона. В средних и малых городах составы гласных являлись мещанскими.

Ключевые слова: городское самоуправление, городские собрания, гласные, городские думы, городские головы, список личного состава, выборы, избиратели, Западная Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khrantsov_ab@bk.ru (А.Б. Храпцов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 821-828.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.821
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Festivals and Rites of the Chuvash in the Scientific Heritage of N.I. Ashmarin

Anton K. Salmin ^{a, *}

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

There are sort of two subjects in the article: 1) traditional festivals and rites, 2) N.I. Ashmarin's views on these ethnic identity phenomena. However, they are analyzed in the article as a single cross-cutting issue. Therefore we can say that the headlined subject has more than once brought up in different published works in connection with the study of traditional festivals and rites of the Chuvash people. However, their place in N.I. Ashmarin's works is considered for the first time. The purpose of this study is the system analysis of the aforesaid objects of the traditional ethnic culture. They are rated as ethnic identity markers. N.I. Ashmarin, though being mainly a linguist, always relied on pieces of folk traditions. In the course of work in Kazan and Cheboksary he, through his disciples, collected a vast fund of materials studied in the article. Those manuscripts are now stored in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. It is noted in the article that the most important elements of N.I. Ashmarin's heritage are the youth open festivals *Vaiya* (*Bäüä*), village-wide purificatory acts *seren* (*сѣрен*) and *hër aki* (*хѣр аку*), evil eye removal rites (mainly for children), anaemia protection rite, wedding, funeral and commemorative rites. The author hopes that the researches will draw the two aspects from the article: N.I. Ashmarin's scientific interests and the traditional festivals and rites of the Chuvash people. In the article, they are shown in the form of synthetic analysis. This is the relevance and novelty of the research. In addition, N.I. Ashmarin's works promote the ethnological understanding of daily ritualized life of the Chuvash people.

Keywords: members of the RAS, scientific portrait, N.I. Ashmarin, scientific heritage, traditions, holidays, rites, Chuvash.

1. Введение

Николай Иванович Ашмарин (1870–1933 гг.) – член-корреспондент АН СССР/РАН, языковед, доктор тюркологии. Высшее образование получил в Лазаревском институте. Работал в Казани, Чебоксарах, Симбирске и Баку. Хотя и сотрудничал с В.В. Радловым, но не воспринимал его идеи о поэтапной тюркизации чувашей.

Известен своим 17-томным словарем чувашского языка. Среди основных монографий – «Болгары и чувашаи», «Материалы для исследования чувашского языка», «О морфологических категориях подражания в чувашском языке» и «Опыт исследования чувашского синтаксиса». Особую ценность представляет фонд Н.И. Ашмарина, хранящийся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. В данной статье ставится цель проанализировать рукописное и опубликованное научное наследие Н.И. Ашмарина о традиционных праздниках и обрядах чувашского народа.

Тема рассматривается впервые.

* Corresponding author

E-mail addresses: antsalmin@mail.ru (A.K. Salmin)

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили труды самого Н.И. Ашмарина, работы исследователей XVIII–XX вв., а также новые публикации по теме. Автором изучены архивные фонды и публикации, касающиеся этой проблемы. Совершен ряд специальных экспедиций в чувашские населенные пункты Чувашской Республики, Ульяновской, Саратовской, Самарской и Оренбургской областей.

В данном исследовании использованы современные методы и теоретические принципы этнографии. Статья опирается на принцип историзма. В публикации анализируются традиционные праздники и обряды чувашского народа, отражающие его этническую идентичность.

3. Обсуждение

Личность и научное наследие члена-корреспондента РАН Николая Ивановича Ашмарина находится в постоянном фокусе исследователей истории, этнографии и языка чувашского народа. О нем и его трудах имеется длинный ряд публикаций, архивных разысканий, проводятся ежегодные конференции. Например, в добротной статье Н.С. Волковича изучается трансформация родственных связей в чувашской семье. А книга М.Я. Сироткина посвящена устно-поэтическому творчеству чувашского народа. Из новых исследований еще следует назвать коллективную монографию Э.Е. Лебедева, В.Г. Родионова, И.П. Семенов и Е.В. Касимова «Н.И. Ашмарин – корифей чувашской филологии» (Чебоксары, 2020). Однако нет специального исследования о традиционных праздниках и обрядах, отраженных в статьях и книгах Н.И. Ашмарина.

4. Результаты

Молодежные гуляния Вайй. Вайй – молодежный праздник хоровод. Этому общесельскому и межсельскому гулянию Н.И. Ашмарин в своих работах уделяет особое внимание. Радостное событие приурочивается к свободному от полевых работ времени. Как правило, это период от сева до паровой пашни. В обрядовом календаре приходится на время от весеннего родового праздника *мункуна* до летнего родового праздника *шимёк*. Традиционно молодежь выходит на Вайй только по пятницам. Если ориентироваться на современный календарь, то это, в основном, май месяц (Ашмарин, 1929а: 172; Поле, 90: 175).

Сначала участники собирались на перекрестке. Затем объединялись по своим улицам и водили хороводы. Пожилые в это время рассаживались у ворот и любовались детьми. Потом уличные хороводы, как реки, стекались на главную улицу. Начинался общесельский хоровод. В некоторых селениях, например в Цивильском уезде, на этом хороводы и завершались. Потом общесельские хороводы (особенно в районах, относящихся к *хирти* – «полевым») объединялись в межсельские на большой лужайке (Ашмарин, 1929а: 173; 1930: 292).

Н.И. Ашмарин также приводит образцы текстов хороводных песен:

*Вун икё ййран ешёл сухан, –
Ан касарсем, ыт самрайк.
Каччи ватй, хёрё самрайк, –
Ан илёрсем, ыт самрайк.
Тавра ялсен кўллинче
Сакяр майшяр шапи пур,
Хамяр ялсен кўллинче
Тэхяр майшяр сяртттан пур.
Тавра ялсен ваййинче
Сакяр майшяр урса пур,
Хамяр ялсен ваййинче
Тэхяр майшяр тантайш пур.*

«Не срезывайте лука, растущего на двенадцати грядках: он очень молод. Жених стар, а невеста – молодая, не берите ее, уж очень молода. В озерах соседних деревень восемь пар лягушек, а в озере нашей деревни – девять пар щук. В хороводах окрестных деревень восемь пар вдовцов, а в нашем деревенском хороводе – девять пар (молодых) сверстников» (Ашмарин, 1900: 66).

*Пире ырй сын хёр памё (2):
Тухайс-халё сырмана,
Эпир савантан вярлэйр (2).*

«Добрые люди не выдадут за нас своих дочерей; погоди, вот они пойдут по ягоды, мы их там и украдем» (Ашмарин, 1900: 70).

*Шур-шур акка, шур акка,
Чурече виттёр пях, акка!
Бтах пёвү ситмесен,*

Арча лартса пӑх, акка!
 Ытах чуңу савассӑн,
 Тутӑр ярса пӑх, акка! (Ашмарин, 1900: 72).

«Белая сестрица, белая сестрица! Посмотри, сестрица, сквозь окошко. Если ты не достанешь до окошка, то подставь под ноги сундук и посмотри. Если ты действительно любишь, то попробуй послать платок» (Ашмарин, 1900: 73).

Очистительный обряд сёрен. Сёрен – общесельский обряд с целью очищения деревни. Как утверждают источники, сёрен по времени проведения имеет тесную связь с праздником *мункун*, который приходится на весеннее равноденствие. Некоторые информанты полагают, что он проводится накануне *мункуна*, а по возвращении с сёрен утром наступает *мункун*. Другие говорят о наступлении сёрен в неделю *мункун*, а иные – после проведения *мункуна*. Как видим, во всех случаях *мункун* считается ориентиром для проведения обряда сёрен. Имеются факты проведения сёрена во время летнего родового праздника *симёк*, что опять говорит в пользу сакральной основы мероприятия. Иные деревни включали сёрен в состав общесельского моления – *Учук*. Обряд инициирования дождя может проводиться в дни сёрена. Если ориентироваться на современные названия месяцев, то диапазон сёрен – это апрель – июнь. Поэтому следует говорить и о вариациях времени проведения, ибо каждая деревня могла проводить сёрен в разные годы в разное время (Ашмарин, 1930: 241; Поле, 90: 204).

В сёрен использовали музыкальные инструменты, среди которых основное место по сакральности занимала трещотка. Исследователи чувашского материала сам ритуал называют сёрен, а трещотку *сатӑрка*, *сатӑрма*, *шатӑрма* – все они представляют собой слова-подражания. Однако некоторые источники к трещотке применяют термин сёрен, т.е. используют то же слово, что и при обозначении самого обряда. Именно так называл его учащийся Казанской церковно-учительской школы Алексей Васильев (1910 г., родом из низовых чувашей). Название трещотки как сёрен зафиксировано и в словаре Н.И. Ашмарина: сёрене *шатӑртаттараçсӗ* «трещат (инструментом) сёрен»; «сёрен убирается для использования в следующий раз»; «сёрен будто бы трещотка, которая трещит “чар-чар”». Поэтому можно полагать, что трещотка у чувашей называлась сёрен, от которого и название обряда в целом. Марийцы во время аналогичного обряда *сӱрем* играли на трубе, называемой *сӱремпуç*. В словаре Н.И. Ашмарина слово сёрен означает и инструмент, похожий на волынку. У татар термином *сорэн* называют как весь обряд, так и носимый по улице шест, на который цепляли подарки в виде полотенец, отрезков тканей, платков и т.д. (Ашмарин, 1936а: 317; Уразманова, 1983: 12). Взаимосвязь названных трех фактов предстоит объяснить. Но несомненно: трещотка так же древний музыкальный инструмент, как и обряд, носящий такое название. В обряде сёрен использовали свежие рябиновые, шиповниковые и черемуховые прутья. Их заготавливали заранее. Принесенные из леса прутья запаривали в навозной куче для придания прочности. Во время шествия по деревне дети носили их по несколько прутьев (Ашмарин, 1936а: 316). Эти прутья символизировали весну, плодородие и пробуждение. К тому же чувашское название прутяка *хӳва*, русское *ива*, хеттское *eia* восходят к названию «древо жизни» (Топоров, 1987: 396). Функция и этимология этих предметов и слов одинаковы. В этот же ряд можно включить чувашское *хӳвала* – «гнать».

При подходе к дому сборщик подходил к окну и пел частушку:

Полтора фунта табаку,
 Полтора ведра кумышки.
 Полтора сырка,
 Полтора яйца (Ашмарин, 1930: 241).

Молением руководил глава семьи. Молились, обратившись в сторону двери, просили у божества *Турӑ* силы, а также хлеба-соли. В адрес божества высказывали пожелание, чтобы из одного зерна выросла тысяча. После коленопреклонения садились за стол для совершения совместной трапезы. Затем в доме становилось шумно от плясок и частушек. Музыканты играли на своих музыкальных инструментах полуречитативную мелодию. Татары на своем *сорэне* гостинцы не вручали, пока участники не спляшут или не споют. М.Я. Сироткин указал цель таких частушек: «В этих возгласах-заклятиях заключалась не только магия, сколько реальное желание иметь крепкое здоровье как необходимое условие для успешного проведения предстоящих весенних полевых работ» (Сироткин, 1965: 13).

Участникам обрядового обхода давали небольшой хлеб, вареные яйца, а также малинки *йӳвача*, масло, молоко, крупу, смотря по состоятельности. В доме угощали медовым пивом (Ашмарин, 1930: 240; Поле, 94: 253).

Хозяева выходили провожать обходчиков. Во дворе снимали верхнюю одежду и трясли ее, чтобы избавиться от всего плохого (Ашмарин, 1930: 240).

Девичья опашка – это обряд ограждения деревни от мора, холеры и других массовых бедствий путем проведения борозды по периметру. Термин получен путем буквального перевода чувашского обряда *хӳр аки*.

Участвующие в опашке стариной сохой вокруг деревни девушки выходили за околицу, распустив косы, в одних белых вышитых платьях, без обуви. Согласно В.К. Магницкому, девушки были совсем голые (Магницкий, 1881: 136). Наши информанты это отрицают, хотя и допускают, что такое могло быть в прошлом (Поле, 90: 205). В Словаре Н.И. Ашмарина в отношении появления девушек в поле используется слово *амаран*. Корнем слова является *ама* (Ашмарин, 1928: 189; 1937b: 43), что буквально значит «самка», и дает основание говорить об одежде «в чем мать родила». Аналогичный славянский обряд также содержит участие «голых баб». По крайней мере тексты говорят о наготе центральной девушки в упряжке. Притом девушка, находящаяся между оглоблями, должна быть единственной в семье (без братьев и сестер). На нее надевали хомут. Ей помогали другие девушки, тянущие соху за прикрепленные веревки. Они также были или совсем голые, или в одной нижней рубахе. Нагота символизировала начало сотворения мира, поэтому способствовала возврату от хаоса (= массового падежа) к правремени без пороков.

Конечно, в термине «опашка» (как и в любом обрядовом действии) больше символического, чем рационального. Девушкам достаточно было не пропахать, а лишь «процарапать» землю, оставляя зримый след. Тем не менее некоторые источники называют и конкретную глубину борозды – в толщину пальца. Обойдя таким образом всю деревню вокруг, в завершении делали крестообразный надрез. Естественно, в данном случае крест никак нельзя принять за факт влияния православия. Крест в чувашских верованиях традиционен: нанесенный пальцем крест на хлебе перед поставкой в печь, крестообразное движение канатами при добывании нового огня, вешение крестика из рябинового прутика на шею телят и т.д. Таким образом чуваша рисовали солнце, символизирующее тепло, жизнь и новые надежды.

Обход с сохой вокруг поселения совершали три раза.

Имеется вариант названия данного обряда – «железная ограда». Термин связан с железным лемехом сохи, которая и бороздит периметр деревни. Кроме того, в борозду втыкали иголки для отпугивания нежелательных злых духов. Так образовывался магический круг, охраняющий жителей деревни. Отсюда и третье название обряда – «изгнание холеры» (Ашмарин, 1937b: 43; Поле, 90: 205).

Обряд снятия сглаза, иначе – обряды с целью снятия порчи. От завистливого человека может перейти его отрицательное воздействие дурного (злого) глаза на маленького ребенка, ягненка, пчелу, дерево или растущий хлеб. Пристальный, «колючий взгляд представляет собой огромную разрушительную силу» (Месарош, 2000: 260). Люди, способные сглазить, обладают черными-пречерными глазами. Многие верили и верят в дурной глаз. Сглазу особенно подвержены маленькие дети. В экспедициях запись текстов об этом представляет определенные трудности в силу веры людей в эту магию. О том, насколько серьезным является сглаз, говорит наличие у чувашей специального божества *Куш турёш*, т.е. (если буквально) «Божество глаза» (Ашмарин, 1934a: 34).

За установлением причины сглаза обращаются к знахарю. Одним из эффективных средств от недуга считается окуривание. Как объяснила в Саратовской области автору этих строк практикующая знахарка с многолетним стажем, ребенка сажают под матицу на стыке половиц (Поле, 88: 41). Для окуривания в основном используют трутовик. Зажигают этот гриб горячим углем. Некоторые знахарки на трутовик кладут паутину. Для окуривания иногда создается дым от зажженной гнилой веревки или сухого кала собаки. Иначе говоря, сжигают все то, что дурно пахнет, что говорит о принципе «дурь дурью». Считается нужным направить дым на болеющего младенца, поэтому мать тлеющий гриб держит под рубашкой, чтобы дым шел в рот и нос. Ребенок почти задыхается дымом, исходящим от гриба (Ашмарин, 1941: 101; Месарош, 2000: 261-262), т.е. происходит инициация и «перерождение».

Во время обрядовых действий озвучивается текст-заклинание: «Через 77 морей, через 77 Волг придет старуха Аша патман и будет окуривать. Не я окуриваю, она окуривает. Испорченный глаз, косою глаз, завистливый глаз, тяжелый глаз, татарский глаз, чувашский глаз – пусть все выйдут». Бывают и такие концовки: «На грибе дым не удержится, на Иване сглаз не удержится», «Выйди, сглаз!» (Ашмарин, 1934a: 34).

Обряд от худосочия. Другое название – обряд устранения недуга от ребенка, исходящего от духа *Ниш*. Слово *ниш* буквально означает «худосочие, слабость, бессилие». Отсюда распространенное название и самого обряда – *нишлени*. У русских аналогичный обряд называется «от худосочия». Как правило, речь идет о детском худосочии. В народе его называют «собачьей старостью». Полагают, что дух *Ниш* произошел от незаконнорожденного ребенка, убитого матерью. Больше всего страдают этим дети 2–3 лет. Худосочие в целом – это общее истощение организма. Само слово *ниш* персидского происхождения и означает «острие, жало, резец» (Ашмарин, 1935a: 29; Федотов, 1996: 374).

Болезнь ребенка узнают по тонкой шее. Такой ребенок непрестанно плачет. Он не может есть и пить. Иные, наоборот, постоянно едят, однако не поправляются. Еда не идет впрок. У ребенка кожа покрывается щетинкой (Ашмарин, 1935a: 31; Поле, 90: 153, 216).

Ритуал изгнания духа *Ниш* проводят знахарки. Обычно их бывает очень мало. К примеру, в 20-х гг. XX в. в с. Устье (Аликовский район) приглашали жену *Хветенке* (Ашмарин, 1935a: 31-32; Поле, 89: 115). Как правило, заболевшего проводят сквозь или под объекты или предметы: протаскивают между двумя крупными ветками дерева, заходят с ним под шест с курами, передают его

в окно, под стулом, проводят сквозь хомут, затем закрывают в подпол. И каждый раз угрожают духу *Ниш*, чтобы он покинул похудевшего ребенка (Ашмарин, 1935а: 31; Поле, 88: 70).

Имитируют, что ребенка хлещут рябиновым прутиком, кладут на мялку, «толкуют» в ступе. Еще один традиционный прием – «спекание» в печке. Обмазав тестом, младенца кладут на деревянную лопату и делают вид, что ставят в печь. При этом говорят: «Ниш пеку, Ниш изгоняю. Ниш, выходи!» (Ашмарин, 1935а: 31-32).

Свадебная обрядность. Молодежь знакомилась в повседневной жизни. Однако наиболее интимные сближения происходили на посиделках – *улах*. Но речь не идет о нежелательных последствиях. Молодежь традиционного общества помнила, что в силу экзогамного правила пару надо искать не в своей деревне. Поэтому на *улах* пели:

Деревенские милые парни нам не предписаны,
С ними можно только *улах* проводить (Ашмарин, 1929а: 210).

Для свадьбы чувашаи традиционно выбирали время после сева, но до наступления страды, точнее – до сенокоса. Здесь основным критерием служит необходимость иметь дома рабочие руки. Поэтому отцы не торопились выдать своих повзрослевших дочерей замуж. А отцы парней, наоборот, стремились занять дома для своего только что подросткового сына жену, лучше – повзрослее, чтобы с полевыми работами справиться было легче.

Н.И. Ашмарин приводил подтверждающую эту мысль свадебную частушку:

Глупость нашего отца (видна из того),
Что он выдает дочь перед полевыми работами (Ашмарин, 1929: 141).

Наилучшим временем для свадеб у чувашей считается летний родовой праздник *симёк*. В Словаре Н.И. Ашмарина этот день назван Днем любви. Не зря это время в чувашском календаре называется *хёр уйăх* – «девичий месяц». Земля вспахана и засеяна, хлеб начинает расти и набирать силу, а до уборки еще есть время. Чувашаи говорят, что в этот период земля находится в состоянии беременности.

Непосредственные действия начинаются со стовора и сватовства. В дом родителей невесты приглашают близких пожилых родственников. Здесь же присутствуют родители жениха. Рассаживаются традиционно: в красном углу – старики, на скамейке со стороны двери – мужчины, со стороны печного угла – женщины. Основная цель – окончательно договориться, отдадут ли родители девушку за такого-то парня. Еще непременно должны обговорить размер и вид калыма.

Согласно материалам Н.И. Ашмарина и Дьюлы Месарош, на 1910 г. задаток составлял от 5 до 10 рублей. Отцы закрепляли договор рукопожатием. Подавали руки, завернув ладони подолом шубы. Внесение задатка означало завершение сватовства. Далее обсуждали детали: что приготовить на свадьбу, в какой день лучше. В знак согласия в доме родителей невесты сторона жениха оставляла нагайку. Нарушить договоренность – значит нанести стороне непоправимую обиду (Ашмарин, 1937: 265-266; Месарош, 2000: 328).

Угощения к свадьбе начинают готовить заранее. Особенно – пиво. Также на столе должны быть мед, сильно помасленная каша, сыры и, конечно, хлеб, белый и черный. Пекут много малинки *йăвача*, намекая на желание иметь много детей. Для варки супа приглашают подруг невесты.

У верховых (нагорных) чувашей свадьба состоит из двух частей. Называются они девичья и мужская свадьбы (соответственно *хёр туйё* и *арсын туйё*). Женскую свадьбу (проводимую с участием только родни девушки) еще называют *шилёк*, а мужскую – просто *туй* – «свадьба». *Шилёк* изначально бытовал только у чувашей, живущих в контактных с марицами районах (Ашмарин, 1928: 308; Поле, 89: 98, 116). Само слово *шилёк* означает навес в форме буквы «П» во дворе, под которым и происходят основные действия.

Невеста должна приготовить специальные подарки для жениха и его родни. Вручала она их после снятия покрывала. В число подарков входили вышитые ею рубашки, платки, полотенца (Ашмарин, 1935а: 112).

Свадебный обряд чувашей хранит каноны, заведенные еще дедами. Священники до революции выражали свое непонимание и называли прихожан бестолковыми, так как на все вопросы, почему же они эти обряды так усердно выполняют, те дружно отвечали: «А ведь наши деды так делали». Такой ответ естественен, а не бестолков. Например, старший дружка, входя в дом свата, в первую очередь спрашивал: «*Кив йăласене пăрахмастър-и? Сённисене шутласа кăлармастър-и?*» – «Не забываете ли наши старые обычаи? Не выдумываете ли новые?» (Ашмарин, 1928: 39).

Жениха одевали и наряжали непременно в клетю. Заходит он туда в одной рубашке. В клетю на время свадьбы устанавливают стол, накрывают его едой (Ашмарин, 1934а: 319; Месарош, 2000: 335). Входя в дом тестя, жених снимал шапку и делал вид, что вот-вот ее покатит по полу в направлении переднего угла. И так махал несколько раз (Ашмарин, 1936а: 27).

На свадьбе за стол садятся поочередно. Сначала старики. Затем – родственники жениха. Потом – невестина сторона. Притом мужчины размещаются со стороны двери, а женщины – со стороны печного угла (зашторенной части). Независимо от того, на солнечной стороне улицы дом или нет, обычно получается, что мужчины оказываются на восточной, а женщины – на западной стороне.

Вначале происходит ритуал «обливание супом». Для этого молодых ставят у печи лицом к центру. Каждый участник старается черпать из чашки ложку супа и брызнуть на новых членов рода. Иные стараются покормить молодых из одной ложки. Этим выражается пожелание жить совместно. Отсюда и поговорки: «жена должна плевать с мужем из одного рта», «муж и жена должны плевать из одного рта» (Ашмарин, 1928: 305).

В конце совместной еды на стол подается каша с масляной лункой посередине. Это – знак: поев каши, гости должны разойтись. Если после этого участниками свадьбы не уходят, то их стыдят: «Эти гости не знают чести, они и после каши не уходят» (Миллер, 1791: 71; Ашмарин, 1937: 265).

Мы вкратце ознакомились с некоторыми фрагментами традиционной чувашской свадьбы, используя материалы рукописей и публикаций Н.И. Ашмарина. Конечно, в реалии свадьба – явление не застывшее. Она трансформировалась во времени. Имела и имеет локальные особенности. К сожалению, многие эпизоды в современных свадьбах или опускаются, или просто игнорируются. «Причиной трансформации института брака является девальвация влияния рода. В прошлом род формировал уклад жизни. Потеря им экономической и социальной силы вызвала утрату народной традиции в целом, что отчетливо видно на примере свадьбы» (Волкович, 2018: 684).

Похоронно-поминальные обряды. Смерть члена семьи или родственника, сбор его в иной мир, похороны и поминки – все эти события обставляются обрядовыми действиями. При отделении души родственники сворачивают голову домашней птице и выбрасывают вон. Это – своего рода откуп злым духам, которые явились за душой новопреставленного. Откуп нужен для того, чтобы духи удовлетворились и не забрали из дома еще одну душу. Птица в понимании чувашей олицетворяет душу. А Млечный путь (*Хур каййак сүлĕ* – букв. «Дорога диких гусей») – это путь, по которому души умерших отправляются в иной мир. И в сказках богатырь в поисках унесенных в иной мир персонажей следует по этому пути. Такие объяснения зафиксированы в Словаре Ашмарина (Ашмарин, 1934: 16). Вместо птицы можно выкинуть во двор сырое яйцо. Яйцо символизирует курицу, которая в первое время и водит новую душу на том свете (Ашмарин, 1937а: 22).

Погребальную одежду старики и тяжелобольные готовят сами же заранее. Некрещеные (живущие по дедовским традициям) и сейчас поступают так, а крещеные чувашки – уже только частично. Обязательная принадлежность как для мужчин, так и для женщин – пиджак. Шьют обязательно руками, а не на машинке. Швы накладываются на большем, чем обычно, расстоянии от края ткани. Швы длинные, иглоку ведут не к себе, а от себя. Узелки не делаются. Если по какой-либо причине к смерти человека пиджак не готов, его спешно шьют женщины (Ашмарин, 1930: 229; Салмин: 12, 198).

При следовании на кладбище на телегу или сани (а в старину и летом везли на санях), кроме гроба с телом, погружают все, что следует выбросить по пути (щепки и стружки от гроба и деревянного антропоморфного столба *юпа*, посуду от поминальной еды, мочалку, которой мыли, оставшуюся от умершего одежду). Сюда же входит луб, на котором обмывали. Такое место у деревни бывает одно, обычно у оврага по пути на кладбище, у каждого имеется свое название, например в д. Старое Афонькино Самарской области – *Хупраххан* (от *хуп пĕрахакан* «(место, куда) бросают луб») (Поле, 90), Турпас сьрми «Овраг для щепок» – у д. Тренькасы Чебоксарского района, сухой овраг Чанака у д. Старое Дуваново Ульяновской области (Ашмарин, 1941: 142).

5. Заключение

Как показало наше исследование, в научном наследии Н.И. Ашмарина особенно выделяются такие традиционные праздники и обряды чувашей, как молодежные гуляния *Вăйă*, очистительный обряд *сĕрен*, обряд снятия сглаза, обряд от худосочия, свадебная обрядность и похоронно-поминальные обряды. Источники по этим темам хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также в публикациях самого Николая Ивановича. Это, в первую очередь, – «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» и «Словарь чувашского языка». Действия молодежи на *Вăйă* имеют цель усилить плодородие в самом широком смысле. В *сĕрен* стараются избавиться от всего дурного, а также от массовых болезней. Обряды от сглаза рассчитаны на снятие порчи. А от худосочия избавляются путем угроз и окуриваний. Свадьба рассчитана на приумножение семейно-родственных ценностей. На похоронно-поминальных обрядах желают сохранить с новопреставленным добрые отношения.

6. Благодарности

Исследование выполнено по плану НИР Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

The study was performed under the R&D plan of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences “Factors of ethnocultural identity”.

Литература

- Ашмарин, 1900** – *Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900. 91 с.
- Ашмарин, 1928–1941** – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. I. Казань, 1928. 335 с.; Вып. II. Казань, 1929. 240 с.: 13 рис., IV с.; Вып. III. Чебоксары, 1929а. 364 с.; Вып. V. Чебоксары, 1930. 420 с.; Вып. VI. Чебоксары, 1934. 320 с.; Вып. VII. Чебоксары, 1934а. 336 с.; Вып. IX. Чебоксары, 1935а. 320 с.; Вып. XI. Чебоксары, 1936а. 343 с.; Вып. XII. Чебоксары, 1937. 320 с.; Вып. XIII. Чебоксары, 1937а. 320 с.; Вып. XIV. Чебоксары, 1937б. 336 с.; Вып. XV. Чебоксары, 1941. 292 с.
- Волкович, 2018** – *Волкович Н.С.* Трансформация родственных связей в чувашской семье // *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2018. Т. 160. Кн. 3. С. 767-687.
- Магнитский, 1881** – *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губ. Казань, 1881. V, 266 с.
- Месарош, 2000** – *Месарош Дюла.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. 360 с.
- Миллер, 1791** – *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. VIII, 99, II с.: 8 л. ил.
- Поле, 88** – Экспедиция Салмина А.К. в 1988 г. в Базарно-Карабулакский район Саратовской области. Магнитофонные записи, фотографии, рукописи записи от руки. 54 л.
- Поле, 89** – Экспедиция Салмина А.К. в 1989 г. в Бузулукский, Грачевский, Державинский и Курманаевский районы Оренбургской области. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 55-133.
- Поле, 90** – Экспедиция Салмина А.К. в 1990 г. в Шенталинский район Куйбышевской области. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 134-240.
- Поле, 94** – Экспедиция Салмина А.К. в 1994 г. в Цильнинский район Ульяновской области. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 241-276.
- Салмин** – *Салмин А.К.* Полевые записи и собрания автора в 1967–2004 гг. 208 с. + коллекция фотографий.
- Сироткин, 1965** – *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор: Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965. 132 с.
- Топоров, 1987** – *Топоров В.Н.* Древо жизни // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. Т. 1. М., 1987. С. 396-398.
- Уразманова, 1983** – *Уразманова Р.К.* Традиционные общественные праздники и свадебные обряды // *Пермские татары*. Казань, 1983. С. 118-136.
- Федотов, 1996** – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. I. Чебоксары, 1996. 472 с.

References

- Ashmarin, 1900** – *Ashmarin, N.I.* (1900). Sbornik chuvashskikh pesen, zapisannykh v guberniyakh Kazanskoj, Simbirskoi i Ufimskoi [Collection of Chuvash songs recorded in the Kazan, Simbirsk, and Ufa governorates]. Kazan'. 91 p. [in Russian]
- Ashmarin, 1928–1941** – *Ashmarin, N.I.* (1928-1941). Slovar' chuvashskogo yazyka [Dictionary of the Chuvash language]. Vyp. I. Kazan', 1928. 335 p.; Vyp. II. Kazan', 1929. 240 p.: 13 ris., IV p.; Vyp. III. Cheboksary, 1929a. 364 p.; Vyp. V. Cheboksary, 1930. 420 p.; Vyp. VI. Cheboksary, 1934. 320 p.; Vyp. VII. Cheboksary, 1934a. 336 p.; Vyp. IX. Cheboksary, 1935a. 320 p.; Vyp. XI. Cheboksary, 1936a. 343 p.; Vyp. XII. Cheboksary, 1937. 320 p.; Vyp. XIII. Cheboksary, 1937a. 320 p.; Vyp. XIV. Cheboksary, 1937b. 336 p.; Vyp. XV. Cheboksary, 1941. 292 p. [in Chuvash]
- Fedotov, 1996** – *Fedotov, M.R.* (1996). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka [Etymology dictionary of the Chuvash language]. T. I. Cheboksary. 472 p. [in Russian]
- Magnitskii, 1881** – *Magnitskii, V.K.* (1881). Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very: Sobrany v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoj gub [Materials for explanation of the old Chuvash faith: Collected in certain areas of the Kazan Governorate]. Kazan'. V, 266 p. [in Russian]
- Mesarosh, 2000** – *Mesarosh Dyula.* (2000). Pamyatniki staroi chuvashskoi very [Memorials of the old Chuvash faith]. Cheboksary. 360 p. [in Russian]
- Miller, 1791** – *Miller, G.F.* (1791). Opisaniye zhyvushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov [Description of the nations living in the Kazan governorate such as Cheremis, Chuvash, and Votyaks]. SPb. VIII, 99, II p.: 8 l. il. [in Russian]
- Pole, 88** – Ekspeditsiya Salmina A.K. v 1988 g. v Bazarno-Karabulakskii raion Saratovskoi oblasti. Magnitofonnyye zapisi, fotografii, zapisi ot ruki [The expedition of Salmin A.K. to the Bazarny-Karabulaksky district of the Saratov Region in 1988. Audio-taped records, photos, handwritten records]. 54 l. [in Chuvash]
- Pole, 89** – Ekspeditsiya Salmina A.K. v 1989 g. v Buzulukskii, Grachevskii, Derzhavinskii i Kurmanayevskii raiony Orenburgskoi oblasti. Magnitofonnyye zapisi, fotografii, zapisi ot ruki [The expedition of Salmin A.K. to the Buzuluksky, Grachevsky, Derzhavinsky, and Kurmanayevsky districts of the Orenburg Region in 1989. Audio-taped records, photos, handwritten records]. L. 55-133. [in Chuvash]
- Pole, 90** – Ekspeditsiya Salmina A.K. v 1990 g. v Shentalinskii raion Kuibyshevskoi oblasti.

- Magnitofonnyye zapisi, fotografii, zapisi ot ruki [The expedition of Salmin A.K. to the Shentalinsky district of the Kuybyshev region in 1990. Audio-taped records, photos, handwritten records]. L. 134-240. [in Chuvash]
- Pole, 94** – Ekspeditsiya Salmina A.K. v 1994 g. v Tsil'ninskii raion Ul'yanovskoi oblasti. Magnitofonnyye zapisi, fotografii, zapisi ot ruki [The expedition of Salmin A.K. in 1994 in the Tsilninsky district of the Ulyanovsk region. Tape recordings, photographs, handwritten recordings]. L. 241-276. [in Chuvash]
- Salmin** – *Salmin, A.K.* Polevyye zapisi i sobraniya avtora v 1967–2004 gg. [The author's field records and collections in 1967–2004]. 208 p. + kolleksiya fotografii. [in Russian]
- Sirotkin, 1965** – *Sirotkin, M.Ya.* (1965). Chuvashskii fol'klor: Oчерk ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva [Chuvash folklore: Outline of verbal poetic folk art]. Cheboksary. 132 p. [in Russian]
- Toporov, 1987** – *Toporov, V.N.* (1987). Drevo zhyzni [Tree of Life]. Mify narodov mira: Entsiklopediya. T. 1. M. Pp. 396-398. [in Russian]
- Urazmanova, 1983** – *Urazmanova, R.K.* (1983). Traditsionnyye obshchestvennyye prazdniki i svadebnyye obryady [Traditional public festivals and wedding rites]. *Permskiye tatarsy*. Kazan'. Pp. 118-136. [in Russian]
- Volkovich, 2018** – *Volkovich, N.S.* (2018). Transformatsiya rodstvennykh svyazei v chuvashskoi sem'ye [Transformation of kinship relations in a Chuvash family]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauki*. T. 160, kn. 3. Pp. 767-687. [in Russian]

Праздники и обряды чувашей в научном наследии Н.И. Ашмарина

Антон Кириллович Салмин ^{а, *}

^аМузей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются два вопроса – традиционные праздники и обряды и взгляды Н.И. Ашмарина на эти явления этнической идентичности, однако в статье они анализируются как одна сквозная тема. Поэтому можем сказать, что вынесенная в заголовок тема поднималась не раз в разных публикациях в связи с изучением традиционных праздников и обрядов чувашского народа. Однако непосредственно их место в трудах Н.И. Ашмарина рассматривается впервые. Целью настоящего исследования является системный анализ названных объектов традиционной этнической культуры. Они же оцениваются как маркеры этнической идентичности. Н.И. Ашмарин, хотя в основном и языковед, но всегда опирался на образцы народных традиций. За время работы в Казани и Чебоксарах им через своих учеников собран огромный массив изучаемого в статье материала. Эти рукописи хранятся теперь в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. В статье отмечается, что наибольшее место в научном наследии Н.И. Ашмарина занимают молодежные гуляния *Вайй*, общесельские очистительные обряды *сёрен* и *хёр аки*, обряд снятия сглаза (преимущественно у детей), обряд от худосочия, а также свадебная и похоронно-поминальные обрядности. Автор надеется, что из публикуемой статьи исследователи почерпнут два аспекта – о научных интересах Н.И. Ашмарина и о традиционных праздниках и обрядах чувашского народа. В работе они подаются в виде синтетического анализа. В этом и актуальность, и новизна исследования. Кроме того, труды Н.И. Ашмарина способствуют этнологическому пониманию повседневной ритуализированной жизни чувашского народа.

Ключевые слова: члены РАН, научный портрет, Н.И. Ашмарин, научное наследие, традиции, праздники, обряды, чувашаи.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: antsalmin@mail.ru (А.К. Салмин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 829-839.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.829
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ambulance Trains – the Main Means of Evacuation for the Wounded in the Military Campaigns of the Russian Empire in 1877–1917

Ivan M. Chizh ^a, Maria S. Sergeeva ^{a,*}, Margarita B. Shmatova ^a, Alexandra A. Tokar ^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The process of adapting carriages to the evacuation of the wounded soldiers began in the 1860s, in 1873 the first international standards for the arrangement and equipment of ambulance trains were developed. The first domestic experience of mass evacuation of casualties by railway was obtained during the Russo-Turkish War (1877–1878). During the Russo-Japanese (1904–1905) and World War I (1914–1918) wars, the railways were the priority path for medical and sanitary evacuation. The article examines the process of the formation and development of sanitary railway transport in Russia from the moment of its first use until the last military conflict in the history of the Russian Empire. Permanent and temporary ambulance trains of the Military Department and the ones belonging to public organizations and individuals took part in the evacuation of the sick and wounded. Their main distinction was the different quality and quantity of medical equipment, medical care and service personnel. The Russo-Japanese War was the first test for the railway system of casualty evacuation. The lack of equipped trains was compensated for by the addition of unequipped carriages to them and the creation of a constant frame of carriages to adapt cargo trains to the transportation of the wounded. During the First World War, a lot of problems in the management of ambulance railway transport were solved. However, a number of technical issues of adapting trains to medical needs remained unresolved, in particular, loading/unloading of bedridden patients, providing medical assistance along the movement of the train and disinfection of carriages.

Keywords: casualty evacuation, ambulance train, Russian Red Cross Society, Russian-Turkish War, Russian-Japanese War, World War I.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. на фоне многочисленных кровопролитных войн по всему миру одной из важнейших задач медицинских служб воюющих государств стала своевременная эвакуация пострадавших с поля боя и обеспечение их необходимой медицинской помощью. Ключевую роль в этом играла организация правильной медицинской сортировки и транспортировки раненых и больных в лечебные учреждения. В 1862 г. были созданы первые проекты специальных санитарных вагонов (Карпенко, 2010). Во время Франко-Прусской войны (1870–1871) осуществили первую массовую перевозку раненых по железным дорогам (Пирогов, 1879: 199). В 1873 г. на Всемирной промышленной выставке в Вене были сформулированы первые международные стандарты организации санитарных поездов (Sergeeva, Panova, 2021). Они должны были представлять собой «подвижную больницу» на 200 пациентов. В больничном вагоне в два яруса должно размещаться не больше 10 пациентов; крепление носилок и кроватей должно избавлять раненых от «ударов и толчков»; для погрузки/разгрузки вагоны должны иметь широкие двери, балконы и лестницы;

* Corresponding author

E-mail addresses: sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (M.S. Sergeeva),
chizh_i_m@staff.sechenov.ru (I.M. Chizh), shmatova_m_b@staff.sechenov.ru (M.B. Shmatova),
tokar_a_a@staff.sechenov.ru (A.A. Tokar)

между вагонами должно быть внутренне сообщение; отопление и вентиляция должны осуществляться через двойные стенки перегородок, крыши и днища вагона; освещение – через люки-фонари на крыше, двери и окна; «объем атмосферы» на каждого пациента – 4 м³; пол должен быть свободен для уборки и дезинфекции; туалет – изолирован от основного помещения вагона, а для заразных больных – предусмотрен специальный унитаз. Сидячих больных следовало перевозить в вагонах 1, 2 и 3 классов, тяжело раненных и лежачих – 4 класса или багажных вагонах. Использование грузовых вагонов, также как «перевозка тяжело раненных... на полу на соломе» были признаны недопустимыми (Gori, 1874; 56, 60, 71). «Мы должны раз и навсегда отказаться от этого жестокого и жалкого метода» – резюмировал военный врач и участник Франко-Прусской войны, директор Голландского Комитета Красного Креста М.В.К. Гори (Gori, 1874; 78). Таким образом, санитарные поезда должны были не просто осуществлять эвакуацию раненых и больных, но предоставлять условия для оказания необходимой медицинской помощи пассажирам. В данной статье была предпринята попытка проследить становление и развитие санитарного железнодорожного транспорта в России на протяжении Русско-Турецкой (1877–1878), Русско-Японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1918) войн, выявить характерные закономерности этого процесса и их соответствие международным требованиям, сформулированным в Вене в 1873 г.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование основано на материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), позволяющих на конкретных примерах проиллюстрировать общие тенденции в организации и деятельности железнодорожного санитарного транспорта. Дела верховного начальника санитарной и эвакуационной части (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95) и военно-санитарного отдела наблюдательной комиссии (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 146) позволяют определить реальное количество и состояние функционировавших в Первую мировую войну санитарных поездов. Отчет Об испытании военно-санитарного поезда (РГВИА. Ф. 545. Оп. 3. Д. 43) рассматривает мероприятия по подготовке эвакуационной части военно-медицинской службы к Русско-Японской войне. Документы личных фондов санитарных поездов (РГВИА. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 1; Ф. 16153. О. 1. Д. 1) содержат сведения об особенностях их устройства и быта.

Законодательные акты Российской империи: Циркуляр о формировании санитарных поездов (1877), Положение о военно-санитарных железнодорожных поездах (1878) и Временное положение о военно-санитарных поездах (1902) – отражают официальные требования к организации, оснащению, финансированию и отчетности санитарных поездов на протяжении всего исследуемого периода. Отчеты о деятельности Российского общества Красного Креста (РОКК) в 1877–1878 гг. (Рихтер, 1879), Общеземской организации на Дальнем Востоке (Полнер, 1908) и Военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны (Русско-Японская война..., 1910) дополняют реальную картину статистическими сведениями и характеристиками. Научные труды, опубликованные в 1870–1917 гг., (Gori, 1874; Гюббенет, 1910; Пирогов, 1879; Склифосовский, 1953) описывают представление врачебного сообщества того времени о медико-санитарных требованиях к сортировке и эвакуации раненых по железным дорогам. Источники личного происхождения, дневники и мемуары сообщают опыт пребывания авторов в санитарных поездах разных военных кампаний в качестве врачей (Боткин, 1908; Вересаев, 1986; Павлов, 1907; Шперк, 1896) и пассажиров (Иванов, 1914).

2.2 Решение поставленных задач основано на принципах историзма и объективности, позволяющих рассмотреть динамику развития отечественных санитарных поездов с момента его первого массового применения до последнего военного конфликта в истории Российской империи. Использование нарративного метода позволило восстановить последовательность фактов в процессе создания и модернизации санитарных поездов. Сравнительный метод – выявить общие закономерности и специфические особенности этого процесса и соотнести их с международными требованиями к санитарным поездам 1873 г. Сочетание системного и междисциплинарного подходов позволило воссоздать реальную картину функционирования санитарного железнодорожного транспорта в России в 1877–1917 гг.

3. Обсуждение

В рамках данной исследовательской темы научный интерес представляет изучение деятельности санитарных поездов в разных военных кампаниях второй половины XIX – начала XX вв. Так Будко с соавторами уделили особое внимание первому опыту использования поездов на примере Русско-Турецкой войны (Будко и др., 2017). А.А. Макичян детально рассматривала разные аспекты эвакуации больных и раненых во время Русско-Японской войны (Макичян, 2014), А. Замятин – Первой мировой войны (Замятин, 1926). Формированию системы лечебно-эвакуационного обеспечения сухопутных войск и истории развития военно-санитарных поездов в России посвящены исследования П.Ф. Гладких с соавторами, И.В. Карпенко и других (Гладких и др.; Карпенко, 2007; Карпенко, 2010). Важное значение для понимания процесса создания и развития медико-санитарного железнодорожного транспорта играет изучение деятельности РОКК и других общественных организаций, формировавших и обеспечивавших санитарные поезда на протяжении всего

исследуемого периода. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций рассматривал С.В. Куликов (Куликов, 2008), роль иностранных пожертвований – М.С. Сергеева и соавторами (Сергеева и др., 2020). Таким образом, системное изучение тенденций и закономерностей становления и развития санитарного железнодорожного транспорта в России в 1877–1917 гг. не было предметом исторического исследования.

4. Результаты

Массовую эвакуацию раненых по железным дорогам в России впервые применили в Русско-Турецкой войне. Она сыграла решающую роль в рассеивающей системе лечебно-эвакуационных мероприятий Н.И. Пирогова. Создание поездов для эвакуации раненых было предусмотрено Положением о военно-санитарных поездах (1876), согласно которому в случае войны в различных пунктах империи должны быть сформированы 14 санитарных поездов, состоявших из 17 санитарных, 2 пассажирских и 3 товарных вагонов каждый (Астафьев, 1889: 26). После объявления войны было принято новое положение, вводившее единые как для военного ведомства, так и частных лиц требования к составу и вместимости санитарных поездов (Положение..., 1878: 2–3). В соответствии с этим положением эвакуацию должны осуществлять специальные и временные (в случае массовой эвакуации) военно-санитарные поезда. Специальный поезд состоял из 22 вагонов: 17 санитарных и 5 вспомогательных (для медицинского персонала, прислуги, кухни и багажа). Раненых и больных размещали в вагонах 3-его класса по 4–8 лежащих или 8 сидячих в каждом, медицинский персонал – 2-ого класса, остальное имущество – в товарных вагонах. Аптека размещалась в вагоне персонала. Временный военно-санитарный поезд состоял из 28 вагонов, 25 из которых предназначены для пациентов. Положение разрешало во временных поездах размещать раненых в товарных вагонах (Положение..., 1878: 33–34). На практике в таком поезде могло быть от 20 до 35 санитарных вагонов, в каждом из которых размещалось по 15–20 человек. Специальных приспособлений для вентиляции и приема раненых эти вагоны не имели, пол устилали соломой, приносили фонарь, ведро с водой, кружку для питья и переносной ватерклозет (Рихтер, 1879: 140). «Не могло быть речи об особых удобствах на этом поезде – пишет Н.В. Склифосовский, – укладывали больных, как только можно было; под трудных, которые не могли сидеть, взяты были товарные вагоны, в которых настлали сена и дали для каждого лежащего больного циновку» (Склифосовский, 1953b: 377). На попечении медицинского персонала временных поездов (1 врач и 2–3 фельдшера) находилось 500–700 пассажиров. Сквозные проходы между вагонами отсутствовали, что затрудняло своевременное оказание медицинской помощи (Рихтер, 1879: 142).

Альтернативу поездам военного ведомства, составляли специальные санитарные поезда, созданные на пожертвования частных лиц и общественных организаций. Военные хирурги и руководство РОКК были единогласны во мнении, что они устроены «не только хорошо и удобно, но даже роскошно» (Пирогов, 1879: 199; РОКК, 1902: 13; Склифосовский, 1953a: 357). Такой антагонизм между поездами РОКК и военного ведомства возник, с одной стороны, из-за предоставленного Положением 1878 г. частным «устроителям поездов» права действовать по собственному усмотрению «в отношении внутреннего устройства, администрации и хозяйства» поездов. С другой, – из-за нецелесообразного распределения РОКК благотворительных средств (Положение..., 1878: 3; Склифосовский, 1953: 352). Из 18 специальных санитарных поездов, функционировавших в 1877–1878 гг., 8 составов было организовано на средства РОКК, при этом 3 поезда содержались за счет лиц царской фамилии и были названы в их честь. Первый специальный российский санитарный поезд № 1 Государыни императрицы Марии Александровны состоял из 17 вагонов: 4 товарных (кухня, прачечная, кладовая, багажная) и 13 пассажирских вагонов, предназначенных для медицинского персонала, аптеки, больных и раненых (Иллюстрированная хроника..., 1877: 105–106; Шперк, 1896: 1). В 11 вагонах 3-его класса, оборудованных двух-ярусными рессорными станками Городецкого, размещалось 174 пациента. В каждом больничном вагоне было 12 окон, три вентилятора и изолированный туалет (Савенко, 1946: 925). Медицинский штат состоял из Уполномоченного РОКК, старшего врача, 2 ординаторов, 4 сестер милосердия, аптекаря и 10 санитаров (Савенко, 1946: 925). Аналогичным образом были устроены другие именные поезда: № 2 Великой княгини Александры Петровны и № 3 Великой княгини Евгении Максимилиановны (Будко и др., 2017: 368).

Специальные санитарные поезда отечественного производства, по мнению Пирогова, были наиболее приспособлены к перевозке раненых и предоставляли «значительный комфорт и удобство» не только пассажирам, но и медицинскому персоналу (Пирогов, 1879: 199). Их технические преимущества заключались, во-первых, в использовании рессорных станков Городецкого, складная металлическая конструкция которых позволяла быстро адаптировать вагоны к приему раненых и снижала тряску коек-носилков во время движения. Во-вторых – в наличии проходов посередине вагона, обеспечивавших свободный доступ к пациентам для оказания медицинской помощи. В-третьих – в эффективной системе отопления вагонов «паровыми трубами, печами с металлическими кожухами и отдушинами» (Пирогов, 1879: 214). В то же время, имевшиеся в этих поездах условия для вноса/выноса лежащих раненых на носилках и объем воздуха в вагоне не

соответствовали сформулированным в Вене в 1873 г. требованиям и нуждались в модернизации. После первого рейса в поезде № 1 была увеличена высота вагонов, смонтирована новая система вентиляции, усилено дополнительными амортизаторами крепление верхних коек в станках Городецкого, устроены кресла с откидными стенками для сидячих раненых, улучшены условия вноса/выноса раненых (Будко и др., 2017: 368).

Главными недостатками специальных санитарных поездов были их избыточная комфортность, малая численность и вместимость (Пирогов, 1879: 182; РОКК, 1902: 13). Особенно ярко они проявились в именных поездах РОКК. По мнению Пирогова, главным преимуществом санитарного поезда должны быть «простота и не изысканность», в то время как каждый больничный вагон поезда №1 имел «самовар, сервиз, умывальник и даже аппарат для приготовления содовой воды» (Иллюстрированная хроника, 1877: 105). По данным Пирогова за время войны было эвакуировано 106 654 пострадавших, треть которых была перевезена специальными санитарными поездами (35 057), в том числе именными (15 507) (Савенко, 1946: 925). Таким образом основным средством эвакуации раненых стали военно-санитарные (34 545) и временные санитарные поезда (37 015) (Пирогов, 1879: 258). Основной контингент их пассажиров составляли пациенты с огнестрельными ранениями конечностей и инфекционные больные, поэтому хирургическая активность в поездах была сравнительно невелика. В поезде № 1 было выполнено всего две операции по извлечению пуль и несколько ампутации «одного или двух суставов ознобленных пальцев нижних конечностей» (Шперк, 1896: 75). Однако все виды перевязки осуществлялись с учетом новейшего метода антисептики: рану промывали теплой водой с добавлением «разведенной карболовой кислоты, на нее накладывали корпию или марлю, смоченную раствором карболовой кислоты в деревянном масле, а затем по методу Листера делалась повязка» (Шперк, 1896: 75).

Общей проблемой для всех видов поездов стала их санитарная обработка. Инфекционные больные составляли третью часть всех пассажиров, в связи с чем требовалась эффективная система противоэпидемических мер. Из больничных вагонов специальных и военно-санитарных поездов удалили всю внутреннюю обивку «из сукна или других материалов, способных впитывать миазмы или трудно дезинфицирующихся», выкрасили стены белой краской, заменили шерстяные тюфяки соломенными, так как «никакое окуривание не могло устранить упорно державшиеся в них миазмы» (Положение..., 1878: 32; Рихтер, 1879: 131). Дезинфекцию проводили водяными, серными или хлористыми парами, дополнительно мыли стены, пол и койки раствором хлорной извести, одеяла и шерстяные вещи окуривали серными парами. Однако эффективность этих мер была невелика. По словам Пирогова, использование «дезинфекции паром» было сложно и ненадежно, особенно при недобросовестном выполнении; выкуривание сернистой кислотой (сжиганием серы), мытье содержимого вагона раствором хлористой извести или карболовой кислоты требовало длительной сушки и простоя поездов (Пирогов, 1879: 200). В товарных вагонах временных поездов санитарная обработка не проводилась. Необходимо было разработать эффективную и оптимальную для всех видов поездов систему дезинфекции. Таким образом, по итогам Русско-Турецкой войны стали очевидны главные проблемы, с которыми сталкивались врачи и раненые при эвакуации железнодорожным транспортом: во-первых, малая численность и вместимость специальных и военно-санитарных поездов; во-вторых, техническая непригодность вагонов временных поездов к приему, размещению и обеспечению медицинской помощью раненых.

После войны на Балканах многочисленные комиссии пытались определить минимальные санитарные требования к организации железнодорожной службы. Новые нормы были закреплены в Положении об эвакуации больных и раненых (1890) и Инструкции для сортировки больных и раненых (1893) (Гладких и др.). Устройство, состав и оснащение санитарного поезда были испытаны во время Курских маневров (1902) и утверждены Временным положением о военно-санитарных поездах (1904), ставшим основополагающим документом при организации эвакуации во время Русско-Японской войны (РГВИА. Ф. 545. Оп. 3. Д. 43. Л. 183–184; Карпенко, 2007). В начале войны, «дабы не повторить печального по результатам опыта перевозки ... в непригодных вагонах в кампанию 1877–1878 гг.», была создана специальная комиссия по эвакуации больных и раненых с Дальнего Востока (Русско-Японская война..., 1910: 249).

В результате были определены главные принципы перевозки раненых по железным дорогам: (1) эвакуацию осуществляли полевые и тыловые поезда; (2) военно-санитарные составы подразделялись на типовые и временные, составленные из обратных вагонов; (3) санитарные поезда, устроенные на частные средства, должны соответствовать требованиям к типовым поездам; (4) специальные военно-эвакуационные поезда эвакуировали увольняемых «на родину для отдыха и окончательного поправления здоровья» (Русско-Японская война..., 1910: 271). Типовой санитарный поезд состоял из 16 вагонов и перевозил не менее 250 человек. В его состав входило 10 санитарных вагонов 3-его класса и 6 вспомогательных (вагон-перевязочная, 3 вагона для персонала, вагон-кухня, кладовые и цейхгауз). В случае массовой эвакуации формировали временные санитарные поезда из 30–35 вагонов: 25 – санитарных (2 классных и 23 товарных) и 5 вспомогательных вагонов (Русско-Японская война..., 1910: 251–252). Больничные вагоны типовых и временных поездов, согласно Положению 1904 г., должны быть устроены по единым требованиям. Впервые их официально стали

подразделять не только по степени тяжести состояния пациентов (для лежачих/тяжелых и сидячих/легких), но и в зависимости от их ранга и чина (для командного состава и нижних чинов). В типовых поездах офицерам отводился отдельный вагон на 8 тяжело или 12 легко раненых. Вагоны для нижних чинов в зависимости от предназначения (для лежачих или сидячих) вмещали от 18 до 32 человек каждый. Временные поезда были рассчитаны на перевозку 16–17 офицеров и 176–198 нижних чинов в зависимости от времени года. Для эвакуации командного состава предназначалось 2 вагона 4 класса, для солдат – 23 товарных вагона (Русско-Японская война..., 1910: 253). Устройство вагонов для лежачих и сидячих пациентов различалось использованным оборудованием. Вагоны для офицеров и тяжелых больных устанавливали на специальные рессорные системы – «пульмановские тележки», они имели входные площадки для вноса/выноса раненых на носилках и сквозные проходы между вагонами. Лежачих больных размещали в двух-ярусных станках Кригера, представлявших собой деревянные нары, снабженные металлическими рессорами для крепления носилок. Для сидячих использовали пассажирские скамейки, снабженные постельными принадлежностями (тюфяк, подушки, белье, одеяло). Для увеличения числа эвакуируемых Положение 1904 г. допускало использование трех-ярусных станков Кригера и боковых скамеек. Во временных поездах раненых размещали на безрессорных двух-ярусных станках Коптева или на полу на носилках Москвина, имевших складные ножки (Гюббенет, 1910: 87–88; Иванов, 1914: 128–129). Каждый типовой поезд, в отличие от временного, имел отдельный вагон-перевязочную, оборудованный всем необходимым для осуществления перевязок и выполнения хирургических операций в асептических условиях: операционный стол, стерилизатор, шкаф для инструментов, цинковый сундук для белья и посуды (Иванов, 1914: 148). Медико-санитарный штат всех поездов подчинялся коменданту поезда – строевому офицеру и в зависимости от вида поезда (временный или типовой) состоял из 2–3 врачей, 2–5 фельдшеров, 2–5 сестер милосердия, 20–30 санитаров. Военно-эвакуационные поезда, состоявшие из 30 теплушек, вагонов для кухни и персонала, не имели специального медицинского оборудования и приспособлений для перевозки раненых. Их сопровождали врач, фельдшер и 2 сестры милосердия (Русско-Японская война..., 1910: 257, 271). Таким образом, функцию «подвижной больницы», предусмотренную международными требованиями 1873 г., могли выполнять только типовые санитарные поезда, обеспеченные необходимым медицинским оборудованием и специалистами для проведения лечебно-хирургических процедур. Задачей временных и военно-эвакуационных поездов было перемещение раненых и оказание им паллиативной помощи.

Тем не менее главная эвакуационная комиссия, ориентированная на быструю победоносную войну, ошиблась в расчетах, запланировав слишком низкий процент нуждавшихся в эвакуации (6 % общей численности войск на Дальнем Востоке или 25 000 человек) и количество необходимых санитарных поездов (Русско-Японская война..., 1910: 251; Полнер, 1908: 189). Затяжной характер кампании и вдвое превосходивший ожидания размер действующих войск привели к значительному увеличению числа раненых и больных (Русско-Японская война..., 1910: 253, 264). В связи с этим эвакуация, спланированная изначально в соответствии с принципами Пирогова, на практике была реализована «лихорадочно» и «бессистемно» (Полнер, 1908: 344, 346; 349). Сложившаяся ситуация усугублялась подчиненным положением врачей комендантам, заполнявшим поезда без всякой медицинской сортировки. В результате с передовой увозили как умирающих и нетранспортабельных после тяжелых операций, так и почти здоровых солдат. По заключению лейб-хирурга Е.В. Павлова из 17 осмотренных им пассажиров 14 Сибирского военно-санитарного поезда княгини Юсуповой, 6 человек не нуждались в эвакуации в глубь России, поскольку характер их ранений и состояние ран предусматривали скорейшее возвращение солдат на боевые позиции (Павлов, 1907: 190–191).

Неправильная организация медицинской сортировки, недостаточное число санитарных поездов и отсутствие плана их передвижения стали причиной массовой перевозки раненых со значительным превышением допустимого числа пассажиров и в необорудованных товарных вагонах (Макичян, 2014: 127). В качестве иллюстрации приведем несколько высказываний из воспоминаний очевидцев: «если вагоны для офицеров соответствовали всем нормам, то вагоны для солдат быстро переполнялись большим количеством раненых» (Иванов, 1914: 148); «простые товарные вагоны, – иногда неочищенные даже от навоза после перевозки кавалерийских эшелонов, – набивали по 20–25 раненных» (Полнер, 1908: 351); клали их «сперва на солому и циновки, потом просто на циновки, наконец, просто на пол и чуть ли не на угол» (Боткин, 1908: 24); носилки с ранеными еле затаскивали в высокие вагоны «без всяких лестничек, ... печей, ... отхожих мест» (Гюббенет, 1910: 87). «В вагонах стояли холод и вонь», сообщения между ними не было, «если открывалось кровотечение, раненый истекал кровью раньше, чем на остановке к нему мог попасть врач поезда» (Вересаев, 1986: 350–351). В результате, большая часть пассажиров подобных поездов умирала в пути, лишённая медицинской помощи и пищи по несколько суток (Павлов, 1907: 345).

На этом фоне «царским великолепием» выделялись 8 именных поездов, сформированных в эту войну на средства императорской семьи. «Длинные белые вагоны, зеркальные стекла; внутри весело, чисто и уютно; раненые, в белоснежном белье, лежат на мягких пружинных матрацах; везде сестры, врачи; в отдельных вагонах – операционная, кухня, прачечная... Отходил этот поезд, бесшумно

качаясь на мягких рессорах» (Вересаев, 1986: 350-351). Одним из лучших был поезд Императрицы Марии Федоровны, организованный при участии профессора Военно-медицинской академии Н.А. Вельяминова (РГВИА. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 1. Л. 10б.). Санитарные вагоны для 72 тяжело и 130 легко раненых были устроены по общим принципам: стены окрашены белой масляной краской, пол покрыт линолеумом, оборудованы двух-ярусными станками Кригера (Будко и др., 2017: 692). Аналогичное оснащение имело большинство именных поездов (РГВИА. Ф. 16153. О. 1. Д. 1. Л. 300б.). Исключением являлся поезд наследника цесаревича Алексея Николаевича, вмещавший до 450 раненых благодаря использованию трех-ярусных станков Кригер (Павлов, 1907: 140).

Главными отличиями именных поездов было наличие специализированных медико-санитарных вагонов (вагон-операционная, вагон-ординаторская с аптекой, вагон-баня с душем и ванной, вагон-прачечная) и строгое соблюдение правил медицинской сортировки, санитарных норм и дисциплины. Оборудование вагонов-операционных позволяло врачам выполнять большие хирургические операции, чего не делали в военно-санитарных поездах. В поезде Императрицы Марии Федоровны было произведено: 5 ампутиаций бедра, 4 ампутиации плеча, 2 ампутиации голени, ампутиация ступни по Лисфранку, вылушение пальцев на ноге по способу Гаранжо, 8 экзартикуляции пальцев, трахеотомия, трепанация сосцевидного отростка, иссечение рака нижней губы (Павлов, 1907: 55). Необходимость вагона-прачечной стала очевидна в годы Русско-Турецкой войны, когда уполномоченный именованного поезда № 1 отказал в эвакуации раненых, «потому что одна часть белья находилась в Кишиневе в стирке, а другая требовала стирки» (Шперк, 1896: 72). Соблюдение правил медицинской сортировки и санитарных норм, позволявшее предотвратить распространение инфекций, в то же время сокращало число эвакуируемых. Для перевозки 4 больных сибирской язвой в поезде великой княгини Ксении Александровны был выделен отдельный вагон. Однако это решение позволило избежать вынужденного простоя для полной дезинфекции поезда, поскольку санитарную обработку провели только в заражном вагоне «со всеми вещами в нем находящимися» (РГВИА. Ф. 16153. Оп. 1. Д. 1. Л. 25). Примером строгой дисциплины в отношении с персоналом являлся арест санитаря поезда Марии Федоровны за грубое общение с сестрами милосердия (РГВИА. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 1. Л. 260б.). Важным отличием специальных санитарных поездов было качество продуктового довольствия, лекарственного и финансового обеспечения пациентов и персонала. В день рождения Императрицы Марии Федоровны все пассажиры ее поезда получили «усиленное довольствие: ... белый хлеб к чаю, жаркое к обеду и водку к обеду и ужину» (РГВИА. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 1. Л. 46). Таким образом «страшная несправедливость» между именными и временными поездами на Дальнем Востоке, в сравнении с Русско-Турецкой войной, усилилась: «170 человек попадают в великолепные условия», под наблюдением 2 врачей и 10 сестер милосердия, в то время, как «двадцать-тридцать тысяч едут в вагонах – теплушках, а то и прямо в неотопливаемых товарных вагонах, где один врач на 1000 человек, кое-как напиханных в вагоны» (Баженов, 1926: 33-34).

Для исправления сложившейся ситуации были предприняты следующие меры: во-первых, для увеличения пассажирооборота к постоянным, хорошо оборудованным санитарным поездам дополнительно крепили по 10-12 теплушек с ранеными; во-вторых, – создали постоянные «кадровые составы» из 2-3 вагонов (для персонала, кухни и цейхгауза) для быстрого приспособления товарных вагонов обратных воинских и грузовых поездов к приему раненых (Полнер, 1908: 358). За время Русско-Японской войны РОКК оборудовало 87 отдельных вагонов-кухонь для создания подобных «кадров» (Русско-Японская война..., 1910: 257). Однако после крупных сражений, когда эвакуировать нужно было по 12-13 тысяч раненых, к кадровым составам приходилось крепить по 25-35 теплушек или создавать временные поезда из совершенно непригодных товарных вагонов. В результате они не имели ни медицинского оснащения, ни внутреннего сообщения, ни достаточного медицинского персонала. «Поезда отправляются совершенно необорудованные, без кухонь, без свечей, без сортировки больных и почти без медицинского персонала... 1 300 человек в теплушках ... на попечение одного врача и одной сестры» – писал в своем обзоре журналист Т.И. Полнер (Полнер, 1908: 353).

За время военных действий из Южной Манчжурии в Харбин было вывезено 309 101 человек, что в 12,5 раз превысило первоначальный прогноз (Русско-Японская война..., 1910: 296). Половина эвакуированных (166 828) была пассажирами 80 оснащенных санитарных поездов. Из них 51 504 человека ехали в именных поездах и около 40 000 – в дополнительно прикрепленных к ним теплушках. Таким образом, специально оборудованных вагонов хватило для перевозки «не более 41 % всех эвакуированных» (Русско-Японская война..., 1910: 254, 256). Остальных раненых (142 273) эвакуировали временными санитарными поездами. Таким образом, выявленные в ходе Русско-Турецкой войны недостатки, были усугублены отсутствием медицинской сортировки и социальным неравенством. В сравнении с малой численностью специальных оборудованных составов, недостаточная степень их комфортности (малый объем воздуха на человека в вагоне, плохая вентиляция и непригодные для сна скамейки) не оказывала значимого влияния на общее качество медицинской эвакуации. Удаленность театра военных действий от центральной России и наличие единственного пути сообщения между тылом и фронтом по Транссибирской магистрали

стали важным испытанием в организации системы медико-санитарной эвакуации железнодорожным транспортом.

Полученный в войне на Дальнем Востоке опыт лег в основу мобилизационных планов на случай следующей войны. Во-первых, издано новое Положение о военно-санитарных поездах (1912), которое вводило для всех поездов постоянный кадровый (вагон для личного состава, кухня, операционная, аптека, цейхгауз) и переменный (больничные вагоны) состав. Для сокращения времени на выгрузку раненых, переменный состав отцепляли и заменяли пустыми вагонами, с которыми поезд возвращался на театр военных действий (Замятин, 1926: 18). Во-вторых, было определено минимальное число необходимых военно-санитарных поездов: 60 тыловых (на 400 мест каждый) и 40 полевых (на 500 мест каждый), для которых интендантское ведомство должно иметь неприкосновенные санитарные запасы (Санитарная служба..., 1942: 71). В-третьих, в начале войны (август 1914 г.) была опубликована новая инструкция по медицинской сортировке и эвакуации, согласно которому эвакуацию должны осуществлять полевые и тыловые постоянные и временные поезда; градация вагонов по степени тяжести пациентов, их рангам и чинам была отменена; все больничные вагоны оснащались по общим требованиям; тяжело раненых размещали «исключительно на нижних койках». Были определены виды ранений, не подлежащих немедленной эвакуации: «оскольчатые переломы черепа», ранения брюшной полости, груди, крупных сосудов, позвоночника, повреждения дыхательных путей и пищевода, ампутации, резекции, полостные операции (Санитарная служба..., 1942: 164–165). Ответственность за порядок эвакуации возлагалась на старшего врача поезда. Таким образом в начале Первой мировой войны русская армия, по свидетельству генерала П.Г. Курлова, была обеспечена санитарными поездами (Куликов, 2008: 369). Военным ведомством был сформирован 161 военно-санитарный поезд: 31 тыловой, 15 полевых, 115 временных (Санитарная служба..., 1942: 109). Состав этих поездов включал 5 600 классных вагонов, 228 багажных, 4 489 товарных. К 1 января 1916 г. на балансе военного ведомства состояло 259 поездов из 357 (Санитарная служба..., 1942: 98). Через год общая численность санитарных поездов достигла 424 единиц (Санитарная служба..., 1942: 145).

В то же время в начале войны в оборудовании поездов и организации их работы оставалось значительное число нерешенных проблем, в частности: «поезда ... не встречали на пути питательные пункты, и на местах остановок не приспособлено было питание... В Москву приходили поезда с некормленными несколько суток, голодными людьми, с ранами неперевязанными... Иногда даже с таким количеством личинок мух, червей, что трудно было даже медицинскому персоналу выносить такие ужасы, которые обнаруживались при осмотре больных» (Санитарная служба..., 1942: 126). В товарных вагонах временных поездов, по-прежнему, отсутствовали сквозные проходы, в классные вагоны носилки с ранеными приходилось грузить через окна (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 21). В связи с этим в октябре 1914 г. был принят новый каталог предметов санитарного имущества для снабжения постоянных (полевых и тыловых) военно-санитарных поездов, предусматривавший обеспечение персонала фельдшерскими сумками и двойным количеством бинтов, оснащение вагонов-перевязочных аппаратами для стерилизации перевязочных материалов (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 146. Л. 50). Была введена дополнительная категория поездов – «заразные» составы, перевозивших исключительно инфекционных больных (Санитарная служба..., 1942: 232). Распределение поездов на тыловые, полевые и заразные не было постоянным и зависело от развития военных операций и эпидемической обстановки на фронтах. В совокупности на каждую дивизию приходилось по два военно-санитарных поезда (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 20 об., 21). Другим нововведением стали «летучки», состоявшие из 10 товарных и 1 классного вагона, предназначенные для эвакуации раненых с линии огня. Далее эвакуацию в тыл осуществляли кадровые и временные военно-санитарные поезда.

Нерешенным оставался вопрос разного качества оснащения и условий работы в ведомственных и общественных поездах, находившихся в ведении РОКК. Объемы финансирования медицинской части военного ведомства были несоизмеримо меньше финансирования РОКК. По состоянию на 17.02.1915 из государственной казны на содержание раненых РОКК получило 7 000 000 р. в сравнении с 2 557 600 р., выделенных на эвакуацию раненых военному ведомству (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 5. Л. 171 об., 178). При этом значительные средства РОКК получало в виде пожертвований от частных лиц, финансово-промышленных кругов и общественных организации как в России, так и за рубежом (Сергеева и др., 2020). Многие члены царской фамилии финансировали создание специальных санитарных поездов. К концу 1915 г. функционировало 13 именных поездов (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 21). Их формирование происходило либо целенаправленно (поезд № 143), либо путем передачи поездов военного ведомства на содержание частных лиц (поезд № 51). Императрицей Александрой Федоровной было сформировано 10 поездов, оснащенных в соответствии с новейшими достижениями того времени: вагоны электрифицированы, оснащены паровым отоплением, вентиляцией, озонаторами и распылителями с сосновой водой, и выдвижными столами для тяжело раненых (Царское Село, 2003: 675). В вагоне-перевязочной было два операционных стола и набор хирургических инструментов, в отдельных вагонах размещались аптека, холодильник и электростанция. В поезде было 10 больничных вагонов на 464 человека. Подобное оснащение вагонов

отличало именные поезда, действовавшие всегда в полном составе и без перемены вагонов во время разгрузки раненых (Замятин, 1926: 17). Однако, в экстренных условиях именные поезда, также как все остальные, принимали раненых с превышением положенных норм. «Целый день и всю ночь мы грузили раненых, наполнив поезд до отказа, – писал старший врач поезда № 51 В. Унковский – Клади в проходах, на полу, засовывали под лавки». (Фомина, 2001: 373). Другим отличием именных поездов было право внеочередного проезда, сквозного движения через районы и самостоятельного выбора «пунктов для принятия подлежащих эвакуации воинских чинов, равно как и выбор из массы этих чинов подходящих для этих поездов раненых и больных» (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 240б.). Однако эти привилегии вызвали нарекания организационного и этического характера, в связи с чем приказом верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А.П. Ольденбургского «внеочередное движение» именованным высочайшим санитарным поездам было запрещено (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 240б.). Кроме специализированных санитарных поездов императрица содержала «летучки» и небольшие складские санитарные поезда, которые также могли перевозить раненых. «Мои маленькие поезда-склады – пишет она – подбирают раненых у самого фронта и отвозят их в Новосельцы и т.д., где их дожидаются настоящие санитарные поезда» (Фомина, 2001: 327).

Таким образом, в годы Первой мировой медицинская служба армии впервые не испытывала недостатка в военно-санитарных поездах (РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 200б.). Постоянное увеличение их числа, соблюдение порядка медицинской сортировки и оперативное перераспределение поездов в зависимости от боевой обстановки позволяют говорить о первых успехах, достигнутых в организации медико-санитарной эвакуации по железным дорогам. В то же время технические проблемы приспособления товарных поездов к перевозке раненых, также как разная степень комфортности и оснащённости, функционировавших поездов оставались нерешёнными.

5. Заключение

Опыт трех войн 1877–1917 гг. показал незаменимость железнодорожного транспорта и частной инициативы в функционировании российской системы медико-санитарной эвакуации. Эффективность его работы зависела от целеполагания, планирования и организованности работы военно-санитарной администрации; соблюдения правил медицинской сортировки раненых и больных; согласованности действий военно-медицинского ведомства и общественных организаций при формировании, оснащении и обеспечении санитарных поездов; определения единых стандартов технического оснащения санитарных поездов. Не соблюдение этих требований приводило к системным нарушениям в процессе эвакуации, которые не могли быть компенсированы местными мерами, подтверждением чего является Русско-Японская война. При этом первоначальные требования к санитарным поездам, сформулированные международной комиссией в Вене в 1873 г., к концу исследуемого периода не потеряли своей актуальности. Если в специальных, особенно в именных поездах следили за их соблюдением и совершенствовали техническое исполнение с учетом новейших достижений и научных открытий, то при формировании временных поездов они фактически не учитывались. Таким образом, принципы организации санитарной эвакуации железнодорожным транспортом, впервые применённые в Русско-Турецкую войну, были лучше всего отработаны в годы Первой мировой войны, когда были учтены потребности в качестве и количестве санитарных поездов и исправлены проблемы административного регулирования лечебно-эвакуационных мероприятий в целом.

Литература

- Астафьев, 1889 – Астафьев А. Сборник действующих правительственных распоряжений по железным дорогам М-во путей сообщения. 1877–1878 гг. СПб., 1889.
- Баженов, 1926 – Баженов В.П. Японская кампания. Тула, 1926.
- Боткин, 1908 – Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904–1905 гг. (из писем к жене). СПб., 1908.
- Будко и др., 2017 – Будко А.А., Журавлев Д.А., Грибовская Г.А. Первое использование Российской армией военно-санитарных поездов на театре военных действий (по опыту Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов) / *Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года*. СПб., 2017. Ч. I. С. 366–370.
- Вересаев, 1986 – Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. М., 1986.
- Гладких и др. – Гладких П.Ф., Локтев А.Е., Мостовый Я.В. Развитие системы лечебно-эвакуационного обеспечения сухопутных войск. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crb-saraktash.ru/site/php/r_article.php?id1=1&id2=13&id3=0&id4=0&flag_glaz=0&art=00003. (дата обращения: 10.05.2021).
- Губбенет, 1910 – Губбенет В.Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб., 1910.
- Замятин, 1926 – Замятин А. Эвакуация в русской армии в империалистическую войну // *Военно-санитарный сборник*. 1926. №3. С. 16–19.

- Иванов, 1914 – Иванов И.Е. Впечатления раненого в русско-японскую войну. М., 1914.
- Иллюстрированная хроника..., 1877 – Иллюстрированная хроника войны. Приложение к Всемирной иллюстрации. 1877. № 14. С. 105–106.
- Карпенко, 2007 – Карпенко И.В. О первых в России учениях военно-санитарного поезда // *Военно-медицинский журнал*. 2007. 328 (3). С. 87–89.
- Карпенко, 2010 – Карпенко И.В. Истоки развития железнодорожного военно-санитарного транспорта в России // *Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству*. М., 2010.
- Куликов, 2008 – Куликов С.В. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // *Благодарительность в истории России: новые документы и исследования*. СПб., 2008. С. 369–396.
- Макичян, 2014 – Макичян А.А. Эвакуация больных и раненых во время Русско-Японской войны 1904–1905 гг. // *Клио*. 2014. 95 (11). С. 126–130.
- Павлов, 1907 – Павлов Е.В. На Дальнем Востоке в 1905 году. СПб., 1907.
- Пирогов, 1879 – Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. Ч. 1. СПб., 1879.
- Полнер, 1908 – Полнер Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке. Т. I. М., 1908.
- Положение..., 1878 – Положение о военно-санитарных железнодорожных поездах. Приложение № 161 // *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате*. СПб., 1878.
- РГВИА – Российский государственный исторический архив.
- Рихтер, 1879 – Рихтер П.А. Красный крест в Румынии и Северной Болгарии 1877–1878. Отчет Главноуполномоченного общества попечения о раненых и больных воинах. СПб., 1879.
- РОКК, 1902 – Российское общество Красного Креста. Исторический обзор деятельности. СПб., 1902.
- Русско-Японская война..., 1910 – Русско-Японская война 1904–1905 гг. в 9 томах и с атласом. Том VII. Часть 1. Тыл действующей армии. Часть первая. Организация и деятельность управлений действующей армии. Спб., 1910.
- Савенко, 1946 – Савенко Г. Военно-санитарный поезд // *Энциклопедический словарь военной медицины*. 1946, Т. 1. С. 924–933.
- Санитарная служба..., 1942 – Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. (сборник документов). Куйбышев, 1942.
- Склифосовский, 1953 – Склифосовский Н.В. Наше госпитальное дело на войне // *Избранные труды*. М., 1953. С. 341–352.
- Склифосовский, 1953a – Склифосовский Н.В. Перевозка раненых на войне // *Избранные труды*. М., 1953. С. 357–369.
- Склифосовский, 1953b – Склифосовский Н.В. В госпиталях и на перевязочных пунктах во время Турецкой войны // *Избранные труды*. М., 1953. С. 374–419.
- Склифосовский, 1953c – Склифосовский Н.В. Тарантасный станок в вагоне для перевозки раненых // *Избранные труды*. М., 1953. С. 370–373.
- Фомина, 2001 – Фомина С.В. Скорбный ангел. СПб., 2001.
- Царское Село, 2003 – Царское Село. 1916 // *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 томах*. М., 2003. Т. 1. С. 669–711.
- Шперк, 1896 – Шперк Ф. Санитарный поезд №1 им. Государыни Императрицы и его 16 месячная деятельность во время войны 1877–1878 гг. СПб., 1896.
- Gori, 1874 – Gori, M.W.C. La chirurgie militaire et les societies de secours a l'exposition universelle de Vienne, 1873: Rapport au Comité central de la Société néerlandaise. Amsterdam, Leipzig, 1874.
- Sergeeva et al., 2020 – Sergeeva M.S., Karpenko I.V., Shmatova M.B. The Role of Charity of the Foreign States in the Activity of the Russian Red Cross Society during World War I // *Bylye gody*. 2020. 55(1): 360–369.
- Sergeeva, Panova, 2021 – Sergeeva, M., Panova, E. Brilliant Promotion for a Doubtful Invention: the Blood Transfusion Device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European Medical Science and Practice in 1860–1880 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 244–252.

References

- Astaf'ev, 1889 – Astaf'ev, A. (1889). Sbornik dejstvuyushchih pravitel'stvennyh rasporyazhenij po zheleznyim dorogam M-vo putej soobshcheniya. 1877–1878 gg [Collection of government orders on railways Ministry of Railways of 1877–1878]. SPb. [in Russian]
- Bazhenov, 1926 – Bazhenov, V.P. (1926). Yaponskaya kampaniya [Japanese campaign]. Tula. [in Russian]
- Botkin, 1908 – Botkin, E.S. (1908). Svet i teni russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. (iz pisem k zhene) [Light and Shadows of the Russo-Japanese War of 1904–1905 (from letters to his wife)]. SPb. [in Russian]

Budko i dr., 2017 – *Budko, A.A., Zhuravlev, D.A., Gribovskaya, G.A.* (2017). Pervoe ispol'zovanie Rossijskoj armiej voenno-sanitarnyh poezdov na teatre voennyh dejstvij (po opytu Russko-Tureckoj vojny 1877–1878 godov) [The first use by the Russian army of military medical trains in the theater of operations (based on the experience of the Russian-Turkish war of 1877–1878)]. *Vojna i oruzhie: novye issledovaniya i materialy. Trudy Vos'moj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 17–19 maya 2017 goda*. SPb. Ch. I. Pp. 366–370. [in Russian]

Fomina, 2001 – *Fomina, S.V.* (2001). Skorbnyj angel [Sorrowful angel]. SPb. [in Russian]

Gladkih i dr. – *Gladkih, P.F., Loktev, A.E., Mostovyy, Ya.V.* Razvitie sistemy lechebno-evakuacionnogo obespecheniya suhoputnyh vojsk [Development of the system of medical and evacuation support for the ground forces]. [Electronic resource]. URL: http://www.crb-saraktash.ru/site/php/r_article.php?id1=1&id2=13&id3=0&id4=0&flag_glaz=0&art=00003. (date of access: 10.05.2021). [in Russian]

Gori, 1874 – *Gori, M.W.C.* (1874). La chirurgie militaire et les societies de secours a l'exposition universelle de Vienne, 1873: Rapport au Comité central de la Société néerlandaise [Military surgery and relief societies at the Vienna World's Fair, 1873: Report to the Central Committee of the Dutch Society]. Amsterdam, Leipzig. [in French]

Gyubbenet, 1910 – *Gyubbenet, V.B.* (1910). V osazhdennom Port-Arture. Ocherki voenno-sanitarnogo dela i zametki po polevoj hirurgii [In besieged Port Arthur. Essays on military sanitary affairs and notes on field surgery]. SPb. [in Russian]

Illyustrirovannaya hronika, 1877 – Illyustrirovannaya hronika vojny [Illustrated chronicle of the war]. (1877). Prilozhenie k Vsemirnoj illyustracii. № 14. Pp. 105–106. [in Russian]

Ivanov, 1914 – *Ivanov, I.E.* (1914). Vpechatleniya ranenogo v russko-yaponskuyu vojnu [Impressions of the wounded in the Russo-Japanese War]. M. [in Russian]

Karpenko, 2007 – *Karpenko, I.V.* (2007). O pervyh v Rossii ucheniyah voenno-sanitarnogo poezda [On the first military ambulance train exercises in Russia]. *Voенно-медицинский журнал*. 328(3): 87–89. [in Russian]

Karpenko, 2010 – *Karpenko, I.V.* (2010). Istoki razvitiya zheleznodorozhnogo voenno-sanitarnogo transporta v Rossii [The origins of the development of railway military ambulance transport in Russia]. Pervyj gospiatal' i voennaya medicina Rossii: 300 let sluzheniya Otechestvu. M. [in Russian]

Kulikov, 2008 – *Kulikov, S.V.* (2008). Finansovye aspekty deyatelnosti rossijskih blagotvoritel'nyh organizacij voennogo vremeni (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.) [Financial aspects of the activities of local charities in time of war (July 1914 – February 1917)]. *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: novye dokumenty i issledovaniya*. SPb.: Nestor-Istoriya. Pp. 369–396. [in Russian]

Makichyan, 2014 – *Makichyan, A.A.* (2014). Evakuaciya bol'nyh i ranenyyh vo vremya Russko-Yaponskoj vojny 1904–1905 gg. [Patient evacuation during the Russo-Japanese war of 1904–1905]. *Klio*. 95(11): 126–130. [in Russian]

Pavlov, 1907 – *Pavlov, E.V.* (1907). Na Dal'nem Vostoke v 1905 godu [In the Far East in 1905]. SPb. [in Russian]

Pirogov, 1879 – *Pirogov, N.I.* (1879). Voенно-врачебное дело i chastnaya pomoshch' na teatre vojny v Bolgarii i v tylu dejstvuyushchej armii v 1877–1878 gg [Military medical care and private assistance at the front and rear of the field army in Bulgaria in 1877–1878]. Ch. 1. SPb. [in Russian]

Polner, 1908 – *Polner, T.I.* (1908). Obshchezemskaya organizaciya na Dal'nem Vostoke [Obschezemskaya organization in the Far East]. T. I. M. [in Russian]

Polozhenie..., 1878 – Polozhenie o voenno-sanitarnyyh zheleznodorozhnyh poezdah. Prilozhenie № 161 [Regulations on military-sanitary railway trains. Appendix No. 161]. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri pravitel'stvuyushchem senate*. SPb., 1878. [in Russian]

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arkhiv [Russian state military–historical archive].

Rihter, 1879 – *Rihter, P.A.* (1879). Krasnyj krest v Rumynii i Severnoj Bolgarii 1877–1878. Otchet Glavnoupolnomochennogo obshchestva popecheniya o ranenyyh i bol'nyh voinah [The Red Cross in Romania and Northern Bulgaria 1877–1878. Report of the Chief Commissioner of the Society for the Care of the Wounded and Sick Warriors]. SPb. [in Russian]

ROKK, 1902 – Rossijskoe obshchestvo Krasnogo Kresta. (1902). Istoricheskij obzor deyatelnosti [Russian Red Cross Society. Historical overview of activities]. SPb. [in Russian]

Russko-Yaponskaya vojna..., 1910 – Russko-Yaponskaya vojna 1904–1905 gg [Russo-Japanese War 1904–1905]. v 9 tomah i s atlasom. Tom VII. Chast' 1. Tyl dejstvuyushchej armii. Chast' pervaya. Organizaciya i deyatelnost' upravlenij dejstvuyushchej armii. SPb., 1910. [in Russian]

Sanitarnaya sluzhba..., 1942 – Sanitarnaya sluzhba russkoj armii v vojne 1914–1917 gg. (sbornik dokumentov) [Medical service of the Russian army in the war of 1914–1917. (collection of documents)]. Kujbyshev. [in Russian]

Savenko, 1946 – *Savenko, G.* (1946). Voенно-sanitarnyj poezd [Military ambulance train]. *Enciklopedicheskij slovar' voенnoj mediciny*. T. 1. pp. 924–933. [in Russian]

[Sergeeva et al., 2020](#) – *Sergeeva, M.S., Karpenko, I.V., Shmatova, M.B.* (2020). The Role of Charity of the Foreign States in the Activity of the Russian Red Cross Society during World War I. *Bylye Gody*. 55(1): 360-369.

[Sergeeva, Panova, 2021](#) – *Sergeeva, M., Panova, E.* (2021). Brilliant Promotion for a Doubtful Invention: the Blood Transfusion Device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European Medical Science and Practice in 1860–1880. *Bylye Gody*. 16(1): 244–252.

[Shperk, 1896](#) – *Shperk, F.* (1896). Sanitarnyj poezd №1 im. Gosudaryni Imperatricy i ego 16 mesyachnaya deyatelnost' vo vremya vojny 1877–1878 gg [Ambulance train № 1 named after Empress and its 16-month activity during the war of 1877–1878]. SPb. [in Russian]

[Sklifosovskij, 1953](#) – *Sklifosovskij, N.V.* (1953). Nashe hospital'noe delo na vojne [Our hospital case in the war]. *Izbrannye trudy*. M. Pp. 341-352. [in Russian]

[Sklifosovskij, 1953a](#) – *Sklifosovskij, N.V.* (1953). Perevozka ranenyyh na vojne [Transportation of the wounded in the war]. *Izbrannye trudy*. M. Pp. 357-369. [in Russian]

[Sklifosovskij, 1953b](#) – *Sklifosovskij, N.V.* (1953). V gospitalyah i na perevyazochnykh punktah vo vremya Tureckoj vojny [In hospitals and dressing posts during the Turkish War]. *Izbrannye trudy*. M. Pp. 374-419. [in Russian]

[Sklifosovskij, 1953c](#) – *Sklifosovskij, N.V.* (1953). Tarantassnyj stanok v vagone dlya perevozki ranenyyh [Tarantass device in the carriage for transporting of wounded]. *Izbrannye trudy*. M. Pp. 370-373. [in Russian]

[Tsarskoe Selo, 2003](#) – *Tsarskoe Selo*. 1916 [Tsarskoe Selo. 1916]. *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: V 5 tomah*. M. 2003. T. 1. Pp. 669-711. [in Russian]

[Veresaev, 1986](#) – *Veresaev, V.V.* (1986). Zapiski vracha. Na yaponskoj vojne [Doctor's notes. In the Japanese war]. M.

[Zamyatin, 1926](#) – *Zamyatin, A.* (1926). Evakuaciya v russkoj armii v imperialisticheskuyu vojnu [Evacuation in the Russian army during the Imperialist war]. *Voenno-sanitarnyj sbornik*. 3: 16-19. [in Russian]

Санитарные поезда, как основное средство эвакуации раненых в военных кампаниях Российской империи 1877–1917 гг.

Иван Михайлович Чиж^a, Мария Сергеевна Сергеева^{a,*}, Маргарита Борисовна Шматова^a, Александра Анатольевна Токарь^a

^a Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация. Процесс адаптации железнодорожных вагонов к перевозке раненых начался в 1860-х гг., в 1873 г. были разработаны первые международные стандарты устройства и оборудования санитарных поездов. Первый отечественный опыт массовой эвакуации раненых железнодорожными составами был получен во время Русско-Турецкой войны (1877–1878). На протяжении Русско-Японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1918) войн – железные дороги были приоритетным путем медико-санитарной эвакуации. В статье рассмотрен процесс становления и развития санитарного железнодорожного транспорта в России с момента его первого применения и до последнего военного конфликта в истории Российской империи. В эвакуации раненых и больных участвовали постоянные и временные поезда военного ведомства и санитарные составы общественных организаций и частных лиц. Их главным различием было разное качество и количества медицинского оснащения, оказываемой медицинской помощи и обслуживающего персонала. Русско-Японская война стала первым испытанием для системы эвакуации по железным дорогам. Недостаток оборудованных поездов компенсировали креплением к ним дополнительных необорудованных вагонов и созданием постоянных кадровых составов для приспособления товарных поездов к перевозке раненых. В годы Первой мировой войны многие организационные проблемы в работе санитарного железнодорожного транспорта были решены, однако ряд технических вопросов приспособления поездов к медицинским нуждам так и остался нерешенным, в частности, погрузка/выгрузка лежачих больных, оказание медицинской помощи по ходу движения поезда и дезинфекция вагонов.

Ключевые слова: эвакуация раненых, санитарный поезд, Российское общество Красного Креста (РОКК), Русско-Турецкая война, Русско-Японская война, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergeeva_m_s@staff.sechenov.ru (М.С. Сергеева), chizh_i_m@staff.sechenov.ru (И.М. Чиж), shmatova_m_b@staff.sechenov.ru (М.Б. Шматова), tokar_a_a@staff.sechenov.ru (А.А. Токарь)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 840-849.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.840
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ethno-Economics of the Kazakhs of the Steppe Region in the Modernization Plans of the Russian Empire (second half of the XIX – beginning of the XX century)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bCherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^cVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the policy of the Russian Empire in relation to the traditional economy of the Kazakhs of the Steppe region in the 80s years of XIX – the beginning of XX century. It is marked that bourgeois transformations accompanied by mass relocation of peasants to the Steppe region and creation of commodity agricultural economies demanded considerable land resources. Therefore, the mass settlement was seen as the main mechanism of transformation of the Kazakh nomadic farms. The transition of nomads to agriculture was seen as a natural and progressive process. During numerous interdepartmental discussions at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, an opinion was established that the settling should be carried out naturally, under the influence of new objective economic conditions caused by mass migration of peasants and withdrawal of pasture lands from the Kazakhs for land resettlement of migrants. Thus, the expediency of increasing the scale of resettlement flows to the Steppe region was recognized.

The regional administration, as a whole, recognizing the regularity of transition of Kazakhs to a settled way of life, called to refuse mass settling of nomads and mass spreading of agriculture among already settled ones, mainly because of the limited land resources coming for farming. Therefore, the regional officials connected sedentarization with intensification of cattle breeding and development of an industry for processing livestock products in the region. The mass settling of Kazakhs in the beginning of XX centuries, reorientation of their farms on the market with application of various agricultural tools, gave reasons to believe that the chosen course on sedentarization turned out to be correct.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Kazakhs, ethno-economics, settling, modernization.

1. Введение

Завершение присоединения Степного края к Российской империи в 60-е гг. XIX в. совпало с началом буржуазных реформ, отменой крепостного права и массовым переселением крестьян из европейской в азиатскую часть страны. По Временному положению об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями 1868 г. все природные ресурсы были объявлены государственной собственностью, а земли переданы казахам в безвозмездное пользование. В то же время ряд статей Положения открывал возможности для массовой экспроприации пастбищных угодий у кочевников с целью создания Переселенческого земельного фонда и землеустройства переселенцев (Артукбаев, 1993).

Высокие темпы крестьянской колонизации Степного края на рубеже XIX–XX вв. актуализировали вопрос о судьбе традиционного казахского кочевого хозяйства, его месте в процессе капиталистического развития региона и механизмах включения в общеимперскую экономику. Анализ межведомственных дискуссий и законодательства по данному вопросу рубежа XIX–XX вв.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

позволяет утверждать, что в новых экономических реалиях единственный вариант развития кочевых хозяйств виделся в их оседании и переходе к земледельческому труду. В связи с этим в правительственных кругах активно обсуждались меры, которые могли бы простимулировать данный процесс. Сокращение объемов пастбищного землепользования должно было освободить земельные ресурсы для крестьянского переселения.

Идея седентаризации кочевников была не нова. Еще на начальном этапе включения Степного края в состав Российской империи, с 30-х гг. XVIII в., процесс оседания оценивался как необходимость обращения казахов «к лучшему человеческому житью» и как неизбежный результат естественной эволюции казахского кочевого общества под воздействием более прогрессивной российской земледельческой цивилизации (Быков, 2003: 28). Конкретные шаги в реализации данного курса выражались в снабжении ханов Младшего и Среднего жузов «пшеничной мукой и крупами» для «приучения к новой пище», строительстве «дворов для зимования скота» и стационарных домов, заготовке «на казенный счет сена для продовольствия скота» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 6-9об.).

В начале XIX в. правительство продолжило реализацию мер, поощряющих оседание казахов, например, причислять осевших к русским поселениям пограничных укрепленных линий, наделять земельным наделом, выдавать пособие на обзаведение хозяйством, освобождать от выплат налогов и рекрутства (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 11об.-12). Однако к середине XIX в. пришлось констатировать, что все стимулирующие к оседанию меры не давали ожидаемого эффекта. Хлебопашество «слабо перенималось» кочевниками, казахи-земледельцы составляли «самое редкое исключение». Осевших, как правило, представляли беднейшие слои казахской пастбищно-кочевой общины – джатаки, которые при первой возможности вновь возвращались к кочевому образу жизни (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 17 об.-18).

Кризис государственной политики седентаризации совпал по времени с модернизацией центральноазиатских окраин и набиравшей темпы аграрной крестьянской колонизацией и формированием товарных зерновых хозяйств. Это актуализировало в 80–90-е гг. XIX в. «киргизский вопрос», представлявший правительственную дискуссию о судьбе традиционного хозяйства казахо-кочевников в новых социально-экономических реалиях и новых механизмах стимулирования процесса их оседания.

2. Материалы и методы

Источниками для подготовки статьи выступили материалы делопроизводства центральных и региональных органов государственной власти – МВД, Министерства земледелия и государственных имуществ, Комитета сибирский железной дороги, областных управлений Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей. Основной массив данных документов выявлен в Российском государственном историческом архиве и впервые вводится в научный оборот, среди них межведомственная переписка, протоколы межведомственных совещаний, постановления, отражающие дискуссию правительства о месте традиционной экономики казахов Степного края в модернизационных планах. Ценная информация, представляющая позицию государственной власти по данному спектру вопросов, также представлена в Записке председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. (Записка Председателя Совета, 2011).

В статье применялись конкретно-исторические методы исследования. Историко-генетический метод позволил выявить факторы формирования политики государства в отношении традиционного казахского хозяйства. Историко-системный метод использовался для анализа трансформаций этноэкономики казахов в контексте общеимперских тенденций, связанных с многоформатной модернизацией российского общества второй половины XIX – начала XX вв.

3. Обсуждение

Вопросы трансформации традиционной экономики казахов Степного края в условия экономических реформ Российской империи второй половины XIX – начала XX в. достаточно широко представлены в историографии. При этом в основном массиве исследований данная проблематика анализируется в контексте аграрной политики Российской империи в регионе, связанной с массовым крестьянским переселением 80-х гг. XIX – первым десятилетием XX в. В поле внимания исследователей – формирование нормативно-правовой базы переселенческой политики, ее этапы, политика правительства в отношении земель, занимаемых казахами-кочевниками, динамика поземельных отношений в степи (Аполлова, 1960; Владимирский, 1902; Галузо, 1965; Зиманов, Евреинов, 1955; Кауфман, 1896; Кожженов, 1994; Сафаров, 1921; Сулейменов, 1963).

Собственно вопросы развития экономики казахского кочевого аула в пореформенный период, влияния переселенческого движения на эволюцию форм землепользования и землевладения казахского населения активно разрабатывались в дореволюционной российской историографии (Добромыслов, 1895; Седельников, 1907; Щербина, 1905). Большинство ее представителей акцентировали внимание на культуртрегерской роли русского переселенца, научившего казахов

пахать, сеять, косить, молотить и даже потреблять хлеб. В советский период наиболее ценной работой можно считать монографию В.Ф. Шахматова, в которой на обширном фактическом материале был показан процесс эволюции казахской пастбищно-кочевой общины под влиянием крестьянских переселенческих хозяйств. Особое внимание автор уделяет причинам упадка степного скотоводства, где в качестве определяющих называются изменившиеся условия казахского быта, связанные с изъятием земель для переселенческих поселков (Шахматов, 1964).

В современной исторической науке вопросы трансформации традиционной этноэкономики казахов-скотоводов представлены в исследованиях А.В. Ремнева, Д.В. Кузнецова, А.А. Кузьмина, М.К. Чуркина и др. (Центральная Азия в составе..., 2008; Кузнецов, 2017; Кузьмин, 2005; Чуркин, 2006). Переселенческая политика государства рассматривается учеными как геополитическая задача, направленная на укрепление «славянским православным элементом» центральноазиатских окраин, являющихся важным трансграничным регионом. Современные казахстанские исследователи характеризуют переселенческую политику Российской империи как колониальную (Артыкбаев, 1993). Существенным дополнением данной проблематики может стать анализ материалов межведомственных дискуссий и совещаний, позволяющих проследить эволюцию взглядов правящей элиты Российской империи на судьбу традиционной экономики казахского общества.

4. Результаты

Как известно, в 80-е гг. XIX в. правительство приняло ряд законодательных актов в сфере крестьянского переселения¹, что значительно увеличило поток внутренней миграции в Сибирь и Степной край. Дополнительным импульсом массового переселения крестьян выступило образование в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги, в обязанности которого входило содействие заселению прилегающей к строящейся железнодорожной магистрали территории.

Эти события актуализировали вопрос о планомерном заселении казахских степей, выявлении земель для землеустройства переселенцев и, соответственно, дальнейших перспективах казахского кочевого хозяйства, нормах его землепользования. Весь спектр данных вопросов обсуждался на состоявшемся в декабре 1896 г. заседании Комитета Сибирской железной дороги. По его мнению, главным источником пополнения Переселенческого земельного фонда должны были стать пастбищные угодья кочевников. В связи с этим вновь была высказана идея о необходимости ускорения перехода казахов «к оседлому состоянию». В протоколе заседания подчеркивалось, что оседание «принесет немалую пользу делу колонизации Степного края, освободив много земель для переселенцев и подняв производительность этой окраины». Немаловажным аргументом в пользу ускоренного оседания скотоводов выступало представление о нерациональности использования ими огромных степных пространств, низкой рентабельности и экстенсивности хозяйств. По итогам заседания Комитета Сибирской железной дороги было принято решение о разработке «мер, способствующих переходу кочевников-казахов в оседлое состояние». С данным решением Комитет обратился в МВД, оно, в свою очередь, – к военным губернаторам областей Степного края с просьбой представить конкретные предложения по данному вопросу (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 1).

Следует отметить, что в своих заключениях военные губернаторы областей представляли достаточно взвешенную и объективную оценку развития казахских кочевых хозяйств и перспектив их оседания. В частности, губернатор Тургайской области Я.Ф. Барабаш отмечал, что предпринимаемые государством на протяжении XVIII–XIX вв. меры к поощрению оседания не дали какого-либо положительного эффекта. Тургайские казахи продолжали вести кочевой образ жизни, лишь незначительная их часть «засевала хлеба только для их внутренних потребностей» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 8об.-9).

В то же время, по заключению Ф.Я. Барабаша, переселение крестьян на территорию Тургайской области привело к появлению новых форм поземельных отношений у казахов – спрос на землю для распашки, не имевшую до этого денежной ценности, и возможность сдачи данной категории земель в аренду переселенцам. «Получение арендного дохода, – отмечал губернатор, – породило среди казахов соревнование и конкурентность по сдаче земель русским и вообще простимулировало казахов к расширению хлебопашества». Результатом новых тенденций в экономической жизни казахской пастбищной общины, связанной с переселением крестьян, также стал рост полукочевых хозяйств, сочетавших как животноводство, так и земледелие. По данным тургайского военного губернатора, из 70134 казахских хозяйств области 7297 (13 %) можно было отнести к разряду полукочевых (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 15).

Таким образом, Я.Ф. Барабаш делал заключение о «естественном процессе оседания казахов», вызванного «экономическими обстоятельствами – крестьянским переселением». Крестьянское переселение он считал «действенным механизмом, способным привести казахов к состоянию

¹ В 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные земли», по которым крестьяне получали на месте водворения по 45 дес. земли и другие льготы. В 1889 г. был принят закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», ознаменовавший установление контроля со стороны государства за процессом переселения.

оседлости», и предлагал развивать «русскую колонизацию в степи «с отображением у казахов находящейся в их пользовании земли, удобной для сельского хозяйства». По его прогнозам, казахи, оценив, что «им, как кочевникам, оставляется хоть и достаточное для скотоводческого хозяйства количество земли, но мало пригодной для земледелия, они будут просить о причислении их к оседлым поселениям, чтобы удержать за собой землю, необходимую для будущего изменения их образа жизни» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 21).

В своей служебной записке Я.Ф. Барабаш, пожалуй, впервые в чиновничьей среде высказал идею о невозможности массового перехода казахов на оседлый образ жизни. Из 400830 кв. верст Тургайской области только 1/3 оценивалась им как пригодная для занятия земледелием, административно совпадавшая с Актюбинским и Кустанайским, частично Тургайским и Иргизским уездами. Исходя из этого, военный губернатор всех казахов-кочевников области разделил на три группы. К первой отнес скотоводов, «по условиям населенных ими местностей, не способных перейти к земледелию». Ко второй – казахов, «малоопытных в ведении сельского хозяйства и могущих переходить к земледелию постепенно». К третьей – казахов, готовых к оседанию, но «пока не видящих никаких реальных выгод от этого» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 210б.).

В отношении третьей группы казахов-кочевников Я.Ф. Барабаш выступил сторонником «ускорения процесса оседания» и «перехода к высшей культуре». В служебной записке для достижения данной цели он предложил план мероприятий, который позднее выступил основой государственной политики седентаризации казахов. Первоочередной задачей предлагалось проведение специалистами «естественно-исторического и хозяйственно-экономического обследования» земель Тургайской области для выяснения количества земель, пригодных для занятия земледелием, и количества угодий, необходимых для ведения кочевого хозяйства 1-й и 2-й группами скотоводов. Механизмом стимулирования перехода казахов на оседлый образ жизни предлагалось предоставление им в «общественную полную собственность того количества земли, которое признается необходимым в результате обследования». Военный губернатор также был сторонником сохранения стимулирующих льгот. Он, в частности, предлагал выдавать казахам долгосрочные ссуды на домообзаведение (не менее 300 руб.), причислять их в сословие оседлых инородцев с предоставлением права сохранять существующий размер кибиточной подати. К числу «вспомогательных мер» Я.Ф. Барабаш относил распространение русского образования путем увеличения численности русских школ, открытия сельскохозяйственных школ, образцовых ферм, введения должности областного агронома и агрономического смотрителя (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 22 об.-240б.).

Губернатор Уральской области К.К. Максимович на запрос МВД представил служебную записку в октябре 1897 г. Ее анализ позволяет утверждать, что ситуация, связанная с оседанием казахов и формами их землепользования, была аналогична той, которая сложилась в соседней Тургайской области. По представлению губернатора, земельные ресурсы области, пригодные для занятия земледелием, были крайне ограничены. «На всем громадном пространстве области земледелием можно было заниматься только в северной ее части – в Уральском уезде». Таким образом, переход на оседлость был возможен только для казахов, кочующих в пределах данного уезда (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 26).

Темпы оседания кочевников в границах данной административно-территориальной единицы, по оценке губернатора, оставались крайне низкими. Льготами, которые представляло государство казахам при переходе на оседлость, фактически никто не пользовался. Совершенно не распространено было право наследственного владения каким-либо определенным участком для земледелия, гарантированного Временным положением об управлении регионом 1868 г. Причиной выступало то, что «при слабо развитом еще земледельческом промысле и зависящем от этого избытке земельных угодий, распашка земли под посевы хлеба, где она возможна, производилась каждым кибитковладельцем совершенно свободно, на любом летовочном месте, не стесняясь границами аула, и без всякого ограничения в количестве десятин». Земельных споров из-за пахотных мест у казахского населения Уральской области не наблюдалось, не было зафиксировано «случаев отвода в постоянное пользование кому-либо земельных участков для хлебопашества». Исключение составляли сенокосные участки, которые «приобрели особую ценность в глазах кочевников. Они были разделены поаульно, а в аулах, по приговорам общества, между кибитовладельцами, которые устраивали на них свои зимовки, передаваемые вместе с сенокосными участками по наследству (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 260б.).

Исходя из сложившейся ситуации, губернатор Уральской области К.К. Максимович предлагал план мероприятий, направленный на стимулирование процесса оседания казахов, во многом схожий с программой Я.Ф. Барабаша. Прежде всего он предлагал провести учет всей земли Уральской области, пригодной для земледелия, затем определить «нужды кочевников, окончательно устроив их в земельном отношении». Переселение крестьян, по его мнению, способно выступить мощным побудительным мотивом к седентаризации. «Размежевание земель, с выделом излишек, если таковые окажутся, для русских поселенцев, – считал он, – станет для киргиз, без всякого сомнения, поощрительной мерой. Под опасением лишиться лучших земель они не замедлят перейти к

земледельческому хозяйству, где оно возможно – образовать особые поселения» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 25).

Позиция генерал-губернатора Степного края М.А. Таубе по вопросу о месте этноэкономики казахов региона в модернизационных процессах оказалась во многом схожей с позициями губернаторов Уральской и Тургайской областей. На основании мнений военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей он в ответе на запрос Комитета Сибирской железной дороги в 1897 г. отмечал, что «не столько поощрительные, сколько принудительные меры могут содействовать переходу казахов к оседлости и в направлении последних именно действует постепенное стеснение пределов киргизского кочевания вследствие прироста населения и образования среди казахского населения крестьянских поселков» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 28об.). При этом М.А. Таубе подчеркивал, что в процессе оседания казахов осуществлять их землеустройство необходимо на их же земельных участках, при условии наименьшего стеснения кочующих казахов и по «правилам, установленным для крестьянских селений как относительно нормы надела, так и относительно управления и выдачи ссуд и пособий» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 76 об.-77).

Полученные заключения органов регионального управления степными областями послужили поводом к ускорению процесса обследования казахских кочевых хозяйств. По ходатайству Комитета Сибирской железной дороги министру земледелия и государственных имуществ в 1897 г. в регион было направлено дополнительно к экспедиции Ф.А. Щербины 6 партий «для проведения естественно-исторического и хозяйственно-статистического обследования Акмолинской и Семипалатинской областей» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 76 об.-77).

Итогом работы экспедиции Ф.А. Щербины стало выявление «излишков» земли у кочевников и массовое их изъятие в Переселенческий фонд. Экспедиция также вычислила необходимую для кочевых хозяйств площадь пастбищных угодий, в основе которой была выбрана норма, необходимая для содержания 24 единиц скота. Исходя из разнообразия почвенно-пастбищных характеристик были рассчитаны дифференцированные земельные нормы для степных уездов. Так, в Петропавловском уезде на одно кочевое хозяйство приходилось от 191 до 510 дес. земли, в Кокчетавском – от 209 до 444 дес. земли, Павлодарском – от 30 до 360 дес. земли и т.д. (Лысенко и др., 2014: 136).

Результат работы землеотводных экспедиций центральные и региональные органы государственной власти оценивали неоднозначно. Чиновники Переселенческого управления и Главного управления землеустройства и земледелия считали определенные экспедицией нормы завышенными. Напротив, степной генерал-губернатор и военные губернаторы областей, учитывая ограниченность земель, пригодных для земледелия, и невозможность в связи с этим массового перехода кочевников к оседлости, считали, что нормы землепользования казахов-кочевников, определенные экспедицией Ф.А. Щербины, недостаточны для ведения хозяйства. Генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин в письме министру внутренних дел в 1904 г. отмечал, что «самым главным поводом к обнаружению у казахов стремления к оседлости служат, конечно, не стремление к более культурной жизни и усовершенствованному, устойчивому хозяйству, а изменение к худшему экономических условий для привольного кочевания в степи, все более наполняемой оседлым населением. Короче сказать – как русский крестьянин идет на окраины от скученности и безземелья, так и степной казах стремится упрочить за собой землепользование оседлостью ввиду все более и более сокращающегося простора степей для его кочевых бродяжеств» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 109). Он подчеркивал, что «в киргизских волостях отошли под переселенческие участки лучшие земли, с хорошей почвой, угодьями, водой, и на долю кочевников остались по преимуществу урочища с маловыгодными природными условиями» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 11216. Л. 36об.).

Военный губернатор Семипалатинской области А.С. Галкин был убежден, что скотоводство будет еще долгие годы играть первостепенную роль в экономической жизни не только самих казахов, но и всей области. Он подчеркивал, что солончаки и пески, составляющие громадную часть территории степных областей, возможно использовать только при кочевом образе жизни, который вели казахи, и при том «с сохранением установившегося по обычаю права пользования летовками в способной для земледельческой культуры части степных областей. Только при таком раскладе огромные пространства, непригодные для земледелия, могут приносить обитателям степей благосостояние; и в интересах государства гораздо выгоднее поступиться для скотоводства сравнительно небольшой площадью так называемых летовок, тем самым сохранив для нужд скотоводства непригодные для других отраслей сельскохозяйственные земли, чем, обращая всех кочевников к оседлости, для чего пришлось бы поселить их на удобных землях» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 125об.).

Динамика пореформенного развития области, по мнению семипалатинского военного губернатора, показывала, что аграрный/животноводческий сектор экономики области будет оставаться ведущим еще долгие годы, главными предметами меновой торговли будут являться скот и продукты скотоводства. Они же выступали почти единственным предметом местной обрабатывающей промышленности. Несомненно, по заключению А.С. Галкина, что «очень большое

число казахов останется кочевниками и, как таковые, они будут полезны для государства в качестве скотоводов и исправных плательщиков государственных податей за право пользования, главным образом, неудобными для сельского хозяйства землями» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 126).

Позицию семипалатинского военного губернатора поддерживал генерал-губернатор Акмолинской области И.Н. Санников. Для «целесообразного развития сил и средств края» чиновник считал более рациональным отказаться от массового оседания кочевников, «не подвергать ломке существующий строй казахской жизни», «для обеспечения благосостояния кочевников направить скотоводческое хозяйство их к более интенсивному использованию степи, более целесообразным приемам животноводства». Таким образом, И.Н. Санников высказывался за развитие животноводческой отрасли в области, спрос на продукцию которой постоянно возрастал, и это выступало преобладающим фактором в экономической жизни казахского населения. По его мнению, для интенсификации животноводческой отрасли необходимо было как можно скорее решить вопрос о поземельном устройстве казахов-скотоводов (РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 246. Л. 276об.).

Противником массового перевода казахов на оседлость и занятия их земледелием был и тургайский военный губернатор А.А. Ломачевский. В начале 1901 г. по его инициативе казахи области составили «Записку киргизского народа по поводу отвода занимаемых им земель под устройство поселков для переселенцев», которую военный губернатор лично доставил в МВД. В Записке было изложено коллективное обращение кочевников с просьбой определить, «признает ли государство дальнейшее пребывание киргизского населения в его теперешнем кочевом состоянии удобным для высших государственно-экономических целей».

История имела большой общественный резонанс и вызвала новую волну обсуждений в правительственных кругах о судьбе казахского кочевого хозяйства. Дискуссия разворачивалась на фоне создания в урочище Истоа-Уткуль Актюбинского уезда Тургайской области заводских степных конюшен. Государственные интересы требовали предоставления казахам достаточного количества сенокосных угодий для коневодческих хозяйств. В результате был разработан циркуляр от 5 марта 1901 г., согласно которому землеотводным партиям предписывалось к установленным экспедицией Ф.А. Щербины нормам пастбищного пользования того или иного уезда степных областей добавлять еще 25 %. Кроме этого, правительством было рекомендовано временно приостановить работу землеотводных партий в Кокчетавском и Омском уездах Акмолинской области (Лысенко и др., 2014: 139).

Позиция региональной администрации и принятый циркуляр противоречили государственными интересам, связанным с активизацией переселенческого движения в Степной край. Возникшие межведомственные противоречия, а также общественный резонанс вопроса об излишках казахского землепользования и воздействия изъятий земли на кочевое хозяйство стали причиной повторного исследования региона. С 1904 по 1912 гг. статистические партии обследовали 17 уездов Степного края, в том числе 10 повторно. В результате были определены земельные излишки в размере 59010 тыс. дес. земли, из них изъято в колонизационный фонд 13080 тыс. дес., оставалось не изъятыми 45930 тыс. дес., представлявших в основном «сухие среднеазиатские степи, по которым ... лишь бродили кочевники со своими стадами» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1548. Л. 30б.).

В феврале–марте 1905 г. в Департаменте государственных и земельных имуществ состоялось совещание с участием членов землеотводных партий, работавших в регионе, и представителей Переселенческого управления МВД. На нем рассматривался вопрос о необходимости изменения норм казахского пользования пастбищными угодьями, установленных Инструкцией 1901 г., и порядке изъятия излишков земель у кочевников. Несколько месяцев спустя, в мае 1905 г., МВД запросило мнение министра земледелия и государственных имуществ П.Х. Шванебаха по вопросу о колонизационной емкости Степного края. Министр подтвердил, что «в степных областях количество свободных земель, которые могли бы быть обращены под заселение без ущерба для киргизов, весьма значительно». Однако возможность использования излишков в уездах, пригодных для занятия земледелием, требовала, по его мнению, немедленного утверждения предложенный составленного в феврале–марте 1905 г. Совещания. Положительный исход дела позволил бы продолжить землеотводные работы в Кокчетавском, Омском уездах, в северной части Кустанайского уезда – «местностях, имеющих в колонизационном отношении особенную ценность, и образовать здесь еще некоторое количество переселенческих участков» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1548. Л. 2-7).

Наконец в марте–ноябре 1907 г. состоялась череда межправительственных совещаний, по итогам которых были определены подходы к проблеме землепользования кочевых хозяйств в условиях набирающей темпы крестьянской миграции. Совещание сочло невозможным закрепить за кочующими казахами земельные права на их пастбищные угодья. В журнале Совещания отмечалось, что «закрепить определенные земельные площади возможно только за оседлым населением, которое само крепко сидит на земле и пользуется прилегающими к местам его оседлости землями в твердо установившихся и постоянных границах» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199-275). По мнению участников Совещания, препятствие к поземельному устройству казахов заключается не в правительстве, а в их кочевом быте. Пока казахи продолжали вести кочевой образ жизни, задача правительства виделась не в их поземельном устройстве, а лишь в сохранении за ними количества земли, необходимой для обеспечения их существующего быта.

Летом 1909 г. Совет министров утвердил Инструкцию, предусматривавшую механизм формирования государственного земельного фонда из земель-излишков, изъятых у казахо-скотоводов и устанавливавшую основания их перевода на оседлость с предоставлением земельных наделов. Осевшие казахи получали земельный надел по нормам, на одинаковых основаниях с русскими переселенцами. Норма составляла не более 15 дес. земли на одну муж. душу, земельный надел передавался осевшим в бессрочное пользование с выплатой за него оброчной подати (РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 54. Л. 90б.).

Курс на дальнейшую седентаризацию казахо-скотоводов был подтвержден в 1910 г., когда состоялась инспекторская поездка председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина и главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина в Сибирь и Поволжье. Посетив Акмолинскую область, территорию наибольшей концентрации переселенцев, политики пришли к заключению, что переселение «теснило кочевников, но не обездоливало», повышало их материальное и экономическое благосостояние. Это выражалось прежде всего в том, что земля у казахов окончательно приобрела рыночную стоимость, с чем была связана повсеместная практика сдачи ее в аренду. В начале XX в. фиксировался неизменный рост аренды с 25–30 коп. за дес. до 1 рубля. К числу благоприятных последствий оседания кочевников стали уменьшение численности бедных хозяйств, увеличение численности у казахов запашек, массовая покупка казахами уборочных сельскохозяйственных машин, сенокосилок и т.д. (Записка Председателя Совета..., 2011: 69-70). В результате политики седентаризации к началу XX в. более половины казахского населения постоянно занималось земледелием, а для более трети его – оно стало основным способом ведения хозяйственной деятельности. Почти 90 % казахского населения имело стационарные жилища или хозяйственные постройки, эксплуатация которых занимала от четверти до года ежегодно. Общим для всех степных областей и явным признаком роста благосостояния казахов, по мнению П.А. Столыпина, являлся процент ежегодного прироста казахского населения – 2,3 %, тогда как по всей империи он был ниже – 2 %. Уменьшалась в степи и детская смертность (Записка Председателя Совета..., 2011: 69-70).

Аналогичным образом оценивалась ситуация в казахских кочевых хозяйствах. Несмотря на массовую экспроприацию земель у скотоводов, наблюдался экономический рост их хозяйств. По данным, приведенным в Записке председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье, казахам-кочевникам была предоставлена земля по «самым заниженным и нигде еще не применявшимся нормам, выработанным в 1909 г. В Петропавловском уезде норма составила от 74 до 323 дес. на кибитку, в Акмолинском – от 85 до 286 дес. на кибитку, в Кокчетавском – от 72 до 328 дес., в Атбасарском – от 55 до 358 дес., в Омском – от 77 до 204 дес. Однако «такие объемы землепользования, – отмечалось в Записке, – не были характерны даже для помещиков средней руки в черноземных губерниях России» (Записка Председателя Совета..., 2011: 69). Признаком благополучия кочевых хозяйств выступал рост численности поголовья скота, например, в Петропавловском уезде более чем вдвое, в Омском и Кокчетавском уездах – в полтора раза (Записка Председателя Совета..., 2011: 69).

Планируемые в будущем изъятия земель у казахов-кочевников исключали юридическое закрепление за ними занимаемых пастбищных угодий. Поэтому в Записке была четко зафиксирована идея дальнейшего следования курсу седентаризации казахов. Только те из них, кто переходил к оседлому земледелию, могли и должны были быть устроены. В отношении кочевых хозяйств, «не обнаруживших пока достаточного улучшения и развития» (т.е. тенденций к оседанию), рекомендовалось «продолжать политику изъятия земельных излишков», оставляя кочевникам «часть земель по возможно пониженным нормам» (Записка Председателя Совета..., 2011: 69).

5. Заключение

Буржуазные преобразования в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в., сопровождавшиеся отменой крепостного права и массовым переселением крестьянства в Степной край, поставили на повестку дня вопрос о судьбе традиционного кочевого хозяйства казахов. Планируемые государством аграрные преобразования в регионе, связанные с созданием товарных земледельческих хозяйств, требовали значительных земельных ресурсов. Поэтому основным механизмом оптимизации кочевых хозяйств и их интеграции в общероссийскую экономическую систему виделось массовое оседание кочевников. При этом переход их к земледелию и интенсивным формам ведения скотоводческого хозяйства (с заготовкой кормов на зиму) рассматривался как закономерный и прогрессивный процесс.

В ходе многочисленных межведомственных дискуссий рубежа XIX–XX вв. утвердилось мнение, что государство должно отказаться от материального стимулирования данного процесса посредством введения дополнительных льгот и выплат. По мнению центральных и региональных органов власти, оседание казахо-кочевников должно было осуществляться естественным путем, под воздействием новых объективных экономических условий, вызванных массовым переселением крестьян и изъятием у казахов пастбищных угодий для землеустройства переселенцев. Таким образом, признавалась целесообразность увеличения миграционных потоков крестьян в Степной край.

Региональные чиновники в целом, признавая закономерность перехода казахов на оседлый образ жизни, призывали отказаться от массового распространения среди них земледелия. Главным аргументом в данном случае выступал факт отсутствия в Степном крае значительного количества земельных ресурсов, пригодных для ведения земледельческого хозяйства. Поэтому седентаризацию чиновники связывали с интенсификацией животноводческой отрасли, которая, по их мнению, позволяла создавать перерабатывающую промышленность в регионе и становилась определяющей в его экономической структуре. По причине ограниченности земельных угодий, пригодных для земледелия, региональные власти высказывались против массового оседания кочевников. Массовая экспроприация пастбищ в Переселенческий фонд, по их оценкам, выступала дестабилизирующим фактором социальной жизни Степного края. Поэтому они предлагали синхронизировать процесс изъятия земель с процессом землеустройства кочевников.

Массовое оседание казахов в начале XX вв., переориентация их хозяйств на рынок с применением различных сельскохозяйственных орудий труда, рост экономического благосостояния давали правительству основания считать, что избранный курс в их отношении оказался правильным. На основании этого делался вывод об успешности модернизации традиционной экономики казахов и достижении задачи их интеграции в общероссийскую экономическую систему.

Литература

- Артыкбаев, 1993** – *Артыкбаев Ж.О.* Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Алматы, 1993. 328 с.
- Аполлова, 1960** – *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX века. М., 1960. 456 с.
- Быков, 2003** – *Быков А.Ю.* Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в.). Барнаул, 2003. 267 с.
- Владимирский, 1902** – *Владимирский В.А.* К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1901 год. Омск, 1902. 27 с.
- Галузо, 1965** – *Галузо П.П.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 344 с.
- Добромыслов, 1895** – *Добромыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895. 360 с.
- Записка Председателя Совета..., 2011** – Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Барнаул, 2011. 140 с.
- Зиманов, Евреинов, 1955** – *Зиманов С., Евреинов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // *Труды Алма-Атинского юридического института*. Т. 1. Алма-Ата, 1955. С. 47-56.
- Кауфман, 1896** – *Кауфман А.А.* Отчет старшего производителя работ Кауфмана А.А. по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможностях ее колонизации. СПб., 1896. 26 с.
- Кожкенов, 1994** – *Кожкенов С.А.* Некоторые аспекты процесса колонизации и проникновения капитализма в Казахстан в исторической литературе 20–30-х годов XX в. // *Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение*. Алматы, 1994. С. 40-48.
- Кузнецов, 2017** – *Кузнецов Д.В.* Колонизационная и землеустроительная политика самодержавия в Степном крае в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Омского государственного аграрного университета*. 2017. 1 (25). С. 149-158.
- Кузьмин, 2005** – *Кузьмин А.А.* Институциональный анализ переселенческого освоения новых территорий (на примере земледельческого освоения Сибири): Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Омск, 2005. 26 с.
- Лысенко и др., 2014** – *Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В.* и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сафаров, 1921** – *Сафаров Г.* Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921. 148 с.
- Седельников, 1907** – *Седельников Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. 79 с.
- Сулейменов, 1963** – *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1963. 410 с.
- Центральная Азия в составе..., 2008** – *Центральная Азия в составе Российской империи*. М., 2008. 464 с.
- Чуркин, 2007** – *Чуркин М.К.* Переселения крестьян черноземного центра в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной активности и адаптации: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007. 41 с.
- Шахматов, 1964** – *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964. 207 с.

Щербина, 1905 – Щербина Ф.А. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905. 48 с.

References

- Apollova, 1960** – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazahstana s Rossiej v XVIII – nachale XIX veka [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the XVIII – early XIX century]. M., p. 456. [in Russian]
- Artykbaev, 1993** – *Artykbaev, Zh.O.* (1993). Kazahskoe obshchestvo v XIX veke: tradicii i innovacii [Kazakh society in the XIX century: traditions and innovations]. Almaty. P. 328. [in Russian]
- Bykov, 2003** – *Bykov, A.Yu.* (2003). Istoki modernizacii Kazahstana (problema sedentarizacii v rossijskoj politike XVIII – nachala XX v.) [The Origins of Kazakhstan's Modernization (the problem of sedentarization in Russian politics of the XVIII – early XX centuries)]. Barnaul, p. 267. [in Russian]
- Central'naya Aziya v sostave..., 2008** – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. M., 2008, p. 464. [in Russian]
- Churkin, 2007** – *Churkin, M.K.* (2007). Pereseleniya krest'yan chernozyomnogo centra v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migracionnoj aktivnosti i adaptacii [Resettlement of peasants of the Chernozem center to Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: determining factors of migration activity and adaptation]. Avtoref. dis. ...d. i. n. Omsk, p. 41. [in Russian]
- Dobromyslov, 1895** – *Dobromyslov, A.I.* (1895). Skotovodstvo v Turgajskoj oblasti [Cattle breeding in the Turgay region]. Orenburg, p. 360. [in Russian]
- Galuzo, 1965** – *Galuzo, P.P.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazahstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata, p. 344. [in Russian]
- Kaufman, 1896** – *Kaufman, A.A.* (1896). Otchet starshego proizvoditelya rabot Kaufmana A.A. po komandirovke v Turgajskuyu oblast' dlya vyasneniya voprosa o vozmozhnostyah ee kolonizacii [The report of the senior producer of the works of A. A. Kaufman on a business trip to the Turgay region to clarify the question of the possibilities of its colonization]. SPb., p. 26. [in Russian]
- Kozhkenov, 1994** – *Kozhkenov, S.A.* (1994). Nekotorye aspekty processa kolonizacii i proniknoveniya kapitalizma v Kazahstan v istoricheskoy literature 20–30-h godov. [Some aspects of the process of colonization and the penetration of capitalism in Kazakhstan in the historical literature of the 20–30 s. XX v.]. Kazahstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie. Almaty, pp. 40–48. [in Russian]
- Kuz'min, 2005** – *Kuz'min, A.A.* (2005). Institucional'nyj analiz pereselencheskogo osvoeniya novyh territorij (na primere zemledel'cheskogo osvoeniya Sibiri) [Institutional analysis of the resettlement development of new territories (on the example of the agricultural development of Siberia)]. Avtoref. dis. ... k. e. n.. Omsk, p. 26. [in Russian]
- Kuznecov, 2017** – *Kuznecov, D.V.* (2017). Kolonizacionnaya i zemleustroitel'naya politika samodержaviya v Stepnom krae v konce XIX – nachale XX v. [Colonization and land management policy of the autocracy in the Steppe Region in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1(25): 149–158. [in Russian]
- Lysenko et al., 2014** – *Lysenko, Yu.A., Anisimova, I.V., Tarasova, E.V. i dr.* (2014). Tradicionnoe kazahskoe obshchestvo v nacional'noj politike Rossijskoj imperii: konceptual'nye osnovy i mekhanizmy realizacii (XIX – nachalo XX v) [Traditional Kazakh society in the National Policy of the Russian Empire: Conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX centuries)]. Barnaul, p. 271. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. [in Russian]
- Safarov, 1921** – *Safarov, G.* (1921). Kolonial'naya revolyuciya (Opyt Turkestana) [The Colonial Revolution (The Experience of Turkestan)]. M., p. 148. [in Russian]
- Sedel'nikov, 1907** – *Sedel'nikov, T.I.* (1907). Bor'ba za zemlyu v kirgizskoj stepi (kirgizskij zemel'nyj vopros i kolonizacionnaya politika pravitel'stva) [The struggle for land in the Kyrgyz steppe (the Kyrgyz land question and the colonization policy of the government)]. SPb., p. 79. [in Russian]
- Shahmatov, 1964** – *Shahmatov, V.F.* (1964). Kazahskaya pastbishchno-kochevaya obshchina [Kazakh pastoral and nomadic community]. Alma-Ata, p. 207. [in Russian]
- Shcherbina, 1905** – *Shcherbina, F.A.* (1905). Kirgizskaya narodnost' v mestah krest'yanskih pereselenij [Kyrgyz people in the places of peasant resettlement]. SPb., 48 p. [in Russian]
- Sulejmenov, 1963** – *Sulejmenov, B.* (1963). Agrarnyj vopros v Kazahstane v poslednej treti XIX – nachale XX veka [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – early XX century]. Alma-Ata: Nauka, p. 410. [in Russian]
- Vladimirskij, 1902** – *Vladimirskij, V.A.* (1902). K voprosu o perekhode kirgiz v osedloe sostoyanie [To the issue of the transition of the Kyrgyz to a settled state]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo ruskogo geograficheskogo obshchestva za 1901 god*. Omsk, p. 27. [in Russian]
- Zapiska Predsedatelya Soveta..., 2011** – Zapiska Predsedatelya Soveta ministrov i Glavnoupravlyayushchego zemleustrojstvom i zemledeliem o poezdke v Sibir' i Povolzh'e v 1910 g. [Note by

the Chairman of the Council of Ministers and the General Manager of Land Management and Agriculture on a trip to Siberia and the Volga region in 1910]. Barnaul, 2011, p. 140. [in Russian]

Zimanov, Evreinov, 1955 – Zimanov, S., Evreinov, A.O. (1955). O haraktere feodal'noj sobstvennosti na zemlyu v Kazahstane [On the nature of feudal land ownership in Kazakhstan]. *Trudy Alma-Atinskogo yuridicheskogo instituta*. T. 1. Alma-Ata, pp. 47-56. [in Russian]

Этноэкономика казахов Степного края в модернизационных планах Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе делопроизводственной документации анализируется политика Российской империи в отношении традиционной экономики казахов Степного края в 80-е гг. XIX – начале XX вв. Отмечается, что буржуазные преобразования, сопровождавшиеся массовым переселением крестьянства в Степной край и созданием товарных земледельческих хозяйств, требовали значительных земельных ресурсов. Поэтому основным механизмом трансформации казахских кочевых хозяйств виделось их массовое оседание. Переход кочевников к земледелию рассматривался как закономерный и прогрессивный процесс. В ходе многочисленных межведомственных дискуссий рубежа XIX–XX вв. утвердилось мнение, что оседание должно было осуществляться естественным путем под воздействием новых объективных экономических условий, вызванных массовой миграцией крестьян и изъятием у казахов пастбищных угодий для землеустройства переселенцев. Таким образом, признавалась целесообразность увеличения масштабов переселенческих потоков в Степной край.

Региональная администрация в целом, признавая закономерность перехода казахов на оседлый образ жизни, призывала отказаться от массового оседания кочевников и массового распространения среди уже осевших земледелия, главным образом, по причине ограниченности земельных ресурсов, пригодных для ведения земледельческого хозяйства. Поэтому седентаризацию региональные чиновники связывали с интенсификацией животноводческой отрасли и развитием в крае промышленности по переработке продукции животноводства. Массовое оседание казахов в начале XX вв., переориентация их хозяйств на рынок с применением различных сельскохозяйственных орудий труда давали основания считать, что избранный курс на седентаризацию оказался верным.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, казахи, этноэкономика, оседание, модернизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 850-860.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.850
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Social Transformation of the Siberian Cossackdom within the Formation of the Urban Area of Northern Kazakhstan on the Cusp of the XIX–XX centuries

Zhaslan Ye. Nurbayev ^a, Gulmira Zh. Sultangazy ^{b,*}, Lepuda K. Mukatayeva ^b

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

^b M.S. Narikbayev KAZGUU University, Kazakhstan

Abstract

This article examines the specifics of the urban space formation in Northern Kazakhstan, which at the turn of the 19th and 20th centuries was part of the Steppe Governorate General. The authors explored the processes of the establishment of urban culture and the participation of the Siberian Cossacks in it using the example of the cities of Akmolinsk and Petropavlovsk.

The active development of the urban area of Northern Kazakhstan is determined by the administrative and economic activities of the Cossacks. It is obvious that the pre-revolutionary city had specific functions and character, due to geographical and civilizational factors, whereas the Cossacks on the cusp of the XIX–XX centuries experienced a complex transformation caused by the introduction of new forms of life and adaptation to urban life.

This article is aimed to identify the specifics of interaction of the Cossack class and the city in the context of colonial events, where the Cossack and the city act as equal dialectically interrelated subjects.

The transformation and formation of new social categories and professional orientations became relevant due to the energy of the city making them enjoy application of their labour abilities in the objective socio-economic conditions of the mentioned period. Thus, new professions and new social categories were developed in the Cossack environment. According to the authors, the cities were formed exclusively on the territory of the Border Lines. On the one hand, this fact was supposed to contribute to the development of the city and the formation of an urban lifestyle among the Cossacks, and on the other hand, the Border Line, performing the protecting function, grew to an area where the interests of the local Kazakh population and the Cossacks collided. Socio-economic communications of the Kazakh and Cossack societies led to a complex format of interaction between two differently oriented communities, speakers of different languages, bearers of different traditions and cultures.

Keywords: Northern Kazakhstan, Siberian Cossackdom, city, urban environment, urban area, social transformation, Kazakhs, Cossack colonization, historical urban studies, social groups.

1. Введение

Современные города Северного Казахстана были основаны в XVIII–XIX вв. в результате активного казачьего освоения и необходимости административного закрепления российского присутствия в регионе. Развитие городской среды создавало условия для новых активностей и сопровождалось трансформационными процессами внутри самой казачьей среды, когда под воздействием нового функционала происходили изменение или корректировка типичной казачьей практики существования и мировосприятия. В силу этого сложного взаимодействия город и городское пространство исследуемого периода имеют отличительные черты, обусловленные не только социальными, но и природно-климатическими факторами. В данной статье рассмотрена специфика взаимодействия казачьего сословия и города в контексте колониальных мероприятий,

* Corresponding author

E-mail addresses: sulg096@gmail.com (G.Zh. Sultangazy)

где казаки и город выступают как равноправные диалектически взаимосвязанные субъекты. Одновременно в статье рассмотрены вопросы создания городов на территории Казахстана в обозначенный период.

2. Материалы и методы

Документальным материалом послужили данные личного фонда Г.Е. Катанаева, хранящиеся в Историческом архиве Омской области (ГИАОО, ф. 366, 493 дела, не менее 4000 листов документного текста с материалами, собранными им также из архивов Петербурга, Москвы и Омска). Документальный материал по истории Сибирского казачьего войска представляет собой массив значительных сведений по политической, социальной, экономической жизни сибирского казачества. Особое место занимают материалы по изучению исторического прошлого казахского народа, этнокультурному взаимовлиянию казахского населения и казачества.

Важные материалы по особенностям возникновения города Акмолинска и роли казачества в этом процессе представлены в фонде государственного архива города Нур-Султан. Личный фонд краеведа Акмолинской области А.Ф. Дубицкого (ГАГНС, ф. 362, в котором материалы об Акмолинске (Целинограде) относятся к советскому времени, однако в первых двух описях есть дела, охватывающие период рубежа XIX–XX вв.) раскрывает историю возникновения Акмолинска, формирование и рост его в качестве города во взаимосвязи описания быта и культуры казачества края.

К другим источникам относятся сборники статистических данных и обзоры областей начала XX века, где отражены сведения о численности населения, его сословном и конфессиональном составляющих, объемах товарооборота и др.

Авторами предпринята попытка объяснить вышеуказанные процессы через метод фронта, позволяющий обозначить уникальность и самобытность городских пространств, созданных в период активной колонизации края. Исследователь в этом случае не фреймирован классическими представлениями о городе и культурной среде. В то же время фронт касается пограничных состояний обществ и отдельно взятых социальных категорий как в случае с казачеством, когда дескриптивный метод не способен объяснить трансформационные процессы, протекавшие в казачьем сословии, обусловленные изменениями как административного характера, так и культурного. Социально-экономические коммуникации казахского и казачьего обществ привели к сложному формату взаимодействия двух разноориентированных коллективов, носителей разных языков, традиций, культур, поскольку фронт понимается как пространство, где противостоят и взаимодействуют различные друг от друга общности. В данном случае подразумеваются степь и город (кочевое против оседлого), мусульманское и христианское население. На сегодняшний день метод фронта используется в двух вариациях: американской, где фронт рассматривается как фактор расширения. И второй вариант как теория колонизации, более подходящий для объяснения русского продвижения в Азию. В контексте настоящего исследования под фронтом-границей мы понимаем конкретную Пограничную линию и формирование на этой линии городов, которые создали неординарные условия и вызовы и стали пространством, где образовывались новые формы бытия.

3. Обсуждение

Городское пространство северной части современного Казахстана в период рубежа XIX–XX веков и ключевая роль казачества в данном процессе определили взаимную уникальную городскую культуру в крае. Условия жизнедеятельности казачьего сословия предполагали многозадачность и многофункциональность, что было присуще многим сословиям в условиях дореволюционной слаборазвитой российской экономики. Однако, в отличие от других сословий в дореволюционной России, казачество помимо хозяйственных обязанностей выполняло административные и военные функции. Полифункционализм казачества был также обусловлен целым рядом объективных факторов, как, например, природно-климатические условия, новая этническая среда и проживание в городах.

Дореволюционная историография представлена преимущественно работами обобщающего характера, где отражены сведения о хозяйственном укладе, быте и культуре сибирского казачества (Красовский, 1868) и этнографического направления (Живописная Россия, 1884). Научную ценность представляют обзоры, где представлена экономическая ситуация края (Усов, 1876). Предметом изучения стали и отношения между местным населением и казаками, которые зачастую могли носить конфликтный характер. Это побудило правительство и сибирскую администрацию обеспечить земледельческую колонизацию в этом крае устройством целой, довольно сильной линией укреплений, тогда как в других местах Сибири ограничивались постройкой отдельных острогов. Отсюда на лесостепной границе появляются не просто военные строения, а укрепленные Пограничные линии (Усов, 1876: 6). Указанные работы позволяют проследить генезис сибирского казачества и основные этапы освоения Приишимья, выстроить картину градостроительства и места казачества в этом процессе.

Советская историография, обозначая предпосылки образования городов, акцентировала внимание на экономических факторах. Развитие капитализма в крае, по мнению историков того

периода, ускорило процесс градостроительства (Герасимова, Бекмаханова, 1988: 25-49). Работы Н. Алексеенко, Н. Апполовой рассматривают сибирское казачество как с точки зрения демографического потенциала, так и экономических возможностей (Алексеенко, 1981; Апполова, 1976). Процесс участия казаков в создании городской среды отмечен также в работе Ж. Касымбаева (Касымбаев, 1990).

Советская историография практически не связывает процессы трансформации в казачьем обществе с развитием городской среды. Большинство исследователей видят причину изменений и движения социального характера в экономических причинах.

Вопросы городской цивилизации в степном пространстве и сегодня являются предметом дискуссий. Так, К. Байпаков, дополняя Марксовское определение, считает, что город – не только оппозиция деревни, но и степи (Байпаков, 2008: 15). Тогда как А.К. Кузембайулы считает, что антагонизма между городом и степью не было, а было конструктивное взаимодействие. Город и степь представляли собой своеобразные гаранты продовольственной безопасности и экономического дополнения друг другу (Кузембайулы, 2002: 53). В современной казахстанской историографии историческая урбанистика, представляя собой молодое направление, тем не менее имеет в качестве своей основы сложившийся пласт исследований по городоведению, отражающий различное понимание проблемы и аспектов ее изучения. Г.А. Алпысбаева считает, что в основу должна быть поставлена социокультурная эволюция реальных человеческих общностей, и такая тенденция уже сегодня прослеживается в исторической науке (Алпысбаева, 2015: 54). Она утверждает, что казахские города в силу объективных причин были слабее интегрированы в систему экономического взаимодействия, но промышленный и торговый аспекты градообразования не были единственными (Алпысбаева, 2015: 49). Действительно, наличие градообразующих объектов не всегда приводит к созданию городского духа. Так, В.А. Исупов в своих работах называл процесс советского градостроительства «псевдо-квазиурбанистикой» ввиду того, что ускоренный рост городов привел к диспропорции между численностью населения и степенью развития городской социальной инфраструктуры и, что немаловажно, к задержке формирования городского образа жизни (Исупов, 2013: 242). Тезис В.А. Исупова применителен как к развитию города, так и казахской городской среды периода XIX–XX вв.

Не отрицая значимости экономических факторов, отметим, что в настоящем исследовании город интересен не только как административная точка и центр развития промышленности и торговли, но прежде всего как некая социокультурная среда, которая создается активной деятельностью человека, т.е. казаком. Данный подход дает возможность освободиться от распространенного как в советской, так и современной казахстанской городской историографии тезиса об экономической обусловленности возникновения колониального города в степи. С другой стороны, важным акцентом в данном исследовании является взаимовлияние города и казака, а также структурные изменения в быту и практике восприятия мира казаком под влиянием новой городской реальности.

История продвижения границ империи в глубь казахской степи и строительства военных укрепленных линий имеет свои особенности и отличия от других территорий Сибири (Malyutina et al., 2019: 1431). Пограничная линия, выполняя функцию защиты, стала пространством, где сталкивались интересы местного казахского населения и казаков. Аналогичную роль играл Восточный Памир, который стал местом средоточия русского контингента и «примером конфликта и синтеза европейского мира Нового времени и традиционного кочевого общества» (Shorokhov et al., 2019: 1664). Изучение такого рода вопросов требует деликатного применения метода фронта. Существующая полемика относительно фронтальных исследований в исторической науке не снижает ее актуальности (Басалаева и др., 2020: 81-105).

На основе архивных документов личного фонда известного историка Западной Сибири и Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаева, отложившегося в Государственном историческом архиве Омской области, Л.К. Мукатаева освещает проблемы продвижения сибирского казачества в глубь степи, историю создания крепостей, вопросы землепользования между казаками и казаками, социально-экономические и этнокультурные отношения между казачеством и казахским населением Степного края (Мукатаева, 2014).

Перманентные столкновения наложили отпечаток на градостроение и в какой-то мере позволяют понять особенности переходного пограничного состояния изучаемых городских пространств рубежа XIX–XX вв., которые, являясь по функционалу административными центрами в архитектурном отношении, все еще представляли собой сельские поселения.

Современная городская история в Казахстане находится в парадигме освоения объема западной литературы, методов и подходов изучения, с одной стороны, и преодоления историческим сообществом определенных стереотипов, сдерживающих развитие данного направления – с другой.

Во-первых, распространенное мнение, что степь и город – понятия взаимоисключающие, на долгое время сделали данную тему непривлекательной для исследователей. Во-вторых, казахстанские города рубежа XIX–XX вв. представляли собой города неклассического типа и были скорее центрами для размещения административных единиц. В-третьих, неравномерность городов и городских поселений не позволяли выявить универсальные принципы их развития.

4. Результаты

Сибирские казаки кардинально отличались от других, напиме, Уральского или Донского казачества, которые «образовались самобытно, движением вольных и охочих людей на окраины государства» (Бабков, 1912: 26). Ядро Сибирского казачьего войска образовывалось постепенно из местных казаков, т.е. городских и крепостных, а также выписных – сибирских крестьян, выписываемых, т.е. посылаемых на временную службу для работ по возведению крепостей и редутов на существовавших прежде сибирских передовых военных линиях. Они владели землями, получали жалованье за несение пограничной службы и выполнение полицейских обязанностей. Взамен государство предоставляло им различные торговые и промысловые преференции. Формирование сибирского казачества было связано, прежде всего, с продвижением русского государства в юго-восточном направлении, одновременно строились крепости, постепенно на их основе стали развиваться города как военно-административные центры.

Пополнение казачьих войск в Казахской степи производилось из среды переселенцев, число которых с каждым годом увеличивалось в связи с крестьянской колонизацией. Однако желающих вступить в казачье войско из года в год становилось меньше, так как казачья администрация не могла обеспечить всех переселенцев, вступающих в военные ряды земельными наделами. В 1880–1890-е годы механический прирост сибирского казачества не наблюдается. Наоборот, количество отказавшихся от войскового сословия было больше числа вступивших в данное сословие. Это объясняется тем, что на территории южной Сибири и в Казахской степи произошли жестокие неурожаи, поэтому некоторые категории казаков имели возможность легально выходить из войска. Так, общий прирост казачьего населения в 1880-е годы составил 1,52 % (Андреев, 2007: 19–20).

Казачье сословие в начале XX века в городах Акмолинской и Семипалатинской областей было представлено незначительным количеством. Например, в 1902 году в Павлодаре проживало всего чуть более 1 % казаков (73 чел.). Если сравнить с сельским населением или численностью казаков в Павлодарском уезде, то на этот год их число составляло более 5 % (9207 чел.) от всего населения уезда (Обзор Семипалатинской области, 1903).

Аналогичная ситуация была и в других городах Акмолинской области: в Петропавловске к 1915 году проживало 5082 казаков (общее количество горожан составляло 50075 чел.), в Кокчетаве – 48 казаков (4787 чел.), в Акмолинске – 1814 казаков (18740 чел.) (Обзор Акмолинской области, 1915).

В общем, в первые пятнадцать лет XX столетия среднегодовой численный рост сибирского казачества достиг 2,33 %. В 1915 году численность сибирских казаков увеличилась до 172 тыс. человек, что составило около 3,9 % от всего казачества Российской империи (Андреев, 2007: 17).

Местом локации казаков были станицы, крепости, форпосты и редуты. Более крупные крепости имели потенциал для роста и городского развития, одновременно способствуя трансформации казачества в новых социально-экономических условиях.

Колониальные города азиатской части Российской империи периода XVIII–XIX вв. представляли собой центры численностью не более 50 тысяч человек, где основными жителями являлись служилые казаки, купечество. Механизм образования городов выглядел следующим образом: вначале строилась крепость как некий опорный пункт, защищающий границы русского государства, или как отправная точка для продвижения в глубь степей. Далее здесь появляется церковь, с одной стороны, как духовное место, с другой – как общественное пространство. Одновременно появляются торговцы и, как следствие, место торговли – базарная площадь, которую также нужно рассматривать как публичное пространство, где происходило столкновение и взаимодействие разных в своей сущности культур. Кстати, питейные места появляются в городах, развивая, таким образом, городскую инфраструктуру. И если торговое пространство было частью повседневного экономически обусловленного взаимодействия, то трактиры, будучи в своем роде необходимым атрибутом городского пространства, несли угрозу для кочевника. В свое время еще Кенесары Касымов высказывал опасения о негативном влиянии данных учреждений на казахов (Бекмаханов, 1947: 122).

Но процесс преобразования крепостей в города имел длительный характер, и, разумеется, не все крепости могли перейти в статус города.

Так, формированию европейского города способствовали наличие рынка, биржи, собора, суда, театра и трактира. Если этого многообразия нет, то по европейским представлениям и города нет. Дефиниции города предполагают наличие публичного пространства, людей, не занятых производственной деятельностью (Глазычев, 2009: 9–10).

Относительно определений города нет единого понимания, но в любом случае город в своем генезисе и развитии будет рассматриваться как пространство экономической активности и контрастности. Одним из примеров трансформации крепостей в города и казака в горожанина являются Акмолинск и Петропавловск. Петропавловская крепость была построена на реке Ишим в середине XVIII как военный опорный пункт. Выгодное географическое положение способствовало развитию региональной и внутренней торговли, и к 1825 году крепость становится городом. Численность городского населения постоянно увеличивалась. Если во второй половине XIX века количество горожан насчитывало около 10 тысяч человек, то к началу XX века в Петропавловске оно

достигло более 20 тысяч человек, что даже по меркам внутрироссийского города было внушительной цифрой (Киргизский край, 2006: 180).

В XIX же веке основание городов стало результатом деятельности не только казачества, но и коренного населения. Так, волостной султан Карпыковской волости Коныркулжа Кудаймендин в 1829 году инициирует открытие округа и города при урочище Акмола. Согласно записям начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майора С.Б. Броневского, его просьба была удовлетворена.

В мае 1830 года комендантом Петропавловской крепости подполковником Ф.К. Шубиным было определено место под будущий город в урочище Караоткель. Именно в этом месте проходили торговые караваны. 18 июня 1830 года казахская делегация от волостей в письменной форме одобрила и утвердила выбор этого места. Так зародился новый город на берегу реки Ишим (ГАГНС. Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 1-2).

В период восстания Кенесары Касымова в казахских степях произошло одно из важных событий в становлении города Акмолинска. В 1838 году войска последнего хана Казахского ханства попытались захватить его и в результате осады военное укрепление сильно пострадало от пожара. В течение последующих двух лет казаки и крестьяне восстанавливали фортификационные сооружения, заново возводили стены и башни-бастионы. Восстановительные строительные работы завершились к 1840 году. В этом же году увеличилась численность гарнизона, сюда был переброшен 2-й Сибирский линейный батальон.

В 1845 году казаки-переселенцы образовали Акмолинскую казачью станицу. Статус города Акмолинской крепостью был получен в 1863 году. Затем в 1869 году упраздняется Акмолинский приказ, а в 1876 году – само Акмолинское укрепление (ГАГНС. Ф. 362. Оп. 1. Д. 253. Л. 72). На начало XX века население города Акмолинска достигло 8758 человек, что вывело его на третье место по количеству населения среди городов Акмолинской области после Омска и Петропавловска (Киргизский край, 2006: 181).

Тем не менее Акмолинск и Петропавловск были далеки от классических городов европейского и российского форматов. Они скорее напоминали большие деревенские поселения. Горожане занимались земледелием и разводили скот, что также не укладывается в определение городского жителя, который в большинстве своем является потребителем деревенского производства. В данном случае горожанин выступает в качестве создателя и, по сути, находится в условиях натурального хозяйства.

Но и внутрироссийская действительность не могла создать условий, при которых возможно было бы развитие городов в классическом европейском понимании, где под городской культурой понимают «особую среду порождения, распространения ценностей и обмена ими между свободными гражданами» (Глазычев, 2009: 15). Особенностью внутрироссийских городов было и то, что основная часть их населения кормилась преимущественно с «огородов», что закрепляло аграрный облик городов. Эта практика сохранялась до советской политики градостроительства.

Но, если за городом закрепить функцию поселения как центра влияния на социально-экономические и политические процессы, то в этом случае Акмолинск и Петропавловск соответствовали городу, так как они оказывали существенное влияние на жизнь степного пространства.

В то же время В. Глазычев выводит тезис, что формирование городов и городской среды является делом рук самих жителей (Глазычев, 2009: 15). Во всех казачьих поселениях при активном участии населения шло строительство новых церквей. Приходя на новое место, казаки начинали со строительства церкви или часовни. Расходы на строительство храмов и содержание духовенства целиком брали на себя казаки.

Церковь является одним из главных атрибутов города. В 1854–1856 годах в центре Акмолинской крепости за счет войсковой казны была построена однопрестольная Константино-Еленинская деревянная церковь. Православного священника сначала не было, его обязанности мог исполнять старейшина из казачьего сословия. Уже позже появится официальный православный приход.

После упразднения статуса военного укрепления и преобразования Акмолинска в город казаки Акмолинской станицы стали требовать возвращения им Константино-Еленинской церкви как собственности Сибирского казачьего войска. В 1900 году церковь была разобрана и перевезена в станицу. 14 мая произошла ее закладка на станичной площади, после чего церковь предстала в значительно измененном виде: не подлежала восстановлению колокольня, внешние стены были отреставрированы и побелены, а прежде были обшиты тесом. Церковная станичная площадь стала служить местом проводов казаков на военную службу, крестных ходов на пасху и иных престольных праздников, стала местом сосредоточения общественных мероприятий, праздников и торжественных шествий (ГАГНС. Ф. 362. Оп. 1. Д. 253. Л. 72; ГАГНС. Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 2-4).

В начале XX века Акмолинск имел две мечети, два православных храма и синагогу. Основная часть населения города была православной, мусульмане были представлены татарами и казахами. Совсем малый процент приходился на иудейское население. Более того, среди казачьего сословия были иудеи и мусульмане.

Постепенно казачество под влиянием новых условий меняет обычный уклад, адаптируя его под городское жизнеустройство. При правлении Александра I было инициировано слияние казаков-офицеров с дворянством, торговых казаков с русским купечеством, остальных с крестьянством, однако на тот период это оказалось невозможным – соединить свободных и воинственных казаков с русским крестьянством. Императивный посыл, направленный на социальные трансформационные процессы, не имел эффекта, так как для этого нужны были объективные условия. Городские поселения изменили структуру казачества, несмотря на его корпоративность, потому как город стал центром активной внутренней и международной торговли, способствуя, таким образом, развитию капиталистических отношений.

В середине XIX века после принятия манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости было принято решение о сближении казаков в отношении устройства их гражданского быта с прочим населением империи. Казачьи офицеры и чиновники были освобождены от обязательной воинской службы, их земельные наделы переведены в частную собственность. Был учрежден особый класс войсковых граждан, свободный от воинской повинности и своей деятельностью послуживший развитию промышленности и благоустройства войск. Были приняты меры к распространению среди казаков образования.

После реформ значительная часть земель ушла из сословного владения. Рост населения привел к дефициту земли. Недостаток земли и развитие общего образования привели к формированию новых профессиональных направлений. Появились выходцы из казачества – адвокаты, учителя, фабриканты, ремесленники. Началось деление казаков на войсковых и гражданских. Социальная структура казачества была достаточно сложной не только из-за сословных дифференциаций, но и в результате усиливающегося имущественного неравенства, выделения зажиточных слоев, малоимущих и середняцких казачьих хозяйств ([История казачества Азиатской России, 1995: 101-102](#)).

Вместе с тем тяжелая воинская служба приводила к обеднению казачества, что явилось одной из главных причин социальной трансформации. В то же время в выполняемом функционале казаков произошли определенные изменения. Так, по мнению казахстанского исследователя, сибирское казачество начинает уступать «первенство в колонизационной функции переселенческому крестьянству» ([Мусырман, 2005: 42](#)), что естественным образом способствовало социальной трансформации в казачестве.

На рубеже XIX–XX вв. в казачьей среде появляются новые социальные группы, происходит дифференциация по имущественному и экономическому признакам. Привилегированное положение имели офицерский состав и войсковые чиновники, которые получали чиновно-служилое сословие – потомственное дворянство. Их жизнь и быт существенно отличались от рядового казачества. Ярким примером может служить вопрос землепользования, так как для офицеров-чиновников оно было основано на правах пожизненного.

Во второй половине XIX века появились такие категории казачества, как неслужилое сословие. В этот период происходил процесс сокращения сроков службы и количества служилых казаков. Оставшаяся часть освобождалась от военной службы и пополняла ряды неслужилых казаков. Такие группы занимались сельским хозяйством, торговлей, ремесленничеством и облагались дополнительным налогом.

Отдельной категорией в казачестве считается духовенство. Первые православные духовные служители и вовсе были из казаков. Позже в результате переселения огромного числа крестьянского населения православными священнослужителями становились выходцы из крестьян. Несмотря на тенденции ослабления религиозности среди казаков в начале XX века, основная их часть была крепка в вере. Многие церкви строились по инициативе и на средства казаков. В основном местный штат церковнослужителей выбирался прихожанами из казачьего населения, затем утверждался приказом епархиального архиерея.

Среди казаков встречалось немало представителей раскольного движения. На территории, которым владело Сибирское войско, в 1912 году было зарегистрировано 8934 старообрядца и сектанта, в казачьих же районах Урала их было гораздо больше (26979 – на землях Оренбургского войска и 71245 – на землях Уральского) ([История казачества Азиатской России, 1995: 150-152](#)).

Церковь занималась миссионерской деятельностью в среде казаков-старообрядцев, ей удавалось добиваться некоторых результатов. После выхода Указа от 17 апреля 1905 года «О свободе вероисповедания» деятельность миссионеров приобрела менее заметные масштабы. Религиозность казачества отражалась на многих мелочах повседневной жизни, в праздничной обрядности.

Особой социальной группой казачества считались торговые казаки. Казаки-купцы были освобождены от военной службы, однако должны были ежегодно оплачивать сборы в торговый капитал. Им разрешали устраивать и содержать на войсковых землях фабрики и заводы, повсеместно осуществлять торговые операции, торговать оптом и в розницу. Среди торговых казаков встречались крупные скотовладельцы, а также те, кто занимался предпринимательством.

Хрестоматийным примером появления городской культуры и трансформации казачьего сословия является история семьи Кубриных. Основателем фамилии был Константин Кубрин. Сыновья Андриан и Матвей имели отдельные торговые дома в Акмолинске. В начале XX века в Акмолинске Кубрины являлись наиболее влиятельными купцами, сумевшими открыть свое дело как по всей области, так и в Москве (Касымбаев, Агубаев, 1998: 91-92).

Матвей Кубрин большое внимание уделял своим сотрудникам, обеспечивая их материальные и духовные запросы. В 1915 году в Акмолинске было создано Общество служащих товарищества на паях «Матвей Кубрин с сыновьями и Ко», важной задачей которого стало повышение культурного и образовательного уровня участников организации. Для членов общества проводились лекции, литературные и поэтические вечера. Помимо этого, М. Кубрин являлся попечителем городского трехклассного училища (Этносы Акмолинского Приишимья, 2009: 33).

Характерной чертой казачества восточных регионов империи был его полиэтнический и многоконфессиональный состав. Кроме славянских этносов в казачьем сословии состояло немало калмыков, башкир, татар и др., большая часть которых относилась к нехристианским конфессиям. У данных групп казаков встречалось весьма интересное переплетение элементов различных культур и верований (История казачества Азиатской России, 1995: 150).

Добровольно вступавшими в войсковое сословие в основном были казахи-джатаки, из-за своей крайней бедности не имевшие возможности кочевать в степи, и осевшие в прилинейных крепостях и редутах в качестве наемных работников. Они зачислялись в войско по материальным соображениям, например, рассчитывая на получение продовольствия для себя и своих детей (по положению 1808 г. казачьи дети возрастом от 2 до 17 лет обеспечивались продовольствием за счет казны). По подсчетам Г.И. Успеньева, «новокрещенные киргизы» и их сыновья, числившиеся уже в качестве «казачьих детей», в 1831 г. составляли около 4 % сибирских линейных казаков (Успеньев, 1984: 141-142).

Город, находясь в тесном взаимодействии со степью, был подвержен влиянию казахской культуры и быта. Формируется своеобразный образ жизни горожанина. По утверждению Г.Е. Катанаева, казаки, находясь в тесном взаимодействии с местным населением в течение не одного десятилетия, перенимали элементы хозяйства, особенно скотоводства, домашнего быта, одежды, порой обычаи и даже язык (ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 338. Л. 6).

Г.Е. Катанаев в своих изысканиях приводит интересные сведения о быте и хозяйственных особенностях казахского народа и казачества. Он рассматривает хозяйство и быт казахов и русских, проживающих в Степном крае, не обособленно – каждый сам по себе, а параллельно – казахи и русские в одинаковых условиях, в одном временном срезе, равноценной зажиточности по всей структуре позиций домашнего обихода и имущественного положения (Мукатаева, 2014: 163).

На территории Пограничной линии русская и казахская речь одинаково использовалась в официальном делопроизводстве и быту: от разговоров ямщиков, в суде до рапортов и докладов станичных начальников. Об этом свидетельствует и сибирский ученый, общественный деятель Григорий Потанин (Живописная Россия, 1884: 113). М.И. Красовский также приводит сведения о случаях разбирательств между казахом и казаком в суде биев, что говорит об уважительном отношении к суду в степи. Это также показатель того, что казаки не всегда могли рассчитывать на защиту своих интересов со стороны царской администрации. Следовательно, можно утверждать, что межэтнические взаимоотношения в Степном крае имели свои особенности (Красовский, 1868: 403).

Несмотря на взаимовлияние культур, казачество культивировало свою уникальность и сохраняло скрепы, противопоставляя себя русской культуре: «мы не едим мясо чужого реза – от русских или каракалпаков не возьмем ничего» (Сагнаева, 1993: 128). Значительное число блюд казачьей кухни было заимствовано у кочевых народов, часть из которых была включена в рацион без трансформации, другая часть интегрирована в рацион с некоторыми поправками. Так, казахское национальное блюдо «бешбармак» готовилось не только из конины и баранины, но и из птицы и рыбы, что впоследствии было перенято местными народами и устойчиво вошло в татарскую, казахскую и другие кухни (Савичев, 2006: 138).

5. Заключение

Таким образом, активное развитие городского пространства Северного Казахстана связано с административной и экономической деятельностью казачества. Очевидно, что дореволюционный город обладал специфическими функциями и характером, обусловленными географическими и цивилизационными факторами. Казачество рубежа XIX–XX вв. пережило сложную трансформацию, связанную с внедрением новых форм бытия и адаптацией к городской жизни. Анализ источников и материалов позволяет нам говорить о том, что одним из сдерживающих факторов развития городской среды и образа жизни, помимо вышеуказанных, является неготовность казачества к новым моделям устройства. Однако, несмотря на данный факт, казачество участвовало в процессе создания городского пространства по долгу службы. Вне официальной деятельности казак предпочитал заниматься традиционными видами хозяйства. Постепенно из казачества формируются новые социальные группы: учителя, адвокаты, торговцы, духовенство, что, естественно, происходило под влиянием города. Новая социально-экономическая реальность, спродуцированная городом,

сформировала запросы на иные социальные группы или на необходимость корректирования своих традиционных профессиональных навыков применительно к текущей социально-политической ситуации.

6. Благодарности

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. АР08857378).

Литература

- Алексеевко, 1981** – Алексеевко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981. 112 с.
- Алпысбаева, 2015** – Алпысбаева Г.А. Историческая урбанистика Казахстана. Историографический обзор / Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г. Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 47–60.
- Андреев, 2007** – Андреев С.М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.). Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Кемерово, 2007. 43 с.
- Апполова, 1976** – Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М., 1976. 371 с.
- Бабков, 1912** – Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912. 575 с.
- Байпаков, 2008** – Байпаков К.П. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетису // *Известия Национальной академии наук РК. Серия общественных наук*. 2008. № 1 (254). С. 3–25.
- Басалаева и др., 2020** – Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мильчев В.И., Мизис Ю.А., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сень // *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2020. № 1 (27). С. 81–105.
- Бекмаханов, 1947** – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 годы XIX в. Алма-Ата, 1947. 392 с.
- ГАГНС** – Государственный архив города Нур-Султан.
- Герасимова, Бекмаханова, 1988** – Герасимова Э.И., Бекмаханова Н.Е. Проблемы политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. (70–80-е годы) // *Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период)*. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 25–49.
- ГИАОО** – Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области».
- Глазычев, 2009** – Глазычев В. Политическая экономия города. М., 2009. 192 с.
- Живописная Россия, 1884** – Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П.П. Семенова. Том XI. СПб.-М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1884.
- История казачества Азиатской России, 1995** – История казачества Азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. Гл. редактор В.В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 271 с.
- Исупов, 2013** – Исупов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х – 1930-е гг. // *Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации / Материалы Межрегиональной научной конференции*. 6–7 июня 2013 года. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 238–245.
- Касымбаев, 1990** – Касымбаев Ж. Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг. (социально-экономический аспект). Алма-Ата, 1990. 184 с.
- Касымбаев, Агубаев, 1998** – Касымбаев Ж.К., Агубаев Н.Ж. История Акмолы (XIX – начало XX века): исследования, источники, комментарии. Алматы, 1998. 176 с.
- Киргизский край, 2006** – *Киргизский край* / Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Том восемнадцатый. Под редакцией В.П. Семенова. СПб., 1903. Репринтное издание. Уральск, 2006. 496 с.
- Красовский, 1868** – Красовский М.И. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Ч. 3. СПб., 1868.
- Кузембайулы, Абиля, 2002** – Кузембайулы А., Абиля Е. История Казахстана. Астана: Фолиант, 2002. 368 с.
- Мукатаева, 2014** – Мукатаева Л. Сибирский историк Степного края. Астана, 2014. 184 с.
- Мусырман, 2005** – Мусырман А. Сибирское казачество на рубеже XIX–XX вв. (основные проблемы социально-экономического развития). Петропавловск, 2005. 176 с.
- Обзор Семипалатинской области, 1903** – Обзор Семипалатинской области за 1902 год. Семипалатинск, 1903. 95 с. Ведомость о числе населения Семипалатинской области по сословиям за 1902 год.

Обзор Акмолинской области, 1915 – Обзор Акмолинской области за 1914 год. Акмолинск, 1915. 76 с. Ведомость о числе населения Акмолинской области по национальностям и сословиям за 1914 год.

Савичев, 2006 – Савичев Н. Уральская старина. Рассказы из виденного и слышанного. Уральск, 2006. 468 с.

Сагнаева, 1993 – Сагнаева С. Материальная культура уральского казачества конца XIX – начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. 236 с.

Усов, 1876 – Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1876. 320 с.

Успенев, 1984 – Успенев Г.И. Казахи в составе Сибирского казачьего войска // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск, 1984. С. 141-142.

Этносы..., 2009 – Этносы Акмолинского Приишимья: история и современность. Астана, 2009. 280 с.

Malyutina et al., 2019 – Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B. Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1429-1438.

Shorokhov et al., 2019 – Shorokhov V.A., Andreev A.A., Yanchenko D.G. The Last Frontier of the Empire: The Eastern Pamir in Russian Border Culture // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1656-1669.

References

Alekseenko, 1981 – Alekseenko, N.V. (2015). Naselenie dorevolucionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870-1914 gg.) [Population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition, 1870-1914)]. Alma-Ata, 112 p. [in Russian]

Alpysbaeva, 2015 – Alpysbaeva, G.A. (2015). Istoricheskaya urbanistika Kazakhstana. Istoricheskij obzor [Historical urbanism of Kazakhstan. Historiographical review]. *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Surgut, SurGU, 14 noyabrya 2014 g. Kurgan: OOO «Kurganskii Dom pečhati»*, pp. 47-60. [in Russian]

Andreev, 2007 – Andreev, S.M. (2007). Sibirskoe kazach'e vojsko kak social'no-territorial'naya sistema: organizaciya i osnovnye etapy razvitiya (1808-1917) [Siberian Cossack army as a socio-territorial system: organization and main stages of development (1808-1917)]. Avtoref. diss. d-ra ist. nauk. Kemerovo, 43 p. [in Russian]

Appolova, 1976 – Appolova, N.G. (1976). Hozyajstvennoe osvoenie Priirtysh'ya v konce XVI – pervoj polovine XIX vv. [Economic development of the Irtysh region at the end of the XVI – first half of the XIX centuries]. М., 371 p. [in Russian]

Babkov, 1912 – Babkov, I.F. (1912). Vospominaniya o moej sluzhbe v Zapadnoj Sibiri. 1859–1875 [Memoirs of my service in Western Siberia. 1859–1875]. St. Petersburg, 575 p. [in Russian]

Bajpakov, 2008 – Bajpakov, K.P. (2008). Gorod i step' v drevnosti: osedlost' i zemledelie u sakov i usunej Zhetisu [The city and the steppe in ancient times: settlement and agriculture among the Saks and Usuns of Zhetisu]. *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk RK. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1(254): 3-25. [in Russian]

Basalaeva i dr., 2020 – Basalaeva, I.P. Dubman, E.L., Mil'chev, V.I., Mizis, Yu.A., Sen', D.V., Urushadze, A.T., Hodarkovskij, M. (2020). Kak segodnya izuchat' frontiry? Diskussiya po stat'e D.V. Senya [How to study frontiers today? Discussion on the article by D.V. Senya]. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 1(27): 81-105. [in Russian]

Bekmahanov, 1947 – Bekmahanov, E. (1947). Kazahstan v 20-40 gody XIX v. [Kazakhstan in the 20-40 years of the XIX century]. Alma-Ata, 392 p. [in Russian]

Etnosy, 2009 – Etnosy. Akmolinskogo Priiшим'ya: istoriya i sovremennost' [Ethnic groups Akmola priiшимje: history and modernity]. Астана, 2009. 280 p. [in Russian]

GAGNS – Gosudarstvennyj arhiv goroda Nur-Sultan [State Archive of the city of Nur-Sultan].

Gerasimova, Bekmahanova, 1988 – Gerasimova, E.I., Bekmahanova, N.E. (1988). Problemy politicheskoi i social'no-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana XVIII–XIX vv. (70-80-e gody) [Problems of political and socio-economic history of Kazakhstan of the XVIII–XIX centuries (70-80-ies)]. *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Kazakhstana (dorevoljucionnyi period)*. Alma-Ata, Nauka, pp. 25-49. [in Russian]

GIAOO – Byudzhethnoe uchrezhdenie Omskoj oblasti «Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti» [Budget institution of the Omsk region «Historical archive of the Omsk region»].

Glazychev, 2009 – Glazychev, V. (2009). Politicheskaya ekonomiya goroda [Political economy of the city]. Moscow, 192 p. [in Russian]

Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii, 1995 – Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii [History of the Cossacks of Asian Russia]. Т. 2. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Gl. redaktor V.V. Alekseev. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. 271 p. [in Russian]

Isupov, 2013 – *Isupov, V.A.* (2013). Kvaziurbanizaciya v stalinskoj strategii modernizacii Sibiri: vtoraya polovina 1920-h – 1930-e gg. [Quasi-urbanization in the Stalinist strategy of modernization of Siberia: the second half of the 1920s-1930s]. *Regional'nye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya rossiiskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii. Materialy Mezhtsional'noi nauchnoi konferentsii*. Pp. 238-245. [in Russian]

Kasymbayev, 1990 – *Kasymbayev, Zh.* (1990). Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861-1917 gg. (social'no-ekonomicheskij aspekt) [Cities of East Kazakhstan in 1861-1917 (socio-economic aspect)]. Alma-Ata, 184 p. [in Russian]

Kasymbayev, Agubaev, 1998 – *Kasymbayev, Zh.K., Agubaev, N.Zg.* (1998). Istoriya Akmoly (XIX – nachalo XX veka): issledovaniya, istochniki, kommentarii. [The history of Akmola (XIX – early XX century): research, sources, comments]. Almaty, 176 p. [in Russian]

Kirgizskij kraj, 2006 – Kirgizskij kraj. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva [Russia. Complete geographical description of our Fatherland]. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Tom vosemnadtsatyi. Pod redaktsiei V.P. Semenova. SPb., 1903. Reprintnoe izdanie. Ural'sk, 2006. 496 p. [in Russian]

Krasovskij, 1868 – *Krasovskij, M.I.* (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii. Oblast' sibirskih kirgizov [Materials for geography and statistics of Russia. The region of the Siberian Kirghiz]. Ch. 3. St. Petersburg. [in Russian]

Kuzembajuly, Abil', 2002 – *Kuzembajuly, A., Abil', E.* (2002). Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan]. Astana, Folio, 368 p. [in Russian]

Malyutina et al., 2019 – *Malyutina, L.F. Gergilev, D.N., Gryaznuhin, A.G., Zhabaeva, L.B.* (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. 54(4): 1429-1438.

Mukatayeva, 2014 – *Mukataeva, L.* (2014). Sibirskiy istorik Stepnogo kraja. [Siberian historian of the Steppe Region]. Astana, 184 p. [in Russian]

Musyрман, 2005 – *Musyрман, A.* (2005). Sibirskoe kazachestvo na rubezhe XIX–XX vv. (osnovnye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya) [Siberian Cossacks at the turn of the XIX–XX centuries (the main problems of socio-economic development)]. Petropavlovsk, 176 p. [in Russian]

Obzor Semipalatinskoj oblasti, 1903 – Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1902 god [Overview of the Semipalatinsk region for 1902]. Semipalatinsk, 1903. 95 p. Vedomost' o chisle naseleniya Semipalatinskoj oblasti po sosloviyam za 1902 god. [in Russian]

Obzor Akmolinskoj oblasti, 1915 – Obzor Akmolinskoj oblasti za 1914 god [Review of the Akmola region for 1914]. Akmolinsk, 1915. 76 p. Vedomost' o chisle naseleniya Akmolinskoj oblasti po natsional'nostyam i sosloviyam za 1914 god. [in Russian]

Savichev, 2006 – *Savichev, N.* (2006). Ural'skaya starina. Rasskazy iz vidennogo i slyshannogo [Uralskaya starina. Stories from what I've seen and heard]. Uralsk, 468 p. [in Russian]

Sagnaeva, 1993 – *Sagnaeva, S.* (1993). Material'naya kul'tura ural'skogo kazachestva konca 19 – nachala 20 veka [Material culture of the Ural Cossacks of the late 19th – early 20th century (development of ethnic traditions)]. Moscow, 236 p. [in Russian]

Shorokhov et al., 2019 – *Shorokhov, V.A., Andreev, A.A., Yanchenko, D.G.* (2019). The Last Frontier of the Empire: The Eastern Pamir in Russian Border Culture. *Bylye Gody*. 54(4): 1656-1669.

Usov, 1876 – *Usov, F.* (1876). Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego vojska [Statistical description of the Siberian Cossack army]. St. Petersburg, 320 p. [in Russian]

Uspen'ev, 1984 – *Uspen'ev, G.I.* (1984). Kazahi v sostave Sibirskogo kazach'ego vojska [Kazakhs as part of the Siberian Cossack Army]. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorij: Tezisy dokladov oblastnoi nauchnoi konferentsii po etnografii*. Omsk, pp. 141-142. [in Russian]

Zhivopisnaya Rossiya, 1884 – Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii [Pictorial Russia. Our fatherland in its land, historical, tribal, economic and domestic significance]. Pod red. P.P. Semenova. Tom XI. SPb.-M.: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f. [in Russian]

Социальная трансформация сибирского казачества в условиях формирования городского пространства Северного Казахстана на рубеже XIX–XX вв.

Жаслан Есеевич Нурбаев^a, Гулмира Жолмагамбеткызы Султангазы^{b, *},
Лепуда Каримкызы Мукатаева^b

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

^b Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева, Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sulgo96@gmail.com (Г.Ж. Султангазы)

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности формирования городского пространства в Северном Казахстане, входившем на рубеже XIX–XX веков в состав Степного генерал-губернаторства. Авторы на примере городов Акмолинск и Петропавловск исследовали процессы становления городской культуры и участия в нем сибирского казачества.

Активное развитие городского пространства указанного периода связано с административной и экономической деятельностью казачества. Очевидно, что дореволюционный город обладал специфическими функциями и характером, обусловленными географическими и цивилизационными факторами. А казачество рубежа XIX–XX вв. пережило сложную трансформацию, связанную с внедрением новых форм бытия и адаптацией к городской жизни.

Целью настоящей статьи является выявление специфики взаимодействия казачьего сословия и города в контексте колониальных мероприятий, где казак и город выступают как равноправные диалектически взаимосвязанные субъекты.

Трансформация и формирование новых социальных категорий и профессиональных направленностей актуализировались энергетикой города, обуславливающей нахождение применение своих трудовых способностей в объективных социально-экономических условиях обозначенного периода. Так, в казачьей среде сформировались новые профессии и новые социальные категории. По мнению авторов, города формировались исключительно на территории Пограничных линий. С одной стороны, этот факт должен был способствовать развитию города и формированию городского образа жизни среди казачества, а с другой – Пограничная линия, выполняя функцию защиты, стала пространством столкновений интересов местного казахского населения и казаков. Социально-экономические коммуникации казахского и казачьего обществ привели к сложному формату взаимодействия двух разноориентированных коллективов, носителей разных языков, традиций, культур.

Ключевые слова: Северный Казахстан, сибирское казачество, город, городская среда, городское пространство, социальная трансформация, казахи, казачья колонизация, историческая урбанистика, социальные группы.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 861-871.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.861
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Senatorial Audits of the second half of the 19th century as a Means of Overseeing the Activities of Local Authorities

Lyubov N. Shchankina ^{a, *}, Irina A. Fedorova ^a, Oksana V. Egorova ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^b Moscow Institute of Physics and Technology, Russian Federation

Abstract

It is devoted to senatorial revisions of the second half of the 19th century, which were divided into three groups in terms of tasks and significance: 1) due to the introduction of the Judicial Charters of 1864 on the territory of the Russian Empire; 2) related to specific instructions of the government and problems at the level of local administrations; 3) the most important audits organized in order to strengthen the state mechanism of autocracy, combat the liberation movement, purge the local apparatus, clarify the facts of execution and bribery. It was revealed that during inspections by senators, multiple violations were found in the field of provincial and county administration; incompetence, inactivity and lack of system in the work of officials; ignorance of the current domestic political problems of the Governor-General; lack of work on peasant reform; failure to comply with the requirements of the law; abuse of power; extreme slowness in the processing of cases. It is emphasized that, since these events left a significant array of historical information of a statistical nature and research material about the provinces being examined (including the number of the population, its employment, moods, the causes of social processes, etc.), the source base of scientific work on this issue can be significantly expanded. It was concluded that there was a strong side of senatorial audits, which consisted in a clear regulation of their implementation, recorded by numerous instructions. At the same time, despite the private positive results, namely the cleansing of the state apparatus, the prosecution of stolen officials, etc., such measures, as a rule, did not have serious political consequences. The exception was the revision of Manasein 1882–1883, the result of which was the reorganization of the Polish and judicial system of the Baltic provinces.

Keywords: senatorial audits, senators, provinces, local authorities, the powers of auditing senators, instructions to auditing senators, abuse of power.

1. Введение

Цель статьи заключается в исследовании сенаторских ревизий как одного из средств надзора за деятельностью местных органов власти. Рассматриваются причины, ход, а также итоги данных проверок, проводившихся во второй половине XIX века. Перед сенаторами ставились обширные задачи: сбор информации по различным отраслям управления и разработка на конкретном местном материале рекомендаций для общероссийской реформы местного управления; определение степени влияния идей революционного народничества на общество; выявление причин крестьянских выступлений. Помимо политических проблем, затрагивались вопросы налогообложения, хозяйственного развития и сельского самоуправления; совершенствования и переустройства органов местной и губернской администрации и полиции; обследования учебных заведений всех категорий; привлечения земств к постройке подъездных путей для железных дорог и т.д. Но самая главная задача заключалась в чистке местного аппарата, выявлении казнокрадства и взяточничества, устранении наиболее проворовавшихся чиновников.

* Corresponding author

E-mail addresses: schanckina@yandex.ru (L.N. Shchankina)

2. Материалы и методы

Исследование выполнено на основе архивных документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) г. Санкт-Петербурга (Ф. 1181, 1282, 1317, 1389, 1405) и Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) г. Москвы (Ф. 564, 583, 677), которые введены в научный оборот впервые. Законодательный материал, относящийся к теме, также сосредоточен в «Полном собрании законов Российской империи». Ценным источником для нашего исследования является дневник министра внутренних дел П.А. Валуева.

В ходе работы над темой исследования авторы опирались на принципы историзма, всесторонности, а также целостности. Были использованы как общенаучные, так и традиционные для исторического исследования методы анализа и обобщения. Кроме того, реализованы структурно-функциональный метод – при изучении организации и состава сенаторских ревизий; метод ситуационного анализа – при рассмотрении сути наиболее важных сенаторских ревизий (третья группа) и их итогов. Также для обработки данных о количестве сенаторских ревизий применены элементы статистического анализа.

3. Обсуждение

В общем объеме материалов, посвященных изучению соответствующей тематики, следует выделить три основных периода: дореволюционный, советский, современный.

В дореволюционный период одним из первых данный вопрос затронул Е.П. Карнович, выделив для его освещения отдельный параграф в монографии «Сенаторские ревизии и значение сената в общей системе управления» (Карнович, 1873). Наиболее полное отражение эволюция высшего сенатского контроля с 1722 до 1881 г. нашла в юбилейном труде «История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.», куда вошли статьи А.Э. Нольде (Нольде, 1911) и И.А. Блинова (Блинов, 1911), представляющие анализ инструкций по губерниям, законодательным наставлениям, ревизующим сенаторам, а также выявляющие и объясняющие причины проверок на примере конкретных регионов.

В советской историографии к изучению рассматриваемой проблемы обращался В.Н. Бочкарев, в публикациях которого дается описание первой сенаторской ревизии в период правления Петра I, а также ревизий, осуществленных при Павле I (Бочкарев, 1923; Бочкарев, 1926). В работе Н.М. Дружинина содержатся сведения о деятельности сенатора Капгера, ревизовавшего «ход крестьянского дела» в Калужской и Владимирской губерниях (Дружинин, 1960). В статье Э.С. Паиной представлен общий обзор осмотров XIX – начала XX века, прослежен процесс эволюции инструкции сенаторам-ревизорам (Паина, 1967).

В современный период отечественная наука включила институт сенаторских ревизий в круг пристального внимания. В частности, в публикации С.А. Орловой выявлены отличия сенаторских ревизий от ведомственных проверок, установлено количество ревизий в период правления Николая II и дано краткое описание каждой из них (Орлова, 2012). Д.В. Соколов исследовал проблемы назначения и проведения сенаторских ревизий в период с 1722 по 1917 гг. (Соколов, 2017). Рядом авторов рассматривались конкретные ревизии отдельных губерний. Так, работа Н.А. Савченко посвящена Курской губернии (Савченко, 2007), В.В. Ефимовой – Олонецкой губернии (Ефимова, 2008); Н.Л. Семеновой – Оренбургской губернии (Семенова, 2011); Е.С. Ивановой – Костромской губернии (Иванова, 2012); В.М. Марасановой – Верхневолжскому региону (Марасанова, 2018) и т.д.

4. Результаты

Сенаторские ревизии – специфическая форма надзора высшего государственного управления за деятельностью местного административного и судебного аппарата. Они были введены Указом Петра I от 4 апреля 1722 г. и применялись правительством в XVIII и XIX вв. для выявления злоупотреблений и нарушений законности местными учреждениями. В пореформенную эпоху задачи и характер данных процедур несколько изменились, сократилось их количество, что определялось объективными условиями социально-экономического развития капиталистической России. Трансформация структуры местных администраций после буржуазных реформ 60–70 гг. XIX в., а также более интенсивная деятельность ведомств уменьшили необходимость систематических и экстренных проверок со стороны высших органов власти. Правительство в новых условиях чаще стало использовать для этого ресурсы Министерства внутренних дел.

Инициатива проведения ревизии принадлежала Министерству внутренних дел, а решение о ее необходимости принималось лично императором. В соответствии с этим сенаторы назначались именными «высочайшими» указами, т.е. Правительствующий сенат такое право не имел. По сложившейся традиции сенаторы-ревизоры всегда избирались из состава первого департамента, хотя законодательно это не было точно установлено. Реализуя свое право, выбранный сенатор формировал специальную канцелярию, включавшую в себя нескольких старших и младших чиновников, число которых также не являлось фиксированным. Например, в связи с увеличением количества специальных вопросов ревизий в пореформенную эпоху она имела довольно значительный состав. Так, в ревизиях 1880–1881 гг. были задействованы 10 чиновников, а в 1882 г. –

9 старших и 6 младших чиновников. Как правило, канцелярия состояла из товарищей обер-прокурора и обер-секретарей первого департамента, редко – представителей различных министерств.

Сенаторские ревизии имели одну особенность, отличавшую эту сторону деятельности административного Сената от всех прочих. По завершении ревизии сенаторы отчитывались лично перед царем во «всеподданнейшем» докладе, где подводились итоги и освещались выводы. Более подробные отчеты и записки предоставлялись в Комитет министров и Правительствующий сенат. Для последнего, по сути, они являлись формальными, так как не имели реальных последствий, поскольку все решения принимались императором и министрами. Таким образом, ревизующий сенатор действовал самостоятельно, вне сенатского механизма.

Формально главным руководством для сенаторов, направлявшихся на ревизию, выступала специальная «Инструкция сенаторам, назначаемым для обревизования губерний», утвержденная еще Александром I в марте 1819 г. В значительной части этот документ основывался на еще более ранней инструкции 1805 г. В 29 статьях содержался подробный перечень сведений, которые должен был собрать сенатор, а также характеризовались его права относительно местной администрации.

Инструкция 1819 г. устарела уже к 60-м гг. XIX в. Тот факт, что она оставалась не отмененной вплоть до начала XX века, служит ярким свидетельством косности бюрократической системы самодержавия. Буквально все ее положения не имели практического значения. Так, она предписывала сенаторам лично удалять от должности и предавать суду чиновников, уличенных в злоупотреблениях. При этом на практике осуществить названные меры было невозможно, так как они относились к компетенции высшей администрации и судебных органов. Другая статья требовала вмешиваться в разрешение гражданских дел, оказывая тягущимся «законное покровительство», что не соответствовало Уставу гражданского судопроизводства. Согласно третьей, сенатор имел право приостанавливать действия приговоров судов и решений административных органов, что также нарушало положения более позднего законодательства ([Полное... 1830: 102-103](#)).

При проведении каждой ревизии сенаторы снабжались специальными «наставлениями» правительства по конкретным вопросам, связанным с поставленными им задачами. Именно эти документы в реальности являлись единственным руководящим материалом для сенаторов-ревизоров.

По своему назначению и методике работы сенаторские ревизии второй половины XIX века подразделялись на три группы. Среди них большую по численности – семь ревизий – составляли мероприятия, связанные с введением на территории империи Судебных уставов 1864 г. По существу, они именовались ревизиями формально как дань традиции, поскольку при их проведении роль сенаторов в основном сводилась к закрытию на местах старых судов и организации новых судебных учреждений, а также к первоначальному урегулированию их взаимоотношений с органами администрации. Первую подобную ревизию проводил барон Н.Е. Торнау в 1867 г. При его участии был открыт округ Харьковской судебной палаты ([РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4123. Л. 127](#)), на должность старшего председателя которой он и был назначен.

Наиболее важной задачей сенаторов при таких ревизиях выступало разъяснение местным судебным учреждениям и должностным лицам содержания и особенностей процессуальных норм Судебных уставов. Так, Торнау трактовал значение руководящего напутствия председателя суда присяжным заседателям. Оно являлось самой неразработанной частью уголовного процесса, и его смысл не был четко определен законом. Суды рассматривали напутствие присяжным как прямое определение председателем суда виновности или невиновности подсудимых, и в такой форме оно излагалось в судебных заседаниях. Сенатор же указал на то, что руководящее напутствие выступает рекомендацией председателя только относительно доказательств по делу и не должно затрагивать вопрос о виновности.

В 1868 г. сенатор А.Н. Шахов провел ревизию, подготовившую открытие окружного суда в Нижегородской губернии. В том же году он осуществил аналогичную самостоятельную ревизию в Смоленской губернии, где вскоре было введено новое судоустройство (в 1870 г.). Сенатор А.А. Шахматов в 1868 г. ревизовал суды на территории, вошедшей в состав округа Одесской судебной палаты. Позднее, в 1871 г., сенатор М.К. Катакази выполнил проверку старых судебных установлений в Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерниях. Под его руководством здесь были введены положения Судебных уставов, и новые суды начали практическую деятельность. В том же году состоялась ревизия Костромской губернии сенатором Шаховым. Последняя из процедур данной группы проводилась в 1873 г. сенатором Я.Я. Чемадуриным в области Войска Донского. Описанные меры имели определенное значение как форма подготовки и осуществления судебной реформы.

Вторая группа сенаторских ревизий представляла собой проверки по конкретным поручениям правительства, связанным с определенными проблемами местного управления или расследованиями специальных вопросов, что требовало вмешательства высших органов власти. Первое такое мероприятие было проведено в 1861–1863 гг. в Калужской и Владимирской губерниях сенатором А.Х. Капгером. Причиной назначения процедуры послужили социально-политические противоречия, возникшие в ходе реформы 1861 г. Речь идет о том, что, с одной стороны, крестьянские массы выражали резкое недовольство содержанием реформы (а именно системой выкупа земли, сокращением размеров крестьянских наделов, созданием института временнообязанных и

сохранением огромного помещичьего землевладения); с другой – в среде правящего класса происходила борьба «из-за меры и формы уступок».

В Калужской губернии эти противоречия проявились особенно ярко. Во главе местной администрации стоял В.А. Арцимович, известный либеральными взглядами. Он придерживался строго юридической точки зрения относительно прав крестьянства и стремился к точному выполнению Положения от 19 февраля 1861 г. Данная позиция встретила активное сопротивление со стороны местного дворянства во главе с губернским предводителем Ф.С. Шукиным и крупнейшим помещиком губернии С.И. Мальцовым, который был близок к министру внутренних дел П.А. Валуеву. В результате их интриг последний выдвинул предложение о проведении специальной сенаторской ревизии. Опасаясь либерального направления деятельности Арцимовича, которого он считал «вредным по односторонности» взглядов, министр стремился наложить «узду на его действия по крестьянскому делу» (Валуев, 1961: 323).

Однако ревизия назначенного царем сенатора, генерал-лейтенанта Капгера, принесла противоположные ожидаемым плоды. Состоялось расследование обстановки, сложившейся в губернии, а также изучение специальных записок о положении помещичьего и крестьянского хозяйств, подготовленных как Арцимовичем и губернским правлением, так и местными помещиками, в том числе докладных Шукина. На основе полученных сведений Капгер сделал вывод об отсутствии со стороны губернатора противозаконных действий. «Всепопданнейший» отчет содержал благоприятный отзыв о деятельности Арцимовича, который даже получил аудиенцию у императора и был награжден, а предпринятые им мероприятия по осуществлению крестьянской реформы остались в силе. Таким образом, данная сенаторская ревизия имела положительный результат. Впрочем, уже в 1866 г. Арцимович вследствие интриг Валуева был смещен с поста губернатора, предполагающего некоторую самостоятельность, и назначен сенатором в первый департамент. Это отвечало интересам поместного дворянства, которое было настроено против либерального губернатора.

Вторая часть ревизии Капгера проходила во Владимирской губернии. Здесь местная администрация находилась в полном подчинении дворян-землевладельцев, мировые посредники назначались из среды крепостников. Губернатор, генерал А.П. Самсонов, и губернское присутствие способствовали ограблению крестьян при наделении их землей. Прямым нарушением законодательства служило разрешение названного ведомства мировым посредникам единолично утверждать уставные грамоты об отрезках земли – без санкции мировых съездов (Дружинин, 1960: 160). Часто при протестах крестьян и отказе их принять несправедливые уставные грамоты местная администрация вызывала военные команды и проводила массовые телесные наказания.

Сенатор Капгер уже во время ревизии неоднократно указывал на нарушения при составлении уставных грамот, но общий их пересмотр был пресечен министром внутренних дел Валуевым, который писал Капгеру, что подобная мера нежелательна, и указывал на «...неудобство общего распоряжения об уничтожении введенных уже в действие», пусть даже с нарушением установленного законом порядка, грамот (РГИА. Ф. 1389. Оп. 2. Д. 24. Л. 8). Выводы ревизии по Владимирской губернии были сформулированы в отчете, представленном Главному комитету об устройстве сельского состояния в 1863 г. Они касались пересмотра всех незаконно оформленных документов, а также изменения состава местных органов управления крестьянским делом. Однако эти предложения не получили поддержки Комитета. Фактически ревизии Капгера были безрезультатны для «крестьянского дела».

Следующая ревизия, опосредованная крестьянской реформой, проводилась в Пермской губернии сенатором П.Н. Клушиным в 1870 г. Своеобразие данного района заключалось в том, что на его территории действовали крупные горнозаводские предприятия, с деятельностью которых было связано население края.

Режим феодальной монополии, сложившийся здесь еще в XVIII в., обуславливал положение, при котором владельцы заводов и рудников являлись фактическими хозяевами губернии. Среди уральских горных заводов преобладали частные предприятия, на которых трудились крепостные. При введении Положения от 19 февраля 1861 г. на территории Пермской губернии специально для этого района были предложены «Дополнительные правила», определявшие систему ликвидации крепостной зависимости для горнозаводских рабочих. Они в соответствии с названными правилами разделялись на две категории: «мастеровые» и «сельские работники». Первые получали сокращенный надел, вторые же обязывались платить оброк, который устанавливался по оценке их поденных работ на заводах. Эта система была весьма удобна хозяевам предприятий, которые стремились сохранить ресурсы рабочей силы и одновременно выделить освобожденным крестьянам как можно меньше земли.

Введение «Дополнительных правил» вызвало резкий протест горнозаводских рабочих и крестьян. Они в массовом порядке отказывались от подписания уставных грамот, не платили оброк; имели место случаи расправы крестьян с мировыми посредниками (Горовой, 1961: 260-261). Несмотря на это, министр внутренних дел рекомендовал сохранить принятый порядок наделения крестьян землей. Однако последовавший кризис уральской промышленности вынудил высшие

правительственные сферы попытаться разрешить назревшие проблемы. Эта ситуация получила название «пермское дело».

После смещения П.А. Валуева новый министр, А.Е. Тимашев, решил провести сенаторскую ревизию Пермской губернии, для реализации которой был назначен сенатор П.Н. Клушин, имевший специальные знания в области экономики. Он выявил массовые злоупотребления местной администрации, когда полицейский аппарат при полной поддержке губернатора, бывшего жандармского генерала А.Г. Лошкарева, стал послушным орудием в руках крупнейших заводчиков губернии (РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. Д. 102. Л. 8).

Выяснилось также, что повсеместно применялось давление на крестьян при утверждении уставных грамот, а также на сельские общества. При этом их протесты и жалобы на нарушение законности рассматривались как бунт. Высылались на жительство в Сибирь как лица «порочного поведения» те, кто пытался опротестовать незаконные уставные грамоты. В отчете сенатор Клушин писал: «...Произвольные действия администрации, в особенности полицейских чиновников, которые постоянно сопровождалась самоуправством и нередко жестокостями, дали факты, ужасающие по своему своеобразному и исключительному характеру: сельские общества составляли приговоры о высылке в Сибирь своих членов в числе более 1000 человек, в тюрьмы заключались подозреваемые в подстрекательстве народа целыми сотнями; администрация присваивала себе все права и прерогативы судебной власти; волостные старшины, поверенные от крестьян... были встречаемы администрацией, как бунтовщики...» (РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. Д. 33. Л. 590б.).

Итогом анализа сложившегося в Пермской губернии положения стал вывод о том, что для развития уральских заводов необходимо отменить феодальную монополию на горнозаводской промысел. На основе материалов ревизии был изменен состав администрации губернии, смещен губернатор Лошкарев, ряд полицейских чиновников предан суду, пересмотрен штат мировых посредников. Однако каких-либо принципиальных изменений относительно организации заводов и жизни горнозаводского населения не последовало.

К сенаторским ревизиям, связанным с конкретными вопросами, относится и другая ревизия, проведенная Клушиным в 1875 г. в Воронежской губернии. Она была назначена для расследования дела о порубках помещичьих лесов в Валуйском уезде и возникшего при его разрешении конфликта между местной администрацией и должностными лицами судебного ведомства.

В 1884 г. сенатор Н.М. Окулов провел ревизию следственной части города Петербурга. Она имела частный характер, как и ревизия-командировка сенатора кн. Г.С. Голицына в Тобольск и некоторые районы Пермской и Оренбургской губерний в 1892 г., задача которой состояла в организации обеспечения населения продовольствием ввиду неурожая в этих регионах.

Третью, наиболее важную по своему общественно-политическому значению, группу составляли ревизии общего характера, связанные с политическими преобразованиями, предпринимавшимися правительством в целях укрепления государственного механизма самодержавия и борьбы с освободительным движением. Количественно таких ревизий было немного – всего пять, но по масштабу, уровню подготовки и методике проведения они занимали особое место в деятельности Сената и во внутренней политике в целом.

Первые четыре ревизии этой группы были начаты в 1880 г. и завершились в 1881 г. Их проведение тесным образом связано с деятельностью Особой комиссии для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М.С. Каханова. Основными задачами при этом являлись сбор информации по различным отраслям управления и разработка на конкретном материале рекомендаций для общероссийской реформы местного управления. Для ревизии были назначены сенаторы А.А. Половцов (Киевская и Черниговская губернии), И.И. Шамшин (Саратовская и Самарская губернии), С.А. Мордвинов (Воронежская и Тамбовская губернии) и М.Е. Ковалевский (Казанская, Уфимская и Оренбургская губернии).

Проведению ревизий предшествовала большая предварительная работа. Было подготовлено «Особое наставление сенаторам, назначенным по Высочайшему повелению для производства общей ревизии в губерниях», которое создавалось в два этапа. Первоначально всем центральным учреждениям было предложено указать, что конкретно их интересует в губерниях, определенных для ревизии. На втором этапе пожелания ведомств объединили и образовалась собственно инструкция. Редакционная часть выполнялась Особым совещанием во главе с фактическим главой правительства, министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым. В состав данной комиссии входили министр юстиции Д.Н. Набоков, товарищ министра внутренних дел М.С. Каханов и назначенные для ревизии сенаторы. Кроме того, по отдельным вопросам привлекались министр финансов и министр государственных имуществ.

Наставление состояло из 49 пунктов и охватывало различные вопросы, относившиеся к компетенции министерств (внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ, народного просвещения и путей сообщения). Особенно большую программу предусматривало Министерство внутренних дел. Его проект включал 15 пунктов и был полностью принят комиссией Лорис-Меликова, представив первые 15 статей наставления (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 600. Л. 2-130б.).

Прежде всего сенаторам надлежало выяснить политические настроения различных классов, определить степень влияния идей революционного народничества на общество. Статья первая, в частности, предписывала: «За существующим... различием воззрений относительно степени распространения в России социально-революционных лжеучений и влияния их на общество и народную жизнь обратить особое внимание на те явления местной жизни, кои имеют связь как с распространением лжеучений, так и с причинами, содействующими более или менее легкому их восприятию, и предоставить возможно полные в сем отношении данные по ревизуемым губерниям...» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 600. Л. 2-20б.). Кроме того, сенаторы были обязаны подготовить рекомендации о мерах, которые способствовали бы успешной борьбе с революционным движением. Эти общие положения конкретизировались в последующих статьях документа.

Также сенаторам следовало установить, какое влияние «на настроения умов» имела система административных высылки, и в особенности высылка «неблагонадежных в политическом отношении». Они должны были исследовать существовавшую на местах систему жандармского наблюдения за неблагонадежными. Относительно крестьянского вопроса надлежало выяснить, имели ли место народные выступления, а также изучить их причины. Статья третья требовала «...обратить внимание, не замечается ли в крестьянах ожиданий и толков о новом наделении, о так называемом... “черном переделе”...», т.е. об изъятии помещичьих земель в пользу крестьян (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 600. Л. 30б.).

Таким образом, ревизии проводились с целью сбора материала для общей оценки устойчивости политического режима и его шансов на успех в борьбе против революционного народничества. В соответствии с этим ревизующие сенаторы должны были исследовать все наиболее серьезные вопросы, связанные с революционным движением и возможными способами для правительства его подавить.

Помимо политических проблем, Министерство внутренних дел в Особом наставлении затрагивало вопросы хозяйственного развития и сельского самоуправления. Их освещение делало необходимым для сенаторов рассмотрение пожеланий раскольников, евреев и других групп населения. Отдельным направлением работы выступала ревизия органов полиции и губернской администрации с последующей выработкой рекомендаций по их совершенствованию и переустройству (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 600. Л. 12-13). Министерство юстиции поставило перед сенаторами задачу оценить эффективность введения новых судебных учреждений: мировых судов, судебных палат, а также прокурорского надзора. Министерство финансов предложило ряд вопросов, связанных с организацией налогообложения: о подушной подати, соляном налоге, о причинах накопления налоговых недоимок на местах (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 600. Л. 17 об.-18). По указанию Министерства просвещения сенаторам надлежало обследовать учебные заведения всех категорий, от начальных школ до императорских университетов – Казанского и Св. Владимира в Киеве. Самым скромным оказался запрос Министерства путей сообщения: привлечение земств к постройке подъездных путей для железных дорог (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 600. Л. 24-26).

Итак, ревизии имели широкую и многоплановую программу. Официально декларировалось, что их результаты станут основой для проведения общей реформы администрации на местах. Однако в значительной степени это была внешняя сторона дела. Истинное же предназначение ревизий заключалось прежде всего в чистке аппарата, выявлении случаев казнокрадства и взяточничества, устранении проворовавшихся чиновников. Этот аспект ревизий, о котором предпочитали умалчивать, откровенно охарактеризовал инициатор их проведения Каханов. Беседуя с сенатором Половцовым 1 августа 1880 г., он сказал: «...Для обновления губернаторского состава полезно назначить сенаторские ревизии для того, чтобы разгонять губернаторов не на основании сплетен и слухов, а на основании серьезных положительных данных» (ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 16. Л. 240-241).

В соответствии с названными задачами ревизий министр юстиции Набоков разработал разъяснения «О правах и обязанностях сенаторов, назначенных к производству временных обозрений некоторых губерний». Этот документ подтверждал право ревизующих сенаторов привлекать к ответственности и предавать суду провинившихся чиновников, что устанавливалось еще Инструкцией 1819 г., но практически не применялось после реформы 1864 г. Относительно злоупотреблений губернаторов и других высших чинов, которые занимали должности на основании указов царя, оговаривалось право сенаторов проводить предварительное исследование ситуации. Привлечение же данных должностных лиц к ответственности относилось к компетенции царя.

Следует отметить, что для проведения ревизий были назначены разносторонние, деятельные и либерально настроенные сенаторы, которые действовали на достаточно высоком уровне. Методика работы была единой: за каждым из помощников ревизующего сенатора закреплялись определенные отрасли управления, проблемы хозяйственного, экономического или политического характера, которые подлежали изучению. Сам сенатор получал информацию из личных контактов с администрацией губернии, объезжал ее уезды, принимал местных чиновников, представителей духовенства, предводителей дворянства и т.п. Кроме того, к сенаторам поступали письменные жалобы и петиции разного рода.

Ревизии вскрыли значительные злоупотребления на всех уровнях губернской администрации, однако еще более массовым злом оказались некомпетентность и бездеятельность местных

чиновников. Так, в ходе ревизии Киевской и Черниговской губерний сенатором А.А. Половцовым было установлено, что генерал-губернатор М.И. Чертков фактически не имел представления о важнейших внутривластных проблемах вверенной ему территории, совершенно не разбирался в сложных земельных отношениях крестьян и помещиков. Сенатор И.И. Шамшин во «всеподданнейшем» докладе сообщал, что самарский и саратовский губернаторы «...остались почти чуждыми крестьянскому делу», т.е. не участвовали в работах по проведению крестьянской реформы, а кроме того «...губернаторы не имеют никаких средств для постоянного и правильного надзора за... административными учреждениями», их деятельность носит «бессистемный» характер.

Имели место и факты прямого нарушения законов. Так, казанский губернатор Н.Я. Скарятин, полностью подчинивший своему произволу губернию, систематически в течение тринадцати лет разрешал все административные вопросы, не считаясь с законодательством. Как установил сенатор Ковалевский, Скарятин собственной властью подвергал местных чиновников административным взысканиям, единолично решал вопросы о назначении расследований в связи с обнаруженными злоупотреблениями, прекращал подобные дела буквально одним росчерком пера, по своему усмотрению внося резолюции в журналы губернского правления. При этом заявления прокурорского надзора о превышении власти полицией он игнорировал; жалобы на действия управленческого аппарата рассматривал лично и, как правило, привлекал к ответственности чиновников только в тех случаях, когда документ указывал на нарушение его же распоряжений (ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 16. Л. 43-44).

Все сенаторы-ревизоры отметили, что работа губернских правлений преимущественно сводилась к формальной канцелярской переписке. Также неудовлетворительной была признана деятельность губернской полиции. В частности, сенатор Половцов считал, что «...полиция, подведомственная губернаторам, ...негодна и в действительности почти не существует, полицейские чины завалены отпискою пустейших бумаг» (ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 15. Л. 299). По свидетельству сенатора Шамшина, полицейские управления обревизованных им губерний были так обременены письменным производством, что не могли сколько-нибудь удовлетворительно выполнять свои функции и «...деятельность ...полиции по охранению общественной безопасности повсеместно имела характер случайный» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 528. Л. 50б.). Сенатор Мордвинов, ревизовавший Воронежскую и Тамбовскую губернии, также отмечал бездеятельность местной полиции. Он обнаружил злоупотребления в Воронежском полицейском управлении, в результате чего полицеймейстер и его помощник за превышение власти и беспорядочное ведение дел были преданы суду (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 528. Л. 14). В Уфимской губернии, по сведениям сенатора Ковалевского, полиция фактически бездействовала, ее личный состав формировался из «неспособных и недобросовестных» чиновников. В ходе ревизии было установлено, что в производстве Уфимского управления находилось по нескольку дел о каждом полицейском управлении и «...о всех почти исполнительных чинах полиции». Однако все эти жалобы не имели последствий, так как местный губернатор отказывался отстранять от должности чинов полиции даже в тех случаях, когда сам признавал необходимым отдать их под суд (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 528. Л. 44об.).

Несколько другое положение сложилось в Казанской губернии, где полиция быстро исполняла распоряжения Скарятина, в образцовом порядке взымались недоимки. В то же время действия полиции здесь отличались особенной бесцеремонностью и произволом (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 528. Л. 44об., 46об.).

Сенаторы, ревизовавшие в 1880–1881 гг. девять губерний, практически повсеместно и во всех отраслях управления обнаружили беспорядки и крайнюю медлительность в производстве дел, различные злоупотребления и нарушения законов. Исключение составили судебные учреждения нового устройства и отчасти земские органы, отзывы о которых были, как правило, благоприятными. Сенаторы провели серьезный анализ экономического положения в губерниях, исследовали систему управления и разработали ряд конкретных рекомендаций по совершенствованию губернской администрации. В частности, предлагалось упорядочить землепользование, упразднить сословную крестьянскую волость и общую для всех сословий административную единицу, объединить в одном губернском органе все отрасли управления, точно определить функции полицейских органов. Сенатор Шамшин считал необходимым предоставить общие права раскольникам и упразднить дискриминационные законы о них, которые, по его мнению, только усиливали влияние раскола (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 528. Л. 1-10б.). Он же говорил об уничтожении подушной подати и замене ее налогообложением в зависимости от размеров крестьянских наделов и их доходности. Аналогичная мысль была высказана и Половцовым (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 528. Л. 34-35).

Важнейшим итогом четырех связанных едиными задачами ревизий стал общий вывод сенаторов о необходимости сохранения и дальнейшей эволюции земских учреждений, предоставления более широких возможностей крестьянству для развития сельского хозяйства, упразднения мелочной опеки со стороны администрации и расширения имущественных прав крестьян относительно общины. По завершении ревизий отчеты о них были представлены Александру III, а все материалы поступили в Кахановскую комиссию, практическая работа которой началась в ноябре 1881 г.

С самого начала деятельности комиссия была обречена правительством Александра III на провал. В мае 1882 г. пост министра внутренних дел занял гр. Д.А. Толстой. Несколько позднее, в 1883 г., он так определил свое отношение к Кахановской комиссии: «Я не хотел ее закрывать для того, чтобы против меня не возникло обвинение в том, что я помешал совершиться великому делу, но теперь я намерен свести результаты ее деятельности к нулю, как скоро мне будут представлены окончательные результаты ее трудов» (ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 42).

Разработка проекта реформы Особым совещанием под руководством Каханова завершилась к ноябрю 1883 г. (РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 71. Л. 1). В основу проекта легли предложения сенаторов, проводивших ревизии 1880–1881 гг. В ноябре 1884 г. в состав данной комиссии были введены представители различных ведомств. Кроме того, в качестве экспертов в ее работу были вовлечены некоторые наиболее консервативно настроенные губернаторы и предводители дворянства, в частности крайние реакционеры А.Д. Пазухин и С.С. Бехтеев. В процессе обсуждения проект претерпел значительные изменения, и многие из рекомендаций сенаторов были отвергнуты, однако даже в урезанном виде он не соответствовал целям правительства. Министр внутренних дел представил в начале 1885 г. неблагоприятный отчет о деятельности комиссии, на основе чего Александр III принял решение об ее упразднении, причем в резолюции по этому поводу указывалось на «безрезультатность» ее работы (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1190. Л. 228).

К серии ревизий 1880–1881 гг. по своему характеру примыкает ревизия Прибалтийских губерний (Лифляндской, Эстляндской и Курляндской), проведенная в 1882–1883 гг. сенатором Н.А. Манасеиным. Она была нацелена на изучение политического положения на данной территории и определения путей реорганизации местного управления, которое находилось в руках местного дворянства немецкого происхождения, что вызывало широкое недовольство эстонского и латышского крестьянского населения (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 2). Система местного управления и судостроительства в этом регионе была пронизана пережитками феодальной эпохи, сохранялись и действовали многие чисто феодальные институты, не соответствовавшие уровню развития социально-экономических отношений. В 1880 г. в прибалтийских губерниях были введены мировые судебные установления. Общие суды при этом не были реорганизованы, и в целом судебная система осталась прежней (Полное..., 1884: 303).

Перед проведением ревизии при участии Манасеина была разработана подробная дополнительная инструкция, основное содержание которой сводилось к вопросам, связанным с местным крестьянским управлением и системой судостроительства. По завершении ревизии доклад о ней был представлен царю, а дополнительные записки по поводу местного управления – в Министерство внутренних дел и Министерство юстиции. Эти документы содержали программу реорганизации административной и судебной системы прибалтийских губерний в духе буржуазных реформ. Предлагалось ввести на всей территории положения Судебных уставов «...в полном объеме и с соблюдением в точности основных положений судебного преобразования, ликвидировав при этом средневековые судебные органы и правовые привилегии дворянства и магистратов» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 166). Кроме того, Манасеин выдвинул проект упразднения местных феодальных полицейских учреждений и создания полиции на основаниях, общих для всей империи (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 148-151). Рекомендовалось вместо трех остзейских губерний учредить две – Ревельскую и Рижскую, что соответствовало бы этническому составу населения. Искусственно созданную Курляндскую губернию предполагалось упразднить. Важнейшей мерой преобразования края в социальном плане выступала ликвидация исключительного права местного дворянства на владение имениями (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 85-86).

После назначения на пост министра юстиции в 1885 г. Манасеин принял активные меры для внедрения своего проекта в жизнь. В начале 1889 г. он вошел с представлением об этом в Государственный совет, и 9 июля 1889 г. Положения о преобразовании судебной части и крестьянских присутственных мест прибалтийских губерний были утверждены Александром III. В связи с этим были упразднены феодально-сословные судебные органы: приходские суды в Эстляндии, Особое присутствие Рижского Ландфохтского суда, Дерптский университетский суд и т.д.; уничтожены магистраты всех городов и средневековая система территориальных судов (ландгерихтов и гауптманских судов); ликвидированы должности губернских прокуроров – института, перенесенного в прибалтийские губернии из России в дореформенную эпоху. В трех губерниях вводилась общая для всей империи система коронных судов – окружные суды и судебные палаты; создавались прокурорский надзор и мировой суд, причем мировые судьи не избирались – их назначал министр юстиции; учреждались специальные крестьянские низшие суды. Преобразовано было и устройство полиции.

Ревизия Манасеина имела важное практическое значение для реорганизации судебной части в остзейских губерниях – ее материалы стали базой реформы. Не последнюю роль в осуществлении этой трансформации сыграл тот факт, что в должности министра Манасеин выполнял собственный проект. Другие его предложения, касавшиеся организации крестьянского землевладения и устройства, не были реализованы из-за противодействия остзейских баронов и вследствие того, что входили в сферу деятельности Министерства внутренних дел (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 88-89).

Следует отметить, что в период с 1896 по 1905 гг. сенаторские ревизии не осуществлялись. Это позволяет сделать вывод об утере интереса монарха к данной форме контроля со стороны Правительствующего сената за делами государственного и местного управления. Импульсом к проведению ревизий послужил ряд негативных событий в жизни Российской империи, в частности межнациональные конфликты 1905 г. в Баку, Киеве и Одессе (Соколов, 2017: 130); злоупотребления власти на местах (ревизия 1909 г. гр. К.К. Палена), убийство П.А. Столыпина (ревизия М.И. Тарусевича и Н.З. Шульгина), расстрел рабочих на Ленских приисках (ревизия 1912 г. С.С. Манухина), топливный кризис (последняя сенаторская ревизия, назначенная в 1915 г.) (Раскин, 2006: 86).

5. Заключение

Сенаторские ревизии, проводившиеся во второй половине XIX в., являлись одной из форм надзора за деятельностью местной администрации. Фактически большинство ревизий оказались безрезультатными. Непосредственным их итогом стало смещение нескольких высших чинов губернской администрации в ходе проверок. Так, в 1880 г. были сняты с должности генерал-губернатор Чертков и казанский губернатор Скарятин. В большой мере позитивные последствия имели ревизии, обусловленные созданием новых судебных учреждений на местах. Единственным результатом ревизий, имевшим определенное политическое значение, стал Закон от 3 мая 1883 г., по которому раскольники получили некоторые гражданские права и права, связанные с отпращиванием их религиозного культа.

Следует отметить положительные стороны этой работы: сенаторские ревизии имели тенденцию к увеличению количества и качества сведений, предоставляемых государю после проведения таких проверок; подобные материалы, как правило, содержали всестороннюю, достаточно объективную характеристику организации губернских администраций, оценку экономической жизни территорий, политических настроений их населения и других аспектов.

Литература

- Блинов, 1911 – Блинов И.А. Отношение Сената к местным учреждениям до реформ 60-х годов. Сенаторские ревизии // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 3. С. 616-657.
- Блинов, 1911 – Блинов И.А. Отношение Сената к местным учреждениям после реформ 60-х годов. Сенаторские ревизии // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 4. С. 180-214.
- Бочкарев, 1923 – Бочкарев В.Н. Первая сенаторская ревизия в России: историческая справка // Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль, 1923. Вып. 2. С. 40-56.
- Бочкарев, 1926 – Бочкарев В.Н. Сенаторские ревизии в России при Павле I // Известия Тверского педагогического института. Тверь, 1926. Вып. 1. С. 64-81.
- Валуев, 1961 – Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2-х т. Т. 1. 1861–1864 гг. / Под ред. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 420 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Горовой, 1961 – Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь: Пермское книжное издательство, 1961. 408 с.
- Дружинин, 1960 – Дружинин Н.М. Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. 1960. Т. 79. С. 139-175.
- Иванова, 2012 – Иванова Е.С. Сенаторские ревизии Костромской губернии в первой половине XIX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2012. Т. 18. № 4. С. 37-41.
- Карнович, 1873 – Карнович Е.П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб.: Тип. Скарятин, 1873. 512 с.
- Марасанова, 2018 – Марасанова В.М. Сенаторские ревизии в Верхнем Поволжье: поиски эффективного механизма контроля местного управления // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология». 2018. Том 45. № 2. С. 308-317.
- Нольде, 1911 – Нольде А.Э. Ревизия 1799 года // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. С. 754-779.
- Орлова, 2012 – Орлова С.А. Сенаторские ревизии начала XX в. в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. 5 (304). С. 171-183.
- Паина, 1967 – Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в.: Сб. статей / Отв. ред. И.Н. Фирсов. Л.: ЛГУ, 1967. С. 147-175.
- Полное..., 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 36. № 27722. 732 с.
- Полное..., 1884 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд. 1. СПб., 1884. Т. 55. № 60996. 966 с.

- Раскин, 2000** – Раскин Д.И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2000. 302 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Савченко, 2007** – Савченко Н.А. Исторический опыт осуществления сенаторских ревизий в Российской Империи (на примере Курской губернии) // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2007. № 3 (55). С. 93–97.
- Семенова, 2011** – Семенова Н.Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842–1843 гг. // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011. 4 (123). С. 46–51.
- Соколов, 2017** – Соколов Д.В. Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2017. № 2. С. 123–133.

References

- Blinov, 1911** – *Blinov, I.A.* (1911). Otnoshenie Senata k mestnym uchrezhdeniyam do reform 60-kh godov. Senatorskie revizii [Attitude of the Senate to local institutions until the reforms of the 60s. Senatorial revisions]. *Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let. 1711-1911 gg.* SPb., 1911. T. 3. Pp. 616–657. [in Russian]
- Blinov, 1911** – *Blinov, I.A.* (1911). Otnoshenie Senata k mestnym uchrezhdeniyam posle reform 60-kh godov. Senatorskie revizii [The attitude of the Senate towards local institutions after the reforms of the 60s. Senatorial revisions]. *Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let. 1711-1911 gg.* SPb., 1911. T. 4. Pp. 180–214. [in Russian]
- Bochkarev, 1926** – *Bochkarev, V.N.* (1926). Senatorskie revizii v Rossii pri Pavle I [Senatorial revisions in Russia under Paul I]. *Izvestiya Tverskogo pedagogicheskogo instituta.* Tver', Vyp. 1, pp. 64–81. [in Russian]
- Bochkarev, 1923** – *Bochkarev, V.N.* (1923). Pervaya senatorskaya reviziya v Rossii: istoricheskaya spravka [First senatorial revision in Russia: historical reference]. *Sbornik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta.* Yaroslavl'. 2: 40–56. [in Russian]
- Valuev, 1961** – *Valuev, P.A.* (1961). Dnevnik P.A. Valueva ministra vnutrennikh del: v 2-kh t. T. 1. 1861–1864 gg. [Dnevnik P.A. Valueva ministra vnutrennikh del: v 2-kh t. T. 1. 1861–1864 gg.]. Pod red. P.A. Zaionchkovskogo. M.: Izd-vo AN SSSR, 420 p. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gorovoi, 1961** – *Gorovoi, F.S.* (1961). Padenie krepostnogo prava na gornykh zavodakh Urala [The fall of serfdom in the mining plants of the Urals]. Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 408 p. [in Russian]
- Druzhinin, 1960** – *Druzhinin, N.M.* (1960). Senatorskie revizii 1860-1870-kh godov (K voprosu o realizatsii reformy 1861 g.) [Senatorial revisions of the 1860-1870s (On the implementation of the reform of 1861)]. *Istoricheskie zapiski.* 79: 139–175. [in Russian]
- Ivanova, 2012** – *Ivanova, E.S.* (2012). Senatorskie revizii Kostromskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [Senatorial revisions of the Kostroma province in the first half of the XIX century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* 18(4): 37–41. [in Russian]
- Karnovich, 1873** – *Karnovich, E.P.* (1873). Ocherki nashikh poryadkov administrativnykh, sudebnykh i obshchestvennykh [Essays on our administrative, judicial and public procedures]. SPb.: Tip. Skaryatina, 512 p. [in Russian]
- Marasanova, 2018** – *Marasanova, V.M.* (2018). Senatorskie revizii v Verkhnem Povolzh'e: poiski effektivnogo mekhanizma kontrolya mestnogo upravleniya [Senatorial audits in the Upper Volga region: search for an effective local government control mechanism]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya.* 45(2): 308–317. [in Russian]
- Nol'de, 1911** – *Nol'de, A.E.* (1911). Reviziya 1799 goda [Revision of 1799]. *Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let. 1711-1911 gg.* SPb. T. 2. pp. 754–779. [in Russian]
- Orlova, 2012** – *Orlova, S.A.* (2012). Senatorskie revizii nachala XX v. v Rossii [Senatorial revisions of the beginning of the XX century in Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie.* 5(304): 171–183. [in Russian]
- Paina, 1967** – *Paina, E.S.* (1967). Senatorskie revizii i ikh arkhivnye materialy (XIX – nachalo XX v.) [Senatorial revisions and their archival materials (XIX – early XX centuries)]. *Nekotorye voprosy izucheniya istoricheskikh dokumentov XIX – nachala XX v.: sb. statei.* Otv. red. I.N. Firsov. L.: LGU, pp. 147–175. [in Russian]
- Polnoe..., 1830** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Sobr. 1st]. Sobr. 1-e. SPb., 1830. T. 36. № 27722. 732 p. [in Russian]
- Polnoe..., 1884** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii.* Sobr. 2-e. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. The 2nd. Otd. 1.]. SPb., 1884. T. 55. № 60996. 966 p. [in Russian]
- Raskin, 2000** – *Raskin, D.I.* (2000) Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. T. 1. [Higher and central state institutions of Russia. 1801–1917. T. 1.]. Sankt-Peterburg: Nauka, 302 p. [in Russian]
- РГИА** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv].

Savchenko, 2007 – Savchenko, N.A. (2007). Istoricheskiy opyt osushchestvleniya senatorskikh revizii v Rossiiskoi Imperii (na primere Kurskoi gubernii) [Historical experience of senatorial audits in the Russian Empire (using the example of the Kursk province)]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 3(55): 93-97 [in Russian]

Semenova, 2011 – Semenova, N.L. (2011). Prichiny senatorskoi revizii Orenburgskoi gubernii 1842–1843 gg. [The reasons for the senatorial revision of the Orenburg province of 1842-1843]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(123): 46-51. [in Russian]

Sokolov, 2017 – Sokolov, D.V. (2017). Evolyutsiya senatorskikh revizii v period 1722–1917 gg. [The evolution of senatorial audits in the period 1722–1917]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. 2: 123-133. [in Russian]

Сенаторские ревизии второй половины XIX века как средство надзора за деятельностью местных органов власти

Любовь Николаевна Щанкина ^{a, *}, Ирина Анатольевна Федорова ^a, Оксана Вениаминовна Егорова ^b

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^b Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Российская Федерация

Аннотация. Посвящена сенаторским ревизиям второй половины XIX века, которые по задачам и значению подразделялись на три группы: 1) обусловленные введением в действие на территории Российской империи Судебных уставов 1864 г.; 2) связанные с конкретными поручениями правительства и проблемами на уровне местных управлений; 3) наиболее важные ревизии, организованные в целях укрепления государственного механизма самодержавия, борьбы с освободительным движением, чистки местного аппарата, выяснения фактов казнокрадства и взяточничества.

Выявлено, что в ходе проверок сенаторами обнаруживались множественные нарушения в области губернского и уездного управления; некомпетентность, бездеятельность и бессистемность в работе должностных лиц; незнание актуальных внутриполитических проблем генерал-губернаторства; отсутствие работы по проведению крестьянской реформы; неисполнение требований законодательства; злоупотребление властью; крайняя медлительность в производстве дел. Акцентировано то обстоятельство, что, поскольку сенаторские ревизии оставили значительный массив исторических сведений статистического характера и исследовательского материала об обследуемых губерниях (в том числе о количестве населения, его занятости, настроениях, причинах происходящих социальных процессов и т.д.), источниковая база научных работ по данной проблематике может быть значительно расширена. Сделан вывод о наличии сильной стороны сенаторских ревизий, которая заключалась в четкой регламентации их проведения, зафиксированной многочисленными инструкциями. При этом, несмотря на частные положительные результаты, а именно чистку государственного аппарата, привлечение к ответственности провинившихся чиновников и т.п., подобные меры, как правило, не имели серьезных политических последствий. Исключение составила ревизия Манасеина 1882–1883 гг., результатом которой стала реорганизация полицейской и судебной системы прибалтийских губерний.

Ключевые слова: сенаторские ревизии, сенаторы, губернии, местные органы власти, полномочия ревизирующих сенаторов, инструкции ревизирующим сенаторам, злоупотребление властью.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schanckina@yandex.ru (Л.Н. Щанкина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 872-880.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.872
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

National Policy of Nicholas II in the Context of the Formation of Imperial National-State Identity

Viktor V. Titov ^{a,*}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

In the presented study, the effectiveness of the national policy of Nicholas II was studied from the point of view of solving the problems of constructing an imperial-type of national-state identity. The methodology of the work is based on a combination of descriptive, structural and comparative analysis. The theoretical basis of the research is the concept of social identity by G. Tajfel and J. Turner. The author comes to the conclusion that during the reign of Nicholas II, the national policy implemented by the leadership of the Russian Empire did not imply a systemic building of national-state identity. She was distinguished by a diversified, reactive and often situational nature. It was determined by the costs of the modernization process, which contributed to the transformation of the established structure of the social organization of Russian society and the destruction of the «image of the future», which is customary for the masses. The impact of this factor was aggravated by the lack of institutions of mass socialization, suitable for the reproduction of the imperial national-state identity, regardless of the religious or ethnicity of its carriers. Destructive effect on this situation was also exerted by imbalances in the socio-economic development of certain territories of the empire, failures in the foreign policy, a decline in the prestige of the elites and a lack of a collective image of the past. The lack of a relevant reaction on the part of the authorities to the current situation was explained not only by the high rates of socio-economic transformations, but also by the growing scale of external threats, as well as by the expansion of the sphere of economic and cultural expansion on the part of other great powers.

Keywords: Nicholas II, national policy, "national question", national-state identity, Russian Empire.

1. Введение

Национальная политика Николая II традиционно входит в число наиболее обсуждаемых вопросов в рамках дискуссии о развитии России в конце XIX – начале XX вв., что представляется вполне закономерным. Представители большинства научных школ относят национальный вопрос к числу базовых факторов, способствовавших дестабилизации политической ситуации внутри империи.

При этом для темы характерен достаточно высокий уровень политизации. С одной стороны, она привлекает к себе радикальных националистов разной этнической принадлежности, с другой – соответствующая фактура активно используется как для демонизации фигуры Николая II, так и для выстраивания его апологии. В данном случае необходимо подчеркнуть, что сегодня образ этого монарха обрел в массовом сознании во многом символический характер, и потому активно используется для формирования современной общественно-политической повестки.

Последнее закономерно способствовало росту влияния конъюнктуры и социального заказа на процесс изучения национальной политики Николая II, что негативным образом повлияло на достоверность реконструкции системы представлений о соответствующих событиях прошлого.

Рост интереса к обозначенной теме также обусловлен отказом большинства исследователей от попыток использования объективной системы оценки национальной политики Николая II,

* Corresponding author

E-mail addresses: VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

основанной на использовании представлений о закономерностях процесса формирования и воспроизводства национально-государственной идентичности. Обращение к междисциплинарному подходу в данном случае позволило бы интерпретировать исторические факты вне контекста «постправды» и оценить релевантность выбранного политическим руководством империи курса в области национальной политики без учета воздействия таких факторов, как Первая мировая война и революции 1917 г.

Целью представленного исследования является оценка национальной политики Николая II с позиций теории конструирования идентичности.

2. Материалы и методы

Источниковая база данного исследования была сформирована преимущественно за счет привлечения архивных материалов. В частности, при написании статьи использовались документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). В первом случае нами были рассмотрены материалы 2-го и 3-го делопроизводств Департамента полиции Министерства внутренних дел. Во втором случае были привлечены документы, отложившиеся в фондах Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Также при написании работы были использованы источники личного происхождения – мемуары М. Бок, С.Ю. Витте, Ф.А. Головина, В.И. Гурко, А.И. Гучкова, А.А. Кизеветтера и В.Н. Коковцова (Бок, 1992; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992).

Методология данного исследования выстраивается за счет комбинации дескриптивной, структурной и сравнительной разновидностей анализа. Структурный анализ использовался в рамках факторной операционализации вопроса об эффективности национальной политики. Сравнительный анализ применялся в рамках сопоставления политических практик Российской империи и моделей национальной политики прочих великих держав. Обращение к дескриптивному анализу позволило комплексно отобразить изменение в политическом курсе империи относительно интеграции национальных окраин.

В роли теоретической базы работы выступает концепция социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тернера. Наиболее значимым в контексте данной работы представляется положение указанной теории о важности формирования ингруппового фаворитизма – целостного и позитивного образа «нас» – как основания конструирования национально-государственной идентичности.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии заявленная тема получила освещение преимущественно в материалах политической публицистики. Опубликованные в данный период работы отличаются, с одной стороны, богатством эмпирической базы, с другой – высоким уровнем политизации (Бородкин, 1905; Гильфердинг, 2009а; Гильфердинг, 2009б; Липранди, 1909; Мессарош, 1897; Мехелин, 1908; Спасович, Пильц, 1903).

В советский период был опубликован широкий корпус работ, напрямую или косвенно затрагивающих тему национальной политики Николая II. Однако соответствующая проблематика исследовалась, как правило, в рамках изучения более широких вопросов. Авторы были вынуждены ориентироваться на официальную идеологию и оценки, данные соответствующим событиям современниками-большевиками. Все это закономерно нивелировало позитивный эффект, связанный с вводом в научный оборот большого объема новых источников (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В современный период тема исследовалась во многом в рамках ревизии концепций, выработанных советской исторической школой. Однако далеко не всегда переоценка подходов производилась на основе принципа объективности. Многие авторы выстраивали свои объяснительные модели, основываясь на определенных системах ценностей или исторических мифах. В свет также вышли работы ученых, интерпретировавших соответствующие события с сугубо научных позиций, однако не использовавших концептуальные схемы исследователей, разрабатывавших вопрос о закономерностях формирования социальной идентичности (Баглай, 2016; Боханов, 2006; Горизонтов, 1999; Кисляков, 2011; Миллер, 2007).

4. Результаты

В советский период исследователи были вынуждены тиражировать тезис о сугубо реакционном характере национальной политики Николая II. Как следствие, в историографии был сформирован ряд негативных стереотипов, закреплявшихся посредством акцентирования внимания на ряде решений, принятых властями империи.

Следует признать тот факт, что политическое руководство России в период правления Николая II предприняло ряд решительных мер, ориентированных на интеграцию национальных окраин. В частности, в 1900 г. был запущен процесс перевода делопроизводства в Финляндии на русский язык. Вскоре после этого были расширены полномочия генерал-губернатора Великого княжества Финляндского в плане назначения русскоязычных чиновников на должности, прежде

зарезервированные для носителей финского языка. Была ликвидирована существовавшая отдельно финская армия, а в 1910 г. официальный Санкт-Петербург пошел на унификацию законодательства Великого княжества с общеимперским (Боханов, 2006: 60, 75, 90; Миллер, 2007: 341).

Параллельно генерал-губернатор Варшавский был наделен дополнительными полномочиями с точки зрения контроля над деятельностью католической церкви (Сосновских, 2016: 206). В 1911 г. на территории губерний, населенных преимущественно украинцами, был введен запрет на преподавание в школах на ином языке, кроме русского (Дякин, 1995: 135). Также власти империи сохранили введенные ранее дискриминационные практики в отношении евреев, придерживающихся иудейского вероисповедания (Гильфердинг, 2009b: 281; Зайончковский, 1970: 79).

Однако нельзя игнорировать то, что в ряде вопросов власти пошли на смягчение национальной политики. Так, в 1905 г. был снят запрет на ведение церковных служб и печать богослужебных книг на польском языке. В частных школах среднего звена разрешалось использовать его в ходе преподавания ряда предметов. В начальных школах на территории генерал-губернаторства Варшавского в качестве дополнительных языков преподавания были легализованы польский и литовский (Горизонтов, 1999: 91; Кисляков, 2011: 136).

В остзейских губерниях местные жители получили право открывать частные школы, в которых преподавание осуществлялось на немецком языке. Одновременно кабинет министров дал разрешение на использование в прибалтийских школах латышского и эстонского языков (Баглай, 2016: 799). В 1907 г. в Финляндии был вновь созван сейм, распущенный, впрочем, впоследствии по причине доминирования в его составе левых радикалов (Дякин, 1995: 137). Начиная с 1905 г., крестьяне-католики, проживавшие в Белоруссии и на Украине, получили право приобретать землю в собственность. Важной уступкой национальной интеллигенции стало снятие запрета на издание Евангелия на украинском языке (Дякин, 1995: 139). В 1906 г. правительство пошло на отмену ограничений, затруднявших евреям-иудеям доступ в высшие учебные заведения (Боханов, 2006: 139). С 1907 г. в ряде регионов, на территории которых преобладало мусульманское население (например, в пределах современных Башкортостана и Казахстана), на уровне начальной школы было допущено использование в процессе преподавания национальных языков (Дякин, 1995: 138).

Таким образом, в период правления Николая II центральная власть не реализовывала последовательной и системной политики подавления и ассимиляции инородцев. Действия политического руководства империи, имевшие условно репрессивный характер, не являлись частью связанной политической программы и почти повсеместно сопровождалась либерализацией национальной политики в иных сферах.

Последнее указывает на то, что национальная политика императора отчасти носила диверсифицированный характер, но также во многих аспектах могла рассматриваться как реактивная. Последнее, вероятнее всего, обуславливалось динамикой внешней и внутренней политической конъюнктуры. Политическое руководство империи не могло игнорировать активность как националистических структур различного толка, так и попытки использования их в собственных интересах со стороны Германии, Австро-Венгрии и Османской империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп 2. Д. 223. Л. 37; Головин, 2006: 20).

Вопрос об эффективности национальной политики Николая II носит достаточно сложный характер. Ее оценка, как правило, производится с учетом текущей историко-политической конъюнктуры – «постправды» и в отрыве от культурного и интеллектуального контекста соответствующей эпохи. По этой причине осмысление национальной политики Николая II будет производиться нами в междисциплинарном ключе, с позиций комплекса представлений современной науки о закономерностях процесса формирования национально-государственной идентичности.

Последняя являет собой сложный конструкт, объединяющий одновременно несколько символических систем. С одной стороны, она обладает темпоральным выражением, включая в себя дополняющие друг друга образы коллективного прошлого, настоящего и будущего. С другой стороны, в структуру национально-государственной идентичности входят как представления о собственной национально-политической группе, так и о аналогичных сообществах, существующих за ее пределами. При этом ряд образов «чужих» имеют принципиально важное значение, поскольку они позиционируются в качестве «значимого другого»: «врага» (источника угрозы) или «друга». При этом на формирование всех элементов идентичности серьезное влияние оказывает дискурс престижности (Евгеньева, 2012: 28).

Именно за счет него формируются два основных источника генерации идентичности – интрупповой фаворитизм (система представлений о превосходстве собственной социальной группы над прочими) и аутгрупповая дискриминация, в основе которой лежит комплекс негативных стереотипов об иных сообществах, обуславливающих приписывание им более низкого статуса относительно собственной идентичности) (Гречко, 2015: 38).

Представления, формирующие каждый из элементов национально-государственной идентичности, нередко вырабатываются и функционируют в форме социального мифа. То есть, речь идет об объяснительной модели, носящей заведомо упрощенный и потому непротиворечивый

характер. Эти качества обуславливают доступность содержания мифа широким массам населения (Хобсбаум, 2000: 50). Помимо того, мифологический нарратив идентичности тесно связан с его символическим характером. То есть, идентичность транслируется посредством эмоционально насыщенных образов, в рамках которых кодируются определенные смыслы и ценности (Эрикссон, 1996: 21).

Успешная реализация функций любой модели идентичности предполагает необходимость символического конформизма. Последний выражается посредством единства интерпретации символов и унифицированной реакции на них. За счет этого идентичность выступает в качестве ресурса, позволяющего регулировать поведение членов корпорации (Гречко, 2015: 38).

Единство истолкования ключевых образов может быть отчасти обеспечено за счет деятельности институтов, отвечающих за социализацию членов корпорации (например, школы или церкви), либо распространения общего языка или вероисповедания. Таким образом, национальная политика Николая II имела под собой не только ситуативные, но и долгосрочные стратегические основания.

Однако использование указанных инструментов формирования национально-государственной идентичности предполагает выполнение ряда предварительных условий (Эрикссон, 1996: 74). Во-первых, институт социализации должен охватывать в рамках своей деятельности большинство населения. В случае, например, института образования это предполагает необходимость вовлечения в учебный процесс подавляющего большинства детей соответствующего возраста, то есть создания системы всеобщего образования хотя бы в рамках начальной школы. Во-вторых, персонал вовлеченных в работу институтов социализации должен состоять преимущественно из носителей распространяемой идентичности (Гречко, 2015: 42).

Впрочем, даже реализация упомянутых условий не гарантирует однозначного успеха в процессе реализации национальной политики. Характерным примером может служить британский опыт ассимиляции Ирландии. Повсеместное насаждение английского языка в официальном делопроизводстве, сфере образования и отправлении богослужений позволило подорвать в системном уровне влияния гэльского наречия и превратило английский во второй родной язык для населения острова. Однако национальное самосознание ирландцев на этом фоне лишь укрепилось, причем в значительной степени – за счет консолидации вокруг образа врага в лице британских властей. Соответственно, необходимо признать, что даже полноценное приобщение к имперской культуре (в том числе – через заимствование языка) не гарантирует успешной интеграции национальных окраин в случае сохранения значимых символических маркеров, отделяющих сообщества друг от друга (Эрикссон, 1996: 98). Например, в этом качестве могут выступать представления о превосходстве собственного этноса над имперским (или наоборот) на основании стереотипов, провозглашающих первенство определенного народа в плане уровня жизни, образования, интеллекта, маскулинности и т.д. Кроме того, роль фактора дезинтеграции могут играть представления о том, что «своя» имперская нация значительно уступает «чужой», что подразумевает необходимость смены объекта подчинения. Подобными настроениями активно пользовались власти Германии и Австро-Венгрии, продвигая среди населения Польши, Украины, Прибалтики и Финляндии представления о выгодах перехода из-под власти «дикой» России под управление «цивилизованных европейских держав» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 141. Л. 30; Дякин, 1995: 132).

Также роль значимого маркера играют отличия в организации повседневного образа жизни (вплоть до деталей костюма и пищевых привычек) и типовых форм социального взаимодействия. Большое значение имеет образ коллективного прошлого. В частности, представления о русских как традиционном, историческом враге выступали в качестве одного из наиболее существенных препятствий в рамках процесса интеграции польских земель (Боханов, 2006: 139; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 4. Д. 135. Л. 54; Головин, 2006: 17).

Нельзя забывать и о влиянии такого фактора, как наличие либо отсутствие позитивного образа будущего и у элит эпохи правления Николая II, и у основной массы населения России вне зависимости от этнической принадлежности. В немалой степени успехи различных националистических структур в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. были обусловлены тем, что их лидеры сумели предложить массам привлекательный образ будущего, в рамках которого решение насущных проблем конкретного этнического сообщества увязывалось с обретением независимости от России (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 188. Л. 52; Кизеветтер, 2001: 46; Эрикссон, 1996: 112).

На этом фоне становится очевидно, что само по себе распространение русского языка и православия в конце XIX – начале XX вв. не привело к автоматическому укреплению общероссийской национально-государственной идентичности «имперского» типа. В особенности – в свете процесса социально-экономической модернизации общества, который активно протекал в России в рассматриваемый период. Урбанизация, постепенное вытеснение аграрного производства индустриальным, распространение товарно-денежных отношений, разрушение крестьянской общины, углубление социально-экономической дифференциации основной массы населения и постепенный рост масштабов обмирщения ее сознания – все эти факторы способствовали разрушению традиционных моделей самоопределения, выстраиваемых вокруг принадлежности к конфессии, сословию и т.д. Российское общество в тот период бесповоротно вошло в эпоху не только

социально-экономического, но и культурно-политического транзита – противоречивого и неравномерного. Феномен «России разных скоростей» все более ярко проявлял себя во всех сферах общественной жизни, разрушая не только зачатки общероссийской национально-государственной идентичности, но и базовые институты имперской государственности. Более того, следует признать, что указанные процессы во многом – вольно или невольно – стимулировались усилиями верховных властей в рамках стратегии, направленной на экономическую и технологическую модернизацию страны (Боханов, 2006: 117; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 201. Л. 84; Коковцов, 1992: 111).

Наглядной иллюстрацией в данном случае может служить трансформация образа будущего самого массового слоя населения Российской империи – крестьянства. Великие реформы Александра II способствовали слому привычного уклада жизни крестьян, воспроизводившегося без существенных отличий в течение многих поколений. И последующие преобразования, включая аграрную реформу П.А. Столыпина, лишь усугубили глубину разрыва традиции. Как следствие, будущее утратило в глазах крестьян характер стабильной и предсказуемой категории, что породило запрос на новую модель «мифа о будущем», которая давала бы ее носителям надежду на возвращение перспективы в границы прогнозируемого пространства (Бок, 1992: 72; Кизеветтер, 2001: 59; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1275. Л. 41).

Одновременно в российском обществе в исторически кратчайшие сроки возник новый массовый слой населения в лице промышленных рабочих. Серьезные трансформации переживала и элита: сословная система деления общества все более утрачивала актуальность, что поставило под вопрос существование в привычных формах (и на традиционных позициях) дворянства и купечества. Таким образом, фактически речь шла о частичной маргинализации широких слоев населения, включая часть истеблишмента, в силу чего распадались традиционные формы самоидентификации, включая модели самоопределения на основе этнической, религиозной или сословной принадлежности, но не формировалась новая – общероссийской – модели идентичности (Баглай, 2016: 800).

При этом стратегию национальной политики российских властей в период правления Николая II нельзя оценивать как архаичную. Важно понимать, что в данном случае поле выбора возможных вариантов национальной политики и связанной с ней «политики идентичности» было существенным образом ограничено объективными факторами, ярко проявившимися в этот исторический период. Во-первых, процесс социально-экономических преобразований протекал столь стремительно, что управленческий слой не успевал его отразить. Во-вторых, политическое руководство империи не могло не считаться с позицией широких слоев элиты и высших иерархов церкви, настроенных достаточно консервативно. В-третьих, на внутреннюю политику российских властей свое влияние оказывали как рост угрозы со стороны Центральных держав, так и специфика взаимоотношений с Францией и Великобританией. Как показывал практический опыт, все великие державы в рамках подготовки к «большой войне» почти открыто покровительствовали распространению радикальных форм национализма, используя их в качестве ресурса мобилизации населения и средства управления общественным мнением. Отказ от хотя бы частичного использования данного ресурса автоматически предоставлял соперникам России на международной арене (к числу которых де факто относились и ее партнеры по Антанте) значимое конкурентное преимущество (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 209. Л. 72; Гучков, 1993: 91).

В то же время выгоды перехода к реализации «сдержанной» национальной политики в ключе реализации потенциала «мягкой силы» были не очевидны (в отличие от вполне осязаемых рисков). Ситуацию усугубляло то, что национальная политика прочих великих держав формировала у российских элит представления о нормах решения соответствующих вопросов, что придавало данной политической модели отчасти «подражательный» и, несомненно, аксиоматический характер (Боханов, 2006: 62; Гурко, 2000: 115).

Важно обратить внимание и на ряд иных конкретно-исторических обстоятельств, влияние которых нивелировали эффективность государственной национальной политики в период правления Николая II. В частности, негативную роль сыграли провалы в области внешней политики. Поражение в войне с Японией, равно как и неудачное для России завершение боснийского кризиса 1908 г., превратились в сопутствующие факторы эрозии имперского самосознания. Ситуацию усугубляло то, что в случае конфликта на Дальнем Востоке Россия проиграла государству, прежде не входившему в число великих держав и потому не воспринимавшемуся как достойный соперник для империи Романовых. Отдельно следует отметить и роль эффекта, порожденного поражением военно-морского флота у Цусимы. Если в ходе большинства сражений на сухопутном театре военных действий российские войска в целом продемонстрировали высокую боеготовность и нанесли противнику ощутимый урон, то Цусимское сражение носило характер разгрома: противник фактически уничтожил российские эскадры, не понеся при этом ощутимого урона. При этом негативный эмоциональный эффект от поражения в войне с Японией усиливало осознание приближения «большой войны» в Европе: представители интеллектуальных и управленческих элит осознавали, что в ходе этого конфликта России предстоит столкнуться с более серьезными противниками, чем Япония, и это во многом перечеркивало претензии империи на повышение своей позиции в

неформальной табели о рангах великих держав. Все это на фоне внутренних волнений, а также отсутствия четкого и позитивного образа будущего естественным образом способствовало снижению престижности имперской идентичности, кризису политики по ее формированию (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 205. Л. 33; Евгеньева, 2012: 31; Дякин, 1995: 138).

На национально-государственное самосознание подданных Николая II также влияли издержки активного проникновения в Россию иностранного капитала. С одной стороны, инвесторы зачастую предпочитали комплектовать управленческий персонал из числа своих сограждан, в силу чего подданные империи занимали подчиненное положение на их предприятиях. Как следствие, процесс инвестирования часто ассоциировался у подданных Николая II с «экономической колонизацией». Представители иностранного персонала на равных общались с представителями российских элит. При этом последние по образу жизни (включая внешние признаки символического характера) куда больше походили на подданных европейских государств, чем на собственных соотечественников, формировавших основную массу населения. Как следствие, правящие слои все чаще воспринимались основной массой населения как «внутренние другие», не готовые защищать национальные интересы России и способствующие экспансии внешних сил. В результате степень консолидации общества вокруг элит естественным образом падала, как и авторитет последних (Евгеньева, 2012: 30; Зайончковский, 1970: 74; Коковцов, 1992: 87).

С другой стороны, иностранные инвесторы предпочитали вкладывать средства в развитие высокотехнологичных отраслей тяжелой промышленности. Последнее порождало негативные стереотипы относительно того, что россияне в силу своего «варварства» якобы не способны самостоятельно осваивать новые технологии. Их тиражирование приводило либо к формированию комплекса национальной неполноценности (т.е. размыванию ингруппового фаворитизма), либо, напротив, провоцировало запрос на «адекватную» (в протекционистском или откровенно «запретительном» понимании) реакцию со стороны властей, отсутствие которой опять же способствовало снижению консолидации общества в силу падения доверия к элитам (Зайончковский, 1970: 99; Коковцов, 1992: 116; Хобсбаум, 2000: 52).

5. Заключение

Соответственно, в период правления Николая II национальная политика центральных властей империи не предусматривала системного выстраивания национально-государственной идентичности «имперского» типа. Она носила диверсифицированный, во многом реактивный, а нередко и конъюнктурный характер. Последнее в значительной степени было обусловлено социально-политическими издержками процесса модернизации, запущенного реформами Александра II, а впоследствии дополнительно простимулированного преобразованиями в области экономики в период правления его преемников. Модернизационная динамика способствовала уничтожению привычной структуры социальной организации и утрате привычного «образа будущего», что стало наиболее очевидно именно в период правления Николая II. Этот фактор налагался на отсутствие системы всеобщего образования и иных институтов массовой «имперской» социализации, способных в рамках своего воздействия полностью охватить макросоциальные группы вне зависимости от их конфессиональной либо этнической принадлежности. Ситуацию также усугубляли серьезные диспропорции в социально-экономическом развитии отдельных регионов империи, соседствующие с отсутствием коллективного образа прошлого (мемориального и символического конформизма).

Помимо высоких темпов социально-экономической трансформации, порождавшей внутривластную нестабильность, формированию имперской модели национально-государственной идентичности также препятствовали рост внешних угроз, политическая, экономическая и культурная экспансия со стороны прочих великих держав.

Неудачи в области внешней политики, издержки проникновения иностранного капитала в российскую экономику, характер ее структуры и отставание от иных держав в плане научно-технического развития способствовали эрозии ингруппового фаворитизма и связанного с ним имперского самосознания, а в случае национальных окраин формировали привлекательные образы «значимого другого» в лице Германии либо Австро-Венгрии. Незавершенность процесса интеграции ряда условно мусульманских регионов, как и мемориальное наследие Кавказской войны и присоединения Средней Азии, также способствовали превращению Османской империи в один из альтернативных полюсов имперской идентичности.

Помимо того, имели место падение авторитета элит и, как следствие, снижение готовности широких масс населения консолидироваться вокруг династии Романовых. Ситуацию усугубляло сохранение множества культурных маркеров, отделяющих представителей правящего слоя от основной массы населения. Роль этого фактора лишь возрастала по мере роста концентрации населения в городах, то есть увеличения численности подданных империи, хотя бы косвенно контактирующих с истеблишментом.

Можно констатировать, что в тот период политическое руководство предпринимало действия, направленные на запуск и упорядочивание процесса формирования национально-государственной идентичности. Однако необходимость купировать внешние угрозы, оппозиция со стороны

консервативно настроенной части общества и во многом деструктивная позиция левых и либералов по отношению к монарху минимизировала эффективность усилий властей.

Литература

- Баглай, 2016** – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II // *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. 2016. С. 798-801.
- Бок, 1992** – Бок М. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992.
- Бородкин, 1905** – Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905.
- Боханов, 2006** – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
- Бурмистрова, 1962** – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905–1907 гг. Л., 1962.
- Витте, 1960** – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гильфердинг, 2009a** – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.
- Гильфердинг, 2009b** – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Головин, 2006** – Головин Ф.А. Николай II // *Николай Второй. Воспоминания. Дневники*. М., 2006. С. 11-25.
- Горизонтов, 1999** – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
- Гречко, 2015** – Гречко П.К. К вопросу о национально-государственной идентичности // *Ценности и смыслы*. 2015. № 5 (39). С. 36-46.
- Гурко, 2000** – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993** – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Дякин, 1995** – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.
- Евгеньева, 2012** – Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // *Ценности и смыслы*. 2012. № 5 (21). С. 27-36.
- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Кизеветтер, 2001** – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Кисляков, 2011** – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 11. С. 135-143.
- Коковцов, 1992** – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 2. М., 1992.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – государство или окраина? СПб., 1897.
- Мехелин, 1908** – Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам: критический обзор. СПб., 1908.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 332-350.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сосновских, 2016** – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205-207.
- Спасович, Пильц, 1903** – *Россия и ее западные окраины*. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.
- Хобсбаум, 2000** – Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47-62.
- Эрикссон, 1996** – Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

References

- Baglai, 2016** – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholas II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Bok, 1992** – Bok, M.P.A. (1992). Stolypin: Vospominaniya o moem ottse [Stolypin: Memories of my father]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2006** – Bokhanov, A. N. (2006). Poslednii tsar' [The Last Tsar]. M. [in Russian]
- Borodkin, 1905** – Borodkin, M.M. (1905). Iz noveishei istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N.I. Bobrikova [From the recent history of Finland. Time management N.I. Bobrikov]. SPb. [in Russian]

- Burmistrova, 1962** – *Burmistrova, T.Yu.* (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [The national policy of the Bolshevik Party in the First Russian Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Dyakin, 1995** – *Dyakin, V.S.* (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]
- Erikson, 1996** – *Erikson, E.* (1996). Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. M. [in Russian]
- Evgen'eva, 2012** – *Evgen'eva, T.V.* (2012). Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennoi Rossii [Historical memory and national-state identity in modern Russia]. *Tsenosti i smysly*. 5(21): 27-36. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., 168-251. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., 278-295. [in Russian]
- Golovin, 2006** – *Golovin, F.A.* (2006). Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. M. 11-25. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th centuries)]. M. [in Russian]
- Grechko, 2015** – *Grechko, P.K.* (2015). K voprosu o natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti [Grechko On the issue of national-state identity]. *Tsenosti i smysly*. 5(39): 36-46. [in Russian]
- Guchkov, 1993** – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells...] M. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Khobsbaum, 2000** – *Khobsbaum, E.* (2000). Izobretenie traditsii [Invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 1: 47-62. [in Russian]
- Kislyakov, 2011** – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties in the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]
- Kizeveter, 2001** – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]
- Kokovtsov, 1992** – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]
- Liprandi, 1909** – *Liprandi, A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finland question]. SPb. [in Russian]
- Mekhelin, 1908** – *Mekhelin, L.* (1908). Raznoglasiya po russko-finlyandskim voprosam: kriticheskii obzor [Disagreements on Russian-Finnish Issues: A Critical Review]. SPb. [in Russian]
- Messarosh, 1897** – *Messarosh, P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – a state or a suburb?]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii [Russian nationalism in the Romanov Empire]. M., 332-350. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Sosnovskikh, 2016** – *Sosnovskikh, A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 1(14): 205-207. [in Russian]
- Spasovich, Pil'ts, 1903** – *Spasovich, Pil'ts*, 1903 – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otveti na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom (1903) [Russia and its western outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev. [in Russian]
- Vitte, 1960** – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memories]. V. 3. M. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1970** – *Zaionchkovskii, P.A.* (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the 19th century]. M. [in Russian]

Национальная политика Николая II в ключе формирования национально-государственной идентичности

Виктор Валериевич Титов ^{а, *}

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленного исследования изучена эффективность национальной политики Николая II с точки зрения решения задач по конструированию национально-государственной идентичности имперского типа. Методология работы построена на сочетании дескриптивной, структурной и сравнительной разновидностей анализа. В качестве теоретической базы исследования выступает концепция социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера. Автор приходит к выводу, что в период правления Николая II национальная политика, реализуемая руководством Российской империи, не предполагала системного выстраивания национально-государственной идентичности. Ее отличали диверсифицированный, реактивный и зачастую ситуативный характер. Последнее детерминировалось издержками процесса модернизации, развитие которого способствовало трансформации устоявшейся структуры социальной организации российского общества и уничтожению привычного для широких масс «образа будущего». Воздействие этого фактора усугубляло отсутствие институтов массовой социализации, пригодных для воспроизводства имперской национально-государственной идентичности вне зависимости от религиозной или этнической принадлежности ее носителей. Дополнительное деструктивное влияние на данную ситуацию оказывали также диспропорции в социально-экономическом развитии отдельных территорий империи, неудачи в области внешней политики, падение авторитета элит и дефицит коллективного образа прошлого. Отсутствие релевантной реакции со стороны властей на сложившуюся ситуацию объяснялось не только высокими темпами протекания социально-экономических трансформаций, но и ростом масштабов внешних угроз, а также расширением сферы экономической и культурной экспансии со стороны прочих великих держав.

Ключевые слова: Николай II, национальная политика, «национальный вопрос», национально-государственная идентичность, Российская империя.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 881-888.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.881
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Identification of Votkinsk-Built Tank Barges (1883–1917)

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

In the first half of the 1880s, the Votkinsk plant, having fulfilled the last order of the Maritime Department ("Geok-Tepe" steamer), faced the problem of re-profiling the shipbuilding industry. Taking advantage of the "oil boom", he began the production of offshore (roadstead) and river liquid barges, eventually building about two dozen of them. But the records management documentation of the Votkinsk plant does not allow identifying the names of the built vessels, which appear under the conventional names like "Shibaev's barge" or "Richter's barge". Identification is necessary for the reconstruction of the further career of ships and to identify how much they are in demand or not in demand.

A comprehensive analysis of office-work and operational documentation (registers and lists of ships) made it possible to determine the names of built non-self-propelled ships. As a result, it turned out that by the time of the revolution, many non-self-propelled tankers built in Votkinsk were concentrated in the fleets of the largest Russian oil carriers ("Nobel Brothers" and "Mazut" companies). This proves the relevance and efficiency of courts, since monopolists would not buy out bad products. Most of the Votkinsk tank barges survived the revolution and the civil war, and some worked until the end of the Great Patriotic War, which proves the high quality of the Votkinsk vessels.

Keywords: shipbuilding, oil transportation, Votkinsk plant, bulk barge, non-self-propelled fleet.

1. Введение

В 1883 г. Камско-Воткинский железодобывающий завод закончил выполнение последнего крупного заказа Морского ведомства – парохода для Каспийской флотилии «Геок-Тепе». Поскольку дальнейших заказов не последовало, на повестке дня стал вопрос о прекращении судостроения или его перепрофилировании. Для загрузки рабочих судостроительного цеха в переходный период были построены четыре баржи для собственных нужд, необходимые для перевозки построенных на заводе паровозов. В итоге было решено переориентироваться на частные заказы. Поскольку этот период совпал с началом «нефтяного бума» в Российской империи, первый частный заказ последовал на наливные баржи.

К сожалению, заводская делопроизводственная документация чаще всего не сообщает названия построенных судов. Они идут под условными обозначениями типа «баржа для общества «Лебедь»», или «баржи для Шибаева», что накладывает существенное ограничение на оценку качества произведенной продукции, поскольку непонятно, как долго и насколько успешно она работала. В связи с этим целью данной работы стала идентификация наливных барж воткинской постройки последней четверти XIX в.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

2. Материалы и методы

В качестве материалов для исследования послужила заводская делопроизводственная документация, содержащая сведения о построенном в Воткинске самоходном наливном флоте. Ввиду специфики истории этого массива документации советского периода в настоящее время он оказался на хранении в нескольких архивах. В основном это Центральный государственный архив Удмуртской Республики (Ижевск, Российская Федерация), архив музея Воткинского завода (Воткинск, Российская Федерация) и архив Музея истории и культуры города Воткинска (Воткинск, Российская Федерация). По-видимому, также большой пласт документации оказался к настоящему времени утрачен. В качестве эксплуатационной документации использовались Списки судов за разные годы и издание «Русский регистр».

Главным методом работы стал системный анализ. Список, получившийся на основе делопроизводственной документации, накладывался на список, составленный по эксплуатационной документации, и далее анализировалась вся система, поскольку локальный анализ не смог решить поставленную проблему.

При составлении списков использовался историко-хронологический принцип: вся продукция выстраивалась в строгом хронологическом порядке. В этом случае, несмотря на возможные ошибки в указании года постройки отдельных судов, сама структура списка позволяла эти неточности ликвидировать. Именно в результате комплексного анализа была выявлена баржа «Маня», указываемая «Русским регистром» как судно воткинской постройки. Поскольку в указанный период делопроизводственная документация не отразила постройку судна с подобными характеристиками, был сделан вывод об ошибочности этой записи.

3. Обсуждение

Переворот в нефтяной отрасли Российской империи, начавшийся в 1880-х гг., нашел отражение в исторической литературе в ряде разнообразных аспектов. В основном это касалось технологии добычи нефти, классовый борьбы и т.д. Но работы по эволюции средств водной транспортировки нефти оказались редки и крайне фрагментарны. Как правило, в них лишь констатируется факт необходимости разработки речного и морского судов нового типа для транспортировки нефти наливом, и как это было реализовано в 1880-х гг. (Лисичкин, 1954; Али-заде, 1969; Минина, Сергеев, 2016). Сам флот, к сожалению, не стал объектом исследования данных работ. Возможно, это было связано с ограниченностью источниковой базы, которая, кроме статистических отчетов и нефтяной делопроизводственной документации, базировалась лишь на дореволюционных полурекламных книгах и буклетах типа юбилейного издания компании Нобелей (Нобель, 1910).

С другой стороны, имеется множество исследований по речным перевозкам по Волге и Каспию, первой и наиболее фундаментальной из которых стала работа И.А. Шубина (Шубин, 1927). Но, как правило, авторов этих исследований более интересовали суда с механической тягой, тогда как состав и эволюция самоходного флота описывались ими лишь тезисно. Возможно, подобная лакуна в исследованиях по водному транспорту снова объясняется ограниченностью источниковой базы. Если по самоходному флоту в дореволюционной России достаточно регулярно издавались списки судов, по которым довольно легко проследить эволюцию флота как по отдельным хозяйствам, так и по регионам в целом, то периодичность и качество аналогичных изданий по самоходному флоту оставляет желать лучшего. В довоенной России вышло лишь два списка непаровых судов: в 1890 г. (Список, 1892) и 1900 г. (Список, 1902). Причины этого достаточно очевидны: во-первых, самоходный флот численно значительно превосходил самоходный, а во-вторых, в основном он представлял собой деревянные суда, производство которых можно было наладить чуть ли не в любом селе или деревне. Зачастую срок эксплуатации подобных судов мог быть не более года, и нередко эти суда вообще не страховались, а потому не регистрировались. В связи с этим об истинных объемах самоходного судостроения в Российской империи можно лишь догадываться. Кроме того, реконструкция непаровых флотов по указанным спискам представляет практически не решаемую задачу – определить по ним, одно это судно или разные, зачастую невозможно. Идентификация судов в них производится на основе регистрационного номера, года выпуска и характеристик. Но регистрационный номер менялся после каждой перерегистрации, поэтому он не совпадает даже по известным судам. Характеристики судов в 1890 и 1900 гг., по всей вероятности, замерялись независимо друг от друга, и в обоих списках имеются достаточно серьезные разночтения даже по судам, идентичность которых установлена другими методами. Наконец, год выпуска также может несколько меняться, в связи с чем достоверно установить, что какое-то судно из списка 1890 г. является судном списка 1900 г., просто невозможно.

Деятельность «Русского регистра» частично систематизировала учет самоходных судов. В 1915–1916 гг. вышло четыре издания «Русского регистра» – в каждые полгода (см, например, Регистр, 1915). По сравнению со «Списками непаровых судов», «Русский регистр» дает информацию о названии и месте постройки, что дает возможность однозначно идентифицировать судно. В качестве наиболее серьезных недостатков этого источника можно указать, во-первых, чрезвычайную ограниченность временных рамок (всего два года – 1915–1916 гг.), а во-вторых, неполноту списков.

Очевидно, в них фигурируют лишь суда, прошедшие регистрацию за определенный период, поэтому, если судно было зарегистрировано до этой даты или после, оно отсутствует.

Недостаток полноты списков был практически устранен в «Списках речного флота по переписи 1916–1917 гг.» (Список, 1917), но в них опустили информацию о месте постройки судов, что создает определенные трудности его использования.

Указанные ограничения источниковой базы предопределили некоторую однобокость и современных изданий по истории дореволюционных флотов. Обилие литературы по самоходным судам, появившейся за последние два десятка лет, сопровождается практически полным молчанием относительно непарового флота. Одно из немногих исключений – работа В.В. Ярового с соавторами (Яровой и др., 2013), но и в ней список барж не исчерпывающий, а имеет существенные лакуны.

4. Результаты

Делопроизводственная документация о постройке самоходных плавсредств

В 1884 г. представители завода вели безрезультатные переговоры о выдаче заказа на постройку для Министерства путей сообщения буксирного парохода и четырех грунтоотвозных шаланд (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9478). А уже в сентябре 1885 г. руководство завода ведет переписку с обществом «Лебедь» о постройке четырех барж (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9544. Л. 148). Подробности переговоров не ясны, но, судя по всему, речь идет о наливных баржах. Исходя из «Ведомостей состояния и производительности завода... 1885 г.», в этом году он начал работы по двум баржам и одной шаланде для общества «Лебедь», для чего было израсходовано 23116 руб. 32 ¹/₄ коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9548. Л. 22). Судя по «Месячным отчетам...» завода, в сентябре 1885 г. он действительно начал исправление фундамента для постройки четырех барж по заказу общества «Лебедь» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9547. Л. 293). Но в ноябре того же года он ведет постройку уже двух барж, на которые к этому времени ушло 10190 руб. 69 коп., а также начал подготовительные работы к закладке шаланды, на что затрачено 15 руб. 7 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9547. Л. 548). На декабрь 1885 г. по баржам затрачено уже 21864 руб. 18 коп., на шаланду – 548 руб. 80 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9547. Л. 686). В мае 1886 г. суда сдали заказчику. Примерно в это же время начались переговоры о постройке для самарского судовладельца Субботина парохода и трех барж на тех же условиях, что и для общества «Лебедь» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9553. Л. 20). Но в марте 1888 г. переговоры с Субботиным закончились безрезультатно (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9553. Л. 29). Тем не менее в 1887–1988 гг. завод изготовил две баржи для перевозки керосина для товарищества Шибаяева. Их характеристики: длина 73,2 м (240'), ширина 9,91 м (32' 6") (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9644. Л. 28-29).

«Статистические сведения о состоянии производства завода...» дополняют информацию о двух баржах 1888 г. Поскольку в этот период завод по другим подобным заказам не работал, понятно, что речь идет именно о них. В октябре 1887 г. начаты работы, и в этом месяце на них потрачено 1717 руб. 11 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9649. Л. 105). В ноябре эти же баржи фигурируют уже как баржи Рихтера, и на них за месяц потрачено 1049 руб. 00 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9649. Л. 111). В декабре они указывались как баржи Износкова-Рихтера, и в этом месяце на их постройку потрачено 4651 руб. 28 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9649. Л. 121). Износков – это комиссионер завода в Санкт-Петербурге, имевший процент с найденных им для завода заказов. Так что при посредничестве Износкова баржи строятся для Рихтера. Судя по «Месячным сведениям...», за 1888 г. баржи для Рихтера строятся с февраля по декабрь 1888 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666). Их постройка продолжается также с января по декабрь 1889 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696). А поскольку в 1890 г. в работе эти баржи не значатся (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718), можно заключить, что их закончили в декабре 1889 г.

В 1892 г. в работе находится баржа по заказу братьев Стахеевых (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9798. Л. 41). Эта же баржа находится у завода к 1894 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9856. Л. 51). Кроме того, в 1892 г. завод построил пароход с машиной для г. Рыбкина и полубаржу для его сплава за 52094 руб. 85 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9799. Л. 23).

В 1899 г. произведен заказ баржи для общества «Мазут» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 2). В сентябре того же года судовой цех получил наряд на ее постройку (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 10). В данном случае речь идет о 85-метровой (280') барже. В это же время с обществом заключается договор, где, кроме рейдовой баржи указанной длины, срок готовности которой определен, как «к открытию навигации сего года», фигурирует еще одна речная баржа «Ревекка» с длиной корпуса 116 м (380'). Срок ее готовности устанавливался не позднее 1 июля 1900 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 10). 5 декабря 1899 г. заказчик определил название для рейдовой баржи – «Агар» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 59).

В мае 1900 г. кузнечный цех получает наряд на отковку вещей для баржи «Рахиль» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 81), из чего можно сделать вывод о переименовании судна. 7 июня 1900 г. «Мазуту» сдали 280-футовую баржу «Агар» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 100). 11 июля 1900 г. в заводской переписке появляется интересный документ, по которому выходит, что строящаяся баржа «Ревекка» ошибочно названа «Рахиль» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 120). 9 октября 1900 г.

380-футовая баржа «Рахиль» сдана заказчику (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 141). 16 декабря 1903 г. завод построил «баржу по типу “Ревекки”» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10301. Л. 173).

Большое значение также имеет список воткинской продукции (1895–1904 гг.), составленный в то время директором Воткинского краеведческого музея В.Н. Ступишиным по данным, по-видимому, утраченной делопроизводственной документации (МИКВ. Д. 4812. Л. 1–3). Там фигурируют:

- № 15. Баржа наливная обществу «Мазут» «Ревекка» 1899 г. (380' x 49').
- № 19. Рейдовая баржа наливная обществу «Мазут» «Агар» 1900 г. (280' x 39').
- № 20. Баржа наивная обществу «Мазут» «Рахил» 1900 г. (380' x 49').
- № 21. Баржа наливная обществу «Ока» без имени 1900 г. (290' x 32').
- № 41. Баржа наливная обществу «Ока» без имени 1902 г. (245' x 42').
- № 42. Баржа рейдовая наливная обществу «Мазут» «Паллада» 1902 г. (280' x 39').
- № 43. Баржа рейдовая наливная обществу «Мазут» «Юнона» 1903 г. (280' x 39').
- № 59. Баржа наливная «Кама» 1904 г. (380' x 49').

В.Н. Ступишин также составил таблицу по стоимости произведенных судов в период с 1900–1907 гг. (МИКВ. Д. 4812. Л. 4–21) Там фигурируют:

- для общества «Мазут» железных барж 2 шт. (1900 г.) («Агар» и «Рахиль»?);
- для общества «Ока» железных барж 3 шт. (1900 г.);
- для общества «Ока» железных барж 1 шт. (1902 г.);
- для общества «Мазут» железных барж 1 шт. (1902 г.) («Паллада»?);
- для общества «Мазут» железных барж 1 шт. (1903 г.) («Юнона»?);
- для Министерства путей сообщения железная баржа «Кама» (1904 г.).

Обобщая данные делопроизводственной документации, можно сделать вывод об общих объемах производства. Имеется один невнятный эпизод о постройке наливных барж в 1888 г. С одной стороны, имеется упоминание о закладке в 1884 г. четырех барж для общества «Лебедь», которому в итоге сдано две баржи. Но, с другой – имеется информация о сдаче Шибаеву двух барж в 1888 г., и непонятно, это те же баржи, законченные в декабре 1889 г. и сданные Рихтеру в 1890 г., или нет.

Таким образом, общий список выглядит следующим образом (из 19 барж названия известны лишь у шести):

1. Две баржи и шаланда для общества «Лебедь» (1886 г.).
2. Две баржи для Шибаева (1888 г.).
3. Две баржи для Рихтера (1890 г.).
4. Полубаржа для Рыбкина для доставки парохода (1892 г.).
5. Баржа для Стахеева (1893 г.).
6. «Агар», «Ревекка» и «Рахиль» для «Мазута» (1900 г.).
7. Три баржи для общества «Ока» (1900 г.).
8. «Паллада» для «Мазута» (1902 г.).
9. Баржа для общества «Ока» (1902 г.).
10. «Юнона» для «Мазута» (1903 г.).
11. «Кама» для МПС (1904 г.).

Регистры о баржах воткинской постройки

Среди всего объема регистров и списков судов периода 1890–1926 гг. только в пяти имеются одновременно сведения о названиях барж и месте их постройки. Это четыре издания «Русского регистра» 1915 и 1916 гг., а также Регистр 1926 г. В 1915–1916 гг. «Русский регистр» издавался каждые полгода и в целом, примерно на 90%, повторял одну и ту же информацию. По этой причине имеет смысл выбрать регистр 1926 г. и самое раннее издание «Русского регистра» – январское 1915 г. (Таблица 1).

Таблица 1. Информация о воткинских баржах по регистрам 1915 г. и 1926 г.

Заказ, заказчик	Заводские данные	Регистр, 1915	Регистр, 1926
Баржа, «Лебедь»	? (1886)	–	«Раиса» (1886)
Баржа, «Лебедь»	? (1886)	«Волга» (1886)	–
Шаланда, «Лебедь»	? (1886)	«Счастливая» (1886)	«Счастливая» (1886)
Баржа, Шибаев	? (1888)	«Толя» (1888)	«Толя» (1888)
Баржа, Шибаев	? (1888)	«Ледя» (1888)	–
Баржа, Рихтер	? (1890)	«Зинаида» (1889)	«Зинаида» (1890)
Баржа, Рихтер	? (1890)	«Лариса» (1889)	«Лариса» (1890)
Полубаржа, Рыбкин	? (1892)	–	–
Баржа, Стахеев	? (1893)	–	№ 54 (1893)
Баржа, «Мазут»	«Агар» (1900)	«Агарь» (1898)	№ 87 (1900)
Баржа, «Мазут»	«Ревекка» (1900)	–	«Ревекка» (1900)

Баржа, «Мазут»	«Рахиль» (1900)	«Рахиль» (1900)	«Рахиль» (1900)
Баржа, «Ока»	? (1900)	–	«Галатейя» (1900)
Баржа, «Ока»	? (1900)	–	«Геба» (1900)
Баржа, «Ока»	? (1900)	–	«Сирена» (1900)
Баржа, «Мазут»	«Паллада» (1902)	«Паллада» (1902)	№ 107 (1902)
Баржа, «Ока»	? (1902)	–	«Вязовка» (1902)
Баржа, «Мазут»	«Юнона» (1903)	«Юнона» (1903)	№ 111 (1904)
Баржа, МПС	«Кама» (1904)	–	«Ираида» (1903)

В регистре 1915 г. имеется также информация о железной наливной барже «Маня» (1890 г.п.), принадлежащей Нобелю (50,3 х 6,1 м). Ничего похожего в делопроизводственной документации нет. Но в юбилейном издании, посвященном деятельности братьев Нобелей, указывается, что данная баржа построена в Царицынских мастерских по чертежам Нобелей (Нобель, 1910: 186). Таким образом, это явная опечатка регистра. По остальным указанным судам: баржи «Волга», «Агарь», «Рахиль», «Паллада» и «Юнона» принадлежат «Мазуту»; шаланда «Счастливая» – «Надежде»; «Зинаида», «Лариса», «Леда», «Толя» – «Нобелю». В «Русском регистре» 1915–1916 гг. железных барж у Стахеева, Рыбкина и «Лебеда» нет.

Указанные собственники позволяют частично реконструировать эксплуатационную информацию по воткинским баржам, используя такой проблемный источник, как «Список речных непаровых судов» 1890 и 1900 гг.

Первые четыре баржи, заложенные для «Лебеда», имели длину корпуса 73 м, ширину 9,9 м. В 1890 г. у Товарищества «Лебедь» имелась лишь одна наливная баржа данных габаритов: длина 73 м (34 саж. 14 верш.), ширина 9,6 м (4 саж. 1 арш. 8 верш.). Она указана как керосиновая железная баржа 1887 г.п., Рег. № 27/525 (Список, 1892: 41). Еще три баржи для керосина подобных габаритов, но они указаны с годом постройки 1884, что исключает их идентификацию как воткинских судов. Товарищество С.М. Шибаева в данном списке подходящих судов не имеет (Список, 1892: 48), Л.Ф. Рихтер тоже (Список, 1892: 34). Зато у братьев Нобелей имеются две подходящие керосиновые баржи 1889 г.п. Рег. № 27/481 и Рег. № 27/482 с длиной 74,2 м (34 саж. 2 арш., 9 верш.), шириной 10,96 м (5 саж. 7 верш.), что может указывать на их перекупку у Рихтера («Зинаида» и «Лариса») практически сразу после постройки. Две керосиновые баржи 1888 г.п. Рег. № 26/595 и Рег. № 26/596 с длиной 73,17 м (34 саж. 1 арш. 1 верш.), шириной 10,07 м (4 саж. 2 арш. 3 верш.), что может указывать на их перекупку у Шибаева («Толя» и «Леда»). Таким образом, получается, что собственники, приобретавшие воткинские баржи, практически сразу же их перепродавали.

По списку 1900 г. четыре баржи, построенные для Шибаева и Рихтера, скорее всего, снова числятся у Нобеля (Список, 1902: 68): 1890 г.п. Рег. № 27/590 и Рег. № 27/591, длина 72,42 м (34 саж.), ширина 11,0 м (5 саж. 8 верш.); 1889 г.п. Рег. № 27/481 и Рег. № 27/482, длина 74,24 м (34 саж. 2 арш. 9 верш.), ширина 10,96 м (5 саж. 7 верш.).

У компании «Надежда» имеется судно, похожее на «Счастливую» (Список, 1902: 27): рег. № 27/1047, 1886 г.п., длина 45,66 м (21 саж. 1 арш. 5 верш.), ширина 9,14 м (4 саж. 14 верш.). У И.Г. Стахеева есть железная баржа для перевозки керосина, очень похожая на построенную в Воткинске – Рег. № 1115/97, 1893 г.п., длина 73 м (34 саж. 14 верш.), ширина 9,7 м (4 саж. 1 арш. 11 верш.) (Список, 1902: 64). Если длина судна и год вполне соответствует тому, что построено на Воткинском заводе, ширина явно меньше, хотя, возможно, снова имеет место опечатка. Что касается Рыбкина, то ничего похожего на полубаржу в 1900 г. у него снова нет.

В списке судов по переписи 1916–1917 гг., в отличие от списков 1890 и 1900 гг., указываются наименования, хотя отсутствует место постройки.

Во флоте общества «Мазут» имеются 6 судов: «Волга» (1886 г., Рег. № 641/1), «Ревекка» (1898 г., Рег. № 493/1), «Агарь» (1899 г., Рег. № 659/1), «Рахиль» (1900 г., Рег. № 487/1), «Паллада» (1902 г., Рег. № 486/1), «Юнона» (1903 г., Рег. № 642/1) (Список, 1917: 98-105). Во флоте «Нобеля»: «Лариса» (1888 г., Рег. № 812/1), «Зинаида» (1888 г., Рег. № 816/1), «Ираида» (1903 г., Рег. № 174/1) (Список, 1917: 120-123). У общества «Восточное» – «Счастливая» (1886 г., Рег. № 875/1) (Список, 1917: 128-129).

Во флоте И.Г. Стахеева имеются лишь деревянные баржи. Две баржи – стале-железные, обе постройки 1911 г., и лишь одна – «Камская» – постройки 1893 г. (Рег. № 96/24) (Список, 1917: 178-179). Ее длина 73 м (34 саж. 14 верш.) и ширина 9,9 м (4 саж. 1 арш. 15 верш.) практически совпадают с данными баржи списка 1900 г.

Наконец, у общества «Ока» есть баржа № 156 постройки 1902 г. (Рег. № 5745). Ее длина составляет 59,6 м (28 саж.), ширина 12,15 м (5 саж. 2 арш. 2 верш.) (Список, 1917: 274-275). Длина судна меньше, чем дают заводские чертежи, но, что весьма показательно, эта баржа имела номер заказа 156, и на чертеже на борту судна так и написано «№ 156» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 174).

А вот во флоте Рыбкина снова нет судна, подходящего под описание построенного на Воткинском заводе. Таким образом, относительно полубаржи Рыбкина можно заключить, что она, после доставки его парохода, была или продана, или перестроена.

Ранее при анализе «Списка Воротова», хранящегося в архиве музея Воткинского завода (АВЗ. Папка Воротова), нами было установлено, что при его составлении были использованы утерянные в настоящее время источники (Митюков, 2020). В частности, позицией 2 в списке идут: «баржи “Кама”, “Волга” (1891 г.)». Возможно, речь в данном случае идет о построенных для «Лебеда» баржах. Как видно из «Списка речных непаровых судов», уже к 1890 г. у «Лебеда» остается лишь одна баржа из этого заказа – «Волга». Вторая баржа к этому времени уже продана и, по-видимому, переименована в «Раису». Поэтому велика вероятность, что обе баржи на момент передачи заказчику как раз и имели названия гидронимов, как указано у Воротова.

Далее в списке идут «Нева», «Кама» (1898)». Учитывая своеобразный сдвиг по времени, это, скорее всего, баржи Шибаева, т.к. Рихтер плотно сотрудничал с Нобелями и, вполне возможно, в заказе изначально выступал их посредником. Поскольку «Кама» у «Лебеда» к моменту передачи Шибаеву уже, по-видимому, была продана «Лебедем» и переименована, новая баржа снова имеет наименование «Кама».

Далее в списке Воротова идут: «Колва», «Север», «Бельский», «Уфимка», «Уфа», «Вятка», «Казань», «Амур», «Елабуга» (1907 г.), «Амурчик», «Дунай». Хотя они написаны тем же почерком, но компоновка текста (они явно вписаны между строчек первоначального списка) позволяет сделать вывод, что это уже более поздняя правка. Из-за этого, вполне очевидно, что Воротов использовал какой-то другой источник, и закономерности названий в данном списке барж отсутствуют (здесь указаны и пароходы, и суда невооткинской постройки).

Можно также предположить, что в изначальном списке под позицией 2 у Воротова шли «Кама» («Лебедь»), «Волга» («Лебедь»), «Нева» (?), «Кама» (МПС) (Таблица 1). И тогда непарная «Нева» вполне может быть полубаржей Рыбкина, тем более что она предназначена для плавания как раз до Невы. Но в любом случае в рамках имеющихся источников это не более чем предположения.

5. Заключение

Воткинский завод никогда не был ведущим поставщиком несамоходного флота частным пароходствам дореволюционной России. Тем не менее в последней четверти XIX в. и в самом начале XX в. он построил около двух десятков наливных барж. К сожалению, делопроизводственная документация не позволяет идентифицировать наименования построенных несамоходных судов, которые фигурируют под условными именами, например как «баржа Шибаева» или «баржа Рихтера».

Комплексный анализ делопроизводственной и эксплуатационной документации позволил определить наименования построенных несамоходных судов. В результате оказалось, что к моменту революции несамоходные суда воткинской постройки оказались сосредоточенными во флотах крупнейших российских нефтяных перевозчиков (компаний братьев Нобелей и «Мазут»). Это доказывает высокую эффективность судов, поскольку вряд ли ведущие монополисты стали бы перекупать плохую продукцию. Некоторые суда проработали вплоть до окончания Великой Отечественной войны, что также свидетельствует о высоком качестве воткинской постройки.

Литература

- АВЗ – Архив музея Воткинского завода.
 ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
 МИКВ – Архив Музея истории и культуры города Воткинска.
 Али-заде, 1969 – Али-заде А.М. К вопросу о транспортировке нефти в дореволюционный период // Летопись науки в Азербайджане (техника). Баку: ЭЛМ, 1969. Вып. 2. С. 142-151.
 Лисичкин, 1954 – Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности (дореволюционный период). М.-Л.: Гостехиздат, 1954. 402 с.
 Минина, Сергеев, 2016 – Минина Е.В., Сергеев С.В. Технологический переворот в нефтяной отрасли России в 1870–1900-е гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 2. С. 283-297.
 Митюков, 2020 – Митюков Н.В. «Список Воротова» как источник по воткинскому судостроению // Русский архив. 2020. Т. 8. № 1. С. 75-83.
 Нобель, 1910 – Тридцать лет деятельности товарищества нефтяного производства братьев Нобель 1879–1909. [СПб], 1910. 416 с.
 Регистр, 1915 – Русский регистр. Список судов. Ч. 1–12. Пг.: Типография «Якорь», 1915. 774 с.
 Регистр, 1926 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1-е марта 1926 г. / Под ред. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 632 с.
 Список, 1892 – Список речных непаровых судов Европейской России по переписи 1890 г. СПб.: Типография Бр. Пантелеевых, 1892. 445 с.
 Список, 1902 – Список речных непаровых судов Европейской России по переписи 1900 г. СПб.: Типография МПС, 1902. 216 с.
 Список, 1917 – Список судов речного флота по переписи 1916–17 гг. Бассейн реки Волги. Суда без механического двигателя. [Б.м.], [1917]. 219 с.

Шубин, 1927 – Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М.: Транспечать НКПС, 1927. 908 с.

Яровой и др., 2013 – Яровой В.В., Смолин А.А., Приданников М.И. Морские силы Северного моря. 1920–1922 гг. СПб.: Галей-Принт, 2013. 288 с.

References

AVZ – Arkhiv muzeya Votkinskogo zavoda [Archive of the Museum of the Votkinsk plant].

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic].

MIKV – Arkhiv Muzeya istorii i kul'tury goroda Votkinska [Archive of the Museum of History and Culture of the city of Votkinsk].

Ali-zade, 1969 – Ali-zade, A.M. (1969). K voprosu o transportirovke nefti v dorevoluytsionnyy period [To the issue of oil transportation in the pre-revolutionary period]. Letopis' nauki v Azerbaydzhane (tekhnika) Baku, ELM. Issue 2. Pp. 142-151. [in Russian]

Lisichkin, 1954 – Lisichkin, S.M. (1954). Ocherki po istorii razvitiya otechestvennoy neftyanoy promyshlennosti (dorevoluytsionnyy period) [Essays on the history of the development of the domestic oil industry (pre-revolutionary period)]. Moscow-Leningrad, Gostekhizdat. 402 p. [in Russian]

Minina, Sergeev, 2016 – Minina, E.V., Sergeev, S.V. (2016). Tekhnologicheskiy perevorot v neftyanoy otrasli Rossii v 1870-1900-e gg. [Technological revolution in the oil industry in Russia in the 1870-1900s.]. Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 37(2): 283-297. [in Russian]

Mityukov, 2020 – Mityukov, N.V. (2020). «Spisok Vorotova» kak istochnik po votkinskomu sudostroeniyu [Vorotov's List as a Source for Votkinsk Shipbuilding]. Russkiy arkhiv. 8(1): 75-83. [in Russian]

Nobel', 1910 – Tridsat' let deyatel'nosti tovarishchestva neftyanogo proizvodstva brat'ev Nobel' 1879–1909 [Thirty years of activity of the Nobel Brothers Oil Production Partnership 1879-1909]. [St.-Petersburg], 1910. 416 p. [in Russian]

Registr, 1915 – Russkiy registr. Spisok sudov [Russian register. List of ships]. Parts 1-12. Petrograd, Tipografiya «Yakor'», 1915. 774 p. [in Russian]

Registr, 1926 – Volpyansky, N.Ya. (Ed.) (1926). Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlen po dannym Mestnykh Byuro Registra Soyuz SSR na 1-e marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river ships. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926]. Moscow, Transpechat, 1926. 632 p. [in Russian]

Spisok, 1892 – Spisok rechnykh neparovykh sudov Evropeyskoy Rossii po perepisi 1890 g. [List of non-steam river vessels of European Russia according to the 1890 census]. St. Petersburg, Tipografiya Br. Panteleevykh, 1892. 445 p. [in Russian]

Spisok, 1902 – Spisok rechnykh neparovykh sudov Evropeyskoy Rossii po perepisi 1900 g. [List of non-steam river vessels of European Russia according to the 1900 census]. St.-Petersburg, Tipografiya MPS, 1902. 216 p. [in Russian]

Spisok, 1917 – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1916–17 gg. Basseyn reki Volgi. Suda bez mekhanicheskogo dvigatelya [List of ships of the river fleet according to the census of 1916–17. The Volga river basin. Ships without a mechanical engine]. 1917. 219 p. [in Russian]

Shubin, 1927 – Shubin, I.A. (1927). Volga i volzhskoe sudokhodstvo. (Istoriya, razvitie i sovremennoe sostoyanie sudokhodstva i sudostroeniya) [Volga and Volga shipping. (History, development and current state of shipping and shipbuilding)]. Moscow, Transpechat' NKPS, 908 p. [in Russian]

Yarovoy et al., 2013 – Yarovoy, V.V., Smolin, A.A., Pridannikov, M.I. (2013). Morskie sily Severnogo morya. 1920-1922 gg. [North Sea Naval Force. 1920-1922], St.-Petersburg, Galeya-Print, 288 p. [in Russian]

Идентификация наливных барж воткинской постройки (1883–1917 гг.)

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}

^aЧеркас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В первой половине 1880-х годов Воткинский завод, выполнив последний заказ Морского ведомства (пароход «Геок-Тепе»), стал перед проблемой перепрофилирования

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

судостроительного производства. Воспользовавшись «нефтяным бумом», он начал производство морских (рейдовых) и речных наливных барж, в итоге построив их около двух десятков. Но делопроизводственная документация Воткинского завода не позволяет идентифицировать наименования построенных судов, которые фигурируют под условными именами как «баржа Шибаева» или «баржа Рихтера». Идентификация необходима для реконструкции дальнейшей карьеры судов и выявления, насколько востребованными или невостребованными они оказались.

Комплексный анализ делопроизводственной и эксплуатационной документации (регистры и списки судов) позволил определить наименования построенных несамоходных судов. В результате выяснилось, что к моменту революции многие наливные несамоходные суда воткинской постройки оказались сосредоточенными во флотах крупнейших российских нефтяных перевозчиков (компаний «Братья Нобели» и «Мазут»). Это доказывает востребованность и эффективность судов, поскольку монополисты не стали бы перекупать плохую продукцию. Большинство воткинских наливных барж пережили революцию и гражданскую войну, а некоторые проработали вплоть до окончания Великой Отечественной войны, что доказывает высокое качество судов воткинской постройки.

Ключевые слова: судостроение, нефтяные перевозки, Воткинский завод, наливная баржа, несамоходный флот.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 889-897.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.889
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti” as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries

Maria A. Kolesnik^{a, *}, Natalia M. Leshchinskaia^a, Daria S. Pchelkina^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the content of reports on the missionary activities of the clergy of the Yenisei diocese, published in the journal "Yeniseyskiye eparkhial'nyye vedomosti". Missionary trips were carried out on the territory of the Yenisei diocese from the Arctic Ocean to the borders of China. In this study, the journal is considered as a source on the ethno-cultural dynamics of the indigenous small-numbered peoples of the North in the late XIX – early XX centuries due to the fact that it contains a large factual material related to the number, gender composition, religion, and ethnic identity.

As a methodological basis, we choose a systematic approach and a method of content analysis that allows us to identify key and important definitions for analyzing the state and changes in the composition of ethnic and cultural groups of the indigenous small-numbered peoples of the North. The authors of the article selected an array of texts published in 1884-1917, so the article covers a long period—from imperial to revolutionary.

The results of the study are conclusions about the changing composition of the indigenous population, the difficult conditions of the traditional way of life, and that ethnic and cultural groups had no idea how to improve them. At the same time, it follows from the analysis of the reports that the indigenous population had a high level of adaptability. And such missionary trips were one of the factors of ethno-cultural dynamics in connection with the emerging new information among the indigenous population.

Keywords: indigenous peoples of the North, the Russian Empire, missionary work, Yenisei province, Yenisei diocesan gazette, historical dynamics.

1. Введение

История народов Севера Енисейской губернии Российской империи – это важнейший элемент общей российской истории, в том числе истории отдельных регионов России и этнокультурных групп, населяющих эти регионы. Существуют различные источники, базовая часть которых связана с данными, полученными в ходе полевых исследований. Однако регулярные полевые исследования на северных территориях России начинаются не ранее первой трети XX века, поэтому для предшествующих периодов истории северных народов достаточно актуально стоит вопрос о достоверных исторических источниках. Достаточно интересными для исследования являются такие специфические исторические источники, как периодическая печать Российской империи, в том числе региональные периодические издания.

Целью данной статьи является анализ периодического издания «Енисейские епархиальные ведомости» как источника сведений о культурных особенностях коренных народов севера Енисейской губернии Российской империи.

Современные исследователи (Рышков, 2010: 47) отмечают положительные качества такого рода источников, как печатно-газетные издания, и их важность для исторических дисциплин. Именно в

* Corresponding author

E-mail addresses: masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik), trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), pchelkina.ml@mail.ru (D.S. Pchelkina)

периодике фиксируется актуально-исторический контекст и отражается специфика мировосприятия авторов публицистики и, очевидно, читателей периодического издания в конкретный исторический период. Настоящая статья посвящена анализу «Енисейских епархиальных ведомостей», в которых были зафиксированы миссионерские отчеты, связанные с территориями традиционного проживания северных народов Енисейской губернии.

В качестве материала для исследования выбраны отчеты о миссионерских поездках священнослужителей. Именно священники являлись теми, кто непосредственно соприкасался с бытом, манерой поведения, а главное, с психологическими и культурными особенностями конкретных представителей северных народов. Их записи являются бесценным источником исторических знаний, раскрывающих важные особенности развития северных народов, тем более что ранее XIX века столь всестороннего описания северных народов и их состояния не существовало. Поскольку отчеты предоставлялись достаточно регулярно, то существует исследовательская возможность выявить изменения, которые могли произойти в среде коренных народов северной части Енисейской губернии в период с начала 1880-х гг. до 1917 г. Научный интерес вызывает содержание, которое фиксировалось в отчетных текстах священнослужителей, активно взаимодействовавших с коренным населением севера Енисейской губернии, а также их предварительные установки для изучения северных народов. Миссионерские цели предопределяли серьезные попытки понять культуру и характер этих народов.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов для исследования было выбрано периодическое издание «Енисейские епархиальные ведомости» – газета, учрежденная по инициативе Енисейского епископа Исаакия (Положенского). Одобрение данного издания было утверждено указом Синода от 23 декабря 1893 года. В ходе исследования был проведен общий анализ опубликованных в ведомостях материалов и выбраны для детального анализа отчеты о миссионерских поездках, опубликованные в следующих номерах ведомостей: №13, 15, 19, 20, 21, 1884 г.; № 4, 5, 6, 7, 8 1886 г.; № 2, 1892 г.; № 4, 1893; № 2, 1894 г.; № 13, 1895 г.; № 13/14, 1915 г.

2.2. В качестве теоретического основания для исследования предлагается подход, согласно которому издания периодической печати рассматриваются как исторические документы наравне с законодательными, делопроизводственными документами, источниками личного происхождения, политико-публицистическими произведениями, литературными памятниками и научными трудами (Рынков, 2010). Важным является предложение рассматривать как источник каждую отдельную публикацию, а не периодическое издание в целом. В качестве основного метода был выбран системный анализ и количественный контент-анализ, который был необходим для выявления частотного распределения проблемных вопросов, связанных с историей северных народов Российской империи.

На первом этапе материалы ведомостей были структурированы, отобраны репрезентативные отчеты о миссионерских поездках. Далее были определены темы, которые фиксируют те или иные особенности истории культуры северных народов, а также позволяют структурировать знания об исторической динамике культуры северных народов. Вторым этапом был анализ данных, представленных в миссионерских отчетах с позиции современной исследовательской проблематики в области изучения исторической динамики коренных народов Севера.

3. Обсуждение

В ряде исследований анализ исторической динамики северных народов Российской империи рассматривается в контексте их актуального состояния как определенного момента этой динамики (Дегтяренко, 2015; Пименова, 2014; Аверин, 2015). В «Этноатласе Красноярского края» зафиксирован этногенез всех народов, проживающих на территории региона, начиная с 1920-х гг. Анализ состояния культурного наследия коренных народов Севера показывает специфику этнической ситуации Красноярского края. Необходимо отметить, что культурное наследие северных народов на данном этапе этнокультурогенеза проходит период музеификации и цифровизации (Пименова, 2014).

Историческое развитие народов Севера раскрывается в ряде классических этнографических трудов (Долгих, 1970; Дамешек, 1989), а также в современных исследованиях, посвященных теме их исторической динамики (Евладов, 1992; Скобелев, 2013). Учеными активно изучается история отдельных этнокультурных групп, в частности народов Ямала (Головнев, 1995; Мартынова, 1998; Перевалова, 2004). Ряд исследователей рассматривает исторический аспект демографии северных народов (Логинов, 2019; Волжанина, 2009).

«Енисейские епархиальные ведомости» в качестве исторического источника привлекли внимание ученых в первом десятилетии XXI века. Так, Д.В. Аверьянова представляет краткий обзор с последующим анализом содержания данных журналов в период с 1884 по 1893 гг. Автора интересует вклад миссионерских поездок священнослужителей в краеведение, отмечается, что их подробные отчеты служат основой для изучения локальной истории (Аверьянова, 2018). В.В. Хорина и Л.Н. Харченко также обращаются к этому аспекту деятельности высшего духовенства и

подчеркивают, что подобные миссионерские поездки совершали священнослужители из числа самых образованных представителей епархии, что, по мнению авторов, выступало основанием для формирования доверия к предоставляемой ими информации (Хорина, 2012; Харченко, 2004; Харченко, 2006).

Ю.Н. Лихачева отмечает важность «Енисейских епархиальных ведомостей» как ресурса, опираясь на который можно сформировать социальный облик духовенства г. Енисейска. Н.Я. Артамонова и Д.В. Аверьянова рассматривают «Енисейские епархиальные ведомости» как исторический источник для изучения роста церковных институций в конце XIX века (Артамонова, Аверьянова, 2019).

Ряд исследований опирается на содержание различных выпусков этого периодического издания, но в целом оно, как правило, является одним из многих информационных ресурсов, в то время как указанные выше исследования посвящены непосредственно «Енисейским епархиальным ведомостям» как историческому источнику.

4. Результаты

4.1. Общая характеристика источника

«Енисейские епархиальные ведомости» являлись официальным изданием Енисейской и Красноярской епархии с февраля 1884 по 1906 годы, затем с августа 1908 по 1919 годы. Структура ведомостей включала два элемента – официальную и неофициальную части. В первой – были представлены общецерковные документы, распоряжения, отчеты о деятельности епархии, во второй – публиковались проповеди, речи местных священнослужителей. От других епархиальных изданий данные ведомости отличались сравнительно небольшим объемом, а также тем, что и официальная, и неофициальная части подписывались одним редактором и были объединены в общие тетради, кроме того, отчеты о миссионерской деятельности (текущей и прошлых лет), о деятельности церковноприходских школ, школ грамотности, Красноярского епархиального женского училища помещались в неофициальном отделе.

Среди многочисленных статей и отчетов особую ценность в контексте данного исследования представляют извлечения из разных номеров «Енисейских епархиальных ведомостей» за 1884 год, представляющие путевые заметки священника-миссионера Макария (Суслова Михаила Ивановича). Ранее эти тексты не анализировались.

Содержатся в ведомостях также и записки учителей, работавших продолжительное время на северных территориях губернии, например записи учителя Красноярского духовного училища М. Соколова (Соколов, 1915: 77-83).

4.2. Анализ содержания миссионерских отчетов

Авторы записей и отчетов обращают особое внимание на условия проживания жителей Севера, составляют описания их деятельности и условий жизни, а также дают характеристику их внешнему виду и характерам. Разумеется, в фокусе внимания здесь прежде всего были вопросы веры: того, кому и как поклоняются местные жители, в каком количестве и на каких условиях они переходят в веру христианскую.

Далее будет представлено описание состояния северных коренных народов Енисейской губернии согласно выделенным темам.

Отчеты содержат многочисленные сведения об условиях проживания северных народов. Так, например, о тунгусах Туруханского края о. Михаил Суслов сообщает в 1884 г., что встретить их можно крайне редко, в основном только зимой, поскольку уходят они кочевать очень далеко и в труднодоступные места на выючных оленях, причем кочевья находятся в лесах и вблизи озер (Суслов, 1884а: 184).

Отмечается также способность коренных народов выживать в тяжелейших условиях Севера: «Ни вблизи, ни вдали больше ничего не видно; проводники – инородцы, однако едут уверенно; они легко ориентируются среди снежного раздолья и по чутью и инстинкту выбирают верный путь» (Соколов, 1915: 78).

Есть также описания разного типа жилищ. Довольно много сведений об условиях жизни туруханских жителей содержится в записях М. Соколова. Так, например, он сообщает о том, как устроено жилище «самоедов», а именно о том, как выглядят два чума – конусообразные постройки, покрытые оленьими шкурами. Внутри, в центре, предусмотрено место для очага, вокруг которого собирались мужчины и женщины, а также собаки, кочевавшие вместе с ними (Соколов, 1915: 78-79). Другой тип жилища М. Соколов называет «балаганом»: «Балаган это – четырехугольное помещение, сделанное из лиственничных жердей наподобие нашего крестьянского полевого балагана, с тем только различием, что наши крестьяне покрывают балаганы дерном, а инородцы – толстым слоем снега, оставляя в простенках отверстия для окон. Вместо окон в балагане вставлены льдины, около четверти толщиной, чрез которые попадает очень мало света (Соколов, 1915: 79-81). В этом фрагменте фиксируется простота быта коренного населения, способность человека обходиться малым и приспосабливаться к суровым природным условиям.

Тяжесть быта коренного населения Севера проявляется и в том, что в тундровой жизни не предусмотрено ничего для соблюдения личной гигиены, в частности у коренных жителей нет не только возможности устраивать что-либо вроде бани, но и даже самого понятия о чем-либо подобном не существует. (Соколов, 1915: 82).

Однако в тексте М. Соколова есть упоминания и о типе жилища, характерном для Хатангского и Есеевского стойбищ, а именно о конструкции наподобие русской избы, отличной только тем, что строилось это жилище из лиственницы, имело потолок, крытый дерном, и вместо окон – льдины (Соколов, 1915: 82). Внутри такого дома могли быть стол и табуретка, что свидетельствует о том, что коренное население в XIX столетии начинает перенимать особенности быта у русских поселенцев.

Из записей М. Соколова также известно о способах добычи и потребления пищи коренными жителями Туруханского края. Поскольку в тундре в избытке снег и лед, то воду обыкновенно добывали с помощью таяния, а не черпали из реки. Воду обязательно подогревали (Соколов, 1915: 79). В тексте для характеристики пищи употребляется термин «согудають», что означает процесс и способ употребления сырого мяса оленя. При этом трапезу человек разделяет с собаками, которым достаются объедки. М. Соколовым упоминается интересная деталь: шерсть собак «самоеды» использовали для того, чтобы обтереть ножи, которыми мясо нарезалось, а также чтобы вытереть руки, которые пачкались в крови убитого животного. Описан и сам способ употребления мяса: с помощью ножа, ловких и привычных движений рук (Соколов, 1915: 79).

В другом фрагменте М. Соколов пишет: «Во время отдыха хозяин чума принесет, бывало, мерзлого чира, поставит на землю маленький столик, высотой не более четверти, вытащит из ножен нож, – который инородец всегда носить при себе на поясе с левого боку, – оботрет его о бакари, сдерет кожу с рыбы, настрогает ее пластиками и приглашает: ну, садись кушать, рыба хорошая» (Соколов, 1915: 80). При этом в силу дороговизны соли для местного населения ели мясо зачастую пресным, что же до гостя, то отказаться от столь непритязательной и непривычной для него трапезы он не имел возможности, поскольку рисковал тем самым оскорбить гостеприимного хозяина.

В целом пищевой рацион северных жителей был описан как крайне скудный. Об этом сообщает М. Соколовым, когда он упоминает, что в течение месяца, проживая среди есеевских якутов, вынужден был питаться одними только сушеным мясом и рыбой, а при переезде из поселения Есеев в Туруханск – и вовсе разделять со своими проводниками трапезу, состоящую из червивого мяса и чая (Соколов, 1915: 82). Об особенностях питания северных народов содержатся сведения и в отчетах о миссионерской деятельности со ссылкой на слова о. Михаила Сулова. В его описании жизни в селе Хатангское сообщается, что в качестве главного продукта питания для местных народов выступает сырая рыба и, несмотря на залежи морской и каменной соли, употребляется она в пресном виде. Далее о способе хранения летних запасов говорится, что вся добытая рыба и птица сваливалась в специальные ямы (опять же без использования соли) для лучшей сохранности (Извлечения из отчетов, 1895: 196).

Шаманы в XIX столетии были очень влиятельными людьми среди коренных жителей севера Енисейской губернии. Так, в одном из миссионерских отчетов отмечается, что шаманы могли противостоять желанию своих соплеменников обратиться в христианскую веру, вмешивались в процессы проповеди. Крещеные и некрещеные люди с уважением и опаской относились к шаманам, которые настаивали на том, что перемена веры и непочтение по отношению к ним и «шайтанам» способны навлечь «страшные беды», будь то смерть или разорение (Сулов, 1884d, 21: 295).

В отчетах дано довольно подробное описание одного из «шайтанов» затуруханских народов: в песцовую шкурку было завернуто медное изображение лица человека, выполненное условно и «грубо». Оно было увешано десятью нитями корольков, лоб его украшала бляха. Свидетели того, как священник обращался с культовым предметом, находились в крайнем испуге, молили о том, чтобы тот отдал его обратно шаману, боясь кары за его утрату (Сулов, 1884d, 21: 295).

Несмотря на переход многих коренных жителей в христианство, тем не менее отмечается сохранение некоторых ритуалов, связанных с традиционными верованиями и представлениями. Например, о. Михаил Сулов замечает, что хоронить, пусть и крещенных, из числа енисейских кочевников во многих случаях принято вне кладбищ, что было связано отчасти с прежними предрассудками самих этих народов, а отчасти с суевериями русского населения, опасавшегося шаманов (Сулов, 1886a: 59).

Обращает на себя внимание еще один эпизод, связанный с отношением коренных жителей тундры к умершим. Будучи на Таймыре в местечке Толсты Нос, о. Михаил Сулов заметил гроб одной некрещеной самоедки, появившийся из неглубокой, размытой тальми водами могилы. Причем погребение настолько было повреждено, что виден был также и труп, обернутый в оленьи кожи и бересту, закрепленные на нем кожаными ремнями. От местного жителя священник узнал, что их верования запрещают им касаться и даже приближаться к мертвым (Сулов, 1886b: 70).

В среде якутов оставались довольно сильными верования, связанные с обрядами, помогающими умилостивить силы природы. Например, в жертву земле они складывали разные предметы, чаще всего лоскуты цветного сукна, ожидая в ответ от нее помощи. Или же приводится

другой пример, связанный с камнем, возле которого часто приключались несчастные случаи, подкреплявшие суеверия жителей тундры (Суслов, 1884с: 278).

Олень был главной опорой и залогом выживания коренного населения Севера, свидетельством чему является тот факт, что крещенные якуты также подводили для окропления и своих оленей (Суслов, 1884с: 278).

В некоторых записях выделяется такая черта коренного населения северной части Енисейской губернии, как открытость для контактов с приезжими, более того, дружелюбность по отношению к ним и даже чувство привязанности. Об этой черте характера свидетельствует замечание М. Соколова о том, что «инородцы» быстро привыкают к новым людям. При его отъезде из Ессыя жители просили его остаться: «...Живи у нас, учи ребят, мы тебе дадим чум, мяса, рыбы, оленей, сокуй, парку и бакари; все дадим, учи» (Соколов, 1915: 82).

Об этой же черте упоминается и в записях о. Михаила Сулова в эпизоде, где он рассказывает о встрече с тунгусами, у которых в 1873 году исполнял требы. Оказалось, что жители его не забыли, именовали «своим», подобное же именование относилось и к другому священнику, с ними взаимодействовавшему. При прощании и отъезде миссии все население долго прощалось с высокого берега, что говорило об их расположенности к приезжим, вызвало ответные дружественные чувства (Суслов, 1886а: 58).

С другой стороны, в отчетах встречаются и такие эпизоды, которые показывают настороженность местного населения по отношению к приезжим: «При этом священник сообщает, что торговцы заставляют инородцев, которые их весьма боятся, везти себя насильно, несмотря на то, что они отказываются, ожидая священника, приготовив оленей именно для него...» (Извлечение из отчетов, 1892: 33).

Из записей священника-миссионера о. Михаила Сулова, опубликованных в 1884 г., известно, что жители северной части губернии, относящиеся к Дудинскому приходу, как русские, так и коренные, поголовно неграмотны, при этом родители были бы не против обучать своих детей, будь у них хоть малейшая для того возможность (Суслов, 1884б: 209).

О проблемах образования коренного населения Севера рассуждает М. Соколов, который проработал там учителем два с половиной года. Он дает достаточно пессимистичную оценку тогдашнему образованию: «Школ в тундрах нет и едва ли могут быть» (Соколов, 1915: 79). Условия, которые можно было бы предложить для образования детей, были следующие: «Сядем, бывало, около огня, – костер, не потухая, горит в балагане целые месяцы, – на разосланные на земле оленьи шкуры, ноги подберем под себя и начинаем учиться по раскрытым букварям. О письме, конечно, при таком обучении нечего было и помышлять. Дым, наполняющий чум густым облаком, невыносимо разъедает глаза; на улице пурга, мороз...» (Соколов, 1915: 80). Из отчетов известно, что священники старались вести просветительскую деятельность среди коренных жителей. Например, в 1892 г. в Туруханской церковно-приходской школе за счет средств Енисейского епархиального миссионерского Комитета и пожертвований проживали и обучались от 4 до 5 детей из числа «инородцев» (Извлечение из отчетов, 1892: 38).

По свидетельству о. Михаила Сулова, среди всех коренных народов особой набожностью и верностью христианскому вероучению отличались якуты, проживавшие близ о. Ессыя. Известно, что ко времени путешествия монаха, местные якуты давно были христианизированы (а именно в 1754 г.), успели перенять многое у русских, в том числе стали вести оседлый образ жизни, говорить на русском языке, вести хозяйство сродни русскому населению. Из отчета за 1884 год следует, что вблизи Норильских озер из 300 человек все являются христианами и относятся к Дудинскому приходу. Также отмечается их приверженность христианской вере и лучшее ее знание в сравнении с иными представителями коренных этносов севера Енисейской губернии (Суслов, 1884б: 208).

В 1894 году значительное число христианизированных представителей коренных народов, названных якутами, самоедами, остяками, тунгусами, юраками и долганами, насчитывалось в шести приходах Туруханского края – 5855 человек (Извлечения из отчета, 1895: 192-193). При этом отмечается приближенность подсчета этого количества ввиду сложности в тех климатических и географических условиях осуществлять проверку всех групп, принявших крещение несколько лет назад.

Еще одно интересное наблюдение автора: будучи готовыми принять христианство, жители Таймыра зачастую ссылались на невозможность проведения обряда крещения без одобрения старших родичей, что очень сильно отличало их от туруханских «самоедов», для которых важным было слово их князя (Суслов, 1886б: 71).

По свидетельству священника-миссионера Репьева, переход в христианскую веру среди жителей Таймыра мог проходить достаточно сложно, путем переговоров с местным родоначальником, а в качестве руководства для главного мотива было то, что христианский Бог может в перспективе сделать для народа больше, нежели свой «шайтан» (Извлечение из отчетов, 1892: 37).

О внешних отличительных признаках долган о. Михаил Сулов сообщает следующее: «Мы прибыли вечером и были встречены двумя инородцами долганами (смесь якутско-тунгусского рода), ожидавшими нас. Долганы – народ неглупый, тихий, покорный» (Суслов, 1884б: 208).

Он обращает внимание на внешний вид «самоедов», и что особенно бросилось ему в глаза, так это неопрятный вид в целом представителей этого народа, что кажется вполне естественным, учитывая условия их обитания. При этом носили они парки из оленьих шкур, пошитые так, что мех прилегал к телу, а не наружу, как то было заведено среди русского населения. В парки были одеты как мужчины, так и женщины, однако автор записей отмечает необычность внешнего облика этих женщин: «...В ушах у них были вдеты, наподобие наших серег, какие-то железные и медные побрякушки в виде колец и других неопределенных форм, – цепь этих серег доходила до колен» (Сколов, 1915: 79).

В записях обращается внимание и на уровень владения языками. Например, в группе есеевских якутов уже в XIX веке отмечается, что они практически не говорят на родном якутском языке, а предпочитают общаться на русском (Сулов, 1884а: 183). В остальных же случаях, как правило, сообщается о том, что представители коренных этносов умеют общаться на русском языке, но часто бывает и так, что требуется знание их языка, для того чтобы правильно донести мысли, особенно где это касается христианского вероучения.

5. Заключение

Результаты анализа материалов из отчетов миссионерских поездок, опубликованных в «Енисейских епархиальных ведомостях», позволяют сформировать представление об особенностях истории культуры коренных народов севера Енисейской губернии Российской империи, о специфике восприятия «инородцев» православными миссионерами, описывающими культуру коренных народов сквозь призму христианского мировоззрения.

В ходе исследования были выделены культурные особенности коренных народов в конце XIX века, которые были зафиксированы и описаны участниками миссионерских поездок. Среди них: условия жизни, быт, рацион питания, внешний вид и одежда, характер, уровень образования и проблемы, связанные с просвещением коренных жителей севера Российской империи, традиционные верования и отношение к христианству. Из анализа этих текстов следует, что в большинстве своем население проживало в крайне тяжелых условиях, не имея даже малейшего представления о том, как можно было бы улучшить условия своей жизни. Но, с другой стороны, отмечается почти невероятная способность людей адаптироваться к суровым природным условиям, довольствуясь лишь самым необходимым. При этом практически всеми авторами замечается, что по характеру своему северные народы дружелюбны и открыты для контактов с иными культурами, которые отчасти, хоть и не всегда удачно, оказывают влияние на их жизнь.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001.

Литература

- Аверин, 2015 – Аверин А.Н. Коренные малочисленные народы: динамика развития // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2015. 14А. С. 70-75.
- Аверьянова, 2018 – Аверьянова Д.В. Историко-этнографические исследования в енисейских епархиальных ведомостях / *Статья в сборнике конференции «Алтай – Западная Сибирь XIX – начала XX вв.: наследие, хозяйство, культура»*. Горно-Алтайск. 15–18 мая 2018. С. 107-116.
- Артамонова, Аверьянова, 2019 – Артамонова Н.Я., Аверьянова Д.В. Церковно-епархиальная печать как источник изучения духовно-учебных заведений Енисейской губернии (1884–1893 гг.) / *Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы источниковедения»*. Витебск. 25–27 апреля 2019. С. 234-236.
- Волжанина, 2009 – Волжанина Е.А. Проблемы демографии Ямала в первой трети XX в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2009. № 9. С. 112-123.
- Головнев, 1995 – Головнев А.В. Говорящие культуры традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Дамешек, 1989 – Дамешек Л.М. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири в период капитализма (1861–1917) // *Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. I: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма*. 1989. С. 98.
- Дегтяренко, 2015 – Дегтяренко К.А. Актуальное состояние коренных малочисленных народов Севера // *Социодинамика*. 2015. 10. С. 39-57.
- Долгих, 1970 – Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
- Евладов, 1992 – Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиции на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень, 1992.
- Извлечение из отчета, 1892 – Извлечение из отчета о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1892-й год // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1892. № 2. Отд. неофиц. с. 27-39.

Извлечение из отчета, 1895 – Извлечение из отчета Енисейского Епархиального Комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского Общества за 1894-й год // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1895. № 13. Отд. неофиц., с. 189-197.

Копцева и др., 2012 – *Копцева Н.П. и др.* Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Красноярск, 2012.

Лихачева, 2011 – *Лихачева Ю.Н.* «Енисейские епархиальные ведомости» как источник по изучению социального облика духовенства г. Енисейска // *Молодежь и наука*. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html>

Логинов, 2019 – *Логинов В.Г.* Коренные малочисленные народы Севера: динамика и особенности воспроизводства // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2019. № 1. С. 136-149.

Мартынова, 1998 – *Мартынова Е.П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.

Первалова, 2004 – *Первалова Е.В.* Северные ханты этническая история. Екатеринбург, 2004.

Пименова, 2014 – *Пименова Н.Н.* Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // *Человек и культура*. 2014. № 2. С. 28-66.

Пименова, 2014 – *Пименова Н.Н.* Этническая ситуация Красноярского края: роль культурного наследия коренных малочисленных народов // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 4. С. 596.

Рафиков и др., 2018 – *Рафиков Р.Г. и др.* Этноатлас Красноярского края. Красноярск, 2018.

Рынков, 2010 – *Рынков В.М.* Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.

Скобелев, 2013 – *Скобелев С.Г.* Демография коренного населения Сибири: объективистское направление в дореволюционной отечественной историографии (материалы для учебного курса) // *Вестник Новосибирского государственного института. Серия «История, философия»*. 2013. № 12 (5). С. 6-11.

Соколов, 1915 – *Соколов М.* Памятная страница из жизни в Туруханском краю // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1915. № 13/14. С. 77-83.

Суслов, 1884a – *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 13, отд. неофиц., с. 182-185.

Суслов, 1884b – *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 15. Отд. неофиц., с. 207-211.

Суслов, 1884c – *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 20. Отд. неофиц., с. 275-279.

Суслов, 1884d – *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. № 21. Отд. неофиц., с. 292-296.

Суслов, 1886a – *Суслов М.* Поездка миссионера, священника М. Суслова к устью реки Енисей, на места рыбной ловли при р. Гальчихе // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1886. № 4. Отд. неофиц., с. 57-60.

Суслов, 1886b – *Суслов М.* Поездка миссионера, священника М. Суслова к устью реки Енисей, на места рыбной ловли при р. Гальчихе // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1886. № 5. Отд. неофиц., с. 69-72.

Суслов, 1886c – *Суслов М.* Поездка миссионера, священника М. Суслова к устью реки Енисей, на места рыбной ловли при р. Гальчихе // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1886. № 8. Отд. неофиц., с. 106-110.

Харченко, 2006 – *Харченко Л.Н.* Вклад священнослужителей в работу научных обществ Сибири (вторая половина XIX в.) // *Клио*. 2006. № 1. С. 135-144.

Хорина, 2012 – *Хорина В.В.* О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX – начало XX вв.) // *Вестник ТГПУ*. 2012. № 3 (118). С. 30-35.

References

Artamonova, Aver'yanova, 2019 – *Artamonova, N.Ya., Aver'yanova, D.V.* (2019). Tserkovno-eparkhial'naya pechat' kak istochnik izucheniya dukhovno-uchebnykh zavedenii Eniseiskoi gubernii (1884–1893 gg.) [Ecclesiastical and diocesan press as a source of study of the spiritual educational institutions of the Yenisei province (1884-1893)]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy istochnikovedeniya»*. Vitebsk. Pp. 234-236. [in Russian]

Averin, 2015 – *Averin, A.N.* (2015). Korennye malochislennye narody: dinamika razvitiya [Indigenous peoples: dynamics of development]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14A: 70-75. [in Russian]

Aver'yanova, 2018 – *Aver'yanova, D.V.* (2018). Istoriko-etnograficheskie issledovaniya v eniseiskikh eparkhial'nykh vedomostyakh [Historical and ethnographic research in the Yenisei Diocesan Gazette]. *Altai-Zapadnaya Sibir' XIX – nachale XX vv.: nasledie, khozyaistvo, kul'tura*. Pp. 107-116. [in Russian]

- Dameshek, 1989** – *Dameshek, L.M.* (1989). Dinamika i natsional'nyi sostav korennoogo naseleniya Sibiri v period kapitalizma (1861–1917) [Dynamics and ethnic composition of the indigenous population of Siberia during the period of capitalism (1861-1917)]. *Istoricheskii opyt sotsial'no-demograficheskogo razvitiya Sibiri. Vyp. I: Paleodemografiya i demograficheskie protsessy v Sibiri v epokhu feodalizma i kapitalizma*. P. 98. [in Russian]
- Degtyarenko, 2015** – *Degtyarenko, K.A.* (2015). Aktual'noe sostoyanie korennykh malochislennykh narodov Severa [The current state of the indigenous small-numbered peoples of the North]. *Sotsiodinamika*. 10: 39-57. [in Russian]
- Dolgikh, 1970** – *Dolgikh, B.O.* (1970). Ocherki po etnicheskoi istorii nentsev i entsev [Essays on the ethnic history of the Nenets and Enets]. M. [in Russian]
- Evladov, 1992** – *Evladov, V.P.* (1992). Po tundram Yamala k Belomu ostrovu: Ekspeditsii na Krainii Sever poluostrova Yamal v 1928-1929 gg. [Along the tundra of Yamal to White Island: Expeditions to the Far North of the Yamal Peninsula in 1928-1929]. Tyumen'. [in Russian]
- Golovnev, 1995** – *Golovnev, A.V.* (1995). Govoryashchie kul'tury traditsii samodiitsev i ugrov [Speaking cultures and traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg. [in Russian]
- Izvlечение iz otcheta, 1892** – Izvlечение iz otcheta o missionerskoi deyatelnosti v Eniseiskoi eparkhii za 1892-i god [Extract from the report on missionary activity in the Yenisei diocese for 1892]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 2. Otd. neofits, 1892. Pp. 27-39. [in Russian]
- Izvlечение iz otcheta, 1895** – Izvlечение iz otcheta Eniseiskogo Eparkhial'nogo Komiteta Vysochaishe utverzhdennogo Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva za 1894-i god [Extract from the report of the Yenisei Diocesan Committee of the Imperially approved Orthodox Missionary Society for 1894]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. Otd. neofits, 1895. Pp. 189-197. [in Russian]
- Kharchenko, 2006** – *Kharchenko, L.N.* (2006). Vklad svyashchennosluzhitelei v rabotu nauchnykh obshchestv Sibiri (vtoraya polovina XIX v.) [Contribution of clergy to the work of scientific societies in Siberia (second half of the 19th century)]. *Klio*. 1: 135-144. [in Russian]
- Khorina, 2012** – *Khorina V.V.* (2012). O roli pravoslavnogo dukhovenstva v izuchenii Eniseiskoi gubernii (poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XX vv.) [About the role of the Orthodox clergy in the study of the Yenisei province (last quarter of the 19th - early 20th centuries)]. *Vestnik TGPU*. 3(118): 30-35. [in Russian]
- Koptseva i dr., 2012** – *Koptseva. N.P. i dr.* (2012). Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyakh global'nykh transformatsii (na materiale Krasnoyarskogo kraja) [Indigenous small-numbered peoples of the North and Siberia in the context of global transformations (based on the material of the Krasnoyarsk region)]. Krasnoyarsk. [in Russian]
- Likhacheva, 2011** – *Likhacheva, Yu.N.* (2011). Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti» kak istochnik po izucheniyu sotsial'nogo oblika dukhovenstva g. Eniseiska [Yeniseyskiye eparkhial'nyye vedomosti as a source for studying the social image of the clergy in Yeniseisk]. *Molodezh' i nauka*. [Electronic resource]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html> [in Russian]
- Loginov, 2019** – *Loginov, V.G.* (2019). Korennye malochislennye narody Severa: dinamika i osobennosti vosproizvodstva [Indigenous small-numbered peoples of the North: dynamics and features of reproduction]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 136-149. [in Russian]
- Martynova, 1998** – *Martynova, E.P.* (1998). Ocherki istorii i kul'tury khantov [Essays on the history and culture of the Khanty]. M. [in Russian]
- Perevalova, 2004** – *Perevalova, E.V.* (2004). Severnye khanty etnicheskaya istoriya [Northern Khanty ethnic history]. Ekaterinburg. [in Russian]
- Pimenova, 2014** – *Pimenova, N.N.* (2014). Kul'turnoe nasledie korennykh malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraja i sovremennye kul'turnye praktiki [Cultural heritage of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk region and modern cultural practices]. *Chelovek i kul'tura*. 2: 28-66. [in Russian]
- Pimenova, 2014** – *Pimenova, N.N.* (2014). Etnicheskaya situatsiya Krasnoyarskogo kraja: rol' kul'turnogo naslediya korennykh malochislennykh narodov [Ethnic situation of the Krasnoyarsk Territory: the role of the cultural heritage of indigenous peoples]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 4: 596. [in Russian]
- Rafikov i dr., 2018** – *Rafikov, R.G. i dr.* (2018). Etnoatlas Krasnoyarskogo kraja [Ethnoatlas of the Krasnoyarsk region]. Krasnoyarsk. [in Russian]
- Rynkov, 2010** – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodicals: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]
- Skobelev, 2013** – *Skobelev, S.G.* (2013). Demografiya korennoogo naseleniya Sibiri: ob'ektivistskoe napravlenie v dorevolyutsionnoi otechestvennoi istoriografii (materialy dlya uchebnogo kursa) [Demography of the indigenous population of Siberia: the objectivist direction in pre-revolutionary Russian historiography (materials for the training course)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo instituta. Seriya: istoriya, filosofiya*. 12(5): 6-11. [in Russian]

Sokolov, 1915 – Sokolov, M. (1915). Pamyatnaya stranitsa iz zhizni v Turukhanskom krayu [Memorable page from life in the Turukhansk region]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 13/14. pp. 77-83. [in Russian]

Suslov, 1886a – Suslov, M. (1886). Poezdka missionera, svyashchennika M. Suslova k ust'yu reki Eniseya, na mesta rybnoi lovli pri r. Gal'chikhe [The trip of the missionary priest M. Suslov to the mouth of the Yenisei River, to fishing grounds at the river Galchikha]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 4, otd. neofits., pp. 57-60. [in Russian]

Suslov, 1886b – Suslov, M. (1886). Poezdka missionera, svyashchennika M. Suslova k ust'yu reki Eniseya, na mesta rybnoi lovli pri r. Gal'chikhe [The trip of the missionary priest M. Suslov to the mouth of the Yenisei River, to fishing grounds at the river Galchikha]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 5, otd. neofits., pp. 69-72. [in Russian]

Suslov, 1886c – Suslov, M. (1886). . Poezdka missionera, svyashchennika M. Suslova k ust'yu reki Eniseya, na mesta rybnoi lovli pri r. Gal'chikhe [The trip of the missionary priest M. Suslov to the mouth of the Yenisei River, to fishing grounds at the river Galchikha]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 8, otd. neofits., pp. 106-110. [in Russian]

Suslov, 1884a – Suslov, M. (1884). Putevoi zhurnal svyashchennika-missionera Mikhaila Suslova pri poezdke k ozeru Essei [Travel journal of the priest-missionary Mikhail Suslov during a trip to Lake Essey]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 13, otd. neofits., pp. 182-185. [in Russian]

Suslov, 1884b – Suslov, M. (1884). Putevoi zhurnal svyashchennika-missionera Mikhaila Suslova pri poezdke k ozeru Essei [Travel journal of the priest-missionary Mikhail Suslov during a trip to Lake Essey]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 15, otd. neofits., pp. 207-211. [in Russian]

Suslov, 1884c – Suslov, M. (1884). Putevoi zhurnal svyashchennika-missionera Mikhaila Suslova pri poezdke k ozeru Essei [Travel journal of the priest-missionary Mikhail Suslov during a trip to Lake Essey]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 20, otd. neofits., pp. 275-279. [in Russian]

Suslov, 1884d – Suslov, M. (1884). Putevoi zhurnal svyashchennika-missionera Mikhaila Suslova pri poezdke k ozeru Essei [Travel journal of the priest-missionary Mikhail Suslov during a trip to Lake Essey]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*. 21, otd. neofits., pp. 292-296. [in Russian]

Volzhanina, 2009 – Volzhanina, E.A. (2009). Problemy demografii Yamala v pervoi treti XX v. [Demographic problems of Yamal in the first third of the XX century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 9: 112-123. [in Russian]

«Енисейские епархиальные ведомости» как источник по истории народов севера Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв.

Мария Александровна Колесник^{a, *}, Наталья Михайловна Лещинская^a, Дарья Сергеевна Пчелкина^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется содержание отчетов о миссионерской деятельности священнослужителей Енисейской епархии, размещенных в журнале «Енисейские епархиальные ведомости». Миссионерские поездки осуществлялись на территории Енисейской епархии от Северного Ледовитого океана и до границ Китая. В данном исследовании журнал рассматривается как источник об этнокультурной динамике коренных малочисленных народов Севера в конце XIX – начале XX веков в связи с тем, что содержит большой фактологический материал, связанный с численностью, гендерным составом, вероисповеданием, этнической идентичностью.

В качестве методологической базы выбирается системный подход и метод контент-анализа, позволяющий выделить ключевые и важные дефиниции для анализа состояния и изменений в составе этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера. Авторами статьи выбран массив текстов, опубликованных в 1884–1917 гг., таким образом, статья охватывает продолжительный период – от имперского до революционного.

Результатами исследования являются выводы об изменяющемся составе коренного населения, тяжелых условиях традиционного образа жизни и о том, что этнокультурные группы не имели представления о том, как их улучшить. При этом из анализа отчетов следует, что коренное население обладало высоким уровнем адаптивности. И подобные миссионерские поездки являлись одним из факторов этнокультурной динамики в связи с появляющейся новой информацией в среде коренного населения.

Ключевые слова: коренные народы Севера, Российская империя, миссионерская деятельность, Енисейская губерния, «Енисейские епархиальные ведомости», историческая динамика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник), trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), pchelkina.ml@mail.ru (Д.С. Пчелкина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 898-907.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.898
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Contribution of Researchers of the Russian Empire to the Study of Antiquities in Kazakhstan: the Case of N.I. Veselovsky

Mukhtar B. Kozha^a, Arnabai A. Nurzhanov^{b,c,*}, Igor Krupko^c

^a Scientific Research Institute of Archeology of the International Kazakh-Turkish University named after H.A. Yasavi, Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^c A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the manuscript of N.I. Veselovsky “Description of the ruins and ancient cities on the road from Kazala to Tashkent”, stored in the Russian State Archives of Literature and Art. Information obtained by N.I. Veselovsky during a trip in the fall of 1884 is given in comparison with the data published by other researchers, which makes it possible to assess the scientist’s contribution to the history of the archaeological study of the region. N.I. Veselovsky was a pioneer in the study of the Korkut-ata mausoleum and the ruins of the medieval city of Sygnak, the Mir fortress. The orientalist stood at the origins of archaeological research of the Otrar settlement, conducted excavations in Sauran and described the monuments of Sairam. His description of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi and other artifacts of Turkestan has not lost its value. Conducted by N.I. Veselovsky, the accounting and description of numerous monuments and antiquities of South Kazakhstan have not lost their significance in our time. Some of the monuments described by him have over time completely collapsed or changed so much that for the whole complex of antiquities in the Syrdarya region the manuscript of N.I. Veselovsky is the only source of information for us. In historiographic reviews on the history of the archaeological study of Kazakhstan as an integral part of the Russian Empire of that period, it is necessary to take into account the contribution of N.I. Veselovsky.

Keywords: archaeology of Central Asia, Dzhanakent, Sygnak, Sauran, Turkestan, Otrar, Sairam, mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi.

1. Introduction

The article analyzes the manuscript of N.I. Veselovsky “Description of the ruins and ancient cities on the road from Kazala to Tashkent”, stored in the Russian State Archives of Literature and Art ([RGALI. F. 118, Inventory N. 1, Ed.h. 243, L. 2](#)). Information obtained by N.I. Veselovsky during a trip in the fall of 1884 is given in comparison with the data published by other researchers, which makes it possible to assess the scientist’s contribution to the history of the archaeological study of the region. N.I. Veselovsky was a pioneer in the study of the Korkut-ata mausoleum and the ruins of the medieval city of Sygnak, the Mir fortress. The orientalist stood at the origins of archaeological research of the Otrar settlement, conducted excavations in Sauran and described the monuments of Sairam. His description of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi and other artifacts of Turkestan has not lost its value. Conducted by N.I. Veselovsky, the accounting and description of numerous monuments and antiquities of South Kazakhstan have not lost their significance in our time. Some of the monuments described by him have over time completely collapsed or changed so much that for the whole complex of antiquities in the Syrdarya region the manuscript of N.I. Veselovsky is the only source of information for us. In historiographic reviews on the history of the archaeological study of

* Corresponding author

E-mail addresses: arnabai@mail.ru (A.A. Nurzhanov)

Kazakhstan as an integral part of the Russian Empire of that period, it is necessary to take into account the contribution of N.I. Veselovsky.

2. Materials and methods

The materials involved were documents from the Russian State Archive of Literature and Art (Moscow, Russian Federation), in particular the manuscript of N.I. Veselovsky "Description of the ruins and ancient cities on the road from Kazala to Tashkent" (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 2). Thus, the material for this work is the poorly studied contribution of N.I. Veselovsky in the formation of the national histories and cultures of Central Asia.

When analyzing materials and their scientific interpretation, we used the following methods:

- Comparative historical analysis made it possible to explore the process of studying the real contribution of Veselovsky into problems, firstly, in the social and political context of the formation and development of the pre-revolutionary historiographic tradition and, secondly, from the point of view of the continuity of scientific developments at different times;

- Comparative analysis was applied in two interdependent directions – diachronic-comparative and synchronous-comparative. The diachronic-comparative approach allowed us to explore the process of the accumulation of knowledge on specific aspects of the topic, while with the synchronous-comparative approach we could determine the real contribution of a particular researcher to the historiography of the issue;

- Method structural problem analysis was used to study the content of research from the point of view of the interdependent relationships of certain aspects of the problem, as well as the achieved level of knowledge in each of them.

3. Discussion

Corresponding member of the Imperial Academy of Sciences Nikolai Ivanovich Veselovsky (Figure 1) left a very significant and varied scientific and literary heritage. A fairly extensive bibliography has developed about his life and work. Information about him was included in the largest reference and encyclopedic publications (Encyclopedic, 1892: 100-101; Vengerov, 1900: 563; Imperial Moscow, 1915: 66-67; Kononov, 1989: 62-63; Outstanding Scientists, 2003: 12). The monograph by B.V. Lunin "Central Asia in the scientific heritage of Russian oriental studies" is almost entirely devoted to the scientific activities of N.I. Veselovsky; in it he is placed on a par with V.V. Grigoriev and V.V. Barthold (Lunin, 1979: 5). In this triad N.I. Veselovsky is a student of the first and a teacher of the second. V.V. Bartold dedicated to N.I. Veselovsky a large and meaningful obituary essay, where he paid tribute to his teacher (Bartold, 1977: 642-664). In this book, B.V. Lunin noted that the orientalist, following P.I. Lerhom, was one of the first specialists to join the field of archaeological research in Central Asia (Lunin, 1979: 34). The field archaeological activity of N.I. Veselovsky began precisely in the Turkestan Territory, where he was sent on a mission from November 15, 1884 to November 15, 1885 (Lazerevskaya, 2002: 494-497). However, the results of his research in the fall of 1884 into the sites of the lower and middle reaches of the Syr Darya remained unpublished. Therefore, in the first essay on the history of the study of the antiquities of Central Asia, covering the first thirty years of the annexation of the Turkestan Territory to Russia, only the works of N.I. Veselovsky in 1885 in Fergana and Samarkand are included and there is no information about research in other parts of the region (Lykoshin, 1896: 32-33).

In 1905, under the leadership of N.I. Veselovsky, an expedition was organized at the expense of the Russian Committee for the study of Central Asia and East Asia in the city of Turkistan with the aim of the scientific fixation of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. Members of the expedition, the artist-architects A.I. Gorokhov and A.M. Gurzhienko, drew up drawings of the mausoleum and copied the epigraphy of the structure, making drawings of carved doors, bronze candlesticks and the tip of the banner. In 1906, a short description of the cauldron with inscriptions, candlesticks and a marble tombstone of Ulugbek's daughter Rabia-Sultan (Veselovsky, 1906: 26-26; Lunin, 1979: 883-84) was published. N.I. Veselovsky is the author of a review about "stone women", where a statue (Fig. 2) from the Aulie-Atinsky district of the Syrdarya region is published (Veselovsky, 1915: Table VII, No. 28). The orientalist became the initiator and editor of the first edition of the works of the Kazakh scientist Ch.Ch. Valikhanov (Veselovsky, 1904: 3), where there is information about the antiquities of Central Asia. From the publications indicated and related to the archeology of Kazakhstan by N.I. Veselovsky, only an article on the relics of the mausoleum of Khoja Akhmed Yasavi was reflected in a review of the literature on the study of archaeological sites in the middle reaches of the Syr Darya and Karatau (Ageeva, 1949: 138). In a historiographic review on the archeology of the republic, published in such a major work as the "Archaeological Map of Kazakhstan", studies by N.I. Veselovsky are not mentioned at all (Ageeva, Maksimova, 1960: 9-26). In the monograph by B.V. Lunin, published at the beginning of the last quarter of the twentieth century, among the unpublished works of N.I. Veselovsky, stored in the Central State Archive of Literature and Art of the USSR (Moscow), the manuscript "Description of the ruins and ancient cities on the road from Kazala to Tashkent" (Lunin, 1979: 157) is indicated. As can be seen from the title of the manuscript, it is dedicated to archaeological sites in the south of Kazakhstan. Unfortunately, this document, interesting for the history of the archaeological study of Kazakhstan, remained unpublished for a long time and therefore unnoticed by archaeologists. The well-established historiographic

review of the 60-70s continued to be replicated in the scientific and educational literature of the late twentieth century, where there are no references to the works of N.I. Veselovsky (Baypakov, 1996: 17-18; Levina, 1996: 6; Baypakov, 1999: 163-164; Baypakov, Taimagambetov, 2006: 13-20). Only at the beginning of the twenty-first century did articles appear based on the analysis of individual parts of the above manuscript (Kozha, Elgin, 2004: 237-241; Kozha, 2008: 3-14; Kozha, Baysarieva, 2016: 181-184). However, they did not touch upon the question of N.I. Veselovsky in the study of the archaeological heritage of Kazakhstan.

4. Results

The manuscript of N.I. Veselovsky "Description of the ruins of ancient cities on the road from Kazala to Tashkent", stored in the Russian State Archives of Literature and Art (fund 118, inventory number 1, storage unit 243) contains 28 sheets. It begins with a description of the ruins of the Dzhankala settlement near Kazala:

The Dzhankent fortress, or rather the citadel, is an irregular quadrangle from east to west, surrounded by a rampart, on which walls have survived in places. On the western side, even now you can still distinguish the position of the large gate. At the entrance to the citadel from here, high dunes are visible on the sides, tightly fitting to its corners. The width of the area occupied by these dunes deserves attention. In general, the entire area of the citadel is covered with dunes separated from each other with many crooked hollows, which, in all likelihood, should be recognized as the direction of the former streets ... During exploration in the citadel, one of the Kirghiz (Kazakhs – authors) reported that to the northwest, from the fortress – 400 metres away, under the dune, according to his grandfather, there was a palace of the ruler of Dzhankent, Dzhangir Sultan; therefore, upon completion of work in the citadel, the exploration was transferred to this dune and to the city in general. The dunes indicated by the Kirghiz really, judging by the dug surface of it, hid beneath themselves a huge building made of fired bricks with a visible direction of the walls that divided it into rooms. Around the surface of the dune were scattered many very small fragments from colored tiles, which spoke for the dominance of architectural luxury.

This characteristic of the settlement of Dzhankent differs from in the sketch by P. Lerch, who examined the indicated monument in 1867. If, according to P.I. Lerhu, one of the large hills near the citadel of Dzhankent was considered by the locals as the palace of "the king of Janjarkhan, famous for his unjust jealousy of his wife and allegedly punished for this by snakes that destroyed his city" (Lerch, 1966: 327), then, according to N.I. Veselovsky, it was "the palace of the ruler of Jankent Dzhangir Sultan" (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 4). Interesting is his interpretation of these ruins as "a huge building made of baked bricks with a visible direction of the walls that divided it into rooms". In the description of the ruins of Dzhankent, N.I. Veselovsky is more devoted to the topography of the settlement and marks the places of gates and streets.

The next monument that attracted the attention of N.I. Veselovsky was the mausoleum of Korkut-ata /Khor-Khut/:

The grave of Khor-Khut, a Kirghiz (Kazakh – authors) saint, lying on the Daria (Syrdarya river – authors) near the post road draws the attention of the researcher only to the dubious size of the deceased. In a square building 1 ½ fathoms (3,2004 m – authors) and so outside the building rises a hearse with a height of 1 ½ arshins (1.0665 m – authors). Pointing to the length of the hearse, the Kyrgyz say that it was made to the full height of Khor-Khut. It would be interesting to check the legend of the Kirghiz (Kazakhs – authors) by excavations. However, the Syr Darya, annually washing away the banks, which is indicated by the many human bones lying on the shore, as well as burials on the banks, gives hope that the grave of Khor-Khut, which is now 10 steps away from the shore, will soon be washed away. (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 6)

An orientalist gave the earliest description of the Korkut-ata mausoleum. It differs from that of A.A. Divaev, who visited 14 years after N.I. Veselovsky and noted: "I found her in the saddest form, and one wall had already collapsed into the Syr Darya" (Divaev, 1900: 39-40). In the summer of 1906, I.A. Castagnier failed to find the mausoleum, for, in his opinion, the Syr Darya "destroyed the grave of the saint" (Kastanje, 2007: 325).

N.I. Veselovsky visited the ruins of the ancient Sygnak:

The next ruins were Saganak – the capital of Tokhtamysh, christened by Kyrgyz geography in Sagan-Ata (or rather Sunak-Ata – the authors). The ruins of the city, like Jankent, consist of a city with gardens and a citadel and are located 30 versts to the northwest from Sor-Kuduk station. From the halfway point, the shaft of the main ditches is shown, going from Darya and branching into many small ditches. Behind them, the fortress and the walls of two dilapidated mosques made of burnt bricks are quite clearly visible ... The Saganak mosques, judging by the masonry and architecture, were built at the same time. The whole difference lies in size. The nearest smaller one, with one dome, consists of one room, in which doors are laid in pointed arches on the E, W and S sides. The ceiling of the room is vaulted. It can be seen that the inside was plastered. It is difficult to determine whether the walls were whitewashed, but the finish, presumably, was good for the remaining bricks. Lancel frames were drawn along the walls by a cornice. The outer side is not plastered; you can only see that it is lined with patterned tiles. Another mosque is larger than the first, and it has two dilapidated domes of unequal size and located in a row. Here, as well as in the first mosque

with E, W and S doors, doors were embedded in the lancet gates with parapets. At present, the size of the doors is not visible, the brick has been broken... (Figure 3; RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 6)

Sygnak was first localized on the site of the settlement Sunak-ata by P.I. Lerch in 1867, who, however, did not leave a description of the ruins of the medieval city. Only 15 years after visiting the settlement in 1900, Prof. N.I. Veselovsky published an article by V.A. Kallaura characterizing the ruins. Comparison of the reports of researchers shows that during this time the monumental structures of Sygnak underwent even greater destruction: the dome and vault of the “nearest mosque” collapsed, and the second got various extensions (Kallaur, 2011: 204-211). Therefore, the description of the ruins of N.I. Veselovsky gives valuable information about the monumental monuments of the Sygnak settlement.

The next important sites visited by N.I. Veselovsky were the ruins of Sauran and Myrtobe:

From here I drove to the Tyumen-Aryk station and did not examine the Kokand fortress Yangi Kurgan on the way, since this is the same as Dzhankala, Kos-Kurgan, stopping to inspect the ancient city of Sauran, which surpasses everything in its size seen so far. Here, like all previous ruins, it consists of a citadel and its own city, which is a multitude of dunes. In some places, ruins of walls from clay buildings have been preserved in it. These visible remains lie to the NW and E sides of the citadel. The entire space occupied by the ruins is indented by ditches, and judging by the largeness of them, water for irrigation was drawn from the Daria (the Syrdarya river – authors). In the citadel, except for a tower made of fired brick with a dilapidated base from time and the foundation of another similar tower that has recently fallen, there are no traces of housing. The entire area of the citadel is dotted with sand dunes separated by small hollows indicating the direction of the streets. The citadel, as in Dzhankent and Saganak, rises on a hill, along the rampart, and in some places you can see the remains of the fortress wall ... and the position of the gate, the last as it seems there were two. The area of many dunes is strewn with fragments of broken dishes. The reconnaissance carried out at the points indicated on the plan did not find anything. The strata of dunes both here and outside the citadel are the same as in the Dzhankent dunes (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 8)

The author goes on to make a very valuable observation:

The difference is that in the dunes of Sauran, bones are found less than in Jankent. The cleaning of the surroundings of the fallen tower and the continuing wall of the building indicate that these towers are built on the same foundation with the building and therefore it can be assumed that the towers served as a minaret to the mosque hidden here. The southwest side of the mosque was cleaned; it was impossible to continue work from the other sides, because the Kyrgyz (Kazakhs – the authors) warned that they had chosen all the bricks from the E and S sides. Within two or three versts, the remains of the walls from the clay buildings lying outside the citadel are completely similar in their interior decoration to the remains in the Saganaka mosque, which suggests that there were also mosques in Sauran made of unbaked clay. Six versts from Sauran to the northwest you can see the ruins of a small fortress, called Myr by the Kirghiz. According to their explanation, Myr was the forefront of Sauran. This fortress has a square shape of 25 fathoms (53.34 m – the authors) and is surrounded by a moat. It stands on a high place and is surrounded by a rampart, on which you can see the surviving clay walls. On the south side there is a gate with towers on the sides. No traces of housing can be seen inside. Its circumference is completely even, you can't even see the traces of the irrigation ditch.

From this passage of the manuscript it follows that N.I. Veselovsky carried out excavations on the territory of the Sauran settlement, which should be taken into account when writing the history of the archaeological study of the ancient city. The researcher also gave the first description of the ruins of the Mir (Myr) fortress. To the antiquities of Turkestan, N.I. Veselovsky paid great attention. The orientalist gave a detailed description of the “mosque of Khoja Ahmed Yasawi” (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 8). We should not be confused by the designation of the building as a mosque. At that time it was generally accepted under the term “mosque” to designate mausoleums and other religious buildings of Islam.

N.I. Veselovsky, characterizing the mausoleum, writes:

Outside, the mosque is in front of two high jagged minarets, connected by a pointed arch, which forms the front part of the mosque, for the entrance to which there is also an external door; the top of the mosque is decorated behind the arch with two high domes: a large one, then small. Around these domes are several other low domes with narrow windows. They cannot be seen from the ground by those looking at the mosque, because a parapet of the same height as the domes rises above the roof on all sides. The large domes were once covered with tiles and, it seems, predominantly blue, while the small ones remained unplastered. (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 11).

The first translations of a number of inscriptions in the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi were made in the third quarter of the nineteenth century (Lerch, 1870: 17-22). In contrast to the above works, N.I. Veselovsky made more translations of the epigraphy of the architectural decor of the building:

Around the large domes in Kufic script is written in Arabic: “The Lordship” (appendix to the text No. 1). This expression is repeated several times. On the wall of the basement of the largest dome in the arch facing the 2nd dome it is written in Arabic: (app. 2). “May the blessing of God be over him, the prophet said, and advocating the pleasure of the world, the despicable (dog)”. On the walls, tiles with checkers in several patterns are given to our letter in ligature, and sayings in Arabic are repeated: “God”, “Greatness of God”,

“My Lord”, “My Prophet Muhammad”, “God is one”, “There is no God but God and his prophet”, “O God”. (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 14)

These expressions are repeated countless times in extremely regular geometric shapes. Columns, walls and piers in arches are all dotted with them. The letters are drawn in blue and blue glaze on a gray-pink background; in some places long sayings are written on a blue background in large letters, for example, the dome and arches are decorated. On the main building, on the wall, instead of a cornice, a whole chapter from the Koran was painted on alabaster with paints. (In the note. Surah XIX. Mother of God Mary).

At the present time it is completely impossible to read; it is possible only by a few words to determine which chapter. This extract from the Qur'an began from the southern side, bordering the western and northern and ends with the words: Hadji Hussein, a native of the city of Shiraz

and the date is immediately visible in number. Presumably, the written name denotes the builder, and the date with the number was probably with others /? / Time or year of construction. The mosque was built of burnt and glazed bricks. The interior of the mosque consists of three sections: the first is a huge hall of 18 fathoms (38.4048 m – by the authors) in length. Its ceiling was vaulted, judging by the remains of plaster, and was decorated with stucco work. Several doors were laid on the left side. Presumably, there were a lot of inscriptions in this room, but with the neglect of time, everything is worn out, nothing is visible. That there were inscriptions in this room is still suggested by preserved inscriptions on all doors, linings and cornices. These inscriptions include Persian verses, or sayings from the Qur'an or legends and the name of the one who did the thing: so on the iron plate and rings it is written in Persian “may his future be happy, the work of Muhammad Nazar 1251 (1841)”. (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 15)

The information about the now completely lost epigraphic paintings on the plaster of the large hall of the mausoleum is unique:

Traces of inscriptions in the arches were painted on alabaster with dry paints, indicating that Sura XXIV was written here from the Koran. The rings at the doors are made through. The lines of the pattern converging towards the center represent the Arabic sayings: “God is one”. (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 15).

An orientalist's note about the disappeared banners in a large niche in front of the entrance to the tomb is noteworthy:

In the right corner of the pulpit there are several bunchuks, and above the door itself at an angle stands a green banner, four or more fathoms long, if not more. According to the testimony of some, it belonged to the saint, according to others, to Timur. At the very top end of the banner, in a medallion, like a flat lance, it is written in through letters: “God”, then in the second medallion there is also an inscription; it could be read, but this was not done due to its enormous weight. Six people who were present at the inspection of the mosque were unable to lower the banner to the ground. For some letters, which we managed to make out in height, one must assume that something from the Koran is written here; however, this is only a guess (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 15)

There is a description by N.I. Veselovsky of the interior of the room where the tomb of Khoja Akhmed Yasavi is located:

There is no inscription on the hearse, covered with many pieces of brocade and other material since the founding of the mosque and at a later time. The cover was lifted and the inspection was made from all sides. On the left side of the Sultan's tomb, a fence was made, in which they say his wife and son are buried. On the right side, at the headboard, are tomes of large and small volumes of books. A detailed examination of them showed that these were copies of the Koran, written and donated by pious Muslims at different times. Pieces of decayed sheets from the oldest Korans are collected in a box on the shelves. It is rather difficult to determine whether there were inscriptions in this room; the most detailed examination of everything that is located here does not give the right to assume the existence of an inscription. The lowermost cover of the tomb, dark crimson, has inscriptions (yellow letters) along the edges, but so faded that nothing could be read. The doors to the side rooms are visible in the original room, and therefore to examine them it was necessary to go into the first room, from which there are doors to the aforementioned rooms on the right and left sides of the pulpit (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 15).

Thus, N.I. Veselovsky was one of the first to characterize the monument with the translation of the architectural epigraphy, and gave a detailed description of the room where Khoja Akhmed Yasawi was buried. The orientalist also mentions another monument in Turkestan – the mausoleum of the wife of Khan Abu-l-Khair (1429-1468), Rabi'a Sultan Begim:

Near the mosque there is an unfinished mausoleum with a dome, separated by blue patterned tiles, on which it is written in white letters in Arabic: “Lordship”. This mausoleum, as they say, is one of the keepers, and was built by Timur for himself, others – for his great-granddaughter, but none of them is buried here. This building has two floors, of which there is a hotel in the lower one (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 18).

Further N.I. Veselovsky presents the local version of the biography of the Turkestan saint:

Sultan Azret Ahmed Yasavi was born in the city of Yassy/now Turkestan/in 440 AH/1048, according to R.Kh. /. His father Sheikh-Ibrahim and mother Tagay-bicha, although they originated from Sairam, where their ashes now rest, spent their whole lives in Turkestan, whose inhabitants revered Sheikh Ibrahim as their ishan. Ahmed Yasawi, nicknamed by his murids/disciples/Sultan Azret, expressed great inclinations towards spiritual life in his early youth. Having received a general Muslim education, he joined the murids of Pira

(Ishan) Arslan Baba, who was then living in Turkestan, the head of the Jakhrya sect, which was very widespread throughout the Muslim world. After several years of staying at the school of this teacher, Sultan Ahmed, by clairvoyance, which was sent down by God, Arslan-Babu went to finally strengthen in the faith, to Pir... Hamadani, who was teaching at that time in Bukhara. The new mentor with the greatest joy received the new disciple, and, having informed that this circumstance had been announced to him from above, appointed him as his third caliph over the flock. After that, the Sultan, until the death of Pir and his first two caliphs, stayed in Bukhara without a break, perfecting himself in theological sciences and doing miracles. After the death of the second caliph, he had to accept his flock in Bukhara, but he did not stay there for long ... At the school of Sultan Ahmed Yasawi, as the tombs in the mosque indicate, there were some of his contemporary khans between his murids, so in the corridor opposite the doors of the namaz mosque there is a high lattice hung with horns. This is the grave of the holy king of the East Zul-Bars-khan, the former murid of Azret. It was noted above that the Sultan keeps to the sense of Jahrya. The Central Asian followers of this sect, who consider Ahmed Yasawi as their head both in Turkestan and in other cities, perform jakhrya every Friday after namaz, during which feast they sit in a niche and sing and read the Sultan's deeds written in Persian and Arabic (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 16).

N.I. Veselovsky was the first to describe the underground cell of Khoja Akhmed Yasawi:

From the mosque, at the direction of the keepers, I proceeded to inspect the house of Sultan Akhmed, which lies 100 fathoms from the fence in the city. This dwelling is no different from other buildings in Turkestan and it is hard to believe that a house made of unbaked clay could stand for so long. We can only assume that this place was the house of Azret. In its present form, the house was probably built recently. Nobody lives in it. It consists of several rooms. In one of them, in the wall, there is a very low passage three fathoms underground, into a small square hole, 5 spans in size and as high as a man's height. In the corner of this burrow there is a small niche, the floor of which is covered with a reed mat. According to the keepers, at the age of 60, the Sultan accepted the schema and until the end of his life he hid here hopelessly (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 19).

The underground structure, where, according to legend, Khoja Akhmed Yasavi lived after 63 years, was investigated in detail only in 1996 (Tuyakbaev, 2000: 41-51). N.I. Veselovsky after inspecting the antiquities of the city of Turkestan visited Otrar, which like all other examined cities along the Daria (the Syr Darya river – the authors), consists of a citadel and a city with gardens and seems now completely destroyed. The huge area of the city, pitted with many ditches, is dotted with dunes. The area, which, in all likelihood, was under the citadel, is now one high mound with a surface covered with dunes, divided by crooked hollows. These hollows, in all likelihood, signify the directions of the former streets.

Despite the fact that the remnants of Otrar have completely crumbled, it is quite easy to discern traces of a ditch in the circle of the citadel, the location of the fortress gates and the walls of the fortress. The surface of the dunes of the citadel and nearby heights is dotted with fragments of glazed dishes made of baked clay of all kinds of colors and shades. The Kirghiz say that these fragments are found from the dunes by rains: their children sometimes found old coins on the dunes after the rain. On the occasion of summer migrations it was impossible to get them, although one of the coins was found. Reconnaissance in the citadel showed the soil: sand with rubble with fragments of broken dishes, pieces of unbaked clay bricks, black earth, in places crossing a strip of yellow-brown earth. The excavations were carried out over a length of 2-3 fathoms, and a depth of 6 fathoms and more (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 20).

The author goes on to make a very valuable observation:

In the excavation of one of the dunes outside the citadel on the west side, which has an oval shape at the base of 50 sazhen and 13 arshins in a circle at a depth of sazhen, three human skeletons were found. A skull was taken from one of them. The dead lay almost one on one. The distance between them was less than ½ an arshin (0.3555 m – authors). All of them lay with their heads to the west with outstretched arms and legs, only at the very bottom, the legs laid on top of each other were slightly bent. In addition to this find, reconnaissance was also made to the southwest of the citadel on a rather high mound, called Ak-Tyube by the Kirghiz. In four excavations carried out here, each 2-2 ½ fathoms long (4.2672-5.334 m – authors) and 1-2 fathoms (2.1336-4.2672 m – authors) depth, were found at a depth of two arshins (1.422 m) from the surface jugs made of baked clay. One of them is intact, the other two are broken. The soil of the earth that accompanied these vessels was sand, black earth, clay, pieces of brick, and the smallest gray earth, just like dust. The vessels were lying at an angle. The broken ones were full of earth, and the whole one was empty inside (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 20).

Before the introduction of the manuscript into scientific circulation by N.I. Veselovsky, it was considered that the first description of the ruins of medieval Otrar had been made by I.T. Poslavsky, who published an article about the ancient city in 1898 (Poslavsky, 1898: 236-238), and that the first excavations at the site had been carried out by A. Klare and A. Cherkasov (Klare, 1904; Baipakov, Taimagambetov, 2006: 17).

N.I. Veselovsky characterizes the monuments of Sairam:

... all the mosques of Sairam were rebuilt recently and therefore there are no ancient inscriptions on them, but there is an inscription of pilgrims who visited the saints, but they were not removed because they have no significance for history. In the Idris Mosque, one column in a sandstone gallery deserves attention.

On it are barely perceptible some patterns and Arabic words: “There is no God but God”, “God is one, God is the Lord” (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L.21).

Before finding the manuscript of N.I. Veselovsky, it was believed that the first translation of the inscriptions on the column was made only in 1925, when, for the sake of acquaintance with it, M.E. Masson visited Sairam and dated it to the ninth to tenth centuries (Masson, 1928: 31). Perhaps the column represents an element of the earliest Muslim building in Kazakhstan. N.I. Veselovsky also found inscriptions on the minaret of the Khyzr Paygambara mosque: “At the gates of the mosque, a low tower has been built that replaces the minaret; there is a small inscription in Persian on it” (RGALI. F. 118. Op. 1. D. 243. L. 22). This monument was repeatedly destroyed and, apparently, N.I. Veselovsky was the last of the researchers who saw the epigraphy of the Khizr Paygambar minaret.

5. Conclusion

The manuscript of N.I. Veselovsky “Description of the ruins of ancient cities on the road from Kazala to Tashkent” is valuable for its factual material, scientific commentaries, translations of inscriptions and interesting author’s observations. It contains a description of the largest medieval settlements of southern Kazakhstan: Dzhanakent, Sygnak, Sauran, Turkestan, Otrar, Sairam. The researcher not only described and made fixations of the found monuments; he made copies of inscriptions, drawings and plans of fortified settlements and individual details of architectural monuments, but also conducted archaeological studies of individual parts of the settlements of Dzhanakent, Sauran and Otrar. According to the text, N.I. Veselovsky conducted a survey of the local population about the monuments towards clarifying understanding of the object, at least in the form of folk legends or poetic legends. The scientific value of a number of pieces of information about the monuments of Sygnak, Turkestan, Sairam is unique in many ways. The manuscript records their state in the autumn of 1884. The accounting and description of numerous monuments and antiquities he carried out have not lost their significance in our time. Some of the monuments described by him have over time completely collapsed or changed so much that the surviving records of N.I. Veselovsky are for us the only source of information, which indicates a great contribution to the study of antiquities of South Kazakhstan.

References

- Ageeva, 1949 – Ageeva, E.I. (1949). K istorii izucheniya arheologicheskikh pamyatnikov srednego techeniya Syrdar'i i Karatau [On the history of the study of archaeological sites in the middle reaches of the Syr Darya and Karatau]. *Izvestiya AN Kazahskoj SSR*. 2: 135-142. [in Russian]
- Ageeva, Maksimova, 1960 – Ageeva, E.I., Maksimova, A.G. (1960). Oчерk arheologicheskogo izucheniya Kazahstana [An outline of the archaeological study of Kazakhstan]. *Arheologicheskaya karta Kazahstana*. Alma-Ata. Pp. 9-26. [in Russian]
- Bajpakov, 1996 – Bajpakov, K.M. (1996). Iz istorii izucheniya arheologicheskikh pamyatnikov v Kazahstane. Problemy arheologii i ih razrabotki [From the history of the study of archaeological sites in Kazakhstan. Problems of archeology and their development]. *Istoriya Kazahstana s drevnejshih vremen do nashih dnei v chetyrekh tomah*. Almaty. Pp. 16-30. [in Russian]
- Bajpakov, 1999 – Bajpakov, K.M. (1999). Srednee techenie Syrdar'i [The middle course of the Syr Darya]. *Srednyaya Aziya i Dal'nij Vostok v epohu srednevekov'ya*. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'e. M. Pp. 163-174. [in Russian]
- Bajpakov, Tajmagambetov, 2006 – Bajpakov, K.M., Tajmagambetov, Zh.K. (2006). *Arheologiya Kazahstana [Archaeology of Kazakhstan]*. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. Almaty. 356 p. [in Russian]
- Bartol'd, 1977 – Bartol'd, V.V. (1977). Veselovskij kak issledovatel' Vostoka i istorii russkoj nauki [Veselovsky as a researcher of the East and the history of Russian science]. *Soch.:* V 9-ti t. M.: Nauka. T. 1H. Pp. 642-664. [in Russian]
- Bekchurin, 1872 – Bekchurin, M.S. (1872). Opisanie mecheti Azreta, nahodyashchejsya v Turkestane [Description of the Azret mosque, located in Turkestan]. *Turkestanskaya oblast'. Zametki statskogo sovetnika Bekchurina*. Kazan'. Pp. 52-63. [in Russian]
- Divaeв, 1900 – Divaeв, A.A. (1900). Eshche o mogile sv. Horhut-Ata [More about the grave of St. Khorkhut-Ata] *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arheologicheskogo obshchestva*. T.HIII. SPb. Pp. 39-40. [in Russian]
- Efron, Brokgauz, 1892 – Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary]. SPb.: I.A.Efron, F.A.Brokgauz. 1892. T. VI. 489 p. [in Russian]
- Imperatorskoe moskovskoe..., 1915 – Imperatorskoe moskovskoe arheologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovanie (1864–1914 gg.) [The Imperial Moscow Archaeological Society in the first 50 years of its existence (1864–1914)]. *Biograficheskij slovar' chlenov obshchestva*. M., 1915. T. II. Pp. 66-67. [in Russian]
- Kallaur, 2011 – Kallaur, V.A. (2011). Drevnie goroda Saganak (Sunak), Ashnas ili Eshnas (Asanas) i drugie v Perovskom uezde, razrushennye Chingis-hanom v 1219 godu [The ancient cities of Saganak (Sunak), Ashnas or Yesnas (Asanas) and others in the Perovsky district, destroyed by Chinggis Khan in 1219].

- Protokoly zasedanij i soobshchenij chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii. Istoriko-kul'turnye pamyatniki Kazahstana. Turkestan. Pp. 204-211. [in Russian]
- Kastan'e, 2007** – *Kastan'e, I.A.* (2007). Drevnosti Kirgizskoj stepi i Orenburgskogo kraja [Antiquities of the Kyrgyz steppe and the Orenburg region]. Almaty. 516 p. [in Russian]
- Klare, 1904** – *Klare, A.K.* (1904). Drevnij Otrar i raskopki, proizvedennye v razvalinah ego v 1904 g [Ancient Otrar and excavations carried out in its ruins in 1904]. Protokoly zasedanij i soobshcheniya Turkestanskogo kruzhka lyubitelej. God IH. Tashkent. Pp. 13-42. [in Russian]
- Kononov, 1989** – *Kononov, A.N.* (1989). Veselovskij Nikolaj Ivanovich [Veselovsky Nikolai Ivanovich]. Biobibliograficheskiy slovar' otechestvennyh tyurkologov: Dooktyabr'skij period (2-e izd., pererab.). M. Pp. 62-63. [in Russian]
- Kozha, 2008** – *Kozha, M.* (2008). N.I. Veselovskij o drevnih gorodah YUzhnogo Kazahstana [Veselovsky on the ancient cities of Southern Kazakhstan]. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana*. 2: 184-193. [in Russian]
- Kozha, 2008** – *Kozha, M.* (2008). N.I. Veselovskij o drevnostyah Yuzhnogo Kazahstana [Veselovsky on the antiquities of South Kazakhstan]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta central'noaziatskih issledovanij*. YUNESKO. Samarkand. 8: 3-14. [in Russian]
- Kozha, Bajsarieva, 2016** – *Kozha, M., Bajsarieva, G.* (2016). Akademik N.I. Veselovskij o drevnostyah Yuzhnogo Kazahstana [Veselovsky on the antiquities of South Kazakhstan]. *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaya*. Seriya «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki». 3(50): 181-184. [in Russian]
- Kozha, Elgin, 2004** – *Kozha, M., Elgin, Yu.A.* (2004). Turkestan i Otrar v neopublikovannoj rukopisi N.I. Veselovskogo o drevnih gorodah Syrdar'i [Turkestan and Otrar in an unpublished manuscript by N.I. Veselovsky on the ancient cities of the SyrDarya]. *Novye issledovaniya po arheologii Kazahstana*. Almaty. Pp. 237-241. [in Russian]
- Lazerevskaya, 2002** – *Lazerevskaya, N.A.* (2002). Issledovatel' Srednej Azii Nikolaj Ivanovich Veselovskij [Nikolai Ivanovich Veselovsky is the researcher of Central Asia]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya rossijskogo arheologicheskogo obshchestva*. Novaya seriya. T. I. SPb. Pp. 494-497. [in Russian]
- Lerh, 1870** – *Lerh, P.I.* (1870). Arheologicheskaya poezdka v Turkestanskiy kraj v 1867 g [Archaeological trip to the Turkestan region in 1867 St. Petersburg]. SPb., 40 p. [in Russian]
- Levina, 1996** – *Levina, L.M.* (1996). Etnokul'turnaya istoriya vostochnogo Priaral'ya [Ethnocultural history of the eastern Aral Sea region]. M., 396 p. [in Russian]
- Lunin, 1979** – *Lunin, B.V.* (1979). Srednyaya Aziya v nauchnom nasledii otechestvennogo vostokovedeniya: Istoriograficheskiy ocherk [Central Asia in the scientific heritage of Russian oriental studies: Historiographic sketch]. Tashkent. 182 p. [in Russian]
- Lykoshin, 1896** – *Lykoshin, N.S.* (1896). Ocherk arheologicheskikh izyskanij v Turkestanskom krae do uchrezhdeniya Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii [Essay on archaeological research in the Turkestan region before the establishment of the Turkestan circle of archeology amateurs]. Protokoly zasedanij i soobshchenij chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii. God I, Tashkent. Pp. 1-57. [in Russian]
- Masson, 1928** – *Masson, M.E.* (1928). Staryj Sajram [Old Sairam]. *Izvestiya komiteta po delam muzeev i ohrany pamyatnikov stariny, iskusstva i prirody*. Vyp. III. Tashkent. Pp. 23-42. [in Russian]
- Poslavskij, 1898** – *Poslavskij, I.T.* (1898). Razvaliny goroda Otrara [Ruins of the city of Otrar]. Protokoly zasedanij i soobshcheniya Turkestanskogo kruzhka lyubitelej. God III. Tashkent. Pp. 236-238. [in Russian]
- RGALI** – Rossijskiy Gosudarstvennyy archiv literatury i iskusstva [Russian state archive of literature and art].
- Tuyakbaev, 2000** – *Tuyakbaev, M.* (2000). Turkistan syrlary [Mystery of Turkestan]. Almaty, 96 p. [in Kazakh]
- Vengerov, 1900** – *Vengerov, S.A.* (1900). Istochniki slovarya russkikh pisatelej [Sources of the dictionary of Russian writers]. T. I. SPb., 814 p. [in Russian]
- Veselovskij, 1904** – *Veselovskij, N.I.* (1904). Predislovie [Foreword]. *Zapiski imp. rus. geogr. o-va po otd-niyu etnografii*; XXIX. SPb. Pp. I-III. [in Russian]
- Veselovskij, 1906** – *Veselovskij, N.I.* (1906). Ekspediciya v Turkestan dlya snyatiya poanov i zarisovok v kraskah mestnoj mecheti [Expedition to Turkestan to take poans and sketches in the colors of a local mosque]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya srednej i vostochnoj Azii v istoricheskom, arheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniyah*. 6: 26-26. [in Russian]
- Veselovskij, 1915** – *Veselovskij, N.I.* (1915). Sovremennoe sostoyanie voprosa o «kamennyh babah» ili «balbalah» [The current state of the issue of “stone women” or “balbals”]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*. T. HKHKHII. Odessa. Pp. 408-444. [in Russian]
- Vydayushchiesya uchenye..., 2003** – *Vydayushchiesya uchenye Sankt-Peterburga i izuchenie drevnih kul'tur i civilizacij Central'noj Azii i Kavkaza* [Outstanding scientists of St. Petersburg and the study of ancient cultures and civilizations of Central Asia and the Caucasus]. SPb., 2003. 28 p. [in Russian]

Attachment A

Fig. 1. Corresponding member of the Imperial Academy of Sciences N.I. Veselovsky (12. XI. 1842-12. IV. 1918)

Fig. 2. A stone statue from the Aulie-Ata district of the Syrdarya region published by N.I. Veselovsky.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 908-916.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.908
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Male Teachers of Gymnasiums of the West Siberian School District in the second half of the 19th Century – the beginning of the 20th Century: Factors of Everyday Life

Aleksandr V. Blinov ^{a, *}, Yurii M. Goncharov ^b

^a Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

^b Altay State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the factors that determined the daily life of teachers of men's gymnasiums in the second half of the 19th – early of the 20th century. The paper based on the materials of the West Siberian Educational District. The relevance of the work is determined by the complex problems of reforming the modern Russian education system. The daily life of the teaching staff of men's gymnasiums in Siberia during the post-reform period was determined by both objective and subjective factors. The objective ones were the rules and principles established and regulated by normative legal acts, including departmental ones. They regulated the organization of the daily professional activities of the pedagogical corps of men's gymnasiums, as well as other educational institutions. The legislation defined many aspects of the status of teachers, in particular their educational level, productivity standards, and the specifics of their professional activities. The legal framework played an important role in shaping the social status of teachers, allowing them to take a certain place in the local society. Of some importance in the organization of everyday life teachers played the level, status, age and educational institutions, on the one hand, determined the place of teachers in the city pedagogical community, and on the other, forced to adhere to traditions in the school. A certain influence on life outside of school was exerted by the level of formation of the urban environment, creating conditions for leisure activities. Subjective factors, such as marital status, income level, and living conditions, influenced both professional daily life and determined the vectors of building the personal life of teachers. The daily life of teachers of Siberian gymnasiums had a number of features, determined by the legislative benefits and the specifics of the socio-cultural development of the cities of the region.

Keywords: education, Russia, Siberia, XIX century, gymnasiums, teachers' corps, everyday life.

1. Введение

Профессия учителя была и остается востребованной и социально значимой. В условиях современного поиска мер для поднятия престижа и поддержки учителя, ярким примером которой является федеральная программа «Земский учитель», необходимо учитывать отечественный опыт. Сложно не согласиться с мнением Н.А. Беловой, что микроистория с ее интересом к отдельным социальным группам ставит методологическую проблему генерализации сведений для выявления ее места в социуме (Белова, 2015: 7).

2. Материалы и методы

2.1. В качестве исходных материалов послужили историографические и исторические источники. В ряду последних особый интерес представляют законодательные источники, представленные нормативно-правовой документацией ведомства Министерства народного просвещения (далее – МНП) и источники личного происхождения – сочинения и воспоминания лиц, прошедших через мужские гимназии. По мнению Э.Д. Днепров и Д.И. Раскина, уставы в имперский

* Corresponding author

E-mail addresses: blinov_alexey_vlad@mail.ru (A.V. Blinov), yuriig@yandex.ru (Yu.M. Goncharov)

период были одной из форм законодательных актов, отражавших позицию министерства в отношении учебных заведений как государственной структуры, определяя порядок и функции определенного вида учебных заведений, права и обязанности должностных лиц: «Законом определялось все – от общих оснований и принципов государственной политики до открытия дополнительных классов в конкретном училище» (Днепров, Раскин, 2015: 246-247). Воспоминания выпускников и преподавателей несут иллюстративную нагрузку и способствуют восприятию повседневной жизни педагогического сообщества мужских гимназий через призму субъективного восприятия.

2.2. Методологической основой исследования являются общенаучные и общеисторические принципы и методы, такие как принцип историзма и принцип объективности, методы анализа и синтеза, историко-сравнительный и историко-системный методы. Для данного исследования концептуальной базой послужила теория повседневности (Alltagsgeschichte, Daily history), в частности, нам близка концепция повседневности, предложенная П.Н. Кондрашовым и К.Н. Любутиным, в соответствии с которой повседневность понимается как форма непосредственной человеческой деятельности, осуществляющейся в конкретной фактичности событийных ситуаций (Любутин, Кондрашов, 2007: 260). Важной методологической основой для нашей работы являются приемы и исследовательские методики изучения социальной истории, отработанные Санкт-петербургским историком Б.Н. Мироновым на обширном историческом материале (Миронов, 2000). Используемые методы и исследовательский инструментарий позволили рассмотреть факторы повседневной жизни преподавателей мужчин гимназий Западно-Сибирского учебного округа в региональной специфике.

3. Обсуждение

В рамках образовательной стратегии ММП шел планомерный процесс формирования образовательного ландшафта Российской империи, в том числе и Западной Сибири, в котором важная роль принадлежала классическим мужским гимназиям, отдельные аспекты организации и деятельности которых получили освещение в отечественной историографии. К числу фундаментальных исследований дореволюционного периода, анализирующих преимущественно нормативно-правовую основу функционирования и тенденции развития данных образовательных учреждений, можно отнести работы И.А. Алешинцева (Алешинцев, 1912), С.В. Рождественского (Рождественский, 1902), Е. Шмид (Шмид, 1878). Региональный аспект проблемы получил освещение в работах С.И. Замахаева (Замахаев, Цветаев, 1889), А.А. Мисюрева (Мисюрев, 1894), М.И. Слободского (Слободский, 1912).

В советской историографии вопросы развития мужского гимназического образования периода Российской империи, рассматриваемые в контексте анализа тенденций социально-политических процессов того времени, затрагивались в работах Ш.И. Ганелина (Ганелин, 1950), Н.А. Константинова (Константинов, Струминский, 1953), Н.И. Кузьмина (Кузьмин, 1971), В.З. Смирнова (Смирнов, 1954), Ф.Ф. Шамахова (Шамахов, 1957), Н.С. Юрцовского (Юрцовский, 1923).

В современных исследованиях в ракурсе внимания ученых к сюжетам дореволюционного гимназического образования, в том числе и Западной Сибири, можно выделить два направления. Традиционным остается анализ нормативно-правовых основ и общих тенденций развития мужского гимназического образования имперского периода, получив освещение в работах М.В. Богуславского (Богуславский, 2010), М.П. Войтеховской (Войтеховская, 2011), О.Б. Гач (Гач, 2011), Э.Д. Днепра (Днепров, Раскин, 2015), А.В. Овчинникова (Овчинников, 2009), В.В. Перцева (Перцев, 2013) и др.

В региональном контексте представляют интерес исследования Ю.М. Гончарова (Гончаров, 2008), Ю.В. Гореловой (Горелова, 2005), А.Н. Жеравиной (Жеравина, 2003), Е.В. Мельниковой (Мельникова, 2003), Е.В. Сизовой (Сизова, 2007), В.С. Сулимова (Сулимов, 2011а, Сулимов, 2011б) и др., затрагивающие отдельные сюжеты истории сибирских мужских гимназий в контексте изучения процессов формирования городского пространства Западной Сибири, отдельных образовательных учреждений и тенденций модернизации в среде педагогического сообщества как составляющей регионального социума.

4. Результаты

На момент учреждения в 1885 г. Западно-Сибирского учебного округа (далее – ЗСУО) на долю мужских гимназий от образовательных учреждений ММП, представляющих образовательный ландшафт вошедших в его состав территорий, приходилось 1,7 %, и 15 % от типа средних. Мужские гимназии были представлены Тобольской (1810), Томской (1838) и Омской губерниями (1876).

За время существования ЗСУО, совпавшего с активной стадией модернизации, было открыто 9 гимназий. На территории Тобольской губернии – 2: Ишимская (1910), Курганская (1911); Томской – 5: Бийская (1910), Барнаульская (1912), Томская 2-я (1913), Новониколаевская (1914), Каинская (1914); Акмолинской области – 1: Омская 2-я (1912); Семипалатинской – 1: Семипалатинская (1903). К моменту ликвидации ЗСУО доля мужских гимназий составляла 0,5 % от общего числа учебных заведений ММП в учебном округе и 17,6 % от количества средних (Blinov, Goncharov, 2019: 736-747).

Деятельность учебных заведений, в том числе и педагогического сообщества, определялась нормативными актами. В 1871 г. был принят очередной «Устав гимназий и прогимназий», который действовал с незначительными изменениями до 1917 г. Согласно Уставу, преподавательский состав учебного заведения делился на штатных работников, которые считались находящимися на государственной службе (законоучитель, учителя наук и языков, чистописания, черчения и рисования), и «обучающих по найму» (учителя пения и гимнастики) (§ 50). Представители администрации учебного заведения – директор и инспектор – были отнесены к категории штатных преподавателей.

Требования к кандидатам на должность преподавателя были дифференцированы в зависимости от предмета. Преподаватели наук и языков должны были иметь аттестаты об окончании полного университетского курса и пройти испытание на звание учителя гимназии. Исключение было сделано для учителей немецкого и французского языков. При отсутствии квалифицированных специалистов эти должности могли занимать лица без высшего образования, но «прошедшие специальное испытание» (§ 52). Устав закреплял за директором право формировать преподавательский и учебно-вспомогательный контингент образовательного учреждения, но с последующим утверждением кандидатур попечителем учебного округа (ПСЗРИ-2, Т. 46. Ч. 2. № 49860: 85-99).

Анализ статистических данных показывает, что к концу имперского периода на долю учебно-вспомогательного персонала мужских гимназий приходилось – 51 чел. (21,6 %), преподавательского корпуса – 185 (78,4 %), в рамках которого штатные преподаватели составляли – 118 (63,8 %) (Памятная книжка, 1916).

По образовательному уровню на долю преподавателей мужских гимназий ЗСУО с университетским образованием приходилось 46 % штатных преподавателей, выпускников институтов – 33 %, духовных академий – 8 %, духовных семинарий – 5 % и высших художественных училищ – 8 % (Памятная книжка, 1916).

Лидирующие позиции как в общем рейтинге, так и в видовой группе занимали: среди университетов – Императорский Московский, институтов – Санкт-Петербургский Императорский историко-филологический институт, духовных академий – Казанская, духовных семинарий – Вологодская, художественных училищ – Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище (Памятная книжка, 1916).

Уровень полученного образования не только служил основой для формирования профессиональных компетенций, «пропуском» в педагогическое сообщество, но и накладывал отпечаток на менталитет представителей педагогического сообщества. В частности, Д.И. Менделеев отмечал, что он «есть благоприобретенный капитал, отвечающий затратам времени и труда и накоплению людской мудрости и опытности» (Менделеев, 1903–1904: 240).

Формирование повседневного уклада жизни является результатом корреляции ряда факторов: стажа работы в учреждении, правил организации условий труда и быта, социальной активности и др.

Повседневность представителей преподавательского корпуса мужских гимназий, в том числе и ЗСУО, прежде всего проявлялась в выполнении профессиональных обязанностей, которые регламентировались нормативной документацией. В соответствии с Уставом 1871 г. учебный процесс продолжался в течение года за исключением воскресных и праздничных дней, а также летних (шесть недель) и зимних (две недели) каникул (§ 17). По решению педагогического совета, представлению директора или инспектора и утверждению попечителя учебного округа преподавателю предоставлялось право вести уроки по нескольким приметам (§ 56). Устав разрешал учителям содержать у себя пансионеров согласно правилам МНП (§ 59).

Все преподаватели входили в состав педагогического совета, создаваемого в учебном заведении «для более верного и всестороннего обсуждения вопросов, относящихся преимущественно к учебной и воспитательной части» (§ 68). Совет должен был собираться в течение учебного года не реже одного раза в месяц (§ 72). В случае наличия при гимназии пансиона учителя могли привлекаться в качестве воспитателей, совмещая на основе доплаты два вида деятельности (§ 101) (ПСЗРИ-2, Т. 46. Ч. 2. № 49860).

Один из выпускников Томской гимназии Н.М. Ядринцев, говоря о нравах, царящих в среде педагогов, использует термин «учительская бюрократия» (Ядринцев, 1888: 3). Его одноклассник Н.И. Наумов писал: «...Учителям приходило желание заниматься обыкновенно в силу необходимости или перед экзаменом, или в гимназию ожидали прихода директора, или в ней безотлучно сидел почему-либо инспектор» (Наумов, 1896: 5).

Трепет перед администрацией был обусловлен боязнью наказания за любую оплошность. Воспитанник Тобольской гимназии Д.И. Менделеев писал по поводу требований, предъявляемых к представителям педагогического сообщества: «...Любовь ко всякому делу хорошо уживается только с требованиями, обусловленными самым его существом, оно их только укрепляет; оно скоро охлаждается и даже возмущается всякою ненужною регламентацией, а потому известная степень педагогической свободы, например выбор учебников, приемы исправления, способы испытания и т.п.

должны быть предоставлены не только советам учителей, но и отдельным учителям» (Менделеев, 1903–1904: 256).

Согласно Уставу 1871 г., штатные учителя мужских гимназий и считались на государственной службе, и имели класс соответственно занимаемой должности: директор – V, инспектор – VI, учителя наук и языков – VIII, учителя чистописания, рисования и черчения – IX. Утверждение в классе должности и получение соответствующего чина, согласно образовательному законодательству, происходило по выслуге лет: для директора – девяти, инспектора и учителей – четырех (ПСЗРИ-2, Т. 46. Ч. 2. № 49860).

К концу имперского периода 63 % штатных преподавателей мужских гимназий ЗСУО имели классный чин. Наиболее распространенными были чины: «статский советник» – 35 %, «коллежский асессор» – 24 %, «коллежский советник» – 14 % и «надворный советник» – 10 %. Редкими в преподавательской среде были чины «титулярный советник» и «коллежский секретарь»: на долю их обладателей приходится по 1 %. Доля духовных чинов (санов) распределялась пропорционально: «священник» – 8 % и «протоиерей» – 8 % (Памятная книжка, 1916).

Не последнее место среди факторов, определяющих повседневность учителя, в том числе и его профессиональные качества, играл размер годового содержания, который определялся штатным расписанием как неотъемлемым компонентом уставной документации. Д.И. Менделеев отмечал: «Современное вознаграждение учителям средних учебных заведений определяется от сорока до семидесяти рублей за годовой урок в каждую неделю, а потому учителю приходится набирать по 4-5 уроков, чтобы прожить сколько-нибудь сносно с семьей. Сам я выносил такое число уроков на плечах когда-то и знаю, что выносить долго никому не под силу, если только следить за успехами излагаемой науки, трудно даже правильно влиять на учеников, вникая в их особенности» (Менделеев, 1903–1904: 256).

Законодательство, определяющее деятельность мужских гимназий в период существования ЗСУО, устанавливало размер годового содержания, которое дифференцировалось в зависимости от занимаемой должности. Для директора и инспектора, по Уставу 1864 г., оно было стабильным, но предусматривались доплаты в виде «столовых»: для директора – 800 руб. годовых, для инспектора – 600 руб. (Таблица 1).

Таблица 1. Размер годового содержания штатных сотрудников гимназий (ПСЗРИ-2. Т. 39. Ч. 2. № 41472, Лаурсон, 1916: 199-205)

Должность	Устав 1864 г.			Закон 1912 г.		
	количество уроков	стоимость 1 годового часа, руб.	размер годового содержания, руб.	количество уроков	стоимость 1 годового часа, руб.	размер годового содержания, руб.
директор	–	–	1200	–	–	1800
инспектор	–	–	900	–	–	–
учитель, исполняющий обязанности инспектора	–	–	–	–	–	750
законоучитель	14	72,90	1020	16	75	1200
учитель русского языка и словесности	12	75,00	900	18	75,55	1360
учитель латинского языка	13	73,85	960	18	75,55	1360
учитель математики, физики, естественной истории и космографии	17	70,59	1200	18	75,55	1360
учитель истории и географии	22	68,18	1500	18	75,55	1360
учитель немецкого языка	19	69,47	1320	18	75,55	1360
учитель французского языка	19	69,47	1320	18	75,55	1360
учитель чистописания, рисования и черчения	13	46,15	600	7	77,14	540

Важным шагом в улучшении материального положения преподавателей гимназий стал закон «Об улучшении материального положения служащих в средних общеобразовательных мужских учебных заведениях и окружных инспекторов» от 10 мая 1912 г., введенный взамен действующих штатов (Лаурсон, 1916: 199–205).

Наряду с жалованьем в годовое содержание входили региональные надбавки (за службу в Сибири), оплата за замещение и совместительство в других учебных заведениях и др.

Своего рода стимулирующей мерой являлись региональные льготы. Одним из первых законодательных актов, определяющих особенности социально-правового положения служащих по гражданскому ведомству в сибирском регионе, становится «Положение» (1822), установившее льготы при начислении пенсии в зависимости от срока выслуги: 10 лет давало право на пенсию в размере 1/3 получаемого жалованья, 20 лет – 1/2 и 30 лет – полное жалованье (§203–204). Дальнейшее продолжение службы в Сибири позволяло получать пенсию наряду с жалованьем (§ 206) (ПСЗРИ-1, Т. 38. № 29125). Однако на училищных чиновников данные льготы были распространены лишь спустя шесть лет. Пункт 9 преамбулы «Устава» (1828) впервые предписывал региональную льготу: «чиновникам, определяемым в Сибирь... по учебной части, присваиваются те же выгоды в производстве в чины, какими пользуются чиновники, по общей гражданской службе туда определяемые, а учителям, определяемым в означенные места, сокращаются пятью годами вообще сроки, положенные по учебной части для получения пенсий, как им самим, так и семействам их. Сверх того, означенным чиновникам и учителям выдавать при отправлении, кроме прогонов, годовое жалованье, не в зачет, из Государственного Казначейства» (ПСЗРИ-2, Т. 3. № 2502).

В дальнейшем в установленные правила вносились лишь незначительные коррективы. Так, на основании решения Сибирского комитета от 15 мая 1863 г. было узаконено «Положение», согласно которому директора, инспектора, учителя и надзиратели гимназий, штатные смотрители и учителя уездных училищ, прослужившие в Сибири 10 лет и затем перешедшие на службу вне сибирских губерний, получали право на сокращение срока выслуги для пенсии на пять лет, с предоставлением права получать пенсию сверх жалованья при оставлении их на службе после выслуги 20 лет (ПСЗРИ-2, Т. 38. Ч. 1. № 39653).

Важным фактором, определяющим повседневную жизнь, был квартирный вопрос. По подсчетам авторов, к концу существования ЗСУО, в 1916 г., 82 % штатных преподавателей имели собственное жилье, 7 % – казенное и 11 % арендуемое (Памятная книжка, 1916). Следует отметить, что для лиц, снимающих жилье, были предусмотрены доплаты в виде «квартирных».

Жилищный вопрос и уровень доходов во много коррелирует с семейным положением. Анализ данных на 1916 г. показывает, что неженатые среди штатных преподавателей мужских гимназий составляли 29 %; женатые, но не имеющие детей – 25 %; вдовцы, воспитывающие детей, – 3 % и имеющие полные семьи – 43 % (Памятная книжка, 1916).

На момент начала педагогической карьеры в гимназии, учитывая, что в преподавательской среде преобладала возрастная группа от 20 до 40 лет, 53 % штатных преподавателей не имели детей. Среди полных семей 65 % имели детей в возрасте до 5 лет. Доля семей с детьми в возрасте от 5 до 10 лет составляла 26 %, от 10 до 15 лет – 4 %, старше 15 лет – 5 % (Памятная книжка, 1916).

Учитывая, что гимназии могли открываться только в городах, важным фактором, влияющим на повседневную жизнь педагогического сообщества, был уровень сформированности городской среды. Характеризуя сибирский город, современник рассматриваемого периода Г.Н. Потанин писал: «Города Сибири – это точки на общественном теле Сибири, которыми оно воспринимает лучи света, идущие с Запада» (Потанин, 1908: 234).

5. Заключение

В рамках образовательной стратегии МНП в условиях региональных процессов модернизации в конце XIX – начале XX вв. наблюдается увеличение доли мужских гимназий в образовательном ландшафте ЗСУО и преподавателей данного вида учебных заведений в региональном педагогическом сообществе. Повседневная жизнь преподавательского корпуса мужских гимназий, как и других учебных заведений, определялась двумя группами факторов – объективных и субъективных. Правила и принципы, установленные и регламентированные ведомственным законодательством, являлись определяющим объективным фактором в организации повседневной профессиональной деятельности педагогического корпуса мужских гимназий, а также других учебных заведений. Под его влиянием формировался образовательный уровень педагогов, что, в свою очередь, отражалось на продуктивности их профессиональной деятельности и креативности мышления. Правовая база играла важную роль в формировании статуса педагогов, позволяя им занять определенное место в местном социуме. Определенное значение в организации повседневной жизни преподавателей играл возраст образовательного учреждения, с одной стороны, определявший статус учителей в городском педагогическом сообществе, а с другой – заставлявший придерживаться традиций, сложившихся в учебном заведении. Определенное влияние на жизнь вне школы оказывал уровень сформированности городской среды, создавая условия для проведения досуга. Субъективные факторы, такие как семейное

положение, уровень доходов, бытовые условия, оказывали влияние как на профессиональную повседневность, так и определяли векторы построения личной жизни преподавателей.

Литература

- Алешинцев, 1912** – Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Изд. О. Багдановой, 1912. 346 с.
- Белова, 2015** – Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
- Богуславский, 2010** – Богуславский М.В. Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст) // *Проблемы современного образования*. 2010. № 1. С. 33-44.
- Войтеховская, 2011** – Войтеховская М.П. Политика реформ и общественные инициативы в развитии российской системы общего образования в XIX – начале XX вв. Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2011. 404 с.
- Ганелин, 1950** – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Л.-М.: УЧПЕДГИЗ, 1950. 278 с.
- Гач, 2011** – Гач О.Б. Развитие общего образования в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX века // *Вестн. Томск. гос. пед. ун-та*. 2011. № 13. С. 29-34.
- Гончаров, 2008** – Гончаров Ю.М. Провинциальная женская гимназия: повседневность глазами учителя // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 1 (18). С. 68-76.
- Горелова, 2005** – Горелова Ю.В. Из истории развития низшей и средней школы в Омске (вторая половина XIX – начало XX вв. // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2005. № 11. С. 236-242.
- Днепров, Раскин, 2015** – Днепров Э.Д., Раскин Д.И. Законодательная деятельность в сфере образования дореволюционной России // *Вопросы образования*. 2015. № 2. С. 241-278.
- Жеравина, 2003** – Жеравина А.Н. Из истории гимназического образования в Томске // *Вестник Томского государственного университета*. 2003. Т. 276: Серия: История. Краеведение. Этнология. Археология. С. 195-204.
- Замахаев, Цветаев, 1889** – Замахаев С.И., Цветаев Г.А. Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск: Тип. Губ. правл., 1889. 321 с.
- Константинов, Струминский, 1953** – Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1953. 272 с.
- Кузьмин, 1971** – Кузьмин Н.Н. Низшее и среднее специальное образование дореволюционной России. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1971. 280 с.
- Лаурсон, 1916** – Лаурсон А.М. Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения. Изд. 2-е, доп. Петроград, 1916. 1154 с.
- Литягина, 2014** – Литягина А.В. Роль светской школы в повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 1 (57). Т. 1. С. 26-34.
- Любутин, Кондрашов, 2007** – Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: УрГУ, 2007. 295 с.
- Мельникова, 2003** – Мельникова Е.В. К вопросу об истории омских гимназий // *Культурологические исследования в Сибири*. 2003. № 1 (9). С. 68-74.
- Менделеев, 1903–1904** – Менделеев Д.И. Заветные мысли. СПб.: Типо-литогр. М.П. Фроловой, 1903–1904. 428 с.
- Миронов, 2000** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 2-е изд., испр. СПб.: Изд. «Дмитрий Булавин», 2000. Т. 1. 548 с., Т. 2. 568 с.
- Мисюрев, 1894** – Мисюрев А.А. Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие ее существования (1838–1888). Томск: Губ. тип., 1894. 55 с. с прил. 24 с.
- Наумов, 1896** – Наумов Н.И. Н.М. Ядринцев в Томской гимназии. Иркутск: б.и., 1896. 16 с.
- Овчинников, 2009** – Овчинников А.В. Политико-правовой процесс в российском образовании XIX–XX века: Монография. М.: УРАО ИТИП, 2009. 258 с.
- Памятная книжка, 1916** – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Изд. 8-е. Томск, 1916.
- Перцев, 2013** – Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // *Концепт*. 2013. № 1 (17). С. 1-7.
- Потанин, 1908** – Потанин Г.Н. Города Сибири // *Сибирь, ее современное состояние и нужды*. СПб.: Изд. А.Ф. Девриева, 1908. С. 235-259.
- ПСЗРИ–1, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. В 45 т.
- ПСЗРИ–2, 1830–1884** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1649–1825 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1881. В 55 т.

- Рождественский, 1902** – *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного образования 1802–1902 гг. СПб.: Гос. тип., 1902. 158 с.
- Сапрыкин, 2009** – *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
- Сизова, 2007** – *Сизова Е.В.* Из истории мужских гимназий Западной Сибири в XIX в.: обеспеченность помещениями // *Вестник Томского государственного университета.* 2007. № 304. С. 98-110.
- Слободский, 1912** – *Слободский М.И.* Среднее образование в Томске // *Город Томск.* Томск, 1912. С. 18-30.
- Смирнов, 1954** – *Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М.: АПН РСФСР, 1954. 312 с.
- Сулимов, 2011а** – *Сулимов В.С.* Мужская гимназия Ишима. Тюмень: ТОГИРРО, 2011. 132 с.
- Сулимов, 2011б** – *Сулимов В.С.* Светская школа Тобольской губернии. Народное образование на рубеже XIX–XX вв. Deutschland: LAP, 2011. 183 с.
- Шамахов, 1957** – *Шамахов Ф.Ф.* Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Томск, 1957. 272 с.
- Шмид, 1878** – *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. СПб.: Тип. Балашева В.С., 1878. 684 с.
- Юрцовский, 1923** – *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск: Сиб. обл. гос. изд., 1923. Вып. 1: Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. 246 с.
- Ядринцев, 1888** – *Ядринцев Н.М.* Воспоминания о Томской гимназии // *Сибирский сборник.* Вып. 1. Иркутск: Тип.: Восточное обозрение, 1888. С. 4-32.
- Blinov, Goncharov, 2019** – *Blinov A.V., Goncharov Yu.M.* Activities of the Ministry of the National Education in the Cities of Western Siberia in the End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries: Strengthening of Educational Potential during the Modernization // *Bylye Gody.* 2019. 52 (2). pp. 736-747.

References

- Aleshintsev, 1912** – *Aleshintsev, I.A.* (1912). Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII i XIX vek) [History of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX centuries)]. SPb.: Izd. O. Bagdanovoi. [in Russian]
- Belova, 2015** – *Belova, N.A.* (2015). Povsednevnyaya zhizn' uchitelei [The daily lives of teachers]. Moscow. [in Russian]
- Blinov, Goncharov, 2019** – *Blinov, A.V., Goncharov, Yu.M.* (2019). Activities of the Ministry of the National Education in the Cities of Western Siberia in the End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries: Strengthening of Educational Potential During the Modernization. *Bylye Gody.* 52(2): 736-747.
- Boguslavskii, 2010** – *Boguslavskii, M.V.* (2010). Problemy reformirovaniya rossiiskogo obrazovaniya (istoriko-pedagogicheskii kontekst) [Problems of reforming Russian education (historical and pedagogical context)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya.* 1: 33-44. [in Russian]
- Dneprov, Raskin, 2015** – *Dneprov, E.D., Raskin, D.I.* (2015). Zakonodatel'naya deyatelnost' v sfere obrazovaniya dorevolutsionnoi Rossii [Legislative activity in the sphere of education of pre-revolutionary Russia]. *Voprosy obrazovaniya.* 2: 241-278. [in Russian]
- Gach, 2011** – *Gach, O.B.* (2011). Razvitie obshchego obrazovaniya v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v kontse XIX nachale XX veka [Development of general education in the West Siberian School District at the end of the XIX-beginning of the XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 13: 29-34. [in Russian]
- Ganelin, 1950** – *Ganelin, Sh.I.* (1950). Ocherki po istorii srednei shkoly v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Essays on the history of secondary schools in Russia in the second half of the XIX century]. Leningrad–Moscow, UChPEDGIZ. [in Russian]
- Goncharov, 2008** – *Goncharov, Yu.M.* (2008). Provintsial'naya zhenskaya gimnaziya: povsednevnost' glazami uchitelya [Provincial women's gymnasium: everyday life through the eyes of a teacher]. *Ural'skii istoricheskii vestnik.* 18(1): 68-76. [in Russian]
- Gorelova, 2005** – *Gorelova, Yu.V.* (2005). Iz istorii razvitiya nizshei i srednei shkoly v Omske (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [From the history of the development of lower and secondary schools in Omsk (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya.* 11: 236-242. [in Russian]
- Konstantinov, Struminskii, 1953** – *Konstantinov, N.A., Struminskii, V.Ya.* (1953). Ocherki po istorii nachal'nogo obrazovaniya v Rossii [Essays on the history of primary education in Russia]. Moscow, Uchpedgiz. [in Russian]
- Kuz'min, 1971** – *Kuz'min, N.N.* (1971). Nizshee i srednee spetsial'noe obrazovanie dorevolutsionnoi Rossii [Lower and secondary special education of pre-revolutionary Russia]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. [in Russian]

- Laurson, 1916** – *Laurson, A.M.* (1916). Spravochnaya kniga dlya uchebnykh zavedenii i uchrezhdenii vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Reference book for educational institutions and institutions of the department of the Ministry of Public Education]. Petrograd. [in Russian]
- Lityagina, 2014** – *Lityagina, A.V.* (2014). Rol' svetskoi shkoly v povsednevnoi zhizni gorozhan Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The role of the secular school in the daily life of the citizens of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 57 (1): 26-34. [in Russian]
- Lyubutin, Kondrashov, 2007** – *Lyubutin, K.N., Kondrashov, P.N.* (2007). Dialektika povsednevnosti: metodologicheskii podkhod [Dialectics of everyday life: a methodological approach]. Ekaterinburg. [in Russian]
- Mel'nikova, 2003** – *Mel'nikova E.V.* (2003). K voprosu ob istorii omskikh gimnazii [To the question about the history of Omsk gymnasiums]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 9(1): 68-74. [in Russian]
- Mendeleev, 1903–1904** – *Mendeleev D.I.* (1903–1904). Zavetnye mysli [Cherished Thoughts]. SPb. [in Russian]
- Mironov, 2000** – *Mironov B.N.* (2000) Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [A social history of the Russian Empire (XVIII – beginning of the XX century)] SPb., Izd. «Dmitrii Bulavin» [in Russian]
- Misyurev, 1894** – *Misyurev, A.A.* (1894). Tomskaya gubernskaya gimnaziya v pervoe pyatidesyatiletie ee sushchestvovaniya (1838–1888) [Tomsk Provincial Gymnasium in the first fiftieth anniversary of its existence (1838-1888)]. Tomsk. [in Russian]
- Naumov, 1896** – *Naumov N.I.* (1896) N.M. Yadrintsev v Tomskoi gimnazii [N.M. Yadrintsev in the Tomsk Gymnasium]. Irkutsk. [in Russian]
- Ovchinnikov, 2009** – *Ovchinnikov A.V.* (2009) Politiko-pravovoi protsess v rossiiskom obrazovanii XIX – XX v. [The political and legal process in Russian education of the XIX-XX century]. Moscow. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1916** – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1916 god [Memorial Book of the West Siberian School District for 1916]. Tomsk. [in Russian]
- Pertsev, 2013** – *Pertsev, V.V.* (2013). Gimnazicheskoe obrazovanie v dorevolyutsionnoi Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Gymnasium education in pre-revolutionary Russia: the second half of the XIX – the beginning of the XX century]. *Kontsept*. 17(1): 1-7. [in Russian]
- Potinin, 1908** – *Potinin, G.N.* (1908). Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy. SPb. Pp. 235-259. [in Russian]
- PSZRI–1, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first edition. 1649-1825]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [in Russian]
- PSZRI–2, 1830–1884** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The second edition]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [in Russian]
- Rozhdestvenskii, 1902** – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1902) Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo obrazovaniya 1802–1902 gg. [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education 1802–1902]. SPb. [in Russian]
- Saprykin, 2009** – *Saprykin, D.L.* (2009). Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii [Educational potential of the Russian Empire]. Moscow. [in Russian]
- Shamakhov, 1957** – *Shamakhov, F.F.* (1957). Shkola Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX vekov [School of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Tomsk. [in Russian]
- Shmid, 1878** – *Shmid, E.K.* (1878). Istoriya srednikh uchebnykh zavedenii v Rossii [History of secondary educational institutions in Russia]. SPb.: Tip. Balasheva V.S. [in Russian]
- Sizova, 2007** – *Sizova, E.V.* (2007). Iz istorii muzhskikh gimnazii Zapadnoi Sibiri v KhIKh v.: obespechennost' pomescheniyami [From the history of men's gymnasiums in Western Siberia in the nineteenth century: security of premises]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 304: 98-110. [in Russian]
- Slobodskii, 1912** – *Slobodskii, M.I.* (1912). Srednee obrazovanie v Tomske [Secondary education in Tomsk]. Gorod Tomsk. Tomsk. Pp. 18-30. [in Russian]
- Smirnov, 1954** – *Smirnov, V.Z.* (1954). Reforma nachal'noi i srednei shkoly v 60-kh godakh XIX v. [Reform of primary and secondary schools in the 60s of the XIX century]. Moscow. [in Russian]
- Sulimov, 2011a** – *Sulimov V.S.* (2011). Muzhskaya gimnaziya Ishima [The male gymnasium in the city of Ishim]. Tyumen. [in Russian]
- Sulimov, 2011b** – *Sulimov, V.S.* (2011). Svetskaya shkola Tobol'skoi gubernii. Narodnoe obrazovanie na rubezhe XIX–XX vv. [Secular school of the Tobolsk province. Popular education at the turn of the XIX – XX centuries]. Deutschland: LAP. [in Russian]
- Voitekhovskaya, 2011** – *Voitekhovskaya, M.P.* (2011). Politika reform i obshchestvennye initsiativy v razvitiu rossiiskoi sistemy obshchego obrazovaniya v XIX – nachale XX vv. [Reform policy and public

initiatives in the development of the Russian system of general education in the XIX – early XX centuries]. Tomsk. [in Russian]

Yadrntsev, 1888 – *Yadrntsev, N.M.* (1888). Vospominaniya o Tomskoi gimnazii [Memoirs of the Tomsk Gymnasium]. *Sibirskii sbornik*. V. 1. Irkutsk: Tip.: Vostochnoe obozrenie. pp. 4-32. [in Russian]

Yurtsovskii, 1923 – *Yurtsovskii, N.S.* (1923). Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri [Essays on the History of the Enlightenment in Siberia. Issue. 1: The general course of development of school business in Siberia. 1703-1917]. Novonikolaevsk. [in Russian]

Zamakhaev, Tsvetaev, 1889 – *Zamakhaev, S.I., Tsvetaev, G.A.* (1889). Tobol'skaya gubernskaya gimnaziya. Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tobol'skoi gimnazii za 100 let ee sushchestvovaniya. 1789–1889 [Tobolsk provincial Gymnasium. Historical note on the state of the Tobolsk gymnasium for 100 years of its existence. 1789–1889]. Tobol'sk, tip. Gub. pravl. [in Russian]

Zheravina, 2003 – *Zheravina, A.N.* (2003). Iz istorii gimnazicheskogo obrazovaniya v Tomske [From the history of gymnasium education in Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 276: 195-204. [in Russian]

Факторы повседневности штатных преподавателей мужских гимназий Западно-Сибирского учебного округа второй половины XIX – начала XX вв.

Алексей Владимирович Блинов ^{a, *}, Юрий Михайлович Гончаров ^b

^a Кемеровский государственный университет, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена факторам, определявшим повседневную жизнь преподавателей мужских гимназий во второй половине XIX – начале XX вв. на материалах Западно-Сибирского учебного округа. Актуальность работы определяется сложными проблемами реформирования современной российской системы образования. Статья основана на широком круге опубликованных источников и исследовательской литературы. Повседневная жизнь преподавательского корпуса мужских гимназий Сибири пореформенного периода определялась как объективными, так и субъективными факторами. К объективным относились правила и принципы, установленные и регламентированные нормативно-правовыми актами, в том числе и ведомственными. Они регламентировали организацию повседневной профессиональной деятельности педагогического корпуса мужских гимназий, а также других учебных заведений. Законодательство определяло многие аспекты статуса педагогов, в частности их образовательный уровень, нормы продуктивности, специфику профессиональной деятельности.

Правовая база играла важную роль в формировании социального положения педагогов, позволяя им занять определенное место в местном социуме. Определенное значение в организации повседневной жизни преподавателей играл уровень, статус и возраст образовательного учреждения, с одной стороны, определявший место учителей в городском педагогическом сообществе, а с другой – заставлявший придерживаться традиций, сложившихся в учебном заведении. Определенное влияние на жизнь вне школы оказывал уровень сформированности городской среды, создавая условия для проведения досуга. Субъективные факторы, такие как семейное положение, уровень доходов, бытовые условия, оказывали влияние как на профессиональную повседневность, так и определяли векторы построения личной жизни преподавателей. Повседневная жизнь преподавателей сибирских гимназий имела ряд особенностей, определявшихся законодательными льготами и спецификой социокультурного развития городов региона.

Ключевые слова: образование, Россия, Сибирь, XIX век, гимназии, учительский корпус, повседневная жизнь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: blinov_alexey_vlad@mail.ru (А.В. Блинов), yuriig@yandex.ru (Ю.М. Гончаров)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 917-926.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.917
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the Proletariat in the Russian Empire: to the Issue of Industrialization at the end of the XIX century

Svetlana S. Gorokhova ^{a,*}, Anna V. Popova ^a, Marianna G. Abramova ^b, Pavel V. Nikitin ^c

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

^c All-Russia state University of justice of the Ministry of justice of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of certain aspects of the socio-economic structure of the Russian Empire in the last decades of the XIX century. Realizing the complexity of the tasks to reflect all relevant characteristics of the social development of the state within one scientific article, the authors, have focused on: the status and level of technological development of the country; the development of large domestic industry; the specifics of the formation of the working class (proletariat), which was virtually unknown in agrarian Russia, its place and role in the renewal of the socio-economic sphere of public life and the state-legal development of the Russian Empire; the formation of a separate social cluster of women workers; the use of child labor in factory production and its significance for the development of industrial relations. The article reflects the main directions of the state policy of that period, aimed at achieving the competitiveness of the Russian economy in the world market. The authors conclude that the state policy of the tsarist government, as well as the measures taken by manufacturers and breeders in large-scale industrial production to strengthen the industrial development of the country, were significant and, of course, positive.

Keywords: socio-economic sphere of society, proletariat, industrialization, factory production, women's labor, worker's life.

1. Введение

Развитие Российской империи шло параллельно с развитием западноевропейской цивилизации, однако в экономической, социальной и политической сферах у России всегда был свой «особый путь». Признаваемые в качестве доктринальной основы западноевропейские теории в российской практике применялись уже в видоизмененном содержательном контексте, исходя из экономических и социально-политических особенностей конкретного исторического этапа развития России не только в целях упрочения своего места в ряду экономически развитых держав, но и завоевания главенствующей роли (Шульце-Геверниц, 1901). В связи с этим, начиная с XVIII в. в государственной политике России центральное место стала занимать торгово-промышленная сфера экономики, и особенно крупная промышленность, достигшая наивысшего развития в конце XIX в. Особенностью индустриализации конца XIX – начала XX вв. стала вовлеченность российского народного хозяйствования в торгово-промышленную и банковско-кредитную системы Западной Европы. Таким образом, в этот исторический период происходила своеобразная «европеизация» российского народного хозяйства в интересах усиления значимости Российской империи на политической и экономической карте мира.

Сами формы организации крупного фабричного производства Российской империи XIX в, по большому счету, были своеобразным симбиозом западноевропейских образцов промышленности

* Corresponding author

E-mail addresses: swettalana@yandex.ru (S.S. Gorokhova), anna0710@yandex.ru (A.V. Popova), abramova-m@mail.ru (M.G. Abramova), nikitinP2007@yandex.ru (P.V. Nikitin)

и форм «народного производства», носивших характер домашних крестьянских промыслов ([Handwörterbuch, 1909](#)). Российские производственные предприятия до эпохи «Великих реформ» 1860–1870-х гг. следует разграничить по двум основным категориям – помещичьи (частновладельческие) и посессионные (казенные и полуказенные, находящиеся под правительственным надзором). Различие между ними обуславливалось исключительно характером существовавших крепостных отношений, достигшим к этому моменту своего исторического апогея. Изменение правового статуса российских крестьян после 1861 г. ([Высочайший манифест, 1861](#)), возможность получения ими земельной собственности привели к массовому исходу крестьян из казенных и полуказенных предприятий в деревни, что в свою очередь вызвало серьезный кризис крупной промышленности ([Фабрично-заводская промышленность, 1896: 90](#)).

2. Материалы и методы

2.1. При проведении исследования использовался достаточно широкий массив исторических исследований и статистических материалов, относящихся к рассматриваемому периоду, в частности: источники российского права; документы Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Российской империи (1896–1917 гг.); Министерства внутренних дел Российской империи (1897–1905 гг.); сборники статистических сведений по Московской, Владимирской губерниям касательно отдельных аспектов социально-экономической и санитарно-гигиенической обстановки (1877–1903 гг.); материалы Первой всеобщей переписи населения России 1897 г.; бюджетные росписи (1896–1899 гг.); отчеты фабричных инспекторов И.И. Янжула, П.А. Пескова и др. (1896–1905 гг.), а также труды дореволюционных зарубежных и российских мыслителей по исследуемой теме.

2.2. Раскрытие выбранной темы осуществлялось посредством применения системы общефилософских, общенаучных, частнонаучных и специальных методов научного исследования. Так, диалектический метод использовался при анализе государственно-правового и социально-экономического развития Российской империи конца XIX–XX вв.; исторический и статистический методы, метод сравнительного анализа – при изучении вопросов государственной политики царского правительства, мер по организации труда и быта рабочих, предпринимаемых отдельными фабрикантами и заводчиками в Московской и Владимирской губерниях; организации женского труда и обучения детей рабочих в целях формирования профессионального класса пролетариата России.

3. Обсуждение

Советская традиция оценки государственно-правового развития Российской империи исходила из критического анализа существующей ситуации при акцентировании внимания на негативных сторонах трансформации общественных отношений, определяя именно этим причины формирования революционной ситуации в 1905–1917 гг. ([Рожков, 2010](#); [Струмилин, 1944](#); [Струмилин, 1960](#); [Струмилин, 1967](#); [Яцунский, 1952](#)). В конце 1990-х гг. подобная практика потеряла свою актуальность и появился ряд исследований, уже не так критично оценивающих пореформенную ситуацию, описывая и позитивные тенденции в периодах правления последних монархов, а в ряде случаев, идеализируя эпоху абсолютной монархии на контрасте с советской реальностью ([Пермь и Пермская губерния, 2016](#); [Волошинова, 2013](#)). Так, М.А. Фельдман, определяя главенствующее значение для промышленной революции перехода от мануфактурного производства к фабрично-заводскому, полагает, что технически и технологически российская уральская металлургическая промышленность становится в один ряд с промышленно развитыми странами Западной Европы не в начале XX в., а только в период сталинской индустриализации ([Фельдман, 2005: 177, 180](#)). М.Г. Нечаев утверждает, что залогом технического развития России в конце XIX в. следует считать события всего XIX в. в России (победа в Отечественной войне 1812 г., Великие реформы 1860–1870 гг. и др.), приведших к «квазифеодальному феномену XIX века», но не состоявшихся как «квазикапиталистические» ([Нечаев, 2016: 31](#)). Подобные разрозненные оценки в научной литературе актуализируют обращение к истории социально-экономического развития нашей страны в конце XIX в. на основе юридических документов, оценок свидетелей исторических событий и анализа научной литературы по исследуемому периоду.

4. Результаты

Вплоть до середины XIX в. новых технологических решений в российском промышленном производстве практически не внедрялось, что сказалось на развитии торгово-промышленных связей с зарубежными странами. Так, практически полностью прекратился существовавший ранее вывоз продуктов промышленности, например льняных тканей в Европу, сукна в Китай, хотя еще в начале XIX в. 1/3 всей продукции льняной и паруснополотняной промышленности вывозилась в Западную Европу, а также немалое количество и в Америку ([Туган-Барановский, 2015: 68](#)). Такая же ситуация сложилась по экспорту железа: если в начале XIX в. в процентном отношении его вывоз составлял 13 % от всех экспортных показателей, то с 1820-х, а еще больше с 1840-х гг. – уже меньше 10 %. И это несмотря на то, что к заводам и фабрикам на Урале, относящимся к железно-рудной промышленности, было приписано 177 тыс. душ мужского пола, выделено 15 млн руб. в

беспроцентную ссуду да еще предоставлены в пользование огромные территории лесных массивов (Булдыгин, 2017: 91–92). Тем не менее регресс продолжался, и причина такого положения заключалась, безусловно, в техническом и технологическом отставании Российской империи от европейских экономически-развитых держав, которые уже в конце XVII–XVIII вв. в значительной степени технологизировали производство, освоив выплавку железной руды с применением угля и заменив, к примеру, в текстильной индустрии ручной труд машинным, чем существенно снизили цены на производимую продукцию (Муравьева, 2017), хотя к железным промыслам Урала это может быть отнесено в меньшей степени.

К началу XIX в. отдельным отраслям российской промышленности удалось достичь значительных успехов, примером чего может служить хлопчатобумажная промышленность, которая, хотя изначально и не была объектом государственного попечения, однако уже к концу XIX в. превратилась в главенствующую отрасль российской экономики, оказывавшую наибольшее влияние на народно-хозяйственную жизнь страны в целом. Так, в статистическом отчете о заводской и фабричной промышленности во Владимирской губернии (Свирский, 1890: 8) отмечалось, что, строго говоря, в ней существовали только три отрасли промышленности: обработка хлопка, льна и стекла. При этом на 393 губернские фабрично-заводские предприятия приходилось 139 фабрик, занятых обработкой хлопка, и это не считая кустарной промышленности данного вида. Значение указанной сферы производства также видно из следующих цифр: в 1880-х гг. 85 % всех фабричных рабочих Московской губернии были заняты в прядильно-ткацкой промышленности, 70 % (с учетом красильно-набивного дела) – в хлопчатобумажной (Сборник..., 1877–1903: 20–21; 27).

Промышленно-экономическое развитие Российской империи можно проиллюстрировать сведениями из первой сформированной для Николая II бюджетной росписи на 1895 г., в которой приводились весьма наглядные цифры. Следует отметить, что в руках Правительства Российской империи удалось сосредоточить значительные объемы ресурсов. Так, к началу января 1881 г. золотой запас составлял 291,1 млн руб., к 30 августа 1892 г. – уже 603,7 млн руб., а к 15 декабря 1894 г. – 649,5 млн руб. В период 1881–1893 гг. производство чугуна повысилось на 160 % (с 27,3 до 70,8 млн пудов), выплавка стали – на 59,3 % (с 18,7 до 59,3 млн пудов), добыча угля – на 129 % (с 200,9 млн пудов до 460,2), добыча нефти возросла на 1475 %; производство хлопка выросло с 906 000 пудов в 1887 г. до 3,8 млн пудов в 1892 г. (Общая государственная роспись, 1895).

Вслед за промышленным ростом стал наблюдаться и подъем аграрного сектора экономики. Так, в 1894 г. было собрано более 332 млн четвертей хлебных злаков, против усредненного урожая в 263 млн четвертей в 1881–1887 гг. Ускоренными темпами шло железнодорожное строительство, и если к началу 1881 г. протяженность путей составляла 21 226 верст, то к 1 января 1894 г. – уже 33 869 верст, что повлекло за собой развитие международной торговли, к 1893 г. экспорт товаров начал превалировать над импортом – 614 млн руб. и 463 млн руб. соответственно (Общая государственная роспись, 1895). Следует констатировать, что завершающие десятилетия XIX в. стали эпохой впечатляющего развития промышленного комплекса Российской империи, когда по темпам наращивания промышленной продукции в среднегодовом исчислении она обогнала все страны европейского региона, начав конкурировать в стремительности промышленного роста с США.

Однако, несмотря на все вышеперечисленные успехи, Россия по-прежнему была более аграрной, нежели индустриальной державой. О правомерности такого вывода, в числе прочего, говорит тот факт, что перепись населения, проведенная в 1897 г. (Первая всеобщая перепись, 1897–1905), горожан насчитала 16 604 086 «душ наличного населения обоого пола» (Первая всеобщая перепись, 1897: 36), что составляло чуть более 13 % от всех проживавших на тот момент на территории Российской империи подданных (130 млн). В силу, в том числе и этого обстоятельства, период создания крупных промышленных предприятий в России, очевидно, характеризовался не только быстрым ростом их числа, но и специфическими проблемами, существенным образом отличавшими отечественную социально-экономическую ситуацию от западноевропейской.

Так, дореволюционные исследователи утверждали, что западная культура (и экономика) жидется на эксплуатации рабочего пролетариата, тогда как в России этого нет и быть не может по той простой причине, что у нас отсутствует пролетариат в том смысловом содержании, о котором принято говорить в Европе, поскольку любой российский подданный, хотя бы и рабочий на фабрике, обладал и пользовался естественным правом на родную землю, поэтому фабричный труд воспринимался им не как основная профессия, а только лишь как подспорье к земледельческому труду (Михайловский, 1893: 274). Таким образом, системное различие в правовых статусах рабочих в России и Западной Европе детерминировалось тем, что «рабочий еще не лишился связи с землей» (Полянская, 2003: 115), т.е. он продолжал быть все тем же крестьянином, членом сельской общины, и лишь временно изыскивал заработок в промышленности. Действительно, летом заработная плата в промышленности повышалась на 10–20 % относительно зимних расценок. Даже при наплыве работы общее число работников летом составляло 70–80 % от их численности зимой, т.е. во время уборки хлеба многие фабрики останавливались вообще из-за того, что рабочие уходили в деревни и села (Янжул, 1884: 86–91). На уровень заработной платы в промышленности существенное влияние оказывал размер прошлогоднего урожая, ведь при хорошем урожае крестьянин имел средства к

существованию и поэтому не искал подобного заработка на фабриках, и наоборот, чем хуже урожай, тем больше потребность в рынке труда и, соответственно, ниже заработная плата (Rosenberg, 1895: 114). Фабричный инспектор Д.И. Шишмарев в своем отчете отмечал, что заработная плата ткача во Владимирской губернии была от 9,5 до 14 руб. в месяц, в то время как на Раменской фабрике под Москвой в начале 1893 г. зарплата прядильщика составляла 24–25 руб. в месяц, а ткача, работающего одновременно на двух станках, – 16–20 руб. (Шишмарев, 1892: 63), то есть заработная плата фабричных рабочих в конце XIX в. в центральных губерниях царской России была в 2–5 раз ниже, чем, например, в Англии (67–70 руб. в месяц) или США (96 руб. в месяц) (Янжул, 1884: 86–91: 114–116). Однако эти цифры все-таки нельзя до конца считать показательными, поскольку, с одной стороны, на многих фабриках рабочие получали часть заработной платы натуральным продуктом (к тому же многие имели определенный доход от занятий сельским хозяйством), с другой – значительная часть заработной платы работников различными «окольными» путями вновь возвращалась фабрикантам. Так, например, фабричный инспектор по делам малолетних рабочих, И.И. Янжул отмечал, что на многих фабриках устанавливались произвольные вычеты за оставление работником фабрики ранее установленного договором срока. При этом размер их колебался от лишения 6-дневного заработка до лишения оплаты за 6-недельный срок, предшествующий уходу работника (Янжул, 1844: 77–78). На отдельных предприятиях заработная плата выдавалась всего один раз в полугодие, да и то только в том объеме, который считался необходимым для уплаты начисляемых податей. Предполагалось, что все остальные потребности могут быть удовлетворены работником посредством отоваривания в фабричной лавке в кредит (в счет заработной платы). Там же, где фабрики не имели собственных лавок, работникам часто назначали лавку, в которой они должны были покупать по явно завышенным ценам. При этом лавочники обязывались возвращать фабрикантам 15 % в виде скидки со всей суммы закупок (Янжул, 1844: 92–106). В 1890-х гг. над фабричными лавками был законодательно установлен контроль фабричных инспекторов, но, несмотря на это, по свидетельствам современников, ситуация с ценообразованием в них изменилась мало (Эрисман, 1893: 6–10).

Кроме того, на фабриках и заводах практиковалась весьма разнообразная система штрафов (размер, основания), которые хозяева и (или) администрация фабрики могли применять по отношению к рабочим по своему собственному усмотрению. Так, например, некоторые фабрики устанавливали штрафы для красильщиков и ткачей, которые вздумали бы зачем-то сходить в слесарно-столярную мастерскую, котельную или паровую; для мальчиков, затевающих драку на фабрично-дворе; для распевających песни в рабочие дни; для холостых за поход в гости в семейные помещения и др. (Янжул, 1844: 84). И это при том, что ст. 107 «Устава о промышленности фабричной и заводской» (Устав о промышленности..., 1879) устанавливала возможность подвергать штрафным санкциям рабочих только в случае прогула или же нанесения вреда хозяину.

Наряду с низкой заработной платой, в среднерусском промышленном районе фабричными инспекторами отмечалась и большая продолжительность рабочего дня. П.А. Песков, к примеру, в рамках отчетности в качестве фабричного инспектора во Владимирском уезде отмечал, что на ткацких фабриках рабочий день длится 12–15 часов (Песков, 1884: 94). На красильных фабриках Московской губернии И.И. Янжул сталкивался с продолжительностью рабочего дня, в ряде случаев превышающую 16 часов (Янжул, 1844: 38). Опять же во Владимирском промышленном районе на рогожных, парусо-полотняных, спичечных и других фабриках, по данным В.В. Святловского, в подавляющем большинстве случаев рабочий день длился 16–18 часов (Святловский, 1923: 150). По его мнению, это было вызвано тем, что с момента развития машинного производства для непрерывной работы машин требовался и соответствующий людской труд, но разделенный на несколько смен. Первоначально сутки просто делились на две части – дневную и ночную смены. Затем деление усложнилось – стали применять 3–4 сменную систему (Святловский, 1923: 150–151).

И.И. Янжул описывал работу на московских рогожных фабриках, где производство было ручным и организовывалось по типу светелочной системы, причем по большей части каждые 2 взрослых нанимались вместе с 2 детьми (многие из них были младше 10 лет). Они работали фактически непрерывно днем и ночью, оставляя себе для сна только 2–3 часа через каждые 7–9 часов работы. Как образно высказался один из владельцев рогожной фабрики, к Пасхе и прекращению работы на лето все «рогожники» так ослабевают, что их «ветром качает» (Янжул, 1844: 44). На крупных московских фабриках распределение рабочего времени по сменам было несравненно лучше: работники трудились, как правило, двумя сменами, разделенными на две полусмены, то есть «шесть через шесть» часов. И даже невзирая на то, что такое распределение рабочего времени медиками того времени осуждалось, как не дающее достаточно отдыха в пересменах, все же, как отмечает И.И. Янжул, такой вариант был, несомненно, лучше, чем система, применяемая в конце XIX в. почти на всех суконных фабриках, работающих в две смены: дневная смена длилась с 4.30 до 20.00 (т.е. 15,5 часов), из которых 1,5 часа (в два приема) предусматривалось на перерывы в работе; ночная – с 20.00 вечера до 4.30, составляя 8,5 часов. При этом ночные работники должны были еще выйти на подмену дневной смены в перерывы, отведенные ей на отдых – два раза в течение рабочего дня (Янжул, 1844: 42).

Помимо высокой продолжительности рабочего дня и низкой заработной платы, еще более ухудшала положение фабричных рабочих существовавшая практика побоев, оправдываемая тем, что по закону телесное наказание вполне было применимо к крестьянам, а происхождение большинства работников фабрики было крестьянским. Грамотность фабричных работников также оставляла желать лучшего, поэтому условия договора найма, как правило, определялись односторонне предпринимателем в соответствии с установленными им условиями и расценками, которых нанимающийся не знал и не мог прочитать (Песков, 1884: 71). Кроме того, в соответствии со ст. 1358 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение) деяния, выразившиеся в прекращении работы на фабриках или заводах в связи со стачкой рабочих, устроенной в целях понуждения фабрикантов к увеличению оплаты труда или изменению условий трудового договора о найме, виновные лица могли быть подвергнуты тюремному заключению от 4 до 8 месяцев (для подстрекателей) и от 2 до 4 месяцев для всех остальных (Уложение о наказаниях..., 1890: 348). Справедливости ради стоит отметить, что в ст. 1359 Уложения устанавливалась ответственность и для фабрикантов, в том случае, если они до завершения срока трудового контракта, оговоренного с работником, самовольно понизят трудящимся плату, а равно, если станут принуждать к получению оплаты не деньгами, а товарами, продуктами и др.

По свидетельству иностранных исследователей особое отношение к рабочим со стороны фабрикантов было продиктовано «непостоянством русских и их отвращением к фабрике и машинам, свойственное всем выходцам из сельской местности», когда крестьяне, поневоле становящиеся рабочими, ненавидят и презируют фабрику, исключительно под давлением крайней нужды берутся за машину, т.к. «только голод заставляет их работать» (Шульце-Геверниц, 1901: 116). Такой спецификой рабочих, по его мнению, объяснялась практика удержания рабочих на российских фабриках, даже против их воли, включая обустройство казарм на территории предприятия, что, естественно, увеличивало издержки производства. Достаточно часто применялся и запрет уходить после окончания работы с территории фабрики, поскольку имелись обоснованные опасения на тот счет, что рабочие, покинув фабрику на ночь, просто не вернутся утром назад. Другим средством удержать рабочих при фабрике служил долгосрочный контракт: чаще всего наем на фабрики и заводы производился с 1 октября (времени окончания полевых работ) и до Пасхи и затем после пасхального празднества, длящегося несколько недель, до октября (Менделеев (ред.), 1883: 274-279).

Наем на длительный период (полгода или год) также был не совсем удобен промышленникам, так как не давал возможности скорректировать численность рабочих, основываясь на колебаниях конъюнктуры рынка. Однако имеются данные, что устройство жилищ для рабочих, как и долгосрочный наем, даже при том, что нарушение его условий влекло для работника значительные удержания из заработной платы, не во всех случаях достигали цели. Например, в Харьковском фабричном округе за 1881–1882 гг. в сахарном производстве число ушедших раньше окончания срока контракта рабочих достигало 12 % (Rosenberg, 1885: 113). Поэтому российские предприниматели той эпохи даже на лучших фабриках имели некоторое количество запасных рабочих на случай несвоевременного ухода основных работников. Таким образом, несмотря на свободу договорных отношений, провозглашенную вместе с освобождением крестьян во второй половине XIX в., фабричный труд имел все характеристики несвободного. И более того, даже эта фиктивная свобода труда соблюдалась плохо, поскольку, например, сельская община могла отдать своих недоимщиков в наем подрядчикам или на фабрику, так как это часто являлось единственным средством избавиться от недоимок, за которые община была ответственна круговой порукой и за которые могло быть применено телесное наказание.

Следует также сказать и еще об одной проблеме, характеризующей трудный процесс формирования рабочего класса в России, связанной с несовместимостью патриархальной семьи и новых условий экономической жизни. На фабрики и заводы женщин нанимали крайне редко, но и там, где они начинали работать, семейную жизнь было осуществлять затруднительно из-за отсутствия сколько-нибудь соответствующих жилищных условий (Свирский, 1890: 63). Жилые помещения рабочих в последних десятилетиях XIX в. подверглись тщательному изучению как со стороны земств, так и по заданию правительственных учреждений (Эрисман, 1893; Песков, 1884; Любимский, 1883), и тогда исследователи отмечали, что об этом нельзя сказать ничего утешительного.

Однако, как отмечает В.Ф. Свирский, уже к концу XIX в. стали появляться новые, гораздо более удобные фабричные помещения для рабочих. В качестве примера он называл фабричный опыт В. Морозова с сыновьями, которые строили новые спальни, каменные, «вдали от фабрик, снабженные вентиляцией, широкими коридорами и несгораемыми лестницами; в них наблюдается достаточная чистота и остается лишь пожелать, чтобы они населялись не столь скученно» (Свирский, 1890: 66-67). Еще лучше устраивались новые спальни на фабриках товарищества мануфактуры Барановых и при фабрике товарищества В.О. Куваевой в Иванове, где спальные помещения, кроме усовершенствованного устройства вентиляции, обладали пневматическими отхожими местами с непроницаемыми металлическими выгребами. На гусевских заводах и фабриках, принадлежащих Ю.С. Нечаеву-Мальцову, использовались одиночные домики с отдельными палисадниками и сараями, где содержалась домашняя птица, иногда корова. В таких домиках помещалось 2–4 рабочих

семейства. Для холостых же рабочих были устроены несколько небольших 2-этажных казарм. Система отдельных домиков (изб), применяемая на гусевских заводах, отражала повсеместно существующий на стеклянных заводах порядок. Этому благоприятствовало расположение заводов в ненаселенных местах, чаще всего в лесу, где много свободной земли, строевой материал дешев, а само население заводов не велико (Свирский, 1890).

Как видно из приведенных выше примеров, политика царского правительства, выражавшаяся в установлении постоянного фабричного контроля за условиями труда и жизни рабочих, а также проникновение в идеологическую среду российской интеллигенции марксистских идей и общегуманистических начал привели к существенным изменениям в данной сфере на отдельных, наиболее крупных производствах, что в последующем могло и должно было распространиться на все промышленное производство в Российской империи.

Формирование пролетариата шло по пути не только высвобождения его из крестьянского хозяйства, но и благоустройства быта, когда на фабрике делалась возможной полноценная семейная жизнь, что в свою очередь повлияло и на создание условий для распространения женского труда. Так, на московских хлопчатобумажных фабриках в 1880-х гг. число работниц составляло 42,9 % от общего числа занятых (для сравнения, в Англии того же времени женщин, занятых на производстве, было соответственно 62 %) (Шульце-Гевеиц, 1901: 128). Приблизительно такая же ситуация имела место и во Владимирском уезде, где в 1890 г. общее число рабочих на фабриках, заводах и проч. промышленных заведениях достигало 95 460 человек, в том числе 59 908 мужчин, 32 914 женщин и 2 638 малолетних (моложе 15 лет) (Свирский, 1890: 55). Следует заметить, что по отчетам фабричных инспекторов в тех отраслях промышленного производства, где женский труд получил значительное распространение, рабочие были более склонны к оседлости, постоянному месту работы, а значит и повышению своих профессиональных навыков.

Кроме того, необходимость дальнейшего обустройства семейного быта рабочих на фабриках и заводах приводит к необходимости строительства родильных приютов, ясель, фабричных школ для обучения детей, а также законодательного регулирования и защиты детского труда. Так, для удовлетворения потребности в образовании фабричного населения во Владимирской губернии в 1890 г. было 36 училищ с 4 294 учениками, т.е. на 249 рабочих приходилась 1 школа. Для сравнения, в 1882 г. в том же уезде училища имелись на только 27 фабриках, при числе обучающихся – 3 177 человек. Такая же тенденция имела место во всех промышленно развитых регионах России. Для оказания фабричному населению медицинской помощи во Владимирском промышленном районе в 1890 г. имелось 85 приемных покоев и больниц с 1 135 койками, включая сюда койки родильных отделений и богаделен, в среднем 1 койка на 84 работника (Свирский, 1890: 60-63).

Эти изменения в первую очередь были выгодны фабрикантам, которые констатировали, что дети, выросшие при фабрике и прошедшие фабричную школу, осваивали трудные работы в 10 раз быстрее (3–4 месяца против 3–4 лет). Г. Шульце-Гевеиц писал, что сокращение продолжительности рабочего дня ни оказывало никакого влияния на производительность труда рабочих-крестьян, в то время как подобное же сокращение для рабочих, родившихся на фабрике, повышало интенсивность их труда – факт общеизвестный в Западной Европе (Шульце-Гевеиц, 1901: 180). Подлинного формирования рабочего класса в конце XIX в., несмотря на все предпринимаемые меры, достичь все-таки не получилось, в том числе и из-за паспортной и податной зависимости рабочего от сельской общины. Не было предусмотрено обеспечение лиц, получивших увечья или профессиональные болезни, а также пожилых, не способных уже работать на производстве, которые были вынуждены возвращаться в деревни и села, хотя уже начали строиться лечебницы на крупных фабриках, отвечавших последним требованиям того времени. В целом эти социальные изменения улучшали качество жизни рабочих, и в итоге постепенно на место «фабричногономада» стал приходиться специально обученный, связанный с производством трудящийся.

4. Заключение

Исследование социально-экономических факторов, влияющих на общую ситуацию в Российской империи в конце XIX в., показало, что на фоне значительной технологической отсталости производства, неоднозначности Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. страна постепенно добивалась значительных успехов в своем экономическом развитии: повышались и становились конкурентоспособными темпы экономического роста; медленно, преодолевая значительные трудности, все же появлялась крупная индустрия; улучшалось положение трудящихся, менялся их гендерный состав. Создание условий для ведения быта рабочих на фабриках и заводах, организация ясель, фабричных школ, лечебниц и др. способствовало формированию пролетариата как профессионального рабочего класса, способного к взаимодействию с новыми реалиями технологического производства.

Литература

- Булдыгин, 2017** – Булдыгин С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 420. С. 91-95. DOI: 10.17223/15617793/420/12
- Волошинова, 2013** – Волошинова И.В. Особенности системы горнозаводского образования на Урале в первой половине XIX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 7 (33): В 2 ч. Ч. I. С. 45-49.
- Высочайший манифест, 1861** – Высочайше утвержденный Его Императорским Величеством 19 февраля 1861 года положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. СПб., 1861. С. 1-8. [2-я паг.]
- Любимский, 1893** – Любимский С.В. Санитарное исследование фабричных заведений Владимирского и Ковровского уездов с планами фаб. заведений, сводными табл. и подлинными цифрами измерения роста и объема груди рабочих всех фаб. заведений. Владимир-на-Клязьме: Типолит. Губ. земск. Управы. 1893. 460 с.
- Менделеев (ред.), 1893** – Фабрично-заводская промышленность и торговля России / Под ред. Д.И. Менделеева; Всемир. Колумбова выст. 1893 г. в Чикаго. Санкт-Петербург: Деп. торг. и мануфактур М-ва фин., 1893. 351 с.
- Михайловский, 1893** – Михайловский Я.Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. С.-Петербург: Деп. торг. и мануфактур М-ва фин., 1893. 351 с.
- Муравьева, 2017** – Муравьева Л.А. Экономическое развитие России во второй половине XIX – начале XX века // *Международный бухгалтерский учет*. 2017. Т. 20. № 21. С. 1271-1286. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.20.21.1271>
- Нечаев, 2016** – Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «Фабричная лихорадка» первой половины XIX века // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право*. 2016. № 4. С. 5-38.
- Общая государственная роспись, 1895** – Общая государственная роспись доходов и расходов на 1895 год / Министерство финансов Российской империи. Библиотека «Исторический бюджет» Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/41> (дата обращения: 08.02.2021).
- Первая всеобщая перепись, 1897–1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1897–1905. 84 с.
- Первая всеобщая перепись, 1897** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года [Вып. 2]: Население городов по переписи 28-го января 1897 года. В подзаг.: Сост. Центр. стат. ком. на основании местных подсчетных ведомостей. СПб.: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1897–1905. 42 с.
- Пермь и Пермская губерния, 2006** – Пермь и Пермская губерния на страницах столичных газет «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» // *Смышляевский сборник: Исследования и материалы по истории и культуре Перми*. 2006. Вып. 7 / Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева); Сост. и ред. Т.И. Быстрых. Пермь, 2016. С. 159-222.
- Песков, 1884** – Песков П.А. Фабричный быт Владимирской губернии: Отчет за 1882–1883 г. фаб. инспектора над занятиями малолетних рабочих Владим. окр. / [Соч.] П.А. Пескова. Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1884. 136 с.
- Полянская, 2003** – Полянская Ю.М. Классические маргинальные слои в социальной структуре Москвы второй половины XIX в. // *Экономическая история. Обзор* / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 9. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 113-121.
- Рожков, 2010** – Рожков Н.А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 736 с.
- Сборник..., 1902** – Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. М.: Издание Московского губернского земства, 1877–1902 (Тип. М.Н. Лаврова). 26 см.
- Свирский, 1890** – Свирский В.Ф. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии / Сост. техн. Владимир. губ. зем. управы, инж.-технол. В.Ф. Свирский. Владимир-на-Клязьме: Владимир. губ. зем. управа, 1890. 198 с.
- Святловский, 1923** – Святловский В.В. История экономических идей в связи с историей экономического быта / Проф. В.В. Святловский. М.: Мир, 1923. 397 с.
- Струмилин, 1967** – Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1967. 442 с.
- Струмилин, 1960** – Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. 548 с.

- Струмилин, 1944** – Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М.: Госполитиздат, 1944. 48 с.
- Уложение о наказаниях..., 1882** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: (Дополнено по Продолжению 1868 г. и позднейшим узаконениям): С разъяснениями по решениям касса, деп. Правит. сената. 9-е изд., испр. и доп. [Санкт-Петербург], 1882. 783 с.
- Устав о промышленности..., 1879** – Устав о промышленности фабричной и заводской: Изд. 1879 г. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, [1879]. 68 с.
- Фабрично-заводская промышленность, 1896** – Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Издание 2-е. Исправленное и дополненное. С.-Петербург: Типография И.А. Ефрона, 1896. 636 с.
- Фельдман, 2005** – Фельдман М.А. Промышленный переворот на Урале: к вопросу о сроках завершения // Отечественная история. 2005. № 4. С. 167-178.
- Шишмарев, 1892** – Шишмарев Д.И. Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской жел. дор.: Изд. в пользу и на средства Кассы взаимопомощи при Нижегород. ж. д., при содействии мест. фабрикантов / Д.И. Шишмарев. Санкт-Петербург, 1892. 93 с.
- Шульце-Геверниц, 1901** – Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России / Д-р Герхарт фон Шульце-Геверниц, проф. Ун-та в Фрейбурге; пер. с нем. под ред. Б.В. Авилова и П.П. Румянцева, с предисл. Петра Струве. СПб.: [Типо-лит. А. Лейферта], 1901. 506 с.
- Эрисман, 1893** – Эрисман Ф.Ф. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии: По исслед., сдел. по поруч. Моск. Губ. земск. собр. / Ф.Ф. Эрисман. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1893. 54 с.
- Янжул, 1884** – Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии: Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа / [соч.] И.И. Янжула. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. 144 с.
- Яцунский, 1952** – Яцунский В.К. Промышленный переворот в России: к проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений // *Вопросы истории*. 1952. № 12. С. 48-70.
- Handwörterbuch, 1909** – Handwörterbuch der staatswissenschaften / Herausgeg. Von J. Conrad, L. Elster, W. Lexis, Edg. Loening. Dritte ganzlich umgearbeitete Auflage. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1909–1911. Band 1. 1909. 1232 p.
- Rosenberg, 1895** – Rosenberg G.J. Die Frbeitenrschutzgebund in Russland. Leipzig. 1895.

References

- Buldygin, 2017** – Buldygin, S.S. (2017). Kontseptsiya promyshlennoi revolyutsii: ot poyavleniya do nashikh dnei [The concept of the industrial Revolution: from the appearance to the present day]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 420: 91-95. DOI: 10.17223/15617793/420/12 [in Russian]
- Erismann, 1893** – Erismann, F.F. (1893). Pishchevoe dovol'stvie rabochikh na fabrikakh Moskovskoi gubernii [Food allowance of workers in the factories of the Moscow province: According to research, done. on request]. Po issled., sdel. po poruch. Mosk. Gub. zemsk. sobr. M. : Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K°, 54 p. [in Russian]
- Fabrichno-zavodskaya promyshlennost', 1896** – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii [Factory industry and trade in Russia] Izdanie 2-e. Ispravlennoe i dopolnennoe. St.-Peterburg: Tipografiya I. A. Efrona, 1896, 636 p. [in Russian]
- Fel'dman, 2005** – Fel'dman, M.A. (2005). Promyshlennyy perevorot na Urale: k voprosu o srokakh zaversheniia [The industrial revolution in the Urals: to the issue of completion dates]. *Otechestvennaia istoriia*. 4: 167-178. [in Russian]
- Handwörterbuch, 1909** – Handwörterbuch der staatswissenschaften. Herausgeg. Von J. Conrad, L. Elster, W. Lexis, Edg. Loening. Dritte ganzlich umgearbeitete Auflage. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1909–1911. Band 1. 1909. 1232 p.
- Lyubimskii, 1893** – Lyubimskii, S.V. (1893). Sanitarnoe issledovanie fabrichnykh zavedenii Vladimirskogo i Kovrovskogo uezdov s planami fab. zavedenii, svodnymi tabl. i podlinnymi tsiframi izmereniya rosta i ob"ema grudi rabochikh vsekh fab. Zavedenii [Sanitary research of factory establishments of the Vladimir and Kovrov uyezds with plans of fab. institutions, summary tables and true figures for measuring the height and volume of the breast of workers of all fabs. Institutions] Vladimir na Klyaz'me: tipo-lit. Gub. zemsk. Upravy, 460 p. [in Russian]
- Mendeleev (ed.), 1893** – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii [Factory industry and trade in Russia]; Vsemir. Kolumbova vyst. 1893 g. v Chikago, Sankt-Peterburg: Dep. torg. i manufaktur M-va fin., 1893, 351 p. [in Russian]
- Mikhailovskii, 1893** – Mikhailovskii, Ya.T. (1893). Zarabotnaya plata i prodolzhitel'nost' rabochego vremeni na fabrikakh i zavodakh. Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii [Wages and the duration of working time in factories and factories. Factory industry and trade of Russia]. St. Peterburg: Dep. torg. i manufaktur M-va fin., 351 p. [in Russian]

Murav'eva, 2017 – *Murav'eva, L.A.* (2017). Ekonomicheskoe razvitiye Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Economic development of Russia in the second half of the XIX-early XX century]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchët.* 20(21): 1271-1286. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.20.21.1271> [in Russian]

Nechaev, 2016 – *Nechaev, M.G.* (2016). V poiskakh istokov promyshlennoi revolyutsii v Rossii ili «Fabrichnaya likhoradka» pervoi poloviny XIX veka [In search of the origins of the industrial Revolution in Russia or the "Factory Fever" of the first half of the XIX century]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo.* 4: 5-38. [in Russian]

Obshchaya gosudarstvennaya rospis', 1895 – Obshchaya gosudarstvennaya rospis' dokhodov i raskhodov na 1895 god [General State painting of income and expenses for 1895]. Ministerstvo Finansov Rossiiskoi Imperii Biblioteka "Istoricheskii byudzhët" Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii. [Electronic resource]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/41> (date of access: 08.02.2021). [in Russian]

Perm' i Permskaya guberniya, 2006 – Perm' i Permskaya guberniya na stranitsakh stolichnykh gazet «Golos» i «Sankt-Peterburgskie vedomosti» [Perm and Perm Province on the pages of the capital newspapers "Golos" and "St. Petersburg Vedomosti"]. Smyshlyaevskii sbornik: issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi, 2006, Is. 7 / Tsentr. gor. b-ka im. A. S. Pushkina (Dom Smyshlyaeva); sost. i red. T.I. Bystrykh. Perm', 2016, pp. 159-222. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya perepis', 1897 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda. [The first General Census of the population of the Russian Empire in 1897] [Vyp. 2]: Naselenie gorodov po perepisi 28-go yanvarya 1897 goda. V podzag. : Sost. Tsentr. stat. kom. na osnovanii mestnykh podschetnykh vedomostei, St.-Peterburg: Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. del, 1897–1905, 42 p. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya perepis', 1897-1905 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Pod red. N. A. Troinitskogo, SPb: Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. del, 1897–1905, 84 p. [in Russian]

Peskov, 1884 – *Peskov, P.A.* (1884). Fabrichnyi byt Vladimirskoi gubernii : Otchet za 1882-1883 g. fab. inspektora nad zanyat'yami maloletnikh rabochikh Vladim. okr. [Factory life of the Vladimir province : Report for 1882-1883, fab. inspector over the occupations of young workers of Vladimir okr.]. St.-Peterburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 36 p. [in Russian]

Polyanskaya, 2003 – *Polyanskaya, Yu.M.* (2003). Klassicheskie marginal'nye sloi v sotsial'noi strukture Moskvy vtoroi poloviny XIX v. [Classic marginal layers in the social structure of Moscow in the second half of the XIX century. Review]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie.* Pod red. L. I. Borodkina. Is. 9. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 113-121. [in Russian]

Rosenberg, 1895 – *Rosenberg, G.J.* (1895). Die Erbeitenrschutzgebund in Russland. Leipzig.

Rozhkov, 2010 – *Rozhkov, N.A.* (2010). Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), 736 p. [in Russian]

Sbornik..., 1902 – Sbornik statisticheskikh svedenii po Moskovskoi gubernii. Otdel sanitarnoi statistiki [Collection of statistical data on the Moscow province. Department of Sanitary Statistics]. Moscow: Izdanie Moskovskago gubernskago zemstva, 1877–1902 (Tip. M. N. Lavrova), 26 sm. [in Russian]

Shishmarev, 1892 – *Shishmarev, D.I.* (1892). Kratkii ocherk promyshlennosti v raione Nizhegorodskoi i Shuisko-Ivanovskoi zhel. dor. Izd. v pol'zu i na sredstva Kassy vzaimopomoshchi pri Nizhegor. zh. d., pri sodeistvii mest. fabrikantov [A brief sketch of industry in the area of the Nizhny Novgorod and Shuisko-Ivanovskaya railway: Ed. in favor of and at the expense of the Mutual Aid Fund at the Nizhny Novgorod Railway, with the assistance of local manufacturers]. SPb, 93 p. [in Russian]

Shul'tse-Gevernits, 1901 – *Shul'tse-Gevernits, G.* (1901). Ocherki obshchestvennogo khozyaistva i ekonomicheskoi politiki Rossii [Essays on the social economy and economic policy Russia] pod red. B.V. Avilova i P.P. Romyantseva, s predisl. Petra Struve. SPb: [Tipo-lit. A. Leiferta], 506 p. [in Russian]

Strumilin, 1944 – *Strumilin, S.G.* (1944). Promyshlennyi perevorot v Rossii [The industrial revolution in Russia]. Moscow, 48 p. [in Russian]

Strumilin, 1960 – *Strumilin, S.G.* (1960). Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii [Outlines Russian economic history], Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 548 p. [in Russian]

Strumilin, 1967 – *Strumilin, S.G.* (1967). Istoriia chernoi metallurgii v SSSR [The history of the steel industry in the USSR]. Moscow, 442 p. [in Russian]

Svirskii, 1890 – *Svirskii, V.F.* (1890). Fabriki, zavody i prochie promyshlennye zavedeniya Vladimirskoi gubernii [Factories, factories and other industrial establishments of the Vladimir province] Sost. tekhn. Vladimir. gub. zem. upravu, inzh.-tekhnol. V. F. Svirskii. Vladimir na Klyaz'me: Vladimir. gub. zem. uprava, 198 p. [in Russian]

Svyatlovskii, 1923 – *Svyatlovskii, V.V.* (1923). Istoriya ekonomicheskikh idei v svyazi s istoriei ekonomicheskogo byta [The history of economic ideas in connection with the history of economic life] Moscow: Mir, 397 p. [in Russian]

Ulozhenie o nakazaniyakh..., 1882 – Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh [The Code on Criminal and Correctional punishments] (Dopolнено po Prodolzheniyu 1868 g. i pozdneishim uzakoneniyam): S raz'yasneniyami po resheniyam kassats. dep. Pravit. senata. 9-e izd., ispr. i dop. [Sankt-Peterburg], 1882, 783 p. [in Russian]

Ustav o promyshlennosti..., 1879 – Ustav o promyshlennosti fabrichnoi i zavodskoi [Charter on factory and factory industry] Izd. 1879 g. Sankt-Peterburg : Tip. 2 Otd. Sobstv. e. i. v. kantselyarii, [1879], 68 p. [in Russian]

Voloshinova, 2013 – *Voloshinova, I.B.* (2013). Osobennosti sistemy gornozavodskogo obrazovaniya na Urale v pervoi polovine XIX veka [Features of the mining industry education system in the Urals in the first half of the XIX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 7(33): v 2 ch, Ch. I., pp. 45-49. [in Russian]

Vysochaishiy manifest, 1861 – Vysochaishe utverzhdennyya Ego Imperatorskim" Velichestvom" 19 fevralya 1861 goda polozheniya o krest'yanakh", vyshedshikh" iz" krѣpostnoi zavisimosti [Most highly approved by His Imperial Majesty on February 19, 1861, the regulations on peasants who were released from serfdom] SPb., 1861, pp. 1-8. [2-ya pag.] [in Russian]

Yanzhul, 1884 – *Yanzhul, I.I.* (1884). Fabrichnyi byt Moskovskoi gubernii: Otchet za 1882-1883 g. fabrichnogo inspektora nad zanyat'yami maloletnikh rabochikh Moskovskogo okruga [Factory life of the Moscow province : Report for 1882-1883 of the factory inspector over the occupations of young workers of the Moscow district]. St. Peterburg: Tip. V. Kirshbauma, 144 p. [in Russian]

Yatsunskii, 1952 – *Yatsunskii, V.K.* (1952). Promyshlennyy perevorot v Rossii: k probleme vzaimodeistviya proizvoditel'nykh sil i proizvodstvennykh otnoshenii [Industrial revolution in Russia: on the problem of interaction of productive forces and production relations]. *Voprosy istorii.* 12: 48-70. [in Russian]

Формирование пролетариата в Российской империи: к вопросу об индустриализации в конце XIX века

Светлана Сергеевна Горохова ^{a, *}, Анна Владиславовна Попова ^a, Марианна Григорьевна Абрамова ^b, Павел Владиславович Никитин ^c

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

^c Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов социально-экономического устройства Российской империи в последние десятилетия XIX в. Авторы, понимая сложность задачи в рамках одного исследования, ограниченного рамками научной статьи, отразить все значимые характеристики этой стороны общественной жизни государства, сделали акцент на состоянии и уровне технического развития страны, вопросах становления крупной отечественной индустрии, специфике формирования фактически неизвестного ранее аграрной России рабочего класса (пролетариата), его места и роли в обновлении социально-экономической сферы общественной жизни и государственно-правового развитии Российской империи, формировании отдельного социального кластера женщин-работниц, использовании детского труда на фабричном производстве и его значении для развития индустриальных отношений. В статье отражены основные направления государственной политики того периода, направленной на достижение конкурентоспособности российской экономики на мировом рынке. Авторы приходят к выводу, что государственная политика царского правительства, а также меры, проводимые фабрикантами и заводчиками на крупном промышленном производстве, для упрочения индустриального развития страны были значительными и, безусловно, позитивными.

Ключевые слова: социально-экономическая сфера жизни общества, пролетариат, индустриализация, фабричное производство, женский труд, быт рабочего.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: swettalana@yandex.ru (С.С. Горохова), anna0710@yandex.ru (А.В. Попова), abramova-m@mail.ru (М.Г. Абрамова), nikitinP2007@yandex.ru (П.В. Никитин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 927-935.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.927
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Features of Russian Language and Literature Teaching in General Education Institutions in the late 19th and early 20th century

Rustam Z. Almaev ^a, Il'dar N. Baishev ^{a,*}, Shamil R. Zajnetdinov ^a, Alina I. Timirgazieva ^a

^a Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russian Federation

Abstract

This paper concentrates on the specificities of teaching Russian language and literature in primary and secondary educational institutions based on the materials of the Ural region. The chronological framework is late XIX – early XX centuries. The main factors of increasing the importance of these disciplines in the curriculum are shown, including the rapid economic growth of the country, the expansion of the cultural and information space, the efforts of the general public to introduce universal primary education, the increased dependence of achieving success in life on the acquired professional knowledge, as well as the flourishing of national literature. The article also traces the main methodological methods of teaching language subjects in schools. The article examines a set of normative and legal documents of the late XIX – early XX centuries, which affect the teaching of the Russian language and literature both on the scale of Russia and in the Urals provinces. Particular attention is given to the specificities of learning Russian in primary educational institutions for children of non-Russian population. Based mainly on archival documents, the author presents interesting facts that indicate attempts to improve the teaching of Russian language and literature by the pedagogical community of the Urals, examines the reports of inspectors on the state of educational work, and touches on facts from the daily life of teaching.

Keywords: Russian language, literature, teaching, primary school, gymnasium, grammar, spelling, zemstvo, library.

1. Введение

В последние годы наблюдается повышенный интерес исследователей к вопросам истории народного образования России и отдельных ее регионов в период конца XIX – начала XX вв. Именно в эти годы педагогическая общественность настойчиво требовала введения всеобщего обязательного начального образования, появились первые законопроекты о введении всеобщего, а экономические возможности страны позволяли значительно расширить сеть как начальных, так и средних учебных заведений. В обществе стала осознаваться тесная взаимосвязь между полученными знаниями, уровнем образования и достижением жизненного успеха. Отсюда появилась необходимость совершенствования качественных сторон общеобразовательной сферы, включая преподавание основных учебных дисциплин. Особую роль здесь играли русский язык и литература как важнейшие инструменты коммуникации и трансляторы культурных и духовно-нравственных ценностей.

В конце XIX – начале XX вв. происходил активный процесс вытеснения традиционного уклада жизни многочисленных народов России: огромные массы крестьянства перемещались в города, усиливалось общение населения ввиду роста предпринимательской активности, расширения торгово-промышленной деятельности, возросшей политической, деловой, профессиональной консолидации российского общества. Свободное владение родным языком становилось не просто средством интеллектуального и личностного развития человека, но и инструментом достижения профессиональных успехов.

* Corresponding author

E-mail addresses: ildarbaish@list.ru (I.N. Baishev)

В последние годы мы также наблюдаем возросшую значимость языковых форм коммуникации как важнейших инструментов самореализации. Современная образовательная система направлена на то, чтобы значительно ускорить процесс восприятия, понимания и усвоения огромных массивов информации. Как в профессиональной, так и личной жизни полноценная самореализация невозможна без умения грамотно выразить свою мысль, умело построить диалог с коллегами и близкими, адекватно реагировать на многочисленные вызовы времени. Вопросы преподавания русского языка и литературы в конце XIX – начале XX вв. привлекали внимание ряда исследователей – историков, педагогов, лингвистов. Однако в масштабе рассматриваемого нами Уральского региона данный аспект не получил всестороннего освещения в научной литературе. В рамках данной статьи нами использован обширный массив преимущественно архивных источников, в основном неизвестных или малоизвестных специалистам. Актуальность и новизна исследования, таким образом, связаны с введением в научный оборот малоизвестных источников, представляющих значительный интерес для исследователей.

2. Материалы и методы

2.1. Из основных источников нами привлечены разнообразные документальные материалы из архивов Санкт-Петербурга, Уфы, Екатеринбурга, Перми, Челябинска и Оренбурга. Сохранились интересные и содержательные материалы разнообразных учительских форумов. В 1903 г. на территории Уржумского уезда Вятской губернии состоялся съезд учителей народных училищ, материалы которого отложились в фондах Российского государственного исторического архива. Этот съезд поднимал весьма острые проблемы развития начальной школы в тот период, включая вопросы совершенствования преподавания языковых дисциплин. Их архивов наиболее крупных уральских городов авторы использовали в основном документы отчетно-планового характера. Большой интерес представляют отчеты инспекторов народных училищ о состоянии учебно-воспитательной работы, а также протоколы заседаний руководства Оренбургского учебного округа. Значительный интерес представляют документы фондов отдельных учебных заведений, например пермской и уфимских гимназий. В них регулярно велись протоколы заседаний педагогических советов, где поднимались, в том числе, и вопросы преподавания языковых дисциплин и литературы в начале XX века, а также содержалась информация о внеурочных мероприятиях в русле усвоения учащимися названных нами дисциплин.

2.2. Исследование изучаемых нами проблем основано на принципах историзма. Возрастание роли и места языковых дисциплин в школах рассматривается во взаимосвязи с социально-экономическими переменами в стране и указанном регионе. Ускоренная модернизация требовала подготовки высококвалифицированных специалистов, владеющих необходимыми инструментами коммуникации. Возросшая политическая и деловая активность способствовала совершенствованию преподавания языковых дисциплин. Взвешенная и продуманная национальная политика государства также требовала совершенствования преподавания русского языка среди нерусского населения империи. В рассматриваемом нами многонациональном Уральском регионе данный аспект имел принципиально важное значение.

3. Обсуждение

Состояние народного образования России в целом, и Урала в частности, было предметом исследований таких дореволюционных историков, как П.Н. Милоков, С.В. Рождественский, Н.В. Чехов, В.И. Чарнолуцкий, Н.Ф. Бунаков. В работах П.Н. Милокова, в частности, имеются ценные сведения о политике Министерства народного просвещения по отношению к вопросам преподавания древних и новых языков, а также материалы педагогических форумов начала XX века (Милоков, 1994). Состояние учебно-воспитательного процесса в уральских школах начала XX века прослеживается в книге П.Н. Григорьева (Григорьев, 1910).

Материалы различных педагогических съездов исследовал в своей монографии А.В. Ососков (Ососков, 1982). Из советской историко-педагогической литературы использованы «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в.», подготовленные под редакцией Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Паначина, Б.К. Тебиева. В работах пермского историка И.А. Слудковской прослеживается творческая деятельность видных уральских педагогов по совершенствованию обучения и воспитания (Слудковская, 1976; Слудковская, 1998). Ценная информация о развитии образовательной системы на территории Южного Урала имеется в книге В.С. Болодурин «Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735–1940 годы)», которая вышла в Оренбурге в 2001 году. Из современных научных исследований привлечены труды Г.Б. Азаматовой, Ю.М. Гончарова, К.М. Шикова, Е.И. Дворниковой, Е.К. Сысоевой. В монографиях и статьях указанных авторов имеется ценная информация о работе педагогических съездов, инспекторских проверках состояния учебно-воспитательной работы в гимназиях, изменениях в нормативных документах, касающихся вопросов преподавания языковых дисциплин.

Немалый интерес для нас представляют монографии челябинского исследователя М.В. Егоровой (Егорова, 2004; Егорова, 2008a; Егорова, 2008b). Автор раскрывает основные

тенденции в развитии образовательной системы Уральского региона, исследует национальный и социальный состав учащихся школ, затрагивает вопросы быта учителей и учащихся.

В трудах указанных авторов содержится, главным образом, косвенная и отрывочная информация по исследуемой нами проблеме.

4. Результаты

В конце XIX – начале XX вв. русский язык, словесность, литература стали занимать прочное место в учебных программах как начальных, так и средних учебных заведений. Бурный экономический рост страны, возросшая значимость не только грамотности, но и глубоких профессиональных знаний, расширение коммуникаций и культурно-информационного пространства, небывалый расцвет отечественной литературы Серебряного века способствовали процессам углубления и совершенствования преподавания языковых дисциплин, в первую очередь родного языка и литературы. Именно в эти годы ведущими педагогами, методистами страны был поставлен вопрос о достижении всеобщего обязательного начального обучения детей школьного возраста. Вполне очевидно, что успешная реализация всеобща была невозможна без грамотной и эффективной постановки преподавания русского языка, который в учебных программах как начальных, так и средних учебных заведений становится основным, ключевым предметом, во многом определяющим содержание и специфику всего учебно-воспитательного процесса тех лет.

7 февраля 1897 г. были приняты «Примерные программы предметов, преподаваемых в народных училищах ведомства Министерства народного просвещения». Согласно документу, русскому языку, чистописанию и церковнославянской грамоте отводилось в общей сложности 13 часов в неделю при 24-часовой недельной учебной нагрузке.

В начальной школе в первый год обучения предполагалось овладение лишь элементарной грамотой. Учащиеся разучивали отдельные слова, предложения, знакомились с короткими статьями. Кроме того, обучение включало в себя диктант, разучивание коротких стихотворений, переписывание небольших книжных текстов и пересказ статей.

Учащиеся второго класса должны были читать бегло и выразительно, разучивать более длинные стихотворения, записывать в тетрадях фрагменты книжного текста и частично учить их наизусть.

Программа третьего класса включала в себя свободное чтение текста учащимися с устной и письменной передачей прочитанного. Заучивались не только стихи, но и отрывки из прозы. Ученики готовились к повторительному и проверочному диктантам, овладевали правилами использования знаков препинания и переписывали книжные тексты (*Очерки истории, 1991: 101-102*). Одной из главных целей обучения в одноклассном начальном училище, согласно указанным программам, считалось овладение навыками свободного и сознательного чтения и использование этих навыков не только в удовлетворении любознательности, но и на практике (*НА РБ. Ф. И-116. Оп. 1. Д. 104. Л. 350б.*)

В декабре 1903 г. состоялся Первый съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений России. Обсуждались вопросы совершенствования преподавания русского языка и литературы, рассматривался определенный опыт педагогической работы в средних учебных заведениях. Основной целью обучения русскому языку ставилось развитие культуры устной и письменной речи учащихся. Поднимались и вопросы духовно-нравственного воспитания молодого поколения в процессе обучения (*Шиков, Дворникова, 2012: 171*).

По отзывам учителей, львиную долю времени в школе занимало изучение грамматики и правописания. Преподавание этих дисциплин чаще всего сводилось к бессмысленному зазубриванию нескольких книг, по формулировкам документов тех лет, негативно влияющих на память учащихся, ничего практически не дающих ни их разуму, ни сердцу (*Азаматова, 2005: 94*).

Земские педагоги особое внимание уделяли ознакомлению учащихся с образцами русской художественной литературы, обучению свободно и правильно излагать свои мысли. В одной из многочисленных программ земских школ говорилось о необходимости учителя пробудить в учениках уважение и любовь к родной литературе. В докладе уфимской управы губернскому земскому собранию 1902 года предлагалось расширить курс обучения и ввести как дополнительный предмет литературно-художественное чтение. Вопрос о формировании навыков литературного рассказа занимал особое место в работе школьной комиссии 1908 г. при земской управе Уфимской губернии (*Азаматова, 2005: 94-95*).

В многочисленных нормативных документах, вышедших в начале XX века, уделяется серьезное и пристальное внимание преподаванию русского языка.

Более глубокую и содержательную информацию об особенностях преподавания русского языка и литературы сообщают нам отложившиеся в архивах документы отчетного характера, например ревизионные отчеты инспекторов народных училищ, которые свидетельствуют о тесной взаимосвязи языковых дисциплин с преподаванием Закона Божия в программах начальных учебных заведений. Обратимся к отчету инспектора народных училищ Златоустовского уезда Уфимской губернии И. Зорина, который посетил со служебной проверкой подведомственные ему школы в 1895/1896 учебном году. Посетив, в частности, Златоустовское городское трехклассное училище, инспектор отметил, что на уроке русского языка ученики сначала читали по-славянски. Чтение

предложенного отрывка не вызвало принципиальных возражений у инспектора. По его заключению, ученики читали бегло и толково, допуская при этом минимум ошибок. Учитель довольно редко вносил исправления. Речь шла о чтении отрывка из Евангелия (ОГАЧО. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Посетив Златоустовское мужское заводское училище, инспектор высоко оценил работу помощника учителя Ланцева, который в свою очередь вел уроки русского языка. Согласно отчету инспектора, учитель проверял чтение наизусть стихотворений. Ученики отвечали «бойко, толково и отчетливо»; некоторые из них читали наизусть известные им стихотворения безукоризненно, с соблюдением надлежащей интонации в голосе и с редкой для учеников начальной школы выразительностью. Инспектор И. Зорин подчеркивал, что способности учителя Ланцева научить своих учеников навыкам выразительного чтения составляет одну из заслуг педагога, который, согласно оценкам инспектора, по своим профессиональным качествам, целеустремленности и любви к делу относится к числу выдающихся учителей (ОГАЧО. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 8). Инспектор здесь также отметил «живость преподавания», тесную и постоянную связь учителя с классом и образцовую дисциплину на уроке.

Из инспекторских отчетов об осмотре начальных школ за 1906/1907 учебный год в одном из уездов Оренбургской губернии выявляется, что русский язык в начальной школе являлся предметом центральным, от качества постановки которого, как сообщалось в документе, зависел по преимуществу успех всего начального школьного дела (ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 241. Л. 53об.). Инспектор народных училищ с сожалением отмечал, что в большинстве школ ученики читают торопливо и делают ошибки в ударениях, неясно произносят окончания; при рассказах о прочитанном ученики придерживаются книжного текста. Объяснительное чтение в его истинном значении во многих школах не практикуется; существует погоня за количеством прочитанного. Инспектор также сожалел о том, что изложения ученики писали почти без знаков препинания, поскольку до третьего года обучения учителя не считали нужным разъяснять детям на уроках классного чтения правила пунктуации (ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 241. Л. 53-55).

Большая роль русскому языку отводилась в так называемых инородческих начальных училищах, где обучались в основном дети башкир и татар. В отчетных документах сообщается о немалых трудностях в деле обучения русскому языку детей из нерусских народов, о крайней недостаточности трехлетнего курса начальной школы для того, чтобы выпустить «грамотных и сознательных» учеников. В первый год обучения ученика из среды нерусских народов учитель был занят лишь механизмом развития у ребенка русской речи и более или менее правильным произношением русских слов. Во второй год ученик усваивал лишь механизм чтения, в третий год едва ученик начинал «шевелить мозгами», усваивая объяснительное чтение учителей, как он уже завершал курс начальной школы. Ни навыков к самостоятельной работе мысли, ни умения продумать прочитанное, ни способностей к дальнейшему умственному саморазвитию через чтение полезных книг, согласно отчету, ребенок не приобретал (НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 566. Л. 79).

31 марта 1906 г. Министерство народного просвещения утвердило особые «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России». В них уделялось серьезное внимание обучению русскому языку в среде учащихся нерусской национальности. Первые два года обучения в начальной школе основным языком преподавания должен был быть родной язык. Лишь с третьего года обучение начинало вестись на русском языке, при этом оговаривалось, что «природный язык детей» остается и предметом обучения, и орудием для облегчения преподавания на русском языке прочих предметов (РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 59. Л. 7). В целом процесс приобщения к русскому языку так называемого инородческого населения являлся одной из главных задач начальных училищ для детей нерусских народов, которые, согласно нормативным документам, должны были содействовать, с одной стороны, их нравственному и умственному развитию и таким образом открывать им путь к улучшению их быта, а с другой – распространять в их среде знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему Отечеству (РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 59. Л. 7).

В отчетных документах акцентируется внимание на том, что русско-башкирские и русско-татарские училища очень нуждаются в хорошо подготовленных учителях. Говорится, что специальная подготовка для учителей инородческих школ намного важнее, чем для учителей русских училищ, так как им приходится выполнять двойную работу: обучать не только грамоте, но и языку. Кроме того, им важно расположить население к изучению русской грамоты, что мог сделать только опытный и квалифицированный учитель (НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 566. Л. 118-119).

Осенью 1908 г. руководством Оренбургского учебного округа (охватывавшего, в свою очередь, большую часть общеобразовательных учебных заведений обширного Уральского региона) был поставлен вопрос об открытии в городе Оренбурге двухгодичных педагогических курсов по подготовке учителей мусульманских начальных училищ. В прилагаемой к проекту программе учебных предметов особое внимание уделялось «основательному ознакомлению» с русским языком и литературой. В документе сообщалось, что, будучи хорошо ознакомлены с русским языком и русской литературой, учителя-магометане сумеют, конечно, хорошо ознакомить с русским языком и своих учеников, что, помимо других благотворных последствий, будет способствовать и укреплению

русского языка среди мусульман, и сближению мусульманского населения с населением русским (НА РБ. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 184. Л. 7). Таким образом, серьезное и основательное изучение русского языка и литературы учащимися из мусульманской среды рассматривалось как важный фактор межнационального и межкультурного взаимодействия.

В июне 1912 г. управлением Оренбургского учебного округа в Уфе был проведен съезд директоров и инспекторов народных училищ. Одной из главных учебно-воспитательных задач признавалось поставить в русско-инородческих школах изучение русского языка и усвоение русской гражданственности «на подобающее им место» (ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 282б. Л. 257).

В начале XX века изучение русского языка и литературы теснее связывалось с духовно-нравственным воспитанием подрастающего поколения. В 1903 г. состоялся съезд учителей и народных училищ Уржумского уезда Вятской губернии. В выступлении директора народных училищ А.И. Анастасиева содержались весьма важные для того времени положения о том, что учитель начальной школы призван в первую очередь распространять в народе «через посредство в школе» первоначальные полезные знания. Сообщая их, он должен развивать «рассудочные силы учащихся», воспитывать у них чуткое сердце и направлять к добру их настроение и волю. Придавая обучению свойства труда не механического и безжизненного, а осмысленного и плодотворного, или сообщая обучению педагогический характер, учитель становится уже воспитателем. Косвенные и прямые заботы его в этом, т.е. воспитательном направлении сводятся к тому, чтобы руководимая им школа всегда оставалась учреждением, откуда в окружающую ее суровую и часто грубую среду проникали бы «правда и милость, истина и жизнь, свет и тепло христианской веры и нравственности» (РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 195. Л. 8).

На съезде уделялось внимание и вопросам внеклассного чтения для учащихся начального звена. Основными средствами, воспитывающими у молодого поколения патриотические чувства, считалось изучение по учебникам для классного и внеклассного чтения важнейших вех и событий отечественной истории. При этом основное внимание уделялось так называемым коренным устоям русской жизни, а именно: православию, самодержавию и народности. Учителям предписывалось подробно объяснять, как создавалось государственное величие страны в годы тяжелых испытаний, а также прививать детям лучшие качества нашего народа; для достижения этой цели желательным считалось пополнение школьных библиотек книгами и картинами исторического содержания (РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 195. Л. 17).

Весьма серьезное и пристальное внимание обучению русской словесности и литературе уделялось в средних учебных заведениях, в частности гимназиях, где, как правило, основное внимание в учебных программах отводилось дисциплинам гуманитарного профиля. В самом начале XX века были изменены учебные программы гимназий и реальных училищ. Предусматривалось сокращение часов на древние языки, соответственно увеличивалось количество уроков русского языка. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. был разработан новый учебный план реальных училищ. Предусматривалась отмена изучения церковно-славянского языка и расширение учебной программы по литературе (Сысоева, 2010: 72-73).

Вопросы совершенствования преподавания русского языка и литературы в гимназиях обсуждались Попечительским советом Оренбургского учебного округа. В журналах заседаний Попечительского совета за 1901 год, в частности, говорилось о том, что курс отечественной словесности должен быть пройден основательно, а для этого необходимо увеличить число уроков (НА РБ. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 151. Л. 9). В имевшихся на тот момент учебных программах не уделялось внимания теории словесности, между тем, по мнению членов совета, серьезное изучение истории словесности едва ли возможно без ознакомления с родами и видами прозаических и поэтических произведений и основами стихосложения (НА РБ. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 151. Л. 9).

Изучение «народной словесности» предполагалось с пятого класса гимназии, при этом необходимо было пройти важнейшие памятники древнего периода письменной словесности. Ученикам должны были быть сообщены необходимые сведения по теории прозы, приуроченные к разбору изучаемых литературных произведений; впоследствии ученики должны были приобретать навыки в написании сочинений. При обзоре устной словесности считалось уместным ознакомить учащихся с «Илиадой» и «Одиссеей».

В шестом классе учебная программа включала в себя изучение творчества следующих русских писателей: И. Кантемира, М. Ломоносова, Г. Державина, Д. Фонвизина, И. Крылова, Н. Карамзина, В. Жуковского, А. Грибоедова, А. Пушкина и М. Лермонтова, а из иностранных – Мольера, Шиллера, Гете и Байрона. Здесь же предполагалось прохождение учащимися основ теории поэзии и стихосложения. Программа седьмого класса охватывала сочинения Н. Гоголя, И. Тургенева, И. Гончарова, А. Островского, Л. Толстого, А. Толстого, Ф. Достоевского, из иностранных писателей – Софокла и Шекспира.

Изучение произведений иностранной литературы предусматривалось также и в рамках прохождения курса всеобщей истории, в частности древней истории. В упомянутых выше журналах заседаний Попечительского совета, в частности, подчеркивалось, что, ввиду несомненно высокого образовательного значения древней истории, знакомящей с судьбами античных цивилизаций как

основателей всей новой культуры и с целью хотя бы немного восполнить крайне скудное знакомство учеников будущей средней школы с произведениями древней литературы, послужившими впоследствии образцом для европейской литературы, «а через них и нашей», представлялось весьма желательным более глубокое изучение культуры древности (НА РБ. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 151. Л. 11).

Вновь обратимся к отчетным документам рассматриваемого периода, которые довольно объективно и критично оценивают уровень преподавания языковых дисциплин. В отчете инспектора Оренбургского учебного округа К.А. Чеховича, занимавшего чин действительного статского советника, по итогам ревизии Уфимской женской гимназии в сентябре 1901 г. сообщается следующая информация: учитель русской словесности Неметц преподает вполне удовлетворительно и даже старательно, но его голос и монотонное объяснение скоро становятся тяжелыми для слушателей. Инспектор сообщал также, что учитель особенно много обращает внимания на биографии русских писателей, что, по мнению чиновника, «мало полезно». По его утверждению, было бы гораздо лучше, если бы на уроках прочитывались лучшие сочинения русских писателей и происходил глубокий всесторонний разбор литературных произведений (НА РБ. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 43. Л. 115).

Определенные сложности в усвоении воспитанниками гимназий курса литературы отмечали не только инспектора Уральского, но и Сибирского регионов. Например, в 1907 году попечитель Западно-Сибирского учебного округа А. Лаврентьев после посещения женской гимназии в городе Барнауле с сожалением отмечал слабую степень начитанности воспитанниц. По итогам ревизионных проверок выяснилось, что ученицы затруднялись назвать фамилии даже наиболее выдающихся отечественных писателей, а также перечислить их произведения. Не было речи и о краткой передаче содержания образцов русской литературы (Гончаров, 2008: 71).

Много времени и сил у учителей русского языка и литературы отнимала проверка письменных заданий учащихся. В отчетах Первой мужской гимназии г. Перми конца XIX века сообщалось, что преподаватель регулярно берет ученические тетради на дом, подчеркивает ошибки, употребляя при этом различные условленные знаки. Возвращая затем ученикам их тетради, учитель заставляет их объяснять ошибки или делает это сам, останавливаясь больше на таких, которые были допущены наибольшим числом учеников (ГАПК. Ф. 497. Оп. 1. Д. 9. Л. 20).

Важным и неотъемлемым компонентом повышения качества преподавания русского языка и литературы являлось наличие относительно богатой школьной библиотеки. В средних учебных заведениях, в отличие от начальных, уделялось достаточно серьезное внимание пополнению библиотек произведениями классической и современной литературы. В отчетах Уфимской женской гимназии за 1915 год подчеркивается, что помещения библиотеки можно назвать единственным в учебном заведении, удовлетворяющим своему назначению. В этом же документе содержится любопытная информация о читательских вкусах гимназистов. Любимыми книгами для учеников начальных классов были «сказки и повествования с приключениями», в частности сказки Авенариуса, русские народные сказки Афанасьева, сказки Андерсена и др., сочинения Густава Эмара, Жюль Верна и т.п., повести Немировича-Данченко, Кота Мурлыки, Данилевского и др. В старших классах, согласно отчету, ученики предпочитали корифеев литературы и сочинения критиков (НА РБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 237. Л. 7).

Большую роль в распространении библиотечной сети в сельской местности играли земские учреждения. Их усилиями открывались библиотеки, организовывались народные чтения, а позже появились и народные университеты. Библиотеками часто заведовали учителя. Земствами открывались библиотеки двух типов: в первых предусматривалась выдача книг читателям на дом, во вторых – возможность читателям не только получить книги, но и воспользоваться услугами читального зала. Библиотеки первого типа открывались в основном при учебных заведениях, помещениях волостных правлений или в домах частных лиц, преимущественно учителей. За работу в библиотеке они получали небольшое жалованье, около 60 руб. в год (ГАОО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 43. Л. 46).

Однако, если средние учебные заведения располагали относительно богатым книжным фондом, то начальные училища, как правило, имели весьма скудные библиотеки, неспособные удовлетворить растущие интеллектуальные запросы как учителей, так и учащихся. В отчетных документах о работе народных училищ Пермской губернии в конце XIX века отмечалось весьма слабое оснащение книжным фондом учительских школьных библиотек. Они, по сути, были не в состоянии помочь учителю в практической деятельности, а также удовлетворить их стремления к знаниям или, как сообщалось в документе, «поэтической фабулой заставить его забыть свою тяжелую долю и облегчить труд жизни» (ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 266. Л. 36).

Существенную роль в приобщении подрастающего поколения к литературе играли внеурочные мероприятия, в частности литературные вечера, утренники, постановки пьес, беседы и т.п.

В Ирбитской мужской гимназии Пермской губернии в 1909 г. были широко организованы мероприятия, посвященные 100-летию юбилею со дня рождения Н.В. Гоголя. 19 февраля прошло так называемое «литературное утро». Преподаватель русского языка И.В. Сиземский ознакомил учащихся с биографией Н.В. Гоголя, воспитанники прочитали наизусть несколько пьес и гимн Гоголю. В день же столетия со дня рождения писателя, 20 марта, в актовом зале гимназии была отслужена панихида по нему (ГАСО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 29. Л. 3).

Во многих учебных заведениях, в основном гимназиях, регулярно проводились мероприятия литературного направления. Отмечались, таким образом, юбилеи не только великих русских писателей и поэтов, но и видных деятелей российской истории. Например, в ноябре 1911 г. широко праздновалось 200-летие со дня рождения М.В. Ломоносова. В специальном циркулярном распоряжении попечителя Оренбургского учебного округа предписывалось в соответствии с возможностями каждого учебного заведения достойно почтить память М.В. Ломоносова – «этого русского гения-самородка, с уяснением учащимся его горячей деятельной любви к отечеству, к русской науке и просвещению» (ГАСО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 95. Л. 48).

Характер сохранившихся в архивах циркулярных инструкций свидетельствует о серьезной и значительной роли литературно-художественных мероприятий, которую отводило учебное начальство в постановке учебно-воспитательной работы в целом. Один из попечителей Оренбургского учебного округа А. Деревницкий составил циркуляр на имя начальников средних и профессионально-педагогических учебных заведений, в котором указывалась важность организации школьных вечеров с литературно-драматическими постановками. Акцентировалось внимание на воспитательном характере подобных мероприятий, поэтому для ученических спектаклей следовало выбирать произведения содержательные и высокохудожественные, преимущественно из классики. Они, в свою очередь, должны были формировать литературные вкусы молодого поколения и прививать лучшие нравственные качества (НА РБ. Ф. 125. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Приведенный нами отрывок из документа чрезвычайно важен для понимания роли и места литературы в учебно-воспитательной среде начала XX века не только в интеллектуальном, но и духовно-нравственном развитии подрастающего поколения.

5. Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. русский язык и литература стали занимать особенное положение в перечне основных учебных дисциплин как начальных, так и средних общеобразовательных учебных заведений. Увеличивалось количество учебных часов, отведенных на языковые дисциплины, с изучением родного языка было тесно связано и духовно-нравственное развитие личности учащегося. Перед хорошо образованным человеком открывались серьезные перспективы профессионального и личностного роста. В условиях динамичного социально-экономического и культурного развития страны роль коммуникативных качеств, способности человека грамотно вести диалог, уметь отстаивать свои убеждения повышалась чрезвычайно. Специфика образовательной среды рассмотренной нами Уральского региона была связана, главным образом, с пестрым многонациональным составом населения, поэтому роль языковых дисциплин была особенно велика. Русский язык в школе становился не просто инструментом духовной помощи, средством выражения мыслей и чувств, но и важнейшим инструментом межнационального и межкультурного взаимодействия.

Литература

- Азаматова, 2005 – Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005. 252 с.
- Болодулин, 2001 – Болодулин В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735–1940 годы). Оренбург, 2001. 320 с.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- ГАПК – Государственный архив Пермского края.
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
- Гончаров, 2008 – Гончаров Ю.М. Провинциальная женская гимназия: повседневность глазами учителя // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 1 (18). С. 68-76.
- Григорьев, 1910 – Григорьев П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию: 1865–1910 гг. Уфа, 1910. 120 с.
- Егорова, 2008 – Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. М., 2008. 216 с.
- Егорова, 2004 – Егорова М.В. Развитие системы частного образования на Урале (1861 – февраль 1917 гг.). Челябинск, 2004. 210 с.
- Егорова, 2008 – Егорова М.В. Учащиеся средних учебных заведений Урала в дореволюционный период: исторический портрет. Челябинск, 2008. 227 с.
- Милюков, 1994 – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. 496 с.
- НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан.
- ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области.
- Ососков, 1982 – Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1961–1917). М., 1982. 208 с.
- Днепров, 1991 – Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / Под ред. Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Паначина, Б.К. Тебиева. М., 1991. 448 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Слудковская, 1998 – Слудковская И.А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX – начале XX века. Пермь, 1998. 172 с.

Слудковская, 1974 – Слудковская И.А. Развитие народной школы на Урале в XIX веке. Учебное пособие. Пермь, 1976. 74 с.

Сысоева, 2010 – Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа России в условиях модернизации начала XX века // *Вестник Московского университета. История*. 2010. № 2 (8). С. 61-76.

Шиков, Дворникова, 2012 – Шиков К.М., Дворникова Е.И. Становление профессионального идеала учителя русского языка на рубеже XIX – начала XX веков // *Вестник Адыгейского государственного университета: Педагогика и психология*. 2012. № 1 (3). С. 168-175.

References

Azamatova, 2005 – Azamatova, G.B. (2005). Ufimskoe zemstvo (1874–1917): Social'nyj sostav, byudzhet, deyatel'nost' v oblasti narodnogo obrazovaniya [Ufa district Council (1874–1917): Social composition, budget, activities in the field of public education]. Ufa. [in Russian]

Bolodurin, 2001 – Bolodurin, V.S. (2001). Obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' v Orenburzh'e. Stranicy istorii (1735 – 1940 gody) [Education and pedagogical thought in Orenburg region. Page history (1735 – 1940)]. Orenburg. [in Russian]

Dneprov i dr., 1991 – Dneprov, E.D., Egorov, S.F., Panachin, F.G., Tebiev, B.K. (1991). Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Konec XIX – nachalo XX v. [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. Late XIX – early XX century]. Ed. by E.D. Dneprov, S.F. Egorov, F.G. Panachin, B.K. Tebiev. Moscow. [in Russian]

Egorova, 2004 – Egorova, M.V. (2004). Razvitie sistemy chastnogo obrazovaniya na Urале (1861 – fevral' 1917.) [Development of the system of private education in the Urals (1861-February 1917)]. Chelyabinsk. [in Russian]

Egorova, 2008 – Egorova, M.V. (2008). Povsednevnyaya zhizn' uchashchihhsya i uchitelej Urала v XIX – nachale XX v. [Daily life of students and teachers of the Urals in the XIX – early XX centuries]. Moscow. [in Russian]

Egorova, 2008 – Egorova, M.V. (2008). Uchashchiesya srednih uchebnyh zavedenij Urала v dorevolucionnyj period: istoricheskij portret [Students of secondary educational institutions of the Urals in the pre-revolutionary period: a historical portrait]. Chelyabinsk. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyj arkhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of the Orenburg region].

GAPK – Gosudarstvennyj arkhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm region].

GASO – Gosudarstvennyj arkhiv Sverdlovskoj oblasti [State Archive of the Sverdlovsk region].

Goncharov, 2008 – Goncharov, Y.M. (2008). Provincial'naya zhenskaya gimnaziya: povsednevnyost' glazami uchitelya [Provincial women's gymnasium: everyday life through the eyes of a teacher]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 1(18): 68-76. [in Russian]

Grigor'ev, 1910 – Grigor'ev, P.N. (1910). Ocherk deyatel'nosti Ufimskogo gubernskogo zemstva po narodnomu obrazovaniyu: 1865-1910 [An essay on the activities of the Ufa Provincial Zemstvo on public education: 1865-1910]. Ufa. [in Russian]

Milyukov, 1994 – Milyukov, P.N. (1994). Ocherki po istorii russkoj kul'tury [Essays on the history of Russian culture]. In 3 v. v. 2, part 2. Moscow. [in Russian]

NA RB – Nacional'nyj arkhiv Respubliki Bashkortostan [National archive of the Republic of Bashkortostan].

OGACHO – Ob"edinyonnyj gosudarstvennyj arkhiv Chelyabinskoy oblasti [United state archive of the Chelyabinsk region].

Ososkov, 1982 – Ososkov, A.V. (1982). Nachal'noe obrazovanie v dorevolucionnoj Rossii (1961–1917) [Primary education in pre-revolutionary Russia (1961–1917)]. Moscow. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv [Russian state historical archive].

Shikov, Dvornikova, 2012 – Shikov, K.M., Dvornikova, E.I. (2012). Stanovlenie professional'nogo ideala uchitelya russkogo yazyka na rubezhe XIX – nachala XX vekov [Formation of professional ideal of the teacher of the Russian language at the turn of XIX – early XX centuries]. 1(3): 168-175. [in Russian]

Sludkovskaya, 1996 – Sludkovskaya (1996). Razvitie narodnoj shkoly na Urале v XIX veke. [Development of the folk school in the Urals in the XIX century]. *Training manual*. Perm', 1976. [in Russian]

Sludkovskaya, 1998 – Sludkovskaya, I.A. (1998). Narodnoe obrazovanie v Permskom krae v konce XIX – nachale XX veka [Folk education in the Perm Region at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Perm'. [in Russian]

Sysoeva, 2010 – Sysoeva, E.K. (2010). Obsheobrazovatel'naya shkola Rossii v usloviyah modernizacii nachala XX veka [General education school of Russia in the conditions of modernization of the beginning of the XX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya*. 2(8): 61-76. [in Russian]

Особенности преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных учебных заведениях Урала в конце XIX – начале XX веков

Рустам Закирович Алмаев^a, Ильдар Нариманович Баишев^{a, *}, Шамиль Рашитович Зайнетдинов^a, Алина Ирнисовна Тимиргазиева^a

^a Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности преподавания русского языка и литературы в начальных и средних учебных заведениях на материалах уральского региона. Хронологические рамки – конец XIX – начало XX вв. Показаны основные факторы повышения значимости рассматриваемых дисциплин в учебных планах, среди которых – бурный экономический рост страны, расширение культурно-информационного пространства, усилия широкой общественности по введению всеобщего начального обучения, возросшая зависимость достижения жизненного успеха от полученных профессиональных знаний, а также расцвет отечественной литературы. В статье прослеживаются также основные методические приемы преподавания языковых предметов в школах. Исследуется комплекс нормативно-правовых документов конца XIX – начала XX вв., затрагивающих вопросы преподавания русского языка и литературы как в масштабе России, так и губерниях уральского региона. Отдельное внимание уделено особенностям изучения русского языка в начальных учебных заведениях для детей нерусского населения. На основе преимущественно архивных документов приводятся любопытные факты, свидетельствующие о попытках совершенствования преподавания русского языка и литературы со стороны педагогической общественности Урала, рассматриваются отчеты инспекторов о состоянии учебно-воспитательной работы, затрагиваются факты из повседневной жизни учительства.

Ключевые слова: русский язык, литература, словесность, учительство, начальная школа, гимназия, грамматика, правописание, земство, библиотека.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ildarbaish@list.ru (И.Н. Баишев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 936-947.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.936
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Prisoners of Tobolsk Prisons at the end of the XIX century: A Socio-Demographic Portrait on Materials of the 1897 Census

Elena A. Brukhanova ^{a, *}, Oksana I. Chekryzhova ^a

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

Siberia in the XIX century was unalterably called the "krai of exile", which was due to the need to solve a state problem – the colonization of the outskirts. The forced relocation significantly influenced both on the structure of the region's population and on the economic and cultural development of the territories. By the end of the XIX century the largest convict prisons of Siberia remained only in Tobolsk and Irkutsk. In view of this, the study of various aspects of the exile system and penitentiary institutions of Siberia is relevant for historical research.

The article presents the analysis of prisoners in Tobolsk prisons as a special social element of the urban population at the turn of the XIX-XX centuries. It is worth noting that at this period four penitentiary institutions of all three categories existing at that time in the Russian Empire were located in Tobolsk: a prison castle, which also acted as a transit prison, two hard labor prisons and a special sections of prisons.

The primary and statistical materials of the First General Census of the Russian Empire in 1897 were the main source of data. The census forms preserved unique and fairly complete information about prisoners of all prisons in Tobolsk, which made it possible to consider in detail a number of socio-demographic indicators of prisoners: sex and age, marital status, religious confession and mother tongue, social and professional identification data, migration and/or routing of convicts.

A comparison of the general characteristics of the inhabitants of prisons and the urban population on materials of the 1897 census confirmed the significant influence of prisoners on the socio-demographic «portrait» of the city according to a number of indicators such as the number of male employable population, Mohammedans, immigrants from other gubernias. In our opinion, this should be taken into account when conducting various directions of historical research. Thus, the prisoners, according to the indicators, can be considered as a separate social group of the urban population in Siberia at the turn of the 19th-20th centuries.

Keywords: prisoners, hard labor prison, social structure, city, the 1897 Census, GIS, Tobolsk, Siberia

1. Введение

Изучение сибирской ссылки и каторги XIX – начала XX вв. продолжает привлекать к себе внимание исследователей и остается актуальным, несмотря на большое количество изданных работ. Одним из наиболее сложных моментов является определение размеров «принудительного переселения», что связано с отсутствием достоверной статистики по водворению ссыльных в Сибирь во второй половине XIX в. Например, Е.И. Соловьева указывала на цифру в 543,8 тыс. ссыльных вместе с членами семей за 1861–1898 гг. (Соловьева, 1983: 215), по сведениям А.Д. Марголиса, к 1898 г. в Сибири находилось 310 тыс. ссыльных всех категорий (Марголис, 1978: 135), а по подсчетам М.В. Шиловского за 1864–1894 гг. только через Тюмень в регион прибыло 25473 политических ссыльных (Шиловский, 2004: 170). Еще одним дискуссионным аспектом является оценка роли и значения ссыльных и каторжан в развитии Сибири. Многие авторы указывали на две задачи, которые решало государство с помощью ссылки: «карательную и

* Corresponding author

E-mail addresses: elena@hist.asu.ru (E.A. Brukhanova), niigi@yandex.ru (O.I. Chekryzhova)

колониционную» (Дамешек, Дамешек, 2011), а также рассматривали их в контексте культурных, бытовых и экономических особенностей региона (Зиновьев, 2007; Шиловский, 2004: 169, 171). Актуальными остаются также вопросы расселения арестантов, статистический учет различных категорий ссыльных и их влияние на облик мест водворения.

Тобольская губерния занимала особое место в системе сибирской ссылки и каторги. Во-первых, сначала в Тобольске (1822–1869 гг.), а затем в Тюмени (1869–1904 гг.) располагался Приказ о ссыльных, задачами которого являлись учет и распределение арестантов, ссылаемых в Сибирь на поселение и каторгу (Сальникова, 2011: 319). Во-вторых, к 1893 г. в Тобольске действовали 2 из 3 сохранившихся в Российской империи каторжных тюрем, ликвидация которых в других регионах происходила с середины XIX в. (Дамешек, Дамешек, 2011). В-третьих, на конец XIX в. (1897–1898 гг.) Тобольская губерния оказалась лидером среди сибирских регионов как по контингенту ссыльных в целом – 106093 чел. (всего в Сибири – 298577 чел.) (Саломон, 1900: 137), так и по числу «лишенных свободы и отбывающих наказание» в городах – 2701 чел. (всего заключенных в городах Сибири – 7429 чел., без постов о. Сахалина и административных сел Приморской и Забайкальской областей) (Первая..., 1905: 150-155; Профессии..., 1897; Общий свод..., 1905: 321-323). Тобольск в этом отношении представляется уникальным городом даже для Сибири. По сведениям Первой всеобщей переписи населения Тобольск занимал первое место среди городов по количеству арестантов в тюрьмах (1057 чел.), которые составляли 5,2 % от всего населения города (для сравнения: должностных лиц, занятых на государственной и местной службе, вместе с лицами духовного звания в Тобольске было 833 чел. или 4,1 %) (Первая..., 1905: 150). Такие большие цифры были следствием того, что непосредственно в городе размещалось четыре пенитенциарных учреждения всех трех существовавших в то время в Российской империи категорий: тюремный замок, исполняющий также роль пересыльной тюрьмы, две каторжные тюрьмы и арестантское отделение. В таком контексте особый интерес представляет изучение различных социально-демографических характеристик лиц, содержащихся в местах лишения свободы, и их влияние на облик городского населения в целом.

2. Материалы и методы

Основным источником анализируемых данных являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. К сожалению, несмотря на значительный объем собранных сведений и широкую программу разработки и публикации результатов, официальные итоги переписи содержали сведения только о численности лиц, «лишенных свободы и отбывающих наказание», которые в отдельном издании делились на две группы: «арестанты в тюрьмах» и «ссыльные и ссыльнокаторжные, получающие довольствие от казны». Представители последней группы были зарегистрированы на о. Сахалин (1996 чел.), в Забайкальской (625 чел.) и Якутской (39 чел.) областях, а также в Иркутской (378 чел.) и Енисейской (83 чел.) губерниях (Распределение населения..., 1905: 226-230). Результаты переписи не отразили численность разных категорий ссыльных, поскольку сбор таких данных не входил в ее задачи, и отметка о принадлежности отдельных лиц к категории «ссыльных» ставилась на усмотрение переписчика (Brukhanova, Nezhentseva, 2018: 799). При этом сведения об арестантах собирались полные и подробные, но данные об их социально-профессиональном составе, демографических характеристиках, местах рождения, приписки и т.д. были обработаны и включены в общие таблицы результатов переписи без указания особого статуса. В настоящее время такие сведения доступны только в ее первичных материалах.

Переписные листы переписи 1897 г. по нескольким городам Тобольской губернии, в том числе по Тобольску, сохранились практически полностью в фонде губернского статистического комитета в Государственном архиве в г. Тобольске (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1–38, 732–739, 1374–1392, 1931–1943, 2526–2532, 2810–2815, 3270–3328, 3655–3660). Сведения об арестантах всех четырех тюрем отложились в одном деле (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6). Прежде чем перейти к их анализу, необходимо отметить некоторые особенности сбора и интерпретации данных.

В соответствии со специальной Инструкцией данные по лицам, находящимся в учреждениях, в том числе пенитенциарных, заполнялись в особых переписных листах – «общих перечневых ведомостях», которые отличались титульной страницей и наличием вкладок для внесения сведений на большое число людей. Данные собирались в два этапа: предварительно, за пару недель до контрольной даты переписи, должностными лицами тюрем заполнялись переписные листы, которые впоследствии уточнялись и корректировались «по состоянию» на 28 января (Инструкция..., 1896: 1-2). Такой регламент заполнения отразился на переписных листах тюремного замка, выполняющего роль пересыльной тюрьмы. Так, из 216 записей, внесенных в перечневую ведомость, к моменту переписи были вычеркнуты полностью 47 (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 32-52). Возможно, эти люди были отправлены далее, к месту отбывания наказания, или переведены в другую тюрьму.

Сотрудники тюрем, выполнявшие работу переписчиков, по-разному относились к своей задаче, поэтому полнота сведений несколько отличается. Наибольшее число разночтений встречается в графах, содержащих данные о месте рождения, приписки, проживания, что затрудняет работу с этой информацией. Например, составитель перечневой ведомости в каторжной тюрьме № 2 не заполнил графу «Место приписки» у значительной части заключенных: эти данные отсутствуют для 249 из

334 заключенных (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 101-132). Мало сведений и о месте их пребывания. Анализ особенностей заполнения переписных листов позволяет предположить, что переписчик не указывал место проживания, если оно совпадало с местом рождения, поскольку на первых двух страницах перечневой ведомости все графы заполнены полностью, а с третьей страницы и далее графы «место приписки» и «место проживания» заполняются выборочно.

Еще одна особенность обусловлена тем, что сведения в переписные листы заносились «со слов» и по Положению о переписи (Положение..., 1895: 398) для их подтверждения не должны были привлекаться никакие документы. В связи с этим в графах о местах рождения и приписки встречались топонимы, которые трудно интерпретировать из-за ошибок и искажений. Например, указывался уезд из другой губернии (например, Полтавская губерния, Белгородский уезд) или такое название, которое не удалось соотнести с какой-либо административной единицей (например, Жешевская губерния, Низинский уезд). В этих случаях следует учитывать и возможность такого явления, как «подмена» заключенных. По сведениям исследователей, недостаточное системное делопроизводство учета арестантов приводило к тому, что они менялись именами, и данные, сообщаемые ими, оставались далеки от достоверности (Михеев, 2005: 218). Из общего числа записей проблемы с идентификацией мест рождения, проживания или приписки возникли не более чем в 1,5 % случаев.

Кроме переписи 1897 г. источниками для исследования выступили губернаторские отчеты и обзоры Тобольской губернии за 1895–1898 гг., сведения ведомственной статистики, опубликованные в «Тюремном вестнике», а также материалы специального обследования ссылки и каторги в Сибири, предпринятого Главным тюремным управлением Российской империи в 1898–1899 гг. (Саломон, 1900).

В целом представленные источники позволяют провести анализ такой категории населения города Тобольска, как заключенные, с учетом целого ряда показателей: социально-демографических характеристик, мест рождения и приписки, занятости и т.п.

При подготовке статьи были использованы методы историко-статистического, компаративного и пространственного анализа. Интерпретация и визуализация данных осуществлялась с помощью информационных технологий, в частности средствами программы MapInfo и двух баз данных по материалам переписи 1897 г.: 1) по переписным листам городского населения Сибири и 2) по статистическим данным о занятости населения Российской империи.

3. Обсуждение

Традиционно высокий интерес исследователей к тематике сибирской ссылки и каторги обусловил довольно широкий круг использованных работ. Обзор публикаций показал значимость рассматриваемых вопросов не только на региональном (Е.И. Соловьева, М.В. Шиловский, А.Д. Марголис), но и на всероссийском (Е.В. Нефедовская) и даже международном уровнях (S. Badcock, J. Pallot, Ch. G. De Vito, C. Anderson, U. Bosma). Об актуальности темы свидетельствует ряд крупных проектов, посвященный историческим аспектам системы наказаний в разных регионах. Например, в 2013–2018 гг. Международным институтом социальной истории и Институтом исследований войны, холокоста и геноцида в Амстердаме реализовывалась программа «Четыре века трудовых лагерей: война, реабилитация, этническая принадлежность», частью которой было изучение каторги и ссылки в Сибири (Four Centuries..., 2014).

Для нашего исследования особый интерес представляли работы, посвященные собственно пенитенциарным учреждениям в Тобольской губернии конца XIX – начала XX вв. (О.Н. Бортникова, А.П. Михеев, Zh. Porova), а также юридическим и историческим вопросам системы наказаний в России (Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек).

А.П. Михеевым рассматривались организация мест заключения в Тобольской губернии конца XIX в., режим содержания заключенных и формирование кадрового состава тобольских тюрем (Михеев, 2005). Вопросы принципа маршрутизации ссыльнокаторжных, распределения заключенных, формирование своего рода «специализации» каторжных тюрем в Российской империи в контексте решения вопроса колонизации Сибири подробно анализировались в работе Ж. Поповой (Porova, 2018). Содержание, быт, трудовое и духовно-нравственное воспитание заключенных каторжных тюрем, осужденных за наиболее тяжкие преступления в Российской империи конца XIX в., изучались О.Н. Бортниковой.

Следует отметить, что исследователями уделялось мало внимания социально-демографическим характеристикам заключенных, что, возможно, обусловлено переменным составом арестантов тюрем, а также содержанием использованной ими источниковой базы. Обнаруженные нами переписные листы переписи 1897 г. содержат единовременный и чрезвычайно информативный срез данных по лицам, находящимся на момент переписи в пенитенциарных учреждениях г. Тобольска, что существенно расширяет возможности исследования.

4. Результаты

Размещение арестантов в тюрьмах осуществлялось в установленном законом порядке (Устав, 1890: 595), согласно которому они подразделялись по родам преступлений, полам, возрастам. Нарушения правил размещения допускались лишь в случае содержания в пересыльных тюрьмах (Обзор..., 1897: 14). В Тюремном замке Тобольска отбывали наказание по общеуголовным статьям срочного разряда по приговорам судов сроком от двух месяцев до двух лет. Кроме того, он использовался для пребывания пересыльных. Исправительное арестантское отделение предназначалось для содержания арестантов срочной категории: исключительно мужчин в возрасте от 17 до 60 лет, осужденных на срок до 6 лет, независимо от статьи обвинения. Каторжные тюрьмы Тобольска предназначались для содержания осужденных на каторжные работы по первому (от 20 лет до бессрочного) и второму разряду на срок от 8 до 20 лет (Устав, 1890: 595).

На 28 января 1897 г. в переписные листы были внесены сведения о 1113 чел., в том числе в Тобольском тюремном замке – о 215 чел., в каторжной тюрьме № 1 – о 351 чел., в каторжной тюрьме № 2 – о 334 чел., в исправительном арестантском отделении – о 213 чел. (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6). Приведенные цифры стали основой дальнейших расчетов для характеристики социально-демографических показателей арестантов тобольских тюрем по 3 группам. В первую нами включены «демографические» характеристики: гендерный и возрастной состав, семейное положение, вероисповедание и родной язык. Во вторую – данные о социальной идентификации и миграции/маршрутизации заключенных отдельных тюрем. Третья группа содержит сведения о занятиях заключенных по материалам переписи 1897 г.

По гендерному и возрастному составу тюрьмы имели следующие характеристики. В тобольских каторжных тюрьмах содержались мужчины в возрасте от 17 до 75 лет, в исправительном отделении также мужчины с 22 до 62 лет. На рисунке 1 представлено распределение заключенных тобольских тюрем по возрастным группам. Тюремный замок существенно отличался по этим характеристикам от других пенитенциарных учреждений города. В замке и пересыльной тюрьме содержалось 189 мужчин и 26 женщин в возрасте от 1 месяца до 87 лет. В этом учреждении содержались 6 семей с 9 малолетними детьми обоего пола (до 18 лет), сопровождающие отцов и матерей к месту отбывания наказания. Например, вместе с ссыльным крестьянином Яном П. следовали к месту ссылки его жена Петрония и трое детей: два мальчика 11 и 5 лет и девочка 9 лет (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 43). В семье крестьянина Пензенской губернии Ивана В. уже в Тобольске родился второй ребенок, что следует из указания в графе «место рождения» – город Тобольск, тогда как у родителей и старшего ребенка местом рождения указана Пензенская губерния (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 44). Средний возраст заключенных составил 38,5 лет. В целом мужчины, являвшиеся заключенными тобольских тюрем, составили 14 % всего трудоспособного населения города на начало 1897 г. (Профессии..., 1897).

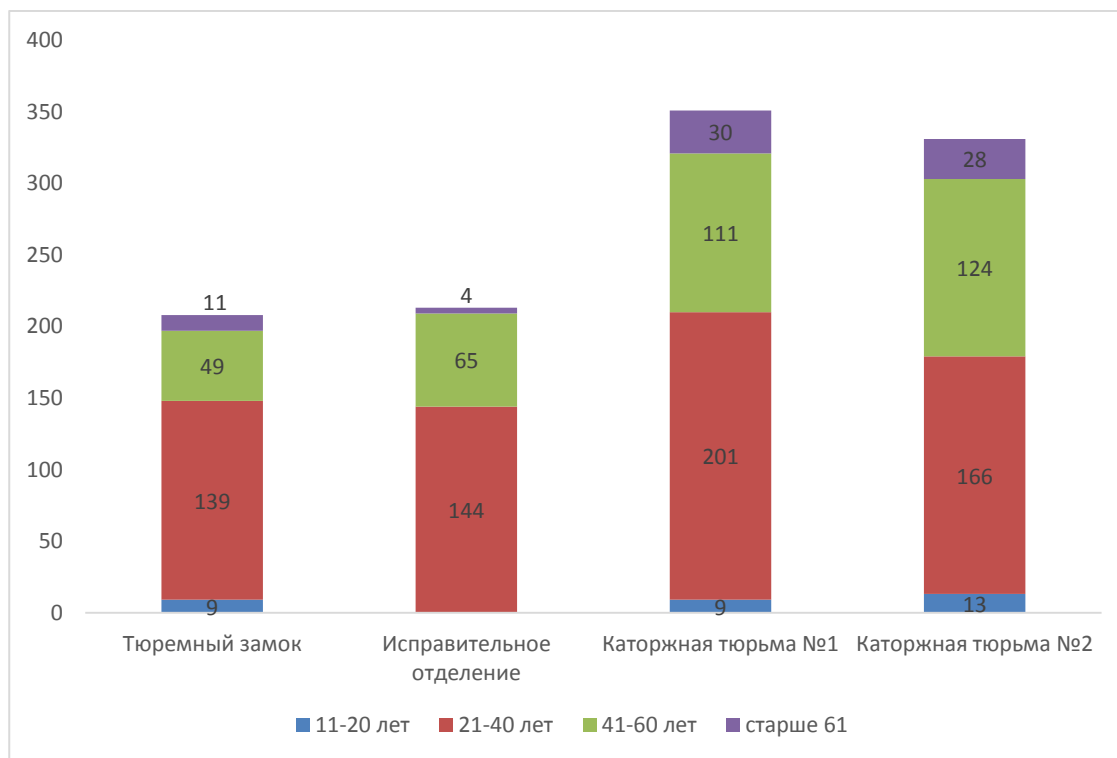

Рис. 1. Численность и распределение заключенных тобольских тюрем по возрастным группам (по материалам переписи 1897 г.)

По семейному состоянию 47,5 % заключенных были женаты, 42,3 % – холосты, 10,1 % числились вдовцами и 1 мужчина был разведен. Существенных отличий между тюрьмами замечено не было: немного выше оказалась доля женатых в каторжных тюрьмах (50,7 и 53,3 %), а холостых – в тюремном замке (52,6) и исправительном отделении (50,7 %).

Большая часть заключенных Тобольска была православной (62,9 %), которая в качестве родного языка указала русский, «малоросский», греческий, армянский, цыганский, мордовский, осетинский. При этом русские и малороссы составляли 62,4 % от исповедовавших православие. Распределение арестантов по тюрьмам и религиям представлено на [Рисунке 2](#).

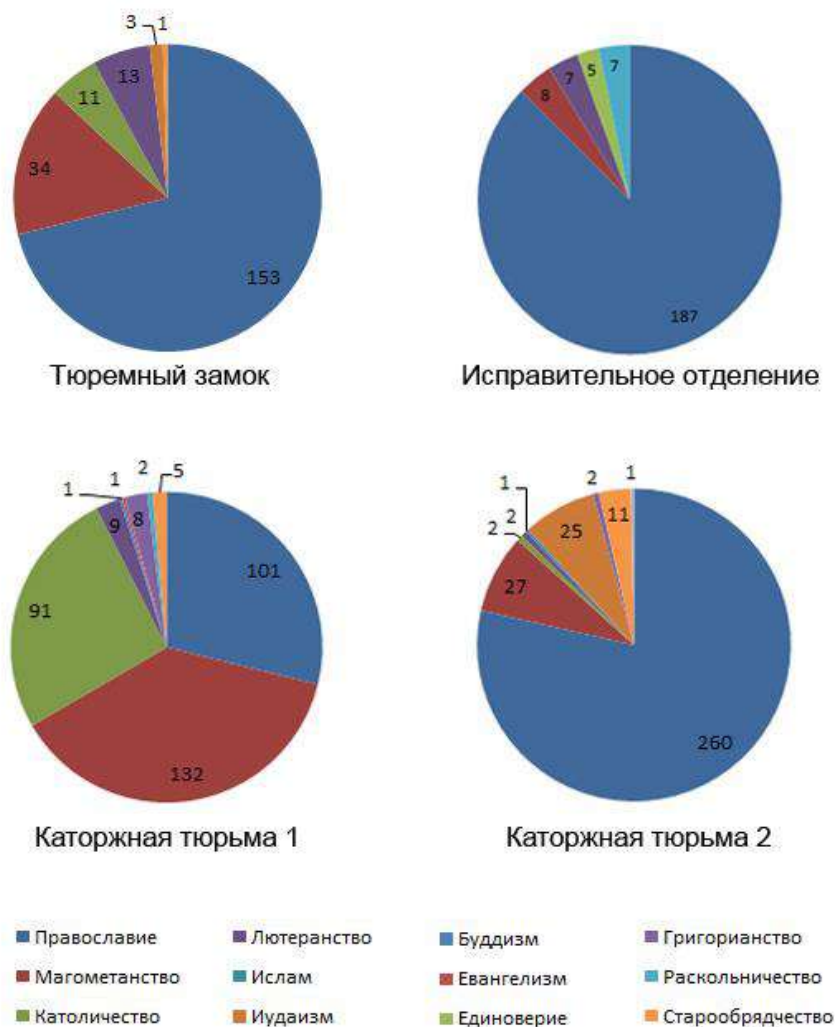

Рис. 2. Распределение заключенных тобольских тюрем по вероисповеданиям (по материал переписи 1897 г.)

По рассматриваемым показателям каторжная тюрьма № 1 выделялась тем, что 38 % заключенных исповедовали магометанство и говорили на сартском (15 %), татарском (13 %), черкесском (9 %), иранском (1 %) языках. В целом заключенные, исповедующие магометанство, составляли 50 % от общего числа мужчин-мусульман в городе Тобольске в конце XIX в. ([Первая..., 1905: 75](#)). Для возможной интерпретации таких результатов были проанализированы данные о месте проживания заключенных-магометан до момента осуждения, приведенные в переписных листах. Так, 37 % были выходцами из Самаркандской и Ферганской областей. Можно предположить, что часть этих арестантов участвовала в восстании против правительства в Средней Азии, о котором упоминал А.П. Михеев ([Михеев, 2006: 132](#)).

Сведения переписных листов о местах рождения, приписки, постоянного проживания отражают, с одной стороны, миграционные процессы в губернии (сопоставление мест рождения и приписки), с другой – на основе данных о месте постоянного проживания можно увидеть как пути маршрутизации заключенных, так и особенности специализации тюремных учреждений. Например, в исправительном отделении содержалось исключительно приписное население Тобольской губернии, даже в том случае, если постоянным местом проживания были указаны другие города: Красноярск (1 чел.), Томск (1 чел.),

Омск (1 чел.). Стоит отметить, что место приписки указывалось не во всех случаях. Так, в ведомости каторжной тюрьмы № 2 эта графа оказалась пустой, а в переписных листах тюремного замка, из обитателей которого 61 % постоянно проживал в Тобольской губернии, часто встречается запись «не распределен», что, вероятно, отражает приписку к месту отбывания наказания.

Как уже отмечалось, тюремный замок совмещал место заключения для осужденных по общеуголовным статьям на срок до двух лет и место для пересыльных. Никаких специальных отметок о статусе конкретного человека, включенного в перечневую ведомость, не содержалось. Даже в отчетах Главного тюремного управления говорилось о трудностях с выделением из общего числа заключенных отдельных категорий. Статистика того времени опиралась на подсчеты заключенных в учреждении определенного типа или по видам преступления, а совместное содержание в учреждениях типа «тюремные замки» не позволяло провести точный учет разных групп заключенных (Отчет..., 1896: 542). В этом отношении особый интерес представляет анализ данных графы «место приписки» как своеобразного «маркера» в определении «пересыльных» и «постоянных» обитателей тобольского тюремного замка. Из содержащихся в нем 213 чел. в графе «место приписки» у 87 чел. указана формулировка «не распределен», «еще не приписан», «ссылнокаторжный не распределен» и т.п., что дает нам основание для отнесения этих людей к категории пересыльных. Кроме того, к ней вполне можно отнести тех, у кого места приписки обозначены следующим образом: «распределен в Иркутскую губернию» – 3 чел. и «Распределен в Енисейскую губернию» – 5 чел. Таким образом, к категории пересыльных, содержащихся на момент переписи в тюремном замке г. Тобольска, можно отнести около 95 чел., включая членов их семей, следующих к месту ссылки за мужем, отцом или матерью. В то же время определено 113 чел., чье место приписки в переписном листе указано как «Тобольская губерния». Они, вероятно, составляют категорию отбывающих наказание сроком до двух лет. У двух человек в графе о приписке указано «бродяга» и у 5 – другие губернии европейской части Российской империи. В целом же распределение по месту приписки может дать основание для выделения из общего числа заключенных тех, кто находился здесь временно, и тех, для кого тюремный замок является местом отбывания наказания.

Анализ пространственно-географических данных обитателей каторжных тюрем возможен только по графе «место рождения» как наиболее полно и качественно заполненной. В каторжных тюрьмах содержались выходцы из 76 губерний, причем из 2 сибирских губерний (Томской и Тобольской) было только 5 чел. Наибольшее количество каторжан прибыло из Ферганской области (38 чел.), Бакинской губернии (31 чел.), Пермской (28 чел.), Киевской (25 чел.), Елисаветпольской (22 чел.), Петраковской и Самаркандской (по 19 чел.) губерний. Для визуализации данных с помощью программы MapInfo была сформирована карта-схема губерний «выхода» обитателей тобольских каторжных тюрем, представленная на [Рисунке 3](#).

На карте-схеме видно, что в каторжных тюрьмах содержались выходцы почти из всех губерний Европейской России, Привислинских губерний и Кавказа. При этом сопоставление с агрегированными данными (Первая..., 1905: 38, 42) показало, что арестанты (из всех тюрем) составляли 83 % всех выходцев с Кавказа и Привислинских губерний.

Изучение данных о социальной принадлежности представляет большой интерес для исследования самосознания арестантов. Дело в том, что сведения в переписные листы записывались «со слов» и, по сути, отражали самоидентификацию людей, участвовавших в переписи. Анализ данных о сословной принадлежности показал, что подавляющее большинство обитателей пенитенциарных учреждений Тобольска в 1897 г. были крестьянами. Максимальная доля крестьянства наблюдалась среди обитателей каторжной тюрьмы № 1 – 88 %. Однако и в других учреждениях процент крестьян был высок – более 53 %. Доля мещан составляла по разным учреждениям от 6 до 24 %. В среднем доля крестьян по всем тюрьмам составила 76,6 %, доля мещан – 18,6 %. Из всех крестьян-мужчин, проживавших в Тобольске на рубеже XIX–XX вв., заключенные составляли пятую часть или 20 %, а из мещан только – 5,6 % (Первая..., 1905: 46-47). Остальные сословия были представлены слабо: во всех учреждениях было всего 12 дворян, потомственных граждан, чиновников и лиц духовного звания.

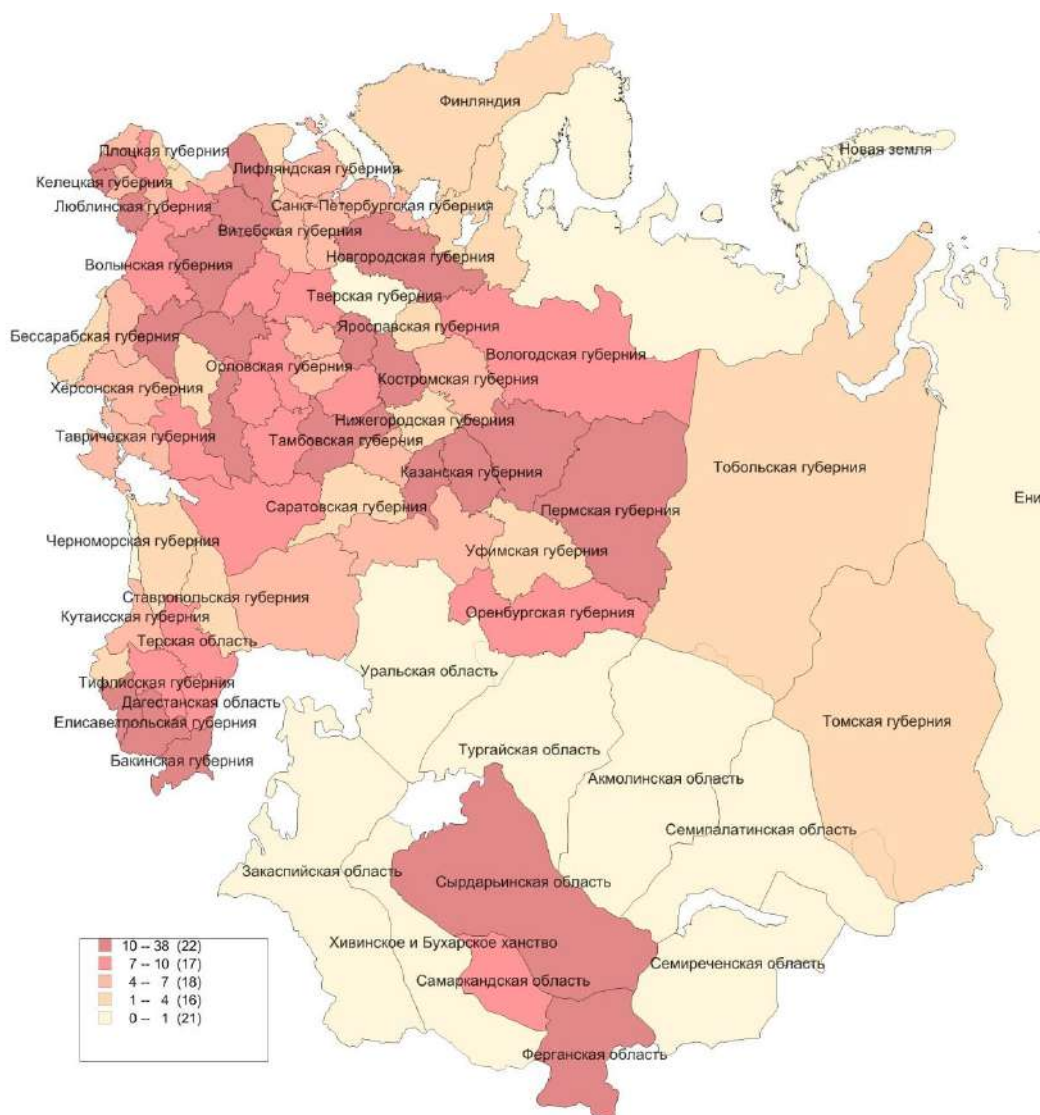

Рис. 3. Губернии «выхода» (место рождения) заключенных тобольских тюрем по материалам переписи 1897 г.

При этом стоит отметить, что 58,4 % (650 чел.) заключенных вместе со своим сословием по рождению отметили свою принадлежность к «ссылным», «ссылнокаторжанам», «ссылнопоселенцам». А 69 обитателей тюремного замка (32,3 %) вовсе не указали свое сословие, назвав себя «ссылнокаторжанами» и «ссылнопоселенцами» в соответствии с категориями ссылных по Уставу (Устав..., 1890: 595). Одной из возможных версий такой фиксации данных является предположение о том, что указание социального статуса «ссылный» соотносилось со статусом пересыльной тюрьмы, и такие записи были сделаны переписчиком для «разграничения» пересыльных и постоянно пребывающих в тюремном замке заключенных, а не инициированы опрашиваемым лицом. Вместе с тем стоит отметить, что разделение ссылных на группы и их отражение в переписных листах было весьма условным. Так, можно встретить такие записи, как «ссылнокаторжный из ссылнопоселенцев», или правки в записях: «крестьянин из ссылных» зачеркнуто, записано «ссылнокаторжник». В целом категории ссылных, встречающиеся в переписных листах 1897 г. по тюремным учреждениям Tobolska, представлены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Категории ссыльных в тюремных учреждениях г. Тобольска (по материалам переписи 1897 г.)

Категории ссыльных, сословия и социальные группы	Количество человек
Ссыльные,	271
в том числе:	
крестьяне	210
мещане	61
Ссыльнокаторжане,	425
в том числе:	
крестьяне (казаки и солдатские дети)	338
мещане	23
дворяне	5
инородцы	5
Другие сословия и социальные группы (священник, бродяга, уроженцы других стран)	5
Ссыльнопоселенцы,	28
в том числе:	
крестьяне	3
мещане	1
Всего	724

Сведения о профессиональном составе заключенных тюрем Тобольской губернии, представленные в переписных листах, оказались малоинформативными, т.к. отражали занятие, которым человек занимался до заключения. В среднем свыше половины заключенных (от 42 до 62 %) являлись земледельцами-хлебопашцами, также были ремесленники (около 20 %), рабочие (13 %), служащие в торговле (8 %). Тем не менее в отчетах Главного тюремного управления указывалось, что заключенные в Тобольске привлекались как к различным черным работам по уборке улиц, вывозу снега и т.п., так и к квалифицированному труду. Примером квалифицированного труда служит организация в 1896 г. суконной фабрики при каторжной тюрьме № 1 по приказу нового начальника Главного тюремного управления Н.М. Богдановича. Идея устройства суконного производства принадлежала смотрителю тюрьмы А.Э. фон Гофланду, когда в 1895 г. в тюрьму прибыли несколько бывших рабочих Лодзинской суконной фабрики, благодаря таланту которых удалось наладить производство ([Обзор деятельности..., 1897: 177](#)). В каторжной тюрьме № 1 содержались два каторжника из города Лодзь, оба поляки по национальности: Ковальский Антон Яценъевич, 32 года ([ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 75](#)), и Олейничак Матвей Осипович, 36 лет ([ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 83](#)), однако в графах «занятие основное» и «занятие побочное» у одного из них указано хлебопашец, у другого – приказчик в торговле, о причастности к занятию суконным делом никаких упоминаний в переписных листах нет. Из остальных 15 выходцев Петраковской губернии, в которой расположен город Лодзь, есть запись о «работнике фабричной части» мещанине Голембиовском Адаме Людвиновиче, 29 лет, но занятость остальной части заключенных также указана как хлебопашество. На каторжной суконной фабрике через год после открытия, т.е. как раз в период проведения переписи, по приказу начальника тюрьмы только ткачами работало 80 чел. и еще привлекались заключенные для вспомогательных работ ([Бортникова, 1997: 64](#)). Более того, в Обзоре деятельности Тобольской губернской тюремной инспекции отмечалось, что на ручном сукновальном производстве работали преимущественно уроженцы Кавказа, что «благоотворно сказывалось не только на перевоспитании, но и на снижении заболеваемости чахоткой» ([Обзор деятельности..., 1897: 175](#)). К сожалению, достоверно выявить среди заключенных бывших работников Лодзинской суконной фабрики не удалось.

В целом материалы переписи 1897 г. позволяют дать комплексную характеристику заключенных тобольских тюрем на рубеже XIX–XX вв. как отдельной группы городского населения.

5. Заключение

В опубликованных результатах самого крупного статистического мероприятия рубежа XIX–XX вв. – Первой всеобщей переписи населения 1897 г. – сведения о заключенных представлены только в одной группе «Лишенные свободы и отбывающие наказание», включенной в таблицы «Распределение населения по группам занятий» ([Первая..., 1905: 150-155](#)). В связи с особенностями региона в работах, посвященных различным аспектам истории Сибири, заключенные часто рассматривались исследователями как специфичная социально-профессиональная группа ([Скубневский, Гончаров, 2003: 144-150](#), [Bryukhanova, Vladimirov, 2017: 66](#)). Но по статистическим данным можно получить обобщенные сведения только о возрастном составе и родном языке

арестантов. Другие собранные переписью показатели либо не вошли в программу разработки (места приписки и постоянного проживания, категории ссыльных, предыдущей занятости), либо «растворились» в данных других таблиц (сословие, вероисповедание и др.). Сохранившиеся первичные материалы переписи позволили провести подробный анализ обитателей тюрем по всем социально-демографическим показателям.

Сопоставление агрегированных данных по городу Тобольску и первичных материалов переписи 1897 г. по заключенным всех четырех тюрем позволило сделать выводы как об особенностях использования статистических данных, так и о роли арестантов в социально-демографической структуре городского населения. В целом на момент переписи 1897 г. арестанты составили 14 % от всего трудоспособного населения; 50 % от общего числа мужчин-мусульман; заметную долю мужчин – представителей отдельных языковых групп (54 % малороссов, около 30 % евреев, немцев, татар); значительную долю лиц (89 %), которые в агрегированных данных представлены как «прочие», например сарты, иранцы, черкесы; практически формировали показатели «выходцев» из губерний Кавказа (83 %) и Привислинских губерний (82 %).

Приведенные примеры подтвердили существенное влияние заключенных на социально-демографический «портрет» сибирского города на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, отмеченные особенности статистических сведений переписи 1897 г. по городу Тобольску следует, на наш взгляд, учитывать при проведении различных направлений исторических исследований. Таким образом, заключенных по совокупности показателей можно рассматривать как отдельную социальную группу городского населения Сибири на рубеже XIX–XX вв.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10020 «Урбанизационные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв.: комплексный подход к анализу городского населения по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.»

Литература

Бортникова, 1997 – Бортникова О.Н. Каторжная суконная фабрика (1896–1906) в Тобольской каторжной тюрьме // Соловецкие чтения – 96. Тюмень, 1997. С. 63-64.

Бортникова, 1998 – Бортникова О.Н. Магометане Кавказа в Тобольской ссылке и тюрьме // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», 14–18 декабря 1998. Тобольск, 1998.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Дамешек, Дамешек, 2011 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ссылка и каторга в имперском законодательстве // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18). С. 66-91.

Зиновьев, 2007 – Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.

Инструкция..., 1896 – Инструкция для производства переписи в зданиях ведомства Императорского Двора, военного и морского, а также в казенных и общественных учреждениях и заведениях, в тюрьмах и лечебных заведениях, в частных благотворительных учреждениях и в учебных заведениях, приютах и богадельнях. Утверждена Министерством внутренних дел 21.09.1896.

Марголис, 1978 – Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1978.

Михеев, 2005 – Михеев А.П. Тюрьмы общего устройства и арестантские отделения Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2005. № 11. С. 217-226.

Михеев, 2006 – Михеев А.П. Террористы на тобольской каторге накануне и в годы Первой российской революции // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2006. № 12. С. 129-147.

Нефедовская, 2013 – Нефедовская Е.В. К вопросу о значении каторги и ссылки в российской жизни XIX – начала XX вв. // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 40-48.

Обзор деятельности..., 1897 – Обзор деятельности Тобольской тюремной инспекции за первый год (с 1 ноября 1895 года) // Тюремный вестник. 1897. № 4. С. 175-185.

Обзор..., 1897 – Обзор Тобольской губернии за 1896 год. Тобольск, 1897.

Общий свод..., 1905 – Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. СПб., 1905.

Отчет..., 1896 – Отчет по главному тюремному управлению за 1894 год // Тюремный вестник. 1896. №10.

Первая..., 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXVIII (78) Тобольская губерния. СПб., 1905.

Положение..., 1895 – Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи, утвержденное 5 июня 1895 года // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. Т. 15. СПб., 1899. С. 397-403.

Профессии..., 1897 – Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/>

Распределение населения..., 1905 – Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. IV. СПб., 1905.

Саломон, 1900 – Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900.

Сальникова, 2011 – Сальникова Е.С. Путь следования ссыльных в Восточную Сибирь во второй половине XIX века // *Вестник Иркутского государственного технического университета. История и археология*. 2011. № 1 (48). С. 319-323.

Скубневский, Гончаров, 2003 – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Сибири во второй половине XIX – начала XX в. Ч. I: Население, экономика. Барнаул, 2003.

Соловьева, 1983 – Соловьева Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 214-226.

Устав..., 1890 – Устав о ссыльных. Изд. 1890 // *Собрание законов Российской империи*. Т. 14. СПб., 1890.

Шиловский, 2004 – Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX веков // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века*. Новосибирск, 2004. С. 165-173.

Badcock, Pallot, 2018 – Badcock S., Pallot J. Russia and Soviet Union from Nineteenth to the Twenty-First Century // *A Global History of Convicts and Penal Colonies*. London, 2018. Pp. 271-306.

Brukhanova, Nezhentseva, 2018 – Brukhanova E.A., Nezhentseva N.V. Opinions about the First 1897 General Population Census in the Russian Empire Expressed in Regional Periodicals and Records Management Documents // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 794-803.

Bryukhanova, Vladimirov, 2017 – Bryukhanova E., Vladimirov V. Urban occupations in a Siberian city (Tobolsk, 1897) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. Pp. 56-73.

De Vito al., 2018 – De Vito Ch.G., Anderson C., Bosma U. Transportation, Deportation and Exile: Perspectives from the Colonies in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *International Review of Social History*. 2018. Vol. 63. Is. S26. Pp. 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859018000196>

Four Centuries..., 2014 – Four Centuries of Labor Camps. War, Rehabilitation, Ethnicity (2014-2019) // NIOD: Institute for War, Holocaust and Genocide Studies. [Electronic resource]. URL: <https://www.niod.nl/en/projects/four-centuries-labor-camps-war-rehabilitation-ethnicity>

Popova, 2018 – Popova Zh. Exile as Imperial Practice: Western Siberia and the Russian Empire, 1879–1900 // *International Review of Social History*. 2018. Vol. 63. Is. S26. Pp. 131-150.

References

Badcock, Pallot, 2018 – Badcock, S., Pallot, J. (2018). Russia and Soviet Union from Nineteenth to the Twenty-First Century. *A Global History of Convicts and Penal Colonies*, London, pp. 271-306.

Bortnikova, 1997 – Bortnikova, O.N. (1997). Katorzhnaya sukonnaya fabrika (1896-1906) v Tobol'skoi katorzhnoi tyur'me [Convict cloth factory (1896-1906) in the Tobolsk convict prison]. *Solovetskie chteniya* – 96, Tyumen. Pp. 63-64. [in Russian]

Bortnikova, 1998 – Bortnikova, O.N. (1998). Magometyane Kavkaza v Tobol'skoi ssylke i tyur'me [Mohammedians of the Caucasus in Tobolsk exile and prison]. *Sibirskie tatary: Materialy I Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»*, 14–18 dekabrya 1998. Tobol'sk. [in Russian]

Brukhanova, Nezhentseva, 2018 – Brukhanova, E.A., Nezhentseva, N.V. (2018) Opinions about the First 1897 General Population Census in the Russian Empire Expressed in Regional Periodicals and Records Management Documents. *Bylye Gody*, 48(2): 794-803.

Bryukhanova, Vladimirov, 2017 – Bryukhanova, E., Vladimirov, V. (2017). Urban occupations in a Siberian city (Tobolsk, 1897). *Quaestio Rossica*. 1(5): 56-73.

Dameshek, Dameshek, 2011 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2011). Ssylka i katorga v imperskom zakonodatel'stve [Exile and hard labor in imperial law]. *Sibirskaya ssylka*. Irkutsk. V. 6 (18). pp. 66-91. [in Russian]

De Vito al., 2018 – De Vito, Ch. G., Anderson, C., Bosma, U. (2018). Transportation, Deportation and Exile: Perspectives from the Colonies in the Nineteenth and Twentieth Centuries. *International Review of Social History*. 63(S26): 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859018000196>

Four Centuries..., 2014 – Four Centuries of Labor Camps. War, Rehabilitation, Ethnicity (2014-2019). NIOD: Institute for War, Holocaust and Genocide Studies. [Electronic resource]. URL: <https://www.niod.nl/en/projects/four-centuries-labor-camps-war-rehabilitation-ethnicity>

GAT – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State archive in Tobolsk city].

Instruktsiya..., 1896 – Instruktsiya dlya proizvodstva perepisi v zdaniyakh vedomstva Imperatorskogo Dvora, voennogo i morskogo, a takzhe v kazennykh i obshchestvennykh uchrezhdeniyakh i zavedeniyakh, v tyur'makh i lechebnykh zavedeniyakh, v chastnykh blagotvoritel'nykh uchrezhdeniyakh i v uchebnykh

zavedenyakh, priyutakh i bogadel'nyakh. Utverzhdena Ministerstvom vnutrennikh del 21.09.1896. [Instructions for the production of a census in the buildings of the department of the Imperial Court, military and naval, as well as in state and public institutions and institutions, in prisons and medical institutions, in private charitable institutions and in educational institutions, shelters and almshouses. Approved by the Ministry of Internal Affairs 21.09.1896]. [in Russian]

Margolis, 1978 – *Margolis, A.D.* (1978). Sistema sibirskoi ssylki i zakon ot 12 iyunya 1900 goda [The system of Siberian exile and the law of June 12, 1900]. Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri. XVIII – nachalo XX v. Novosibirsk. [in Russian]

Mikheev, 2005 – *Mikheev, A.P.* (2005). Tyur'my obshchego ustroystva i arestantskie otdeleniya Tobol'skoi gubernii v kontse XIX-nachale XX vv. [General prisons and detention departments of the Tobolsk province in the late 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 11: 217-226. [in Russian]

Mikheev, 2006 – *Mikheev, A.P.* (2006). Terroristy na tobol'skoi katorge nakanune i v gody I rossiiskoi revolyutsii [Terrorists in Tobolsk penal servitude on the eve and during the first Russian revolution]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 12: 129-147. [in Russian]

Nefedovskaya, 2013 – *Nefedovskaya, E.V.* (2013). K voprosu o znachenii katorgi i ssylki v rossiiskoi zhizni XIX – nachala XX vv. [On the question of the meaning of hard labor and exile in Russian life in the 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 3: 40-48. [in Russian]

Obshchii svod..., 1905 – Obshchii svod po Imperii rezul'tatov razrabotki, dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 goda [Total Results Of 1897 Population Census Taken In The Russian Empire On January 28, 1897]. V. 2. SPb., 1905. [in Russian]

Obzor deyatel'nosti..., 1897 – Obzor deyatel'nosti Tobol'skoi tyuremnoi inspektsii za pervyi god (s 1 noyabrya 1895 goda) [Review of the activities of the Tobolsk Prison Inspectorate for the first year (from November 1, 1895)]. *Tyuremnyi vestnik*. 4: 175-185. [in Russian]

Obzor..., 1897 – Obzor Tobol'skoi gubernii za 1896 god [Overview of the Tobolsk province for 1896]. Tobol'sk, 1897. [in Russian]

Otchet..., 1896 – Otchet po glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1894 god [General Prison Administration Report 1894]. *Tyuremnyi vestnik*. 1896, 10. [in Russian]

Pervaya..., 1905 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. LXXVIII (78) Tobol'skaya guberniya [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. LXXVIII (78) Tobolsk province]. SPb., 1905. [in Russian]

Polozhenie..., 1899 – Polozhenie o Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii, utverzhdennoe 5 iyunya 1895 goda [The First General Census of the Russian Empire Regulations, approved on June 5, 1895]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Vol. 15, SPb., 1899, pp. 397-403. [in Russian]

Popova, 2018 – *Popova, Zh.* (2018). Exile as Imperial Practice: Western Siberia and the Russian Empire, 1879–1900. *International Review of Social History*. 63(S26): 131-150.

Professii..., 1897 – Professii i zanyatiya naseleniya Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX veka. Analiz dannykh Pervoi vs Rossiiskoi perepisi naseleniya 1897 goda [Russian Empire Occupations in the Late 19th-Early 20th Centuries. First All-Russia 1897 Census]. [Electronic resource]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/> [in Russian]

Raspredelenie naseleniya, 1905 – Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym territorial'nym raionam [Distribution Of Population By Primary Occupations And Age Groups Throughout Different Regions] V. IV. SPb., 1905. [in Russian]

Sal'nikova, 2011 – *Sal'nikova, E.S.* (2011). Put' sledovaniya ssyl'nykh v Vostochnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX veka [The route of the exiles to Eastern Siberia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Istoriya i arkheologiya*. 1(48): 319-323. [in Russian]

Salomon, 1900 – *Salomon, A.P.* (1900). Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya [Exile to Siberia: an outline of its history and current situation]. SPb. [in Russian]

Shilovskii, 2004 – *Shilovskii, M.V.* (2004). Rol' katorgi i ssylki v zaselenii i osvoenii Sibiri v XIX – nachale XX vekov [The role of hard labor and exile in the settlement and development of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Sibirskii plavil'nyi kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoi Azii XVI – nachala XX veka*. Novosibirsk, pp. 165-173. [in Russian]

Skubnevskii, Goncharov, 2003 – *Skubnevskii, V.A., Goncharov, Yu.M.* (2003). Goroda Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachala XX v. Ch. I: Naselenie, ekonomika [Cities of Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Part I: Population, economy]. Barnaul. [in Russian]

Solov'eva, 1983 – *Solov'eva, E.I.* (1983). Rasselenie i polozhenie ssyl'nykh v Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [Resettlement and position of exiles in Siberia in the second half of the 19th century]. *Politicheskie ssyl'nye v Sibiri* (XVIII – nachalo XX v.) [Political exiles in Siberia (XVIII – early XX centuries)]. Novosibirsk, pp. 214–226. [in Russian]

Ustav..., 1890 – Ustav o ssyl'nykh. Izd. 1890 [The Charter of the Exiles. Ed. 1890]. Complete collection of laws of the Russian Empire, V. 14, SPb, 1890. [in Russian]

Zinov'ev, 2007 – Zinov'ev, V.P. (2007). Industrial'nye kadry staroi Sibiri [Industrial cadre personnel of old Siberia]. Tomsk. [in Russian]

Заключенные тобольских тюрем в конце XIX в.: социально-демографический портрет по материалам переписи 1897 г.

Елена Александровна Брюханова ^{a, *}, Оксана Ивановна Чекрыжова ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Сибирь в XIX в. устойчиво называлась «краем ссылки», что было обусловлено необходимостью решения важнейшей государственной задачи – колонизации окраин. Принудительное переселение оказывало существенное влияние как на структуру населения региона, так и на экономическое и культурное развитие территорий. К концу XIX в. только в Сибири остались крупнейшие каторжные тюрьмы в Тобольске и Иркутске. В таком контексте изучение различных аспектов системы ссылки и пенитенциарных учреждений Сибири является актуальным для исторических исследований.

В статье представлен анализ заключенных тобольских тюрем как особого социального элемента городского населения рубежа XIX–XX вв. Стоит отметить, что в Тобольске в этот период размещалось четыре пенитенциарных учреждения всех трех существующих в то время в Российской империи категорий: тюремный замок, исполняющий также роль пересыльной тюрьмы, две каторжные тюрьмы и арестантское отделение.

Основным источником данных стали первичные и статистические материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В переписных листах сохранились уникальные и достаточно полные сведения о заключенных всех тюрем города Тобольска, что позволило подробно рассмотреть целый ряд социально-демографических показателей арестантов: гендерный и возрастной состав, семейное положение, вероисповедание и родной язык, данные о социальной и профессиональной идентификации, сведения о миграции и/или маршрутизации каторжан.

Сопоставление общих характеристик обитателей тюрем и городского населения по материалам переписи 1897 г. подтвердило существенное влияние заключенных на социально-демографический «портрет» города по ряду показателей, таких как численность мужского трудоспособного населения, лиц, исповедующих магометанство, выходцев из других губерний, что, на наш взгляд, следует учитывать при проведении различных направлений исторических исследований. Таким образом, заключенных по совокупности показателей можно рассматривать как отдельную социальную группу городского населения Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: арестанты, каторжная тюрьма, социальная структура, город, перепись 1897, ГИС, Тобольск, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elena@hist.asu.ru (Е.А. Брюханова), niigi@yandex.ru (О.И. Чекрыжова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 948-959.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.948
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society

Yuliya S. Zamaraeva ^{a, *}, Ekaterina A. Sertakova ^a, Alexandra A. Sitnikova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The relevance of this research devoted to the study of archival materials and scientific articles of the early XX century about the northern peoples of the Russian Empire is associated with the contemporary industrial development of the northern territories of the Russian Federation: scientific evidence of the turn of the XIX-XX centuries describing the authentic life of the indigenous peoples of the North before the beginning of industrialization allow to determine correctly the modern legal, social and cultural status of such peoples. The research was carried out on the basis of studying such materials as archival documents, some reports for 1912, publications in "Zapiski" (1902, 1905, 1906) and "Izvestia" (1903, 1908, 1914) editions of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Department Of the Imperial Russian Geographical Society by the method of analysis of historical sources by V.M. Rynkov. The article analyzes in most detail such texts as "On the position of women among the foreigners of the Turukhansk region" by the author P.Ye. Ostrovskikh ("Izvestia", 1903), report "In the lower reaches of the Yenisei" by A.Ya. Tugarinov on an expeditionary trip in the summer of 1907 to the Turukhansk Territory ("Izvestia", 1908), a statistical essay "Inorodtsy of Eastern Siberia, their constitution and occupation" with the results of the general population census for 1897 in individual provinces by the author I. I. Serebrenikov ("Izvestia", 1914). The article makes it possible to trace the evolution in the interpretation of the peculiarities of the culture of the northern peoples by Russian scientists and field researchers from the end of the 19th century to 1914. Finally a conclusion is made about the contribution of the Krasnoyarsk subdivision of the VSOIRGO to the development of the ethnography of the northern peoples of the Russian Empire: the regularity of scientific field expeditions, the expansion of expeditionary research towards little-studied territories of the state, the systematization of knowledge about northern peoples, an increase in the number of outstanding scientists specializing in the study of northern peoples.

Keywords: northern peoples, Krasnoyarsk subdivision of the Russian Geographical Society, culture of indigenous peoples.

1. Введение

Исследования истории народов Российской империи на сегодняшний день представляют особую важность, так как помогают пролить свет на их современный статус и дать ответ на вопросы: какие трансформации произошли с ними, какой характер имеет историческая динамика этих народов и ряд других. Информация, связанная с изучением истории культуры и быта народов Российской империи, представляет не только историко-концептуальную, но и историко-методологическую ценность, так как именно в этот период были впервые научно зафиксированы знания, которые касались их аутентичного образа жизни, на который еще не повлияли процессы индустриализации и глобализации. Источники, в которых отражены специфические качества культуры и традиций народов Российской империи, имеют историческую значимость и нуждаются в актуальном анализе.

* Corresponding author

E-mail addresses: rybka08@bk.ru (Yu.S. Zamaraeva), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova)

Исследования русского народа периодически проводились, начиная с XVI века, интерес же к другим народам проявлялся по мере освоения обширной территории Российской империи, в том числе по восточному и северному направлениям. Переселенческое движение на рубеже XIX–XX веков и развитие экономики северных и восточных территорий России увеличили необходимость изучения дальних территорий империи, в том числе коренного населения Севера и Сибири.

Большую роль в изучении отдаленных от центра территорий Российской империи и населяющих их народов внесло Русское географическое общество, отделения которого возникали во многих регионах с целью ведения научно-просветительской деятельности в отдельно взятых губерниях и более подробного их изучения. Этнографические материалы, отражающие деятельность региональных отделений Русского географического общества, представляют собой значительную историко-источниковедческую ценность и до настоящего времени не были исследованы досконально в качестве источников по истории народов Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Ключевыми источниками для исследования северных народов Сибири в начале XX столетия стали документы (отчеты, письма, статьи и т.д.) Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее Красноярского подотдела ВСОИРГО), деятельность которого была связана с периодом 1901 по 1937 гг. Наибольший интерес представляют тексты первого десятилетия XX века, так как события Первой мировой войны приостановили работу членов подотдела, и печать научных и статистических данных затруднялась из-за того, что все типографии работали преимущественно для выполнения военных заказов.

В выборку вошли материалы из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК), Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, Красноярского краевого краеведческого музея. Это тексты, связанные с изучением Красноярским подотделом ВСОИРГО северных народов Енисейской губернии (современного Красноярского края), а именно:

- 8 архивных документов из фонда «Красноярский подотдел ВСОИРГО» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2);
- «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии» 1902, 1905, 1906 гг.;
- материалы «Известий Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» 1903, 1908, 1914 гг.;
- отчеты Красноярского подотдела ВСОИРГО за 1907–1910 гг., опубликованные в 1912 году.

2.2. В качестве теоретической базы для работы с документами был выбран анализ исторических источников по методике В.М. Рынкова. Согласно данному методологическому подходу, при анализе материалов периодической печати единицей исследования является не содержание всех публикаций, входящих в рассматриваемые фонды или журнал/газету целиком, а только некоторые документы и даже фрагменты текста, содержащиеся в них (Рынков, 2010: 46). Таким образом, выявляется значимость и своеобразие отдельного источника.

Была проведена систематизация источников, выделены ключевые аспекты в содержании текстов, связанные с изучением северных народов Енисейской губернии, проведен сравнительный анализ документов разных годов, позволивший зафиксировать динамику исследовательских целей, задач и методов Красноярского подотдела ВСОИРГО применительно к вопросу изучения сибирских народов.

3. Обсуждение

Открытие географических обществ в сибирских губерниях было обусловлено рядом причин, но, прежде всего, связывалось с хозяйственным освоением территории. Нуждались в решении вопросы колонизации и переселенческого движения, строительства Сибирской железной дороги, освоения Северного морского пути и т.д. (Дергачев, 2019: 27). Для осуществления важных национальных проектов в центре империи и были задействованы силы филиалов Русского географического общества. Важным направлением научных исследований рассматривался Енисейский край (Дергачев, 2019: 26).

История открытия Красноярского подотдела ВСОИРГО и ключевые этапы его работы рассматривалась в статьях ряда историков и краеведов: В.В. Хориной, Е.И. Майзик, А.С. Вдовина, Н.П. Гуляевой, Н.П. Макарова и др.

Так, например, В.В. Хорина (2016) сосредоточила внимание на научной деятельности Подотдела, указывая на то, что представители организации сыграли важную роль в популяризации научного знания в Енисейской губернии и значительно обогатили культурную жизнь на территории губернии. В статье автор выявляет основные направления работы Подотдела, коротко разбирая деятельность его представителей: М.Е. Киборта, В.И. Анучина, П.Е. Островских и других. А также отмечает значимость организации в пополнении коллекции городского музея в Красноярске и фонда библиотеки, важных для развития интеллектуальной среды Красноярска учреждений (Хорина, 2016: 24).

Объектом изучения Е.А. Базылевой стала издательская деятельность Красноярского подотдела. Исследователь подробно разбирает публикации организации, содержания номеров «Записок» и

«Известий», их обмен и рассылку. В данной статье говорится, что именно печать и распространение научных изысканий Красноярского подотдела ВСОИРГО способствовали формированию книжной культуры в регионе в досоветский период (Базылева, 2016: 11).

Н.П. Макаров, А.С. Вдовин, Н.П. Гуляев и др. в издании «Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.)» (2001) рассматривают структуру Подотдела, дают хронику ключевых моментов в деятельности организации, уделяя значительное внимание археолого-этнографическим исследованиям членов общества РГО. Например, достаточно подробно рассматривается экспедиция В.А. Данилова в Южную Сибирь, в результате которой была сформирована коллекция по истории и культуре народов Приенисейского края в Красноярском городском музее.

Таким образом, рассмотрение деятельности Красноярского подотдела ВСОИРГО в современных публикациях представлено в определенных аспектах. Издание научных работ членами данной организации, их многопрофильность позволяют рассматривать достаточно много тем, связанных с Енисейской губернией. Можно отметить, что направление исследований сибирских народов не раз упоминалось в современных источниках, но подробно на тему изучения северных этносов Красноярским подотделом ВСОИРГО еще никто не останавливался.

4. Результаты

4.1. Общая характеристика деятельности Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества

Красноярский подотдел ВСОИРГО был открыт в 1901 году (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1). Перед его членами были поставлены задачи всестороннего изучения Енисейской губернии, взаимодействия с сопряженными территориями и популяризации науки среди общественности региона. Помимо этого, данная организация внесла огромный вклад в зарождение и развитие книжной культуры Сибири.

В архивном документе «Положение о Енисейском отделе Императорского Русского географического общества» определены ключевые направления деятельности: изучение края в географическом, естественно-историческом, этнографическом и статистическом <состоянии> (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1; Ф. 217. Оп. 1. Д. 4).

Состав Красноярского подотдела не был постоянным. Например, в момент его открытия в состав входило 18 членов-учредителей, 9 февраля 1902 года членами подотдела числились 72 человека, а на 1 января 1903 года в составе подотдела было 68 человек, из них 39 имели местожительство в Красноярске, а 29 – вне его: в Енисейской губернии – 16 человек, остальные в Томске, Иркутске, Петербурге, за границей. Председателем организации вплоть до революционных событий был Виктор Ювентинович Григорьев, правителем дел часто выступал Владимир Михайлович Крутовский.

Научная деятельность Красноярского подотдела ВСОИРГО была представлена несколькими направлениями: исследование географии, флоры и фауны Севера и Сибири Российской империи; изучение этнографии и археологии данной территории. Помимо этого, члены общества занимались охраной исторических памятников, проведением экспедиций, географических экскурсий, сбором статистической информации, пополнением библиотеки, сбором музейных экспонатов, обменом исследовательского опыта, популяризацией науки.

С момента основания подотдела в Енисейской губернии было принято решение выпускать два печатных издания – «Записки» и «Известия». В первом планировалось печатать работы большего объема – исследования, дневники экспедиций. Во втором – протоколы и небольшие статьи. Выпуск материалов «Записок» был связан с наполняемостью номера, «Известия» должны были публиковаться не менее 2 раз в год. Рецензированием и подготовкой текстов к публикации занимался Распорядительный комитет. Печать осуществлялась по заказу подотдела в типографиях разных городов.

Почти сразу Красноярский подотдел установил научные связи и вступил в обмен печатными изданиями со 139 учреждениями и представителями интеллигенции в России и за рубежом. «Известия» рассылались в Академию наук, канцелярию Иркутского военного генерал-губернатора, в филиалы ИРГО, научные общества, вузы, статистические бюро, музеи, библиотеки и т.д.

4.2. Исследования северных народов Енисейской губернии в трудах Красноярского подотдела ВСОИРГО

«Записки»

В 1902 году вышли в свет первые «Записки по этнографии». Данный номер был посвящен фольклору (сказкам и песням), собранному в сибирских губерниях. Записи, вошедшие в выпуск, из Енисейской губернии собрали и привели в порядок А.А. Макаренко, Н.А. и А.В. Адриановы. В предисловии к выпуску, составленном Г.Н. Потаниным, сообщалось, что проделанная работа едва ли не первое собрание сибирских сказок. Ранее существовало мало записей и все они были опубликованы в разных изданиях.

Второй выпуск «Записок по этнографии» был сформирован и опубликован в 1905 году. Самой заметной его частью были «Материалы по антропологии Сибири» К.И. Горощенко.

Третий этнографический выпуск «Записок», он же последний, вышел год спустя, в 1906 году. Как и первый номер, он был посвящен фольклору – русским сказкам и сказкам северных народов Енисейской и Томской губерний (Рисунок 1). Здесь было опубликовано 57 сказок и указатели (предметный и именной) ко всем трем сборникам.

Рис. 1. Записки Красноярского подотдела ВСОИРГО по этнографии. Титульный лист и авантитул. Фото из фондов ГУНБ Красноярского края

В данном номере представлены тунгусская сказка «Кируядыш», записанная Григ Бондарем, и ряд сказок, зафиксированных в период экспедиции Шевцова по исследованию быта северных народов Сибири в 1900 году.

Фиксация данных сказок была необходимой, так как существовала лишь устная традиция рассказа сказочных историй среди сибирских этносов, которая могла быть легко утрачена. Помимо этого, в сказках отражались архетипы, верования и элементы быта народов, их представления о предках и истории своей культуры.

«Известия»

«Известия» публиковались чаще, их содержание было гораздо многообразнее, чем в «Записках». Так, в одном номере могли содержаться материалы по геологии, зоологии, этнографии, а также отчеты и протоколы заседаний Красноярского подотдела ВСОИРГО.

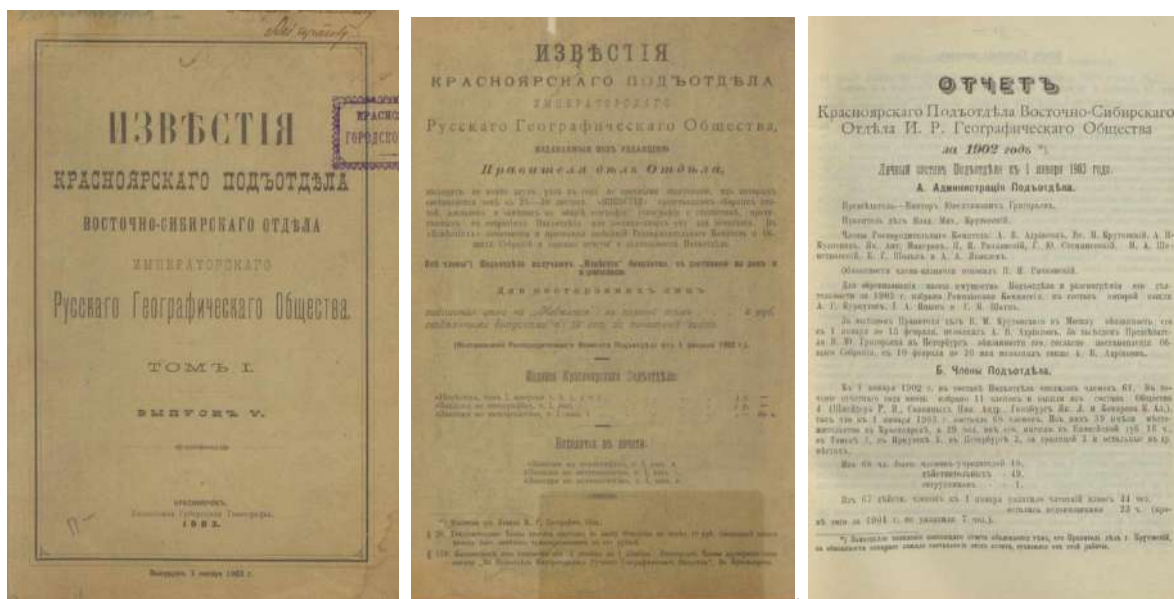

Рис. 2. Известия Красноярского подотдела ВСОИРГО. Титульный лист и страницы разделов издания. Фото из фондов ГУНБ Красноярского края

В «Известиях» Красноярского подотдела публиковались отчеты экспедиционных поездок к северным народам Енисейской губернии. Если в первых выпусках собраны краткие рукописные отчеты путешествий, совершенных еще до начала деятельности Подотдела, то с начала XX в. публикуются подробные сводные отчеты поездок, организованных и субсидированных Центральным отделом ИРГО.

Одним из первых упоминается сводный отчет о путешествии г. Асташева с проводником-переводчиком А. Мицким и рабочими в 1897 г. к тунгусам-оленеводам в пос. Чиринда. В кратком рукописном отчете подробно изложен маршрут следования и упомянуто, что во время экспедиции была пробита камнем лодка и утоплены горные породы, а также дневники наблюдения. К отчету приложен ценный документ «Антропологические наблюдения», по которому по заданной схеме составлялось подробное антропологическое описание с фиксацией места и времени наблюдения (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 8. Л. 48-52).

Материалы по северным народам Енисейской губернии отражены в нескольких выпусках. Например, к изучаемой тематике относится публикация «О положении женщины у инородцев Туруханского края», написанная П.Е. Островских в 1902 году и опубликованная в «Известиях» 1903 г. (Известия. Т. 1. Вып. 5. 1903). Это весьма занятное исследование, так как полностью сосредоточено на роли женщины в общине и ее положении в сравнении с мужчиной.

Уже с самого начала автор отмечает, что у всех туруханских народов женщины совершенно в одном положении, исполняют одни и те же работы, но нельзя сказать, что их положение ущемлено или плохо. Они делают то, что следует для поддержания порядка в хозяйстве. При этом П.Е. Островских проводит сравнения представительниц народов севера Сибири с женой императора Вильгельма в том, что их жизнь четко подчинена традициям и верованиям. Их служение и есть их религия – шаманство и старые суеверия, которые дают четкое представление о «кухне» и «детях» как правильной жизни (Известия. Т. 1. Вып. 5. 1903: 13), даже несмотря на тот факт, что некоторые из них могут быть крещены.

Исследователь очень детально воспроизводит распорядок дня и рутинные занятия представительниц народов Севера (долган и тунгусов), выделяя самые главные функции: поддержание тепла в чуме, приготовление пищи, забота о мужчине и детях, сбор чума, выделывание оленьих шкур и пошив одежды и обуви, сбор и разбор нюков при перекочевках, иногда помощь в ловле оленей. На женщине также лежит обязанность «вести аргиш, или караван, привязав все нарты со скарбом, сколько бы их ни было, к своим саням, запряженным тремя оленями» (Известия. Т. 1. Вып. 5, 1903: 14). Автор восхищается женщинами, отмечая, что одновременно водить аргиш из десятка нарт и следить при этом за оленями может справиться далеко не каждый мужчина.

«Женщина довольна своим положением, так как с нею всегда обращаются хорошо, даже несмотря на то, что она не покладая рук работает по хозяйству. Самую опасную и трудную работу все же выполняет мужчина» (Известия. Т. 1. Вып. 5, 1903: 14). При всей занятости она умеет оставаться женщиной – у нее есть наряды и украшения в избытке. «Самоедка увешана на груди медными пластинами в виде полумесяца, или баямо, на поясе массой цепей и колец, в косах медной цепью», «богатая есейская якутка носит громадные серьги из серебра, серебряные кольца, на шее металлическое ожерелье с тонким орнаментом. По праздникам она надевает массивное серебряное кольцо на шею, к которому привешен на цепи массивные крест, тонкой работы, величиной со священнический, на грудь и на спину спускается по несколько цепей с красивыми, широкими орнаментированными пряжками» (Известия. Т. 1. Вып. 5, 1903: 14). Для наглядности автор приводит подробную опись имеющихся нарядов в гардеробе северной жительницы.

Затрагивая вопрос мировоззрения женщин Севера, исследователь отмечает сильную веру в шаманизм. Он приводит в пример историю дочери якута Василия Ботулу, которая вышла замуж за тунгуса из Элимпейского рода Туруханского края Федора Словцова-Сухачарь против воли своих родных. Она отказала нескольким видным женихам из якутов, потому что «ей давно шаман предсказал, что быть ей за тунгусом замужем». И когда ей сделал предложение тунгус, она сразу согласилась, не зная ничего по-тунгуски, равно как и ее новоиспеченный, не знающий и слова по-якутски.

Приданое и вещи, нажитые в браке, женщины-представительницы северных народов сильно оберегают, поэтому, чтобы получить какой-либо предмет, вызывающий научный интерес, нужно платить большие деньги, а чаще смириться и уйти ни с чем. И даже согласные на сделку мужья ничего не могут поделаться с нежеланием женщины. Автор делает вывод о том, что женщина полна суеверий, поэтому очень сложно купить вещи, и в особенности детскую одежду (которая оберегает ребенка от несчастий и болезней). То же самое наблюдается у женщин в верховьях Енисея, в Сойотской земле. «Продавая вещь, инородка обыкновенно срезает с нее какую-либо пуговицу или ремешок; продавая утварь, пускает незаметно по рукам сидящих в чуме женщин, заставляя таким образом посудину обойти вокруг чумового костра из суеверия» (Известия. Т. 1. Вып. 5, 1903: 16).

Описание самих шаманов и их практик в тексте отсутствует, при этом автор отмечает, что женщины-шаманки не редкость. Обычно ими становятся долганки и якутки, наиболее склонные среди женщин севера к нервным и душевным заболеваниям. «Из припадочных и эпилептичных женщин вырабатываются впоследствии шаманки» (Известия. Т. 1. Вып. 5, 1903: 18).

В работе также рассматриваются обычаи ранней женитьбы у якутов, долган и затундренных крестьян, двоеженство у мангазейских юраков; межэтнические браки. Отмечается, что русские крестьяне и казаки часто брали в жены якуток, долганок и в особенности тунгусок, ибо они были на хорошем счету (культурнее и чистоплотнее самоедов и остячек), а ссыльнопоселенцы, разночинцы и торговцы держали их в наложницах. В этой же работе разбираются вопросы калыма за невест у разных народов, внебрачных связей и рожденных в них детей, разводы (если супруги пришлось друг другу не по праву), описываются роды и похоронные обряды.

Таким образом, можно отметить, что П.Е. Островских в рамках деятельности Красноярского подотдела ВСОИРГО собрал внушительный материал о жизни женщины из числа северных народов в Туруханском крае. Пусть данных не так много, но они затрагивают ключевые этапы жизни женщины, ее быт, мировоззрение и отношение к себе. В качестве методов исследователь обращался к наблюдению и описанию, а также использовал беседы с коренным населением Туруханска и их личные истории для наглядности некоторых утверждений. Данный текст позволяет сделать выводы о вполне приемлемом образе жизни женщины на Севере Российской империи, ее правах и значимом положении в семье.

В «Известиях» 1908 г. (Известия. Т. 2. Вып. 3–4. 1908) опубликован предварительный отчет «В низовьях Енисея» А.Я. Тугаринова об экспедиционной поездке летом 1907 г. в Туруханский край, организованной по поручению Красноярского подотдела Императорского РГО. В течение 4 месяцев ученые А.Я. Тугаринов и В.И. Тугаринова, а также художник Д.И. Каратанов вели наблюдение (естественно-историческое, метеорологическое, антропологическое и этнологическое с анализом социальных и экономических процессов) и работали над сбором коллекций (ботанических, орнитологических, геологических и др.) для Красноярского музея. Отчет представляет собой полевой дневник, в котором в научном стиле представлена большая географическая картина тундры и берегов Енисея с подробным именованьем всего наблюдаемого и услышанного от местных жителей. Так, одно из наблюдений посвящено описанию жизни рыболовов, самоедов и долган, проживающих в семи чумах в селе Гольчиха Туруханского района. Автор дает анализ экономическому положению северных народов как бедственному и кабальному, полностью зависимому от кредиторов-промышленников и торговцев. Однако бесконфликтное поведение в межгрупповом отношении и самобытный образ жизни становятся ключевыми характеристиками северных народов как особой этнической группы, сохраняющей ценности своей культуры в поликультурном окружении: «Ничтожный период времени, в который мне удалось наблюдать этих обитателей полуночных стран, не позволяет ближе остановиться на их характеристиках, но свое впечатление я мог бы сформулировать так: это честный, мирный и правдивый народ с самыми элементарными основами материальной культуры, но с прочно установившимися положительными моральными традициями, народ, способный к культуре, здоровый, и если его не держать в тех же невозможных условиях существования, в которых он находится сейчас, то он еще надолго сохранит свою этнографическую самостоятельность и будет истинным колонизатором края» (Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 115). Результаты полевых экспедиций, инициированных Императорским РГО, изучались и протоколировались в Академии наук, поступали в коллекции Красноярского городского музея, публиковались в виде обзоров «Известий».

В этом же томе 1908 г. содержится обзор отделов коллекций музея (по состоянию к началу 1906 г.), где в разделе «Этнография» музейные предметы дифференцированы и идентифицированы по принадлежности к группам северных народов Енисейской губернии: сойоты, остяки, тунгусы, юраки, долганы, самоеды, якуты. Каждую предметную коллекцию предваряет краткое описание этнической группы с целью «дать картину жизни и быта северных народов и русского населения Енисейской губернии... <> ... по месту обитания народностей с юга губернии на север» (Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 37-38).

Таблица 1. Описание северных народов Енисейской губернии

Остяки	«Представляют бродячее вымирающее племя, некогда более многочисленное. Живут в Туруханском крае по нижнему течению Енисея между его притоками Сымом и Курейкою, а также по р. Тазу отдельными временными станками из нескольких берестяных чумов. Занимаются гл. обр. рыболовством и охотой, крещены, но остались верны старой религии – шаманизму. Ведут торговлю с русскими, продавая пушнину и приобретая необходимые предметы обихода» (Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 39).
Тунгусы	«В пределах Енисейской губернии занимают рассеянно всю северную ее часть, начиная приблизительно с широты г. Енисейска почти до 70 градусов северной широты. Кочуя на этом пространстве, занимаются оленеводством, охотой (по преимуществу), рыбной ловлей. С русскими торгуют пушниною, покупая чай, табак, порох и пр. Почти все крещены, но, являясь внешне христианами, остаются последователями шаманизма» (Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 39).

Самоеды и юраки	«Обитают в Туруханском крае за полярным кругом до берегов Ледовитого океана. Занимаются оленеводством и охотой» (<i>Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 40</i>).
Якуты и долганы	«Помесь якутов и тунгусов, обитающие также в арктических широтах Туруханского края» (<i>Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 40</i>).

Необходимо отметить, что в 1903 г. Красноярский городской музей переходит в ведение Красноярского подотдела ИРГО с целью стать местным научным учреждением, предоставляя посетителям «интересную и поучительную наглядную школу» (*Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 16*). Для этого на постоянной основе развивается научное сотрудничество с музеем Томского университета, при этом ведущие научные сотрудники начинают вести просветительскую деятельность о результатах совершенных экспедиций для красноярских и томских слушателей (например, популярная лекция на тему «За полярным кругом: очерки Туруханского края» консерватора музея А.Я. Тугаринова).

К 1908 г. в Подотделе состоялось уже 72 члена, работавших над развитием деятельности музея и библиотеки посредством проведения общих собраний и заседаний Распорядительного комитета, где решались вопросы обмена изданиями, рассмотрения рукописных материалов для публикации, проведения лекций, организации полевых исследований на северных территориях для сбора музейных коллекций по естественной истории, этнографии, выяснения физических условий края и установления отношений с местными жителями. В помещении музея в этнографическом зале «почти в естественную величину» установлен чум енисейских остяков с полной обстановкой и манекеном остяка, рядом в шкафах расположены коллекции вещей представителей коренного населения Сибири, что, по мнению сотрудников музея, «характеризует быт аборигенов страны и дает сведения, получить которые нередко можно только путем специального изучения» (*Отчеты за 1907–1910 гг.: 34*).

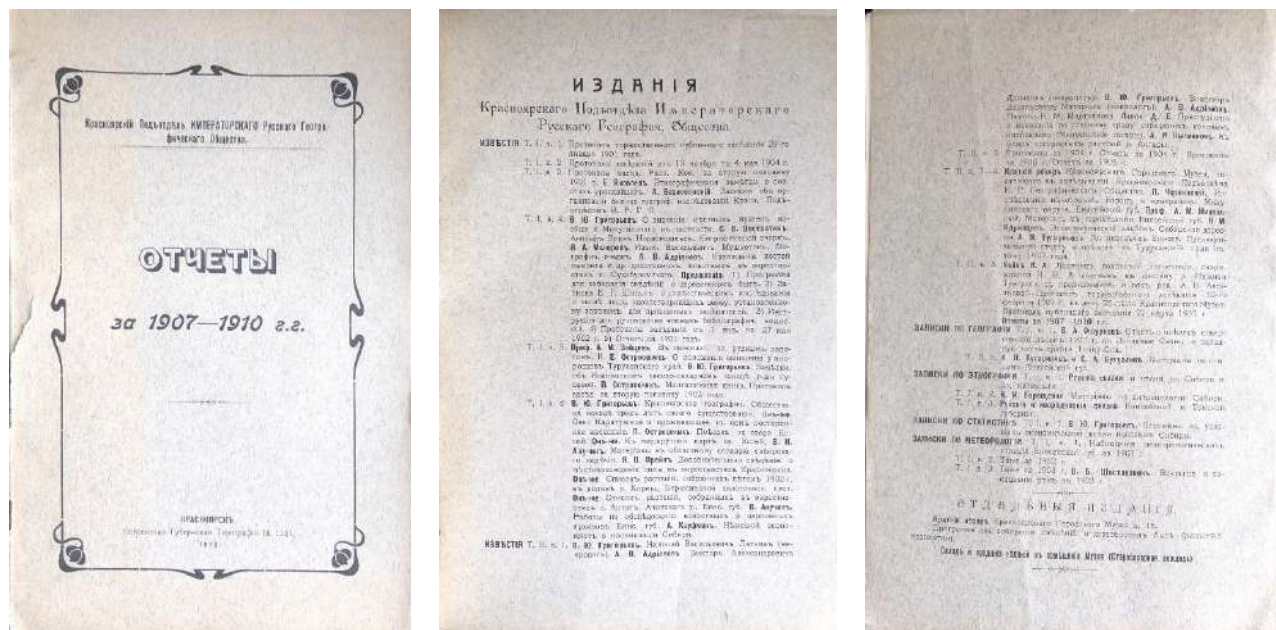

Рис. 3. Отчеты за 1907–1910 гг. Титульная страница и выпускные данные изданий Красноярского подотдела ИРГО». Фото из личного архива авторов

В 1910 г. по инициативе консерватора музея был устроен этнографический вечер, на который был «специально выписан из Мунусинского уезда шаман, качинский инородец, который и исполнил во время вечера обряд камлания» (*Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 88*). В документе «Отчеты» Подотдела за 1910 г. дается описание запланированных работ: расширение помещения музея, каталогизация статей по Енисейской губернии и поступлений изданий из Императорской Академии наук и других ведущих научных учреждений, систематизация коллекций для лучшего экспонирования, экспедиционные поездки по промышленным предприятиям губернии для начала коллекционирования продуктов их производства и наглядного представления в местном музее.

В «Отчетах» четко прослеживается переход в деятельности Подотдела от изучения северных народов Сибири к вопросам промышленного освоения: «на одном из заседаний, именно 8 октября, было заслушано сообщение К.М. Рычкова, занимавшегося, по поручению музеев этнографического и Императора Александра III, собиранием и изучением материалов этнографического характера в пределах Енисейской губернии. Сообщение имело предметом работы, произведенные г. Рычковым среди этносов Туруханского края, причем докладчик дал обзор своих прежних исследований в этой

области и коснулся вопроса о психологии шаманства. Доклад этот не был предложен вниманию Общего Собрания, так как по существу он встретил весьма серьезные возражения со стороны Распорядительного Комитета» (*Известия. Т. 2. Вып. 3–4, 1908: 73*).

Сотрудники в 1911 г. в честь 10-летнего успешного существования Подотдела в крае планировали добиться переименования Подотдела в Отдел для увеличения субсидий и возможности «роста» направлений музейной деятельности. Однако ни переименования, ни торжественного празднования не состоялось в связи с постановлением Распорядительного комитета.

В статистическом очерке «Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия» приводится цифровой анализ результатов всеобщей переписи населения за 1897 год по отдельным губерниям империи. Автор И.И. Серебренников указывает на необходимость анализа данных по Сибири, отмечая, что «Сибирь, как нам кажется, не избалована вообще вниманием официальной статистики, и поэтому данными о Сибири нужно дорожить в особенности» (*Известия. Т. 43, 1914: 122*). Данная работа посвящена аналитике статистического материала, касающегося только коренного населения Восточной Сибири. Основной объем данных приведен по бурятам, якутам и тунгусам.

Перепись позволила обратить внимание на следующие важные вопросы: сохранность родного языка, принадлежность к сословию, территориальное проживание, распределение численности мужчин и женщин по возрастам, принадлежность к вероисповеданию, семейное положение, количество лиц с физическими недостатками (слепые, глухонемые, умалишенные), род деятельности.

Так, например, якуты как самый многочисленный этнос представлены не только в Якутской и Иркутской губерниях, но и в Енисейской земле (1097 мужчин и 1084 женщины). В процентном соотношении стариков и старух они занимают первое место среди северных народов Восточной Сибири. В религиозном вопросе – единогласно указывали себя православными. Из статистики видно, что 95,5 % якутов – добытчики по роду деятельности, независимы и живут неплохо. Прислуживают лишь 2,9 % представителей народа (*Известия. Т. 43, 1914: 146*).

Для Енисейской губернии наибольший интерес представляет статистическая справка по тунгусам.

Губ. и области.	В с е г о			в ь т о м ь ч и с л ь в ь г о р о - д а х ь.		
	м.	ж.	о б . п .	м.	ж.	о б . п .
Амурская	756	594	1.350	1	—	1
Енисейская	1.545	1.403	2.938	1	7	8
Забайкальск.	15.171	15.265	30.436	42	22	64
Иркутская	1.023	994	2.017	10	1	11

Рис. 4. Данные переписи тунгусов в Восточной Сибири. Общая численность человек. Таблица, опубликованная в «Известиях ВСОИРГО» за 1914 г. Фото из фондов ГУНБ Красноярского края

Как видно из таблицы (*Рисунок 4*), Енисейская губерния занимает 2-е место по проживанию тунгусских народностей – 2938 человек. Отмечено, что они встречаются исключительно в Енисейском (1306) и Туруханском (1635) уездах. Высок среди тунгусов процент детей, наблюдается перевес старух над стариками. В вопросе вероисповедания (*Рисунок 5*) северные народы Енисейской губернии демонстрируют существенное отличие от тунгусского этноса других земель. Здесь самый наименьший процент православных (58,3 %) и наибольший процент представителей нехристианской веры – шаманизма (40,7 %). Этот весьма значимый показатель сообщает нам, что на Севере Енисейской Сибири коренные жители были более свободны от влияния процессов христианизации и в большей степени сохраняли традиционный образ жизни. Этот факт также подтверждают данные опроса о деятельности тунгусов. Учитывая проживание этноса на Севере и непригодность земли для сельского хозяйства, ключевыми занятиями тунгусов Енисейской губернии выступают охота и рыболовство (*Рисунок 6*).

Губ. и области	правосл.	буддисты	ост. некрит. вероиспов.
Амурская	87,2	—	12,8
Енисейская	58,3	1,0	40,7
Забайкальская	73,2	21,9	4,9
Иркутская	99,0	—	1,0
Приморская	83,0	4,6	12,4
Якутская	100,0	—	—
Въ среднемъ	81,6	11,4	7,0

Рис. 5. Данные переписи тунгусов в Восточной Сибири. Вероисповедание. Таблица, опубликованная в «Известиях ВСОИРГО» за 1914 г. Фото из фондов ГУНБ Красноярского края

Губ. и области	земледѣл.,	животновод.,	рыбол. и охота.
Амурская	355	178	585
Енисейская	41	248	2.568
Забайкальск.	16.468	11.013	2.023
Иркутская	227	122	1.481
Приморская	1.191	6.855	8.131
Якутская	44	7.817	2.748
Всего	18.426	26.233	17.536*

Рис. 6. Данные переписи тунгусов в Восточной Сибири. Род деятельности. Таблица, опубликованная в «Известиях ВСОИРГО» за 1914 г. Фото из фондов ГУНБ Красноярского края

Данные переписи являются значимым источником в вопросе изучения коренного населения Севера Енисейской губернии. Во-первых, они как минимум заявляют о существовании данных народов в составе Российской империи, а во-вторых, собирают данные, которые уже способны проявить их уникальность в вопросах физического и духовного существования.

Архивные документы из фонда «Красноярский подотдел ВСОИРГО»

В ГАКК хранятся 29 писем Ядринцева за 1873–1874 гг., удостоверяющие факт систематического эмпирического изучения с целью последующего научного анализа природных и антропологических черт северных народов Енисейской Сибири (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 7). Также имеются архивные материалы фенологических наблюдений села Бельское Енисейского уезда за 1901–1903 гг. Г.Г. Ермолаевым (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 20А). Два документа – об изучении народности сойотов: доклад по рассказам старожилов о торговых отношениях сойотов «Точжинского хошуна» с минусинскими татарами-колонистами (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 49) и исторический обзор А.А. Турчанинова о племени «урянхи» на территории Сибири с VII века до завоевания Сибири русскими (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 47).

О вкладе в изучение сибирских народов представителями ИРГО Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным изложено в научном докладе М.Н. Богданова «Движение инородческого населения Аскизского, Абаканского и Кырлыского ведомств Енисейской губернии», прочитанного 25 ноября 1911 г. в г. Красноярске (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 44). Главными факторами формирования обособленности Енисейской Сибири автор считает физические условия (жесткий климат обусловил обособленность сибирского населения как в физических, так и духовных отношениях) и поликультурный характер населения: «Пестрота этнографического состава населения Сибири неизбежно должна оказать свое влияние на развитие Сибирской культуры и искусства. Ведь инородцы говорят на своих языках, имеют более или менее богатое прошлое, многие из них имеют свою письменность и литературу, <... > усвоение чужого языка, с чуждыми и непривычными оборотами речи и понятиями, выработанными чужой культурой, обогащает круг представлений русского населения, налагает особый отпечаток на весь душевный склад русского сибиряка, вырабатывает в нем умственную гибкость и эластичность мысли». В докладе на материале анализа двух статистических отчетностей переписи населения (период 1890–1896 гг.) М.Н. Богдановым доказывается факт постоянного присутствия северных народов в составе этнографической карты Сибири: их эмиграция в русские поселения не превышает их демографического (естественного) прироста, численность проживающих в русских семьях представителей северных народов не велика; их скотоводство претерпевает те же трудности, что и крестьянское земледелие, в связи с этим ошибочно склонять данные этносы к переходу к земледелию. Проблемами демографического и миграционного учета северных народов Сибири зачастую становятся малограмотные писари и

безграмотные старосты и их отсутствие «на местах своей прописки» во время экспедиционной переписи населения. Однако автор фиксирует две проблемы в сохранении поликультурного характера Сибири. Первая причина кроется в потере знания «своего родного языка и национальности» в русскоязычной среде (особенно во втором и третьем поколении), что влияет на «определение жизненности племен как культурной единицы» (под словом «жизненность» имеется в виду интенсивность естественного прироста). Вторая причина состоит в некорректном методе изучения северных народов со стороны исследователей-путешественников, которые зачастую выдвигают гипотезы о вымирании или вырождении северных народов. Автор призывает в вопросах научного изучения исключить «метафизические предпосылки» и приводит слова Г.Н. Потанина: «Путешественник уже из одной вежливости к чужому народу должен изучать язык туземцев. Иногда из вежливости сдерживать свой язык гораздо легче, чем изучать другой язык» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 44. Л. 12). Таким образом, к началу XX века ученые ИРГО фиксируют уникальность поликультурного формирования и развития Енисейской Сибири, исследуя ее как неотъемлемую составляющую в составе Российской империи и фиксируя необходимость комплексных научных исследований по оценке демографических, миграционных и этнокультурных процессов.

5. Заключение

Именно благодаря деятельности подразделов Императорского Русского географического общества можно говорить о развитии этнографических исследований и более организованных научных экспедиций. Их цели и задачи становятся более конкретными, случайность, имевшая место быть ранее, практически перестала встречаться. В качестве направлений стали выбираться наиболее удаленные и малоизученные территории государства. Научные исследования Сибири интенсифицировались, и появился целый пласт литературы, связанный с ее изучением. Многие исследователи, входившие в членство подразделов, приобрели известность по всей империи, заложив традиции дальнейшего изучения северных народов.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001.

Литература

Базылева, 2016 – Базылева Е.А. Красноярский подраздел ВСОИРГО: история выпуска и распространения изданий в 1901–1917 гг. // Материалы Юбилейной конференции, посвященной 115-летию Красноярского краевого отделения Русского географического общества. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дергачев, 2019 – Дергачев А.Ю. Отделы императорского Русского географического общества в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2019. С. 24-27.

Записки..., 1902 – Записки Красноярского подразделения Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Т. 1. Вып. 1. Красноярск, 1902.

Записки..., 1905 – Записки Красноярского подразделения Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Т. 1. Вып. 2. Красноярск, 1905.

Записки..., 1906 – Записки Красноярского подразделения Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Т. 1. Вып. 3. Томск, 1906.

Записки..., 1914 – Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск: Типография Н.Н. Синицина. Т. 43, 1914 год. Иркутск: Типография Товарищества печатного дела, 1914. 189 с.

Известия..., 1903 – Известия Красноярского подразделения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1902–1914. Т. 1. Вып. 5. 1903. 71 с.

Известия..., 1908 – Известия Красноярского подразделения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1902–1914. Т. 2. Вып. 3–4. 1908. 138 с.

Отчеты за 1907–1910 гг., 1912 – Отчеты за 1907–1910 гг. // Красноярский подраздел Императорского Русского географического общества. Красноярск: Енисейская Губернская Типография № 1151, 1912. 98 с.

Русское географическое общество..., 2001 – Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.): научное издание / А.С. Вдовин, Н.П. Гуляев, Н.П. Макаров и др.; Красноярский гос. пед. ун-т. Красноярск, 2001. 120 с.

Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.

[Хорина, 2016](#) – Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // *Вестник ТГПУ*. 2016. № 9 (174). С. 21-28.

References

[Bazyleva, 2016](#) – Bazyleva, Ye.A. (2016). Krasnoyarskiy podotdel VSOIRGO: istoriya vypuska i rasprostraneniya izdaniy v 1901–1917 gg. [Krasnoyarsk subdivision of VSOIRGO: the history of publication and distribution of publications in 1901–1917]. *Materialy Yubileynoy konferentsii, posvyashchonnoy 115-letiyu Krasnoyarskogo krayevogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. [in Russian]

[Dergachev, 2019](#) – Dergachev, A.Yu. (2019). Otdely imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Departments of the Imperial Russian Geographical Society in Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. *Interesko Geo-Sibir'*. Pp. 24-27. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of Krasnoyarsk Krai].

[Izvestiya..., 1903](#) – Izvestiya Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Russian Geographical Society]. Krasnoyarsk: Yeniseyskaya gubernskaya tipografiya, 1902 – 1914. T. 1, V. 5; 1903. 71 p. [in Russian]

[Izvestiya..., 1908](#) – Izvestiya Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Russian Geographical Society]. Krasnoyarsk: Yeniseyskaya gubernskaya tipografiya, 1902–1914. T. 2, V. 3-4. 1908. 138 p. [in Russian]

[Izvestiya..., 1914](#) – Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk: Tipografiya N. N. Sinitsina. T. 43, 1914 god. Irkutsk: Tipografiya Tovarishchestva pechatnogo dela, 189 p. [in Russian]

[Khorina, 2016](#) – Khorina, V.V. (2016). Krasnoyarskiy podotdel Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva (KORGO) kak tsentr nauchnogo izucheniya Yeniseyskoy gubernii [Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Russian Geographical Society (KORGO) as a center for scientific study of the Yenisei province]. *Vestnik TGPU*. 9(174): 21-28. [in Russian]

[Otchety za 1907-1910 gg., 1912](#) – Otchety za 1907-1910 gg. [Reports for 1907-1910]. Krasnoyarskiy podotdel Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Krasnoyarsk subdivision of the Imperial Russian Geographical Society]. Krasnoyarsk: Yeniseyskaya Gubernskaya Tipografiya № 1151, 98 p. [in Russian]

[Russkoye geograficheskoye obshchestvo..., 2001](#) – Russkoye geograficheskoye obshchestvo v Krasnoyarske (1901-1937 gg.) [Russian Geographical Society in Krasnoyarsk (1901-1937): scientific publication]. A.S. Vdovin, N.P. Gulyayev, N.P. Makarov i dr.; Krasnoyarskiy gos. ped. un-t. Krasnoyarsk, 2001. 120 p. [in Russian]

[Rynkov, 2010](#) – Rynkov, V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodicals: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

[Zapiski..., 1902](#) – Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii [Notes of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for Ethnography]. T.1, V.1. Krasnoyarsk, 1902. [in Russian]

[Zapiski..., 1905](#) – Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii [Notes of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for Ethnography]. T.1, V.2. Krasnoyarsk, 1905. [in Russian]

[Zapiski..., 1906](#) – Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii [Notes of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for Ethnography]. T.1, V.3. Tomsk, 1906. [in Russian]

**Северные народы Российской империи в материалах Красноярского подотдела
Восто́чносибирского русского географического общества**

Юлия Сергеевна Замараева ^{a, *}, Екатерина Анатольевна Сертакова ^a,
Александра Александровна Ситникова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность настоящего исследования, посвященного изучению архивных материалов и научных статей начала XX века о северных народах Российской империи, связана с современным развитием и промышленным освоением северных территорий Российской Федерации: научные свидетельства рубежа XIX–XX веков, описывающие аутентичный быт коренных народов севера до начала процессов индустриализации, позволяют корректно определить современный правовой, социальный и культурный статус таких народов. Исследование проведено на основе изучения таких материалов, как архивные документы, отчеты за 1912 год, публикации в изданиях «Записки» (1902, 1905, 1906 гг.) и «Известия» (1903, 1908, 1914 гг.) Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества методом анализа исторических источников В.М. Рынкова. Наиболее подробно в статье проанализированы такие тексты, как «О положении женщины у инородцев Туруханского края» П.Е. Островских («Известия», 1903), отчет «В низовьях Енисея» А.Я. Тугаринова об экспедиционной поездке летом 1907 г. в Туруханский край («Известия», 1908), статистический очерк «Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия» с результатами всеобщей переписи населения за 1897 год по отдельным губерниям И.И. Серебренникова («Известия», 1914). Статья позволяет проследить эволюцию в интерпретации особенностей культуры северных народов российскими учеными и полевыми исследователями с конца XIX века до 1914 года. В заключении сделан вывод о вкладе Красноярского подотдела ВСОИРГО в развитие этнографии северных народов Российской империи: регулярность проведения научных полевых экспедиций, расширение экспедиционных исследований в сторону малоизученных территорий государства, систематизация знаний о северных народах, рост числа выдающихся ученых, специализирующихся на изучении северных народов.

Ключевые слова: северные народы, Красноярский подотдел Русского географического общества, культура коренных народов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова), sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 960-968.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.960
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20th century (on the Example of Kalmykia)

Konstantin N. Maximov ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XIX - early XX century in the process of modernization of Russian statehood, national regions were also included, in particular the Kalmyk steppe (Kalmykia), as part of a multiethnic state. Taking into account the peculiarities of their development, social reforms, reforms of public administration, self-government, administrative-territorial structure and other spheres were singled out into separate, sequential stages in the implementation of the general modernization policy of the Russian state. The preparatory stage and reforms of public administration, administrative-territorial structure and other spheres of Kalmykia dragged on for almost half a century, in fact, until the beginning of the crisis in Russia.

This part of the article examines the processes of modernization of the highest level of state administration of the Kalmyk steppe – the Administration of the Kalmyk people. As a result of the centralization of management, it was withdrawn from the provincial department, subordinated directly vertically to the Ministry of Internal Affairs in the status of a state institution of Russia with its own system of subordinate bodies – ulus administrations. Officials of state institutions of Kalmykia were integrated into the unified system of personnel policy of the country in accordance with the Table of Ranks. In accordance with the general trend in the state apparatus of Kalmykia, the number of officials increased, and its state administration was subjected to bureaucratization.

The complex of reforms also included the administrative-territorial reorganization of the Kalmyk steppe, which led to the transformation of local self-government of Kalmykia into the general system of the state. There have been no significant changes in the judicial system. The estates of the judiciary of the Kalmyk steppe, in fact, remained in the hands of the executive branch. As a result of the reform of the management of khurul (church) institutions, the highest clerical ranks in status were equated with civil servants and allocated into a separate independent class group.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk steppe, Astrakhan province, Ministry of Internal Affairs, peasant reform, modernization, public administration, self-government, ulus, aimak, Management of the Kalmyk people.

1. Введение

Царское правительство, проведя общее реформирование государственного управления Калмыцкой степью, местного самоуправления в ней в соответствии с основными принципами отмены крепостнических отношений в стране, приступило прежде всего к инкорпорированию высшего звена административного управления калмыцким народом в систему государственных учреждений империи. Эта реформа, являвшаяся составной частью модернизационной политики российской государственности, была проведена в два этапа. К начальному этапу следует отнести меры по реформированию в конце XIX в. В соответствии с новым положением о Калмыцкой степи в 1897 г., ровно через 50 лет, упраздняется высшая должность в управлении народом – главный попечитель калмыцкого народа, которую занимал на протяжении этого времени управляющий палатой

* Corresponding author

E-mail addresses: max37maximov@yandex.ru (K.N. Maximov)

земледелия и государственных имуществ Астраханской губернии. Его полномочия по управлению калмыцким народом были возложены на астраханского губернатора. Все это, естественно, вписывалось в проводимый правительством курс концентрирования всего управления и самоуправления на местах в руках губернатора.

Несколько ранее, в мае 1894 г., указом Александра III чинам Управления калмыцким народом (УКН) ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ вменялось в обязанность ношение обмундирования, введенное «Положением о гражданских мундирах» (27 февраля 1834 г.) для российских чиновников государственных учреждений. Учитывая особенности полномочий чинов УКН, было введено обмундирование, подходящее к уездной полицейской службе (ПСЗРИ, 1834: 168, 169, 180), но с некоторым отличием. Действительно, чиновники УКН и улусных управлений в основном выполняли полицейские функции: следили за сохранением общественного порядка, сбором податей, вели статистический учет и отчетность, надзор за передвижением населения. По указанию главного попечителя калмыцкого народа все чиновники УКН и улусных управлений уже к сентябрю 1894 г. были облачены в новую форму обмундирования с чиновными знаками, означавшими место служения, степень звания и должность (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 443. Л. 77, 79, 80).

На следующем этапе модернизации подверглись реорганизации высшие звенья административного управления Калмыцкой степью, судебная система, а также был унифицирован правовой статус чиновников Калмыкии, духовенства, проведена реформа административно-территориального устройства. Основная цель реформы заключалась в введении их в систему государственных учреждений и чиновников, единое правовое пространство Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили различные виды документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Они были созданы и отложились в результате деятельности центральных государственных учреждений (Министерств земледелия и государственных имуществ, внутренних дел) России, администрации Астраханской губернии, Управления калмыцким народом, улусных управлений и др. Документальные материалы, разнообразные по времени происхождения, авторству и видам (законы, приказы, инструкции, положения, отчеты, справки, докладные, переписка и т.д.), выявлены в фондах Национального архива республики Калмыкия. Статья написана с привлечением новых письменных источников нормативного, законодательного характера, опубликованных в различных документальных изданиях, а также материалов статистики. Все выявленные и использованные виды источников подверглись источниковедческому анализу не только для решения традиционных проблем источниковедения (происхождения и содержания источников), но и для изучения социально-общественных явлений, системы механизмов государственного управления и ее функционирования. При написании статьи использовался принцип историзма, который позволил рассматривать общественно-политическое развитие Калмыкии как объективный, закономерный процесс в общеисторическом пространстве России. Кроме того, применялись принципы объективности, всесторонности, в соответствии с которыми, опираясь на совокупность фактов, извлеченных из документальных источников, раскрывается истинная, реальная действительность со всеми ее аспектами. Также использовались общие и конкретные методы исторического исследования: проблемно-хронологический, позволивший проблеме реформы государственного управления Калмыцкой степью рассмотреть в общем контексте модернизации Российской государственности в конкретный исторический период; компаративный анализ применялся для раскрытия общих и особенных черт в пореформенном государственном управлении Калмыкией по сравнению с предыдущей системой управления, а также для изучения особенностей компетенции и полномочий структур управления Калмыцкой степью. Учитывая многообразие выявленных и вводимых в научный оборот исторических источников, применены и принципы эвристики с целью удобства их классификации по различным признакам (в основном по хронологии, авторству, географическому) для изучения источников в комплексе, сгруппированных по названным критериям.

3. Обсуждение

Несмотря на достаточную литературу, посвященную истории модернизации системы управления, государственных учреждений России (Сукиасян, 1996; Ерошкин, 1975; Ерошкин, 1983; Королева, 1982; Абдулатипов и др., 1992 и др.), в них авторы не рассматривали проблемы реформирования управления в национальных окраинах именно в начале XX в. В отдельных трудах историков (Пашков, 1997; Национальные окраины, 1998 и др.) имеются лишь фрагментарные сведения о реформах в Калмыкии XIX и начала XX вв. Б.Г. Пашков лишь упомянул о реформе 1892 г. в хронологической таблице своей книги (Пашков, 1997: 587). Ш.Ф. Мухамедьяров в коллективной монографии о реформе 1892 г. ограничился одним предложением, отметив лишь то, что улусовладельцы и правители (правильно: улусовладельцы-правители, зайсанги-правители – Авт.) были отстранены (правильно: упразднены их должности – Авт.) от участия в местном управлении. Из реформ начала XX в. он упомянул только передачу в декабре 1902 г. (им указана дата 1903 г.)

управления Калмыцкой степью из ведения Министерства земледелия и государственных имуществ в МВД ([Национальные окраины, 1998: 54](#)).

В историографии истории Калмыкии немалое внимание уделено закону от 16 марта 1892 г. и проведенным в соответствии с ним реформам. Одним из первых этой проблемы коснулся Ф.И. Плюнов в статьях, написанных еще в 1920-х годах, а опубликованных лишь в сборнике его трудов ([Плюнов, 2016](#)). В имеющихся работах ([Очерки истории..., 1967](#); [История Калмыкии..., 2009](#); [Эрдниев, 1985](#); [Максимов, 2002](#); [Команджаев, 1999](#); [Команджаев, Мацакова, 2011](#) и др.) историков Калмыкии, посвященных закону 1892 г., не исследуются реформы, проведенные в его развитие. Исключением является монография Команджаева и Мацаковой, в которой сделана попытка рассмотреть лишь административно-территориальную реформу 1910 г.

3. Результаты

В комплексе с административной реформой в 1906 г. завершилось формирование органов суда в Калмыцкой степи. 10 марта 1906 г. император Николай II высочайше соизволил открыть во всех улусах судебные органы – Зарго. В его состав входили: председатель – попечитель, заведующий улусом, члены – два помощника попечителя (заведующего), два заседателя, избираемые из числа калмыков (зайсангов) на улусном сходе. Фактически было сделано отступление от принципов бессловности суда и отделения его от исполнительной власти, введенных судебной реформой 1864 г. в Российской империи. В результате реформы судебная власть в улусах Калмыцкой степи оказалась в руках их попечителей. Фактически попечители введенным 12 июля 1889 г. законом по должности были приравнены к должностным лицам, к земским начальникам, объединившим в своих руках административную и судебную власть. Высшей кассационной инстанцией по всем делам, за исключением уголовных, являлось Астраханское губернское по крестьянским делам присутствие. Жители Калмыцкой степи по уголовным делам могли обращаться в Астраханскую судебную палату Саратовского округа. В 1908 г. МВД письмом от 9 декабря с целью сокращения сроков рассмотрения дел разрешило улусным Зарго проводить выездные заседания в аймаках, в отдельных случаях и в хотонах.

Проведенные реформы во всех звеньях управления в значительной степени централизовали и бюрократизировали государственный аппарат Калмыцкой степи, что, естественно, отразилось на документировании деятельности ее государственных учреждений, увеличении их документооборота и переписки, статистической отчетности. Количество поступивших и исходящих документов в УКН с 1899 по 1912 г. увеличилось вдвое, а с 1904 по 1912 г. – входящих на 30,6 %, исходящих – на 27,5 %. В улусных управлениях, по сравнению с дореформенным периодом, к 1911 г. количество входящих бумаг увеличилось на 46,5 %, исходящих – на 26,7 % ([НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 165. Л. 34; Д. 188. Л. 27; Ф. И-9. Оп. 1. Д. 227. Л. 323, 325; Д. 357. Л. 41-42; Оп. 5. Д. 1132. Л. 40; Оп. 10. Д. 18. Л. 84](#)).

Значительный объем составляло и документирование деятельности Зарго, возложенное на улусное управление. Имеющиеся сведения о количестве рассмотренных и решенных дел улусными судами Зарго свидетельствовали о возрастающем объеме их работы в послереформенный период, роли в соблюдении правопорядка. В судебных органах существенно увеличилась документация по гражданским делам, особенно по земельным спорам ([НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 227. Л. 327; Оп. 10. Д. 18. Л. 88](#)).

Таким образом, при выделении управления калмыцким народом в отдельное звено и введении местного самоуправления не произошло сокращения дел у чиновников государственных учреждений России и администрации Калмыцкой степи. Наоборот, увеличилось количество чиновников, возросла их загруженность и переписка между центральными, губернскими административными инстанциями и органами самоуправления. В конечном итоге реформа привела к усилению бюрократии и власти чиновников. Чиновники всех рангов УКН и улусных управлений Калмыцкой степи, обмундированные в форму, возведенные в степень присяжных вплоть до старшин аймаков и старост хотонов, полностью интегрировались в систему чиновников государственных учреждений Российской империи. Об этом свидетельствовала и новая кадровая политика, можно сказать, включение высших должностей – заведующего калмыцким народом, попечителей, заведующих улусными управлениями – в номенклатуру должностей МВД страны.

В этом отношении яркий пример – назначение князя Николая Леонидовича Оболенского, выпускника Санкт-Петербургского университета, чиновника МВД, представителя известного старинного княжеского рода Оболенских в России, заведующим Управления калмыцким народом. Это управление как государственное учреждение легитимно стало использоваться в вертикальной «номенклатуре», бюрократической иерархии служилых чинов по Табелю о рангах и «Положению о порядке производства в чины по гражданской службе» в качестве своеобразной стартовой площадки, социального лифта для продвижения по протекции нужной кандидатуры по ступеням служебной лестницы.

Князь Николай Леонидович Оболенский в возрасте 23 лет окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и в год окончания учебы, в сентябре 1901 г., приказом министра внутренних дел В.К. Плеве был зачислен на службу в Земский отдел МВД. Один из ближайших его родственников, А.Д. Оболенский, в 1897–1901 гг. служил в МВД в качестве товарища министра,

с 1902 г. – товарища министра финансов, с 1905 г. обер-прокурора Синода. Флигель-адъютант князь Н.Д. Оболенский входил в ближайшее окружение царя Николая II. Поэтому Николай Леонидович без особых усилий передвигался по служебным ступеням. В том же году он высочайшим приказом по гражданскому ведомству был утвержден в чине коллежского секретаря. В марте 1903 г. МВД назначает его начальником 1-го участка Люцинского уезда, а в январе 1904 г. возвращает в МВД и назначает младшим помощником делопроизводителя Земского отдела. В ноябре того же года он производится в гражданский чин титулярного советника (IX класс).

Высочайшим приказом министра внутренних дел по гражданскому ведомству от 25 октября 1904 г. князь Н.Л. Оболенский в возрасте 26 лет назначается заведующим Управления калмыцким народом. Перед отъездом в Калмыцкую степь 1 ноября 1904 г. он удостоился аудиенции Николая II, его благословения с установлением ему по указанию императора добавочного денежного содержания по 1500 руб. в год по смете расходов МВД. К месту службы в Астрахань он прибыл 15 ноября 1904 г. и через год был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Проработав 16 месяцев заведующим калмыцким народом, 10 марта 1906 г. с разрешения министра внутренних дел П.Н. Дурново Н.Л. Оболенский отправляется в двухмесячный отпуск в Санкт-Петербург, после которого не вернулся в Калмыцкую степь. Высочайшим приказом министра № 43 от 2 июня 1906 г. он назначается чиновником особых поручений в гражданском чине VI класса при МВД. В последующие годы князь, начавший служебную карьеру в Калмыкии, занимал должности помощника статс-секретаря Государственного совета, в годы Первой мировой войны при штабе Верховного главнокомандующего – начальника Канцелярии по гражданскому управлению (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 223. Л. 2, 13-16; 18, 33-33 об., 49, 67 об., 79).

Аналогичный путь по иерархической лестнице по Табелю о рангах, прибыв со скромной должности в МВД, прошел путь от попечителя улуса и заведующего калмыцким народом титулярный советник Сергей Андреевич Козин, назначенный высочайшим приказом по гражданскому ведомству МВД от 9 августа 1908 г. В этой должности С.А. Козин в декабре 1909 г. получил орден Св. Станислава 3-й степени, был произведен в коллежские асессоры. В Калмыцкой степи он проработал до назначения министром внутренних дел с высочайшего соизволения его 21 марта 1911 г. непременным членом Астраханского губернского по крестьянским делам присутствия.

С.А. Козин, проработав в 1914–1918 гг. в Монголии, получил прочные знания по истории, культуре монголов, монгольских народов, стал крупным ученым по монголоведению. Он перевел и издал с комментариями монгольский эпос «Гесериада» (М., 1935), а в 1938, 1940 и 1941 гг. вышл его фундаментальные труды: «Эпос монгольских народов», «Джангариада. Героическая поэма калмыков», «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.». Наибольшую популярность ему принес перевод «Тайной истории монголов», ставший классическим изданием не только для российской науки, но и мировой (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 185. Л. 11, 61, 111, 190; Д. 194. Л. 112-115).

Академик АН СССР С.А. Козин заслужил благодарную память у калмыков не только административными делами в Калмыцкой степи, но и результатами научной деятельности, особенно в исследовании героического эпоса калмыцкого народа «Джангар». Несмотря на высокий статус ученого страны, накануне Великой Отечественной войны Козин С.А., как бывший номенклатурный чиновник МВД царской России в Калмыцкой степи, был включен органами МВД СССР с указанием места жительства и работы (Ленинград, Институт монголоведения) в список-справочник потенциальных врагов советской власти (НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 531. Л. 21-38).

В административно-территориальном отношении Калмыцкая степь в конце XIX в. делилась на 7 улусов, 227 аймаков и 819 хотонов. Если до реформы 1910 г., несмотря на небольшое их сокращение за счет укрупнения, аймаки традиционно формировались по родовому признаку, хотоны – по семейно-родственным связям, по реформе они строились по территориальному признаку и количественному составу населения: аймак (волость) в пределах от 700 до 1000 кибиток-семей, в отличие от волости – административной единицы России (до 2 тыс. семей). Административно-территориальная реорганизация, проведенная в Калмыцкой степи, положительно повлияла на развитие взаимоотношения калмыцкого населения с русским, активизировала процесс их интеграции.

В 1904 г. в Калмыцкой степи проживало 142450 человек, в том числе 137998 (96,88 % всей численности населения степи) калмыков (72172 мужчин, 65826 женщин). По социальному составу калмыцкое население делилось на привилегированное сословие: нойонов – 34 (18 мужчин, 16 женщин), зайсангов – 2821 (1480 мужчин, 1341 женщина); духовенство – 996 человек; простолюдинов – 134147 (69678 мужчин, 64469 женщин). По вероисповеданию население Калмыцкой степи представляло в основном буддистов (136554 чел.) и православных (5017 чел., в том числе 1444 крещеных калмыка), являвшихся по роду занятий чиновниками, служащими учреждений, торговцами; третью группу составляли магометане (837 чел.) (Первая всеобщая..., 1897: 42-43; Первая всеобщая..., 1899: 40-41).

Число улусов (восемь с образованием Манычского) было сохранено, в результате укрупнения количество аймаков сократилось со 198 до 34, хотонов – с 772 до 180 (Материалы статистико-экономического..., 1910: 442-573; НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 14-23; Оп. 5. Д. 443. Л. 37, 53;

Ф. И-21. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-2). Новое административно-территориальное устройство в Калмыцкой степи было введено с 1 января 1910 г. в соответствии с распоряжением № 36649 Министерства внутренних дел от 7 декабря 1909 г.

Укрупненные аймаки по статусу приравнивались к волостям, управление аймаками – волостному, то есть аймаки, хотоны, приравненные по делам хозяйственным к обществам, были введены в общекрестьянское общественно-административное устройство и управление. По утвержденной министром внутренних дел 4 ноября 1909 г. «Инструкции должностным лицам калмыцкого общественного управления Астраханской губернии», положения которой соответствовали учреждениям по крестьянским делам 1861 г., сохранялось прежнее административное деление. Дополнительно лишь создавались в калмыцких поселениях Кегульта, Бислюрта, Чилгир волости с избираемым на сходе старшиной и волостным управлением, где проживали крещенные калмыки и крестьяне.

В Инструкции определялось, что по делам хозяйственным первичным звеном являются хотонные общества, которые объединяются в аймаки, а для управления и по судебным делам последние – в улусы. Были сохранены местные органы самоуправления в улусах, аймаках, хотонах – сходы, а также исполнительные органы – управления, за исключением хотонов, административные руководители – попечитель улуса (глава улусного управления), заведующий частью крупного улуса, старшина аймака, староста хотона. Для обеспечения общественного порядка назначался полицейский стражник при аймачном управлении. Должностные лица улуса, за исключением штатных государственных служащих классовых чинов, аймака и хотона избирались на соответствующих сходах сроком на три года. Возрастной ценз для участника схода (не моложе 25 лет) и имущественный ценз в Инструкции от 4 ноября были сохранены (НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 8. Л. 34).

Избранные на сходах лица (демчеи, бодокчеи, старшины, старосты и др.) могли вступить в должность только после принятия присяги на верность службе и утверждения астраханским губернатором. Аймачным старшинам и хотонным старостам предоставлялось право нанимать в правление с разрешения попечителя улуса писаря с определенным денежным вознаграждением, устанавливаемым решением схода. Должности аймачного старшины и хотонного старосты, как и волостного старшины и сельского старосты, фактически являлись штатными с жалованьем, устанавливаемым сходом общества. Аймачным старшинам, как и прежде, полагался должностной знак из светлой бронзы для ношения на шею на светло-бронзовой цепи при исполнении служебных обязанностей и вручалась печать (Инструкция, 1910: 4-5; Российское законодательство..., 1989: 62). Тем самым калмыцкое население приобрело социальный статус крестьянства, способствовавший интеграции его с русским населением. Несмотря на сокращение количества аймаков и хотонов, перевод их старшин и старост в государственных чиновников и с установлением штатных сотрудников, значительно увеличились расходы на содержание управленческого аппарата. А с открытием почтовых станций при аймачных управлениях установились постоянные и прочные связи между улусами, аймаками, повысилась оперативность и эффективность управления.

Помимо этого, положительным результатом административно-территориальной реформы явилось упорядочение землепользования и более точное определение границ путем перераспределения земель между аймаками и разграничения наделных угодий. При проведении землемерных работ были составлены подробные описания территорий улусов и аймаков с указанием не только количества удобных и неудобных земель, но и занятых под пашни, сенокосы, огороды и сады. Все эти меры позволили более рационально использовать земли, развивать земледелие в Калмыцкой степи.

Поскольку основное население Калмыцкой степи по вероисповеданию относилось к ламаитам (буддистам), то их религиозные потребности удовлетворяла значительная группа (995 человек) калмыцкого духовенства, служившая в 1904 г. в 23 больших и 41 малом хурулах (церквях) под управлением ламы (высший духовный сан) и бакшей (высшее духовное лицо в хуруле). Крещенные калмыки в поселке Князе-Михайловском имели православную церковь, в которой служили священник-миссионер, дьякон-учитель и псаломщик (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 201. Л. 92-95; Д. 227. Л. 237, 241; Ф. И-21. Оп. 1. Д. 161. Л. 1-4).

Калмыцкое духовенство всех улусов возглавлял лама калмыцкого народа, избравшийся по Положению 1847 г. из числа бакшей больших хурулов с учетом мнений улусовладельцев, управляющих и опекунов улусов, главного попечителя калмыцкого народа. А в соответствии с реформами начала 90-х годов XX в. – с учетом мнений попечителей улусов и заведующих улусами, заведующего калмыцким народом, представителя МВД – астраханского губернатора, т.е. государственных чиновников. Представленная министром внутренних дел кандидатура на должность ламы калмыцкого народа утверждалась высочайшим указом императора.

В 1904 г. ламой калмыцкого народа являлся 79-летний Джимбе-Балдан Делгериев, из зайсангов Багацохуровского улуса, Запсурова рода. В 13 лет он получил первое духовное звание «манджи» (ученика), пройдя все ступени иерархической службы в хурулах, на 63 году получил должность старшего бакши всех хурулов, а 18 января 1898 г. после кончины (5 июля 1897 г.) ламы Баара-Шара Манджиева был возведен высочайшим указом императора Николая II в сан ламы калмыцкого

народа. А бакшей всех хурулов 10 августа 1898 г. был назначен старший бакша всех хурулов Багацохуровского улуса, гелюнг из простолюдинов, Барунова рода 58-летний Чимид Балданов. В 1904 г. он удостоился серебряной медали «За усердие» на Станиславской ленте. Высочайшим указом императора от 3 декабря 1910 г. Чимид Балданов был возведен в высокий духовный сан – ламы калмыцкого народа (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 227. Л. 243; Оп. 5. Д. 1132. Л. 38; Ф. И.-21. Оп. 1. Д. 165. Л. 8).

Под влиянием реформ и политических событий в Калмыцкой степи начала активизироваться и общественно-политическая жизнь. Калмыцкая интеллигенция и буддийское духовенство, заметно усиливавшие свою роль в формировании общественного сознания, выдвигают ряд требований. В феврале 1905 г. инициативная группа в лице нойона Ц.-Д. Тундутова, зайсангов Л. Арлуева и О. Норзунова, бакши хурулов Большедербетовского улуса Д. Сетенова, получив благословение ламы Д.-Б. Делгериева и бакши Ч. Балданова, направила докладную записку председателю Комитета министров С.Ю. Витте, где был поставлен вопрос об уравнении в правах ламаистов (буддистов) с православными. По сути дела, выдвигалось требование о национальном равноправии. В обстановке начавшихся бурных политических событий в стране в начале XX в. правительство с целью успокоения верующих, в том числе и буддистов, подготовило проект указа «Об укреплении начал веротерпимости», который был подписан императором 17 апреля 1905 г. Его основные принципы вскоре подтвердились Манифестом 17 октября 1905 г., провозгласившим свободу совести в России, а также Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. (гл. вторая, пункт 39) (Российское законодательство..., 1994: 41, 48; НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 866. Л. 306.).

С этого времени прекращалась политика попечительства администрации по регламентации деятельности хурулов, преследовавшая сокращение хурулов и их служителей. Количество больших хурулов в Калмыцкой степи к 1912 г., по сравнению с 1902 г., увеличилось ненамного – всего на 2, а малых хурулов – на 14. Численность священнослужителей за этот период в хурулах Калмыцкой степи увеличилась с 1049 до 1752 человек (священнослужителей – гелюнгов с 564 до 638, гецулей с 334 до 458, манджиков (учеников) со 151 до 601), то есть более чем в полтора раза.

У священнослужителей собственность была представлена в двух формах – общей хурульной и индивидуальной. Например, большой хурул Александровско-Багацохуровского улуса имел 73 верблюда, 775 лошадей, 105 коров, 1200 овец, малый хурул этого же улуса – 32 верблюда, 555 лошадей, 66 коров, 1050 овец. Значительная часть служителей хурулов, за исключением манджиков, относилась к богатому сословию. Так, гецуль хурула Икицохуровского улуса Лиджи Ходжигоров имел табун в 500 лошадей. Он в дар преподносил лошадей императорам России. По словам астраханского губернатора М.А. Газенкампа, «табуном Ходжигоров занимается грамотно, настойчиво, а не по калмыцкой рутине». В связи с этим губернатор предлагал попечителю Икицохуровского улуса поощрить его и перевести Лиджи Ходжигорова, как грамотного коневода, из гецулей в гелюнги (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 866. Л. 3 об.; Д. 2291. Л. 197-198).

5. Заключение

В процессе модернизации российской государственности во второй половине XIX – начале XX вв. реформе подверглись центральное и местное управление, судебная система, административно-территориальное устройство Калмыцкой степи. В результате проведенных реформ административное и территориальное управление, самоуправление населения Калмыцкой степи полностью интегрировались в единоподчиняемую систему страны, а их служащие унифицировались в статусе с государственными чиновниками Российской империи. Судебная реформа, введя принципы бессловности, сосредоточила административную и судебную власть в руках попечителя улуса, приравненного в этом отношении к земскому начальнику. Отмена обязательных отношений, реформы привели к унифицированию социальной структуры калмыцкого населения с социальной структурой населения страны с сохранением сословий, разных по правовому статусу. Реформирование административно-территориального устройства Калмыцкой степи, проведенное в соответствии с основными принципами столыпинской аграрной политики, разрушило сельскую общину, круговую поруку, привело к интеграции народов, населяющих Калмыцкую степь. В целом реформы явились новым этапом в экономическом и общественно-политическом развитии Калмыкии, определившим курс на развитие новых экономических отношений (рынка). В результате осуществленных реформ Калмыкия в начале XX в. трансформировалась в российскую государственность в статусе особого административно-территориального управления – Калмыцкая степь с элементами субъекта Российской империи.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России (№ государственной регистрации АААА-А19-119011490038-5).

Литература

- Абдулатипов и др., 1992** – *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. Кн. 1. М.: Республика, 1992. 386 с.
- Ерошкин, 1975** – *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. Книга для учителей. М.: «Просвещение», 1975. 190 с.
- Ерошкин, 1983** – *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
- Инструкция..., 1910** – Инструкция должностным лицам калмыцкого общественного управления Астраханской губернии. СПб., 1910. 14 с.
- История Калмыкии..., 2009** – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
- Команджаев, 1999** – *Команджаев А.Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Команджаев, Мацакова, 2011** – *Команджаев А.Н., Мацакова Н.П.* Реформа 1892 года в Калмыкии. Элиста: Изд-во ФГБОУ ВПО «КалмГУ», 2011. 240 с.
- Королева, 1982** – *Королева Н.Г.* Первая Российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. 184 с.
- Максимов, 2002** – *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Материалы статистико-экономического..., 1910** – Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии: В 2-х ч. Астрахань: Паровая губ. тип., 1910. Ч. 2. Таблицы к статистическо-экономическому обследованию Калмыцкой степи Астраханской губернии, составленные по данным похозяйственных опросных листов, заполненных в 1909 г. 702 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Национальные окраины, 1988** – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1988. 416 с.
- Очерки истории..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Пашков, 1997** – *Пашков Б.Г.* Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862–1917 гг. 2-е издание. М.: ЦентрКом, 1997. 640 с.
- Первая всеобщая..., 1897** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетр. 1. СПб.: Изд. Центр. Статкомитет МВД, 1899. 53 с.
- Первая всеобщая, 1899** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб.: Изд. Центр. Статкомитет МВД, 1899. 166 с.
- Плюнов, 2016** – *Плюнов Ф.И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.
- ПСЗРИ, 1834** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. 1834. Отделение первое. СПб., 1835. 891 с.
- ПСЗРИ, 1892** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. 1892. Отделение первое. СПб., 1897. 734 с.
- ПСЗРИ, 1894** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIV. 1894. Отделение СПб., 1898. 1529 с.
- ПСЗРИ, 1902** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902. Отделение первое. СПб., 1904. 1030 с.
- ПСЗРИ, 1906** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. СПб., 1909. 1141 с.
- Российское законодательство..., 1989** – Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид. лит., 1989. 816 с.
- Российское законодательство..., 1994** – Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. 352 с.
- Сукиасян, 1996** – *Сукиасян М.К.* Власть и управление в России: диалектика традиций и инноваций в теории и практике государственного строительства. М.: Изд-во Российской академии госслужбы при Президенте Российской Федерации, 1996. 374 с.
- Эрдниев, 1985** – *Эрдниев У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмиздат, 1985. 282 с.

References

- Abdulatipov i dr., 1992** – *Abdulatipov, R.G., Boltenkova, L.F., Yarov, Yu.F.* (1992). Federalizm v istorii Rossii [The Federalism in the history of Russia]. Кн. 1. М.: Respublika, 386 p. [in Russian]
- Erdniev, 1985** – *Erdniev, U.E.* (1985). Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki [Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. 3-e izd., pererab. i dop. Elista: Kalmizdat, 282 p. [in Russian]

- Eroshkin, 1975** – *Eroshkin, N.P.* (1975). Samoderzhavie nakanune krakha [The Autocracy on the eve of collapse]. Kniga dlya uchitelei. M.: Prosveshchenie, 190 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1983** – *Eroshkin, N.P.* (1983). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoi Rossii [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]: Uchebnik dlya studentov vyshikh uchebnykh zavedeniy po spetsial'nosti «Istoriko-arkhivovedenie». 3 izd., pererab. i dop. M.: Vyshaya shkola, 352 p. [in Russian]
- Instruktsiya..., 1910** – Instruktsiya dolzhnostnym litsam kalmytskogo obshchestvennogo upravleniya Astrakhanskoi gubernii [Instruction to officials of the Kalmyk public administration of the Astrakhan province]. SPb., 1910. 14 p. [in Russian]
- Istoriya Kalmykii..., 2009** – Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The History of Kalmykia from ancient times to the present day]. Elista: Izdat. dom «Gerel», 2009. T. 2. 840 p. [in Russian]
- Komandzhaev, 1999** – *Komandzhaev, A.N.* (1999). Khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskii opyt i sovremennost' [Economy and social relations in Kalmykia in the late 19th – early 20th centuries: historical experience and modernity]. Elista: «Dzhangar», 262 p. [in Russian]
- Komandzhaev, Matsakova, 2011** – *Komandzhaev, A.N., Matsakova, N.P.* (2011). Reforma 1892 goda v Kalmykii [The reform of 1892 in Kalmykia]. Elista: Izd-vo «KalmGU», 240 p. [in Russian]
- Koroleva, 1982** – *Koroleva, N.G.* (1982). Pervaya Rossiiskaya revolyutsiya i tsarizm. Sovet ministrov Rossii v 1905–1907 gg. [The first Russian revolution and tsarism. Council of Ministers of Russia in 1905–1907]. M.: Nauka, 184 p. [in Russian]
- Maksimov, 2002** – *Maksimov, K.N.* (2002). Kalmykiya v natsional'noi politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII –XX vv.) [Kalmykia in national politics, the system of power and government of Russia]. M.: Nauka, 524 p. [in Russian]
- Materialy statistiko-ekonomicheskogo..., 1910** – Materialy statistiko-ekonomicheskogo i estestvenno-istoricheskogo obsledovaniya Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii [The Materials of statistical-economic and natural-historical survey of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province]: v 2-kh ch. Astrakhan': Parovaya gub tip., 1910. Ch. 2. Tablitsy k statisticheskoy ekonomicheskoy obsledovaniyu Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii, sostavlennyye po dannym pokhozyaystvennykh oprosnnykh listov, zapolnennykh v 1909 g. 702 p. [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Natsional'nye okrainy..., 1988** – Natsional'nye okrainy Rossiyskoi imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya [The National outskirts of the Russian Empire: the formation and development of the management system]. M.: Slavyanskii dialog, 416 p. [in Russian]
- Ocherki..., 1967** – Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR [The Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. Dooktyabr'skii period. M.: Nauka, 1967. 480 p. [in Russian]
- Pashkov, 1997** – *Pashkov, B.G.* (1997). Rus' – Rossiya – Rossiiskaya imperiya. Khronika pravlenii i sobytii 862–1917 gg. [Rus – Russia – Russian Empire. The Chronicle of reigns and events of 862-1917]. 2 izd. M.: TsentrKom, 640 p. [in Russian]
- Pervaya vseobshchaya..., 1897** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoi imperii, 1897 g. II. Astrakhanskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire]. Tetr. I. SPb.: Izd. Tsentr. Statkomitet MVD, 1899. 53 p. [in Russian]
- Pervaya vseobshchaya..., 1899** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoi imperii, 1897 g. II. Astrakhanskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire]. Tetr. II. Spb.: Izd. Tsentr. Statkomitet MVD, 1899. 166 p. [in Russian]
- Plyunov, 2016** – *Plyunov, F.I.* (2016). Kalmytskii narod i Oktyabr'skaya revolyutsiya . 1919–1924 gg. [Kalmyk people and the October Revolution]. Elista: KIGI RAN, 432 p. [in Russian]
- PSZRI, 1834** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. T. IX. 1834. Otdelenie pervoe. SPb., 1835. 891 p. [in Russian]
- PSZRI, 1892** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. T. XII. 1892. Otdelenie pervoe. SPb., 1897. 734 p. [in Russian]
- PSZRI, 1894** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XIV. 1894. Otdelenie SPb., 1898. 1529 p. [in Russian]
- PSZRI, 1902** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XXII. 1902. Otdelenie pervoe. SPb., 1904. 1030 p. [in Russian]
- PSZRI, 1906** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XXVI. 1906. Otdelenie pervoe. SPb., 1909. 1141 p. [in Russian]
- Rossiyskoe zakonodatel'stvo..., 1989** – Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [The Russian legislation of the X–XX centuries]. V 9 t. T. 7. Dokumenty krest'yanskoi reformy. M.: Yurid. lit, 1989. 816 p. [in Russian]
- Rossiyskoe zakonodatel'stvo..., 1994** – Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [The Russian legislation of the X–XX centuries]. V 9 t. T. 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsii. M.: Yurid. lit., 1994. 352 p. [in Russian]

Sukiasyan, 1996 – *Sukiasyan, M.K.* (1996). *Vlast' i upravlenie v Rossii: dialektika traditsii i innovatsii v teorii i praktike gosudarstvennogo stroitel'stva* [Power and Management in Russia: Dialectics of Traditions and Innovations in Theory and Practice of State Building]. M.: Izd-vo Rossiyskoi akademii gossluzhby pri Prezidente Rossiyskoi Federatsii, 374 p. [in Russian]

Модернизация российской государственности: национальные окраины в модернизационной модели России в начале XX века (на примере Калмыкии)

Константин Николаевич Максимов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX – начале XX в. в процесс модернизации российской государственности были включены и национальные районы, в частности и Калмыцкая степь (Калмыкия), как части полиэтничного государства. С учетом особенностей их развития социальные реформы, реформы государственного управления, самоуправления, административно-территориального устройства и другие сферы были выделены в отдельные, последовательные этапы в реализации общей модернизационной политики Российского государства. Подготовительный этап и реформы общественно-государственного управления, административно-территориального устройства и иных сфер Калмыкии затянулись почти на полвека, фактически до начала кризисных явлений в России.

В этой части статьи рассматриваются процессы модернизации высшего звена государственного управления Калмыцкой степью – Управления калмыцким народом. В результате централизации управления оно было выведено из губернского ведомства, подчинено напрямую по вертикали МВД в статусе государственного учреждения России со своей системой подведомственных органов – улусных управлений. Чиновники государственных учреждений Калмыкии были интегрированы в единую систему кадровой политики страны в соответствии с Табелем о рангах. В соответствии с общей тенденцией в государственном аппарате Калмыкии увеличилось количество чиновников, ее государственное управление подверглось бюрократизации.

В комплекс реформ входило и административно-территориальное переустройство Калмыцкой степи, которое привело к трансформации местного самоуправления Калмыкии в общую систему государства. В судебной системе существенных изменений не произошло. Сословная судебная власть Калмыцкой степи фактически по-прежнему осталась в руках исполнительной власти. В результате реформы управления хуральными (церковными) учреждениями высшие духовные чины по статусу были приравнены к государственным служащим и выделены в отдельную самостоятельную сословную группу.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, МВД, модернизация, государственное управление, суд Зарго, самоуправление, улус, аймак, Управление калмыцким народом.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: max37maximov@yandex.ru (К.Н. Максимов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 969-980.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.969
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Role of the Council of Ministers in the Implementation of Legal Regulation of the Labor of Foreign Workers in the Far East of the Russian Empire (1907–1914)

Michael B. Averin ^{a, *}, Vasily N. Babenko ^a, Valeriy V. Romanov ^b

^aAll-Russian State University of Justice of the Ministry of justice of the Russian Federation, Russian Federation

^bUlyanovsk State University, Russian Federation

Abstract

Studying the role of the Council of Ministers of the Russian Empire in the implementation of legal regulation of the labor of foreign workers on the territory of the Russian Far East allows to get a deeper understanding of general immigration legislation, the development of labor relations, the legal status of foreign nationals, as well as the imperial policy in relation to national outskirts in pre-revolutionary Russia. In addition, the article aims to show the significance of the decisions of the Council of Ministers in determining the course of legislative policy in relation to the labor of foreigners, as well as to trace the interaction on these issues with other state institutions. As a result of the study, the authors come to the conclusion that the laws aimed at regulating the labor of foreigners in the Far East, based on a weak socio-economic rationale, already in their norms had provisions on the right of the Council of Ministers to make decisions on exceptions to the general rules. However, public opinion, the efforts of local governor-generals and the demands of the country's defense became an incentive for the Council of Ministers to plan new measures to restrict foreign labor in the Far East until the outbreak of the First World War.

Keywords: Council of Ministers, legal regulation of labor of foreigners, legal status of Korean and Chinese nationals, Irkutsk and Amur governorships.

1. Введение

Неудачная для России Русско-японская война 1904–1905 гг. усилила тревогу властей об обороне дальневосточных рубежей и об укреплении российского владычества в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Становление конституционного строя в России в 1905–1906 гг., начало работы парламента, состоявшего из двух палат – Государственной думы и Государственного совета, вызвали интерес к проблеме широких кругов общественности, а необходимость прохождения законов через парламент поставила дальневосточную политику в зависимость от политических партий и групп. Реформа Совета министров – правительства Российской империи, состоявшаяся в 1905–1906 гг., превратила его в единый и относительно самостоятельный от императора орган государственной власти, координирующий действия министров и глав иных ведомств. Этот орган фактически осуществлял проведение всей внутренней политики страны под общим руководством императора. Совет министров обсуждал все важнейшие законопроекты перед их внесением в парламент, он же мог принимать постановления по поводу применения законодательных норм, фактически был центральным звеном в законодательном механизме Российской империи. Подавляющее большинство постановлений правительства требовали утверждения императора, но положительное решение правительством какого-либо вопроса, как правило, предreshало соответствующее решение российского монарха.

* Corresponding author

E-mail addresses: averin.mb@yandex.ru (M.B. Averin), vasbabenko@mail.ru (V.N. Babenko), wvr@bk.ru (V.V. Romanov)

В этих новых реалиях дальневосточная политика приобретает все более острый характер. Одной из таких злободневных тем становится проникновение на российский Дальний Восток и Восточную Сибирь иностранных подданных китайского и корейского происхождения в условиях крайней малочисленности местного коренного населения и медленного переселения жителей из центра России. Еще перед Русско-японской войной приамурский генерал-губернатор собирает совещания, где поднимается данная проблема.

Иностранцы – китайцы и корейцы, готовые трудиться за более скромное вознаграждение, непритязательные в быту – легко побеждали в конкурентной борьбе малочисленных здесь русских рабочих («русские рабочие» в данном случае и далее – выходцы из европейской части России). Китайские власти были заинтересованы в эмиграции лишней рабочей силы, а японская политика в Корею основывалась на поощрении эмиграции коренного населения из страны.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для написания статьи послужили юридические документы, изданные в составе Полного собрания законов Российской империи Особые журналы Совета министров Российской империи (1907–1914 гг.), стенографические отчеты заседаний Государственной думы и Государственного совета, обзоры деятельности комиссий и отделов Государственной думы.

2.2. Для достижения поставленных задач использовались системный, сравнительно-правовой и историко-правовой методы исследования. Деятельность Совета министров в области правового регулирования труда иностранных рабочих на Дальнем Востоке рассматривается в рамках общего правительственного курса, направленного на укрепление положения Российского государства на его дальневосточных окраинах, а также учитывая характер взаимодействия правительства с другими высшими центральными государственными учреждениями и соответствующими генерал-губернаторами. Важное значение имеет сопоставление планируемых результатов законодательных мер с реальными последствиями применения принятых норм.

3. Обсуждение

Рассматриваемая проблема неоднократно становилась предметом научного исследования. Современные ученые правомерно отмечают изменение в нач. XX в. первоначально благосклонной к корейским и китайским иммигрантам политики российского правительства. Чиновники и общественные деятели стали систематически поднимать вопрос о «желтой опасности» для российских дальневосточных владений, об увеличении числа русских рабочих и переселенцев (Дин, 2004: 28-29; Худяков, 2018: 889; Худяков, 2019: 78; Ремнев, Суворова, 2013: 115; Ланцова, 2019: 65-66; Сорокина, 2004: 67; Дубинина, 1999: 98-119). Причем указывается то, что термин «желтый» в российской политической практике нач. XX в. не подразумевал националистической или шовинистической направленности (Дин, 2004: 28).

Иммиграция из сопредельных государств несла опасность для обороноспособности страны в данном регионе, а поддержание последней было связано с колонизацией края выходцами из центральных губерний России. Дешевый труд, имевший важнейшее значение для местной экономики, китайских и корейских рабочих, живших «по своим правилам, практически не подчиняясь местной администрации», служил препятствием для развития русского труда в крае (Романова, 2011: 96-97). Правительственные меры были направлены на ликвидацию экономической зависимости от иностранных рабочих. В таком случае необходимо обратить внимание на вопрос о степени информированности Совета министров о положении дел с количеством иностранных рабочих на Дальнем Востоке, реальной динамике изменения числа русских рабочих, а также о желании правительства учитывать эти факторы, помимо иных, в подготовке законопроектов о регулировании иностранного труда в данном регионе.

Ускорению русской «рабочей колонизации» Дальнего Востока должен был служить Закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» от 21 июня 1910 г. (здесь и далее даты приводятся по Юлианскому календарю; ПСЗ – III. Т. XXX. 1910а: 825), направленный на борьбу с наплывом иностранных рабочих, позволивший несколько улучшить положение с «русским трудом» (Ходяков, 2019: 79-80). Однако влияние результатов обсуждения в Государственной думе и Государственном совете на содержание данного закона не вызывает особого внимания исследователей.

Совет министров, наделенный правом по Закону 1910 г. давать разрешение на использование труда иностранцев в порядке исключения, широко им пользовался (Дин, 2004: 30-31). Кроме того, велика была роль приамурских генерал-губернаторов в формировании законодательной политики в области регулирования труда иностранцев (Позняк, 2013: 18-19).

4. Результаты

Окончание Русско-японской войны и Первой русской революции позволило властям Российской империи вернуться к проблеме управления национальными окраинами. С кон. 1906 –

1907 г. усиливается интерес правительства к дальневосточным делам, принимается решение о начале строительства стратегической и крайне дорогой Амурской железной дороги, а далее последовала разработка обширной программы правительственных мероприятий, направленной на укрепление и развитие российских владений на Дальнем Востоке. Важную роль в разработке планируемых мероприятий сыграли приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер (с 1911 г. Н.Л. Гондатти), Главное управление землеустройства и земледелия, в структуре которого находилось Переселенческое управление, председатель Совета министров П.А. Столыпин, Военное министерство, иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов и император Николай II. В целях обсуждения дальневосточной политики в 1909 г. был создан Комитет по заселению Дальнего Востока под председательством П.А. Столыпина, который фактически мог собираться в составе Совета министров и при участии иркутского и приамурского генерал-губернаторов, а также губернаторов дальневосточных областей и губерний.

Весной 1908 г. Совет министров рассмотрел предложения приамурского и иркутского генерал-губернаторов, которые легли в основу правительственной программы по укреплению дальневосточных владений, одобренной императором (*Особые журналы, 1908: 208-214*). П.Ф. Унтербергер выступил за ограничение проникновения в российские владения корейских подданных, одновременно отмечая меньшую опасность китайских рабочих, которые, по словам генерал-губернатора, после выполнения работ возвращаются на родину. В возможном ограничении проникновения корейцев Совет министров увидел опасность осложнений с Японией, а также противоречие принципам международной этики и интересам «беззащитного племени», т.е. корейцев. Правительство тем не менее, приняв решение о разработке законодательных мер против иммиграции корейцев, обратило внимание на опасность увеличения китайских иммигрантов, отмечая при этом то, что за соблюдением их интересов пристально наблюдают китайские власти.

В июне 1908 г. Совет министров одобрил своим постановлением довольно жесткий проект Правил «О пропуске в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область и проживании в них китайцев и корейцев, состоящих в иностранном подданстве» с предложением министру внутренних дел внести данный законопроект в парламент. Уже в июле 1908 г. император утвердил это постановление (*Особые журналы, 1908: 233-237*). Проект запрещал въезд на российскую территорию малолетних, престарелых, дряхлых и больных хроническими недугами, а также прием на работу китайцев и корейцев, иностранных подданных, не имеющих специальных русских билетов, выдававшихся на год, стоимостью 5 руб. В этих целях в договоры подряда вносился соответствующий пункт. Запрет для данных лиц устанавливался и на работу на русских пароходах, осуществлявших морские и речные перевозки на рейсах в водах Дальнего Востока.

Внесенный Министерством внутренних дел законопроект уже в ноябре 1908 г. поступил на обсуждение Финансовой комиссии Государственной думы, среди членов которой был видный крайне правый депутат Н.Е. Марков 2-й. Комиссия была настроена на более решительную борьбу против «наплыва» иностранного элемента на Дальний Восток (*Дума, обзор, 1908–1909: 28-29*). Она сочла необходимым распространить предусмотренные в законопроекте меры на всех иностранцев, т.е. поставила вопрос об издании на основе Правил общего иммиграционного закона, а также предложила пункты о запрете найма для всех иностранных рабочих при осуществлении работ в интересах казны, запрещении аренды государственных земель и выполнения казенных поставок и подрядов иностранными подданными. Условия пребывания иностранцев в России в случае издания общего иммиграционного закона требовали, по справедливому мнению Финансовой комиссии, более тщательного изучения и обсуждения. Таким образом, проект Правил, предложенный Министерством внутренних дел, комиссия предложила отложить и доработать его уже в составе общего иммиграционного закона, а предложения Финансовой комиссии стали основой для разработки фактически нового законопроекта.

Совет министров, рассматривая в апреле 1909 г. новые пункты программы по развитию Дальнего Востока, предложенные приамурским генерал-губернатором и особым совещанием под председательством товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского, где обсуждались также дополнения Финансовой комиссии, остановился и на последних (*Особые журналы, 1909: 144; Унтербергер, 1912: 79*).

Особое совещание Крыжановского не возражало против распространения действия закона на всех иностранцев и положений об ограничении их прав в экономической сфере. Однако в интересах строительных работ по военному и морскому ведомствам высказалось против безусловного введения ограничений для всех иностранцев с 1 января 1910 г. Так, министр юстиции предложил временно, на два года, разрешить дальневосточным генерал-губернаторам допускать к выполнению казенных работ иностранцев. Правительство одобрило мнение совещания, но с разумной осторожностью высказалось за увеличение двухлетнего срока до пяти лет. Министерству внутренних дел поручалось внести доработанный, с учетом пожеланий Финансовой комиссии, законопроект в Думу. Император одобрил данное постановление Совета министров.

Новый проект закона повторял в своих основных чертах предложенный депутатами Государственной думы, но правом в порядке исключения допускать к казенным работам иностранцев

в течение 1910–1912 гг. был наделен уже Совет министров. Проект был одобрен Думой в июне 1909 г. сразу в трех чтениях. Депутат от Амурской области, «беспартийный прогрессист» Ф.Н. Чиликин выразил надежду в том, что вопрос о дальнейших мерах против проникновения китайцев и корейцев в Приамурский край подвергнется широкому общественному обсуждению (*Дума, stenograficheskie otchety, 1909: 3115-3116*).

Однако Государственный совет в декабре 1909 г. после рассмотрения в соединенных Комиссиях Законодательных предложений и Финансовой отклонил проект данного закона, получившего более нейтральное наименование «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, не состоящих в русском подданстве». Критика подготовленного Думой и правительством в лице Министерства внутренних дел проекта заключалась в том, что отсутствовали точные статистические данные о наличии «русских» экономически активных элементов в крае, способных заменить выбывших в случае принятия закона об иностранцах. Кроме того, запрещение привлекать к казенным работам иностранцев не могло способствовать сокращению общего числа иностранных рабочих, так как произошла бы лишь рокировка между иностранными рабочими на казенных работах и русскими на частных предприятиях. Производство оборонных работ могло потребовать привлечения иностранной рабочей силы и после 1912 г.

Министры – военный, морской, иностранных дел и императорского двора – имели относительную независимость от Совета министров, и заявление министра иностранных дел А.П. Извольского, сделанное в декабре 1909 г. на заседании соединенных Комиссий Государственного совета, о том, что данный законопроект с точки зрения соблюдения международных договоров является неприемлемым, еще более настроило верхнюю палату парламента против этого по своей сути популистского и скороспелого проекта (*Совет, stenograficheskie otchety, 1909-10: 576, 4083-1093*).

Однако в июне 1910 г. законопроект «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» после повторного внесения правительством и некоторых дебатов был одобрен Государственным советом и утвержден императором (*ПСЗ – III. Т. XXX. 1910a: 825*).

Данный закон впредь, до введения общего иммиграционного закона, сохранял прежнее право приамурского и иркутского генерал-губернаторов облагать китайских и корейских рабочих, иностранных подданных, денежными сборами по своему усмотрению. Он запрещал наем всех иностранных рабочих при осуществлении работ в интересах казны и аренду государственных земель, а также выполнение казенных поставок и подрядов иностранцами. Но в порядке исключения и до издания общего закона об иммиграции разрешал Совету министров допускать к выполнению казенных работ иностранных подданных. Фактически в законе речь шла о китайцах и корейцах.

Одновременно во исполнение правительственной программы по развитию и укреплению российского Дальнего Востока в Государственную думу был внесен главноуправляющим землеустройством и земледелием, а затем утвержден императором Закон «О порядке отдачи в аренду речных рыболовных участков в Приамурской, Камчатской и Сахалинской областях», введивший запрет для арендаторов участков речного рыбного промысла (за исключением р. Амур) нанимать иностранных рабочих (*ПСЗ – III. Т. XXX. 1910b: 860-861*). Исключение составляли лишь квалифицированные специалисты – техники и мастера, количество которых определялось местными управлениями государственными имуществами. При обсуждении данного законопроекта в июне 1910 г. в Государственном совете докладчик, отмечая его достоинства, обратил внимание депутатов на то, что проект вводит ограничения для иностранцев.

Однако в другом случае экономическая целесообразность заставила пренебречь правительство и членов парламента своими политическими принципами. В январе 1911 г. внесенный на обсуждение парламента Министерством торговли и промышленности законопроект «О мерах к облегчению развития судоходства в водах Дальнего Востока» получил одобрение монарха (*ПСЗ – III. Т. XXXI. 1911: 32*). Первоначальный проект – Министерства предусматривал повышение, по сравнению с действующим законодательством, временно, на три года, удельного веса числа иностранцев в экипажах судов, совершающих рейсы в бассейне Тихого океана, с 1/4 до 1/2. Данную меру правительство объясняло острой нехваткой там русских подданных, невозможностью экстренного пополнения экипажа в иностранных портах, а также большим размером заработной платы русских судовых команд по сравнению с иностранными. Однако в Государственной думе, где чутко следили за настроениями общественности, предложили не распространять данную льготу на перевозчиков, имеющих субсидии из казны. Правительство согласилось с этим, но Комиссия законодательных предложений Государственного совета высказалась против, отметив то, что мореходные компании, получающие государственные субсидии в целях обслуживания транспортных линий для нужд развития Дальнего Востока, понесут дополнительные финансовые затраты.

Прохождению законопроекта в Государственном совете помогли доводы товарища министра торговли и промышленности П.И. Миллера, который указал на крайнюю срочность дела, т.к. вскоре

начнется навигация, законопроект о продлении иностранного каботажа не был принят и необходимо увеличение количества судов, плавающих под русским флагом. Субсидируемые казной срочные рейсы выполняются двумя компаниями – Добровольным флотом, суда которого в случае начала войны подлежали мобилизации, и пароходством гр. Г.Г. Кейзерлинга. Первая в интересах государственной обороны в любом случае не должна иметь в составе команд иностранцев, на этот счет уже внесен соответствующий законопроект в Государственную думу. В русском торговом флоте необходимо иметь русские экипажи, но обстоятельства требуют временно допустить и даже повысить количество иностранцев в судовых командах, отметил П.И. Миллер.

Таким образом, Государственный совет утвердил законопроект, вводящий норму, повышающую долю иностранцев в судовых экипажах из экономических соображений, принципиально противоречащую общим принципам правительства, который одновременно содержал исключение из этой нормы в интересах обороны. Одним из отличий данного закона было то, что власть в большей степени опасалась труда в судовых командах не корейцев и китайцев, а матросов, являвшихся японскими подданными ([Совет, стенографические отчеты, 1909-10: 736-746](#)).

Истечение срока действия вышеуказанного закона заставил Министерство торговли и промышленности внести в парламент законопроект о продлении действия повышенной нормы с 1/4 до 1/2 от общей численности команды для иностранных матросов, плавающих на судах бассейна Тихого океана, до 1 января 1917 г. ([Дума, стенографические отчеты, 1913: 2222-2228](#)). Российские консулы в зарубежных портах получили право допускать временный прием в состав команд иностранцев сверх данной нормы с последующей их заменой в ближайшем русском порту. Подобные льготы по-прежнему не распространялись на суда, выполняющие срочные рейсы, субсидируемые казной, где в команде уже находились лишь русские подданные. Проект в этой части, на первый взгляд, сохранял баланс между экономическими реалиями и государственными интересами. Но 1-я статья, отражавшая общий настрой на ограничение труда иностранцев, полностью запрещала их работу с начала 1914 г. в командах мелких парусных судов в прибрежных водах Приамурского генерал-губернаторства.

В ходе обсуждения законопроекта в Финансовой комиссии нижней палаты парламента и заседании самой Государственной думы в июне 1913 г. 1-я статья закона вызвала справедливую критику. Депутат от Приморской области А.Н. Русанов, докладчик Финансовой комиссии, отметил, что планируемые льготы для набора команд частных судов не имеют практического значения ([Дума, стенографические отчеты, 1913: 2222-2226](#)). Рейсы на Дальнем Востоке совершают суда Добровольного флота и компании Кейзерлинга, получающие казенные субсидии, не обладающие по закону подобной льготой, но не имеющие проблем с набором русских команд. Все остальное частное пароходство представлено лишь одним старым пароходом и двумя десятками паровых катеров и буксиров, т.е. фактически получатели планируемых льгот среди крупных судов и пароходов отсутствуют. Для хозяйства Приморской области важнейшее значение имеют малые парусные суда, их количество велико, а команды составляют порядка 2000 чел. Эти суда перевозят 2/3 каботажного груза. Набор русских переселенцев, обычно крестьян, в команды парусных судов трудно осуществим, а местные власти уже с начала 1913 г. вводят это ограничение, что привело к сокращению парусного каботажа до 1/10 и удорожанию дров и стройматериалов почти в два раза. На оставшихся судах команды составляют корейцы и китайцы, находящиеся в русском подданстве, которые могут уйти. Поэтому Русанов предложил поддержать поправку о введении 1-й статьи закона только с 1 января 1917 г. В этой редакции Закон «Об изменении порядка комплектования команд судов, совершающих рейсы между портами Тихого океана и прилегающих к нему морей» был одобрен парламентом и утвержден императором в июле 1913 г. ([ПСЗ – III. Т. XXXIII. 1913: 724](#)).

Как и следовало ожидать, введение в действие Закона 1910 г. «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» с января 1911 г. потребовало значительного внимания имперского правительства. Уже в самом начале декабря 1910 г. оно рассматривает представление министра путей сообщения С.В. Рухлова о допуске к работам по строительству Амурской железной дороги русских подданных корейцев и иностранцев ([Особый журнал, 2 декабря 1910: 1-2](#)). Русские подданные «белой расы» выдвигали чрезмерные экономические требования, поэтому, по мнению Министерства, было необходимо привлечь на работы корейцев – русских подданных, а на специальные работы по устройству тоннелей и арочных виадуков – иностранцев. Инициатива Рухлова была поддержана в конце октября 1910 г. Комитетом по заселению Дальнего Востока. Этот факт предрешил ход обсуждения вопроса в правительстве: привлечение корейцев – русских подданных – находилось в полной власти министра путей сообщения, а привлечение иностранцев к работам на столь важный стратегический объект Совет министров одобрил без каких-либо прений.

9 декабря 1910 г. было принято еще одно постановление Совета министров по поводу получения разрешения для правления Китайской-Восточной железной дороги осуществлять наем на работы по сооружению Уссурийской железной дороги иностранных подданных, китайцев и корейцев ([Особый журнал, 9 декабря 1910: 1-2](#)). Министр финансов В.Н. Коковцов, в заведовании которого находились

данные дороги, издал распоряжение о соблюдении вышеуказанного закона при эксплуатации Уссурийской железной дороги, где трудилось около 2500 китайцев и корейцев. Но замена последних на русских рабочих потребовала бы увеличения ежегодных расходов на 300 тыс. руб. Столь серьезное удорожание работ заставило министра финансов изменить свою позицию и войти с предложением о временном сохранении иностранных рабочих. Правительство признало желательным применение здесь общих ограничений для труда иностранцев. Однако, учитывая то, что Общество Китайской-Восточной железной дороги юридически является частной акционерной компанией, все же пришлось к выводу о праве, по точному смыслу закона, министра финансов самостоятельно решать вопрос о допущении на данных железных дорогах труда иностранных подданных.

В отношении иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева от 7 декабря 1910 г. на имя председателя правительства указывалось то, что русских рабочих в районе строительства Забайкальской железной дороги крайне мало. Работы выполняются усилиями иностранцев, китайскими подданными, и их увольнение в условиях зимы может вызвать эпидемию чумы у ослабленных безработных людей. Поэтому генерал-губернатор просил об отсрочке увольнения до 1 июня 1911 г. и о временном предоставлении ему в исключительных случаях допускать китайцев к строительным работам на железной дороге с ограничением приема в 10 % от числа занятых (*Особые журналы, 1910: 444-445*). Строительство железных дорог носило стратегический характер. Совет министров с легкостью удовлетворил просьбу генерал-губернатора, но, сохраняя единство управления, наделил правом временно привлекать китайцев на работы по строительству железных дорог министра путей сообщения.

В январе, феврале, апреле и мае 1911 г. по инициативе военного и морского министров, а также приамурского генерал-губернатора правительство рассматривает дела о допуске в порядке исключения корейцев и китайцев к строительным работам на Дальнем Востоке. Исключение из закона было сделано только для работ в интересах государственной обороны и для строительства телеграфных линий. Просьбы о привлечении иностранного труда для нужд гражданской администрации были отклонены. Полученные разрешения на использование иностранной рабочей силы были обусловлены различными оговорками. Так, Совет министров отдавал предпочтение корейским рабочим перед китайскими, вводил ограничения их общего количества, требовал производить наборы из иностранцев, уже проживающих на территории империи, и осуществлять вывоз рабочих после окончания строительства (*Аверин, 2013: 95*).

В самом конце 1911 г. военный министр поставил вопрос об обобщении практики применения Закона 1910 г. Сомнения вызвало то, что могут ли подрядчики и поставщики, выполняющие работы в интересах казны, производить заготовку строительных материалов с использованием труда иностранцев. Правительство, не желая идти слишком далеко, настаивает на буквальной трактовке закона, в котором речь идет только о найме на казенные работы, но не о заготовке с помощью иностранной рабочей силы необходимых для строительства материалов. Запрет последней мог сорвать строительство или привести к дополнительным затратам. Поэтому Закон 1910 г. необходимо применять в случае найма на казенные работы от лица государственных учреждений или от подрядчика, производящего данные работы; при проведении работ непосредственно государственными учреждениями и на предприятиях, специально созданных для удовлетворения потребностей государственных учреждений. Одновременно, учитывая постоянные отступления от требований закона и общего курса на вытеснение иностранного труда, представляющего потенциальную политическую опасность, новый председатель Совета министров обратил внимание на экономическую составляющую проблемы, а именно доступность китайского труда по сравнению с русским и неэффективность в таких условиях полицейских мер, направленных на ограничение въезда иностранцев. Соответственно правительство поручило министру торговли и промышленности разработать меры по созданию благоприятных условий для «русского труда» (*Особые журналы, 1911: 514-517*).

В апреле–мае 1912 г. правительство вновь занимается толкованием Закона 1910 г. уже по инициативе приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (*Особые журналы, 1912: 158-159*), который предлагал включать в договоры казны с предпринимателями положение об использовании исключительно труда российских подданных в случаях: получения предприятиями льгот или исключительных прав на эксплуатацию естественных богатств края; получения прав иностранными компаниями, не имеющими по общему правилу прав на разработку горных, золотых и нефтяных ресурсов, а также совершение пароходных рейсов с субсидией от казны. Совет министров одобрил все указанные пункты. Последний из них дополнял действующие правила и Закон 1911 г., сохранявший возможность набирать в команды частных пароходств, выполняющих субсидированные рейсы, иностранцев в количестве не более 1/4 от численности команды. Все эти положения могли ударить по экономике края. Одновременно обсуждался вопрос о запрете всем иностранцам проживать в полосе отчуждения Амурской железной дороги, что было необходимо для придания планируемому закону приемлемости с точки зрения международного права.

В июне 1912 г. правительство обсуждало меры, выработанные особым межведомственным совещанием при Министерстве торговли и промышленности, фактически направленные на

ограничение труда корейских и китайских подданных путем введения пошлин на ввозимые китайцами дешевые товары первой необходимости, установление высоких санитарных требований для мест их проживания, а также запрет на работу в русские праздничные дни (*Особые журналы, 1912: 219-225*). Соответственно было принято решение о разработке законопроектов о введении таможенных пошлин на чумизу и бобы (важнейшие продукты питания китайцев), запрете на работы на частных горных промыслах на Дальнем Востоке иностранцев, а также о разработке и введении приамурским генерал-губернатором правил о санитарных требованиях, предъявляемых к жилищам китайских рабочих. На заседании был поднят вопрос об ограничении труда иностранцев на сельскохозяйственных работах и частных предприятиях.

Совет министров признал, что активная колониальная политика России и меры против китайских рабочих привели к некоторому ухудшению отношений с Китаем. Но недовольны были и определенные круги российских предпринимателей. В январе 1913 г. к председателю Совета министров обратился председатель Владивостокского биржевого комитета А.А. Масленников (*Особые журналы, 1913: 158-159*). Он отметил, что ограничения дешевого труда иностранцев и меры по защите русского судоходства идут в ущерб промышленному развитию края, будущее которого заключалось в свободной торговле и перемещении капиталов. Противоположное мнение высказал на заседании правительства приамурский генерал-губернатор, указав на расхищение богатств края ограниченной группой предпринимателей, представителей интернационального капитала. Правительство поручило генерал-губернатору с заботой отнестись к нуждам местного торгово-промышленного сообщества, но без изменений положений критикуемого последним законодательства.

В марте 1913 г. на обсуждение правительства поступил проект санитарных правил для жилья рабочих, составленный приамурским генерал-губернатором (*Особые журналы, 1913: 181-183*). Новые высокие требования превосходили уже существующие в России санитарные нормы и должны были распространяться на всех рабочих вне зависимости от их подданства, т.е. и на русских. Это могло вызвать общее удорожание рабочей силы в крае. Поэтому правительство осмотрительно рекомендовало не выходить за рамки существующих норм, а вопрос о целесообразности издания доработанных правил оставило на усмотрение генерал-губернатора. Почти одновременно Совет министров поддержал предложение межведомственного совещания по делам Дальнего Востока, образованного в феврале 1913 г. под председательством генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, о разработке законопроекта об ограничении числа иностранных подданных на судах речного флота Амурского бассейна 25 % от численности команды.

Совещание стало генератором идей и законопроектов по поводу укрепления политического и экономического могущества России на дальневосточных окраинах. В июне 1913 г. Совет министров, рассматривая очередные предложения совещания, высказалось против предложенного запрета найма иностранцев на сельскохозяйственные работы, «разделяя, в принципе, соображения по сему предмету» генерал-губернатора Гондатти (*Особые журналы, 1913: 180*). Последний отметил успехи в привлечении русского труда на Дальнем Востоке, а Главное управление землеустройства и земледелия предложило обязать все казенные учреждения при заключении любых договоров с частными предпринимателями включать требование о производстве работ исключительно трудом русских рабочих, указывая на результаты анкетирования, которое показало быстрое увеличение числа русских рабочих в крае. Это было радикальное дополнение Закона 1910 г., который по буквальному толкованию не запрещал частным предпринимателям поставлять готовую продукцию, произведенную с использованием иностранного труда. Против такого предложения решительно выступил представитель Военного министерства А.П. Вернандер, поставив под сомнение наличие в крае достаточного числа русских рабочих и отметив их низкие трудовые качества, способность эффективно работать только с рабочими, привезенными из центра России, что вызывает существенное удорожание работ. Новая норма заставит предпринимателей, имеющих единичные заказы от казны, вовсе отказаться от поставок. Совет министров в марте 1914 г. решил отложить решение данного вопроса до получения анкеты за 1913 г. о состоянии рынка труда в Приамурье (*Особые журналы, 1914: 148-150*).

Положение с китайским и русским трудом на Дальнем Востоке описал в 1912 г. известный дальневосточный общественный деятель С.Д. Меркулов. Он, отмечая успехи правительственной политики на Амурской железной дороге, где трудятся исключительно русские рабочие, на других казенных работах и в рыболовной сфере, где резко уменьшилось количество китайцев, указал на явное и порой катастрофическое занижение числа иностранных рабочих официальной статистикой. Анкеты Переселенческого управления не дают реальной картины использования труда иностранцев частными предпринимателями, которые, опасаясь потерять дешевую рабочую силу, в два раза увеличивают число русских рабочих, уменьшая количество китайских в разы. Вытеснение китайских рабочих с казенных работ, продолжает Меркулов, увеличивает их предложение для частных предприятий, вытесняя оттуда более дорогой русский труд (*Желтая опасность, 1996: 41-43*).

Однако осуществлению дальнейшей правительственной политики по вытеснению иностранного труда с территории российского Дальнего Востока помешало начало Первой мировой

войны, а наличие проблемы регулирования труда иностранцев в рассматриваемый период являлось существенным отличием данной территории от западных окраин России (Бабенко и др., 2020: 87–98).

5. Заключение

Отдаленность Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской империи от ее центра, неудачная Русско-японская война, наличие сопредельных государств с избыточными ресурсами и старыми экономическими связями с данными территориями заставили российский Совет министров, ставший в результате реформы 1905–1906 гг. первым подлинным объединенным правительством в монархической России, обратиться к проблеме укрепления обороноспособности и экономики вышеуказанных окраин. Одним из пунктов программы, разработанной под влиянием соответствующих генерал-губернаторов, становится ограничение труда иностранных рабочих, труд которых экономически оказался более эффективным для предпринимателей и казны, но политические угрозы, донесения генерал-губернаторов и растущее общественное мнение в стране с конституционным строем заставили правительство пойти на отдельные законодательные меры, направленные на ограничение труда иностранцев, фактически китайских и корейских подданных, но, главное, планировать еще более радикальное ужесточение законодательства в данной сфере. Однако под влиянием объективных экономических причин в уже принятые законы вводились пункты, позволяющие смягчить их жесткие запреты. По инициативе военных властей и местных генерал-губернаторов Совет министров с легкостью давал разрешения на работу иностранцев в интересах государственной обороны. С назначением председателем правительства Коковцова приходит понимание того, что победить иностранный труд можно только экономическими мерами, начинается планирование и проведение в жизнь законодательных мер, направленных на снижение конкурентоспособности труда китайцев и корейцев. Еще одним тормозом для ограничения труда иностранцев становятся соглашения и отношения с Китаем и Японией. Поэтому реальное исполнение принятых правовых норм, а также законодательных планов очень сильно отличалось от заявлений российский чиновников на заседаниях правительственных учреждений. Начало Первой мировой войны заставило Совет министров кардинально пересмотреть законодательную политику по привлечению иностранных рабочих на всей территории империи.

Литература

- [Аверин, 2013](#) – Аверин М.Б. Совет министров Российской империи: правовое регулирование в национальных окраинах (1906–1914 годы). М.: РПА Минюста России, 2013. 104 с.
- [Бабенко и др., 2020](#) – Бабенко В.Н., Аверин М.Б., Горбунов М.А., Демидова И.С., Милованова Д.Б., Нагих С.И., Никитин П.В., Федорченко А.А., Федорченко Е.В., Шершнев-Цитильская И.А. Дискуссионные проблемы теории и истории государства и права. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2020. 134 с.
- [Дума, обзор, 1908–1909](#) – Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909 г. СПб., Государственная типография, 1909. 319 с.
- [Дума, стенографические отчеты, 1909](#) – Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV. СПб., Государственная типография, 1909. 2699 стб.
- [Дума, стенографические отчеты, 1913](#) – Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913 г. Сессия первая. Часть III. СПб., Государственная типография, 1913. 2477 стб.
- [Совет, стенографические отчеты. 1909–1910](#) – Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1909–1910 годы. Сессия пятая. СПб., Государственная типография, 1910. 4096 стб.
- [Совет, стенографические отчеты, 1909–1911](#) – Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1909–1911 годы. Сессия шестая. СПб., Государственная типография, 1911. 2460 стб.
- [Дин, 2004](#) – Дин Ю.И. Китайские и корейские рабочие в политике Российской империи в начале XX в. // *Известия Восточного института*. 2004. № 4 (24). С. 28–35.
- [Дубинина, 1999](#) – Дубинина Н. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997. 208 с.
- [Желтая опасность, 1996](#) – Желтая опасность: Сборник / Сост. Б. Дьяченко. Владивосток: Изд. «Ворон», 1996. 136 с.
- [Ланцова, 2019](#) – Ланцова Ю.Н. К вопросу о разработке иммиграционного закона для китайских и корейских подданных в 1910 году // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество / *Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Забайкальский государственный университет; ответственный редактор Е.В. Дроботушенко*. Чита: ЗабГУ, 2019. Ч. 1. С. 64–67.
- [Особые журналы, 1907](#) – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1907 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 863 с.

Особые журналы, 1908 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1908 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 659 с.

Особые журналы, 1909 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 600 с.

Особые журналы, 1910 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1910 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 496 с.

Особые журналы, 1911 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 592 с.

Особые журналы, 1912 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 488 с.

Особые журналы, 1913 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1913 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 552 с.

Особые журналы, 1914 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1913 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 700 с.

Особый журнал, 2 декабря 1910 – Особый журнал Совета министров 2 декабря 1910 года. По представлению Министра путей сообщения от 12/13 ноября 1910 года, за № 15259/2325, о допущении к работам по постройке Амурской железной дороги русских подданных корейцев и лиц, состоявших в иностранном подданстве // Особые журналы по делам, разрешенным собственной властью Совета Министров за 1910 год. Б.м.. Б.д. 706 с.

Особый журнал, 9 декабря 1910 – Особый журнал Совета министров 9 декабря 1910 года. По представлению Министра финансов, от 27 ноября 1910 года, за № 7332, о разрешении управлению Китайской Восточной железной дороги найма на работы по Уссурийской железной дороге состоящих в иностранном подданстве корейцев и китайцев // Особые журналы по делам, разрешенным собственной властью Совета Министров за 1910 год. Б.м.. Б.д. 706 с.

Позняк, 2013 – *Позняк Т.З.* Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета.* 2013. № 2 (22). С. 7-24.

ПСЗ – III. Т. XXX. 1910a – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. Том XXX. [В 2-х отд-ниях]. Отд-ние 1. № 33858. СПб.: Гос. тип., 1913. С. 825.

ПСЗ – III. Т. XXX. 1910b – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. Том XXX. [В 2-х отд-ниях]. Отд-ние 1. № 33901. СПб.: Гос. тип., 1913. С. 860-861.

ПСЗ – III. Т. XXXI. 1911 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. Том XXXI. [В 2-х отд-ниях]. Отд-ние 1. № 34679. СПб.: Гос. тип., 1914. С. 32-33.

ПСЗ – III. Т. XXXIII. 1913 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. Том XXXIII. [В 2-х отд-ниях]. Отд-ние 1. № 39710. Пг.: Гос. тип., 1916. С. 724.

Ремнев, Суворова, 2013 – *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперский и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013. 248 с.

Романова, 2011 – *Романова Г.Н.* Китайские рабочие в экономике Дальнего Востока России и проблема национальной безопасности на рубеже XIX–XX вв. // *Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).* 2011. № 3 (73). С. 95-104.

Сорокина, 2004 – *Сорокина Т.Н.* К вопросу о выработке иммиграционного законодательства для дальневосточных областей России в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Томского университета.* 2004. Вып. 281. С. 66-69.

Унтербергер, 1912 – *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума. 1912. 538 с.

Ходяков, 2018 – *Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России. междисциплинарный научно-теоретический журнал.* СПб., 2018. Т. 8. № 4. С. 880-897.

Ходяков, 2019 – *Ходяков М.В.* Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета.* История. 2019. № 60. С. 78-83.

References

- Averin, 2013** – *Averin, M.B.* (2013). Sovet ministrov Rossiiskoi imperii: pravovoe regulirovanie v natsional'nykh okrainakh (1906–1914 gody) [Council of Ministers of the Russian Empire: Legal Regulation in the National Outskirts (1906–1914)]. M.: RPA Minyusta Rossii, 104 p. [in Russian]
- Babenko i dr., 2020** – *Babenko, V.N., Averin, M.B., Gorbunov, M.A., Demidova, I.S., Milovanova, D.B., Nagikh, S.I., Nikitin, P.V., Fedorchenko, A.A., Fedorchenko, E.V., Shershneva-Tsitul'skaya, I.A.* (2020). Diskussionnye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava [Discussion problems of theory and history of state and law]. M.-Berlin: Direkt-Media, 134 p. [in Russian]
- Din, 2004** – *Din, Yu.I.* (2004). Kitaiskie i koreiskie rabochie v politike Rossiiskoi imperii v nachale XX v. [Chinese and Korean Workers in the Politics of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4(24): 28-35. [in Russian]
- Dubinina, 1999** – *Dubinina, N.* (1999). Priamurskii general-gubernator N.L. Gondatti Gondatti [Priamursky Governor-General N.L. Gondatti]. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo, 208 p. [in Russian]
- Duma, obzor, 1908–1909** – Gosudarstvennaya Duma. Obzor deyatelnosti komissii i otdelov. Tretii sozyv. Sessiya II. [State Duma. Review of the activities of commissions and departments. Third convocation. Session II]. 1908–1909 g. SPb., Gosudarstvennaya tipografiya, 1909. 319 p. [in Russian]
- Duma, stenograficheskie otchety, 1909** – Gosudarstvennaya Duma. Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. 1909 g. Sessiya vtoraya. Chast' IV [State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1909. Second session. Part IV]. SPb., Gosudarstvennaya tipografiya, 1909. 2699 stb. [in Russian]
- Duma, stenograficheskie otchety, 1913** – Gosudarstvennaya Duma. Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety. 1913 g. Sessiya pervaya. Chast' III III [State Duma. Fourth convocation. Verbatim records. 1913. First session. Part III]. SPb., Gosudarstvennaya tipografiya, 1913. 2477 stb. [in Russian]
- Khodyakov, 2018** – *Khodyakov, M.V.* (2018). Zheltorossiia kontsa XIX – nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoi voennoi elity [Yellow Russia of the late XIX – early XX centuries in the geopolitical plans of the Russian military elite]. *Noveishaya istoriya Rossii. mezhdistsiplinarnyi nauchno-teoreticheskii zhurnal*. SPb. 8(4): 880-897. [in Russian]
- Khodyakov, 2019** – *Khodyakov, M.V.* (2019). Rossiiskoe zakonodatel'stvo nachala XX veka ob ispol'zovanii zheltogo truda v ekonomike Dal'nego Vostoka [Russian legislation of the early XX century on the use of yellow labor in the economy of the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 60: 78-83. [in Russian]
- Lantsova, 2019** – *Lantsova, Yu.N.* (2019). K voprosu o razrabotke immigratsionnogo zakona dlya kitaiskikh i koreiskikh poddannykh v 1910 godu [On the development of an immigration law for Chinese and Korean nationals in 1910]. Prigranichnyi region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu Pobedy sovetskikh i mongol'skikh voisk na reke Khalkhin-Gol*. Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet; otvetstvennyi redaktor E.V. Drobotushenko. Chita: ZabGU. Ch. 1. Pp. 64-67. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly, 1907** – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1907 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917 years. 1907]. Feder. arkhiv. agentstvo, Ros. gos. ist. arkhiv, otv. sost., avt. vved. i primech. B.D. Gal'perina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. 863 p. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly, 1908** – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1906–1908 gg. 1908 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917 years. 1908]. Feder. arkhiv. agentstvo, Ros. gos. ist. arkhiv, otv. sost., avt. vved. i primech. B.D. Gal'perina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. 659 p. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly, 1909** – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1909 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. 1909]. Feder. arkhiv. agentstvo, Ros. gos. ist. arkhiv, otv. sost., avt. vved. i primech. B.D. Gal'perina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000. 600 p. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly, 1910** – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1910 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. 1910]. Feder. arkhiv. agentstvo, Ros. gos. ist. arkhiv, otv. sost., avt. vved. i primech. B.D. Gal'perina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2001. 496 p. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly, 1911** – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1911 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. 1911]. Feder. arkhiv. agentstvo, Ros. gos. ist. arkhiv, otv. sost., avt. vved. i primech. B.D. Gal'perina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002. 592 p. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly, 1912** – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1913 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917. 1913]. Feder. arkhiv. agentstvo, Ros. gos. ist. arkhiv, otv. sost., avt. vved. i primech. B.D. Gal'perina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 488 p. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly, 1913** – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1913 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917. 1913]. Feder. archive. Agency,

- ROS. state East. archive, ed. comp., auth. no. and now. B. D. Halperin. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2005. 552 pp. [in Russian]
- Osobyje zhurnaly, 1914** – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1913 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. 1913]. Feder. arkhiv. agentstvo, Ros. gos. ist. arkhiv, otv. sost., avt. vved. i primech. B.D. Gal'perina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2006. 700 p. [in Russian]
- Osobyi zhurnal, 2 dekabrya 1910** – Osobyi zhurnal Soveta ministrov 2 dekabrya 1910 goda. Po predstavleniyu Ministra putei soobshcheniya ot 12/13 noyabrya 1910 goda, za № 15259/2325, o dopushchenii k rabotam po postroike Amurskoi zheleznoi drogi russkikh poddannyykh koreitsev i lits, sostoyavshikh v inostrannom poddanstve [Special Journal of the Council of Ministers December 2, 1910. According to the proposal of the Minister of Railways of November 12/13, 1910, under No. 15259/2325, on the admission to work on the construction of the Amur Railway of Russian citizens, Koreans and persons who were foreign citizens] Osobyje zhurnaly po delam, razreshennym sobstvennoi vlast'yu Soveta Ministrov za 1910 god. B.m.. B.d. 706 p. [in Russian]
- Osobyi zhurnal, 9 dekabrya 1910** – Osobyi zhurnal Soveta ministrov 9 dekabrya 1910 goda. Po predstavleniyu Ministra finansov, ot 27 noyabrya 1910 goda, za № 7332, o razreshenii upravleniyu Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi naima na raboty po Ussuriiskoi zheleznoi doroge sostoyashchikh v inostrannom poddanstve koreitsev i kitaitsev [Special Journal of the Council of Ministers December 9, 1910. On the submission of the Minister of Finance, dated November 27, 1910, No. 7332, on permission to the management of the Chinese Eastern Railway to hire Koreans and Chinese who are foreign nationals to work on the Ussuriysk Railway]. Osobyje zhurnaly po delam, razreshennym sobstvennoi vlast'yu Soveta Ministrov za 1910 god. B.m.. B.d. 706 p. [in Russian]
- Poznyak, 2013** – *Poznyak, T.Z.* (2013). Rossiiskaya immigratsionnaya politika v otnoshenii vykhodtsev iz Kitaya na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Russian immigration policy towards immigrants from China in the Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(22): 7-24. [in Russian]
- PSZ – III. T. XXX. 1910a** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e: [S 1 marta 1881 goda po 1913 god]: [V 33-kh t.]. [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd: [from March 1, 1881 to 1913]: [in 33 vols.]. Tom XXX. [V 2-kh otd-niyakh]. Otd-nie 1. № 33858. SPb.: Gos. tip., 1913. P. 825. [in Russian]
- PSZ – III. T. XXX. 1910b** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e: [S 1 marta 1881 goda po 1913 god]: [V 33-kh t.]. [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd : [from March 1, 1881 to 1913]: [in 33 vols.]. Tom XXX. [V 2-kh otd-niyakh]. Otd-nie 1. № 33901. SPb.: Gos. tip., 1913. Pp. 860-861. [in Russian]
- PSZ – III. T. XXXI. 1911** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e: [S 1 marta 1881 goda po 1913 god]: [V 33-kh t.]. [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd : [from March 1, 1881 to 1913]: [in 33 vols.]. Tom XXXI. [V 2-kh otd-niyakh]. Otd-nie 1. № 34679. SPb.: Gos. tip., 1914. Pp. 32-33. [in Russian]
- PSZ – III. T. XXXIII. 1913** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e: [S 1 marta 1881 goda po 1913 god]: [V 33-kh t.]. [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd : [from March 1, 1881 to 1913]: [in 33 vols.]. Tom XXXIII. [V 2-kh otd-niyakh]. Otd-nie 1. № 39710. Pg.: Gos. tip., 1916. P. 724. [in Russian]
- Remnev, Suvorova, 2013** – *Remnev, A.V., Suvorova, N.G.* (2013). Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskii i natsional'nye stsennarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk, 248 p. [in Russian]
- Romanova, 2011** – *Romanova, G.N.* (2011). Kitaiskie rabochie v ekonomike Dal'nego Vostoka Rossii i problema natsional'noi bezopasnosti na rubezhe XIX–XX vv. [Chinese workers in the economy of the Russian Far East and the problem of national security at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Gumanitarnye problemy stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona (ATR)*. 3(73): 95-104. [in Russian]
- Sorokina, 2004** – *Sorokina, T.N.* (2004). K voprosu o vyrabotke immigratsionnogo zakonodatel'stva dlya dal'nevostochnyykh oblastei Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [To the issue of the development of immigration legislation for the Far Eastern regions of Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo universiteta*. 281: 66-69. [in Russian]
- Sovet, stenograficheskie otchety, 1909–1911** – Gosudarstvennyi Sovet. Stenograficheskie otchety. 1909–1911 gody. Sessiya shestaya [Council of State. Verbatim records. 1909–1911 years. Session 6]. SPb., Gosudarstvennaya tipografiya, 1911. 2460 stb. [in Russian]
- Sovet, stenograficheskie otchety. 1909–1910** – Gosudarstvennyi Sovet. Stenograficheskie otchety. 1909–1910 gody. Sessiya pyataya [Verbatim records. 1909–1910 years. Session 5]. SPb., Gosudarstvennaya tipografiya, 4096 stb. [in Russian]
- Unterberger, 1912** – *Unterberger, P.F.* (1912). Priamurskij kraj. 1906–1910 gg. [Amur Territory. 1906–1910]. SPb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma. 1912. 538 p. [in Russian]

Zheltaya opasnost, 1996 – Zheltaya opasnost [Yellow hazard]. Sat. Comp. В. Dyachenko. Vladivostok, Izd. «Voron», 136 p. [in Russian]

Роль Совета министров в осуществлении правового регулирования труда иностранных рабочих на Дальнем Востоке Российской империи (1907–1914 гг.)

Михаил Борисович Аверин ^{а, *}, Василий Николаевич Бабенко ^а, Валерий Васильевич Романов ^б

^а Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Российская Федерация

^б Ульяновский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение роли Совета министров Российской империи в осуществлении правового регулирования труда иностранных рабочих на территории российского Дальнего Востока позволяет получить более глубокое представление об общем иммиграционном законодательстве, развитии трудовых отношений, правовом статусе иностранных подданных, а также имперской политике в отношении национальных окраин в дореволюционной России. Кроме того, в статье ставится цель показать значение решений Совета министров в определении курса законодательной политики в отношении труда иностранцев, а также проследить взаимодействие по данным вопросам с другими государственными учреждениями. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что о законы, направленные на регулирование труда иностранцев на Дальнем Востоке, имея в своей основе слабое социально-экономическое обоснование, уже в своих нормах имели положения о праве Совета министров принимать решения об исключениях из общих правил. Однако общественное мнение, усилия местных генерал-губернаторов и требования обороны страны стали стимулом для Совета министров планировать новые меры по ограничению труда иностранцев на Дальнем Востоке вплоть до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: Совет министров, правовое регулирование труда иностранцев, правовое положение корейских и китайских подданных, Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: averin.mb@yandex.ru (М.Б. Аверин), vasbabenko@mail.ru (В.Н. Бабенко), wvr@bk.ru (В.В. Романов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 981-989.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.981
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Evolutionary Processes in the Development of Islamic Education of the North Caucasus Nations in the beginning of XX century

Zarema Y. Emtyl ^{a, *}, Saniet R. Zhane ^b, Anna S. Bochkareva ^a

^aThe Kuban State University of Technology, Russian Federation

^bMaikop State Technological University, Russian Federation

Abstract

The article presents a comprehensive research of evolutionary processes taking place in the development of a Islamic education of the North Caucasus nations in the beginning of XX century, based on a review of a wide range of issues, starting from conditions and prerequisites of evolutionary processes and evolving through specific actions to implement educational tasks, with respective reaction from the official authorities.

The authors link evolutionary development of Islamic education to introduction of mundane subjects in spiritual schools' learning process, application of modern teaching methods in pedagogical practice, and to the fact that teaching came to be delivered in native language, as were the textbooks, and to the start of teaching the history of North Caucasus nations.

The research made by the authors make possible to conclude that new progressive processes in the development of Islamic education of the North Caucasus highland nations became evidence of national identity and new cultural needs on the rise. These reasons brought about the nationalization of Islamic education not only in terms of student community but, more importantly, the contents of training programs. Despite the counterproductive attitude of Russian authorities and the old clergy to emerging new Islamic education of the North Caucasus highlanders, the efforts of the new clergy supported by progressive public figures were gradually turning the confessional education into the national one.

Keywords: the North Caucasus nations, jadidism, muslim reformism, muslim education, conservative clergy, progresseve clergy, new methodical school.

1. Введение

Для современного этапа развития российского общества в целом, и северокавказского в частности, характерно резкое возрастание роли религии в духовной жизни граждан. В условиях многонационального и поликонфессионального государства особую значимость приобретает выработка адекватной модели государственно-конфессиональных отношений, основанной в том числе на изучении развития мусульманского образования горских народов Северного Кавказа и способной не только удовлетворять религиозные потребности верующих-мусульман, но и обеспечить их связь с культурно-историческим наследием, местными образовательными традициями, препятствуя распространению религиозного экстремизма и нетерпимости.

Исследование имеет и историографическую значимость. Несмотря на то, что вплоть до революционных преобразований в России мусульманские школы являлись основным средством приобщения народов Северного Кавказа к образованию, их деятельность на протяжении длительного времени в силу господства идеологических клише не являлась предметом специального исследовательского внимания и не получала объективной оценки. В последние десятилетия

* Corresponding author

E-mail addresses: adg1070@gmail.com (Z.Y. Emtyl), zhane-saniet@mail.ru (S.R. Zhane), bochka78@mail.ru (A.S. Bochkareva)

наметилось резкое возрастание интереса к проблеме развития мусульманского образования у горцев Северного Кавказа. Однако в целом ее разработка продолжает сохранять фрагментарный характер, что делает актуальной задачу комплексного исследования проблемы.

Актуальность теме придает и то обстоятельство, что через призму ее рассмотрения возникает возможность глубже осмыслить более широкие проблемы: социокультурное развитие горских народов Северного Кавказа в начале XX века; государственную политику России в регионе в национальном вопросе и в сфере образования.

2. Материалы и методы

Исследование основано на привлечении разнообразных по виду и происхождению исторических и историографических источников.

Большой корпус источников был обнаружен в Российском государственном историческом архиве, а также региональных архивах Северного Кавказа: Центральном государственном архиве Республики Дагестан, Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики, Государственном архиве Краснодарского края и фондах Национального музея Республики Адыгея. Привлеченные источники позволили воссоздать важные аспекты организации и деятельности новометодных медресе, а также некоторые статистические данные.

Большую роль в разработке темы имеет периодика. Особое место по объему и характеру выявленного материала занимает журнал «Мусульманин», издававшийся представителями северокавказской интеллигенции с 1908 г. в Париже и предназначенный для мусульман Северного Кавказа. Опубликованный на его страницах материал по вопросам культуры и просвещения мусульман региона позволил выявить основные учебно-методические, социокультурные и кадровые проблемы, связанные с развитием новометодного образования, а также суть и причины острого конфликта по этому вопросу между прогрессивной горской общественностью и старым консервативным духовенством.

Представляется, что привлеченный круг исторических источников способен обеспечить комплексность исследованию, служить достаточным основанием для анализа и выводов.

Исследование основано на сочетании различных методов. Основополагающее значение имеет применение системного подхода, который позволил рассмотреть мусульманское образование народов Северного Кавказа как целостную систему во взаимосвязи ее элементов и осуществить комплексное исследование происходивших в нем эволюционных процессов, протекающих под влиянием сложных политических, экономических и социокультурных факторов.

Большую роль в проведении исследования играет использование историко-генетического метода. На его основе были выявлены причинно-следственные связи в развитии рассматриваемых эволюционных процессов, раскрыто их содержание, а также определена обусловленность отношения к ним со стороны консервативного духовенства, российских властей и самого горского общества. Стремление придать исследованию логическую и структурную целостность обусловило широкое применение проблемно-хронологического метода. Региональный аспект исследуемой проблемы предопределил ее рассмотрение с позиций методологии локальной истории. Представляется, что осуществление исследования эволюционных процессов в развитии мусульманского образования горских народов Северного Кавказа на обозначенных подходах и методах придаст ему комплексность и аргументированность основным положениям и выводам.

3. Обсуждение

В силу господства в советской исторической науке идеологических оснований проблема развития конфессионального образования у горцев Северного Кавказа вплоть до начала 90-х гг. XX в. не только не была оформлена в самостоятельную исследовательскую тему, но даже не разрабатывалась в общем плане. Господство атеистической идеологии и связанная с ней борьба с религиозными пережитками не давали возможности ученым объективно подходить к рассмотрению проблемы. Исследовательское внимание фокусировалось на ограниченности знаний, получаемых в мусульманских школах, и стремлении духовенства отравлять религиозным «ядом» сознание горцев (*Очерки истории Адыгеи, 1957: 451*). В обобщающем исследовании «История народов Северного Кавказа» отмечалось, что мусульманские школы, «обучая подрастающее поколение в духе покорности и смирения по отношению к эксплуататорам», способствовали «увекочиванию социального и национального гнета» (*Нарочинский, 1988: 344*).

Попытки к преодолению устоявшихся «клише» наметились в начале 90-х гг. XX в. З. Налоев одним из первых обратился к изучению влияния восточного культурного канала и связал зарождение прогрессивных явлений в развитии мусульманского образования северокавказских народов с национальным движением горцев за культурный подъем (*Налоев, 1991: 15*).

Значительный рост исследовательского внимания к эволюционным изменениям, происходившим в развитии мусульманского образования народов Северного Кавказа и связанным с открытием новометодных медресе, обнаружился в 2000-х гг. Появился целый комплекс исследований, посвященных изучению важных вопросов, связанных с организацией обучения в новометодных медресе, разработкой

прогрессивным духовенством учебно-методической литературы, деятельностью отдельных образовательных центров и мусульманских просветителей (Нефляшева, 2009; Каймаразов, 2012; Доного, 2015; Осмаева, 2016; Емтыль, 2017; Шихалиев, 2017; Басиров, 2018; Хачидогов, 2018).

Несомненным достоинством современных исследований является стремление установить связь прогрессивных явлений в развитии мусульманского образования северокавказских народов с влиянием идей джадидизма и, собственно, ростом национального самосознания горских народов региона. Вместе с тем в некоторых исследованиях преувеличиваются позитивные результаты деятельности новометодных школ, которые, по мнению их авторов, позволили превратить мусульманское образование в национальное, привлекательное и общедоступное (Бичиева, 2006: 517).

Среди комплекса исследований наибольшей полнотой и широтой охвата проблем, связанных с формированием мусульманского образования и глубиной их осмысления, стоит отметить работу Ш. Шихалиева, посвященную исследованию мусульманского реформаторства в Дагестане (Шихалиев, 2017: 134-169). Развитие реформаторства рассматривается им как одна из форм реакции мусульман на политическое и интеллектуальное доминирование европейцев. На основе анализа идей дагестанских реформаторов Ш. Шихалиев пришел к обладающему новизной выводу о том, что одним из основных и наиболее дискуссионных вопросов, поднятых ими, был вопрос о языке преподавания и развитии национальных языков Дагестана (Шихалиев, 2017: 147). В результате анализа и обобщения идей реформаторов Ш. Шихалиев выделил основные: активное внедрение в учебный процесс естественных и общественных наук; непереносимое обучение на начальном этапе на родном языке; изучение арабского языка не как объекта отдельного глубокого изучения, а как инструмента для изучения последующих дисциплин (Шихалиев, 2017: 149).

Важным достижением современной историографии является выявление и включение в научный оборот большого количества ранее неизвестных материалов, дающих возможность не только реконструировать важные аспекты деятельности новометодных медресе Северного Кавказа, но и восполнить пробелы в персоналиях, выявить различие подходов, существовавшие в среде реформаторов в отношении важных вопросов методики и содержания образования в новометодных медресе.

Значимое место в разработке проблемы занимают исследования религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (Бабач, 2009; Халидова, 2014). На основе привлечения и анализа большого корпуса источников их авторы пришли к выводу о том, что политика имперских властей была направлена на выстраивание преграды на пути внедрения прогрессивных изменений в систему мусульманского образования горцев. В частности, И.Л. Бабич отмечает, что российские власти настойчиво относились к исламской жизни северокавказских народов и пытались «всячески ограничить деятельность исламских реформаторов» (Бабач, 2009: 80).

Стоит отметить, что характерной чертой сложившейся историографии является неравномерность в изучении развития новометодного движения в различных районах Северного Кавказа. В общей массе исследований преобладают работы по мусульманскому реформаторству в Дагестане. Сведения о развитии новометодного образования в других национальных районах региона имеют разрозненный характер и лишены комплексности. Кроме того, в отечественной историографии отсутствуют исследования обобщающего характера по развитию новометодного образования на Северном Кавказе в целом. Сложившийся уровень фрагментарной разработки проблемы определяет задачу осуществления комплексного исследования эволюционных процессов в развитии мусульманского образования народов Северного Кавказа, что и является целью данного исследования.

4. Результаты

Несмотря на постепенную интеграцию Северного Кавказа в российское политическое и социокультурное пространство и систематические усилия российских властей по развитию в регионе системы светских учебных заведений, наибольшее распространение среди горских народов Северного Кавказа имели мусульманские образовательные учреждения, составлявшие к началу XX в. «главную образовательную силу магометанского населения» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1110. Л. 2) и являвшиеся для горского населения основными очагами распространения грамотности. Люди, знавшие арабскую грамоту, пользовались большим авторитетом у односельчан, что вело к постоянному росту числа мусульманских школ. Наиболее развитая сеть мусульманских образовательных учреждений сложилась в Дагестане. Однако и в других районах Северного Кавказа перед революцией 1917 г. насчитывалось от двух до шести мусульманских школ (ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 933. Л. 9, 13). Более того, представители российской администрации на Северном Кавказе с явным недовольством отмечали имевшие распространение случаи перехода учащихся из низших начальных училищ в медресе (ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 933. Л. 9, 13).

В финансовом отношении мусульманские школы были независимы от государства, которое не принимало никакого участия в организации обучения горского населения арабо-мусульманской грамоте. Они содержались на добровольные пожертвования родителей учащихся и жителей сел, средства закята (налога на доходы и имущество) и на доходы с вакуфного имущества.

Говоря о популярности мусульманского образования среди горцев, следует отметить, что оно функционировало не в виде определенной образовательной системы с взаимосвязанными

образовательными ступенями, а в виде отдельных учебных заведений. Дальнейшее после окончания начальной духовной школы обучение было исключительно делом частной инициативы учащихся и их семей.

В мусульманских школах не существовало и определенной программы. Содержание и методика преподавания в мусульманских школах Северного Кавказа вплоть до начала XX в. носили исключительно конфессиональный характер. Основу обучения в них составлял традиционный букварный способ обучения грамоте. Обучение предполагало изучение основ арабской грамоты, Корана, заучивание молитв и порядка проведения религиозных обрядов. Господство схоластических методов преподавания в традиционных мусульманских школах ограничивало их образовательные возможности. Как правило, образовательный уровень в сельских начальных школах (мектабе) был чрезвычайно низкий и ко времени завершения обучения основная часть учащихся с трудом могла читать и переводить Коран (Кумыков, 1996: 268).

В мусульманском образовании не существовало не только определенной программы, но и сроков обучения. Начальный курс обучения продолжался, как правило, один–два года. Не было и установленных сроков начала и продолжительности учебного года. Чаще всего он начинался поздней осенью, когда горцы были более свободны от сельскохозяйственных работ. Обучение было нерегулярным и бессистемным.

В начале XX в. в мусульманском образовании горцев Северного Кавказа стали происходить серьезные качественные изменения. Они были связаны как с внутренними импульсами развития северокавказского общества, так и с влиянием прогрессивных идей мусульманского мира, в частности джадидизма. В случае с Северным Кавказом следует особо отметить влияние идей, распространявшихся со стороны мусульман Крыма, Волжско-Уральского региона, Египта и Турции.

Передовые представители светской и духовной интеллигенции стали отмечать низкий уровень и тушиковость обучения в конфессиональных школах, не отвечающих требованиям нового времени и не способных обеспечить ни достойный уровень изучения ислама, ни освоение практических знаний и навыков, необходимых в условиях растущей капитализации экономики региона.

Основателем джадидизма считается крымский исламский ученый-просветитель И. Гаспринский, который сформулировал социокультурные проблемы, стоявшие перед мусульманами России, и выступил с идеей культурного реформаторства, основанного на необходимости преобразования мусульманских школ. Первоначальную основу джадидизма составила идея необходимости введения «нового метода» («усул-и джадид»), состоявшего в замене старого буквослагательного метода обучения (усул кадим), господствовавшего в системе мусульманского образования, звуковым.

Далее последователи джадидизма выступили с инициативой реформирования религиозного образования (с учетом требований времени) на основе включения в программу духовных школ светских дисциплин и преподавания на родном языке. Включение в программу мусульманских учебных заведений светских дисциплин, по их мнению, позволяло выпускникам продолжить обучение не только в странах мусульманского Востока, но и в учебных заведениях Российской империи, что значительно расширяло их образовательные возможности.

Распространение идей джадидизма на Северном Кавказе отражало возросшее стремление мусульманских народов региона к национальному и культурному развитию. Большая заслуга в продвижении нового метода обучения в районах Северного Кавказа принадлежала исламским просветителям, представителям нового прогрессивного духовенства А. Акаеву, М. Дебирову, А. Каяеву, Ш. Абделлаеву, Б. Алибекову (Дагестан), А. Дымову, Н. Цагову (Кабарда), А. Набокову, Д. Хаткову (Адыгея) и др., являвшимся выпускниками крупных исламских образовательных центров: Каирского университета Аль-Азхар, Османского университета в Стамбуле, а также средних духовных учебных заведений России. Они видели свою основную задачу в содействии национальному и культурному развитию мусульманских народов Северного Кавказа. По их частной инициативе в регионе были открыты первые новометодные медресе, ставшие местными центрами распространения новых идей.

Первая новометодная школа на Северном Кавказе была открыта в 1902 г. обществом просвещения мусульман Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре. В ней преподавались русский язык, арифметика, геометрия, история, естествознание, география, законоведение, татарский язык, мусульманское вероучение и арабский язык. Спустя три года другой дагестанский просветитель А. Каяев открыл в селении Гюнденен новометодное медресе, в котором активно применял реформаторский опыт, приобретенный им во время работы в одном из медресе при университете Аль-Азхар в Каире (Шихалиев, 2017: 144). Уже в 1908 г. в Дагестанской области действовало 11 новометодных школ с числом учащихся 646 (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 143. Л. 10-100б.). Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет тот факт, что 179 человек из этого числа составляли девочки.

В начале второго десятилетия XX в. новометодные школы стали открываться и в других районах Северного Кавказа. Во многих из них обучались девочки. Особой известностью и популярностью среди горского населения пользовались новометодные медресе в Баксане (Кабарда) и ауле Адабий (Кубанская область).

Преподавание в новометодных школах осуществлялось по классно-урочной системе в рамках установленного учебного года. Новаторским и революционным для своего времени являлась разработка прогрессивным духовенством книг и учебников на родных языках народов Северного Кавказа. Первым из известных учебных пособий было учебное пособие по новым методам обучения детей письму, изданное в 1902 г. известным дагестанским просветителем А. Акаевым в Казани (Осмаева, 2016: 48).

Большую роль в подготовке и издании учебной и методической литературы для новометодных медресе Северного Кавказа сыграла типография «ал-Матба'а ал-исламия» («Мусульманская типография»), основанная в 1903 г. М. Мавроевым в Темир-Хан-Шуре. В ней были изданы учебники на адыгейском, аварском, кабардинском, кумыкском, даргинском, лакском, лезгинском, осетинском и чеченском языках (Ярлыкапов, 2003: 17). Наряду с материалами для учащихся, они зачастую содержали полезные методические материалы и указания, существенно упрощавшие работу преподавателей.

Издание учебной литературы на языках народов Северного Кавказа и организация обучения на родном языке рассматривались прогрессивным духовенством как важное условие на пути превращения мусульманских школ в национальные. Однако издание книг и учебников на родных языках наталкивалось на яростное сопротивление старого духовенства, настаивавшего на недопустимости издания книг для мусульманских школ на неарабском языке. Оно «...объявило новометодничество нововведением, угрожающим отчуждением от ислама и обращением в неверных» (Мирзоев, Даного: 43).

Не имея необходимой профессиональной подготовки, старое духовенство было не способно к восприятию достижений современной научной и педагогической мысли. Кроме того, оно воспринимало новометодное движение как угрозу своему влиянию на массы горского населения. Данную ситуацию красноречиво описал видный адыгский общественный деятель, просветитель М.-Б. Хаджетлаше: «Появляется скромный учитель с восторженными мыслями, с чистыми желаниями..., и что же: грубый и невежественный мулла начинает опасаться этого воображаемого врага, который может быть помешает ему грабить население...» (Хаджетлаше, 1911: 105).

Говоря о развитии на Северном Кавказе в начале XX в. сети новометодных школ, следует отметить, что вплоть до революционных событий 1917 г. большая часть мусульманских школ была представлена традиционными. В дореволюционной региональной статистике, как правило, новометодные школы не выделялись из общего числа мусульманских школ. В большинстве районов Северного Кавказа отсутствуют сведения об официально зарегистрированных новометодных школах. Обобщив данные по Дагестану, Г.Ш. Каймаразов пришел к выводу, что число учащихся новометодных школ составляло не более 10 % от общей численности обучавшихся в традиционных мусульманских школах (Каймаразов: 97). Учитывая тот факт, что Дагестан занимал лидирующие позиции в области развития мусульманского образования горских народов региона, можно предположить, что и в других районах Северного Кавказа этот процент не превышался.

Важную роль в распространении реформаторских идей играли немногочисленные периодические печатные издания, ориентированные на горскую аудиторию. Одним из них являлась газета «Джаридат Дагестан», издававшаяся на арабском языке с 1913 г. и редактировавшаяся крупным дагестанским прогрессистом Али Каяевым. Она стала основным очагом исламского просветительского движения в Дагестане. Со страниц газеты плеяда талантливых сторонников реформирования мусульманского образования подвергала острой критике устаревшие методы обучения подрастающего поколения и пропагандировала новые. Одним из наиболее дискуссионных вопросов, активно обсуждавшихся авторами, был вопрос о языке преподавания в новометодных школах.

Большую работу по распространению идей джадидизма среди горцев играл журнал «Мусульманин», издававшийся представителями северокавказской интеллигенции в Париже с 1908 г. и предназначенный для русских мусульман Северного Кавказа. В первом номере журнала члены редакции заявили о намерении «послужить своим братьям, внося в их сознание свет науки, искусства и жажду технических знаний...» (Хаджетлаше, 1908: 4). В журнале регулярно публиковались материалы о народном образовании в мусульманских странах, очерки из области научных открытий и технических знаний, сведения об учебных заведениях стран мусульманского Востока, Европы и России. Прогресс мусульманских народов Северного Кавказа и их возрождение члены редакции связывали с готовностью мусульманского духовенства к восприятию достижений европейской науки (Хаджетлаше, 1910, №10: 222-223).

Значительную роль в развитии мусульманского образования в направлении национального в начале XX в. играли активисты северокавказской диаспоры в Турции, и в особенности члены Черкесского благотворительного общества в Стамбуле. Они проделали большую работу по изданию учебников на родном языке для горских медресе на различных адыгских диалектах. Особой популярностью пользовалась разработанная Н. Цаговым и С. Нагучевым «Азбука», в которой, наряду с букварным материалом, были представлены тексты дидактического назначения, а также «Книга счета» и «География» (Налоев, 1991: 17-18).

В целях организации просветительской деятельности на своей исторической родине члены общества создали добровольческие группы педагогов для создаваемых в адыгских аулах новометодных школ-медресе. Одной из первых была школа, созданная И. Хиджетлем в ауле Паныхес Кубанской области.

В 1913 г. И. Псейнок основал новометодную школу в ауле Тахтамукай, а Х. Глицерук – в ауле Бжегокай (Фонды Национального музея Республики Адыгея. Дело И. Хидзетля).

Большое влияние Черкесское благотворительное общество оказало на формирование Баксанского культурного мусульманского центра в Кабарде, где вели преподавание крупнейшие на Северном Кавказе исламские просветители А. Дымов и Н. Цагов.

Открытие национальных новометодных школ представителями горской диаспоры из Турции вызывало недовольство российских властей, полагавших, что подобного рода духовное руководство местным мусульманским населением может иметь «самые нежелательные последствия, вследствие развития панисламистской пропаганды и турецких симпатий...». В итоге атаманам отделов Кубанской области с горским населением поступило секретное распоряжение закрыть подобные школы (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5717. Л. 3, 21, 29).

Расширение сети новометодных школ и менявшиеся социально-экономические условия жизни горских народов выдвинули новые требования к профессиональной подготовке мусульманского духовенства, которые не могли быть удовлетворены, так как на Северном Кавказе не существовало мусульманских духовных семинарий. В результате представители передовой горской общественности поставили на повестку дня вопрос о необходимости создания в регионе духовной семинарии для подготовки образованных мулл, способных преподавать предметы мусульманской религии и светские дисциплины на арабском, родном и русском языках (Кабардей, 1910: 296).

Проект учреждения на Северном Кавказе духовной семинарии горскими представителями Кубанской и Терской областей был впервые предоставлен властям в 1905 г., но не был удовлетворен. Очередной проект создания духовной семинарии для мусульман двух областей был предложен властям участниками совещания мусульман Кубанской области, состоявшегося в г. Екатеринодаре в 1908 г. Его реализация должна была быть осуществлена за счет государственных средств (Кабардей, 1910: 294-296). Однако и он не был реализован.

Эволюционные процессы в развитии духовного образования, проявившиеся с начала XX в. в многомиллионной общине мусульман Российской империи и связанные с подъемом их религиозного и национально-культурного самосознания, вызывали серьезную озабоченность в российских правящих кругах. Они полагали, что новометодные школы под руководством «отатаренного» духовенства будут служить «надежным проводником мусульманской культуры и пантюркистского духа» и неминуемо приведут к полному культурному отчуждению масс мусульманского населения от «господствующих в государстве начал к исканию национальных идеалов вне своего государства и к поправанию первойшей по своей важности идеи о ценности государственного дела» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 6. Л. 92, 93, 99).

В результате просветительские начинания нового духовенства не получили поддержки со стороны российских властей и, более того, реализовывались в обстановке активного противодействия им. Чтобы исключить опасное смешение духовных учебных заведений с общеобразовательными, Особое совещание из представителей местных и центральных учреждений, ведомств православного духовного, народного просвещения и внутренних дел, образованное при Министерстве внутренних дел в январе 1911 г., «признало необходимым совершенно устранить из конфессиональных мусульманских школ общеобразовательные предметы, с упразднением и так называемых классов русского языка...». Конфессиональные учебные заведения, медресе и мектабе, с преподаванием общеобразовательных дисциплин подлежали закрытию в течение года либо преобразованию в чисто конфессиональные (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 6. Л. 99).

В контексте анализа официальной позиции российских властей в отношении развития новометодного образования среди мусульман России интерес представляет мнение эксперт-референта по нехристианским конфессиям Департамента духовных дел иностранного исповедания Министерства внутренних дел С.Г. Рыбакова. Он дал следующую оценку ситуации: «Новометодное движение есть проявление здорового культурного подъема русских мусульман, и ошибочность Министерства Внутренних Дел в данном случае заключается в том, что оно шло вразрез с естественной культурной эволюцией мусульман в России» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 567).

Представители прогрессивной северокавказской общественности пытались преодолеть противодействие властей в деле развития новометодных школ как на уровне общероссийских исламских форумов, так и через прессу. Участники IV Всероссийского съезда мусульман, проходившего в г. Санкт-Петербурге в 1914 г., в очередной раз высказались о необходимости изменения правового статуса российских мусульман путем создания новых духовных управлений, в том числе на Северном Кавказе, а также о скорейшем открытии в местностях с мусульманским населением духовных семинарий для подготовки учителей мусульманских школ или особых мужских и женских учительских школ. В резолюции съезда по вопросам образования также высказывалась мысль о необходимости обращения к российским властям с требованием прекращения преследования на местах преподавателей мусульманских училищ и об отмене ограничений в отношении мектабов (Осмаева, 2016: 46).

Не понимая до конца мотивов политики имперских властей в области развития мусульманского образования горцев, представители горской интеллигенции пытались им объяснить, что восприятие прогрессивного духовенства как угрозы государственным интересам и «разносителя» панисламских

идей необоснованно и что «истинными врагами русской государственности являются не скромные сельские учителя..., а исключительно, безусловно, невежественные дикие мулы...». В этой связи они полагали, что мирное культурное движение мусульман Северного Кавказа «нужно рассматривать как неизбежное последствие общего движения народов и, следовательно, не страшное, как это хотят доказать «истинно русские люди...» (Хаджетлаше, 1910, №13: 288). Однако доводы передовой северокавказской интеллигенции игнорировались властями.

5. Заключение

Начало XX в. ознаменовалось прогрессивными явлениями в развитии мусульманского образования горских народов Северного Кавказа. Они были связаны с введением в программу духовных школ светских дисциплин, применением в педагогической практике современных методов обучения, осуществлением обучения и изданием учебников на родном языке, преподаванием истории северокавказских народов, что позволяло им стать на путь сокращения разрыва между светским и духовным образованием.

Эволюционные процессы в развитии мусульманского образования народов региона происходили в условиях ожесточенной борьбы старого с новым и являлись отражением серьезных социокультурных изменений, происходивших в горском обществе. Преобразование мусульманского образования по новометодному принципу осложнялось совокупностью объективных и субъективных факторов. К первым следует отнести недостаток профессиональных кадров, учебно-методических материалов и в целом экспериментальный характер учебных программ. Однако наибольшую сдерживающую роль играли факторы субъективного порядка. Главенствующее значение среди них играло противодействие российских властей. Немаловажную роль играла позиция старого духовенства, пользовавшегося авторитетом в горских селениях и воспринимавшего новометодное движение как угрозу сложившемуся порядку вещей.

Новые прогрессивные процессы в развитии мусульманского образования горских народов Северного Кавказа стали свидетельством роста их национального самосознания и формирования новых культурных потребностей. Несмотря на ограничительные действия российских властей и сопротивление старого духовенства в деле развития мусульманского образования горцев Северного Кавказа, усилиями нового духовенства при поддержке прогрессивных общественных деятелей происходило постепенное превращение конфессионального образования в национальное.

Литература

- Бабич, 2009 – Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе // *Научная мысль Кавказа*. 2009. № 1. С. 71-80.
- Басирова, 2018 – Басирова К.К. Особенности и специфика просветительского движения в Дагестане на рубеже XIX–XX вв.) // *ACTA HISTORICA: труды по историческим и общественным наукам*. 2018. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-spetsifika-prosvetitel'skogo-dvizheniya-v-dagestane-na-rubezhe-hih-hh-vv/viewer> (дата обращения: 19.05.2020).
- Бичиева, 2006 – Бичиева И.С. Светское и духовное образование как факторы формирования кабардинской интеллигенции (конец XIX – начало XX века) // *Исторический вестник*. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 512-526.
- Бушуев, 1957 – Бушуев С.К. Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957. 484 с.
- Емтыль, 2017 – Емтыль З.Я. Опыт взаимодействия советской власти и мусульманского духовенства в культурно-просветительской сфере в начале 20-х гг. XX в. // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2017. № 131. С. 1141-1155.
- Кабардей, 1910 – Кабардей П. Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей // *Мусульманин*. Париж. 1910. № 13. С. 294-296.
- Каймаразов, 2012 – Каймаразов Г.Ш. Мусульманская школа Дагестана в конце XIX – начале XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 10. Ч. 9. С. 95-98.
- Кумыков, 1996 – Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 328 с.
- Мирзоев, Доного, 2015 – Мирзоев Ш.А., Доного Э.М. Мусульманская система образования в Дагестане. Новометодная школа // *Известия Дагестанского педагогического университета. Психолого-педагогические науки*. 2015. № 2. С. 42-45.
- Налоев, 1991 – Налоев З.М. Адаб баксанского культурного движения. Нальчик: Эльбрус, 1991. 440 с.
- Нарочинский, 1988 – Нарочинский А.Л. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
- Нефляшева, 2009 – Нефляшева Н.А. Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2009. № 4. С. 72-92.

Осмаева, 2016 – Осмаева М.Н. Некоторые аспекты общественной и духовной жизни мусульман Дагестана конца XIX – начала XX века // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 3. С. 41-49.

Хаджетлаше, 1908 – Хаджетлаше М.-Б. От редакции // *Мусульманин*. Париж. 1908. №1. С. 2-4.

Хаджетлаше, 1910 – Хаджетлаше М.-Б. О национальном чувстве // *Мусульманин*. Париж. 1910. № 13. С. 286-288.

Хаджетлаше, 1910 – Хаджетлаше М.-Б. О нашем духовенстве // *Мусульманин*. Париж. 1910. № 10. С. 222-223.

Хаджетлаше, 1911 – Хаджетлаше М.-Б. Мысли вслух // *Мусульманин*. 1911. № 3. С. 105.

Халидова, 2014 – Халидова О.Б. Религиозная политика российского государства в начале XX в. и ее влияние на мусульманское население Северо-Восточного Кавказа // *История, археология и этнография Кавказа*. 2014. № 1 (37). С. 108-115.

Хачидогов, 2018 – Хачидогов Р.А. К вопросу истории становления и развития системы образования мусульманских народов Северного Кавказа (конец XVIII – XIX вв.): мифотворчество и объективная реальность // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 4 (2). С. 52-58.

Шихалиев, 2017 – Шихалиев Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. № 3 (35). С. 134-169.

Ярлыкапов, 2003 – Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // *Вестник Евразии*. 2003. № 2 (21). С. 5-31.

References

Babich, 2009 – Babich, I.L. (2009). Musul'manskaya zhizn' gortsev v kontekste religioznoi politiki Rossii na Severnom Kavkaze [Muslim life of highlanders in the context of the religious policy of Russia in the North Caucasus]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1: 71-80. [in Russian]

Basirova, 2018 – Basirova, K.K. (2018). Osobennosti i spetsifika prosvetitel'skogo dvizheniya v Dagestane na rubezhe XIX – XX vv.) [Features and specifics of the educational movement in Dagestan at the turn of the nineteenth and twentieth centuries]. *ACTA HISTORICA: trudy po istoricheski i obshchestvennym naukam*. 1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-spetsifika-prosvetitelskogo-dvizheniya-v-dagestane-na-rubezhe-hih-hh-vv/viewer> [in Russian]

Bichieva, 2006 – Bichieva, I.S. (2006). Svetskoe i dukhovnoe obrazovanie kak faktory formirovaniya kabardinskoi intelligentsii (konets XIX – nachalo XX veka) [Features and specifics of the educational movement in Dagestan at the turn of the nineteenth and twentieth centuries]. *Istoricheskii vestnik*. 4: 512-526. [in Russian]

Bushuev, 1957 – Bushuev, S.K. (1957). Ocherki istorii Adygei [Essays on the history of Adygea]. Т. 1, Maikop: Adygeiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. [in Russian]

Emtyl', 2017 – Emtyl', Z.Ya. (2017). Opyt vzaimodeistviya sovetskoj vlasti i musul'manskogo dukhovenstva v kul'turno-prosvetitel'skoi sfere v nachale 20-kh gg. XX v. [The experience of interaction between the Soviet government and the Muslim clergy in the cultural and educational sphere in the early 20s of the XX century]. *Politematicheskii setevoi ehlektrony nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 131: 1141-1155. [in Russian]

Kabardei, 1910 – Kabardei, P. (1910). Dukhovno-religioznye nuzhdy musul'man Terskoj i Kubanskoi oblasti [Spiritual and religious needs of Muslims of Terek and Kuban regions]. *Musul'manin*. 13: 294-296. [in Russian]

Kaimarazov, 2012 – Kaimarazov, G.Sh. (2012). Musul'manskaya shkola Dagestana v kontse XIX – nachale XX veka [Muslim school of Dagestan in the late nineteenth and early twentieth centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 9. Pp. 95-98. [in Russian]

Khachidogov, 2018 – Khachidogov, R.A. (2018). K voprosu istorii stanovleniya i razvitiya sistemy obrazovaniya musul'manskikh narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII – XIX vv.): mifotvorchestvo i ob'ektivnaya real'nost'» [To the issue of the history of the formation and development of the education system of Muslim peoples of the North Caucasus (late 18th – 19th centuries): myth-making and objective reality]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Т. 10. 4(2): 52-58. [in Russian]

Khadzhetlashche, 1908 – Khadzhetlashche, M.-B. (1908). Ot redaktsii [From the editor]. *Musul'manin*. 1: 2-4. [in Russian]

Khadzhetlashche, 1910 – Khadzhetlashche, M.-B. (1910). O nashem dukhovenstve [About our clergy]. *Musul'manin*. 10: 222-223. [in Russian]

Khadzhetlashche, 1910 – Khadzhetlashche, M.-B. (1910). O natsional'nom chuvstve [About national feeling]. *Musul'manin*. 13: 286-288. [in Russian]

Khadzhetlashche, 1911 – Khadzhetlashche, M.-B. (1911). Mysli vsluh [Thinking out loud]. *Musul'manin*. 3: 105. [in Russian]

Khalidova, 2019 – Khalidova, O.B. (2019). Religioznaya politika rossiiskogo gosudarstva v nachale XX v. i ee vliyaniye na musul'manskoe naseleniye Severo-Vostochnogo Kavkaza [The religious policy of the

Russian state in the early twentieth century. and its influence on the Muslim population of the North-East Caucasus]. *Istoriya, arkhеologiya i ehtnografiya Kavkaza*. 1(37): 108-115. [in Russian]

Kumykov, 1996 – *Kumykov, T.Kh.* (1996). Kul'tura, obshchestvenno-politicheskaya mysl' i prosveshchenie Kabardy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. Nal'chik: Ehl'brus Publ. [in Russian]

Mirzoev, Donogo, 2015 – Mirzoev, Sh.A., Donogo, Eh.M. (2015). Musul'manskaya sistema obrazovaniya v Dagestane. Novometodnaya shkola [Muslim education system in Dagestan. New Method School]. *Izvestiya Dagestanskogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2: 42-45. [in Russian]

Naloev, 1991 – *Naloev, Z.M.* (1991). Adab baksanskogo kul'turnogo dvizheniya [Adab Baksan cultural movement]. Nal'chik: Ehl'brus Publ. [in Russian]

Narochinskiy, 1988 – *Narochinskiy, A.L.* (1988). Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [The history of the peoples of the North Caucasus (end of the XVIII century – 1917)]. Moscow: Nauka Publ. [in Russian]

Neflyasheva, 2009 – *Neflyasheva, N.A.* (2009). Musul'manskoe obrazovanie na Severo-Zapadnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv) [Muslim education in the North-West Caucasus (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. 4: 72-92. [in Russian]

Osmaeva, 2016 – *Osmaeva, M.N.* (2016). Nekotorye aspekty obshchestvennoi i dukhovnoi zhizni musul'man Dagestana kontsa XIX – nachala XX veka [Some aspects of the social and spiritual life of Muslims of Dagestan at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 3: 41-49. [in Russian]

Shikhaliev, 2017 – *Shikhaliev, Sh.* (2017). Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900–1930 gg.) [Muslim Reformation in Dagestan (1900-1930)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3(35): 134-169 [in Russian]

Yarlykapov, 2003 – *Yarlykapov, A.A.* (2003). Islamskoe obrazovanie na Severnom Kavkaze v proshlom i nastoyashchem [Islamic education in the North Caucasus in the past and present]. *Vestnik Evrazii*. 2(21): 5-31. [in Russian]

Эволюционные процессы в развитии мусульманского образования народов Северного Кавказа в начале XX в.

Зарема Январбиевна Емтыль ^{a, *}, Саниет Рамазановна Жане ^b,
Анна Станиславовна Бочкарева ^a

^a Кубанский государственный технологический университет, Российская Федерация

^b Майкопский государственный технологический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье осуществлено комплексное исследование эволюционных процессов в развитии мусульманского образования народов Северного Кавказа в начале XX в., основанное на анализе широкого круга вопросов: от условий и предпосылок складывания эволюционных процессов и их содержания до конкретных шагов по реализации просвещенческих задач и реакции на них официальных властей.

Авторы связывают эволюционные процессы в развитии мусульманского образования народов региона с введением в программу духовных школ светских дисциплин, применением в педагогической практике современных методов обучения, осуществлением обучения и изданием учебников на родном языке, преподаванием истории северокавказских народов.

На основе проведенного исследования авторы пришли к выводу о том, что новые прогрессивные процессы в развитии мусульманского образования горских народов Северного Кавказа стали свидетельством роста их национального самосознания и формирования новых культурных потребностей. Несмотря на ограничительные действия российских властей и сопротивление старого духовенства в деле развития мусульманского образования горцев Северного Кавказа усилиями нового духовенства при поддержке прогрессивных общественных деятелей происходило постепенное превращение конфессионального образования в национальное.

Ключевые слова: народы Северного Кавказа, джадидизм, мусульманское образование, мусульманское реформаторство, новое духовенство, новометодные школы, старое духовенство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adg1070@gmail.com (З.Я. Емтыль), zhane-saniet@mail.ru (С.Р. Жане), bochka78@mail.ru (А.С. Бочкарева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 990-999.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.990
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire

Natal'ya P. Koptseva ^{a, *}, Kseniya A. Degtyarenko ^a, Anna A. Shpak ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the possibilities of the journal "Nature and People" to be a reliable source on the history of the northern peoples of the Russian Empire. The methodology related to the identification of periodicals as historically accurate sources. Based on the criteria necessary for the interpretation of sources, a selection is made of publications that correspond to the reliability of the historical source. The periodical press is one of the recognized historical sources containing the description of economic, political, social, religious, and cultural processes. The analysis of the methodology associated with the source value of periodicals indicates the validity of the choice of the journal "Nature and People" as a source on the history of the peoples of the Russian Empire at the beginning of the XX century. An analysis is made of the 1910 publications. A classification of publications on the ethnography of northern peoples (Tungus, Yakuts, Bessermians and others) is given. As a result, the main topics of publications about the northern peoples of the Russian Empire are highlighted. The essays of the journal "Nature and People" contain geographical, geological, ecological, ethnographic and historical data that either supplement the existing descriptions, or are unique and accompanied by original author's judgments. Issues of the journal "Nature and People" in 1910 contain historical material valuable for the study of the history of the northern peoples of the Russian Empire. Until now, the materials of this periodical have not been included in the ethnography of Russian peoples and have not been taken into account in historiography. This deficiency must be corrected, and the ethnographic essays of the journal must be recognized as an important source for the study of the history of the Northern peoples of the Russian Empire.

Keywords: periodicals, historical sources, peoples of the Russian Empire, the journal "Nature and People", northern territories.

1. Введение

История Российской империи включает историю всех народов, которые в ней проживали, в том числе историю и тех, кто относится к небольшим по численности группам, проживающим на северных территориях в условиях экстремального полярного климата и сложного для человеческого существования северного ландшафта. Исторические источники по данной проблематике включают, как правило, этнографические описания путешественников, коммерсантов, затем с момента формирования Императорского Русского географического общества появляются новые источники – отчеты региональных отделений этого общества. Предлагается включить в состав исторических источников по истории народов Российской империи ряд периодических изданий, журналов, материалы которых имеют научно-популярную и публицистическую направленность.

Актуальность исторического исследования периодических изданий заключается в их всестороннем охвате определенного периода, а также широкой аудитории читателей. В журнале «Природа и Люди» в 1910 году публикуется значительное количество материалов, связанных с этнографической спецификой обширной территории Российской империи в начале XX века. Анализ

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva)

методологии, связанной с источниковедческой ценностью периодических изданий, указывает на обоснованность выбора данного типа источников по истории народов Российской империи начала XX века.

Периодическая печать является одним из признанных исторических источников, содержащих описание экономических, политических, социальных, религиозных, культурных процессов, обсуждаемых в момент написания журнальных текстов. Сложность анализа периодических изданий в качестве источника заключается в направленности публикаций на широкую аудиторию, и поэтому возникает разнообразие жанров публикаций, сочетающих и отражение фактов, и элементы художественности.

Данная статья посвящена анализу группы источников по статусу северных народов Российской империи, опубликованных в журнале «Природа и Люди» в 1910 г. Ранее этот вид исторических источников применительно к истории северных народов Российской империи не рассматривался.

2. Материалы и методы

2.1. Главным источником для исследования стал журнал «Природа и Люди», основателем которого были издатель Петр Петрович Сойкин и редактор Сергей Сергеевич Груздев. В рекламных и других описаниях журнал был определен как «еженедельный иллюстрированный общедоступный журнал для семейного чтения». В выборку вошли тексты, посвященные теме северных народов Российской империи. Временные рамки нашей выборки ограничены 1910 годом, когда тема народов, живущих на отдаленных от центра империи территориях, была представлена достаточно широко. Всего в выборку вошли материалы семи номеров. Это семь источников, опубликованных в номерах №№ 4, 8, 15, 16, 17, 28, 38 журнала «Природа и Люди» в 1910 году.

2.2. Основной методологический подход связан с отношением к периодической печати как к группе различных исторических источников. Единицей источниковедческого исследования выступает отдельная публикация, а не журнал в целом. Данный подход позволяет выделить своеобразие каждого источника и учесть эти особенности при его историческом анализе.

Применялся метод определения источниковедческой значимости журнальных публикаций, была проведена систематизация источников по проблематике и выделено содержание, значимое для истории народов Российской империи, проживавших на северных территориях в сложных климатических, ландшафтных и социально-экономических условиях. Сравнительный метод исследования исторических источников при сопоставлении выпусков одного журнала и схожей тематики коренных народов сделал возможным исследование динамики этнокультурного пространства Российской империи.

При цитировании были сохранены особенности письменности, характерные для периода появления источника.

3. Обсуждение

Использование периодической печати в качестве значимого исторического источника было сделано В.М. Рынковым, который дает следующее определение: «Периодическая печать – это одновременно место и способ публикации источников, ее отличают периодичность и единый подход редакции к делу их обнародования. Она не является комплексным источником, но представляет собой комплекс источников. Возникновение прессы породило и продолжает порождать новые разновидности исторических источников, многие из которых присущи именно периодическим изданиям. Неизменным остается главное – периодика никогда не была и не станет видом исторических источников, а напротив, сама может содержать в себе источники всех видов» (Рынков, 2010: 46). Данное утверждение указывает на комплексную природу периодической печати в качестве исторического источника.

Д.И. Тушканов указывает на изучение периодических изданий в качестве источника, отражающего историю социокультурных процессов в аспекте национальных отношений (Тушканов, 2017: 23). В свою очередь, Д.Л. Шереметьева отмечает, что анализ источников периодической печати многоплановый, дает возможность для углубления знаний по какой-либо определенной теме и в совокупности с разными методиками расширяет исторические исследования (Шереметьева, 2014: 109). Периодический источник предполагает критический анализ информации и учет особенности исторического времени создания издания. Ряд исследователей указывает, что системный подход в историографическом методе предполагает наличие двух противоположностей при анализе: критики исторического источника и его интерпретации (Данилевский и др., 2015).

Привлечение периодических изданий в качестве источника информации интересующего временного периода прослеживается во многих работах отечественных и зарубежных исследователей (Vitineva et al., 2019; Kattsina et al., 2019; Hardwick, 2012; Reznikova et al., 2019; Serechkina, Koptseva, 2018; Vitineva et al., 2019; Watson, 2015; Zabelina et al., 2020 и др.).

Так, И.В. Корнилова и Т.А. Магсумов (Корнилова, Магсумов, 2017) при изучении женского высшего образования в России второй половины XIX века привлекали периодические публикации, которые освещали развитие женского образования в России. Ученые подчеркивают

источниковедческую значимость российской периодики для исследования истории женского высшего образования, общественных дискуссий, разворачивающихся вокруг этого процесса, его основных результатов.

Н.Е. Никонова (Никонова, 2018) обращается к периодическим дореволюционным изданиям Сибири 1890–1910-х гг., среди которых в качестве основных источников она анализирует «Сибирский листок», «Сибирскую газету», «Сибирский вестник» для изучения восприятия жителями Сибири произведений польской литературы. Исследуется специфика переводов и выделяются элементы пересечения польского литературного наследия с политической, социально-культурной историей сибирского региона. Выбор периодических изданий в качестве источника для этнокультурных исследований обосновывается Л.Б. Четыровой (Четырова, 2017), которая изучает историю калмыков в разные исторические периоды.

Ю.Г. Благодер для истории Российской империи в 1905 году использует в качестве исторического источника статьи газеты «Кубанские областные ведомости» в г. Екатеринодаре (Благодер, 2019). Главным образом автора интересовало освещение событий Русско-японской войны и революционных волнений в России, роль казачества в этих событиях и, как следствие, особенности формирования информационного образа казачества.

Е.В. Каменская, сравнивая периодические издания с другими историческими источниками, указывает на взаимозависимость большого тиража и влияния на читателей содержания этих источников (Каменская, 2011: 139). Свойство всеохватности является важным для получения общей исторической картины изучаемого периода.

Противоположную точку зрения высказывает К.Н. Филькин, указывая на то, что в периодике содержится много внеисторических элементов религиозного, философского и мифологического содержания (Филькин, 2017: 138). Но, тем не менее, возможность использования периодики в качестве исторического источника им принимается при условии тщательного анализа содержания этих источников и выделения в них значимых исторических фактов.

А.С. Хотеев полагает, что исторический аспект периодических изданий включает широкий и узкий контексты. Широкий контекст предоставляет исследователю информацию о социальной среде, в которой выпускался журнал, и о целевой аудитории. Узкий контекст раскрывает социокультурные причины появления данного издания, цель и задачи журнала, правила публикаций, выбор тематики журнала (Хотеев, 2019: 60, 62).

Журнал «Природа и Люди» периода 1889–1918 гг. в исторических исследованиях представлен в определенных аспектах. О.Н. Сидорчук рассматривает данное издание в контексте истории периодических изданий и предоставляет тематическую разбивку журнала, выделяя разделы: историко-биографический; романы, повести и рассказы; географо-этнографический; научный отдел; текущие известия (Сидорчук, 2016). Журнал характеризовался автором как научно-популярный, включающий в себя историко-культурные очерки, что подчеркивало его информативность в области этнографических исследований народов Российской империи.

4. Результаты

В Российской империи журнал «Природа и Люди» выходил в период с 1889–1918 гг. в издательстве П.П. Сойкина. Издание выходило еженедельно, и программа журнала предполагала печать по следующим темам: биографии деятелей науки, романы, повести или рассказы, включающие в себя быт разных народов, очерки из географических и этнографических экспедиций, статьи на актуальные естественнонаучные темы, статьи по медицине, обзор новых открытий и изобретений (Адмиральский, Белов, 1970: 145). Издания издательства П.П. Сойкина имели всероссийский и мировой охват.

Научно-популярная тематика журнала предполагала авторов, имеющих отношение к научным исследованиям, такими авторами были С.П. Глазенап, Я.И. Перельман, А.М. Никольский, В.С. Груздев, Н.Н. Лебедев, В.В. Рюмина, Г.Г. Генкель. Отмечается важность деятельности известного популяризатора науки Я.И. Перельмана, который, наряду с написанием статей, занимал пост ответственного секретаря редакции (Махонина, 2004: 186). Особый академический интерес представляют специальные историографические рубрики, посвященные народам Севера Российской империи. Исторически в России появление этнографии как науки происходило в начале XX века. На данный период приходилось большое количество этнографических экспедиций. Одновременно развивалась не только этнография, но и историография отдельных народов России (Сабирова, 2004: 585).

При обработке данных была проведена структуризация и классификация текста по степени информативности. Проанализированы археографические, художественные и исторические тексты, касающиеся истории народов Российской империи. Так как издание носило научно-популярный характер, можно разделить анализируемые материалы на справочные, энциклопедические, содержащие фактические данные и содержащие художественные рассказы, включающие в себя легенды и мифы разных народов.

На Рисунке 1 представлено оформление первой страницы журнала, где его название расположено на фоне восходящего на морском горизонте солнца, представлен фрагмент берега и гор.

Изображены два человека, масштаб их изображения позволяет вообразить высоту гор и широту моря. Пейзаж имеет достаточно универсальные характеристики и не может быть привязан к какому-либо конкретному региону Российской империи или мира. Тем самым, очевидно, подчеркивалось широкое содержание публикаций, не ограниченное конкретными территориями или народами.

Рис. 1. Фрагмент обложки журнала «Природа и Люди»

Опубликованные в № 4 журнала «Природа и Люди» за 1910 год путевые заметки «Въ Сибирь за мамонтомъ» препаратора Э. Фиценмайера (*Природа и Люди*, № 4: 49-51), повествующие о палеонтологической экспедиции к берегам Северного Ледовитого океана с целью поиска ископаемых животных, содержат упоминания об охотниках – тунгусах и якутах: «На далекомъ сѣверѣ Сибири, у берега Ледовитаго океана, на 72 параллели между ррѣ. Яной и Индигиркой простирается пустынная Омулахская тундра, рѣдко посѣщаемая даже бродячими племенами Сѣвера. Здѣсь-то, на обрывѣ небольшой рѣчки, два года тому назадъ вешніе воды обнажили засыпанный пескомъ трупъ мамонта. Запахъ падали привлекъ голодныхъ полярныхъ лисицъ, довольно неразборчивыхъ въ пищѣ. По слѣдамъ этихъ пушныхъ звѣрей явились охотники-тунгусы и нашли остовъ ископаемаго гиганта. А такъ какъ имъ было извѣстно, что трупами этихъ животныхъ почему-то интересуются въ далекой Россіи и даже предлагаютъ за нихъ большое вознагражденіе, – то тунгусы и заявили о своемъ открытіи въ ближайшій административный пунктъ – въ Верхоянскъ»; «Къ вечеру второго дня пути мы достигли юрты одного богатаго якута и здѣсь простояли цѣлый день».

В очерке В.П. Быкова «Женщина этнографъ и историкъ», посвященном заслугам исследователя народностей России Александры Яковлевны Ефименко, фиксируется внимание на изучении таких народов Севера, как «самоеды», «лопари», «карелы» (*Природа и Люди*, № 38: 606-607).

Очерк в № 8 автора Дм. К. Зеленина «Гдѣ празднуютъ святки дважды въ году?» посвящен этнокультурным особенностям бесермян и вотяков – «полухристіанъ, полуязычниковъ», проявляющимся в традициях празднования святок (*Природа и Люди*, 2010, № 8: 117). Небольшой очерк Зеленина сопровождается визуальным рядом, фотографиями, отражающими особенности внешнего облика бесермян, их бытовой и праздничной одежды, а также специфику музыкальной культуры этого народа.

Рис. 2. Бесермянская семья

Рис. 3. Бесермянские женщины в праздничной одежде

В очерке Н. Островских «Бичь нашего сѣвера» (Природа и Люди, 2010, № 28: 442) описываются исторические факты, связанные с эпидемией оспы на Севере, и изменения в традиционном укладе жизни северных народов – «племень Азіатской и Европейской Россіи». Автор именует представителей северных народностей инородцами, туземцами севера. Фиксируется проблема алкоголизации среди северных народов: «трудно убѣдить... инородца... беречься от... излишества въ употребленіи водки».

Особенное внимание Н. Островских уделяет демографическим проблемам освоения северных территорий Российской империи. Он справедливо замечает, что этнические особенности северных народов – их приспособленность к экстремальным условиям северной жизни – позволяют государству удерживать Север в своем составе: «Одно нужно помнить господствующему племени, завоевавшему Сибирь, – что сѣверъ Сибири станеть безлюдень и недоступень для насъ со всѣми своими дарами природы, если обѣднѣють (при постоянно случающихся падежахъ ѣздовыхъ оленей), обезсилить и вымрутъ туземцы сѣвера».

Только они одни хорошо изучили и приручили сѣвернаго оленя, только они такъ выносливы во время страшныхъ сѣверныхъ пургъ и морозовъ, только они съ истинно звѣриннымъ чутьемъ умѣють распознавать мѣстность и угадывать направленіе пути. И вотъ на обязанности болѣе культурнаго племени лежитъ, изъ собственныхъ личныхъ выгодъ, не говоря уже о соображеніяхъ любви къ меньшему брату, озаботиться внести хоть долю тѣхъ культурныхъ удобствъ жизни, что мы сами пользуемся: первѣе всего нужны пути сообщенія и телеграфъ, нужны школы какъ общеобразовательныя, такъ и ремесленныя (чтобъ туземецъ умѣлъ ружье починить, чайникъ вылудить) и рыбопромышленныя, нужны миссіонеры и учителя, преданные дѣлу и любящіе способныхъ и воспріимчивыхъ, но темныхъ инородцевъ, нужны правильные суда, коихъ лишена теперъ сѣверная Сибирь. И тогда сохранится много инородческихъ жизней, инородцу легче станеть жить въ его суровомъ краю, его жизнь скрасится.

Несомнѣнно, повторяю, для государства – чрезвычайно выгодно и полезно поддержать сѣверное выносливое населеніе, вполне жизнеспособное и могущее своей работоспособностью и споровкой съ лихвой вознаградить всѣ заботы и затраты коренной Россіи».

Очерк В. Анфилова «Великіе запасы сокровищъ Россіи», опубликованный в № 15 и 16, посвящен Якутской области. В авторском очерке она предстает труднодоступным, холодным местом. Отмечается малоизученность территории Якутии и отсутствие научных данных в области топографии, орографии, гидрографии, метеорологии, этнографии, зоологии и т.д.

Владимир Анфилов дает географическое описание Якутской области, уделяя особое внимание водным ресурсам, представляющим огромное разнообразие и играющим важную роль в повседневной жизни местного населения (Природа и Люди, 2010, № 15: 234-236). Так, при упоминании болот с горько-соленой водой автор рассказывает об использовании этой своеобразной воды в скотоводстве: «Мѣстные жители вымачиваютъ въ этой водѣ сѣно. Скотъ пожираетъ его съ повышенной охотою, при чемъ быстро тучѣетъ и развивается къ лучшему во всѣхъ отношеніяхъ. Кто знаетъ, быть можетъ, химическое изслѣдованіе воды этихъ болотъ, дѣйствительно открыло бы нашимъ скотоводамъ новые горизонты по части выкормки скота? Но, пока этимъ дивомъ владѣють лишь якуты».

Фиксируя такую природную уникальность, как «кровяная вода» – явление «обильнаго насыщенія обыкновенной прѣсной воды – отложеніями особаго краснаго желѣзняка», которое при отстаиваніи дает около 50 % осадка, автор говорит об ее использовании в этнокультурных практиках местным населением: «якутскіе знахари считаютъ воду кровяныхъ ручьевъ цѣлебной».

Этнокультурный образ якутов, специфика традиционного уклада их жизни также складываются на основе изображений, иллюстрирующих статью.

Рис. 5. Богатая якутка

Рис. 6. Якутская нищяя

Фиксируется образ якутской женщины (Рисунки 5 и 6), построенный на материальном различии: богатая якутка в традиционной праздничной одежде, восседающая верхом на якутской лошади в богатой сбруе и якутская нищая с жестом просящего милостыню в одежде, большей по размеру и простой по выбору ткани и пошиву. А также визуализируется особенность конструкций традиционных якутских строений (Рисунок 7).

Рис. 7. Почтовая станция в Якутской области

В продолжении разговора об особенностях Якутской области В. Анфилов повествует о богатстве и разнообразии природных ископаемых, в первую очередь о наличии самых масштабных залежей природного золота в Сибири. В № 16 (Природа и Люди, 2010, № 16: 250-251) упоминаются другие ценные ископаемые породы – серебряная, медная, свинцовая, магнитная руды, базальт, каменный уголь, глина и др., идет геологическое описание наличия большого количества железной руды: «На Алданѣ же туземцы также простымъ и быстрымъ способомъ вырабатываютъ и металлическую мѣдь, – приче́мъ мѣсторожде́ніе руды держать въ строгой тайнѣ, а самую руду постороннимъ интересующимся не показываютъ ни за какія деньги». Уделяется внимание и палеозоологии, а также животному и растительному миру, климатическим условиям области.

Рис. 8. Езда на оленях на Неве, в Санкт-Петербурге, в старые годы

Выпуск № 17 журнала «Природа и Люди» содержит статью «Сани у разных народов», которая также имеет характер историко-этнографического источника. В статье рассматриваются составные части саней, делается сравнительный анализ северных саней и саней, имеющих развлекательный характер в столице России и европейских странах. На [Рисунке 8](#) представлена иллюстрация к этой статье «Езда на оленях на Неве, в Санкт-Петербурге, в старые годы», где визуализируется традиционная жизнь северных народов, присутствуют изображения традиционного жилища северных народов, а также езды на упряжках с северными оленями и нартами.

Путевые впечатления В.П. Герасимова, опубликованные в статье «Окаменелый народ» № 44, описывают сибирскую легенду, связанную с могильными камнями. Легенда была рассказана ямщиком, доставлявшим автора в город Минусинск Енисейской губернии. Автор описывает ямщика следующим образом: «приземистый, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами и физиономіей, яркая красота которой поддерживалась постоянными жертвоприношениями доброму богу Бахусу, ясачный татаринъ».

«Давнымъ давно это было, лѣтъ, поди, съ тысячу али больше тому назадъ: кочеваль тутъ великій монгольскій народъ. На всѣ окрестныя племена распространилъ онъ свою силу; старшаго родового князя ихъ слушалась вся Монголія... Женщины ихъ были красивѣе, выше и стройнѣе всѣхъ женщинъ на свѣте, ходили въ парчѣ и шелкахъ; мужья, когда не воевали, лежали лома, въ кибиткахъ, на дорогихъ коврахъ, пили изъ маленькихъ серебряныхъ чеканныхъ чашекъ самый лучшій кирпичный чай, ѣли барановъ и курили душистый кальянъ. Хорошо и счастливо жилъ этотъ народъ, благословенный самимъ Аллахомъ, потому что строго исполнялъ всѣ его заповѣди, воевалъ съ невѣрными и благоговѣно чтилъ коранъ». Но, нарушив заповедь Корана (пролив неповинную кровь), народ был наказан Богом, обратившим его в белые камни.

Таким образом, на страницах журнала «Природа и Люди» в 1910 году чаще всего даются описания таких северных народов Российской империи, как самоеды, лопари, карелы, тунгусы, якуты. Основываясь на содержании соответствующих публикаций, можно предположить, что выбор этих народов базируется либо на территориальной доступности для исследователя мест их традиционного расселения (это касается самоедов, лопарей, карелов), либо на актуальной для 1910 года политической и экономической заинтересованности российского государства в регионе, на территории которого проживают северные народы. Таким примером является Якутская область (место жительства якутов и тунгусов), о полезных ископаемых которой многократно сообщается в публикациях журнала.

Образ северных народов выстраивается, как правило, на основе визуального ряда, но такие примеры единичны и чаще всего репрезентируют внешний облик того или иного народа через традиционную одежду или жилище. Текстовая информация о народах – в смешанной тональности повествования, когда «инородцы» характеризуются как «несчастный» народ. Позитивная тональность определяется такими характеристиками северных народов, как выносливость, работоспособность, владение уникальными и полезными для жизни и ведения хозяйственной деятельности навыками и т.д.

В целом можно зафиксировать возрастающее внимание к разнообразному этническому составу Российской империи, этнографическому исследованию северных и сибирских территорий.

5. Заключение

Выпуски журнала «Природа и Люди» 1910 года содержат исторический материал, ценный для исследования истории северных народов Российской империи. До настоящего времени материалы этого периодического журнала не были включены в этнографию российских народов и не учитывались в историографии. Этот недостаток должен быть исправлен, и этнографические очерки журнала необходимо признать важным источником для изучения истории северных и сибирских народов. Эти очерки содержат географические, геологические, экологические, этнографические и исторические данные, которые либо дополняют существующие описания, либо являются уникальными и сопровождаются оригинальными авторскими суждениями.

Структурирование этнографических публикаций журнала за 1910 год позволило выделить такие темы как: география и политическое положение регионов Российской империи, этнография, геология местности проживания северных народов и особенности ведения традиционного хозяйства.

На основании аналитического обзора статей журнала «Природа и Люди» зафиксирована специфика представленности этнического разнообразия Российской империи начала XX века в периодических изданиях научно-популярного характера, а также особенности формирования этнокультурного образа народов Российской империи в исторический период начала XX века. Важность исторического анализа данного периодического издания в качестве материала по истории народов заключается в его объемной и оригинальной информативности об этнических процессах в России данного исторического периода.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) №13–39–90041.

Литература

- Адмиральский, Белов, 1970 – Адмиральский А., Белов С. Рыцарь книги: (Очерки жизни и деятельности П.П. Сойкина). Л., 1970. 214 с.
- Благодер, 2019 – Благодер Ю.Г. Трагический 1905 год на страницах газеты «Кубанские областные ведомости»: сражения в Китае и революция в России // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. № 4 (24). С. 60–70.
- Данилевский и др., 2015 – Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М. и др. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2015. 685 с.
- Природа и Люди, 1910 – Журнал «Природа и Люди». 1910. №№ 4, 8, 15, 16, 17, 28, 38.
- Каменская, 2011 – Каменская Е.В. Образ социалистического мира в свердловской областной печати (публикации «Уральского рабочего» в середине 1960-х – 1970-е гг.) // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2011. № 3 (93). С. 138–145.
- Махонина, 2004 – Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. 368 с.
- Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44–50.
- Сабирова, 2004 – Сабирова А.И. Становление проблематики имперских и национальных исследований в современной российской научной периодике // *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 575–598.
- Сидорчук, 2016 – Сидорчук О.Н. «Общество» в интерпретации журнала «Природа и люди» (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2016. № 1 (6). С. 67–71.
- Тушканов, 2017 – Тушканов Д.И. Положение периодической печати Саратовской губернии в начале XX века по материалам газеты «Вольская жизнь» // *Вестник ВИЭПП*. 2017. С. 22–25.
- Филькин, 2017 – Филькин К.Н. Методология когнитивных наук в анализе исторических источников: пространство перспектив и проблемы // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 420. С. 136–140.
- Хотеев, 2019 – Хотеев А.С. Методологические особенности изучения исторической периодики (на примере российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века) // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2019. № 2 (54). С. 58–68.
- Четырова, 2017 – Четырова Л.Б. Ментальность калмыков: истоки и причины изменений // *Новые исследования Тувы*. 2017. № 3. С. 125–146.
- Шереметьева, 2014 – Шереметьева Д.Л. Газеты как источник изучения политической адаптации населения Сибири в условиях гражданской войны // *Власть и общество в Сибири в XX веке*. 2014. С. 104–113.
- Hardwick, 2012 – Hardwick J. Early victorian periodicals and the colonial church of England // *Nineteenth Century Prose*. 2012. № 39(1–2). P. 255–284
- Kattsina et al., 2019 – Kattsina T.A., Pashina N.V., Mezit L.E. et al. The historical experience of educational practices for children of refugees of the first world war (on the example of the Yenisei province of the Russian empire) // *Bylye Gody*. 2019. № 53(3). Pp. 1394–1402.
- Kornilova, Magsumov, 2017 – Kornilova I.V., Magsumov T.A. Emancipation in educational system: Formation of women's higher education in Russia // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. № 6(2). Pp. 352–366.
- Nikonova, 2018 – Nikonova N.E. Polish literature in Siberian periodicals of the 1880–1910s // *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*. 2018. № 1. P. 119–133
- Reznikova et al., 2019 – Reznikova K.V., Pimenova N.N., Kistova A.V. et al. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: the current state // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. № 12(8). Pp. 1552–1567.
- Rigney, 2018 – Rigney A. Epilogue: citizenship, memory, and the curious case of Canada // *Citizenship Studies*. 2018. № 22(4). Pp. 452–457.
- Savin, Kasabutskaya, 2019 – Savin S.D., Kasabutskaya M.S. Historical memory of ethno-confessional conflicts in Russia // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya*. 2019. № 64(3). Pp. 1097–1113.
- Seredkina, Koptzeva, 2018 – Seredkina N.N., Koptzeva N.P. International and Russian practices of preserving and reproducing the languages of the small-numbered indigenous peoples of the North // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 2018. № 11(12). Pp. 2056–2077.
- Vititneva et al., 2019 – Vititneva E.V., Kuzmenko A.S., Pahomova N.V. Features of the material and everyday status of students of higher educational institutions of the City of Tomsk in the late XIX – early XX centuries in the context of the everyday life history // *Bylye Gody*. 2019. № 53(3). Pp. 1281–1291.

Watson, 2015 – Watson M. Unsettled borders and memories: A "local" indigenous perspective on contemporary globalization. // *Journal of Aesthetics and Culture*. 2015. № 7. Pp. 1-19.

Zabelina et al., 2020 – Zabelina E.V., Kurnosova S.A., Trushina, I.A. et al. Life Values and Subjective Well-being of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone (Based on the Example of the Nenets). // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 2020. № 13(6). Pp. 997-1006.

References

Admiral'skij, 1970 – Admiral'skij, A., Belov, S. (1970). Rycar' knigi: (Ocherki zhizni i deyatel'nosti P.P. Sojkina) [Knight of the Book: (Essays of the life and work of P.P. Soykin)]. Leningrad. 214 p. [in Russian]

Blagoder, 2019 – Blagoder, Yu.G. (2019). Tragicheskij 1905 god na stranicah gazety «Kubanskije oblastnye vedomosti»: srazheniya v Kitae i revolyuciya v Rossii [The tragic 1905 year on the pages of the newspaper "Kuban Regional Vedomosti": battles in China and the Revolution in Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (24): 60-70. [in Russian]

Chetyrova, 2017 – Chetyrova, L.B. (2017). Mental'nost' kalmykov: istoki i prichiny izmenenij [The Kalmyks' mentality: the origins and causes of changes]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3: 125-146. [in Russian]

Danilevskij et al., 2015 – Danilevskij, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaya, O.M., et al. (2015). Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow. 685 p. [in Russian]

Fil'kin, 2017 – Fil'kin, K.N. (2017). Metodologiya kognitivnyh nauk v analize istoricheskikh istochnikov: prostranstvo perspektiv i problem [Methodology of cognitive sciences in the analysis of historical sources: the space of perspectives and problems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 420: 136-140. [in Russian]

Hardwick, 2012 – Hardwick, J. (2012). Early victorian periodicals and the colonial church of England. *Nineteenth Century Prose*. 39(1-2): 255-284.

Hoteev, 2019 – Hoteev, A.S. (2019). Metodologicheskie osobennosti izucheniya istoricheskoi periodiki (na primere rossijskikh istoricheskikh zhurnalov vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka) [Methodological features of the study of historical periodicals (on the example of Russian historical journals of the second half of the XIX-beginning of the XX century)]. *Vestnik Magilyoŷskago dzyarzhajŷnaga ŷniversiteta imeni A.A. Kulyashova*. 2(54): 58-68. [in Russian]

Kamenskaya, 2011 – Kamenskaya, E.V. (2011). Obraz socialisticheskogo mira v sverdlovskoj oblastnoj pečati (publikacii «Ural'skogo rabochego» v seredine 1960-h – 1970-e gg.) [The Image of the socialist world in Sverdlovsk oblast press (publications of "Ural worker" in the mid-1960s – 1970s)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 2. Gumanitarnye nauki*. 3(93): 138-145. [in Russian]

Kattsina et al., 2019 – Kattsina, T.A., Pashina, E.V., Mezit, L.E. et al. (2019). The historical experience of educational practices for children of refugees of the first world war (on the example of the Yenisei province of the Russian empire). *Bylye Gody*. 53(3): 1394-1402.

Kornilova, Magsumov, 2017 – Kornilova, I.V., Magsumov, T.A. (2017). Emancipation in educational system: Formation of women's higher education in Russia. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 352-366.

Mahonina, 2004 – Mahonina, S.Y. (2004). Istoriya russkoj zhurnalistiki nachala XX veka [History of Russian journalism of the early twentieth century]. Moscow, 368 p. [in Russian]

Nikonova, 2018 – Nikonova, N.E. (2018). Polish literature in Siberian periodicals of the 1880–1910s. *Sibirskii Filologičeskii Zhurnal*. 1: 119-133.

Priroda i Lyudi, 1910 – Zhurnal «Priroda i Lyudi» [Journal "Nature and People"]. 1910. Nr 4, 8, 15, 16, 17, 28, 38. [in Russian]

Reznikova et al., 2019 – Reznikova, K.V., Pimenova, N.N., Kistova, A.V. (2019). Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: the current state. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 12(8): 1552-1567.

Rigney, 2018 – Rigney, A. (2018). Epilogue: citizenship, memory, and the curious case of Canada. *Citizenship Studies*. 22(4): 452-457.

Rynkov, 2010 – Rynkov, V.M. (2010). Periodicheskaya pečat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical Printing: A Place in the System of Historical Sources]. *Otechestvennye arhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Sabirova, 2004 – Sabirova, A.I. (2004). Stanovlenie problematiki imperskikh i nacional'nyh issledovanij v sovremennoj rossijskoj nauchnoj periodike [Formation of the problems of imperial and national studies in modern Russian scientific periodicals]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Pp. 575-598. [in Russian]

Savin, Kasabutskaya, 2019 – Savin, S.D., Kasabutskaya M.S. (2019). Historical memory of ethno-confessional conflicts in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya*. 64(3): 1097-1113.

Seredkina, Koptzeva, 2018 – Seredkina, N.N., Koptzeva, N.P. (2018). International and russian practices of preserving and reproducing the languages of the small-numbered indigenous peoples of the North. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 11(12): 2056-2077.

Sheremet'eva, 2014 – Sheremet'eva, D.L. (2014). Gazety kak istochnik izucheniya politicheskoy adaptatsii naseleniya Sibiri v usloviyah grazhdanskoj vojny [Newspapers as a source for studying the political adaptation of the Siberian population in the conditions of the Civil War]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke*. Pp. 104-113. [in Russian]

Sidorchuk, 2016 – Sidorchuk, O.N. (2016). Obshchestvo v interpretatsii zhurnala «Priroda i lyudi» (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Society in the interpretation of the journal "Nature and People" (the second half of the XIX –beginning of the XX century)]. *Interekspo Geo-Sibir'*. 1(6): 67-71. [in Russian]

Tushkanov, 2017 – Tushkanov, D.I. (2017). Polozhenie periodicheskoy pechati Saratovskoj gubernii v nachale XX veka po materialam gazety «Vol'skaya zhizn'» [The position of the periodical press of the Saratov province at the beginning of the XX century based on the materials of the newspaper "Volskaya zhizn'"]. *Vestnik VIEP*. Pp. 22-25. [in Russian]

Vititneva et al., 2019 – Vititneva, E.V., Kuzmenko, A.S., Pahomova, N.V. Features of the Material and Everyday Status of Students of Higher Educational Institutions of the City of Tomsk in the late XIX – early XX centuries in the Context of the Everyday Life History. *Bylye Gody*. 53(3): 1281-1291.

Watson, 2015 – Watson, M. (2015). Unsettled borders and memories: A "local" indigenous perspective on contemporary globalization. *Journal of Aesthetics and Culture*. 7: 1-19.

Zabelina et al., 2020 – Zabelina, E.V., Kurnosova, S.A., Trushina, I.A. et al. (2020). Life Values and Subjective Well-being of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone (Based on the Example of the Nenets). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 13(6): 997-1006.

Журнал «Природа и люди» (1910 г.) как источник по истории народов Российской империи

Наталья Петровна Копцева ^{a, *}, Ксения Александровна Дегтяренко ^a, Анна Александровна Шпак ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье обсуждаются возможности журнала «Природа и Люди» быть достоверным источником по истории северных народов Российской империи. Производится обзор методологии, связанной с определением периодических изданий в качестве исторически точных источников. На основе критериев, необходимых при интерпретации источников, производится выборка публикаций, соответствующих достоверности исторического источника. Периодическая печать является одним из признанных исторических источников, содержащих описание экономических, политических, социальных, религиозных, культурных процессов. Анализ методологии, связанной с источниковедческой ценностью периодических изданий, указывает на обоснованность выбора журнала «Природа и Люди» в качестве источника по истории народов Российской империи начала XX века. Делается анализ публикаций 1910 года. Приводится классификация публикаций по этнографии северных народов (тунгусов, якутов, бесермян и ряда других). В результате анализа выделены основные темы публикаций о северных народах Российской империи. Очерки журнала «Природа и Люди» содержат географические, геологические, экологические, этнографические и исторические данные, которые либо дополняют существующие описания, либо являются уникальными и сопровождаются оригинальными авторскими суждениями. Выпуски журнала «Природа и Люди» 1910 года содержат исторический материал, ценный для исследования истории северных народов Российской империи. До настоящего времени материалы данного периодического журнала не были включены в этнографию российских народов и не учитывались в историографии. Этот недостаток должен быть исправлен, и этнографические очерки журнала необходимо признать важным источником для изучения истории северных народов Российской империи.

Ключевые слова: периодические издания, исторические источники, народы Российской империи, журнал «Природа и Люди», северные территории.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 1000-1007.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.1000
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Neurasthenia and “Spirit of 1914”: A Causal Relationship (on the Materials of the Right-Bank Ukraine)

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Ivan M. Romanyuk ^c, Jasmin Gut ^d, Lyubov G. Polyakova ^{b, e}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Vinnytsia State Pedagogical University named after Mykhailo Kotsyubynskij, Vinnytsia, Ukraine

^d University of Geneva, Geneva, Switzerland

^e Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Using newspaper materials of Right-Bank Ukraine at the beginning of the twentieth century, and theoretical developments of domestic and foreign experts, the authors investigated one of the little-known aspects of the history of the First World War – the role of the mental state of the population in the formation of public attitudes at the beginning of wartime – a historical phenomenon that entered science under the name of the "spirit of 1914".

During the post-reform period, the region experienced a trend characteristic of European countries and Russia – an unprecedented spread of mental illnesses among the urban population, the most famous of which was neurasthenia. This disease was caused by the impact of rapidly developing modernist processes on the psyche of the townspeople. Correspondingly, this process affected the Right-Bank Ukraine – the leading region in terms of urbanization in the Russian Empire, where in 1897 a specialized medical institution was created by the government.

The authors investigated the statistics of suicides in Kiev, which both indicated the dynamics of the growth of neurotic diseases among urban residents in the pre-war years, and testified to the opposite in the initial period of the First World War. According to the authors, this effect occurred due to the specific property of neurasthenia to instantly concentrate the early senselessly wasted human energy with lightning speed and direct it into the mainstream of the extreme historical moment that is being experienced – the declaration of war. It was the finding of neurasthenics in the process of internal emotional rebirth that contributed to their pro-war moods.

Keywords: World War I, Right-Bank Ukraine, city, public mood, psychiatry, neurasthenia, suicide.

1. Введение

Современная историческая наука характеризуется множественностью интерпретаций исторических фактов, использованием различных нарративов с построением сложных цепочек причинно-следственных связей, междисциплинарным подходом к изучению событий прошлого. В данном случае примером может послужить открытие в 1897 г. Винницкой окружной психиатрической больницы. Начало ее деятельности принято ассоциировать с вхождением города в эпоху модернизации, поскольку в числе приглашенных иногородних лиц на открытие врачебные вакансии был Николай Оводов. Спустя несколько лет, после занятия должности консультанта по хирургическим болезням, он был избран винницким городским главой, при котором ранее

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

неприметный уездный город в начале XX века достиг не виданного ранее высокого уровня социально-экономического развития.

Однако рассмотрим данное событие в другом контексте. Появление специализированного лечебного учреждения в Правобережной Украине (оно должно было обслуживать три губернии – Вольнскую, Киевскую и Подольскую) свидетельствовало прежде всего о реакции властей на рост количества душевнобольных в регионе. Мы утверждаем, что данное событие и тенденция распространения психических заболеваний, которая к нему привела, в некоторой мере предопределили проправительственные общественные настроения местных жителей в начале Первой мировой войны. Отмеченная как в первоисточниках, так и в исторической литературе царившая в начале августа 1914 г. на городских улицах Правобережной Украины коллективная эйфория имела, несомненно, психиатрическую подоплеку.

Для раскрытия темы авторы предлагают следующую последовательность изложения: в начале речь будет идти о причинах роста заболеваемости населения городов разными психическими расстройствами (в европейском и в общеимперском контексте), далее мы проследим статистику самоубийств как одну из форм проявлений наиболее характерного для исследуемой эпохи недуга – неврастения и в завершении выясним, как именно психическое состояние горожан отразилось на их восприятии начала Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

При написании данной статьи авторы использовали по большей части материалы прессы Правобережной Украины, на страницах которой отображены как разнообразные свидетельства о психическом состоянии местного населения накануне Первой мировой войны (стенограммы съездов психиатров с обсуждением проблем оказания помощи душевнобольным, частные случаи психических заболеваний, статьи о так называемом «духовном упадке» общества, частные случаи проявлений психических расстройств и т.д.), так и влияние начала военного времени на поведение городских масс. В совокупности с теоретическими наработками исследователей в сфере истории и медицины эти материалы дали возможность комплексно подойти к освещению данной исследовательской проблематики.

При этом следует указать на отсутствие столь важных для нас документальных данных о работе Винницкой психиатрической больницы дореволюционного периода, поскольку вследствие дальнейших исторических событий их большая часть была безвозвратно утрачена.

Исследование темы потребовало формирования соответствующей теоретико-методологической базы. Методологическую основу статьи составили фундаментальные принципы диалектики и детерминизма. В основе первого лежат принципы развития (сущностная характеристика исторических изменений накануне Первой мировой войны и в ее начале) и всеобщности связей (как многоаспектности проблемы распространения неврастения). Второй – выступает в форме причинности как совокупности обстоятельств, которые предшествуют по времени определенному событию и вызывают ее (например, урбанизация и рост психической заболеваемости населения).

В процессе работы над статьей авторы также руководствовались такими общенаучными универсальными принципами, как историзм и объективность, а также использовали методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, метод гипотезы, статистический и сравнительный.

3. Обсуждение

Проблемы психического состояния городского населения в конце XIX – начале XX вв. и его общественных настроений в первые дни мировой войны 1914–1918 гг. освещались неоднократно как зарубежными, так и украинскими исследователями.

При этом следует отметить, что представителями отечественной историографии оба поднятых вопроса рассматривались по отдельности, без указания каких-либо причинно-следственных связей.

Распространение нервных болезней в Правобережной Украине в конце XIX – начале XX вв. упоминается в контексте развития местной психиатрии, чему посвящен ряд научных исследований. Следовательно, в них явно преобладает изучение деятельности врачей Винницкой психиатрической больницы и использованных ими методов лечения душевнобольных (Чеканська, 2012; Логвіна, 2008; Ключко, 1997). Вместе с тем в статьях О. Чеканской все же рассмотрены некоторые социальные аспекты проблемы. Проанализировав работы ведущих российских психиатров изучаемого периода, она указала на то, что ухудшение психологического здоровья местного населения было вызвано неспособностью человеческого разума приспособиться к вызванной реформами 1860–1870 гг. новой социальной реальности. Она также обратила внимание на отрицательное воздействие на психику населения правительственной культурно-образовательной политики (Чеканська, 2009: 481; Чеканська, 2013: 739).

В научных работах украинских историков о настроениях гражданского населения в начальный период войны затронутый авторами аспект проблемы отсутствует. В них масштабность проправительственных акций в городах прежде всего объясняется естественной психологической реакцией масс на события чрезвычайного характера – всеобщей мобилизации и объявления войны (Вільшанська, 2014; Коляда, 2018; Мінгазутдінов, 1998).

Следует также упомянуть труды по социальной истории Правобережной Украины, в которых поднята различная тематика повседневной (социальной) жизни городских жителей в период Первой мировой войны и в предшествующие ей годы. Она прежде всего представлена в работах Т. Герасимова (Герасимов, 2018; Kholodilin, Gerasymov, 2019). В совместной статье Т. Герасимова и И. Романиюка проанализированы причины и характер «суицидальной эпидемии» в городах региона в начале XX в. Однако данная тема авторами исследована лишь в философском и социальном контексте (Герасимов, Романюк, 2016).

Огромное количество работ о распространении нервных заболеваний в XIX – начале XX вв. содержится в зарубежной историографии. Прежде всего мы обратили внимание на те труды, в которых, наряду с общеевропейским, анализировался и российский контекст проблемы. Среди них выделим научные статьи Л. Геринг и Р. Николози. Оба автора исследовали выработанную во второй половине XIX в. российскими психиатрами интерпретацию феномена неврастения, распространившейся в то время в Российской империи. Геринг и Николози отметили, что в целом в российских научных кругах понимание проблемы принципиально расходилось с выводами западных ученых. Если на западе болезнь считали естественным результатом цивилизационного развития, то в России – признаком ненормального состояния общества после реформ (Goering, 2003: 35; Николози, 2018: 374).

Убедительным подтверждением того, что история неврастения имеет немаловажный социальный аспект, является проведенная в 2000 г. англо-голландско-немецкая конференция, доклады которой вошли в научный сборник «Cultures of Neurasthenia from Beard to the First World War» (Gijswijt-Hofstra, Porter, 2001). Главной задачей форума было исследование взаимосвязи неврастения и общества в конце XIX – начале XX веков.

Данный контекст содержится в работе немецкого ученого Й. Радкау, внимание которого фокусируется на политической, культурной и личностной истории Германии XIX–XX вв. В его книге, в частности, анализируются настроения германского населения в начале Первой мировой войны под влиянием гражданской неврастения (Радкау, 2017). Подобный аспект отражен в недавно вышедшей в свет работе шведского историка Э. Рингмара. Опираясь на новейшие исторические исследования Первой мировой войны и социальной истории Европы начала XX в., автор представил развернутую интерпретацию настроений населения в августе 1914 г. (Ringmar, 2018).

Таким образом, использование психиатрического контекста для изучения так называемого «духа 1914 года» позволяет создать новую историческую ретроспективу событий более чем столетней давности, а также дает возможность экстраполяции полученных приведенных ниже результатов исследования как на российское общеимперское пространство, так и другие части российского государства.

4. Результаты

XIX в. характеризовался резким увеличением количества лиц, требовавших психиатрической помощи. Неслучайно в научной литературе он получил название «Нервного века» (Николози, 2018: 374). Данная тенденция охватила не только те страны, которые уже не первое десятилетие двигались по рельсам модернизации, но и те, которые на них недавно стали. К последним принадлежала Российская империя.

Радикальные социально-экономические преобразования кардинальным образом меняли облик городов (особенно крупных) и образ жизни их жителей. Индустриализация заставила крестьян покидать свои дома и идти работать в города на заводах. В отличие от вчерашней сельской жизни, где идентичность людей определялась их местом жительства, профессией или семьей и ее связями, у новоиспеченных горожан ничего подобного не было. Поскольку жизнь в модернизированном обществе прежде всего определялась установленной экономическими рынками ценностью человеческого труда, утрачивалась так называемая «система безопасности», обеспечивающая былую социальную и психологическую безопасность в сельскохозяйственном обществе. Особенности городской жизни заключались в пребывании свободной личности в опасности: она подчинялась, но не подвергалась современности. Таким образом, образовалось мощное давление модернизированного общества на жителей городов, приведшее к психическим заболеваниям (Ringmar, 2018: 42-43). Для многих современников это было серьезной эндемической проблемой, требующей нового набора категорий диагнозов для устранения его разрушительного воздействия на тело и разум. Одним из таких диагнозов была неврастения – «синдром хронической усталости» (Milne-Smith, 2019: 160).

Понятие «неврастения» было введено в научную литературу в 1869 г. американским неврологом Дж. Бердом. Он предполагал, что в результате действия техногенных факторов происходило качественное и количественное нарушение «нервных сил». По его мнению, неврастения являлась «американской болезнью», а ее распространение в Европе было связано с внедрением современной техники и американизацией общества. В связи с тем, что в последующие годы перечень симптомов неврастения постоянно расширялся, она вызвала огромный культурный и медицинский резонанс. Именно поэтому едва ли не каждое психическое отклонение диагностировали как неврастению.

В настоящее же время этот диагноз врачи ставят редко. Гораздо чаще приоритет имеют тревожные, депрессивные и соматоформные расстройства с признаками астении (Вельтицев, 2011: 9-10).

В отличие от европейских психиатров, считавших неврастению болезнью современной жизни, их российские коллеги видели причину эпидемического распространения нервных заболеваний в «ненормальном» состоянии общества после реформ 1860–1870 гг. (Николози, 2018: 374). К примеру, один из самых известных тогдашних российских специалистов И. Мержеевский утверждал, что освобождение населения от его «умственной летаргии» и пассивного состояния, призвание его к живой, активной деятельности и более самостоятельной жизни в городе способствовали большому влечению к умственному труду, а также учащению реакций на внешние события. Эти реакции не соответствовали привычной деятельности мозга и в некоторых случаях нарушали правильность его регуляции (Чеканська, 2013: 738).

Отсюда следует, что ранняя русская психиатрия концептуализировала современность как «эпоху вырождения». Сквозь призму теории вырождения различные проявления социальных проблем считались патологией, вызванной роковым стечением социальных факторов: прежде всего «пагубных» процессов модернизации, а также унаследованных психофизических аномалий. Социально-биологический диагноз вырождения, который, кроме Мержеевского, в 1880-е – начале 1890-х годов ставили российскому обществу П. Ковалевский и В. Чиж, поддерживал официальные – реакционные и антимодернистское – взгляды эпохи с позиций научного знания, более или менее открыто связывая состояние «здоровой нормальности» с дореформенным прошлым (Николози, 2018: 377-378). Взгляды подобного характера проповедовала также Русская православная церковь, в частности распространяя их посредством подконтрольных печатных органов. Например, в преддверие Первой мировой войны на страницах ее местного рупора – газеты «Подолія» – вышли статьи «Современный упадок духовной жизни» (Подолія, 29.06.1914: 1) и «Недуг нашего времени» (Подолія, 18.07.1914: 1).

Поскольку неврастению справедливо можно считать «болезнью города», логично предположить, что рост количества неврастеников прямо пропорционален увеличению численности городского населения. Следовательно, есть основания полагать, что именно в Правобережной Украине неврастения получила наибольшее распространение в Российской империи, ведь в период с начала XX в. до Первой мировой войны данный регион по темпам урбанизации занимал ведущее место в Российской империи, опередив даже самые экономически развитые ее части. В течение 1897–1914 гг. население городов края возросло на 70 %. За то же время в столичных российских губерниях (Петербургской и Московской) прирост городского населения составлял 65,4 %. А в Киеве, например, за указанный период количество жителей увеличилось с 250 тыс. до более 500 тыс. (Герасимов, 2018: 267).

Таким образом, в пореформенный период появилась крайняя необходимость проведения коренных изменений в деле оказания психиатрической помощи населению. На принятие соответствующих организационных решений большое влияние также имело стремительное развитие наук, в русле которого был поднят вопрос об упорядочении надзора за душевнобольными. Их стали размещать в больницах не только потому, что они опасны для окружающих, но и потому, что родные хотели их вылечить. Развивалась мысль о том, что душевнобольному, даже в случае неизлечимости, нужно предоставить соответствующий уход, а не держать его в погребке (Логвіна, 2008: 156). Как утверждал М. Фуко, именно психиатрическая больница была призвана служить образом «большого всепроникающего единства общественной морали», в котором господствовали семейные и трудовые ценности (Фуко, 2010: 577). Наиболее целесообразным было признано устроить в Виннице для всего Юго-Западного края (Правобережной Украины) одну окружную больницу для душевнобольных на 600 коек (Логвіна, 2008: 148), хотя только в одной Подольской губернии тогда было зарегистрировано 9700 нуждающихся в психиатрической помощи лиц (Чеканська, 2012: 662).

Показателем тенденции роста количества людей с психическими расстройствами накануне Первой мировой войны была статистика совершения самоубийств. В свое время французский социолог Э. Дюркгейм установил, что от общего числа случаев неврастений напрямую зависит процент суицидов, поскольку неврастения склоняет к самоубийству и неврастеники «по своему темпераменту как бы предназначены для страданий». Дюркгейм назвал суицид своеобразной платой за цивилизацию в период глубоких общественных преобразований (Дюркгейм, 1912: 285, 485). Повышенную склонность неврастеников к самоубийству также отмечали британские психиатры Викторианской эпохи (Milne-Smith, 2019: 163).

Накануне 1914 г. местные газеты пестрели сообщениями о суицидах. Например, одна из киевских газет разместила статистические данные, взятые из городской станции «скорой помощи», согласно которой в течение 1903–1912 гг. количество покушений на свою жизнь выросло почти втрое. В последний отчетный год их было 728 (Южная копейка, 10.08.1913: 4).

Примечательно, что, согласно статистике самоубийств в крупнейших имперских городах (Санкт-Петербурге, Москве и Одессе) начала XX в., чаще всего сводили счеты с жизнью молодые люди в возрасте до 30 лет – более 60–70 % (Гишинский, 1997) – основной мобилизационный ресурс в грядущей Первой мировой войне. Ввиду этого типичным можно считать случай с киевским

каменщиком Ф. Литвиновым, покончившим с жизнью в возрасте 27 лет. Самоубийца страдал неврастенией, которая накануне его смерти приняла острую форму. По словам рабочих, Литвинов продолжительное время сидел неподвижно на одном месте и о чем-то сосредоточенно думал, избегая с ними общения. В один из моментов уединения он распорол себе ножом живот, лежа на кровати. Вполне возможно, психическое расстройство каменщика было вызвано хроническим переутомлением и тяжелой бытовой обстановкой: многочасовой рабочий день сочетался с плохими жилищными условиями – он ютился со своими коллегами в небольшой квартире (*Южная копейка*, 16.05.1913: 3). Отметим, что в Киеве того времени средний объем жилищного пространства на одного рабочего составлял 7,7 куб. метров (*Герасимов*, 2018: 56).

Летом 1914 г. известие о мобилизации и объявлении войны быстро облетело Правобережную Украину. Газеты Киева, Житомира, Каменец-Подольского регулярно сообщали о массовых патриотических акциях в городах как проявлении единения народа в судьбоносный для страны момент (*Герасимов*, 2018: 104-105). Впрочем, листовая страничка той же прессы, нетрудно заметить, что люди, выходя на улицу, в основном руководствовались инстинктом самосохранения и обычной растерянностью, поскольку для широкой общественности начало войны было неожиданным, и поэтому сплочение эти проблемы временно решало. Однако, если анализировать феномен «духа 1914» в предложенном нами контексте, то возникает вопрос: насколько поведение городского социума было обусловлено его психическим состоянием?

Сверхмощный эмоциональный пыл, господствовавший тогда на улицах, привел общество в состояние экстаза – одну из форм безумия, а точнее коллективного безумия. Общее состояние нервозности было спровоцировано непривычно быстрыми жизненными темпами, вызванными чрезвычайными событиями. Вот, что, к примеру, написала житомирская пресса о реакции населения на объявление мобилизации 31 июля 1914 г.: «Мирная сонная жизнь провинции всколыхнулась: тихие улицы наполнились шумом и звоном, люди, привыкшие медленно брести, зевать часами у витрин, теперь мчатся по улицам с лихорадочной скоростью. Многие не знают, куда, зачем бегут, но все обеспокоены. Встречают друг друга, спрашивают какие-то новости и тут же возникают или, точнее, импровизируются бесчисленные фантастические слухи» (*Наша Волянь*, 22.07.1914: 3).

Известно, что общей чертой неврастеников является слабость или отсутствие силы воли. Следовательно, они быстрее других подвергаются влиянию людей, не говоря уже о всепоглощающей силе толпы и действии военной пропаганды. Однако, согласно Й. Радкау, у неврастеников, в отличие от людей без психических отклонений, одобрение войны наблюдается не только на коллективном уровне (все вместе хотят войны, но по отдельности ее далеко не каждый хочет), но и гораздо чаще – на индивидуальном. Данное предположение сделано на основании самой сущности нервозности, когда себялюбие и пустая растрата энергии в момент начала войны трансформируются в самоотверженность и концентрацию сил (*Радкау*, 2017: 421).

В сложившийся летом 1914 г. исторической ситуации истощенные давлением модернизированного общества горожане получили долгожданную возможность совершить побег от современности, преодолеть чувство социальной изоляции. Под влиянием начала войны неврастения как один из маркеров уже уходящей эпохи временно отступила. Об этом, например, свидетельствовало прекращение существования в начале августа 1914 г. популярной в газете «Киевлянин» рубрики «Дневник неврастеника» (*Киевлянин*, 20.07.1914: 2).

Данная тенденция также подтверждалась резким снижением количества случаев самоубийств. Так, согласно статистике, в Киеве в течение 1914–1915 гг. их число сократилось с 576 до 378. Один из тогдашних флагманов российской психиатрии В. Бехтерев связывал снижение суицидов «с духовным подъемом населения», и поэтому «самоубийства как реакция угнетенного настроения были сведены к минимуму» (*Южная копейка*, 15.05.1915: 4; *Южная копейка*, 22.05.1914: 2; *Южная копейка*, 24.01.1915: 4).

5. Заключение

Во второй половине XIX – начале XX вв. в городах Правобережной Украины наблюдался беспрецедентный рост заболеваемости психическими болезнями. Потеря значительной частью населения в процессе стремительной урбанизации старых социальных связей, трудности с приобретением новых и неспособность приспособиться к продиктованным рынком и модернизированным обществом необычно быстрым темпам жизни пагубно сказывались на психическом здоровье горожан. Создание в Виннице окружной психиатрической больницы в 1897 г. как нельзя лучше об этом свидетельствовало.

17 лет спустя – в трагическом 1914 г. – в регионе наблюдались беспрецедентные по масштабности и эмоциональности проправительственные манифестации в поддержку войны. Абстрагируясь от политических предпочтений населения, инстинктивного единения людей в реальных или воображаемых экстремальных условиях, независимо от их отношения к войне как таковой и т.д. можно утверждать, что далеко не последнюю роль в «коллективном безумии» лета 1914 г. сыграло психическое состояние общества, для части которого новые неизведанные времена давали надежду вновь обрести зону психологического комфорта. Так уж исторически сложилось, что на тот момент именно Первая мировая война выглядела эффективным «лекарством» от

распространенной среди горожан неврастении. Зная о том, каких оборотов приняли дальнейшие события, можно говорить о его кратковременном эффекте. В перспективе это может стать предметом отдельного исследования.

Литература

- Вельтищев, 2011 – Вельтищев Д.Ю. Неврастения: история и современность // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2011. № 4. С. 9-13.
- Вільшанська, 2014 – Вільшанська О.Л. Суспільні настрої в Україні під час Першої світової війни // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* 2014. Випуск. 23. С. 152-162.
- Герасимов, 2018 – Герасимов Т.Ю. Міста Правобережної України і Перша світова війна: повсякденна історія монографія. Вінниця: ТОВ Меркьюрі-Поділля, 2018. 436 с.
- Герасимов, Романюк, 2016 – Герасимов Т.Ю., Романюк І.М. Самогубства в містах Правобережної України напередодні та в роки Першої світової війни // *Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Іст. науки*. 2016. Вип. 9. С. 244-254.
- Гилинский, 1997 – Гилинский Я. Основные тенденции динамики самоубийств в России // *Петербургская социология*. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html#3>
- Дюркгейм, 1912 – Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / [пер. с фр. А.Н. Ильинского]. Санкт-Петербург: Издание Н.П. Карбасникова, 1912. 541 с.
- Каннабих, 1928 – Каннабих Ю.В. История психиатрии. Ленинград: Государственное медицинское издательство, 1928. 204 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/kannu01/index.htm>
- Киевлянин – Киевлянин – ежедневная литературная и политическая газета Юго-Западного края. Издавалась в Киеве в 1864–1917 гг.
- Клочко, 1997 – Клочко В. Вінницька психоневрологічна лікарня ім. акад. О. І. Ющенка. 1897–1997: історичний нарис. Вінниця: РВВ ВАТ «Віноблдрукарня», 1997. 136 с.
- Коляда, 2018 – Коляда І.А. Реакція міського населення Правобережної України на початок Першої світової війни: спроба ретроспективи // *Гілея: науковий вісник*. 2018. Випуск. 132. С. 27-30.
- Логвіна, 2008 – Логвіна О.А. Діяльність Вінницької психоневрологічної лікарні ім. О. І. Ющенко на рівні психологічних знань у другій половині XIX – на початку XX століття // *Проблеми сучасної психології*. 2008. Т. 2. С. 146-159.
- Мінгазутдінов, 1998 – Мінгазутдінов О. Громадсько-політична обстановка в Києві на початку першої світової війни (на матеріалах періодичної преси): матеріали міжнародної наукової конференції 14–15 травня 1998 р. «Перша світова війна і слов'янські народи». Київ, 1998. С. 51-56.
- Наша Волянь – Наша Волянь – ежедневная газета. Издавалась в Житомире в 1913–1915 гг.
- Николози, 2018 – Николози Р. Нервный век: российская психиатрия конца XIX века и «вырождение общественного организма» // *НЛО*. 2018. № 1. С. 374-390.
- Подолія – Подолія – ежедневная церковно-общественная, политическая и литературная газета. Издавалась в г. Каменец-Подольском в 1906–1914 гг.
- Радкау, 2017 – Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / Пер. с нем. Н. Штильмарк. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 552 с.
- Фуко, 2010 – Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Москва: АСТ, 2010. 698 с.
- Чеканська, 2009 – Чеканська О. А. Особливості дослідження та розвитку психіки душевнохворих на Поділлі (XIX – початок XX століття) // *Проблеми сучасної психології*. 2009. Випуск. 9. С. 479-490.
- Чеканська, 2012 – Чеканська О.А. Природно-наукове спрямування в дослідженнях психіки людини у медичній діяльності та упорядкуванні життя душевнохворих на Поділлі // *Проблеми сучасної психології*. 2012. Випуск. 17. С. 660-670.
- Чеканська, 2013 – Чеканська О.А. Психологічне забезпечення психічного здоров'я населення Поділля (кінець XIX – початок XX століть) // *Проблеми сучасної психології*. 2013. Випуск. 19. С. 736-746.
- Южная копейка – Южная копейка – ежедневная политическая и литературная газета. Издавалась в Киеве в 1910–1917 гг.
- Gijswijt-Hofstra, Porter, 2001 – Cultures of Neurasthenia: From Beard to the First World War / ed. by Gijswijt-Hofstra M., Porter R. New York: Brill / Rodopi. 2001. 407 p.
- Goering, 2003 – Goering L. "Russian Nervousness": Neurasthenia and National Identity in Nineteenth-Century Russia // *Medical History*. 2003. № 47. Pp. 23-46.
- Kholodilin, Gerasymov, 2019 – Kholodilin K., Gerasymov T. Coping with the Consequences of a Housing Crisis During the Great War: The Case of Right-Bank Ukraine in 1914–1918. // *International journal of regional and local history*. 2019. Vol. 14. № 1. Pp. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/20514530.2019.1596455>
- Milne-Smith, 2019 – Milne-Smith M. Work and Madness: Overworked Men and Fears of Degeneration, 1860s–1910s // *Journal of Victorian Culture*. 2019. Vol. 24. Is. 2. Pp. 159-178.

Ringmar, 2018 – Ringmar E. “The spirit of 1914”: A redefinition and a defence // *War in History*. 2018. Vol. 25(1). Pp. 26-47.

References

- Chekanska, 2009** – Chekanska, O.A. (2009). Osoblyvosti doslidzhennia ta rozvytku psykhyki dushevnokhvorykh na Podilli (XIX – pochatok XX stolittia) [Features of the development of the psyche of the mentally ill on Podillia (XIX – the beginning of the XX century)]. *Problemy suchasnoi psykholohii*. 9: 479-490. [in Ukrainian]
- Chekanska, 2012** – Chekanska, O.A. (2012). Pryrodno-naukove spriamuvannia v doslidzhenniakh psykhyki liudyny u medychnii diialnosti ta uporiadkuvanni zhyttia dushevnokhvorykh na Podilli [Natural and scientific straightening in the preliminaries of the psyche of the people in the medical profession and the ordering of the life of the mentally ill on Podillia]. *Problemy suchasnoi psykholohii*. 17: 660-670. [in Ukrainian]
- Chekanska, 2013** – Chekanska, O.A. (2013). Psykholohichne zabezpechennia psykhychnoho zdorovia naselennia Podillia (kinets XIX – pochatok XX stolit) [Psychological illness of mental health of the population of Podilla (the end of the 19th – the beginning of the 20th century)]. *Problemy suchasnoi psykholohii*. 19: 736-746. [in Ukrainian]
- Dyurkgeim, 1912** – Dyurkgeim, E. (1912). Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud [Suicide. Sociological study]. Sankt-Peterburg: Izdanie N. P. Karbasnikova, 541 p. [in Russian]
- Fuko, 2010** – Fuko, M. (2010). Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu [The history of insanity in the classical era]. Moskva: AST, 698 p. [in Russian]
- Gerasymov, 2018** – Gerasymov, T.Yu. (2018). Mista Pravoberezhnoi Ukrainy i Persha svitova viina: povsiakdenna istoriia monohrafiia [Cities of Right Bank Ukraine and the First World War: Everyday History]. Vinnytsia: TOV Merkiuri-Podillia, 436 p. [in Ukrainian]
- Gerasymov, Romaniuk, 2016** – Gerasymov, T.Yu., Romaniuk, I.M. (2016). Samohubstva v mistakh Pravoberezhnoi Ukrainy naperedodni ta v roky Pershoi svitovoi viiny. [Suicides in the cities of the Right Bank of Ukraine on the eve and during the First World War]. *Visnyk Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu imeni Ivana Ohienka: Ist. nauky*. 9: 244-254. [in Ukrainian]
- Gijswijt-Hofstra, Porter, 2001** – Cultures of Neurasthenia: From Beard to the First World War. Ed. by Gijswijt-Hofstra M., Porter R. New York: Brill. *Rodopi*. 2001. 407 p.
- Gilinskii, 1997** – Gilinskii, Ya. (1997). Osnovnye tendentsii dinamiki samoubiistv v Rossii [Main trends in the dynamics of suicide in Russia]. *Peterburgskaya sotsiologiya*. 1. [Electronic resource]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html#3> [in Russian]
- Goering, 2003** – Goering, L. (2003). "Russian Nervousness": Neurasthenia and National Identity in Nineteenth-Century Russia. *Medical History*. 47: 23-46.
- Kannabikh, 1928** – Kannabikh, Yu.V. (1928). Istoriya psikiatrii [History of psychiatry]. Leningrad: Gosudarstvennoe medicinskoe izdatel'stvo, 204 p. [in Russian]
- Kholodilin, Gerasymov, 2019** – Kholodilin, K., Gerasymov, T. (2019). Coping with the Consequences of a Housing Crisis During the Great War: The Case of Right-Bank Ukraine in 1914–1918. *International journal of regional and local history*. 14(1): 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/20514530.2019.1596455>
- Kievlyanin, 1914** – Kievlyanin – ezhednevnyaya literaturnaya i politicheskaya gazeta Yugo-Zapadnogo kraia. Izdavalas' v Kieve v 1864–1917 gg. [in Russian]
- Klochko, 1997** – Klochko, V. (1997). Vinnytska psyhonevrolohichna likarnia im. akad. O.I. Yushchenka. 1897–1997: istorychni narys [Vinnytsia Psychoneurological Hospital named after acad. O.I. Yushchenko. 1897–1997: an historical essay]. Vinnytsia: «Vinobldrukarnia»,. 136 p. [in Ukrainian]
- Koliada, 2018** – Koliada, I.A. (2018). Reaktsiia miskoho naselennia Pravoberezhnoi Ukrainy na pochatok Pershoi svitovoi viiny: sprobna retrospektyvy [The reaction of the urban population of the Right Bank of Ukraine to the beginning of the First World War: an attempt of retrospect]. *Hileia: naukovyi visnyk*. 132: 27-30. [in Ukrainian]
- Lohvina, 2008** – Lohvina, O.A. (2008). Diialnist Vinnytskoi psyhonevrolohichnoi likarni im. O. I. Yushchenka na nyvi psykholohichnykh znan u druhii polovyni XIX – na pochatku XX stolittia [Activities of Vinnytsia Psychoneurological Hospital named after O. I. Yushchenko in the field of psychological knowledge in the second half of the XIX – beginning XX century]. *Problemy suchasnoi psykholohii*. T. 2: 146-159. [in Ukrainian]
- Milne-Smith, 2019** – Milne-Smith, M. (2019). Work and Madness: Overworked Men and Fears of Degeneration, 1860s–1910s. *Journal of Victorian Culture*. 24(2): 159-178.
- Minhazutdinov, 1998** – Minhazutdinov, O. (1998). Hromadsko-politychna obstanovka v Kyievi na pochatku pershoi svitovoi viiny (na materialakh periodychnoi presy): materialy mizhnarodnoi naukovo konferentsii 14–15 travnia 1998 r. [Socio-political situation in Kyiv at the beginning of the First World War (on the materials of the periodical press): materials of the international scientific conference on May 14-15, 1998 "World War I and the Slavic peoples"]. Kyiv, pp. 51-56. [in Ukrainian]
- Nasha Volyn', 1914** – *Nasha Volyn'* – ezhednevnyaya gazeta. Izdavalas' v Zhitomire v 1913–1915 gg. [in Russian]

Nikoloji, 2018 – *Nikoloji, R.* (2018). Nervnyi vek: rossiiskaya psikhiaetriya kontsa XIX veka i «vyrozhdienie obshchestvennogo organizma» [The nervous century: Russian psychiatry at the end of the 19th century and the "degeneration of the social organism"]. *NLO*. 1: 374-390. [in Russian]

Podoliya, 1914 – *Podoliya* – ezhednevnyaya tserkovno-obshchestvennaya, politicheskaya i literaturnaya gazeta. Izdavalas' v g. Kamenets-Podol'skom v 1906–1914 gg. [in Russian]

Radkau, 2017 – *Radkau, J.* (2017). Epokha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera [An era of nervousness. Germany from Bismarck to Hitler]. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 552 p. [in Russian]

Ringmar, 2018 – *Ringmar, E.* (2018). "The spirit of 1914": A redefinition and a defence. *War in History*. 25(1): 26-47.

Vel'tishchev, 2011 – *Vel'tishchev, D.Yu.* (2011). Nevrasteniya: istoriya i sovremennost' [Neurasthenia: history and modernity]. *Nevrologiya, neiropsikhiaetriya, psikhosomatika*. 4: 9-13. [in Russian]

Vilshanska, 2014 – *Vilshanska, O.L.* (2014). Suspilni nastroi v Ukraini pid chas Pershoi svitovoi viiny [Suspicious mood in Ukraine during the World War I]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* 23: 152-162. [in Ukrainian]

Yuzhnaya kopeika – *Yuzhnaya kopeika* – ezhednevnyaya politicheskaya i literaturnaya gazeta. Izdavalas' v Kieve v 1910–1917 gg. [in Russian]

Неврастения и «дух 1914 года»: причинно-следственная связь (по материалам Правобережной Украины)

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Иван Миронович Романюк ^c, Ясмин Гут ^d,
Любовь Георгиевна Полякова ^{b, e}

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Винницкий государственный педагогический университет имени Михаила Коцюбинского, Украина

^d Университет г. Женева, Женева, Швейцария

^e Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Используя газетные материалы Правобережной Украины начала XX в. и теоретические наработки отечественных и зарубежных специалистов, авторы исследовали один из малоизвестных аспектов истории Первой мировой войны – роль психического состояния населения в формировании общественных настроений в начале военного времени – исторического феномена, вошедшего в науку под названием «духа 1914 года».

В пореформенный период в регионе наблюдалась тенденция, характерная для европейских стран и России, – небывалое распространение среди городского населения психических заболеваний, известнейшим из которых была неврастения. Она вызывалась воздействием быстро развивающихся модернистских процессов на психику горожан. Соответствующим образом этот процесс затронул Правобережную Украину – лидирующего по темпам урбанизации региона Российской империи, где в 1897 г. правительством было создано специализированное лечебное учреждение.

Авторы исследовали статистику самоубийств в Киеве, которая как указывала на динамику роста невротических заболеваний среди городских жителей в предвоенные годы, так и свидетельствовала об обратном в начальном периоде Первой мировой войны. По мнению авторов, данный эффект произошел благодаря специфическому свойству неврастении молниеносно концентрировать ранее бессмысленно растрачиваемую человеческую энергию и направлять ее в русло переживаемого чрезвычайного исторического момента – объявления войны. Именно нахождение неврастеников в процессе внутреннего эмоционального перерождения способствовало их провоенным настроениям.

Ключевые слова: Первая мировая война, Правобережная Украина, город, общественные настроения, психиатрия, неврастения, самоубийство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 1008-1015.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.1008
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The “Temporary Regulation on Military Censorship” as a Historical Source

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Evgeniya V. Vidishcheva ^c, Elena K. Mineeva ^d, Leonid L. Balanyuk ^{e, f}

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^d I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper considers the “Temporary Regulation on military censorship” on June 20, 1914 as a historical source. The attention is paid to the internal criticism of the text.

The source is the “Temporary Regulation on military censorship”, published on July 20, 1914 in Petrograd. This regulation consisted of 9 chapters, divided into 86 articles, and was approved by Emperor Nicholas II.

The paper applies the principles of historicism and consistency: the first – allowed us to consider the legislative act “Temporary Regulation on military censorship” in the context of the specific historical situation of the period of the First World War, the second – to analyze the options for applying military censorship on different territories: on the theater of military operations and in the rear.

In conclusion, the authors state that the “Temporary Regulation on military censorship” is an important source for the organization of military censorship during the First World War. The regulations of this legislative act regulated all possible options for the use of military censorship both in the combat zone and in the rear. The military censors were required to monitor the work of periodical and non-periodical publications, postal messages and telegrams, as well as to get acquainted with the texts of speeches and reports during mass events. On the one hand, the military censors had significant leverage in wartime, and on the other, the activities of the military censors in case of abuse could be challenged by the defendant.

Keywords: “Temporary regulation on military censorship”, June 20, 1914, bill, Russian Empire.

1. Введение

«Временное Положение о военной цензуре» является одним из основных источников для изучения организации военной цензуры Российской империи в период Первой мировой войны. Оно было высочайше утверждено 20 июля 1914 г., то есть на второй день после вступления России в мировую войну. Данное положение регламентировало сложный процесс распространения актуальной информации о боевой деятельности армии и флота на фронтах Первой мировой войны. Созданные военно-цензурные организации имели широкие права контроля над периодической печатью (газетами, журналами), непериодическими изданиями (книги, брошюры, лубки). Цензоры вычитывали письма и телеграммы с фронта и на фронт, а также осуществляли контроль за выступлениями разных лиц на массовых мероприятиях. Такая работа требовала постоянного и кропотливого труда в деле организации стабильности в тылу и на фронте. Данная статья посвящена нормативному акту «Временное Положение о военной цензуре», его внутренней критике.

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

2. Материалы и методы

В качестве источника использовано «Временное Положение о военной цензуре», опубликованное 20 июля 1914 г. в Петрограде ([Временное Положение..., 1914](#)). Оно состояло из 9 глав, разделенных на 86 статей, и было утверждено императором Николаем II.

В работе применены принципы историзма и системности: первый – позволил рассмотреть законодательный акт «Временное Положение о военной цензуре» в контексте конкретно-исторической обстановки периода Первой мировой войны, второй – проанализировать варианты применения военной цензуры на разных территориях – на театре военных действий и в тылу.

3. Обсуждение

Тема военной цензуры в период Первой мировой войны неоднократно поднималась в советской и российской историографии. Как правило, она рассматривалась в контексте изучения периодической печати периода Первой мировой войны. Так, в 1975 г. к проблеме русской легальной печати в рассматриваемый период обратился А.Ф. Бережной ([Бережной, 1975](#)). Уже в современное время к этой же теме в контексте проблем внутренней жизни страны обращалась Т.А. Белогурова ([Белогурова, 2006](#)).

К вопросам военной цензуры в разных регионах страны обращались Е.Ю. Семенова (на примере Поволжских губерний) ([Семенова, 2008](#)), О. Кириенко (на примере Киевского военного округа) ([Кириенко, 2010](#)), А.А. Белобородова (на примере Курской губернии) ([Белобородова \(Строева\), 2009](#)), В.Ф. Блохин (на примере Минского военного округа) ([Блохин, 2018](#)).

На страницах российской периодической печати периода Первой мировой войны находили отражение различные патриотические темы. Среди них добровольное бегство несовершеннолетних детей на фронт – этой темой занимались А.А. Черкасов и другие ([Cherkasov et al., 2016](#)). Здесь важно пояснить, что с началом боевых действий на фронт устремилось значительное количество детей, среди которых были и девочки.

Тему карикатуры как жанра военной пропаганды исследовала Л.Г. Полякова ([Polyakova, 2016](#)). В то же время к жанру политической карикатуры в годы Первой мировой войны обращались М.Б. Братолобова и В.П. Трут ([Bratolyubova, Trut, 2017](#)).

Помимо этого, в историографии получила отражение и тема непосредственно военной цензуры. Так, например, Н.И. Гришин рассматривал создание российской нормативно-правовой базы военной цензуры периода Первой мировой войны ([Гришин, 2017](#)). А.А. Белобородова изучала защиту государственной тайны в Российской империи и анализировала деятельность военной цензуры ([Белобородова \(Строева\), 2010](#)). К теме военной цензуры и периодической печати «армейских районов» (на материалах газеты «Вольнь») обращался В.Ф. Блохин ([Блохин, 2017](#)). Историю военной цензуры рассматривали Г.А. Салтык, А.А. Строева ([Салтык, Строева, 2011](#)).

4. Результаты

Как и многие законодательные акты, «Временное Положение о военной цензуре» состояло из трех частей: введения, обоснования и основной части.

Главы носили тематический характер и затрагивали практически все возможные пересечения интересов между редакторами периодических изданий, авторами неперiodических изданий, типографами, цензорами, книготорговцами, частными лицами – отправителями писем и телеграмм, а также публичными лицами.

Первая глава «Общие положения» состояла из 12 статей (статьи 1–12). Уже в первых статьях указывалось, что «военная цензура – есть мера исключительная и применена с целью недопущения при объявлении мобилизации армии, а также во время войны оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сообщений и устных речей сведений, которые могут навредить военным интересам Российской империи» ([Временное Положение..., 1914: 1](#)).

В этой же главе четко прописывалось, на какие материалы распространялась военная цензура, а именно: «1) всякого рода произведения тиснения, эстампы, рисунки, фотографические снимки и т.п., предназначенные к выпуску в свет; 2) почтовые отправления и телеграммы; 3) тексты и конспекты речей и докладов, предположенных к произнесению в публичных собраниях» ([Временное Положение..., 1914: 1](#)). Там же указывалось, на что она не распространялась: на все официальные правительственные издания; издания научных организаций (академий и университетов); издания на древних классических языках; публичные речи, произносимые лицами при исполнении служебного долга. Также военной цензуре не подвергались почтовые отправления и телеграммы лиц четырех категорий: членов императорской фамилии; главнокомандующих и командующих отдельными армиями, по всей вероятности, это распространялось и на командующих флотами; представителей всех правительственных учреждений; представителей дипломатических и консульских организаций иностранных государств.

Военная цензура могла быть установлена в полном или частичном вариантах. При этом конкретизировалось, что военная цензура в полном объеме могла быть введена только на театре военных действий, в других местах могла быть установлена только частичная военная цензура.

При этом в документе отмечалось, что действие военной цензуры могло быть прекращено с привидением армии в мирное положение или с окончанием войны.

Таким образом, в первой главе четко определялись границы, в пределах которых осуществляла свою деятельность военная цензура. При этом обозначались категории лиц, на которые цензура не распространялась. В этой же главе речь шла и об уровнях военной цензуры.

Вторая глава регламентировала процесс создания военно-цензурных организаций и состояла из 13 статей (статьи 13–25). Так, в местностях, не входящих в район военных действий, деятельность военной цензуры осуществлялась: «1) главной военно-цензурной комиссией, 2) местными военно-цензурными комиссиями и 3) военными цензорами» ([Временное Положение..., 1914: 3](#)). Что касается ТВД, то здесь дела военной цензуры входили в компетенцию штабов главнокомандующих армиями, флота и военных округов театра военных действий, а также по указаниям главнокомандующих или командующих отдельными армиями по принадлежности. В общероссийском масштабе делами военной цензуры занималась главная военно-цензурная комиссия, которая находилась при главном управлении Генерального штаба. Главная военно-цензурная комиссия состояла из председателя, членов – по одному от министерств военного, морского, юстиции и иностранных дел и трех от министерства внутренних дел (главного управления по делам печати, главного управления почт и телеграфов и департамента полиции) и секретаря.

Глава военно-цензурной комиссии и член от военного министерства назначались военным министром по представлению начальника Генерального штаба. Другие же члены комиссии назначались министрами по ведомственной принадлежности.

Местные военно-цензурные комиссии создавались при военно-окружных штабах. В их составе были председатель, члены – по одному от ведомств военного и морского (в случае необходимости) и трех от ведомства внутренних дел (один – наблюдающий за печатью, один от почтово-телеграфного ведомства и один от местной гражданской администрации) и секретарь.

Председатель местной военно-цензурной комиссии и член от военного ведомства назначались главным начальником военного округа по его выбору. Другие члены комиссии назначались по ведомственной принадлежности.

Обязанности военных цензоров возлагались на местных должностных лиц, наблюдавших за печатью, а также на сотрудников местных почтово-телеграфных учреждений.

Кроме того, в необходимых случаях распоряжением главного начальника военного округа для исполнения обязанностей военных цензоров при почтово-телеграфных учреждениях назначались также офицеры действительной службы.

Таким образом, во второй главе рассматривалась структура военно-цензурных организаций как в районах боевых действий, так и в тылу. Здесь же уделялось внимание штатам сотрудников, в том числе от разных ведомств. Можно также добавить, что работа военных цензоров оплачивалась в сумме 3 руб. в день.

Третья глава «Об обязанностях установлений военной цензуры» состояла всего из 5 статей (статьи 26–30), в которых говорилось о возложении персональной ответственности на главную военно-цензурную комиссию, на местные военно-цензурные комиссии, а также на военных цензоров ([Временное Положение..., 1914: 6](#)). Третья глава в дополнительных комментариях не нуждается.

Четвертая глава «О военной цензуре произведений тиснения на театре военных действий» состояла из 11 статей (статьи 31–41). В ней указывалось, что военные цензоры должны были не допускать к публикации в печати сведения, которые бы могли спровоцировать падение патриотического духа или дестабилизировать ситуацию в России. При этом редакторы газет и журналов были обязаны своевременно представлять местному военному цензору рукописи произведений, которые предназначались к скорой публикации. Передавать произведение в типографию для набора разрешалось только после предъявления редактором разрешительного документа за подписью местного военного цензора.

Редакторы периодических изданий обязаны были представлять военному цензору набранные номера изданий в гранках в следующие сроки: «а) для ежедневного утреннего издания – не позже как за 5 часов до выпуска его в свет и б) для ежедневного вечернего издания – не позже как за 2 часа до выпуска его в свет» ([Временное Положение..., 1914: 8](#)).

Предоставляемые в военную цензуру книги, рукописи, рисунки, произведения тиснения и т.п. должны были быть рассмотрены в спешном порядке. Рассмотрение периодических изданий должно быть закончено: «а) ежедневных изданий – не позже как за 3 часа до выпуска в свет номера утреннего издания и не позже как за 1 час до выпуска в свет – для вечернего издания; б) еженедельных изданий – не позже суток со времени представления набранного пробного номера или рукописи цензору и в) ежемесячных изданий – не позже трех суток со времени представления рукописи» ([Временное Положение..., 1914: 8](#)).

Подводя итоги четвертой главы, важно отметить, что работа военных цензоров с издателями имела четкую регламентацию. Сроки подачи печатной продукции редакторами на вычитку цензорам и задержка цензорами продукции для возвращения редакторам были строго регламентированы, эти сроки распространялись как на периодические издания, так и непериодические.

Пятая глава «О типографиях, литографиях, металлографиях и заведениях, производящих и продающих принадлежности тиснения, и о книжной торговле на театре военных действий» состояла также всего из 5 статей (статьи 42–46). Надзор за типографиями, а также за заведениями, производящими и продающими принадлежности тиснения, и за книжной торговлей сохранялся за существующими установлениями надзора за этими заведениями. Открытие заведений для тиснения разрешалось штабами армий и округов согласно действующему законодательству. Заведениям для тиснения воспрещалось печатать произведения в не разрешенном военным цензором виде. Содержатель заведения для тиснения или управляющий им был обязан предоставлять сверх указанных в действующих узаконениях о печати экземпляров изданий, отпечатанных в этом заведении, еще два экземпляра местной военно-цензурной организации ([Временное Положение..., 1914: 9](#)).

Шестая глава «О военной цензуре почтовых отправлений и телеграмм» состояла из 14 статей (статьи 47–60).

Согласно статьям этой главы, военные цензоры в зоне боевых действий обязаны были вскрывать, просматривать, а также изымать письма и телеграммы, содержащие секретную информацию. Военная же цензура писем и телеграмм вне театра военных действий создавалась при почтово-телеграфных конторах и распространялась только на обмен с иностранными почтово-телеграфными учреждениями.

Процедура вскрытия почтовых отправлений также была регламентирована: оно могло быть осуществлено в присутствии военного цензора, а также двух чинов почтово-телеграфного учреждения. О каждом вскрытии отправления составлялся акт за подписью указанных лиц. На краях вскрытых писем взамен составления акта делалась отметка «вскрыто военной цензурой» с приложением именной печати военного цензора.

Почтовые отправления, не пропущенные военной цензурой, конфисковывались. Если же военной цензурой не пропускалась только часть почтового отправления, то после уничтожения недозволенного (заштемпелевание, уничтожение отдельных страниц и т.п.) такое отправление отсылалось по назначению.

Согласно почтовым правилам, письма должны были поступать на почту в закрытом, запечатанном виде, однако в зоне боевых действий для оперативности и удобства просмотра отправлений военным цензором предлагалось приносить корреспонденцию в открытом виде, и только после просмотра цензором письмо запечатывалось в присутствии отправителя ([Временное Положение..., 1914: 11](#)).

Таким образом, регламентировалась деятельность военных цензоров при работе с почтовыми отправлениями и телеграммами. Цензоры имели право не только отслеживать переписку, но и редактировать, а также изымать письма и телеграммы, если они содержали секретный или нежелательный характер.

Седьмая глава «О военной цензуре речей и докладов на театре военных действий» состояла из 5 статей (статьи 61–65).

На театре военных действий с введением военной цензуры в полном объеме произнесение речей и докладов в публичных собраниях допускалось только с разрешения военно-цензурных организаций. Тексты или подробные конспекты речей или докладов, предположенных к произнесению или прочтению в собраниях, должны были представляться в военно-цензурные организации не позднее, чем за двое суток до назначенного оглашения.

О разрешении или воспрещении указанных текстов или подробных конспектов речей или докладов устроители собрания должны были извещаться за сутки. Речи и доклады, тексты или подробные конспекты которых не имели разрешительной надписи военной цензуры, не допускались к произнесению. Наблюдение за исполнением данных правил возлагалось на военно-цензурные организации и на чинов Отдельного корпуса жандармов и полицию. В случае же уклонения оратора или лектора от разрешенного военной цензурой текста, или конспекта речи, или доклада собрание немедленно закрывалось присутствующим на собрании чином полиции ([Временное Положение..., 1914: 11](#)).

Согласно седьмой главе, работа военных цензоров распространялась и на зачитывание речей и докладов в местах проведения массовых мероприятий в зоне боевых действий. При этом докладчик обязан был близко придерживаться того текста, который ранее был утвержден чиновником военно-цензурной комиссии.

Восьмая глава «Об ответственности за нарушение постановлений о военной цензуре на театре военных действий» состояла из 15 статей (статьи 66–81). Она устанавливала ответственность за нарушение постановлений военной цензуры на театре военных действий. За нарушение правил о военной цензуре предполагалось два вида наказания: щадящая с учетом смягчающих факторов и строгое взыскание. Под щадящим наказанием за нарушение военной цензуры подразумевался штраф в размере от 25 до 300 руб. или заключение в тюрьму сроком от двух недель до трех месяцев (замена наказания могла быть произведена, если у приговоренного не оказывалось необходимой суммы). Строгое взыскание наказывалось штрафом от 100 до 2 тыс. руб. или заменой такового на заключение

в тюрьму сроком от одного до шести месяцев. Можно дополнить, что примерно такие же штрафы были и за самогоноварение в период Первой мировой войны (Черкасов, Меньковский, 2011).

Так, виновные в сообщении сведений в публичной речи, не содержащихся в разрешенном военной цензурой докладе, подвергались штрафу в размере от 100 до 2 тыс. руб. и заключению в тюрьму на время от одного до шести месяцев. Виновные в публикации в периодической печати сведений или изображений, несмотря на запрещение военной цензурой, подвергались штрафу в размере от 500 до 10 тыс. руб. или заключению от двух месяцев до одного года. Помимо этого, в случае повторения подобного нарушения работа периодического издания могла быть приостановлена на период действия военной цензуры. Такая же ответственность была и за публикацию периодического издания без разрешения военной цензуры.

За публикацию в неперіодических изданиях сведений или изображений, запрещенных военной цензурой, полагался штраф от 100 до 2 тыс. руб. и заключение в тюрьму от одного до шести месяцев. Если публикация в неперіодическом издании была осуществлена без разрешения военной цензуры, то виновные подвергались более щадящему штрафу в размере от 25 до 300 руб. Если же при этом публиковались сведения о безопасности России или вооруженных сил, то виновные наказывались штрафом в размере от 100 до 2 тыс. руб. или заключением в тюрьму на срок от одного до шести месяцев.

Если нарушение допустило периодическое издание, то в качестве виновника выступал главный редактор. Ответственными за публикацию в неперіодическом издании могли быть автор, типографщик и даже книготорговец. При этом автор нес ответственность, если не мог доказать, что произведение было опубликовано без его ведома или согласия. Типографщик нес ответственность в том случае, если автор и издатель были неизвестны или находятся за границей, а книготорговец – если на продаваемом экземпляре не проставлено имя и место жительства типографщика.

Содержатель типографии, виновный в публикации произведения, не снабженного разрешительной надписью военной цензуры, подвергался штрафу в размере от 25 до 300 рублей или заключению в тюрьму сроком от двух недель до трех месяцев.

Важно также дополнить, что все выпущенные в свет печатные издания как периодические, так и неперіодические в случае публикации материалов с претензиями от военной цензуры подлежали аресту, то есть изъятию (Временное Положение..., 1914: 15).

В восьмой главе речь шла о системе наказаний для лиц, нарушивших военно-цензурные правила. Как уже отмечалось, система наказаний предполагала штрафы, а в случае несостоятельности ответчика мера наказания могла быть заменена на тюремное заключение. При этом предполагалось щадящее и более строгое наказание.

Девятая глава «Об обжаловании действий, распоряжений и постановлений военно-цензурных установлений и об исполнении сих постановлений» имела 5 статей (статьи 82–86). В ней рассматривалась процедура обжалования решений военной цензуры. Так, жалобы на действия и распоряжения военно-цензурных организаций принимались в течение трех дней со дня объявления о претензии:

«а) на театре военных действий – командующими армиями и главными начальниками военных округов; решения командующих армиями и главных начальников военных округов могут быть обжалованы главнокомандующим;

б) вне театра военных действий – местными военно-цензурными комиссиями, а на решения последних – главной военно-цензурной комиссией» (Временное Положение..., 1914: 15).

Решения главнокомандующих, а также утвержденные военным министром решения главной военно-цензурной комиссии считаются окончательными.

При этом нужно понимать, что поданные жалобы не являлись основанием для приостановления исполнения распоряжений военно-цензурных организаций (Временное Положение..., 1914: 15).

В девятой и заключительной главе рассматривалась возможность обжалования решений военно-цензурных организаций. Такие обжалования могли быть осуществлены как в зонах боевых действий, так и непосредственно в тылу.

24 июля 1914 г. был утвержден и перечень сведений и изображений, относящийся к внешней безопасности Российской империи, ее военно-морской и сухопутной обороны, разглашение которых в докладах и речах, произносимых в публичных местах, запрещалось.

К таким сведениям относились: во-первых, данные о численности и организации воинских подразделений и соединений разных родов войск (авиация, сухопутные войска, военно-морской флот); во-вторых, личные данные о командном составе воинских подразделений; в-третьих, данные о вооружении и экипировке подразделений; в-четвертых, данные о состоянии, вооружении и снабжении сухопутных и морских военных сооружений (фортификационные сооружения), включая численность гарнизонов; в-пятых, данные о местах дислокации и перегруппировки воинских подразделений; в-шестых, данные о строительных работах на фортификационных объектах, включая военно-морские базы, это же касалось и подготовки оборонительных рубежей. Помимо этого, запрещено было разглашать сведения о степени боевой готовности сухопутных войск и флота (хотя

нужно понимать, что степень боеготовности являлась понятием относительным); о мероприятиях, свидетельствующих о начале мобилизации и развертывании воинских частей; о пропускной способности и состоянии железных дорог, в том числе в зоне боевых действий; о состоянии транспортных коммуникаций: грунтовых, шоссеиных и водных путей в зоне боевых действий; о состоянии телеграфных и телефонных линий и организаций по эксплуатации на театре военных действий, а также о проведении работ по созданию новых сетей связи; о стратегических и тактических свойствах местности в зоне боевых действий; о высочайших смотрах войск; о боевой подготовке подразделений; о производстве учета мобилизованных лиц; о военных и военно-морских действиях Российской империи за рубежом. Важное значение уделялось и борьбе с распространением ложных и вредных слухов, поэтому распространение информации, которая включала домыслы об армии и флоте, а также о военных событиях, было запрещено. Под домыслами понимали распространение слухов о потерях в личном составе и материальных средствах. Засекречивались данные и о поимке шпионов, так как эта информация могла быть использована в контрразведывательной и контрдиверсионной работе, а также о волнениях среди жителей на территориях, подконтрольных русской армии, а также о различных катастрофах на коммуникациях. Всего в перечне было 25 запретительных пунктов. 31 июля 1915 г. перечень вышел в обновленной редакции и насчитывал уже 30 запретительных пунктов (Гришин, 2017: 29).

Нужно понимать, что «Временное Положение о военной цензуре» не могло быть единственным и окончательным документом, так как в начале войны не учитывалось возможное ухудшение ситуации как в тылу, так и на фронтах (Блохин, 2018: 10). Кроме того, все возможные проблемы было сложно прописать в одном 15-страничном документе, именно поэтому в годы войны это положение многократно дополнялось новыми пунктами. Нельзя не упомянуть и о конфликте интересов между военным ведомством и министерством внутренних дел по этому вопросу, так как положение о военной цензуре военные рассматривали в контексте противодействия утечке секретной информации, а полиция должна была заниматься и вопросами стабильности тыла, в том числе защиты от попыток дискредитации государственной власти. Тем не менее законопроект сохранил свою актуальность вплоть до февраля 1917 г., то есть до крушения Российской империи.

5. Заключение

«Временное Положение о военной цензуре» является важным источником по организации военной цензуры в период Первой мировой войны. Положениями этого законодательного акта были регламентированы все возможные варианты применения военной цензуры как в зоне проведения боевых действий, так и в тылу. В своей работе военные цензоры обязаны были контролировать работу периодических и непериодических изданий, контролировать почтовые сообщения и телеграммы, а также знакомиться с текстами выступлений и докладов при проведении массовых мероприятий. С одной стороны, в руках военных цензоров были значительные рычаги влияния в военное время, а с другой – деятельность военных цензоров в случае злоупотребления могла быть обжалована ответчиком.

Литература

- Белобородова (Строева), 2009 – Белобородова (Строева) А.А. Цензура в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Курск, 2009. 186 с.
- Белобородова (Строева), 2010 – Белобородова (Строева) А.А. Защита государственной тайны в Российской империи: деятельность военной цензуры в 1914–1917 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 7. С. 16–20.
- Белогурова, 2006 – Белогурова Т.А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны. Смоленск, 2006.
- Бережной, 1975 – Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975.
- Блохин, 2017 – Блохин В.Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Вольный») // *Цензура в России: история и современность*. Сб. научных трудов. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. СПб., 2017. С. 169–186.
- Блохин, 2018 – Блохин В.Ф. Проблемы взаимодействия гражданской и военной цензуры в годы Первой мировой войны (на материалах Минского военного округа) // *История. Общество. Политика*. 2018. № 4 (8). С. 6–11.
- Временное Положение..., 1914 – Временное Положение о военной цензуре. Петроград, 1914. 15 с.
- Гришин, 2017 – Гришин Н.И. Формирование нормативно-правовой базы военной цензуры России в годы Первой мировой войны // *История. Общество. Политика*. 2017. № 3 (3). С. 28–30.
- Кириєнко, 2010 – Кириєнко О. Військова цензура тилкових губерній Київського військового округу (1914–1917) // *Український історичний збірник*. 2010. Вип. 13. С. 182–192.

Салтык, Строева, 2011 – Салтык Г.А., Строева А.А. Первая мировая война: к истории военной цензуры // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2011. № 3–1 (19). С. 29–33.

Семенова, 2008 – Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 10. № 1. 2008. С. 71–85.

Черкасов, Меньковский, 2011 – Черкасов А.А., Меньковский В.И. Правовое регулирование питейного дела в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // *Научный журнал «Власть и общество» (История, Теория, Практика)*. 2011. № 2 (18). С. 56–67.

Bratolyubova, Trut, 2017 – Bratolyubova M.V., Trut V.P. Political Caricature during World War I (based on the Examples of Positive Visualization of the “Friends” and Negative Visualization of the “Foes” in the Don Periodical Press Satirical Cartoons) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2017. 4(1): 4–16.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5(1): 4–11.

Polyakova, 2016 – Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5(1): 12–29.

References

Beloborodova (Stroeva), 2009 – Beloborodova (Stroeva), A.A. (2009). Tsenzura v Kurskoj gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Censorship in Kursk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kursk, 186 p. [in Russian]

Beloborodova (Stroeva), 2010 – Beloborodova (Stroeva), A.A. (2010). Zashchita gosudarstvennoi tainy v Rossiiskoi imperii: deyatel'nost' voennoi tsenzury v 1914–1917 gg. [Protection of state secrets in the Russian Empire: the activities of military censorship in 1914–1917]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 7: 16–20. [in Russian]

Belogurova, 2006 – Belogurova, T.A. (2006). Russkaya periodicheskaya pechat' i problemy vnutrennei zhizni strany v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian periodicals and problems of the country's internal life during the First World War]. Smolensk. [in Russian]

Berezhnoi, 1975 – Berezhnoi, A.F. (1975). Russkaya legal'naya pechat' v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian legal press during the First World War]. L. [in Russian]

Blokhin, 2017 – Blokhin, V.F. (2017). Voennaya tsenzura perioda Pervoi mirovoi voiny i periodicheskaya pechat' «armeiskikh raionov» (na materialakh gazety «Volyn'») [Military censorship of the First World War and periodicals of the "army regions" (based on the materials of the newspaper "Volyn"). Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sb. nauchnykh trudov. Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. Sankt-Peterburgskii filial Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki RAN. SPb. Pp. 169–186. [in Russian]

Blokhin, 2018 – Blokhin, V.F. (2018). Problemy vzaimodeistviya grazhdanskoi i voennoi tsenzury v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Minskogo voennogo okruga) [Problems of the interaction of civil and military censorship during the First World War (based on the materials of the Minsk military district)]. *Istoriya. Obshchestvo. Politika*. 4(8): 6–11. [in Russian]

Bratolyubova, Trut, 2017 – Bratolyubova, M.V., Trut, V.P. (2017). Political Caricature during World War I (based on the Examples of Positive Visualization of the “Friends” and Negative Visualization of the “Foes” in the Don Periodical Press Satirical Cartoons). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 4(1): 4–16.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 4–11.

Cherkasov, Men'kovskii, 2011 – Cherkasov, A.A., Men'kovskii, V.I. (2011). Pravovoe regulirovanie piteinogo dela v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.) [The legal regulation of the drinking business during the First World War (1914–1917)]. *Nauchnyi zhurnal «Vlast' i obshchestvo» (Istoriya, Teoriya, Praktika)*. 2(18): 56–67. [in Russian]

Grishin, 2017 – Grishin, N.I. (2017). Formirovanie normativno-pravovoi bazy voennoi tsenzury Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [The formation of the legal framework for military censorship in Russia during the First World War]. *Istoriya. Obshchestvo. Politika*. 3(3): 28–30. [in Russian]

Kirienko, 2010 – Kirienko, O. (2010). Viis'kova tsenzura tilovikh gubernii Kiivs'kogo viis'kovogo okrugu (1914–1917) [Military censorship of the rear provinces of the Kyiv Military District (1914–1917)]. *Ukrains'kii istorichnii zbirnik*. 13: 182–192. [in Ukrainian]

Polyakova, 2016 – Polyakova, L.G. (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 12–29.

Saltyk, Stroeva, 2011 – Saltyk, G.A., Stroeva, A.A. (2011). Pervaya mirovaya voina: k istorii voennoi tsenzury [The First World War: towards the history of military censorship]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3–1(19): 29–33. [in Russian]

Semenova, 2008 – Semenova, E.Yu. (2008). Periodicheskaya pechat' i tsenzura v gody Pervoi mirovoi voyny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossiiskogo obshchestva (po materialam Povolzhskikh gubernii) [Periodicals and censorship during the First World War as a factor in the formation of the mentality of Russian society (based on materials from the Volga provinces)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 10(1): 71-85. [in Russian]

Vremennoe Polozhenie..., 1914 – Vremennoe Polozhenie o voennoi tsenzure [Temporary Regulation on military censorship]. Petrograd, 1914. 15 p. [in Russian]

«Временное Положение о военной цензуре» как исторический источник

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Евгения Владимировна Видищева ^c,
Елена Константиновна Минеева ^d, Леонид Леонидович Баланюк ^{e, f}

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^d Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается «Временное Положение о военной цензуре» от 20 июня 1914 г. как исторический источник. Уделено внимание внутренней критике текста.

В качестве источника использовано «Временное Положение о военной цензуре», опубликованное 20 июля 1914 г. в Петрограде. Данное положение состояло из 9 глав, разделенных на 86 статей, и было утверждено императором Николаем II.

В работе применены принципы историзма и системности: первый – позволил рассмотреть законодательный акт «Временное Положение о военной цензуре» в контексте конкретно-исторической обстановки периода Первой мировой войны, второй – проанализировать варианты применения военной цензуры на разных территориях: на театре военных действий и в тылу.

В заключении авторы отмечают, что «Временное Положение о военной цензуре» является важным источником по организации военной цензуры в период Первой мировой войны. Положениями этого законодательного акта были регламентированы все возможные варианты применения военной цензуры как в зоне проведения боевых действий, так и в тылу. В своей работе военные цензоры обязаны были контролировать работу периодических и непериодических изданий, почтовые сообщения и телеграммы, а также знакомиться с текстами выступлений и докладов при проведении массовых мероприятий. С одной стороны, в руках военных цензоров были значительные рычаги влияния в военное время, а с другой – деятельность военных цензоров в случае злоупотребления могла быть обжалована ответчиком.

Ключевые слова: «Временное положение о военной цензуре», 20 июня 1914 г., законопроект, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 1016-1023.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.1016
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Material Support for Civilian Officials in Eastern Siberia during the First World War

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Mikhail D. Severyanov ^a, Galina M. Lushchayeva ^a, Anna S. Zhulaeva ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the facts of the material support of civilian officials in Eastern Siberia during the First World War (Russian period). The actual salaries, material privileges of local managers examples on the documents from the State Archives of the Krasnoyarsk Region and the Irkutsk Region, who served about the institutions of the Yenisei and Irkutsk provinces from 1914 to 1917. Archival sources were formular lists and personal files of officials of provincial and district institutions, demanding statements for the salaries of employees, lists of extracurricular employees, documents of official correspondence, travel to the place of vacation or treatment. Materials of the local Siberian periodicals made information about the changes in the financial situation of the administrative apparatus during the First World War. The historical sources and literature, conclusions revealed the preservation of state guarantees for local officials during a difficult period for the country. Firstly, it was additional money to the salary: canteens, apartments, office expenses, Siberian service. The most effective material aid for officials in the Yenisei and Irkutsk provinces was money for the Siberian service, which, by the way, was received only by employees in full-time positions, provided that they had served here for at least five years. In turn, payments for clerical expenses were focused on categories of positions with a traveling nature of work, and apartment money from 1914 to 1917. weren't paid to anyone (no cases of their payments were found). At the same time, the amounts of canteen money issued in remote areas and in Central Russia were the same and equally proportional to the salary. Secondly, material privileges in service were also retained during the war years. However, Siberian officials from 1914 to 1917. they practically did not go outside Siberia on vacation and for treatment; they preferred to teach children in local educational institutions. Newspaper notes report that there have been no significant additions to the pay of officials in the face of war inflation and increased workload. The supplements were intended for full-time officials and were of a compensatory nature. During the First World War, the reprieve from the army was interesting for local officials. However, in the Yenisei and Irkutsk provinces, the staffing staff changed frequently and the number of civilian employees from 1914 to 1917. grew. They were funded by leftovers, and women were recruited to these positions in the context of military mobilization. The wives of free-hired scribes drafted into the army received their salaries and canteens for their husbands in full.

Keywords: bureaucracy, civil servants, official's salary, standard of living, revolutionary movement, socio-political sentiments, Yenisei province, Irkutsk province, Irkutsk governor-general, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

В понимании современного российского человека дореволюционные чиновники жили лучше, чем другие слои общества в период Российской империи, то есть были материально обеспечены, имели возможность хорошо питаться, отдыхать, поддерживать здоровье, учить детей, а в преклонном возрасте получать пансион (пенсию). Однако условия жизни и службы провинциальных чиновников отличались от положения коллег центральных ведомств, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге, а среди провинциальных служащих были отличия в материальном положении по

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

категориям должностей, ведомству, месту службы, территориальному подчинению учреждения (Дамешек, Дамешек, 2020: 103-107; Lyubichankovskiy, 2020: 728-230).

Первая мировая война 1914–1918 гг. вызвала серьезные изменения в повседневной жизни российских подданных, предшествовав революционным событиям 1917 г. (Dolidovich et al., 2019: 396-397). Значимые трансформации в политической сфере общества произошли и на отдаленных территориях Российской империи, казалось бы, не входивших в эпицентр военных действий и расположенных в сотнях километров от фронта и столичных политических дел. Примером этому может служить Сибирь, а именно восточная ее часть (Иркутская и Енисейская губернии).

Цель статьи – установить факты материального обеспечения гражданских чиновников Восточной Сибири в 1914–1917 гг., опираясь на анализ их содержания, служебных привилегий и произошедших в связи с этим изменений в кадровом составе местной администрации. Хронологические рамки исследования обусловлены периодом Первой мировой войны в политических условиях России монархической формы правления. Территориальные границы – Иркутская и Енисейская губернии Иркутского генерал-губернаторства. Заметим, в статье не рассмотрены чиновники Якутской и Забайкальской областей, на территории которых была особая система государственной власти, обусловленная климатическими условиями, национальным составом населения, пограничным положением (Забайкальская область).

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы послужили архивные материалы Государственного архива Красноярского края – фонды № 595 «Енисейское губернское управление» (оп. 45, 59), № 160 «Енисейская казенная палата» (оп. № 1), а также Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск) – фонды № 32 «Иркутское губернское управление канцелярии Иркутского генерал-губернатора» (оп. 8), № 43 «Иркутская врачебная управа Иркутского губернского управления» (оп. 2). Поднятые в данных архивных фондах официальные документы по кадровому составу чиновников Енисейской и Иркутской губерний иллюстрируют материальное положение гражданских служащих местных правительственных учреждений в 1914–1917 гг. Использованы местные сибирские газеты – «Сибирские вопросы», «Сибирская мысль», «Енисейский край». Опубликованные в них заметки и статьи на тему условий службы и чиновничьего быта позволили дополнить информацию о произошедших изменениях материального положения аппарата управления в годы Первой мировой войны. Социальная и профессиональная характеристика государственных служащих в 1914–1917 гг. по сравнению с довоенным временем представлена на примере Енисейской губернской администрации, то есть на примере местных чиновников, находившихся на должностях губернского управления, казенной палаты, акцизного, тюремного управлений, казначейства, управления земледелия и государственных имуществ. Перемены в облике чиновничества показаны при сравнении процентных данных по формулярным спискам и личным делам за 1893 и 1915 г.

Методология исследования базируется на антропологическом подходе, позволяющем в рамках современной исторической науки вскрыть условия жизни провинциальных чиновников последних лет Российской империи как особой социальной группы, каждый член которой представлял собой историческую личность, имевшую, с одной стороны, свою собственную уникальную жизнь, с другой – характерную для представителей данной категории общества.

3. Обсуждение

Исследования отечественных и зарубежных историков создают образ достаточно успешной жизни чиновников рубежа XIX–XX вв., находившихся на государственном обеспечении из государственной казны (Плех, 2019: 258; Gentes, 2003: 4). Сравнительный анализ на предмет социально-экономического и политического положения данной категории подданных относительно основной массы населения Российской империи показал наличие у местных чиновников в отношении своего государства не только перечня обязанностей, но и комплекса прав (Карчаева, 2012: 229). Однако в исторической литературе присутствует много доказанных примеров низкого жалования у провинциальных служащих в управленческой среде, которое не обеспечивало элитарного образа жизни (Чуб, 2018: 343-345; Kiyashchenko et al., 2021: 183-184). Сибирь в этом отношении представляет собой территорию, наиболее ярко показывающую диспропорции в условиях жизни между служащими высшего, среднего и низшего звеньев должностей (Карчаева, 2017). Однако в исторической литературе по чиновничеству в Сибири рубежа XIX – начала XX вв. в целом основное внимание уделено другим аспектам научного исследования. Так, установлен социальный и профессиональный состав губернской администрации Енисейской губернии (Карчаева, 2017: 55-146; Karchaeva et al., 2019: 188-197). Показана роль местных высших чиновников во взаимоотношениях с другими членами сибирского общества, например, купечества (Матханова, 2020: 65-71). Анализируются результаты работы местных государственных служащих в рамках общественного управления (Карчаева, Малафеев, 2020: 172-179).

Тем самым данное исследование, в котором предметом изучения являются условия жизни сибирского чиновничества в годы Первой Мировой войны, отвечает потребностям современной

исторической науки и позволит дополнить представление о данной категории подданных Российской империи в поздний период ее истории.

4. Результаты

4.1. Денежное содержание

Иркутское генерал-губернаторство было приближено территориально к Центральной России после ввода в эксплуатацию Среднесибирской железной дороги (участка Транссиба). Отправляемые на службу в далекую Сибирь чиновники с тех пор стали добираться до места назначения быстрее, и путь перестал быть столь опасным и непредсказуемым, каким он был ранее. Однако ряд льгот и привилегий, распространенных на Иркутскую и Енисейскую губернии, был сохранен, делая условия службы здесь более привлекательными, чем в Центральной России. Вплоть до 1917 г. находившимся на государственных должностях приезжим чиновникам, которые прибыли из мест, не относившихся к отдаленным, полагались добавочные деньги к содержанию «за сибирскую службу», оплачивался проезд «туда и обратно» при назначении на должность и во время отпуска, предоставлялись ежемесячно «квартирные деньги» на съем жилья. Добавочные деньги за сибирскую службу высчитывались пропорционально времени службы в отдаленной местности: 5 лет – 1/4 часть от жалованья по штатному расписанию, 10 лет – 1/3 часть, 15 лет – 1/2 часть, более 20 лет – 3/4. При выслуге 25 лет в Сибири чиновники получали добавочные за сибирскую службу в размере, соответствующем «полному жалованью» (Карчаева, 2012: 229).

По данным 1916 г. губернатор Иркутской губернии действительный статский советник Александр Николаевич Юган как прибывший в 1897 г. на место службы в Восточную Сибирь из Гродненской губернии получал дополнительно к полагавшимся 5 000 руб. жалованья и 5 000 руб. столовых денег, еще и прибавочных денег за сибирскую службу 1 125 руб. (1/4 часть), тем самым его содержание в год составляло 11 125 руб. (Список, 1916: 46). Размер жалованья определялся должностью и указывался в штатных расписаниях. Например, с тем же чином непременный член по крестьянским делам действительный статский советник Александр Александрович Кломинский в 1916 г. получал ежемесячно 1 375 руб. жалованья, и 1 375 руб. столовых, и еще 687 руб. 50 коп. добавочных денег за сибирскую службу (то есть 1/2 часть), а всего в год – 3437 руб. 50 коп. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 215. Л. 35об.-36).

Государственные должности, предполагавшие разъездной характер работы и, следовательно, отсутствие возможности пользоваться закупаемыми ведомством канцелярскими принадлежностями, предполагали добавочные деньги на канцелярские расходы. Так, в 1914 г. крестьянский начальник 6-го участка Минусинского уезда Енисейской губернии надворный советник Михаил Аркадьевич Кибардин получал из казны на свое содержание по 800 руб. в год жалованья и столовых денег, еще полагавшиеся по должности канцелярских 700 руб., всего – 1950 руб. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 215. Л. 23 об.-24).

Архивные материалы свидетельствуют, что в начале XX в. размеры жалованья и столовых денег (в процентном соотношении) были едины в Центральной России, Западной и Восточной Сибири. Например, те же ежемесячные суммы по 416 руб. 67 коп. жалованья и столовых (10 000 руб. в год) получали в 1916 г. губернаторы в Московской губернии (коллегийский советник Никита Алексеевич Татищев), Нижегородской губернии (действительный статский советник Алексей Федорович Гирс), Томской губернии (действительный статский советник Владимир Николаевич Дудинский), Енисейской губернии (статский советник Яков Георгиевич Гололобов) (Список, 1916: 42, 88, 91, 157, 159).

В 1914–1917 гг. управляющие губернских учреждений получили право нанимать вне штата дополнительных людей на должности писцов и канцелярских служителей, а оплата им жалованья производилась из сбережений по другим статьям расходов, но в общей сумме, определенной штатными расписаниями местных учреждений по каждому ведомству. Денежные выплаты по пособиям и наградам для штатных чиновников и писцов во всех подведомственных учреждениях осуществлялись за счет оставшихся средств после выплаты жалованья и ликвидации дефицита в канцелярских потребностях. При этом размеры пособий и денежных наград определялись по усмотрению начальства, а при отсутствии средств могли и вовсе не выплачиваться. Данное обстоятельство способствовало росту канцелярских служителей по вольному найму, так как штатные чиновники, имевшие право на пенсию, покидали должности (Карчаева, 2017: 47-53, 148-149, 242-247).

Требовательные ведомости на жалованье сотрудников в рамках одного учреждения позволяют сравнить размеры содержания служащих всех категорий должностей, проиллюстрировав факт диспропорции между должностями высшего, среднего и нижнего звена управления.

В Иркутском губернском управлении в октябре–декабре 1916 г. размеры ежемесячного жалованья на штатных должностях были представлены следующими суммами (столовые деньги предоставлялись в том же размере дополнительно): вице-губернатор – 180 руб., непременный член крестьянского отделения – 120 руб., непременный член по воинской повинности – 112 руб., врачебный инспектор – 108 руб., его помощник – 68 руб., ветеринарный инспектор – 80 руб., его помощник – 60 руб., секретарь – 64 руб., делопроизводитель – 56–60 руб., курьер – 45 руб.,

машинист – 40 руб., помощник делопроизводителя – 32 руб. 33 коп., писец – 30 руб. (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 531. Л. 3 об., 12 об., 14 об., 16 об., 22, 28 об.-35).

Местная сибирская печать свидетельствует, что процентные прибавки к содержанию служащих в военные годы были не велики и предназначались для покрытия инфляционного роста рыночных цен на товары первой необходимости (*Прибавки чиновникам..., 1916: 4*).

Согласно официальному списку внеклассных служащих Енисейской казенной палаты за февраль–ноябрь 1917 г., представленному на заседании комиссии личного состава служащих по данному ведомству, объединенных в профессиональный союз, оклады жалованья были в тех же размерах, что и летом 1914 г. и в декабре 1916 г. (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2862. Л. 1, 19, 141-142об.).

В связи с мобилизацией мужского населения стали принимать на должности вне штата женщин. Это было неординарным явлением для начала XX в. В местной периодической печати часто публиковались объявления о приеме на работу канцеляристок с хорошим почерком и знанием счетоводства (*Объявление..., 1916: 4*).

«Требовательная ведомость Иркутского губернского управления на жалование штатных и вольнонаемных писцов и курьеров Управления» за октябрь–декабрь 1916 г. свидетельствует о суточном принципе оплаты труда для внештатных сотрудников, получавших 1 руб. 33 коп. в день (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 531. Л. 22).

В Енисейской губернии помощник делопроизводителя в губернском управлении канцелярский служащий Федор Маркович Руденко в 1916 г. получал жалованья и столовых всего по 29 руб. в месяц (по 350 руб. в год, всего – 700 руб.). Он представлял собой среднестатистического молодого чиновника, прибывшего в Сибирь перед началом Первой мировой войны (в 1913 г.) за лучшей жизнью. По сословно-социальному происхождению он был крестьянином Киевской губернии, 24 лет от роду, окончил двухклассное земское училище, был женат и имел малолетнего ребенка (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 357. Л. 42об.-43).

Безусловно, именно добавочные деньги за сибирскую службу интересовали чиновников, прибывших в губернии и области Иркутского генерал-губернаторства. Однако квартирные деньги в 1914–1917 гг. никому не выплачивались: среди 127 формулярных списков чиновников за 1914–1917 гг., служивших в Енисейской губернии, не найдены случаи их выплат (*Карчаева, 2017: 47-53*).

Кадровый состав чиновников в Енисейской губернии в 1915 г. стал принципиально иным по сравнению с концом XIX в. (сравниваем с 1893 г.). Среди управленческих должностей VI–VIII разрядов (должности советников, начальников отделений, чиновников особых поручений, архитекторов, тюремных инспекторов, казначеев, контролеров, землемеров) изменения проявились в сокращении среднего возраста служащих – с 42 до 36 лет, повышении у них уровня образования, например, высшего образования – с 18 % до 55 %, а также в улучшении имущественного положения (число домовладельцев увеличилось с 40 % до 49 %). При этом произошло сокращение доли выходцев из дворян – с 34 % до 21 % за счет увеличения числа мещан местного происхождения (*Карчаева, 2017: 94-125*).

Архивные материалы также свидетельствуют о существенном омоложении столоначальников, бухгалтеров, секретарей, делопроизводителей, журналистов, архивариусов, регистраторов, протоколистов (и их помощников соответственно). Так, в 1915 г. на должностях IX–XIV рангов находилось 33 % чиновников, возраст которых составлял от 20 до 30 лет (в 1865 г. – 13 %, 1893 г. – 28 %). Половина от основной массы данной категории государственных служащих в 1915 г. были податного происхождения: из мещан, купцов, казаков – суммарно почти 49 %. Уровень образования данных чиновников в 1915 г. почти не изменился по сравнению с концом XIX в. (около 80 % заканчивали губернские гимназии и уездные училища), а вот их имущественное положение стало выше за счет увеличения местных чиновников, которые, в отличие от приезжих неимущих, в собственности имели дом: 1893 г. – 34 %, 1905 и 1915 г. – 53 % (*Карчаева, 2017: 126-146*).

4.2. Материальные привилегии по службе

В начале XX в. чиновники, находившиеся на государственных должностях в Иркутской и Енисейской губерниях, пользовались материальными привилегиями по службе: во-первых, приезжим оплачивался проезд «туда и обратно» при назначении на должность и во время отпуска (включая дорогу до места лечения); во-вторых, у всех чиновников была возможность оплатить за государственный счет обучение детей в Сибири и Центральной России; в-третьих, лица на штатных должностях не подлежали призыву на военную службу (*Карчаева, 2012: 229*). Анализ архивных материалов показал, что в начале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны правом оплачивать учебу своих детей и проезд до мест лечения чиновники охотно пользовались, но в основном только в рамках Сибири.

Наличие семейных династий местных чиновников подтверждает реализацию потребности обучения детей за счет учебных заведений Сибири. Для поступления на гражданскую службу требовался аттестат об образовании, который у 40–50 % потомственных детей чиновников был получен в губернских гимназиях, городских и уездных училищах Иркутского генерал-губернаторства (*Karchaeva et al., 2019: 188-197*).

Примером этому может быть зачисляемый на службу в Иркутское губернское управление в качестве писца по вольному найму сын чиновника Владимир Александрович Кишкин. При подаче документов им было указано полученное образование в Иркутском городском пятиклассном училище, которое расценивалось как годное для поступления на государственную службу и начала чиновничьей карьеры. Кроме того, молодым человеком отдельно указывалось освобождение от военной службы, что делало его «нужным» вольнонаемным кадром в условиях военной мобилизации (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 531. Л. 43-45).

Штатные чиновники местных правительственных учреждений и органов общественного управления имели отсрочку от армии. Местная газета «Енисейский край» за 14 декабря 1916 г. сообщала: «Согласно постановлению Главного управления Генерального штаба правительственные центральные и местные управления всех ведомств, а также волостные и сельские правления не могут быть включаемы в списки учреждений и предприятий, необходимых для нужд государственной обороны» (Об отсрочках, 1916: 3).

Однако вольнонаемные служащие правительственных местных учреждений данной привилегией не пользовались. «Требовательная ведомость Иркутского губернского управления на жалованье штатных и вольнонаемных писцов и курьеров Управления» за октябрь–декабрь 1916 г. сохранила информацию о выплатах женам курьеров, призванных на войну (Стасенко Евдокия получала 18 руб. 66 коп. жалованья и столько же столовых, Безотечества Екатерина – 16 руб. 66 коп. жалованья и столько же столовых (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 531. Л. 39).

Правом на возмещение транспортных расходов до мест лечения чиновники пользовались в годы Первой мировой войны, как правило, только в рамках Сибири.

Документы канцелярий местных учреждений Иркутской и Енисейской губерний содержат рапорты чиновников с просьбой предоставить им краткосрочные отпуска и выдать «подорожные» в казначействах для получения казенных лошадей до близлежащих мест назначения. Один из таких документов от имени коллежского регистратора Николая Яковлева, исполняющего должность секретаря в Иркутской врачебной управе, сообщает: «Имею честь покорнейше просить Врачебную Управу разрешить мне трехдневный отпуск в Лиственничное селение, для чего и испросить из Иркутского Губернского Казначейства подорожную на две лошади, на проезд мой от г. Иркутска до Лиственничного селения и обратно» (ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7. Л. 74-75).

В Енисейской губернии таким излюбленным местом поправления здоровья для чиновников и членов их семей был курорт в Минусинском уезде на озере Шира. Еще в 1895–1896 гг. были возведены комфортабельные корпуса и другие постройки, предназначавшиеся для чиновников и их семей (ГАКК. Ф. 595 Оп. 59. Д. 105. Л. 1-10б.).

Бюрократизм и бумажная волокита на рубеже XIX–XX вв. были повсеместной характеристикой организации исполнения должностных обязанностей чиновников. В годы Первой мировой войны труд служащих значительно увеличился как по интенсивности, так и продолжительности. Газета «Сибирская мысль. Красноярск» за 2 апреля 1916 г. сообщала, что служащим Красноярского казначейства приходилось находиться на рабочих местах до 15:00–16:00 часов. Раньше же занятия в казначействе оканчивались обычно в 14:00. Увеличение рабочего времени корреспонденты местной газеты связывали с продажей облигаций военного займа, продажей и покупкой процентных бумаг и введением некоторых новых банковских документов. При этом отмечалось, что штат казначейских служащих «значительно ограничился против прежнего (Увеличение труда, 1916: 3). В местной неофициальной сибирской периодической печати в годы Первой мировой войны регулярно публиковались сообщения о губернском произволе и лихих администраторах (Край губернского произвола, 1915: 41-49; Сообщения, 1916: 4).

5. Заключение

В дореволюционной России служащие государственных органов находились под защитой государства. Характер и условия труда чиновников подразумевали определенную степень социальной защищенности. Государство гарантировало материальное обеспечение тех или иных работников, тем самым создавало престиж государственной службы. Анализ источников и литературы по теме показал, что материальное содержание чиновников в губерниях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны соответствовало достаточному уровню для создания благоприятных условий эффективного исполнения государственной должности, обеспечивало стабильность социального и правового статуса чиновника. Ряд материальных привилегий в отношении определенных категорий чиновников создавал благоприятные условия для восполнения кадров государственных учреждений в отдаленных районах Российской империи за счет приезжих лиц, соответствовавших выставляемым государством требованиям по должности. При этом в годы Первой мировой войны размеры содержания чиновников в военные годы оставались те же. Следовательно, снизилось качество жизни государственных служащих, у которых жалованье и социальные выплаты производились из государственной казны.

Литература

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Дамешек, 2020 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Образы сибирских окраин империи как предмет зарубежной историографии XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2020. № 1 (37). С. 84–96.

Карчаева, 2012 – Карчаева Т.Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822–1917) // *Вестник КрасГАУ*. 2012. № 4 (67). С. 229.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.

Край губернского производства, 1915 – Край губернского производства // *Сибирские вопросы*. 1915. 16 окт.

Матханова, 2020 – Матханова Н.П. Хабаровские съезды сведущих людей и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в Имперской России // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2020. Т. 27 (3). С. 65–71. DOI: 10.15372/HSS20200311

Плех, 2019 – Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // *Вопросы истории*. 2019. № 11. С. 258–272.

Об отсрочках, 1916 – Об отсрочках // *Енисейский край*. 1916. 14 дек.

Объявления, 1916 – Объявления // *Сибирская мысль*. Красноярск. 1916. 1 янв.

Сообщения, 1916 – Сообщения // *Сибирская мысль*. Красноярск. 1916. 2 апр.

Список..., 1916 – Список высших чинов Министерства внутренних дел центральных и местных установлений. В 2 ч. Ч. 2. Список высших чинов Министерства внутренних дел местных установлений. СПб., 1916.

Увеличение труда..., 1916 – Увеличение труда казначейских служащих // *Сибирская мысль*. Красноярск. 1916. 2 апреля. С. 3.

Чуб, 2018 – Чуб Н.В. Кадровая деятельность губернских органов России XIX в. в фондах федерального и региональных архивов // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 343–351.

Dolidovich et al., 2019 – Dolidovich O.M., Fedorova V.I., Zhulaeva A.S. Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-Free Trade Regime in the mouths of Siberian Rivers during the First World War // *Bylye Gody*. 2019. 51 (1): 395–405.

Kiyashchenko et al., 2021 – Kiyashchenko A.A., Naumov D.V., Gudov D.S., Gubaeva S.R. Nobility, Merchants and Clergy in the System of Social Movements in the 50s of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16 (1): 182–190.

Gentes, 2003 – Gentes A. Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // *Sibirica*. 2003. 3 (1): 3–20.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T. G., Gergilev D. N., Luschaeva G. M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 188–197.

Lyubichankovskiy, 2020 – Lyubichankovskiy S.V. Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey // *RUDN Journal of Russian History*. 2020. 19 (3): 727–740.

References

Chub, 2018 – Chub, N.V. (2018). Kadrovaja dejatel'nost' gubernskih organov Rossii XIX v. v fondah federal'nogo i regional'nyh arhivov [Human resource management in the Russian gubernia institutions of the 19th century in the fonds of federal and regional archives]. *Vestnik arhivista*. 2: 343–351. [in Russian]

Dameshek, Dameshek, 2020 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2020) Obrazy sibirskikh okrain imperii kak predmet zarubezhnoi istoriografii XX–XXI vv. [Images of the Siberian edge of the Empire as a subject of foreign historiography of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 37(1): 84–96. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Krai].

ГАИО – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoj Oblasti [State archive of the Irkutsk Region].

Gentes, 2003 – Gentes, A. (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*. 3(1): 3–20.

Karchaeva, 2012 – Karchaeva, T.G. (2012). Privilegii gosudarstvennoy sluzhby v yeniseyskoy gubernii: istoricheskiy aspekt (1822–1917) [Government Service Benefits in the Yenisei Province: Historical Aspect (1822–1917)]. *Vestnik KrasGAU*. 67(4): 229. [in Russian]

Karchaeva, 2017 – Karchaeva, T.G. (2017). Eniseiskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188–197.

Karchaeva, Malafeev, 2020 – Karchaeva, T.G., Malafeev, A.V. (2020). K voprosu o sostoyanii tyuremnyh uchrezhdenij goroda Krasnoyarska Enisejskoj gubernii (po materialam sluzhebnoj perepiski mestnyh chinovnikov 1870–1890-h gg.) [The State of Prison Institutions at the City of Krasnoyarsk of the Yenisei Province from 1870 to 1890-s (on the Data of Local Officials' Correspondence)]. *Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 16(2): 172-179.

Kiyashchenko et al., 2021 – Kiyashchenko, A.A., Naumov, D.V., Gudov, D.S., Gubaeva, S.R. (2021). Nobility, Merchants and Clergy in the System of Social Movements in the 50s of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(1): 182-190.

Kray gubernskogo proizvola, 1915 – Kray gubernskogo proizvola [The edge of the provincial arbitrariness]. *Sibirskije voprosy*. 1915. October, 16. [in Russian]

Lyubichankovskiy, 2020 – Lyubichankovskiy, S.V. (2020). Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19(3): 727-740.

Mathanova, 2020 – Mathanova, N.P. (2020). Habarovskie s"ezdy "svedushchih lyudej" i priamurskij general-gubernator A.N. Korf: poiski kanalov kommunikacii mezhdru vlast'yu i obshchestvom v Imperskoj Rossii [Meetings of "Well-Informed People" in Khabarovsk and the Priamur Governor-General A.N. Korf: searching of communication channels between the authority and society in Imperial Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 27(3): 65-71.

Ob otsrochkakh, 1916 – Ob otsrochkakh [On deferrals]. *Yeniseyskiy kray*. 1916. Dekabr', 14. [in Russian]

Ob"yavleniya..., 1916 – Ob"yavleniya [The Announcements]. *Sibirskaya mysl'*. Krasnoyarsk. 1916. Yanvar', 1. [in Russian]

Plekh, 2019 – Plekh, O.A. (2019). Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v pervoi polovine XIX v.: otechestvennaya istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century: domestic historiography of the end of the XX – early XXI century 2019]. *Voprosy istorii*. 11: 258-272. [in Russian]

Soobshcheniya, 1916 – Soobshcheniya [The messages]. *Sibirskaya mysl'*. Krasnoyarsk [Siberian Thought. Krasnoyarsk]. 1916. Aprel', 1. [in Russian]

Spisok..., 1916 – Spisok vysshikh chinov Ministerstva vnutrennikh del mestnykh ustanovleniy [List of high officials of the Ministry of Internal Affairs of local institutions]. Ch. 2. SPb., 1916. [in Russian]

Uvelicheniye truda, 1916 – Uvelicheniye truda kaznacheyskikh sluzhashchikh [Increase in labor of treasury employees]. *Sibirskaya mysl'*. Krasnoyarsk. 1916. Aprel', 16. P. 3. [in Russian]

Материальное обеспечение гражданских чиновников Восточной Сибири в годы Первой мировой войны

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Михаил Дмитриевич Северьянов ^a,
Галина Михайловна Луцаева ^a, Анна Сергеевна Жулаева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены исторические факты, свидетельствующие о материальном обеспечении гражданских чиновников Восточной Сибири в годы Первой мировой войны. На основе документов государственных архивов Красноярского края и Иркутской области приведены примеры реальных размеров жалованья, материальных привилегий местных управленцев, служивших в учреждениях Енисейской и Иркутской губерний в 1914–1917 гг. Архивными источниками послужили формулярные списки и личные дела чиновников, требовательные ведомости на жалованье, списки внеклассных служащих, документы служебной переписки. Материалы местной периодической печати позволили дополнить информацию о произошедших изменениях в материальном положении управленцев в годы Первой мировой войны. На основе анализа источников и литературы сделаны выводы о сохранении в трудный для страны период государственных гарантий, адресованных местным чиновникам. Во-первых, это были добавочные деньги к жалованью – столовые, квартирные, на канцелярские расходы, за сибирскую службу. Наиболее эффективной материальной помощью для чиновников в Енисейской и Иркутской губерниях были деньги за сибирскую службу. В свою очередь, выплаты за канцелярские расходы для чиновников с разъездным характером работы, а квартирные деньги в 1914–1917 гг. никому не выплачивались (не найдены случаи их выплат). При этом размеры выданных сумм столовых денег в отдаленной местности и Центральной России были едины, в равной степени пропорциональны к жалованью. Во-вторых, в военные годы материальные привилегии по службе были также сохранены. Однако сибирские чиновники в 1914–1917 гг. за пределы Сибири в отпуск и на лечение практически не выезжали, детей предпочитали обучать в местных учебных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)

заведениях. Заметки из газет сообщают об отсутствии каких-либо значимых добавок к содержанию чиновников в условиях военной инфляции и увеличении объемов работы. Добавки предназначались для штатных чиновников и имели компенсационный характер. Для местных чиновников в годы Первой мировой войны представляла интерес отсрочка от армии. Впрочем, в Енисейской и Иркутской губерниях штатные кадры менялись часто и число вольнонаемных служащих в 1914–1917 гг. росло. Они финансировались по остаточным суммам, а в условиях военной мобилизации на данные должности принимались и женщины. Жены призванных в армию вольнонаемных писцов получали жалованье и столовые за мужа в полном объеме.

Ключевые слова: чиновничество, государственные служащие, жалованье, уровень жизни, революционное движение, общественно-политические настроения, Енисейская губерния, Иркутская губерния, Иркутское генерал-губернаторство, Сибирь, Российская империя.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 1024-1032.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.1024
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

To the Issue of the Composition and Tactical-Technical Characteristics of Aircraft Carriers of the Black Sea Fleet during the First World War (1914–1917)

Aleksandr I. Kashirin ^{a, b}, Vadim V. Strenalyuk ^{a, b}, Aleksandr S. Semenov ^{a, c, *}, Pavel A. Kashirin ^{a, d}

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^b State Corporation «Rostec», Russian Federation

^c Venture Consulting Group, Russian Federation

^d Scientific and Industrial Enterprise “Melitta”, Ltd, Russian Federation

Abstract

The article considers the composition of aircraft carriers of the Black sea fleet during the First World War. The attention is paid to their tactical and technical characteristics.

The authors used as materials the documents of the Russian state archive of the Navy (St. Petersburg, Russian Federation). These documents were first introduced into scientific circulation. The reference materials on the research topic were also used in the work.

The research methodology is based on historicism, objectivity and retrospect. The use of these methods allowed us to consider the composition of aircraft carriers of the Black sea fleet in the context of a specific historical situation. The retrospective method allowed us to analyze the process of creating aircraft carriers due to the rearmament and retrofitting of civil cargo-passenger steamers at the very beginning of the First World War, this was made possible by applying the unique technological competencies of scientists and engineers to create an innovative technology, which in turn led to the formation of new competencies.

In conclusion, the authors state that the Black sea fleet by the beginning of 1917 had a large number of aircraft carriers. There were not only large minelayers and hydro-cruisers, but also ordinary cruisers and gunboats. The total number of aircraft that could be simultaneously taken on board aircraft carriers exceeded 100 units and was quite sufficient not only for intelligence activities and adjustments to artillery fire, but also for massive bombardments.

Keywords: Black sea fleet, World War I, aircraft carrier, classification, tactical and technical characteristics, composition, the unique technological competencies.

1. Введение

Первый опыт базирования гидроавиации в России произошел на Черноморском флоте еще в 1913 г., когда под эти цели был специально переоборудован пароход «Днепр». Важно понимать, что специально построенных судов для этой цели не требовалось, так как авианесущие корабли использовались лишь для транспортировки гидропланов к месту выполнения боевой задачи. Именно поэтому переоборудованные в авиатранспорты гражданские пароходы вполне подходили для этой цели (Маланина, 2008: 16). Все переоборудование таких судов заключалось в вооружении судна и выделении соответствующих мест под ангары для хранения самолетов, кают для дополнительного персонала, а также под специальные склады (запчасти, ГСМ, мастерские). Требовались также специальные устройства для спуска гидропланов на воду и подъема их на борт, но такие устройства, как правило, присутствовали на грузопассажирских пароходах. Решение этих задач стало

* Corresponding author

E-mail addresses: semyonov1980@mail.ru (A.S. Semenov)

возможным, благодаря использованию уникальных технологических компетенций¹ ученых и инженеров промышленности и флота (кораблестроение, проектирование судовых машин и механизмов, системотехника, техническая эксплуатация судов, судовождение и др.). Указанные компетенции – результат развития инженерного образования страны и практического опыта специалистов (Chursin et al., 2018).

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были привлечены документы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Данные документы впервые введены в научный оборот. Также в работе были использованы справочные материалы по теме исследования (Корабли..., 2000; Революция и гражданская война, 2008).

Методология исследования базируется на историзме, объективности и ретроспективности. Применение этих методов позволило рассмотреть состав авианесущих судов Черноморского флота в контексте конкретно-исторической обстановки. Ретроспективный метод дал возможность проанализировать процесс создания авианесущих судов за счет перевооружения и переоборудования гражданских грузопассажирских пароходов в самом начале Первой мировой войны.

3. Обсуждение

Тема применения авианесущих кораблей в годы Первой мировой войны сравнительно не новая в российской и зарубежной историографии. Однако в последние годы продолжают вводиться в научный оборот новые документы, которые позволяют уточнить состав авианесущих судов, а также рассмотреть новые варианты планирования применения гидроавиации в годы Первой мировой войны.

Исходя из этого, исследователи обращаются либо к истории авианесущих кораблей русского военного флота, либо к непосредственному применению этих кораблей в годы Первой мировой войны на Черном море.

К первой группе публикаций относится работа В.Л. Герасимова «Авианесущие корабли военного флота» (Герасимов, 2004). Теме мобилизованных гражданских судов для нужд Черноморского флота уделил внимание В.В. Крестьянников (Крестьянников, 2014). Состояние Черноморского флота накануне Первой мировой войны рассматривал Ю.Ю. Непомнящий (Непомнящий, 2016). Непосредственно Черноморскому флоту в годы войны уделил внимание В. Довженко (Довженко, 2021). Делались также попытки изучения событий Первой мировой войны на Черном море на основе материалов журнала «Морской сборник» (Леписевич, 2013). Затрагивалась тема Черноморского флота и в работе Г. Райовича о вступлении в войну на стороне Антанты Румынии (Rajović et al., 2021).

Ко второй группе публикаций относятся труды, посвященные применению авианесущих кораблей и гидропланов для выполнения разных задач. Так, например, О.В. Маланина обращалась к опыту применения авианесущих кораблей на Черноморском флоте в годы войны (Маланина, 2008). В.Б. Каратаев и др. исследовали особенности корректировки артиллерийского огня с аэропланов (Karataev et al., 2017), а также роль русской авиации при штурме в 1916 г. турецкой крепости Эрзерум (Karataev et al., 2016), также они изучали опыт создания аэростатов (Karataev et al., 2018), бипланов (Karataev et al., 2019) и монопланов (Karataev et al., 2019a). В то же время О.В. Натолочная и другие рассматривали планирование штабом Черноморского флота операции по блокаде Босфора и роли гидроавиации в этом деле (Natolochnaya et al., 2021).

4. Результаты

Как известно, Российская империя к началу Первой мировой войны имела самый большой авиационный парк в мире – 263 самолета (Революция и гражданская война, 2008: 455). За первые годы войны авиация прошла многочисленную модернизацию, аэропланы получили вооружение, а зарождающаяся авиастроительная и авиаремонтная промышленность ускоренно вырабатывала новые компетенции. Появились самолеты-разведчики, корректировщики артиллерийского огня, истребители, бомбардировщики. Развитие получили и средства доставки самолетов, так были

¹ Уникальная технологическая (техническая) компетенция команды, коллектива (УТК) совокупность знаний, умений, навыков, способностей команды ученых, специалистов, которая позволяет им создавать инновационные технологии и продукты для различных сфер применения, технические характеристики которых отвечают критериям глобального превосходства (превышают характеристики лучших мировых аналогов) или глобальной конкурентоспособности (сопоставимы с характеристиками лучших мировых аналогов).

УТК стадии разработки продукта – совокупность знаний, навыков и умений команды специалистов, определяющая их способность изобретать новые устройства, продукты и технологии с недостижимыми для конкурентов характеристиками, на основе управления конкретными физическими (химическими, биологическими, социальными и др.) процессами, составляющими принцип действия этих устройств, продуктов и технологий.

созданы авианесущие корабли. Когда историки говорят об авианесущих кораблях Черноморского флота, то обычно упоминают гидрокрейсера «Алмаз», «Кагул» и «Память Меркурия». На самом же деле авианесущих судов в Черноморском флоте было достаточно много. Так к лету 1916 г. Черноморский флот располагал несколькими десятками судов, которые, помимо прочего вооружения, имели гидросамолеты (Таблица 1).

Таблица 1. Авианесущие корабли Черноморского флота по состоянию на лето 1916 г. (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 28об.)

№ пп	Корабли	Количество кораблей данного класса	Количество аэропланов на борту каждого корабля	Всего аэропланов
1	Большой заградитель класса «Ксения»	5	6	30
2	Тральщик типа «Эльпидифор»	20	2	40
3	Крейсера	3	2	6
4	Гидрокрейсера	2	5	10
5	Крейсер «Алмаз»	1	4	4
6	Тральщик 1-го отделения	8	2	16
Всего		39		106

Рассмотрим основные корабли по классам.

Большой заградитель класса «Ксения» (имеется в виду судно «Великая княгиня Ксения»). Большими заградителями являлись суда, мобилизованные на время войны у частных компаний¹. Таким, например, был пароход «Великая княгиня Ксения», мобилизованный у «Российского общества пароходства и торговли», а также «Великий князь Алексей», «Великий князь Константин», «Святой Николай» и «Цесаревич Георгий» (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 27 об.). Эти корабли вооружались орудиями от 37 до 152 мм, а также пулеметами, помимо этого, несли запас мин.

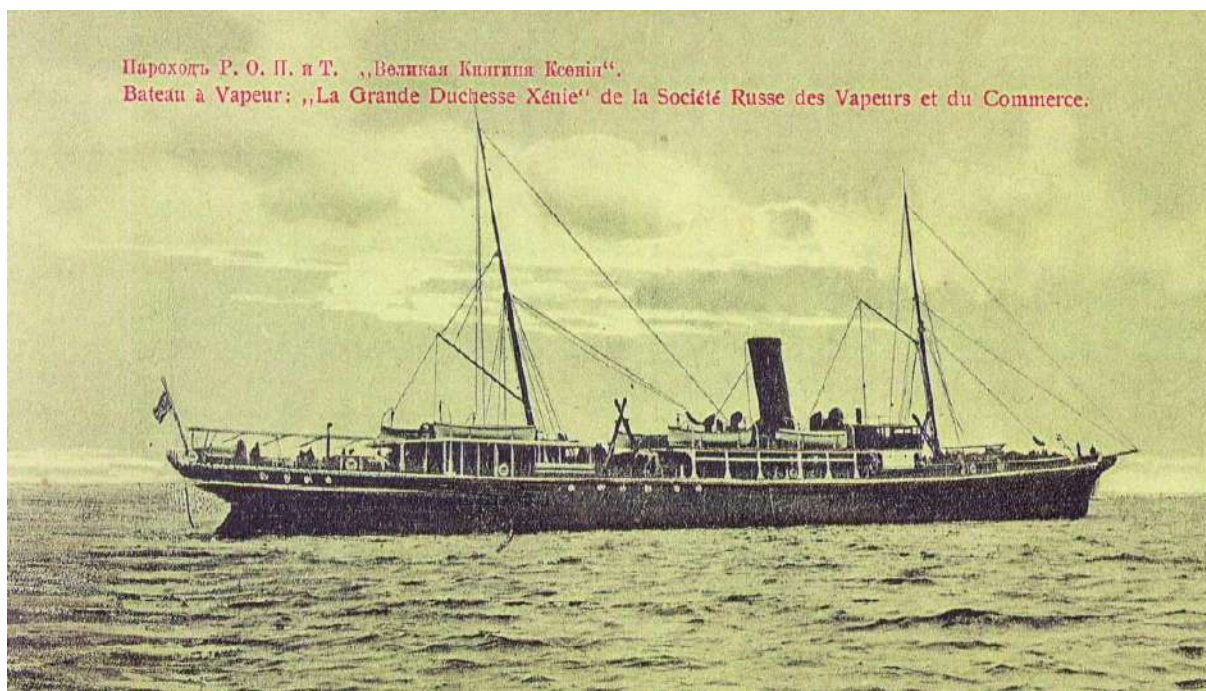

Рис. 1. Пароход РОПиТ «Великая княгиня Ксения» накануне Первой мировой войны

¹ Всего у РОПиТ в начале Первой мировой войны было мобилизовано около 50 пароходов. Изначально это общество было создано как резерв Черноморского флота.

Таблица 2. Тактико-технические характеристики больших заградителей Черноморского флота

Название	Водоизмещение, т	Размерения, м	Мощность	Скорость	Вооружение
«Великая княгиня Ксения»	2700	92,7 x 11,3	2360	12	160 мин, 1 – 152 мм орудие, 3 – 75 мм, 2 – 37 мм
«Великий князь Алексей»	2440	94,8 x 11,3	2400	12	200 мин, 3 – 75 мм, 2 – 37 мм
«Великий князь Константин»	2500	90,7 x 11,3	2200	12	200 мин, 1 – 152 мм орудие, 3 – 75 мм, 2 – 37 мм
«Святой Николай»	2783	88,4 x 8,2	2400	12	280 мин, 1 – 152 мм орудие, 3 – 75 мм
«Цесаревич Георгий»	2200	87,8 x 11,3	2400	12	280 мин, 1 – 152 мм орудие, 3 – 75 мм

Все эти большие заградители были однотрубными парходами и имели примерно одинаковое вооружение (только на «Великом князе Алексее» отсутствовало 152 мм орудие). Водоизмещение заградителей было в пределах 2200–2783 т, мощность от 2200 до 2400, а скорость – 12 узлов.

Тральщик типа «Эльпидифор»

В 1916 году в Николаеве началось производство тральщиков по типу азовской шхуны «Эльпидифор» (Рисунки 2) (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 28 об.). Всего было заложено 20 таких кораблей, часть из которых принимала участие в боевых действиях уже летом 1916 г. На вооружении тральщика находилось 3 – 102 мм орудия, 2 орудия противовоздушной обороны по 75 мм и 2 пулемета.

Таблица 3. Тактико-технические характеристики тральщика «Эльпидифор»

Название	Водоизмещение, т	Размерения, м	Мощность	Скорость	Вооружение
«Эльпидифор»	1050	74,7 x 10,3	750	10	3 – 102 мм орудия, 2 – 75 мм, 2 пулемета

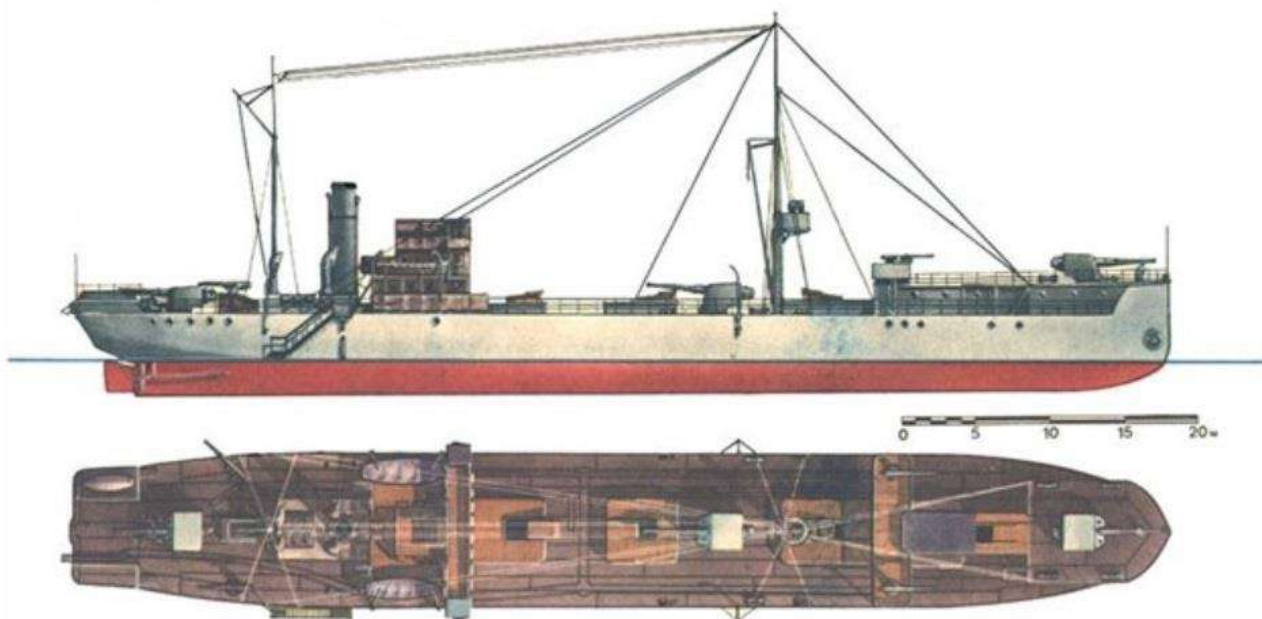

Рис. 2. Тральщик типа «Эльпидифор»

Крейсера

В начале Первой мировой войны была поставлена задача оснастить гидросамолетами несколько крейсеров. Наиболее подходящими по наличию свободного места в трюме были крейсера «Кагул», «Память Меркурия» и «Алмаз», их и переоборудовали под новый вид деятельности. Нужно сразу пояснить, что «Кагул» и «Память Меркурия» были судами одного типа и строились по одним и тем же чертежам, именно поэтому их тактико-технические характеристики совпадали.

Таблица 4. Тактико-технические характеристики крейсеров

Название	Водоизмещение, т	Размерения, м	Мощность	Скорость	Вооружение
«Кагул»	7070	134,1 x 16,6	19500	10	16 – 152 мм орудие, 2 – 75 мм, 8 – 47 мм, 3 – 37 мм
«Память Меркурия»	7070	134,1 x 16,6	19500	10	16 – 152 мм орудие, 2 – 75 мм, 8 – 47 мм, 3 – 37 мм
«Алмаз»	3285	111,4 x 13,3	7950	19	7 – 120 мм орудий и 3 – 75 мм

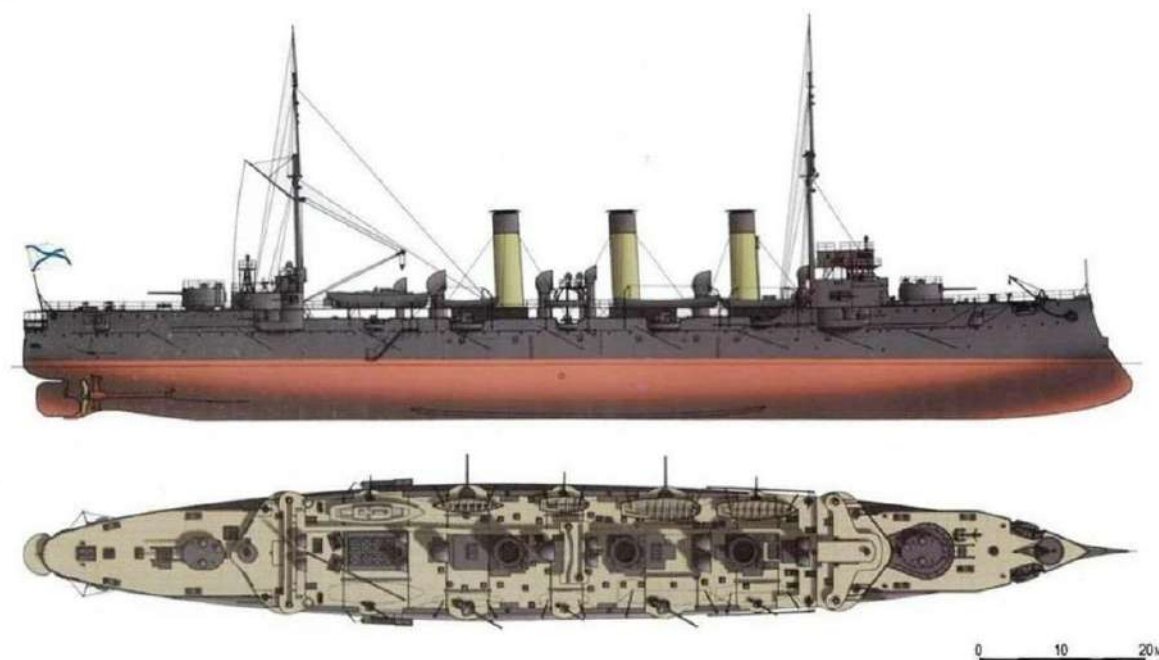

Рис. 3. Крейсер «Кагул»

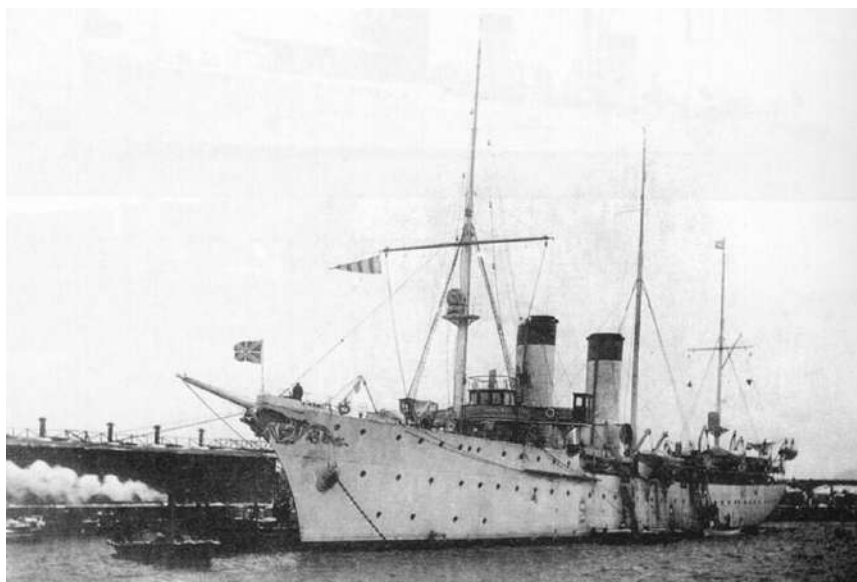

Рис. 4. Крейсер «Алмаз»

Гидрокрейсера

Делались попытки создания и гидрокрейсеров, под эти нужды более всего подходили два новейших парохода РОПиТ «Император Николай I» и «Император Александр I». «Император Николай I» был построен в Англии и введен в эксплуатацию в декабре 1913 г. «Император Александр I» был построен в России и введен в эксплуатацию в начале 1914 г.

Таблица 5. Тактико-технические характеристики гидрокрейсеров

Название	Водоизмещение, т	Размерения, м	Мощность	Скорость	Вооружение
«Император Николай I»	5641	116,2 x 15,8	788	15	6 – 120 мм орудия, 2 – 75 мм, 2 пулемета
«Император Александр I»	5153	116,2 x 15,8	788	10	6 – 120 мм орудия, 2 – 47 мм

Рис. 5. Гидрокрейсер «Император Александр I». 1916 г.
На кормовой части корабля гидросамолеты М-9

31 декабря 1916 г. приказом № 227 командующего Черноморским флотом была создана воздушная дивизия флота. Эта дивизия, помимо двух воздушных бригад, имела дивизион корабельной авиации. Дивизион состоял из 4 отрядов по 8 гидропланов каждый и базировался на 4 авиатранспортах («Император Николай I», «Император Александр I», «Алмаз» и недавно вступивший в состав флота авиатранспорт «Румыния»).

В качестве основного гидросамолета использовалась летающая лодка Григоровича М-9. Этот гидросамолет использовался не только в качестве самолета-разведчика, но и для бомбометания, имел хорошие морские и полетные характеристики, без затруднений преодолевал волну высотой 0,5 метра. Гидроплан имел двигатель мощностью 150 л.с. Общий вес самолета был 1060 кг, а вместе с боевой нагрузкой 1610 кг. Максимальная скорость полета составляла 110 км/час, во время посадки –

85 км/час. Практический потолок 3000 метров. Гидроплан вооружался пулеметом «Виккерс», а иногда и пушечным вооружением «Гочкис» и «Эрликон». Помимо этого, на М-9 также устанавливали радиостанцию типа «Руза».

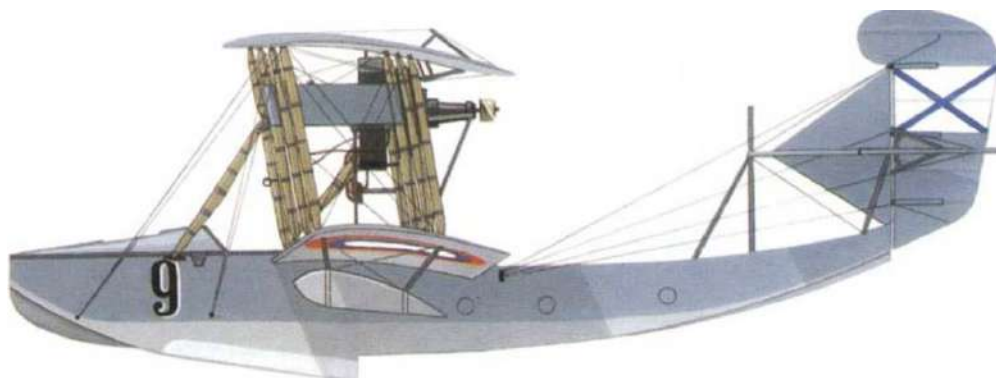

Рис. 6. Гидросамолет Григоровича М-9

5. Заключение

Подводя итоги, мы можем констатировать, что Черноморский флот к началу 1917 г. располагал большим количеством авианесущих судов. Здесь были не только большие заградители и гидрокрейсера, но и обычные крейсера и канонерские лодки. Общее количество самолетов, которое можно было одновременно взять на борт авианесущих кораблей, превышало 100 единиц и было вполне достаточным не только для разведывательных мероприятий и корректировки артиллерийского огня, но и для массированных бомбардировок.

При модернизации Черноморского флота, в ходе которой создавалась его авианесущая компонента был использован ряд уникальных технологических компетенций и сформирован ряд новых компетенций. Новой задачей стратегии построения Российского флота стало оснащение судов – крейсеров, гидрокрейсеров, тральщиков – гидросамолетами различных типов.

Во-первых, это собственно оснащение крейсеров гидросамолетами («Кагул», «Память Меркурия» и «Алмаз»),

Во-вторых, это создание авианесущих гидрокрейсеров («Император Николай I» и «Император Александр I») на базе существующих судов.

В-третьих, это ускоренное производство тральщиков, налаженное на Николаевском заводе, способных нести авиацию на борту.

Результаты исследования показали, что авианесущих кораблей на Черноморском флоте было значительно больше, чем описано в большинстве научных публикаций и придание действующим кораблям авианесущей функции стало на Черноморском флоте достаточно распространенным явлением, что позволяет говорить об успешном внедрении и развитии боевых и обеспечивающих возможностей кораблей флота на основе создания и применения новых технологических компетенций.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Литература

Герасимов, 2004 – Герасимов В.Л. Авианесущие корабли русского военного флота // *Военно-исторический журнал*. 2004. № 2. С. 25-33.

Довженко, 2021 – Довженко В. Черноморский флот России в Первой мировой войне // *Морской сборник*. 2021. № 3(2088). С. 79-87.

Корабли..., 2000 – Корабли Российского Императорского флота 1892–1917: Энциклопедия / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 2000.

Крестьянников, 2014 – Крестьянников В.В. Суда, мобилизованные на Черноморский флот в годы Первой мировой войны // *Причерноморье. История, политика, культура*. 2014. № 14. С. 6-72.

Леписевич, 2013 – Леписевич Н.З. События Первой мировой войны на Черном море в изложении журнала «Морской сборник» // *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. 2013. Т. 26 (65). № 2. С. 67-78.

Маланина, 2008 – Маланина О.В. Авианесущие корабли Черноморского флота в годы Первой мировой войны: опыт применения // *Былые годы*. 2008. № 2 (8). С. 16-19.

Непомнящий, 2016 – Непомнящий Ю.Ю. Российский императорский военно-морской флот России к началу Первой мировой войны // *Проблемы развития корабельного вооружения и судового радиоэлектронного оборудования*. 2016. № 3(8). С. 84-93.

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.

Революция и гражданская война, 2008 – Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия в 4 т. Т. 3. М., 2008. С. 455.

Chursin et al., 2018 – Chursin A.A., Kashirin A.I., Semenov A.S. Strenalyuk V.V. Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 549–557.

Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N. To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1368-1377.

Karataev et al., 2017 – Karataev V.B., Chursin A.A., Semenov A.S. The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 301-308.

Karataev et al., 2018 – Karataev V.B., Grosheva P.Yu., Shkvarya L.V. From the History of the Development of Controlled Aerostats (Airships) in the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3: 1159-1165.

Karataev et al., 2019 – Karataev V.B., Adinyaev S.I., Artemova S.F., Volkov A.N. From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 406-412.

Karataev et al., 2019a – Karataev V.B., Adinyaev S.I., Artemova S.F., Volkov A.N. From the History of the Dawn of Aviation: Monoplanes of the early XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 830-837.

Natolochnaya et al., 2021 – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 404-412.

Rajović et al., 2021 – Rajović G., Denisov I.S., Stepanova D.I., Gordeev I.A. Romania during the First World War (on the Example of 1916 year) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 413-419.

References

Chursin et al., 2018 – Chursin A.A., Kashirin A.I., Semenov A.S. Strenalyuk V.V. (2018). Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 48(2): 549–557.

Dovzhenko, 2021 – Dovzhenko, V. (2021). Chernomorskii flot Rossii v Pervoi mirovoi voine [The Black Sea Fleet of Russia in the First World War]. *Morskoj sbornik*. 3(2088): 79-87. [in Russian]

Gerasimov, 2004 – Gerasimov, V.L. (2004). Avianesushchie korabli russkogo voennogo flota [Aircraft-carrying ships of the Russian military fleet]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2: 25-33. [in Russian]

Karataev et al., 2016 – Karataev, V.B., Zulfugarzade, T.E., Cherkasova, N.N. (2016). To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance. *Bylye Gody*. 42(4): 1368-1377.

Karataev et al., 2017 – Karataev, V.B., Chursin, A.A., Semenov, A.S. (2017). The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction. *Bylye Gody*. 43(1): 301-308.

Karataev et al., 2018 – Karataev, V.B., Grosheva, P.Yu., Shkvarya, L.V. (2018). From the History of the Development of Controlled Aerostats (Airships) in the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 49(3): 1159-1165.

Karataev et al., 2019 – Karataev, V.B., Adinyaev, S.I., Artemova, S.F., Volkov, A.N. (2019). From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century. *Bylye Gody*. 51(1): 406-412.

Karataev et al., 2019a – Karataev, V.B., Adinyaev, S.I., Artemova, S.F., Volkov, A.N. (2019). From the History of the Dawn of Aviation: Monoplanes of the early XX century. *Bylye Gody*. 52(2): 830-837.

Korabli..., 2000 – Korabli Rossiiskogo Imperatorskogo flota 1892–1917: Entsiklopediya [Ships of the Russian Imperial Navy 1892-1917: Encyclopedia]. Pod obshch. red. A.E. Tarasa. Minsk, 2000. [in Russian]

Krest'yannikov, 2014 – Krest'yannikov, V.V. (2014). Suda, mobilizovannye na Chernomorskii flot v gody Pervoi mirovoi voiny [Vessels mobilized to the Black Sea Fleet during the First World War]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*. 14: 6-72. [in Russian]

Lepisevich, 2013 – Lepisevich, N.Z. (2013). Sobytiya Pervoi mirovoi voiny na Chernom more v izlozhenii zhurnala «Morskoj sbornik» [The events of the First World War on the Black Sea as presented by the magazine “Morskoj sbornik”]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*. T. 26(65). 2: 67-78. [in Russian]

Malanina, 2008 – Malanina, O.V. (2008). Avianesushchie korabli Chernomorskogo flota v gody Pervoi mirovoi voiny: opyt primeneniya [Aircraft-carrying ships of the Black Sea Fleet during the First World War: application experience]. *Bylye gody*. 2(8): 16-19. [in Russian]

Natolochnaya et al., 2021 – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 404-412.

Nepomnyashchii, 2016 – Nepomnyashchii, Yu.Yu. (2016). Rossiiskii imperatorskii voenno-morskoj flot Rossii k nachalu Pervoi mirovoi voiny [Russian Imperial Navy of Russia by the beginning of the First

World War]. *Problemy razvitiya korabel'nogo vooruzheniya i sudovogo radioelektronnogo oborudovaniya*. 3(8): 84-93. [in Russian]

Rajović et al., 2021 – Rajović, G., Denisov, I.S., Stepanova, D.I., Gordeev, I.A. (2021). Romania during the First World War (on the Example of 1916 year). *Bylye Gody*. 16(1): 413-419.

Revolyutsiya i grazhdanskaya voina, 2008 – Revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Rossii: 1917–1923 gg. Entsiklopediya v 4 t. [Revolution and Civil War in Russia: 1917–1923. Encyclopedia in 4 volumes]. Т. 3. М., 2008. P. 455. [in Russian]

RGA VMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian state archive of the Navy].

К вопросу о составе и тактико-технических характеристиках авианесущих кораблей Черноморского флота в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Александр Иванович Каширин ^{a, b}, Вадим Вениаминович Стреналюк ^{a, b},
Александр Сергеевич Семенов ^{a, c, *}, Павел Александрович Каширин ^{a, d}

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^b ГК «Ростех», Российская Федерация

^c Venture Consulting Group, Российская Федерация

^d ООО НПП Мелитта, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается состав авианесущих кораблей Черноморского флота в годы Первой мировой войны. Уделено внимание их тактико-техническим характеристикам.

В качестве материалов авторами были привлечены документы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Данные документы впервые введены в научный оборот. Также в работе использовались справочные материалы по теме исследования.

Методология исследования базируется на историзме, объективности и ретроспективности. Применение этих методов позволило рассмотреть состав авианесущих судов Черноморского флота в контексте конкретно-исторической обстановки. Ретроспективный метод позволил проанализировать процесс создания авианесущих судов за счет перевооружения и переоборудования гражданских грузопассажирских пароходов в самом начале Первой мировой войны, что стало возможным благодаря применению уникальных технологических компетенций ученых и инженеров для создания инновационной техники, что в свою очередь привело к формированию новых компетенций.

В заключении авторы отмечают, что Черноморский флот к началу 1917 г. располагал большим количеством авианесущих судов. Здесь были не только большие заградители и гидрокрейсера, но и обычные крейсера и канонерские лодки. Общее количество самолетов, которое можно было одновременно взять на борт авианесущих кораблей, превышало 100 единиц и было вполне достаточным не только для разведывательных мероприятий и корректировки артиллерийского огня, но и для массированных бомбардировок.

Ключевые слова: Черноморский флот, Первая мировая война, авианесущий корабль, классификация, тактико-технические характеристики, состав, уникальные технологические компетенции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: semyonov1980@mail.ru (А.С. Семенов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 1033-1041.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.1033
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Pastoral Ministry of the Penza Clergy during the First World War

Olga V. Kolpakova ^{a, *}

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the review of the activities of the pastor of the Penza diocese during the First World War. In addition to performing his direct pastoral duties related to the satisfaction of religious and moral needs, making efforts to educate citizens in the spirit of devotion to the church and the fatherland, the pastor carried out a lot of duties of a national and public nature. The range of duties of the pastor during the First World War expanded, new requirements were imposed on his activities. He was not only a performer of the sacraments, divine services and the leader of his flock, but also a "clerk" and accountant (for the church economy), an employee of credit and savings and loan institutions.

Parishes of the Penza diocese, led by pastors, had to take a broad part in the collection of donations. In the parishes, with the beginning of the war, the collection of allowances for the benefit of families called up for the war was started. The pastors provided assistance to the sick and wounded military personnel, and provided guidance on their preparation for reception and care.

Keywords: World War I, Russian Orthodox Church, Penza diocese, Orthodox clergy, pastoral care, sermon.

1. Введение

Проблематика взаимоотношений Православной церкви и общества, в том числе и в условиях военного времени, вызывает значительный интерес у современных исследователей. Начало Первой мировой войны вызвало патриотический подъем среди различных категорий населения, в том числе и православного духовенства. Отечественная церковь оказывала не только посильную материальную помощь, но и нравственное содействие государству, укрепляя в народе веру и «правоту защищаемого русским оружием святого дела» (*Деятельность...*, 1916: 13). Данная задача в первую очередь была возложена на пастырей. Испытания военных лет приводили к расширению круга обязанностей пастыря, а также предъявлению новых требований к его деятельности. Необходимо было оглашать все воззвания и распоряжения правительства с церковной кафедры и на народных собраниях, устраивать беседы, чтения о войне, распространять получаемые известия повсюду, организовывать кружки для чтения газет и способствовать выписке газет через кооперативы, общества трезвости, церковно-приходские попечительства и т.д.

2. Материалы и методы

Ценным источником при изучении пастырской деятельности православного духовенства Пензенской епархии являются «Пензенские епархиальные ведомости» (ПЕВ). Официальная часть Ведомостей дает представление об указах и распоряжениях Св. Синода, а также о распоряжениях, издававшихся в пределах Пензенской епархии.

В годы Первой мировой войны в ведомостях помещалось множество статей, ярко обрисовывавших деятельность духовенства, монастырей, духовно-учебных заведений, церковно-приходских школ и других епархиальных учреждений; в печати наглядно отразилась жизнь местной

* Corresponding author

E-mail addresses: al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova)

церкви и епархиального духовенства в рассматриваемой период. Неофициальная часть дает представление о деятельности пастырей в годы Первой мировой войны, мнении о происходящих событиях, а также особенностях проповеднической риторики в РПЦ в военные годы. Также источниковой базой исследования являются документы Российского государственного исторического архива (РГИА).

Изучение деятельности пензенского духовенства в годы Первой мировой войны основывалось на методе комплексного анализа источников и литературы. Проблемно-хронологический метод научного исследования применялся при рассмотрении различных аспектов пастырского служения пензенского духовенства в условиях военного времени (проповедничество, благотворительная и миссионерская деятельность). Историко-генетический метод позволил рассмотреть деятельность духовенства в военное время как процесс, изменяющийся под воздействием внешних и внутренних факторов.

3. Обсуждение

Вопрос деятельности православного духовенства в годы Первой мировой войны освещен в ряде научных исследований. Существенное воздействие православного духовенства на настроения пасомых в годы войны отмечал Г. Фриз, указывая на то, что столичные митрополиты и приходские священники читали бесчисленные проповеди о «правоте» войны (Фриз, 2015).

Различные аспекты деятельности духовенства в годы Первой мировой войны отмечены Т.Г. Леонтьевой, которая акцентировала внимание на том, что «проповедникам слова Божьего предстояло не просто наставлять «христолюбивое воинство» на подвиги, но и способствовать формированию особой надконфессиональной идентичности и единой воли к победе» (Леонтьева, 2014). К вопросу о народной религиозности и образам духовенства в военные годы обращался В. Аксенов (Аксенов, 2019). Е.В. Алексеева и Е.Ю. Казакова (Алексеева, Казакова, 2014), рассмотревшие деятельность РПЦ и духовенства на примере уральских городов, отмечали их значительную роль в чрезвычайных условиях военного времени.

Объектом исследования А.С. Ковалева, Н.Р. Новосельцева, О.И. Савина стала роль РПЦ в профессионально-трудовой реабилитации в годы Первой мировой войны на примере Томской губернии (Kovalev et al., 2018). Деятельность православного духовенства в годы Первой мировой войны рассматривалась также на примере епархий – Самарской (Якунин, 2019), Оренбургской (Овсейко, 2012), Вятской (Молчагин, 2020), Тамбовской (Хабарова, 2012), Тобольской (Белоус, 2018) и др. Вопросу развития взглядов православного клира в Российской империи в пореформенную эпоху (по материалам орловской епархиальной периодики) посвящена статья Е.А. Борисова (Борисов, 2018). Автор отмечает, что пастыри РПЦ в военное время играли важную роль в поднятии морального духа, а также оказывали материальную помощь, несмотря на «явное оскудение как моральных сил государства и народа, так и материальных ресурсов империи».

Деятельность пензенского духовенства в годы Первой мировой войны раскрывается в работе В.В. Кондрашина (Кондрашин, 2014), а также в коллективной монографии «Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны» (Белоусов, 2015).

4. Результаты

Прямая обязанность пастыря – проповедовать слово Божие. И проповедование это не должно было ограничиваться ни временем, ни местом. Пастырь должен не только поучать, но и заботиться о том, чтобы проповедь его имела успех. В начале XX в. проповеди имели больше воспитательное, чем поучительное значение. Это объясняется тем, что в начальных, земских, церковно-приходских учебных училищах давали сведения о главных истинах христианского учения (Ведомости, 1908: 5-6).

Пастырь должен стоять на страже всех интересов своей паствы – и духовных, и мирских: «Его сердцу должны быть близки всякое горе и всякая радость его духовных чад: болезни, неурожай, падение скота, семейные распри при разделах...».

Пастырский долг заключался в следующем:

- надзирать, чтобы догматы православной церкви соблюдались ее служителями и православными христианами;
- попечение о том, чтобы миряне выполняли все обязанности православной веры;
- надзирать, чтобы православные не совращались в другую веру;
- соблюдать все государственные постановления, касающиеся сохранения православной веры (Охранение, 1858: 2-3).

В статье, опубликованной в «Пензенских епархиальных ведомостях» в 1914 г., отмечалось, что в данное время зарождается новый тип пастыря: вместо духовных пастырей-молитвенников появляются пастыри-общественные деятели (Пастырь, 1914: 601). На территории Пензенской епархии необходимо было прочитать Манифест о войне во всех церквях и затем совершить молебствие. На пастыря возлагались обязанности по успокоению населения в период мобилизации, при отправлении воинских чинов на место службы необходимо было совершать торжественные молебствия. Меры пастырского воздействия были направлены на предотвращение событий, которые могли бы препятствовать успешному ходу мобилизации.

В просветительном отношении пастырь должен был обращать внимание: а) на церковную проповедь, стараясь, чтобы она была постоянной, живой, понятной и отвечающей запросам текущей жизни; б) на законоучительство в школах, сосредоточивая его по возможности в своих руках и только в крайних случаях поручая не светским лицам, а дьяконам; в) на внебогослужебные собеседования, так как они являлись одним из средств влияния на религиозно-нравственную жизнь прихода.

Важным направлением в деятельности пастыря являлась охрана православной веры. Согласно указу Св. Синода от 21 мая 1914 г. «По вопросу о мерах к охранению воинских чинов от инославной и иноверной пропаганды» необходимо было:

- обязать епархиальных миссионеров при посещении ими приходских церквей для миссионерских бесед с народом устраивать подобные беседы и в военных храмах;

- пригласить священнослужителей епархиального ведомства, которым поручено наблюдение за религиозно-нравственным состоянием воинских частей, не имеющих своих пастырей, наряду с совершением в данных частях треб, принимать и другие меры пастырского наблюдения за охраной воинских чинов от иноверной пропаганды;

- поставить в известность епархиальные миссионерские советы, епархиальные и другие братства и общества, занимающиеся распространением миссионерской литературы в епархиях, о существующей при воинских церквях продаже книг и брошюр религиозно-нравственного содержания (Указ, 1914: 506-507).

Пастырь выполнял различные обязательства в ряде благотворительных учреждений, связанных с войной (не только приходских, но и волостных, и даже уездных). В статье «Православное пастырство и современность» в 1915 г. отмечалось, что в военные годы пастырь должен быть внимателен к нуждам воинов: теплая одежда, чай и сахар должны были доставляться из приходов время от времени даже на передовые позиции. Пастырю необходимо было установить постоянную связь со своими пасомыми воинами: «Пусть они пишут ему, как дети отцу, о своих нуждах, и он, как попечитель оставленных ими семей, сообщает воинам время от времени об их домашних» (Пастырство, 1915: 248).

Священник Н. Быстров указывал на то, что «великие обязанности возлагает переживаемое время на каждого интеллигентного работника. Тем более ответственны и серьезны до чрезвычайности обязанности современного пастыря сельского. Он теперь должен быть центром духовной жизни прихода, должен быть «всеми для всех».

Параллельно духовенство участвовало в различных съездах – окружных, уездных, епархиальных и не только по непосредственным текущим делам исполнительного характера, но и подготовительным (например, по реформе прихода) (Ведомости..., 1917: 47-48). Порой приход располагался отдаленно (на 10 верст и более), что создавало определенные трудности в исполнении пастырских обязанностей (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 130б.).

Обстоятельства длительной борьбы с врагом выдвигали перед пастырями новую задачу – «укрепление в населении России начал воздержания и самоограничения в мясной пище». Данная задача была связана с тем, что для довольствия полным рационом многомиллионной армии мясными продуктами требовалось очень много голов скота.

Пастырю необходимо было доводить до сведения паствы, что если употребление мяса будет и впредь вестись не только в армии, но и в народном тылу без бережливости и самоограничения в мясном довольствии, то убой скота неминуемо нанесет ущерб рациональному ведению скотоводства и связанного с ним хозяйства (Задача..., 1916: 189-190).

Св. Синод определил, чтобы епархиальные преосвященные следили за тем, чтобы духовенство обращалось к прихожанам по вопросу соблюдения постов и постных дней, а также необходимости усиления поста в военное время. При этом священники объясняли, что воздержание от употребления мясной пищи имеет не только религиозно-нравственное, но и государственное значение.

Проповедь в данный период являлась сильным орудием в деле пробуждения религиозных интересов в обществе. Г. Фриз отмечал, что типичная проповедь священника в 1914–1917 гг. была связана с объяснением прихожанам необходимости защищать родину, отмечались военные преступления, совершенные врагом (Фриз, 2015: 102).

В местных епархиальных ведомостях часто печатались проповеди, статьи, заметки, содержащие данные сведения. Например, в 1916 г. И. Померанцев отмечал, что ни тяжесть борьбы, ни видимые успехи врагов не сломили твердого решения России и ее великих союзниц держав вести войну с неуклонной энергией до победного конца. До народа доносились сведения, что, чем больше приносится человеческих жертв на алтарь войны, тем глубже сознание необходимости победы проникает в народные массы. Нельзя бросить на полдороге дело низвержения врагов-тиранов. Иначе неисчислимые жертвы окажутся бесплодными, и через несколько лет Германия, оправившись от своих ран, снова выступит с большими силами и средствами для завоевания Европы с целью порабощения и превращения ее культурных народов в своих послушных рабов (Померанцев, 1916: 286-291).

Проповедническая риторика в РПЦ в годы Первой мировой войны имела свои особенности: например, употреблялось понятие «Вторая Отечественная война», напоминавшая верующим о войне 1812 года (Фриз, 2015: 102). В «Пензенских епархиальных ведомостях» печатались статьи под

названиями «Вторая Отечественная война, по рассказам героев» (*Вторая Отечественная война...*, 1915: 165), «Война, Россия и славянство» (*Ведомости...*, 1914: 837-841), «Исторический смысл настоящей войны» (*Цветаев*, 1914: 879-887) и т.д.

С началом военных действий в городах епархии стали открываться лазареты для больных и раненых воинов. К концу 1914 г. их было открыто более 30. Приходское духовенство и причты домовых церквей приняли на себя обязанность безвозмездно совершать богослужения и требы в лазаретах.

В лазарете, находящемся в городском архиерейском доме, богослужения и требы совершались духовенством Крестовой церкви при архиерейском доме, а в лазарете, помещавшемся в губернаторском доме, они отправлялись причтом Кафедрального собора (*РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 25-250б.*).

В 1914 г. Св. Синодом епархиальным миссионерам было предписано при посещении ими мест, где расположены воинские части, устраивать собеседования и чтения среди нижних чинов с целью борьбы с распространявшейся в войсках сектантской и иноверной пропаганды (*Миссия...*, 1914: 874-875).

В годы Первой мировой войны на территории Пензенской епархии продолжалась активная борьба с различными пороками. Согласно отчету обер-прокурора Св. Синода за 1914 г., особое внимание пастыри-проповедники обращали на борьбу с пьянством, с церковной кафедры разъяснялись блага трезвости и в населении поддерживалась решимость освободиться от данного порока (*Отчет...*, 1914: 146). Священник И. Добронравов отмечал, что развивающееся хулиганство в среде простого народа и связанное с ним отчуждение его от храма налагают на пастырей новую задачу религиозно-нравственного воспитания деревенской молодежи и привлечения к храму (*Добронравов*, 1914: 135).

Пастырю необходимо было внушать своим прихожанам, что успех борьбы с врагом будет во многом зависеть от того, как мы будем вести себя дома, с каким участием и воодушевлением будем следить за борьбой с врагами. Особое внимание было обращено на семьи паствы, где мужчины призваны на военную службу. На служителей церкви в военное время была возложена новая обязанность – выступать с проповедью против роскоши, мотовства и разгула. Особенно данная задача была возложена на сельское духовенство. Война и запрещение виноторговли произвели переворот в жизни народа, произошла переоценка ценностей, привычек, перераспределение труда и свободного досуга. Духовному наставнику в такое время необходимо было стать руководителем и оказывать поддержку. Деятельность его не ограничивалась только проповедью, принимались также такие меры, как домашние беседы, организация кружков и изб-читален.

Важной сферой пастырской деятельности стало участие в деле государственной важности – учреждении в приходах «приходских сберегательных касс». Св. Синод одобрил предложение Министерства финансов, что новый род деятельности духовенства не будет находиться в противоречии с его прямыми пастырскими обязанностями и не помешает пастырскому делу. Деятельность духовенства по заведению кассами заключалась в том, что приходские сберегательные кассы должны были производить без предварительного взаимодействия с центральной кассой следующие операции: а) прием наличных денег и заполненных марками карточек в суммах не свыше 1000 руб.; б) выдачи части вкладов в сумме до 25 руб. по одной сберегательной книжке, если не имеется особого разрешения на производство выдач в больших размерах; в) продажу почтовых марок для сберегательных целей. По производству прочих операций (перевод вкладов, покупка процентных бумаг) приходские сберегательные кассы служили лишь посредниками между вкладчиками и центральной кассой. Приходские кассы также привлекались к производству простейших операций по страхованию жизни. Помимо указанных выше операций, приходские кассы принимали вклады до востребования. Эти обязанности и занятия, возлагаемые на православное духовенство новым родом его деятельности, точно были сформулированы в составленных Министерством финансов инструкциях: «Порядок (главнейшие основания) производства операций Государственными сберегательными кассами в православных приходах» и «Проект правил производства страховых операций приходскими Государственными сберегательными кассами» (*На современные темы*, 1916: 592-593).

Правительство и разные учреждения оказывали семьям помощь, выдавая пособия. Определенную помощь оказывали городские и земские самоуправления. Но и приходы Пензенской епархии, руководимые пастырями, должны были принимать в этом деле широкое участие. В приходах с началом войны были начаты сборы пособий в пользу семейств, призванных на войну, осуществляли деятельность по руководству относительно приготовления к приему и уходу за больными и ранеными воинами (*К пастырям*, 1914: 686-689). Определение Св. Синода от 28–29 октября 1915 г. № 8751 постановило произвести во всех церквях империи за литургией 2 февраля 1916 г. и накануне за богослужением сбор пожертвований в пользу великой княгини Елизаветы Федоровны для оказания помощи семьям лиц, призванных на войну, а также и семьям убитых и увечных воинов (*Распоряжения...*, 1916: 7). В некоторых приходах Пензенской епархии открывались церковно-приходские попечительства об устройстве быта беженцев. Так, в заштатном городе Верхнем Ломове при соборной церкви было открыто попечительство, которое собрало в

пользу беженцев около 200 пудов ржи и других продуктов, а также вещи и 100 руб. На средства попечительства призывались 9 беженцев (Кондрашин, 2014: 346). В 1917 г. вследствие определения Св. Синода от 12 сентября необходимо было производить во всех церквях и монастырях за «всенощную 10–20 ноября и за литургией 21 ноября» сбор пожертвований в пользу Общества Белого Креста, имеющего целью воспитание сирот убитых на поле брани воинов. Собранные пожертвования отправлялись благочинными и монастырскими начальствами непосредственно в Комитет Общества, находящегося в Петрограде (Распоряжения., 1917: 179).

Духовенство отмечало, что военное время создавало благоприятные предпосылки для духовного обновления и оживления пастырской и приходской деятельности. Священник И. Померанцев считал, что для оживления приходской жизни нужен религиозный подъем духа народа, живая и объединенная деятельность пастыря и прихожан (Померанцев, 1917: 5).

Лучшим средством к объединению пастырей для достижения большего успеха в служении являлись пастырские собрания. Из отчета за 1914 г. видно, что на собраниях пастырей обсуждались самые разнообразные вопросы: о борьбе с пьянством и хулиганством, организации религиозно-нравственных чтений и беседований, открытии кружков ревнителей веры и благочестия, введении соборного служения в дни храмовых праздников и т.д.

Во второй половине 1914 г. на пастырских собраниях решались вопросы, связанные с открытием военных действий, а именно: об организации церковно-приходских попечительных советов, о назидаии больных и раненых воинов, о мерах борьбы с распространением различных слухов и поддержании во время войны патриотического настроения (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 20).

Обсуждению современного действительного положения приходов были посвящены пастырские собрания 1916 г. в гг. Петрограде, Москве, Твери, Киеве, Саратове, Тамбове, Н. Новгороде, Перми и Пензе. На собраниях архипастыри и пастыри высказывали основные положения вопроса о приходской реформе, чтобы на местах окончательно выработать план всех приемов к скорейшему оживлению церковно-приходской жизни и деятельности. Они преимущественно обращали внимание на совершение церковных служб с выразительным чтением, правильным пением и непрестанной проповедью.

Также обсуждались здесь вопросы о возвышении патриотического национального чувства, о духовном развитии прихожан путем библиотек-читален. В 1916 г. при одной из церквей г. Саранска была открыта библиотека-читальня, ее открытию предшествовал ряд поучений с церковной кафедры о цели и значении приходских библиотек. Не ограничиваясь беседами в храме, священник переносил их и в дома прихожан. После священник решил приступить к сбору пожертвований, предварив сбор особым поучением (было собрано до 150 руб. деньгами и книги до 300 экз. разного религиозно-нравственного и исторического содержания) (Добронравов, 1916: 746-748).

Некоторые из православных пастырей Пензенской губернии отправлялись на фронт добровольно с целью приносить душевное утешение воинству. Например, священник с. Владыкино Чембарского уезда Аркадий Целебровский с начала войны отправился в места военных действий, где скончался при исполнении пастырских обязанностей (Кондрашин, 2014: 499).

5. Заключение

На протяжении Первой мировой войны пастыри Пензенской епархии своей первостепенной задачей видели поддержание народного духа и заботу о семьях призванных на войну. Многие пастыри удостоивались наград за труды по религиозно-нравственному просвещению. Так, священник села Весёловка Пензенского уезда Александр Никольский и священник Саранского Петропавловского женского монастыря Дмитрий Сокольский за религиозно-нравственное просвещение нижних чинов были награждены скуфьями (Спиридонова, 2017: 193).

Пастырю необходимо было принимать участие в оказании материальной помощи семьям запасных и ратников ополчения, призванных на военную службу. Немаловажна была деятельность духовенства по успокоению населения (особенно сельского). Пастыри развивали различные идеи с церковной кафедры, на внебогослужебных беседах с прихожанами и при встречах с ними на сходах, собраниях и т.п.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-39-90007.

Литература

Аксенов, 2019 – Аксенов В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019. № 1–2. Т. 37. С. 272–303.

Белоус, 2018 – Белоус П.В. Тобольская епархия в годы Первой мировой войны. Тюмень, 2018. 288 с.

Белоусов и др., 2015 – Белоусов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза: ПГУ, 2015. 442 с.

Борисов, 2018 – Борисов Е.А. «Забилась в одном общем чувстве сердца миллионов людей». Как развивались взгляды православного клира на военные кампании в Российской империи в пореформенную эпоху (по материалам орловской епархиальной печати) // *История: факты и символы*. 2018. № 3. С. 7-14.

Ведомости..., 1908 – Что требуется от современной проповеди для ее успеха // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1908. № 1. С. 5-10.

Ведомости..., 1914 – Война, Россия и славянство // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. № 20. С. 837-841.

Ведомости..., 1917 – В новом году // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1917. № 2. С. 46-50.

Вторая Отечественная война..., 1915 – Вторая Отечественная война, по рассказам героев // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 7-8. С. 165.

Деятельность..., 1916 – Деятельность Отечественной церкви во время войны России с Германией, Австрией и Турцией // *Всепопданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1914 г.* Петроград, 1916.

Добронравов, 1914 – Добронравов И. Одна из задач приходского пастыря // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. С. 135-141.

Добронравов, 1916 – Добронравов И. Открытие приходской библиотеки-читальни // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. № 23. С. 746-750.

Задача..., 1916 – Задача настоящего момента для пастыря // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. № 5. С. 189-200.

К пастырям, 1914 – К пастырям православной церкви // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. № 17. С. 686-689.

Kovalev et al., 2018 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N., Savin O.I. The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province). *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 828-838.

Кондрашин, 2014 – Кондрашин В.В. Документальная история Пензенского края. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны 1914 – март 1918. Книга 1. Прага, 2014. 544 с.

Миссия..., 1914 – Миссия среди нижних чинов // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. № 20. С. 874-875.

Молчагин, 2020 – Молчагин И.Е. Духовенство Вятской епархии в годы Первой мировой войны // *European science forum. Сборник статей III международной научно-практической конференции*. 2020. С. 35-39.

На современные темы, 1916 – На современные темы // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. № 18. С. 587-595.

Овсейко, 2012 – Овсейко В.П. Благотворительная деятельность Русской православной церкви в Оренбургской епархии в годы Первой мировой войны // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012. № 5. С. 101-107.

Отчет..., 1914 – Всепопданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания (по годам). СПб., 1886–1916.

Охранение..., 1858 – Охранение православной веры в Отечестве // *Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии*. 1858. Ч. 2. С. 2-3.

Пастырство, 1915 – Православное пастырство и духовенство // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 7-8. С. 239-250.

Пастырь, 1914 – Желательный тип современных пастырей // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. № 22. С. 601-605.

Померанцев, 1916 – Померанцев И. Об увеличении содержания православному духовенству в переживаемое ныне тяжелое время по случаю дороговизны жизни // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. № 7. С. 286-291.

Померанцев, 1917 – Померанцев И. Об оживлении церковно-приходской жизни // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1917. № 1. С. 5.

Распоряжения..., 1916 – Распоряжения епархиального начальства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. № 1. С. 7.

Распоряжения..., 1917 – Распоряжения епархиального начальства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1917. № 25. С. 179.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Спиридонова, 2017 – Спиридонова Л.М. Организация медицинской помощи раненым Православной Церковью Пензенской губернии в годы Первой мировой войны / *Уроки истории: 1917–2017 годы. Материалы Четвертых региональных Рождественских образовательных чтений*. Пенза, 2017. С. 189-194.

Указ..., 1914 – Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Митрофану, Архиепископу Пензенскому и Саранскому // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. № 18. С. 506-507.

Фриз, 2015 – Фриз Г. Война и реформа: Российская Православная Церковь в годы Первой мировой войны, 1914–1917 годы // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История.* 2015. № 1. С. 96–116.

Хабарова, 2012 – Хабарова Е.И. Благотворительная деятельность православных обителей Тамбовской губернии в период Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2012. № 11–1 (25). С. 201–203.

Цветаев, 1914 – Цветаев Д. Исторический смысл настоящей войны // *Пензенские епархиальные ведомости.* 1914. № 21. С. 879–887.

Якунин, 2019 – Якунин В.Н. Самарская епархия Русской православной церкви в годы Первой мировой войны / *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVIII Международной научной конференции.* 2019. С. 196–201.

Alekseeva, Kazakova-Apkarimova, 2014 – Alekseeva E.V., Kazakova-Apkarimova E.Yu. Urals during the First World War: Social and Cultural aspects // *Bylye Gody.* 2014. № 33(3): 327–334.

References

Alekseeva, Kazakova-Apkarimova, 2014 – Alekseeva, E.V., Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2014). Urals during the First World War: Social and Cultural aspects. *Bylye Gody.* 33(3): 327–334.

Aksenov, 2019 – Aksenov, V. (2019). Narodnaya religioznost' i obrazy dukhovenstva v gody Pervoi mirovoi voyny [Popular religiosity and images of the clergy during the First world war]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom.* Т. 37. 1-2: 272–303. [in Russian]

Belous, 2018 – Belous, P.V. (2018). Tobol'skaya eparkhiya v gody Pervoi mirovoi voyny [The Tobolsk diocese during the First world war]. Tyumen', 288 p. [in Russian]

Belousov et al., 2015 – Belousov, S.V., Sukhova, O.A., Yudin, S.O. (2015). Penzenskaya guberniya v epokhu Pervoi mirovoi voyny [Penza province in the era of the First world war] Penza: PGU. 442 p. [in Russian]

Borisov, 2018 – Borisov, E.A. (2018). «Zabilis' v odnom obshchem chuvstve serdtsa millionov lyudei». Kak razvivalis' vzglyady pravoslavnogo klira na voennye kampanii v rossiiskoi imperii v poreformennuyu epokhu (po materialam orlovskoi eparkhial'noi pechati) [«The hearts of millions of people beat in one common feeling». How the views of the Orthodox clergy on military campaigns in the Russian Empire developed in the post-reform era (based on the materials of the Orel diocesan press)]. *Istoriya: fakty i simvoliy.* 3: 7–14. [in Russian]

Deyatel'nost'..., 1916 – Deyatel'nost' Otechestvennoi tserkvi vovremya voyny Rossii s Germaniei, Avstrii i Turtsiei [Activities of the Russian Orthodox Church during the War between Russia and Germany, Austria and Turkey]. *Vsepoddanneishii otchet Ober-prokurora Svyateishego sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g.* Petrograd, 1916. [in Russian]

Dobronravov, 1914 – Dobronravov, I. (1914). Odnа iz zadach prikhodskogo pastyrya [One of the tasks of a parish pastor]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti.* 1914. Pp. 135–141. [in Russian]

Dobronravov, 1916 – Dobronravov I. (1916) Otkrytie prikhodskoi biblioteki-chital'ni [Opening of the parish library-reading room] // *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti.* 1916. Nr23. Pp. 746–750. [in Russian]

Friz, 2015 – Friz, G. (2015). Voyna i reforma: Rossiiskaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Pervoi mirovoi voyny, 1914–1917 gody [War and reform: the Russian Orthodox Church during the First World War, 1914–1917]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya.* 1: 96–116. [in Russian]

K pastyryam, 1914 – K pastyryam pravoslavnoi tserkvi [To the Pastors of the Orthodox Church]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti.* 1914. 17: 686–689. [in Russian]

Khabarova, 2012 – Khabarova, E.I. (2012). Blagotvoritel'naya deyatelnost' pravoslavnykh obitelei Tambovskoi gubernii v period Pervoi mirovoi voyny [Charitable activities of Orthodox monasteries of the Tambov province during the First world war]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 11-1(25): 201–203. [in Russian]

Kondrashin, 2014 – Kondrashin, V.V. (2014). Dokumental'naya istoriya Penzenskogo kraia. Penzenskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny 1914 – mart 1918 [Documentary history of the Penza Region. Penza province during the First World War 1914 – March 1918]. Kniga 1. Praga, 544 p. [in Russian]

Kovalev et al., 2018 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N., Savin O.I. The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province). *Bylye Gody.* 2018. 48(2): 828–838.

Missiya..., 1914 – Missiya sredi nizhnikh chinov [Mission among the lower ranks]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti.* 1914. 20: 874–875. [in Russian]

Molchagin, 2020 – Molchagin, I.E. (2020). Dukhovenstvo Vyatskoi eparkhii v gody Pervoi mirovoi voyny [Clergy of the Vyatka diocese during the First world war]. *European science forum. Sbornik statei III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Pp. 35–39. [in Russian]

Na sovremennye..., 1916 – Na sovremennye temy [On modern topics]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti.* 1916. 18. Pp. 587–595. [in Russian]

Okhranenie..., 1858 – Okhranenie pravoslavnoi very v Otechestve [Protection of the Orthodox Faith in the Fatherland]. *Pravoslavnyi sobesednik, izdavaemyi pri Kazanskoj dukhovnoj akademii*. 1858. 2. Pp. 2-3. [in Russian]

Otchet..., 1914 – Vsepoddanneishii otchet Ober-prokurora Svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya (po godam) [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the department of the Orthodox Confession (by year)]. SPb., 1886–1916. [in Russian]

Ovseiko, 2012 – *Ovseiko, V.P.* (2012). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Orenburgskoi eparkhii v gody Pervoi mirovoi voiny [Charitable activities of the Russian Orthodox Church in the Orenburg diocese during the First world war]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5: 101-107. [in Russian]

Pastyr', 1914 – Zhelatel'nyi tip sovremennykh pastyrei. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914. 22: 601-605. [in Russian]

Pastyrstvo, 1915 – Pravoslavnoe pastyrstvo i dukhovenstvo. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1915. 7-8: 239-250. [in Russian]

Pomerantsev, 1916 – *Pomerantsev, I.* (1916). Ob uvelichenii sodержaniya pravoslavnomu dukhovenstvu v perezhivaemoe nyne tyazheloe vremya po sluchayu dorogovizny zhizni [About the increase in the content of the Orthodox clergy in the difficult time now experienced on the occasion of the high cost of life]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 7: 286-291. [in Russian]

Pomerantsev, 1917 – *Pomerantsev, I.* (1917). Ob ozhivlenii tserkovno-prikhodskoi zhizni [On the revival of parish life]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1: 5. [in Russian]

Rasporyazheniya..., 1916 – Rasporyazheniya eparkhial'nogo nachal'stva. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1916. 1: 7. [in Russian]

Rasporyazheniya..., 1917 – Rasporyazheniya eparkhial'nogo nachal'stva. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1917. 25: 179. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Spiridonova, 2017 – *Spiridonova, L.M.* (2017). Organizatsiya meditsinskoj pomoshchi ranenym Pravoslavnoi Tserkov'yu Penzenskoj gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Organization of medical care for the wounded by the Orthodox Church of the Penza Province during the First World War]. *Uroki istorii: 1917–2017 gody. Materialy Chetvertykh regional'nykh Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chtenii*. Penza. Pp. 189-194. [in Russian]

Tsvetaev, 1914 – *Tsvetaev, D.* (1914). Istoricheskii smysl nastoyashchei voiny [The historical meaning of the present war]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 21: 879-887. [in Russian]

Ukaz..., 1914 – Ukaz Ego Imperatorskogo Velichestva, Samoderzhitsa Vserossiiskogo iz Svyateishego Pravitel'stvuyushchego Sinoda Preosvyashchennomu Mitrofanu, Arkhiepiskopu Penzenskomu i Saranskomu [Decree of His Imperial Majesty, the Autocrat of All-Russia from the Most Holy Governing Synod to His Grace Mitrofan, Archbishop of Penza and Saransk]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914. 18: 506-507. [in Russian]

Vedomosti..., 1908 – Chto trebuetsya ot sovremennoi propovedi dlya ee uspekha [What is required of a modern sermon for its success]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. Pp. 5-10. [in Russian]

Vedomosti..., 1914 – Voina, Rossiya i slavyanstvo [War, Russia and the slavs]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914. 20: 837-841. [in Russian]

Vedomosti..., 1917 – V novom godu [In the new year]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1917. 2: 46-50. [in Russian]

Vtoraya Otechestvennaya voina, 1915 – Vtoraya Otechestvennaya voina, po rasskazam geroev [The Second World War, according to the stories of the heroes]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1915. 7-8: 165. [in Russian]

Yakunin, 2019 – *Yakunin, V.N.* (2019). Samarskaya eparkhiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi v gody Pervoi mirovoi voiny [Samara diocese of the Russian Orthodox Church during the First world war]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov. Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 196-201. [in Russian]

Zadacha..., 1916 – Zadacha nastoyashchego momenta dlya pastyrya [The task of the present moment for the shepherd]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1916. 5: 189-200. [in Russian]

Пастырское служение пензенского духовенства в годы Первой мировой войны

Ольга Васильевна Колпакова ^{а, *}

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обзору деятельности пастыря Пензенской епархии в годы Первой мировой войны. Кроме исполнения своих прямых пастырских обязанностей, связанных с удовлетворением религиозно-нравственных потребностей, прилагая усилия в воспитании граждан в духе преданности церкви и отечеству, пастырь нес массу обязанностей общегосударственного и общественного характера. Круг обязанностей пастыря в годы Первой мировой войны расширился, к его деятельности предъявлялись новые требования. Он являлся не только совершителем таинств, богослужений и руководителем своей паствы, но и «письмоводителем» и бухгалтером (по церковному хозяйству), работником по кредитным и ссудо-сберегательным учреждениям.

Приходы Пензенской епархии, руководимые пастырями, должны были принимать широкое участие в деле сбора пожертвований. В приходах с началом войны были начаты сборы пособий в пользу семейств призванных на войну. Оказывали пастыри помощь больным и раненым военным, осуществляли деятельность по руководству относительно приготовления их к приему и уходу.

Ключевые слова: Первая мировая война, Православная церковь, Пензенская епархия, православное духовенство, пастырство, проповедь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 1042-1051.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.1042
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^c, Vladimir A. Svechnikov ^d, Svetlana V. Petrova ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article considers the issues of planning of the blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in the 1916 campaign of the First World War. The special attention is paid to the calculations of the elements of force, as well as the ratio of the Turkish and Russian fleets.

The work is based on the documents of the Russian state archive of the Navy (St. Petersburg, Russian Federation). Previously, these documents were not published. The plan for the blockade of the Bosphorus, which was prepared by Captain 2nd Rank B. Tyagin on July 1, 1916 at the Sevastopol roadstead, is important in the work. In methodological terms, the study is based on the basic principles of historical research, namely, the principles of objectivity and reliability. The problem-historical method, which allowed us to consider the planning of the blockade of the Bosphorus in the context of the specific historical situation that developed in 1916 is of great importance in the study.

In conclusion, the authors state that when considering the elements of the planning force for the operation of the blockade of the Bosphorus, it was assumed that the blockade would be conducted by the Black sea fleet in three shifts. The blockade was to be accompanied by a barrage of the Bosphorus against submarine and surface ships. The blockade was to be preceded by serious covert and ship intelligence, as well as simultaneously active operations against submarines throughout the Black sea and the defense of the coast and the fleet from attacks by submarines in ports and at sea. Besides, it was necessary to strengthen and specialize the detachment of minelayers. And lastly, during the blockade, a strong and numerous detachment of combat seaplanes with bombs was needed.

Keywords: Bosphorus blockade, World War I, Black sea fleet, 1916, operation planning, element of force.

1. Введение

К 1916 г. для русских войск Кавказского фронта сложилась весьма благоприятная обстановка, так как в ходе наступления вдоль по анатолийскому побережью Османской империи были взяты несколько крупных турецких крепостей (Эрзерум, Трапезунд) (Polyakova et al., 2015: 1098). В связи с этим летом 1916 г. перед Ставкой Верховного главнокомандующего русской армией стояла задача захвата Босфора, а для этого требовалось сначала заблокировать Босфорский пролив. Этим и занялись старшие офицеры Черноморского флота. В данной части статьи мы рассмотрим элемент силы для планирования операции по блокаде Босфора.

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.natolochnaya@gmail.com (O.V. Natolochnaya)

2. Материалы и методы

В работе использованы документы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Ранее они не публиковались. Важное значение в исследовании имеет план блокады Босфора, который был подготовлен капитаном 2-го ранга Б. Тягиным 1 июля 1916 г. на Севастопольском рейде.

В методологическом плане работа опирается на базовые принципы исторического исследования, а именно – объективности и достоверности. Большую роль в исследовании играет проблемно-исторический метод, который позволил рассмотреть планирование блокады Босфора в контексте конкретно-исторической обстановки, сложившейся в 1916 г.

3. Обсуждение

Несколько слов об историографии. Несмотря на то, что первые упоминания о планировании взятия Босфора силами Черноморского флота относятся еще к дореволюционному периоду (например работа Е.А. Мязговского (Мязговский, 1914) по истории Черноморского флота), тем не менее эта тема в советский период не получила значительного освещения (здесь можно отметить только труд Н. Новикова (Новиков, 1937) об операциях Черноморского флота в период Первой мировой войны). В результате интенсивное изучение началось только в современный период.

Так, экспедиции Черноморского флота на Босфор в 1833 г. было уделено внимание таких исследователей, как А.Ш. Кадырбаев (Кадырбаев, 2018), Г.А. Гребенщикова (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, 2018) и Е.Н. Рукавишников (Рукавишников, 2014).

Тему подготовки и планирования Босфорской операции в конце XIX века рассматривали В.В. Крестьянников (Крестьянников, 2011) и А.А. Черкасов (Cherkasov, 2011). Период до Первой мировой войны также изучался специалистами. Так, военную игру 1902 г. по захвату Босфора изучал С.А. Чекмарев (Чекмарев, 2019). Борьба за черноморские проливы происходила и на внешнеполитическом уровне, некоторым аспектам этой борьбы уделил внимание Б.С. Котов (Котов, 2011). Попытку сравнения планов по захвату Босфора 1897 г. и 1915 г. предприняла авторская группа – О.В. Натолочная и другие (Natolochnaya et al., 2020). Также имеется несколько работ о самом периоде Первой мировой войны, в которых находит свое отражение изучаемая нами тема (Шорников, 2016; Ивицкая, 2010).

4. Результаты

Элемент силы. Линейные суда

Если подробно разобраться в противоборствующих силах на Черном море русского и турецкого линейных флотов, то, как ни подсчитывай, и по коэффициентам, и по количеству выпускаемого в единицу времени металла или взрывчатого вещества, и по числу самостоятельных маневренных групп линейных кораблей, то совершенно очевидно выходит, что русский линейный флот сильнее турецкого был в три и более раза. С вступлением в строй линейного корабля «Император Александр III» Черноморский флот был бы сильнее больше чем в четыре раза и т.д. При неизмеримом превосходстве всех русских кораблей вместе и в отдельности над кораблями типа «Торгут Рейс» и «Мессудие» можно сразу сказать, что в пределах Черного моря встречи с этими судами не ожидалось, что и было доказано опытом всей войны, когда эти суда ни разу не вышли из Босфора в открытое море.

Кроме того, было основание предполагать, что все старые корабли турецкого флота давно разоружены для усиления их пушками Дарданелльских и Босфорских укреплений, а частью потоплены или приведены в полную негодность и не могли уже быть на счету боевых судов.

Таким образом, единственным боеспособным кораблем неприятельского флота к лету 1916 г. оставался линейный корабль «Гебен», который по силе был слабее каждого русского дредноута отдельно и слабее даже русской старой бригады линейных кораблей. Его 10-11” пушек никак не могут сравниться ни с 12-12” пушками новейшего линейного корабля «Императрица Марии», ни с 12-12” пушками старой бригады.

Сведения о перевооружении «Гебена» 14 пушками были маловероятны и все-таки не изменяли особенно соотношения сил.

Единственным главнейшим и весьма важным преимуществом «Гебена» перед русскими судами являлся его 28-узловой ход. И пока «Гебен» таким ходом обладал и пока он находился в открытом Черном море, с ходом этим нужно было серьезно считаться: для поимки такого корабля в море даже с более чем превосходящими силами Черноморского флота нужно было действовать не случайными мерами, а по всесторонне разработанному, строго рассчитанному, детально подготовленному и до мелочей разученному всеми отдельными начальниками плану операции поимки «Гебена» в море. Операция такая должна быть положена в основу всего плана компании русского флота на Черном море, должна быть всегда готова к выполнению и производиться немедленно по первому сведению о появлении «Гебена» в Черном море (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 130б.).

При большем преимуществе в ходе «Гебен» имел некоторые шансы на успех, т.е. на обратный прорыв в Босфор, но все же при использовании всех сил Черноморского флота – и подводных лодок,

и нефтяных миноносцев, и заградителей – операция поимки «Гебена» все же, по мнению офицеров штаба, была возможна и выполнима.

С точки зрения блокады неприятельского флота в Босфоре преимущество в ходе «Гебена» теряло свое значение. Раз заблокировать «Гебен» в Босфоре удалось, то выйти оттуда он уже не сможет. Стоит лишь для этого заставить его выходить из Босфора не 28-узловым ходом, а в два раза меньшим, не любым курсом, а всегда прямым, и выход «Гебена» при этих условиях уже обречен был на неудачу.

Офицеры штаба Черноморского флота отдавали себе отчет в том, что любой из блокирующих Босфор кораблей выйдет «Гебену» в голову и потопит или выведет его из строя в малое количество минут.

А уменьшить ход «Гебена» – значит заставить идти его за тралами с опущенными сетями и со всеми мерами предосторожности.

А для этого нужно лишь солидное по густоте, сопротивляемости тралению и глубине минное заграждение и угроза атак русских подлодок. А это означало, что наличие минного заграждения и подлодок у Босфора сводит на нет все преимущество «Гебена» в ходе перед русскими судами в море. Таким образом, блокада Босфора для наибольшей своей успешности должна была непременно сопровождаться постановкой крупного и глубокого минного заграждения, т.е. созданием заранее подготовленной позиции для боя русских линейных кораблей с «Гебеном».

При этих условиях приходилось считаться уже не с ходом «Гебена», а лишь со степенью его артиллерийской силы, которая, как уже указывалось, была слабее каждой из русских маневренных групп линейных судов в отдельности.

Отсюда напрашивался вывод: для блокирования неприятельского флота в Босфоре при наличии большого минного заграждения достаточно лишь одной маневренной группы русского линейного флота, т.е. в условиях лета 1916 года 1/3 русских линейных сил, иначе говоря, блокада Босфора для русского линейного флота была не тяжела.

Разведка

Те же соображения указывали на необходимость при установлении блокады не ударить по пустому месту, т.е. блокада должна была быть установлена тогда, когда «Гебен» находился в Босфоре, т.е. установлению блокады должна предшествовать масштабная разведка. Какими же средствами разведки обладал Черноморский флот в 1916 г.?

По опыту 1915–1916 гг., и в особенности последнего выхода в Черное море «Гебена», о таком выходе штаб командующего флотом от русской тайной разведки знал заранее или сейчас же по выходе «Гебена» в море, и во всяком случае за сутки раньше, чем «Гебен» был обнаружен в Черном море русскими непосредственно по результатам его работы: потопление того или иного парохода, обстрела такого-то порта и т.п.

Следовательно, при еще большем уделении внимания этому тайной разведкой местонахождение «Гебена» в Босфоре могло быть с достаточной точностью известно всегда (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 14 об.-15).

Судовая разведка

Для разведки также могли быть использованы такие большие средства, как крейсера «Меркурий», «Кагул», «Прут», «Нахимов», 9 нефтяных миноносцев, а также несколько гидрокрейсеров.

При организации из этих судов отряда разведки русские могли бы осуществить разведку по наиболее продуктивному методу простой «завесы». При скорости нефтяных миноносцев хотя бы в 25 узлов такая завеса за светлое время одних суток проходит $25 \times 12 = 300$ миль, т.е. больше половины всего Черного моря. Следовательно, имея постоянное наблюдение за восточной половиной Черного моря с постов службы связи и малых судов, русские к рассвету какого-либо дня могли поставить завесу разведки где-либо на линии Синоп-Крым и к вечеру того же дня быть уже с завесой у проливов. Завеса должна была состоять из судов, по своему ходу или силе недоступных всем неприятельским крейсерам, и должна быть способна не только обнаружить, но и загнать обратно к Босфору, хотя бы и крейсер «Бреслау». При встрече с «Гебеном» должна была быть достигнута главная цель разведки – обнаружение «Гебена» – и с этого момента должна была начаться операция по его уничтожению в открытом море. В случае отсутствия «Гебена» его наличие в Босфоре может быть сейчас же по приходе завесы к проливу проверено несколькими гидросамолетами, и, следовательно, опять будет достигнута главная цель разведки – обнаружение «Гебена».

Так как разведка в этом случае могла быть вспомогательным и подготовительным средством блокады, то результаты разведки должны были быть использованы незамедлительно, а по приходе завесы к проливу, т.е. завеса должна нести на себе или вести за собой, или встретиться у пролива со средствами и силами, устанавливающими блокаду. Учитывалось также, что главные силы заградителей обычно впереди завесы идти не могли, поэтому в первый вечер должны были быть употреблены в дело лишь слабые средства, заграждения, которые в общем не смогли бы остановить

выход в море ночью неприятельских судов. Поэтому для сохранения результатов вчерашней разведки она с утра должна быть повторена, что и не трудно сделать способом отхода завесы за ночь и в обратном направлении и подхода к проливу всей завесой к вечеру вторых суток заново (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 150б.).

Средства разведки неприятеля

Неприятель к лету 1916 г. имел только два крейсера – «Бреслау» и «Гамиде». Первый был в полном порядке, а второй, по всей вероятности, был на ремонте. Целям разведки могли также служить миноносцы типа «Миллет» с 35-узловым ходом. Других больших подходящих судов у противника не было. Отсюда вывод, что правильно организованной разведки неприятель не имеет и всеми своими силами может произвести в лучшем случае какой-либо поиск. Как таковой он никогда не будет иметь какого-либо боевого значения.

Что касается противодействия этих сил русской разведке, то это тоже неприятелю не под силу, т.к. завеса должна проводиться с поддержкой крейсеров, помещенных в разных частях завесы.

Таким образом, общий вывод из рассмотрения средств разведки обоих флотов будет следующим:

- 1) русский флот обладает достаточными средствами для выполнения судовой разведки перед блокадой по способу завесы;
- 2) неприятельский флот не в состоянии помешать выполнению разведки силами Черноморского флота.

Мелкие суда неприятеля

Все остальные боевые суда неприятеля, вроде старых миноносцев, канонерских лодок, старых других кораблей и т.п., по своему состоянию и по силе или совсем не имеют никакого значения или будут иметь значение лишь местное как охранные и сторожевые суда в базах. Их участие в операциях прорыва блокады нельзя предполагать главным образом из-за бесцельности выхода в море на верную гибель.

В условиях блокады пролива как для русских, так и для турок будут иметь большое значение тральщики.

Россия обладала в этом отношении большим количеством хорошо приспособленных и оборудованных судов как для траления в открытом море, так и на рейдах, и все эти суда по большей части были укомплектованы великолепным и уже очень опытным личным составом. Потому у Черноморского флота недостатка в тралящих средствах, да еще снабженных хорошими средствами защиты (120-мм пушками), не будет. Как протралить поле для постановки большого заграждения, так и тралить впоследствии позиции русских линейных судов у Босфора даже в сравнительно свежую погоду проблем не вызывало.

Другое дело у неприятеля: хороших тральщиков, обученных этой работе, у него в мирное время не было. За время войны кое-что было организовано. Но неприятель из-за полного своего изолирования от Средиземного моря и постепенного уничтожения русскими его коммерческого флота терпит сейчас большую нужду в парходах и увеличивать свои тралящие средства бесконечно не может. Между тем весь успех прорыва блокады, подкрепленной густым минным заграждением, зависел только от наличия хороших средств траления (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 160б.).

Отсюда вывод:

1. Неприятель не обладал достаточными средствами траления.
2. Русские должны всемерно усилить густоту и степень сопротивляемости заграждения тралению.
3. Во время блокады Босфора принимать все меры к уничтожению неприятельских тральщиков и к недопущению их на поле заграждения, т.е. иметь наибольшее количество боевых гидросамолетов для уничтожения тральщиков непосредственно в Босфоре и у Константинополя и соответствующей силы суда у заграждения с дальнобойной артиллерией. Таковой пушкой признать надо 130 мм в 50 калиб. длиной с утяжеленным снарядом с баллистическим источником, т.е. дальностью стрельбы до 110 кабельтовых.

Заградители

До войны у турецкого флота заградителей почти не было. Во время войны были приспособлены кое-какие парходы, видимо, все годные миноносцы, а к 1916 г. появились и заградители подводные. Следовательно, при операции блокады с этими средствами приходится считаться и позиции русских линейных судов и заграждения хотя бы и на больших глубинах должны будут постоянно тралиться.

Надводные заградители страшны только на малых расстояниях от пролива, подводные – из-за их большого радиуса действия по всему Черному морю, поэтому как при подготовке блокады, так и во время ее должны приниматься все меры охраны русских портов и важных путей русских транспортов от мин заграждения.

К 1916 г. Черноморский флот имел только пять заградителей типа «Ксения» с общим запасом мин около 800 штук на рельсах и 1500 в трюмах с подачей на палубу боевого запаса в 2 часа, т.е. пять «Ксений» могли за семь часов доставить 2300 мин. Заградители «Бештау», «Бур» и «Дунай» могли поставить еще около 250 мин.

Такого количества мин для заминирования Босфора недостаточно. По нижеуказанному подсчету мы увидим, что мин для надежного заграждения Босфора и подходов к нему потребуется около 10 тыс. штук. Из них по крайней мере 3 тыс. штук должны ставиться одновременно или в одни сутки, т.е. 3000 мин должны быть одновременно подняты на заградители.

Ввиду того, что первое минное заграждение будет ставиться на непротраленном месте сейчас же по приходе завесы разведки к проливу, ставить эти мины с больших заградителей небезопасно. Необходимо приспособить не менее 20 мелкосидящих тральщиков, которые свободно могут поднять по 50 мин – итого 600 мин. На малые миноносцы (6-й дивизион) и такие же миноносцы из Каспия и Балтики, если будет к тому возможность, можно поставить по десятку малых мин, что даст около 160 мин – итого 700. Этого количества мин для первого ночного заграждения хватит.

Для постановки большого заграждения должны быть приспособлены все 12 бомбардирских судов, которые по 50 штук каждое поднимут еще 600 мин. Все первое отделение тральщиков могло поднимать на себя и самопоставить до 800 мин (или защитников), шесть специально переделанных самоходов поднимут каждый по 50 – всего 300 мин.

Каждый нефтяной миноносец может брать по 50 мин – итого 450, крейсер «Нахимов» может взять 500 мин. Итого уже $800+600+100+600+800+300+450+500 =$ около 4150 мин + 1500 («Ксения») = 5650 мин (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 170б.).

Такое количество мин, готовых к немедленной установке на место, русские могли бы подать к Босфору сразу без особо сложных построек и приспособлений.

Остальные необходимые для заграждения мины должны частью идти к Босфору на особом минном транспорте, чтобы заградители не должны были за новым запасом мин ходить в Севастополь.

Итак, общий вывод:

1. Заградителей, готовых для минирования Босфора, у Черноморского флота было мало.
2. Должны были быть приспособлены для этой цели все тральщики, бомбардирские суда и 6 самоходов.
3. Должны были быть использованы также крейсера и миноносцы.

Подводный русский флот

К лету 1916 г. Черноморский флот имел в своем распоряжении шесть новых подводных лодок. При необходимости при блокаде Босфора не менее двух лодок способны были дежурить в три смены.

В случае необходимости можно было выделить подлодку еще для какой-либо цели в другом районе, помимо этого флот располагал и старыми лодками, которые с успехом могли быть использованы для охраны таких портов, как Одесса, Новороссийск и Севастополь.

Вывод: Черноморский подводный флот способен был принимать участие в блокаде Босфора без напряжения сил.

Турецкий подводный флот

Точное количество и типы подводных лодок неприятеля к 1916 г. были не выяснены. Неизвестно было даже точно, как они попадают в Черное море, а именно – приходили ли в разобранном виде из Германии и собирались в Варне и Константинополе, или приходили в готовом виде через Дарданеллы.

Во всяком случае были эпизоды одновременного оперирования неприятельских подлодок в трех различных частях Черного моря. Иначе говоря, неприятель обладал некоторым числом хороших больших мореходных, с большим радиусом действий, лодок, хорошо ими оперировал и наносил неисчислимый ущерб совершенно свободным уничтожением русских транспортов, больших и малых. Были также неуспешные атаки и на русские линейные корабли, при которых впервые были замечены уже совместные атаки двух подводных лодок по одной цели, т.е. турецкий подводный флот уже тактически образован и стремится в полной мере использовать новое оружие на Черном море как выгодное для слабейшего в надводных судах флота (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 180б.).

Иными словами, подводный флот неприятеля на Черном море представлял из себя серьезную силу и пока русские не принимали особых мер по противодействию ей. Все русские меры носили пока что чисто оборонительный характер ввиду охраны того или иного порта, по всему же Черному морю и его побережью лодки ходили совершенно безнаказанно.

Значит, блокада одних надводных судов на Черном море не решает вопроса. Необходимо, чтобы блокада и техническое ее выполнение захватывало и подводный флот, преграждало выходы в море и подлодкам. Иначе говоря, заграждение у Босфора должно было иметь в себе все средства против подлодок: сети адмирала Канина, мины на большие глубины, леерные мины Гильдебрандта, сети князя

Романовского, малые мины Аверкиева и другие средства подобного рода. Густота такого заграждения должна быть такова, чтобы была уверенность в полной непроходимости его для подлодок.

Но так как никакая разведка надводной завесы всех подлодок на Черном море не уловит и в Босфор их не загонит, а питание и снабжение подводной лодки весьма просто в любой точке побережья, то вместе с блокадой, до нее и во время нее должны были быть приняты особые меры против подлодок.

Такие меры можно разделить на оборонительные и наступательные.

Оборонительные:

1) оборона транспортного движения вдоль побережья – устройство портов-убежищ по всему берегу на расстоянии одного ночного перехода одно от другого, вооружение этих портов-убежищ небольшой батареей среднего калибра пушек, противоминной сетью и, где нужно, минами;

2) оборона боевого флота в портах: а) Севастополь, б) Батум, в) Одесса, г) Трапезонд, д) Керчь, е) Новороссийск – мины, боны, сети, быстроходные катера, артиллерия, гидро;

3) защита кораблей в море от атак подлодок – охрана миноносцами, маневрирование, противоминные сети корабельные, противоминные сети эскадренные, подвижные и неподвижные, охранительные щиты, заполнение отсеков лозой и т.д.;

4) защита кораблей на позиции блокады – сети, противоминные боны, гидросамолеты, собственные сети судовые, артиллерия, охрана миноносцами и тральщиками.

Наступательные:

1) истребление подводных лодок неприятеля в их базах – точная разведка, временная блокада, заграждение, бомбардировка с гидробомбами, артиллерией;

2) уничтожение и разгром баз подлодок – изучение и разведка базирования, внезапные набеги;

3) уничтожение подлодок на их главнейших и вероятных путях – сети Канина, леерные сети князя Романовского и т.п.;

4) постоянное блокирование миноносцами и мелкими вооруженными судами всего побережья неприятеля для затруднения базирования на него подлодок – миноносцы, тральщики, быстроходные катера, гидросамолеты, индикаторные сети (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 190б.).

При проведении всех этих мер, не таких уж и сложных (как отмечали офицеры Черноморского флота), вполне доступных как личному и судовому составу, так и технике, перед блокадой для обеспечения этой операции и ее действенности по отношению к подводному флоту можно было получить на Черном море сначала условное и скоро с уничтожением всех подводных лодок, не закупоренных в Босфоре, и безусловное владение морем.

Из рассмотрения силы подводных флотов следует сделать следующий вывод:

1. Вся сила турецкого флота на Черном море в подводных лодках.
2. Блокада и ее техническое выполнение должны главным образом запереть в Босфоре подводные лодки.

3. Для обеспечения свободы плавания по Черному морю должна быть устроена оборона берегов от подводных лодок.

4. Для обеспечения операции блокады должны быть уничтожены все базы неприятельских подлодок по Черному морю.

5. Блокада должна захватить все неприятельское побережье Черного моря с его главными портами.

Миноносцы

По сведениям на лето 1916 г., турки имели только два дивизиона исправных миноносцев: IV – «Милле» и IV – «Самсун». Те и другие обладали прекрасным ходом и во время блокады, конечно, могли быть использованы неприятелем для прорыва блокады и атак русского надводного флота. Противодействовать им можно было следующими средствами и способами:

1) заграждение Босфора мелко поставленными минами и плавучими бонами;

2) истребление миноносцев днем в Босфоре с гидроаэропланов;

3) охрана выхода из Босфора мелкосидящими вооруженными не боевыми судами и борьба их с миноносцами;

4) уход кораблей и всех больших судов на ночь в море;

5) самозащита кораблей сетями и противоминной артиллерией (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 200б.).

Что касается болгарских миноносцев, то они были очень слабы и могли быть или уничтожены на своей базе, или загнаны в Босфор вместе с турецкими.

Русский минный флот по числу, артиллерийскому и минному вооружению, по мореходности, по опытности личного состава и вообще по качеству неизмеримо был сильнее турецкого.

Для несения блокадной службы русские располагали двумя десятками угольных миноносцев; для разведки, поисков и дневного, совместно с линейными судами, боем с «Гебенем» имели сильное оружие в виде 9 нефтяных миноносцев с их минным запасом в 90 мин и с ходом более 30 узлов. Эти миноносцы во

всех отношениях являлись сильнейшим оружием русских на Черном море и должны были быть использованы для разведки, поисков, дневных и ночных минных атак на «Гебен» и «Бреслау».

Вооружение устья Босфора

Сведения об артиллерийском вооружении укреплений устья Босфора в 1916 г. были самые разноречивые. Во всяком случае при последних (год назад) походах русских кораблей на 48 каб. к устью турки огня своих батарей не открывали, что можно объяснить только отсутствием тогда у них дальнобойных крупных орудий. С тех пор, конечно, они могли бы поставить даже башенные орудия, но, по сведениям разведки, таковых там не имелось. Были сведения, что у Фенераки, Папас-Бурну и Алты-Бурну будто бы имеются 11"-пушки, но надо думать, что это или мортиры, или гаубицы и в самом лучшем для турок случае – пушки с «Торгута» или «Барбароса».

Сведения эти относятся уже к июлю 1915 года.

Наличие на Босфоре новых башенных 50 калиб. пушек вряд ли вероятно, так как своих пушек и орудийных заводов у турок не имелось, а немцы были сильно заняты своими делами на западном и восточном фронтах, откуда вряд ли подадут хорошие пушки, а делать их заново у Круша не хватит времени, т.к. и такой большой завод все-таки «загружен» заказами своих собственных армий.

Во всяком случае с точки зрения блокады артиллерийское вооружение Босфора имеет значение лишь как в той или иной степени помеха ставить заграждения на каком-либо расстоянии от берега у устья и на запад и восток от него. Расстояние это играло большую роль для блокирующего, т.к. если можно будет ставить заграждение в пяти милях, то потребуется на него около 5 тыс. мин, если в десяти милях, то вдвое больше. Офицеры Черноморского флота отмечали, что ввиду сведений, достаточно неточных, необходимо тайной и явной разведкой осветить вопрос как можно яснее и пока разрабатывать и подготавливать план заграждения устья как в 5-мильном расстоянии, так и в 10-мильном. Средства должны быть рассчитаны на больший план, т.к. 10-мильное расстояние от устья уже вполне обеспечивает безопасную со стороны неприятельской артиллерии постановку заграждения днем. Постановка мин ночью возможна почти у берега и будет, как указывалось ранее, осуществлена, но ночное заграждение, да еще под огнем неприятеля, конечно, всегда будет неточное. Для верности постановки, для обеспечения его непрерывности, конечно, необходимо заграждение дневное, и таковое у Босфора возможно из-за слабости его артиллерийского вооружения (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 210б.).

Форма заграждения

Прорабатывались и вопросы по форме заграждения: оно должно было быть расположено по дуге круга, в центре которого должны были быть узловые батареи устья Босфора, радиусом предела их действительного огня, а длина дуги дневного заграждения определялась силой неприятельских батарей между Рива и Кара-Бурну с одной стороны и батареи между Килиос и Кара-Бурну/Евр. с другой.

По сведениям, эти батареи имелись. Все они были не выше 6" калибра и достаточно легко заглушались с моря. Исключение составляла одна батарея у Эльмас-табие в 3-11" орудий, но сведения о ней были сомнительными. Все эти батареи для успешности постановки большого заграждения днем не только в центре, но и на флангах у берега перед постановкой должны были быть обезврежены. Для этого нужны были точные данные разведки о дальности огня главных батарей, затем уничтожение или хотя бы временное заглушение прибрежных малых батарей. Если же последнее почему-либо будет невозможно или не удастся, то крылья заграждения могли быть с успехом поставлены и ночью.

Противоминная артиллерия устья Босфора

По имеющимся сведениям, в устье Босфора и по побережью Босфора имелись противоминные батареи, насколько они были снабжены достаточным числом больших прожекторов, было неизвестно, во всяком случае такие прожекторы быть могли, следовательно, это и надо считать главной помехой ставить мины ночью.

Для парализования этого препятствия офицеры предлагали следующие средства:

- 1) уничтожение этих батарей и прожекторов днем огнем больших судов;
- 2) устройство световых завес пусканием под батареи горящих ярким пламенем фелюг, подкидыванием особых взрывающихся патронов кальция для привлечения на себя огня батарей;
- 3) устройством дымовых завес в случае ветра с моря (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 220б.).

Все эти средства были крайне простыми, легко выполняемыми и применялись с успехом еще в Порт-Артуре японцами.

Охрана Босфора ночью

В 1916 г. сведений об охране, силе и схемах ее не имелось и изучение ее должно было целиком лечь на предварительную разведку.

Можно сделать следующий вывод из краткого обзора оборонительных средств Босфора с точки зрения помехи постановке заграждения:

1. Главное заграждение надо ставить днем.
2. Крылья его у берега заканчивать ночью.
3. Усиливать минное поле по ночам с мелкосидящих заградителей.
4. Для помощи заградителям должны быть сбиты фланговые по отношению к крыльям заграждения, береговые батареи.
5. Постановке заграждения должна предшествовать разведка.

Сила заграждения

Сила заграждения целиком вытекала из его задач. Заграждение должно было не выпустить в море надводный флот линейный, надводный флот минный и подводный флот.

Против линейного флота могло быть использовано всякое минное заграждение не глубже 20 фута. Тралить его придется, благодаря этому ход неприятеля будет уменьшен – цель достигнута.

Против миноносцев обычно минного заграждения мало. Нужны углубления мин не более 8 футов, большая густота их, связка пучков мин между собой, очень хороши плавучие минные боны.

Против подводных лодок и таких мин мало. Лодка может избежать их проходом на большой глубине. Следовательно, прежде всего против подлодок часть мин должна быть поставлена на глубину 60–80 футов, для большей вероятности некоторые мины связываются, наконец, для полной вероятности уничтожить или поймать лодку должны быть поставлены сплошные сети. Так как ставить их придется у неприятельских берегов, то сети должны быть легкими и легко устанавливаемыми без предварительных промеров, т.е. Канинские. Таких линий сетей для верности их действия нужно не менее двух.

Для противодействия уничтожению всех этих заграждений неприятелем всяким тралением должны быть густо наставлены мины вахтенные, защитники, как мины, так и просто с тяжелыми грузами-якорями (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 23об.).

Поддержаны эти защитники должны быть непосредственно огнем охранных судов.

Итак, заграждение у Босфора для противодействия выходу всех типов судов неприятеля должно состоять:

- а) мины заграждения – на большие глубины;
- б) то же – на малые глубины;
- в) то же, связанные между собою и мины вахтенные;
- г) сети адмирала Канина;
- д) защитники;
- ж) плавучие минные боны.

Количество всего исходило из плана заграждения.

5. Заключение

Таким образом, при рассмотрении элементов силы планирования операции по блокаде Босфора предполагалось, что блокаду будет вести Черноморский флот в три смены. Блокаду должно было сопровождать заграждение Босфора против подводных и надводных судов. Блокаде должна была предшествовать серьезная тайная и судовая разведка, а также одновременно активные операции против подлодок по всему Черному морю и оборона берегов и флота от атак подлодок в портах и море. Помимо этого, необходимо было усилить и специализировать отряд заградителей. И последнее, необходим был во время блокады сильный и многочисленный отряд боевых гидросамолетов с бомбами.

Литература

Гребенщикова, 2012 – Гребенщикова Г.А. Босфорские экспедиции Черноморского флота первой половины XIX века в планах российского руководства // *Клио*. 2012. № 9 (69). С. 62-78.

Гребенщикова, 2018 – Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 7. С. 44-51.

Ивицкая, 2010 – Ивицкая О.Е. Севастопольский год в жизни адмирала А.В. Колчака // *История в подробностях*. 2010. № 2. С. 68-75.

Кадырбаев, 2018 – Кадырбаев А.Ш. Разведывательная миссия Е.В. Путятина в проливах Босфор и Дарданеллы в 1833 году (по материалам российского государственного архива ВМФ) // *Труды Института востоковедения РАН*. 2018. № 17. С. 92-98.

Котов, 2011 – Котов Б.С. Тайная борьба за черноморские проливы накануне Первой мировой войны // *Вестник архивиста*. 2011. № 3. С. 308-310.

Крестьянников, 2011 – Крестьянников В.В. Подготовка десантной операции на Босфор в конце XIX – начале XX вв. // *История в подробностях*. 2011. № 12 (18). С. 70-75.

Мязговский, 1914 – Мязговский Е.А. История Черноморского флота 1696–1912 гг. СПб., 1914.

Новиков, 1937 – Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937.

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.

- [Рукавишников, 2014](#) – *Рукавишников Е.Н.* Экспедиция Черноморского флота на Босфор в 1833 г. и ее последствия // *Вестник Академии военных наук.* 2014. № 1 (46). С. 172-176.
- [Чекмарев, 2019](#) – *Чекмарев С.А.* Военная игра 1902 года: Босфорская экспедиция // *Военно-исторический журнал.* 2019. № 8. С. 22-26.
- [Шорников, 2016](#) – *Шорников П.М.* Почему не состоялась десантная операция на Босфоре? // *Русин.* № 2 (44). С. 93-110.
- [Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov A.A.* «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897 // *Bylye Gody.* 2011. № 3(21). Pp. 5-10.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Gordeev I.A., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 56. Is. 2: 807-819.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1 // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 404-412.
- [Polyakova et al., 2015](#) – *Polyakova L.G., Ageeva V.A., Balaniuk L.L.* The Evolution of Public Views of the Black Sea Province During the First World War 1 // *Bylye Gody.* 2015. 38(4): 1093-1104.

References

- [Chekmarev, 2019](#) – *Chekmarev, S.A.* (2019). Voennaya igra 1902 goda: Bosforskaya ekspeditsiya [The War game of 1902: the Bosphorus expedition]. *Voенно-istoricheskii zhurnal.* 8: 22-26. [in Russian]
- [Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov, A.A.* (2011). «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897. *Bylye Gody.* 3(21): 5-10.
- [Grebenshchikova, 2012](#) – *Grebenshchikova, G.A.* (2012). Bosforskie ekspeditsii Chernomorskogo flota pervoi poloviny XIX veka v planakh rossiiskogo rukovodstva [Bosphorus expeditions of the Black sea fleet of the first half of the XIX century in the plans of the Russian leadership]. *Klio.* 9(69): 62-78. [in Russian]
- [Grebenshchikova, 2018](#) – *Grebenshchikova, G.A.* (2018). Bosforskaya voенно-morskaya operatsiya. 1833 god [Bosphorus naval operation. 1833]. *Voенно-istoricheskii zhurnal.* 7: 44-51. [in Russian]
- [Ivitskaya, 2010](#) – *Ivitskaya, O.E.* (2010). Sevastopol'skii god v zhizni admirala A.V. Kolchaka [Sevastopol year in the life of Admiral A. V. Kolchak]. *Istoriya v podrobnostyakh.* 2: 68-75. [in Russian]
- [Kadyrbaev, 2018](#) – *Kadyrbaev, A.Sh.* (2018). Razvedyvatel'naya missiya E.V. Putyatina v prolyvakh Bosfor i Dardanelly v 1833 godu (po materialam rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva VMF) [Reconnaissance mission E.V. Putyatin in the Straits of Bosphorus and Dardanelles in 1833 (on materials of the Russian state archive of the Navy)]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN.* 17: 92-98. [in Russian]
- [Kotov, 2011](#) – *Kotov, B.S.* (2011). Tainaya bor'ba za chernomorskie prolyvy nakanune Pervoi mirovoi voiny [Secret struggle for the Black Sea Straits on the eve of the First World War]. *Vestnik arkhivista.* 3: 308-310. [in Russian]
- [Krest'yannikov, 2011](#) – *Krest'yannikov, V.V.* (2011). Podgotovka desantnoi operatsii na Bosfor v kontse XIX – nachale XX vv. [Preparation of the landing operation on the Bosphorus at the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Istoriya v podrobnostyakh.* 12(18): 70-75. [in Russian]
- [Myazgovskii, 1914](#) – *Myazgovskii, E.A.* (1914). Istoriya Chernomorskogo flota 1696–1912 gg. [The history of the Black sea fleet 1696–1912]. SPb. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Gordeev, I.A., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means). *Bylye Gody.* 56(2): 807-819.
- [Novikov, 1937](#) – *Novikov, N.* (1937). Operatsii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 gg. [Fleet operations against the coast on the Black sea in 1914–1917]. M. [in Russian]
- [RGA VMF](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voенно-morskogo flota [Russian state archive of the Navy].
- [Rukavishnikov, 2014](#) – *Rukavishnikov, E.N.* (2014). Ekspeditsiya Chernomorskogo flota na Bosfor v 1833 g. i ee posledstviya [The expedition of the Black sea fleet to the Bosphorus in 1833 and its consequences]. *Vestnik Akademii voennykh nauk.* 1(46): 172-176. [in Russian]
- [Shornikov, 2016](#) – *Shornikov, P.M.* (2016). Pochemu ne sostoyalas' desantnaya operatsiya na Bosfore? [Why didn't the landing operation on the Bosphorus take place?]. *Rusin.* 2(44): 93-110. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Gordeev I.A., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* (2020). The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means). *Bylye Gody.* Vol. 56. Is. 2: 807-819.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1. *Bylye Gody.* 16(1): 404-412.
- [Polyakova et al., 2015](#) – *Polyakova L.G., Ageeva V.A., Balaniuk L.L.* (2015). The Evolution of Public Views of the Black Sea Province During the First World War 1. *Bylye Gody.* 38(4): 1093-1104.

Планирование блокады Босфора силами Черноморского флота в 1916 г. Часть 2

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^c,
Владимир Александрович Свечников ^d, Светлана Владиславовна Петрова ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы планирования блокады Босфора силами Черноморского флота в кампании 1916 года Первой мировой войны. Особое внимание уделено расчетам элементов силы, а также соотношению турецкого и русского флотов.

В работе использованы документы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Ранее они не были опубликованы. Важное значение в статье имеет план блокады Босфора, который был подготовлен капитаном 2-го ранга Б. Тягиным 1 июля 1916 г. на Севастопольском рейде. В методологическом плане работа опирается на базовые принципы исторического исследования, а именно – объективности и достоверности. Большую роль играет проблемно-исторический метод, который позволил рассмотреть планирование блокады Босфора в контексте конкретно-исторической обстановки, сложившейся в 1916 г.

В заключении авторы отмечают, что при рассмотрении элементов силы планирования операции по блокаде Босфора предполагалось, что ее будет вести Черноморский флот в три смены. Блокаду должно было сопровождать заграждение Босфора против подводных и надводных судов, и ей должна была предшествовать серьезная тайная и судовая разведки, а также одновременно активные операции против подлодок по всему Черному морю и оборона берегов и флота от атак подлодок в портах и море. Помимо этого, необходимо было усилить и специализировать отряд заградителей. И последнее, необходим был во время блокады сильный и многочисленный отряд боевых гидросамолетов с бомбами.

Ключевые слова: блокада Босфора, Первая мировая война, Черноморский флот, 1916 г., планирование операции, элемент силы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: incfar.natolochnaya@gmail.com (О.В. Натолочная)